Н. Ф. ФЕДОРОВ

Н. Ф. ФЕДОРОВ • Сочинения •

ДОПОЛНЕНИЯ.
КОММЕНТАРИИ К т. 4

Н.Ф.ФЕДОРОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

ДОПОЛНЕНИЯ.
КОММЕНТАРИИ К ЧЕТВЕРТОМУ ТОМУ

Москва
«ТРАДИЦИЯ»

ББК 87.3 (2)
Ф 33

Редактор *И. И. Блауберг*
Художник *В. К. Кузнецов*

Составление и подготовка текста – *А. Г. Гачевой*
Комментарии *А. Г. Гачевой* при участии *С. Г. Семеновой*

Комментарии к разделу «Приложения»
«И. М. Ивакин. Воспоминания (фрагменты)» – *Т. Г. Никифоровой*

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
согласно проекту № 00-03-16071

Федоров Н. Ф.
Ф 33 Собрание сочинений: В 4-х тт. Дополнения. Комментарии к Т. IV.
М.: Традиция, 2000.

ББК 87.3 (2)

ISBN 5-89493-007-3

© «Традиция», 2000
© Составление и научная подготовка текста
А. Г. Гачевой, 2000
© Комментарии А. Г. Гачевой при участии
С. Г. Семеновой, 2000

ДОПОЛНЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ Н. Ф. ФЕДОРОВА

АСТРОНОМИЯ И АРХИТЕКТУРА[1]

Соединив все науки в астрономии, а такое соединение есть самое простое, внешнее, не ученое, а все искусства в архитектуре, мы не можем не задать, или, вернее, этим самым мы задаем вопрос, почему, если первая, т. е. астрономия, есть мирознание, почему вторая, т. е. архитектура, не есть мироздание, или мироуправление, почему архитектура не есть приложение знания, заключающегося в астрономии, а между тем таково должно быть отношение, отношение естественное, между знанием, т. е. наукою, и действием, т. е. искусством.

Замените в загадке сфинкса третью опору громоотводом, поднятым на аэростате до облаков, и тогда существо, которому достаточно трехаршинного надела земли, этою новосозданною им себе рукою будет касаться облаков и, извлекая из атмосферы грозовую силу, смирять бури, утишать ураганы, направлять ветры и распределять влагу между всеми полями по мере их надобности[2]. Америка в лице Франклина присутствовала при спуске первого аэростата Европою, но изобретателю громоотвода не пришло в голову воспользоваться этим орудием для извлечения дождя, хотя на вопрос: «К чему служит эта игрушка?» он и ответил: «А к чему служит только что родившийся ребенок?» Но прошло сто лет, а игрушка все еще остается игрушкою и ребенок не выходит из пелен; между тем тогда же, при самом рождении этого ребенка, представлялся случай обратить игрушку в великое орудие; но горожанин не понимал голода, и остался аэростат до сих пор игрушкою. Додумался до обращения аэростата с поднятым на нем громоотводом в орудие спасения от голода один из искренних славянофилов, но Германия в лице академика Фусса объявила бесполезным славянское изобретение[3].

Представьте теперь, что сила, посылаемая солнцем земле, которая ныне рассеивается в пространстве, проводится в землю, благодаря повсеместно устроенным громоотводам-аэростатам, этим орудиям обращения солнечной силы в земную, – представьте, что солнечная сила, проведенная в землю, изменяет плотность земли, ослабляет узы ее тяготения, дает, следовательно, возможность влиять на самый ход земли и делает земную планету электроходом; и вот существо, прежде только взиравшее на небо, становится пловцом в небесных пространствах, и человеческий род в совокупности делается кормчим, экипажем, прислугою земного корабля. Тогда не будет уже никакого сомнения в том, что не солнце, а земля движется, как для едущего в лодке нет сомнения, что движется лодка, а не берега; тогда и воинская повинность станет призывом не к войне, не к защите отечества, потому что отечество будет одно: воинская повинность станет призывом сынов к общему отеческому делу, для которого управление ходом земли и явлениями, на ней происходящими, есть лишь средство. Наука станет знанием земли как небесного тела и знанием других планет как земель, если верно Коперниканское предположение, что планеты суть такие же земли; а если это верно, то приложением науки будет управление ходом не земли только, но и планет, которые, следовательно, также могут быть движимы. Приложением науки будет также строение земли, обращение ее в храм, а планет – в новые обители.

Но переход в новые обители зависит не от одного лишь мироустройства, но и от устройства самих организмов, от телоустройства, от знания устройства и созидания тел наших и искусства управления ими. Тот же вопрос, вопрос об отношении мироустройства и мироуправления (архитектура) к мирознанию (астрономия) можно отнести и к устройству живых тел по отношению к науке познания жизни, т. е. к биологии. Можно задать вопрос: почему биология, если она – знание устройства тел, подверженных разрушению, и знание жизни живых существ, обреченных смерти, – почему биология не находит своего приложения в воссоздании разрушенных тел и искусство (скульптура, живопись) есть лишь замена разрушенных тел каменными, металлическими, трудно разрушимыми изображениями, а иногда и скудельными изображениями, непрочными, и почему делаются эти изображения далеко не всех, а лишь некоторых, причем скульптура и живопись являются лишь слабым приложением анатомии, полною неприложимостью физиологии и лишь мнимым приложением биологии, т. е. призраком только жизни; так что и сама биология, не находя надлежащего приложения, обращается из науки о жизни в науку о том, как живое существо постепенно умирает, приближается к смерти. Смерть, по верному определению, есть переход одного существа, или двух слившихся в одно, в третье – посредством рождения, т. е. возникновение новой жизни всегда связано с разрушением прежней; это есть проявление общего закона слепой силы, которая умеет создавать только разрушая; искусство же разумного существа должно состоять именно в возвращении разрушенного слепою силою, в исправлении того, что произвела слепая сила по бездействию разумной.

Если биологию рассматривать как часть астрономии, как это и следует, что мы и делаем, соединяя все науки, а следовательно и биологию, в астрономии, тогда только станет понятно, почему биология есть столько же наука о смерти, как и о жизни, ибо только рассматривая жизнь в связи с мироустройством, мы будем в состоянии открыть, почему жизнь сначала, как надо думать, будучи однодневною, потом однолетнею, стала многолетнею и при каких условиях, следовательно, она может продолжаться бесконечно, – вопрос необходимый для существа разумного. Вместе с тем для нас будет ясно и то, что в настоящее время, когда земля отделена от других миров непроходимыми пространствами, жизнь, вечно зиждущая, может проявляться лишь в смене поколений.

Но может ли биология быть названа астрономическою, небесною, вселенскою наукою, если жизнь *известна*, а вероятно и *есть*, лишь только на земле, на одном лишь небесном теле. Если, однако, биология – как знание – по объему, по месту, занимаемому предметом, подлежащим ее изучению, и незначительна, то биология как искусство оживления не знает границ ни по времени, ни по пространству. Земля, как кладбище, вмещает в себе столько поколений, сколько в пространстве вселенной есть миров, не управляемых разумом (миров же, управляемых разумом, мы совсем не знаем), и сколько есть таких миров, которые совсем не приспособлены к жизни; так что биология через оживление умерших на земле поколений может заселить, т. е. подчинить разумному управлению, все миры, и тогда жизнь будет на всех мирах и вселенная станет биологическою.

Оживленные и преображенные, из рожденных ставшие трудовыми, т. е. ставшие способными воссоздавать себя из элементарных веществ (которые небесная химия, химия спектрального анализа, находит во всей вселенной), сыны человеческие делаются способными к переходу на планеты, и на каждой планете повто-

ряют то, что было сделано на земле, – т. е. посредством громоотводов-аэростатов всю получаемую от солнца силу будут обращать в планетную и таким образом освобождать планету от уз тяготения, делать ее электроходом.

Н. Ф. ФЕДОРОВ – Е. С. НЕКРАСОВОЙ[4]

1.

6 апреля 1880. Москва

Написал к Вам, глубоко и искренно уважаемая Екатерина Степановна, до десятка писем – Вы можете видеть их, если пожелаете, – но послать не решился. Теперь же скажу то же самое в двух, трех словах, только примите их буквально, во всей силе их значения. Скажу прямо, что питаю к Вашей личности беспредельную, исключительную привязанность. Предан Вам всем сердцем, всею мыслею, всею душею. Во всем этом, надеюсь, Вы убедитесь, как только перемените гнев Ваш на милость, о чем я и умоляю Вас. Невыносимо больно мне видеть Вас недовольною, а еще больнее вовсе не видеть Вас.

Искренно преданный Вам

Николай Федоров.

Буду надеяться, что Вы не оставите письма моего без ответа[5].

6 апреля 1880.

2.

5 февраля 1903. Москва[6]

Глубокоуважаемая

Екатерина Степановна

Из письма г. Станкевича видно, что издание, требуемое Вами, можно видеть в Библиотеке Исторического Музея[7]. В Архиве М<инистерства> И<ностранных> Д<ел> его нет. Очень сожалею, что никак не мог достать самой книги.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Анне Степановне[8]. Желаю всяких благ.

Готовый к услугам и глубо<ко> уважающий

Н. Федоров.

5 февраля 1903 года.

3.

2 декабря 1903. Москва[9]

Глубокоуважаемая

Екатерина Степановна,

Сколько я помню, в письмах из Avenue Marigny, помещенных в «Современнике» [в] 1847 году, говорится о выезде Герцена из Москвы. «Мы расстались в Черных Грязях на *белом снегу*» – было сказано в первом письме[10]. Селенье «*Чер-*

ные Грязи» находится в 30 верстах от Москвы на Московско-Петербургском шоссе. Железная Московско-Петербургская [дорога] тогда еще не была окончена, а Варшавская еще и не начиналась.

Из Москвы в Петербург на почтовых можно было проехать в три дня. В письмах из Avenue Marigny, перепечатанных за границею под названием Писем из Франции и Италии (1855), кажется, говорится о тех трудностях, с которыми было сопряжено в то время получение заграничного паспорта[11]. Правила о заграничных паспортах находятся в 14-м томе Свода законов изд<ания> 1842, как ближайшего к 1846 году[12]. В уставе о беглых под статьями 406 и 409 делаются ссылки на особые узаконения о выдаче паспортов людям, состоящим под надзором полиции. Касаются ли эти узаконения Герцена, я не знаю.

В Архиве М<инистерства> Иност<ранных>Дел в Москве сведений о выдаче Герцену заграничного паспорта нет и дела, сданные в Московский Архив, кончаются 1830 годом. Если Вам будут нужны справки в Своде законов изд<ания> 1842 г. и Полное собрание законов[13], то эти издания имеются в нашем Архиве.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Анне Степановне.

Готовый к услугам

Н. Федоров

2 декабря 1903 г.

Достаточно ли будет Вам этих сведений?

4.

4 декабря 1903. Москва

4 декабря 1903

Глубокоуважаемая

Екатерина Степановна

В прилагаемом при сем «Указателе Материалов по Истории почт в России»[14], м<ожет> б<ыть>, найдутся нужные для Вас сведения. Лучше же всего посмотрите недавно изданное к столетию Учреждения Министерства сочинение под названием *«Министерство Внутренних Дел»* 1802–1902 год. В 3-ей части есть особый отдел *Почта* и телеграф. Отдел 1-й Почта (123 страницы в большой лист). Тут и формы подорожных, рисунки почтовых экипажей того времени, почтовых станций...[15] Свидетельствую мое глубочайшее почтение Анне Степановне.

Готовый к услугам

Н. Федоров.

Н. Ф. ФЕДОРОВ – С. П. БАРТЕНЕВУ[16]

Между 10 и 24 декабря 1895. Москва

В вашем, по внешности прозаическом, а внутренно глубоко поэтическом произведении я вычитал призыв и к людям светским, явно (открыто) отвергающим будущее «Царство мира и жизни», и к духовным, лицемерно признающим его, к военным, как будто явно немирным, и к гражданским, притворно лишь мирным. И наконец оно, ваше слово, по-светскому поэтическое, а по-духовному пророческое, могло быть обращено и к той власти, которая поставлена выше этих враж-

дебных сословий для их, конечно, примирения, поставлена Богом Триединым, как образом единодушия и согласия, Божеством, жизнь творящим и смерти не создавшим, поставлена в умерших отцов место над сынами блудными, забывшими и близких и дальних своих предков (в этом и заключается смысл таинства венчания на царство мира сего).

Не без основания я сознал, что в вашей прозе заключается не только поэзия, но и пророчество. Вы не читали сочинения, которое занимается и вопросом, во-первых, о причинах неродственных и небратских отношений между людьми и о средствах восстановления братства, во-вторых – о причинах неродственных отношений природы к нам и о средствах обратить природу, эту силу слепую, в орудие братства сынов[17], почувствовавших, наконец, во всей силе ту утрату, которую они понесли в смерти отцов. (Конечно, трудно представить, чтобы нынешнее поколение могло почувствовать такую скорбь.) Не читав этого сочинения, вы, однако, обращаетесь, во-первых, к миру взаимной вражды (небратских отношений), вычисляя его преступления из-за людской косности и невежества, и предсказываете ему конец. Во-вторых, обращаетесь к силе слепой, еще не управляемой разумом, и предсказываете (видите), что этот гнет не будет вечен. Пророчество есть даже ваш недостаток. Настанет (грядет) час, говорите вы, когда люди выполнят волю Бога (выполнят все вместе, в совокупности и многоединстве, в братстве по образцу, в Триедином Боге заключающемуся), Бога миротворящего, смерти не создавшего, ибо чем можно угодить и уподобиться Богу, не терпящему смерти, как не возвращением жизни тому, что погибло благодаря нашему невежеству, нашему бездействию или при нашем содействии. Но час не настанет, время не приблизится, если мы останемся неподвижны. Ничего не сделается, если мы останемся в бездействии. Предсказывать можно злое, конец мира, как следствие нашей розни. Доброе можно лишь делать, направлять. Потому-то нет и в Евангелии предсказания о том, что будет, если воля Божья будет исполнена.

Вы сами, конечно, понимаете невозможность предсказывать добро, и потому заменяете пророчество горячим призывом. Пора! Пора! – восклицаете вы. Пора, потому что средства земли истощаются, а населением она близка к переполнению, благодаря чему ценность жизни падает больше и больше*, вражда усиливается, а любовь иссякает. Не нужно верить тем, которые говорят, что война между цивилизованными [народами] невозможна (Соловьев)[18]. Нужно особенно бояться тех, которые, проклиная войну внешнюю, употребляют все усилия возбудить войну внутреннюю (Толстой)[19].

Тихий и мирный призыв Владимира Александровича[20] у вас заменяется бурным и шумным. Конечно, то и другое необходимо.

Созерцание дня желанного, дня светлого действует успокоительно и призыв производит тихий и мирный. Представление тех ужасов, которые обрушатся на человеческий род в том случае, если объединение не состоится, вызывает пышный и шумный призыв. Не [только] будущее, но и настоящее не может не вызвать бурного призыва: с одной стороны – мир закоренелого коснения, грубейшего невежества, взаимной злобы, а с другой стороны – тот же мир как громадная, опьяненная играми и забавами толпа, в постоянной бессмысленной борьбе за

* Земля как жилище человека, с одной стороны, становится тесна для живущих и заражена от множества в ней погребенных. Потому предсказания о гладах и морах исполнятся, если на призыв не будет ответа.

мануфактурные игрушки ослабляющая и истребляющая друг друга, отдает себя тупо, слепо в жертву бесчувственной, умерщвляющей силе природы.

Для пробуждения коснеющей толпы недостаточно церковного пения, камерной музыки. Автор бурного призыва находит, очевидно, недостаточным хоровое пение и камерную музыку. Он хочет соединить вместе храмовую музыку и полевую, военную, для пробуждения толпы и отвлечения ее от ребяческих забав, чтобы привести эту толпу к зрелому возрасту. Такая вот громоносная музыка должна разлиться по всему лицу земному, чтобы возвестить миру благую весть спасения, всемирного родственного объединения всех живущих для воскрешения всех умерших на всей земле как одном великом кладбище. Пасхальная полночь в московском Кремле есть лишь слабый намек на эту всемирную утреню светлого дня воскресения. Далее наш автор увлекается бурным стремлением и желает искру благовеста воскресения раздуть в такое пламя, которое охватит пожаром всю вселенную. Правда, автор думает сжечь мир косности, невежества, но эти грехи, как отрицательные величины и как ничто[21], гореть не могут, к горючим веществам не принадлежат. Слепая сила сама себя уничтожает, а разумное существо призвано спасти мир, обращая разрушение в воссоздание.

Строки о пожаре, так же как и о Царстве Божием, омываемом потоками воли, представляют собой выражения неточные.

Н. Ф. ФЕДОРОВ – Н. П. ПЕТЕРСОНУ[22]

Октябрь 1901. Москва
Черновое

Статьи старого семинариста (П. Ц.), сопровождаемые Вашим молчанием, получил и пришел от них в самое крайнее раздражение, и особенно от второй. Молчание же Ваше, как знак согласия с П. Ц. , меня нимало не возмутило и совсем не удивило. Вам, конечно, непонятно, как тяжело слышать насмешки над воскрешением и поругания Св. Троицы и не иметь ни малейшей возможности дать ответ на них этому ослу. Семинарист издевается над могуществом детской чистоты и кротости, возвращающей жизнь отцам, издевается над воскрешением как произведением детской чистоты. Не трудно отвечать, что для воскрешения всеоб<щего> нужно *кротость голубиную соединить с мудростью змеиною*, т. е. нынешнею зловредною наукою, конечно прикладною*, удовлетворяющею скорее похоти и зверству, индустриализму и милитаризму. Под влиянием же детского чувства, любви к родителям похоть рождения и зверства разрушения превращается в чистую радость *воссозидания* и *оживления*.

А каково слышать, когда нашему образцу объединения разумных существ для воскрешения семинарист дает такое подобие, которое ему противоположно. Кислород и азот – два безжизненные тела, хотя и рядом лежащие, но взаимно чуждые друг другу, составляя смесь, должны изображать сына и отца, их личности, а слияние этих тел, при коем они теряют свою особность (личность), изображает *единство*. Искра же, производящая это *уничтожение* личностей, есть подобие не злого, а святого духа![23] Истинное подобие Триединому может быть дано не со-

* Это, конечно, не значит, что чистая, т. е. бездушная, была бы лучше прикладной, зверско-скотской.

единением мужа и жены для рождения, а в соединении сынов и дочерей для воскрешения.

Только не имеющий ни малейшего понятия о символизме может называть символическим изображение *действительности*, которую мы открываем в любящей душе Сына Божия, живущей представлением Бога-Отца, находим это самое [представление] в самих себе. Вскрывая душу, мы показываем, чтó в ней есть, – это иконопись чисто историческая, иконопись внутренней Истории души, усвояющей христианство. Образ Софии – Премудрости Божией Киевского извода представляет такой же способ или прием изображения: Христос в лоне Богоматери. Предмет мысли Богоматери и есть Христос. Такое именно изображение и служило печатью Московских патриархов, как можно видеть в Титулярнике[24] (Успенский[25] обещал мне снимок). Такое же изображение Софии премудрости Божией на печатях Великого Новгорода. Это единственный способ изображения, которым Христианство выразило себя как Премудрость. Все храмы Софии, начиная от Константиновского, были лишь киотами этой иконы. В Константиновской «Софии» было 427 статуй. Грегоровиус[26] называет этот храм Музеем, а вернее – Пантеон. Парфенон из храма земной Мудрости, Афи<ны>, был, как полагают, превращен [в храм] Божественной Премудрости, Софии. Аввакум, впрочем, справедливо осуждал изображение на иконе Благовещения Богоматери с Сыном Божиим в недре, называя [Ее] чреватою. Изображение же в лоне Сына Божия, как и у всех сынов человеческих в сердце, Бога отцов есть изображение величайшей нравственной Мудрости (*Супраморализма*). В иконе-картине Первосвященнической Молитвы и изображен *Супраморализм.* Потому-то прежде следовало издать Супраморализм (его формулу) и два имморализма, а потом уже и Икону Пер<восвященнической> Молитвы[27].

К РАЗДЕЛУ «ПИСЬМА Н. Ф. ФЕДОРОВУ РАЗНЫХ ЛИЦ»

ПИСЬМО Н. Ф. ФЕДОРОВУ ОТ НЕУСТАНОВЛЕННОГО ЛИЦА
7 октября 1897

Многоуважаемый

Николай Федорович!

Когда я заходил к Вам в начале сентября, Вы между прочим говорили мне, что у заведывавшего рукописным отделением музея (Лебедева? не упомню фамилии, как Вы мне называли[1]) осталась коллекция книг, в наст<оящее> время продающаяся; что в ней находятся все отчеты Имп<ераторской> П<убличной> Библ<иотеки>[2] и разные другие. К сожалению, не мог я забежать к Вам в библиотеку, чтобы взглянуть на каталог*. Я был в Москве как раз на Покров (1-го октября).

Будьте так добры – уведомьте меня, есть ли в числе книг следующие:

Brunet. Manuel

(и какое издание, если есть, – 1844 или 1865?)

4-е 5-е и последнее[3].

Сопиков[4]. *Со страницей* о Радищеве.

Отчеты – все ли.

Сколько всех книг счетом (приблизительно) и какие из них более ценные. Все это, понятно, самым приблизительным образом, чтобы иметь хоть какое-нибудь понятие о составе. – Есть ли собрание летописей и вообще издания археограф<ической> комиссии, археолог<ических> обществ и т. д.

Вы говорили, что Уляницкий[5] дает за эти книги 300 р. (или 200, или 400 – не помню). Так как мне известно, что он знаток и любитель книг, то надо полагать, что есть что-нибудь интересное. Уляницкий, кажется, купил и собрание книг Н. Губерти[6], причем выручил часть затраченных денег продажей дублетов.

Интересуюсь узнать содержимое, не имея возможности склониться к какому-нибудь решению.

Прошу Вас извинить меня за беспокойство, Вам причиненное моим запросом. Зная Вашу бесконечную доброту, однако же, решаюсь на это.

При этом уместно будет спросить также, продаются ли в Москов<ском> Публ<ичном> Музее дублеты (и триплеты) книг, находящихся уже в библиотеке[7]. Мне говорил один книгопродавец, что у Вас есть целый амбар таких дублетов и что он один или два раза покупал кое-какие книги; что тот же Уляницкий купил там коллекцию целую.

На Рождество надеюсь приехать в Москву и тогда «беспременно» зайду в библиотеку, а теперь желаю Вам пребыть в полном благополучии до этого времени и после,

оставаясь искренне уважающим Вас

Н. Ко[подпись неразборчива].

1897 г. Окт<ября> 7[8].

---

* Оговорка: мне гораздо приятнее было бы несомненно взглянуть на Вас, чем на каталог, но это подразумевается само собою.

К РАЗДЕЛУ «ВОКРУГ ФЕДОРОВА»

Е. Ф. КОРШ – А. Е. ВИКТОРОВУ[1]

27 сентября 1874. Москва

Почтеннейший Алексей Егорович,

Когда рекомендованный Вами Н. Ф. Федоров явился ко мне, место дежурного было уже отдано Действит<ельному> студенту Воробьеву[2]; но Николай Федорович до того пришелся мне по душе, что я никак с ним не расстанусь и притяну его к Библиотеке, сначала хоть вольнотрудящимся. Когда я сказал ему об этом и упомянул с сожалением о том, что вольнотрудящийся получает менее дежурного, всего 300 р.[3], этот бессребреник изъявил полное свое удовольствие, даже радуясь тому, что будет работать сидя, а не на побегушках, как дежурный.

Примите уверение в чувствах глубокого почтения и совершенной преданности

Вашего покорнейшего слуги

Е. Корша.

27 сент<ября> 1874 г.

Д. П. ЛЕБЕДЕВ – А. Е. ВИКТОРОВУ[4]

10 июня 1881. Рязань

Многоуважаемый Алексей Егорович!

Так как скоро Вы делаетесь свободным человеком, то я и решился наконец написать Вам несколько строк о себе, хотя, как узник, освобожденный из Москвы благодаря Вам, я должен был бы сделать это гораздо ранее. Что делать? Эта-то именно причина и мешала мне писать. Я все более уразумеваю, как нехорошо поступил, согласившись так рано уехать, взваливши всю работу на Вас[5]. – В полученном братом моим Михаилом письме от Николая Федоровича[6] я увидел Вашу приписку. С письмом этим вышло недоразумение: писал его не я, хотя оно писано и по моему желанию; справиться о книгах меня просили уже тогда, когда брат мой (Михаил) уезжал из деревни, поэтому я его и просил написать Николаю Федоровичу письмо из Рязани, что он и исполнил, но учинил подлог, подписавшись моим именем. – Исполняя Ваше желание, пишу о себе, хотя сказать нового почти совершенно нечего. Доехавши благополучно в деревню, я накрепко уселся в ней и вот теперь оставил ее только в первый раз, чтобы попутешествовать по Пронскому уезду. Через несколько дней вернусь назад и вновь буду домоседом на неизвестное время. Занимаюсь делом относительно весьма мало. Я очень желал бы, чтобы Вы известили, как намереваетесь провести лето и не соберетесь ли побывать в Егольниках, о чем вместе со мною усерднейше просят Вас жена и теща[7], посылая Вам через меня свои поклоны и пожелания всего самого лучшего и сообщая, что с 15 июня будут ждать Вашего приезда ежедневно с утра до вечера. Лучше было бы, если бы Вы в таком случае заблаговременно (хоть за 2 дня) известили о дне приезда в Рязань: можно было бы выслать лошадей из деревни, хотя, конечно, и в Рязани брат найдет всегда лошадей или частных, или ямщичьих. Остаемся в надежде, что Вы не откажетесь исполнить нашей просьбы, если

ничто не помешает. – Николаю Федоровичу прошу Вас передать мой поклон; вероятно, теперь он, в ожидании каникул, не так сердит, как прежде. Не удастся ли Вам захватить его в Егольники? Это было бы очень хорошо. – Брат Иван просит передать Вам его поклон. Он будет ожидать Вас в Рязани. Пожелав еще раз Вам всего лучшего, остаюсь

Преданный Вам

Д. Лебедев.

Извините, что бестолково писано: 12 часов, спешу на вокзал.

Е. С. НЕКРАСОВА – А. Е. ВИКТОРОВУ[8]

26 сентября 1881. Москва

Многоуважаемый Алексей Егорович,

[...] Если Вам удастся увидать сегодня или завтра Николая Федоровича, то попросите его, пожалуйста, не может ли он разыскать «Медицин<ский> Вестник» за 1869–70 года с проектами Козлова «об образовании женщин по врачебной части», с его «записками по вопросу о высшем образовании женщин»[9]. Да, впрочем, название статей ему можно и не говорить, а просто попросить разыскать «Медицинский Вестник», начиная с 1864 года и далее – потому что я точно не знаю ни названия статей, ни года, когда Козлов помещал свои статьи.

В понедельник – если удастся – я зайду почитать в Румянцевский читальный зал, куда в последнее время я уже два раза приходила для просмотра газет за 70 года. – Читальный зал мне понравился[10], только одно нехорошо, что коврики разостланы только под столами, а там в проходах – пол голый, и потому шаги каждого входящего и проходящего нарушают тишину читальни. Хоть новая Ваша читальня и хороша, а все же ей далеко до Петер<бургской> Публичной[11]. [...]

Д. П. ЛЕБЕДЕВ – А. Е. ВИКТОРОВУ

24 декабря 1882. Москва[12]

Многоуважаемый

Алексей Егорович!

От себя и ото всего моего семейства поздравляю Вас с праздником и посылаю пожелания всего лучшего. Надеюсь, что Вы благополучно приехали в Петербург, весело проведете в нем время и благополучно же и здоровым вернетесь в Москву. Что до нас, то мы также решились, во что бы то ни стало, провести праздники весело. Новостей до сих пор никаких нет. Музей сегодня мы с Николаем Федоровичем закрыли официально: он – свою библиотеку до 30-го, а я – отделение рукописей до 2-го января или до приезда Кирпичникова[13], если он вернется ранее. Читатели ходили, но понемногу, и все старые; было бы, вероятно, более, если бы Музей открыть завтра, ибо сегодня за час до закрытия начали являться новые читатели. У Мурзакевича[14] я был в день Вашего отъезда, передал ему посылку и получил от него еще несколько поручений, которые исполняются что-то плохо. По возможности, постараюсь сделать все для его удовольствия. – Затем, кроме сообщенного, – ни в Музее, ни лично в моем семействе, ни в Москве во-

обще ничего нового, заслуживающего интереса. Поэтому, пожелав Вам еще раз веселия и достижения цели Вашей поездки в Петербург, [остаюсь до следующего письма, которое не замедлит явиться]

навсегда преданный Вам

Д. Лебедев.

1882 г.
Декабрь 24.

P. S. Поставленное в скобках [ ] не читайте: болтовня кругом мешает мне писать.

Д. П. ЛЕБЕДЕВ – А. Е. ВИКТОРОВУ

30 декабря 1882. Москва[15]

Многоуважаемый
Алексей Егорович!

Так как Вы получите это мое письмо уже не в том году, в котором оно писано, а в следующем, то позвольте Вас поздравить пока заблаговременно с наступившим новым 1883 годом, а что главное, – с канувшим в вечность 1882-м; вместе с поздравлением приношу Вам от всего моего семейства самые лучшие пожелания. – Николаю Федоровичу я еще не успел передать Вашего поклона, но исполню это завтра. Жалею, что он не может приписать Вам в настоящем письме, так как я спешу опустить его завтра возможно ранее, а Ваше получил сегодня уже поздно. Записную книгу отыскал: надеюсь, что та самая; сейчас заделаю ее и пораньше, до открытия Музея, завтра же отправлю к Вам.

[...] В Музее посетителей пока нет, кроме одного Николая Васильевича Калачева, занимающегося Беляевскими актами[16]; он говорит, что нашел что-то касающееся боярских приговоров. Кирпичников[17] заниматься в Музее пока не будет: спешит в Харьков; я встретил его у Федора Ивановича[18]. Последний совершенно здоров, а Людмила Яковлевна[19] все в том же положении, сидит так же, отвернувшись от света. Федор Иванович получил новые рисунки к Апокалипсису[20]. Это все его новости, которые он просил меня передать Вам вместе с его и Людмилы Яковлевны поклоном. Встретивши сегодня в Музее Юрия Дмитриевича[21], я получил от него также поручение передать Вам поклон его и его семейства и желание (также всех), чтобы Вы скорее вернулись. По его словам, он проводит праздник скучно. – Из прочих Музейских ходит в него пока один Николай Федорович. [...] Новостей у нас решительно никаких нет, даже сплетен мало. Морозы понемногу уменьшаются; сегодня уже только 15° среди дня. – Брат просит приписать Вам его поклон[22]. Затем пожелав Вам еще раз всего хорошего и успеха в поисках, остаюсь

преданный Вам

Д. Лебедев.

1882 года
Декабря 30,
вечер.
Сижу дома.

Д. П. ЛЕБЕДЕВ – А. Е. ВИКТОРОВУ

26 января 1883. Москва[23]

Многоуважаемый

Алексей Егорович!

Новостей, особенно стоющих описания, у нас так мало, что мне совестно было отнимать у Вас время на чтение моих писем: этим и объясняется, почему я так долго не писал Вам, хотя и обещался в последнем письме «описать все подробно»[24]. Этого подробного описания не будет и теперь по той простой причине, что нечего описывать. Настоящее письмо посылаю только для того, чтобы известить Вас, что в Музее все обстоит благополучно и все идет по-старому. В отделении рукописей читатели есть, но уже в обыкновенном количестве, так что управляться с ними легко. [...] Новостей вне Музея, кроме известного уже, вероятно, Вам радостного события в семействе Юрия Дмитриевича[25], нет более никаких. Самого же Юрия Дмитриевича выживают на время коронации из Кремля[26]; он уже ищет квартиру. – Исполняю затем приятные поручения передать Вам поклон от моего семейства, Юрия Дмитриевича и Николая Федоровича (который все собирается сам писать Вам), остаюсь

Преданный Вам

Д. Лебедев.

1883 года

Января 26!!

P. S. В субботу барон Бюлер[27] праздновал свой 10-летний юбилей; ему был поднесен служащими адрес (составленный ими же), которым он остался очень доволен, говоря только, что ему очень польстили.

Д. П. ЛЕБЕДЕВ – Е. С. НЕКРАСОВОЙ

21 января 1884. Москва[28]

Милостивая государыня

Екатерина Степановна!

В понедельник в 10 ч., в церкви при Музеях будет заупокойная литургия и панихида по Алексее Егоровиче[29]. – В случае, если ничто Вас не задержит, прошу Вас, а также и Анну Степановну[30] пожаловать помолиться за покойного, а также и известить, буде знаете кого-нибудь из знакомых Алексея Егоровича, о том, где быть панихиде.

Преданный Вам

Д. Лебедев.

1884

Января 21.

Суббота.

P. S. Был у Федора Ивановича[31] и слышал восторженные отзывы о Вашей новой статье[32].

Д. П. ЛЕБЕДЕВ – Ф. И. БУСЛАЕВУ

24 февраля 1884. Москва[33]

Многоуважаемый

Федор Иванович!

Сейчас, возвратясь от Вас, нашел у себя письмо Викторова, которое при сем прилагаю[34]. Слава Богу! Теперь завтра же утром начну действовать: закажу гроб, справлюсь обо всех подробностях на железной дороге и отправлю в Киев необходимые на расходы деньги.

Вот, с Божией помощью, преодолели наконец и последние затруднения; остаются мелочи, с которыми, авось, как-нибудь справимся. А Корш и Бушера – Господь с ними![35]

Ваш,

всегда глубоко уважающий Вас

Д. Лебедев.

1884 г.

февраль 24.

P. S. Уверен, что Вы, Людмила Яковлевна и Фаина Яковлевна[36] порадуетесь со мною и со всеми моими домашними. А для меня Ваше мнение об этом деле, да если присоединить сюда еще и мнение Николая Федоровича, – самое главное. Потому я и не боюсь действовать, хотя бы мнения целого света были против: за нас и сам Алексей Егорович!

Д. П. ЛЕБЕДЕВ – Е. С. НЕКРАСОВОЙ[37]

13 апреля 1884. Москва

Многоуважаемая

Екатерина Степановна!

Вчерашний день я отправился к Вам наудачу, почти не рассчитывая застать Вас дома, что и случилось. Собираясь все-таки побывать у Вас на днях вечером, я, однако, не могу пока назначить времени, когда удастся навестить Вас: кроме прочего меня все еще удерживает дома нездоровье. А видеться с Вами между тем было бы очень желательно. Не можете ли Вы письменно ответить мне на один вопрос? – Перевозка тела Алексея Егоровича – дело уже решенное: поедет за ним племянник покойного Петр Ив<анович> Викторов[38], которому я выслал уже и все необходимые на дорогу и расходы деньги. А собрано у нас пока только с небольшим 300 рублей, в редакции «Московских ведомостей». Мне помнится, Вы говорили, что и в редакции «Курьера» есть что-то. Я был там, но оказалось, что там вовсе не принимают деньги на этот предмет. Не перемешал ли я? Не о Русских ли Ведомостях Вы говорили? Ответьте мне, пожалуйста, если Вас не затруднит, в двух словах.

Прошу передать мой поклон Анне Степановне –

остаюсь уважающий Вас

Д. Лебедев.

1884 г. Апреля 13.

Д. П. ЛЕБЕДЕВ – Е. С. НЕКРАСОВОЙ[39]

25 апреля 1884. Москва

Многоуважаемая Екатерина Степановна!

Пишу Вам это письмо, не рассчитывая наверное, что Вы завтра будете в Музее. Тело Алексея Егоровича прибудет в четверг (26 апреля) на товарную станцию Казанской дороги, откуда в тот же день будет перевезено в Симонов монастырь. Заупокойная литургия, панихида и предание тела земле совершатся [в] воскресенье[40]. Начало литургии в 10 утра.

В надежде, что Вы и Анна Степановна не откажетесь помолиться о душе покойного, остаюсь преданный Вам Д. Лебедев.

1884 г.

апреля 25.

Д. П. ЛЕБЕДЕВ – Ф. И. БУСЛАЕВУ[41]

9–13 июля 1884. Егольники

Душевноуважаемый

Федор Иванович!

Хотя мы здесь, в Егольниках, живем и в XVII веке, но все-таки во второй его половине (вернее, в конце), и этому обстоятельству я обязан удовольствием узнать, что Вы все здоровы, а равно и приятною обязанностию благодарить Вас за более чем любезное письмо Ваше, которое, хотя и поздно, но попало к месту своего назначения. В Рязани оно получено своевременно (там вторая половина XVIII в.), а к нам дошло только 7-го. Поэтому, понятно, я не читал еще «Правит<ельственного> Вестника»[42] и отправляю за ним нарочного (вместе с этим письмом) в Рязань, в надежде узнать подробности пребывания Вашего в Петербурге.

Конечно, я знаю заранее, что пребыванием этим Вы будете довольны. А потом, авось, как-нибудь Вы и еще соберетесь сообщить о себе два-три слова.

Что же могу написать я Вам о себе? Поговорить хотелось бы с Вами, точнее, – послушать Вас, а что выскажешь в письме? О нашей жизни, кажется, и писать нечего: идет она, хотя и не скучно, но тихо, почти однообразно; для отдыха оно и лучше. Ездим по соседям, тоже живущим патриархально, иногда в Рязань, и более никуда; катаемся ежедневно вечером с Костей[43], а все остальное время тратим на самые мелкие обыденные заботы; на дело едва остается час-два вечером, когда уляжется Костя. По временам у нас гостит кто-нибудь. Николай Федорович еще не был; обещался заехать в конце июля с тем, чтобы ехать вместе со мною в Москву[44]. С ним, во время последнего пребывания моего в Москве, случилось несчастие: едва не отправился, подобно Алексею Егоровичу, на тот свет[45], и был бы там, случись с ним болезнь в его квартире, а не в моей. Едва поправился к отъезду[46] (и то благодаря своему крепкому, нетронутому здоровью); доехали с ним до Рязани, отдохнули там денек, а затем разъехались восвояси: он в Керенск, а я – в Егольники. Получил от него письмо[47]: добрался благополучно и теперь здоров.

Лето у нас нынешний год еще не начиналось: все холода, дожди, град и бури. Несмотря на это, мы, конечно, весь день на воздухе, т. е. или на открытом, или

под кровлею, на балконе. В саду по цветению ожидали Бог знает какого урожая, но оказался не Бог весть какой; ягоды все-таки понемногу начинаем есть.

Кое-что дельное у меня набралось спросить Вас, да отлагаю до личного в Москве свидания, в котором, надеюсь, Вы при всегдашней доброте Вашей мне не откажете. – Свидетельствуя затем Вам и Людмиле Яковлевне[48] глубочайшее почтение всего нашего семейства до Константина Дмитриевича (не Д*и*митриевича: пока еще без *и*) включительно и прося передать наш искренний привет Фаине Яковлевне[49], когда будете писать к ней, остаюсь

глубоко уважающий Вас

покорный слуга

Д. Лебедев.

с. Егольники.

1884 г. 10 июля.

Мой адрес: в Рязань, Д. П. Лебедеву, в Контору Старшего Нотариуса.

P. S. 13-го июля.

Только вот когда собрался отправить это письмо, начатое 9-го, оконченное 10-го и с припискою 13 июля: все семейные обстоятельства. Зато я теперь имею счастие объявить вам о новом Дмитрии Лебедеве (№ 2)[50], который, несомненно, будет уважать Вас не менее меня и которому постараюсь внушить глубочайшее почтение к своему наставнику.

Искренно Вас уважающий

Д. Лебедев-отец.

Жена и новорожденный пока, слава Богу, здоровы. Первая просит еще раз передать Вам и Людмиле Яковлевне ее искренний привет.

Через несколько дней, немного собравшись с мыслями, буду писать Вам вновь.

Д. П. ЛЕБЕДЕВ – Е. С. НЕКРАСОВОЙ

3–5 сентября 1884. Москва[51]

Душевно уважаемая

Екатерина Степановна!

Браните, но выслушайте! Конечно, получив Вашу брошюру[52] своевременно, я не замедлил бы тотчас же известить Вас и благодарить. Но надобно же было прийти ей как раз в тот день (28 августа), когда я уехал в деревню, конечно, на 2 праздничные дня, а потом... es ist eine alte Geschichte[53]... одним словом, получил я ее уже по приезде, т. е. только сегодня, и то вечером. Разумеется, в «Старине» я ее просмотрел уже прежде; а теперь буду читать вновь.

Первое впечатление, остающееся, впрочем, и до сих пор и навсегда, самое благоприятное; я видел Алексея Егоровича живого и в Музее, в занятиях и по окончании их, как видел его 2 года тому назад; я представлял его живым, по Вашему рассказу, дома, в разговорах с няней так же ясно, как будто бы присутствовал при самой сцене дележа приданого[54]. Замечательная наблюдательность, умение схватить даже мелкие черты и особенности характера и выражений Алексея Егоровича свидетельствуют не только о том, что Вы с любовью отнеслись к делу,

что тот, о котором Вы писали, – человек Вам близко и хорошо знакомый, изученный Вами; но также и о Вашем умении воспроизводить живые образы, рисовать портреты, лучше того нельзя, кажется, и желать; маленький этот очерк, по моему мнению (разделяемому, надеюсь, всеми, знавшими Алексея Егоровича), ей-Богу, верх совершенства. Извините за откровенность: по прочтении статьи (конец читал Ник<олай> Федорович), знаете ли, что я сказал? Я был в восторге и мог выразить его только (еще раз извиняюсь) словами: «вот, собаку съела». Христа ради извините за неуместность выражения: право, более сильного и подыскать тогда не мог. Спросите Н<иколая> Ф<едоровича>, сколько раз прерывал я чтение выражениями одобрения Вам? – А впрочем, конечно, есть места, которые я хотел бы немного изменить, но на всякого не угодишь. А вот что: Николай Федорович со мною вполне согласен; пойду завтра к Федору Ивановичу[55], узнаю его мнение и сообщу Вам. Уверен, что оно будет очень лестно [...]

Д. П. ЛЕБЕДЕВ – Е. С. НЕКРАСОВОЙ[56]

23 ноября 1884. Москва

Многоуважаемая
Екатерина Степановна!

Спешу благодарить Вас за присланные билеты от имени Николая Федоровича и Семена Осиповича, которым, право, не забуду передать их завтра[57]. Сам же буду всячески стараться быть [в] воскресенье в Обществе и с женою, для чего теперь уже совершил подлог, переправивши, с Вашего позволения, числа. Передайте мой поклон Анне Степановне. Надеюсь Вас слышать, а ее видеть [в] воскресенье.

Искренне Вам преданный
Д. Лебедев.

1884 г.
ноябрь 23

С. О. ДОЛГОВ – Е. С. НЕКРАСОВОЙ[58]

1892. Москва

Многоуважаемая
Екатерина Степановна!

Весьма благодарен Вам за присылку писем Дмитрия Петровича. Буду по возможности собирать их и соединим в одном №, как сделали с письмами А<лексея> Егоровича[59]. Николай Федорович благодарит Вас за память. На днях, если Вас не обеспокою, подговорю его и Марью Константиновну[60] послушать у Вас воспоминание о Д<митрии> П<етровиче>[61]. Мой низкий поклон многоуважаемой Анне Степановне

Готовый к услугам
С. Долгов.

Г. П. ГЕОРГИЕВСКИЙ – Е. С. НЕКРАСОВОЙ[62]

23 октября 1892. Москва

23 октября 1892 г. Румянцевский Музей

Многоуважаемая
Екатерина Степановна!

Семен Осипович[63], благодаря Бога, пришел и Вам кланяется. Тоже и Николай Федорович. Божественной комедии Данта нет налицо. Путешествий по Италии много, но позднейшее 1844 года.

Гюго и Бальзак посылаются.

С искренним уважением
Ваш покорный слуга
Григорий Георгиевский.

Сейчас Ник<олай> Ф<едорович> прислал Путешествие Цветаева[64], – прилагаю.

С. О. ДОЛГОВ – Е. С. НЕКРАСОВОЙ[65]

1896. Москва

Многоуважаемая
Екатерина Степановна!

Николай Федорович благодарит за память и посылает Вам добрые пожелания: он теперь опять занят картиной Матвеева[66]. Книжечку Забелина прилагаю при сем, а Рафаэля все нет как нет![67] Будьте здоровы и благополучны! С большим интересом читаю теперь письма И. С. Некрасова[68].

Ваш преданный С. Долгов.

Е. С. НЕКРАСОВА – С. О. ДОЛГОВУ[69]

17 декабря 1896. Москва

Многоуважаемый
Семен Осипович,

Усердно прошу Вас прислать несколько книжек; а именно:

1) La révolution française par Quinet. 2 томика.

2) La révolution française – par Michelet[70] – первый и второй тома.

3) Статью Евгении Тур о докторе Газе. И не знает ли Николай Федорович еще какой-нибудь книжки о том же Газе? (Статьи о нем Кони я знаю)[71].

Простите, что беспокою Вас.

Анна[72] и я шлем Вам и многоуважаемому Николаю Федоровичу приветы.

Многоуважающая Вас
Екат. Некрасова
17 дек<абря> 1896 г.

С. О. ДОЛГОВ – Е. С. НЕКРАСОВОЙ[73]
23 октября 1898. Москва

Многоуважаемая
Екатерина Степановна!

Николай Федорович свидетельствует Вам и Анне Степановне свое почтение. Возвращенные Вами книги: Тайны женск<их> монастырей и Nuova Antologia (6 кн.)[74] получены. Отправляем: 1) Стихотворения Полонского (5 ч.)[75], с просьбой просмотреть поскорее, так как по случаю смерти Полонского усилился спрос на его сочинения в читальном зале.

2) Гверацци – Беатриче Ченчи по-русски[76]

3) Роман Дюма сына[77].

Будьте здоровы, кланяюсь усердно Вам и многоуважаемой Анне Степановне. Надеюсь на днях навестить Вас

С. Долгов.
23 октября 1898 г.

С. С. СЛУЦКИЙ – С. О. ДОЛГОВУ[78]
6 февраля 1902. Москва

6 февр<аля> 1902

Дорогой Семен Осипович!

Николай Федорович посылает Вам на просмотр книжку Дмитриевского «Правосл<авное> паломничество на Запад», Киев 1897[79], где Вам может быть интересно примеч<ание> на стр<анице> 54, – и шлет поклоны Вам и Григорию Петровичу[80].

И я усердно кланяюсь
Ваш
С. Слуцкий.

P. S. Графиня[81] очень просит, чтоб собралось побольше членов в экстр<енное> распоряд<ительное> заседание в пятницу, где будут какие-то «два весьма важных дела для Общества».

С. А. БЕЛОКУРОВ – Е. С. НЕКРАСОВОЙ[82]
26 декабря 1903. Москва

Милостивая Государыня
Екатерина Степановна.

Сослуживцы Н<иколая> Ф<едоровича> по Архиву приняли участие в расходах по погребению его, а Архив приобрел место в Скорбященском монастыре. Что сделали и сделают музейцы – не знаю. Мы же в Архиве начинаем говорить о постановке памятника на его могиле[83].

О народной школе в Пензенской губернии он много говорил; русско-чувашская[84], точно сейчас названия не припомню, но если нужно, постараюсь узнать.

Ваш покорн<ый> слуга

Сергей Белокуров

26 декабря 1903 г.

В. А. КОЖЕВНИКОВ – Е. С. НЕКРАСОВОЙ[85]

15 марта 1904. Москва

Москва. 15 марта 1904.

Многоуважаемая

Екатерина Степановна!

Давно следовало мне поблагодарить Вас за Ваши добрые слова по поводу моих воспоминаний о незабвенном Николае Федоровиче. Исполняю это теперь, посылая Вам и 2-ю статью о нем[86]. Он не раз упоминал о Вас, а Ваша столь искренняя статья[87] о нем сделала для меня приятною обязанностью поделиться с Вами моими думами о нем. Отзыв Ваш ободряюще повлияет на мою посильную дальнейшую работу, которая не легка и по существу, и по внешнему свойству огромного рукописного матерьяла. Если бы Вы видели, в каком хаотическом состоянии эти тетрадки и листки!.. Приготовить их к печати будет чрезвычайно трудно, и хотя друзья покойного почему-то возлагают эту обязанность на меня, я считаю единственным человеком, которому эта задача по силам, Николая Павловича Петерсона (Члена Окружного Суда в Асхабаде), человека наиболее знавшего Николая Ф<едорови>ча и относящегося к его учению с истинным благоговением.

Что касается Вашего замечания о том, зачем мои статьи печатаются в «Русс<ком> Архиве», то причиною такого выбора во 1) просьба одного почитателя Николая Ф<едорови>ча – Юрия Петровича Бартенева, а во 2) я сильно сомневаюсь, чтобы убеждения Н<иколая> Ф<едорови>ча подошли ко вкусам большинства наших наиболее распространенных журналов. Я же решил соединить статьи в целую книжку, которая предназначается, конечно, не для продажи (что несоединимо с убеждениями Н<иколая> Ф<едорови>ча!), а для раздачи тем, кто его знал[88], и некоторым его не знавшим, которым следовало бы его знать, напр<имер>, нашим философам: от них, надеюсь, можно ожидать той независимости и смелости мысли, которая бесспорно необходима для непредубежденного рассмотрения его главных учений, способных показаться слишком головокружительными для мало привычных к абсолютной свободе философского мышления и рассуждения.

Н<иколая> Ф<едорови>ча я знал сначала как занимавшийся несколько лет (но не служивший) в Румян<цевской> Библиотеке, а затем нас сблизило не прекращавшееся до последних дней его домашнее знакомство; мне много лет подряд случалось писать его статьи под его диктовку; по воскресеньям он обыкновенно у нас обедал, причем это бывал его единственный обед за всю неделю. – Позволяю себе обратить Ваше внимание на приложенное ко 2-й статье письмо Достоевского с отзывом его и Владимира Соловьева о Н<иколае> Ф<едорови>че[89]; письмо это чрезвычайно важно во 1) как свидетельство о философской ценности учения

Н<иколая> Ф<едорови>ча, а во 2) для выяснения убеждений самого Достоевского и Вл. Соловьева, на которого «Великий Старец» несомненно глубоко повлиял невидимым для публики и критики образом.

С глубоким уважением

В. Кожевников.

Адрес: Калошин пер. (Арбат), д. Давыдова, Владимиру Александровичу Кожевникову.

С. П. БАРТЕНЕВ. ФРАГМЕНТЫ ДНЕВНИКА[90]

7 декабря 1894 г.[91]

Вчера поутру приходил в Румянцевский Музей почитать перед поездкой в Египет[92]. Н. Ф. сам заговорил, ибо Юша[93] говорил ему, что его идеалы считаю я за гордыню.

Н. Ф. (дрожа от волнения): Вот вы говорите, что гордыня. В чем же гордыня, когда это единственный смысл жизни, единственная нравственная полнота, без которой человек не отличается от животного.

Я: Да ведь то, что желательно, еще не значит, что возможно. Я верю, что человек может овладеть землею, но думать, что он может так овладеть миром, чтобы воскресить мертвых, это – не признавать границу его ума и силы, а он между тем ограничен.

Н. Ф. (перебивая): Почему же вы знаете, где граница его ума? Кто вам это сказал? Вот это скорее гордыня с вашей стороны – решать, что человек то-то может, а того-то нет.

Я: Я сознаю, что мы очень еще не развиты и даже представить теперь не можем, до чего дойдет могущество человека. Но есть предел. Пока самых простых вещей мы не понимаем.

Н. Ф.: Вот даже не понимаем второй заповеди и даже епископы ее не понимают, например, Харьковский Епископ Амвросий[94]. Вторая заповедь, говоря, что не сотвори себе бога из солнца, луны и т. п., т. е. природы, тем самым указывает, что не поклоняться им надо, а покорять их. А Амвросий увидал в желании про[из]водить искусственный дождь противобожественную затею. А вот вы говорите, что мы можем желать, но из того не следует, что нам удастся это сделать. Это не избавляет от необходимости стараться. Может быть, не удастся, но зная, что это единственное дело, осмысляющее жизнь человека, мы должны его делать.

Я: Но если нет веры в успех?

Он: Вот вы едете в Египет. Разве вы уверены, что будет успех? Когда вернетесь, вот будете знать уже наверно, а до тех пор должны делать все возможное. Где же гордыня? Стремиться к совершенству посредством смирения. Оно приводит к сознанию своей виновности (ибо мы своею жизнью убиваем ближних – оттого я говорю: нет умерших, есть убитые), которая приводит к раскаянию. А раскаяние выражается в том, что стремимся жить не для себя и не для других, а со всеми и для всех. Пока новое поколение поглощает старое, чтобы в свою очередь быть поглощенным. Возвратим же жизнь старому поколению, чтобы получить право не быть в свою очередь поглощенными.

На этом разговор прервался. [...]

10 сентября 1895 г. Был у Н. Ф. в Музее.

Я: Невозможность представить воскрешение всех умерших заключается для меня в том: если воскрешать всех, то где же предел? А мертворожденные, а выкидыши? Мы наконец дойдем до тех, которые не существовали, но могли бы существовать; всякое семя есть существо в возможности. Это такое количество, что места не может хватить.

Н. Ф.: Вот вы смущаетесь бесчисленностью. Вспомните о тех звездах, которые образуют туманные пятна, о тех, которые еще не образовались, но образуются. Можно ли их сосчитать? Вы согласны, что человек овладеет землею так, что будет ею управлять. Когда это будет, будет в мире первая звезда, управляемая разумом.

Я: Разум человеческий относителен.

Н. Ф.: Ну, хоть сознанием. Итак, будет планета, управляемая разумом. Населите все миры, чтобы вселенная была управляема разумом. Что ж вы беспокоитесь о том, что много людей. Можно думать, что немного миров, населенных разумными существами. Если верить в творение мира по Библии, это так. Это так, если думаете, что слепая сила сотворила мир. Трудно, чтоб сочетались много раз те условия, которые создали человека.

22 октября 1895 г.

Н. Ф.: Чтобы не разменяться на мелочи, следует задаться целью, одной целью, и всю жизнь работать над ней. Можно временно заняться и другим, но не бросать главного. Вот Гете всю жизнь писал *Фауста*.

Я: Вагнер двадцать лет писал *Нибелунги*. Как ничтожен человек, что самое малое дело поглотит всю жизнь.

Он: Если ничтожен человек, кто нарочно это сделал, что глаза у человека хуже, чем у других животных, у орла например... Зато человек достиг видеть то, чего ни одно животное не может видеть. Человек слабее льва, например, а может горы двигать. Один человек ничтожен, но вместе со всеми – нет. Это буддисты жалеют человека, ибо для них он ничтожен и потому – жалок. Христианин никогда не скажет, что человек жалок, ибо знает, что человек достигнет Бога.

Я: А не первородный это грех – надежда достигнуть Бога? «Будьте как Боги»[95].

Н. Ф.: Нет! Сказано: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный»[96]. Какая же это гордыня? Вот если хочешь достигнуть знания для себя одного – это гордыня: таков Фауст, Манфред. А если со всеми и для всех, то где же тут гордыня?

Я: В чем именно, думаете вы, заключался первородный грех?

Н. Ф.: Я склонен считать, в смене жизни деятельной на жизнь чувственную и т. д. (Конец разговора не записан.)

30 октября 1895 г.

Н. Ф.: Не все из нас отцы, но все сыны. Воскресив отцов, мы по отцам все братья. Цель живущих – общее объединение для исполнения долга по отношению к тем, кто нам отдали жизнь – возвратили эту жизнь, – но, в сущности, отдали ее, ибо рождая, разрушается организм родившего. (У человека это не так заметно, но все же так.) Общее воскрешение – высшая нравственность. Бессознательно люди всегда стремились выполнить это. По физической необходимости

кладя в землю отца, по нравственной сын ставит на могилу памятник, сначала столб, затем при развитии статую, изображающую того, кто похоронен. Он стремится воссоздать, обессмертить что может, хоть память, образ. Таинство Евхаристии в том и состоит, что материя – хлеб и вино – превращается в тело и кровь. Частицы хлеба называют именем умершего и превращают в тело. Жизнь, ее задача, чтоб питание обратить в создание, а рождение – в воскрешение.

Я: Искусство стремится закрепить те моменты, которые ценны. Только то и живо в искусстве, что возникло из желания (вдохновение, восторг минуты) увековечить, поделившись им таким образом со всеми. Если художник очарован образом, настроением минуты, и это чувство вызовет в нем звуки, картину, статую, дающие вечную жизнь моменту, тому восторгу, которым полна душа, – это творение живо. То же, которое не имеет почвы такой, – мертворожденное дитя.

Кожевников[97]: Учение христианское о воскресении, где некоторые будут страдать, отталкивает. Как же можно блаженствовать, если мой брат страдает? Что такое блаженство – основанное на созерцании своего преимущества перед тем, кто погиб и мучится.

Я: Все-таки православная церковь говорит, что задача жизни – лишь нравственное совершенство и что Бог сделает все, если человек, будучи свят, попросит Его. Воскресение – чудо рук Божиих. Поэтому воскрешение, творимое хотя по воле Божией руками человеческими, – ересь. Нам дано и приказано приобретать духовную силу.

Н. Ф.: Христос, воскреснув, с телом вознесся на небо. Христос дал пример. Люди, достигнув бессмертия и воскресив отцов, населят мир воскресшими, и те, стало быть, с телами вознесутся на небо. Тогда материя одухотворится и мир, слепая сила, будет управляема разумными существами, созданными любовью Бога и воскрешенными любовью человеков, Божьею волею, творимой людьми: «Да будет воля Твоя и на земле, как на небеси»[98].

Я: Неужели, ведя такую жизнь, вы не терпели лишений, страдания?

Н. Ф.: Да я себя никогда не насиловал. Мне совсем было нетрудно*.

Я.: Я сдерживаюсь, но страдаю, если не имею женщин. Неужели вы не страдали?

Он: Оставьте это.

Я: Я думаю, что вожделение кончается к сорока годам.

Он: (уходя в угол, покраснев, энергично) Никогда оно не кончается.

9 декабря 1895 г.

Н. Ф.: В русском переводе Ап. Павла: «Вера есть осуществление уповаемого»[99].

24 декабря 1895 г.

Прочел Н. Ф. отзыв Хомякова (7 декабря 1894)[100].

Он: Мы орудия воли Бога, а теперь противники – убивая. Разве гордыня возится в гнили? Вот гордыня – быть белоручками[101].

---

* Он спит на горбатом сундуке, всего пять часов. Остальное время работает. Питаясь чаем и черным хлебом, вкушает лишь раз в день. *(Примеч. С. П. Бартенева.)*

Г. П. Георгиевский

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О НИКОЛАЕ ФЕДОРОВИЧЕ[102]

(К 40 дню кончины)

I

С Николаем Федоровичем я познакомился в Румянцевском музее. Время нашего знакомства было для него, к сожалению, уже последнею третью его жизни, однако самою замечательною, достопамятною, как потому, что в эти годы окончательно сложился его высокий нравственный облик и окончательно созрело его глубочайшее миросозерцание, так и потому, что именно в Румянцевском Музее во всей силе сказалось его самоотверженное неподражаемое *служение* ближним всеми силами и способами его богато одаренной и христиански воспитанной природы.

Собственно говоря, в ряду Московского населения он был чиновником, но его цельная природа не проводила грани между частною жизнью и чиновничьею службой. Вся его жизнь и на квартире, и в Музее была сплошным и цельным проявлением его духовного склада, и потому я особенно настаиваю на характеристике его жизни как *служения,* из-за которого совсем не было видно ни личной жизни Николая Федоровича, ни службы его, понимаемых в обычном смысле.

Мало того, я скажу даже гораздо больше: ничего *обычного* ни в жизни, ни во взглядах Николая Федоровича не было. Так он был своеобразен во всем, так ничем не напоминал обыкновенных людей, что при встрече и знакомстве с ним поневоле становились в тупик люди особенно выдающиеся и особенно оригинальные. Николай Федорович поражал в этом отношении и всех простых смертных, и даже таких, например, оригиналов, как граф Л. Н. Толстой или В. С. Соловьев. Все в нем было свое, и ни в чем он не походил на рядовых смертных, начиная со внешности, продолжая привычками и приемами жизни и оканчивая мировоззрением.

Большинство знакомств с Николаем Федоровичем происходило на почве занятий в Румянцевском Музее. Каждый, серьезно занимавшийся в известной отрасли науки и пользовавшийся книжными богатствами Музея, неизбежно, в конце концов, обращался за помощью к Николаю Федоровичу. И надо сказать, что помощь эта приходила гораздо раньше, чем человек сознавал необходимость ее и необходимость личного знакомства с Николаем Федоровичем.

Обыкновенно дело происходило весьма просто. Изучая тот или другой научный вопрос, требуя чуть не ежедневно новых и новых книг, посетитель читального зала Музея начинал, к удивлению своему, замечать, что в кипе потребованных им книг чья-то благодетельная рука подкладывала еще две-три книги, которых он совсем не требовал, о существовании которых и не подозревал. А между тем содержание этих неожиданных книг прямо отвечало на поставленную им себе задачу.

При повторении этой приятной неожиданности каждый, естественно, заинтересовывался виновником подобных сюрпризов, и в ответ на свое любопытство неизменно слышал краткое и мало понятное для незнакомого человека заявление:

– Это вам прислал Николай Федорович...

Новые книжки освещали вопрос совсем с новых, часто неожиданных и непредвиденных сторон и точек зрения. Вопрос сам собою углублялся, изучение

затягивалось, требовались и присылались все новые и новые книги, и, наконец, совсем зарывшийся ученый неизменно получал приглашение:

– Вас просят к себе Николай Федорович...

Тут уж завязывалось личное знакомство с Николаем Федоровичем, с тем чтобы потом никогда не прерываться и служить постоянным и неисчерпаемым источником не только для всестороннего изучения тех или других специальных вопросов, но нередко для выработки и создания целого миросозерцания.

Для выяснения не для всех понятной возможности таких знакомств посетителей читального зала Румянцевского Музея необходимо сказать, что Николай Федорович служил в Музее дежурным чиновником при читальном зале, заведывавшим каталожной. Всякое требование на книги непременно передавалось ему в руки, и он назначал книги на каждое требование, а затем, убедившись, что к каждому требованию подысканы именно те книги, какие нужны, самолично отправлял их в читальный зал. Мимо Николая Федоровича не проходило ни одно требование на книги, и без его предварительного просмотра не выдавалась ни одна книга в читальный зал. Ему известно было каждое требование, но, разумеется, в число его обязанностей служебных вовсе не входило определение по этим требованиям вопроса, интересовавшего читателя, степени его подготовленности к занятиям этим вопросом и характера его осведомленности в нем, а тем более служба не обязывала его помогать, так как его об этой помощи не просили.

Николай Федорович по тем требованиям на новые книги, какие подают в читальном зале посетители, сразу узнавал серьезного работника, и тогда уже он заглазно всею душой привязывался к этому человеку и старался быть полезным ему, чем только мог.

А содействие его в этом отношении было беспримерно драгоценным. Он был прямо исключительным библиоманом и библиографом. Он знал как свои пять пальцев всю библиотеку Румянцевского музея, и очень часто для него было легче и скорее взять нужную книгу прямо с полки, чем отыскивать ее при помощи каталога.

Конечно, и время, и любовь к книжному делу помогают со временем освоиться и с огромными и богатыми библиотеками. Удивительны и совсем редки библиоманы, знающие *по корешкам и названиям* все книги обширных библиотек. Но едва ли какая-нибудь библиотека, кроме Румянцевского Музея, могла похвалиться исключительно честью иметь библиотекарем человека, знающего *содержание* своих книг. А Николай Федорович знал содержание книг Румянцевского музея, и это было прямо невероятным явлением. Если вы сказали ему свой вопрос или свою задачу, он мог буквально закидать вас печатным материалом. Если вы у него спрашивали несколько книг, он безошибочно определял предмет ваших изысканий, зная наперед во всех подробностях все содержимое каждой потребованной вами книги.

Удивительно было также то, что не было вопроса, который был бы для него нов и незнаком или который не был бы близок его сердцу. Буквально во всем он шел всегда впереди общепризнанных авторитетов и специалистов, и буквально не было вопроса, к которому, даже самому, на первый взгляд, маленькому, он не относился бы с таким же интересом и с такою же теплотой, как и к самым коренным основам знания и веры.

Насколько разнообразны были те области знания, в которых Николай Федорович руководил специалистов, это лучше всего видно из примеров.

Из лиц, близких *Московским Ведомостям*, я назову покойного В. Л. Величко и ныне здравствующего Черномора[103]. Величко был поражен богатством всяких познаний у Николая Федоровича по Востоку и восточным вопросам. История Востока была отлично известна ему во всех подробностях. Национальным особенностям многочисленных племен Востока он придавал особый глубокий смысл и всю историю их одухотворял возвышенными задачами не покорения и войны, а объединения и мира. Величко с восторгом слушал этого удивительного знатока восточных дел, любил проводить с ним длинные вечера и никогда не позволял себе проехать мимо Музея при своих частных поездках, особенно с Кавказа и на Кавказ.

Черномор – живой человек и сам может засвидетельствовать как огромные познания Николая Федоровича в специальной области морского и военного дела, так и своеобразность взглядов его в этой области, а также ту огромную пользу, какую он приносил всем серьезно занимающимся своим делом.

Если ко всему этому прибавить постоянную готовность Николая Федоровича отзываться по первому же зову, от кого бы он ни исходил, и сердечное его участие ко всякой просьбе и во всякой нужде, то станет совершенно понятным тот факт, что целыми днями он был завален работой для других и никому не отказывал ни в чем, если видел серьезную и действительную потребность. Если, например, в библиотеке не было просимой книги, он предлагал заменить ее несколькими другими однородного содержания. Но бывали и такие случаи, удовлетворительное разрешение которых было посильно только Николаю Федоровичу. Требовали, например, сочинение известного автора. По самым точным справкам оказывалось, что этот автор не выпускал в свет просимого сочинения. Оставался еще неразрешенным вопрос: если такое сочинение никогда не издавалось, то не было ли какой статьи? Но в каком журнале, в каком году?

Вот тут-то и был незаменим Николай Федорович. Для него не было затруднения сразу же определить, требуется отдельное ли издание или статья известного автора. И, конечно, каждую статью он безошибочно знал, в каком журнале и в каком году она была напечатана.

Это была прямо живая энциклопедия в самом лучшем значении этого слова, и, кажется, не было предела его памяти.

Помню, один церковный канонический вопрос требовалось в 1892 году подкрепить ссылками на современную практику. Николай Федорович не задумался и двух минут, чтоб указать на источник требуемых сведений.

– Посмотрите «Московские ведомости» 185... года; тогда Пасха была 2 апреля; в пасхальном нумере найдете распоряжение митрополита Филарета по интересующему Вас вопросу. А в «*Литовских Епархиальных Ведомостях*» № такой-то 189... года, по поводу местной практики, вопрос разрешен сравнительно-историческим методом очень удовлетворительно, можно сказать, всецело исчерпан.

В начале девятидесятых годов, я помню, ехала партия инженеров на изыскание Сибирского железного пути и, проезжая Москвою, заглянула в Румянцевский Музей, конечно, для очистки совести, а вовсе не уверенная в возможности найти здесь что-либо для себя новое и интересное. В подобных случаях, когда кто-нибудь обращался в библиотеку с просьбой указать книги, имеющиеся по известному вопросу, или за какими-нибудь советами при книжных занятиях, его неизменно направляли к Николаю Федоровичу. К нему же привели и инженеров.

После очень недолгого разговора инженеры услыхали название такого описания Сибири, о котором раньше и не подозревали. Взаимно заинтересованные, обе стороны стали выкладывать друг перед другом свои географические познания. Николай Федорович попросил показать предварительный проект их пути, который они везли с собою, и сразу заметил два упущения на карте: в одном месте неверно была показана высота горы, а в другом совсем пропущен был большой ручей. Инженеры хотя и неуверенно, но все-таки спорили и стояли за верность своей карты. Однако на возвратном пути, года через два, партия прислала одного своего сочлена к Николаю Федоровичу засвидетельствовать ему свое уважение и сказать ему, что он был безусловно прав.

II

Впервые увидя Николая Федоровича, нельзя было не подивиться скромности и даже убожеству его костюма. Он всегда одевался во все крайне ветхое. Его одежда не знала за собою никакого ухода. Очень долго он ходил в одном и том же стареньком летнем однобортном пальто, в конце концов оставшемся при одной пуговице на самом верху. На шее у него всегда был повязан черный платок. Такой роскоши, как жилет или крахмальная рубашка с галстухом, у него никогда не было. Ничего не имел он и для перемены. На голове он носил сначала большой суконный картуз с широким дном и длинным козырьком, а потом у него явилась драповая круглая шапочка. В холодную погоду он надевал драповое пальто, по-видимому, бывшее когда-то теплым и на вате, и резиновые калоши и закрывался нередко с головой стареньким пледом.

Тем не менее его наружность сразу же выдавала его добровольную и сознательную нищету.

Согбенная и изможденная старческая фигура его, среднего роста, с изогнувшимися коленами, увенчивалась открытым, выразительным, продолговатым лицом, обрамленным седою четырехугольною бородой. Большая голова с значительною лысиной украшалась длинными кудрявыми волосами. Особенно очаровательны были черные, блестящие глаза под большим открытым лбом. Совершенно правильные, без сомнения, когда-то красивые черты его лица и проницательные глаза носили на себе ясную печать ума, энергии и огромной силы воли. От всей фигуры его веяло сознательным, тяжелым подвижничеством, добровольно подъятым не ради оригинальности и известности, но ради самовоспитания, во имя высших задач и стремлений. И эта, всем ясная, печать высокого духа сразу же выбивалась из-под убогого покрова и увлекала каждого, заставляя забыть и не видеть того, на что никогда не смотрел и сам Николай Федорович.

В глазах Николая Федоровича не имели решительно никакой цены материальные приобретения и всякие внешние блага. Если по какой-то причине у него в кармане оказывались деньги, он положительно не знал, что с ними делать. Бранил их, называл проклятыми и рад был отделаться от них каким бы то ни было способом. Собственности он не признавал и не имел решительно никакой. Даже книги, которые дарили ему признательные авторы, он сейчас же раздавал другим. Нечего и говорить, что он не имел никакого имущества в форме запасов одежды, белья, кровати, сундука или чего-нибудь подобного. Он с полным правом мог сказать: omnia mea mecum porto[104].

Жизнь его слагалась весьма просто. В Музее он получал 33 рубля ежемесячного жалованья и из них 8 рублей в месяц тратил на себя: 5 рублей за угол и 3 рубля на харчи, то есть на чай с баранками. Отсюда же он выделял еще рубля полтора на библиотеку, из которой брал книги с собой на квартиру (не Румянцевскую, а какую-нибудь частную и платную). Остальные деньги он в тот же день, когда получал, раздавал без остатка своим пенсионерам, которых у него всегда было много и которые по двадцатым числам являлись за пенсией к нему в Музей. До другого дня у него уже ничего не оставалось, и если какой-нибудь бедняк опаздывал и приходил за пенсией 21 числа, ему жестоко доставалось от Николая Федоровича. Николай Федорович сердился на то, что могли думать, будто он бережет деньги.

– Где же я возьму денег? – говорил Николай Федорович. – Или вы думаете, что я берегу эту пакость?..

Однажды за помощью пришел к нему какой-то бедняк безо времени и, несмотря на отказ Николая Федоровича, все-таки всунул ему в руку какую-то записку, желая, по-видимому, этим решительным аргументом расположить его в свою пользу.

Каково же было изумление Николая Федоровича, когда он увидел, что эта записка была собственноручным письмом к нему графа Л. Н. Толстого, который просил Николая Федоровича дать что-нибудь на пропитание подателю письма!..

– Богатому барину нечего подать нищему!.. Вот она, великая ложь!..[105]

Квартирная «обстановка» Николая Федоровича не поддается описанию: у него «в углу» или «в комнате» *ничего* не было... Он спал на хозяйском сундуке ровно в аршин длиной, так что на его «постели» не помещалось даже туловище, а голову и ноги совсем было некуда девать. Само собою разумеется, что постель была голая, без подушки, без перинки, без одеяла... Как-то раз на сундучке у Николая Федоровича завелся «коврик».

Граф Л. Н. Толстой сейчас же заметил такую роскошь и не преминул похвалить квартирку:

– Вот как хорошо у вас, Николай Федорович: коврик...

– Чтó же коврик? Коврик хозяйский. Ведь я его снимаю за деньги...

Однако Николай Федорович вовсе не рисовался своею скромностью и всегда чрезвычайно не любил, когда ее замечали или на нее заглядывались. Он всегда отводил любопытствующие взоры в сторону более достойную внимания, или же просто не показывался. Покойный директор Музея В. А. Дашков очень хотел уже в последние свои годы посмотреть на Николая Федоровича.

Николай Федорович, заслышав отдаленный шум торжественного шествия по Музею чуть ли не всех чинов за своим директором, моментально исчез из каталожной и спрятался за книжными шкафами на галерее. В. А. Дашкову удалось только поздороваться и поговорить с Николаем Федоровичем, но видеть его не пришлось, так как не могли вызвать его из засады и заставить показаться хотя бы с высоты галереи.

То же самое Николай Федорович проделывал при всех торжественных случаях и посещениях Музея; он прятался за шкафами в двухэтажных библиотеках, давая, однако, вид, будто роется в книгах и разыскивает что-то, как это было и во время предыдущего случая.

Но те, кто беседовал с ним лицом к лицу, невольно заглядывались на его внешность. Однажды загляделся на костюм Николая Федоровича и граф

Л. Н. Толстой, сам пришедший уже в блузе и простых сапогах. Николай Федорович заволновался и спросил:

– Что вы так на меня смотрите? Или *перещеголять* хотите?..

Из-за этой внешности бывали и недоразумения, особенно в провинции, куда Николай Федорович уезжал каждое лето. Он имел чин коллежского асессора, и провинциальная полиция, обиженная табелью о рангах, не хотела верить, чтобы чиновник в этом ранге мог существовать в таком скромном виде, и подозревала в Николае Федоровиче самозванца. Требовалось разъяснение музейского начальства для успокоения излишней подозрительности[106].

В последние годы его жизни, когда он, по выходе в отставку в 1898 году, стал получать пенсию в 17 р. 50 коп. в месяц и плату по найму по 25 руб. в месяц[107], у него по нескольку дней стали задерживаться деньги, и он прямо не знал, что с ними делать: так много собиралось их сразу и сумма их так превышала его обычный расходный бюджет. Раздать их в один день, как бывало прежде, он уже не успевал. Деньги по дням лежали в кармане и даже по кончине его осталось семь рублей. И это очень огорчало Николая Федоровича. Лежа на смертном одре, он был озабочен их присутствием при нем. Но обычные расходы все были погашены, девать оставшуюся сумму было положительно некуда, и он, в сознании своего бессилия и неумения одолеть это зло, бранился:

– Остались, проклятые...

III

Как ни тяжел был подвиг добровольной нищеты, Николай Федорович нес его с удивительным благодушием и постоянством. Можно сказать, что он превозмог и одолел все плотские страсти и потребности, и был весь одухотворен. Поражала легкость в этом семидесятилетнем старце, с какою он переносил всю тяжесть своих трудов.

В Музей он неизменно приходил в 8 часов утра и оставался в нем до 5 ч. дня – и так круглый год. В продолжение этих девяти часов он не только не принимал никогда никакой пищи, но даже не давал себе покоя от естественной усталости: он все время был на ногах и никакие просьбы и усилия не могли заставить его присесть. В последние годы у него стали болеть ноги, открылись на них раны, но и при этом он ни разу не сел в Музее. Он позволял себе только в этот раз становиться на колена на стуле, который стоял у каталога. Копаясь в каталоге, он и становился на колена на этом стуле. Больших нежностей он себе не позволял: и все-таки он дожил до почтенного возраста, прожил больше восьми десятка лет[108] и скончался не от старчества и не от изнеможения, а от простуды, от воспаления легких.

Ведя такую подвижническую жизнь, он имел в виду исключительно служение ближним на своем специальном деле в Музее и был всегда весьма чувствителен к отношениям к нему начальников и окружающих. Разумеется, он не искал ни наград, ни похвал. Когда однажды В. А. Дашков предложил ему повышение по службе, он искренно обиделся, считая себя совершенно удовлетворенным своим настоящим положением. Дашков оправдывался своим уважением к Николаю Федоровичу и искренним желанием сделать ему приятное. Тогда Николай Федорович поймал его на слове и уже со своей стороны попросил повышения для одного

из служащих в Музее, на что этот последний никак не мог рассчитывать![109] И Дашков с удовольствием исполнил просьбу Николая Федоровича.

Но Николай Федорович желал, чтобы никто не мешал ему жить и служить по его собственному усмотрению, и малейшее препятствие, конечно, невольное, принимал как casus belli[110], как намек на то, что служба его стала ненужна.

Случалось, к сожалению, не раз, что к 8 часам утра, ко времени прихода Николая Федоровича в Музей, на дверях Музея еще висел замок. Молча и спокойно Николай Федорович поворачивал назад, покупал в лавочке лист белой бумаги и ко времени официального открытия Музея, в 10 часов, в канцелярии уже лежало его прошение об отставке. В таких случаях стоило больших усилий и со стороны сослуживцев, и со стороны почитателей Николая Федоровича разубедить его и заставить снова вернуться к своему делу. Лишь воочию убедившись в массе неудовлетворенных требований на книги из читального зала, за неумением разыскать их, он возвращался. Директора Музея также ценили Николая Федоровича и дорожили его службой. На одном прошении об отставке Николая Федоровича, еще в 1880 году, покойный В. А. Дашков написал:

«Попросить от меня Николая Федоровича не оставлять своей полезной службы при Музеях. Я всегда готов, по мере сил, ходатайствовать о вознаграждении г. Федорова»[111].

Разумеется, никакого особого вознаграждения ему не нужно было, и Николай Федорович просьбу от отставке заменил просьбой об отпуске. И на этом прошении Дашков написал:

«Согласен, хотя всегда усердная служба г. Федорова, соединенная с знанием дела, необходима в настоящее время; но, не желая останавливать поездку, я бы только просил скорее, по возможности, возвратиться»[112].

Разумеется, со временем обаяние Николая Федоровича все увеличивалось, и наилучшим признанием того, как все дорожили им, служит следующий случай.

Зимой голодного 1891–92 года Николай Федорович прочел в английских газетах известное письмо графа Л. Н. Толстого. Надо сказать, что Николай Федорович не придавал никакой цены новейшему творчеству графа и все его философские, нравственные и политические взгляды и сочинения считал ниже всякой критики. Всю толстовскую философию он метко назвал «неделанием» и убедительно развил все ее отрицательные стороны, за отсутствием хотя бы одной положительной, созидательной. Но письмо по поводу голода превысило меру его долготерпения. В этом письме он увидал не семена только страшной для него «розни», но и открытую ненависть, вражду, неправду, а это зло для него было уже нестерпимо. Вскоре в Музей пришел и сам граф. Николай Федорович, нечаянно столкнувшись с ним в коридоре, резко отказался от встречи и знакомства с ним, не подал руки и ушел от графа, не простившись. Граф на этот раз не послушался своей философии, обиделся и ходил жаловаться на Николая Федоровича к директору Дашкову[113]. Дашков хорошо понял всю соль жалобы проповедника «непротивления злу», и, разумеется, Николай Федорович не был наказан, а косвенно получил признательность за верную, более раннюю, оценку толстовской лж*и*.

Я подчеркиваю эту характеристику, так как она принадлежит самому Николаю Федоровичу. Николай Федорович называл графа «великим лжецом», который, всю жизнь прожив с женой и прижив тринадцать детей, пресытившись, начал проповедовать в духе «Крейцеровой сонаты»; который наживает огромные капиталы за

свои сочинения и пишет против богатства; который томит и изнуряет наборщиков, заставляя их набирать свои сочинения, и пишет против наемного труда и т. д.

IV

Мы подходим к самому главному, самому драгоценному в Николае Федоровиче, это – к его нравственному и философскому мировоззрению. По счастью, сохранились все его писания и находятся в надежных руках. Надо желать, чтобы они поскорее увидели свет, и не в пересказах и изложении, а в своем цельном и нетронутом виде. Поэтому подождем, когда заговорит, наконец, сам Николай Федорович.

Теперь же я считаю необходимым прежде всего установить, что он был истинно-русский и истинно-православный человек, свято чтивший всю совокупность церковного учения и быта, во всей их целости и неприкосновенности. Он дорожил в Православной церкви каждым ее обрядом и установлением так же, как и догматом, видя в них сокровенный смысл, отображение высокого ее учения.

Центром нравственной философии Николая Федоровича было учение о всеобщем братстве и о всеобщей и дружной борьбе со злом и со слепою силой природы. В этой борьбе получали у него высокий смысл и значение все учреждения человеческие. Он, например, признавал постоянное значение за военною силой и боевыми средствами, но, в конце концов, направлял их не для борьбы людей друг с другом, а для войны всех людей против общего врага – слепой силы природы. Об этом он давно и много писал и печатал. Но он ничего не печатал под своим именем, поручая свои мысли изложить кому-либо. Известны такие статьи его о произвольном управлении человека погодой при помощи пушек и мортир[114]. И что же мы видим? С девятидесятых годов начались и опыты в разных государствах с искусственно-вызываемым дождем, и опыты вполне успешные. И надо было видеть радость Николая Федоровича!

Идя далее, он приходил к убеждению об окончательной победе над злом и о всеобщем воскресении мертвых.

Глубина, ясность и логичность этой философии поражали Достоевского и Вл. С. Соловьева. Они с восторгом проводили целые часы за чтением писаний Николая Федоровича, называли его взгляды своими[115] и, в конце концов, оба испытали на себе сильнейшее влияние взглядов Николая Федоровича. Это будет ясно, когда собственные писания Николая Федоровича увидят свет.

Впрочем, необходимо оговорить, что Николай Федорович совсем не одобрял тяготения Соловьева к Риму, в котором он видел не братство, а рабство.

Всегда лелея мечты о борьбе со злом (в этом коренное противоречие учению о непротивлении злу) всеобщими братскими силами, о труде всеобщем на общую пользу, и в отдаленном будущем провидя братство народов, Николай Федорович никак не мечтал дожить до начала осуществления своих ожиданий.

И вдруг с высоты Русского Престола раздался манифест ко всем народам о всеобщем мире, о созвании в Гаагу всех народов на конференцию!..[116]

Можно представить, как, с одной стороны, торжествовал Николай Федорович, видя осуществление своих заветнейших желаний, а с другой – как горячо полюбил и как высоко ценил он Священную Особу Государя Императора!

Желая ознаменовать это великое событие соответственным способом, он мечтал создать в Румянцевском Музее памятник этого события. Он предлагал водру-

зить в зале Музея портрет Государя Императора над статуей мира работы Кановы. Портрет должен находиться над портретом канцлера и его деда и против статуи Задунайского героя[117]. В развитие своей мысли он составил программу и по этой программе предлагал написать особую статью. Вот мысли Николая Федоровича[118]:

«Портрет, поставленный над статуей мира, имея по сторонам деятелей мира, а перед собою военного деятеля, полководца, говорящего non solum armis[119], напоминает, или лучше сказать, говорит о таком мире, в котором нет и зародыша войны.

Нынешний мир чреват войной. Какой может быть мир, когда религия Востока владеет городом мира и городом соборов?[120]

Не нужно забывать, что семья Румянцевых, среди которой и над которою возвышается портрет, считала, по выражению бывшего библиотекаря Румянцевского или Московского Музея, своим семейным делом, семейным преданием *Восточный вопрос*[121], так обострившийся в наши дни.

Победитель при Ларге и Кагуле[122] с надеждой смотрит на Императора, у гробов предков ищущего совета* .

Много говорит и соединенный с Румянцевский Музеем Московский Музей, хотя и забывший, что Москва есть третий Рим, второй Царьград. Не мало говорит близкий, очень близкий, хотя и не соединенный еще (к ущербу всех занимающихся в них) с ним Архив Министерства Иностранных Дел, которое после циркуляра 12 августа могло бы называться Министерством Международного Дела[124].

Постановка портрета в такой многозначащей обстановке должна назваться *молчаливым адресом*, скромным, но много говорящим, можно сказать, за всю русскую и нерусскую землю. Этим адресом Музей исполнил бы общественный и служебный долг, требуемый манифестом. Не можем не спросить увлеченных чуждыми русской жизни началами, чтó лучше: равнодушие ли к вражде или печалование о всякой розни, то есть – неделание или Православие?»

Отсюда можно представить, как скорбел Николай Федорович о всяких беспорядках и особенно о современном положении университетского вопроса, которое он метко назвал «эмбриократией».

Но можно ли перечислить все разнообразие и глубину мыслей Николая Федоровича?

Они глубоки как море. Я набрасываю лишь то, что вспоминаю. Пусть же до конца моя памятка останется крупицами воспоминаний.

Совершенно естественно, что привлекательная личность Николая Федоровича вызывала вопрос: откуда взялся этот дивный старец и кто он такой?

В ответ на этот вопрос можно назвать его только Мелхиседеком, прошлое которого осталось загадкой[125]. Воспитывался Николай Федорович в Тамбовской гимназии и Ришельевском лицее в Одессе, откуда вышел в 1852 году. Дальше шла его учительская служба в городах: Липецке, Богородске, Угличе, Одоеве, Богородицке, Боровске, Подольске, откуда уволился от службы по прошению, по болезни, 23 апреля 1868 года[126]. Приблизительно с этого года началась его служба вместе с П. И. Бартеневым в Чертковской библиотеке в Москве[127]. Здесь началось и знакомство с Николаем Федоровичем представителей русского образованного общества. Отсюда же он перешел на службу в Румянцевский музей в 1874 году, где еще больше упрочилась его известность и слава.

---

* Эти мысли Николай Федорович писал во время Высочайшего приезда в Москву на Пасху[123].

Вот вся несложная история жизни Николая Федоровича. Всякие попытки приподнять завесу над его детством и юностию никогда не имели успеха. Лишь теперь, после кончины его, стало несомненным, что он москвич по происхождению...[128]

Более подробные сведения, по-видимому, можно будет установить и с несомненностью, и в скором времени.

Я заканчиваю свои воспоминания пожеланием, чтобы все знавшие Николая Федоровича внесли свою посильную работу в дело увековечения его памяти в истории русского просвещения умственного и нравственного, и чтоб его творения увидели свет непременно и исключительно из-под руки В. А. Кожевникова, которому покойный и завещал их и который долго стоял ближе всех к Николаю Федоровичу и к его учению. Он один только в состоянии соорудить достойный нерукотворный памятник Николаю Федоровичу.

Да исполнятся и на земле ожидания Николая Федоровича, как, мы веруем, уже исполнились для него его загробные упования.

КОММЕНТАРИИ К IV ТОМУ

Четвертый том «Собрания сочинений» Н. Ф. Федорова практически полностью, за исключением некоторых статей, заметок, писем, подготовлен на основе рукописных материалов. Его главные разделы: «Статьи и заметки о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве», «Асхабадская полемика», «Статьи и заметки разного содержания», «Письма». Практически все статьи и заметки, за редкими исключениями, относятся к 1890–1903 гг., письма – к 1873–1903 гг. Кроме того, в том включены материалы, дополняющие разделы «Статьи о разоружении и умиротворении» и «Библиотеки и музейно-библиотечное образование» (ТТ. II и III наст. изд.), а также обширное «Приложение», включающее материалы лиц из окружения Н. Ф. Федорова. Текстологические принципы подготовки статей и заметок изложены в преамбуле к комментарию к Т. III наст. изд., писем – в преамбуле к разделу «Письма».

Четвертый том «Собрания сочинений» Н. Ф. Федорова подводит итог десятилетней работы над современным научным изданием наследия мыслителя. Помимо всего корпуса ранее публиковавшихся сочинений, в собрание вошли фактически все разысканные к настоящему времени в московских архивах статьи, заметки и письма Федорова. Из бумаг Федорова, хранящихся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ), остаются неопубликованными лишь единичные черновые наброски – часть из них касается начала работы над «Супраморализмом» (перечень см. в примеч. 105 к «Статьям философского содержания из III тома "Философии общего дела"» – Т. III наст. изд., с. 682), другие в основном представляют собой краткие (в несколько фраз) конспекты прочитанных книг и статей, библиографические записи и т. д.). Несколько писем Федорова, обнаруженных в Российском Государственном архиве литературы и искусства (далее – РГАЛИ), также представлены в данном томе.

Следующим этапом работы над выявлением новых, неизвестных текстов, а также материалов к биографии мыслителя может стать, помимо исследования московских архивов, архивный поиск в тех городах России, в которых в разное время жил Федоров. Такой поиск в Шацке, Тамбове, Одессе в свое время был проведен В. С. Борисовым, который нашел свидетельство о крещении Н. Ф. Федорова (оно позволило уточнить год рождения мыслителя и имя его матери, считавшееся неизвестным), а также ряд других важных документов. В Воронеже архивный поиск проводился А. Н. Акиньшиным, разыскавшим, в частности, письмо Н. Ф. Федорова к художнику Л. Г. Соловьеву. Что касается обширного собрания материалов к неосуществленному прижизненному изданию сочинений Н. Ф. Федорова, обнаруженного И. А. Савкиным в Рукописном отделе Института русской литературы (далее – РО ИРЛИ), то с этим собранием предстоит отдельная исследовательская работа: сличение машинописных копий, сделанных при жизни Н. Ф. Федорова, с текстом посмертного издания I–II тт. «Философии общего дела», с газетными публикациями в газетах «Дон», «Асхабад» и др., с автографами статей и заметок, хранящихся в ОР РГБ, выявление тех статей и фрагментов, которые отсутствуют в московском архиве, и их публикация (в настоящем собрании по ксерокопиям, предоставленным И. А. Савкиным, опубликовано три статьи).

Поскольку работа над I–IV томами «Собрания сочинений» Н. Ф. Федорова велась в течение десяти лет, и не одновременно, а последовательно по томам, – круг исходных материалов постоянно расширялся от тома к тому, ясней становились некоторые страницы жизненной и творческой биографии мыслителя, появлялись новые подробности истории создания отдельных работ, уточнялся ряд данных комментария. Все это вызвало необходимость дать в итоговом томе свод уточнений и дополнений к «Собранию сочинений». Он помещен в конце тома вместе с перечнем замеченных опечаток. В итоговом томе «Собрания сочинений» представлено и несколько неучтенных и новонайденных текстов Н. Ф. Федорова, а также новые материалы лиц из окружения мыслителя.

При составлении комментария к «Собранию сочинений», особенно при комментировании рукописных статей, мелких заметок, писем, встала задача выявления круга чтения Н. Ф. Федорова. В этом направлении авторами комментария были сделаны лишь первые шаги, поскольку круг чтения мыслителя-энциклопедиста был необычайно широк, и эта тема еще ждет своего исследователя. По мере возможности был осуществлен выборочный про-

смотр журналов и газет, которые регулярно читал или мог читать Федоров: «Русская мысль», «Русское обозрение», «Русский вестник», «Вестник Европы», «Исторический вестник», «Русский архив», «Русская старина», «Новое время», «Русские ведомости», «Московские ведомости», «Русское слово», «Правительственный вестник», «Дон», «Асхабад» и т. д. (в основном за 1890–1903 гг., поскольку большинство статей и заметок II–IV тт. относятся именно к этим годам). Это дало возможность обнаружить целый ряд материалов, которые явились для Федорова толчком к разработке отдельных сюжетов статей, заметок, писем, и хотя бы отчасти восстановить тот общественно-политический и литературно-философский контекст, в котором рождалась его мысль. В комментариях некоторые редкие и труднодоступные материалы приводятся полностью или в извлечениях, в других случаях дается их резюме. Кроме того, конспективность и фрагментарность изложения, свойственная ряду черновых заметок мыслителя, вошедших в III–IV тт. наст. изд., в определенных случаев требовала содержательного комментария, при составлении которого мы, в частности, опирались на аналогичные суждения Федорова из его крупных работ.

Так же как во II–III томах, комментарии к IV тому в ряде случаев отсылают к комментариям к предыдущим томам «Собрания сочинений». При этом названия разделов приведены полностью, названия же некоторых работ даны в сокращении:

«Записка» – «Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства. (Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим)».

«Собор» – «Вопрос о восстановлении всемирного родства. Средства восстановления родства. Собор».

«Выставка» – «Выставка 1889 года, или наглядное изображение культуры, цивилизации и эксплуатации, юбилей столетнего господства среднего класса, буржуазии или городского сословия, и чем должна быть выставка последнего года XIX века или первого года XX, точнее же, выставка на рубеже этих двух веков; что XIX век завещает XX? (*К проекту юбилейной столетней выставки*)».

«Статьи о Л. Н. Толстом» – «Возможно ли братство? При каких условиях оно возможно и что для этого нужно (По поводу Л. Н. Толстого)», «Толстой и братское единение», «“Не-делание” ли или же отеческое и братское дело?»

«Музей» – «Музей, его смысл и назначение».

В сокращении также даются некоторые, наиболее часто цитируемые, издания и публикации:

В. С. Борисов. Адреса Н. Ф. Федорова – В. С. Борисов. Адреса Н. Ф. Федорова // Философия бессмертия и воскрешения. По материалам VII Федоровских чтений. Вып. 1. М., 1996, с. 251–255.

В. А. Кожевников. – В. А. Кожевников. Николай Федорович Федоров. Опыт изложения его учения по изданным и неизданным произведениям, переписке и личным беседам. Ч. 1., М., 1908.

Достоевский – Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Л., 1972–1990 (цифра курсивом после фамилии указывает том, следующая за ней цифра – страницу; аналогичным образом оформлены ссылки на Полн. собр. соч. В. С. Соловьева, Л. Н. Толстого, а также на собрание писем В. С. Соловьева).

Контекст 1988. – Из материалов к третьему тому «Философии общего дела» Н. Ф. Федорова // Контекст 1988. М., 1989, с. 278–351.

Соловьев – В. С. Соловьев. Собрание сочинений в 10-ти тт. СПб., 1911–1914; тт. 11–12, Брюссель, 1969–1970.

Соловьев. Письма – Письма Владимира Сергеевича Соловьева. Т. I–IV. СПб., 1908–1923.

Сочинения 1982. – Н. Ф. Федоров. Сочинения. М., 1982.

Сочинения 1994. – Н. Ф. Федоров. Сочинения. М., 1994.

Толстой – Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений в 90 тт. М.–Л., 1928–1964.

Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение – Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение (1894–1901): Статьи, письма, воспоминания, хроника пребывания в Воронеже (Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. А. Н. Акиньшина и О. Г. Ласунского). Воронеж, 1998.

Философия бессмертия и воскрешения – Философия бессмертия и воскрешения. По материалам VII Федоровских чтений. Вып. 1–2. М., 1996.

В комментарии к Т. IV наст. изд. часто упоминается работа Федорова «В защиту дела и знания, против автора “не-думания” и “не-делания”, или научил ли нас чему голод 1891

года?». Во II томе «Философии общего дела» она идет под другим названием – «“Неделание” ли или же отеческое и братское дело». Когда было изменено название работы: еще при жизни Н. Ф. Федорова или уже после его смерти, в процессе подготовки В. А. Кожевниковым и Н. П. Петерсоном II тома, мы не знаем. В Т. II наст. изд. статья печатается под вторым заглавием. При комментировании же Т. IV мы пользовались первым заглавием, которое активно применяли Н. Ф. Федоров и его ученики. Соответствие двух названий одной и той же работе в комментарии оговаривается лишь однажды – там, где прежнее название приводится впервые.

В последнем, дополнительном, томе издания помещены фотографии, связанные с жизнью и деятельностью Н. Ф. Федорова. Выражаем благодарность всем, кто содействовал нам в подборе иллюстративных материалов. Так, отдельные фотографии были переданы нам историком и искусствоведом В. С. Борисовым, автором экскурсионного проекта «Федоровские места в Москве». Ряд фотографий для тома предоставлен заслуженным деятелем культуры России, зав. Музеем истории Российской Государственной библиотеки Л. М. Коваль а также Государственной Третьяковской галереей (сотрудником галереи М. Г. Коурдаковой были обнаружены портреты деда Н. Ф. Федорова И. А. Гагарина и сводного брата философа А. П. Ленского).

Завершая работу над «Собранием сочинений», выражаем искреннюю благодарность Отделу рукописей Российской Государственной библиотеки, Архиву РГБ; издательству «Прогресс» и фонду «Традиция», осуществившим данный проект, Российскому гуманитарному научному фонду, финансировавшему издание, а также А. Н. Акиньшину, И. В. Борисовой, В. С. Гречаниновой, А. Б. Григорьеву, А. В. Знатнову, Л. М. Коваль, Д. А. и А. Д. Кожевниковым, А. П. Козыреву, Н. В. Котрелеву, Г. Б. Кремневу, О. Б. Муратовой, Т. Г. Никифоровой, И. А. Савкину, В. Г. Сукачу, Б. Н. Тихомирову, помогавшим нам архивными материалами, фактическими справками и ценными советами. Особую благодарность приносим редактору III–IV тт. И. И. Блауберг за всегдашнее внимание и помощь в работе.

СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ О Ф. М. ДОСТОЕВСКОМ, Л. Н. ТОЛСТОМ, В. С. СОЛОВЬЕВЕ

В раздел вошли статьи и заметки, посвященные идейным взаимоотношениям Н. Ф. Федорова с тремя крупными писателями-мыслителями, его современниками. В творческой биографии философа эти взаимоотношения занимали одно из важнейших мест. Само систематическое изложение идей «всеобщего дела», начатое в 1878 г. и вылившееся в конечном итоге в главный труд Федорова – «Вопрос о братстве, или родстве...», было стимулировано письмом Ф. М. Достоевского к Н. П. Петерсону от 24 марта 1878 г., и во многих статьях, включенных В. А. Кожевниковым и Н. П. Петерсоном в I–II тт. «Философии общего дела», не раз звучат имена всех троих (см., например, в I томе разделы работы «Супраморализм»: «Супраморализм, или объединение для воскрешения, в противоположность имморализму Толстого...» и «Супраморализм, или объединение для воскрешения путем знания и дела [...] *в противоположность мистицизму* вообще и мистицизму Достоевского и Соловьева – в особенности», а также статью «Проект соединения церквей»). Более того, многие статьи и заметки II тома «Философии общего дела» целиком посвящены В. С. Соловьеву и Л. Н. Толстому: «Бессмертие как привилегия сверхчеловеков (*По поводу статьи В. С. Соловьева о Лермонтове*)», «О двух нравственностях: тео-антропической и зоо-антропической (*По поводу книги В. С. Соловьева “Оправдание добра”*)», «Агатодицея (*Оправдание добра*) Соловьева и Теодицея (*Оправдание Бога*) Лейбница», «О философии В. С. Соловьева», «Возможно ли братство? При каких условиях оно возможно и что для этого нужно? (По поводу Л. Н. Толстого)», «Толстой и братское единение», «“Не-делание” ли или же отеческое и братское дело?» (все перечисленные выше статьи включены в тт. I–II наст. изд.).

Настоящий раздел дополняет указанные статьи. Он построен на основе материалов к III тому «Философии общего дела», отдельных рукописных заметок, не вошедших в число этих материалов, а также трех статей, опубликованных еще при жизни мыслителя. В начале раздела помещены несколько статей и заметок, объединенных темой публикации письма Ф. М. Достоевского к Н. П. Петерсону в воронежской газете «Дон», затем соот-

ветственно блоки статей о Л. Н. Толстом и В. С. Соловьеве. Поскольку заметки о Толстом и Соловьеве в большинстве случаев писались «по следам» новых их сочинений, то в данных блоках, за редким исключением, они расположены согласно хронологии создания и публикации оригинальных произведений Толстого и Соловьева. Такое расположение текстов дает возможность представить динамику отношения Федорова к их творчеству.

История знакомства Ф. М. Достоевского с идеями Н. Ф. Федорова, изложенная с учетом новых материалов, освещена в примеч. 12 к соответствующему разделу «Приложения». История идейно-творческих взаимоотношений Н. Ф. Федорова и Л. Н. Толстого – в примеч. 37, Н. Ф. Федорова и В. С. Соловьева – в примеч. 175.

[1] Ранее опубликовано: «Дон», 20 июля 1897, № 80; «Вселенское дело. Памяти Н. Ф. Федорова. 1903–1913». Вып. 1, Одесса, 1914, с. 24–30; *Контекст 1988*, с. 296–304; *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение,* с. 60–68 (далее на с. 68–71 воспроизведен текст письма Ф. М. Достоевского в том виде, в каком он появился на страницах газеты «Дон»).

Мысль о публикации письма Ф. М. Достоевского к Н. П. Петерсону от 24 марта 1878 г., написанного в ответ на присланное учеником Федорова изложение идей мыслителя, возникла у Н. Ф. Федорова летом 1897 г. Само письмо, которое Н. П. Петерсон 29 марта 1878 г. переслал мыслителю в Москву, впоследствии хранилось у Николая Павловича. В апреле 1896 г. Н. П. Петерсон, вероятно, по предварительному согласованию с Н. Ф. Федоровым, выслал оригинал письма В. А. Кожевникову, уточнив при этом, что просит оставить письмо до личного свидания «или же до благоприятного для опубликования времени» (письмо между 18 и 21 апреля 1896 г. – см.: Т. IV наст. изд., с. 604), а 4 мая коротко сообщил о том, что письмо осталось без ответа и почему это произошло (там же, с. 605). В начале октября В. А. Кожевников возвратил автограф Достоевского Н. П. Петерсону, а в ответ получил копию этого письма (см. письма Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 5 ноября 1896 и 11 марта 1897 – там же, с. 606).

В июне 1897 г., приехав на время отпуска к Н. П. Петерсону в Воронеж, Н. Ф. Федоров, наконец, решился обнародовать письмо с собственным предисловием к нему: «Как только я [...] взглянул на письмо Достоевского, уже 20 почти лет мною не виданное, тотчас решил сделать Достоевского провозвестником великого долга», – сообщал он позднее В. А. Кожевникову (письмо от 19 августа 1897 – там же, с. 318). Публикация письма, по его замыслу, должна была стать первым открытым обнаружением учения о воскрешении в печати. Во всех предыдущих статьях мыслителя, как в московских изданиях, так и в газете «Дон», посвященных темам сугубо конкретным, воскресительные идеи присутствовали как бы за кадром, скрывались в подтексте, сообщая текстам Федорова особое пророческое дыхание, перспективу и глубину, но не имея возможности заявить о себе «прямо и просто».

В предисловии, выполненном в форме письма к редактору, Федоров кратко излагал учение всеобщего дела, отталкиваясь от высказываний Достоевского из публикуемого письма. Идею «воскресенья прежде живших предков» (*Достоевский. 30(I)*, 14) подкреплял авторитетом великого писателя, фигуру же «мыслителя», построения которого Достоевский принял «как бы за свои» (там же, с. 13), сознательно затушевал. Поясняя избранный Федоровым прием, Н. П. Петерсон в письме к В. А. Кожевникову от 21 августа 1897 г. ссылался на традицию древней литературы, согласно которой «автор какого-либо произведения, которое казалось общенеобходимым, приписывал его какому-либо древнему известному мудрецу, писателю, чтобы обратить тем наибольшее внимание на произведение» (Т. IV наст. изд., с. 607).

Предисловие, датированное 11 июля 1897 г., по настоянию Н. Ф. Федорова было подписано Н. П. Петерсоном: последний поставил под ним буквы «Н. П.» – так же он подписывался и под другими своими и федоровскими публикациями. Само письмо Достоевского в публикации помещалось вслед за предисловием. Имя и отчество Н. П. Петерсона были убраны из текста; их заменили буквы «N. N.». Фамилия, имя и отчество В. С. Соловьева, полностью приведенные Достоевским, были заменены на «В. С. С.». Письмо печаталось с несколькими, впрочем, несущественными, купюрами.

24 июля (5 августа) 1897 г. в газете «Новое время» в рубрике «Среди газет и журналов» со ссылкой на публикацию в «Доне» был помещен пространный фрагмент письма Ф. М. Достоевского со слов «В изложении идей мыслителя самое существенное, без сомнения, есть – долг воскресенья прежде живших предков» до слов «я и Соловьев по крайней мере верим в воскресение реальное, буквальное, личное и в то, что оно сбудется на

земле» включительно – т. е. вся та часть письма, где речь шла собственно об учении всеобщего дела. В кратком вступительном слове, сопровождавшем перепечатку отрывка, указывалось, что письмо Ф. М. Достоевского имеет «известную цену для характеристики его религиозных убеждений», хотя само по себе оно «несколько туманно». Был сделан намек и на то, что под инициалами «В. С. С.» скрыто имя «известного философа».

В. А. Кожевников, который летом 1897 г. оканчивал работу над обширной монографией «Философия чувства и веры в ее отношениях к литературе и рационализму XVIII века и к критической философии», специально сослался на письмо Достоевского в финале своей книги, где речь шла о новых горизонтах, которые может открыть человечеству «всестороннее расширение знания», о необходимости противостояния «неразумным, стихийно действующим силам природы», о «сыновнем долге возвращения жизни отцам». При этом он подчеркнул, что письмо Достоевского, «относящееся к этому учению и вполне ему сочувствующее», «не только выставляет в совершенно новом свете религиозные и философские убеждения великого писателя, но и внушает желание, чтобы в скорейшем времени было издано изложение учения того мыслителя, о котором говорит Достоевский в своем письме» (В. А. Кожевников. Философия чувства и веры. М., 1897, с. 756).

Других печатных откликов на публикацию письма не последовало, что в немалой степени разочаровало Федорова. Осенью 1897 г. Н. П. Петерсон загорелся идеей перепечатать письмо Ф. М. Достоевского и предисловие к нему в «Воронежских епархиальных ведомостях», однако «публикация была остановлена на стадии верстки» (А. Акиньшин, О. Ласунский. В кругу священнослужителей // Воронежский епархиальный вестник, 1993, № 10–12, с. 16). Полностью письмо Ф. М. Достоевского было опубликовано уже после смерти Н. Ф. Федорова в журнале «Русский архив», 1904, № 3, с. 402–403 (об истории его публикации в этом журнале см. примеч. 108 к разделу «Приложения» «Вокруг Федорова»), а затем в качестве приложения к книге В. А. Кожевникова «Николай Федорович Федоров. Опыт изложения его учения по изданным и неизданным произведениям, переписке и личным беседам». М., 1908, с. 316–317.

В фонде Н. П. Петерсона сохранилось 3 экземпляра публикации в газете «Дон» письма Ф. М. Достоевского и предисловия к нему: ОР РГБ, ф. 657, к. 2, ед. хр. 2 (вырезка из газеты); к. 9, ед. хр. 57, лл. 4–8 об. (отдельные оттиски). Каждый из них содержит поправки и приписки, сделанные рукой Н. Ф. Федорова. В настоящем издании вся федоровская правка учтена, при этом дополнения к основному тексту (за исключением эпиграфов) вынесены в подстрочные примечания. – *5*.

[2] Данная приписка на одном из экземпляров предисловия была сделана уже после получения письма Н. А. Энгельгардта, которому Н. П. Петерсон в начале 1899 г., по согласованию с Федоровым, отправил публикацию в газете «Дон» (подробнее см. примеч. к письму 194 (преамбула)). – *5*.

[3] В публикации предисловия в газете «Дон» эпиграфы отсутствовали. Они были вписаны Н. Ф. Федоровым позднее в один из трех газетных экземпляров: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 57, л. 7. Первый из эпиграфов взят из проповеди митрополита Московского и Коломенского Филарета (см. примеч. 31 к «Супраморализму» – Т. I наст. изд., с. 511), произнесенной «в день празднования Пресв. Богородице в Страстном монастыре, июня 2 дня 1834 года» («Сочинения Филарета, Митрополита Московского и Коломенского. Слова и речи». Т. III. М., 1877, с. 260). Слова митрополита Филарета были произнесены в следующем контексте: «Человек, потеряв опыт первоначального чистого бытия своего и вселенной, потерял и понятие об оном. Как рыба, движущаяся в воде, не знает лучшей и более совершенной жизни, какою животные живут в воздухе, так бедная душа человеческая, погруженная в грубый и тленный стихийный мир и в нем живущая, как рыба в воде, не знает тонкой и нетленной жизни райской. Отсюда недоумения своемудрствующего разума о том, была ли подлинно такая жизнь и как она могла быть. [...] Разум рассчитывает, что если бы люди все рождались и ни один из них не умирал, то умножение людей сделалось бы наконец несообразным с пространством и способами земли обитаемой, и таким образом теснота вселенной требует смертности человеков, чтобы умирающие очищали место преизбыточествующему множеству рождающихся. Таковым мелочным счетчикам жизней мы можем сказать то же, что Господь сказал саддукеям, которые из законов брака вздумали было извлечь опровержение учения о жизни будущей: *прельщаетеся, не ведуще писания, ни силы Божией (Матф. XII, 29)*. Кто вам сказал, что земля была бы вечною темницею для человеческого бессмертия? И неужели вы думаете, что с земли на небо нет иной дороги, кроме той, которая лежит чрез гроб и могилу?

Неужели вы также думаете, что землю, и прежде ее проклятия в делах человека, так же как ныне, надлежало размерять десятинами на каждого человека, для его обитания и продовольствия? *Прельщаетеся, не ведуще*. Не растленный грехом человек несравненно менее зависел в жизни от произведений земли, нежели ныне; а земля, без его труда, несравненно щедрее была для него в своих произведениях, нежели ныне. Совершив на ней определенное поприще, он восходил бы на небо так легко, как в Иаковлевом видении лествицы, досязающей до небес, Ангели Божии восхождаху и нисхождаху по ней (Быт. XXVIII, 12). Возможность сего перехода в Енохе и в Илии отчасти нам показана. Не опасайтесь! Нетленная жизнь безгрешного человека рассчитана была Провидением лучше, нежели вами ныне» («Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Слова и речи». Т. III, с. 259–260).

Среди бумаг Н. Ф. Федорова сохранился листок с записью другого источника этой цитаты (ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 15, л. 1): «Сборник, изданный Обществом любителей духовного просвещения по случаю празднования столетнего юбилея со дня рождения (1782–1882) Филарета, митрополита Московского», Т. II. М., 1883. В сборнике была напечатана статья «Митрополит Филарет как обличитель вольномыслия», автор которой, архимандрит Иосиф, перечисляя противобогословские суждения, ставшие объектом критики митр. Филарета, среди прочих указывал на отвержение «телесного бессмертия, обещанного нашим прародителям», как якобы несовместного «с теснотою земного шара», и в качестве иллюстрации приводил пространную выдержку из «Слова» (с. 212).

Приведенные Н. Ф. Федоровым слова митр. Филарета очень им ценились, и он повторял их и в других своих статьях.

Второй эпиграф взят из «Слова по освящении храма Св. Архистратига Михаила, при открытии 2-го Михайловского кадетского корпуса», произнесенного 6 декабря 1849 г. («Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Слова и речи», Т. V. М., 1885, с. 48). Эту же цитату Н. Ф. Федоров позднее воспроизвел в «Беседе в храме кадетского корпуса...» (Т. IV наст. изд., с. 186). – *5*.

[4] В публикации предисловия к изданию письма Ф. М. Достоевского в сборнике «Вселенское дело» помещена следующая приписка Н. Ф. Федорова, сделанная на экземпляре газеты «Дон» и относящаяся к этому месту: «См. “Бесцельный труд, не-делание и Дело”, где ясно раскрыты – бесцельность наших трудов и пустота не-делания, дело указано в стихотворении: “Жить или не жить”, т. е. жить, если можно оживить» («Вселенское дело». Вып. 1. Одесса, 1914, с. 24). Экземпляр газеты с данной припиской в фонде Н. П. Петерсона не сохранился. *«Бесцельный труд, “не-делание” или дело?»* – брошюра В. А. Кожевникова (см. примеч. 40 к «Статьям о Л. Н. Толстом» – Т. II наст. изд., с. 491). Текст стихотворения В. А. Кожевникова *«Жить или не жить?»* см. в Т. IV наст. изд., с. 567–568. – *5*.

[5] *Достоевский. 30(I)*, 14. См. также примеч. 137 к «Статьям философского и эстетического содержания из III тома “Философии общего дела”» – Т. III наст. изд., с. 685–686. – *5*.

[6] Пьер Поль *Леруа-Болье* (1843–1916) – французский экономист, представитель «либеральной школы» французской политической экономии; в ряде работ обосновывал преимущества колониализма: см. его «De la colonisation chez les peuples modernes», 1874 («О колонизации у современных народов»), «Les Grandes Companies de colonisation», 1896 («Великие кампании колонизации») и др. – *6*.

[7] См. примеч. 1 к «Супраморализму» – Т. I наст. изд., с. 509. – *6*.

[8] Василий Порфирьевич *Вахтеров* (1853–1924) – педагог, деятель народного образования, активный сторонник введения в Российской империи всеобщего начального обучения. Федоров имеет в виду мнение, высказанное им в статье «Всеобщее обучение в малонаселенных местностях и школьная сеть»: «Холерные и чумные бунты, еврейские погромы, распространение таких изуверских сект, как скопчество, [...] целый ряд преступлений, возможных только на почве невежества и суеверия, – все эти ужасающие неурядицы местной жизни неотразимо доказывают необходимость самых широких мероприятий по введению всеобщего начального образования, воочию убеждают, что дело просвещения темного населения – неотложное дело» («Русская мысль», 1897, кн. 1, с. 2). – *7*.

[9] Статья Н. Ф. Федорова и И. А. Борисова – см. ее в Т. III наст. изд., с. 125–127. – *7*.

[10] Автор предисловия сам Федоров – см.: Т. III наст. изд., с. 46–50. – *7*.

[11] Черновой текст статьи «Чем должна быть народная школа?», посланный Н. П. Петерсоном Ф. М. Достоевскому, см. в Т. IV наст. изд., с. 506–513. Об отклике Ф. М. Достоевского см. в примеч. 12 к разделу «Приложения» «Материалы к истории знакомства Ф. М. Достоевского с идеями Н. Ф. Федорова». – *7*.

[12] Речь идет о статье «Военные заметки» («Новое время», 25 июня (7 июля)1897, № 7659), появившейся за подписью «А. Б.» (ее автор, А. Н. Маслов, спустя полтора года откликнется на статью Н. Ф. Федорова «Разоружение» – см. примеч. 7 к письму 190) и представлявшей собой разбор статьи Михаила Ивановича *Драгомирова* (1830–1905), военного и государственного деятеля, историка, генерала от инфантерии, «Наполеон и Веллингтон». По ходу статьи автор «Военных заметок» коснулся взглядов Драгомирова на смысл войны, его «убеждения в законности войны» и в этой связи упомянул полемику, разгоревшуюся по этому вопросу несколько ранее в журнале «Разведчик». «М. И. Драгомиров, – пояснял "А. Б.", – считает, что устранение войны немыслимо, ибо "это противно закону природы – *разрушая созидать,* – и что мир наступит разве тогда, когда человечество изживет все свое содержание, т. е. умрет"». На замечание «Антимилитариста» (оппонента Драгомирова. – *Сост.*), что «делом войны управляет не природа, а человек с его свободной волей», генерал возражает, что противопоставление человечества природе неправильно. «Разве он не создание той же природы? И следовательно, разве он может стать выше какого-либо из ее законов?» «Были, есть и будут цели, – говорит он далее, – которых иначе, как путем войны, достигнуть нельзя... Нарождение чего бы то ни было нового несет смерть старому, которое добровольно от жизни не отказывается; результат – борьба, тем более кровавая, беспощадная, чем резче новое расходится со старым...». – *8*.

[13] Этот эпизод был приведен в статье С. Д. Чистякова «Заметка по поводу истории нашей армии. Русский солдат в дни народных бедствий» («Русский инвалид», 23 апреля 1896, № 91), написанной по внушению Н. Ф. Федорова (см. письмо С. Д. Чистякова к Н. Ф. Федорову в Т. IV наст. изд., с. 638, а также примеч. 42 к разделу «Приложения» «Письма Н. Ф. Федорову разных лиц»). – *8*.

[14] Федоров цитирует заметку С. Д. Чистякова (см. примеч. 13). – *9*.

[15] См. выше примеч. 12. – *9*.

[16] См. примеч. 1[а] к I части «Записки» – Т. I наст. изд., с. 468. – *10*.

[17] Статья «В. Н. Каразин и господство над природою» была написана Ю. П. Бартеневым (см. примеч. 3 к письму 97) под руководством Н. Ф. Федорова и по его мыслям. При этом вступительная часть статьи (именно на нее и ссылается здесь мыслитель), в которой проводилась идея регуляции природы, была написана самим Федоровым и только доработана и отредактирована Бартеневым. Как следует из письма Н. Ф. Федорова Н. П. Петерсону от 8 июня 1892 г., и начало, и окончание статьи в процессе подготовки текста к печати были «урезаны» (сделано это было или самим Ю. П. Бартеневым из соображений цензуры, или его отцом П. И. Бартеневым). Другая статья – «Об управлении силами природы» – была составлена Н. П. Петерсоном на основании статьи «В. Н. Каразин и господство над природою». Она в сокращенном виде приводила данные о проектах В. Н. Каразина и их судьбе в царствование Александра I, а в заключение почти целиком воспроизводила вступление к статье «Русского архива». Впоследствии Н. П. Петерсон включил статью «Об управлении силами природы» во II т. «Философии общего дела» под заглавием «Каразин, как метеороург, а не метеоролог» – см. ее в Т. II наст. изд., с. 260–264; текст, взятый из вступления к статье «В. Н. Каразин и господство над природою», см. на с. 263–264 со слов «В древности сознание значения этой зависимости выразилось в мифе о Сфинксе...» до конца. – *10*.

[18] См. примеч. 292 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 634. – *10*.

[19] болтовня (*франц*.). – *10*.

[20] Мнение Д. И. Менделеева о возможности вызывания дождя с использованием взрывчатых веществ Н. Ф. Федоров впоследствии привел в статье «Разоружение» (см. Т. II наст. изд., с. 269). – *10*.

[21] «Русский архив», 1892, № 5, с. 76. – *11*.

[22] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 63, л. 1 об. Заметка написана на том же листе, что и текст «Пасха» (см. в Т. III наст. изд., с. 317). О перепечатке фрагмента письма Ф. М. Достоевского в газете «Новое время» см. примеч. 1. – *11*.

[23] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 57, л. 3.

Данный текст, по всей вероятности, представляет собой часть вступления к предполагавшейся републикации письма Ф. М. Достоевского и предисловия Н. Ф. Федорова к нему в «Воронежских епархиальных ведомостях». Инициатива републикации принадлежала Н. П. Петерсону, причем действовать он решил через вновь назначенного викария Воронежской епархии Иосифа, епископа Острогожского (в миру Н. А. Соколова). В письме к последнему от 19 ноября 1897 г. Федоров скептически оценил эту попытку: «Вы желаете войти в сношение с новым епископом, напрашиваясь на новую неприятность, для того

только, чтобы он перепечатал письмо Достоевского с приложением к нему, но простая перепечатка без новых разъяснений *совершенно бесполезна»* (Т. IV наст. изд., с. 321). Замечание Н. Ф. Федорова отчасти подействовало на Н. П. Петерсона, убедив его в необходимости еще одной вступительной статьи к публикации письма. Новая вступительная статья, по нашему предположению, либо была совместной, либо составлялась Н. П. Петерсоном с опорой на тексты Н. Ф. Федорова и была послана ему на редакцию.

Текст предполагавшейся публикации – по крайней мере, нового предисловия – был набран (в архиве Н. П. Петерсона сохранился первый лист корректуры, на котором рукой Н. Ф. Федорова приписано окончание последней фразы, остальные листы не сохранились), однако цензура остановила публикацию.

В настоящем издании сохранившееся начало вступления печатается по верстке: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 57, л. 3. – *12.*

[24] Данный эпиграф, вероятно, первоначально появился именно в этом тексте и уже затем был перенесен Федоровым в оттиск предисловия к изданию письма Достоевского (см. примеч. 3). – *12.*

[25] Слова *а прихоти, досужества, хотя и могли бы быть употреблены на дело* вписаны Н. Ф. Федоровым на полях корректуры. – *12.*

[26] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 28 (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 259). – *12.*

[27] Стихотворение В. А. Кожевникова «Да приидет Царствие Твое!» (текст стихотворения и историю его создания см. в примеч. 180 к «Статьям о литературе и искусстве» – Т. III наст. изд., с. 731–732) было опубликовано в № 11 «Русского вестника» за 1897 г. (с. 288–290). Стихотворение появилось с подзаголовком «Посвящается Н. Ф. Федорову». Толкование Федорова на данное стихотворение не было напечатано и в настоящее время утрачено; возможно, набросками к нему являются две заметки, сохранившиеся в фонде Н. П. Петерсона (текст их см.: Т. III наст. изд., с. 540–541). – *13.*

[28] В «Русском обозрении» в 1897 г. были напечатаны стихотворение В. А. Кожевникова «Да приидет Царствие Твое!» и поэма «Лука Элладский». Ни письмо Ф. М. Достоевского, ни предисловие к нему Н. Ф. Федорова в журнале не появились. – *13.*

[29] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 57, лл. 1–2 об. (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 268). Эта и следующая заметки написаны после получения письма Н. А. Энгельгардта (см. примеч. к письму 194 (преамбулу)), в котором тот откликался на присланные ему Н. П. Петерсоном экземпляры федоровских публикаций в газете «Дон», в том числе оттиски письма Ф. М. Достоевского и предисловия к нему. Письмо Энгельгардта не сохранилось, однако, судя по связанным с ним заметкам Федорова и черновику ответного письма (см. в Т. IV наст. изд., с. 388–390), он отнесся к идее воскрешения негативно, причем основой этого негативного восприятия был «мистический оттенок» учения о долге воскрешения, как оно излагалось в письме Достоевского, а мистицизм, по мысли Энгельгардта, был «больною стороной» духа великого писателя. Суждение Энгельгардта было болезненно воспринято Федоровым, вызвало раскаяние в попытке использовать имя Достоевского для привлечения внимания к идеям всеобщего дела. Отсюда – особая пристрастность и резкость в оценке письма Ф. М. Достоевского как в данных заметках, так и в посвященной Достоевскому подглавке работы «Супраморализм», где речь также идет о письме последнего Петерсону (см. Т. I наст. изд., с. 418–421). Федоров теперь не только не стремится искать новые точки соприкосновения с мыслью писателя, но, напротив, всячески подчеркивает свои расхождения с ним, указывает те места письма, в которых выразилось недопонимание учения о воскрешении, не созерцательно-мистического, а активно-творческого, предполагающего реальную деятельность человечества в природе и космосе. Мистицизм в данном случае ассоциируется у Федорова именно с пассивным предвосхищением (чают, предвидят-предчувствуют, но палец о палец не ударят для «осуществления чаемого»), с ослаблением активно-волевого начала, является характерной чертой веры в трансцендентное воскрешение. По учению же имманентного воскрешения, то, что ныне предвосхищается лишь в мистическом озарении, должно быть достигнуто реально в процессе всеобщего дела, совокупная деятельность человечества направляется к тому, чтобы «свершающееся в храме таинственно стало явным вне храма» (Т. II наст. изд., с. 48). См. также примеч. В. А. Кожевникова к статье Н. Ф. Федорова «О нравственности и мистицизме у Ницше» (там же, с. 141). – *13.*

[30] В своем письме Достоевский касался вопроса о повоскресном преображении, об изменении физической природы человека «в первом воскресении», делая некоторые предположения о том, какими именно будут новые тела («уж одно то, что наступит бессмертие, прекратится брак и рождение детей, свидетельствует, что тела в первом воскресении, назначенном быть на земле, будут иные тела, не теперешние, то есть такие, может быть, как Христово тело по воскресении его, до вознесения в Пятидесятницу?» (*Достоевский. 30(I)*, 14)). Говоря, что это рассуждение писателя «плохо вяжется с учением о воскрешении», Федоров опять-таки имеет в виду пассивную форму высказывания: *будут*, а не «будут достигнуты» в процессе работы человечества над своей физической природой, в труде «психо-физиологической регуляции» («наше тело будет нашим делом»). Кроме того, предположения Достоевского о будущих телах, верные по существу, кажутся Федорову неопределенными и расплывчатыми на фоне его собственных идей о направлении процесса обожения, трансформации природы человека в совершенную и бессмертную, о свойствах будущего организма («полноорганность», «последовательное вездесущие», «естественное тканетворение», «душезрение», неслиянно-нераздельное существование каждого «я» в соборе с другими личностями и т. д.). – *14*.

[31] Фраза вызвана следующим местом письма Ф. М. Достоевского: «Сегодня я прочел их (анонимно) Владимиру Сергеевичу Соловьеву [...]. Я нарочно ждал его, чтобы ему прочесть Ваше изложение идей мыслителя, так как нашел в его воззрении много сходного. Это нам дало прекрасных *2 часа*» (*Достоевский. 30(I)*, 14). – *14*.

[32] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 47 (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 159). – *14*.

[33] См. примеч. 138 к «Статьям философского содержания из III тома “Философии общего дела”» – Т. III наст. изд., с. 686. – *14*.

[34] Те места из письма Ф. М. Достоевского, которые имеет в виду здесь и ниже Федоров, см. в примеч. 137 к тому же разделу – там же, с. 685–686. Свой развернутый вопрос мыслителю Ф. М. Достоевский завершал так: «Предупреждаю, что мы здесь, то есть я и Соловьев по крайней мере верим в воскресение реальное, буквальное, личное и в то, что оно сбудется на земле» (*Достоевский. 30(I)*, 14–15). – *14*.

[35] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 57, л. 6 об. (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 3, ед. хр. 4, л. 260). Заметка набросана в конце одного из оттисков письма Ф. М. Достоевского. Сделана она по следам чтения вступления Д. С. Мережковского к его книге «Л. Толстой и Достоевский» (с первым ее томом Н. Ф. Федоров ознакомился в конце мая – начале июня 1901 г. – см. письма 239, 240). Цитата из «Дневника писателя» 1880 г. (*Достоевский. 26*, 169), приведенная в начале заметки, взята из текста книги Мережковского: опираясь на эту цитату, Мережковский в очередной раз обосновывал свою мысль о вековечной борьбе двух начал – человекобожеского и богочеловеческого – на арене всемирной истории, и о будущем «разрешении мировых противоречий» как задаче русской культуры (см.: Д. С. Мережковский. Христос и Антихрист в русской литературе. Л. Толстой и Достоевский. Т. 1. СПб., 1901, с. 11–13). – *15*.

[36] Цитата из вступления Д. С. Мережковского к книге «Л. Толстой и Достоевский». Приведя известные высказывания Достоевского о Европе, которая «так же драгоценна» русскому, «как Россия», процитировав слова Ивана Карамазова: «Я хочу в Европу съездить, Алеша, и ведь я знаю, что я поеду лишь на кладбище, но на самое дорогое кладбище, вот что́!» (*Достоевский. 14*, 210), Мережковский восклицал: «Неужели – только кладбище? Но ведь Европа для русских – он сам сказал – вторая родина. А разве может быть родиной живого народа кладбище? Нет, как ни страстно и ни сильно выражал он это чувство, все-таки не договорил последнего слова о нашей русской тоске по европейской родине, так же как не договорил и своей веры в будущность России» (Д. С. Мережковский. Указ. соч., с. 6). – *15*.

[37] Заметка открывает блок материалов о Л. Н. Толстом. Входящие в него статьи и заметки, за единичными исключениями, написаны в 1890–1903 гг., т. е. в те годы, когда личные отношения Л. Н. Толстого и Н. Ф. Федорова фактически прекратились, между двумя мыслителями произошел разрыв (в 1892 г.) и критика толстовского религиозно-нравственного учения, которая прорывалась у Федорова в первой половине 1880-х гг. и нарастала во второй половине десятилетия, стала теперь основной нотой его писаний о Толстом. В прошлое ушли те времена, о которых упоминал А. А. Фет в письме Н. Ф. Федорову от 6 декабря 1887 г.: «...те еще времена, когда мы так дружелюбно сходились с Вами и беседовали у него на квартире» (Т. IV наст. изд., с. 632), когда в первые го-

ды знакомства с Л. Н. Толстым (оно состоялось осенью 1881 г. в стенах библиотеки Румянцевского музея) Н. Ф. Федоров надеялся, что великий писатель, к голосу которого прислушивались тысячи, выступит с призывом ко всеобщему делу от своего имени.

1892–1903 гг. – третий этап идейно-философского диалога Толстого и Федорова, со стороны последнего он окрашен только полемически. Первые два можно обозначить годами 1881–1884 и 1885–1892, и история отношений на этих двух этапах во многом определила и нараставшее расхождение, и финальный разрыв. С самого начала знакомства векторы взаимного интереса Федорова и Толстого были разнонаправленны. Для Федорова знакомство с Толстым осенью 1881 г. совпало с завершением очередного этапа работы над рукописью, начатой как «ответ Достоевскому». Толстой был одним из первых, кто познакомился с ней (по крайней мере, из свидетельства самого Федорова ясно, что Толстой читал «Предисловие к проекту», т. е. то, что в окончательном тексте работы составило вторую часть «Записки»). И раскрывая великому писателю свои идеи, встречая, кроме того, на первых порах живой интерес к ним, мыслитель надеялся, что, восприняв эти идеи, Толстой выступит с призывом ко всеобщему делу от своего имени. Для Льва Николаевича же на первый план сразу после знакомства выдвинулась личность Федорова, цельный образ жизни, то «Исполнять! – Это само собой разумеется» (*Толстой. 49*, 58), что так трудно давалось самому пророку опрощения и любви к ближнему. Еще тогда, когда Толстой впервые услышал о Н. Ф. Федорове от Н. П. Петерсона (это было летом 1878 г.), его больше всего поразило именно то, что рассказал Николай Павлович о духовном и нравственном облике и образе жизни мыслителя. (Н. П. Петерсон вкратце познакомил Толстого также с письмом Ф. М. Достоевского и началом ответа на него; Толстой при этом отозвался о Достоевском «с большим уважением», но «о долге воскрешения сказал, что это ему несимпатично» (Н. П. Петерсон. Н. Ф. Федоров и его книга «Философия общего дела» // ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 7, л. 14 об.).) И знакомиться к Федорову писатель пришел в момент духовного кризиса, особенно обострившегося в первый месяц жизни в Москве. Запись в дневнике писателя от 5 октября 1881 года обнаруживает разительный контраст между внутренним разладом самого автора, картинами всеобщего растления большого города и первыми впечатлениями от знакомства и посещения «каморки» Федорова (*Толстой. 49*, 58). Рассказ о мыслителе в письме к В. И. Алексееву от 15-30 ноября 1881 г. уже затрагивает и учение, но на первом плане все-таки обаяние личности (*Толстой. 63*, 80–81). Почтительное отношение к Федорову как к человеку праведной жизни, особая сердечная теплота в разговорах о нем сохранились у Толстого на протяжении всего их знакомства и даже после разрыва (важным свидетельством здесь являются дневниковые записи В. Ф. Лазурского («Литературное наследство». Т. 37–38. Л. Н. Толстой. II, с. 465–466) – выражаем благодарность Т. Г. Никифоровой, указавшей нам на этот источник). А уже после смерти мыслителя в письмах Н. П. Петерсону Толстой называл его «незабвенным, замечательнейшим человеком» (письмо от 1–2 февраля 1908 (*Толстой. 78*, 48)).

В первой половине 1880-х гг. Л. Н. Толстой регулярно общается с Федоровым и этим общением особенно дорожит. Тому свидетельством и письма к С. А. Толстой («...мои три месяца в Москве, с одной стороны, мне дали очень много, не говоря уже об Орлове, Николае Федоровиче, Сютаеве...» (*Толстой. 83*, 314)), и дневниковые записи, и воспоминания очевидцев (А. С. Пругавина, Г. П. Георгиевского, И. Л. Толстого и др.). Встречи с мыслителем, впечатление от его цельной натуры духовно поддерживают и укрепляют Льва Николаевича в его собственном нравственном выборе. Особенно он «приникает» к Федорову весной 1884 г., когда внутренний конфликт из-за несоответствия проповеди опрощения с вынужденной барской жизнью был особенно обострен. В дневнике от 26 марта / 7 апреля – запись: «Чувствую необходимость большей последовательности и освобождения от лжи – юродство – да» (*Толстой. 49*, 73) и здесь же – о посещении Румянцевского музея и беседе с Федоровым: «Мне спокойно с ним» (там же). Спустя полтора месяца, в дни тяжелых размолвок с женой и мучительных переживаний («Мне тяжело. Я ничтожное, жалкое, ненужное существо и еще занятое собой. Одно хорошо, что я хочу умереть» (там же, с. 89)), новые записи: «Пошел в музей. Николай Федорович добр и мил. Походил с ним [...]», «Пошел в библиотеку. Николай Федорович все так же добр ко мне» (там же). Подобные посещения Румянцевского музея и квартиры Н. Ф. Федорова в трудные для Толстого дни имели место и в последующие годы (см. запись от 7 февраля 1889 г.: «Ничего не делал, уныл и слаб. Пошел ходить, в Музей. Николай Федорович, Корш. Мне легче с ними [...]» (*Толстой. 50*, 33).

Что же касается отношения к учению Федорова, то тут дело обстояло гораздо сложнее. Толстой безусловно был впечатлен глубиной и цельностью этого учения. В письме к В. И. Алексееву читаем: «Он (Н. Ф. Федоров. – *Сост.*) составил план общего дела всего

человечества, имеющего целью воскрешение всех людей во плоти. Во-первых, это не так безумно, как кажется. (Не бойтесь, я не разделяю и не разделял его взглядов, – но я так понял их, что чувствую себя в силах защитить эти взгляды перед всяким другим верованием, имеющим внешнюю цель.)» (*Толстой. 63*, 80–81). Нравственный, императивно-должный смысл «воскрешающей» мысли Федорова вызывал в писателе особое сочувствие. Его привлекало утверждение долга перед прошедшими поколениями, ему была близка критика позитивистских теорий прогресса, которая осуществлялась Федоровым с позиции родственно-отеческой нравственности. Спустя три года после знакомства с Федоровым в работе «В чем моя вера» Толстой, как бы вторя мыслителю, писал: «...люди, живущие личной жизнью, забыли или хотят забыть все то, что сделано для них прежде их рождения и делается во все время их жизни, и что поэтому ожидается от них; они хотят забыть, что все блага жизни, которыми они пользуются, даны и даются и потому должны быть передаваемы и отдаваемы» (*Толстой. 23*, 390). Но разумеется, отсюда не следовало вывода Федорова о необходимости буквального погашения долга – возвращения жизни тем, кому мы всем обязаны.

Сочувственный резонанс у писателя вызвали взгляды Федорова на историю, стремление прозревать в ней живую преемственность поколений, самоотверженный труд отцов и предков, «записавших» себя в культуре и генетически – в каждом из нас. «Я сейчас перечел среднюю и новую историю по краткому учебнику. [...] Я прочел и долго не мог очнуться от тоски. Убийства, мучения, обманы, грабежи, прелюбодеяния, и больше ничего.

Говорят – нужно, чтобы человек знал, откуда он вышел. Да разве каждый из нас вышел оттуда? То, откуда я и каждый из нас вышел с своим миросозерцанием, того нет в этой истории. И учить тому меня нечего.

Так же как я ношу в себе все физические черты всех моих предков, так я ношу в себе всю ту работу мысли (настоящую историю) всех моих предков. Я и каждый из нас всегда знает ее. Она вся во мне, через газ, телеграф, газету, спички, разговор, вид города и деревни. В сознание привести это знание? – да, но для этого нужна история мысли – независимая совсем от той истории» (*Толстой. 49*, 62).

Толстой сходился с Федоровым в негативной оценке современной цивилизации, в восприятии нынешнего состояния мира как небратского и неродственного; так же, как и Федоров, пытался встать на точку зрения народа, «неученых»... Близки были мыслители и во взглядах на искусство (см. ниже примеч. 101). Однако центральная идея Федорова – идея имманентного воскрешения – оказалась для Толстого достаточно чужда, а с каждым годом, по мере вызревания собственных убеждений, – чужда все более и более.

Хотя тот первотолчок, с которого началось рождение учения, и у Толстого, и у Федорова был один – сознание смертности (см. в «Исповеди»: «Есть ли в моей жизни такой смысл, который не уничтожался бы неизбежно предстоящей мне смертью?» (*Толстой. 23*, 16–17)), конечные выводы, к которым пришли писатель и философ, весьма различались. Для Толстого страх смерти, мука бессмысленности существования преодолевались ощущением причастности своего локального бытия «мировому целому» (смотреть в бездну неба и забывать о бездне внизу – так кончалась «Исповедь»), высшей Божественной воле, императивом исполнения нравственных заповедей. Человек призван к добросовестному труду на ниве Хозяина, пославшего его в мир и мудро распоряжающегося его жизнью: «*Он* вывел меня на свет для своих целей [...] я не свой, а его», «он послал меня и, может быть, теперь не то, что решил, а выходит, что я стал не нужен, и он хочет устранить меня [...] или, может быть, даже вовсе уничтожить меня. И тотчас же мне так стало ясно, спокойно. Ведь он – любовь (иначе я не могу понимать его), он вывел меня любя и потому уведет меня, куда ему нужно, тоже любя» (*Толстой. 66*, 392). Такое смирение перед волей Творца, в котором чувствуется некоторый налет восточного фатализма, соседствовало у Толстого со спиритуалистическим уклоном в понимании личности, опять-таки отчасти идущим от Востока, от буддизма, – истинная жизнь только в духе, тело – лишь бренная оболочка, и потому для человека, полагающего свою жизнь в духе, смерти нет (подробнее см.: В. А. Никитин. «Богоискательство» и богоборчество Толстого // Прометей. Вып. 12, М., 1980, с. 127). А значит – нет смысла говорить ни о воскресении, ни о воскрешении. Это свое credo Толстой неоднократно выражал и в сочинениях, посвященных критике церковного вероучения («Исследование догматического богословия», «В чем моя вера»), и в дневниках, и в письмах. О том же, уже после смерти Федорова, писал Н. П. Петерсону: «Очень сожалею, что не могу согласиться с тем, что вы пишете [...], не могу согласиться, потому что теперь, стоя на пороге плотской смерти, все больше и больше убеж-

даюсь в благодетельности плотской смерти и невозможности смерти того духа, которым живу, если живу им, т. е. любовью» (*Толстой. 78*, 48). Тут-то и был основной пункт расхождения с мыслью Федорова, которая истекала из христианской традиции, стоявшей на понимании личности как нерасторжимого триединства тела, души и духа, а потому и «чаявшей воскресения мертвых», восстановления распадшегося человеческого естества в светоносном, прославленном состоянии.

Тем не менее, несмотря на разницу в коренном, главном пункте, в первые годы знакомства с Толстым Федоров активно стремится воздействовать на писателя, надеясь, что тот поможет вынести учение «всеобщего дела» в мир и утвердит его своим авторитетом. Нельзя сказать, чтобы мыслитель не замечал несходства, но в то время он искренне стремился обращать внимание более на черты, роднящие его и толстовское мировоззрения. Заметим, что Толстому в эйфории первых бесед поначалу казалось, что в Федорове он встречает полное сочувствие своему учению: «Книгу мою – Краткое изложение читали и Орлов, и Федоров и мы единомышленны с Сютаевым во всем до малейших подробностей» (*Толстой. 63*, 81), – возможно, писатель чисто внешне сближал сютаевские идеи о зле городов и спасительности сельской жизни, крестьянского труда с той критикой городской, торгово-промышленной цивилизации, которая разворачивалась у Федорова. Что же касается возможности диалога на почве религиозной, то она с самого начала была сомнительной – слишком противоположна была толстовская трактовка «благой вести» тому, о чем думал и писал Федоров. Сочувствие в Федорове вызывали искания Толстого, религиозная неуспокоенность его души, жажда религии дела, но никак не те выводы, к которым пришел Толстой в результате своего «духовного переворота». Более того, Федоров пытался переубедить Толстого, направить его духовное брожение в должное русло, скорректировать те направления мысли писателя, которые, в его собственном понимании, были тупиковыми. И, конечно, старался подвигнуть на выступление с идеями активного христианства от своего имени. Косвенное указание на это встречаем и в дневнике Толстого, в упоминавшейся уже записи от 26 марта / 7 апреля: «В библиотеке Николай Федорович как будто чего-то хочет от меня» (*Толстой. 49*, 73). Впрочем, Толстой, по крайней мере в первые годы знакомства, время от времени и бывал готов, как писал В. И. Алексееву, «защитить» взгляды «Московского Сократа». Так, по свидетельству самого Федорова, в конце 1881 г. Толстой вместе с В. С. Соловьевым защищал читанное им «Предисловие» к ответу Достоевскому «против Страхова» (см. Т. IV наст. изд., с. 48, 216). А спустя несколько лет выступил с изложением идей Федорова перед членами Психологического общества. Однако эти случаи были единичны и не удовлетворяли Николая Федоровича. С. Л. Толстой, один из сыновей писателя, вспоминал: «При каждой встрече с моим отцом он (Федоров. – *Сост.*) требовал, чтобы отец распространял эти идеи. Он не просил, а именно настойчиво требовал, а когда отец в самой мягкой форме отказывался, он огорчался, обижался и не мог ему этого простить» (С. Л. Толстой. Очерки былого. Тула, 1968, с. 185).

В процессе общения с Толстым, особенно интенсивного в первой половине 1880-х гг., начинает нарастать, прежде всего со стороны Федорова, сознание принципиальной разницы их основных подходов и установок. Особенно отчетливой эта разница была в отношении писателя и мыслителя к христианству. Толстой брал в Христовом учении его нравственную сторону, признавал в нем лишь то, что дает «самый простой, ясный, практический смысл для жизни каждого отдельного человека» (*Толстой. 23*, 423). Догматика, метафизика, обрядовость христианской религии отрицались им как нелепость и ложь. Федоров же увидел в благой вести Христа прежде всего ее «онтологический», «космический» смысл: обетование будущего преображения природного мира в иной, не-природный, бессмертный, божественный тип бытия (Царствие Небесное). И не только обетование, но и призыв к активному участию человечества в деле обожения. Этическое учение Христа Федоров, в отличие от Толстого, мыслил неразрывным с конечными целями христианства; будучи же оторваны от последних, нравственные заповеди, по его убеждению, превращаются в прекраснодушную мечту, заведомо недостижимую в условиях падшего природного порядка вещей.

Толстой много и часто говорил о необходимости «делать порученное нам дело Божие», о том, что «человек есть орудие высшей силы, Бога, через которую Он делает свое дело» (*Толстой. 66*, 391), – на первый взгляд эти слова перекликаются с федоровским представлением о человеке как соработнике Творца, но как по-разному понимают мыслители объем предстоящего человеку дела! Если у Федорова тут – поистине вселенский размах (регуляция природы, победа над смертью, восстановление всех когда-либо жив-

ших, благое творчество в преображенном мироздании), то у Толстого – это просто жизнь, праведно прожитая, в любовном общении с другими людьми. Весьма характерно встречающееся у писателя сравнение человеческой жизни с трудом заводского рабочего, который «может знать только то, когда он содействует и когда не содействует общему делу, но не может знать всего устройства завода и цели, для которой он работает», эта цель «не может быть даже вполне понятна ему» (там же).

Особенно возмущало Федорова отношение Л. Н. Толстого к основным христианским догматам: Троичности Бога и воскресения. Само отрицание их писателем было понятно: коль скоро религиозное делание всецело ограничено для человека его земной жизнью – а именно так веровал Толстой, – эти догматы, относящиеся к области трансцендентного, для выхолощенного христианства оказывались излишними. Для Федорова же они, напротив, – краеугольный камень истинной, совершеннолетней веры. Ведь в догмате Троичности, подчеркивал мыслитель, просвечивает принцип совершенного, божеского мироустроения (нераздельность-неслиянность), который должен быть проведен во всех сферах жизни и человеческой, и природной, уничтожив ту «двойную непроницаемость» вещей этого мира (в пространстве и во времени), о которой так четко позднее скажет В. С. Соловьев в работе «Смысл любви». А воскресение Христа – прообраз грядущего всеобщего воскресения, которое стяжается трудом всего человечества (об идейных взаимоотношениях Толстого и Федорова и их расхождениях на религиозной почве см.: В. А. Никитин. Указ. соч., с. 123–130).

Разные акценты, у Толстого – этический, у Федорова – онтологический – в понимании христианства отражали то существенное различие в содержании, точнее, в первичном пафосе их учений, которое заключалось в подходе к природе и ее основным законам. Если автор «Философии общего дела» ставил задачу преодолеть сам природный способ существования, то Толстой этот способ принимал: «...жизнь есть жизнь, как она есть. Человек живет, совокупляется, рождает детей, воспитывает их, стареется и умирает. Дети его вырастают и продолжают его жизнь, которая, не прерываясь, ведется от поколения к поколениям, точно так же, как ведется все в мире существующее, камни, земля, металлы, растения, звери, светила и все в мире» (*Толстой. 23*, 398–399). И в утопии его христианской мировой общины, где царят братство, любовь, справедливость, человечество отнюдь не пытается проникать в тайны мира, а тем более преобразовывать его законы. (О том, как Федоров относился к нравственному учению Л. Н. Толстого, см. преамбулу к «Статьям о Л. Н. Толстом» – Т. II наст. изд., с. 487–488.)

Своего рода перелом в отношении Федорова к Толстому, по всей вероятности, произошел в 1884–1885 гг. – после выхода в свет сочинений «В чем моя вера» (оно было запрещено цензурой, но фактически все экземпляры, будучи увезены в Петербург, осели «наверху» и разошлись по частным собраниям; сочинение широко было известно в гектографированных, литографированных и рукописных копиях) и «Так что же нам делать?» Первое из них обнажило всю несхожесть, вплоть до противоположности, отношения двух мыслителей к христианству (разбору главы этого сочинения посвящена самая ранняя из дошедших до нас заметок Федорова о Толстом). Второе, несмотря на то, что многое в нем шло от Федорова (критика «общества по типу организма», протест против ложно направленных науки и искусства, утверждение, что «первая и несомненная обязанность человека есть участие в борьбе с природою за свою жизнь и жизнь других людей» (*Толстой. 25*, 380)), – тем не менее ограничивало разрешение вопроса «что делать?» сугубо социальной сферой, сужало его до вопроса «о бедности и богатстве», что, по мысли Федорова, не только не вело к действительному разрешению, но еще и вольно или невольно могло способствовать усилению сословной розни.

Точка зрения Федорова на Толстого в середине 1880-х гг. устанавливается окончательно: Толстой «великий художник» и «плохой философ», и это превращение «великого художника в плохого философа» мыслитель не может ему простить. Известно, что Федоров высоко ценил «Войну и мир» (см. оценку эпопеи в статье «“Не-делание” ли или же отеческое и братское дело?» – Т. II наст. изд., с. 362), в первой печатаемой здесь заметке о Толстом он тепло отзывается о трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность». Федоров указывал на противоречие между художественным даром Толстого и его нравственно-философскими устремлениями, тенденциозными по сути: прежде всего это касалось отношения к смерти (см. примеч. 2 к «Статьям о Л. Н. Толстом» – там же, с. 488). Удовлетвориться одной проповедью нравственного самоусовершенствования перед лицом судь-

бы и смерти, по убеждению философа «общего дела», невозможно: ей одной не избыть трагизма смертного бытия.

Идейные разногласия с Федоровым все больше осознавались и самим Толстым. Свидетельство тому – разговор с И. М. Ивакиным, зафиксированный последним в его дневнике от 5 июля 1885 г., где четко сформулированы различия в понимании конечной цели (см.: И. М. Ивакин. Воспоминания (фрагменты) // Т. IV наст. изд., с. 519). И иной раз эти разногласия вызывали в писателе досаду и раздражение: «Колол дрова, ходил, встретил Николая Федоровича и с ним беседовал. У него вроде как у Урусова в жизни и книгах не то, что есть, а то, что ему хочется. И интонации уверенности удивительные. Всегда эти интонации в обратном отношении с истиною. Ему пластырь надо» (*Толстой. 50*, 23).

Из воспоминаний И. М. Ивакина, представляющих собой важнейший источник к истории взаимоотношений Л. Н. Толстого и Н. Ф. Федорова второй половины 1880-х гг., явствует, что негативная оценка Федоровым религиозно-нравственного учения Толстого к тому времени не только устоялась, но и открыто им высказывалась – и самому Толстому, и окружающим. Многое из того, что тогда услышал от мыслителя Ивакин, повторится в статьях и заметках Федорова о Толстом уже в 1890-е годы. Вообще, 1886–1889 гг. для Толстого и Федорова – этап крайне противоречивый; в их идейном диалоге доминируют полемические ноты, и в то же время Толстой время от времени настойчиво ищет встреч с Федоровым, а Николай Федорович, несмотря на резкость критики толстовства, нет-нет да и откликнется близким ему мыслям, как то произошло, например, весной 1889 г., в период работы Толстого над статьей об искусстве (подробнее см. примеч. 101). Тогда же, во второй половине 1880-х, Н. Ф. Федоров, по свидетельству Ивакина, становится инициатором и принимает самое непосредственное участие в передаче рукописей Л. Н. Толстого в Румянцевский музей.

Острота критики Федоровым Толстого, нараставшая от года к году по мере разворачивания религиозно-философской системы писателя (своего апогея эта критика достигла в 1893-1894 гг., когда были напечатаны «Неделание», «Царство Божие внутри вас», «Христианство и патриотизм», и в 1900–1901 гг. (выход в свет статьи «Не убий» и «Ответа на определение синода…»)), во многом объяснялась тем, что оба, и Толстой, и Федоров, принадлежали к одному типу мыслителей: они не были отвлеченными, «кабинетными» философами, а стремились указать человечеству «путь жизни», «путь спасения». Именно поэтому Федоров, глубоко сознававший *ответственность* всякого учительного слова, которое призвано повести за собой людей, был столь резок и непримирим к толстовской проповеди (как к указанию ложного пути) и не раз повторял, что Толстой говорит и пишет, не думая о последствиях, не заботясь о том, к чему может повести исполнение его «заповедей» (см.: И. М. Ивакин. Указ. соч. // Т. IV наст. изд., с. 523, 536, 544–546).

Впрочем, осенью 1891 г., несмотря на идейное расхождение, Н. Ф. Федоровым была сделана еще одна, уже последняя попытка подвигнуть Толстого к содействию своим проектам. На этот шаг он решился в экстремальной ситуации голода 1891 г., желая привлечь внимание русской общественности к идее атмосферической регуляции (см. примеч. 56). Однако никаких практических последствий обращение к Толстому (через И. М. Ивакина) не имело, в начале 1892 г. последовал резкий разрыв (см. примеч. 138) и более Федоров уже не искал содействия Толстого. Напротив, в письме Н. П. Петерсону (между 25 сентября и 30 октября 1893 г.), говоря о новом своем проекте – повсеместного построения Троицких школ-храмов – и о предпринятых им шагах по его обнародованию, замечал: «Хуже же всего искать покровительства Л. Н. Толстого [...]. Его покровительство гораздо пагубнее всякой вражды. Этот мнимый противник войны есть враг всякого примирения и сеятель вражды. Что может быть хорошего в этом старании выдвинуться напоказ, да еще при помощи Толстого!» (Т. IV наст. изд., с. 259).

После разрыва в 1892 г. Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров виделись очень редко – лишь тогда, когда Толстой бывал в Румянцевском музее (см. письма Н. Ф. Федорова к Н. П. Петерсону и В. А. Кожевникову осени 1893 г.: «Недавно был в Музее автор "Страшного вопроса", разрешаемого не-думанием и не-деланием...» – Т. IV наст. изд., с. 261, 262). Последняя их встреча, по свидетельству Н. П. Петерсона, состоялась в 1897 г. (см. примеч. 138). В эти встречи Федоров резок с Толстым и прямо высказывает ему свое мнение о его публицистической деятельности. Всякие же попытки писателя к личному примирению решительно отвергаются мыслителем, считавшим, что такое примирение, при столь радикальном расхождении во взглядах, может быть только поверхностным и лице-

мерным. В неопубликованной статье А. Л. Волынского «Воскрешение мертвых», посвященной личности и идеям Федорова, читаем:

«Однажды Н. П. Петерсон был в гостях у Л. Н. Толстого. В это время небольшая компания собралась у В. А. Кожевникова. Тут были, между прочим, Бартенев (Ю. П. Бартенев. – *Сост.*), Ивакин и Северов (о С. М. Северове см. примеч. 5 к письму 161. – *Сост.*). Вдруг входит в гостиную Петерсон и говорит с некоторой торжественностью:

– Николай Федорович, я выступаю перед вами в качестве посланца от графа Л. Н. Толстого. Граф просит разрешения вновь войти в общение с вами, просит разрешения приехать к вам сейчас, чтобы с вами повидаться.

Н. Ф. Федоров вскипел и ответил:

– Нет, скажите этому лицемеру, что после его "Царство Божие внутри вас" я больше с ним ни в какое общение вступить не желаю.

Произнесены были слова эти, рассказывал мне С. М. Северов, грозно и решительно.

– Это ваше окончательное решение?

– Да, поезжайте и скажите!» (РГАЛИ, ф. 95 (А. Л. Волынский), оп. 1, ед. хр. 49, л. 5). Описанная Волынским сцена должна быть датирована 9 апреля 1899 г. Именно в этот день Н. П. Петерсон, вернувшись вместе с Н. Ф. Федоровым из Сергиева Посада и остановившись у В. А. Кожевникова, вторично посетил дом Л. Н. Толстого (см. примеч. 115).

Отношение Л. Н. Толстого к Н. Ф. Федорову в 1890-е гг. зафиксировано в дневниковой записи Ф. Г. Лазурского от 13 июля 1895 г., в которой последний приводит свой разговор с писателем в Ясной Поляне:

«Заговорили о Румянцевском музее и вспомнили библиотекаря музея, Николая Федоровича Федорова.

– Это святой человек, – сказал Лев Николаевич. – У него ничего нет; всякую книжку, которую он купит или ему подарят, он сейчас отдает в музей. Дома спит на сундуке и на газетах в маленькой комнатке, живет на квартире у какой-то старушки. Он, конечно, вегетарианец, но не любит и стесняется говорить об этом. А знаете ли, у него есть своя теория.

И Лев Николаевич рассказал что-то странное: Федоров никак не может примириться с мыслью, что человек умирает и что самые дорогие нам люди исчезают бесследно, и он создал теорию, как наука, при своем гигантском ходе вперед, откроет способы извлекать из земли останки – частицы наших предков, чтобы потом воссоздавать их вновь в живом виде.

Я не мог удержаться от улыбки, хотя и старался слушать серьезно, так как Лев Николаевич предупредил, что для свежего слушателя теория эта кажется плодом расстроенного ума, но на самом деле она не лишена смысла.

– Да, попробовали бы вы улыбнуться при нем, он вам задал бы. Я когда-то увидал в Румянцевской библиотеке книжку – списки полковников за такое-то число лет – и улыбнулся. Как он меня пробрал: "Это все нужно; мы не знаем теперь, зачем, но нужно; это все воспоминания о наших предках". Он меня теперь терпеть не может, во-первых, за то, что я не разделяю его теории, во-вторых, за то, что люблю смерть. По его теории, люди должны, с одной стороны, заниматься земледелием, чтобы посредством растений извлекать из земли частицы предков, а в некоторых местах должны существовать музеи, где свято должна храниться всякая строчка от предков. Для него служба в музее – это религия. А в науку и неограниченность ума человеческого он верит удивительно» («Литературное наследство». Т. 37–38, с. 465–466).

Это высказывание весьма характерно. Снова неизменное восхищение подвижническим образом жизни мыслителя; достаточно адекватное (хотя и огрубленное) изложение главных идей учения – о путях воскрешения, о новой науке, о смысле и назначении музея (заметим – Толстой не касается религиозной стороны федоровских идей), и наконец, четко обозначен пункт принципиального расхождения – отношение к смерти. Причем, акцентируя этот пункт, Толстой не останавливается перед эпатажем, говоря о своей «любви к смерти», – и это спустя несколько месяцев после утраты любимого сына Вани, которую он перенес крайне тяжело.

С самого начала своего знакомства с Федоровым, идее воскрешения как высшей ступени нравственности, призыву к реальному преображению мира и человека Толстой противопоставил призыв к духовному, моральному воскресению: «не плотское и личное восстановление мертвых, а пробуждение жизни в Боге» (*Толстой. 23*, 392). В 1890-е же годы тема нравственного переворота, воскресения к новой праведной жизни становится центральной в его художественном творчестве: «Отец Сергий», «Божеское и человеческое»,

«Записки сумасшедшего», неоконченная драма «И свет во тьме светит» и, наконец, роман «Воскресение».

В черновых вариантах к «Воскресению» философские убеждения ссыльного революционера Вильгельмсона (в окончательном тексте – Симонсона) включают в себя элементы учения «всеобщего дела» – необходимость воскрешения всех умерших силами знания и труда самих людей: «Из остальных трех самый оригинальный был плешивый бородатый Вильгельмсон, тот черный мрачный человек с глубоко под лоб ушедшими глазами. Вильгельмсон был сын небогатого помещика. Он по студенческой истории был выгнан с первого курса. Решил пойти в народные учителя. Его арестовали за вольные мысли, которые он передавал ученикам, и связи с народниками и сослали в дальний уездный город Архангельской губернии. Там он жил один, питаясь одним зерном, и составил себе философскую теорию о необходимости материально воскресить всех умерших...

Нехлюдов не то что не полюбил его, но никак не мог сойтись с ним, в особенности, что со всеми добрый Вильгельмсон был особенно недоброжелателен и строг к Нехлюдову. В жизни Вильгельмсон был аскетом. Питался одним хлебом и был девственником» (*Толстой. 33*, 291). В приведенной характеристике Вильгельмсона, соединившей в себе некоторые черты физического облика (плешь, борода, глубоко запавшие глаза), образа жизни (аскетизм) самого Федорова с моментами биографии его ученика Н. П. Петерсона, также хорошо знакомого Толстому (студент, народный учитель), примечательно отношение этого персонажа к Нехлюдову: «был особенно недоброжелателен и строг». Тут у Толстого явно прорываются личные нотки – вспомним запись И. М. Ивакина: «Николай Федорович – за что он на меня сердится?» (Т. IV наст. изд., с. 528). Образ Нехлюдова, его духовные искания, его нравственное воскресение и образ Вильгельмсона, мечтающего «материально воскресить всех умерших», – прямая отсылка к взаимоотношениям самого писателя и Н. Ф. Федорова. В окончательном тексте романа личный, биографический подтекст линии Нехлюдов – Вильгельмсон был в значительной степени стерт: ссыльный, теперь уже Симонсон, развивал иную теорию – мир как единое органическое тело.

Итак, тот напряженный, всегда в той или иной степени полемически окрашенный диалог, который два мыслителя вели на протяжении 1880-х гг. при встречах, теперь, при крайней скудости личных контактов, фактически сведенных на нет открытым нежеланием Федорова даже говорить с Толстым, переходит на страницы их сочинений. В 1888–1894 гг. с большими перерывами Федоров работает над полемическим сочинением, направленным против учения Толстого, «В защиту дела и знания, против автора “не-думания” и “не-делания”, или научил ли нас чему голод 1891 года?» (окончательное название «“Неделание” ли или же отеческое и братское дело?» – см.: Т. II наст. изд., с. 342–370). Толчком к этой работе послужила публикация весной 1888 г. сочинения Т. М. Бондарева «Трудолюбие, или Торжество земледельца» и послесловия к нему, написанного Л. Н. Толстым и излагавшего собственные взгляды писателя на труд (полемический отзыв Федорова о толстовской статье, данный еще весной 1888 г., зафиксирован в «Воспоминаниях» И. М. Ивакина – Т. IV наст. изд., с. 545–546). Разбор этой публикации и составил самый ранний пласт текста статьи (Т. II наст. изд., с. 344–351). Он писался летом 1888, дополнялся летом 1889 гг., а в августе–сентябре 1889 г. был набело переписан Петерсоном, причем объем его тогда составлял 5 двойных листов (см. письмо 48 и примеч. 3 к нему). Письма Н. Ф. Федорова к Н. П. Петерсону 1890 г. не содержат сведений о работе над статьей против Толстого. По всей видимости, Федоров вернулся к ней в голодный 1891 г., продолжив работу и в 1892 г. (разбор статьи Толстого «Страшный вопрос» – Т. II наст. изд., с. 352–357). Летом 1893 г. очередной вариант статьи был готов, а затем в течение осени этого же года и зимы–лета 1894 г. переделывался и дополнялся новыми материалами (разбором статьи «Неделание», религиозно-философского сочинения «Царство Божие внутри вас», заметками по поводу Мордовско-Качимской школы, бескорыстный труд построения которой родителями, детьми, учителями мыслитель противопоставлял толстовскому «неделанию»). Критику положений толстовства Н. Ф. Федоров дополнял изложением собственных взглядов, дававших, по его убеждению, положительную альтернативу «отрицательным заповедям» Толстого. По предложению В. А. Кожевникова, выпустившего в конце 1893 и начале 1894 гг. двумя изданиями свою брошюру «Бесцельный труд, “не-делание” или дело? Разбор взглядов Эмиля Золя, Александра Дюма и графа Л. Н. Толстого на труд» (брошюра была написана под прямым влиянием Н. Ф. Федорова и содержала многие его мысли), Н. Ф. Федоров в каникулярное время 1894 г., находясь в Воронеже у Н. П. Петерсона, подготовил разросшуюся статью к печати

(В. А. Кожевников намеревался издать ее за свой счет отдельной брошюрой). Осенью 1894 работа, получившая заглавие «В защиту дела и знания...», была представлена в цензуру, однако не получила разрешения на выход в свет (о цензурной истории работы Н. Ф. Федорова см. примеч к письму 98 (преамбула)).

В последующие годы Федоров откликается на новые статьи Толстого небольшими заметками (все они были черновыми и не предназначались для печати) либо в письмах В. А. Кожевникову и Н. П. Петерсону. Несколько статей было написано им по поводу трактата Л. Н. Толстого «Что такое искусство?» (см. примеч. 101). Затем последовал единственный выход в печать со статьей «Разговор с Л. Н. Толстым» (см. примеч. 115), и снова заметки, заметки, заметки. В 1902 г. для предполагавшегося в издательстве «Скорпион» тома сочинений Федорова были сделаны машинописные копии статей «В защиту дела и знания...», «Толстой и братское единение» («В наше время, по словам Толстого...»), «Не убий», «Ответ Толстого Синоду заключает в себе под видом поругания православия изобличение самого себя...», «Помеченное 4 апреля произведение бездушного хулителя ("Ответ Синоду"), было ли оно писано...» (см. И. А. Савкин. Бумаги Н. Ф. Федорова из коллекции Института русской литературы // *Философия бессмертия и воскрешения*. Вып. I, с. 266–268), однако издание не было осуществлено.

Полемику Федорова против Толстого в 1903 г. подхватил Н. П. Петерсон. Он был знаком с Толстым с начала 1860-х гг., в 1862 г. учительствовал в яснополянских школах (с. Головлино и Плеханово), печатался в журнале «Ясная Поляна» (его воспоминания об этих годах см.: Н. П. Петерсон. Из записок бывшего учителя // О Толстом: Международный толстовский альманах. М., 1909, с. 257–268). В 1867 г., служа помощником библиотекаря Чертковской библиотеки, помогал П. И. Бартеневу в корректуре «Войны и мира».

Увлечение просветительскими проектами Толстого после знакомства с учением Федорова переросло у Петерсона в стремление убедить дорогого и почитаемого им писателя в правоте этого учения. Николай Павлович способствовал сближению Толстого и Федорова: впервые придя к Н. Ф. Федорову в библиотеку Румянцевского музея, Лев Николаевич обратился к нему со словами: «А я знаю Петерсона!» (Н. П. Петерсон. Указ. соч., с. 266). Петерсон живо реагировал на перипетии взаимоотношений писателя и мыслителя, долгое время надеялся на помощь Толстого в распространении федоровских идей (два письма Н. П. Петерсона к Л. Н. Толстому см.: Т. IV наст. изд., с. 654, 665).

Так же как и Федоров, религиозного учения Толстого Петерсон не принял. В 1893–1894 гг. он активно помогает мыслителю в работе над статьей «В защиту дела и знания...», и в цензуру статья идет за его подписью. В 1899 – совместно с Федоровым пишет и публикует статью «Разговор с Л. Н. Толстым». А с 1903 г., особенно после смерти Н. Ф. Федорова, критика толстовства занимает одно из центральных мест в публицистической деятельности Н. П. Петерсона. В ряде статей, опубликованных в 1903–1910 гг. на страницах провинциальных периодических изданий (см.: «Закаспийское обозрение», 1903, №№ 296, 300; «Семиреченские областные ведомости», 1908, № 3; «Туркестанские епархиальные ведомости», 1907, №№ 8, 9; 1909, №№ 6, 23; 1910, № 18), выходивших и отдельными оттисками («Правда о великом писателе земли русской гр. Л. Н. Толстом к 55-летнему юбилею его литературной деятельности». Новочеркасск, 1908; «Моя переписка с графом Л. Н. Толстым». Вып. 1–2. Верный, 1909), публицист выступал против проповеди непротивления. По его убеждению, она не только не способна умиротворить вражду и уничтожить зло, а напротив, требование «не платить податей», не исполнять воинской повинности, не участвовать в судах и т. п. ведет к анархии, сильнее накаляет бушующие в обществе страсти. Толстовство, по словам Петерсона, это «клевета на истинное христианство», вносящая смуту и играющая на руку революционерам (см. письмо Л. Н. Толстому от 1 сентября 1909 // Н. П. Петерсон. Н. Ф. Федоров и его книга «Философия общего дела» в противоположность учению Л. Н. Толстого «о непротивлении» и другим идеям нашего времени. Верный, 1912, с. 115). Путь к искоренению зла, считает он, лежит не в отрицании существующих общественных и государственных учреждений, а в нравственной и религиозной переориентации их деятельности – на благое, божеское дело; в основу же такой переориентации должны быть положены идеи активного христианства, развитые в «Философии общего дела». В 1912 г. свои статьи, направленные против Толстого, Н. П. Петерсон объединил в книге «Н. Ф. Федоров и его книга "Философия общего дела" в противоположность учению Л. Н. Толстого "о непротивлении" и другим идеям нашего времени».

В начале 1908 г. Н. П. Петерсон вступает в переписку с Л. Н. Толстым, отправив ему свою брошюру «Правда о великом писателе...». Решается он на это не для полемики ради по-

лемики, а прежде всего потому, что надеется (как ранее и Н. Ф. Федоров) переубедить Толстого, заставить его пересмотреть свои взгляды на коренные вопросы жизни и смерти. «Простите, что пишу все это, – объясняет он в другом своем письме от 30 октября 1908 г., – но мне больно, что такая сила, как вы, растрачивается не только бесплодно, но и с величайшим вредом всем вам близким, нашему отечеству и всему роду человеческому» (цит. по: Н. П. Петерсон. Н. Ф. Федоров и его книга «Философия общего дела» в противоположность учению Л. Н. Толстого «о непротивлении» и другим идеям нашего времени, с. 99). Л. Н. Толстой вначале откликнулся доброжелательно: «...мне очень дорого будет общение с вами» (письмо от 1–2 февраля 1908 – *Толстой. 78*, 48), так что Н. П. Петерсон прислал ему вышедший в 1906 г. I т. «Философии общего дела» и даже обратился с просьбой поместить в подготовлявшемся тогда к печати юбилейном альманахе «О Толстом» статью Н. Ф. Федорова «В защиту дела и знания...». Сам Толстой ничего не имел против напечатания в альманахе полемической статьи (см. его письмо Н. П. Петерсону от 6 июня 1908 – там же, с. 155), однако составитель альманаха П. А. Сергеенко не счел это возможным (более того, из присланной для сборника статьи Н. П. Петерсона – «Из записок бывшего учителя» – он выбросил те места, где содержалась критика толстовского учения).

В библиотеке Л. Н. Толстого сохранился присланный Н. П. Петерсоном I том «Философии общего дела». В его тексте имеются пометы Толстого, свидетельствующие о внимательном чтении: пометы сделаны на полях IV части «Записки» – «В чем наша задача?», всесторонне излагавшей содержание воскресительного проекта и рисовавшей образ общества, вставшего на путь всеобщего дела, а также в статье «Самодержавие» (список всех помет см.: «Библиотека Л. Н. Толстого в Ясной Поляне». Т. 1, ч. 2. М., 1975, с. 392–393). Интересно, что Толстой подчеркивал как те места, которые были ему близки (это касалось, прежде всего, этических идей Федорова – братство и родство, противопоставление «гражданского», «юридического» и «отеческой», «сыновней» нравственности и т. д.), так и те, в которых он должен был находить противоположное своим собственным воззрениям: к примеру, писатель отметил последние слова фразы: «Христианскую любовь нельзя отождествлять с жалостью; христианская любовь верит в великое назначение человека и имеет целью устранить самые причины людских бедствий, а не облегчать лишь страдания, которые признаются неизбежными. *Любовь обращается в жалость только при отсутствии всякой веры и надежды; и это не христианство, не воскрешение, а буддизм, который видит избавление от бедствий жизни только в потере жизни, т. е. в нирване*» (курсивом отмечены слова, отчеркнутые Толстым).

Несмотря на доброжелательный отклик в письме к Петерсону, позиция Толстого в отношении религиозных вопросов была неизменна, и он постарался в мягкой форме донести это до федоровского ученика (см. выше цитату из письма от 1–2 февраля). О том же писал Петерсону и Н. Н. Гусев, бывший тогда личным секретарем писателя: «Книжка Н. Ф. Федорова по своим основным взглядам известна была Льву Николаевичу и раньше; но, как вы знаете, идея о воскрешении не встречает в нем сочувствия, и его вполне удовлетворяет учение о том, что тело наше не может быть бессмертно, а дух не может быть смертен. В этом смысле он понимает и учения величайших мудрецов мира» (цит. по: Н. П. Петерсон. Н. Ф. Федоров и его книга «Философия общего дела» в противоположность учению Л. Н. Толстого о «непротивлении» и другим идеям нашего времени, с. 98). После же того, как в 1909 г. Н. П. Петерсон прислал Л. Н. Толстому два больших письма (в первом содержалась резкая критика статьи «Не могу молчать» и выраженной в ней общественной позиции Толстого, с многочисленными выпадами личного характера, во втором, написанном после появления в газетах извещения об аресте Н. Н. Гусева, публицист ставил этот арест в вину писателю), Толстой, отказываясь от полемики – «зачем же сердиться за то, что человек не думает так же, как и я и на мой взгляд заблуждается» (*Толстой. 79*, 49) – сначала намекнул, а потом и прямо попросил Петерсона больше ему не писать (письма от 28 января и 14 сентября 1909 – *Толстой. 79*, 49; *80*, 93).

Тем не менее Н. П. Петерсон спустя год вновь обратился к Толстому, послав ему свою последнюю статью «Единение людей может ли быть целью жизни человеческой?» («Туркестанские епархиальные ведомости», 1910, № 18), написанную по поводу письма Л. Н. Толстого к славянскому съезду в Софии. Статья Н. П. Петерсона, эпистолярный ответ Л. Н. Толстого от 5 октября 1910 (снова доброжелательный и снова заявлявший о несогласии в основном пункте «и с вами, и с дорогою для меня памятью Николая Федоровича» (*Толстой. 82*, 179)) и размышления над этим письмом Николая Павловича в книге «Н. Ф. Федоров и его книга "Философия общего дела" в противоположность учению

Л. Н. Толстого “о непротивлении” и другим идеям нашего времени» в последний раз расставили акценты в понимании сходства и различия учений Федорова и Толстого. С одной стороны, и Толстой, и Петерсон, стоявший на позициях федоровского учения, одинаково выступали за братское единение людей, за общение в духе христианской любви. Но при этом Толстой, как говорил он Ивакину еще 5 июля 1885 г., – признавал братство самодовлеющим и путь к нему полагал, с одной стороны, «в усилии не-делания» – там, где речь идет о деятельности внешней, а с другой – во внутренней духовной работе личности: в «деятельности воздержания себя и исправления себя ото всех тех грехов, соблазнов и суеверий, блуда, корыстолюбия, недоброжелательства, гордости, тщеславия, мстительности, ложных церковных, научных учений, – которые препятствуют достижению цели любви – единения» (*Толстой. 82*, 179–180). Петерсон же – вслед за своим учителем – указывал, что соединение людей здесь на земле в братство должно служить цели более высокой и всеобъемлющей. «Именно в *деле* избавления от зла, *в деле всеобщего спасения*, – по-христиански, – подчеркивал он, – я вижу и цель, и смысл, и благо человеческой жизни, в единении же я вижу не цель, а лишь средство для достижения цели» (Н. П. Петерсон. Н. Ф. Федоров и его книга «Философия общего дела» в противоположность учению Л. Н. Толстого «о непротивлении» и другим идеям нашего времени», с. IX). Более того, только в процессе осуществления воскресительного идеала станет возможным достижение всецелого братства, полнота родства и любви, которая невозможна в нынешнем несовершенном мире, со смертными, непреображенными людьми, при постоянной угрозе естественных природных бедствий («чумы, холеры», «атмосферных гроз, которые убивают», «засух и наводнений, грозящих голодом»). И здесь недостаточно лишь воздерживаться от греха, ставя себе идеалом «усилие не-делания». Напротив, нужное общее усилие дела и знания. Сама религия, подчеркивал Петерсон, «есть именно дело спасения от всех зол и бедствий, сумма которых и приводит к смерти; другими словами – религия есть *дело спасения от смерти*» (там же, с. X–XI).

Заметка «Небольшой эпизод в истории Москвы 1892 г. или колоссальный проект» печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 116 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 19–20). Ранее опубликована: *Сочинения 1982*, с. 631–633. Заметка написана в 1900–1902 гг. (см. примеч. 41). Она интересна как фактическими данными (о деятелях русской культуры, знакомых с учением «общего дела» или причастных к попыткам его распространения), так и обнажением внутренней диалогической соотнесенности, которая существовала для Федорова между его учением и творческой деятельностью Л. Н. Толстого. – *15*.

[38] Об этом проекте Н. Ф. Федорова см. преамбулу к «Отечествоведению» (Т. III наст. изд., с. 577–578). – *15*.

[39] Статью С. С. Слуцкого «К 500-летнему юбилею Преподобного Сергия. Храм Св. Троицы при Румянцевском Музее» см. в приложении к Т. III наст. изд., с. 557–559; письмо С. С. Слуцкого Н. Ф. Федорову, в котором он приводил фрагмент, опущенный редакцией «Московских ведомостей» при публикации статьи, не сохранилось (текст фрагмента был воспроизведен Федоровым в статье «О значении обыденных церквей» – Т. III наст. изд., с. 31). Ответ Н. Ф. Федорова на письмо С. С. Слуцкого см. в Т. IV наст. изд., с. 252–253. – *15*.

[40] О взаимоотношениях Н. Ф. Федорова с А. А. Фетом см. примеч. 14 к разделу «Приложения» «Письма Н. Ф. Федорову разных лиц». – *15*.

[41] Об этой статье *Антония (Храповицкого)* и отношении к ней Н. Ф. Федорова см. примеч. 23 к I части «Записки» – Т. I наст. изд., с. 469–470. См. также в Т. IV письмо Н. Ф. Федорова к Антонию Храповицкому от 30 марта 1893, письма к Н. П. Петерсону (октябрь 1892, март 1893) и примечания к ним. *Ректор трех Академий* – в 1890 г. о. Антоний был назначен ректором сначала Петербургской духовной семинарии, а затем Московской духовной Академии; в 1895 г. переведен ректором в Казанскую духовную академию. *Ныне епископ Уфимский* – Уфимскую кафедру о. Антоний, рукоположенный в епископа в 1897 г., занимал в 1900–1902 гг. (данное указание позволяет очертить хронологические рамки печатаемой заметки). – *15*.

[42] Работа над повестью «Детство» была начата Л. Н. Толстым в марте 1851 г. Первая редакция повести была окончена в августе того же года, осень и начало зимы прошли в работе над второй редакцией. Третья и четвертая (окончательная редакция) повести были написаны в первой половине 1852 г. Впервые повесть была напечатана в журнале «Современник», 1952, № 9. – *16*.

[43] Здесь, как и в заметке «Как назвать год, когда среди лета пели Пасху, исполняя пророчество Серафима» (см.: Т. IV наст. изд., с. 165–168), Н. Ф. Федоров точно указывает

момент зарождения своей Идеи – об обстоятельствах, явившихся толчком к ее кристаллизации, см. вступительную статью к наст. изд. – Т. I, с. 8. Подробнее см.: С. Г. Семенова. Николай Федоров. Творчество жизни. М., 1990, с. 28–31. – *16*.

[44] Это определение веры ап. Павла: «Вера же есть осуществление чаемого и уверенность в невидимом» (Евр 11:1), – Н. Ф. Федоров очень ценил и неоднократно повторял в своих статьях и заметках. – *16*.

[45] Первая из приведенных Федоровым в этом абзаце цитат взята из пятнадцатой главы повести «Детство» (*Толстой. 1*, 45). Вторая цитата, по всей видимости, является пересказом главы XIX повести «Отрочество», где речь идет о стараниях Николеньки Иртеньева разрешить при помощи ума – «детского слабого ума» – основные вопросы человеческого существования: «Жалкая, ничтожная пружина моральной деятельности – ум человека!

Слабый ум мой не мог проникнуть непроницаемого, а в непосильном труде терял одно за другим убеждения, которые для счастья моей жизни я никогда бы не должен был сметь затрагивать.

Из всего этого тяжелого морального труда я не вынес ничего, кроме изворотливости ума, ослабившего во мне силу воли, и привычки к постоянному моральному анализу, уничтожившей свежесть чувства и ясность рассудка» (*Толстой. 2*, 57–58). – *16*.

[46] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 68 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 370). Заметка является откликом на X главу работы Л. Н. Толстого «В чем моя вера». Большая часть этой главы впервые была напечатана в журнале «Русское богатство» (1886, № 1, с. 133–149) под заголовком «В чем счастие?» и в таком виде перепечатывалась в собраниях сочинений Л. Н. Толстого, издававшихся С. А. Толстой, являясь единственным пропущенным цензурой отрывком сочинения «В чем моя вера» (см. ее также в отд. сб.: «В чем счастие?» М., 1901, куда она вошла вместе с другими статьями Толстого и повестью «Смерть Ивана Ильича»).

Центральное место статьи «В чем счастие?» занимала критика ценностных установок современной цивилизации, полагающей достоинство и счастье человека в успешной погоне за мишурными ценностями жизни: «Всякий бьется из всех сил, чтобы приобресть то, что не нужно для него, но требуется от него учением мира и отсутствие чего составляет его несчастие. И как только он приобретет то, что требуется, от него потребуется еще другое и еще другое, и так без конца идет эта Сизифова работа, губящая жизни людей. [...] Нынче приобрел поддевку и калоши, завтра – часы с цепочкой, послезавтра – квартиру с диваном и лампой, после – ковры в гостиную и бархатные одежды, после – дом, рысаков, картины в золотых рамах, после – заболел от непосильного труда и умер. Другой продолжает ту же работу и также отдает жизнь тому же Молоху, также умирает и также сам не знает, зачем он делает все это» (*Толстой. 23*, 123). Искусственной жизни горожан, забывших об истинном учении Христа, Толстой противопоставлял жизнь естественную, обусловленную действительными нуждами, образ которой виделся ему в сельском, крестьянском быте. При этом писатель-моралист выделял пять «главных условий земного счастья»: «жизнь такая, при которой не нарушена связь человека с природой, т. е. жизнь под открытым небом, при свете солнца, при свежем воздухе, общение с землей, растениями, животными»; «любимый и свободный труд», включающий в себя и физическую работу, полезную для здоровья; семья, ценность которой, по мнению Толстого, вовсе не сознается в нынешнем извращенном обществе; «свободное, любовное общение со всеми разнообразными людьми мира» вне всяких социальных, сословных перегородок и, наконец, «здоровье и безболезненная смерть» (там же, с. 418–421).

Федоров, коротко перечисляя выделенные Толстым условия и сопровождая их полемическими репликами, выпускает четвертое условие (будучи с ним согласным), а на его место ставит пятое условие.

Мнение Н. Ф. Федорова о статье «В чем счастие?», близкое высказанному в данной заметке, записал И. М. Ивакин (см.: Т. IV наст. изд., с. 523). – *16*.

[47] Свое рассуждение об условиях счастья Толстой заканчивал следующим выводом: «Учение Христа о том, что жизнь нельзя обеспечить, а надо всегда всякую минуту быть готовым умереть, несомненно лучше, чем учение мира о том, что надо обеспечить свою жизнь, – лучше тем, что неизбежность смерти и необеспеченность жизни остаются теми же при учении мира и при учении Христа, но сама жизнь, по учению Христа, не поглощается уже вся без остатка праздным занятием мнимого обеспечения своей жизни, а становится свободной и может быть отдана единой свойственной ей цели – благу себе и людям». И хотя «болеть,

страдать, умирать» человек, следующий Христовым заповедям, «будет так же, как и все [...], жить он будет несомненно счастливее» (*Толстой. 23*, 426–427). – *16*.

[48] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 21 (копия рукой Н.П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 114). Заметка является откликом на статью философа-публициста и литературного критика Николая Константиновича *Михайловского* (1842–1904) «О Крейцеровой сонате», вошедшую в серию его «Писем о разных разностях» (печатались в газете «Русские ведомости» в 1890–1891 гг., а затем вошли в сборник «Литература и жизнь» (СПб., 1892)). Н. К. Михайловский увидел в главном герое толстовской повести Позднышеве «тонкое и глубокое изображение одного из типов развратной души». И с этой точки зрения позднышевское отрицание плотской любви, для критика, – не плод нравственного переворота, а всего лишь оборотная сторона слабости духа, бессилия перед соблазнами, следствие развращенного взгляда на вещи. Развратной душе, указывал Михайловский, всюду мерещится разврат, отсюда и нелепое убеждение Позднышева в опасности «играть “Крейцерову сонату” в салонах при декольтированных дамах», и его мысль о противоестественности плотской любви, хотя сам герой знал «только голую, обнаженную, животную любовь». Критикуя декларации Позднышева, которые, по мысли Михайловского, лишь отчасти отражают мнения самого Толстого, публицист выступал за очеловечение любви, за полноту истинного чувства, в котором нераздельны близость телесная и духовная (Н. К. Михайловский. Сочинения. СПб., 1897, с. 761–771).

В своей оценке «Крейцеровой сонаты» Н. Ф. Федоров стоял на иных позициях. Для него в половом соединении и размножении – один из корней глубочайшей дисгармонии природного порядка вещей, дисгармонии, ощущаемой из всех живых существ лишь человеком. Хотя рождение и связано с самым пиком жизненных сил особи, с моментом полового сладострастия, но неизбежной обратной стороной рождения является истощение сил родителей, медленное вытеснение их из жизни. Радости чувственной любви – лишь приманка, отвлечение от истинной цели человеческого существования. И с этой точки зрения выступление Толстого против той системы ценностей, в которой превознесена и романтизирована чувственная любовь, возведена «в высшую поэтическую цель стремлений людей» и обращает себе на службу их лучшие силы, не могло не быть близко мыслителю. Добавим, нравственная позиция Толстого в отношении проблемы любви отчасти и формировалась под воздействием взглядов Федорова, его критики современного общества как общества несовершеннолетних, «блудных сынов», «вечных женихов и невест», ублажению которых служит весь торгово-промышленный уклад жизни, ориентированный на потребление, наслаждение, комфорт. Однако если Толстой в своей повести и в «Послесловии» к ней остановился на проповеди воздержания и брато-сестринских отношений между супругами, то Федоров, считавший «отрицательное целомудрие», сохранение аскетической девственности далеко не достаточным (это борьба лишь оборонительная, которая при своей абсолютизации приведет лишь к самоубийству человеческого рода), выступил с идеей «положительного целомудрия», обращения родотворной энергии в созидательные, воскресительные мощности. Ведь в человеке против необузданной, разлитой по всей природе стихии полового сладострастия и размножения встает отсутствующее в животном мире чувство любви к родителям, заботы о них, стремление поддерживать их слабеющие силы. В этом сыновнем чувстве человек как бы идет против природы, не только поддерживая жизнь в осужденном ею на смерть, но и рождая в религиозных культах мысль о возвращении утраченного, о воскрешении. Именно в свете сыновнего долга получает истинное значение идея любви и брака – как союза «сынов и дочерей человеческих», воскресителей. И речь уже идет не об угашении эротического потенциала личности, а о том, чтобы силы и энергии, реализующиеся в слепом биологическом рождении, направить на сознательное творческое воссоздание родителей и предков, для чего необходима полнота знания своего организма, с одной стороны, и обладания внешним миром, с другой. Федоровская идея трансформации родотворной энергии в преобразующую и воскресительную, в светлую энергию творчества бессмертной, духоносной жизни оказалась близка В. С. Соловьеву, который в статьях «Смысл любви», «Жизненная драма Платона» выдвигал в качестве конечной задачи любви «восстановление [...] целости человеческой личности, создание абсолютной индивидуальности», «торжество над смертью», «превращение смертного в бессмертное», достижение «совершенного всеединства» (*Соловьев. 7*, 29, 45–47), а затем, уже в XX в., была развита А. К. Горским в работе «Огромный очерк» (А. К. Горский, Н. А. Сетницкий. Сочинения. М., 1995, с. 185–266; подробнее см.: С. Г. Семенова. Тайны Царствия Небесного. М., 1994, с. 251–259, 358–381). –*17*.

[49] К этому Н. П. Петерсон в копии сделал следующую приписку: «Написал это человек, на которого действительно никакие соблазны не действовали, были в отношении его совершенно бессильны». –*17.*

[50] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр. 9, лл. 19–20 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – там же, лл. 18, 21). Заметка является откликом на статью Л. Н. Толстого «Страшный вопрос» («Русские ведомости», 6 ноября 1891, № 306), написанную по поводу голода 1891 г. и открыто ставившую вопрос о том, достаточно ли в России хлеба, «чтобы прокормиться до нового урожая». Высказывая опасения, что хлебные запасы не покроют нужд населения, Толстой предлагал начать по всей России добровольный сбор сведений о количестве хлебных запасов, в котором приняли бы активное участие местные общественные силы и вообще все желающие помочь в благом деле. В статье проскальзывали нотки раздражения против правительства: число хлеба до сих пор не учтено, в правительственных распоряжениях чувствуется паника и т. д. – *17.*

[51] Говоря об *усилиях, которые употребляло правительство... для сбора сведений об урожае и неурожае,* Федоров имеет в виду прежде всего деятельность Министерства финансов, которое еще с осени 1888 (также неурожайного) года вело постоянный сбор сведений об условиях произрастания зерновых хлебов от момента посева до времени уборки и о месячных ценах на главнейшие хлеба через свои местные органы (казенные палаты и податных инспекторов). С весны же и лета 1891 г., когда предсказывавшийся еще осенью 1890 г. недород озимых стал очевидностью и возникла реальная угроза неурожая яровых, Министерство финансов, не дожидаясь сбора и обмолота хлебов, предприняло меры по «выяснению положения урожая и наличности запасов для продовольствия на местах» («Новое время», 8(20) августа 1891, № 5546). Тогда же была вычислена цифра вероятного сбора ржи: 711 млн. пудов – при потребности 994 млн. пудов, и с июня 1891 г. правительством начали приниматься меры по предотвращению последствий неурожая, которые, однако, не могли остановить стремительно наступавший голод. Сентябрь–октябрь 1891 г. прошли под знаком сбора новых сведений о распространении бедствия и размерах народной нужды, в котором наряду с представителями местной администрации активное участие приняло земство. Кстати, вопрос о сборе и систематизации сведений о запасах, о нехватке хлеба до нового урожая и о недостаточности правительственных мер поднимался в русской печати и до статьи Л. Н. Толстого (см. «Русские ведомости», 8, 9, 23 августа, 24, 25, 28 сентября, 5, 17 октября 1891; «Московские ведомости», 1 октября 1891, № 271; «Новое время», 21 августа (1 сентября) 1891). И неоднократно звучали призывы к соединению в «святом деле» помощи голодающим всех сил страны, к согласному взаимодействию правительства и общества, к сотрудничеству всех сословий («Новое время», 19(31) августа, 23 августа (4 сентября) 1891; «Русские ведомости», 23 августа, 5, 13 октября 1891). На фоне этих призывов ко всеобщей совместной и согласной работе, по духу близких Н. Ф. Федорову, несколько раздраженный тон статьи Л. Н. Толстого, выпады против правительства и имущего класса воспринимались мыслителем особенно болезненно, хотя сам Толстой в конце своей статьи и указывал на то, что сбор сведений о количестве хлебных запасов – дело и власти, и земства, и добровольцев на местах. – *17.*

[52] Реплика Федорова вызвана следующим местом статьи Л. Н. Толстого: «Учесть, сколько нужно хлеба для прокормления тех, у которых нет его, нужно выписать этот недостающий хлеб из чужих стран – это наше прямое дело, столь же естественное, как и то, которое делал мужик вчера, объезжая округу на 20 верст, и совесть наша будет спокойна только тогда, когда мы объездим свою округу и сделаем в ней все, что можем. Для него округа Данков, Клекотки, для нас округа – Индия, Америка, Австралия. Мы не только знаем, что страны эти существуют, мы находимся в дружеском общении с их жителями. [...] Неужели это так трудно? Мы, которые умеем высчитывать, сколько каких козявок на свете, сколько каких микробов в каком объеме, сколько миллионов верст до звезд и сколько в каждой пудов железа и водорода, – мы не сумеем высчитать, сколько надо съесть людям, чтобы не помереть с голода?» (*Толстой. 29*, 123). Подобную же реплику по поводу данных слов Толстого см в работе «“Не-делание” ли или же отеческое и братское дело?» – Т. II наст. изд., с. 343. – *17.*

[53] В статье «Страшный вопрос» Толстой писал, что последствием ошибки в подсчете запасов «будет нечто ужасное: смерть голодных миллионов и худшее из всех бедствий – остервенение, озлобление людей» (*Толстой. 29*, 117). Говоря о пустословии Толстого, Федоров имеет в виду эпатирующее заявление писателя в одном из разговоров с самим Николаем Федоровичем: «Говорю Вам, смерти нет». – *17.*

[54] Федоров здесь имеет в виду свой проект присоединения к обязательному подоходному налогу, – план введения которого обсуждался в правительственных сферах и на страницах российской печати осенью 1891 г. (подробнее см. примеч. 219), – добровольных пожертвований, «добровольного налога», принимаемого каждым на себя по зову сердца, в соответствии с нравственным долгом. – *18.*

[55] Реплика на фразу Л. Н. Толстого: «С Россией случилось нечто подобное тому, что случилось по рассказу Библии в Египте, только с той разницей, что в России не было предсказателя Иосифа, не было и запасливых и распорядительных людей, подобных Иосифу» («Русские ведомости», 6 ноября 1891, № 306; цитируется по газетному тексту – в оригинале несколько иначе: «не было предсказателя Иосифа, не было запасливого управителя – того же Иосифа» (*Толстой. 29*, 119)). – *18.*

[56] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр. 9, лл. 11–12 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – там же, лл. 10, 13). Заметка написана во второй половине ноября 1891 г. Текст письма И. М. Ивакина к Л. Н. Толстому от 21 октября 1891 г., написанного по внушению Н. Ф. Федорова и излагавшего два его проекта: международного книгообмена с Францией и метеорической регуляции, см. в Т. IV наст. изд., с. 655–658. Ответ Л. Н. Толстого последовал 12 ноября 1891 г. Толстой был весьма доброжелателен и приветствовал оба начинания: «Обмену книжному я, разумеется, всей душой сочувствую и думаю, что в деле духовном нельзя считаться, и нет таких весов, на которых бы можно было вешать выгоды и невыгоды. А чем больше общение, тем лучше» (*Толстой. 66*, 85); отзыв о втором проекте см. в примеч. 29 к «Статьям о Л. Н. Толстом» – Т. II наст. изд., с. 490. Однако Николай Федорович таким ответом не был удовлетворен. Прежде всего потому, что хоть и слабо, но все-таки надеялся не просто на одобрение своих идей, а на деятельное участие в их распространении (ср. в письме И. М. Ивакина: «Вы своим властным словом и в России, и во Франции сделали бы то, чего конечно не сделали бы сотни писателей тысячами писаний» (Т. IV наст. изд., с. 657)). Толстой же ограничился лишь письменным откликом и никаких реальных действий не предпринял. Кроме того, саму идею регуляции природы Толстой воспринимал, как свидетельствовало его письмо, утилитарно-узко, а глубинный ее смысл – преодоление самого природного порядка существования – не понимал и не принимал. – *18.*

[57] Огюст-Луи-Жозеф Бертело, барон *де Бай* (1853–1913) – французский археолог, специалист в области доисторических эпох, автор многотомного исследования «Доисторическая археология» (1880), книг «Индустрия лангобардов» (1888) и «Индустрия англосаксов» (1889). С целью археологических и этнографических разысканий много путешествовал по Европе, бывал и в России. О сочувственном отношении барона де Бай к проекту франко-русского книгообмена писал В. А. Кожевников (см. примеч. 75 к «Статьям о разоружении и умиротворении» – Т. I наст. изд., с. 484). Письмо барона де Бай по поводу книжного обмена было адресовано С. С. Слуцкому (см. об этом в письме 60), который, явно по инициативе Н. Ф. Федорова, сообщил французскому археологу о данном проекте. Отрывок из письма барона де Бай И. М. Ивакин привел в своем обращении к Л. Н. Толстому (Т. IV наст. изд., с. 657). Само письмо не разыскано. – *18.*

[58] Все сказанное в данном и предыдущем абзаце является откликом на статью «Возможно ли искусственное произведение дождя» («Московские ведомости», 15 ноября 1891, № 316, подпись «Я.»; помещена в рубрике «Научные заметки»). Статья, начинавшаяся с констатации первостепенной важности для сельского хозяйства вопроса об искусственном вызывании дождя, подробно описывала опыты, произведенные в Техасе в августе 1891 г. (средства на них – 10000 долларов – были выделены правительством Северо-Американских соединенных штатов). Автор статьи поведал о первых воодушевлявших успехах, о восторгах публики и прессы, о намерениях устроителей опытов добиться выделения от министерства земледелия колоссальных сумм «на делание дождя»; не умолчал и о том, как некоторое время спустя «приятные вожделения успеха» были отравлены публичным заявлением «некоего Даниэля Реглься из Виргинии», сообщившего, что опыты 1891 г. не открыли ничего нового, а их инициаторы сенатор Чарльз Форуэль и генерал Дайренфорс попросту «узурпировали» его, Реглься, права как изобретателя. В доказательство своей правоты Реглс «представил полученную им за № 230 от 13 июля 1880 года привилегию на искусственное произведение дождя» (автор газетной статьи несколько иронизировал над «привилегией Реглься», говоря, что в Америке «привилегии берутся ежедневно чуть не сотнями») и опубликованное в том же году в журнале «Scientific American» описание своего способа, почти тождественного тому, который был применен летом 1891 г. в Техасе. Спустя же еще некоторое время в «Scientific American» было напечатано письмо одного из старожилов Техаса, который, опираясь на данные местных об-

серваторий, показывал, что в дни успешных опытов – 9 и 26 августа – дожди шли и в других районах Техаса, причем без всякой искусственной стимуляции.

Далее автор статьи «Московских ведомостей», констатируя несостоятельность «опытов Форуэля и Дайренфорса», приводил мнение доктора Эдвина Гоустона, известного американского метеоролога, выдвинувшего свою теорию дождеобразования. Э. Гоустон подтверждал, что «хорошие взрывы могут помочь дождю», однако для успешности опытов, указывал он, необходим ряд условий, в том числе: усовершенствованная техника и определенное состояние атмосферы, данные о котором можно получить лишь заведя «целые ряды метеорологических станций на воздухе», т. е. имея «целые серии привязанных к известному месту аэростатов, которые или поднимали бы метеорологов-наблюдателей, или были бы снабжены» всеми необходимыми инструментами и приспособлениями, передающими фиксируемые данные на землю. Статья заканчивалась выводом о том, что вопрос об искусственном вызывании дождя на данный момент еще далек от разрешения. – *19.*

59 Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр. 9, лл. 15–16 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – там же, лл. 14, 17). Заметка написана не ранее осени 1891 г. В ней Федоров рассматривает проекты искусственного вызывания дождя и международного книгообмена в перспективе «дальней цели» – регуляции, «обращения слепого хода природы в разумный» (подробнее см. в примеч. 5 к разделу «Библиотеки и музейно-библиотечное образование» – Т. III наст. изд., с. 666). Мысль о регуляции как радикальном пути решения «продовольственного вопроса» противопоставляется здесь паллиативным, с точки зрения Федорова, мерам, предложенным Толстым в статьях «Трудолюбие, или торжество земледельца» (см. примеч. 10 к «Статьям о Л. Н. Толстом» – Т. II наст. изд., с. 489) и «Страшный вопрос». Подробно эта мысль была развита в работе Н. Ф. Федорова «В защиту дела и знания...» («“Неделание” ли или же отеческое и братское дело?»); там же см. объяснение словосочетания «забавный вопрос» (Т. II наст. изд., с. 351–357). – *19.*

60 Речь идет об арийцах. В исторической науке с середины XIX в. термин *«арийцы»* употреблялся для обозначения народов, принадлежавших к индоевропейской языковой общности (в настоящее время применяется лишь к племенам и народам, говорившим на индоиранских языках). – *19.*

61 Франко-русский союз, оформленный соглашением 1891 г. и секретной военной конвенцией 1892 г., был направлен прежде всего против Германии, стоявшей во главе Тройственного союза. Федоров противопоставляет военно-политическому союзу двух народов их союз против «общего всем врага» – «слепой силы природы», – к которому могут присоединиться все другие народы. – *20.*

62 Речь идет о «Протесте против антисемитского движения в печати», текст которого был написан В. С. Соловьевым в 1890 г. в связи с распространившимися слухами о подготовке проекта об ограничении правового положения евреев в России. Протест собрал более 50 подписей, в том числе Л. Н. Толстого и ряда профессоров Московского университета. – *20.*

63 См. примеч. 12 к «Статьям о Л. Н. Толстом» – Т. II наст. изд., с. 489. – *20.*

64 Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 66, л. 1, 2–2 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 363). Заметка – один из полемических откликов Н. Ф. Федорова на статью Л. Н. Толстого «Неделание» (см. примеч. 33 к «Статьям о Л. Н. Толстом» – Т. II наст. изд., с. 490). – *20.*

65 Цитата из статьи «Неделание» (*Толстой. 29*, 184). – *20.*

66 В статье «Неделание» Л. Н. Толстой отвергал утверждение Э. Золя, высказанное в его обращении к французской молодежи, о благотворном, облагораживающем воздействии труда, о труде как средстве укрепления добрых начал в душе человека («сознанный труд, муравьиная гордость своим трудом делает не только муравья, но и человека жестоким»). Писатель подчеркивал, что «труд так же мало может быть добродетелью, как питание. Труд есть потребность, лишение которой доставляет страдание, но никак не добродетель. [...] Труд не только не есть добродетель, но в нашем ложно организованном обществе есть большею частью нравственно анестезирующее средство вроде курения или вина, для скрывания от себя неправильности и порочности своей жизни» (*Толстой. 29*, 187). – *21.*

67 Л. Н. Толстой переехал в Москву с семьей осенью 1881 г. Одним из самых тяжелых впечатлений первых месяцев был контраст роскоши и нищеты, бедственное положение городских низов. С целью обратить внимание общественности Москвы на тысячи нуждающихся бедняков и привлечь к делу помощи им как можно большее количество интеллигенции и людей состоятельных, 20 января 1882 г. писатель выступил в печати со статьей «О пе-

реписи в Москве», в которой призывал вывести предстоявшую перепись населения города за рамки бездушной статистики и присоединить к переписи «дело любовного общения» счетчиков и их добровольных помощников со всеми несчастными, больными и голодными, положив начало деятельной заботе о последних. Однако, несмотря на активное участие самого Толстого и лиц, откликнувшихся на его призыв, в переписи (она состоялась 23–25 января 1882 г.), задуманный им план помощи народу осуществлен не был. – *21.*

68 Федоров имеет в виду обострившееся в период духовных исканий Л. Н. Толстого начала 1880-х гг. сомнение в «спасительности» научного знания, в нужности теоретической, «кабинетной» науки, оторванной от религиозно-нравственного идеала. Это сомнение неоднократно высказывалось писателем в его сочинениях, хотя, критикуя отвлеченную науку, которая ничего не дает для жизни (среди «бесполезных» наук на одном из первых мест для писателя стояла астрономия), Толстой и не называл имя Коперника. Особенной остроты критика «господской науки» достигла в последние годы жизни писателя (см. статью «О науке» и связанные с ней письма А. А. Шкарвану в январе 1910 г.). И здесь Толстой, говоря о «ничтожестве» «нашей науки», уже ополчается и на Коперниканскую систему: «Неученый, большей частью рабочий человек, который видит почти всегда восход и заход солнца, говорит и думает, что день и ночь бывает оттого, что, как он это ясно видит, солнце выходит с одной стороны из-за леса или из-за поля, а ночь бывает, когда оно с другой стороны заходит. [...] Ученый же, так называемый "образованный" человек, хотя сам и редко видит восход солнца, [...] говорит и думает, что день и ночь бывает оттого, что вертится земля около своей воображаемой оси, а зима и лето оттого, что вся земля вертится по воображаемой орбите вокруг солнца [...]. Как ни остроумна Коперникова система и как ни забавны могут быть для праздных людей их, с помощью сотни миллионов стоящих обсерваторий и телескопов, исследования туманных пятен и каналов на Марсе и т. п., нельзя не признать каждому добросовестному и серьезному человеку того, что знания мужика о том, что происходит на небе, суть действительные, но самостоятельные знания, знания же ученого суть и сомнительные, и несамостоятельные, и очень гадательные, и ни на что, кроме как на препровождение времени богатых людей, не нужные знания» (*Толстой. 81*, 33–34).

Ср. также свидетельство В. С. Соловьева в письме Н. Н. Страхову от 19 октября 1884 г.: «Сегодня у того же Афанасия Афанасьевича (Фета. – *Сост.*) виделся с Л. Н. Толстым, который, ссылаясь на одного немца, а также и на основании собственных соображений, доказывал, что земля не вращается вокруг солнца, а стоит неподвижно и есть единственное нам известное "твердое" (sic) тело, солнце же и прочие светила суть лишь куски света, летающие над землею по той причине, что свет не имеет веса.

Я в принципе ничего против этого не имею, но относительно оснований сомневаюсь и советовал ему обратиться к Бредихину (астроному), а также написать Вам, но он возражал, что Вы слишком влюблены в науку и будете спорить» (*Соловьев. Письма. I*, 19). – *21.*

69 См. примеч. 83 к «Статьям о разоружении и умиротворении» – Т. II наст. изд., с. 485. – *21.*

70 Против евангельского свидетельства о вознесении Спасителя, а также против представлений церкви о втором пришествии и страшном суде Л. Н. Толстой высказывался в работах «В чем моя вера» (1884) и «Исследование догматического богословия» (1879–1884), утверждая, что эти положения христианской религии (наряду с догматами Троицы и воскресения) обращают мысль и сердце верующих за пределы мира и тем отвлекают от насущного нравственного смысла «благой вести», призывающей к совершенствованию здесь, на земле. – *21.*

71 В своих статьях и заметках о Л. Н. Толстом Н. Ф. Федоров часто упоминает эти два его высказывания. Первое из них было произнесено во время совместного посещения писателем и философом в 1882 г. всероссийской промышленно-художественной выставки. Как вспоминал Федоров, на выходе Толстой сказал, указывая на здание выставки: «Динамитцу бы!» Сцена, сопровождавшая второе высказывание, в разных вариантах передавалась мемуаристами и исследователями, писавшими о взаимоотношениях Л. Н. Толстого и Н. Ф. Федорова. А. С. Пругавин, историк, исследователь старообрядчества, вспоминал о ней так: «Библиотечные залы Румянцевского Музея, в Москве. Длинные ряды высоких, громадных шкафов, с верху до низу унизанных книгами всевозможных форматов, в различных переплетах. [...]

Через залы проходит высокий, бодрый господин лет 55-ти, с глубоко сидящими глазами, которые вспыхивают, как огоньки, и сверлят, как буравчики. Его провожает старик лет 60,

бедно одетый, в старом потертом, наглухо застегнутом не то длинном пиджаке, не то в коротком пальто [...]

Высокий господин окинул глазами бесконечные ряды полок с книгами и затем, заглянув в лицо своего спутника, проговорил:

– Ах, если б все это... сжечь!

Как гром в ясный день, эти слова поразили старика. Точно ужаленный, он схватился за голову и закричал: – Боже мой!... Что вы говорите!.. Какой ужас!..

Этот старик был Николай Федорович Федоров, библиотекарь и библиограф Румянцевского музея, которого знала и высоко ценила вся интеллигентная Москва. А высокий господин, как наверное уже догадался читатель, – Лев Николаевич Толстой.

Это было в начале 80-х годов [...] Я видел Николая Федоровича несколько дней спустя после только что описанной сцены. Всегда спокойный, добродушный, приветливый, – на этот раз он весь горел, кипел и негодовал.

– Нет, послушайте, – обращаясь ко мне, говорил он с глубоким волнением, – каков Лев-то Николаевич! Что он мне сказал! Ведь вы только подумайте!.. [...]

– Толстой просто пошутил, это совершенно ясно, – с убеждением сказал один из библиотекарей, присутствовавший при этом разговоре.

Но замечание это только подлило масла в огонь.

– Да разве *этим* можно шутить?! – с горечью и укоризной воскликнул Николай Федорович.

– Ему просто вздумалось поразить вас, попугать... У него есть эта Печоринская черточка, – говорил тот же библиотекарь.

Николай Федорович махнул рукой и принялся рыться в карточном указателе.

– Печоринская черточка, – бормотал старик, – но ведь он, слава Богу, не Печорин, а *Лев Толстой*.

– Ведь вы же всегда любили Толстого, – заметил я Николаю Федоровичу.

– Да я и сейчас его люблю, – отвечал старик тоном, в котором слышалась глубокая искренность. – Я совершенно уверен, что Лев Николаевич никогда ни одной книги не сожжет... Об этом, разумеется, и речи не может быть. Только уж очень он поразил меня своими словами».

Далее в своих воспоминаниях А. С. Пругавин приводил комментарий на вышеописанный эпизод одного из толстовцев, который не только не счел слова Толстого эпатажем, но указал, что в них, пусть и в резкой форме, пусть и «от противного», высказана излюбленная мысль писателя о «едином на потребу» («зачем все эти книги, зачем все эти библиотеки, когда есть Евангелие, в котором так полно изложено все то, что нужно для жизни и счастия людей?») и о губительности ложно направленной, часто поверхностной и растлевающей культуры (А. С. Пругавин. О парадоксах Л. Н. Толстого // Сборник воспоминаний о Л. Н. Толстом. М., 1911, с. 6–9).

Федорова возмущал выразившийся в двух этих сценах культурный «нигилизм» Толстого. Сам философ, так же как и Толстой, критиковал секуляризованную культуру и литературу Нового времени (см., в частности, статью «Музей, его смысл и назначение» в Т. II наст. изд.), так же как и Толстой, порицал ложные ориентиры современной цивилизации (см. статью «Выставка» в Т. I наст. изд.), но при этом призывал не к разрушению цивилизации и культуры (толстовское «Динамитцу бы!» и «Сжечь бы все эти книги!»), а к их христианизации, направлению на благое, божеское дело. Кроме того, к книге и библиотеке мыслитель относился особым образом: «книга была для него святыней, надгробным памятником, отпечатком жизни умершего автора, который должен быть со временем восстановлен, воскрешен и воссоздан» (А. К. Горностаев (А. К. Горский). Перед лицем смерти. Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров. Харбин, 1928, с. 7). Отсюда – восприятие второй фразы Толстого как святотатства. – *21*.

[72] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 1, л. 36–36 об. – *21*.

[73] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 72 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 99–100). Заметка написана в начале 1894 г. (зимой или весной) в период очередного этапа работы над статьей «В защиту дела и знания...». Поводом к заметке послужил выход в свет сочинения Л. Н. Толстого «Царство Божие внутри вас» (см. примеч. 34, 35 к «Статьям о Л. Н. Толстом» – Т. II наст. изд., с. 490–491), разбор которого Федоров намеревался поместить в своей статье.

Позиция Н. Ф. Федорова по отношению к учению Л. Н. Толстого о непротивлении, заявленному в этом сочинении, в ранее изданном трактате «В чем моя вера», а также в це-

лом ряде последующих статей, была резко негативной. Развивая тезис о неправедном и насильственном основании всякой государственной власти, которая противоречит христианской морали и узаконивает насилие и убийство в виде судебных приговоров, расправы над преступниками, войн и т. п., Толстой утверждал, что единственно возможной и нравственно оправданной позицией в таких обстоятельствах должно стать неподчинение неправедным законам: отказ от исполнения воинской повинности, уплаты налогов, участия в судебных разбирательствах и т. д. Федоров же в своей полемике с писателем развивал мысль о том, что призыв к непротивлению не только не устраняет зла в мире, но, напротив, способен усилить противостояние и вражду, и нужно не пассивное лишь «неучастие» в делах тьмы, в суде над ближним, в насилиях и убийствах, а сознательный труд «искупления всеобщего греха», восстановления «жизни всех умерших поколений». Нужно не разрушать созданные долгим трудом истории государственные и общественные структуры, а дать им должное, благое развитие, наполнить их деятельность активно-христианским содержанием, обратить на служение божескому делу. Тем более, что механическая отмена сдерживающих механизмов власти при нынешнем нравственном состоянии человечества и невозможна; для этого нужен, с одной стороны, довольно долгий период воспитания, внутреннего роста, а с другой – объединение в труде не только внешней, но и внутренней регуляции, работа над несовершенной, смертной природой человека, неизбежно рождающей зло индивидуальное и социальное. Мгновенное прозрение, на которое уповал Толстой, столь любивший повторять: «Только бы поняли люди...», – для Федорова не более чем утопия. – *22*.

[74] См. брошюру В. А. Кожевникова «Бесцельный труд, “не-делание” или дело? Разбор взглядов Эмиля Золя, Александра Дюма и графа Л. Н. Толстого на труд» (М. 1893). О содержании брошюры см. примеч. 40 к «Статьям о Л. Н. Толстом» – Т. II наст. изд., с. 491. – *22*.

[75] В начале статьи «В защиту дела и знания…» Федоров помещал названия тех сочинений Толстого, которые разбирались им по ходу текста. *«Недумание», или торжество невежества* – так Н. Ф. Федоров иронически называл статью Л. Н. Толстого «Трудолюбие, или торжество земледельца», посвященную одноименному сочинению крестьянина Т. М. Бондарева (см. примеч. 10, 12, 13 к «Статьям о Л. Н. Толстом» – там же, с. 489). – *22*.

[76] «Царство Божие внутри вас» на русском языке и в немецком переводе было напечатано в Германии в начале января 1894 г.: русский текст в издательстве Августа Дейбнера в Берлине, немецкий текст – в издательстве «Deutsche Verlagsanstalt» в Штутгарте. – *22*.

[77] доказательство от абсурда (*лат.*). – *22*.

[78] На французском языке сочинение Толстого появилось раньше других изданий: «Le salut est en vous». Paris, 1893. – *23*.

[79] Под этим названием помещены три заметки, дополняющие статью Н. Ф. Федорова «В защиту дела и знания...». Летом 13 августа 1894 г. переписанная Н. П. Петерсоном набело статья была отправлена из Воронежа к В. А. Кожевникову, взявшему на себя труд представить ее в цензуру. Заметки, содержащие размышления Федорова по поводу статьи и планы возможных дополнений, написаны уже в Москве после этой даты. Первая из этих заметок перекликается с письмом к Н. П. Петерсону (от конца августа – начала сентября 1894). Текст ее печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 76, лл. 1–1 об., 4–4 об. (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 3, ед. хр. 3, лл. 316–317). На листах оригинала в правом верхнем углу – помета общности текста с другими заметками к статье: «К разбору дела и неделания».

Поводом к написанию заметки стало появление в зарубежной печати работы Л. Н. Толстого «Христианство и патриотизм» (во франц. пер.: «L'esprit chrétien et le patriotisme» (Христианский дух и патриотизм) // Journal de Débats, 1894, май; отд. изд.: Paris, 1894). В этой работе Л. Н. Толстой чрезвычайно резко отозвался о патриотической кампании в русской и французской прессе, вызванной заключением франко-русского союза и торжествами по случаю прибытия в начале октября 1893 г. русской эскадры в Тулон. Неумеренные изъявления восторга, повальная экзальтация толпы, преувеличенные выражения «внезапно вспыхнувшей» любви русского и французского народа друг к другу в официальной прессе и частных письмах и телеграммах, в обилии печатавшихся тогда на страницах газет, – все это казалось писателю «злой ложью», напоминало «психопатическую эпидемию», а в настойчиво повторявшихся речах о мире виделось умело скрываемое молчание о возможной войне с теми государствами, которые находятся вне рамок союза и являются потенциальными врагами России и Франции. Толстой повторял высказанный еще в сочинении «В чем моя вера» вывод о несовместимости чувства патриотизма, которое есть «не что иное, как предпочтение своего государства или народа всякому другому государству и

народу», с христианскими нравственными нормами. «Патриотизм, – утверждал он, – мог быть добродетелью в древнем мире, когда он требовал от человека служения наивысшему – доступному человеку того времени – идеалу отечества» и вызывался необходимостью защиты своей земли и населения от варварских набегов. В мире же, преображенном христианским просвещением, «патриотизм стал уже не только не нужен», но является «единственным препятствием для [...] единения между народами» и активно эксплуатируется правящими кругами для достижения политических и экономических целей, не имеющих ничего общего с христианством (*Толстой. 39*, 61–63). Н. Ф. Федоров в своей реплике исходит из собственного понимания патриотического чувства, которое не в последнюю очередь растет из «любви к отеческим гробам», – и именно это чувство любви к ушедшим, к отцам и предкам, по убеждению мыслителя, должно составить основу истинного, активно-христианского патриотизма, любви «всех сынов как одного сына ко всем отцам как одному отцу», вдохновляющей не на борьбу с себе подобными, а на истребление «последнего врага», смерти. – *23*.

[80] Ин 10:30, 5:17. – *23*.

[81] См. примеч. 75. – *23*.

[82] Федоров имеет в виду следующее место «Исповеди» Л. Н. Толстого (1879–1882): «Когда-нибудь я расскажу историю моей жизни – и трогательную, и поучительную – в эти десять лет моей молодости. [...] Без ужаса, омерзения и боли сердечной не могу вспомнить об этих годах. Я убивал людей на войне, вызывал на дуэли, чтобы убить; проигрывал в карты, проедал труды мужиков; казнил их, блудил, обманывал. Ложь, воровство, любодеяние всех родов, пьянство, насилие, убийство...» (*Толстой. 23*, 4–5). – *23*.

[83] Федоров ссылается на одну из глав книги философа и социолога Льва Александровича *Тихомирова* (1852–1923) «Борьба века» (М., 1895), первоначально печатавшейся «отдельными фельетонами» в газете «Московские ведомости» осенью 1894 г. Анализируя генезис и историческую судьбу революционной идеи, указывая на ее несомненный, хотя и искаженный, религиозный пафос (мечта о совершенном устроении жизни, чаяние «земного всеблаженства»), Л. А. Тихомиров в то же время подчеркивал деструктивные черты, подспудно присутствующие во всяком революционном идеале, поскольку осуществление его мыслится лишь путем тотального разрушения прежнего уклада, – что в конечном счете неизбежно ведет к анархизму. Учение Л. Н. Толстого публицист как раз и рассматривал как закономерное следствие эволюции революционной идеи, когда нигилистический принцип осуществлен последовательно и доводится до своего логического предела. Анархисты отрицают общество, но признают культуру, «отрицают жизнь в очевиднейших законах ее, которые проявляются в обществе» и одновременно «как дети хватаются за ничтожнейшие радости этой отрицаемой ими жизни», «отрицают власть, а сами практикуют насилие» и рвутся к той же власти, Толстой же отрицает и общество, и культуру, и радости жизни, и власть. При этом его анархизм пассивен и в этом смысле «для социального мира гораздо страшнее динамитного анархизма, ибо вносит в общество не острые кризисы, не оживляющую борьбу, а безнадежное мертвое гниение», подтачивает его изнутри. Финальной же вехой анархизма и отрицания станет, по мысли Тихомирова, «идея уничтожения мира», «какая-нибудь вариация Гартмана, переработанная каким-нибудь сумасшедшим, который бы сумел дать этой идее контуры, соответствующие настроению наследников толстоизма» (Л. А. Тихомиров. Борьба века, с. 23–24, 27). Раскрывая тезис о пассивном анархизме, к которому сводится толстовское учение «о непротивлении», Л. Тихомиров ссылался на книгу врача и публицистки Марии Михайловны *Манасеиной* (?–1903) «Пассивная анархия и граф Лев Толстой (Царство Божие внутри вас)», вышедшую на французском языке в Париже в 1894 г.: Marie de Manasséine. L'anarchie passive et le comte Leon Tolstoi (Le salut est en vous). Paris, 1894. – *23*.

[84] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 76, лл. 2–3 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, лл. 317–318). В правом верхнем углу – помета общности текста с другими заметками к работе «В защиту дела и знания»: «К разбору статьи "В защиту дела и знания" (к предисловию)». Эпиграф «Отец Мой доселе делает и Я делаю» с развернутым на него толкованием Н. Ф. Федоров предпосылал своей работе (см. письмо 88). В. А. Кожевников в одном из ответных писем предложил опустить толкование, что вызвало недоумение Федорова (см. письмо 90). Данная заметка написана по поводу обсуждения вопроса об эпиграфе и почти полностью была воспроизведена Н. Ф. Федоровым в письме к В. А. Кожевникову от 20 августа 1894, фактически послужив его черновиком. – *24*.

[85] Речь идет о статье Н. Ф. Федорова, в окончательном варианте получившей название «Выставка 1889 года, или наглядное изображение культуры, цивилизации и эксплуатации, юбилей столетнего господства среднего класса, буржуазии или городского сословия, и чем должна быть выставка последнего года XIX или первого года XX, точнее же, выставка на рубеже этих двух веков; что XIX век завещает XX? К проекту юбилейной столетней выставки» (см. Т. I наст. изд.). – *24*.

[86] Статья о Качимской школе (церковно-приходской школе в с. Мордовский Качим Пензенской губ. – см. примеч. 56 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 596–597), варианты которой были набросаны Н. Ф. Федоровым в письмах 78, 79, вошла в статью мыслителя «О значении обыденных церквей...» (см. Т. III наст. изд.). – *24*.

[87] Перед этим текстом зачеркнут следующий абзац: «Конечно, не полезно только, а совершенно необходимо всем, какие бы они ни занимали должности, знать, какого дела и кого они составляют искажение». – *24*.

[88] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, л. 16 об. – *25*.

[89] Федоров имеет в виду то место XI главы сочинения «*В чем моя вера*», где Л. Н. Толстой рисует картину кризисного духовного состояния современного мира, в котором завершается процесс секуляризации всех сфер человеческого бытия, и сравнивает нынешнее человечество с «только что родившимся ягненком», который «мечется, суетится, кричит, толкается» и может пропасть, «если не возьмется за соски матери». «Дело, которое предстоит теперь миру, – по словам писателя, – состоит в том, чтобы понять, что процесс прежнего бессознательного питания пережит и что необходим новый, сознательный процесс питания», новое совершеннолетнее отношение к жизни, к Богу (*Толстой. 23*, 449). Под «*Критическим разбором*» Н. Ф. Федоров, вероятно, имеет в виду «Исследование догматического богословия», которое при первой публикации (т. I – Женева, 1891, т. II – Женева, 1896) вышло под заглавием «Критика догматического богословия». Полемически разбирая основные вероучительные истины христианства, Л. Н. Толстой по поводу трактовок некоторых из них (искупление, представление «о Боге как судье и мздовоздаятеле» и «о прославлении праведников на небеси») замечал, что согласиться с ними и принимать их как должное можно лишь «слабоумным людям», либо «самым грубым», либо только в детстве и отрочестве, имея от роду «пятнадцать лет» (*Толстой. 23*, 198, 277). – *25*.

[90] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 31 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 35–36). – *25*.

[91] Федоров имеет в виду предпоследний абзац своей заметки «Еще об историческом значении царского титула», вошедшей в работу «Самодержавие», со слов «для чего нужно это собирание, это совокупление сил всех народов в одну силу, если завоевание не есть цель?» (см. Т. II наст. изд., с. 4–5). Упоминание данной заметки, написанной в мае – начале июня 1895 г. и напечатанной в № 7 «Русского архива» за 1895 г., позволяет датировать заметку «В сыне человеческом дан не только долг...» временем не ранее июля–августа 1895 г., поэтому в блоке статей о Толстом она помещена после заметок, связанных с сочинениями «Царствие Божие внутри вас» и «Христианство и патриотизм», вышедшими в свет позднее статьи «Религия и нравственность». – *25*.

[92] Здесь и ниже Н. Ф. Федоров полемизирует со статьей Л. Н. Толстого «Религия и нравственность» (впервые опубликована на нем. языке в журнале «Für Ethische Kultur» (1893, №№ 52, 53, 1894, №№ 1, 3), на русском языке, с цензурными пропусками и искажениями, в журнале «Северный вестник» (1894, № 1) под заглавием «Противоречия эмпирической нравственности»). Стремясь определить, что такое истинная религия, Толстой вычленял три основных мироотношения, сложившихся в истории человечества и давших основание всем мировым религиям: «личное, состоящее в признании смысла жизни в благе личности», «независимо от того, насколько страдает от этого благо других существ», «общественное», признающее назначение жизни «не в благе отдельной личности, а в благе известной совокупности личностей: семьи, рода, народа, государства, и даже человечества (попытка религии позитивистов)» и, наконец, «христианское, признающее смысл жизни в служении Пославшему человека в мир» и тем самым требующее «отречения от своей личности и от совокупности личностей для служения Богу» (*Толстой. 39*, 8, 9, 19). Объем этого служения в данной статье никак не раскрывался Толстым, что и вызвало критику Федорова, который к тому же считал, что христианство не умаляет «личное» и «общественное», а, напротив, дает образец единственно возможной формы гармоничного, «неслиянно-нераздельного» взаимодействия между «я» и «другими» («по типу Троицы»). «Служение же Пославшему человека в мир» сам мыслитель полагал в ис-

полнении высших чаяний христианства (всеобщего воскрешения и обожения), причем такое исполнение дало бы оправдание и личности, и обществу («жить не для себя и не для других, а со всеми и для всех, со всеми живущими для воскрешения всех умерших»). – *25.*

[93] По Толстому, первое, «первобытное личное» мироотношение легло в основу язычества («право личности на наслаждение»), буддизма («право личности на отсутствие страданий»), даосизма, магометанства, «новейшего спиритизма»; второе, «языческое общественное, или семейно-государственное» – в основу «китайской и японской религии», иудаизма и римского язычества, а также «церковно-государственного» православия; третье, «христианское, или божеское» – присутствовало в пифагореизме, в религии древнего Египта, в ряде христианских рационалистических сект, к нему же Толстой, «по умолчанию», относил и собственное учение о жизни (*Толстой. 39*, 8–9). «Неверная характеристика» первого типа религиозного сознания, характеризовавшего, по Толстому, все древние культы, – эгоизм, стремление к личному наслаждению, к земному, чувственному удовольствию, при забвении блага других людей. Для Федорова, в основе первых религиозных культов лежит сознание смертности, печалование по умершим (см. статью «Горизонтальное положение и вертикальное – смерть и жизнь» в Т. II наст. изд.). – *25.*

[94] «Всякий человек, проснувшись к разумному сознанию, не может не видеть, что все вокруг него живет, возобновляясь, не уничтожаясь и неуклонно подчиняясь одному определенному вечному закону, а что он только один, сознавая себя отдельным от всего мира существом, приговорен к смерти, к исчезновению в беспредельном пространстве и бесконечности времени [...]» (*Толстой. 39*, с. 7). – *25.*

[95] Там же, с. 6. В начале своей статьи Толстой выступал против укоренившегося в «современной культурной толпе» мнения, что «сущность всякой религии состоит в происшедшем от суеверного страха перед непонятными явлениями природы олицетворении, обоготворении этих сил природы и поклонении им». «Если люди боялись грома и молнии, то они бы и боялись грома и молнии, но для чего они придумали какое-то невидимое сверхъестественное существо, Юпитера, которое где-то находится и кидает иногда в людей стрелами? Если люди были поражены видом смерти, то они и боялись бы смерти, а для чего же они "придумали" души умерших, с которыми стали входить во воображаемое сношение?» (там же, с. 5–6). – *26.*

[96] Под этим заглавием соединены две заметки Н. Ф. Федорова, относящиеся к статье Л. Н. Толстого «Приближение конца» (1896), в которой писатель выступал против воинской повинности и призывал «всех честных и разумных людей» к отказу от военной службы (*Толстой. 31*, 78–86). Первая заметка печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 46 (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 140). – *26.*

[97] Федоров имеет в виду толкование на текст «Блаженны нищие духом» (Мф 5: 3) из сочинения Л. Н. Толстого «Соединение и перевод четырех Евангелий». Отвергая каноническое толкование «нищие духом» – имеющие «смиренное понятие о своих духовных качествах», Толстой указывал на прямое значение слова «нищий»: «бездомовник», «бродяга». «Иоанн был нищий, бродяга. Иисус всю жизнь был бродягой. Иисус и учит, что богатым нельзя войти в Царство Божие. [...] И начинается Нагорная проповедь тем, что *блаженны бродяги* [...]», т. е. те, которые отреклись «от всех форм жизни» и не заботятся о плотском (*Толстой. 24*, 199–200, 215). – *26.*

[98] Федоров имеет в виду рассказ Л. Н. Толстого «Много ли человеку земли нужно» (1886), вошедший в «Четвертую русскую книгу для чтения». Его герой, мужик Пахом, мечтавший о хорошем земельном наделе («будь земли вволю, так я никого, и самого черта, не боюсь»), погибает, стремясь завладеть большим участком земли, который он, по уговору, должен обойти до заката солнца. Надорвавшегося Пахома хоронит его работник – роет ему «могилу, ровно насколько он от ног до головы захватил – три аршина» (*Толстой. 25*, 68, 78). – *26.*

[99] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 50 (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 140). Ср. данную фразу с характеристикой, данной Л. Н. Толстому позднее в работе «Супраморализм»: «В Толстом [...] *является мститель за отмену крепостного права*, – он жаждет разрушения государства и под маской крайнего либерализма призывает к отказу от воинской повинности, к неплатежу податей, без которых государство существовать не может» (Т. I наст. изд., с. 417). – *26.*

[100] В конце октября 1895 г. В. М. Владиславлев (см. примеч. к письму 105 (преамбула)) обратился к Л. Н. Толстому с предложением подписаться под адресом, составленным сослуживцами Н. Ф. Федорова и читателями библиотеки Румянцевского музея в надежде

убедить его не покидать своей должности (в 1895 г. Н. Ф. Федоров в очередной раз намеревался выйти в отставку, считая себя, по старости, уже неспособным надлежащим образом исполнять свои обязанности и не желая откладывать далее приведение в порядок своих бумаг – см. письма 101–103, 108, 109, 111). Л. Н. Толстой благодарил за обращение и с радостью согласился подписать адрес (см. его письмо В. М. Владиславлеву от 2 ноября 1895 г. (*Толстой. 68*, 246–247)). 8 ноября 1895 г. адрес был прислан Толстому и им подписан, «однако поднесен он не был, так как Федоров, чтобы избежать подношения адреса, согласился продолжать работать в библиотеке» (там же, с. 247). – *26*.

[101] Статья «Что такое добро» и следующая за ней «Об истине и красоте в статье Толстого "Что такое искусство?"» примыкают к статьям и заметкам эстетического содержания, опубликованным во II томе «Философии общего дела». Обе они были написаны в Воронеже летом 1898 г. В конце мая – июне этого года Н. Ф. Федоров работал над статьей «О Коперниканской науке и Птоломеевском искусстве, и о том, как может разрешиться противоречие между ними» (см. письмо 145 и примеч. 6 к нему). 8 июля 1898 г. в совместном письме Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову сообщалось, что «на днях» они познакомились со 2-ой частью трактата Л. Н. Толстого «Что такое искусство?» (напечатан в «Вопросах философии и психологии»: 1897, № 5; 1898, № 1) и Николай Федорович намерен довести свою статью, которая, как оказалось, «будто прямо написана против статьи Толстого», до сведения писателя.

В то время как Н. П. Петерсон занимался перепиской статьи «О Коперниканской науке и Птоломеевском искусстве», Н. Ф. Федоров начал новую статью «Что такое добро», ставшую непосредственным откликом на трактат Толстого. Уже 11 июля она была закончена и на следующий день отослана В. А. Кожевникову. Однако отправлять ее самому Толстому Н. Ф. Федоров тогда не стал, сочтя, что статья нуждается в «некоторых дополнениях и исправлениях» (письмо 150). Мыслитель решил подождать личной встречи с В. А. Кожевниковым, который вскоре собирался в Воронеж, и совместно обсудить текст статьи и сопроводительного письма. Судя по краткому изложению содержания сопроводительного письма в письме 150, именно из него в конечном итоге выросла вторая статья – «Об истине и красоте в статье Толстого "Что такое искусство?"».

В. А. Кожевников посетил Воронеж в конце июля. Состоялось ли тогда планировавшееся обсуждение, мы не знаем. В августовских письмах к Кожевникову вопрос об ответе Толстому не поднимался. Однако в конце августа Н. Ф. Федоров, уже вернувшийся в Москву, затронул его в письме к Н. П. Петерсону (письмо 155). Из этого письма явствует, что Н. Ф. Федоров и Н. П. Петерсон собирались гектографировать статью «Что такое добро» и другие, с ней связанные. Среди этих статей должна была быть статья «О Коперниканской науке и Птоломеевском искусстве...» и, вероятно, «Об истине и красоте в статье Толстого "Что такое искусство?"», а также «Толстой и братское единение» (последняя была написана как полемический комментарий на определение Толстым задачи искусства; в архиве Н. П. Петерсона сохранились две копии этой статьи, выполненные рукой Н. П. Петерсона на листах того же формата, что и статьи «Что такое добро» и «Об истине и красоте...» (ОР РГБ, ф. 657, к. 3, ед. хр. 3, лл. 202–207); текст этой статьи см. в Т. II наст. изд., с. 338–342)). Однако гектографирование не было осуществлено.

Вопрос о том, были ли вышеупомянутые статьи отправлены Л. Н. Толстому (Н. Ф. Федоров намеревался сделать это через И. В. Денисенко (см. ниже примеч. 117)), пока остается открытым. В собрании Государственного музея Л. Н. Толстого они не обнаружены.

В ОР РГБ сохранились две копии статьи «Что такое добро», сделанные на больших двойных листах рукой Н. П. Петерсона. Одна из них, более ранняя (ОР РГБ, ф. 657, к. 3, ед. хр. 3, лл. 190 об. – 191), выполнена синими чернилами, другая (там же, лл. 188–189) – черными. Ранее текст статьи был опубликован: «Путь», 1933, № 40, с. 3–15; *Сочинения 1982*, с. 607–610.

Если философско-этические установки Толстого и Федорова решительно разводили их между собой, то отношение к искусству было той областью, где их взгляды отчасти сближались. Общение с Н. Ф. Федоровым в 1880-е гг. – время плодотворных контактов, когда противоречия между двумя мыслителями не были еще так обострены, – во многом способствовало утверждению эстетических взглядов Толстого: вызревала стержневая для писателя мысль о религиозной ориентации искусства, закреплялась та шкала ценностей, на которой идея жизни, ее утверждения, возрастания и совершенствования становилась выше идеи культуры, дающей лишь мнимое увековечение живущему и требующей при этом «страшных жертв трудами, жизнями людскими» (*Толстой. 30*, 33).

Несомненно, под влиянием бесед с Федоровым в трактате «Так что же нам делать?» (1886) появилось необычное для Толстого определение «самой первой и несомненной» человеческой обязанности как общей борьбы человечества с природой (*Толстой. 25*, 381) и была дана близкая философу «всеобщего дела» критика сословной, кабинетной науки и самодовлеющего искусства, представители которых, «под видом разделения труда», освобождают себя от этой обязанности. В предисловии к сборнику «Цветник» (1886) писатель особенно подчеркнул деонтологическую функцию искусства: «Все словесные сочинения и хороши и нужны не тогда, когда они описывают, что было, а когда показывают, что должно быть» (*Толстой. 26*, 308). Весной 1889 г. Толстой работал над статьей об искусстве, предназначавшейся для журнала «Русское богатство» и ставшей, наряду с другими эстетическими набросками и статьями 1880–1890-х гг., подготовительным этапом к работе «Что такое искусство?» 12 апреля в дневнике писателя появилась запись: «Пошел к Ник<олаю> Фед<оровичу>, с ним ходил и рассказывал ему “об иск<усстве>”. Он одобрил» (*Толстой.* 50, 65). (Ср. также «Воспоминания» И. М. Ивакина: запись, датированная 22 апреля 1889 года, – Т. IV наст. изд., с. 550.) В незавершенных статьях 1889–1891 гг. «Наука и искусство», «О науке и искусстве» и вариантах к ним рефреном звучит мысль о преемственности знания и творчества, о памяти как основной черте, отделяющей человека от всего животного мира: «Все, что составляет наше человеческое существо, все, начиная от искусства разводить огонь и признания преимущества семьи перед половой распущенностью, до электричества и сознания идеала христианской добродетели, – все наше человеческое богатство есть произведение накопленных духовных трудов всех наших предков» (*Толстой. 30*, 465).

Сам Федоров в статье «“Фауст” Гете и народная поэма о Фаусте» высказывал мысли, буквально повторявшиеся позднее в трактате Толстого «Что такое искусство?» Тут и противопоставление «господского» искусства народному творчеству, и взгляд на секуляризацию искусства в эпоху Возрождения как на пагубный процесс отъединения от всенародного искусства, и утверждение искусства высоко этического, служащего высшей («религиозной»), объединяющей все человечество цели. Близки были писатель и мыслитель и в утверждении учительной, воспитательной миссии искусства, которое в живых, впечатляющих образах способно представить людям норму совершенного, истинного существования, возжечь в их сердцах стремление к воплощению идеала. «Искусство, – писал Толстой в заключении к своему трактату, – должно сделать то, чтобы чувства братства и любви к ближним, доступные теперь только лучшим людям общества, стали привычными чувствами всех людей. Вызывая в людях, при воображаемых условиях, чувства братства и любви, религиозное искусство приучит людей в действительности, при тех же условиях, испытывать те же чувства, проложит в душах людей те рельсы, по которым естественно пойдут поступки жизни людей, воспитанных искусством. Соединяя же всех самых различных людей в одном чувстве и уничтожая разделение, всенародное искусство воспитает людей к единению, покажет им не рассуждением, но самою жизнью радость всеобщего единения вне преград, поставленных жизнью» (там же, с. 195). Излюбленная мысль Федорова о сотрудничестве, синтезе науки, искусства и религии как перспективе развития человеческого творчества также проведена у Толстого – в заключении его трактата. Причем, подобно Федорову, взаимодействие науки и искусства возглавляется и направляется религиозным идеалом: «...искусство, настоящее искусство, с помощью науки, руководимое религией, должно сделать то, чтобы то мирное сожительство людей, которое соблюдается теперь внешними мерами [...], достигалось свободной и радостной деятельностью людей» (там же, с. 194).

Однако в статьях «Что такое добро» и «Об истине и красоте в статье Л. Н. Толстого “Что такое искусство?”» Н. Ф. Федоров говорит не о сходстве эстетических концепций его и Толстого, а об их расхождении. И расхождения эти переживаются им болезненно – особенно на фоне родственных идей и некоторых явных перекличек. В своем трактате Толстой полагал задачу истинного «христианского искусства» в «осуществлении братского единения людей» (там же, с. 195). Федоров не отрицал этого положения, но в представлении о том, каким будет это братское единение, каковы окажутся его масштабы и границы и, наконец, для чего оно все-таки нужно, уже расходился с Толстым. Вопрос о конечной цели художественного творчества вел в область религиозно-философскую – а там позиции двух мыслителей далеко не совпадали.

Для писателя-моралиста цель человеческого существования – жить по естественным законам, в гармонии с собой и другими, находя смысл в простом, повседневном деле

жизни (в семье, рождении и воспитании потомства, в добывании хлеба насущного, в деятельной помощи ближнему) и т. д. Потому и искусство, воспроизводящее образ такой жизни, передающее чувства, связанные с ней, «заражающее» этими чувствами других людей, по Толстому, уже соответствует своему назначению. Федоров стремится расширить и восполнить идеал Толстого. Для него речь идет не просто о братски-любовном сосуществовании (оно, по убеждению мыслителя, и недостижимо, пока смертный корень вражды и борьбы не уничтожен ни в бытии, ни в природе человека), – а о богочеловеческом деле, задача объединенного человечества – преображение природы и обожение себя, «возвращение жизни тем, от коих ее получил». И искусство, по мысли философа, вместе с другими областями человеческого творчества включается в «работу спасения». Оно не просто *отражает и заражает*, оно *преображает*, стремится к тому, чтобы стать жизнетворчеством (подробнее см. преамбулу к «Статьям о литературе и искусстве» – Т. III наст. изд., с. 708–709).

Статья «Что такое добро» печатается по ранней копии. – *27.*

[102] «Искусство есть деятельность человеческая, состоящая в том, что один человек сознательно, известными внешними знаками передает другим испытываемые им чувства, а другие люди заражаются этими чувствами и переживают их» (*Толстой. 30*, 65). – *27.*

[103] Одна из основных претензий, предъявленных Л. Н. Толстым «извращенному искусству» Нового времени, состояла в том, что верховным божеством художника здесь объявлялась красота, отодвигавшая на задний план, а то и вовсе устранявшая идею добра. «Вот в этом-то замещении идеала нравственности идеалом красоты, то есть наслаждения, заключается [...] четвертое и ужасное последствие извращения искусства нашего общества» (там же, с. 173). Истинное же искусство, по мысли писателя, руководствуется не идеей красоты, а идеей блага. – *27.*

[104] Там же, с. 79. – *27.*

[105] «Искусство всенародное возникает только тогда, когда какой-либо человек из народа, испытав сильное чувство, имеет потребность передать его людям» (там же, с. 112). – *28.*

[106] В архиве Н. П. Петерсона сохранились три копии статьи «Об истине и красоте в статье Толстого “Что такое искусство?”», сделанные его рукой. Две из них более ранние: ОР РГБ, ф. 657, к. 3, ед. хр. 3, лл. 192–192 об., 201–201 об.; лл. 197–200. Одна – более поздняя (там же, лл. 193–195).

Статья посвящена разбору седьмой главы трактата Л. Н. Толстого «Что такое искусство?», в которой писатель отвергал утвердившееся в истории эстетики, начиная с А. Баумгартена, положение о том, что основу искусства составляет триединство истины, добра и красоты. По мысли Толстого, все эти понятия разновелики и разноплановы. Если добро «есть вечная, высшая цель нашей жизни», основное метафизическое понятие, то красота есть лишь «то, что нам нравится», сфера частного мнения, личного вкуса, и «не только не совпадает с добром, но скорее противоположна ему, так как добро большею частью совпадает с победой над пристрастиями, красота же есть основание всех наших пристрастий» (*Толстой. 30,* 78–79). Что же касается истины, то она «есть соответствие выражения с сущностью предмета и потому есть одно из средств достижения добра, но сама по себе истина не есть ни добро, ни красота и даже не совпадает с ними» (там же, с. 79).

В статье «Об истине и красоте в статье Толстого “Что такое искусство?”» Федоров дает собственное определение каждого члена «эстетической троицы», обосновывая их нераздельность для активно-христианского, жизнетворческого сознания и реабилитируя понятие прекрасного: процесс обожения мира и человека есть процесс облечения в красоту нетления и совершенства, истинная красота есть красота благобытия. – *29.*

[107] *Толстой. 30*, 79. – *30.*

[108] См. выше примеч. 56. – *31.*

[109] Реминисценция из заключительной части трактата «Что такое искусство?» (см. примеч. 4 к «Статьям о Л. Н. Толстом». – Т. II наст. изд., с. 488). – *31.*

[110] См. *Толстой. 30*, 195. – *31.*

[111] Речь идет о письме Ф. М. Достоевского к Н. П. Петерсону от 24 марта 1878 г. и его публикации в газете «Дон» (см. примеч. 1). Ниже, как и в предисловии к этой публикации, Федоров, отталкиваясь от содержания письма Достоевского, представляет идеал всеобщего дела как бы от имени самого писателя. – *31.*

[112] См. примеч. 98. – *32.*

[113] Федоров намекает на испано-американскую войну 1898 г. – *32.*

[114] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 52 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 210). Заметка написана не ранее 9 апреля 1899 г. и вызвана возмущением по поводу фразы Л. Н. Толстого «смерть – вещь недурная», сказанной им в беседе с Н. П. Петерсоном (см. статью «Разговор с Л. Н. Толстым» – Т. IV наст. изд., с. 33–34). Об отношении Л. Н. Толстого к смерти см. примеч. 2 к «Статьям о Л. Н. Толстом» – Т. II наст. изд., с. 488. – *32*.

[115] Ранее опубликовано: «Асхабад», 12 октября 1899, № 285. В фонде Н. П. Петерсона сохранился экземпляр данного номера газеты: ОР РГБ, ф. 657, к. 2, ед. хр. 9, лл. 1–2.

«Разговор с Л. Н. Толстым» – вторая по счету статья, опубликованная Н. Ф. Федоровым и Н. П. Петерсоном в газете «Асхабад» в период пребывания мыслителя в этом городе (первая статья – «Асхабадский музей»). В газете она появилась за полной подписью Н. П. Петерсона, однако написана была учителем и учеником совместно. Отправной точкой статьи стали две встречи Н. П. Петерсона с Л. Н. Толстым в московском доме последнего в начале апреля 1899 г. Петерсон был в Москве проездом: он направлялся в Сергиев Посад, где с февраля того же года жил Федоров, – и первая встреча с Толстым (5 апреля) состоялась, когда Николай Павлович только приехал в Москву из Воронежа. Второй раз (9 апреля) Петерсон посетил Толстого на обратном пути, когда вместе с Федоровым возвращался в Воронеж.

Статья «Разговор с Л. Н. Толстым» была написана с той же целью, что и появившееся двумя годами раньше «Предисловие к изданию письма Ф. М. Достоевского». Н. Ф. Федоров вновь делал попытку привлечь внимание к учению о воскрешении, теперь уже используя имя Толстого. Но если, говоря о Достоевском как «провозвестнике долга воскрешения», он стремился в определенной степени сливаться с мыслью писателя, расширяя и дополняя мировоззренческие положения его письма к Н. П. Петерсону собственными отточенными формулировками (это было возможно, поскольку сам Достоевский в сфере религиозно-философской во многом шел в том направлении, в котором параллельно развивалась мысль Федорова, – потому-то и принял его идеи «как бы за свои»), то в случае с Толстым подобное отождествление было немыслимо. И Федоров сделал основной акцент на том, чтобы вскрыть противоречивость толстовского отношения к смерти, указать две грани его мировоззрения: с одной стороны – приятие природного порядка существования, согласие с неизбежностью смерти и даже вызывающая бравада, типа «люблю эту курноску», с другой – утверждение жизни как высшей ценности, сопротивление всякому умалению жизни ближнего. Эту вторую сторону толстовского мировоззрения философ и попытался доразвить в своей статье, причем на материале произведений самого Толстого, тем самым как бы приводя его к необходимости принять идею действительного воскресения. Поэтому, в отличие от других, не предназначавшихся для печати статей и заметок о Толстом, Федоров в данном случае не только не стремился подчеркивать свои с ним расхождения, порицать и обличать, а напротив, апеллировал к тем произведениям писателя, которые по поставленным в них проблемам были близки ему самому («Крейцерова соната», трактат «Что такое искусство?»).

Берясь за статью о Толстом, Федоров испытывал противоречивые чувства. С одной стороны, он все-таки надеялся, что статья, касающаяся столь знаменитого писателя России, привлечет к себе интерес, обратит внимание на то активное неприятие смерти, которое было в ней изложено и даже отчасти приписано самому Толстому. С другой – хорошо сознавал недостатки подобного способа обнародования учения: еще не исчез горький осадок, оставшийся после переписки с Н. А. Энгельгардтом по поводу Ф. М. Достоевского (см. преамбулу и примеч. 1 к письму 194). Кроме того, разница между учением о воскрешении и толстовством была слишком велика и схождения в частных вопросах, совпадения некоторых тем не могли уменьшить ее. Отголоски душевного конфликта, вызванного писанием и печатанием статьи «Разговор с Л. Н. Толстым», можно обнаружить в двух письмах В. А. Кожевникову от 5 ноября 1899 г.: одно из них написано совместно с Н. П. Петерсоном, но отправлено как бы от одного Николая Павловича, другое – послано самим Федоровым. В первом содержится предложение поместить вышедшую на окраине статью в каком-либо центральном издании, чтобы ознакомить большее число читателей «с мнением Толстого о смерти и жизни» и с «приписываемым ему в *разговоре* великим делом» (Т. IV наст. изд., с. 402), во втором выражено сожаление, что статья вообще была написана.

Оригинал статьи «Разговор с Л. Н. Толстым» не сохранился. Статья печатается по тексту газетной публикации. – *33*.

[116] Ф. Г. Мищенко. Мысли гр. Л. Н. Толстого об искусстве и античная литература // Русская мысль, 1899, № 9, с. 202–203. В статье, посвященной разбору трактата «Что такое

искусство?», филолог-эллинист Федор Герасимович *Мищенко* (1848–1906) в частности высказывал мысль о том, что способность представлять «жизнь как она есть, с ее радостью и горем, с ее волнениями и заботами, с любовью и раздорами», которая была отличительной чертой древнегреческого эпоса, в высшей степени свойственна и художественному творчеству Толстого. Но здесь она уже освящена религиозным идеалом, и отражая «частицу жизни так, как она есть», писатель одновременно вызывает в своих читателях «такие душевные состояния, которые отвечали бы точно и без ошибки тому, что составляет конечную задачу всех человеческих стремлений» (там же, с. 189, 201). В качестве иллюстрации своих слов Мищенко приводил начало первой главы романа «Воскресение», сопровождая его комментарием, фрагмент которого и процитирован в статье «Разговор с Л. Н. Толстым». – *34.*

[117] Речь идет об Иване Васильевиче *Денисенко (*1851–1916), муже племянницы Л. Н. Толстого Елены Сергеевны, служившем в 1888–1904 гг. председателем Воронежского окружного суда. – *34.*

[118] Эти слова были сказаны Л. Н. Толстым Н. Ф. Федорову в 1880-х гг. в одну из встреч писателя и мыслителя. – *34.*

[119] Это определение смерти принадлежит самому Федорову. Ср. Т. I наст. изд., с. 278. – *35.*

[120] Целиком текст стихотворения В. А. Кожевникова «Жить или не жить?» см. в Т. IV наст. изд., с. 567–568. Об истории написания и публикации стихотворения см. примеч. 16 к разделу «Приложения» «Материалы В. А. Кожевникова». – *35.*

[121] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 95. Заметка написана в период работы над «Супраморализмом» (1900–1902 гг.) и является наброском к главке «Супраморализм, или объединение для воскрешения, в противоположность иммморализму Толстого, т. е. учению его о разъединении, к которому ведет делаемое им приглашение на недумание и неделание» (см. Т. I наст. изд., с. 415–418). – *36.*

[122] См. примеч. 4, 5 к «Статьям о Л. Н. Толстом» – Т. II наст. изд., с. 488. – *36.*

[123] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 49 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 148–158). Ранее опубликовано: «Начала», 1993, № 1, с. 46–52.

Статья Л. Н. Толстого «Не убий», один из самых ярких манифестов учения о непротивлении, была написана в июле 1900 г., несколько раз переделывалась, а затем под датой «8 августа 1900» опубликована в лондонских «Листках свободного слова» (1900, № 17). Поводом к статье явилось убийство итальянского короля Гумберта I (1844–1900) анархистом Бресси. Полемически откликаясь на поднятую в связи с этим газетную шумиху, Толстой вновь выступил с критикой государственного устройства, которое, по самой своей сути, основано на насилии и ведет к насилию. Убийства королей, императоров и президентов, подчеркнул он, – лишь частные случаи целой цепи «убийств», непрерывно совершаемых властью (самый яркий пример таких узаконенных убийств для Толстого – война), с той лишь разницей, что власть, в отличие от анархистов, прикрывается законом. Радикальным средством борьбы с волной террора может быть лишь умопременение – причем всеобщее и на всех уровнях общества и государства, решительный отказ от любых форм уничтожения человеческой жизни.

Статья Толстого вызвала негативную реакцию Федорова. Мыслителю претил самый тон этой статьи, выдержанной в резком, непримиримом духе, исполненной страстного, пожалуй, слишком страстного чувства. Обличительная сторона статьи была настолько сильна, что перевешивала позитивную ее часть, тем более, что стрелы ненависти направлялись против себе подобных, пусть и весьма грешных, пусть и действительно виновных, – Федоров же был убежден, что корни вражды, борьбы, войны, убийства – не в злой воле государственных деятелей и не в порочном устройстве общества, а в самом порядке вещей этого мира, утверждающего себя «взаимным стеснением и вытеснением».

Все цитаты, приводимые Н. Ф. Федоровым в тексте, взяты из статьи «Не убий». – *37.*

[124] Возмущение Федорова вызвали следующие слова Толстого: «Учение Христа отменяет закон: “око за око и зуб за зуб”; но те люди, которые не только всегда держались, но и теперь держатся этого закона и в ужасающих размерах, в наказаниях и на войнах, применяют его и, кроме того, не только око за око, но без всякого вызова предписывают убивать тысячи, как они это делают, объявляя войны, – не имеют права возмущаться на применение к ним этого закона в такой малой и ничтожной степени, что едва ли придется один убитый король или император на сто тысяч, а может быть, и миллион убитых и убиваемых по распоряжениям и с согласия королей и императоров» (*Толстой. 34*, 200–201). – *37.*

[125] Речь идет о великом князе Владимире («Повесть временных лет» сообщает о великой нравственной перемене, совершившейся с князем, ранее жестоким и женолюбивым, после крещения, – так что поначалу он не считал себя вправе наказывать преступников, говоря: «боюсь Господа Бога, кто я такой, чтобы судить, если сам согрешил много и больше всех творил беззакония под солнцем» (Полное собрание русских летописей. Т. IX, СПб., 1862, с. 67)) и о Владимире Мономахе (см. в его «Поучении»: «Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души» («Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. IX – начало XII века». М., 1978, с. 399)). – *37.*

[126] Речь идет об избрании на царство первого государя династии Романовых *Михаила Федоровича* (1596–1645), провозглашенного царем в 1613 году по единодушному решению Земского Собора, собравшегося для восстановления законной власти после эпохи «смуты». Отец Михаила Федоровича, митрополит *Филарет*, будущий патриарх, в то время томился в плену у поляков. – *37.*

[127] Федоров имеет в виду фразу Л. Н. Толстого «Я не заслужил генерала-от-артиллерии, зато сделался генералом-от-литературы», приведенную К. К. Арсеньевым в статье «Новая форма старой мечты» («Вестник Европы», 1901, № 5, с. 312), которой посвящена заметка мыслителя «После торжества над славянофильством...» (см. ее в Т. IV наст. изд., с. 127). – *38.*

[128] Цитата из статьи «Не убий» (*Толстой. 34*, 205). – *38.*

[129] Федоров имеет в виду заключительный вывод статьи Л. Н. Толстого: «Так что не убивать надо Александров, Карно, Гумбертов и других, а надо разъяснить им то, что они сами убийцы, и, главное, не позволять им убивать людей, отказываться убивать по их приказанию.

Если люди еще не поступают так, то происходит это только от гипноза, в котором правительства из чувства самосохранения старательно держат их. А потому содействовать тому, чтобы люди перестали убивать и королей, и друг друга, можно не убийствами – убийства, напротив, усиливают гипноз, а пробуждением от него.

Это самое я и пытаюсь делать этой заметкой» (там же, с. 205). Ниже Федоров критически разбирает этот вывод Толстого. – *38.*

[130] Федоров имеет в виду героя драмы Л. Н. Толстого «Власть тьмы, или “Коготок увяз, всей птичке пропасть”» Акима, «невзрачного, богобоязненного мужика», который хоть и не умеет писать и вставляет в свою речь словечко «тае», но по своим душевным качествам стоит над всеми другими героями, воплощая в себе инстанцию совести и правды в драме. – *38.*

[131] мятеж, бунт (*франц.*). – *39.*

[132] *«Листки “Свободного слова”»* – серия сборников, издание которых было предпринято В. Г. Чертковым (см. ниже примеч. 143) в Лондоне: выходили при организованной им же газете «Свободное слово» в 1898–1902 гг., содержали многочисленные материалы обличительного характера; неоднократно в «Листках...» появлялись запрещенные в России статьи Л. Н. Толстого. – *39.*

[133] Второй эпиграф, предпосланный Толстым статье «Не убий»: «Ученик не бывает выше своего учителя, но и усовершенствовавшись, будет всякий как учитель его» (Лк 6: 40).

[134] Л. Н. Толстой с сочувствием относился к студенческим волнениям 1900–1901 гг., вызванным ужесточением санкций против студентов и принявшим общественный характер. Еще до начала зимне-весенних волнений 1901 г. к писателю «приходила депутация из студентов за советом», хорошо ли будет «протестовать против возмутительных условий прекращением посещения лекций», и Л. Н. Толстой «вполне одобрил эту меру, считая ее единственно разумной и правильной» (Л. П. Никифоров. Воспоминания о Л. Н. Толстом // Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник. М.–Л., 1928, с. 236). А в середине марта 1901 г. в связи со студенческой историей им была написана статья «Царю и его помощникам», осуждавшая внутреннюю политику правительства и его тактику по отношению к недовольным и предлагавшая целый ряд мер по выходу из затяжного кризиса. – *39.*

[135] Речь идет об *Александре II* (1818–1881) и Мари Франсуа Сади *Карно* (1837–1894) – французском политическом деятеле, президенте Французской республики с 1887 г., убитом анархистом Казерио. – *39.*

[136] «Кто взойдет на гору Господню, или кто станет на святом месте Его? Тот, у которого руки неповинны и сердце чисто» (Пс 23:3–4). – *39.*

[137] Речь идет об ответе Л. Н. Толстого на письмо И. М. Ивакина (см. выше примеч. 56). – *40*.

[138] Речь идет о последней встрече Н. Ф. Федорова и Л. Н. Толстого, имевшей место в 1897 г. В письме Н. П. Куткину от 1 августа 1907 г. Н. П. Петерсон так описывал ее: «Встретившись с Толстым в 1897 году на улице, Н<ико>лай Ф<едорови>ч сказал ему в лицо, – когда Толстой обратился к нему со словами: “а Вы все меня браните”, – “*не могу не бранить Вас, потому что пришел к полному убеждению, что ничего, кроме зла, Вы не желаете*”. Когда же Толстой стал оправдываться и предложил ему зайти куда-либо, где удобнее было бы говорить, – Николай Ф<едорови>ч возразил: “это чтобы спорить, – нет, я этого не хочу”, – и на этих словах они расстались, чтобы уже не встретиться в этой жизни» (ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 10, л. 2–2 об.). Этот же эпизод Н. П. Петерсон упоминал и в письме Л. Н. Толстому от 14 февраля 1909 г.: «И не прав ли был Николай Федорович, сказавший вам, – как он мне передавал, – во время последнего с вами свидания на Моховой, в Москве, лет 10–11 тому назад, что он убедился, наконец, что вы ничего, кроме зла, не желаете» (Н. П. Петерсон. Н. Ф. Федоров и его книга «Философия общего дела» в противоположность учению Л. Н. Толстого «о непротивлении» и другим идеям нашего времени, с. 106).

Приведем здесь еще одно воспоминание – Г. П. Георгиевского – уже о другом эпизоде, а именно: резком разрыве Н. Ф. Федорова с Л. Н. Толстым в 1892 г., поводом к которому послужило опубликование 14 января 1892 г. в лондонской газете «Daily Telegraph» статьи «О голоде» (статья была расценена Н. Ф. Федоровым как провокационная, вносящая вражду и смуту в общество в момент тяжелейшего народного бедствия, когда, по убеждению мыслителя, требовалось, напротив, единение и согласие в общем противостоянии голоду). Г. П. Георгиевский, присутствовавший при размолвке Толстого и Федорова, описывал ее так: «Вернувшись в Москву, Толстой поспешил зайти в Музей к Николаю Федоровичу.

Уже был четвертый час на исходе, и московские сумерки уже царили по залам и коридорам Музея. Солдаты уже затворили большинство ставней, и Николай Федорович пригласил меня, оставшегося с ним в каталожной, закончить занятия и уходить с ним. Едва мы повернули по коридору налево, как в глубине коридора я отчетливо увидел фигуру Толстого, торопившегося навстречу Николаю Федоровичу. Я передал Николаю Федоровичу свое наблюдение и сразу же был поражен неудовольствием, которого не скрыл Николай Федорович. Заложив руки за спину, он резко остановился, сказав:

– Что ему надо?

И сейчас же предупредил подходившего к нему Толстого вопросом:

– Что Вам угодно?

– Подождите, – отвечал Толстой, – давайте сначала поздороваемся... Я так давно не видал Вас.

– Я не могу подать Вам руки... Между нами все кончено...

Николай Федорович нервно держал руки за спиной и, переходя с одной стороны коридора на другую, старался быть подальше от своего собеседника.

– Объясните, Николай Федорович, что все это значит? – спрашивал Толстой, и в голосе его тоже послышались нервные нотки.

– Это ваше письмо напечатано в “Daily Telegraph”?

– Да, мое.

– Неужели Вы не сознаете, какими чувствами продиктовано оно и к чему призывает? Нет с Вами у меня ничего общего, и можете уходить.

– Николай Федорович, мы старики, давайте хоть простимся...

Но Николай Федорович остался непреклонным, и Толстой с видимым раздражением повернулся и пошел...

На другой день в Музее с удивлением все узнали, что Толстой, выйдя из Музея, пошел на Тверской бульвар к Директору Румянцевского Музея В. А. Дашкову, который жил в своем доме, рядом с домом обер-полицмейстера, и принес ему жалобу на Николая Федоровича, за грубое и невежливое обхождение с ним» (Г. П. Георгиевский. Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров. Из личных воспоминаний // Четвертые тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1988, с. 63–64). – *41*.

[139] Федоров имеет в виду следующие слова Христа: «Вы слышали, что сказано древним: не убивай; кто же убьет, подлежит суду» (Исх 20:13). А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему:

“раќа” [пустой человек. – *Сост.*], подлежит синедриону; а кто скажет: “безумный”, подлежит геенне огненной» (Мф 5: 21–22). – *41.*

[140] Обе цитаты – из статьи «Не убий» (*Толстой. 34*, 202–203). – *41.*

[141] «Он предлагает детский, глупый и лживый проект всеобщего мира, – пишет Толстой о Николае II, – в то же время делает распоряжения об увеличении войск» (там же, с. 204).– *41.*

[142] См. примеч. 13 к «Статьям о разоружении и умиротворении» – Т. II наст. изд., с. 479. – *41.*

[143] *Чертков* Владимир Григорьевич (1854–1936) – публицист и общественный деятель, близкий друг Л. Н. Толстого и издатель его сочинений. *Скобелев* Михаил Дмитриевич (1843–1882) – генерал от инфантерии, герой русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (успешно командовал отрядом под Плевной, затем дивизией в сражении при Шипке–Шейново). Участвовал в завоевании Средней Азии (Хивинский поход 1873 г., Ахал-текинская экспедиция 1880–1881). – *41.*

[144] По указанию *Т. Г. Никифоровой*, речь, по всей вероятности, идет о Степане Андреевиче *Берсе* (1855–1910), брате С. А. Толстой, правоведе, служившем судебным следователем. См. его «Воспоминания о гр. Л. Н. Толстом». Смоленск, 1894. – *41.*

[145] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 51 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 142–144). Эта и следующая заметки Федорова написаны по поводу толстовского «Ответа на определение синода от 20–22 февраля и на полученные мною по этому случаю письма» (авторская дата «Ответа» – 4 апреля 1901 г., опубликован в № 22 «Листков “Свободного слова”» за 1901 г.). Разбирая определение Св. Синода «о противохристианском и противоцерковном лжеучении» Толстого, в котором констатировался факт его отпадения от Церкви, писатель соглашался с тем, что «отрекся от церкви, называющей себя православной», и вновь повторял свои упреки в ее адрес: «...я убедился, что учение церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же собрание самых грубых суеверий и колдовства, скрывающее совершенно весь смысл христианского учения» (*Толстой. 34*, 247). – *42.*

[146] Так, по свидетельству Толстого, назвал его один из прохожих 25 февраля 1901 г., в самый день опубликования синодального определения: «Вот дьявол в образе человека» (там же, с. 247). – *42.*

[147] Эпизод, приводимый Н. П. Петерсоном, описан в шестой главе «Воспоминаний» Л. Н. Толстого, специально посвященной Татьяне Александровне *Ергольской* (1795–1874), троюродной тетке писателя, о которой он говорил как о человеке, имевшем «самое большое влияние» на его жизнь (там же, с. 366, 369). – *42.*

[148] Цитата из «Ответа на определение синода...»: «Прежде чем отречься от церкви и единения с народом, которое мне было невыразимо дорого, я, по некоторым признакам усомнившись в правоте церкви, посвятил несколько лет на то, чтобы исследовать теоретически и практически учение церкви [...], строго следовал, в продолжение более года, всем предписаниям церкви, соблюдая все посты и посещая все церковные службы» (там же, с. 247). – *42.*

[149] В начале 1880-х гг. Антон Григорьевич *Рубинштейн* (1829–1894), пианист, композитор, дирижер, музыкальный и общественный деятель, к тому времени создавший целый ряд ораторий на сюжеты Священной истории («Потерянный рай», «Вавилонское столпотворение» и др.), публично выступил с идеей реформы этого жанра, которую он вынашивал более 25 лет. Большое письмо композитора было опубликовано тогда в немецком журнале «Vor den Kulissen» («Из-за кулис») и вскоре перепечатано в журнале «Музыкальный мир» (1882, № 1). В этом письме, ставшем своего рода творческим credo композитора, Рубинштейн говорил о своей неудовлетворенности жанром оратории, главную слабость которой он полагал в «отсутствии сценического действия», в «неподвижности форм, как музыкальных, так и в особенности поэтических». Будучи убежден в глубокой воспитательной и одухотворяющей силе «библейских сюжетов», Рубинштейн выдвинул идею создания особой «художественной формы», которую назвал «духовной оперой» («надобно [...] пересадить ораторию с концертной эстрады на сцену; не надобно более рассказывать и петь, надобно представлять») и соответственно – «духовного театра», своего рода нового «храма для искусства», который мог бы существовать параллельно со светским, но со своими правилами организации и постановки: «Так, в моем воображении представляется театр, на котором исполняются в хронологическом порядке выдающиеся моменты обоих Заветов, конечно, с художественными требованиями большого масштаба.

Как события, так и личности обоих Заветов настолько величественны, красивы и поэтичны, что изображение их на сцене с помощью всех искусств не преминуло бы заслужить благодарность публики (народа), заинтересовало бы скептиков и, может быть, обезоружило бы и православных, для великого большинства которых театр представляется в виде "lieu de perdition" (место разврата (*франц*.). – *Сост.*)» (цит. по: В. Баскин. А. Г. Рубинштейн (1829–1894) // Наблюдатель, 1994, № 3, с. 115–117).

Духовная опера, которая должна возбуждать в слушателях особые чувства и настроения, писал далее Рубинштейн, требует и создания «особого музыкального стиля»: в ней следует использовать «более широкие формы композиции, обилие полифонии, более возвышенную декламацию, чем в опере светской»; нужно также исключать столь распространенные в последней любовные сюжеты (там же, с. 117).

А. Г. Рубинштейн явился не только теоретиком нового жанра, но и его создателем: им были написаны духовные оперы «Суламит», «Моисей» и «Христос», кроме того, переработаны и превращены в духовные оперы оратории «Потерянный рай» и «Вавилонская башня». Велась работа над духовными операми «Каин и Авель» и «Песнь Песней».

Духовная опера «Христос» (соч. 117), замысел которой вызревал давно, была закончена Рубинштейном в 1893 г. Ее либретто было написано немецким композитором и либреттистом Г. А. Бульгауптом.

В России из-за духовной цензуры А. Г. Рубинштейн не имел возможности поставить свои духовные оперы. Первое сценическое представление «Моисея» состоялось в Праге летом 1892 г. Первое концертное представление духовной оперы «Христос» – 21 мая (2 июня) 1894 г. в Штутгарте (оркестром дирижировал сам А. Г. Рубинштейн), а первое ее сценическое представление – уже после смерти композитора: 13(25) мая 1895 года в Бремене, где составилось специальное общество для постановки его духовных опер. Об этих представлениях сообщалось в русской печати. Кроме того, в целом ряде статей о творчестве композитора, которые были напечатаны в 1894–1895 гг. в связи с его кончиной, говорилось и о его разработках в области «духовной оперы» (см., напр.: «А. Г. Рубинштейн в своих духовных операх» // Музыкальная газета, 1896, сентябрь).

В. А. Кожевников в примеч. к письму 116 (Т. IV наст. изд., с. 304) сообщал об интересе Федорова к замыслу Рубинштейна и в частности к духовной опере «Христос». По всей видимости, в мечте Рубинштейна о духовном театре Федоров находил переклички с собственной идеей религионизации художественных форм, с представлением об искусстве, вдохновляющемся обетованием обожения. Такое искусство уже не может удовольствоваться прежней системой тем и сюжетов, оно предполагает коренную переоценку ценностей. Не случайно Федоров говорит об ограниченности литературы Нового времени, в целом оставившей за пределами своего внимания евангельские темы и образы, полные глубокого жизнетворческого смысла (Т. III наст. изд., с. 489). Идеей священного искусства будущего, раскрывающего перед людьми путь к благобытию, рисующего проект должного, совершенного состояния мира, искусства гармонизирующего и преображающего как внешнюю действительность, так и «вся внутренняя» человека, пронизаны заметки Федорова о задачах живописи, музыки, литературы. Он писал о духовно-воспитательных возможностях колокольного звона, о «музыке, соединяющей людей в один хор, в одном общем деле» (Т. II наст. изд., с. 154), выдвинул проекты нравственно-образовательной росписи школ-храмов и кремлевских стен и т. д. И проект «духовного театра», призванного, по замыслу А. Рубинштейна, представлять в живых музыкальных и драматических образах ключевые события Священной истории, по всей видимости, рассматривался Федоровым именно в перспективе «всеобщего дела», в свете его идеи литургического синтеза искусств, противопоставленного вагнеровской «музыкальной драме» как «изображению гибели мира», служащего задаче воспитания в совершеннолетней вере, преодоления губительного разрыва между храмовым и внехрамовым. Разумеется, сам Рубинштейн не ставил перед создаваемой им новой формой такой всеобъемлющей задачи. Напротив, подчеркивал, что его духовная опера служит не задачам церковно-религиозным, а прежде всего искусству как таковому, раскрытию новых его возможностей. – *43.*

[150] Владимир Сергеевич *Баскин* (1855–1919) – музыкальный критик и журналист, автор ряда статей и очерков о русских композиторах, в том числе и о А. Г. Рубинштейне: А. Г. Рубинштейн. М., 1886; А. Г. Рубинштейн (1829–1894) // Наблюдатель, 1894, № 3, с. 96–122 (в последней статье речь, в частности, шла и о духовных операх композитора). – *43.*

[151] Источник цитаты не установлен. В Обераммергау на Страстной седмице ежегодно давалось драматическое представление, посвященное последним дням жизни Спасителя, его Распятию и крестной смерти. – *43.*

[152] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 66, лл. 2–3 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 207–208). Ранее опубликовано как часть письма к В. А. Кожевникову: *Сочинения 1982*, с. 638–639. Ср. начало данной заметки с заключительными строками письма 239. – *43.*

[153] Мари Жан Антуан Никола *Кондорсе* (1743–1794) – философ-просветитель, один из родоначальников теории «прогресса». В своем сочинении «Эскиз исторической картины развития человеческого духа» утверждал, что в ходе развития общества будет увеличиваться срок жизни человека («если не *до бесконечности*, то *до неопределенной длительности*») и даже появится возможность достижения физического бессмертия. Для Федорова бессмертие без воскрешения невозможно ни физически, ни нравственно. – *43.*

[154] Определение Св. Синода не было анафематствованием Толстого. Оно было прежде всего «свидетельством об отпадении его от Церкви» (Толстой «отторг себя сам от всякого общения с Церковью православною», а потому «Церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит своего общения с нею»). В определении выражалась надежда на вразумление «графа Толстого», и заканчивалось оно молитвой: «да подаст ему Господь покаяние в разум истины» («Вера и Церковь», 1901, № 3, с. 362–363). Однако Л. Н. Толстой в своем ответе Синоду объявил синодальное определение «умышленно двусмысленным», обвинил его в клевете и «подстрекательстве к дурным поступкам», поскольку оно вызвало, «как и должно было ожидать, в людях непросвещенных и нерассуждающих озлобление и ненависть ко мне, доходящие до угроз убийства и высказываемые в получаемых мною письмах» (*Толстой. 34,* 246). – *44.*

[155] Речь идет о Н. Ф. Федорове (см. выше примеч. 138). – *44.*

[156] Федоров имеет в виду следующую фразу Л. Н. Толстого из «Ответа» Синоду: «Мне надо самому одному жить, самому одному и умереть (и очень скоро), и потому я не могу никак иначе верить, как так, как верю, готовясь идти к тому богу, от которого исшел» (*Толстой. 34,* 252). – *44.*

[157] Ср. у А. С. Пругавина: «О судьбе второй пары сапог, сработанных Толстым (в 1884 г. – см. в дневнике Л. Н. Толстого за этот год запись от 28 марта / 9 апреля: "Фет пришел заказывать сапоги" (*Толстой. 49,* 74). – *Сост.*), существовал такой рассказ. Он подарил эту пару своему давнишнему приятелю поэту Фету. Тот был очень доволен этим подарком, но заявил, что, конечно, он никогда не будет носить этих сапог, а поставит их в витрину, под стекло, и затем пожертвует в музей, как "необыкновенное и замечательное произведение" графа Л. Н. Толстого...» (А. С. Пругавин. О Льве Толстом и о толстовцах. Очерки, воспоминания, материалы. М., 1911, с. 106). См. также примеч. 10 к разделу «Приложения» «И. М. Ивакин. Воспоминания (фрагменты)». – *44.*

[158] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 48. Заметка написана не ранее середины августа 1901 г. (упоминается *проект Становвича*, изложенный в статье В. Е. Рудакова «Борьба с градом» («Новое время», 15(27) августа 1901, № 9140); описание этого проекта см. в статье «Об обращении оружия, т. е. орудий истребления, в орудия спасения» – Т. II наст. изд., с. 279–280). Ниже в заметке Федоров вновь вспоминает ответ Л. Н. Толстого на письмо И. М. Ивакина по вопросу об атмосферической регуляции и книжном обмене. *...Не давать этих игрушечек, этих кружочков* – Федоров имеет в виду отрицание Л. Н. Толстым уплаты налогов, являвшееся частью учения о непротивлении. *...Почему он, считая себя поклонником Христа, запрещает отдавать эти кружочки тому, чей они носят образ* – Федоров обвиняет Толстого в непоследовательности, ссылаясь на следующий евангельский эпизод: на вопрос фарисеев «позволительно ли давать подать кесарю, или нет?» «Иисус, видя лукавство их, сказал: что искушаете Меня, лицемеры? Покажите Мне монету, которою платится подать. Они принесли ему динарий. И говорит им: чье это изображение и надпись? Говорят ему: кесаревы. Тогда говорит им: итак, отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф 22:17–21). – *44.*

[159] Мф 8:20; Лк 9:58. Истолкование двух этих фрагментов Четвероевангелия дано Л. Н. Толстым в VI главе работы «Соединение и перевод четырех Евангелий»: «Для человека, живущего духом, нет дома. Животные имеют дома, но человек живет духом и потому не может иметь дома. Иисус говорит, что у него нет места, определенного ему. Для исполнения воли Отца не нужно определенного места, оно везде и всегда возможно» (*Толстой. 24,* 419–420). Ср. также «Краткое изложение Евангелия» (там же, с. 861, 864). – *44.*

[160] Федоров перечисляет убийства государственных деятелей, два из которых упоминаются Л. Н. Толстым в статье «Не убий»: *Австрии императрицы* – возможно, речь идет о дочери австрийской королевы Марии-Терезии – Марии-Антуанетте, жене Людовика XVI, казненной

16 октября 1793 г. по приговору Конвента; *короля Италии* – Гумберта I (см. выше примеч. 123); *президента Америки* – Уильяма Мак-Кинли (1843–1901), повторно избранного в 1900 г. президентом Северо-американских соединенных штатов и убитого анархистом Чолгошем в 1901 г. – *45*.

[161] Федоров имеет в виду студенческие волнения, к которым его отношение было резко отрицательным. Близкое высказывание см. в начале статьи «Забастовки и Конференция мира» – Т. II наст. изд., с. 314. – *45*.

[162] Федоров имеет в виду ответ иудеев, приведших Христа на суд к Пилату, на его слова: «возьмите Его вы и по закону вашему судите Его» (Ин 18:30–31). – *45*.

[163] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 69, л. 4–4 об. Ранее опубликовано как фрагмент письма к В. А. Кожевникову: *Сочинения 1982*, с. 639–641. Заметка важна приводимыми в ней фактами, свидетельствующими о заинтересованном отношении Л. Н. Толстого к идеям Н. Ф. Федорова в первые годы знакомства с ним. – *45*.

[164] Данный эпизод имел место в 1880-х гг., но не ранее 1884 г., поскольку Психологическое общество при Московском университете возникло только в этом году. *Троицкий* – см. примеч. 119 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 611. *Буслаев* – см. примеч. 2 к письму 43. Позднее, комментируя этот эпизод, А. К. Горский замечал: «Что касается домысла Федорова, будто Толстой излагал проф. Троицкому и прочим московским психологам учение о воскрешении нарочно в смешном виде, то, конечно, об этом не может быть и речи. Это всецело плод позднейшего раздраженного отношения учителя к обманувшему его надежды и изменившему ученику. Федорову легче думать, что он в сущности ничего не потерял в Толстом, что Толстой и прежде лишь в шутку приближался к его заветным мыслям. На самом деле, разумеется, ни о какой шутке, ни о каком оттенке насмешки над самим учением, ни об "улыбке" Л. Н. Толстого в подобного рода выступлениях думать не приходится» (А. К. Горностаев (А. К. Горский). Перед лицем смерти. Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров, с. 16). Вывод Горского о серьезности отношения Толстого к идеям Федорова подтверждается и высказываниями самого писателя: см., например, письмо к В. И. Алексееву от 15–30? ноября 1881 г.: «Он составил план общего дела всего человечества, имеющего целью воскрешение всех людей во плоти. Во-первых, это не так безумно, как кажется. (Не бойтесь, я не разделяю и не разделял его взглядов, но я так понял их, что чувствую себя в силах защитить эти взгляды перед всяким другим верованием, имеющим внешнюю цель)» // *Толстой. 63*, 80–81; письмо И. М. Ивакину от 12 ноября 1891 (*Толстой. 66*, 85). См. также заметку Федорова «В конце сентября 1881 познакомился с Толстым...» (Т. IV наст. изд., с. 48); запись И. М. Ивакина от 5 июля 1885, в которой он приводит следующее мнение Льва Николаевича о центральном пункте учения Федорова: «...с философской точки зрения его построение правильно, он прав, ставя человечеству такую задачу, если только отодвигать ее исполнение в бесконечность времени» (Т. IV наст. изд., с. 519). Небезынтересно и свидетельство Н. Н. Черногубова, вспоминавшего о фразе Л. Н. Толстого: «…если бы у меня не было своего учения, я был бы последователем учения Николая Федоровича!» (цит. по: А. К. Горностаев (А. К. Горский). Перед лицем смерти. Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров, с. 6) – об этом высказывании Толстого как адресованном самому Федорову упоминает и Н. П. Петерсон («Толстой [...] говорил ему самому, что был бы последователем его учения, если бы не имел своего» // Н. П. Петерсон. Н. Ф. Федоров и его книга «Философия общего дела» в противоположность учению Л. Н. Толстого «о непротивлении» и другим идеям нашего времени, с. 74). – *46*.

[165] Лев Павлович *Никифоров* (1848–1917) – публицист, народник. С Л. Н. Толстым познакомился в 1884 г., разделял многие его идеи, принимал участие в издательстве «Посредник». В 1890–1900-е гг. занимался переводческой деятельностью (среди его переводов – книги английского богослова-натуралиста Г. Дрюммонда «Естественный закон в духовном мире» и «Восхождение человека»). Был женат на сестре Веры Засулич Екатерине Ивановне. Как вспоминал Л. П. Никифоров, уже в первую встречу с Л. Н. Толстым, когда он во время разговора заметил: «...меня поражает слепота людей, гоняющихся за ничтожными пустяками и не желающих понять, что задача человечества состоит в достижении бессмертия и воскресения умерших», – Толстой вдруг остановил его и спросил: «Вы, стало быть, знакомы с Федоровым?» и, узнав, что Никифоров в первый раз слышит эту фамилию, обещал свести его со знаменитым библиотекарем Румянцевского музея. Как сообщал Л. П. Никифоров, знакомство это вскоре состоялось, причем Л. Н. Толстой, как и обещал, предварительно побывал у Федорова и рассказал ему о своем новом знакомом (Л. П. Никифоров. Воспоминания о Л. Н. Толстом // Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник. М.-Л., 1928, с. 225–227). О том, каковы именно были взгляды Никифо-

рова на бессмертие, отчасти свидетельствуют два его письма Л. Н. Толстому, написанные в 1885 г., т. е. уже после встречи с Федоровым. Отталкиваясь от евангельских текстов, публицист приходил к выводу, что смысл и цель человеческого существования состоит в стяжании вечной жизни: «...все могущество и состоит для человечества в достижении бессмертия, как Всемогущество Бога и заключается в его мощи животворить, вечно животворить и никогда не умирать; значит и для человечества вопрос о всемогуществе есть вопрос о достижении бессмертия». При этом возможность преодоления смертности Никифоров полагал сугубо на путях нравственного совершенствования личности, основы которого, по его мнению, были раскрыты Толстым: «Не дойдут ли когда-нибудь физиологи до признания, что человек, как и все животные, отравляет себя не только нравственно, но и физически злобой, и что бессмертным будет тот, кто никогда не чувствовал ни малейшей злобы и не отравлял свой организм тем смертоносным ферментом, который вырабатывается в нем под влиянием злобы? Злоба решительно ко всему – не может жить. Любящий и ко всему любовно относящийся не может умереть». В рассуждениях Л. П. Никифорова о бессмертии присутствовали и некоторые, впрочем, весьма слабые, отголоски его беседы с Федоровым: мысль о том, что сознание смертности является отличительной чертой человека («Всегда, как и ныне, с тех пор как человек начал себя сознавать, его немолчно преследовал вопрос: Кто и как лишает его блага всех благ – жизни – и что будет затем»), утверждение, что победа над смертью должна быть всеобщей: «...стать бессмертными могут только все люди, а не единичные субъекты, при смертности остальных». Касался Никифоров и вопроса о воскрешении, ссылаясь при этом на те евангельские цитаты, которые любил приводить сам Н. Ф. Федоров: «Христос [...] нас научил, как быть бессмертными здесь на земле, а если и умрем, то воскреснуть не бесплотными духами, а живыми людьми, такими, как все воскрешенные Христом: “Ибо как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет. Истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю я, и он сотворит и больше сих сотворит!” Вся 17-ая глава от Иоанна подтверждает это, равно как и то, что Христос посылал Апостолов: “Идите, проповедуйте, что приблизилось царство Небесное. Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте”. Как жить – указано Вами согласно учению Христа так ясно и прелестно, что лучшего и желать нельзя. Для чего жить – на это, кажется мне, ответ вполне согласный с нашими реальными знаниями дает опять-таки учение Христа. – Жить для того, чтобы эта жизнь была вечна, а умершие воскресли; таким образом мы обретаем ответы на оба жизненные вопроса [...] Только истинной жизнью достигается вечная жизнь и воскрешение, вне этой истинной жизни нет путей для достижения ни того, ни другого, и люди обрекают и себя, и умерших на нирвану» (все цитаты из писем Л. П. Никифорова к Л. Н. Толстому здесь и ниже даются по собранию Государственного Музея Толстого. Выражаем искреннюю признательность Т. Г. Никифоровой, предоставившей нам возможность ознакомиться с текстами этих писем).

В первом из цитируемых нами писем Толстому Л. П. Никифоров спрашивал писателя о проблеме «вечных мук», занимавшей, как известно, и Федорова, и Соловьева (см. в примеч. 175): «Я бы умолял Вас разъяснить те места Евангелия, где Христос говорит о геенне огненной. Здесь столько антихристианского, что непонятно, как оно могло попасть в проповедь о милосердии и всепрощении. Нет ли тут позднейших вставок?» Л. Н. Толстой отвечал следующее: «На сердечный вопрос о будущей жизни я себе не мог ничего другого ответить, как то, что сказал кто-то из древних: “Где мы будем после смерти? – Там, где те, которые еще не родились”. [...] Чем добрее моя жизнь, тем вернее воскресение или будущая жизнь, и тем спокойнее я встречаю эту смерть. Будем жить так, чтобы воскреснуть. Дальше никогда никто не пойдет, да и некуда» (*Толстой. 63*, 317–318). Что касается пророчества о «геенне огненной», то писатель отверг его как недоразумение: «...перепутали, не расслушали или сами выдумали» (там же, с. 318). Одновременно Л. П. Никифорову отвечал близкий в те годы Толстому В. Ф. Орлов, поставив в центр своего письма вопрос о воскрешении. Орлов не отрицал воскресения – но только в перспективе времени, когда «истина [...] как абсолютное добро явится и как свет, и как живот». В нынешнем же несовершенном мире считал воскрешение ненужным и бессмысленным: «А было ли бы добром воскресить всех умерших для всех жизненных мук и страданий и для той лжи царящей, которая есть вечный источник и этих страданий? Наших друзей мучили, убивали и ты хочешь их воскресить, чтобы их снова убивали и без конца убивали?» (цит. по: *Толстой. 63*, 319, 320). Судя по письму В. Ф. Орлова, Л. П. Никифоров никак не подчеркивал момент преображения в воскресительном процессе, – что было «необходимым условием»

для Федорова, который к тому же считал воскрешение частью всеобъемлющего процесса регуляции и внешнего мира, и природы человека, когда как раз и должны быть созданы условия «для жизни вечной» «в свете и добре».

В связи с темой бессмертия и воскрешения у Никифорова интересны воспоминания последнего о В. С. Соловьеве, в которых, кстати, приведено имя Федорова. Рассказывая о своих беседах с В. С. Соловьевым, Л. П. Никифоров пишет: «Главной занимавшей нас темой был вопрос о смысле любви. В моей статье по этому вопросу, исходя из положения, что мы происходим от одноклеточных организмов, которые не умирают – так как деление есть не смерть, а размножение, – я задавал себе вопрос, каким образом и откуда у многоклеточных, более сложных организмов, могла появиться смерть. Я приходил к заключению, что для той основной жизненной клетки, которая составляет наше "Я", смерти тоже нет, а существует лишь временное замирание; внешние орудия клетки отпадают и составляют то, что мы называем трупом. Статья эта понравилась Соловьеву; он советовал непременно отделать ее для печати. При этом он не раз вспоминал Федорова, известного библиотекаря Румянцевского музея. Замечательно хороший человек этот, убежденный приверженец всеобщего воскресенья, вызывал вполне заслуженное уважение таких людей, как Толстой и Соловьев» (Л. П. Никифоров. Из воспоминаний о Владимире Сергеевиче Соловьеве // Книга о Владимире Соловьеве. М., 1991, с. 202). – *46.*

[166] Последняя фраза статьи Л. Н. Толстого «О переписи в Москве» (*Толстой. 25*, 181). Подробнее о статье см. примеч. 67. – *46.*

[167] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 47, л. 1–1 об. (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 128). – *46.*

[168] *Иван Яковлевич Корейша* (? – 1861) – юродивый и прорицатель, более 40 лет проведший в московском доме для умалишенных, куда к нему постоянно стекался народ (в основном – женщины). В журнале «Домашняя беседа» он прославлялся как «юродствующий во имя Христа» и провидец. Скептически юродство Ивана Яковлевича Корейши и чрезмерная экзальтация его почитательниц были оценены в книге историка Ивана Гавриловича *Прыжова* (1827-1885) «Двадцать шесть московских лже-пророков, лже-юродивых, дур и дураков». М., 1864, с. 3–37. – *46.*

[169] *Зоил* – древнегреческий философ и оратор IV в. до н. э.; придирчивый критик гомеровских поэм («Порицание Гомеру» и др.). В XIX в. его имя стало нарицательным, обозначая завистливого, мелочного и недоброжелательного критика. Вольфганг *Менцель* (1798–1873) – немецкий публицист и историк; известен резкой критикой в адрес Гете и литературного течения «Молодая Германия»: запрещение в 1835 г. в Германии произведений членов этого течения (Л. Берне, Л. Винбара, Т. Мундта и др.) не в последнюю очередь было спровоцировано выступлениями Менцеля, имя которого также стало нарицательным и, с легкой руки Г. Гейне, употреблялось для обозначения политического доносчика. – *47.*

[170] Толстой был тяжело болен в конце июня – начале июля 1901 г. и в январе–феврале 1902 г. Обе болезни сопровождались кризисными состояниями, когда возникала реальная угроза смертельного исхода. Какой именно из двух этих случаев имеет в виду Федоров, установить трудно. – *47.*

[171] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 47, л. 2–2 об. (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 129). – *47.*

[172] Доклад ученого-этнографа Николая Николаевича *Миклухо-Маклая* (1846–1888) о его пребывании на Новой Гвинее, о жизни и нравах тамошнего коренного населения, состоялся в публичном собрании Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в Политехническом музее 15(27) октября 1882 г. В данной заметке Н. Ф. Федоров указывает, что слова о дикарях были сказаны по возвращении с лекции; И. М. Ивакин же в своих воспоминаниях, также со слов Н. Ф. Федорова, пишет, что разговор состоялся «недели с две» после чтения (см.: Т. IV наст. изд., с. 545). – *47.*

[173] Об интересе Л. Н. Толстого в период его религиозных исканий 1879–1883 гг. к учению сектантов-молокан и его общении с молоканами с. Петровки Самарской губ. см.: А. С. Пругавин. О Льве Толстом и толстовцах. Очерки, воспоминания, материалы. М., 1911, с. 35–70, 81–98. – *48.*

[174] Федоров имеет в виду сочинение Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» (см. примеч. 103-104 к «Статьям философского и эстетического содержания» – Т. II наст. изд., с. 460–461). – *48.*

[175] Данная заметка открывает блок статей и заметок Н. Ф. Федорова о В. С. Соловьеве.

Из трех писателей-мыслителей, с которыми философа общего дела так или иначе свела судьба в конце 1870 – начале 1880-х гг., Соловьев был ему особенно близок. Достоевский умер, так и не дождавшись «ответа» на свои вопросы о «долге воскресенья преждеживших предков». Толстой преклонялся прежде всего перед личностью Федорова, главной же идеи учения всеобщего дела не принимал. А вот в лице Соловьева Федоров встретил мыслителя, шедшего в том же направлении, что и он сам. Толстой противопоставлял свое учение христианскому преданию, отбрасывая важнейшие стороны христианства – его догматику, метафизику, обрядовую сторону, видя в них нелепость и ложь. Федоров и Соловьев опирались и на Писание, и на Предание, стремясь к их творческому раскрытию, отстаивая возможность и необходимость догматического развития церкви, нового, более глубокого усвоения благой вести. Толстой не принимал идеи воскресения, для Федорова и Соловьева – это краеугольный камень всего философствования.

Н. П. Петерсон в своем письме к Ф. М. Достоевскому от 29 марта 1878 г., в ответ на сообщение писателя о его беседе с Соловьевым и о глубоком сочувствии последнего идеям неизвестного мыслителя, замечал: «Мне известно также, что года два тому назад Н. Ф. хотел сам писать к В. С. Соловьеву, но почему-то не сделал этого» (Т. IV наст. изд., с. 514). Если Петерсон точен в своих расчетах, то намерение Федорова обратиться с письмом к Соловьеву должно быть отнесено к концу 1875 – началу 1876 гг. Чем именно было вызвано это намерение, можно только гадать. Возможно, внимание Н. Ф. Федорова привлекла первая крупная работа В. С. Соловьева «Кризис западной философии. Против позитивистов», защищенная в качестве магистерской диссертации в 1874 г. и обсуждавшаяся на страницах печати в 1874–1875 гг. В этой работе проявились те самобытные черты философствования, которые, укрупняясь и расширяясь в последующие годы, сделают из Соловьева именно религиозного мыслителя. Уже во введении к диссертации было заявлено, что философия «в смысле отвлеченного, *исключительно* теоретического познания» изжила себя, и ставился вопрос о качественно новом ее самоопределении. Это новое самоопределение философии Соловьев полагал на путях ее взаимодействия с наукой и религией, плодотворного синтеза западной мысли и естествознания с «полнотой содержания духовных созерцаний Востока», указывая, что только такой синтез обновит философскую мысль, поставит ее на службу делу жизни. В финале работы звучала идея Царствия Божия, полноты благобытия – именно ее представлял Соловьев необходимым «увенчанием здания» западной философской мысли; правда, являлась она пока в спиритуализированном, гегелевско-шеллинговском варианте: «восстановление» «частных существ» «как царства духов, объемлемых всеобщностью духа абсолютного»; «ἀποκατάστασις τῶν πάντων – царство духа, как полное проявление всеединого» (*Соловьев. 1*, 150).

Федоров, по всей видимости, уловил главный религиозный нерв философствования Соловьева. Характерно, что он решил написать молодому мыслителю в самом начале его печатно-публичной деятельности, еще до появления тех работ, в которых было гораздо больше перекличек с собственными построениями философа «общего дела». По всей видимости, следует соотнести это намерение с обращениями Федорова к архимандриту Антонию (Храповицкому), А. А. Кирееву, В. Я. Симонову, Н. Я. Пясковскому, имевшими место уже гораздо позднее: в 1890 – начале 1900-х гг. Мыслитель обыкновенно обращался к тем лицам, которые затрагивали темы, близкие ему самому и им самим разрабатывавшиеся (в случае с архим. Антонием – это проблема нравственного истолкования догмата, в случае с А. А. Киреевым – вопрос о путях России, о духовных основах ее исторического пути, в случае с В. Я. Симоновым – проблема разоружения и умиротворения; в случае с Н. Я. Пясковским – идея воскресения). В письмах этим лицам (отосланных – как при обращении к архим. Антонию, В. Я. Симонову, Н. Я. Пясковскому, или неотосланных – как при несостоявшемся контакте с А. А. Киреевым) Федоров, откликаясь родственным идеям, в то же время стремился скорректировать ряд положений, выдвигаемых его адресатами, представить более объемную, с его точки зрения, перспективу понимания темы. Возможно, то же самое должно было быть и при планировавшемся обращении к В. С. Соловьеву, но письмо так и не было написано.

Представление об апокатастасисе углублялось и развивалось в последующих работах Соловьева. В статье «Три силы» (1877) и «Философских началах цельного знания» (1877) идея «Царствия Божия», совершенного строя бытия проецируется в область философии истории: завершающей стадией исторического процесса объявляется «образование всецелой общечеловеческой организации в форме цельного творчества, или свободной теур-

гии, цельного знания или свободной теософии и цельного общества, или свободной теократии» (*Соловьев. 1*, 289). Эта же идея определяет славянофильские искания Соловьева: нести «всем языкам» «откровение высшего божественного мира», быть «посредником между человечеством и тем миром» призван именно русский народ (там же, с. 237–238).

На пути, по которому движется в 1870-е годы мысль Соловьева, он утверждается и своим мистическим опытом. По глубокому замечанию одного из исследователей творчества философа, «семя, воспринятое в глубинах мистического видения, из которого развивается мировоззрение Соловьева, – это идея Царствия Божия. Во всех составных частях мощного соловьевского синтеза, в теории познания и метафизике, этике и эстетике, философии истории и философии любви – все сводится в конечном счете к пути, по которому Премудрость Божия ведет падшее творение в отчий дом – в вечное Царство Христово» («Значение Владимира Соловьева» // В. С. Соловьев. Духовные основы жизни. Брюссель, 1958, с. 5). Мысль Соловьева не ограничивается рамками гносеологии и философии истории, встает вопрос не только о синтезе научного, религиозного и философского творчества, не только о «восстановлении совершенного внутреннего *единства умственного мира*», как то было заявлено в «Кризисе западной философии» (*Соловьев. 1*, 151), о созидании совершенного человеческого общежития, но и об обожении всего сущего. В трактате «София» (1875–1876), а затем в «Чтениях о богочеловечестве» (1878) Соловьев набрасывает свою концепцию развития, которая более четко и развернуто будет сформулирована им спустя десять лет в работе «Красота в природе» (1889). Эволюция в понимании философа предстает как процесс все большего одухотворения, обожения материи: она творчески направлена, устремляясь к созданию «сознательного существа человеческого», призванного быть вожатаем всего творения на его пути к Богу, затем срывается в грехопадении и вновь утверждается «Воплощенным Словом», Богочеловеком-Христом, открывающим путь всеобщего преображения.

Именно во время чтения публичных лекций о богочеловечестве Соловьев впервые познакомился – пока еще опосредованно – с идеями Федорова. Произошло это в марте 1878 г., а точнее – 24 марта (другая датировка – 23 марта (см. примеч. 4 к письму 130)), когда Ф. М. Достоевский, которого философ в этот день навестил, прочел ему статью Н. П. Петерсона «Чем должна быть народная школа?», представлявшую собой изложение идей «неизвестного мыслителя» (черновой вариант статьи см. в Т. IV наст. изд., с. 506–513). Сам Достоевский так писал об этом Петерсону: «Затем скажу, что в сущности совершенно согласен с этими мыслями. Их я прочел как бы за свои. Сегодня я прочел их (анонимно) Владимиру Сергеевичу Соловьеву, молодому нашему философу, читающему теперь лекции о религии, – лекции, посещаемые чуть не тысячною толпою. Я нарочно ждал его, чтоб ему прочесть Ваше изложение идей мыслителя, так как нашел в его воззрении много сходного. Это нам дало прекрасных *2 часа*. Он глубоко сочувствует мыслителю и почти то же самое хотел читать в следующую лекцию (ему осталось еще 4 лекции из 12)» (*Достоевский. 30(I)*, 14).

Характерен мотив, которым руководствовался Достоевский, знакомя Соловьева с рукописью Петерсона: «...нашел в его воззрении много сходного». Свидетельство Достоевского чрезвычайно важно: во-первых, это свидетельство современника, во-вторых, оно полностью независимо и непредвзято. Не менее важно и выраженное в письме согласие самого писателя с идеями статьи «Чем должна быть народная школа?»: «...прочел как бы за свои». А если учесть, что в 1877–1880-х гг. позиции Ф. М. Достоевского и В. С. Соловьева по целому ряду стержневых мировоззренческих вопросов были чрезвычайно близки, восполняли и оплодотворяли друг друга, то можно говорить об общей религиозно-философской платформе, из которой исходили Достоевский, Федоров, Соловьев, – при том, конечно, что миропонимание каждого выстраивалось со своими индивидуальными акцентами, со своим «лица необщьим выраженьем». Эту платформу четко обозначил Соловьев в третьем чтении: «...религиозное развитие есть процесс положительный и объективный, это есть реальное взаимодействие Бога и человека – процесс богочеловеческий» (*Соловьев. 3*, 36). Именно идеей христианского синергизма, тесно связанной с идеей обожения, утверждения «Царствия Божия» как конечной цели исторического и шире – космического процесса, проникнуты и построения философа «всеобщего дела», и сочинения Соловьева, и размышления Достоевского.

Говоря о том, что Соловьеву осталось читать четыре лекции из двенадцати, Достоевский немного неточен: 26 марта, двумя днями спустя после разговора с писателем, Соловьев читал десятую лекцию. В ней, как и в двух последующих лекциях, действительно,

можно найти некоторые переклички с рукописью Петерсона. Выраженный в рукописи излюбленный тезис Федорова: «...природа в человеке достигла сознания коренных недостатков своего настоящего состояния и чрез него же, чрез человека, чрез его действие стремится перейти в иное, высшее состояние. Это высшее состояние природы и будет выражением закона Божия [...]» (Т. IV наст. изд., с. 510) – находит свое соответствие в десятом чтении: «В человеке природа перерастает саму себя и переходит (в сознании) в область бытия абсолютного» (*Соловьев. 3,* 150). Здесь же человек определяется Соловьевым как «посредник между Богом и материальным бытием»: он – собиратель падшего творения, что пребывает в раздельности и розни, взаимной непроницаемости элементов, рабстве тлению, «устроитель и организатор Вселенной» (там же). В процессе исторического и космического делания человечество возрастает в «духе и истине», образуя единый соборный, неслиянный и нераздельный, организм – Софию.

Представление о «двух законах» – «законе природы», выражающем наличный порядок вещей, послегрехопадное состояние природного мира, и «законе Божием», дающем образ совершенного, должного бытия, – на котором строится рукопись «Чем должна быть народная школа?», также присутствует в «Чтениях...» (там же, с. 42–43, 143–146 и др.) При этом, подобно Петерсону, перелагающему своего учителя, Соловьев стремится не разводить их как взаимоисключающие, а представить как различные стадии мирового процесса, устремленного ко всеединству.

Ключевым моментом космической и земной истории философ полагает момент Боговоплощения. Вопрос о смысле явления в мир Богочеловека Христа – в центре десятой лекции по философии религии. «Личное воплощение Христа в природном мире. Искупление природного человека чрез воссоединение с человеком божественным» (В. С. Соловьев. Сочинения в 2-х тт. Т. 2, М., 1989, с. 172), – так гласит ее программа. В печатном тексте «Чтений» речь об этом идет в 11 и 12 чтениях. В лице Христа, в Его земной жизни, искупительном подвиге и воскресении достигается «должное отношение между Божеством и природой»; природа здесь «теряет свою вещественную раздельность и тяжесть, становится прямым выражением и орудием Божественного духа, истинным *духовным телом*». Усвоение же этого истинного отношения между Божественным и человеческим, между физической и духовной природами отныне заповедано человеку, предстоит ему как его долг и задача (*Соловьев. 3,* 171).

Подобную же трактовку встречаем в рукописи статьи «Чем должна быть народная школа?»: «Сам Бог открыл нам Закон Свой чрез Св. Мужей и пророков и, наконец, чрез Сына Своего Спасителя и Господа Нашего Иисуса Христа, земная жизнь Которого была воплощением Закона Божия, водворением его опять на земле, после грехопадения проклятой и оставленной господству ее собственных сил, сдерживавшихся с тех пор царством Закона Божия только извне» (Т. IV наст. изд., с. 506).

В центре трех последних чтений Соловьева, состоявшихся уже после знакомства с рукописью Петерсона и беседы о ней с Достоевским, – идея «теозиса», обожения природы и человека. Соответственно встает здесь и вопрос о сущности этого теозиса, о путях к нему. Так мы подходим к еще одной – центральной – теме рукописи Н. П. Петерсона, которая должна была вызвать сочувственный отклик Соловьева (как, впрочем, и Достоевского) и нашла себе соответствие в текстах «Чтений...».

Речь идет о теме «Царствия Божия», достигаемого исполнением заповеди «да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и я в Тебе» (Ин 17: 21), единением личностей «по образу и подобию Пресвятой Троицы». Созидание такого общества, «в котором единство и множество, единство и личность найдут свое согласие, не будут более подавлять, поглощать, разрушать друг друга», составляет, по изложению Петерсона, задачу истории, а начатком, ядром этого общества, постепенно расширяющегося на все человечество, является Церковь (подробнее см. примеч. 12 к разделу «Приложения» «Материалы к истории знакомства Ф. М. Достоевского с идеями Н. Ф. Федорова»).

Вопрос о церкви как организме богочеловеческом был заявлен Соловьевым в программе «Чтений по философии религии»: он должен был составить содержание одиннадцатой лекции (В. С. Соловьев. Сочинения в 2-х тт. Т. 2, с. 172). Поскольку печатный текст 11 и 12 «Чтений», появившийся в «Православном обозрении» только в 1881 г., написан позднее, вопрос о том, ка́к именно развивал Соловьев указанный тезис, остается открытым и может стать предметом специального исследования, подобного тому, какое было проделано А. А. Носовым по отношению к двенадцатому чтению (см.: А. Носов. Реконструкция 12-го «Чтения по философии религии» В. С. Соловьева // Символ, 1992, № 28, с. 245–258).

Но во всяком случае, при первом беглом сопоставлении плана 11 лекции («Церковь как богочеловеческий организм, или Тело Христово. Видимая и невидимая церковь. Возрастание человека “в полноту возраста Христова”» (В. С. Соловьев. Сочинения в 2-х тт. Т. 2, с. 172) с печатным текстом 11 и 12 «Чтений», отчетливо видно, что и в том, и в другом случае трактовка Соловьевым Церкви и ее задачи в мире одна: Церковь, по мысли философа, является той самой формой, через которую совершается в истории духовное взросление человечества, его обожение.

И в рукописи Петерсона, и в чтениях о богочеловечестве обожение не ограничивается сферой исторического, социального бытия, но расширяется на всю природу. В своей статье Петерсон, пусть и достаточно бегло, не раскрывая всего богатого содержания федоровской мысли, говорит о необходимости овладения косными силами вещества, обращения слепого хода природы в сознательный – т. е. о регуляции, ибо утверждение неслиянно-нераздельного богочеловеческого братства невозможно в мире, который «во зле лежит», подвержен закону распада и тления. Петерсон повторяет излюбленную мысль Федорова о том, что небратство и рознь – явления не только нравственного, но и физического, материального порядка: «закон поглощения и вражды» равным образом действует и в сфере социальной, и в жизни природы.

Подобная же мысль присутствует в последних двух лекциях о богочеловечестве. Всеединство в природном мире существует только потенциально и утверждается во всей полноте уже по завершении космического и исторического процесса. «Как человечество [...] есть тело Божие, так природный мир должен сделаться телом человеческим. В конце мирового процесса весь мир должен сделаться взаимностью духовного организма, как этот организм есть обнаружение Божие. Все существующее будет проникнуто Божественным началом. Бог, по выражению апостола, будет все во всем, и ни один элемент не останется вне Божественного организма» – так передавал содержание указанного тезиса корреспондент «Голоса» (цит. по: А. Носов. Указ. соч., с. 249).

Другой вариант этого тезиса – в печатном тексте 11 и 12 «Чтений»: «...тело Христово (т. е. Церковь. – *Сост.*), являющееся сперва как малый зачаток в виде немногочисленной общины первых христиан, мало-помалу растет и развивается, чтобы в конце времен обнять собою все человечество и всю природу в одном вселенском богочеловеческом организме; потому что и остальная природа, по словам апостола, с надеждою ожидает откровения сынов Божиих» (*Соловьев. 3*, 171–172).

Обратимся теперь к факту двухчасового обсуждения Соловьевым и Достоевским рукописи Петерсона. В 1897 г. – год третьего, последнего сближения Соловьева и Федорова – Соловьев обещал описать этот разговор «сколько припомнит», однако обещания своего не исполнил (см. письмо 130). Об одном направлении разговора можно, впрочем, судить по письму Достоевского от 24 марта 1878 г. Задавая Петерсону вопрос, ка́к именно представляет себе воскрешение неизвестный мыслитель – аллегорически, метафорически или действительно, писатель подчеркнул: «Ответ на этот вопрос необходим – иначе всё будет непонятно. Предупреждаю, что мы здесь, то есть я и Соловьев по крайней мере верим в воскресение реальное, буквальное, личное и в то, что оно сбудется на земле» (*Достоевский. 30(I)*, 14–15).

Итак, в те два часа, которые Достоевский и Соловьев посвятили обсуждению присланной рукописи, они затрагивали – и по всей видимости, далеко не в последнюю очередь – проблему воскресения. Это вполне понятно. Ведь в рукописи Петерсона вопрос о воскрешении умерших, о деятельном участии в нем человечества был неотделим от вопроса о достижении «Царствия Божия»: воскрешение становилось вершиной регуляции, залогом всецелого воцарения в мире Божественного закона. Кроме того, воскресительная тема в тот момент была одной из актуальнейших для Соловьева. Еще Г. Флоровский в своей работе об истории соловьевских «Чтений по философии религии» указывал, что они «были задуманы в эсхатологической перспективе» и что последние два чтения – о церкви и воскресении – мыслились как своего рода «кульминационный пункт, к которому все изложение тяготело и было к нему динамически устремлено и направлено» («Orbis scriptus». München, 1966, p. 236). «Второе явление Христа и воскресение мертвых (искупление или восстановление природного мира). Царство Духа Святого и полное откровение Богочеловечества» (В. С. Соловьев. Сочинения в 2-х тт. Т. 2, с. 172) становились у Соловьева завершающим актом космической и человеческой истории.

Судя по письму Достоевского, заявленная в рукописи мысль о воскрешении умерших как задаче человечества осталась не до конца понятой как самим писателем, так, по всей

видимости, и Соловьевым (о причинах этого, связанных прежде всего с характером изложения Петерсоном идей Федорова, сказано в примеч. 12 к разделу «Приложения» «Материалы к истории знакомства Ф. М. Достоевского с идеями Н. Ф. Федорова»). В источниках двенадцатой лекции, которыми на данный момент располагают исследователи творчества Соловьева, присутствует мысль о том, что совершенное многоединство, Царствие Божие будет достигнуто только всеобщим воскресением, но это именно воскресение, а не воскрешение. Тем не менее характерно то обстоятельство, что трактовка воскресения у Соловьева в 12-м чтении существенно отличается от ортодоксально-христианской: здесь ничего не сказано ни об усилении зла в мире к концу времен, ни о страшном суде. Воскресение становится следствием все большего одухотворения мира, оно совершится тогда, когда «природный мир» сделается «телом человеческим», когда «все существующее проникнется "Божественным началом"» (в традиционной эсхатологии воскресение следует за вторым пришествием, прерывающим дурную бесконечность истории, вековую тяжбу в ней добра и зла). Фактически уже в небольшом резюме лекции, переданном корреспондентом «Голоса», мы видим основы той активно-творческой эсхатологии, которую будет развивать Соловьев в последующие годы и которая особенно сближает его с Федоровым: путь к Царствию Божию пролегает не через катастрофу, а через преображение, спасение мыслится всеобщим. Отсюда и столь взбудоражившее слушателей Соловьева отрицание страшного суда и вечных мук: «Осуждение на вечные мучения хотя бы одного существа, сказал он, равносильно осуждению всех, так как, в силу солидарности всех человеческих существ, страдание одних делается невозможностью блаженства для других. Далее лектор указывал на всеобъемлющую любовь Божию, которая сильнее всякого человеческого уклонения от добра и всякого безумия, указывал на безусловность человеческой свободы, зависимость человека от Божества и солидарность его со всем человечеством и всем существующим и заключил свою лекцию заявлением, что когда полнота Божественного содержания будет иметь реальность для человечества, тогда самоутверждение человека не будет иметь для него смысла и тогда всякое существо войдет в целое и будет членом прославленного человечества» (цит по: А. Носов. Указ. соч., с. 249).

А. А. Носов, справедливо видящий в этом утверждении Соловьева прямые переклички с Федоровым, отрицает в данном случае возможность влияния философа «общего дела» на «Чтения о богочеловечестве», основываясь на том обстоятельстве, что протест против догмата о вечных муках был высказан Соловьевым еще в работе «Вера, разум и опыт» (1877), т. е. до заочного знакомства с идеями Федорова. Более того, ученый выдвигает гипотезу об обратном воздействии в этом вопросе – Соловьева на Федорова: систематическое изложение учения о воскрешении началось лишь с лета 1878 г., т. е. тогда, когда лекции Соловьева были завершены, и, следовательно, мыслитель мог знать о нашумевшей истории с отрицанием вечных мук. Признавая очевидность первого тезиса Носова – о том, что убеждение во всеобщем спасении и отрицание страшного суда высказывалось Соловьевым еще до знакомства с рукописью Петерсона, – укажем на ошибочность второго тезиса. Идея альтернативы «страшному суду» присутствует в рукописи статьи «Чем должна быть народная школа?», костяк которой составили мысли Федорова, записанные его учеником еще *в июле 1876 г.* (см. письмо Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову от 29 марта 1878 г.: Т. IV наст. изд., с. 576): «...только чрез общество, созданное во имя, во славу и по образу Св. Троицы, мы придем в царствие Божие, и на суд не приидем, но от смерти в живот» (там же, с. 507). Более того, в письме к Ф. М. Достоевскому от 29 марта 1878 г. Н. П. Петерсон специально акцентирует эту идею, кладя в ее основу представление Федорова об условности апокалиптических пророчеств (там же, с. 514; об этом письме см. примеч. 17 к разделу «Приложения» «Материалы к истории знакомства Ф. М. Достоевского с идеями Н. Ф. Федорова»).

Кстати, если помянутое письмо Петерсона Достоевским было получено (датировать получение письма можно 31 марта – 2 апреля 1878 г.), не исключено, что его содержание писатель мог обсуждать с Соловьевым. Ведь 2 апреля философ как раз читал свою последнюю, столь взбудоражившую петербургскую публику лекцию, в которой и высказался решительно против вечных мук (о печатных откликах в «Голосе» и «Гражданине» на последнюю лекцию Соловьева и его объяснениях с лицами из своего окружения по поводу «гнусного догмата» см.: А. Носов. Указ. соч., с. 249–252, 255).

Резюмируем все вышесказанное: применительно к 1870-м гг. (период, предшествовавший личному знакомству Соловьева и Федорова), речь, по всей видимости, должна идти не о взаимовлияниях двух мыслителей, а о типологическом сходстве, возникавшем в

силу однородности их основной религиозно-философской установки. Тем не менее не исключено, что некоторые положения статьи Петерсона «Чем должна быть народная школа?», излагавшей учение Федорова, могли оказать определенное влияние на Соловьева, отнесшегося к этой статье с глубоким сочувствием и отметившего близость своих исканий идеям «неизвестного мыслителя».

Личное знакомство В. С. Соловьева и Н. Ф. Федорова состоялось в доме Л. Н. Толстого осенью 1881 г. Как следует из заметки «В конце сентября 1881 познакомился с Толстым...» и из письма Н. Ф. Федорова к Н. П. Петерсону от 12 января 1882 г., вскоре после знакомства он дал Соловьеву «Предисловие» – т. е. ту часть текста второй части «Записки», в которой излагалось учение о Троице. Примечателен отмеченный в указанных источниках факт спора между Л. Н. Толстым, В. С. Соловьевым и Н. Н. Страховым, который познакомился с «Предисловием» вслед за ними. По словам Федорова, Соловьев и Толстой «держали сторону рукописи», а Страхов нападал на нее (Т. IV наст. изд., с. 48, 216).

Положительная реакция Соловьева на текст «Предисловия» и его защита данного текста вполне логична. В «Предисловии» излагались те самые идеи, которые были пересказаны Н. П. Петерсоном в статье «Чем должна быть народная школа?» и с которыми его познакомил Достоевский 24 марта 1878 г, – только выражены они самим Федоровым были и гораздо полнее, и неизмеримо глубже. Федоров обосновывал идеал соборного, благого единства человечества «по образу и подобию Пресвятой Троицы», что не могло не вызвать сочувственного отклика в молодом философе, параллельно развивавшем идею всеединства. Противопоставление христианства с его идеей Царствия Божия, полноты благобытия, с его пафосом соучастия человека в исполнении Божиих обетований – «буддийскому нигилизму, нирване, пустоте, бездействию» (Т. I наст. изд., с. 102) было актуально и для Соловьева, неоднократно обращавшегося к этой теме в своих лекциях. Кроме того, в «Предисловии» отчетливо прозвучала идея активно-творческой эсхатологии, противостоящей судному варианту исхода истории, – что также было родственно Соловьеву.

Понятна, в свою очередь, и негативная реакция Страхова. Его религиозно-философская установка была прямо противоположна федоровской (добавим в скобках – и соловьевской). Если Федоров был убежден в возможности благого исхода истории, то Страхов стоял на позициях краха и неудачи исторического процесса, будучи убежден в коренном и принципиальном разрыве между действительностью и идеалом (см. его «Письма о нигилизме» // Н. Н. Страхов. Борьба с Западом в нашей литературе. Киев, 1897, кн. 2, с. 82). Если Федоров высоко ставил достоинство человека и человечества, считая его способным опознать себя орудием осуществления Божьей воли в мире, то для мировоззрения Страхова характерно неверие в человека, в дух добра и творчества в нем, и именно это неверие логически приводило философа к убежденности в крахе истории: «Я не верю ни в философию, ни в экономию, и вообще ни в одну сторону цивилизации, потому что я не верю в *человека*», – писал Страхов в одном из набросков 1860-х гг., отражавших его споры с Достоевским по историософским вопросам (Н. Н. Страхов. Наблюдения // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования (Литературное наследство, Т. 86). М., 1973, с. 562).

В декабре 1881 г. В. С. Соловьев, находившийся в Москве в ожидании получения документов о своей отставке, прошение о которой было им подано в Министерство народного просвещения 6 ноября, писал Н. Н. Страхову: «Впрочем, получаемое “содержание”, хотя бы и за целых два месяца, не составляет содержания жизни. Что касается до сего последнего, то я довольно ревностно и даже с одушевлением пишу свою большую книгу. [...] Из общих знакомых видаюсь с Л. Толстым, от которого Вы, конечно, имеете известия, с Аксаковым, с Фетом, который печатает своего “Фауста”, и иногда очень приятно и забавно беседуем, с Н. Ф. Федоровым, который меня совершенно очаровал, так что я даже думаю, что и его странные идеи недалеки от истины. А относительно “праха” это была аллегория» (*Соловьев. Письма. I*, 12).

В этом письме – явный отголосок того самого спора Соловьева, Толстого и Страхова о прочитанном ими «Предисловии», который упоминает Федоров в своей заметке и письме к Петерсону от 12 января 1882 г. На это прямо указывает фраза: «А относительно “праха” это была аллегория». Можно предположить, что Н. Н. Страхова покоробил следующий пассаж II части «Записки»: «Признав своим долгом всеобщее воскрешение, для нас не будет страшно признать, что все первобытное человечество виновно в грехе каннибализма даже самых близких, и осудить этот грех мы не имеем права, потому что и в настоящее время живем на счет предков, из праха которых извлекаем и пищу, и одежду; так что всю

историю можно разделить на два периода: 1-й период – прямого, непосредственного каннибализма, и 2-й – людоедства скрытого, продолжающегося и доселе, который и будет продолжаться, пока человек не найдет выхода из своего заключения на земле» (Т. I наст. изд., с. 109). А Соловьев, который явно в одну из встреч с Федоровым обсуждал свой спор со Страховым и наверняка получил от мыслителя соответствующие комментарии, поспешил пояснить своему адресату, что вызвавший его сомнения пассаж не должен быть понимаем буквально. Ведь у Федорова речь в данном случае шла о зависимости физической природы человека от материальных условий существования. Человек не способен поддерживать свою жизнь вне питания: а оно есть неизбежно – убийство животных, расчленение злаков и т. д. В природе совершается постоянный кругооборот вещества – так что умерший, уходя в землю, прорастает травкой, деревом, злаком. Частицы, принимавшие участие в жизни его тела, уходят в бесконечное кочевье по природе, становятся строительным материалом других существ. На том стоит природный порядок существования, бытие мира после грехопадения. И этот природный порядок, противоречащий нравственному чувству человека, по Федорову, должен быть изменен. Не случайно процитированный нами пассаж завершался так: «Но за этим вторым периодом необходимо должен последовать третий – период всеобщего воскрешения, как единственно действительного искупления греха каннибализма» (там же). В других же частях «Записки» появлялось определение будущего преображенного бытия, в котором человек перестает быть существом пожирающим и становится самосозидающим, вырабатывает в себе способность «естественного тканетворения», достигая всецелого управления духом материи, полноты обоженной телесности (подробнее см. вступит. статью к Т. I наст. изд.).

В контексте осеннего устного спора о федоровском учении (в том его виде, в каком оно на данный момент было известно Соловьеву и Страхову) следует рассматривать и выражение: «так что я даже думаю, что и его странные идеи недалеки от истины». «Странные идеи» – это оценка не самого Соловьева, а именно Страхова, высказанная им ранее. Соловьев же воспроизводит эту оценку и корректирует ее своей собственной – «недалеки от истины».

Знакомство Соловьева со всей рукописью Федорова, начатой как ответ Ф. М. Достоевскому (см. примеч. 1 к письму 25 и примеч. 2 к письму 35), состоялось в первой половине января 1882 года. Н. П. Петерсон вспоминал об этом так: «К концу 1881 года у нас образовалась довольно значительная тетрадка, начинавшаяся противопоставлением Ислама, магометанского единства христианскому учению о Божественном Триединстве, в котором, по мысли Н<иколая> Ф<едорови>ча, заключался образец для нашего человеческого всѣединства, и не *все*-единства, а именно всѣединства (в старой орфографии с “ѣ” писалось слово “все”, с “е” – слово “всё”. – *Сост.*), чем желательно было выразить единство личностей при полной их самостоятельности, полное единство без поглощения их, как это в магометанстве. Эта тетрадка в начале 1882 г. была прочитана Соловьевым» (ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 7, л. 15).

По письмам В. С. Соловьева Н. Ф. Федорову от 12 января 1882 и Н. Ф. Федорова Н. П. Петерсону от того же числа можно попытаться установить дату чтения рукописи. Само письмо Соловьева, по всей видимости, написано в ночь с 11 на 12 января либо утром 12 января (в тот же день его получил Федоров, что для московской почты было нормально). В письме Федорову Соловьев сообщает о том, что посвятил чтению «ночь и часть утра, а следующие два дня много думал о прочитанном». Следовательно, это чтение с большой степенью вероятности должно быть отнесено к ночи с 9 на 10 января 1882 г. (т. е. с субботы на воскресенье).

Следствием этого чтения и почти двухдневного размышления над рукописью было письмо В. С. Соловьева к Н. Ф. Федорову, где философ заявлял об абсолютном приятии учения всеобщего дела, признании этого учения «первым движением вперед человеческого духа по пути Христову», а самого Федорова – «своим учителем и отцом духовным» (текст письма В. С. Соловьева см. в Т. IV наст. изд., с. 629).

В свое время Е. Н. Трубецкой, полемизируя с Н. П. Петерсоном по вопросу о влиянии на Соловьева идей Федорова, утверждал, что знакомство Соловьева с рукописью могло быть только поверхностным и беглым, а значит и восторженный отзыв его о ней нельзя принимать всерьез. Трубецкой исходил при этом из объема печатного текста II–IV частей «Записки», в том ее виде, в каком она появилась в первом томе сочинений Федорова (Верный, 1906): «...прочитанная философом рукопись занимает в печати 282 убористых страницы (с 64-й по 346 стр. “Философии общ<его> дела”). При таком чтении труда, по признанию самих учеников Федорова, трудного для понимания, разумеется, многое мо-

жет ускользнуть от внимания. Это даже не чтение, а скорее беглый просмотр. Поэтому вменять Соловьеву его восторженный отзыв в подпись подо всем, что он таким образом "прочел", по меньшей мере неосторожно» (Е. Н. Трубецкой. Несколько слов о Соловьеве и Федорове // Вопросы философии и психологии, 1913, кн. 3, с. 414).

Однако Е. Н. Трубецкой ошибался, считая, что В. С. Соловьев читал тот самый текст, который был напечатан в I томе «Философии общего дела». Как разъяснял Н. П. Петерсон в письме к Е. Н. Трубецкому от 21 июля 1913 г., рукопись, переданная Федоровым Соловьеву, была существенно меньшей, хотя и содержала основные положения «Записки от неученых к ученым»: «К этому времени это была тетрадка, заключавшая в себе 150-200 четвертинок, то есть около 40–50 листов писчей бумаги, с отогнутыми полями; тетрадка эта написана моим некрасивым, но четким и убористым почерком; и лишь впоследствии она разрослась почти вдвое, или даже больше; но все главное и тогда уже в ней было, и было даже ярче, определеннее, чем в окончательной редакции: Федоров имел недостаток увлекаться частностями, в сторону, и ослаблять общее эпизодическими вставками» (ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 18, л. 1 об.; ср. также письмо Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 13 марта 1905 // Там же, к. 10, ед. хр. 25, л. 14). Прочесть рукопись указанного Петерсоном объема за ночь и часть утра внимательно, а не бегло было совершенно реально. Кроме того, письмо написано Соловьевым после *двухдневных* размышлений над прочитанным, а вовсе не сгоряча, под первым неостывшим впечатлением. За эти два дня, будь молодой философ в чем-то существенно несогласен с рукописью, он сумел бы это осознать и сформулировать, и тон его письма к Федорову скорее всего был бы иным.

Сам Федоров в письме к Н. П. Петерсону от 12 января 1882 г. пишет, что сообщил Соловьеву часть рукописи – ту, которая была прислана ему Петерсоном в конце 1881 г. Судя по тому, что в октябре 1881 г. Петерсон переписывал текст, вошедший затем в IV часть «Записки», речь должна идти именно об этой части, а также о том куске «исторического очерка», который составил основу III части «Записки» (в письме к В. А. Кожевникову от 9 декабря 1904 г. Н. П. Петерсон говорил, что «вторая статья» «исторического очерка» начиналась словами «Воскресение Христа по учению христианскому неразрывно связано со всеобщим воскрешением» (в наст. изд.: Т. I, с. 142) и что этот исторический очерк «читал и Соловьев» (ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 24, л. 82)). «Предисловие» (т. е. основную часть текста II части «Записки») Соловьев уже читал в конце 1881 г., вскоре после знакомства с Федоровым, и можно предположить, что вторично Федоров ему ее не дал (не случайно, повторим, Федоров в письме к Петерсону говорит именно о части рукописи).

Чем же была вызвана восторженная реакция Соловьева на прочитанный им текст? Почему он дает идеям Федорова столь высокую, можно даже сказать, запредельно высокую оценку («первое движение вперед человеческого духа по пути Христову»)? Попытаемся хотя бы пунктирно наметить ответ на эти вопросы.

В свое время Г. В. Флоровский указывал на то, что в конце 1870-х гг. происходит смещение интересов Соловьева с эсхатологической проблематики, достигшей своей кульминации в «Чтениях о богочеловечестве», в область «исторических задач Церкви, и Церкви русской прежде всего» («Orbis scriptus», p. 233). Однако для философа указанные области мысли не были взаимоисключающими. Занятия общественным и церковным вопросами, на время склонившие Соловьева в сторону славянофильства, вовсе не означали для него отказ от вопроса о конечном разрешении мировых судеб. Более того, данная эволюция вполне закономерна, продиктована как раз тем религиозно-философским видением, которое было развито Соловьевым в «Чтениях о богочеловечестве». Коль скоро целью и смыслом бытия мира и человека поставляется всеединство, вопрос об оправдании истории, заявленный еще в статье «Три силы» и в «Философских началах цельного знания», встает с новой силой. Более того, он конкретизируется, заостряется в вопрос о том, как должны быть обустроены различные сферы социально-исторической жизни наций, каким следует быть обществу, государству, церкви, как, наконец, должны строиться внешнеполитические отношения, чтобы деятельно способствовать возрастанию человечества «в духе и истине», содействовать расширению всеединства. Именно в этом сокровенный импульс печатных и публичных выступлений Соловьева 1880–1881 гг. Не случайно именно в это время вызревает в его творчестве идея христианской политики, которая станет духовным стержнем публицистики философа на протяжении всех 1880-х годов.

В той же религиозно-философской перспективе выстраивается и «Критика отвлеченных начал» (1877–1880), поднимающая проблему истинного знания. Опыт построения теории такого знания диктуется, по убеждению философа, высшей религиозной задачей –

задачей «организации самой нашей действительности или реализации божественного начала в самом бытии природы» (*Соловьев. 2*, 352). Вопрос о науке тесно сплетается здесь с вопросом об искусстве, полагая основу эстетической концепции Соловьева, стоящей на идее творчества как силы, способной реально преобразить бытие.

Говоря о единстве науки, искусства и религии в деле осуществления всеединства, Соловьев прямо перекликается с Федоровым, выдвигавшим идею синтеза науки и искусства в религии как «необходимом условии» «всеобщего дела», труда «восстановления мира в то благолепие нетления, каким он был до падения» (Т. I наст. изд., с. 401). Более того, как установил А. П. Козырев, в 1881 г. В. С. Соловьев специально обращается к проблеме науки и научного знания, его соотношения с верой, к вопросу о сущности и задачах познания, задумывая обширное сочинение «Теория всемирной жизни (Основания всеобщей науки)», – план этого сочинения опубликован А. П. Козыревым в статье «Наукоучение Владимира Соловьева» («Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1997 год». СПб., 1997, с. 17). И в таком повороте философских интересов Соловьева прослеживается четкая логика: вслед за «оправданием истории» встает вопрос об «оправдании науки» – как важнейшей сферы творческой деятельности человечества, которая, как и все прочие сферы его бытия, должна быть ориентирована в пространстве высшей цели.

Фактически, философское развитие Соловьева в конце 1870-х гг. неуклонно подводило его к темам, которые уже были разработаны или параллельно разрабатывались Федоровым (в 1878–1881 гг. последний интенсивно работает над развернутым ответом Ф. М. Достоевскому, вылившимся в фундаментальное сочинение – «Вопрос о братстве, или родстве»). Ряд вопросов, к которым Соловьев только приступал, в разрешении которых делал первые шаги (к примеру, концепция «всемирной» науки), были уже глубоко продуманы и нетривиально поставлены у философа «всеобщего дела». Возможно, отчасти в этом кроется объяснение того не просто заинтересованного, а именно почтительного, почти благоговейного отношения, которое возникло у Соловьева после знакомства с идеями Федорова в их полном объеме. Не говоря уже о том, что Соловьев должен был почувствовать в Федорове (и это главное!) родственность религиозно-философской позиции, откликнуться на пафос деятельного преображения реальности, на близкую своей собственной трактовку мирового процесса и места в нем человека.

Не следует сбрасывать со счетов и факторы личного характера. Осенью 1879 г. умирает С. М. Соловьев, отец молодого философа. «Потеря отца не могла не оставить глубокого следа в душе Соловьева, – комментирует его биограф. – Это собственно была единственная смерть близкого человека, которую он испытал в жизни. И однако его восприимчивость была так велика, что мысль об умерших стала доминирующей его мыслью в последнее десятилетие жизни. Как для Толстого смерть брата Николая, так для Соловьева смерть отца была толчком к новому пробуждению мысли, к сознанию, что в жизни есть глубокое неблагополучие, что нельзя обойти это неблагополучие, но необходимо преодолеть его» (С. М. Соловьев. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель, 1977, с. 183). Встреча с Федоровым состоялась через два года после кончины С. М. Соловьева – и мысли философа «общего дела» о долге живущих перед умершими, сынов перед отцами, о нравственной необходимости «возвратить жизнь тем, от коих ее получил» (Т. I наст. изд., с. 297) не могли не находить у В. С. Соловьева личного, сердечного отклика.

Но вернемся к событийной канве января 1882 г. Если план Соловьева завезти рукопись Федорову в Румянцевский музей «в середу» осуществился, то, следовательно, встретились они в первый раз после чтения Соловьевым федоровского текста 13 января. Две других встречи, как вспоминает Федоров, произошли накануне и в самый день отъезда философа в Санкт-Петербург, где тот должен был читать лекции по философии истории студентам университета (см. Т. IV наст. изд., с. 48). Первая лекция в Санкт-Петербургском университете состоялась 21 января, из Москвы Соловьев отправился 17 января (18 – он уже в Петербурге (Федоров датирует отъезд философа «двадцатыми числами» месяца, ошибаясь на насколько дней)), следовательно, две его встречи с Федоровым должны быть датированы 16–17 января. В письме к Федорову от 12 января 1882 г. Соловьев выражает пожелание «в конце недели» «сойтись как-нибудь вечером» для специальной беседы. 16 января – это как раз суббота, а 17 – воскресенье: в этот день Румянцевский музей был закрыт и потому встретиться с Федоровым философ мог лишь у него на квартире, что подтверждается и воспоминаниями Федорова.

Итак, в течение девяти дней – с 9 по 17 января 1882 г. Соловьев находится в интенсивном энергетическом поле федоровских идей: чтение рукописи, двухдневные над ней размышле-

ния, письмо мыслителю, заявляющее о полном приятии учения, затем три личных встречи. По воспоминаниям Н. Ф. Федорова, В. С. Соловьев пребывал в это время «в восторженном состоянии» (там же). Налицо был момент озарения, важных внутренних открытий, мощный духовный подъем.

Нашел ли этот подъем какой-то творческий выход? Какие именно темы и сюжеты соловьевского философствования были им стимулированы?

А. П. Козырев, реконструировавший историю замысла большой работы о «вере в науку», указал, что существенное влияние на становление этого, так и не реализованного, замысла оказало знакомство Соловьева с идеями Федорова (А. П. Козырев. Указ. соч., с. 23–24). Ряд набросков, затрагивающих вопрос о сущности и задачах научного знания, исследователь относит к январю 1882, следовательно, новый приступ к разработке «оснований всеобщей науки», начатой в 1881 г., был сделан уже после чтения рукописи Федорова, причем, как мы увидим далее, именно в промежутке между 9 и 17 января.

Н. Ф. Федоров вспоминал, что накануне отъезда в Санкт-Петербург (т. е. 16 января) В. С. Соловьев прочел ему первую лекцию своего университетского курса. В результате разысканий И. В. Борисовой и А. П. Козырева в настоящее время обнаружены как наброски вступительной лекции Соловьева, так и ее стенограмма (наброски лекции опубликованы А. П. Козыревым: «Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1997 год», с. 37–40; стенограмма лекции не опубликована; выражаем искреннюю благодарность И. В. Борисовой, давшей нам возможность ознакомиться с ее текстом). И можно с полным основанием утверждать, что Соловьев познакомил Федорова с конспектом именно этой лекции.

Содержание лекции напрямую связано с замыслом работы о «вере в науку». Соловьев начинает с вопроса о том, существует ли какая-нибудь связь между различными областями знания, между многочисленными научными дисциплинами, или все они принципиально автономны, сосредоточены каждая на своем предмете, так что и искать для них общей основы бессмысленно и нелепо. «Можно все эти разнообразные и внутренно между собою не связанные сведения собрать в одно и поставить ярлык “наука”, как можно мысленно собрать в одно все существующее и поставить ярлык “бытие”, но такое объединение будет чисто внешним, формальным, одним пустым словом, и если иметь в виду нынешнее состояние науки, то употребление в науке слова “наука” должно быть признано за метафору. И однако же, думается мне, что ученые и неученые, говоря о науке в единствен<ном> числе, имеют в виду более, нежели простую метафору, чувствуют, что должна быть единая и цельная наука...» (РГАЛИ, ф. 446, оп. 2, ед. хр. 1, л. 4–4 об.).

Придя к выводу о том, что представление о всеобъемлющей, единой науке имеет полное право на существование, Соловьев оценивает господствующее в современном знании разобщение между отдельными его специальностями как «ненормальное и неудовлетворительное». В сущности, оно подобно разделению и розни, что господствуют в современном мире между человеком и человеком, между нациями и народами, тогда как смысл и назначение их есть всеединство. Более того, разрозненность и разобщенность наук приводит к их «практическому бессилию», – в результате чего наука не управляет ни человеческой жизнью, ни природой.

Изменить подобное положение дел возможно лишь тогда, когда ученые осознают ту высшую и единую цель, к которой в конечном счете должна быть устремлена их деятельность на поприще науки. «Наука должна иметь понятие о своем искомом» (там же, л. 11–11 об.), она не может полноценно существовать, не определив своего места среди других областей человеческого творчества, не постигнув своего назначения в бытии. А это неизбежно ведет ее к союзу с религией, ибо именно религия раскрывает смысл мировой истории, который есть осуществление всеединства. Конечный вывод Соловьева таков: «Что может называться наукою, как не такая деятельность, которая поставила бы себе задачею приведение всего существующего в область божественного смысла, осуществила бы в распавшемся, в разрозненном мире божественную истину. [...] Истинная наука не есть отвлеченное умозаключение: она есть жизненное дело, она всемирна, всечеловечна, а потому и божественна» (там же, лл. 16–17).

Тезисы, излагаемые в набросках данной лекции и в ее стенограмме, повторяются и уточняются в других фрагментах «наукоучения Владимира Соловьева», обнаруженных А. П. Козыревым.

Для начала заметим: главный тезис «наукоучения» Соловьева для самого философа не нов. Идея науки, религиозно ориентированной, задача которой – служить достижению

всеединства, уже высказывалась Соловьевым ранее: в статье «Вера, разум и опыт», в «Критике отвлеченных начал». Но в указанных работах идея эта представала в сугубо философском, отвлеченном виде. Вопрос о том, какими способами, на каких конкретных путях будет исполнять наука это свое служение, Соловьевым не поднимался. По понятным, впрочем, причинам. Соловьев, по всей видимости, просто не был готов к такому вопросу. Действительно, ведь намного легче сказать, что «наука должна поставить своей задачей приведение всего существующего в область божественного смысла», чем объяснить, как именно будет она сию задачу осуществлять.

И только в набросках к теории «единой науки» Соловьев впервые не просто в очередной раз заявил, что наука должна содействовать воплощению идеала, но попытался хотя бы пунктирно наметить средства. И если мы внимательно посмотрим на те направления, по которым движется в данном случае мысль Соловьева, то здесь-то как раз и увидим не просто типологическое родство с идеями Федорова, а прямое и несомненное их влияние.

Пути исполнения наукой своего назначения в человечестве Соловьев определяет методом «от противного», говоря о том, чего нынешние разрозненные, разобщенные научные дисциплины сделать не в состоянии. Они не в состоянии управлять «миром небесных тел», так что даже мысль о таком управлении кажется фантастической («Но я, – подчеркивает Соловьев, – не вижу ничего нелепого в том, чтобы разум человека мог управлять и этою областию» – там же, л. 6 об.). Человек не может управлять и «другим, низшим и более близким явлением – атмосферою»; метеорология «не сделала ни одного шага к подчинению этой области разумной воле человека». «Практическое бессилие науки в ее разрозненном состоянии, – продолжает далее Соловьев, – всего виднее на примере самой важной из всех наук – медицины. Ее целью должно быть поддержание жизни, победа над смертию» (там же, лл. 6 об., 7 об.–8), – но эту задачу медицина исполнить не может.

Sapienti sat. Разве встречается в текстах Соловьева что-нибудь подобное *до* его знакомства с рукописью Федорова? Где и когда ранее проявлялся у молодого философа интерес ко столь конкретным, практическим областям, как астрономия, метеорология, медицина, да еще в таком повороте, как в данной лекции? Ответ однозначен: ранее – нигде и никогда (позже – да, достаточно вспомнить статьи о голоде 1891 г., но ведь и здесь не обошлось без влияния Федорова, о чем см. ниже). И надо сказать, переклички с «учением о воскрешении» на столь небольшом пространстве текста, каковы набросок и стенограмма лекции, указанными примерами отнюдь не исчерпываются. Так, Соловьев касается проблемы технического прогресса и прямо идет от Федорова в своей критике машинной, «протезной» цивилизации, что пытается сугубо внешним, поверхностным образом (орудийно) воздействовать на природу, не затрагивая при этом ни ее смертоносных законов, ни человеческого организма, зависимого от любой случайности, не совершенного ни физически, ни духовно: «Существует целый мир практических применений науки, который считается великой победой человека над природою, – это область машин и инструментов. Но это пользование не может быть названо властным управлением человека природою: здесь человек не управляет каким-нибудь цельным, конкретным явлением природы, а ум человеческий, схватив отдельное свойство явлений, это отдельное свойство употребляет для постройки машин и ими уже управляет. Хорошо и это, но вследствие этого убеждение во власти человека над природою было бы самообманом, и оно скоро исчезнет у всякого, кто потерпит крушение на поезде или падение с аэростата, он тогда убедится, что человек не обладает вполне даже своими маленькими машинами» (там же, л. 7–7 об.). Приведем параллельную цитату из Федорова: «Мы не обольщаемся мнимыми успехами, тем, что ныне называется торжеством над природою, и не эти мнимые успехи заставляют нас приписывать науке ту важную роль, которую ей предстоит совершить. Взять ведро воды и, обратив его в пар, заставить работать – это не значит победить природу, это не значит одержать победу и над ведром воды. Нужно видеть, как эта побежденная сила рвет пальцы, руки, ноги у прислужников машины, чтобы поумерить свои восторги; очевидно, что эта сила не наша еще, не составляет нашего органа» (Т. I наст. изд., с. 293).

А разве не от Федорова идет характеристика современной науки как служанки торгово-промышленной цивилизации, развернутая в лекции Соловьева? Разве не у философа «всеобщего дела» находим мы утверждения о «нравственном долге всех ученых»? Разве не чтением рукописи мыслителя навеяно определение истинной науки как «всемирной медицины», призванной исцелить и «омертвевшую природу», подчиненную силам «разлада и распада», и страдающее, «больное человечество», привести все существующее к «примирению», «единству», «гармонии»? Соловьев здесь даже пользуется федоровской

лексикой – в лекции и набросках к ней встречаются формулы «*ученые и неученые*», «*Смысл мира=мiр*» (РГАЛИ, ф. 446, оп. 2, ед. хр. 1, л. 4 об.; «Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1997 год», с. 40) и т. д.

Разбирая вопрос о «всеединой универсальной науке», Соловьев поднимает тему, которой было суждено почти на тридцать лет опередить свое время и которая стала активно разрабатываться западноевропейскими и русскими философами и учеными уже в XX в.: это тема «разумной организации научного труда», «внутреннего согласования и взаимного приспособления ученых специальностей» («Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1997 год», с. 34, 44), объединения усилий ученых всего земного шара. Тема «организации науки» активно зазвучала именно у Федорова в связи с проектом «всеобщего дела», а затем, уже в 1920-е гг., была развита его последователями – А. К. Горским, Н. А. Сетницким, В. Н. Муравьевым. И Соловьев, по всей видимости, обратился к ней также не без влияния мыслителя.

Следует отметить, что по своему содержанию лекция Соловьева, как и другие наброски к теме о науке, наибольшим образом перекликаются с IV частью «Записки», в которой как раз рассматривался вопрос о путях преображения мира и человека и о религиозной задаче научного знания. По свидетельству Н. П. Петерсона, эта часть «Записки» «почти осталась такою, как она была написана в 1878 году», в отличие от первых трех ее частей, существенно расширенных и дополненных в последующие годы, и «этою именно статьею кончил свое чтение» рукописи Федорова Соловьев (письмо Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 13 марта 1905 // ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 25, л. 14). Таким образом, при изучении проблемы влияния Федорова на Соловьева опора на текст IV части «Записки» представляется вполне корректной.

На основании анализа набросков Соловьева к так и не написанному сочинению о науке можно выдвинуть гипотезу о том, что под влиянием знакомства с идеями Федорова первоначальный замысел этого сочинения был скорректирован. Судя по сохранившемуся в архиве мыслителя плану первого тома книги «Теория всемирной жизни (Основания единой науки)» (см.: А. Козырев. Указ. соч., с. 17), который относится к 1881 г., первоначально Соловьев предполагал вести речь об общих основаниях и принципах научного знания: о «научной системе», о «научном мировоззрении», «о достоверности научных идей», «об условиях познания». Это подтверждает и текст введения в курс лекций по истории философии, прочитанных в 1880–1881 гг. на Высших женских курсах в Санкт-Петербурге: во введении, посвященном определению «характера умственной деятельности вообще», рассматривается прежде всего вопрос о специфике научного познания («Вопросы философии», 1989, № 6, с. 76–77). После знакомства с идеями Федорова произошла трансформация замысла: в центр внимания Соловьева выдвинулся вопрос об истинной, всеспасающей науке, призванной реально преображать мир и человека. Этика вторгалась в сферу гносеологии. Речь шла уже не столько о месте научного знания в общей системе человеческих знаний, сколько об обязанности науки служить делу жизни, о ее роли в осуществлении всеединства, в водворении благобытия. Не случайно Соловьев в письме Федорову от 12 января 1882 г. сообщает о своем желании поговорить в том числе «и о первых практических шагах» к осуществлению федоровского проекта. А. П. Козырев предполагает, что при первой встрече мыслителей после 12 января Соловьев мог излагать Федорову свое понимание науки (А. П. Козырев. Указ. соч., с. 24) – и это предположение вполне подтверждается фактом чтения Соловьевым Федорову 16 января (во вторую их встречу) вступительной лекции в университетский курс.

Отталкиваясь от идеи взаимоопорности веры и знания («Христианство для полной свободы нуждается в безусловной форме, выработанной свободным просвещением, а свободное просвещение для полноты своей нуждается в безусловном содержании христианства»), В. С. Соловьев в набросках 1882 г. в очередной раз формулирует свое credo: «Итак, мы верим в Бога, открывающ<егося> и в разумно-свободн<ой> личн<ости> челов<ека> и через нее являющ<егося> и в мат<ериальной> прир<оде>, мы верим в человека, разумно-свободн<ым> актом восприним<ающего> божественные силы и действ<ующего> ими на материальн<ую> природу, покоряя ее бож<ественной> идее, мы верим, наконец, в материальн<ую> природу, стремящуюся воплотить в себе то безусл<овное> содерж<ание>, кот<орое> ид<ет> к ней от Бога через человека, стремящ<уюся> соед<иниться> с Богочеловеч<еским> разумом и пород<ить> от него реальн<ый> бож<ественный> организм, живое Царство Божие» («Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1997 год», с. 57–58; расшифровка фразы уточнена – см.: РГАЛИ, ф. 446, оп. 1, ед. хр. 38, л. 30–30 об.). В этой формулировке гораз-

до четче, нежели ранее, была заявлена идея сотрудничества божественных и человеческих энергий в деле преображения бытия, проводилась идея полноты обожения, причем залогом этой полноты становилась как раз активность человека, его разума и сознания, подчиняющих себя исполнению воли Творца. Характерно, что своими оппонентами Соловьев называет «традиционных теологов, по слабости веры боящихся разума, которые веруют в скудного и немощного Бога, не умеющего привлечь к себе человека и природу и не находящего ничего лучшего, как предоставить их тьме кромешной и огню вечному» (там же, с. 56).

Но вернемся к лекциям. Вступительная лекция в университетский курс была прочитана Соловьевым 21 января 1882 г. Параллельно этому циклу в январе–феврале философ читает лекции на Высших женских курсах, и в них также возникают отзвуки недавнего знакомства с рукописью Федорова. Так, уже первая лекция открывается оппозицией «ученые – неученые», вопросом о том, какой именно долг надлежит исполнить интеллигенции, людям науки перед народом, поставляющим ей средства к жизни. И само это противопоставление, и мотив зависимости интеллигенции от народа (города от села) в «хлебе насущном», в средствах для поддержания жизни явно навеяны Федоровым. Так же как и определение истинного просвещения, которое, по Соловьеву, заключается в «приведении темных бессознательных начал, тех начал, которые составляют истину всего живущего, в сознание» (РГАЛИ, ф. 446, оп. 2, ед. хр. 1, л. 33). Отметим употребленное в лекции выражение «слепая сила природы», причем в соответствующем, «федоровском» контексте: «Но что значит это безусловное право (право индивидуализма. – *Сост.*) пред слепою, но мощною силою природы, что значит это право перед кирпичем, падающим на человека и внезапно прекращающим его жизнь, что значит оно перед землею, проваливающеюся под его ногами и покрывающею его собою? Что значит это право перед фактом смерти, от которого, если даже устранены будут все пагубные влияния, не уйдет никакая личность со всеми своими правами?» (там же, л. 35 об.). Напомним, что для Федорова выражение «слепая сила природы» – одно из главных идейно-стилевых клише. (Тексты лекций любезно предоставлены нам И. В. Борисовой.)

В других лекциях 1882 г., освещавших процесс вызревания единой истины в истории человечества (этой темы Соловьев неизменно касался в своих лекционных курсах), также появились новые акценты. Так, в лекции, прочитанной 3 февраля 1882 года, рассматривая переход от платонизма как «высшей точки развития древнего мировоззрения» к христианству, Соловьев останавливался на «еврейских пророчествах» и «языческих мистериях», указывая, что они несли в себе ряд важнейших идей, которые затем станут в центре истинно христианского миросозерцания. Существенное место занимал у философа анализ мистериального пресуществления хлеба и вина (прообраз литургического таинства) на элевзинских празднествах, причем это пресуществление напрямую связывалось Соловьевым с идеей бессмертия и воскрешения: «Хлеб, как и вообще продукты земледелия, представляет символ пересозидания материальной природы разумом, деятельностью человека, символ возрождения мертвого вещества к новой жизни. Зерно – продукт разложения. Зерно должно истлеть в земле, чтобы из него развилась новая жизнь в виде нового растения. Зародыш жизни, заключенный в истлевающем зерне, претворяет в себя, пересоздает собою соки мертвых веществ и из них создает жизнь растения. Разумеется, это лишь символ, и, как всякий символ, лишь отчасти напоминает то, что им хотят выразить. Участие разума человека в том претворении мертвого вещества в живое, на которое указывает этот символ, незначительно, самое пересоздание мертвой природы в живую в нем не полно: только части мертвой природы превращаются в живую. Но все-таки в этом символе отражаются и влияние разума и воли человека на природу, и перерождение природы из мертвой в живую» (там же, л. 47–47 об.). Трактовку таинства евхаристии как прообразования будущего восстания из мертвых, обращения праха в живые плоть и кровь находим и во II, и в IV частях «Записки» – Соловьев не мог не обратить на это внимание. Характерно, что Соловьев акцентирует внимание на роли человека в исполнении этого таинства, на участии его разума «в претворении мертвого вещества в живое», в перерождении природы, что также отсылает нас к рукописи Федорова.

А затем философ говорит о Древнем Египте и снова в федоровском ключе, трактуя египетский погребальный обряд в свете идеи телесного воскрешения: «Заботливость египтян о сохранении тел умерших для принятия новой жизни не была до такой степени бессмысленна, их верование в оживление тел не было до такой степени грубо, как это обыкновенно полагают. Известен факт, что в начале нашего столетия при одной из мумий были найдены хлебные зерна. Хотя они казались совершенно окаменелыми, но несмотря на это, когда их положили в землю, из них произросли колосья пшеницы. Факт этот гово-

рит нам, что, как бы ни казалось мертвым тело, из него в благоприятной среде, при благоприятных условиях может возникнуть тело живое. Это, вероятно, и имели в виду египтяне, заботливо сохраняя свои мумии» (там же, лл. 47 об. – 48).

Итак, в лекциях 1882 г. «пересоздание мертвой природы», о котором, как о задаче человечества, Соловьев публично говорит начиная с чтений по философии религии 1878 г., трактуется в том числе и как победа над смертью, восстановление всего умершего и утраченного, причем деятельная роль в процессе этого восстановления (реального, физического, телесного – подчеркивает Соловьев) принадлежит человеку.

Разбирая представления Соловьева о смысле и задаче христианства в мире, следует обратить особое внимание на последнюю лекцию, прочитанную им в Санкт-Петербургском университете 25 февраля 1882 г. Текст ее, присланный позднее философом из Москвы, был литографирован студентом В. Казанским в том же 1882 году. А в 1883 г. в № 1 журнала «Православное обозрение» была напечатана статья Соловьева «Жизненный смысл христианства», воспроизводившая с рядом разночтений и дополнений текст литографированного издания и вошедшая затем в расширенном виде в текст книги «Религиозные основы жизни» (1884).

Под текстом статьи в «Православном обозрении» стоит дата «16 января 1872 года». Исследователями творчества В. С. Соловьева установлено, что «1872 год» – опечатка, и должно читаться «16 января 1882 года» (см.: С. М. Лукьянов. О Владимире Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии. Кн. 1. Т. 1, Пг., 1916, с. 354; С. М. Соловьев. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева, с. 232; А. П. Козырев. Указ. соч., с. 29).

Прежде всего, возникает вопрос: в каком соотношении находятся друг к другу литографированный текст лекции, прочитанной в Санкт-Петербургском университете, и статья, опубликованная в «Православном обозрении» (то, что в «Религиозных основах жизни» – наиболее поздний, доработанный текст, не подлежит сомнению). При самом предварительном, беглом анализе текст «Православного обозрения» выглядит более доделанным: в определенных местах он расширен, ряд формулировок – отточеннее и четче, что наводит на мысль о том, что он написан позднее текста лекции, составившей его основу. Датировка «16 января 1882 г.», скорее всего, поставлена Соловьевым условно, обозначая момент зарождения замысла, первых набросков, а может быть – создания первоначальной редакции (этой первоначальной редакцией вполне мог быть текст лекции). Но что здесь примечательно: 16 января 1882 г. приходится на ту самую неделю, когда философ был под сильнейшим впечатлением от идей Федорова. Более того, именно 16 января произошла вторая за период с 9 по 17 января встреча двух мыслителей, когда Соловьев прочел Федорову введение в курс своих лекций. Не исключено даже, что работа над текстом лекции-статьи «Жизненный смысл христианства» могла быть начата Соловьевым как раз в ночь после этой встречи – под впечатлением новой беседы с «учителем и утешителем». А. П. Козыревым среди других фрагментов начала 1882 г. был опубликован набросок, в котором он усматривает зарождение замысла лекции-статьи (текст наброска см.: «Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1997 год», с. 59–60), – возможно, он должен быть отнесен именно к 16 января или к окружающим эту дату дням.

Характерно, что сразу же после появления статьи «Жизненный смысл христианства» в журнале «Православное обозрение» Н. П. Петерсон обратил внимание на ее сходство с прочитанной Соловьевым рукописью мыслителя (см. письмо Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову от 20 апреля 1883 г. в Т. IV наст. изд., с. 584–585). Сам Федоров в одной из заметок о лекции, литографированной В. Казанским, назвал ее «переводом сказанного проекта (т. е. учения о воскрешении. – *Сост.*) на философско-мистический язык» (Т. IV наст. изд., с. 77). На то, что последняя лекция В. С. Соловьева должна быть рассматриваема именно в перспективе учения «всеобщего дела», что она «свидетельствует о времени наибольшего сближения В. С. Соловьева с Н. Ф. Федоровым», указывают и исследователи, касавшиеся вопроса об идейно-творческих взаимоотношениях двух философов (см.: С. Г. Семенова. Николай Федоров. Творчество жизни. М., 1990, с. 106–107; А. П. Козырев. Указ. соч., с. 28).

Обращает на себя внимание построение лекции-статьи (так для удобства изложения мы будем называть оба текста – опубликованный В. Казанским и появившийся в «Православном обозрении»). В качестве религиозной канвы рассуждения о «жизненном смысле христианства» выбирается евангелие от Иоанна – именно это евангелие, духовным стержнем которого стала «Прощальная беседа» Спасителя с учениками и «Первосвященническая молитва», особенно ценил Федоров, считая, что в текстах четвертого евангелиста как раз и были развиты те стороны христианского учения, которые связаны с

вопросом о человеке и его месте в Божьем замысле о мире. Именно здесь прозвучала заповедь единения «по образу и подобию Пресвятой Троицы», призыв к деятельному уподоблению Христу: «верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит» (Ин 14:12).

В самом Евангелии от Иоанна Соловьев избирает его знаменитый зачин: «В начале было Слово», толкуя стихи Пролога как своего рода вехи истории мироздания, движения мира от сотворения к Откровению.

Излагая в лекции-статье «Жизненный смысл христианства» свое эволюционное и антропологическое видение, Соловьев не только развивал в ней основные положения «Чтений о Богочеловечестве», но и одновременно уточнял, конкретизировал их, во многом опираясь при этом на федоровские идеи. Так, обращает на себя внимание данная в лекции-статье Соловьева развернутая характеристика природного порядка существования, в которой много прямых перекличек с учением Федорова: «...родовой закон, под игом которого гибнет всякая особь», «непрерывная вражда», «взаимное истребление» и вытеснение существ, «злая жизнь», которая «кончается *смертью* и *тлением*» («Православное обозрение», 1883, № 1, с. 31, 32, 35, 41; «Последняя лекция Владимира Сергеевича Соловьева в С.-Петербургском университете в 1882 г. (Лекция 25 февраля)», СПб., 1882, с. 4, 5, 15, 16, 17). Смерть и тление становятся у Соловьева определяющим качеством падшего бытия природы, в полной мере распространяющим свое действие и на человека, несмотря на то, что в духе и сознании он уже сопричтен иному, высшему бытию, основное качество которого – бессмертие и нетленность. Вслед за Федоровым философ вскрывает зависимость физического естества человека от «рокового закона, тяготеющего над природной жизнью материи» («Православное обозрение», 1883, № 1, с. 39; «Последняя лекция...», с.15), указывает на проистекающую от этой зависимости двойственность, двуприродность его натуры, разрываемой противоположными влечениями. Вслед за Федоровым усматривает начало смерти уже в самом природном рождении, «бессознательном, невольном, слепом», ведущем к вытеснению рожденными родивших (Т. I наст. изд., с. 95): «В половом акте по смыслу особь отрекается от себя в пользу рода, утверждает общее родовое бытие, но оно не знает и тут о смысле своего действия: оно знает только слепое влечение к другой особи и это влечение для него так близко к вражде, такое невольное воссоединение особи с родом есть ее отрицание и гибель» («Православное обозрение», 1883, № 1, с. 37).

Идея направленности эволюции предстает в лекции-статье Соловьева через утверждение «всеединого смысла», которым определяется жизнь природы, но который в ней самой действует скрыто, бессознательно и получает свое обнаружение лишь в человеке. Конечной точкой эволюционного процесса провозглашается соединение всего со всем, «воскресение мертвых и ἀποκατάστασις των πάντων» («Православное обозрение», 1883, № 1, с. 45; «Последняя лекция...», с. 24). В таком виде эти идеи у Соловьева уже звучали, но когда философ от общего определения переходит к раскрытию содержания указанных понятий, в его рассуждениях уже отчетливо слышатся федоровские нотки: переходя к проблеме «всеединства», он подчеркивает, что для его осуществления «требуется *сохранение* всех, т. е. сохранение каждого, ибо иначе не будет того, что должно соединяться», а поясняя смысл апокатастасиса, говорит об «увековечении человеческой личности подчинением слепых физических сил разумной воле человека» («Православное обозрение», 1883, № 1, с. 36, 45; «Последняя лекция...», с. 11, 24). Близким к Федорову образом трактуется у Соловьева и идея одухотворения материи, восстановления ее «в новом лучшем образе бытия» («Православное обозрение», 1883, № 1, с. 41; «Последняя лекция...», с. 16). Свойства этого бытия – бессмертие, нетленность, животворящее единство частей целого, при котором уже нет вытеснения и борьбы. В последней же главке статьи говорится о том, что будущий, «во всем своем составе воссоединенный или исцеленный мир будет истинным и полным образом и подобием триединого Бога» («Православное обозрение», 1883, № 1, с. 44; «Последняя лекция...», с. 23), – сравнение, прямо идущее от Федорова.

Наконец, в лекции-статье Соловьева четко формулируется идея активности человечества в деле спасения: «Человечество обязано не созерцать божество, а само делаться божественным» («Православное обозрение», 1883, № 1, с. 42; «Последняя лекция...», с. 20). Соловьев провозглашает переход от религии как чаяния, упования к религии как осуществлению чаемого, от пассивного, созерцательного христианства к христианству активному, призванному вести человечество по пути обожения, причем в своем определении в очередной раз опирается на формулировки Федорова: «...новая религия не может быть

только пассивным богопочитанием (θεοσεβεια) или богопоклонением (θεολατρεια), а должна стать активным богодейством (θεουργια), т. е. совместным действием Божества и человечества для пересоздания сего последнего из плотского или природного в духовное и божественное» («Православное обозрение», 1883, № 1, с. 42; «Последняя лекция...», с. 20). Характерно, что, так же как и Федоров («*Творить* мы *не можем*, а *воссоздавать сотворенное* не нами, но разрушенное нами или разрушившееся по нашему неведению или по нашей вине – *мы должны*» (Т. II наст. изд., с. 77)), Соловьев не признает «нового творения»; теургия для него – именно преображение тварного мира, его обожение, подъем на новую, совершенную и совершеннолетнюю ступень: «Это не есть творение из ничего, а *претворение* или пресуществление материи в дух, плотской жизни в божественную» («Православное обозрение», 1883, № 1, с. 42; «Последняя лекция...», с. 20).

В лекции-статье «Жизненный смысл христианства» Соловьев в определенном смысле стремился восполнить тот пробел в богословии, на который указал в своей рукописи Федоров: «Богословское знание разбирало вопросы об отношении Слова к созданию мира, о проявлении Божества непосредственно чрез силы природы (Промысл), о проявлении Его в пророческих видениях, в деле искупления (это Ветхий завет); но сколько мы знаем, оно не касалось вопроса о воссоздании как исполнении пророческих предсказаний, не касалось вопроса о проявлении Божественной воли чрез посредство нас как разумно-свободных существ, в деле воссоздания или всеобщего воскрешения, не ставило вопроса о том, как образец, данный нам в лице Искупителя, превратить в закон деятельности, и не отдельных только лиц, но в закон совокупной деятельности всего человечества, в закон будущей истории, имеющей осуществить идеал, явленный нам в Троице имманентной» (Т. I наст. изд., с. 102).

Лекцией «Жизненный смысл христианства» чтения В. С. Соловьева в Санкт-Петербургском университете оборвались. Философ внезапно отказался продолжать их и вернулся в Москву. Небезынтересны сведения, приводимые в связи с этим Федоровым. Соловьев, по его словам, возвратился из Петербурга «очень унылым» и сообщил, что «по окончании лекции беседовал со студентами и заметил, что воскрешение не как идея, а как факт не воспринимается ими» (Т. IV наст. изд., с. 48).

В контексте других фактов (в Петербург философ «отправился в восторженном состоянии», накануне читал Федорову вступительную лекцию, буквально пронизанную его идеями, и в других лекциях января–февраля 1882 г. также отчасти опирался на эти идеи), можно предположить, что именно в этих лекциях Соловьев решил изложить многое из того, что воспринял от Федорова, что оказалось близким ему самому. Не случайно в письме, отправленном Федорову после чтения рукописи, он пишет о необходимости сделать его проект «общепризнанным» и ставит вопрос о «ближайших средствах», которые «могут к этому повести». В числе попыток популяризации федоровского проекта, предпринятых Соловьевым в Петербурге, – и упомянутый разговор со студентами, который, как можно предположить, состоялся как раз после лекции о «жизненном смысле христианства». Соловьев беседовал со своими слушателями о воскрешении, причем о воскрешении имманентном, требующем соучастия самого человечества – в печатном тексте лекции (как, по всей видимости, и в устном) эта идея напрямую не высказывалась и не раскрывалась, возможно, кстати, и потому, что подобные высказывания с кафедры были бы чреваты неприятными последствиями (это Соловьев в полной мере испытал годом ранее в связи с призывом к прощению цареубийц).

Непонимание стержневой идеи его лекций – идеи соучастия человеческого рода в исполнении Божьих обетований, конкретизированной в федоровском ключе, – с которым столкнулся Соловьев в беседе со своими слушателями, воздействовало на молодого философа и, по всей видимости, сильно его разочаровало. Тем более что стремление обнародовать именно эту идею во многом вдохновляло Соловьева в первые месяцы после знакомства с Федоровым. Не случаен же такой контраст умо- и душе-настроения в течение месяца с небольшим: «восторженное состояние», духовный подъем сменяются подавленностью и унынием.

Существуют разные гипотезы о причинах, по которым Соловьев внезапно прекратил чтение лекций в Санкт-Петербурге. Официальная версия изложена самим Соловьевым в письме ректору, К. Н. Бестужеву-Рюмину: «по болезни». Но вряд ли причина была одна, и вполне возможно, что в цепи побудительных факторов, вызвавших решение Соловьева

о прекращении лекций, присутствовало и разочарование от результатов его университетской «проповеди».

Впрочем, несмотря на разочарование самого лектора, лекции Соловьева заинтересовали студентов. Они даже просили философа выслать им для издания текст прочитанного курса, на что Соловьев откликнулся присылкой текста последней лекции (см.: «Последняя лекция...», с. 2). Характерно, что из всех прочитанных им лекций Соловьев выбрал именно лекцию о «жизненном смысле христианства». Конечно, это могло быть связано попросту с тем, что именно она имелась у Соловьева в написанном виде (не случайна датировка 16 января 1882 г.), в отличие от других лекций курса. Но ведь и вступительная лекция существовала «на бумаге» – по крайней мере в черновом наброске и стенограмме (в конце концов, читал же Соловьев Федорову 16 января текст первой лекции); кроме того, на тему «веры в науку» Соловьевым был сделан и ряд других заметок, соединить которые в небольшой, сжатый текст для философа в принципе не составило бы труда. Соловьев же избирает именно ту лекцию, которая так или иначе стала кульминацией всего курса, в которой было изложено целостное христианское миропонимание в его, Соловьева, интерпретации, – акцентирующей идеи обожения, творческой активности человека в деле осуществления Христовых обетований.

Была, на наш взгляд, и еще одна причина, по которой Соловьев решил дать для литографирования именно последнюю, а не первую лекцию, – причина публичного характера. В первой лекции – о «вере в науку» – философ попытался наметить практические пути осуществления человеком заповеданной ему роли посредника между Богом и материальным бытием, навести мосты от теории к практике (отсюда замечания по поводу метеорологической и космической регуляции, о задачах медицины и т. д.). Во второй лекции мы имеем только теорию – глубоко продуманную, блистательно изложенную, но теорию. Выхода к практическим путям осуществления религиозно-философского тезиса о том, что «разрешение мирового противоречия между частным и общим», «воскресение и вечная жизнь» «добывается через разумное и свободное действие человеческой воли» («Последняя лекция...», с. 17), в последней лекции Соловьева нет. Федоров весьма точно охарактеризовал эту лекцию как «перевод» своего проекта «на философско-мистический язык». Именно таким языком Соловьев будет говорить на общие с Федоровым темы и в дальнейшем – в сфере религиозной, в области эсхатологической тип философского и богословского умозрения был для него привычен и органичен, иначе писать на эти темы он не мог. К тому же стиль умозрительно-философской статьи был привычен и для читательского восприятия. А перед Соловьевым явно стоял вопрос о том, что́ может быть вынесено в печать, а что́ нет. Характерно ведь, что ни одна из заметок о «вере в науку», где как раз звучали практические проекты Федорова, так и не была использована ни в одном из опубликованных сочинений Соловьева. «Обстоятельства публичного свойства», о которых писал он Федорову в 1891 г., объясняя свой отказ выступить на заседании Психологического общества с изложением некоторых конкретных проектов мыслителя, довлели Соловьеву и в 1882 г.

Но вернемся к событийной канве отношений Соловьева и Федорова в 1882 г. Итак, уже в начале марта 1882 г. Соловьев в Москве. Встречи и беседы с Федоровым продолжаются. По всей видимости, именно мартовско-апрельские контакты с Соловьевым вызывают Федорова на новый виток работы над изложением своего учения. В середине апреля он берет двухмесячный отпуск и уезжает в Керенск к Н. П. Петерсону, где идет интенсивная работа над текстом «Записки».

Как следует из второго письма Соловьева Федорову, которое может быть датировано июнем–июлем 1882 г., перед отъездом Федорова из Москвы они договорились о том, что Соловьев навестит его в Керенске, когда приедет в имение кн. Д. Н. Цертелева, находившееся в Спасском уезде. Однако намерение Соловьева побывать в Керенске не было осуществлено, поскольку кн. Цертелев летом 1882 г. так и не появился в имении. Увиделись Соловьев и Федоров в Москве уже осенью.

Исследователи творчества Соловьева обыкновенно считают его второе письмо Федорову свидетельством «отрезвления» философа, отхода от «утопических» федоровских проектов; при этом в качестве аргументов обычно приводятся обширные цитаты из соловьевского письма, сопровождаемые столь же обширными комментариями (см., напр.: Е. Н. Трубецкой. Несколько слов о Соловьеве и Федорове // Вопросы философии и психологии, 1913, кн. 3, с. 415-416, 418-421). Суть комментария обычно такова: позитивистскому, научному проекту Федорова («воскрешению без Бога») Соловьев противопоставляет цельное религиозно-философское видение «воскресения мертвых и жизни будущего

века», федоровскому воскрешению без преображения – воскрешение, неотделимое от обожения, опоре Федорова на секулярную научную интеллигенцию – единение людей под сению Церкви Христовой.

Излишне повторять, что достаточно хотя бы раскрыть тексты Федорова, чтобы убедиться в том, что преображение составляет у него conditio sine qua non воскресительного процесса: одно без другого немыслимо. И если вчитаться в тот фрагмент письма Соловьева, который обыкновенно приводят в качестве убедительного примера его полемики с Федоровым, то обнаруживается любопытная вещь: Соловьев не только не полемизирует – он излагает... мысли самого Федорова. В письме идет рассуждение о невозможности и нежелательности «воскресить людей в том их состоянии, в каком они стремятся пожирать друг друга», о необходимости восстановления «*личного состава*» человечества «*в должном виде*», а далее следует фраза: «С этим Вы, конечно, совершенно согласны – это Ваша собственная мысль» (Т. IV наст. изд., с. 630). Критики Федорова зачастую проходят мимо этой фразы, и это далеко не всегда сознательное игнорирование очевидного. Письмо В. С. Соловьева Н. Ф. Федорову впервые было опубликовано В. А. Кожевниковым в приложении к его книге о Федорове, а затем помещено Э. Л. Радловым во II томе собрания «Писем» Соловьева, причем в качестве единственного источника текста Радлов использовал первую публикацию. При этом в тексте, помещенном в собрании «Писем», слова «это Ваша собственная мысль» оказались выпущенными, скорее всего, по вине типографии. Современные же исследователи, большей частью не знающие книгу Кожевникова, знакомятся с письмом Соловьева и цитируют его по радловскому изданию, в результате чего и создается возможность неверной интерпретации текста. Хотя и в этом случае предвзятость по отношению к Федорову играет свою роль – в конце концов фраза «С этим Вы, конечно, совершенно согласны – это Ваша собственная мысль» выпущена не вся, ее начало «С этим Вы, конечно, совершенно согласны» присутствует и у Радлова и при как минимум нейтральном отношении к Федорову разбираемый фрагмент должен бы быть воспринят адекватно.

Кроме того, в тексте радловского издания опущены пометы, сделанные Н. Ф. Федоровым на полях письма Соловьева. А они очень важны для понимания содержания письма, его места в истории идейных взаимоотношений двух мыслителей, восприятия письма самим Федоровым, наконец. Напротив слов «воскресить человечество на степени каннибализма было бы и невозможно, и совершенно нежелательно» Федоров записывает: «Воскрешать каннибализм, т. е. воскрешать смерть! Вот нелепость!» А рядом с фразой: «Значит, цель не есть простое воскресение *личного состава* человечества, а восстановление его *в должном виде*» помечает: «Против кого Вы пишете, нельзя и понять!» (там же).

В свое время Е. Н. Трубецкой, полемизируя с Н. П. Петерсоном по вопросу о степени идейного родства Соловьева и Федорова, не просто сознательно проигнорировал фразу «С этим Вы, конечно, совершенно согласны – это Ваша собственная мысль» (он пользовался тем текстом письма, который был напечатан в книге Кожевникова), но и умудрился истолковать приведенные приписки Федорова как свидетельство его непонимания доводов Соловьева: Федоров, мол, даже не смог понять, что речь у Соловьева идет о преображении человечества, о теле духовном – и понятно, почему: сам-то он говорил только о механическом воскрешении, сложении из рассеянных атомов непреображенных тел и т. п.

Между тем фраза «Против кого Вы пишете, нельзя и понять!» – вовсе не свидетельствует о действительном непонимании Федоровым Соловьева. Это риторическое восклицание, имеющее примерно тот же смысл, что и «Не ломитесь в открытую дверь!» Оно, так же как и первая приписка, свидетельствует как раз о том, что Федоров настолько не мыслил воскрешения без преображения, что серьезные, с пафосом, рассуждения Соловьева о невозможности и нежелательности «воскресить человечество на степени каннибализма» казались ему попросту нелепыми. Впрочем, не следует забывать, что Трубецкой разбирал письмо Соловьева с узкой целью опровергнуть Петерсона, а в азарте полемики, как известно, «все средства хороши».

Итак, рассмотренный нами фрагмент соловьевского письма не содержит в себе полемики с Федоровым. А как же следующее ниже рассуждение о разрыве между нынешним человеческим родом, который «вовсе не творит волю Отца», и должным, «действительным человечеством», сознательно подчинившим всего себя Богу и исполняющим Его заповеди? Как же вытекающая отсюда мысль о действиях благодати, проявляющей себя в мире «тем в более чуждых (чудесных) формах, чем менее мы сами соответствуем своему Богу»? Как же, наконец, итоговое оправдание «положительной религии и церкви», в которой «мы имеем не только начаток и прообраз воскресения, будущего Царствия Божия,

но и настоящий (практический) путь и действительное средство к этой цели»? Как же финальная фраза: «...наше дело и должно иметь религиозный, а не научный характер и опираться должно на верующие массы, а не на рассуждающих интеллигентов» (там же)?

Когда читаешь фрагмент, из которого взяты эти цитаты, создается впечатление, что Соловьев здесь бьет по им самим созданным, искусственным мишеням. Сам Федоров никогда не рассуждал «о действительном человечестве» «по образу должного»: напротив, в «Записке», которую читал и Соловьев, он постоянно подчеркивал, что человеческий род ныне находится в состоянии несовершеннолетия, несовершеннолетия физического и духовного – потому-то и соблазняется ложными ценностями («мануфактурные игрушки») и целями, потому-то и пребывает в состоянии небратства и розни (см., к примеру: Т. I наст. изд., с. 102–106, 270), – и одной из главных задач истории поставлял возрастание его «в духе и истине», обращение в сознательное орудие осуществления в мире Божьей воли (отсюда центральное значение, которое Федоров придавал воспитанию). И когда Соловьев пишет: «Все мы пока дети и потому нуждаемся в детоводительстве внешней религии» – и выдвигает «положительную религию и церковь» как «настоящий (практический) путь и действительное средство» «воскресения, будущего Царствия Божия», он отнюдь не противоречит Федорову. В IV части «Записки», той самой, где речь шла о путях осуществления всеобщего дела, одним из центральных был как раз вопрос о церкви как объединительнице, просветительнице, воспитательнице и водительнице человечества во всеобщем деле (см.: Т. I наст. изд., с. 263–276, 299–300): здесь много говорилось об общине-приходе как ячейке благодатного, соборного единства, которое должно расширяться, включая в себя все новых и новых членов, просвещая и «образуя» их, о сущности христианских таинств, о воспитательном значении годовых церковных служб («религиозно-этический календарь»), о значении литургии «как строительницы церкви». Более того, в истории, становящейся «работой спасения», преображения природы и человека, подчеркивал Федоров, церковь расширяется: сокращается разрыв между храмовой и внехрамовой действительностью, воцерковляются те сферы жизни, как личной, так и общественной, которые либо отпали и отпадают от нее в результате секуляризации (государство, культура, искусство, образование), либо изначально пребывали вне церковных стен (наука, естествознание, земледелие и т. д.). Церковь возглавляет дело регуляции природы и воскрешения, движет всю громаду сущностных сил человечества, ориентируя их идеалом обожения. (Не случайно же сам Соловьев, по свидетельству Федорова, предлагал назвать его проект «всемирною литургиею» – Т. IV наст. изд., с. 77.)

И уж тем более никогда не призывал Федоров опираться «в общем деле» на «рассуждающих интеллигентов». Напротив, он всегда критиковал «ученое, интеллигентное сословие» за его отрыв от народа, за отвлеченность, «кабинетность» мысли и знания («ум, лишенный чувства и воли»). И как раз высоко оценивал народную веру, коренящуюся в культе предков, в идее всеобщего родства. Самый разрыв между учеными и неучеными, повлекший за собой разрыв между мыслью и делом («знание, отделенное от действия, превратилось в созерцание, а действие без знания – в механическую работу» (Т. I наст. изд., с. 232)), считал он состоянием недолжным, выход из которого полагал в объединении интеллигенции и народа, в их совместном участии во всеобщем, воскресительном деле – деле, религиозно ориентированном. Когда «все станут познающими, а всё – предметом знания и дела», причем дела религиозного, осуществляемого под эгидой церкви, тогда противопоставление «рассуждающих интеллигентов» и «верующих масс» потеряет свой смысл. Ведь и сама наука, бывшая достоянием «ученых», воцерковляется, христианизируется, участвует во «внехрамовой литургии». И тот факт, что Соловьев заострил указанное противопоставление, свидетельствует, скорее всего, лишь о том, что сам он недостаточно вник в логику построений Федорова.

Вообще, когда вдумываешься в ход рассуждений Соловьева в разбираемом письме, создается впечатление, что он здесь не столько спорит с Федоровым, сколько обнаруживает перед ним свою собственную эволюцию в понимании учения о воскрешении, рефлексирует о своем собственном задании во всеобщем проекте – как христианского мыслителя. Ведь в начале знакомства с идеями Федорова, когда у самого Соловьев вызревает замысел сочинения о «вере в науку», он начинает разрабатывать именно ту сторону проекта, которая связана с вопросом о месте в нем научного знания (в наличной действительности, в большой мере, – достояния «рассуждающих интеллигентов»), – свидетельством чему и вступительная лекция в университетский курс, и черновые наброски начала 1882 года. Но параллельно с темой «веры в науку» развивается в творчестве Соловьева и

тема церкви как орудия осуществления христианского идеала. Будучи заявлена в чтениях по философии религии 1878 г., получив развитие в печатном тексте 11–12 чтений, писавшемся уже в 1881 г., в статье «О духовной власти в России», эта тема полногласно прозвучала в лекции о «жизненном смысле христианства» уже с явными отголосками федоровских идей. И, по всей видимости, весной 1882 г., после прекращения петербургских лекций и возвращения в Москву, начинается явное смещение умонастроений Соловьева в сторону церковного вопроса. Тем более, что попытка проповеди учения «всеобщего дела» с университетской кафедры – как раз перед «рассуждающими интеллигентами» – незадолго до того потерпела фиаско.

В разбираемом письме к Федорову, т. е. летом 1882 г., Соловьев четко определяет то направление, в котором он намерен идти, развивая вопрос о путях осуществления в истории идеала Царствия Божия. Он заявляет о себе именно как о религиозном мыслителе-теоретике: отныне и впредь он будет раскрывать как свои, так и федоровские идеи (или, лучше сказать, идеи, общие у него с Федоровым) только на языке религиозной философии и богословия. «Глаголы вечной жизни» сознательно будут им обращены только к верующим, и только к христианам (а также к еврейскому народу, который Соловьев считал, наряду с русским народом, народом богоизбранным и мессианским). И в этом, кстати, его принципиальное отличие от Федорова, который, стоя на христианском миропонимании, тем не менее обращался ко всем: «к духовным и светским, к верующим и неверующим», уповая на то, что в деле «спасения от общих всем бедствий», в труде регуляции и воскрешения смогут примириться те и другие и что через благое дело воскрешения, по мере созидания соборного, всечеловеческого единства, преображения бытия и человека, и неверующие откроют для себя Бога, – в этом смысле его тексты универсальны, содержат разные содержательные и языковые пласты, хотя христианский пласт мысли и слова, безусловно, доминирует.

Итак, письмо лета 1882 г. фиксирует важный этап в философской эволюции самого Соловьева: в центр его мысли становится вопрос о «положительной религии и церкви». Этот вопрос, как мы видели выше, был развит в последней лекции, прочитанной философом в Санкт-Петербургском университете, и далеко не случайно текст этой лекции был напечатан сначала в «Православном обозрении» в виде статьи, а затем в расширенном и дополненном виде вошел в работу «Религиозные основы жизни». Замысел указанной работы, вызревавший и осуществлявшийся в 1882–1883 гг., во многом также проясняется на фоне знакомства Соловьева с активно-христианскими идеями Федорова.

«Религиозные основы жизни» – опыт христианской этики. Но философ не ограничивается в ней личными нравственными предписаниями. Вопрос о христианском поведении личности составляет лишь первую часть книги; во второй же ее части рассматривается вопрос о христианских формах человеческого общежития: о должном, праведном устроении общества и государства. При этом уже в начале изложения Соловьев задает определенную религиозно-философскую перспективу – ту самую, которая была очерчена им в лекции о «жизненном смысле христианства» и во многом перекликалась с идеями Федорова, – и на ее фоне выстраивает христианскую концепцию личного и социального поведения.

Христианская этика, излагаемая в «Религиозных основах жизни», базируется на постулатах активного христианства: «религия есть дело богочеловеческое», человеческий род – «проводник благодати Божией», призванный «распространить ее действие на нашу животную природу и на весь наш мир. [...] Как воплощенный Бог спасает человечество, так воссоединенное с Богом человечество должно спасти всю природу [...] Вся тварь должна быть искуплена и введена в свободу славы сынов Божиих» (В. С. Соловьев. Религиозные основы жизни. М., 1884, с. I, 54). Когда мыслитель рассуждает «о молитве», «о жертве и милостыне», «о посте», он постоянно соотносит излагаемые им нравственные предписания с этой «вселенской, всемирно-исторической задачей». Так, в молитве человеческая воля, «свободно отдаваясь воле Божией, не поглощается ею, а *сочетается* с нею и становится новою *богочеловеческой* силой, способной творить дела Божии в мире человеческом». В милостыне и жертве – начало противостояния личности «природному порядку», который «держится на взаимном истреблении»: «это первое начальное и простейшее выражение» иного, «благодатного порядка мира», основанного «на взаимной солидарности или единодушии» (там же, с. 41, 53). Наконец, в посте, физическом, умственном и духовном, человек овладевает собственной несовершенной природой и преображает, перерождает ее в той степени, в какой это возможно сделать в одиночку.

А. П. Козырев, анализируя историю идейных взаимоотношений Федорова и Соловьева начала 1880-х годов, рассматривает «Религиозные основы жизни» как отход Соловьева от идей философа «всеобщего дела»: поскольку в этой работе «орудием борьбы со злом видится не астрономия и физика, не регуляция природы, а усилие человеческой воли в молитве, жертве, милостыне и посте» (А. П. Козырев. Указ. соч., с. 31). Вряд ли такая трактовка справедлива. Для самого Федорова оппозиция «личная аскеза – регуляция природы» не была актуальной: философ не отвергал ни молитву, ни милостыню, ни пост, и тем более не противопоставлял им науку в качестве единственного средства осуществления «всеобщего дела». Если он специально не останавливался на христианской аскезе, то не потому, что не признавал ее важности. Эта тема давно была общепризнана и подробнейшим образом разработана в нравственном богословии. Поэтому в своих сочинениях Федоров ее только обозначает, а в центр своих построений ставит вопрос о том, каким именно образом должен быть дополнен аскетический, монашеский путь. В том, что в христианстве, и христианстве активном, это не единственный путь борьбы со злом и смертью, философ был глубоко убежден. Аскеза – «борьба оборонительная», и одним лишь «отрицательным целомудрием» задача преображения падшего мира, победы над его смертоносными законами, коль скоро она поставлена перед человечеством, достигнута быть не может. Что, кстати, прекрасно понимал и Соловьев – не случайно, говоря о молитве, милостыне, жертве и посте, он подчеркивает, что это именно те религиозные обязанности, которые под силу каждому отдельному человеку, и что «вселенской», «всемирно-исторической задачи» «перерождения природного мира» отдельный человек исполнить не в состоянии. «Поэтому религия и не говорит никому из нас лично: сливайся с Божеством, спасай человечество, возрождай вселенную. Но в нашей власти молиться Богу, помогать нуждающимся ближним и исправлять собственную природу. [...] Молись Богу с верой, делай добро людям с любовью и побеждай свою природу в надежде будущего воскрешения» (В. С. Соловьев. Религиозные основы жизни, с. 59–60). Необходимо хотя бы отчасти ограничивать действие падшего природного закона, стоящего на питании, размножении, взаимном вытесении и смене поколений, и не случайно характеристика «природного пути как ведущего к смерти и ничтожеству» была дана Соловьевым во вступлении к первой части работы. Фактически Соловьев указывает на то, что́ уже сейчас может и обязан делать каждый конкретный человек, каждый христианин как участник богочеловеческой «работы спасения», что́ он может и должен делать для того, чтобы приуготовить из себя достойное орудие осуществления Божьей воли в этом мире. Речь шла о первой, самой первой стадии «всеобщего дела». Другое дело, что Федоров на данной стадии выдвигал перед каждой конкретной личностью более широкий спектр задач, считая, что помимо внутреннего духовного делания необходима работа по изучению своего рода, своих отцов, дедов, прадедов, кропотливый труд самообразования, участия во всеобщем познании и исследовании и т. д. (но самой работы внутреннего духовного делания не только не отрицал, но считал ее важной составляющей возрастания «в духе и истине»).

Перспектива богочеловеческого дела представлена и во второй части книги «Религиозные основы жизни», где речь идет уже не об индивидуальном, а об общественном спасении, ставится задача деятельного преображения всех сфер исторического и социального бытия, превращения в сознательное орудие Божьей воли уже не отдельного человека только (личная святость), но и всего человечества. Здесь во всей полноте раскрывается идея церкви как опоры в падшем, несовершенном мире Божеского порядка вещей, как живого органа всеединства, растущего и развивающегося в истории, перерождающего межчеловеческие отношения, ведущего ко «вселенскому богочеловечеству». Проводится мысль о том, что идеал «Царствия Божия» должен быть внесен в жизнь общества и государства, дабы перестроить и переродить их изнутри, пересоздать «по образу и подобию Церкви Христовой» (указ. соч., с. 134). Более того, он призван одухотворять и межгосударственные отношения, выстраивая их на началах братства и Христовой любви.

Итак, в работе «Религиозные основы жизни» Соловьев, идя по пути христианского богословствования, понятному и привычному и для него самого, и для традиционного сознания, вносит в христианскую этику активно-христианские акценты. Вопросов о месте в богочеловеческом делании научного знания, творчества, искусства он здесь не ставит. Значит ли это, что отныне эти вопросы для него неактуальны? Ответ, как будет видно в дальнейшем, не может быть однозначным. В данном же случае отсутствие этих вопросов не в последней степени продиктовано замыслом самой работы, естественными рамками темы.

Кстати, вопрос о «новом религиозном искусстве», способном стать «*реальною силою,* просветляющей и перерождающей весь человеческий мир» (*Соловьев. 3*, 189, 190), был поднят Соловьевым в «Трех речах в память Достоевского», относящихся именно к 1882–1883 гг. Во второй речи, произнесенной Соловьевым 1 февраля 1882 г., т. е. спустя меньше месяца после знакомства с рукописью Федорова, находим целый ряд прямых перекличек с идеями московского философа. Это прежде всего тезис о том, что «истинное христианство» не должно ограничиваться «*одной верой*», его задача «соединить и примирить все человеческие *дела* в одно всемирное общее дело, без него же и общая вселенская вера была бы только отвлеченной формулой и мертвым догматом» (там же, с. 202). Так же как и Федоров, Соловьев не удовлетворяется «храмовым христианством», как, впрочем, и христианством «домашним», обнимающим лишь «*личную* жизнь и *частные* дела человека»; говорит о необходимости «вселенского христианства», призванного вобрать в себя все сферы бытия человечества: «политику, науку, искусство, общественное хозяйство», направляя их к единой цели обожения (там же, с. 200–201). А в третьей речи философа проводится мысль об «искуплении и восстановлении» «природы и материи» как необходимом условии воцарения в мире «Царствия Божия», причем в этом искуплении и восстановлении соучаствует и истинное, «рожденное свыше» человечество (там же, с. 211–212).

Примечательно, что творчество Достоевского рассматривается Соловьевым именно в перспективе понимания христианства как «общего дела». Философ стремится показать Достоевского как своего рода апостола совершеннолетней веры, богочеловечества: «Достоевский верил и проповедовал христианство живое и деятельное, вселенскую Церковь, всемирное православное дело. Он говорил не о том только, что есть, а о том, что должно быть. Он говорил о вселенской православной Церкви не только как о божественном учреждении, неизменно пребывающем, но и как о *задаче* всечеловеческого и всесветного соединения во имя Христово и в духе Христовом – в духе любви и милосердия, подвига и самопожертвования» (там же, с. 201). «Три речи в память Достоевского» как раз и раскрывают перед нами ту общую религиозно-философскую платформу, на которой стояли в 1870-х гг. Достоевский, Соловьев и Федоров, обнажают в слове их сокровенное, идейно-духовное родство, при котором идеи любого из них могли быть прочитаны двумя другими «как бы за свои».

Во второй части «Религиозных основ жизни» и в «Трех речах в память Достоевского» Соловьев формулирует идею христианской политики, которая, будучи параллельно заявлена в работе «Великий спор и христианская политика» (1883), станет стержневой темой теократического периода творчества философа. Эта идея вырастает именно на основе размышлений 1882–1883 гг. об истории как «работе спасения» и задаче в ней церкви, о сущности «истинного христианского дела», размышлений, во многом стимулированных знакомством с идеями Федорова. Федоров с его концепцией устроения человеческого общества «по типу Троицы», подробно развитой во II и IV частях «Записки», в полной мере может быть назван, наряду с Ф. И. Тютчевым, И. С. Аксаковым, Ф. М. Достоевским, предшественником Соловьева в разработке идеи христианской политики.

«Великий спор и христианская политика» продолжает движение, намеченное в письме Соловьева Федорову лета 1882 г. В главе «Разделение церквей» находим прямое переложение идей этого письма (вспомним – «Все мы пока дети и потому нуждаемся в детоводительстве внешней религии»): «Доколе эта цель ("свободная богочеловеческая жизнь". – *Сост.*) не достигнута и Бог не есть все во всех, дотоле необходимы и особая святыня Церкви (особые священные формы и формулы, в которые облекается божественное начало), и особая духовная власть, направляющая мир к его цели. Пока все человечество не возродилось духовно и не достигло полноты возраста Христова, оно нуждается в постоянном руководстве и управлении. В данном состоянии мира для совершения дела Божия недостаточно одних свободных сил человечества, но нужна еще вдохновляемая свыше власть, объединяющая эти человеческие силы и направляющая их действие к общей цели» (*Соловьев. 4,* 51–52).

В одной из заметок о Соловьеве Н. Ф. Федоров вспоминал о разговоре, состоявшемся между ними «раннею весною 1889» года: Соловьев, по свидетельству мыслителя, заявил тогда, «что для осуществления Общего дела нужно по крайней мере 25 или 10 тысяч лет (полагая, конечно, что первоначально нужно теснейшее объединение, а потом прямое воздействие на природу)» (Т. IV наст. изд., с. 54). В письме к В. А. Кожевникову от конца марта – начала апреля 1902 г. он датировал этот разговор приблизительно 1882–1883 гг.

(см. письмо 258 и примеч. 4 к нему). Не исключено, что на указанную тему Федоров и Соловьев беседовали неоднократно, и датировка одного из таких разговоров весной 1883 года, т. е. периодом писания и публикации «Великого спора», вполне вероятна. Вопрос о неспособности нынешнего несовершенного, пребывающего в розни человечества встать на путь всеобщего дела мог обсуждаться и еще ранее – по крайней мере он поднимается в письме Федорова Соловьеву летом 1882 г., и там же содержится отсылка к беседам Федорова и Соловьева в Москве, имевшим место как раз весной того же года («Вот Вам короткое оправдание тех чувств, которые я в последнее время в Москве Вам высказывал» (Т. IV наст. изд., с. 630)).

Именно стремление сократить разрыв между наличным и должным состоянием человечества, воспитать из последнего соработника в деле Божием и явилось движущим импульсом второго теократического периода творчества Соловьева. Не случайно на первый план здесь выдвигается идея Церкви – ее-то Соловьев как раз и считает силой, способной действительно объединить человеческий род, привести его «в разум истины», более того – стать соборным орудием воплощения в мире Царствия Божия: «...в церкви святыня Божия, принятая волей и разумом человечества, чрез подвиг самоотвержения людей и народов должна быть проведена во весь состав человечества, во всю его природную жизнь, а чрез это и в жизнь всего мира к его исцелению, преображению и воскресению»; «Церковь не есть *только* богочеловеческая основа спасения для отдельных людей, но и богочеловеческое домостроительство οἰκονομία для спасения всего мира» (*Соловьев. 4*, 51, 107).

Из такого понимания церкви как «становящегося царства Божия на земле», как собирательницы и объединительницы человечества и исходит у Соловьева критика разделения церквей. Распадение христианства на различные конфессии определяется им как ненормальное и недолжное, препятствующее осуществлению домостроительства спасения. Отсюда – призыв к соединению Западной и Восточной церквей, каждая из которых внесла свой вклад в усвоение и развитие в мире истины Христовой. Соединение церквей становится первым практическим шагом на пути объединения человечества, открывающего путь к эре «всеобщего дела».

Тем не менее, несмотря на то, что Соловьев в работах о теократии и соединении церквей исходил из того же понимания задачи христианства в мире, что и Федоров, из той же идеи истории как «работы спасения», отношение мыслителя ко второму периоду творчества Соловьева было достаточно сложным.

Именно с 1883 г., когда в аксаковской «Руси» печатается «Великий спор и христианская политика», в отношениях Соловьева и Федорова обнаруживается трещина. Федоров внимательно следит за публикацией работы и за полемикой по ее поводу в русской печати (об этом свидетельствуют самые ранние из сохранившихся заметок о Соловьеве, связанные как раз с данным сюжетом). И, по всей видимости, претензии по поводу «Великого спора» высказывает уже осенью 1883 г., по возвращении своем из Керенска.

Впрочем, недовольство Соловьевым началось у Федорова еще до выхода тех глав «Великого спора», в которых речь шла о соединении церквей. В апреле 1883 г. в несохранившемся письме Н. П. Петерсону он резко отзывается о статье «Жизненный смысл христианства», напечатанной в «Православном обозрении». О содержании отзыва можно отчасти судить по ответному письму Петерсона от 20 апреля: по всей видимости, Федоров обвинил Соловьева в том, что в его статье идея воскрешения и преображения мира представала в слишком отвлеченном, философском, «мистическом» виде; статья, с его точки зрения, грешила отсутствием деловой конкретики; она не касалась проекта регуляции природы, не указывала на реальные пути, связанные с новым направлением всеобщего научного поиска (все, что разрабатывала мысль Федорова и что было известно Соловьеву).

Не принял он и работы «Великий спор и христианская политика», стоящей, по сути, на близких ему религиозно-философских основаниях. Не принял не за саму идею соединения церквей (идея «вселенского христианства» исповедовалась им самим), а за конкретные пути ее осуществления. Хотя Соловьев в «Великом споре» подверг развернутой критике искажения западной церкви (папизм), хотя он неоднократно подчеркивал, что соединение с западной церковью не есть латинизация, хотя призывал к свободному обсуждению вопросов соединения церквей, говорил о взаимном восполнении духовного опыта Востока и социального опыта Запада, тем не менее уже в этой работе содержались некоторые намеки на будущий конкретный план, развернутый позднее во всей полноте в «Истории и будущности теократии» (1885–1887), «России и Вселенской церкви» (1888) и других соловьевских работах. Так, исходя из первенствующего значения римского пре-

стола в древней неразделенной церкви, церкви эпохи Вселенских соборов, Соловьев заявлял: последствия разделения церквей «доселе парализуют историческую силу христианства, и перед нами по-видимому стоит дилемма: или принудительная централизация Рима, или отсутствие церковного единства» (*Соловьев. 4,* 101). Не следует упускать из виду и того, что в личных беседах с Федоровым в 1883 г. Соловьев вполне мог высказаться гораздо откровеннее, чем в печати (известны трудности прохождения в «Руси» отдельных глав «Великого спора»), и прямо очертить перед мыслителем контуры своего проекта.

По Соловьеву, соединение церквей и установление теократии (боговластия) в высшем своем смысле есть не что иное, как конечное, завершительное соединение твари и Творца, предполагающее уже преображенное состояние мира, и с этим Федоров не спорил. Его сомнения вызывали средства: *внешнее* церковно-государственное единство в форме союза римского папы и российского императора, – которые явно не вмещали всей полноты и высоты поставленной цели.

Кроме того, предложенный Соловьевым проект соединения церквей Федоров рассматривал не в плане историософском (умозрительно-философском), как то было у самого Соловьева, а в перспективе реальной истории и политики: в свете истории униатства, с точки зрения внутриполитических проблем России (статус Царства Польского, проблема западно-русских окраин и т. п.) и ее внешней политики. Именно с этих позиций зачастую критикует Федоров Соловьева в печатаемых в Т. IV наст. изд. заметках.

Заметка «Еще раннею весною 1889 Соловьев говорил...», которую мы разбирали выше, дает еще одну ниточку к уяснению сути разногласий Федорова и Соловьева в период 1883–1888 гг. Соловьев, указывая, что для осуществления дела регуляции природы и воскрешения необходим колоссальный период истории (10 или 25 тысяч лет), утверждал, что говорить об этом деле на нынешнем историческом этапе пока преждевременно: первоначально необходимо воспитание и объединение человечества, чтобы оно оказалось готовым и к восприятию воскресительного дела, и к благодатному его осуществлению. Здесь-то, на наш взгляд, и кроется причина того, почему Соловьев постепенно оставляет тему «веры в науку», начинает обходить проблему регуляции, вопрос о естественнонаучных средствах осуществления всеобщего дела (обходит, впрочем, до поры до времени, точнее до 1891 года, о чем см. ниже). Об этих средствах, по его мнению, возможно говорить лишь тогда, когда человечество придет к духовному совершеннолетию, свободно и сознательно изберет волю Творца, – а до наступления сего момента лучше об этом умалчивать. Отсюда – и интенсивная разработка темы теократии: именно соединение церквей, по мнению Соловьева, является первым шагом на пути ко всеобщему делу.

Федоров же, в свою очередь, считал, что Соловьев берется за всеобщее дело «не с того конца». Не отрицая необходимости воспитания и объединения человечества, он в то же время был глубоко убежден, что и воспитание, и объединение будут по-настоящему эффективны лишь тогда, когда с самого начала будут ориентированы в воскресительном духе, будут сопровождаться реальными шагами в области борьбы со стихийными природными бедствиями, эпидемиями, старостью, смертью, когда нынешняя наука начнет активно работать в поле высшего идеала. Взросление человечества, переход от несовершеннолетия к совершеннолетию, по его убеждению, возможны только в благодатном, спасительном деле. И сам церковный, догматический спор окончательно разрешится именно в деле спасения, осуществления высших обетований христианства: в труде преображения мира и человека примирятся враждующие христианские конфессии. Во многом именно в качестве своеобразного «ответа» Соловьеву писалась во второй половине 1880-х гг. работа «Собор», а в 1893 г. работа «Проект соединения церквей», в которых Федоров развил собственный взгляд на проблему соединения церквей, и в частности подчеркнул: «Очевидно, что примирению церквей, примирению не временному, а вечному, исключающему войны внутренние и внешние, примирению, как оно изложено здесь, должно предшествовать примирение верующих с неверующими, примирение *знания* с *верою*, принятие наукою христианства и усвоение науки христианством» (Т. I наст. изд., с. 377–378).

Впрочем, в первой половине 1880-х гг. трещина во взаимоотношениях Федорова с Соловьевым еще не столь велика. В этот период в философской публицистике последнего возникает ряд частных тем, в осмыслении которых он во многом идет от философа «всеобщего дела». Это прежде всего тема помощи народу, активно обсуждавшаяся на страницах российской печати уже не первое десятилетие. Характерно, что Соловьев, повторяя устоявшиеся в публицистике 1870–1880-х гг. положения о прогрессирующем обеднении крестьянства, об упадке нравственности, ослаблении семейных связей, распространении

пьянства, «постоянном размножении всяческих сект, порождающих духовную рознь в народе» (В. С. Соловьев. Сочинения в 2-х тт. Т. I. М., 1989, с. 399), выдвигает на первый план проблему «оскудения земли», которое, по его убеждению, не в последнюю очередь влияет на ухудшающееся материальное положение народа (см. предисловие к первому изданию сборника «Национальный вопрос в России» (1884), а также статьи «Еврейство и христианский вопрос» (1884) и «Государственная философия в программе Министерства народного просвещения» (1885)). Вопрос об истощении почвы, ведущем к хроническим неурожаям, заостряется им в проблему нерационального землепользования, истощения природных ресурсов: «народ рано или поздно *съедает* землю», «железные дороги беспощадно пожирают леса, а без лесов наша огромная континентальная равнина рано или поздно [...] обратится в бесплодную пустыню»; «мы, не ограничиваясь истреблением лесов, принялись усердно осушать болота» (*Соловьев. 5*, 176–178). А проблема «хищнического хозяйства», неуклонно истощающего ресурсы земли, в свою очередь переходит в проблему «ложной цивилизации, которая превращает средство в цель, из орудия делает идола и для удобства некоторых приносит в жертву то, что необходимо для всех» (там же, с. 178). У Федорова – та же логика развития мысли; критика «торгово-промышленной цивилизации», цель которой – потребление и комфорт, «цивилизации эксплуатирующей, но не восстановляющей», в IV части «Записки» занимает одно из центральных мест.

От Федорова идет и развернутая в статье «Еврейство и социальный вопрос» оппозиция «город–село»: «Разрастание наших городов (особенно в последние тридцать лет) породило лишь особую буржуазную цивилизацию с ее искусственными потребностями, более сложными, но отнюдь не более возвышенными, чем у простого сельского народа. Между тем бóльшая часть нашей промышленности существует только для удовлетворения этих искусственных (а иногда и отвратительных) потребностей городской цивилизации. [...] Наши города вместо того, чтобы быть нервными узлами социального организма, скорей похожи на вредных паразитов, истощающих народное тело. Наша городская цивилизация все берет от земли и ничего не дает ей взамен» (там же, с. 177). Параллельные места у Федорова см. в IV части «Записки» – Т. I наст. изд., с. 251–252, 288.

Ища путей преодоления земледельческого кризиса, Соловьев, в близком Федорову духе, говорит о необходимости коренным образом переориентировать жизнь города, обратив ее к натуральным нуждам села («Город должен помогать селу, должен быть с ним солидарен в общем интересе»), призывает интеллигенцию, общество «к дружному и солидарному действию для общего блага», во имя «общей созидательной цели» (*Соловьев. 5*, 176–178). Затрагивает он и вопрос о роли науки и техники в подъеме села, в предотвращении оскудения земли («разумное сельское хозяйство и в материальном отношении есть дело весьма сложное, оно требует деятельной поддержки со стороны промышленности, нуждается в технических изобретениях и открытиях» (там же, с. 176)). Так что в конечном итоге вопрос о «рассуждающих интеллигентах», в случае, конечно, их обращения «в разум истины», для философа отнюдь не закрыт.

И тем не менее Соловьев в своем поиске средств противодействия «оскудению земли» не идет далее лозунга рационального землепользования, повышения культуры обработки почвы, индустриализации деревни. И хотя Федоров также не отрицал необходимости внедрения в сельскохозяйственное производство новых изобретений и признавал в этом смысле значение «мануфактурной промышленности», но вовсе не в этих, с его точки зрения, «паллиативных» мерах видел он решение «продовольственного вопроса», указывая, что лежит этот вопрос гораздо глубже сферы социально-экономической, коренится в самом природном порядке существования, а потому и не может быть решен вне регуляции: «Голод и смерть, – писал он, – происходят от одних и тех же причин, а потому вопрос о воскрешении есть вопрос и об освобождении от голода. Человек, чтобы быть обеспеченным от голода, должен настолько познать себя и мир, чтобы иметь возможность производить себя из самых основных начал» (Т. I наст. изд., с. 250). Соловьев же в данном случае сужает мысль Федорова, обстругивает ее, помещает в более привычную для восприятия систему координат.

Подобным же образом поступает он в 1880-е гг. и с рядом других идей Федорова. Так, в работе «Россия и Вселенская церковь» и связанной с ней статье «Русская идея» активно проводится представление о Троице как высшем образце для человеческого общежития; Божественное Триединство указует на «*совершенный* идеал человеческого общества» (*Соловьев. 11*, 114). По Федорову, этот идеал во всей полноте осуществим лишь в бытии преображенном, избавленном от зла и смерти: «Троица – *это церковь бессмертных*, и подобием ей

со стороны человека может быть лишь *церковь воскрешенных*» (Т. I наст. изд., с. 90); начала соборности воплощаются в человечестве по мере обожения им себя и мира, – а труд обожения не может ограничиться только социумом, не затрагивая ни психо-физиологической сферы каждой отдельной личности, ни природного порядка вещей с его взаимным стеснением и вытеснением (небратство и рознь вещества). Соловьев вполне разделял эту точку зрения, сам неоднократно ее высказывал. И тем не менее в работах по теократии он словно сознательно ограничивает проблему преображения прежде всего уровнем межчеловеческих отношений. В результате возникает концепция «социальной троицы человечества», ипостасями которой выступают церковь, государство и общество: в идеальном устроении социума они не противоборствуют, но и не соподчинены, а существуют «свободно и державно», «в безусловной внутренней связи» друг с другом и ведут человечество путями правды (*Соловьев. 11*, 117). Еще один подобный пример: в статье «Русская идея» Соловьев активно пользуется основными категориями Федорова: сыновство, братство, отечество: «Истинная будущность человечества, над которой нам надлежит потрудиться, есть *вселенское братство, исходящее из вселенского отчества чрез непрестанное моральное и социальное сыновство»* (там же, с. 114). Но содержательное наполнение этих категорий у него здесь иное. Если для Федорова сыновство и братство утверждаются прежде всего через возрастание любви к отцам и предкам (отечество), через соединение живущих для воскрешения умерших, то по Соловьеву они стяжаются прежде всего «признанием морального авторитета общего отца», олицетворяемого... римским первосвященником.

Вряд ли такие интерпретации могли удовлетворить Федорова. Как не удовлетворяла и выдвигаемая Соловьевым идея союза «трех властей» – священнической, царской, пророческой: «вселенский первосвященник», «национальный государь» и «пророк», «вдохновенный глава человеческого общества в его целом», обеспечивают, по Соловьеву, духовный авторитет Вселенской Церкви и являются вожатаями человечества (единство этих верховных лиц он также уподоблял единству ипостасей Троицы). В учении самого Федорова была развита лишь идея царской власти, раскрывалось религиозное значение самодержавия: царь, стоящий «в отцов и праотцов место», представал как восприемник и воспитатель народа, призванный приуготовить свой народ к участию во всеобщем отеческом деле, возглавляемом церковью. Говорить о земном представителе власти церковной мыслитель не считал необходимым, поскольку глава Церкви – Христос, а в человечестве, коль скоро соединяется оно в церковном теле на началах соборности, «по образу и подобию Пресвятой Троицы», принцип субординации уже излишен. В выставляемой же Соловьевым фигуре пророка Федорову виделся некий элемент гордыни, особенно в свете некоторых особенностей личности Соловьева, склонного к профетическому пафосу и отчасти примеривавшего на себя эту роль.

Итак, в 1883–1888 гг. отношения Федорова и Соловьева осложняются. Время от времени они общаются, но со стороны Федорова крепнет недовольство умонастроениями Соловьева, которое резко усиливается в 1887–1888 гг. (пик прокатолических настроений философа).

Об одной из размолвок двух мыслителей узнаем из письма В. С. Соловьева брату Михаилу от 16(28) декабря 1888 г.: «А вообще *жить* в Москве не расположен по множеству причин [...] Я в иных отношениях непомерно впечатлителен, быть может потому, что у меня, яко у недоноска, слишком тонкая кожа. Помнишь нелепое происшествие с Н. Ф. Федоровым? Надеюсь, ты не заподозришь меня в каком-нибудь дурном *чувстве* к этому "воскресенья ради" юродивому. Но его вздорный поступок своей неожиданностью перевернул все мое *конкретное* представление о человеке и сделал прежние отношения *реально*-невозможными. Нечто подобное произошло у меня с Ив<анцовым->Плат<оновым> [...] и все дело именно в неожиданности. Например, Страхов, которого я люблю, но которого всегда считал свиньей порядочной, нисколько меня не озадачил своей последней мазуркой, и хотя я в печати изругал его как последнего мерзавца, но это нисколько не изменит наших интимно-дружеских и даже нежных отношений» (В. Соловьев. «Неподвижно лишь солнце любви...». М., 1990, с. 295).

Впоследствии Н. П. Петерсон и В. А. Кожевников пытались установить обстоятельства упомянутой Соловьевым размолвки. Ссылаясь на публикацию данного письма в журнале «Богословский вестник» (1916, № 1), Петерсон спрашивал Кожевникова: «...о каком "*вздорном*" будто бы поступке Н<иколая> Ф<едорови>ча говорит тут Соловьев? Не знаете ли Вы, нельзя ли спросить об этом С. М. Соловьева или же М. С. Соловьева, если он жив? Не откажите сообщить об этом все, Вам известное. Не знает ли об этом Лопатин или Е. Н. Трубецкой?» (ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 29, л. 50). 20 августа 1916 г. Кожевников отвечал Петерсону: «О quasi "нелепом" случае с Н<иколаем> Ф<едорови>чем, упоми-

наемом В. С. Соловьевым, я поручил навести справки у его племянника С. М. Соловьева. Ответа не имел» (ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 43, л. 81 об.).

Можно предположить, что «нелепое происшествие с Н. Ф. Федоровым» так или иначе было связано с выступлением В. С. Соловьева в конце марта 1887 г. в Москве с двумя лекциями о славянофильстве, прочитанными в пользу общества нуждающихся студентов. Соловьев тогда публично высказался за союз императорства и папства, вызвав возмущение московской публики, травлю в печати и неприятные объяснения с целым рядом лиц. Н. Ф. Федоров, по всей видимости, непримиримо и резко отреагировал на прозвучавший с трибуны призыв признать всецерковный авторитет римского первосвященника – этот призыв как бы подтверждал его опасения, что соловьевский вариант соединения церквей, будучи осуществлен в реальности, обернется обыкновенной унией. Возможно, мыслитель не просто высказал Соловьеву свое негодование в частной беседе, но и подверг его остракизму публично, в стенах библиотеки Румянцевского музея, – как это позднее случится с Л. Н. Толстым после публикации его письма «О голоде» в газете «Daily Telegraph» (см. примеч. 138).

Письмо Соловьева брату явственно свидетельствует о его болезненной реакции на размолвку с Федоровым: с одной стороны, здесь резкая оценка поведения мыслителя («вздорный поступок»), с другой – плохо скрываемая горечь. Примечательно упоминание в связи со случившимся А. М. Иванцова-Платонова, профессора Московского университета, у которого Соловьев учился, с которым в 1870-е гг. ощущал глубокое духовное и идейное родство и которого, так же, как и позднее Федорова, называл своим «достоуважаемым учителем» (см.: С. М. Лукьянов. О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы, с. 207). Как известно, А. М. Иванцов-Платонов не принял католических симпатий Соловьева, выступив оппонентом работы «Великий спор и христианская политика» (см. ниже примеч. 179). И это расхождение с человеком, духовно близким, ратовавшим за плодотворный диалог веры и знания, церковной и светской мысли, не прошло бесследно для Соловьева.

Не должен быть оставлен без внимания и тот факт, что отношения с А. М. Иванцовым-Платоновым и Н. Ф. Федоровым Соловьев в письме брату противопоставляет своим отношениям с Н. Н. Страховым, указывая на то, что идейная полемика, пусть даже самая бесцеремонная, этим отношениям не помеха. Но это так именно потому, что данные отношения – иного рода, строятся на почве личной, дружеской, чисто человеческой симпатии, они и не предполагают родства мысли и творчества, – ведь основные религиозно-философские ориентиры Соловьева и Страхова противоположны: один оправдывает и утверждает историю как путь к богочеловечеству, другой исходит из идеи краха и неудачи истории. В случае с Соловьевым и Иванцовым-Платоновым – налицо общение людей, близких по многим позициям. Что же касается общения Соловьева и Федорова, тут родство намного теснее. У них одна религиозная установка: на сотрудничество Божественных и человеческих энергий в деле преображения мира; оба утверждают идею истории как богочеловеческой «работы спасения». Именно этим духовным родством держатся отношения двух мыслителей, потому и идейные расхождения чреваты в данном случае разрывом личных связей.

Мы не знаем, как именно отвечал Соловьев на критику Федорова, и отвечал ли вообще. Во всяком случае, в разбираемом письме к М. С. Соловьеву он явно говорит о Федорове «с сердцем». Иной, шутливо-добродушный тон – в письме к К. Н. Леонтьеву, которое Н. В. Котрелев датирует концом февраля – первыми числами марта 1885 г.: «Ваши слова, действительно, имеют для меня больше значения, чем что бы то ни было. И не потому только, что я в последнее время Вас сердечно полюбил, ибо Лопатина или Дм. Цертелева я тоже люблю и уже давно, – и не потому, что Вы умный человек, ибо Страхов тоже очень умен, и не потому, наконец, что у Вас оригинальные взгляды, ибо у библиотекаря Федорова, который непременно хочет, чтобы дети рождали своих родителей, – взгляды еще оригинальнее Ваших» («Вселенское дело». Вып. 2, Рига, 1934, с. 147).

Этот шутливо-добродушный, а точнее – подчеркнуто-легковесный тон по отношению к человеку, которого еще недавно Соловьев называл «учителем и утешителем», весьма примечателен. Впрочем, отнюдь не следует торопиться с выводом об «отрезвлении» философа и его отходе от идей московского библиотекаря. Заметим: именно такой шутливо-легкий тон в таких стихах Соловьева, как «Das Ewig-Weibliche. *Слово увещевательное к морским чертям*», в поэме «Три свидания», воспроизводящих ключевые моменты духовной жизни философа, – моменты откровения, встречи с трансцендентным, с тем, что за пределами земной реальности. В соловьевской поэзии подчас самое значительное, самое дорогое, самое сокро-

венное, поднимаясь из глубин человеческого «я», – где оно сосредоточенно прорабатывается умом, переживается сердцем, – переставая быть «внутренним», неозвученным, ненаписанным словом, являясь «мирови», набрасывает на себя покров легкой шутки, воздушной иронии. Это вполне понятная мимикрия – нужно же защититься от насмешки и осуждения, от «людского» и «мирского» суда, от «человеческого, слишком человеческого», «обывательского» мнения. Шутка – необязательна и неответственна. Она не претендует на учительство и не стремится быть «истиной в последней инстанции». Кстати, когда философ в шутливой форме ведет речь о трансцендентном и «о последних вещах», он предполагает различные степени вникания в смысл стихотворения или поэмы: кто-то не пойдет дальше профанического их восприятия (шутка она шутка и есть), а кто-то, Бог даст, и различит «под грубою корою вещества» сиянье Божественного света.

Подобная же шутливость и самоирония характерны и для эпистолярного творчества философа. Важные события жизни, сильные переживания Соловьев весьма нередко подает в своих письмах с оттенком шутки или каламбура. Так что для исследователя иная шутливая фраза – как лакмусовая бумажка, как указание: вот здесь надо искать, именно здесь собака зарыта. Вспомним опять-таки московские лекции 1887 г. о славянофильстве. После этих лекций последовали письма Соловьева к А. А. Фету, Ф. Б. Гецу, Н. Н. Страхову, Н. Я. Гроту, – и во всех них с некоторыми незначительными отличиями повторялась клишированная формула: «Лекцией своею я столько же доволен, сколько недовольна ею славянофильствующая московская публика. На щи и кашу бедным студентам [...] я собрал около двух тысяч рублей и сказал то, что хотел сказать» (письмо к Фету); «Две недели тому назад я прочел здесь в пользу бедных студентов публичную лекцию, которая доставила этим студентам около 2000 руб., а московской славянофильствующей публике – большое неудовольствие. Я же хотя по причине болезни читал слабо, но доволен, что умел сказать, что хотел» (письмо к Гецу); «Я прочел две публичных лекции “Славянофильство и русская идея”, чем доставил 2000 р. студентам и большое неудовольствие московской публике» (письмо к Страхову); «Не помню, писал ли я Вам о своей публичной лекции. Я доволен тремя ее результатами: 1) сказал, что хотел, – и когда состоится соединение церквей, будущий историк помянет этот день; 2) доставил сиромакам студентам 2000 рублей; 3) вызвал *бессильный* гнев московской публики» (письмо к Гроту) (*Соловьев. Письма. III*, 115; *II*, 145; *I*, 34, 177). Сам факт настойчивого повторения одной и той же версии случившегося, притом в близких выражениях, указывает на то, что, по-видимому, не так легко и просто пережил философ ополчение против него Москвы и москвичей и «критику справа». И неизменно присутствующая в рассказе Соловьева ирония, с одной стороны, род самотерапии (посмеялся – возвысился над ситуацией), с другой – маскировка своих истинных чувств от окружающих.

При оценке высказывания Соловьева о Федорове в письме к Леонтьеву следует учитывать и то обстоятельство, что Владимир Сергеевич заведомо знал, что идеи Федорова не могут вызвать сочувствия у его корреспондента, твердо отстаивавшего идею краха и неудачи истории (достаточно вспомнить резкие нападения Константина Николаевича на «мировую гармонию» Достоевского). В переписке с друзьями и близкими ему людьми Соловьев в целом ряде случаев настраивается на волну адресата, учитывает его убеждения и при разногласиях предпочитает не коробить прямыми и безапелляционными заявлениями, высказывая свою точку зрения в достаточно мягкой, порой иносказательной, иногда опять-таки шутливой форме (в отличие от ряда публицистических выступлений философа, где он гораздо более категоричен). В этом – еще одно объяснение той доброй иронии, которой проникнута характеристика «библиотекаря Федорова» в письме к Леонтьеву, – тон Соловьева в данном случае просто не мог быть ни особо серьезным, ни тем более апологетическим.

И все же, несмотря на общность религиозно-философской позиции, которая, подчеркнем, всегда связывала Соловьева и Федорова, идейные и тактические их «несогласия» во второй половине 1880-х гг. были налицо. Е. Н. Трубецкой свидетельствует, что именно в эти годы ему «приходилось слышать от Соловьева о Федорове как о мыслителе, у которого необыкновенно глубокие и даже гениальные мысли облекаются в необыкновенно странную, чудаческую форму: глубоким и истинным он считал “проект” Федорова, но он весьма скептически относился к предлагаемым последним *способам осуществления* этого проекта» (Е. Н. Трубецкой. Миросозерцание Вл. С. Соловьева. Т.1. М., 1913, с. 82). Своей кульминации «несогласия» двух мыслителей достигли в 1887 – первой половине 1888 г. С 1888 г., когда Соловьев обосновывается в Петербурге, личные их контакты, которые в по-

следние годы и так, по всей видимости, были нерегулярными, сводятся к минимуму. Однако уже с конца 1888 г., когда Соловьев постепенно отходит от церковного вопроса и возвращается к философии и метафизике, намечается тенденция нового его поворота к идеям Федорова, которая соответственно приводит к новому сближению – осенью 1891 г.

Но сначала несколько слов о том, какие именно темы подготовили это сближение.

В 1889 г. в № 1 журнала «Вопросы философии и психологии» выходит статья В. С. Соловьева «Красота в природе», в 1890 в том же журнале появляется статья «Общий смысл искусства». В этих статьях Соловьев дает очерк своей эстетической концепции, развивающей идею искусства как творчества жизни.

Свои рассуждения о назначении искусства и задаче творчества мыслитель основывает на идее «продолжающегося творения», которое, по его убеждению, представляет собою не единовременный акт, а «постепенный и упорный процесс» воплощения в хаотической, бесформенной материи духовного, божественного начала: сперва в неорганическом мире (воде, камнях, минералах), затем в растениях, животных – с неизбежными здесь муками, тупиками, «неоконченными набросками неудачных созданий» – и, наконец, в человеке. Степень одухотворенности материального мира, воплощенности в нем идеального первообраза, по мысли философа, выражается в красоте. Красота есть «преображение материи чрез воплощение в ней другого, сверхматериального начала» (*Соловьев. 6*, 41), «духовная телесность» (*Соловьев. Письма. III*, 121). Эволюционный процесс необходимо включает в себя момент эстетический – как мерило совершенства и гармонии. Свой венец он обретает в человеке, в котором создана абсолютная форма для бытия духа: «вместе с наибольшею телесною красотою» является «и высшее внутреннее потенцирование света и жизни, называемое самосознанием» (*Соловьев. 6*, 73). Человек – «самое прекрасное» и одновременно «самое сознательное природное существо» (там же, с. 76), а значит, он не только объект преображающего воздействия духа, но и носитель, субъект его и в этом своем качестве призван стать активным «деятелем мирового процесса», способствовать все более полному одухотворению, обожению мира, облечению его в красоту и нетление.

Творчество человека как бы продолжает «то художественное дело, которое начато природой» (там же, с. 75), но уже на новом, более совершенном уровне, ибо красота в природе не затрагивает самой основы существования вещей этого мира, а она – попрежнему непросветленна и хаотична, в ней царствуют стихийные, «темные силы», являются «смерть и разложение». «Красота природы есть именно только покрывало, наброшенное на злую жизнь, а не преображение этой жизни» (там же, с. 78). Потому и задача человека – распространить начало духа и сознания не только на форму бытия природы, но и на способ ее бытия, приведя тварный мир из состояния взаимной борьбы, вытеснения и розни к нераздельно-неслиянному единству в Боге. И искусство – одно из главных средств на этом пути. Его конечная цель есть жизнетворчество, в пределе оно «должно воплотить абсолютный идеал не в одном воображении, а и в самом деле, – должно одухотворить, пресуществить нашу действительную жизнь» (там же, с. 90).

Конечно, это идеальная задача искусства; и в своей нынешней природе художник не способен возвыситься до «пресуществления» и «творчества» «действительной жизни», просветления и одухотворения материи. Он творит лишь другую реальность – художественную, которая и вправду неподвластна разрушительным законам естества, но и никак не воздействует на них; в лучшем случае она гармонизирует душу человека и бессильна преобразить бытие. Однако это отнюдь не означает, что пределы человеческому искусству положены лишь в самодовлеющем творчестве идеальных форм, отделенных непереходимой пропастью от живой, пусть суетной и грешной, но реальной жизни, – как то утверждают адепты «чистого искусства». По мысли Соловьева, в творчестве «второй действительности» – не специфическое качество искусства, а скорее знак его теперешнего несовершенства, или, если угодно, принадлежность лишь одной из стадий его развития и роста в человечестве. Такое творчество находит свое оправдание не в самозамкнутости, но в сознании того, что созидаемая им «вторая действительность» есть только проект будущего состояния мира, в котором будет уже преодолена «темная сила», одержащая ныне «материальное бытие». Искусство настоящего призвано явить собой «пророчество» о грядущем Царствии Небесном, стать «переходом и связующим звеном между красотою природы и красотою будущей жизни» (там же, с. 84). Но это пророчество не исчерпывает назначения искусства, ибо в конечном плане «художество вообще есть область воплощения идей, а не их первоначального зарождения и роста» (там же, с. 90), и осмысленным, религиозно-творческим усилием челове-

ка может – и должно – пресуществиться в дело реального преображения мира на началах красоты и гармонии.

В своих эстетических идеях Соловьев наиболее тесно связан с Федоровым, который еще на рубеже 1870–1880-х гг. развивал идеи эстетики жизнетворчества. Мыслителей роднит особый подход к понятию красоты – не как к категории собственно эстетической, а как к категории прежде всего онтологической: красота для Федорова и Соловьева являет собой меру совершенства творения, его одухотворенности, благости, полноты, становится одной из главных характеристик божественного плана бытия. Сближает Федорова и Соловьева и тезис о преображающей, регулятивной способности искусства: в камерном, предварительном, «опытном» виде оно осуществляет тот принцип *регуляции*, который должен стать основой действия человека в мире. У обоих встречаем разделение искусства символического, воссоздающего лишь «мертвые подобия», и реального – «искусства действительности». У обоих указано на великую воспитующую роль искусства, которое в своих совершенных созданиях являет человеку зримый образ благобытия. Наконец, у обоих искусство, озаренное высшим, религиозным идеалом, выступает в качестве главного инструмента преображения мира и человека. Только Федоров говорит еще и о союзе искусства с научным творчеством, а Соловьев в данном случае об этом умалчивает (подробнее об «эстетике жизнетворчества» в работах Федорова и Соловьева см.: А. Г. Гачева. Русский космизм и вопрос об искусстве // *Философия бессмертия и воскрешения*. Вып. 2, с. 5–63).

Кстати, не лишен интереса тот факт, что в конце 1880-х годов проблемами эстетики практически одновременно занимаются трое мыслителей, составлявших в начале десятилетия своеобразный духовно-творческий триумвират: Н. Ф. Федоров, Л. Н. Толстой, В. С. Соловьев. Толстой работает над статьей об искусстве, Соловьев пишет указанные эстетические работы, Федоров завершает работу «Собор», в которой одной из стержневых тем является тема искусства и его роли во всеобщем деле. И все трое заявляют о кризисе творчества, о неудовлетворенности культурой, неспособной к действительному, а не символическому преображению жизни, говорят о необходимости религионизации искусства.

Общность эстетической позиции Федорова и Соловьева отчасти также предопределила новое сближение мыслителей, произошедшее осенью 1891 г., хотя в центре его стояли совсем иные темы.

1891 г. был для России голодным годом. Из-за сильной засухи и ветров ряд центральных губерний страны постиг неурожай. К осени стало ясно, что голода не миновать и что предотвратить рост числа голодающих практически невозможно.

В этот голодный год Н. Ф. Федоров много размышляет над проблемой регуляции: по его мысли, необходимы первые конкретные шаги в этом направлении, первые опыты атмосферической регуляции, которая помогла бы предотвратить губительные засухи и неурожаи (кстати, в августе 1891 г. в Америке были проведены первые опыты искусственного вызывания дождя). Тогда же им был предложен проект франко-русского книгообмена, призванного заложить основу более тесного сближения двух народов, способствовать их объединению в деле регуляции, и заявлена идея «всенаучного съезда» по вопросу о борьбе с естественными природными бедствиями и о задачах в этом деле науки.

В свою очередь, В. С. Соловьев активно участвует в общественном движении в помощь голодающим. В октябре 1891 выходят в свет его статьи «Наш грех и наша обязанность» и «Народная беда и общественная помощь», в которых, в связи с неурожаем и голодом, философ вновь поднял проблему, поставленную им еще в первой половине 1880-х гг., – проблему действенной помощи народу со стороны образованного класса в организации рационального землепользования, проблему «широкого и организованного общественного действия» в деле преобразования деревни.

Октябрь Соловьев проводит в Москве, готовясь к выступлению в Психологическом обществе. Из заметки Н. Ф. Федорова «Еще раннею весною 1889 Соловьев говорил...» и письма его к Н. П. Петерсону от 26 марта 1892 г. следует, что 10 октября состоялась встреча двух мыслителей. По всей видимости, содержанием их беседы был голод 1891 г. и меры борьбы как с бедствием этого года, так и с подобными ему в будущем, причем Федоров в очередной раз раскрыл перед Соловьевым идею регуляции, развил мысль о необходимости объединения усилий ученых всего мира в разработке способов борьбы со стихийными природными катаклизмами. Николай Федорович высказал убеждение, что только участие в «святом общем деле» обратотворит «сословия и народы, чего нельзя достигнуть никакими революциями» (Т. IV наст. изд., с. 247), и предложил Соловьеву выступить с этими

идеями от своего имени, причем изложить в данном выступлении его конкретные проекты: искусственного вызывания дождя, франко-русского книгообмена, всенаучного съезда.

По свидетельству Н. Ф. Федорова, Соловьев поначалу «охотно принял» на себя «литературную обработку»» сказанных идей и проектов; мыслители договорились о встрече 12 октября (дата была предложена самим Соловьевым). Однако «в самый день 12 октября» Соловьев внезапно «отказался от общей работы» (там же).

Те исследователи творчества Соловьева, которые предпочитают разводить его с Федоровым, видят в этом отказе еще одно свидетельство отрицания Соловьевым средств науки и научного знания в деле преображения мира и человека. Однако, если бы Соловьев действительно активно не принимал идею регуляции, не был согласен с задачей религионизации науки, не признавал ее участия во всеобщем деле, то, скорее всего, он вообще не дал бы своего согласия выступить с изложением данной идеи и не взял бы на себя литературную ее обработку. То же, что первоначально, руководствуясь «первым добрым порывом» (там же), Соловьев согласился публично обнародовать идею регуляции (и не нехотя, а «охотно»), свидетельствует как раз об обратном. Другое дело, что этим согласием он как бы противоречил тому, что высказывал Федорову за два с половиной года до этой встречи: для осуществления общего дела нужно десять или двадцать пять тысяч лет, и к задачам регуляции можно будет приступить лишь в отдаленной перспективе, после теснейшего объединения человечества под эгидой вселенской церкви. Впрочем, реальная картина надвигающегося бедствия могла и поколебать это его убеждение. Не зря же замечал Федоров: «А между тем метеорический погром 91 года вызывает общее дело, ибо требует объединения всех народов в деле регуляции слепой силы, порождающей неурожаи. Итак, жизнь выдвигала тот вопрос, о котором, по-видимому, не стоило и думать» (там же, с. 54).

Сам Соловьев причину своего отказа открыто выступить с изложением учения всеобщего дела, изложением не отвлеченно-умозрительным, метафизическим, как это было в прошлые годы, а реально-практическим, объяснял в письме к Н. Ф. Федорову «обстоятельствами публичного свойства» (там же, с. 244). Текст письма до нас не дошел, но о его содержании отчасти можно судить по наброскам ответа Федорова, печатаемым в данном издании. «Прямо и просто» заявить о необходимости регуляции природы, да еще проиллюстрировав это конкретными примерами опытов искусственного вызывания дождя, философ не решился (слишком непривычно и «странно» прозвучало бы такое заявление в ученом собрании Психологического общества). Тем более не решился он и открыто обнародовать идею воскрешения умерших – как известно, подобная же попытка познакомить слушателей с идеей воскрешения и освоения космических пространств, предпринятая несколькими годами ранее в открытом заседании того же общества Л. Н. Толстым, вызвала «неудержимый смех всех присутствующих» (там же, с. 46). Сам Федоров так комментировал отказ Соловьева: «Опасаясь больше всего быть смешным, – другой опасности для Соловьева и не могло, конечно, быть в нашем столь якобы нетерпимом обществе – Соловьев не имел достаточно смелости, чтобы открыто и прямо сказать, что задача, дело общее, многовековое, дело Божие и вместе человеческое – есть всеобщее воскрешение» (Т. I наст. изд., с. 384).

Федоров был убежден, что от открытого обнародования его проектов в Психологическом обществе Соловьева удержал прежде и более всего страх быть осмеянным: не обруганным – полемики как таковой философ не боялся, на своем веку ему пришлось пережить немало критических баталий; к тому же громкие споры на публике и в печати только привлекали внимание к столь страстно обсуждавшейся точке зрения, повышали ее ценность в глазах окружающих, – а именно осмеянным. Разве это мыслимо: он, пророк богочеловечества, проповедник воссоединения церквей, апостол «вселенского христианства», вдруг предложит палить из пушек по облакам!

Как вспоминал Н. П. Петерсон, несколькими годами спустя, в 1897 г., в период третьего сближения Соловьева и Федорова, последний спросил, почему Соловьев, «признавая долг воскрешения, не скажет этого открыто», на что последовал ответ, «что тогда М. М. Стасюлевич признал бы его сумасшедшим» (Т. IV наст. изд., с. 610). Конечно, в данном случае Соловьев шутил, но ведь во всякой шутке есть доля истины...

Отказавшись выступить с прямым обнародованием федоровских идей, Соловьев в докладе в Психологическом обществе тем не менее в очередной раз сделал это прикровенно: ряд положений его реферата является предельно завуалированным и ретушированным переложением основных идей учения «всеобщего дела», на что, кстати, указал сам Федоров в работе «Проект соединения церквей», вторая часть которой представляла собой развернутый разбор соловьевского реферата. Критикуя историческое христианство

за односторонний догматизм, индивидуализм, спиритуализм, за пассивное ожидание Царствия Божия, Соловьев определял христианство истинное как религию богочеловеческую, религию «общего дела», историческая задача которой – «перерождение человечества и мира в духе Христовом». При этом, говоря о перерождении, он уточняет: имеется в виду не одномоментный акт, а «сложный и долгий процесс», уподобляемый в самом Евангелии «росту дерева, созреванию жатвы, вскисанию теста» (*Соловьев. 6,* 381), – тем самым утверждается идея эволюционно-преображающего, а не катастрофического вступления мира и человека в полноту Небесного Царствия (такая же точка зрения была у Федорова, и ее же впоследствии будут развивать С. Н. Булгаков в «Философии хозяйства», Н. А. Бердяев в «Смысле творчества», Г. П. Федотов в работе «Эсхатология и культура» («Новый град», № 13, Париж, 1938)).

Перерождение мира, убежден Соловьев, есть перерождение коренное, затрагивающее и материальную природу. «Христианство есть *религия воплощения Божия и воскресения плоти*», – этот тезис лег в основу всего реферата. Философ утверждал необходимость «по истинам веры преобразовывать жизнь человечества», высказывая тем самым излюбленную мысль Федорова об обращении догмата в заповедь: «Сущность религии в том, что ее истина не отвлеченно-теоретическая, а утверждается как *норма действительности*, как *закон жизни*. Если не на словах только, а в самом деле верю, напр., в троичность Божества как в религиозную истину, то я должен понимать и принимать ее нравственный жизненный смысл. Ибо все наши догматы имеют такой смысл [...]» (*Соловьев. 6,* 387–388). Впрочем, дальше этой общей декларации Соловьев не пошел, объяснив нежелание «излагать теперь свой (на самом деле – федоровский. – *Сост.*) взгляд на жизненное значение основных христианских истин, в особенности истины о триединстве Божества и о богочеловечности Христа», тем, что этот взгляд «слишком необычен и, изложенный в двух словах, был бы непонятен» (там же, с. 388). И даже в прениях по реферату фактически оборвал обсуждение темы нравственного истолкования догматов, коротко отшутившись на вопрос П. Е. Астафьева: «как, напр<имер> осуществим в государстве догмат Св. Троицы?» (В. С. Соловьев. Сочинения в 2-х тт. Т. 2., с. 357).

Прямым отголоском проблем, обсуждавшихся Федоровым и Соловьевым 10 октября 1891 г., стал и конец соловьевского реферата: замечание о «земной природе», которая «отказывается кормить человечество», и в связи с этим об «общей опасности, которая должна соединить и верующих и неверующих» в деле спасения «матери-земли» от омертвения, а себя – от смерти (*Соловьев. 6,* 393). То, что первоначально, по договоренности с Федоровым, должно было составить содержательное ядро выступления, оказалось скомканным в двух невнятных фразах.

Главная идея реферата была дана «под сурдинку», основные смысловые акценты смещены в область критики исторической церкви, что создавало ощущение явного перекоса: о христианстве «живом, социальном, вселенском», создать которое, по Соловьеву, и должно нынешнее человечество, практически ничего не было сказано, кроме нескольких размытых и туманных фраз. Не в последнюю очередь именно это обусловило то явное непонимание сути реферата «О причинах упадка средневекового миросозерцания», которое обнаружилось после речи Соловьева.

Отказ Соловьева от публичного обнародования его идей болезненно подействовал на Федорова. Так же болезненно воспринял мыслитель и текст реферата (неузнаваемо затемнивший, по его мнению, содержание «всеобщего дела»), и полемику вокруг него: эта полемика казалась мыслителю особенно безнравственной на фоне расширяющегося бедствия, когда столь необходимо было согласие, соединение всех общественных сил; и в развязывании этой полемики он винил прежде всего Соловьева.

Вряд ли после отказа от совместной работы с Федоровым Соловьев заходил в Румянцевский музей. Объясниться с мыслителем он попытался письменно. Помимо указаний на «обстоятельства публичного свойства», Соловьев сослался на то, что не всегда понимает Федорова (см. Т. IV наст. изд., с. 487). Федоров задумал ответное письмо (сохранились два его черновых наброска), но, по всей видимости, так и не послал это письмо Соловьеву. Разбору реферата «О причинах упадка средневекового миросозерцания» он посвятил особую статью, позднее включенную в работу «Проект соединения церквей» (Т. I наст. изд., с. 378–385).

Несмотря на несостоявшуюся совместную работу, осеннее общение с Федоровым не прошло для Соловьева бесследно. В 1892 г. в журнале «Русская мысль» выходит его статья «Враг с Востока», продолжавшая тему неурожая и голода 1891 г., затронутую в стать-

ях «Наш грех и наша обязанность» и «Народная беда и общественная помощь». В центре статьи «Враг с Востока» – вопрос о прогрессирующем истощении и иссушении земли: «На нас надвигается Средняя Азия стихийною силою своей пустыни, дышит на нас иссушающими восточными ветрами, которые, не встречая никакого препятствия в вырубленных лесах, доносят вихри песку до самого Киева» (*Соловьев. 5,* 452). Этот вопрос уже поднимался Соловьевым в начале 1880-х гг. и в упомянутых статьях осени 1891 г., однако в статье «Враг с Востока» в его трактовке появляются новые, весьма важные акценты: неплодородие земли и периодические засухи уже прямо связываются философом с объективными процессами, протекающими в самой природе: год от года происходят необратимые изменения почв, рельефа, климата, которые во сто крат усиливаются и убыстряются «беспечно-хищническими» действиями человека (Соловьев ссылается здесь на исследования В. В. Докучаева). Неурожай и голод 1891 г. предстают в трактовке философа как объективное следствие естественных природных бедствий и катастроф, что в очередной раз отсылает нас к идеям Федорова. Окончание статьи также выдержано в федоровском духе: Соловьев заявляет «о грозной *общей* беде», в противостоянии которой должны примириться враждующие партии, призывает оставить политические и религиозные распри и соединиться против «действительного и страшного врага» – «надвигающейся на нас с Востока пустыни» (там же, с. 458, 465).

Идея ответственности человека и человечества за природу, за всю «меньшую тварь» земли прозвучала в том же году и в ответе Соловьева на анкету, составленную французским журналистом и социологом Ж. Юре. «...Было бы ошибочно, – писал Соловьев, – игнорировать, что человек имеет обязанности не только по отношению к своим ближним, но и к миру низшему – к земле и ко всему, что на ней обитает. Если он имеет право пользоваться природой для себя и для своих ближних, его обязанность также возделывать и улучшать эту природу для блага самих низших существ и, следовательно, он должен рассматривать их не только как средство, но и как цель» (В. С. Соловьев. Сочинения в 2-х тт. Т. 2, с. 448).

В определенном смысле в 1891–1892 гг. Соловьев вновь встает перед лицом тех вопросов, которые впервые были сформулированы именно Федоровым, которые для самого философа были актуальны в начале 1880-х гг. и от которых он затем так старательно уходил всю вторую половину десятилетия в своих работах о теократии, ограничивая задачу христианства в истории созиданием совершенного общественного уклада («социальная троица человечества»). Суть этих вопросов такова: возможно ли нравственно-духовное и социальное совершенствование без преображения физического естества человека, возможно ли оно на фоне усиливающегося расстройства «метеорического и космического процессов», под угрозой неминуемого истощения земли, перед лицом внезапно вспыхивающих эпидемий (1892 г. был годом пандемии азиатской холеры), возможно ли оно, наконец, при существовании смерти.

В самом общем виде на этот вопрос Соловьев ответил в реферате «О причинах упадка средневекового миросозерцания», критикуя спиритуалистический уклон в христианстве и ставя перед человечеством задачу спасения «омертвелой» природы. Отчасти ответ был дан и в упомянутых статьях о голоде. Наиболее же исчерпывающим образом философ высказался на указанную тему в шестнадцатой главе книги «Оправдание добра», в которой возделывание и преобразование «материальной природы (земли)» было представлено непременным условием нравственного отношения человека к окружающему миру.

Задача человеческого труда – в «преобразовании и одухотворении материальной природы» (*Соловьев. 8*, 386). Но ведь такой труд уже предполагает выход за рамки только социального и только духовного совершенствования; фактически он и есть регуляция, к которой так настойчиво призывал Федоров.

Сам Федоров на протяжении 1890-х гг. внимательнейшим образом (как, впрочем, и в предыдущем десятилетии) следит за творчеством Соловьева. В его архиве сохранились заметки, посвященные основным работам философа, появившимся в эти годы.

Данных о личных контактах двух мыслителей на протяжении 1892–1895 гг. мы не имеем. По всей видимости, в этот период они не общались. Соловьев работал над книгой «Оправдание добра», Федоров закончил текст брошюры о Толстом («В защиту дела и знания...»), писал работу «Самодержавие»... Тем не менее, несмотря на отсутствие личных контактов с «московским Сократом», семена, зароненные их общением в предыдущие годы, дают новые всходы и «федоровская» струя в творчестве Соловьева вновь начинает нарастать.

Идея Боговоплощения и воскресения как центральных событий истории (и не человеческой только истории, а истории всего мирозданья), открывающих эру богочеловечества, была краеугольным камнем построений Соловьева на протяжении всего его творчества. Но характерно, что своего рода кульминации она достигала тогда, когда Соловьев попадал в интенсивное поле федоровских идей: происходило как бы слияние двух духовных потоков, устремляемых в одну реку – реку «воды живой», испив которую никто не возжаждет вовек. Так было в 1878 году: вспомним «десятое» чтение о философии религии, состоявшееся после чтения статьи Петерсона и двухчасового обсуждения с Достоевским вопроса о «долге воскресенья прежде живших предков». Так было в 1882 году: несколькими днями спустя после знакомства с рукописью Федорова началась работа над лекцией-статьей «Жизненный смысл христианства». То же произошло и в 1890-е гг., в третий период творчества Соловьева. Контакты с Федоровым, имевшие место в 1891 г., вновь поставили в центр религиозно-философской рефлексии Соловьева факт Воскресения Христа, неразрывно связанный с будущим чаянием всеобщего воскресения. Первый по времени текст, отражающий сугубое внимание Соловьева к этому факту, – черновой комментарий на евангельский текст (Ин 14:12): «Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня – дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит, ибо Я к Отцу Моему иду» (выражаем благодарность А. П. Козыреву, обратившему наше внимание на этот текст). Пояснения публикатора комментария М. Смирнова, усматривающего в нем ряд содержательных перекличек с рефератом «О причинах упадка средневекового миросозерцания», позволяют достаточно уверенно датировать его осенью–зимой 1891–1892 гг.

Опять, как и в случае со статьей «Жизненный смысл христианства», обращает на себя внимание выбор евангельского фрагмента, который становится отправной точкой движения мысли Соловьева. Именно эти слова Христа неоднократно цитируются и комментируются Федоровым, являясь в его учении одним из главных новозаветных аргументов идеи соучастия человеческого рода в деле регуляции природы и воскрешения.

В центре размышлений Соловьева – тот же вопрос, который в свое время был поставлен Федоровым: «Как понять, как представить, что за воскресением Христа не последовало воскресение всех?» (Т. I наст. изд., с. 142). И в решении этого вопроса Соловьев движется в близком Федорову направлении, утверждая, что дело победы над смертью Христом совершено, но не окончено и может быть доведено до конца только при содействии всего человечества в его единстве (см. об этом у Федорова: там же, с. 142–146). Соловьев рассуждает так: «Действительно и совершенно смерть (как и грех) побеждена только в самом Христе, доныне только Его воскресение есть окончательное; воскресение же Им нескольких других людей, обнаружившее Его богочеловеческую власть над природой (как нового Адама), вместе с тем показывало, что даже для самого Бога невозможно дать человеку вечную жизнь посредством *внешнего действия*; ибо воскрешенные Христом Лазарь, дочь Иаирова и сын вдовы Наинской после этого своего воскресения опять *умерли*» («Логос. Диалог Восток–Запад». Брюссель–Мюнхен–Москва, 1995, с. 269). Для стяжания вечной жизни, окончательного спасения «от греха и смерти» необходимо не просто «внешнее действие» силы Божией, но и внутреннее содействие самого человека «действующей в нем благодати Божией», его «духовно-телесное перерождение» (там же). Утвердив, таким образом, идею соучастия каждой конкретной личности в деле собственного спасения и воскресения, Соловьев делает следующий шаг и формулирует принцип всеобщности спасения: один, отдельно взятый человек не может полностью победить в своей природе начало смерти, переродить себя «духовно-телесно», ибо смерть есть «общее состояние всех, общее наследство земной природы, в котором каждый участвует по-своему и в свою меру, но все-таки участвует в одном и том же вместе со всеми, а потому при всех индивидуальных различиях этого участия, коренное и окончательное спасение должно быть общее» (там же, с. 270). Наконец, звучит излюбленный тезис Федорова о том, что одиночное бессмертие невозможно ни нравственно, ни физически (там же).

С особой силой и полнотой тема Христова Воскресения как «начатка» воскресения всеобщего, в подготовке условий которого состоит задача человечества, прозвучала в письме Соловьева Л. Н. Толстому, написанном в июле 1894 г., но так по назначению и не отправленном, а затем в небольшой, но предельно сгущенной статье «Христос воскрес!», напечатанной в день Пасхи 1897 г. в цикле «Воскресные письма» (характерно, что эта статья, вобравшая в себя основные формулировки письма к Толстому и в ряде мест с ним текстуально перекликающаяся, была написана и опубликована в год нового, третьего по счету, сближения Соловьева и Федорова). Привлекает внимание в данном случае особый

поворот темы, вчерне представленный, опять-таки, еще в «Чтениях о богочеловечестве» и статье «Жизненный смысл христианства», но здесь обоснованный предельно логично и четко, исходя из идеи направленности эволюции. Воскресение Христа, по Соловьеву, не есть событие, внешним образом, как deus ex machina, вторгающееся в миропорядок; в поступательном восхождении бытия к высшему, одухотворенному, бессмертному состоянию «первая решительная победа жизни над смертью» (*Соловьев. 10,* 34) внутренне необходима и закономерна. Воскресение Христа, открывающее путь ко всеобщему воскресению, есть энтелехия мироздания, его оправдание, его зиждущий смысл.

Второй момент, сближающий в данном случае Соловьева и Федорова, – это толкование Соловьевым понятия «чуда»: ощущение чуда мы имеем тогда, когда непосредственно идут друг за другом первая простая причина явления и само чудесное следствие, промежуточные же звенья, иногда отделяющие причину от следствия на множество этапов, скрыты или устранены, – оттого и выглядит новое явление удивляющим, сверхъестественным, предыдущим ходом развития никак не обусловленным. «Если мы, забыв о результатах всемирного процесса в его целом, будем только следить за различными новыми его стадиями, то каждая из них представится чудом. Как появление первого живого организма среди неорганической природы, как затем появление первого разумного существа над царством бессловесных было чудом, так и появление всецело духовного и потому неподлежащего смерти человека – первенца из мертвых – было чудом» (*Соловьев. 10,* 37). Так Соловьев делает смелый логический ход, который, будучи доведен до конца, прямо привел бы его к выводам Федорова. Чудо, подчеркивает философ, является не просто предметом веры; оно может и должно быть постигнуто разумом: «...то, что представляется как чудо, *понимается* нами как совершенно естественное, необходимое и разумное событие» (там же). *Понимается*, продолжил бы Федоров, *усвояется* и *осуществляется*. Вполне возможно, что продолжил бы и Соловьев. В конце концов, ведь говорил же он в 1882 г. во вступительной лекции в университетский курс, следуя, кстати, мысли Федорова (и Аристотеля), о том, что «настоящее знание должно дать возможность человеку управлять предметом» (РГАЛИ, ф. 446, оп. 2, ед. хр. 1, л. 5). Ведь представлял же он Христа как первоклеточку будущего богочеловечества, где каждая личность, наряду с полнотой духовной жизни, будет обладать «всеми положительными возможностями бытия физического без его внешних ограничений» (*Соловьев. 10,* 36–37).

Выдвинутая на первый план в разобранном выше отрывке начала 1890-х гг. тема «духовно-телесного перерождения» человека, целью которого является окончательная победа над смертью, разворачивается Соловьевым в работе «Смысл любви», и тут направляющее мысль Соловьева «федоровское» течение вновь, как и в эстетических работах философа, прямо выходит на поверхность (о перекличке содержания этой работы с идеями Федорова см.: С. Г. Семенова. «Смысл любви» В. С. Соловьева // С. Г. Семенова. Тайны Царствия Небесного, с. 358–370).

В 1894–1897 гг. в «Вопросах философии и психологии», «Вестнике Европы», «Книжках Недели», «Ниве» печатается отдельными главами главный труд позднего Соловьева «Оправдание добра» (в 1897 г. он выходит отдельным изданием), в котором выстроена этическая система, не просто близкая этическому учению Федорова, а во многом из него исходящая. Поскольку тема «“Оправдание добра” Владимира Соловьева и “этика всеобщего дела” Н. Ф. Федорова» может составить предмет отдельного исследования и разбирать ее здесь мы не имеем возможности, ограничимся указанием наиболее очевидных параллелей и перекличек:

В главах первой и седьмой – это определение совести и стыда в качестве главных основ нравственности; характеристика «пути животного рождения или увековечения смерти» как «постыдного», «безжалостного и нечестивого», влекущего за собой «вытеснение или вымещение одних поколений другими» (*Соловьев. 8*, XX), и противопоставление ему идеи «целости» человеческого существа (у Федорова – «положительное целомудрие»). В главе четвертой – характеристика первоначальной религии человечества как культа предков и утверждение значения «почитания умерших отцов» «в развитии религиозно-нравственных и общественных отношений человечества» (там же, с. 110). В главе девятой – характеристика процесса развития мира как восходящей эволюции, устремляющейся к «откровению Царства Божия»; представление об истории как подготовке условий для богочеловечества. В главе десятой – идея соборности. В главе одиннадцатой – оценка буддизма как «религиозно-нравственного нигилизма», характеристика христианства как религии воскресения и обожения, в стяжании которых состоит задача человека и человечества. В главе шестна-

дцатой – определение труда как совокупной деятельности, которая «в окончательном своем назначении» должна «преобразовать и одухотворить материальную природу» (там же, с. 386). В главе восемнадцатой – идея умиротворения; трактовка государства как средства воспитания, посредствующего звена на пути к совершенному богочеловеческому обществу, которое уже не нуждается в действии внешнего закона. Глава девятнадцатая – «Нравственная организация человечества в ее целом» – буквально пронизана идеями Федорова. Здесь впервые у Соловьева открыто высказана в печати идея соучастия человеческого рода не просто в деле «перерождения человечества и мира в духе Христовом», а именно в деле воскрешения умерших: «...полнота жизни предков, даже вечно поминаемых Богом, даже со святыми покоющихся, обусловлена действием потомков, создающих те земные условия, при которых может наступить конец мирового процесса, а следовательно, и телесное воскресение отшедших, причем каждый отшедший естественно связывается с будущим окончательным человечеством посредством преемственной линии кровного родства. Действуя на свою телесность и на внешнюю вещественную природу в смысле ее действительного одухотворения, каждый исполняет обязанность по отношению к своим предкам, платит им свой нравственный долг: получив от них физическое существование и все наследие предыдущей истории, новое поколение ведет дальше работу, в конце которой создаются условия жизненной полноты и для отшедших». При этом в качестве необходимого условия будущего воскресения ставится «одухотворяющая работа человека над своею телесностью и над земною природой вообще» (там же, с. 452–453). Формулируется «высший принцип для педагогии: нерасторжимая смертью связь поколений, поддерживающих друг друга в прогрессивном исполнении одного общего дела – приготовления к явному царству Божию и к воскресению всех» (там же, с. XXXVI, 462). Наконец, говорится о «положительной обязанности человека избавить материальную природу от необходимости тления и смерти и приготовить для всеобщего телесного воскресения» (там же, с. 505).

«Оправдание добра» не в последнюю очередь подготовило новое сближение Федорова и Соловьева, которое последовало осенью 1896 г. и длилось больше года – до конца 1897 г.

Вряд ли встречи Федорова с Соловьевым в этот период были регулярны: они могли происходить лишь во время приездов Соловьева в Москву. Посещения носили односторонний характер: Соловьев заходил в Румянцевский музей, следовательно, состоится или не состоится встреча, всецело зависело от него – так, впрочем, повелось уже давно, еще в 1880-е годы. Можно с уверенностью предполагать, что Соловьев и Федоров встречались осенью или зимой 1896 г., в середине апреля 1897 г. – точнее между 16 и 22 апреля: Н. Ф. Федоров 15 апреля возвращается в Москву из десятидневного отпуска, а В. С. Соловьев 16 апреля пишет из Москвы М. М. Стасюлевичу, сообщая, что пробудет там «до начала будущей Фоминой недели» (*Соловьев. Письма. IV*, с. 73); осенью 1897 г., причем одна встреча (а, может быть, и несколько встреч) произошла в октябре, когда Соловьев в очередной раз «застрял» в Москве (см. примеч. к письму 129 (преамбула)). Об осенних встречах Соловьева с Федоровым узнаем и из письма последнего Петерсону от 19 ноября 1897 г. – Т. IV наст. изд., с. 321. Точнее датировать встречи двух мыслителей за 1896–1897 гг. станет возможным по мере установления числа и времени поездок Соловьева в Москву.

В конце 1896 г. Соловьев знакомит Федорова с идеей «Воскресных писем». Этот замысел, предполагавший регулярную беседу с читателем в воскресный день (как бы по образу воскресной церковной проповеди), когда вспоминается главное – «всеспасающее» – событие мировой истории, вызвал сочувственный отклик Николая Федоровича, соотнесшего его со своей заветной мечтой о религионизации литературы и журналистики. Свои мысли о том, как именно мог бы быть реализован проект «Воскресных писем», коль скоро он был бы одушевлен идеей активного христианства, Федоров изложил в письме к Соловьеву, которое, по всей видимости, так и осталось непосланным (впрочем, свой проект он мог раскрыть ему и устно, при встрече). За ходом публикации «Воскресных писем» в газете «Русь», начатой с января 1897 г., он внимательно следил, откликаясь на некоторые суждения Соловьева (см., напр., примеч. 56, 87 к «Статьям философского содержания из III тома “Философии общего дела”» – Т. III наст. изд., с. 677, 680), а письмо «Что такое Россия» («Русь», 23 февраля (7 марта) 1897) вызвало его на ответную статью «Что такое Русь?», впоследствии вошедшую в работу «Самодержавие» (см.: Т. II наст. изд., с. 5–13).

Особый отклик Федорова должны были вызвать продолжившие цикл «Воскресных писем» «Пасхальные письма». Начало им было положено письмом «Христос Воскрес!», датированным днем Пасхи, 13 апреля 1897, – в центре его была идея воскресения; остальные письма были приурочены к следующим воскресеньям после Пасхи: «О добросовестном

неверии» (Неделя о Фоме), «Женский вопрос» (Неделя жен мироносиц), «Восточный вопрос» (Неделя о расслабленном), «Два потока» (Неделя о самарянке), «Слепота и ослепление» (Неделя о слепом), «Значение догмата» (Неделя о Никейских отцах). Отталкиваясь от событий, поминаемых в этот день Церковью, Соловьев касался животрепещущих вопросов современности, напоминая о соотнесенности текущего и вечного, современных тем и христианских метасобытий; он был убежден – и убеждал в том других, – что человечество должно продвигаться по пути истории, только отчетливо ощущая и сознавая эту связь.

Внимание Федорова к печатным выступлениям Соловьева в «Руси» наводит на предположение, что регулярные публикации в газете «Дон», начатые Николаем Федоровичем годом спустя, весной 1898 г., после приезда в Воронеж, первоначально задумывались им как своего рода аналог «Пасхальных писем». Первая из появившихся тогда статей – «Каменные бабы как указание смысла, значения музеев», раскрывавшая идею воскрешения через народные верования и погребальный культ, – состояла из двух частей, одна из которых должна была быть напечатана в самый день Пасхи, а другая – в следующее воскресенье, посвященное «уверению Фомы». Вслед за этим, во второе послепасхальное воскресенье («Неделя жен-мироносиц»), Федоров надеялся опубликовать «статью о мироносицах в новозаветном смысле» (см. письмо 143). Однако замыслу воскресных статей на темы активного христианства не суждено было осуществиться: обе части статьи «Каменные бабы» появились только в четверг на «Фоминой неделе», а статья о мироносицах так и не была напечатана.

В мае–августе 1897 г. Федоров и Соловьев, по всей видимости, не встречались. Летнее время Федоров, по обыкновению, провел у Н. П. Петерсона в Воронеже. 20 июля 1897 г. в местной газете «Дон» было опубликовано письмо Ф. М. Достоевского к Н. П. Петерсону от 24 марта 1878 г. с обширным предисловием, написанным Федоровым. Имя Соловьева в публикации письма было обозначено инициалами «В. С. С.».

Вскоре после публикации письма Достоевского Н. Ф. Федоровым была написана статья «Что такое Русь?», поводом к которой послужило четвертое воскресное письмо Соловьева «Что такое Россия». В этом письме, характеризуя историю России как дело собирания народов, а ее «коренной срединный народ» как «народ собиратель», Соловьев задавался вопросом: «каким образом и во имя чего он их собирает» (*Соловьев. 10*, 12), прямо перекликаясь с Федоровым, поставившим этот вопрос полутора годами ранее, в заметке «Еще об историческом значении царского титула» («Русский архив», 1895, № 7): «...для чего нужно это собирание, это совокупление сил всех народов в одну силу, если завоевание не есть цель?»

Но идя от Федорова в постановке вопроса о цели собирания, Соловьев не стал предрешать на него ответ (хотя в предыдущих работах философа, и раннего, славянофильски окрашенного, и второго, теократического, периодов неоднократно повторялась мысль о России как стране, призванной восстановить истинное понимание христианства – религии всеобщего спасения, явить в своем историческом и социальном бытии начала вселенской правды, богочеловечества). Выдвинув тезис о прямой взаимосвязи между верой народа и его задачей в истории, он ограничился констатацией сложного положения русской церкви, ввергнутой в кризис расколом старообрядчества, и призвал к поиску выхода из разделения.

Статья Соловьева раздосадовала Федорова тем, что в ней, как и в реферате «О причинах упадка средневекового миросозерцания», основной упор был сделан на критику: там – исторического христианства, здесь – православия, в то время как альтернативный, положительный идеал так и оставался либо нераскрытым (в воскресном письме), либо заявленным самым общим, тезисным образом (в реферате). В ответной статье мыслитель дал четкое определение цели собирания: «...собирание во имя предков и ради предков, соединение всех живущих для воскрешения всех умерших» (Т. II наст. изд., с. 11), параллельно представив и свое понимание православия, которое отождествлялось им с активным христианством, основанным на идее имманентного воскрешения.

Статью «Что такое Русь?» Федоров первоначально надеялся провести через печать, тем более что предыдущая попытка напечатать письмо Достоевского к Петерсону удалась; не было остановлено цензурой и предисловие к публикации этого письма, прямо раскрывавшее некоторые основные положения учения о воскрешении. Кстати, в своей статье Федоров ссылался на публикацию в газете «Дон», выдвигая против Соловьева, якобы не знающего цели и смысла собирания, его собственные заявления о глубоком сочувствии «долгу воскресенья преждеживших предков», сделанные еще в 1878 году.

Из письма Федорова Соловьеву от 19 ноября 1897 г. узнаем, что мыслитель намеревался напечатать статью «Что такое Русь?» в журнале «Гражданин». Но из того же письма следует, что данное намерение было оставлено, по всей видимости, не без влияния самого Соловьева, которому Федоров в одну из их осенних встреч передал эту статью. Возможно, именно в связи со статьей «Что такое Русь?» Соловьев и сказал Федорову, что «острый период увлечения Католицизмом прошел» (Т. IV наст. изд, с. 463), – ведь в ней был высказан ряд положений, направленных против прежних призывов Соловьева к признанию православной церковью папского авторитета. И Федоров, видя изменение позиции Соловьева, раздумал печатать свою статью, чтобы не бить по ложным мишеням; кроме того, публичная полемика с Соловьевым в момент нового сближения с ним вряд ли была бы уместна, и мыслитель это понимал.

12 октября 1897 г., находясь в Москве, Соловьев пишет стихотворение «Родина русской поэзии», посвященное знаменитой элегии В. А. Жуковского «Сельское кладбище», а в примечании к его публикации в «Вестнике Европы» высказывает мысль о том, что эта элегия «может считаться началом истинно-человеческой поэзии в России» («Вестник Европы», 1897, № 11, с. 68). Вряд ли мы ошибемся, если выдвинем предположение, что стихотворение «Родина русской поэзии» было написано Соловьевым под влиянием осенних встреч с Федоровым.

На сельском кладбище явилась ты недаром,
О гений сладостный земли моей родной!
Хоть радугой мечты, хоть юной страсти жаром
Пленяла после ты, – но первым лучшим даром
Останется та грусть, что на кладбище старом
Тебе навеял Бог осеннею порой.

Философ стремится увидеть в сокровенных истоках русской лирики «печалование об умерших». И здесь он прямо идет от Федорова, который не раз отмечал, что этим чувством держится всякая истинная литература, не порвавшая своих корней с народным миросозерцанием (культ предков), с народным творчеством – «плачами» и «заплачками», вызывающими умерших встать, пробудиться.

Впрочем, сам Николай Федорович, ознакомившись со стихотворением «Родина русской поэзии», по своему обыкновению поспешил уточнить поэтический тезис Соловьева. В небольшом черновом наброске он подверг критике элегию Жуковского, указав, что в этом «произведении Городской Англии» нет ничего общего с «нашими народными причитаниями», «порождением Сельских кладбищ деревенской Руси!». «В причитаниях народ – сыны человеческие – приказывают земле расступиться и умоляют отцов подняться, взглянуть на своих детушек. За этот один стих можно отдать всю нашу светскую литературу. Можно ли сравнить эту мощь, повелевающую слепой силе, и эту глубину и нежность чувства с унижением высшего, отделившегося от народа класса – этих блудных сынов, – перед бесчувственною силою и с *тупою <их> верою* в ее умерщвляющее всемогущество и в слабость силы воскрешающей, так что ни крик петуха, ни даже ласточки щебетанье, ни дыхание юного дня не могут вызвать умерших» (Т. III наст. изд., с. 522).

Воспоминание об ушедших – одна из центральных тем в поэтическом творчестве Соловьева 1897 г. В этот год он пишет стихотворение «На смерть А. Н. Майкова» и два стихотворения памяти А. А. Фета:

Тихо удаляются старческие тени,
Душу заключавшие в звонкие кристаллы,
Званы еще многие в царство песнопений, –
Избранных, как прежние, – уж почти не стало.

[...]

Мир же вам с любовию, старческие тени!
Пусть блестят по-прежнему чистые кристаллы,
Чтобы звоном сладостным в царстве песнопений
Вызывать к грядущему то, что миновало.

(«На смерть А. Н. Майкова»)

Он был старик давно больной и хилый;
Дивились все – как долго мог он жить...
Но почему же с этою могилой
Меня не может время помирить?

Не скрыл он в землю дар безумных песен;
Он все сказал, что дух ему велел, –
Что ж для меня не стал он бестелесен
И взор его в душе не побледнел?...

Здесь тайна есть... Мне слышатся призывы
И скорбный стон с дрожащею мольбой...
Непримиренное вздыхает сиротливо,
И одинокое горюет над собой.

(«Памяти А. А. Фета»)

Основная интонация здесь – интонация печалования, то тихая и светлая, как в стихотворении, обращенном к Майкову, то вопрошающая и несмиренная, как в стихотворении памяти Фета.

В свое время А. К. Горский, автор серии очерков «Николай Федорович Федоров и современность» нашел в архиве мыслителя листок из «Вестника Европы» (1897, № 2), где было опубликовано стихотворение «Памяти А. А. Фета» (разыскать этот листок мы не смогли). На полях листка имелись заметки, сделанные рукой Н. Ф. Федорова. Описание помет было приведено Горским в статье «Проективизм и борьба со смертью»: «Против последних двух строк ("но почему же...") стоит там встречный вопрос: *"А с чьею же могилой время может примирить?"* Против строки Соловьева "Что ж для меня не стал он бестелесен?" Федоров замечает: *"А для чего нужна бестелесность?"*. И, наконец, на фразу последней строфы "Непримиренное вздыхает сиротливо" – Николай Федорович откликается: *"Умерщвленное не может быть примиренным"*» (А. Остромиров [А. К. Горский]. Николай Федорович Федоров и современность. Вып. 2. Харбин, 1928, с. 5). Чувствуя родство идеи и интонации, Федоров настаивает на четкости, ясности выражения (даже в поэтическом слове, по определению допускающем недосказанности и метафоры), требует от Соловьева *договорить* свою мысль, не признает никаких риторических вопросов, никаких намеков, коль скоро речь идет о «жизни и смерти», о долге живущих перед ушедшими.

Отношения Соловьева и Федорова в третий период их идейно-творческих контактов достигли своей кульминации осенью 1897 г. Не в последнюю очередь это было связано с полемикой, развернувшейся тогда на страницах журнала «Вопросы философии и психологии» между Б. Н. Чичериным и В. С. Соловьевым по поводу книги «Оправдание добра». Характерно, что Чичерин, критикуя этическую систему Соловьева, касался как раз тех ее сторон, которые были близки самому Федорову, а зачастую прямо исходили из его учения. Упреки в преувеличении роли стыда (Соловьев видел в нем знак «высшей нравственной природы» человека); критика ученым тезиса о том, что «религиозное чувство развилось от отношения детей к родителям», имело своим началом священный культ предков; выступление против концепции совершенного общества, которое будто бы может воплотить в себе христианский идеал Царствия Божия, – все эти претензии Федоров в определенном смысле относил и к себе самому, поскольку во многом именно у него почерпнул Соловьев те положения, на которые столь яростно обрушивался оппонент «Оправдания добра». Кроме того, центральным пунктом возражений Чичерина стало соловьевское понимание христианства: оппонент в принципе не допускал возможности выдвигать в качестве высшей цели бытия человека в истории идеал Царствия Божия, «бессмертия и нетленности», трактовал этот идеал лишь как трансцендентную норму и подчеркивал, что реальное человечество в своей реальной (а не метафизически транскрибированной) истории «не приблизилось ни на шаг к указанной цели – сделать всех людей безболезненными и бессмертными» («Вопросы философии и психологии», 1897, кн. 4 (39), с. 595, 621, 635).

В своем ответе, помещенном в том же номере «Вопросов философии и психологии», что и отзыв Чичерина, Соловьев стремился главным образом опровергнуть некоторые предвзятые, а то и прямо неверные истолкования критика, проистекавшие из непонимания той сверхприродной, богочеловеческой логики, которая лежала в основе этических построений книги «Оправдание добра». При этом по ходу полемики он еще раз высказался по целому

ряду тем, сближающих его с Федоровым. В частности, повторил мысль о культе предков как «естественном фундаменте религии». А касаясь проблемы стыда, подчеркнул, что нынешний организм человека с его естественными отправлениями (питание, выделения, половая жизнь и т. д.) не может быть признан мерилом совершенства. Существование этого организма полностью зависимо от среды, несамодостаточно, и такая, например, физиологическая функция, как выделение, есть лишь «частичное и, так сказать, хроническое проявление той аномалии, острое обнаружение которой дано в смерти и тлении». И «если бы человек обнаруживал достаточно жизненной силы, чтобы претворять в себя, или оживотворять все то, чем его питает внешняя среда», то явление выделения «было бы невозможно, как невозможна была бы тогда и самая смерть» (там же, с. 678, 680). Ср. рассуждения Федорова в IV части «Записки» о будущем, бессмертном организме человека: «Этот организм есть *единство знания и действия; питание* этого организма есть *сознательно-творческий процесс* обращения человеком элементарных, космических веществ в минеральные, потом растительные и, наконец, живые ткани» (Т. I наст. изд., с. 281).

В архиве мыслителя сохранился целый ряд черновых заметок, посвященных полемике Соловьева с Чичериным, а также письмо его к Соловьеву, по всей видимости, так и не посланное (письмо 129). Эти заметки одновременно – возражение Чичерину и критика Соловьева: аргументы последнего в защиту книги «Оправдание добра» мыслитель посчитал недостаточными, будучи убежден, что в центр ответа должен был быть поставлен вопрос о воскресительных основаниях этики, что следовало бы во всей полноте раскрыть активно-христианский идеал соработничества Божества и человечества в осуществлении обетований воскресения. Федоров даже намеревался обратиться с письмом к Чичерину, изложив собственные доводы в пользу указанного идеала. При этом в качестве argumentum ad hominem он, в частности, ссылался на письмо Ф. М. Достоевского, опубликованное в газете «Дон», в котором говорилось о «долге воскресенья преждеживших предков».

С публикацией письма Достоевского Федоров познакомил и Соловьева, надеясь, что в новой статье, направленной против Чичерина, тот упомянет это письмо, сделав его одним из орудий своей защиты. В разговоре, состоявшемся по этому поводу, Соловьев обещал мыслителю записать, «сколько припомнит», свой двухчасовой разговор с Достоевским, состоявшийся 24 марта 1878 г. (см. письмо 130). Однако так и не исполнил этого обещания.

Вообще, статья Чичерина «О началах этики» и возражение Соловьева были одной из основных тем, которые Федоров обсуждал с ним при встречах осенью 1897 г. Сколько именно было этих встреч, мы не знаем. Не знаем также, имели ли место разговоры о том, каким именно образом следует отвечать Чичерину, до того, как вторая статья Соловьева была написана и сдана в редакцию «Вопросов философии и психологии» (напечатана в кн. 5 (40), ноябрь–декабрь 1897), или же они состоялись после, т. е. уже в то время, когда Соловьев в любом случае не смог бы ничего изменить в своем ответе. Так или иначе, в короткой заметке Соловьева «Необходимые замечания на “несколько слов” Б. Н. Чичерина» нет следов той аргументации, которую выдвигал Федоров.

Несмотря на это, во взаимоотношениях Соловьева и Федорова осенью 1897 г. доминирует доброжелательность и сердечность. Более того, Соловьев обещает Федорову содействовать напечатанию какой-нибудь его статьи, предлагая подобрать текст, а Федоров, в свою очередь, удерживает Н. П. Петерсона от посылки статьи «Что такое Русь?» архиепископу Антонию Храповицкому, в прошлом – оппоненту Соловьева. По всей видимости, мыслитель не устает надеяться, что Соловьев решится наконец выступить с изложением его идей уже не в философско-метафорическом, а в проективном ключе. Ведь еще в августе, после публикации в газете «Дон» письма Достоевского Петерсону он не исключал возможности «поговорить» с «нынешними саддукеями, не признающими воскрешения» «чрез Соловьева» (Т. IV наст. изд., с. 491).

Однако третье сближение Соловьева и Федорова также не оправдало надежд последнего. 3 января 1898 г. Федоров в письме к Н. П. Петерсону, переписывавшему в то время статьи «Выставка» и «О храмах обыденных...» для возможной их публикации при посредстве Соловьева, сообщал о том, что необходимость в переписке статьи отпала: «*Соловьев ничего не сделал, что обещал, и не остается надежды на выполнение обещания*» (Т. IV наст. изд., с. 325). Далее Федоров сообщал, что познакомил Соловьева со своей статьей «Что такое Русь?» и высказал ряд замечаний в адрес книги «Оправдание добра», в частности по поводу трактовки Соловьевым евангельского текста: «Будьте совершенны, как Отец Ваш небесный совершен». Суть замечаний проясняется при анализе черновых заметок Федорова, – мысли-

тель был неудовлетворен теми местами книги, которые по своему содержанию в той или иной степени перекликались с учением «всеобщего дела». И чем ближе была мысль Соловьева его собственной, тем строже он ее судил, упрекая философа в недоговоренности, «размытости», неточности формулировок; порой высказывался даже слишком пристрастно (подобное отношение имело свое объяснение – и о нем мы скажем ниже).

Эти ли критические замечания, которые могли неприятным образом подействовать на Соловьева (хотя, по свидетельству Федорова, с его упреками по поводу трактовки евангельского текста философ согласился и даже говорил, что «легко изменит это место» (Т. IV наст. изд., с. 80)), знакомство ли Соловьева со статьей «Что такое Русь?» или какие-то иные причины остановили процесс нового сближения Федорова и Соловьева. Приезжавший в Москву в конце 1897 – начале 1898 гг. Соловьев так и не зашел в Румянцевский музей (см. примеч. Н. Ф. Федорова к письму 130 – Т. IV наст. изд., с. 321). Федоров, характеризуя третий период их сближения, в сущности так и не оправдавший его надежд, впоследствии вспоминал о двух допущенных им ошибках (имея в виду, скорее всего, критические замечания по поводу «Оправдания добра», высказанные им Соловьеву лично, и передачу последнему статьи «Что такое Русь?»); но тут же оговаривался, что и при отсутствии этих ошибок результат все же был бы тем же (письмо 258 – Т. IV наст. изд., с. 463).

В конце марта 1898 года Федоров уезжает в Воронеж, где и живет до середины августа. Мы не знаем, встречался ли он с Соловьевым в те два с половиной месяца (со второй половины августа по начало ноября), которые провел в Москве, оформляя свою пенсию и параллельно работая в библиотеке Музеев вольнотрудящимся. Хотя в принципе объективная возможность этих встреч была, поскольку Соловьев с сентября по декабрь 1898 г. находился в древней столице (см.: *Соловьев. Письма. IV*, 74–75). Но с середины ноября 1898 г. встречи двух мыслителей становятся уже невозможны. Федоров до середины февраля 1899 г. живет в Воронеже, затем в Сергиевом Посаде (вторая половина февраля – начало апреля 1899 г.), снова возвращается в Воронеж, где остается до середины августа. Затем последовали его поездка в Асхабад (август 1899 – апрель 1900), возвращение в Москву меньше чем на месяц и летнее пребывание в Подольске, где Федорова и застало известие о смерти Соловьева.

Тем не менее последние личные контакты двух мыслителей не прошли для обоих бесследно. Федоров, как мы уже упоминали выше, пытается осуществить через газету «Дон» замысел, близкий «Пасхальным письмам». Что же касается Соловьева, то в его творчестве 1898–1899 гг. также весьма ощутимы федоровские мотивы. Возьмем небольшую заметку «Тайна прогресса», напечатанную в газете «Русь» 5 января 1898 г. Соловьев вспоминает в ней сказку об охотнике, перенесшем через бурный поток сгорбленную старуху, умолявшую его о помощи и обещавшую привести его на той стороне потока в чудное место, где забывается всякое горе: когда охотник, сгибаясь под тяжестью ноши, ступил на берег, старуха превратилась в «красавицу неописанную, настоящую царь-девицу» и отвела его в землю обетованную. Раскрывая эту метафору, Соловьев формулирует понятие истинного прогресса: идти в такое будущее, которое станет не войной всех против всех, а чаемым раем, по-настоящему возможно лишь при опоре на прошлое, на «священную старину предания»; живая и устойчивая связь времен должна быть нравственно-духовной основой движения истории (*Соловьев. 9,* 84–86).

Но этой мыслью, одушевлявшей и самого Федорова (ср. его критику прогресса, основанного на вытеснении и розни поколений, на превозношении последующих над предыдущими, на забвении сынами отцов, в I части «Записки»), не исчерпывается содержание статьи «Тайна прогресса». Вдумаемся в следующие строки: «Пусть он только подумает о том, чем он ей (“священной старине предания”. – *Сост.*) обязан; пусть внутренним сердечным движением *почтит* ее седину, пусть *пожалеет* о ее немощах, пусть *постыдится* отвергнуть ее из-за этой видимости. Вместо того чтобы праздно высматривать призрачных фей за облаками, пусть он потрудится перенести это священное бремя прошедшего через действительный поток истории» (*Соловьев. 9,* 85). О чем здесь идет речь: только ли о необходимости почтительного отношения к прошлому? Ведь образ, представленный сказкой о старухе и охотнике, намного глубже. Скитания охотника в лесу в томлении и одиночестве, когда он бессмысленно истребляет зверей и птиц и тщетно вопрошает себя: «Зачем я родился, зачем пришел в этот лес?» (там же, с. 84) – символизируют человечество, еще не пришедшее «в разум истины», к сознанию своего назначения на этой земле. То обетованное место («чистый рай»), о котором рассказывает ему старуха, – Царствие Божие, а переход охотника с тяжелой ношей через бурлящий поток – история, ставшая восхождением

человека и человечества к полноте благобытия. Кто же тогда старуха, которую несет на своих плечах охотник на берег рая? Только ли символ «старины», наследия далекого прошлого, священного опыта поколений? И если так, то что тогда значит фраза о необходимости «перенести это священное бремя прошедшего через действительный поток истории» – разве в Царствие Божие входят опыт, традиции, наследие, а не живые личности? «Блаженны верующие: еще стоя на этом берегу, они уже видят из-за морщин дряхлости блеск нетленной красоты» (Соловьев. 10, 86) – это тоже не может относиться ни к «опыту», ни к «традициям», а только к людям, несущим на себе образ и подобие Божие. Все проясняет финал статьи, в котором Соловьев призывает: «Если ты хочешь быть человеком будущего, современный человек, не забывай в дымящихся развалинах отца Анхиза и родных богов» (там же), – напоминая сюжет об Энее, основателе Рима, который в ночь падения Трои вынес из горящего города на своих плечах престарелого отца Анхиза, – и заключает: «Спасающий спасется. Вот тайна прогресса – другой нет и не будет» (там же).

Итак, не «спасаяй себя, тот спасен будет», а «спасающий (других) спасется» – а другие-то кто? – наши отцы.

Впрочем, во всей полноте смысл статьи «Тайна прогресса» раскрывается только на четком фоне федоровских идей. Без знакомства с этими идеями второй, глубинный пласт смысла практически недоступен для восприятия – сознание улавливает лишь то, что лежит на поверхности. Чему, впрочем, способствовал и сам Соловьев – в статье присутствует некая недоговоренность: она достаточно часто появляется у философа именно тогда, когда речь заходит о вещах, прямо идущих от Федорова. В подтекст убрано слишком много и слишком мало высказано прямо.

7 марта 1898 г. Соловьев выступает на публичном собрании Философского общества при Петербургском университете с докладом «Идея человечества у Августа Конта» (заседание было приурочено к 100-летию со дня рождения французского мыслителя). В центре доклада – контовская «религия человечества», культ «Великого Существа» – т. е. собирательного человечества в его живом единстве, в котором имеют свою часть и живущие, и умершие, все прошедшие, настоящие и будущие поколения. По мысли Соловьева, именно в этой религии сделан человечеством Нового времени первый шаг на пути к религии богочеловечества, т. е. к христианству, понимаемому активно, ставящему своей задачей соборное участие в деле обожения. «Великое Существо не есть пустая форма, а всеобъемлющая богочеловеческая полнота духовно-телесной, божественно-тварной жизни, открывшейся нам в христианстве» (*Соловьев. 9*, 189).

При этом главную заслугу Конта Соловьев полагает в том, что он «очень близко – ближе многих верующих – подошел к другой, завершительной истине христианства» – «к задаче воскресения мертвых», воссоединения умерших и живущих, трагически разделенных смертью (там же, с. 190).

Обратим внимание: Соловьев говорит не об *идее* воскресения мертвых, а именно о *задаче*. А если речь идет о задаче, то значит воскресение мертвых уже не только *идеальный объект* для умственно-сердечного восприятия, переживания, медитации, чаяния («Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века»), но и *идеальный проект*, предполагающий *действие* и *осуществление*. Так Соловьев делает еще один шаг навстречу Федорову. Но снова – как в других статьях – тут же останавливает ход своей мысли ссылками на трудность понимания темы: «То, чего я теперь коснулся, есть не только трудное дело, но и разговор трудный» (там же, с. 191), вспоминает в связи с этим Павла и его беседу с афинянами (на слова апостола о грядущем воскресении мертвых они заявили ему: «Об этом послушаем тебя в другое время» – Деян 17:32) и так и не раскрывает содержание обозначенной им «задачи воскресения мертвых».

Впрочем, «намекнуть на человеческую сторону этого дела» он все же пытается, хотя и здесь для иллюстрации берет лишь «первые человеческие шаги», которые связаны с вещами, привычными для восприятия, и не заключают в себе «ничего непонятного и ничего трудного» (там же). Эти шаги – познание умершего и любовь к нему: «Вот перед нами сегодня один из бесчисленных отшедших. Нам и в голову, конечно, не приходило предварять для него всеобщее воскресение, – и, однако, мы это начали. Прежде чем прийти на эти поминки, я лучше прежнего познакомился с Контом и полюбил его. Вот уже первый шаг или два первых шага – узнать и полюбить. А затем если мне удалось и некоторым из вас передать верное понятие об этом отшедшем и доброе чувство к нему, то вот уже и третий шаг» (там же, с. 191–192).

В цитируемом фрагменте важно все. Во-первых, Соловьев называет заседание в Философском обществе поминками, как бы религионизируя его атмосферу. Во-вторых, сообщает о том, что сам он к этому заседанию специально изучал Конта, вдумывался в его личность и творчество, по всей видимости, писал текст речи и, наконец, произнес ее в поминальный день, приобщив и своих слушателей к памяти о давно ушедшем, восстановляя перед ними его жизненный и духовный облик. В-третьих, еще в начале выступления-статьи Соловьев заявил, что его задача – не в критике философской системы Конта, а в том, чтобы «указать зерно великой истины в его действительном, целом учении» (там же, с. 172).

И утверждение Соловьева о необходимости изучения умерших, взращивания в своей душе чувства любви, и та эмоциональная тональность, которую он придает своему выступлению, опять-таки связывают его с Федоровым. Ведь именно философ всеобщего дела неоднократно говорил о долге изучения каждым своих отцов, дедов, прадедов – причем изучения, неотделимого от любви, не высокомерно-осуждающего (критика), а понимающего, ибо, по Федорову, «история есть всегда *воскрешение*, а не *суд*» (Т. I наст. изд., с. 135). Именно Федоров мечтал об организации деятельности учреждений памяти и культуры (библиотек, музеев и т. д.) календарным порядком, по дням кончины писателей, мыслителей, деятелей прошедших эпох, когда в день смерти того или иного автора все посетители данных учреждений обращаются к его жизни и творчеству, и этому воспоминанию предшествует тщательное, вдохновляемое любовью изучение: например, чтение книг ушедшего, восстановление в уме и сердце его духовного облика и т. д. Выступление Соловьева на заседании Философского общества, посвященном юбилею Конта, «одного из бесчисленных отшедших», и было выстроено как опыт такого поминовения, которое есть первый шаг к «задаче воскресения мертвых». А то, что философ был сопричтен им не только к выдающимся деятелям, стяжавшим себе культурное бессмертие, но и ко всем умершим, без различия их звания и заслуг (в деле воскрешения нет иерархии), – это тоже «федоровская» точка зрения.

Если в статьях «Тайна прогресса» и «Идея человечества у Августа Конта» была заявлена, хотя во многом символически и метафорически, тема воскрешения как задачи для человечества, то в двух других статьях Соловьева, написанных в 1899 г.: «Идея сверхчеловека» и «Лермонтов» – поднималась тема бессмертия. Обе последние статьи были связаны проблемой ницшеанства, в осмыслении которой Соловьев и Федоров также стояли на близких позициях. Кстати, вполне возможно, что вопрос о ницшеанстве и идее сверхчеловека был одной из тем, обсуждавшихся Федоровым и Соловьевым осенью 1897 г. (в письме В. А. Кожевникову, датируемом 6–30 января 1898 г., Федоров упоминает о каком-то «письме о Ницше», не посланном Соловьеву, причем, как следует из контекста, решение Кожевникова не отправлять этого письма сильно раздосадовало мыслителя (см.: Т. IV наст. изд., с. 135)).

К критике учения Ницше Федоров с перерывами обращался все последние годы жизни, начиная уже со второй половины 1890-х гг. В статьях, впоследствии собранных его учениками во II томе «Философии общего дела», он дал всестороннюю характеристику личности и философского творчества «немецкого пророка». Ницше для Федорова – яркое воплощение типа подростково-романтического сознания: противопоставление своего исключительного, гипертрофированного «Я» всему миру при дефиците сострадания и любви к людям; одинокая болезненная экстатика, разрешающаяся в апофеоз сверхчеловеческой личности, неизмеримо вознесенной над прочей «тварью дрожащей». Его философия – предельное выражение «катастрофического сознания», укорененного в идее краха и неудачи истории: отсюда идея «вечного возвращения», унылых «пустоворотов бытия», отсюда – подчеркнутый эстетизм Ницше с его вакхическим культом (по характеристике Федорова, «мир как опьянение»), превознесением трагедии и трагического мировосприятия (трагедия как «изображение гибели мира»).

Однако, развенчивая философско-психологический склад ницшеанства, критикуя идеал Ницше за выборочность, дурной аристократизм, гордынное превозношение над себе подобными, над живущими и умершими, Федоров в то же самое время обращает внимание на другую сторону идеи сверхчеловечества. В искаженной, безбожной, уродливой форме она воплощает в себе извечное стремление человека и человечества выйти за пределы своей несовершенной, смертной природы, преодолеть зависимость от слепых, разрушительных сил естества. Мыслитель стремится наполнить идею сверхчеловечества собственным проективным, активно-христианским содержанием: «Великая заслуга Ницше состоит в том, что он зовет к переходу за пределы добра и зла. Ошибка же его заключается в том, что вместо древа жизни он насаждал за этими пределами древо смерти. Он

чувствовал необходимость для человека чего-то высшего, и эту потребность думал воплотить в своем “сверхчеловеке”, который оказался, однако, лишь ничем не оправданным самопревознесением человека над себе подобными, и притом гораздо более ему подобными, нежели ему кажется: как Фауст, подмечая свои небольшие несходства со всеми смертными, Ницше принимает это ничтожное несходство за большое превосходство. А между тем высшее в человеке должно быть выше не существ ему подобных, а выше слепой, неразумной, смертоносной силы природы». «И христианство знает сверхчеловека, то есть нового человека, возрожденного водою и духом; но это возрождение для вечной жизни, так как возрожденное освобождено от греха, причины смерти. Сверхчеловечество будет не в мистическом, а в материальном смысле воскрешением и бессмертием» (Т. II наст. изд., с. 132, 126).

Подобную же точку зрения на идею сверхчеловека высказывает и Соловьев. В статье «Идея сверхчеловека» он стремится показать ее «с хорошей стороны», высвободить из-под искажающих наслоений ницшеанства ту живоносную почву, которая дала ей рост и питательную силу. Феномен Ницше, так же как и контовская «религия человечества», свидетельствует о постепенном пробуждении в современном секуляризованном сознании представления об «истинном, высоком назначении человека» (*Соловьев. 9,* 267), – пусть даже оно здесь высказано в неполном, а в случае с Ницше – и деформированном виде.

Дальнейший ход рассуждений Соловьева прямо связывает его с Федоровым. Явление человека и человечества есть следствие многовекового «процесса усложнения и усовершенствовования природного бытия», «космического роста» (направленность эволюции), и следующей необходимой ступенью совершенствования миропорядка должно стать упразднение смерти. «Если чем естественно нам тяготиться, если чем основательно быть недовольным в данной действительности, то, конечно, этим заключительным явлением всего нашего видимого существования, этим его наглядным итогом, сводящимся на нет. [...] И вот на чем должны бы по логике сосредоточить свое внимание люди, желающие подняться выше наличной действительности – желающие стать сверхчеловеками. Чем же, в самом деле, особенно отличается то человечество, над которым они думают возвыситься, как не тем именно, что оно *смертно*? [...] Человек [...] есть прежде всего и в особенности “смертный” – в смысле *побеждаемого, преодолеваемого* смертью. А если так, то, значит, “сверхчеловек” должен быть прежде всего и в особенности *победителем смерти* – освобожденным освободителем человечества от тех существенных условий, которые делают смерть необходимою, и, следовательно, *исполнителем* тех условий, при которых возможно или вовсе не умирать, или, умерев, воскреснуть для вечной жизни. Задача смелая. Но смелый – не один, с ним Бог, который им владеет» (там же, с. 271–272).

Итак, Соловьев формулирует императив бессмертия, причем выражается прямо, четко, без всяких туманностей и оговорок, обычно сопровождающих его тексты там, где речь идет о воскресении умерших как задаче для человечества. И, наверное, можно объяснить, почему. Сама по себе идея бессмертия более привычна как для культурного сознания (имеет многочисленные воплощения в фольклоре, литературе, философии), так и для традиционного христианства («бессмертие души»). А потому даже в той новой интерпретации, которую дает ей Соловьев (бессмертие как задача для человечества), она легче воспринимаема и имеет меньше шансов показаться неслыханной «дичью», нелепым юродством, нежели идея имманентного воскрешения, которая требует духовного подвига, религиозного дерзновения от того, кто проповедует, а от того, кому проповедуют, – глубины понимания, высоты нравственного чувства и веры совершеннолетней.

Однако именно этот акцент Соловьева на идее бессмертия, проходящей как основная, ведущая тема, в то время как идея воскрешения редуцирована у него до побочного мотива, звучащего под сурдинку, вызвал неприятие Федорова, считавшего бессмертие без воскрешения невозможным ни нравственно, ни физически. Мыслитель, по всей видимости, не был знаком со статьей «Идея сверхчеловека», но он подробно разобрал статью «Лермонтов» (появившуюся в печати уже после смерти Соловьева), вступление к которой фактически представляло собой парафраз целого ряда фрагментов первой статьи (см. примеч. 122 к «Статьям философского и эстетического содержания» – Т. II наст. изд., с. 462 и примеч. 303).

В 1899 – начале 1900 гг. В. С. Соловьев работает над сочинением «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории». Так уж повелось в исследовательской традиции, что это произведение Соловьева считается вершиной его философского творчества, конечной точкой мировоззренческой эволюции, своего рода духовным завещанием, оставленным им наступающему веку. Смерть философа, последовавшая через считанные

месяцы после журнальной публикации и совсем вскоре после выхода отдельного издания «Трех разговоров», задала определенный ракурс прочтения и понимания, и все читающие и толкующие придерживаются его вольно или невольно, не смея сдвинуть хотя бы немного, тем более – расширить рамки восприятия.

Оценки «Трех разговоров» разнились и разнятся. Мыслители религиозно-философского возрождения, стоявшие на позициях активного христианства (Н. Ф. Федоров, Н. А. Бердяев), восприняли «Три разговора» с входящей в них «Краткой повестью об антихристе»[1] как предательство Соловьевым его собственных убеждений, как срыв в катастрофизм, признание идеи краха и неудачи истории. (Во многом такой оценке способствовало письмо в редакцию «Вестника Европы» «По поводу последних событий», в котором Соловьев прямо заявил, что «современная история внутренно кончилась» (*Соловьев. 10,* 225).) Напротив, целый ряд прошлых и современных исследователей соловьевского творчества (от С. М. Соловьева до А. Ф. Лосева и Б. Маршадье) видят в них своего рода «трезвение» философа, благое «перерождение убеждений»: отказ от соблазнительных «неохристианских» исканий, от экуменической утопии, от идеи теократии, переход на позиции традиционной эсхатологии и т. п.

Между тем вопрос об интерпретации «Трех разговоров» и о месте этого произведения в творческом наследии Соловьева является ключевым для постановки темы «В. С. Соловьев и Н. Ф. Федоров».

Действительно, если принять сложившиеся точки зрения, неважно – бердяевскую, расценившую «Три разговора» как однозначный срыв в пассивный, безальтернативный эсхатологизм, отрицающий историю, или же столь распространенный взгляд на «Три разговора» как на бесповоротный и весьма похвальный отход философа от историософских иллюзий, от «розового христианства», то следует признать, что в конце жизни Соловьев *решительно и однозначно* расходится с Федоровым, – добавим: и не только с Федоровым, но и с Ф. М. Достоевским с его проповедью «великой общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону» (*Достоевский. 26*, 148), с И. С. Аксаковым, у которого впервые, за несколько лет до Соловьева, появляется определение человеческой истории как «брожения брошенной в мир истины Христовой», брожения, подготовляющего почву для воцарения в мире Царствия Божия (И. С. Аксаков. Сочинения. Т. 4. М., 1886, с. 191), – вообще с той традицией понимания истории, которая рассматривала исторический процесс в свете идеи преображения мира и человека, богочеловечества, проповедником которой явился и сам автор «Трех разговоров». Расходится с Федоровым, Достоевским, Аксаковым, с самим собой, наконец, и сходится, например, с К. Н. Леонтьевым, вышедшим из лона традиции прямо противоположной: «Соловьев в “Трех разговорах” признал правду Леонтьева, его мрачный пессимизм и апокалиптическое вдохновение», – замечал К. В. Мочульский (К. В. Мочульский. Владимир Соловьев. Жизнь и учение // К. В. Мочульский. Гоголь, Достоевский, Соловьев. М., 1995, с. 148–149).

Между тем, если однозначно сближать позицию Соловьева в «Трех разговорах» с пессимизмом того же Леонтьева и видеть в ней решительное отрицание благого исхода истории («Христос пророчествовал не гармонию всеобщую (мир всеобщий), а всеобщее разрушение [...] Он не обещал нигде торжества поголовного братства на земном шаре»; «Терпите! *Всем – лучше никогда не будет.* Одним будет лучше, другим станет хуже. Такое состояние, такие колебания горести и боли – вот единственно возможная на земле *гармония!* [...] Одно только *несомненно* – это то, что *все здешнее должно погибнуть*» (К. Леонтьев. Наши новые христиане. Ф. М. Достоевский и гр. Лев Толстой. М., 1882, с. 16, 18, 23)), то как тогда объяснить финал «Краткой повести об антихристе...», не дописанный Пансофием, но проговариваемый господином Z? А здесь перед нами сокрушение и гибель Антихриста, происходящие не только при помощи Божией («землетрясение небывалой силы», поглотившее «и самого императора и все его бесчисленные полки»), но и при содействии человеческом (сначала обличение Антихриста главами христианских церквей, мученическая кончина Иоанна и Петра, затем – соединение христианских исповеданий во исполнение Первосвященнической молитвы «Да будут все едино»; восстание евреев, битва с войсками «князя мира сего», толпы евреев и воссоединившихся христиан,

---

[1] В наст. изд. используются два варианта написания слова «антихрист»: со строчной буквы (в названии «Краткой повести...» и цитатах из «Трех разговоров...» – написание базируется на прижизненном издании, вышедшем в авторской редакции) и с прописной (в нашем комментарии). В цитируемых нами текстах Н. Ф. Федорова присутствует двоякое написание.

бегущие к Иерусалиму), второе пришествие Христа, сходящего к обратившемуся человечеству, воскресение праведников и тысячелетнее царство Христово.

В свое время Е. Н. Трубецкой, разбирая «Три разговора», выражал недоумение по поводу того, зачем Соловьев заканчивает повесть об Антихристе словами о «тысячелетнем царстве Христовом», – коль скоро сам он убежден в том, что «всемирная история внутренно кончилась» (см.: Е. Н. Трубецкой. Миросозерцание Вл. С. Соловьева. Т. 2. М., 1913, с. 34–35). Действительно, согласно Писанию и Церковному преданию, тысячелетнее царство Христово воцаряется *на земле* – и, добавим, – *в истории*: земная жизнь, если точно следовать букве Откровения, продолжается и после тысячелетнего царства, когда сатана, освобожденный «из темницы своей», «выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли Гога и Магога, и собирать их на брань» против «стана святых» (Откр 20:7).

И вот тут-то и возникает вопрос: строя «Краткую повесть об антихристе» как своего рода художественную иллюстрацию 16 – начала 20 глав «Откровения» (кстати, иллюстрацию не буквальную – она не только вносит в описание «последних времен» новые элементы, но и убирает целый ряд связующих звеньев), насколько Соловьев был внутренне согласен с тем, чтó в «Откровении» следует *после Тысячелетнего царства*: т. е. с новым торжеством зла в истории, новой смертельной схваткой народов, после которой – окончательное торжество над сатаной, вверженным в озеро огненное, воскресение и суд с последующим разделением человечества на спасенных и вечно проклятых.

То, что *до* «Трех разговоров» отношение Соловьева к катастрофическому сценарию разрешения исторического и мирового процесса с логически следующим из него «воскресением суда» было отрицательным, подробно обосновывать излишне. Достаточно вспомнить двенадцатое чтение о Богочеловечестве с его решительным осуждением «гнусного догмата» вечных мук и указать, что две главные идеи, одушевлявшие творчество Соловьева, – идеи всеединства и богочеловечества, логически исключали и суд, и вечные мучения: их conditio sine qua non – всеобщее спасение и обожение, перерождение и одухотворение всех элементов бытия. Отказывается ли от этих идей Соловьев в «Трех разговорах»? Нет, не отказывается. Идея не катастрофического, а постепенного, эволюционного врастания мира и человека в новый, благой и бессмертный порядок бытия – «Царствие Небесное» – прямо звучит в третьем разговоре. Г-н Z, возражая Князю, говорит, что «для исполнения воли Божией и достижения Царства Божия» недостаточно только совести и ума, необходимо «*вдохновение добра*, или прямое и положительное действие самого доброго начала на нас и в нас. При таком содействии свыше, – подчеркивает он, – и ум и совесть становятся надежными помощниками самого добра, и нравственность, вместо всегда сомнительного "хорошего поведения", становится несомненною жизнью в самом добре – органическим ростом и совершенствованием целого человека – внутреннего и внешнего, лица и общества, народа и человечества, чтобы завершиться живым единством воскрешаемого былого с осуществляемым будущим в том вечном настоящем Царства Божия, которое хотя будет и на земле, но лишь на новой земле, любовно обрученной с новым небом» (*Соловьев. 10*, 187).

Но для того чтобы в человеке и человечестве действовало это «вдохновение добра», т. е. благодать Божия, чтобы совершался «органический рост и совершенствование» как одного лица, так и собирательного человечества, чтобы, наконец, завершился он воскресением и радостью неветшающей жизни (в которой Бог будет «все во всем»), необходима не только любовь Божия, но и благая воля человека и человечества, их внутренняя готовность и добровольное согласие встать на путь, ведущий к «новому небу и новой земле», наконец, всецелая переориентация в поле высшего идеала жизни как отдельной личности, так и общества, народа, государства.

А что мы имеем в «Краткой повести»? В ее начале – картина истории человечества в грядущем XX веке. Войны, междоусобия, перевороты. Богдыхан подчиняет Европу. Европа восстает на богдыхана. Предельная секуляризация сознания и жизни. Успехи внешней цивилизации и культуры при полной неразрешенности и запутанности «предметов внутреннего сознания – вопросов о жизни и смерти, об окончательной судьбе мира и человека» (там же, с. 197).

В «Трех разговорах» в речах г-на Z дана критика современной цивилизации и культуры, застрявших в плену секулярного, неоязыческого мировоззрения, стремящихся устроить жизнь «по мерке человека», согласно идеалу потребления и комфорта, и чурающихся вопроса «о смерти и жизни». Г-н Z говорит о бесцельности и бессмысленности «культурного прогресса», коль скоро он не ставит себе таких задач, как «уничтожение болезней и

смерти» (там же, с. 172–173). В «Краткой повести об антихристе» эта критика г-на Z, прямо, кстати, перекликающаяся с аналогичными высказываниями Федорова (см., напр., Т. I наст. изд., с. 136–137), обретает художественную плоть. Цивилизация, не ставящая перед собой высшего христианского идеала, неизбежно загнивает. Панмонголизм и «новое монгольское иго над Европой» – своего рода бичи Божии, наказание европейскому племени, не отдавшему всего себя деятельному служению истине Христовой, прозябающему в бесконечных взаимных дрязгах, в локальных войнах. Торжествует «история как факт», если воспользоваться чеканной формулой Федорова. Человечество упорствует на ложном пути. И такая история неизбежно рождает антихриста. Его воцарение – логический результат повсеместного отступления человечества от Христа. Соловьев демонстрирует неизбежный исход, к которому придет цивилизация на ее нынешних, не Божьих путях, коль скоро человечество не опознает свое назначение в бытии и не откроет себя действию благодати, или, как говорит г-н Z, «вдохновению добра».

Что такое Антихрист в истолковании Соловьева? На этот вопрос отчасти отвечает г-н Z, определяя сущность Антихриста сравнением его со Христом: «Христос есть индивидуальное, единственное в своем роде и, следовательно, ни на что другое не похожее воплощение своей сущности – добра. [...] Но ведь то же должно сказать и об антихристе: это такое же индивидуальное, единственное по законченности и полноте воплощение зла» (*Соловьев. 10*, 191). Каков смысл этого противопоставления? В «Чтениях о богочеловечестве», в «Религиозных основах жизни», в «Великом споре», в «России и Вселенской церкви», – практически во всех своих работах, коль скоро в них заходила речь о христологии, – философ неизменно подчеркивал, что в лице Богочеловека Христа явлен образец согласного и сочетанного действия Божественной и человеческой воль: человеческая воля «свободно подчинила себя истинному благу, или добру, отвергнув всякое соглашение с царствующим в мире злом» (*Соловьев. 3*, 373). А потому человек и человечество должны уподобляться Сыну Божию в *отдаче* самих себя воле Небесного Отца и, главное, в *исполнении* этой воли.

Но если во Христе мы имеем предельное воплощение благой человеческой воли, свободно отдающей себя Творцу и соучаствующей в осуществлении Его обетований, то Антихрист, в толковании Соловьева, являет собой предельное воплощение злой человеческой воли, противящейся Богу и Божьему замыслу о мире и человеке. В нем как бы концентрируется весь тот заряд противления, который накоплен историей человечества, не желающего идти «путями правды». Отнюдь не случайно в духовном облике будущего императора-антихриста Соловьев подчеркивает именно те черты («безмерное самолюбие», «эгоизм», любовь лишь к самому себе, зависть), которые приводят его к гордынному своеволию, а затем – к добровольному преклонению перед злом.

И все же, несмотря на явление Антихриста, конечная победа в истории, по убеждению Соловьева, остается за добром. Ибо в лице Антихриста противление человеческой воли Творцу достигает своего апогея, его ресурсы исчерпаны, дальше и больше противиться уже невозможно. Эпоха торжества Антихриста заканчивается его крушением и гибелью, и человечество вступает в тысячелетнее царство Христово, в то царство, которое – опять подчеркнем это – еще *внутри истории*, а не за ее пределами. Ведь и г-н Z, комментируя «Краткую повесть...», специально подчеркивает, что она «имела предметом не всеобщую катастрофу мироздания, а лишь развязку нашего исторического процесса, состоящую в явлении, прославлении и крушении антихриста» (*Соловьев. 10,* 220). О том, как именно пойдут пути истории в тысячелетнем царстве Христовом и как совершится переход к «новому небу и новой земле», Соловьев умалчивает. Но исходя из контекста всего его философского творчества, исходя, наконец, и из уже процитированных слов г-на Z, говорящего о благодати, действующей в человечестве и через человечество, коль скоро оно свободно открывает себя Творцу, о «Царствии Божием», которое неизбежно наступит – в том числе и на преображенной земле, можно предполагать, что для Соловьева «тысячелетнее Царство» уже не прерывается новым восстанием злого духа (как в Откровении), а эволюционно врастает в «Царствие Божие», преображаясь в «новую землю, любовно обрученную с новым небом» (там же, с. 187). Кстати, подобным же образом, – как этап на пути обожения – мыслили тысячелетнее Царство Христово раннехристианские апологеты, в частности Ириней Лионский.

Итак, в «Трех разговорах», несмотря на кажущуюся безальтернативность представленного там историософского сценария, Соловьев дает два варианта движения истории к «новому небу и новой земле»: первый предполагает «органический рост и совершенствование целого человека, [...] народа и человечества» (он раскрыт в речах г-на Z), второй

сопряжен с нестроениями и катастрофами внутри исторического процесса, со все большей поляризацией сил добра и зла, разрешающейся явлением Антихриста и конечной схваткой слуг сатаны с чадами Божьими. Первый становится возможным лишь в случае духовного «отрезвления» человечества, его объединения не под эгидой секулярной цивилизации и культуры, устраивающих царство «всеобщей сытости» и вытесняющих религию на задворки прогресса, а под знаменем Христовым, когда религионизируются все сферы человеческой жизни, в том числе общество и государство, и всецелое человечество обращается во вселенскую Церковь. Второй актуален в случае коллективного упорства на путях неправды. Таким образом, именно от человечества, от благой или злой его воли зависит то, какой из этих двух вариантов будет осуществлен.

Но ведь мысль о возможности двоякого разрешения исторического процесса была всесторонне обоснована, с опорой на христианское Писание и Предание (Иоанн Златоуст), именно Н. Ф. Федоровым, выдвинувшим идею условности апокалиптических пророчеств (см. об этом подробнее во вступит. статье к Т. I наст. изд., с. 25–26). Эта идея, составлявшая одну из стержневых посылок рукописи, прочитанной Соловьевым в январе 1882 г., оказалась ему особенно близка (см. выше). В своем философском творчестве он развивал именно первый, благой вариант эсхатологии, связанный с идеей соучастия человечества в деле обожения. Второй, катастрофический, вариант получает для него актуальность к концу 1890-х гг. и находит свое идейно-художественное выражение в «Трех разговорах», где (опять подчеркнем это) присутствует и альтернатива ему, хотя в значительно ослабленном виде, нежели ранее (впервые вопрос о специфике соловьевской эсхатологии как эсхатологии «условной, или открытой, ибо она зависит от человеческих усилий», был поставлен, правда, без ссылок на Федорова, Р. Гальцевой (Р. Гальцева. Условная эсхатология Владимира Соловьева // Материалы 2-го Международного симпозиума по творчеству Вл. Соловьева «Эсхатология Вл. Соловьева», М., 1993, с. 61–67)).

Далее возникает вопрос: почему все-таки к концу жизни Соловьева происходит оттеснение на задний план первого эсхатологического варианта и в его мысли и творчестве все отчетливей проявляется катастрофическая тема, набирая силу в «Трех разговорах» и зазвучав полновесным аккордом в письме «По поводу последних событий»?

В свое время Н. А. Сетницкий в работе «Русские мыслители о Китае», разбиравшей взгляды Соловьева и Федорова на дальневосточный вопрос, указывал, что апокалиптические настроения, нараставшие у философа богочеловечества на протяжении 1890-х годов, были связаны не с отходом от идеала того истинного, активного христианства, которому служил Соловьев на протяжении всей своей жизни (именно это объяснение, как мы уже говорили выше, зачастую доминирует в работах по эсхатологии Соловьева), а со все более углублявшимся разочарованием в ходе современной истории. Вся предыдущая деятельность философа была направлена на то, чтобы повернуть историю на Божьи пути здесь и теперь; в своей проповеди богочеловечества он ориентировался не на отдаленных и неизвестных потомков, а на конкретных, сегодняшних, ныне живущих людей. Упованием на то, что поворот истории к богочеловечеству осуществится еще в настоящем, одушевлены работы теократического периода: не случайно Соловьев «еще ранней весною 1889» года говорил Федорову о том, что для воссоединения церквей, открывающего, по его убеждению, эру богочеловеческого дела, достаточно 10–15 лет и потому эта задача должно быть признана приоритетной. Достаточно сильным это упование было и в 1890-е гг.: об этом свидетельствуют реферат «О причинах упадка средневекового миросозерцания» с его резкой критикой исторического христианства, призывом «создать христианство живое, социальное, вселенское», книга «Оправдание добра», «Воскресные письма».

Между тем подобная, в значительной степени утопическая, установка изначально была обречена на провал (кстати, об иллюзорности надежд на обращение мира одной лишь моральной проповедью неоднократно говорил и писал Федоров, главным образом, в связи с Толстым). Реальное развитие исторических событий 1890-х гг., вступая в явное противоречие с теократическими планами Соловьева, с его надеждой на скорое и повсеместное обращение мира на пути Христовы, необходимо должно было привести к разочарованию, к особенно острому сознанию разрыва между действительностью и идеалом (разрыва, рукотворно усугубляемого самим человеком) и – по закону маятника – к выводам прямо противоположным. То, как это происходило у Соловьева, хорошо иллюстрирует эволюция в его творчестве темы «Китай и Европа» и неразрывно связанной с ней темы панмонголизма.

Эта тема, рождавшаяся и развивавшаяся на фоне активной европейской и русской экспансии на Дальний Восток, отчетливо была заявлена в 1890 году, в одноименной статье «Китай и Европа». Осмысляя оппозицию «Восток–Запад» в плане религиозном, представляя оба мощных исторических региона в качестве носителей двух в корне различных духовных начал, воплощенных в буддизме с его отрицанием мира, идеалом нирваны, небытия, и христианстве, чающем всеобщего и абсолютного обожения, Соловьев полагал разрешение векового конфликта не столько на путях вооруженного столкновения, открытого противоборства, сколько на путях внутренней, духовной брани. Философ выдвигал задачу истинного миссионерства: Европа призвана стать просветительницей Востока и завоевать его духовно; но исполнить эту высокую миссию, подчеркивал он, она сможет только тогда, когда сама отречется от ложной цивилизации, от «языческого идеала», возродит в себе заветы «вселенского христианства».

Подобная трактовка темы «Восток–Запад» прямо перекликалась со взглядами на нее Федорова, полагавшего столкновение Запада и Востока в основу всемирной истории и выдвигавшего проект их примирения в общем воскресительном деле (см. III часть «Записки»). Не случайно, говоря о Китае, о религиозных основах китайского миросозерцания и жизнеустроения, Соловьев подробно касается «культа предков», подчеркивая важность и истинность нравственной идеи, лежащей в основе этого культа. И в то же время указывает на недостаточность одного лишь почитания ушедших, как бы глубоко оно ни было укоренено в сознании и культуре народа: любовь к предкам не должна ограничиваться одной лишь верой в их загробное существование; она не в том, чтобы сохранять в неизменности уклад жизни прошлых веков («Какая польза нашим предкам от того, что мы живем и умираем так, как они жили и умерли?»), а в том, чтобы реально спасти ушедших от смерти, приобщить их к «истинной жизни». «Если мы действительно привязаны к прошедшему, если мы глубоко любим предков, то мы должны стараться не о том, чтобы сохранять неизменно те старые формы жизни, при которых погибло то, что нам дорого, а, напротив, чтобы постоянно изменять к лучшему, совершенствовать нашу жизнь, пока не достигнем той полноты бытия, которая все совместит в себе и воскресит минувшее для вечной и истинно-неизменной жизни» (*Соловьев. 6*, 146). Противостояние Востока и Запада разрешается, таким образом, на путях восполнения духовных основ жизни того и другого региона до всеобъемлющей истины богочеловечества, на путях их взаимодействия и соработничества в деле осуществления конечных обетований христианства (подробнее см. об этом: Н. А. Сетницкий. Русские мыслители о Китае. (В. С. Соловьев и Н. Ф. Федоров). Харбин, 1926, с. 5–17).

Однако уже в данной статье возникает противоположный мотив – мотив угрозы Западу со стороны Востока, причем осуществление или неосуществление этой угрозы ставится в зависимость от того, по какому пути пойдет христианское человечество. Этот мотив укрепляется в стихотворении «Панмонголизм» (1894): грядущее нашествие с Востока предстает как кара России, отрекшейся от «завета любви», подобно тому, как в прошлом пала под натиском мусульманских полчищ Византия, когда в ней «остыл божественный алтарь». Характерно здесь не только сравнение России с Византией, но и короткое объяснение причин падения второго и третьего Рима: их отступление от Христа. Но разве можно говорить об отречении применительно к этим, сугубо православным, державам? Для Соловьева – можно, и смысл того, что следует разуметь под отступлением от христианства, он раскроет в статье «Византизм и Россия» (1896).

Почему пал второй Рим? Потому что не сделал истины христианской веры правилом жизни: «Византия, смирившись мыслью перед высшим началом, считала себя спасенною тем, что языческую жизнь она покрыла внешним покровом христианских догматов и священнодействий, – и она погибла». Соловьев говорит о ложном характере веры византийцев: «*...истинную идею они понимали и принимали неверно*. Она была только предметом их умственного признания и обрядового почитания, а не движущим началом жизни», «никакой высшей задачи для жизни общества и для государственной деятельности» Византия не выдвигала. Между тем «действительное правоверие и благочестие требуют, чтобы мы сколько-нибудь согласовывали свою жизнь с тем, во что верим и что почитаем» (*Соловьев. 7*, 285, 286).

Здесь Соловьев опять-таки в очередной раз следует Федорову, видевшему причины падения Константинополя именно в разрыве между верой и жизнью: сформулированные соборным творчеством Церкви догматы христианства остались здесь лишь «теорией, бездейственной в жизни», в результате чего и обряд стал мертвенной формой, и самая «жизнь, деятельность, отрешившаяся от заповеди, не поставившая себе целью исполнение

долга собирания для воскрешения, обратилась в языческую рознь, сделалась идолопоклонством (т. е. искренно, не лицемерно отдалась роскоши (ср. у Соловьева в “Панмонголизме” пассаж о “растленной” Византии. – *Сост.*)), реакциею против коего и явилось магометанство во всей его суровой простоте монизма, в этой реакции против исказившегося христианства и заключается смысл и сила магометанства» (Т. I наст. изд., с. 158–159; см. также далее с. 160-176).

В статье «Византизм и Россия» утверждается мысль о том, что Россия и Европа смогут предотвратить новое монгольское нашествие, только встав на путь истинного христианства, только перерождая свою социальную и государственную жизнь на началах соборности, руководствуясь идеалом «христианской политики», – в таком случае станет возможен благой исход истории. Если же европейская цивилизация не сбросит кумиры неоязычества, гибель ее неминуема.

К вопросу «Китай и Европа» Соловьев обращается и в статье «Смысл войны» (1895), вошедшей в книгу «Оправдание добра». Ряд формулировок философа: апелляция к «отцу истории» Геродоту, характеристика троянской войны как «начала земной, мирской истории человечества, которая во все свое продолжение вращается вокруг роковой борьбы между Востоком и Западом при все более и более расширяющейся арене» (*Соловьев. 8*, 438), – прямо перекликаются с началом III части «Записки» (см. Т. I наст. изд., с. 134–135, 146–148 и т. д.). Но если Федоров по-прежнему нацелен на поиск путей взаимодействия Востока и Запада, их примирение и плодотворное сотрудничество в общем деле, в котором смогут раскрыться лучшие духовные стороны и самобытные черты и европейского, и азиатского характера, то Соловьев все настойчивее говорит о предстоящем последнем столкновении между Востоком и Западом: «Эта предстоящая вооруженная борьба между Европою и монгольскою Азией будет, конечно, последнею, но тем более ужасною, действительно всемирною войною, и не безразлично для судеб человечества, какая сторона останется в ней победительницею» (*Соловьев*, *8*, 438). Философ постепенно уверяется в необходимости и неизбежности решающей схватки двух регионов, в очистительном огне которой, быть может, воссияет наконец истина будущего единения. Столкновение Востока и Запада постепенно приобретает у него апокалипсические черты. Отпадшее и упорствующее в своем отпадении человечество должно пройти сквозь своего рода «страшный суд» истории, суд не трансцендентный, а имманентный, чтобы опамятоваться и прийти, наконец, «в разум истины». В «Трех разговорах» уже прямо появляется определение «всемирной истории» как «всемирного суда Божия», – именно в свете этого определения и рассматривает Соловьев дальнейшие судьбы Востока и Европы (*Соловьев. 10*, 87).

Попутно отметим, что представление о «страшном суде» не как о событии постисторическом, а как о событии, совершающемся внутри истории, возникало в русской мысли и до Соловьева – и как раз у тех мыслителей, которые развивали идею истории как работы спасения (Ф. М. Достоевский, Ф. И. Тютчев). Так, например, Достоевский, проповедник идеи «вселенской общей гармонии всех племен по Христову, евангельскому закону», в политических обзорах, составлявшихся им в 1873 г. для журнала «Гражданин», предрекал Европе скорую и неминуемую схватку между католичеством и атеистическим социализмом, – схватку, которая станет своего рода возмездием для римской церкви, исказившей христианство, соблазнившейся идеалом земного владычества. Революционные и атеистические идеи несут в себе антихристианский идеал всеобщей сытости и «вековечной Вавилонской башни», и «первые битвы грядущего страшного нового общества против старого порядка вещей» уже «при дверях». Но будучи неминуемыми, эти битвы, по Достоевскому, являются и необходимыми, ибо именно они могут очистить и омыть западное человечество, не исполнившее своего христианского назначения. «Мир спасется уже после посещения его злым духом... А злой дух близко: наши дети, может быть, узрят его...» (*Достоевский. 21*, 201–204). Тютчев же писал о предстоящей «последней борьбе» между Западом и Россией, в которой, наконец, рухнет антихристианская цивилизация и воссияет очищенная и омытая от скверны истина Христова (Ф. И. Тютчев. Россия и Революция // Ф. И. Тютчев. Полное собрание сочинений. СПб., 1913, с. 295–307). Такая проекция страшного суда в историю вовсе не противоречит идее апокатастасиса, напротив: если суд совершается в пределах исторического времени, значит, проходя сквозь него, человечество имеет шанс одуматься и обратиться на Божьи пути.

Говоря о «Трех разговорах», не следует забывать, что это произведение создавалось в духовной атмосфере fin du siècle. На рубеже веков вопрос о выборе исторического пути – пути спасения или пути погибели – приобретал особенно интенсивное звучание, и далеко

не только у Соловьева. К примеру, для Федорова в конце 1890-х – начале 1900-х гг. вопрос о том, «будет ли наступающее столетие [...] веком Антихриста или [...] торжества христианства», также являлся одним из центральных (такая формулировка вопроса, кстати, была дана философом «всеобщего дела» в качестве отклика на «Краткую повесть об антихристе»). Но если Федоров, говоря об альтернативных возможностях разрешения этого вопроса, на первый план по-прежнему выдвигал эсхатологию спасения, то Соловьев склонялся к иному, катастрофическому варианту. И здесь позволительно спросить: на фоне нараставшей у Соловьева негативной оценки современной истории не была ли «Краткая повесть...» своего рода вынужденной «педагогической» мерой, к которой философ прибег, надеясь вразумить заблудший мир России и Европы методом «от противного», не было ли это пророчество Соловьева подобно тому пророчеству, которое в свое время произнес пророк Иона на град Ниневию, погрязший в смертном грехе, и которое, волею Божией, было снято с жителей города, покаявшихся от проповеди Ионы и обратившихся к праведной жизни? Сам Н. Ф. Федоров основывал идею условности апокалиптических пророчеств в том числе и на пророчестве Ионы, указывая на то, что и пророчество Ионы, и пророчества Христа «о разрушении мира», о страшном суде с последующим разделением человечества на спасенных и вечно проклятых (Мф 24:1–31; 25:31–46), и пророчества Апокалипсиса суть только угроза, а не фатальный приговор, и в случае обращения человечества могут быть сняты. Повторим, Соловьев хорошо знал эту идею Федорова, и его пророчества о панмонгольском нашествии и явлении Антихриста – также носят характер условности.

На это, помимо уже упоминавшихся нами слов г-на Z о великой, перерождающей силе «вдохновения добра», благодати, коль скоро она свободно избирается человечеством, указывает и тот факт, что «Три разговора» и «Краткая повесть об антихристе» писались в тот самый год, что и «Идея сверхчеловека» («Идея сверхчеловека» была напечатана в сентябре 1899 г., «Три разговора» – в октябре–ноябре 1899 и январе 1900 гг.). Стремясь показать в явлении ницшеанства симптом глубокого духовного брожения современного человечества, его неудовлетворенности наличным состоянием вещей, «всегдашним и всеобщим фактом нашего несовершенства», Соловьев подчеркивает, что «из окна ницшеанского “сверхчеловека” прямо открывается необъятный простор для всяких жизненных дорог», а уж приведут ли они к «озаренным вечным солнцем надземным вершинам» или же прямиком в геенну огненную, – это зависит только от выбора конкретного лица, от его нравственно-религиозной установки (*Соловьев. 9,* 267, 268). И если в статье «Идея сверхчеловека» философ очерчивает тот благодатный и спасительный путь, идя по которому человек и человечество подготовляют условия всеобщего перерождения, победы над грехом и смертью, то в «Краткой повести об антихристе» он представляет отрицательный предел, к которому равным образом может привести мечта о сверхчеловечестве, коль скоро она сопряжена не с возрастанием мира и человека к Богу, не с пониманием ответственности существа сознающего за спасение всей твари, а с гордынным самопревозношением, противящимся воле Творца.

Не следует забывать и о другом. Готовя отдельное издание «Трех разговоров», Соловьев поместил в конце этого издания ряд статей из цикла «Воскресные письма» (в их числе – все семь «Пасхальных писем»), отметив, что входящие в него статьи «дополняют и поясняют главные мысли трех разговоров» (*Соловьев. 10,* 91). Но ведь тональность «Воскресных писем» – иная, более близкая светлой тональности «Оправдания добра» и других сочинений Соловьева, раскрывающих идеал богочеловечества. Практически во всех письмах – где прямо, где подспудно, – проводится мысль о «предстоящем воскресении всего христианства», приуготовление к которому должно начаться здесь и сейчас, говорится о необходимости более глубокого и совершеннолетнего вникания в истину Откровения, «нового образа понимания, усвоения и осуществления вечного слова истины», о христианстве «понятном, осмысленном и оживотворенном», становящемся делом спасения от смерти («Христос воскрес»), обожения всех сфер человеческого бытия (там же, с. 42). Да, здесь возникают и темы, более полно и художественно развернутые в «Трех разговорах»: так, в пасхальном письме «Слепота и ослепление», написанном «В неделю о слепом», дается определение исторического процесса как «всемирного суда», но сам этот суд, подчеркивает философ, ведет не к катастрофе, а к окончательному прозрению той части человечества, которая сохранит в своем сердце «семя добра».

Публикация «Трех разговоров» совместно с «Воскресными письмами» как раз и давала возможность адекватного прочтения пророчества об Антихристе – это пророчество

неминуемо исполняется лишь в случае повсеместного отступления человечества от Христа и правды Его, отступления, которое проявляется в последовательной секуляризации сознания и жизни, в господстве материальной цивилизации, в оттеснении на задний план коренных вопросов человеческого бытия. Характерно, что, по Соловьеву, почву для явления Антихриста готовят всевозможные ложные идеи, владеющие массами и соблазняющие их (это идея линейного, впередсмотрящего прогресса; секулярная мечта о всеобщем единении «без Бога и без Христа» – если воспользоваться выражением Достоевского; идеал равенства и материального комфорта («всеобщей сытости»)), а также те религиозные и философские учения, которые утверждаются на почве сознательного спиритуализма: их адепты не верят в истину воскресения, в возможность «духовной телесности», отрицают материю как безусловное зло (наиболее ярким примером подобного антихристианского мировоззрения, по Соловьеву, являются буддизм и толстовство).

В таком повороте темы Антихриста философ также перекликается с Федоровым. Так, во второй части «Вопроса о братстве и родстве», читанной Соловьевым еще в конце 1881 г. («Предисловие к проекту»), Федоров писал: «Учение об обладании всею землею было усвоено не еврейством, а христианством, ибо воскрешением Лазаря и воскресением Христа положено начало дела, которое завершится всеобщим воскрешением, если вестники воскресения успеют объединить весь мир в деле воскрешения, т. е. если противник воскресителя Христа, Антихрист, не произведет разрыва. Противник же этот – буддизм, в коем сосредоточиваются, соединяются, дарвинизм и спиритизм, агностицизм, как продукт позитивизма, пессимизм Шопенгауэра, Гартмана и других, т. е. буддизм западный и восточный. В случае успеха этого антихриста и по христианскому учению останется место только трансцендентному воскрешению, как наказанию для всего вообще рода, а для виновников разрыва в особенности» (Т. I наст. изд., с. 86). И Соловьев в «Трех разговорах» и «Краткой повести об антихристе» отчетливо показывает, к каким катастрофическим последствиям может привести подмен христианской идеи, насколько губительны все прочие «идеалы», коль скоро они строятся «по мерке человека», заклинивая его в нынешней несовершенной, смертной природе, лишая необходимого восхождения, коль скоро они не подчинены единому и единственному высшему идеалу, полнота которого явлена лишь в «благой вести» Христа о воскресении умерших и Царствии Божием. Ведь идеал Антихриста есть именно идеал подменный – не случайны столь явные переклички в рассуждениях императора, желавшего быть «благодетелем» человечества, соединяя слабых, безвольных людей «благами, которые одинаково нужны и добрым, и злым», с речами Великого Инквизитора (на что в литературе о Соловьеве неоднократно обращалось внимание).

Разбирая позицию Соловьева в «Трех разговорах», необходимо учитывать и то, что это сочинение писалось *с полемической целью*. Причем объект полемики был вполне конкретен: Л. Н. Толстой и его учение – оно подвергалось Соловьевым критике и в прошлые годы, но теперь философ намерен был окончательно поставить точку в давнем споре. Полемическая задача, как и самый объект полемики, здесь вольно или невольно задают определенное направление и тональность мысли, заостряя те положения, которые в других статьях Соловьева высказаны гораздо более сдержанно. Кстати, то, как влияет на изложение мысли ее предмет, хорошо видно на примере тех статей Соловьева, где он касается проблемы сверхчеловечества. Тон и лексика разговора о сверхчеловечестве как бы уже предуказаны Ницше, и Соловьев невольно следует им, хотя содержание основного понятия у него целиком иное. Отсюда те избирательные, иерархические ноты, которые звучат в даваемом им определении «истинного сверхчеловека» (что, кстати, вызвало сильное неприятие Федорова – см. примеч. 304) и которые отсутствуют в других его сочинениях, где как раз подчеркивается соборный характер спасения. То же самое отчасти произошло и в «Трех разговорах»: в центр внимания поставлен не вопрос о благобытии и Царствии Божием, не проблема добра (как в «Оправдании добра»), а проблема зла, причем особо отмечена сила злого начала, «посредством соблазнов *владеющего* нашим миром». Подобная расстановка акцентов во многом объясняется именно полемической целью. В противовес Толстому с его учением о непротивлении злу насилием Соловьеву приходится педалировать силу зла в мире, искать аргументы в пользу того, что зло не искоренимо одной лишь моральной проповедью и для уничтожения его требуется активное, волевое противодействие со стороны человека и человечества, причем противодействие это не может ограничиться лишь областью нравственности. Зло должно быть побеждено в самом бытии, где оно царствует, проявляясь в виде болезней, всевозможных расстройств естественного природного процесса и, наконец, торжествуя в смерти, которая есть крайнее, безусловное

зло. А здесь уже не обойтись без принятия христианского идеала и без веры в Богочеловека, реально победившего смерть и давшего упование на грядущую победу над ней всему человечеству. Именно об этом постоянно говорят герои «Трех разговоров»: генерал и г-н Z, наиболее близкие автору.

Такой поворот проблемы зла, представший в полемике Соловьева с толстовством, опять-таки связывает его с Федоровым. В критике религиозно-нравственного учения писателя оба мыслителя стоят на одинаковых позициях. Их сближает коренное несогласие с толстовским пониманием христианства, фактически уничтожившим смысловое ядро «благой вести», не признавшим главного ее обетования: победы над смертью на всех уровнях материального бытия, всеобщего воскресения, причем не спиритуализированного, а духовно-телесного. Толстовское «Царство Божие на земле», в непреображенном, смертном порядке бытия, где «смерть всегда имеет силу безусловного закона», есть только «произвольный и напрасный эвфемизм для царства смерти», – писал Соловьев (*Соловьев. 10,* 185), как бы раскрывая тезис Федорова о том, что под идеалом Толстого, названным «святейшим именем – “Царство Божие”, скрыто желание самого величайшего зла человеческому роду» (Т. IV наст. изд., с. 22). Соловьев перекликается с Федоровым и в определении добра, в настойчиво проводимом убеждении, что истинное добро, освященное благодатью, должно быть способным к реальному преображению природного порядка вещей: «Царство Божие есть царство торжествующей чрез воскресение жизни – в ней же действительное, осуществляемое, окончательное добро» (*Соловьев. 10,* 184; ср. статью Федорова «Что такое добро» – Т. IV наст. изд., с. 27–29). Иначе «какая польза в этой эфемерной и поверхностной победе добра над злом, если оно торжествует окончательно в самом глубоком слое бытия, над самыми основами жизни», какая польза в единичной нравственной победе лица или в собирательной нравственной победе общества, если «настоящими-то победителями» в конечном счете оказываются «еще худшие, низшие, грубейшие микробы физического разложения» (*Соловьев. 10,* 183, 184). В противовес толстовскому «неделанию» и «непротивлению» Федоров и Соловьев выдвигают деятельную борьбу со злом, основание которой положено воскресением Христа, а завершение видится «в собирательном воскресении всех» (там же, с. 184).

Итак, анализ «Трех разговоров» выявляет целый ряд мировоззренческих позиций, бывших для Соловьева и Федорова общими. Кстати, философы федоровской ориентации, глубоко вникнувшие в логику мысли Федорова, А. К. Горский и Н. А. Сетницкий, это понимали и чувствовали (Горский, заметим, был убежденным соловьевцем). Тем не менее для исследователя, ставящего перед собой задачу развести двух мыслителей если не по разные стороны баррикад, то уж по крайней мере на почтительное и безопасное расстояние, чтоб уж никак не «замарать» возвышенного и сугубо христианского Соловьева идейным родством с «позитивистом и прагматистом» (!) Федоровым, «Три разговора» внешне представляют вполне благодатную почву. Одна работа на эту тему уже появилась. С. В. Казьмина, представив Федорова эдаким возрожденческим титаном, вытесняющим Бога из созданного Им мира, подробно анализирует «Краткую повесть об антихристе», с истинным увлечением выуживая из текста «подтверждения» своей концепции. И действительно – маг Аполлоний, орудие Антихриста, сводит и направляет по своей воле атмосферное электричество – ну чем не метеорологическая регуляция? А император-антихрист живет в «полухраме-полудворце» с «библиотеками, музеями и особыми помещениями для магических опытов»: «Что же это такое, как не ироническое переосмысление сути федоровского *музея*, грандиозного учреждения для занятий всего человечества и регуляцией природы и воскрешением мертвых?» – риторически вопрошает она (С. В. Казьмина. Философия Н. Ф. Федорова в контексте культуры русского возрождения // Вестник МГУ. Серия «Философия». 1997, № 3, с. 12). Тут мы можем даже посодействовать ретивой исследовательнице и внести свою малую лепту в ее изничтожение Федорова: император не просто живет во дворце с музеями, он еще и подписывает указ о создании в Константинополе «Всемирного музея христианской археологии» – вполне даже «федоровская» мечта о Всемирном Цареградском музее.

Примеры «антифедоровских» высказываний и мотивов у Соловьева, по мнению Казьминой, этим не исчерпываются. Маг Аполлоний отворяет двери «между земным и загробным миром», в результате чего получает широкое распространение «действительное общение живых и умерших, а также людей и демонов» и развиваются «новые, неслыханные виды мистического блуда и демонолатрии» (*Соловьев. 10,* 219). Для исследовательницы здесь – прямая полемика с Федоровым. «Вот что такое, по Соловьеву, воскрешение умерших земными средствами – без упоминания имени Федорова, чья философия вос-

принимается эсхатологом Соловьевым как один из грозных симптомов всеобщего конца» (С. В. Казьмина. Указ. соч., с. 12). Тут, правда, Казьмина делает досадную ошибку: она искренне убеждена, что позиция Князя в «Трех разговорах» – это позиция Федорова и что все речи г-на Z, таким образом, направлены против него, мнимого, безбожного учителя, не верящего в трансцендентное воскресение (так ли? – ведь верил, да еще как верил, в отличие как раз от Толстого), – ну да ведь и на старуху бывает проруха!

Но вернемся к примерам, приведенным С. В. Казьминой. В свое время Федоров хорошо показал «ценность» подобных «сближений» на примере отождествления христианской Троицы и индийской Тримурти: «...действительно, – восклицал он, – сходство поразительное – там *три* и здесь *три*...» (Т. I наст. изд., с. 404). В данном случае сходство отнюдь не большее. Ведь нельзя же, в самом деле, сопоставлять бесовские проделки мага Аполлония, отворяющего двери между загробным миром и миром живых, «мистический блуд и демонолатрию» падшего, предавшегося Антихристу человечества с той поистине боговдохновенной картиной, которая разворачивалась перед духовным взором Федорова, когда он писал о воскресительном деле, о творческом благобытии: «Способность же жить во всей вселенной, дав возможность роду человеческому населить все миры, даст нам и силу объединить миры вселенной в художественное целое, в художественное произведение, многоединым художником коего, в подобие Триединому Творцу, будет весь род человеческий в совокупности всех воскрешенных и воссозданных поколений, воодушевляемых Богом, или Духом Святым, уже не говорящим лишь, и притом чрез некоторых только людей и пророков, а действующим чрез всех сынов человеческих в их этической, или братской (супраморалистической) совокупности, – чрез всех сынов человеческих, достигающих божественного совершенства (“Будьте совершенны, как Отец ваш небесный совершен”) в деле, в труде восстановления мира в то благолепие нетления, каким он был до падения» (Т. I наст. изд., с. 401).

Теперь возьмем еще один, наиболее «выигрышный» для С. В. Казьминой пример. Аполлоний овладевает «полунаучным, полумагическим искусством направлять по своей воле атмосферное электричество». Но на что направляет он это искусство? На развлечение жаждущей зрелищ «толпы», а затем – на убийство старца Иоанна и папы Петра (спросим в скобках: дело регуляции у Федорова разве так и для того осуществляется: с помощью магических манипуляций, для развлечения, для убийства?). Комментируя проделки великого мага, сам Соловьев в «Предисловии» к «Трем разговорам» замечает: «Магическая и механическая техника этого дела не может быть нам заранее известна, и можно только быть уверенным, что через два или три века она уйдет очень далеко от теперешней, а что именно при таком прогрессе возможно будет для такого чудодея, – об этом я не берусь судить» (*Соловьев. 10*, 89). Казалось бы, спор с Федоровым налицо, – если только не принять во внимание того простого обстоятельства, что сам Федоров в заметках по поводу «Краткой повести...» разоблачает слугу антихриста, обращающего «орудие спасения в орудие казни». Проделки Аполлония смертоубийственны и безблагодатны – он служит не Христу, а Антихристу, – в этом и Соловьев, и Федоров солидарны.

Здесь, кстати, снова встает вопрос о том, расходились ли на самом деле оба мыслителя в своем отношении к науке и технике? Ведь Федоров никогда не признавал автономии научного и технического развития. И предполагал участие науки и техники (последней, кстати, до определенного временнóго предела, когда необходимость в технических «приставках» для человечества отпадет) в общем деле только под водительством церкви, при условии принятия ими активно-христианского идеала. Регуляция – дело не секулярное, а религиозное, богочеловеческое. И Федоров гораздо глубже других мыслителей русского религиозно-философского ренессанса провидел те опасности, которые может принести человечеству научно-технический прогресс, не подкрепляемый прогрессом религиозно-нравственным. Достаточно вспомнить его критику «адской технологии, производящей орудия истребления», в статье «Разоружение» (Т. II наст. изд., с. 274), филиппику по поводу американских опытов вызывания дождя («Взять привилегию на произведение искусственного дождя – это не только злоупотребление, это профанация, выражение самого крайнего нравственного и религиозного упадка. Они хотели быть подобными богам, оставаясь, пребывая в розни, как внушает сатана, а не подобными все в совокупности *Богу Триединому*, быть совершенными, как Бог Отец, по слову Спасителя» (Т. IV наст. изд., с. 19)). Или образ будущей «сциентифичной» битвы, появляющийся в «Записке от неученых к ученым» (Т. I наст. изд., с. 140, 147).

В «Трех разговорах» и «Краткой повести об антихристе» Соловьев стремится доказать и показать, что ни одно достижение человеческого ума, ни одно социальное установление, ни одно событие, совершающееся в мире, не имеет нейтрального характера. Оно так или иначе ориентировано в поле «добра и зла», и то, чему именно будет способствовать, делу жизни или делу погибели, зависит от свободного выбора человека и человечества, от того, насколько глубоко воспримет оно в себя Божий завет, насколько соделает свою собирательную волю орудием воли Творца. Это было коренным убеждением мыслителя, высказанным им, кстати, еще в «Оправдании добра» и в полемике с Чичериным, и не только не противоречило мысли Федорова, но полностью совпадало с ней.

Теперь остается неразрешенным еще один вопрос: о конечной эволюции Соловьева от «Трех разговоров» и «Краткой повести об антихристе», как своего рода христианской педагогики, как воспитательного (а потому условного) пророчества, к тому пессимистическому и катастрофическому умонастроению, которое безраздельно возобладало в последние месяцы жизни философа, найдя свое воплощение в письме в редакцию «Вестника Европы» «По поводу последних событий». Ведь если в конце «Трех разговоров» и возникает образ истории как «драмы», «уже давно написанной до конца», в которой «ни зрителям, ни актерам ничего [...] переменять не позволено» (*Соловьев. 10,* 220), то он уравновешивается иным сценарием, представленным в речах г-на Z. В письме же «По поводу последних событий» взгляд на историю как на уже сыгранную драму, в которой остался всего «один эпилог», воцаряется безраздельно, и нет ему никакой альтернативы.

В свое время Н. А. Сетницкий справедливо указывал, что подобная умоперемена далеко не в последней степени была вызвана обострением китайского вопроса и боксерским восстанием весны – лета 1900 г. И если ранее Соловьев мог смотреть на «Три разговора» «как на предостережение, на указание пути, грозящего европейскому человечеству лишь в случае бесповоротной нераскаянности», то после резкого поворота китайских событий, в которых он невольно увидел осуществление собственных «предчувствий и пророчеств», пророчество как угрозу сменило пророчество как приговор, который, увы, подписан и обжалованию не подлежит (Н. А. Сетницкий. Русские мыслители о Китае. (В. С. Соловьев и Н. Ф. Федоров), с. 25, 26).

Но, возможно, не только ход «последних событий» повлиял на предсмертное склонение Соловьева к безальтернативному, катастрофическому видению грядущего. Нельзя сбрасывать со счетов и причины личного характера. В. Л. Величко, хорошо знавший Соловьева (как, кстати, и Федорова), свидетельствовал, что к концу жизни «мысль о близости всеобщего конца с каждым годом все больше охватывала почившего мыслителя и высказывал он ее все более резко и нервно», при этом в качестве одной из причин подобного умонастроения биограф называл «постепенный упадок его здоровья» и «те душевные страдания, которые все росли, оставляя наглядный отпечаток даже на его внешности» (В. Л. Величко. Владимир Соловьев. Жизнь и творения // Книга о Владимире Соловьеве, с. 55). Практически все лица из близкого окружения Соловьева свидетельствуют о предчувствиях близкой смерти, которые владели философом в последние месяцы его жизни. Невольно вспоминается эпизод из романа А. Кима «Белка»: главный герой романа и художник Павел Шуран спорят о возможных губительных последствиях изобретения человечеством оружия массового поражения. Художник призывает Белку осознать грозящее «бессмысленное самоуничтожение человечеством самого себя» и призывает к немедленным действиям, а Белка отвечает на это: «Для каждого живого существа его смерть и есть водородная бомба». В случае с Соловьевым невольно приходят на ум слова: «Для каждого живого существа его смерть и есть конец истории».

Характерен в этом смысле разговор, который ведут участники бесед «под пальмами», пока г-н Z ходит за рукописью «Краткой повести...». Политик недоумевает: «Не знаю, что это такое: зрение ли у меня туманится от старости, или в природе что-нибудь делается? Только я замечаю, что ни в какой сезон и ни в какой местности нет уж теперь больше тех ярких, а то совсем прозрачных дней, какие бывали прежде во всех климатах». Ему вторит дама: «А я вот с прошлого года стала тоже замечать, и не только в воздухе, но и в душе: и здесь нет “полной ясности”». Когда князь-толстовец пытается возражать: «Нет, я ничего особенного не замечал: воздух, кажется, как всегда», генерал отвечает ему весьма примечательным образом: «Да вы слишком молоды, чтобы заметить разницу: сравнивать вам не с чем. [...] Что мы стареем – это несомненно; но и земля ведь тоже не молодеет: вот и чувствуется какое-то обоюдное утомление» (*Соловьев. 10,* 192, 193). Замечание старого гене-

рала об «обоюдном утомлении» его, стоящего на пороге смерти, и земли, стоящей на пороге конца, говорит о многом...

Вдумаемся в биографию Соловьева. Юность, полная надежд, готовая свернуть горы. Окрыленность мысли и чувства. Мечта о примирении религиозной веры с философией и наукой. В письмах кузине Е. Романовой молодой философ восклицает: «Я не признаю существующего зла вечным, я не верю в черта!» (Соловьев. Письма. Ш, 88, письмо от 2 августа 1873). Ослепительный взлет молодости, блестящая защита, он – восходящая звезда. Мистический опыт. Триумфальные лекции, на которые стекались сотни людей, восхищенно внимавшие его вдохновенному слову. Уже в 1870-е гг. Соловьев в полной мере ощущает свою миссию – миссию пророка. Он – не грозный, он светлый пророк, пророк всеединства и богочеловечества. В 1882 г., после встречи с Федоровым, он горит желанием сделать идеи мыслителя всеобщим достоянием, видя себя в качестве их проповедника. И в дальнейшем тема пророческого служения лейтмотивом проходит в его философском творчестве. Когда в статьях о соединении церквей Соловьев говорит о трех властях, на которых воздвигается здание всемирной теократии: священнической, царской и пророческой, – раскрывая высокую учительную миссию последней, он не может где-то в потаенной глубине сердца не примеривать ее на себя – тем более, что достаточно долго надеется на возможность осуществления теократии еще при жизни своей (вспомним опять-таки эти «10-15 лет», необходимых для реализации идеи соединения церквей, из его разговора с Федоровым). В статье о Лермонтове, относящейся к концу 1890-х годов, он утверждает особую ответственность перед Богом и людьми всякого гения, наделенного недюжинными талантами, который должен сознать свое назначение «могучего вождя людей на пути к сверхчеловечеству» (Соловьев. 9, 359). И, осуждая Лермонтова за то, что тот принял отпущенный ему дар «как право, а не как обязанность, как привилегию, а не как службу», себя самого не мог не считать исполнившим данное ему Богом назначение. Как вспоминал Величко, Соловьев «глубоко верил в себя как в проповедника и не отделял себя от той идеи, которой служил» (В. Л. Величко. Указ. соч., с. 62). Потому-то так любил подчеркивать, когда сбывались его предвидения и пророчества, упоминая об этом и в личных беседах, и в печати. Но если основная тональность этих предвидений и пророчеств в 1870–1880-х гг. была светлой, озаренной сияньем Небесного Царствия, то в 1890-е гг. она постепенно меняется на прямо противоположную. Крах упований на скорое обращение человечества под воздействием его вдохновенной проповеди не прошел бесследно. И чем ближе к естественному концу жизни, к своему собственному апокалипсису, тем отчетливей в его философской проповеди катастрофические мотивы. Он остается пророком, но уже пророком грозящим, предвещающим кару за отступничество и перед лицом собственной смерти выносящим приговор истории, так и не внявшей его идеям, упорствующей на ложном пути.

Кстати, Федоров, отрицательно относившийся к подобного рода мессианским претензиям Соловьева, так охарактеризовал эту грань личности философа: «Соловьев во всю жизнь хотел быть сверхчеловеком: то – медиумом, то – каббалистом, то, наконец, – пророком. “Чем должны быть провозвестники долга воскрешения?” – спрашивал Соловьев; но полученный им ответ: “Ничем особенным и ничем обособленным” его не удовлетворил – неужели потому, что в таком случае пришлось бы отказаться от всяких привилегий, тогда как он даже в посмертно опубликованной статье о Лермонтове дарует привилегию бессмертия лишь сверхчеловеку. Как и Толстой, он решительно не понимал безусловной скромности: не выдвигаться, не выставляться, стушевываться» (Т. II наст. изд., с. 183).

Итак, в конечной эволюции взглядов Соловьева, его позиции по вопросу о конце истории нельзя не учитывать личный, психологический момент. Это, как видим, хорошо понял Федоров. Он почувствовал и финальный надлом в миросозерцании философа, приведший его в конечном итоге к практически безальтернативному историческому сценарию. Подчеркнем, это был именно надлом, а не слом, могущий разрушить самый нерв философствования Соловьева – идею богочеловечества. Если бы Соловьев окончательно отрекся от этой идеи и безоговорочно принял вариант катастрофизма, то его реакция на китайские дела не была бы столь болезненной. «Это – крик моего сердца. Мое отношение такое, что все кончено; та магистраль всеобщей истории, которая делилась на древнюю, среднюю и новую, пришла к концу... [...] Кончено все!.. И с каким нравственным багажом идут европейские народы на борьбу с Китаем! Христианства нет, идей не больше чем в эпоху Троянской войны», – так передавал его слова, сказанные менее чем за две недели до смерти, С. Н. Трубецкой (С. Н. Трубецкой. Смерть В. С. Соловьева 31 июля 1900 г. // Книга о Владимире Соловьеве, с. 293–294). Если так уж он был убежден в фатальности приговора, то не мучился бы и не скорбел, а положился на волю Божию, ибо что быть должно, то быть

должно. Философ же воспринимал себя как глас вопиющего в пустыне, главная мука которого именно в знании -- в знании того, что человечеству дан шанс избегнуть антихристовой тьмы, а оно от него отворачивается (говоря словами Ф. Глинки: «Как странно ныне видеть зрящему / Дела людей», или А. Майкова: «Но грустно зрячему бродить между слепых, / Твердить: поймите лишь – и будет вам прозренье!»).

«Трем разговорам» и входящей в них «Краткой повести об антихристе» Федоров посвятил ряд заметок и черновых набросков, рассматривая это произведение в свете собственных историософских идей. Несмотря на близость с Соловьевым в целом ряде исходных полемических установок (критика толстовства, буддизма, ложно направленной современной цивилизации и т. д.), Федоров в целом не принял соловьевской «отрицательной педагогики», подчеркивая, что философ «грешит отсутствием упования», разочарованием в возможности повернуть историю на Божьи пути. «Три разговора» были восприняты Федоровым как измена мыслителя самому себе, тому богочеловеческому идеалу, которому служил он в течение всей жизни. Отсюда – резкость и горячность тона заметок о «Трех разговорах»: мыслитель стремится переубедить Соловьева, предостеречь от окончательного скатывания в катастрофизм, вернуть поколебавшуюся веру в возможность благого исхода истории. В его статьях и заметках дан тонкий анализ слабых сторон апокалиптического катастрофизма, рождающего тот самый пессимизм, который явился, по Федорову (и Соловьеву), одной из опор антихристианского мировоззрения. У Соловьева, считает мыслитель, ослаблен творческий, созидательный смысл «благой вести». Торжествует Антихрист, но нет Христа. Более того, усиление темных, разрушительных, сатанинских сил в мире потому и возможно, что бездействуют силы разумные, что человечество не ставит своей задачей овладение силами природы, их регуляцию, просветление и одухотворение материи.

В своих заметках о «Краткой повести...» Н. Ф. Федоров намного более явно и отчетливо, нежели Соловьев, противопоставлял два пути истории: отрицательный, катастрофический, представленный философом в «Краткой повести…», и созидательный, творческий, богочеловеческий. Содержание этого второго пути – преображение мира и человека, победа над смертью, воскрешение умерших (отсюда в его заметках появляется тема кладбищ и их священной роли – ныне они места последнего упокоения, а в будущем станут центрами возвращения жизни, воскрешения). И ведет этот путь ко всеобщему спасению, к апокатастасису, венчающему благой исход истории, когда даже сатана получает прощение и может быть воссоединен со своим Творцом. Мысль об апокатастасисе у Федорова остается центральной даже несмотря на господствующее умонастроение fin du siècle. Приводя в одном из писем Кожевникову (21 марта 1899) текст «молитвы за угнетателей» у сирийцев-несториан, возносящих свои прошения не об осуждении, а «об оправдании и спасении», мыслитель замечает: на основании этой молитвы «можно молиться о спасении Антихриста» (Т. IV наст. изд., с. 377, 495).

Повторим, отрицательное отношение к «Трем разговорам» не означало того, что сам Федоров был чужд критики господствующих ложных идей, секуляризованной мысли и культуры. В конце осени – начале зимы 1899 г. он обсуждает с Кожевниковым возможность опубликования статьи «Выставка», в которой как раз было представлено «наглядное изображение культуры, цивилизации и эксплуатации», изнанка торгово-промышленной цивилизации, обоготворившей «суету сует», служащей богу комфорта. Но в той же статье одновременно с критикой был дан и положительный идеал, и заявлен он был не под сурдинку, как в «Трех разговорах», а равномощно: конец статьи был исповеданием активного христианства, христианства как «всеобщего дела». По глубокому убеждению мыслителя, именно в духовной ситуации «конца века», когда будущее столь неопределенно, а настоящее чревато разрывами, особенно важно ясное и смелое указание на дело Христово, заповеданное человечеству. Эту мысль Федоров выражает в заметке «Кончилась ли всемирная история?», появившейся в журнале «Русский архив» в октябре 1900 г. и посвященной письму «По поводу последних событий».

Федоров опровергает безусловные пророчества Соловьева также исходя из «последних событий», но только из событий, развернувшихся уже после смерти философа. Пораженный успехами восставших боксеров в мае 1900 г., Соловьев в очередной раз изрек пророчество о последней битве Востока и Запада и неминуемом конце истории, – прошло всего несколько месяцев, и эти пророчества стерлись и потускнели, опровергнутые самой историей: восстание было страшно и жестоко подавлено, а германские карательные войска, отправку которых

в Китай так приветствовал Соловьев, хотя и отличились кровавыми и бессмысленными расправами, но отнюдь не снискали себе славы новых крестоносцев.

Предостерегая от гипноза «конца истории», Федоров призывает «верить в то, что конец всемирной истории еще не настал, что смертный приговор над человечеством еще не произнесен бесповоротно и безусловно» (Т. IV наст. изд., с. 76), призывает видеть иной, ободряющий смысл в том факте, что вся земля ныне освоена и стала известною. Включение всей земли в область «всемирной истории» облегчает задачу собирания, объединения во всеобщем деле: будущее покажет, сумеет ли человечество использовать отпущенный ему шанс, – но отнимать у него такую возможность, пророчествуя о близком конце, никто из нас не имеет права, коль скоро Сам Господь откладывает суд Свой.

На протяжении четверти века Федоров внимательно следил за творчеством Соловьева. Написанные им статьи и заметки касаются основных крупных работ, а также больших и малых статей философа, начиная с «Кризиса западной философии» и кончая «Тремя разговорами» и письмом «По поводу последних событий». Часть этих статей и заметок была опубликована в Т. II наст. изд. (с. 136–140, 169–183); остальные печатаются в Т. IV. Кроме того, о Соловьеве идет речь в статье «Супраморализм» (с. 418–421), а вторая часть статьи «Проект соединения церквей» посвящена, как мы уже упоминали, разбору реферата «О причинах упадка средневекового миросозерцания».

Подавляющая часть заметок Федорова о Соловьеве носила черновой характер и не была предназначена для печати (лишь статья «Кончилась ли всемирная история», написанная Федоровым совместно с Кожевниковым, увидела свет; кроме того, мыслитель, по всей видимости, одно время надеялся опубликовать статью «Проект соединения церквей» – в 1895 г. он собрался отправить ее к А. А. Кирееву). Многие из них писались по следам чтения Соловьева и являются непосредственным, живым откликом; зачастую им свойственна краткость, конспективность, отдельные положения даются в форме тезисов, иногда мысль обрывается на полуслове. Некоторые заметки носят характер воспоминаний и касаются важных моментов истории взаимоотношений двух мыслителей («В конце сентября 1881 познакомился с Толстым...», «Еще раннею весною 1889 Соловьев говорил...»).

Общая черта всех заметок – чрезвычайно пристрастное отношение к творчеству Соловьева: в оценке его идей Федоров очень резок. Причем резок зачастую именно там, где Соловьев ему самому особенно близок. Порой даже создается впечатление, что мыслитель сознательно не замечает обоюдного сходства. И надо сказать, резкость и безапелляционность федоровской критики служила и служит одним из опорных аргументов тем исследователям, которые предпочитают дистанцировать Соловьева от Федорова: как же, сам «учитель» открещивается от «ученика», обвиняя его в непонимании учения! (именно таким доводом в свое время Е. Н. Трубецкой «сражал» Н. П. Петерсона).

Кроткий и уступчивый в личных отношениях, Федоров становился непримирим, когда дело касалось учения «всеобщего дела», особенно с близкими людьми (Кожевниковым, Петерсоном) или с теми, от которых сама их духовная высота заставляла требовать многое, – а к таким людям как раз и принадлежал В. С. Соловьев (так же как и Л. Н. Толстой, и Ф. М. Достоевский). Тут – как в евангельском предупреждении об особой ответственности тех, кому, в отличие от непросветленно-«невинных», была открыта истина. От них Николай Федорович по отношению к учению «всеобщего дела» не признавал ничего среднего между «да» и «нет».

Резкость и пристрастность оценок Федоровым Соловьева имела своей причиной (как это ни парадоксально) именно глубинное родство их религиозно-философских идей. Соловьева Федоров считал тем мыслителем, который не просто глубоко вник в учение активного христианства, но и почувствовал его духовно близким себе, увидел в нем новый этап в Богопознании. Но то, каким именно образом претворялись в сочинениях Соловьева идеи этого учения, Федорова не удовлетворяло. Не удовлетворяло прежде всего из-за характера их изложения. Мышление Федорова – мышление проективное, мышление Соловьева – мышление философское; в его творчестве состоялся, по точному определению Федорова, перевод учения о воскрешении «на философско-мистический язык». Но такой перевод – и Федоров это чувствовал – фактически сводил на нет конкретное, деловое со-

держание учения: воскрешение из дела жизни превращалось в философию, в еще одно видение мира в ряду других почтенных философских систем.

То, насколько отвлеченными и ни к чему не обязывающими выглядели у Соловьева некоторые федоровские идеи, хорошо демонстрирует пример из работы «Смысл любви». В близком мыслителю духе говорит Соловьев о человеке как сознании природы, задача которого – в собирании и преображении себя и вселенной, в осуществлении всеединства. И указывая при этом на невозможность достичь сизигической полноты при существовании смерти, замечает: «Истина, не помнящая родства, не есть истина» (*Соловьев. 7,* 14*)*. В самой этой фразе отчетливо видна разница в направлении мысли Соловьева и Федорова. Именно у Федорова автор «Смысла любви» постоянно должен был сталкиваться с его излюбленным разоблачением «блудных сынов» современного торгово-промышленного общества, бродяг, «не помнящих родства», пирующих на могилах отцов. Грех и долг живущих определяется Федоровым точно и конкретно: забвение предков, хамитизм – и необходимость культивирования памяти об ушедших, любовного изучения их, как подготовки к их возвращению к жизни и, наконец, самого воскрешения. «Братья мы лишь по любви к отцам», – проницательно указывается корень раздирающей мир «неродственности» и путь выхода из этого состояния. Соловьев, со своей стороны, принимает мысль Федорова, но выражает ее в таком общем, отвлеченном («истина, не помнящая родства...»), «немецком» виде, что она из побуждения к конкретному делу переходит в уютную область философии, созидания головных духовных замков. Такой выбор, конечно, безопаснее, «никто тебя не засмеет», написанные страницы послужат привычному делу: развитию логики, ума, способности к благородному парению.

Многие проблемы активного христианства выставлены у Соловьева, возможно, чувственно богаче, «художественнее», чем у Федорова, но сама укутанность их в образ, особенно в последних решающих выводах, скрывает сами эти выводы, размазывает их в метафорическое «как бы», в мистические порывы. Так их, кстати, в большинстве своем восприняли современники, так же трактуют и потомки. Фактически Соловьев говорит то же, что Федоров, но зачастую, не зная последнего, понять первого в его истине, т. е. в том, что он сам хотел сказать, трудно. На точном федоровском фоне, на его экране проецируясь, стилистически эффектные перистые облака фраз и периодов Соловьева наливаются жизнью, тяжелеют верным значением. Это прекрасно почувствовал и выразил такой тонкий аналитик, как С. Н. Булгаков, в своей статье «Загадочный мыслитель» (1908).

Главный упрек Федорова Соловьеву – в том, что последний остался только философом, что он не признал огромной теоретической ценности реалистического мышления, делового проектирования в области, традиционно считающейся метафизической, вернее, опасался, что здесь подобное проектирование покажется безумием «культурным» умам, привыкшим к рубрикациям: проект – это для промышленности и торговли, Царствие Небесное – для медитации и богословско-философских рассуждений. Он как бы испугался юродивого, великого безумия потаенного Учителя и сам, не желая того, послужил этой «культурной» логике округленно-симметричными периодами своих отвлеченных переложений идей «всеобщего дела».

Во многом именно этим отсутствием в сочинениях Соловьева деловой проектики объясняется столь резкая критика Федоровым его «мистицизма». Эта критика «мистицизма Соловьева» в сочетании с подчеркнутым выдвижением вперед проблемы регуляции природы, раскрываемой на примере конкретных проектов, таких как вызывание дождя методом взрыва в облаках, часто давала и дает повод исследователям обвинять Федорова в техницизме, невосчувствии мистической стороны христианства, принижении роли внутреннего духовного делания. Но прежде чем множить подобные обвинения, следует, во-первых, не забывать о том реальном контексте, в котором выдвигал мыслитель в 1891 г. проект искусственного дождевания (неурожай от засухи в Европе и голод в России, уносивший человеческие жизни), а во-вторых, уяснить, что́ значит для Федорова понятие регуляции в его полном объеме: это процесс коренного преображения мира и человека, затрагивающий все уровни бытия, когда дух овладевает и управляет материей, что на богословском языке означает ее обожение. И этот процесс принципиально двуедин: регуляция внешнего мира неразрывно связана с регуляцией самого человека, регуляция человеческой физики – с регуляцией внутренней, душевной сферы. Так это понимал Федоров. И для него был категорически неприемлем перекос ни в ту, ни в другую сторону. Недаром столько места в его сочинениях занимает критика техницизма, орудийной, «протезной» цивилизации, расширяющей призрачную мощь человека над природой, оставляя неизменными внутренние ее законы, не касаясь фундаментального «не-

братства вещества»; в противовес машинному прогрессу он выдвигал задачу внутренней, психо-физиологической регуляции, неразрывной с воспитанием души и духа, с внутренним, духовным деланием. Но точно так же он был глубоко убежден, что одно внутреннее, духовное делание, не подкрепленное «организацией мировоздействия» (по выражению философа А. К. Горского), чревато потерей духовного трезвения, уходом в болезненный, надрывный мистицизм (а он является не меньшим соблазном, чем одностороннее развитие техники, не сопряженное с возрастанием человека «в духе и истине»).

Текст первой заметки блока статей и заметок Федорова о В. С. Соловьеве печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 30, л. 2 об. (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 3, ед. хр. 4, л. 402). Ранее опубликовано: *Контекст 1988*, с. 324. – *48*.

[176] О переписи населения Москвы, состоявшейся 23–25 января 1882 г., и об участии в ней Л. Н. Толстого см. примеч. 67. – *48*.

[177] Федоров имеет в виду обращение Соловьева к теме соединения церквей, при условии признания православной церковью авторитета римского первосвященника. В печати тема преодоления церковного раскола была заявлена Соловьевым в 1883 г. в работе «Великий спор и христианская политика» и в третьей речи в память Ф. М. Достоевского, произнесенной 19 февраля 1883 г. и напечатанной в № 6 газеты «Русь». – *48*.

[178] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 46 (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 341). Заметка написана по поводу шестой главы работы В. С. Соловьева «Великий спор и христианская политика», открывшей серию сочинений философа по вопросу о соединении церквей (о самой работе и отношении к ней Федорова см. в примеч. 175). В конце этой главы Соловьев, говоря о пагубных последствиях церковного раскола, писал: «Византизм восстал против усиленной централизации Рима. Он был бы вполне прав, если бы помимо римской централизации мог дать церквам деятельное и крепкое единство для общего дела. Но он этого сам не мог. Церкви остались разделенными, и последствия этого разделения доселе парализуют историческую силу христианства, и перед нами, по-видимому, стоит дилемма: или принудительная централизация Рима, или отсутствие церковного единства» (*Соловьев. 4*, 101). – *48*.

[179] Шестая глава работы В. С. Соловьева «Папство и папизм. Смысл протестантизма» была напечатана в № 18 газеты «Русь» за 1883 г. с обширными полемическими примечаниями прот. А. М. Иванцова-Платонова, проф. Московского университета по кафедре церковной истории. Критически оценивая тезис В. С. Соловьева о верховном авторитете римской кафедры, А. М. Иванцов-Платонов указывал на то, что главным церковным авторитетом и в нераздельной церкви первых десяти веков, и в Восточной церкви после раскола был и остается Вселенский собор и что «нам нужно скорбеть не столько об отсутствии внешней централизации в смысле западном, сколько об ослаблении древнего соборного начала и живого взаимообщения между поместными православными церквами». В следующем номере газеты были помещены «Несколько объяснительных слов» В. С. Соловьева на примечания своего оппонента и ответ на это объяснение А. М. Иванцова-Платонова, который, согласившись с тем, что «соединение Церквей – дело великое, и давным-давно многие умы и совести» им заняты и желают его решения «на твердой почве вселенского христианства», вновь отверг заявленный В. С. Соловьевым в VI главе его работы тезис о «принудительной централизации Рима». Тем не менее, несмотря на присутствовавшую в примечаниях и ответе Соловьеву мысль о главенстве в Церкви соборного начала, А. М. Иванцов-Платонов не выдвинул идею Вселенского собора как возможного пути обсуждения спорных вопросов между Западной и Восточной церквами, что и вызвало нарекания Федорова. Кстати, сам Соловьев в последней главе работы («Общее основание для соединения церквей»), появившейся в № 23 газеты «Русь», в качестве первого практического шага к соединению указал на необходимость «вновь пересмотреть все главные спорные вопросы между двумя церквами не с полемическими и обличительными целями, как это делалось доселе, а с искренним желанием *вполне понять* противную сторону, оказать ей *всю справедливость* и, в чем должно, *согласиться* с нею» (*Соловьев. 4*, 112).

В заметке Н. Ф. Федорова очерчены контуры идей мыслителя о соединении церквей и назначении Вселенского собора, развитые позднее в работах «Собор» и «Проект соединения церквей». – *48*.

[180] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 37 (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 320–321). Заглавие заметки дано В. А. Кожевниковым.

Заметка должна быть датирована 1883–1884 гг. и связана с полемикой в печати вокруг работы В. С. Соловьева «Великий спор и христианская политика».

В настоящее время удалось установить источник лишь одной соловьевской цитаты, приведенной Федоровым в данной заметке (см. примеч. 184). Источник остальных цитат не установлен (при поиске были привлечены: «Собрание сочинений» В. С. Соловьева в 10-ти тт., дополнительные 11 и 12 тт., вышедшие в Брюсселе, прижизненные газетные и журнальные публикации, современные издания работ Соловьева, а также новейшие архивные публикации). Исходя из того, что одна из приведенных Федоровым цитат взята из работы «Великий спор и христианская политика», можно выдвинуть две гипотезы. С одной стороны, Федоров мог иметь дело с каким-то рукописным фрагментом этой работы, переданным ему Соловьевым при личной встрече (возможно, это был первоначальный текст главы «Разделение церквей», который, как известно, не был напечатан и подвергся под давлением И. С. Аксакова значительному сокращению и переделке). С другой стороны, речь может идти о каком-то отклике Соловьева на возражения его оппонентов, который либо не получил выхода в печать, либо пока не обнаружен историками. – *49.*

[181] Федоров вкладывает эту фразу в уста Иоанна Богослова, руководствуясь первым соборным посланием апостола, раскрывавшим Христову заповедь о любви к Богу и ближнему. – *49.*

[182] Цитата из стихотворения А. А. Фета «Сонет» (сообщено *М. Л. Гаспаровым*):

Когда от хмелю преступлений
Толпа развратная буйна
И рад влачить в грязи злой гений
Мужей великих имена, –

Тогда сгибаются колени
И голова преклонена;
Зову властительные тени
И их читаю письмена

В тени таинственного храма
Учусь сквозь волны фимиама
Словам наставников внимать [...]

Данное стихотворение, первоначально опубликованное в «Русском Вестнике» в 1866 г., вошло в сборник «Вечерние огни», вышедший в свет в 1883 г., – это еще одно подтверждение датировки комментируемой заметки 1883–1884 гг. – *49.*

[183] Источник цитаты не установлен. – *49.*

[184] Цитата из работы В. С. Соловьева «Великий спор и христианская политика»: глава «Византизм и русское староверие. Народность в церкви» *(Соловьев. 4,* 63). – *49.*

[185] Источник цитаты не установлен. – *49.*

[186] Федоров имеет в виду послание св. апостола Павла к Римлянам, помещаемое в тексте Нового Завета первым среди его посланий, поскольку в нем ап. Павел наиболее полно изложил свое богословское учение. Центральная тема послания – вопрос о законе и благодати, причем «благая весть миру» поставляется выше ветхозаветного закона: закон имеет лишь временное педагогическое значение, новозаветная же эпоха стоит уже не под знаком закона, а под знаком веры, свободного благого избрания. – *50.*

[187] Эта и две следующие цитаты, по всей видимости, взяты Федоровым из разбираемой им статьи Соловьева. Обращает на себя внимание резкость оценок, даваемых В. С. Соловьевым константинопольским патриархам *Фотию* (ок. 810 или ок. 820–891) и Михаилу *Керулларию* (ок. 1000–1058), церковная политика которых способствовала углублению конфликта между Римом и Византией, что в конечном итоге привело в 1054 г. к разделению церквей. В печатном тексте работы «Великий спор и христианская политика» Соловьев гораздо более сдержан. – *50.*

[188] В мае 1054 г. в Константинополь для выяснения отношений между римской кафедрой и византийским патриархатом прибыли римские легаты во главе с кардиналом Гум-

бертом. Однако после нескольких примирительных шагов патр. Михаил Керулларий прервал переговоры, сочтя позицию Рима чересчур ультимативной. В результате 16 июня римские легаты во время богослужения в Софийском соборе положили на престол св. Софии акт отлучения константинопольского патриарха и его приверженцев и на следующий день покинули Константинополь. В свою очередь Михаил Керулларий на созванном поместном соборе произнес анафему против легатов и призвал христианский Восток воздерживаться от церковного общения с Римом. – *50.*

[189] С 1866 г. археолог, публицист и издатель Алексей Алексеевич *Гатцук* (1832–1891) предпринял ежегодное издание так называемого «Крестного календаря», содержавшего месяцеслов православной церкви, а также ряд сведений справочного характера (от текущих распоряжений правительства до летописи важнейших событий русской истории, агиографии, народной метеорологии, медицины и т. д.). Издание носило общедоступный характер и первые десять лет расходилось тиражом свыше 100 тыс. экземпляров. В месяцеслове и алфавитном списке святых, помещавшихся Гатцуком в «Крестном календаре», имя патр. Фотия отсутствовало. Однако в фундаментальном труде по агиологии богослова и историка церкви, в 1880-х гг. епископа Ковенского и Могилевского, *Сергия* (Спасского) (?–1904) «Полный месяцеслов Востока. Т. 1. Восточная агиология. Т. 2. Святой Восток» (М., 1875–1876), содержавшем данные о всех святых, чтимых в греческой, славянских, а также грузинской православных церквах, патр. Фотий был упомянут: день его памяти – 6 февраля по ст. стилю. – *50.*

[190] Речь идет о так называемом «разбойничьем» соборе, состоявшемся в 449 г. в Эфесе, на котором восторжествовала партия монофизитов, выступавших против признания равноправности Божественной и человеческой природ во Христе. Одним из основных аргументов, на которые опирался собор в своих решениях, было требование III Вселенского собора 431 г. не вводить ничего нового сравнительно «с верой 318 отцов», т. е. с постановлениями I Вселенского собора, утвердившего христианский «Символ веры». – *50.*

[191] В первое воскресенье Великого Поста, так называемую «Неделю Православия», когда вспоминается окончательное торжество христианской церкви над иконоборчеством, на богослужении читается Синодик, содержащий анафемы вероотступникам. – *51.*

[192] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 109 (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 397–399). Статья В. С. Соловьева «Еврейство и христианский вопрос», напечатанная в №№ 8, 9 журнала «Православное обозрение» (отд. отт. – М., 1884), рассматривала еврейский вопрос в перспективе представления о конечных целях истории. Еврейский вопрос, по убеждению Соловьева, разрешится окончательно лишь в универсальном христианстве, когда все народы примирятся на пути к «совершенному богочеловечеству» и индивидуальность каждой нации получит благое раскрытие в теократической общности. С точки зрения своего учения о теократии философ рассматривал в статье и религиозно-исторические судьбы русского и польского народов, выдвинув в третьей главе статьи – «Судьбы еврейской и христианской теократии. – Россия, Польша и Израиль» – тезис о «духовном соединении» «трех теократических народов», доселе связанных лишь внешними узами, «в одной всеобъемлющей теократической идее, несмотря на разделяющую их доселе вражду» (*Соловьев. 4,* 172). При этом польскому народу, по мысли Соловьева, предстоит примирительная посредническая миссия между западноевропейским католичеством и русским православием, «между папой и царем», которая должна заменить его бесплодные национально-политические притязания.

Заметка Н. Ф. Федорова касается прежде всего третьей части статьи В. С. Соловьева. Нужно сказать, что в самой статье было немало близких Федорову положений – и утверждение «совершенного богочеловечества», «создания новой земли, идеже правда живет» как задачи христианского делания в мире, и прозвучавший в конце статьи тезис о том, что «в теократии [...] цель экономической деятельности есть *очеловечение* материальной жизни и природы, устроение ее человеческим разумом, одушевление ее человеческим чувством» (там же, с. 185). Однако в данном случае Федоров ведет речь не о конечном идеале. Религиозно-философские рассуждения Соловьева о теократическом призвании Польши и еврейства он оценивает конкретно-исторически, исходя из наличного состояния польского и еврейского вопросов в России XIX в., подчеркивая неукорененность соловьевского замысла в реальной истории и указывая на те последствия, которые может иметь для страны буквальное его осуществление.

Объектом полемического внимания Федорова стали по преимуществу те фрагменты третьей части статьи, в которых Соловьев рассматривал «жизненный строй» России и Польши с точки зрения его соответствия «условиям истинной теократии». При этом, говоря о России, философ критиковал ситуацию «зависимости духовной власти от светской», «отсутствия у нее собственного средоточия», считая, что такое положение дел «парализует внешнюю деятельность церкви и подрывает ее влияние на жизнь народа и общества». Он указывал на «гражданскую несостоятельность нашего общества», на «крайнюю дезорганизацию общественных сил», на то, что ни российское дворянство, ни выросшая на его почве после реформ 1860-х гг. интеллигенция не способны стать соработниками власти и опорой народа, – что, по мысли Соловьева, прямо противоположно ситуации в Царстве Польском. «Если главный недостаток нашего строя в гражданском отношении состоит в слабой общественности, в отсутствии самостоятельного и деятельного высшего класса, то в Польше, напротив, высший класс был и есть все. Польша и шляхта – одно и то же. [...] Исключительное развитие и преобладание шляхты создало для Польши ее оригинальную общественность, ее своеобразную и довольно высокую культуру» (там же, с. 173-180). – *51.*

[193] В статье «Еврейство и христианский вопрос» В. С. Соловьев привлекал внимание к положению в западно-русском крае, представляющем, по его мысли, «замечательное явление» тем, что социальные элементы в нем «резко распределены по различным народностям: русские составляют сельский земледельческий класс, высший класс представляется поляками, а городской промышленный – евреями» (там же, с. 183). Далее философ замечал: «Если евреи не только при благоприятных, но большею частью и при весьма неблагоприятных для себя условиях сумели, однако, так прочно и безраздельно завладеть западно-русским городом, то это явно показывает, что они более, нежели русский народ или польская шляхта, способны образовать городской промышленный класс» (там же). – *51.*

[194] Ср. у В. С. Соловьева: «Для восстановления в себе независимой церковности наш царский Восток должен иметь точку опоры вне себя, как некогда православие Востока находило себе твердую опору в западном первосвященстве. Но западный первосвященник, в свою очередь, нуждается в охране и заступлении восточного царя, в патриархальном благочестии царского народа. Воссоединение между православием и католичеством должно освободить и усилить церковь на Востоке, а на Западе восстановить христианскую государственность» (там же, с. 181). – *51.*

[195] Цитата из статьи «Еврейство и христианский вопрос» (там же, с. 175). – *51.*

[196] Там же, с. 151. Это стремление к реализации идеала, к его воплощению здесь, на земле, своего рода «религиозный материализм» В. С. Соловьев называл в своей статье одной из главнейших черт духовного склада еврейского народа, сопоставляя его с христианским чаянием обожения материи. – *51.*

[197] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 39, л. 1–1 об. (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 326). Данное стихотворение В. С. Соловьева («Русское обозрение», 1891, № 11, с. 172) – перевод стихотворения американского поэта Генри Уодсуорта *Лонгфелло* (1807–1882). Курсив в тексте стихотворения принадлежит Н. Ф. Федорову. – *53.*

[198] Особенно ценившееся Н. Ф. Федоровым высказывание Н. М. Карамзина (см. примеч. 130 к «Статьям философского и эстетического содержания» – Т. II наст. изд., с. 462). – *53.*

[199] помни о жизни *(лат.)*. – *53.*

[200] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 39, л. 1 (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 326). Заметка открывает серию материалов к истории личных и идейных взаимоотношений Н. Ф. Федорова и В. С. Соловьева в «голодный» 1891 г. (подробнее см. выше примеч. 175). *Метеорический погром* – засуха 1891 г. *Американский опыт* – см. примеч. 58. – *53.*

[201] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 46 (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 341). Ранее опубликовано: *Контекст 1988*, с. 324–325. Во втором абзаце заметки обнаруживаются совпадения и переклички с письмом Н. Ф. Федорова Н. П. Петерсону от 26 марта 1892. – *54.*

[202] О выдвинутом Н. Ф. Федоровым в августе 1891 г. проекте франко-русского книгообмена и его обсуждении в русской печати см. примеч. 5 к разделу «Библиотеки и музейно-библиотечное образование» (Т. III наст. изд., с. 664–666), а также примеч. 1, 4 к дополнению к этому разделу в наст. томе. – *54.*

[203] О контактах Н. Ф. Федорова и В. С. Соловьева в связи с подготовкой выступления последнего на заседании Психологического общества, назначенном на 19 октября 1891 г.,

и отношении Н. Ф. Федорова к прочитанному тогда реферату «О причинах упадка средневекового миросозерцания» см. выше в примеч. 175. – *54.*

[204] Печатается по копии рукой Н. П. Петерсона: ОР РГБ, ф. 657, к. 3, ед. хр. 4, л. 306. Вероятно, речь идет о приписках Н. Ф. Федорова, сделанных на полях гектографированного издания реферата «О причинах упадка средневекового миросозерцания», вышедшего в Москве в 1892 г., хотя Федоров, по всей вероятности, читал и рукопись доклада В. С. Соловьева (косвенное тому свидетельство – черновик его письма философу и помещенные в данном разделе ниже заметки по поводу статей Соловьева о голоде (эти заметки относятся к осени 1891 г., когда реферат еще не был напечатан)). – *54.*

[205] Под данным заглавием объединены две заметки Н. Ф. Федорова, касающиеся статьи В. С. Соловьева «Народная беда и общественная помощь» («Вестник Европы», 1891, № 10), открывшей серию печатных выступлений философа по вопросу о голоде 1891 г. В. С. Соловьев стремился показать в них, что неурожай и голод 1891 г. «не случайное и не временное явление», что они явились органическим следствием нерационального и отсталого хозяйствования, неуклонно истощающего землю (выпахивание чернозема, вырубка лесов, осушение болот, ведущее к обмелению рек и сухости почв). Критикуя общинный уклад деревни за его «экономическую несостоятельность», философ указывал на низкий культурный уровень крестьянской массы, неспособной своими силами поднять производительность сельского хозяйства и нуждающейся для этого в «постоянной и разносторонней помощи и руководстве образованного класса», – помощи, которую нынешние общественные силы страны, по причине крайней своей дряблости и разрозненности, отсутствия сознания «главной цели», обеспечить не в состоянии. В духе, близком И. С. Аксакову, В. С. Соловьев писал об отсутствии в укладе российской жизни активного и внутренне единого общества, «т. е. прочного союза свободных индивидуальных сил, солидарно и сознательно действующего для улучшения народной жизни, для национального прогресса», и, указывая современному образованному классу на его вину перед народом, пеняя за вялость и пассивность перед лицом постигшего страну бедствия, призывал «все активные общественные элементы России» «выйти из своего разрозненного и бессильного состояния и организоваться в единое общество для помощи народу», наподобие того, как в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. центрами общественного движения в помощь братьям-славянам стали славянские комитеты (*Соловьев. 5*, 427, 432, 437–438).

В статье Соловьева присутствовал ряд положений, близких Федорову. Это и вопрос о долге образованного класса (по Федорову, «ученых») перед народом («неучеными»), особенно остро встающий перед лицом естественных природных бедствий, о науке, мало занимающейся вопросами обеспечения от голода. Это и протест против абсолютизации культуры, против того, чтобы «превращать культуру из средства в цель, видеть в ней безусловное и окончательное благо» (там же, с. 433). Философ призывал к такому пониманию культуры, которое выдвигает на первый план ее служение делу жизни: «...культура именно и есть совокупность всех исторически вырабатываемых средств и орудий для прочного обеспечения и всестороннего улучшения человеческой жизни, т. е. жизни всех людей» (там же, с. 432–433). И тем не менее статья В. С. Соловьева вызвала нарекания Н. Ф. Федорова. Прежде всего потому, что, по его мысли, сужала вопрос о неурожаях и голоде, сводя его решение к одной лишь сельскохозяйственной модернизации и повышению культурного уровня крестьянства. Н. Ф. Федоров считал, что настоящее разрешение этого вопроса лежит только на путях регуляции, в перспективе идеи преображения природного порядка бытия. А в такой перспективе вся система формулировок Соловьева, по его мнению, должна быть уточнена, в том числе и категорическое противопоставление идеи *сохранения* народной жизни, ее векового общинного уклада (которую отстаивали славянофилы) и идеи ее *улучшения*, достигаемого на путях окультуривания деревни. Такое уточнение мыслитель и предлагает в печатаемых здесь заметках, давая собственное определение понятиям «улучшения», «сохранения», «культуры».

Первая заметка Н. Ф. Федорова по поводу статьи В. С. Соловьева печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 38 (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 324–325). – *55.*

[206] «Нынешний голод, – писал В. С. Соловьев, – обличает зараз крайнюю несостоятельность как нашего полукультурного общества, так и нашего бескультурного народа» (*Соловьев. 5*, 433). 1891 год в метеорологическом отношении оказался неблагоприятным не только для России. На ежегодной Венской хлебной ярмарке, состоявшейся в августе 1891 г., среди стран, пострадавших от неурожая, помимо России, занимавшей в этом спи-

ске первое место, были названы Германия (вторая страна по обширности бедствия), Австро-Венгрия и Франция (в последней урожай пшеницы был зафиксирован на уровне ниже среднего) (см. «Русские ведомости», 25 августа 1891, № 233). – *55.*

[207] *Гуано* – вид удобрения, содержащего азот и фосфор, залежи которого находятся в Южной Америке и Южной Африке. О голландском способе удобрения полей лошадиной кровью Н. Ф. Федоров упоминал и в беседах с И. М. Ивакиным (см.: И. М. Ивакин. Воспоминания (фрагменты) // Т. IV наст. изд., с. 521–522). – *56.*

[208] Такая точка зрения на «городскую цивилизацию» не была чужда и Соловьеву и сформировалась у него во многом именно под воздействием Федорова (см. в примеч. 175). – *56.*

[209] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 10 (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 377–378). – *56.*

[210] Цитата из статьи «Народная беда и общественная помощь» (*Соловьев. 5*, 437). – *56.*

[211] Там же, с. 438. – *56.*

[212] Федоров имеет в виду приведенный В. С. Соловьевым пример славянских комитетов (см. выше примеч. 205). – *57.*

[213] Имеется в виду следующий пассаж статьи В. С. Соловьева, содержавший выпад против славянофильствующих кругов: «Без общественного прогресса можно ли серьезно верить в исторические успехи и великую будущность народа, не могущего обеспечить своего материального существования? Мы верим не только в великое историческое призвание, но и в великие исторические обязанности России. Но для нас – людей образованного класса – первая обязанность – обеспечить благосостояние русского народа, а теперь уже вполне ясно, что это может быть сделано только общественною помощью. [...] И особенно люди, более прочих заявлявшие и заявляющие свою веру в Россию и свою любовь к русскому народу, должны теперь оправдать на деле эту веру и эту любовь. Они должны оставить всякую междоусобную брань и травлю и понять наконец, что в России теперь может быть только два лагеря: лагерь людей, желающих действительно помочь народу в его действительной беде, и лагерь людей, равнодушных или враждебных этому делу» (*Соловьев. 5*, 439). – *57.*

[214] Речь идет о выступлении В. С. Соловьева в Психологическом обществе 19 октября 1891 г. с рефератом «О причинах упадка средневекового миросозерцания», вызвавшим ожесточенную полемику в печати. Федоров указывает на противоречие этой полемики, которая, по его мнению, была спровоцирована и текстом соловьевского реферата, и его выступлениями в прениях, с призывом философа к прекращению идейных споров, прозвучавшим в статье «Народная беда и общественная помощь». – *57.*

[215] В этом и предыдущем абзаце Н. Ф. Федоров касается своего общения с В. С. Соловьевым по поводу подготовки его выступления в Психологическом обществе (о том же см. заметку «Еще раннею весною 1889 Соловьев говорил...» – Т. IV наст. изд., с. 54). *Делом более или менее публичным* – отказ от своего намерения открыто выступить в Психологическом обществе с идеями Н. Ф. Федорова о регуляции и некоторыми конкретными проектами В. С. Соловьев объяснял «обстоятельствами публичного свойства» (см. по этому поводу черновики письма Н. Ф. Федорова В. С. Соловьеву – Т. IV наст. изд., с. 244, 487). – *57.*

[216] Цитата из статьи «Народная беда и общественная помощь» (*Соловьев. 5*, 439). – *57.*

[217] *Добронамеренная ошибка 60-х годов XIX века* – Манифест 1861 г. об отмене крепостного права, *злонамеренная ошибка 60-х годов XVIII* – Манифест 1762 г. о вольностях дворянству. Федоров рассматривает эти законодательные акты в свете собственного идеального представления о государстве (см. в работе «Самодержавие»: «...царь вместе с народом становится исполнителем воли Бога в деле Божием» (Т. II наст. изд., с. 5), о долге участия всех и каждого в работе спасения, что придает особую религиозную окраску понятию «службы». – *57.*

[218] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 60 (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 3, ед. хр. 3, лл. 48–49). Заметка Н. Ф. Федорова написана по поводу статьи В. С. Соловьева «Наш грех и наша обязанность» («Северный вестник», 1891, № 10), которая, как и статья «Народная беда и общественная помощь», поднимала вопрос о голоде и помощи народу и содержала целый ряд близких ей положений. Статья была выдержана в обличительном духе. Соловьев обвинял русское общество в несостоятельности, в том, что за тридцатилетие, прошедшее со времени крестьянской реформы, оно «не сумело сорганизоваться для сколько-нибудь правильной и постоянной деятельности на пользу

народу», не сделало ничего, «чтобы улучшить крестьянское хозяйство и помешать тому естественному процессу, в силу которого половина Европейской России мало-помалу приближается к состоянию каких-то диких степей» (*Соловьев. 5*, 444). И снова призывал всех образованных людей собраться, объединиться в деятельную общественную силу для помощи народу.

По содержанию заметка Н. Ф. Федорова, посвященная этой статье, может быть датирована октябрем – началом ноября 1891 г.: упоминаются проект подоходного налога и подписка на всероссийский трехпроцентный займ. Вероятнее всего, заметка была написана уже после отказа В. С. Соловьева выступить с федоровскими проектами в Психологическом обществе или даже после самого выступления, крайне разочаровавшего Федорова. Последние два обстоятельства, кстати, объясняют и резкость заметки. Кроме того, Н. Ф. Федорова раздражил тон статьи В. С. Соловьева, в котором явственно сквозило высокомерие, стремление отмежеваться от «грешных» представителей русской образованной среды, и прежде всего тех, кто выступал против его призывов к соединению церквей: «Только слепорожденный может не видеть, что русское общество все это время увлекалось *вредным вздором* и забыло о своей настоящей задаче. Так как я принадлежу к тем, кого Бог спас от этого увлечения и забвения, и так как с начала прошлого десятилетия мне пришлось в точности предсказывать, куда приведет этот путь, [...] то считаю своим правом и своим долгом еще раз сказать русскому обществу: покайтесь теперь, потом будет поздно. Грех ваш один в двух видах. Вы отреклись от истинного христианства и вместо того, чтобы смягчать и устранять старые исторические обиды, разделяющие человечество, вы стали всячески отягчать их и умножать новыми изобретениями. [...] Вы не сделали ничего – не только для духовного воспитания народа в христианской истине, но даже для физического его пропитания, для обеспечения ему насущного хлеба. И все нынешние и предстоящие страдания этого народа – на вашей совести, ваш грех. И первая ваша обязанность – в нем покаяться, а вторая – показать раскаяние на деле. Соберитесь, организуйтесь для добра, как вы умеете собираться и организовать свои силы для устройства дел вредных или сомнительных» (*Соловьев. 5*, 445). Этот фрагмент статьи В. С. Соловьева и побудил Н. Ф. Федорова иронически назвать его «безгрешным пророком». – *58*.

[219] В августе–октябре 1891 г. в русской печати в связи с вопросом о мерах ликвидации последствий неурожая неоднократно поднимался и вопрос о несовершенстве отечественной налоговой системы, по которой значительное бремя налогов ложилось на плечи крестьянства, и без того изнуренного голодовками и практически неплатежеспособного (см. «Русские ведомости», 8 августа 1891, «Новое время», 10(22) августа 1891). Газеты (особенно это касается «Русских ведомостей») прямо заявляли о необходимости «приступить к коренной реформе налогообложения и ввести подоходный налог, позволяющий распределять бремя государственного бюджета сообразно с действительными силами различных категорий населения» («Русские ведомости», 20 августа 1891; см. также номера газеты от 10, 24 августа). 5 октября 1891 г. в передовой статье «Русских ведомостей» появилось следующее сообщение: «Есть слухи, что министерство финансов еще до истечения настоящего месяца имеет в виду внести в государственный совет законопроект о подоходном налоге. Обложить им предположено служащих правительственных, общественных и сословных учреждений, железнодорожных компаний и всякого рода акционерных предприятий. Обложению будет подлежать вся совокупность получаемого содержания (как денежного, так и натурою), если эта совокупность не менее 2000 р. в год. Обложение проектировано прогрессивное: процент его, начиная с 3, повышается сообразно возрастанию дохода и, для содержания свыше 8000 р., достигает 6. Налог этот предполагается установить лишь на один 1892 год. Свое предложение министерство мотивирует нуждами казначейства, обусловленными неурожаем». Сообщив эту информацию, газета высказывала горячую поддержку проекта: «Едва ли можно сомневаться, что план министерства финансов будет встречен в общем с полным сочувствием в виду современного исключительного положения страны. Подоходное обложение всего вернее доставит правительству средства для действительной помощи нуждающемуся населению, для покрытия экстренных расходов, вызываемых неурожаем». И одновременно в газете выражалось пожелание не ограничивать сферу действия подоходного налога «одним содержанием служащих в правительственных и общественных учреждениях, а распространить ее и на прочие виды доходов». 10 октября «Русские ведомости» вновь возвратились к вопросу о временном подоходном налоге и повторили высказанное в предыдущей статье мнение о целесообразности расширения подоходного налога и на «торгово-промышленные предприятия, крупные банки, страховые общества, фабричные и торговые компании», вообще на «все более зажиточные классы населе-

ния». О неудачном выборе плательщиков налога и необходимости поставить вопрос о нем на более широкую почву, сделать подоходный налог общегосударственным заявили и другие газеты («Новое время», «Русская жизнь»). Н. Ф. Федоров горячо откликнулся на слух о подоходном налоге и в ряде заметок и писем развивал мысль о необходимости дополнить обязательный налог добровольным пожертвованием, налагаемым каждым человеком на себя по велению совести и нравственного долга. – *58.*

[220] Федоров имеет в виду французскую промышленно-художественную выставку в Москве, состоявшуюся летом 1891 г. по случаю заключения франко-русского союза, и ознаменовавшее этот союз прибытие французской эскадры в Кронштадт. – *58.*

[221] 17 сентября 1891 г. был издан указ о выпуске облигаций 3% золотого займа 1891 г. Займ был предназначен для покрытия расходов по постройке железных дорог «и по исполнению других общеполезных работ». Последнее обстоятельство особенно отмечалось органами российской печати, указывавшими на то, что развитие общеполезных работ «тем более желательно, что даст возможность пострадавшему от неурожая населению получить заработок» («Русские ведомости», 25 сентября 1891, № 264). Подписка была объявлена как в России, так и за рубежом (ее пункты были открыты в Амстердаме, Копенгагене, Лондоне и особенно в Париже: там она принималась в целом ряде финансовых организаций). Благоприятный для России результат займа был обеспечен активностью французских подписчиков (они дали основной процент полученных средств), которая в немалой степени обусловливалась русскими симпатиями. Как сообщало «Новое время», эти симпатии еще больше были подогреты неприязненным отношением к займу австро-венгерской прессы, упорно переводившей вопрос о нем на политическую почву, в результате чего для французов «успех нового русского займа, помимо финансовой стороны, получил значение как бы политической демонстрации» («Новое время», 5(17) октября 1891, № 5604). – *58.*

[222] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 38 (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 307–308).

Статья В. С. Соловьева «Смысл войны», составившая восемнадцатую главу книги «Оправдание добра», появилась в «Литературном приложении к “Ниве”» (1895, № 7, с. 420–462). В этой статье (направленной, в частности, против позиции Л. Н. Толстого, с его категорическим определением войны как убийства и призывом к отказу от несения воинской повинности) философ стремился показать, что «смысл войны не исчерпывается ее отрицательным определением как зла и бедствия», что во всемирной истории война часто играла позитивную роль, а крупнейшие мировые завоевания (Александра Македонского, Римской империи) имели своем следствием объединение племен и народов, вовлечение их в общее государственное и культурное пространство. Процесс «расширения области мира», составлявший, по мысли Соловьева, основу древней истории, продолжился и в христианскую эпоху, и в Новое время, все теснее связующее народы «посредством единой материальной культуры». При этом Соловьев подчеркивал, что внешнее единство человечества, достигаемое войной, должно в перспективе истории перерасти во внутреннее, открыв тем самым эру «внутреннего перерождения человечества», «одухотворения объединенного вселенского тела», «осуществления в нем Царства Правды и вечного мира» (*Соловьев. 8*, 425, 435–436, 440).

Размышления Соловьева об умиротворительном значении крупнейших мировых завоеваний, в том числе борьбы с мусульманством и кочевниками, прямо перекликались с воззрениями Н. Ф. Федорова. Одновременно со статьей «Смысл войны» в № 7 «Русского архива» за 1895 г. была напечатана заметка Н. Ф. Федорова «Еще об историческом значении царского титула», в которой он определял «смысл или философию» «всемирной истории» как «умиротворение или собирание земель и народов, собирание продолжающееся и еще неоконченное ни по внешнему пространству, ни по внутреннему содержанию или глубине» и центром всемирно-исторического дела собирания и умиротворения полагал Россию (заметку, составившую впоследствии первую главку работы «Самодержавие», см. в Т. II наст. изд., с. 3–5). Подобная трактовка смысла «всемирной истории» и задачи России была выражена мыслителем еще в 1878–1881 гг. в «ответе Ф. М. Достоевскому», составившем основу II–IV частей «Записки», и хорошо известна В. С. Соловьеву уже с начала 1882 г. – 59.

[223] В статье «Смысл войны» В. С. Соловьев указывал на то, что «всеобщность материальной культуры», обширность и прочность экономических связей, характеризующая цивилизованный мир Старого и Нового света, к концу XIX в. становится в европейском регионе важнейшим миротворческим фактором, «могучим средством и основанием мира»

(*Соловьев. 8*, 436). Говоря, в связи с этим, о маловероятности «*европейской* войны», философ в духе своих воззрений указывал на угрозу христианской цивилизации со стороны «желтой расы» и представлял будущую всемирную войну, коль скоро ей суждено разразиться над человечеством, как последний фазис «величайшей распри двух миров» – европейского и азиатского. – *59*.

[224] См. примеч. 2 к III части «Записки» – Т. I наст. изд., с. 477. – *60*.

[225] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 27 (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 309). – *60*.

[226] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 29 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 375–376). Заметка посвящена разбору некоторых положений 16 главы книги В. С. Соловьева «Оправдание добра»: «Экономический вопрос с нравственной точки зрения» (см. примеч. 192, 193 к «Статьям философского и эстетического содержания» – Т. II наст. изд., с. 467). По содержанию заметка перекликается с четвертой главкой статьи «О двух нравственностях: тео-антропической и зоо-антропической» – «О двух трудах и двух мыслях или направлениях» (см. Т. II наст. изд., с. 178–180), текстуально совпадая с ее началом, и письмом мыслителя В. С. Соловьеву 1897 г. (см. в Т. IV наст. изд., с. 318–321). Начало заметки восстанавливается по тексту указанной главки. – *61*.

[227] *Соловьев. 8*, 380. – *61*.

[228] Данное высказывание Н. Ф. Федорова не совсем справедливо. В. С. Соловьев в своем требовании обеспечить каждому человеку, вне зависимости от социального его положения, «необходимые средства к достойному существованию и всестороннему совершенствованию» не упускал из виду конечной цели, к которой должно быть направлено это совершенствование, – подготовка условий для воцарения в мире Царствия Божия, обожение человека и материальной природы (там же, с. 386), – точно так же, как в перспективе богочеловеческого идеала он рассматривал и национальный, и уголовный, и юридический вопросы (главы 14, 15, 17 книги «Оправдание добра»). Однако эта связь во всех упомянутых главах, в том числе и в главе об экономическом вопросе, была заявлена в достаточно обобщенном виде («Вообще же сущность нравственного решения экономического вопроса заключается во внутренней его связи с целою жизненною задачей человека и человечества» (там же, с. 396)), что и вызвало претензии Н. Ф. Федорова, всегда стремившегося к конкретности мысли. Кроме того, Н. Ф. Федоров, говоря о назначении труда, всегда прямо связывал этот вопрос с вопросом о воскрешении, который составлял для него основу процесса преображения мира, – В. С. Соловьев же в данной главе никак не коснулся воскресительной составляющей задачи «преобразования и одухотворения материальной природы» (там же, с. 386). – *62*.

[229] Под данным заглавием помещены заметки Н. Ф. Федорова, касающиеся полемики Б. Н. Чичерина и В. С. Соловьева по поводу книги «Оправдание добра» (см. «Вопросы философии и психологии», 1897, кн. 39, 40). О претензиях, предъявленных Б. Н. Чичериным В. С. Соловьеву, и отношении к этой полемике Н. Ф. Федорова см. в примеч 175 к наст. разделу и примеч. 176, 178 к «Статьям философского и эстетического содержания» – Т. II наст. изд., с. 465–466.

Первая заметка печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 45 (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 336–338). Заметка является вариантом третьей главы статьи «О двух нравственностях: тео-антропической и зоо-антропической» – «Основы нравственности или долга воскрешения» (см.: Т. II наст. изд., с. 176–178). – *62*.

[230] См. примеч. 188 к «Статьям философского и эстетического содержания» – Т. II наст. изд., с. 466–467. – *62*.

[231] Б. Н. Чичерин. О началах этики // Вопросы философии и психологии, 1897, № 39, с. 622. – *63*.

[232] Здесь и ниже Н. Ф. Федоров разбирает четвертую подглавку восьмой главы книги «Оправдание добра» – «Безусловное начало нравственности», в которой В. С. Соловьев формулировал основное требование, категорический императив религиозного чувства, опираясь на слова Спасителя «Будьте совершенны, как Отец Ваш небесный совершен» (Мф 5: 48), которые для него, как и для Федорова, были призывом к обожению. Так же как и Федоров, Соловьев понимал под «совершенством» полноту благобытия, а под «совершенствованием» («будьте совершенны») не только нравственную работу над собой, но и преображение физической природы человека: «...сделай так, чтобы все твои ближние, ставши нравственно-совершенными, вместе с тем были безболезненны, бессмертны и не-

тленны в телах своих» (*Соловьев. 8*, 197). Однако, говоря об императиве бессмертия как залоге всецелого совершенства, философ не соединил его с императивом воскрешения, – а для Федорова эти два понятия были неразрывны. Отсюда и его критика формулы В. С. Соловьева, в которой к тому же евангельское «Будьте совершенны» была заменено на «Будь совершен», хотя ниже В. С. Соловьев и возвращался вновь ко множественному числу, говоря, что «в повелении "будьте совершенны" требуются не единичные акты воли, а ставится *задача жизни*» (там же). – *63*.

[233] Эта и предыдущая цитаты – части формулы В. С. Соловьева о совершенстве (там же). – *63*.

[234] Данная фраза касается следующего резюме рассуждений В. С. Соловьева из восьмой главы, сделанного Б. Н. Чичериным: «Процесс совершенствования есть дело человеческое: но завершение этого процесса есть дело Божье: для этого нужно *новое творение* из ничего» (Б. Н. Чичерин. Указ. соч., с. 631). – *63*.

[235] В данном абзаце Н. Ф. Федоров касается содержания девятой главы работы «Оправдание добра» – «Действительность нравственного порядка», в которой В. С. Соловьев рассматривал эволюционный процесс в перспективе идеи обожения, представлял его как «восходящий процесс всемирного совершенствования», который затрагивает не только духовную сферу человека, но и его физическое естество, и всю природу: этот процесс, «будучи богочеловеческим, необходимо есть и богоматериальный». Философ выделял пять его ступеней, четыре – природных и одну – сверхприродную: царство минеральное, растительное, животное, человеческое и Царство Божие, – считая, что каждое из них представляет собой по сравнению с предыдущим «*повышение бытия* с точки зрения нравственного смысла»: «Камни и металлы отличаются от всего прочего своим крайним самодовольством и консерватизмом. [...] Растения в неподвижных грезах безотчетно *тянутся* к свету, теплу и влаге. Животные, при посредстве ощущений и свободных движений, ищут полноты чувственного бытия: сытости, полового восполнения – и радости существования (игры и пение). Природное человечество кроме всего этого разумно стремится посредством наук, искусств и общественных учреждений к улучшению своей жизни» (*Соловьев. 8*, 211). Полноту же совершенства дает лишь Царствие Божие, становящееся целью истории.

Н. Ф. Федоров в своей оценке эволюционных построений В. С. Соловьева исходит из христианского догмата грехопадения, переосмысленного в духе его собственных идей, и отказывается видеть в переходе от минерального царства к растительному и от растительного царства к животному пример совершенствования нравственного порядка. Для него природные царства суть царства послегрехопадного мира. Но, критикуя Соловьева, он категорически не согласен и с полемическим комментарием на вышеуказанную главу Б. Н. Чичерина, который утверждал, что ни в одном из трех царств – минеральном, растительном, животном – не обнаруживается стремления к переходу от одного к другому. Оппонент Соловьева исходил из признания непререкаемости и вечности природного порядка бытия, в свете которого все рассуждения о преображении материальной природы, о «собирании вселенной», о достижении бессмертия – не говоря уже о воскрешении – выглядели нелепым вздором. – *63*.

[236] Во введении к книге «Оправдание добра» В. С. Соловьев обосновывал тезис о независимости нравственной философии от «положительной религии». – *64*.

[237] Цитата из десятой главы книги «Оправдание добра» – «Личность и общество» (*Соловьев. 8*, 230), в которой философ, подвергая критике саму постановку вопроса: что выше и важнее – личность или общество – и которое из этих начал должно быть принесено в жертву, – постулировал их нераздельность на путях истории и формулировал принцип должного взаимодействия между «я» и «другими», основанный на том, что Царство Божие – как «окончательная цель всякой жизни и деятельности, как высшее добро, благо и блаженство» – созидается всеми и для всех и каждого. – *64*.

[238] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 29, л. 14–14 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 361). Заметка представляет собой вариант окончания второй главки статьи «О двух нравственностях: тео-антропической и зоо-антропической» – «Страстная неделя в жизни». – *64*.

[239] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 29, лл. 13–13 об., 15–15 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 358–359). В шестой главе работы «О началах этики», направленной против книги В. С. Соловьева «Оправдание добра», Б. Н. Чичерин разбирал содержание 10–13 глав: «Личность и общество», «Историческое развитие лично-

общественного сознания в его главных эпохах», «Отвлеченный субъективизм в нравственности» и «Нравственная норма общественности». Исходя из понимания человеческого общества как орудия воплощения Божьей воли в мире, подчеркивая важность христианского исторического делания, В. С. Соловьев давал трактовку государства как необходимой формы взаимодействия людей, в которую на определенном этапе истории отливается «работа спасения». И в связи с этим подвергал критике индивидуализм, ложную автономию «я», указывая, что должное отношение личности к государству (Соловьев имел в виду государство, вставшее на путь христианского делания) может строиться лишь на свободе благого избрания. Не вникнув в мысль Соловьева об исторической задаче христианства, о государстве и обществе, в которых по мере христианского делания совершается перерождение внешних, подчас принудительных, связей во внутреннее, богочеловеческое единство, Б. Н. Чичерин обвинил философа в том, что тот собирается водворять Царствие Божие внешней силой, «властными мероприятиями», и даже иронически задавал вопрос: «Желательно было бы знать, должно ли и само воскресение мертвых совершиться путем правительственных распоряжений» (Б. Н. Чичерин. Указ соч., с. 643). Таким же непониманием грешил и разбор другого постулата Соловьева – что верховным принципом деятельности общества должно быть благо каждого его члена, что человек всегда должен рассматриваться как цель, а не как средство, что он не может быть принесен в жертву «государственному эгоизму» и что «общее благо, или общая польза, чтобы иметь значение нравственного принципа, должны быть в полном смысле общими, т. е. относиться не ко многим только или большинству, а ко *всем без исключения*» (*Соловьев. 8*, 297). Б. Н. Чичерин увидел здесь противоречие с предшествующим рассуждением и еще одно доказательство удручающего отсутствия логики: «Там парящая в облаках мысль г. Соловьева носилась в одну сторону, здесь она носится в другую. Там он являлся последователем Торквемады, тут он является чистым анархистом» (Б. Н. Чичерин. Указ. соч., с. 646). На самом же деле в логике В. С. Соловьева не было никакого противоречия, но эта была именно сверхприродная логика, рассматривавшая все природные и человеческие явления под углом небесного, должного порядка бытия. И общество представало здесь в свете идеи соборности, нераздельно-неслиянного единства личностей, того, которое и должно установиться в грядущем богочеловечестве, отсюда и утверждение высшей ценности, с одной стороны, индивидуума, с другой стороны – общества, при четком понимании их взаимообусловленности.

Сам Н. Ф. Федоров неоднократно указывал, что такое неслиянно-нераздельное единство, которое, по убеждению Соловьева, должно выражать «полноту и целость жизни личнообщественной», являет собою связь Трех Божественных Лиц, и в этом смысле Троица – образец совершенного человеческого общежития. В. С. Соловьев же по ходу своего рассуждения ни разу не упомянул о Триединстве, что, по мнению Федорова, и обусловило недостаточную ясность мысли философа и стало одной из причин ее непонимания Чичериным. – *65.*

[240] В седьмой и восьмой главах работы «О началах этики» Б. Н. Чичерин разбирал 14–16 главы книги «Оправдание добра»: «Национальный вопрос с нравственной точки зрения», «Уголовный вопрос с нравственной точки зрения» и «Экономический вопрос с нравственной точки зрения». Говоря, что христианство поставило «безусловный нравственный идеал свободного единения всех в совершенном добре» «как практическую задачу для всех людей и народов», В. С. Соловьев указывал на необходимость в связи с этим преодоления не только зла, коренящегося в злой воле личности, но и «закоренелых форм зла собирательного, действующего эндемически»: а это зло «проявляется еще и теперь в трoякой вражде, в трояком безнравственном отношении: между различными народами, между обществом и преступниками, между различными общественными классами» (*Соловьев. 8*, 307, 308). В вышеуказанных главах книги философ пытался определить пути разрешения национальных и социальных конфликтов в перспективе высшего нравственного идеала и с этой же точки зрения рассмотреть и уголовный вопрос. – *65.*

[241] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 29, лл. 11–12 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 356–357). В начале заметки приводится фрагмент высказывания Б. Н. Чичерина (Б. Н. Чичерин. Указ. соч., с. 629), скептически оценивавшего рассуждения В. С. Соловьева о безусловном начале нравственности: его философ полагал в совершенстве, необходимым условием которого должно стать всецелое преображение человека, не только духовное, но и физическое (см.: *Соловьев. 8,* 197). «Существенная ошибка г. Соловьева, – писал Б. Н. Чичерин, – состоит в том, что он христианский идеал будущей

жизни, с воскресением мертвых, хочет сделать результатом настоящего развития человечества. Отсюда требование бессмертия и нетленности» (Б. Н. Чичерин. Указ. соч., с. 640).

Данная заметка представляет собой набросок к письму, которое Н. Ф. Федоров думал послать к Б. Н. Чичерину, изложив в нем аргументы в защиту основоположного тезиса этики В. С. Соловьева, с которым сам был абсолютно согласен: «Царство Божие есть то же, что действительность безусловного нравственного порядка, или – что то же – всеобщее воскресение и восстановление всяческих (ἀποκατάστασις τῶν πάντων)» (*Соловьев. 8*, 220). В качестве argumentum ad hominem Федоров ссылается на письмо Ф. М. Достоевского к Н. П. Петерсону от 24 марта 1878 г., опубликованное в газете «Дон» (см. примеч. 1), в котором Ф. М. Достоевский признал изложенные Н. П. Петерсоном идеи «мыслителя» (Н. Ф. Федорова) о «долге воскресения» «как бы за свои» и сообщил о своей беседе с В. С. Соловьевым, который «глубоко сочувствует мыслителю» (*Достоевский. 30(I)*, 13–14). Как и в «Предисловии к изданию письма Ф. М. Достоевского», Н. Ф. Федоров представляет здесь Достоевского «возвестителем долга воскрешения».

На оригинале данной заметки рукой Н. Ф. Федорова простым карандашом сделана приписка: «К буду<щей> биографии В. С. Соловьева». – *65*.

[242] См. примеч. 178 к «Статьям философского и эстетического содержания» – Т. II наст. изд., с. 466. – *65*.

[243] Федоров имеет в виду статью В. С. Соловьева «Мнимая критика. (Ответ Б. Н. Чичерину)». – *66*.

[244] Федоров ссылается на статью французского критика и историка литературы Фердинанда *Брюнетьера* (1849–1906) «Декарт и литература классицизма» из его сборника «Критические этюды по истории французской литературы» (F. Brunetière. Études critiques sur l'histoire de la Littérature française. Paris, 1887, p. 1–28). – *66*.

[245] См. примеч. 22 к «Супраморализму» – Т. I наст. изд., с. 510. – *66*.

[246] Иоанн (в миру Владимир Соколов) (1818–1869) – церковный деятель, канонист. Последовательно был профессором в Петербургской духовной академии, ректором Петербургской духовной семинарии и Казанской и Петербургской духовных академий, викарием Санкт-Петербургской епархии, епископом Смоленским. Особенно был известен как выдающийся проповедник, «импровизатор-богослов». В 1874–1877 гг. в «Христианском чтении» посмертно печатались фрагменты его лекций по догматическому богословию, читанные в Санкт-Петербургской духовной академии. Федоров имеет в виду начало данной публикации: «О Лице Иисуса Христа: мысли покойного преосвященного Иоанна, епископа смоленского, бывшего ректора и проф. догматики в нашей академии. I-III» («Христианское чтение», 1874, № 12, с. 517–541).

Многое в напечатанных в этом номере текстах оказалось близким Федорову. Во-первых – стремление лектора преподносить богословские истины не отвлеченно, а «в связи с учением о личности Христа», открывшего цель и назначение человеческой жизни на земле. Во-вторых, трактовка ключевых мест Евангелия. Так, касаясь беседы с самарянкой, преосв. Иоанн пишет, что Спаситель «при всякой встрече с человеком выводит человека из его несчастного и приниженного положения и возвышает на такую высоту, что как бы уничтожает между Собой и им расстояние», ибо хочет «видеть не случайные явления в человеке, а человечество, его идеальную сторону». Разбирая сказанные в этой беседе слова Христа о необходимости поклоняться в духе и истине, замечает, что возможность такого поклонения неразрывно связана с совершенствованием человечества, которое призвано стать достойным Божества; указывает при этом, что поклонение это разумеет поклонение «всем существом своим», оно «не исключает и того знания, которое принадлежит человеку в кругу естественных предметов», поскольку «наши естественные познания имеют и должны иметь целию» «бесконечную истину».

Особенно глубоким Н. Ф. Федорову должен был показаться разбор того места Евангелия от Иоанна, где Христос благовествует о воскресении: «Истинно, истинно говорю вам: наступает время, и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут. Ибо, как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе. И дал ему власть производить и суд, потому что Он есть Сын Человеческий» (Ин 5: 25–27). Прежде всего преосв. Иоанн привлекал внимание к словам Христа о том, что Он, как и Отец, «имеет жизнь в самом себе». Это означает, указывал богослов, такую полноту и силу «внутренней, духовной жизни», что она уже не может не возвышаться «и над условиями физическими», над смертью и тлением. Более того, «струи жизни, протекшие в человечество из жизни Христовой, служат в свою очередь источниками других токов, ко-

торые разливаются в человечестве более и более и которые со временем должны обхватить его и совершить его полное обновление». И если «духовная жизнь Спасителя не могла не отразиться и во внешней Его жизни», а главное – в победе над смертью, в воскресении, то «такая жизнь не может не возвысить человека и в самой его жизни физической», ибо «не может быть, чтобы человечество, возвышенное до такой степени духовно, осталось навсегда в том стесненном положении, которое определяется для него естественным или физическим ходом вещей. И действительно, эта жизнь, которую дал Ему Отец, до того дойдет, что и мертвые воскреснут. В самом деле, этот безгранично развивающийся дух жизни в человечестве, при благоприятных условиях, не может не возвыситься над физическими условиями; он, как скоро проникнет в человечество вполне, не может не подчинить себе и законов смерти. Нельзя думать, что это случится только в отдельных явлениях, как это было многократно при жизни Иисуса Христа; эти частные случаи воскрешения мертвых должны были только служить доказательствами присутствия во Христе всеживотворящей силы. Воскрешенные Им опять умерли, – это знак, что для нескончаемой жизни потребно благоприятное воздействование и со стороны мира физического, – чтобы в самой природе не было места для смерти; – а для этого должна наступить особая эпоха, которую Христос относит к концу мира» («Христианское чтение», 1874, № 12, с. 524, 526–528, 530, 533–534).

Мысль об активности человека в деле спасения была далее выражена преосв. Иоанном в трактовке слов Спасителя «И дал Ему власть производить и суд, потому что Он есть Сын Человеческий» (Ин 5: 27). Человек, будучи создан по образу и подобию Божию, «носит в себе начала суда и правды» – а потому в своей истории человечество «постепенно развивает из себя эти понятия, и должно само определить суд над собой», руководствуясь идеалом совершенства, данным в образе «Верховного существа». Однако процесс уяснения «суда и правды», неразрывно связанный с осознанием своего назначения в мире, медленен и труден – налицо физическое и духовное несовершенство человека, его зависимость от смертного природного закона. И тем не менее этот процесс должен прийти к своему завершению, иначе земному человечеству не останется иного исхода, кроме «всеобщей и окончательной смерти». Причем правда, основанная на сверхприродном законе, чтобы дать человечеству реальную почву спасения, не может быть внесена извне, напротив, должна возникнуть из самой его среды. И вот во Христе, в естестве Которого человеческая природа равноправна с божественной, Который есть не только «совершенный Бог», но и «совершенный человек», не только «Сын Божий», но и «Сын Человеческий», эти правда, идеал и обетование являются во всей полноте, открывая человечеству путь к тому «бесконечному совершенству», совершенству духовно-телесному, над которым уже не властны силы смерти и тления и которого требует от своих сынов Отец Небесный («Христианское чтение», 1874, № 12, с. 534, 536, 538–539). – *66.*

[247] Федоров ссылается на книгу французского автора Шарля Стоффеля «Воскрешение» (Ch. Stoffels. Résurrection. Paris, 1840). Конкретных сведений о Ш. Стоффеле как человеке и деятеле разыскать не удалось. Судя по содержанию книги «Воскрешение», он обнаруживает себя как религиозный мыслитель-утопист, возможно из круга Пьера Леру, одного из основателей христианского социализма.

По свидетельству В. А. Кожевникова, среди бумаг Н. Ф. Федорова им было обнаружено несколько выписок из книги Стоффеля, «указывающих на замечательные совпадения мыслей французского писателя с учением самого Николая Федоровича, познакомившегося с книгою тогда, когда его собственные воззрения уже сложились» (Т. II наст. изд., с. 192). Можно предположить, что знакомство с книгой Стоффеля состоялось после того, как Н. Ф. Федоров начал служить в библиотеке Московского Публичного и Румянцевского музеев, в фондах которой имелся экземпляр данной книги.

Книга Ш. Стоффеля привлекла внимание философа прежде всего тем, что в ней, как впоследствии и в «Философии общего дела», была развита мысль о человеке как соработнике Творца, призванном к обожению себя и мира. По словам Ш. Стоффеля, «дело искупления не совершено Богочеловеком во всем своем объеме. Оно только центрировано в его личности, и исполнено только в потенции: остается человеку, который до того подготовил его своим покаянием, завершить это дело через свою веру, усвоить эту потенцию, чтобы превратить ее в действие, в творение. Умерев как Христос и с Христом от болезни смерти, он должен воскреснуть через себя и в себе в бесконечности» (Ch. Stoffels. Op. cit., p. 119).

Задачу соучастия человеческого рода в исполнении Божиих обетований, в завершении спасения Ш. Стоффель, как и Федоров, основывает на словах Христа: «Верующий в Меня, дела, которые Я творю, и он сотворит, и больше сих сотворит» (Ин 14: 12). Но «что это за "больше сих сотворит", данное ученикам Христа? Возможны ли какие-то еще большие чудеса, чем победить смерть, остановить бушующую стихию?» – спрашивает философ. И так определяет направление развития мира и роль человека в нем после искупительного подвига Сына Божия: «После восстановления единства Бога с человеком через дело и личность Христа должно быть немедленно восстановлено единство человека с человеком, откуда выйдет, наконец, и единство человека с природой; тройное единство, реализация которого приведет ко всеобщему воскрешению» (ibid, p. 130–131).

Возможность участия человека в деле преображения падшего творенья, по мысли Стоффеля, продиктована самой его природой – ибо даже после грехопадения человек сохранил дарованную ему Отцом свободу и «две творческие способности – разума и любви». Ныне дремлющие в нем духовные силы, «обломки древнего могущества человека, могут быть в какой-то мере пробуждены простой концентрацией воли; но, – подчеркивает философ, – они остаются неполными и бесплодными или производят пагубные следствия, когда находятся вне религии» (ibid, p. 128). Данная точка зрения была близка Федорову, призывавшему к религионизации всех сущностных сил человека, направлению их на служение высшему идеалу.

Развивая свою мысль о раскрытии внутренних сил личности, ее духовной мощи, Стоффель приходит к следующему выводу: «Но есть такая ступень энергии и объема этой мощи, которой индивидуальная душа, как бы свята она ни была, не может достичь. Только человечеству, сформировавшемуся в универсальную церковь, собранному в единство, дано исполнить вещи "бóльшие", нежели то, что сотворено Богочеловеком» (ibid, p. 129). Необходимым условием осуществления «общего дела» (l'oeuvre générale) преображения мира и победы над смертью становилось у Стоффеля, таким образом, объединение человечества, создание совершенного человеческого общежития, «христианского града» (по образцу апостольской общины).

Социальный пласт мысли французского философа содержит ряд акцентов, характерных для христианских утопистов: критикуя современную цивилизацию, господствующий уклад жизни за «губительное разделение людей на два класса» – богатые и бедные, хозяева и рабы (впрочем, дуализм, по Стоффелю, обнаруживается не только в социальных отношениях, а составляет отличительную черту мира и человека, в котором после грехопадения возникает разлад между плотью и духом, разумом и чувством, и в этом смысле Стоффель смотрит глубже Сен-Симона и Леру), – философ призывает избранных, «прозревших» объединяться в общины, создавая на земле «островки» новых социальных отношений, которые в перспективе должны расшириться на все человечество.

В книге «Воскрешение» подробно представлено устройство «христианского града», основанного на началах милосердия и любви, пестующего ростки «вселенского братства». Здесь преодолевается разрыв между религией и наукой: одной общей целью одушевлены и богословы, объединяющиеся в соборы, и ученые, объединяющиеся в академии и конгрессы (они организуют «большие творческие операции», стремясь к «подчинению сил природы»). У Стоффеля звучат и характерные мотивы социалистической утопии: в его «христианской республике» торжествует принцип «каждому по потребностям», – философ, кстати, возводит его к апостольским постановлениям (II и IV) (в скобках заметим: этот мотив совершенно отсутствует у Федорова; напротив, философ «всеобщего дела» подвергает критике принцип «распределения» и «завистливого равенства»).

Примечательно, что для Стоффеля углубление и расширение братства достигается именно соучастием всех членов града в «работе спасения» и преображения, а само это преображение мыслится триединым: преображение самого человека, преображение межчеловеческих отношений (любовь как универсальный закон единства) и преображение внешнего мира. Преображение внешнего мира начинается с локальной регуляции: осушение болот, уничтожение пустынь, управление погодой и т. д., и на первом этапе она осуществляется при помощи технических средств. Однако по мере совершенствования человека, раскрытия его «духовной мощи», «механистический» этап регуляции остается позади, человечество приходит к возможности непосредственного управления законами вещества: «...разум обретает видение, уничтожает закон непроницаемости субстанций, узнает тайны живой и творческой силы мира» (ibid, p. 258). Подобным же образом перспективу процесса регуляции представлял и Федоров.

В поэтических картинах рисует Ш. Стоффель это постепенное преображение вселенной, достигаемое «творческой волей» человечества, соединившегося в «универсальное братство». Все в мире одухотворяется: стихии, растения, животные. «Фаворский свет распространяется по всей земле». Меняется и сам человек: его тело и лик обретают «первоначальные красоту и благородство», уходят агрессивные инстинкты, изгнаны болезни. «Любовь делает тело человека легче воздуха, быстрее ветра, божественное притяжение побеждает земное, только силой воли он перелетает огромные пространства, в несколько часов облетая планету». Плоть обретает «духовную текучесть и неразрушимость, нетленность». Наконец наступает час победы над смертью, воскрешения. Второе пришествие Христа знаменует собой финал истории человечества, возвратившего и себя самого, и все творение в полноту благобытия.

Мы вычленили те идеи книги Ш. Стоффеля, которые оказались несомненно близки Н. Ф. Федорову. Кстати, многое из того, что у Стоффеля было только в зачатке, у философа «всеобщего дела» оказалось развито глубоко и всесторонне, как например, идея «внехрамовой литургии», высказанная в следующем фрагменте книги: «*Универсальное расширение явления евхаристии* (курсив наш. – *Сост.*), будущее претворение внешней природы в человеческую природу, а человеческой в небесную, воскрешение земли, – все это можно осуществить общественной организацией *универсального братства*, этого сущностного установления человеческого единства» (ibid, p. 156).

Однако целый ряд построений французского мыслителя не нашел и не мог найти соответствий у Федорова. Концепция творения и бытия мира до грехопадения, развернутая в книге «Воскрешение», была далека от ортодоксальной, содержала значительные гностические и каббалистические примеси. Стоффель развивал представление о больших эпохах творения до человека (ангелы, звездные духи), о том, что первоначальное творение было огненно-духовным и сам Адам, «универсальный человек, такой, каким он был на земле до растворения его единства в индивидуальности и его отелеснивания», являл собою «кометное солнце». Все это было чуждо Федорову, стоявшему в данном случае на позициях ортодоксального христианства. Другой пример: Стоффель говорит о принципе Троичности как основе творения, идеальной связи существ, как основе межчеловеческих отношений («общественная Троица») – в этом Федоров с ним солидарен, но французский и русский философ совершенно по-разному конкретизируют эту мысль. Стоффель пишет о «браке Св. Троицы», плодом которого является вселенная, «субстанциальное чадо Бога», о человеческой семье, в которой муж и жена соединены тройственной связью (мужчина одновременно – муж и сын женщины в духе, женщина – соответственно супруга и дочь мужчины в духе) и т. д. У Федорова же на первый план выдвинуто сверхприродное, неслиянно-нераздельное, бессмертное единство ипостасей Троицы, закон Божественной любви. «Бытие по типу Троицы» в своей полноте есть бытие уже преображенного мироздания, Царствия Небесного, и в деятельном его осуществлении и состоит задача истории.

Надо сказать, что представление Стоффеля о завершительной стадии преображения мира и человека также разводит его с Федоровым. У русского мыслителя речь идет об одухотворении и обожении всей вселенной, торжестве в ней духа и сознания, о бесконечном благом творчестве многоединого человеческого рода «в полном составе всех поколений». У Стоффеля происходит своего рода «свертывание» творения: в финале развития совершается трансформация материи в дух, все существующее вновь, как и в истоках бытия, являет собой стихию огня; наконец, звезды, планетные системы, все человечество сливаются в единую сияющую звезду (здесь Ш. Стоффель в определенном смысле предвосхищает «точку Омеги» П. Тейяра де Шардена). – *66.*

[248] Полный текст стихотворения «Да приидет Царствие Твое!» см. в примеч. 180 к «Статьям о литературе и искусстве» – Т. III наст. изд., с. 731. – *66.*

[249] См. примеч. 132 к тому же разделу – там же, с. 725. – *67.*

[250] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 54, л. 1–1 об. (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 379). Заметка связана с предыдущим наброском к письму Н. Ф. Федорова Б. Н. Чичерину. – *67.*

[251] Э. Ренан в книге «Жизнь Иисуса» (1863) писал: «Кто знает: может быть, когда-нибудь род человеческий на самой высшей ступени своего прогресса, через миллионы веков, достигнет абсолютного понимания вселенной и в этом понимании откроет путь возвращения вновь к жизни того, что раз вкусило жизнь?» (Э. Ренан. Жизнь Иисуса. Берлин, 1875, с. 240). Мысль о воскресении проводилась им и в письме французскому химику П. Бертло: «Так как категория времени и пространства не существует в абсолютном, то

для абсолютного сущим является и то, что было, и то, что будет. [...] Дух станет всемогущим, идея будет всей действительностью – что значит это, как не то, что все оживет в идее? [...] Конечное воскресение произойдет посредством знания человека или какого-нибудь разумного существа» («Revue des deux mondes», 1863, t. 47, p. 774). – *67.*

[252] Под данным заглавием объединены заметки Н. Ф. Федорова, касающиеся «Трех разговоров о войне, прогрессе и конце всемирной истории» с входящей в них «Краткой повестью об антихристе». С последним сочинением В. С. Соловьева, напечатанным в «Книжках Недели» (1899, №№ 10, 11; 1900, № 2), философ познакомился в Асхабаде. 26 марта 1900 г. он сообщал В. А. Кожевникову, что «написал кой-что по этому поводу». В том же письме – несколько ироничных строк о «Краткой повести...».

Начало заметкам о «Трех разговорах», по всей видимости, было положено именно тогда (см. примеч. 269). При этом Федоров ориентировался на журнальное издание «Трех разговоров» и «Краткой повести…» и, скорее всего, еще не познакомился с предисловием Соловьева, написанным уже после окончания публикации его последнего философского сочинения и помещенным в газете «Россия» 13(26) мая 1900 г. Спустя два с половиной месяца, вернувшись в Москву и поселившись на лето в Подольске, Н. Ф. Федоров в письме В. А. Кожевникову просил его взять в библиотеке этот номер газеты «Россия» с предисловием к «Трем разговорам» (письмо 228). Возможно, в это время он вновь возвращается к теме «Краткой повести…». Сведений о том, продолжалась ли работа над заметками о «Трех разговорах» позднее, мы не имеем.

Подробнее о месте «Трех разговоров» в истории взаимоотношений Соловьева и Федорова и отношении последнего к этому произведению см. в примеч. 175. – *67.*

[253] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 43, л. 1 (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 335). Прямое обращение во втором лице свидетельствует о том, что, возможно, Н. Ф. Федоров намеревался изложить свою оценку «Краткой повести...» в виде письма к В. С. Соловьеву (так же, как тремя годами ранее сделал набросок письма по поводу полемики с последним Б. Н. Чичерина). – *67.*

[254] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 34; к. 9, ед. хр. 43, л. 1–1 об. (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 316–318, 335). – *68.*

[255] Осенью 1897 г. Н. Ф. Федоров познакомил В. С. Соловьева со своей статьей, написанной в качестве возражения на заметку философа «Что такое Россия?», вошедшую в цикл «Воскресные письма» (см. в примеч. 175). В своем ответе Соловьеву мыслитель подчеркивал мессианское призвание государства Российского, истолковывая теорию «Москва – Третий Рим» в духе активного христианства: задача России – «исполнение долга воскрешения во всей его полноте и *действительности*, а не в виде одного поминовения»; «только внесение этого долга в мир, призвание всего мира к исполнению его может дать смысл существованию России» (Т. II наст. изд., с. 12). Размышления Федорова о назначении России были тесно связаны в этой статье с размышлениями о назначении самодержавной власти, «стоящей в отцов и праотцов место» (не случайно статья, написанная в ответ Соловьеву, стала частью работы «Самодержавие»). Задачу царской власти Федоров полагал в воспитании и просвещении народа, приуготовлении его к общему делу, возглавить которое призвана церковь (см. Т. II наст. изд., с. 16). Тот вариант благого разрешения истории, ставшей «работой спасения», который выдвигал мыслитель, предполагал религионизацию всех сторон общественной и государственной жизни, коренную переоценку ценностей, переориентацию всей цивилизации и культуры. Соловьев же, представляя в «Краткой повести...» вариант истории как пути погибели, повествуя о тех исторических событиях, которые предшествовали появлению антихриста, как бы готовили почву для него, указывал, в частности, на повсеместную секуляризацию государственной жизни, а также на крушение «старого, традиционного строя отдельных наций»: «...почти везде исчезают последние остатки старых монархических учреждений» и «Европа в двадцать первом веке представляет союз более или менее демократических государств – европейские соединенные штаты» (*Соловьев. 10*, 197). Отсюда и возможность избрания самозванца сначала «президентом» европейских соединенных штатов (известно, сколь отрицательно относился Федоров к конституционализму и вообще к псевдодемократическим, парламентским дрязгам, считая их принадлежностью «несовершеннолетия»), а затем провозглашения его императором. Кроме того, в видении исторических судеб мира, представленном в «Краткой повести...», Россия, о мессианской роли которой как собирательницы и умиротворительницы народов столько писал Федоров (как, впрочем, и сам Соловьев в предыдущие годы), – лишь одно из рядовых государств Европы,

безликая частичка ассимилированной европейской общности. Разочарование в русском мессианизме, в идее Третьего Рима, по свидетельству Е. Н. Трубецкого («Миросозерцание Вл. С. Соловьева». Т. 2, с. 303), отчетливо проявилось у Соловьева в последние годы жизни, свидетельством чему и стала «Краткая повесть об антихристе».

Поскольку Соловьев был знаком с ответом Федорова на его заметку «Что такое Россия?» (этот ответ первоначально носил название «Что такое Русь?»), то Федоров воспринял начало «Краткой повести...» как своего рода полемический выпад против этого ответа. В письме В. А. Кожевникову от 26 марта 1900 г. он замечал: «Фантазию Соловьева не только читал, а даже за месяц до появления этой статьи в печати сказал, кого хочет уязвить этот папист» (Т. IV наст. изд., с. 418).

Однако вряд ли Соловьев в «Краткой повести...» стремился опровергнуть статью Федорова «Что такое Русь?» и его идеи о смысле и назначении самодержавной власти. Речь в «Краткой повести...» шла о другом: о подмене истинной идеи, полагаемой в основу исторического развития, идеей ложной. Сам Федоров в разборе «Краткой повести...» указывал, насколько далек самозванец-антихрист, глава секуляризованного, «либерально-эгалитарного» сообщества, пусть даже носит он титул «римского императора», от самодержца, венчаемого на царство, вступающего на престол по праву сыновней преемственности, ответственного перед Богом за свой народ. Если у Федорова соединение народов земли совершается во имя богочеловеческого дела спасения, во имя осуществления Божьей воли в мире, борьбы с «последним врагом – смертью», во имя воскрешения и преображения бытия и человека, то «всемирная монархия» Антихриста, противящегося воле Творца, выдвигает идеал земного, социального и экономического равенства, всеобщей сытости (в этом смысле Антихрист близок «Великому Инквизитору» Достоевского, что, кстати, не раз уже было отмечено, о чем говорилось и выше), и «вечный вселенский мир» слуги «князя века сего», коль скоро водворяется он в непреображенном, смертном порядке бытия, – не более чем пустая декларация. – *68.*

[256] См. выше примеч. 228 и примеч. 192 к «Статьям философского и эстетического содержания» – Т. II наст. изд., с. 467. – *68.*

[257] Цитата из «Краткой повести об антихристе» (*Соловьев. 10*, 197). Примечательно, что Н. Ф. Федоров, как и В. С. Соловьев, заостряет внимание на «спиритуализме» Антихриста. Называя будущего императора-сверхчеловека «спиритуалистом», Соловьев делает очередной выпад против Л. Н. Толстого – «буддиста» (кстати, в том же ключе против Толстого выступал и сам Федоров). Но кроме этого, «спиритуализм» Антихриста имеет для философа богочеловечества и более широкое значение, ведь он неоднократно указывал, что христианство отличается от всех других религий идеей одухотворения материи, духовной телесности, признанием ценности материального начала, которое должно быть обожено и увековечено (эту точку зрения всецело разделял Федоров, ставивший перед христианским человечеством задачу преображающей регуляции). – *68.*

[258] Такое понимание «истинного сверхчеловечества» – как тождественного «богочеловечеству», более подробно развитое Н. Ф. Федоровым в статьях, посвященных критике идей Ф. Ницше, было свойственно и В. С. Соловьеву и высказано им в статьях «Идея сверхчеловека» и «Лермонтов» – см. примеч. 122 к «Статьям философского и эстетического содержания» – Т. II наст. изд., с. 462. Так же как у Федорова, оно сочеталось с критикой сверхчеловечества как превозношения над себе подобными. В статье «Лермонтов» Соловьев говорил об особой ответственности всякого одаренного человека, гения, получающего от природы как бы особые задатки к тому, чтобы вступить на «сверхчеловеческий путь», и о том, что великий грех – использовать эти задатки во зло, не на служение делу Божию (именно с этих позиций он критиковал жизнь и творчество Лермонтова). В «Краткой повести об антихристе» дан крайний, предельно последовательный результат такого антислужения, на которое вступает гениальная личность с задатками сверхчеловека. – *69.*

[259] Мф 23: 37; Лк 13: 34. – *69.*

[260] Федоров имеет в виду финал «Трех разговоров», когда на реплику Дамы: «И я все-таки не понимаю, почему ваш антихрист так ненавидит Бога, а сам он в сущности добрый, не злой?» – господин Z отвечает приводимой Федоровым пословицей. Следует заметить, что герой Соловьева все-таки поясняет пословицу: «Блеска ведь у этого поддельного добра – хоть отбавляй, ну а существенной силы – никакой» (*Соловьев. 10*, 220), – указывая тем самым на неспособность одиночки-антихриста решить главный существенный вопрос о жизни и смерти. – *70.*

[261] Мф 26: 11. – *70.*

[262] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 66, л. 1–1 об. (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 334). Ниже в данной заметке Федоров иронически перечисляет героев «Краткой повести об антихристе» и собственно участников «Трех разговоров». Возникающее в этом пародийном списке определение «Антихрист – автор» перекликается с содержанием первого фрагмента заметок Федорова о «Краткой повести...» – «Сколько раз вы выдавали себя за пророка...», в которой мыслитель иронизировал над стремлением Соловьева преподать свое творение как пророческое слово миру. «Краткая повесть об антихристе», по его мнению, плод не столько «сердца милующего», сколько скрытой гордыни, той самой, что как раз и питает ум и душу главного ее героя. Отсюда и утверждение Федорова «вы пришли во свое имя», отсюда и фраза «Антихрист – автор». – *71.*

[263] Федоров имеет в виду финальную сцену «Краткой повести об антихристе»: соединение церквей «у пустынных высот Иерихона». Старец Иоанн обратился тогда к Петру: «Так для этого единства Христова почтим, детушки, возлюбленного брата нашего Петра. Пускай напоследях пасет овец Христовых», а профессор Паули подтвердил справедливость слов Иоанна: «Ты Петр! Теперь это полностью доказано и не подлежит никакому сомнению» (*Соловьев. 10*, 218). Федоров видит в таком признании главенства Петра противоречие известному евангельскому эпизоду. Иисус, явившись ученикам по воскресении Своем из мертвых, поручил Петру «пасти овец Моих» и предрек ему мученическую смерть. Но на вопрос апостола об участи любимого ученика Спасителя, Иоанна, ответил: «Если я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того» (Ин 21: 21–22). – *71.*

[264] Аполлоний, «великий маг», способный «притягивать и направлять по своей воле атмосферное электричество» (*Соловьев. 10*, 205), «сводит огонь с небеси», чтобы поразить Петра II и старца Иоанна, обличивших Антихриста на созванном им соборе. По Федорову же, метеорологическая регуляция должна быть обращена на дело жизни, стать одним из средств радикального избавления человечества от естественных природных бедствий: засух, голода, землетрясений и т. д. – *71.*

[265] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 65 (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 331^{а}–332^{а}). – *71.*

[266] Федоров имеет в виду указ императора-сверхчеловека, подписанный в день созыва собора, о создании «Всемирного музея христианской археологии в славном нашем имперском городе Константинополе с целью собирания, изучения и хранения всяких памятников церковной древности, преимущественно восточной» и выделении на его содержание «богатых средств». Указ был подписан с целью умилостивить православных, для которых, по его мнению, «всего дороже в христианстве его *священное предание*, старые символы, старые песни и молитвы, иконы и чин богослужения» (*Соловьев. 10*, 211). Ср. реплику Н. Ф. Федорова по этому поводу в письме к В. А. Кожевникову от 26 марта 1900. – Т. IV наст. изд., с. 418. – *71.*

[267] Откр 5: 1–14. – *72.*

[268] Так в оригинале. – *72.*

[269] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 66, л. 1 (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 333^{а}–334). Всемирная Выставка 1900 г. открылась в Париже 1(14) апреля 1900 г. Судя по тому, что Федоров говорит о скором открытии выставки, можно датировать данную заметку второй половиной марта 1900 г. В начале заметки Федоров перечисляет ряд предполагаемых названий своих статей, которые, по его мысли, могли бы раскрыть идею активного христианства. В построении названий угадывается структура «Пасхальных вопросов», положивших начало «Супраморализму» (см. примеч. 105, 119 к «Статьям философского и эстетического содержания из III тома “Философии общего дела”» – Т. III наст. изд., с. 682, 683). К работе над ними Федоров приступил в конце весны – летом 1900 г., однако, судя по данной заметке, замысел «Пасхальных вопросов» возник ранее и первые наброски к ним могли быть сделаны еще ранней весной. – *73.*

[270] Речь идет о романе *Д. С. Мережковского «Воскресшие боги» («Леонардо да Винчи»)*, ставшем вторым в его трилогии «Христос и Антихрист». – *73.*

[271] Речь идет о Петре I и введенных им с 1718 г. в России *ассамблеях* – собраниях-балах в домах вельмож, вводивших в быт и общественную жизнь дворянства западноевропейские обычаи. – *73.*

[272] Этот же вопрос Н. Ф. Федоров задавал в статье «Выставка 1889 года», заметках «Само собою понятно, что такие статьи, как Всемирная Выставка...», «Пред совершеннолетием»

(Т. III наст. изд., с. 293–297, 306–309) и др., в письмах В. А. Кожевникову 1899 и 1900 гг. См. примеч. 86 к «Статьям философского содержания из III тома “Философии общего дела”» – Т. III наст. изд., с. 680. – *73.*

[273] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 1, л. 1 об. Стихотворение В. С. Соловьева, выражавшее его философское credo 1870-х гг., было написано во время первой заграничной поездки философа, в Лондоне, где он жил с конца июня по 16 октября 1875 г., занимаясь философией в Британском музее. Курсивы в тексте цитируемого стихотворения проставлены Н. Ф. Федоровым. – *74.*

[274] Впервые опубликовано: «Русский архив», 1900, № 9–12 (кн. 3), с. 289–291 (подпись «****»).

Статья была написана как полемический отклик на письмо В. С. Соловьева в редакцию «Вестника Европы» «По поводу последних событий» (см. примеч. 21 к «Супраморализму» – Т. I наст. изд., с. 510, а также примеч. 175 в наст. разделе). Как выясняется из письма 246, писалась она при участии В. А. Кожевникова.

25 декабря 1900 г. статья была перепечатана в рождественском номере газеты «Асхабад» (№ 360) с обширным предисловием Н. П. Петерсона:

«Кончилась ли всемирная история?

В день, когда мы вспоминаем Рождество Христа Бога Нашего, принесшего благую весть на землю, весть о спасении от смерти и о вечной жизни, необходимо стряхнуть пессимизм, обуявший большинство, можно сказать, людей, и именно тех людей, которые стараются сознательно относиться к совершающемуся. Не видя осуществления благой вести, принесенной Христом Спасителем вот уже XIX веков тому назад, эти люди пришли к безотрадному заключению, что она не может быть осуществлена. Но при этом было забыто, что осуществление благой вести поставлено в зависимость от участия самих людей; и при том не в одиночку, а в совокупности, – от такого участия, при котором – себя, и друг друга, и весь живот свой предают делу спасения. Недаром же Христос, в прощальной беседе, сказал своим ученикам, а чрез них и всем людям: “Вы – друзья мои... Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего...” Не рабы, а свободные – и даже друзья Господа – не могут и спасение получить без их собственного в деле спасения участия, иначе это была бы не свобода, а рабство, быть может, и сладкое, но недостойное друзей и даже, еще более, сынов Божиих, ибо мы говорим – “Отче наш, иже еси на небесех...” Какое же участие в деле нашего спасения мы принимали в течение протекших девятнадцати веков? Да и могли ли мы принимать какое-либо участие в этом святом и великом деле, – разрозненные, расколотые, в вечной вражде друг с другом, истощающиеся во взаимной борьбе, которая проявляется еще меньше всего во внешних войнах, а наиболее – в так называемых мирных, гражданских отношениях людей между собою. Эта мирная, будто бы, жизнь, чтобы не перейти в открытую борьбу всех против всех, требует содержания целых армий, полицейских, тюремщиков, судей, целых крепостей-тюрем, рабочих домов, арестантских рот и т. п. Но жизнь и не могла быть до сих пор иною. Потому что не наступили еще условия объединения, – только теперь почти вся земля пройдена и стала известною, стали известны и все народы, ее населяющие. Как ни безотрадна картина, представляемая людскою рознью, но Господь непререкаем, и мы не можем сомневаться, что, предавшись делу спасения, осуществим его. Чтобы укрепить надежду на возможность спасения, мы и позволяем себе привести здесь статью – малую по объему, большую и глубокую по содержанию, которая напечатана в № X-м “Русского Архива” за 1900 г., под заглавием – “*Кончилась ли всемирная история?*”»

В собрании Н. П. Петерсона в ОР РГБ сохранилась вырезка из указанного выше номера газеты «Асхабад» (ОР РГБ, ф. 657, к. 2, ед. хр. 9, л. 20). В тексте рукой публициста исправлены опечатки.

В настоящем издании статья «Кончилась ли всемирная история?» печатается по тексту «Русского архива». Все цитаты, приводимые в ней Федоровым, взяты из письма Соловьева «По поводу последних событий». – *74.*

[275] В кругу современных исследователей существует предположение (его высказывает Г. Б. Кремнев), что апелляция В. С. Соловьева к мнению отца в тексте письма в редакцию «Вестника Европы» является мистификацией и таких слов С. М. Соловьев никогда не произносил. – *74.*

[276] Ироническая реминисценция из «Письма в редакцию “Нового времени”»: «А теперь где ты новые народы отыщешь? Те островитяне что ли, которые Кука съели? Так

они, должно быть, уже давно от водки и дурной болезни вымерли, как краснорожие американцы? Или негры нас обновят? Так их хотя от легального рабства можно было освободить, но переменить их тупые головы так же невозможно, как отмыть их черноту» («Вестник Европы», 1900, № 9, с. 225). – *75.*

[277] Федоров имеет в виду позицию, занятую В. С. Соловьевым по отношению к ихетуаньскому восстанию лета 1900 г. в Китае и к соединенным действиям европейских держав по его подавлению (см. примеч. 162 к «Статьям философского содержания из III тома “Философии общего дела”» – Т. III наст. изд., с. 688). Об эволюции позиции Соловьева по китайскому вопросу см. в примеч. 175. – *75.*

[278] Стихотворение В. С. Соловьева «Дракон», напечатанное в том же номере «Вестника Европы», что и письмо «По поводу последних событий», было написано философом 24 июня 1900 г. Оно носило подзаголовок «Зигфриду» и было обращено к германскому императору Вильгельму II, который в своей речи, произнесенной при отправлении экспедиционного корпуса в Китай, призвал все «культурные нации» Европы к противостоянию «желтой опасности».

Из-за кругов небес незримых
Дракон явил свое чело, –
И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволокло.

Ужель не смолкнут ликованья,
И миру вечному хвала,
Беспечный смех и восклицанья:
«Жизнь хороша, и нет в ней зла!»

Наследник меченосной рати!
Ты верен знамени креста,
Христов огонь в твоем булате,
И речь грозящая свята.

Полно любовью Божье лоно,
Оно зовет нас всех равно...
Но перед пастию дракона
Ты понял: крест и меч – одно.

Следует отметить, что образ дракона в стихотворении Соловьева, безусловно имевший апокалипсическую основу, по всей видимости, должен быть соотнесен и с картиной Вильгельма II «Желтая опасность», написанной им несколькими годами ранее и вызвавшей сильный общественный резонанс (см. о ней примеч. 7 к письму 200). – *75.*

[279] Статья Н. Ф. Федорова писалась осенью 1900 г., когда ихетуаньское восстание в значительной степени уже было подавлено и союзные (прежде всего германские, английские и японские войска) проводили массовые карательные экспедиции на китайской территории. – *75.*

[280] См. примеч. 181 к разделу «Статьи философского и эстетического содержания из III тома “Философии общего дела”» – Т. III наст. изд., с. 691–692. – *76.*

[281] Речь идет о циркуляре 12(24) августа 1898 г. (см. преамбулу к разделу «Статьи о разоружении и умиротворении» – Т. II наст. изд., с. 476–477). – *76.*

[282] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 29, л. 16–16 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 360). Эта и следующая заметки посвящены последней лекции В. С. Соловьева, прочитанной в Санкт-Петербургском университете 25 февраля 1882 г. Данная лекция явилась первым печатным текстом В. С. Соловьева, в котором обнаруживается сильное влияние идей Н. Ф. Федорова (подробнее см. примеч. 175).

Первая заметка Н. Ф. Федорова, вероятно, написана по следам чтения текста лекции, о чем свидетельствует и выписанный полностью заголовок, и указание страницы при приведении одной из цитат, и то, что сама заметка фактически является кратким конспектом-пересказом прочитанного. В первой фразе заметки Федоров высказывает свою основную претензию к соловьевскому изложению идей активного христианства. – *76.*

[283] «Последняя лекция Владимира Сергеевича Соловьева в С.-Петербургском университете в 1882 г. (Лекция 25 февраля)». СПб., 1882, с. 22–23. – *76.*

[284] Обе цитаты см.: там же, с. 17, 24. В оригинале заметки рукой Н. Ф. Федорова после слов «чрез разумное и свободное действие человеческой воли» приписано, а затем зачеркнуто: «конечно всех?» – *76*.

[285] Данный абзац представляет собой пересказ части VI главы лекции В. С. Соловьева «Жизненный смысл христианства» – «Христианство как начало новой жизни для человечества» (там же, с. 18–20). – *76*.

[286] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 30, л. 2–2 об. (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 402). Так же как и предыдущая, данная заметка посвящена лекции В. С. Соловьева «Жизненный смысл христианства», а написана по следам чтения публичной речи Василия Гавриловича Рождественского (1839–?), профессора богословия в Санкт-Петербургском университете, «О значении философско-литературной деятельности В. С. Соловьева для христианского богословия» («Христианское чтение», 1901, № 2, с. 237–265). В. Г. Рождественский отмечал как достоинство работ философа его отход от «отвлеченного догматизма традиционной теологии», стремление раскрыть во всей полноте задачу христианства в мире. И особенно подчеркивал вклад Соловьева в разработку догмата богочеловечества, «резко выделяющего христианскую религию из ряда всех других религий»: философ «ясно показал, что только при свете этого догмата могут быть правильно поняты и определены как сущность христианства вообще, так и весь отличительный характер христианского вероучения, христианских таинств, даже внешнего церковного благоустройства». При этом В. Г. Рождественский подробно останавливался на лекции «Жизненный смысл христианства», в которой, по его мнению, «названные вопросы» поставлены и решены «с замечательно глубоким и верным пониманием подлежавшей его рассмотрению задачи» (указ. соч., с. 246, 252–253). – *77*.

[287] Цитата из начала лекции В. С. Соловьева «Жизненный смысл христианства» (указ. соч., с. 3). Н. Ф. Федоров дает ее по статье В. Г. Рождественского (указ. соч., с. 253). – *77*.

[288] «Последняя лекция Владимира Сергеевича Соловьева...», с. 4. – *77*.

[289] Данная цитата представляет собой стянутые в единый текст фрагменты пространного рассуждения В. С. Соловьева из главки «Смысл мира», входящей в лекцию «Жизненный смысл христианства». Приводится она Н. Ф. Федоровым также по статье В. Г. Рождественского (указ. соч., с. 253–254) и сопровождается двумя мелкими комментариями. – *77*.

[290] Под данным заглавием объединены заметки, тематически связанные с публичной лекцией писателя, доктора медицины Николая Яковлевича *Пясковского* (1855 – после 1907). Н. Я. Пясковский занимался широкой просветительской деятельностью, неоднократно выступал с публичными лекциями, был автором ряда брошюр, в которых стремился осмыслить некоторые стороны практической медицины с позиций христианской религии и, наоборот, рассмотреть ряд предписаний христианства с медицинской точки зрения: «Гигиена и мораль» (1894), «Христианский пост с медицинской точки зрения» (М., 1900) и др. Идейным стержнем его писаний на эти темы был вопрос об оправдании науки и научного знания, стремление показать, что, будучи нравственно ориентировано, направляясь на дело сохранения, упрочения, умножения жизни, оно не только не противоречит вере, но идет по одной дороге с ней, деятельно утверждает ее. Этот тезис Н. Я. Пясковский раскрывал прежде всего на примере медицины и особенно гигиены, включая сюда и гигиену тела, и «гигиену духа». По мысли ученого, эти области знания имеют прямое отношение «к религии и особенно к христианской религии, как религии спасения, обожествления всего существа человека с его душою и *телом*» (Н. Я. Пясковский. Гигиена и христианство. М., 1901, с. 1). «В самом деле, – пишет Пясковский, – если для спасения людей потребовалось воплощение Божества, то спасение это достигается не только обожествлением со Христом и во Христе души человеческой, но ко 2-му пришествию Христа это спасение осуществится еще воскресением и одухотворением человеческого тела по образу прославленного тела Воскресшего Богочеловека. Мало этого, тело человека даже еще не в прославленном виде у истинных христиан, по учению ап. Павла, может служить храмом Духа Святаго и, таким образом, через это наряду с душею предназначено к вечной жизни. Из этого следует, что тело человека, как орган души его, не только не должно быть в пренебрежении, но, напротив того, достойно самого глубокого внимания [...]. И если мы, христиане, почитаем за свое дело радеть и заботиться о рукотворенных храмах Божиих, построенных из камня и дерева, то тем паче надлежит нам прилагать еще большие заботы и попечения о живом теле человека как высшем организме среди всего органического мира нашей планеты...» (там же, с. 1–3).

А значит, истинная гигиена – «духовная религиозная гигиена», – заботясь о психофизическом здоровье человека, укрепляя, очищая, оздоровляя организм, поддерживая бодрость ума и души, служит высшей религиозной цели обожения, стремится уже здесь, на земле, приуготовить из естества каждого человека достойный сосуд благодати, соделать наше тело «храмом, достойным для обитания в нем Духа Святаго» (там же, с. 4).

В связи с этим тезисом в другой своей брошюре «О долголетии и сохранении молодости» (М., 1902) Н. Я. Пясковский рассматривал вопрос о продлении человеческой жизни, считая важными и необходимыми как научные разработки в этом направлении, так и широкое применение уже имеющихся способов противостояния болезням, эпидемиям, преждевременному изнашиванию организма. «Жизнь и здоровье здесь, на земле, – подчеркивал он, – являются самыми высшими благами, ничем, никакими миллиардами не оцениваемое богатство». Эта потребность глубоко заложена в самой природе человека. Более того, в христианском обетовании грядущего воскресения людской род обретает надежду избавления от «страшного призрака» конца, грозящего всем и каждому. И хотя «человечество своими собственными силами пока не в состоянии победить смерть, это ужасное чудовище, эту колоссальную силу», его нравственный долг – стремиться ко всяческому охранению жизни здесь на земле, к борьбе «с лютыми бичами человечества, с заразными болезнями, этими ужасными орудиями смерти», к продлению срока жизни, к противостоянию старости (Н. Я. Пясковский. Указ. соч., с. 3–7).

Брошюра «О долголетии и сохранении молодости» представляла собой текст публичной лекции, прочитанной автором в Историческом музее 7 марта 1901 г. А 21 марта того же года Н. Я. Пясковский выступил в той же аудитории с новой лекцией – «Как мыслил Владимир Соловьев о воскресении и значение его философии для гигиены духа» (текст лекции опубликован в одноименной брошюре – М., 1901), во многом продолжавшей тему предыдущей и открывавшей в данной теме новые горизонты.

Свою лекцию Н. Я. Пясковский начал с обоснования того, что смерть есть явление, противное природе человека как существа сознательно-чувствующего, носящего в себе «идею о бесконечном». Знаком этой противоестественности является страх смерти, глубоко укорененный в душевной сфере личности: «Кого из нас не леденят образы сырой глубокой могилы, вид гроба, глухой последний удар о гробовые доски комьев земли, вид мертвеца и т. д. ?!» и кто из нас, когда нападает на него этот леденящий ужас, не думает и не готов «слушать не об одном только страхе смерти, но еще больше о том, как избавиться от этого леденящего страха, от той беспощадной и безжалостной силы, имя которой смерть и которой, по выражению Тургенева, “все подвластно”» (Н. Я. Пясковский. Указ. соч., с. 4–6).

Далее, вновь подчеркнув, что единственный путь избавления от страха смерти человек обретает лишь в христианстве, дающем надежду восстания из мертвых, обретения нового преображенного «тела духовного», Н. Я. Пясковский обратился к рассмотрению философской концепции В. С. Соловьева, которая, по его убеждению, является всесторонним раскрытием именно этой стороны христианского благовестия. Его анализ строился на материале книги «Оправдание добра» и включал в себя изложение основных положений этики богочеловечества и всеединства, с приведением пространных цитат.

Н. Я. Пясковский касался идей В. С. Соловьева о смысле мировой эволюции, имеющей восходящий характер, сопряженной со все большим возрастанием духа в лоне материи и обретением им все большей власти над естеством мира, – давал его трактовку трудовой деятельности человечества, которая должна состоять «в преобразовании и одухотворении материальной природы». И, наконец, подробно останавливался на понимании Соловьевым воскресения Христова как события, дающего смысл всей прошедшей истории и спасительную направленность будущей. В череде объемных цитат сменялись мысли философа о христианстве, открывающем человечеству совершенную, «телесно-воскресающую личность», ставящем перед ним задачу «преобразования всемирной среды для воплощения Царствия Божия». Пясковский подчеркивал «глубокую веру», «абсолютную убежденность» В. С. Соловьева «в несомненности самого факта Воскресения Христова, а отсюда уже и упования в будущее всеобщее воскресение», указывал на то, что воскресение для него «не есть только факт, достойный веры, но и знания и точной опытной науки» (там же, с. 22–24). Подчеркивал, что «жизнерадостная философия» В. С. Соловьева, «трактующая об истинной жизни, жизни не преходящей, а безграничной и безусловной, все оживотворяющей и всему дающей смысл существования», об «одухотворении тела», а в будущем даже об «обожествлении его», философия, наполняющая «наше сердце радостью и светлою надеждою снова встретиться с дорогими нам существами», –

противостоит как «безотрадному пессимизму» Шопенгауэра и Гартмана, так и «современному агностицизму», который широко пронизал собою миросозерцание «нашей интеллигенции», исполненной редкостного равнодушия «к вопросам высшего порядка, ко всякой философской мысли, раз только дело касается высших духовных интересов» (там же, с. 29, 32, 39).

Лекцию Н. Я. Пясковского Н. Ф. Федоров посетил вместе с В. А. Кожевниковым. Последний вспоминал: «Эта лекция (в Москве, в Историческом музее) чрезвычайно заинтересовала Н<иколая> Ф<едоровича> и он, вместе со мною, вопреки своей непривычке посещать какие-либо собрания, отправился слушать эту лекцию и, в то же время, зорко следил за впечатлением ее на слушателей» (ОР РГБ, ф. 657, к. 3, ед. хр. 4, л. 333).

Однако еще до этого Н. Ф. Федоров сделал несколько заметок о предстоящей лекции, руководствуясь объявлением о ней, содержавшим программу лекции и помещенным в московских газетах 20 и 21 марта 1901 г. («Русское слово», 20 марта 1901, № 77; «Русские ведомости», 21 марта 1901 г.). Текст объявления во всех газетах был одинаков. В архиве Н. П. Петерсона сохранилась вырезка из «Русских ведомостей» с подчеркиваниями, сделанными в тексте объявления рукой Н. Ф. Федорова:

«АУДИТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В среду, 21-го марта 1901 г. в 8 ч. в<ечера> имеет быть публичная лекция доктора медицины Н. Я. Пясковского “Как мыслил Владимир Соловьев о воскресении и значение его философии для гигиены духа”.

Страх смерти. Смысл жизни. Критика Соловьева, направленная против доктрин Л. Н. Толстого и Ницше. Взгляд Соловьева на материальную природу. *Воскресение не только идея, но и факт.* Исторические и философские аргументы. Пессимизм, агностицизм и доктрины Соловьева. Жизнерадостная философия. *Реализм* или мистицизм в вопросе о *воскресении.* Отношение философии Соловьева к области гигиены духа. Билеты от 30 коп. до 3 р. можно получить в магазине Карбасникова, Чупровой, Ланга, “Труд”, бр<атьев> Салаевых, а в день лекции при входе в аудиторию с 6 ч. в<ечера>» (ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 68, л. 5 (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 401)); курсивом обозначены подчеркивания Н. Ф. Федорова.

В заметках, написанных на материале программы лекции, Н. Ф. Федоров давал собственное истолкование заголовкам ее частей, раскрывая их в духе учения о воскрешении. В архиве Н. П. Петерсона сохранились три таких заметки – они печатаются первыми.

Сама лекция, как то обычно бывало и в других случаях, когда Федоров встречал близкие себе идеи, но изложенные в ином ключе и не с той последовательностью и размахом, как в его собственной системе, не удовлетворила мыслителя, надеявшегося, кроме всего прочего, на то, что вопрос об участии человеческого рода в деле воскрешения будет наконец прямо поставлен – тем более, что речь шла о Соловьеве, наиболее близком ему самому мыслителе и именно в главном пункте. По горячим следам услышанного Федоровым был написан ряд критических заметок на лекцию Пясковского, и, по настоятельному требованию мыслителя, В. А. Кожевников изложил их в письме ученому, подписавшись под ним собственным именем (см. ОР РГБ, ф. 657, к. 3, ед. хр. 4, л. 310). Ни письмо, ни вошедшие в него заметки Федорова не сохранились. Судя по ответу Н. Я. Пясковского от 29 марта 1901 г. и новому письму к нему, набросанному Федоровым и оставшемуся в черновике (см.: Т. IV наст. изд., с. 437–438, 670–671), в них, в частности, содержались уточнения некоторых формулировок и было замечено, что коль скоро в названии лекции стоит «Как мыслил Владимир Соловьев о воскресении», то и речь в ней должна была бы идти прежде всего о воскресении всеобщем, а не только о воскресении Христа – Н. Я. Пясковский же по ходу своего изложения уделил основное внимание воззрениям Соловьева именно на факт воскресения Спасителя и лишь вскользь указал на него как на обетование грядущего восстания всех.

В фонде Н. П. Петерсона сохранились еще три заметки, упоминающие о лекции Н. Я. Пясковского и написанные уже после эпизода переписки с ним (они печатаются после заметок по поводу программы лекции). – *77.*

[291] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 30, лл. 1 об. – 2 (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 401). Заметка, вероятнее всего, написана под первым впечатлением от прочитанного Н. Ф. Федоровым в газете объявления о лекции. – *77.*

[292] *Московский Музей III-го Рима* – Московский Публичный и Румянцевский музеи, *главный Архив Министерства международного мирного дела* – Московский главный архив Министерства иностранных дел. О том, как переосмыслял Федоров значение этих учреждений в свете своего учения, см. примеч. 285 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 631–632. – *77*.

[293] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 30, л. 1 (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 400). В этой и следующей заметке разбираются некоторые тезисы программы лекции Н. Я. Пясковского. В начале заметки Н. Ф. Федоров цитирует ее фрагмент (см. выше примеч. 290). – *78*.

[294] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 30, л. 1–1 об. (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 400). – *78*.

[295] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 68, л. 3–3 об. (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 313). В своей лекции Н. Я. Пясковский дважды подчеркивал, что «главная ценность всех доктрин Соловьева – реализм», что «в вопросе о воскресении [...] Владимир Сергеевич не только не является мистиком, но даже, напротив того, слишком ярким реалистом и, если даже хотите, эмпириком и позитивистом». Однако одновременно, упомянув, что многие считают философию Соловьева «будто бы одним сплошным мистицизмом», лектор восклицал: «Пусть будет так, но этот мистицизм светлее во сто раз материализма, позитивизма, пессимизма, силящихся из ничего создать все, или, еще лучше, взорвать земной шар, чтобы на нем прекратить всякую жизнь! Философия скорби и разрушения, по-моему, неизмеримо хуже жизнерадостного мистицизма Соловьева» (Н. Я. Пясковский. Как мыслил Владимир Соловьев о воскресении... с. 28, 33). Эта фраза и послужила Н. Ф. Федорову поводом упрекнуть Пясковского в том, что в вопросе о воскресении он склоняется к мистицизму. – *78*.

[296] Здесь и ниже Н. Ф. Федоров упоминает суждения Л. Н. Толстого, высказанные в его «Ответе на определение Синода от 20–22 февраля» (см. примеч. 145). – *78*.

[297] Несохранившееся письмо к Н. Я. Пясковскому, написанное В. А. Кожевниковым по заметкам Федорова (см. выше примеч. 290). – *78*.

[298] Вечером в церковный праздник Успения Пресв. Богородицы 15(28) августа в православной церкви совершается так называемый Чин Погребения Божией Матери, последование которого близко Чину Погребения Спасителя, совершаемому в Великую Пятницу. – *79*.

[299] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 68, л. 4 (рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 313). Первый том книги Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» («Творчество Толстого и Достоевского»), вышедший под шапкой «Христос и Антихрист в русской литературе», был напечатан в №№ 1–4, 7–12 журнала «Мир искусства» за 1900 г. (тогда же вышел отдельным изданием), второй том («Л. Толстой и Достоевский. Религия») появился в том же журнале в №№ 4–12 за 1901 и в № 2 за 1902 г. Ниже Федоров сопоставляет выход книги Мережковского с появлением соловьевских «Трех разговоров», полемически направленных против толстовства, и определением Св. Синода о Л. Н. Толстом от 20–22 марта 1901 г. Кстати, некоторые оценки, данные Мережковским учению Толстого: «крайний спиритуализм», отрицающий «тайны Святой Плоти», «мнимое христианство», вырождающееся «в буддийский нигилизм, в религию небытия, нирваны, обожествленного ничто» (Д. С. Мережковский. Л. Толстой и Достоевский. Т. 2. Религия Л. Толстого и Достоевского. СПб., 1902, с. XXXII–XXXIII), были близки характеристике толстовства у Соловьева. – *79*.

[300] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 44 (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 3, ед. хр. 4, л. 333). – *79*.

[301] Сборник статей памяти В. С. Соловьева, составивший целиком 56 книгу журнала «Вопросы философии и психологии» (1901 г.), не обходил молчанием вопрос о воскресении в мысли философа. Его, в частности, касался Л. М. Лопатин в статье «Философское миросозерцание В. С. Соловьева», анализируя идею богочеловечества; к нему подходил С. Н. Трубецкой («Основное начало учения Соловьева»), указывая, что, по Соловьеву, «назначение человека в том, чтобы быть проводником Бога в мире» и в соединении с Ним «осуществлять полноту истины, добра и красоты». Особенно же подробно на этом вопросе останавливался Г. А. Рачинский («Взгляд В. С. Соловьева на красоту»). «Если [...] полная красота материального явления, – писал он, следуя рассуждениям философа, – делает его пребывающим и бессмертным, то конец великого дела красоты будет полное одухо-

творение всей природы, воскресение во плоти, великое воскресение всего "заклятого древней смертью" в красоте и славе». «Этот акт всеобщего воскресения составлял одно из коренных убеждений, одну из основных надежд В. С. Соловьева, проповедь всей его жизни. Вне его осуществления он не признавал возможности полной и действительной победы добра». В связи с этим тезисом Г. А. Рачинский касался антропологических идей Соловьева, фактически усматривая в его творчестве идею активной эволюции: «Человек – уже не только цель природного процесса, но средство для обратного, более глубокого и полного воздействия на природу со стороны ее идеального начала» (с. 135–136).

Однако в рецензии на сборник, помещенной в журнале «Исторический вестник» (1901, № 5, с. 779–781) в разделе «Критика и библиография» и дававшей краткую оценку представленных в сборнике статей, не упоминалось о воскресительной теме у Соловьева, что и дало Н. Ф. Федорову, руководствовавшемуся в данном случае лишь текстом рецензии, повод утверждать, что в сборнике на эту тему ничего сказано не было. – *79.*

[302] О статье В. С. Соловьева «Лермонтов» и ее разборе Н. Ф. Федоровым см. ниже примеч. 304. – *79.*

[303] См. об этом эпизоде в статье Н. Ф. Федорова «О славянофилах-фарисеях и западниках-саддукеях» и примеч. к ней В. А. Кожевникова – Т. II наст. изд., с. 192. – *79.*

[304] В серии печатаемых ниже заметок Н. Ф. Федоров дает разбор статьи В. С. Соловьева «Лермонтов». Объектом его критического внимания становится преимущественно начало данной статьи, в котором Соловьев, в противовес ницшеанству, излагал свое понимание проблемы сверхчеловечества (эта часть статьи философа во многом текстуально совпадает со статьей «Идея сверхчеловека» («Мир искусства», 1899, № 9)). О содержании статьи «Лермонтов» и о возражениях Н. Ф. Федорова по ее адресу см. примеч. 122 к «Статьям философского и эстетического содержания» – Т. II наст. изд., с. 462. Добавим к этому примечанию, что внутреннее несогласие Федорова – уже на уровне, так сказать, духовного вкуса – вызвали невольно проскальзывавшие у Соловьева в трактовке идеи сверхчеловека иерархические, избирательные нотки – ср. его замечание о всяком гении как «человеке, уже от рождения близком к сверхчеловеку, получившем задатки для великого дела», и вообще о людях, «сверх общего уровня одаренных, чувствующих истинную цель и смысл нашего существования», которые призваны и обязаны «более прочих к ней приблизиться и других приблизить» (*Соловьев. 9*, 352). Такое видение возрастания человечества «в разум истины», через духовное возвышение одиночек, наиболее просветленных, ведущих затем за собой других, не столь преуспевших на «сверхчеловеческом пути», было чуждо Федорову: он и в других своих заметках по поводу Соловьева писал о том, что нет необходимости в новом пророке, водителе человечества «путями правды», а кроме того, был убежден, что личным усилием, или усилием только некоторых, победа над смертью достигнута быть не может – для этого необходимо коллективное, соборное действие – «не для себя и не для других, а со всеми и для всех».

Многое в заметках Федорова перекликается, а в ряде случаев текстуально совпадает со статьей «Бессмертие как привилегия сверхчеловеков (По поводу статьи В. С. Соловьева о Лермонтове)», вошедшей во II том «Философии общего дела» (Т. II наст. изд., с. 136–140); одна из заметок представляет собой вариант этой статьи. Свое понимание проблемы сверхчеловека Н. Ф. Федоров выразил также в серии статей о Ницше, вошедших во II т. «Философии общего дела» – см. их в Т. II наст. изд.

Заметки печатаются по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 29, лл. 1–10 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 342–355). – *80.*

[305] См. письмо В. С. Соловьева Н. Ф. Федорову от 12 января 1882 (Т. IV наст. изд., с. 629). – *80.*

[306] Это возражение, высказанное Федоровым Соловьеву устно, было изложено им и письменно в заметках по поводу книги «Оправдание добра» и полемики В. С. Соловьева и Б. Н. Чичерина (см. выше примеч. 232). – *80.*

[307] См. примеч. 123 к «Статьям философского и эстетического содержания» – Т. II наст. изд., с. 462. – *80.*

[308] Иронический намек на утверждение В. С. Соловьева о «конце всемирной истории», высказанное им в письме в редакцию «Вестника Европы» «По поводу последних событий». – *80.*

[309] Эту и предыдущую цитаты см.: *Соловьев. 9,* 349. – *81.*

[310] Там же, с. 350. – *81.*

[311] См. примеч. 128 к «Статьям философского и эстетического содержания» – Т. II наст. изд., с. 462. – *82.*

[312] *Соловьев.* 9, 351. – *82.*

[313] Там же. – *83.*

[314] Эта заметка является вариантом статьи «Бессмертие как привилегия сверхчеловеков. (По поводу статьи В. С. Соловьева о Лермонтове)» – см. Т. II наст. изд., с. 136–140. – *83.*

[315] *Соловьев. 9*, 348, 349. – *84.*

[316] Там же, с. 349. – *84.*

[317] Федоров имеет в виду начальные слова Нагорной проповеди: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф 3: 2). – *84.*

[318] *Соловьев. 9*, 350. – *85.*

[319] В отличие от православной церкви, где совершается причастие и духовенства, и мирян пресуществленными хлебом и вином («Телом и Кровью Христовой»), в католичестве миряне причащаются лишь «Телом Христовым» (облатками) и не допускаются к Чаше со Св. Кровью. – *85.*

[320] *Соловьев. 9,* 350. – *85.*

[321] См. примеч. 130 к «Статьям философского и эстетического содержания» – Т. II наст. изд., с. 462. – *86.*

[322] Считая Лермонтова одним из родоначальников «ницшеанства», В. С. Соловьев в качестве «первой и основной особенности» его гения назвал «страшную напряженность и сосредоточенность мысли на себе, на своем *я*», чудовищный эгоцентризм: «Он не был *занят* ни мировыми историческими судьбами своего отечества, ни судьбою своих ближних, а единственно только своею собственной судьбой» (*Соловьев. 9,* 353, 356). Философ обвинял поэта в гордыне, «демоническом сладострастии» и «нечистоте», в том, что «религиозное чувство» не смогло победить в его душе ростков «злого начала»; указывал на фатализм, восторжествовавший в последний период его жизни и творчества, и завершал свою статью мыслью о том, что Лермонтов не исполнил своего жизненного назначения (см. также примеч. 135 к «Статьям философского и эстетического содержания» – Т. II наст. изд., с. 463). – *87.*

[323] В ноябре–декабре 1837 г. М. Ю. Лермонтов высказывал намерение отправиться в предстоявшую военную экспедицию в Хиву под начальством генерал-адъютанта Василия Алексеевича *Перовского* (1795–1857). – *87.*

[324] Федоров цитирует строки стихотворения М. Ю. Лермонтова «1831-го, июня 11 дня». – *87.*

[325] В архиве Н. П. Петерсона данная заметка Н. Ф. Федорова сохранилась в двух редакциях. Первая сделана на большом двойном листе рукой Н. Ф. Федорова (ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 36; копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 305–306), вторая – на двух двойных листах рукой В. А. Кожевникова с поправками и приписками Н. Ф. Федорова – к. 3, ед. хр. 4, лл. 301–302. В настоящем издании за основу взят текст второй редакции и дополнен недостающим куском из первой редакции. – *88.*

[326] Здесь и ниже Федоров касается некоторых вех биографии В. С. Соловьева, указывая на возможность иного развертывания его судьбы – такого, каким оно могло было бы быть в перспективе «всеобщего дела». – *88.*

АСХАБАДСКАЯ ПОЛЕМИКА

В данный раздел вошли статьи, печатавшиеся в феврале–апреле 1902 г. в газете «Асхабад». Они появились в рамках второго этапа полемики вокруг учения о воскрешении на страницах этой газеты. Первый этап был связан с публикацией Н. П. Петерсоном статей Федорова «Разоружение» и «Самодержавие» (см. преамбулу к «Самодержавию» и «Статьям о разоружении и умиротворении» – Т. II наст. изд., с. 439–441, 478–479) и окончился в октябре 1901 г. Второй начался в конце декабря со статьи Петерсона «По поводу статей о Народном доме» («Асхабад», 30 декабря 1901, № 364, подпись «***»).

Толчком к новому выступлению в печати с федоровскими идеями явилось обсуждение вопроса о том, каким быть асхабадскому Народному дому и вообще народным домам, обязаны ли они стремиться к просвещению народа и каким должно быть это просвещение – религиозно-нравственным или чисто светским, популярно-образовательным (подробнее см.: «Приложение», «К разделу “Асхабадская полемика”», примеч. 1). Оттолкнувшись от данной конкретной темы, Петерсон сразу же переводил разговор в область «вопроса о смысле и цели существования», от разрешения которого, подчеркивал он, зависит решение и всех прочих, частных вопросов. В статье снова были затронуты ключевые аспекты учения «всеобщего дела» – о долге воскрешения, о человеческом многоединстве «по образу Божественного Триединства», об активно-творческом понимании христианства. В то же время Петерсон попытался хотя бы кратко, почти назывательно представить те стороны федоровского учения, которые не нашли отражения в «Разоружении» и «Самодержавии»: о необходимости синтеза всех наук вокруг астрономии как знания, правящего миром, о будущем расселении воскрешенных поколений в космосе, «где все разместятся», о том, что объединенные наука и искусство могут служить общему делу только в союзе с религией, т. е. руководствуясь высшим идеалом, – иначе та же наука может отлично работать на зло и разрушение, быть «зловредной», как выражался Петерсон. Приводил он в статье и основной этический принцип Федорова, противостоящий и эгоизму, и его изнанке – альтруизму: «Жить не для себя и не для других, а со всеми и для всех». (Текст данной статьи Петерсона см.: Т. IV наст. изд., с. 551–553.)

Спустя два дня, 2 января 1902 г., в письме в редакцию «Асхабада» Н. П. Петерсон исправляет две опечатки, вкравшиеся в публикацию его статьи, а также разъясняет свое выражение «идол нашего времени Л. Н. Толстой» (см.: «Приложение», «К разделу “Асхабадская полемика”», примеч. 3). А уже 3 января газета печатает большую статью Pensoso «Блаженная жизнь», в которой публицист подробно разбирает статью Петерсона.

Pensoso здесь повторяет все то, что он высказал «господину Н. П.» в одной из последних статей первого этапа полемики. Тогда он обвинял апологета «всеобщего воскрешения» в узости миросозерцания, ограниченного «одним христианством» и не желающего вместить широких горизонтов позитивной науки, идей прогресса, «общечеловеческого идеала» и т. п. Указывал на то, что, по его мнению, признать целью воскрешение умерших и бессмертие живущих вовсе не значит ответить на вопрос о цели и смысле жизни: «...для чего воскрешать, для чего жизнь, какая цель жизни – неизвестно» (Pensoso. По поводу ответа П. Ц. // Асхабад, 4 октября 1901, № 277). И в новой своей статье, видимо, нисколько не сомневаясь, что ведет полемику со старым оппонентом, несмотря на отличную от прежней подпись под статьей о Народном доме, вновь призывает не замыкаться одним «религиозным ведением» и не признавать истину лишь в христианстве, «а у всех религий бывших и настоящих найти нечто общее». «Напрасно думают, – пишет Pensoso, – будто люди образованные, большинство нашей интеллигенции не признают никакого смысла жизни. Неправда это». Другое дело, что решают они этот вопрос каждый по-своему, и лично его, Pensoso, предлагаемый Петерсоном ответ не убеждает: «Автор признает целью жизни – уничтожение страданий и воскрешение умерших. Следовательно, цель жизни, по автору, сводится к такому заключению: жить надо для жизни, жить для того, чтобы жить. Вы удивлены? Где же разрешение вопроса – о цели жизни, *для чего же надо жить?* Автор забыл разрешить этот вопрос. Он сказал: жизнь для жизни нам дана, каковое разрешение вопроса о цели жизни давным-давно известно и однако никого не удовлетворило, так как вовсе не разрешило вопроса» (Pensoso. Блаженная жизнь // Асхабад, 3 января 1902, № 3).

Другой полемической мишенью стал тезис Петерсона о необходимости религионизации научного знания. Не восприняв актуальной для автора статьи (как, соответственно, и

для Федорова) оппозиции «наука как она есть» – «наука, какова она должна быть», критик обвинил его в отрицании науки, в клевете на нее. При этом в качестве возражения высказал то, с чем, разумеется, были согласны и Петерсон, и Федоров: «Наука сама по себе безразлична. Но люди, двигающие науку и проводящие ее выводы и данные в жизни, – они-то и виновны в том или ином применении науки. [...] Зачем автор умышленно затоптал в грязь все то, что наука дает хорошего человечеству? Ведь без науки автор не знал бы даже о тех мирах, куда он думает разместиться по своем воскресении. А в милитаризме неужели виновна наука?» (Там же.)

Это недоразумение было не единственным. Из всех асхабадских статей Pensoso по поводу «учения о воскрешении» явствовало: он и апологеты учения говорили попросту на разных языках. Вникнуть в совершенно иную, разрушающую привычные установки мышления логику Pensoso не мог или не хотел, а в категориях «эвклидова ума» федоровские построения выглядели нелепыми, если не безумными. Насколько чуждым и непонятным был для критика-прогрессиста самый строй мысли философа «всеобщего дела», насколько абсурдной казалась сама стилистика его речи, хорошо видно из заметки Pensoso по поводу статьи Н. П. Петерсона «Достойная память героям» (последняя была напечатана анонимно в 272 номере газеты за 1901 г. и приводила целый ряд выдержек из статьи Федорова «Асхабадский музей», опубликованной на страницах «Асхабада» в 1899 г.). В заметке Pensoso – просто каскад недоумений: что означает фраза «Россия есть прямая продолжательница дела Ирана, который и сам стал теперь Тураном», ведь, согласно словарю, Иран – плоскогорье, Туран – древнее название нынешнего Туркестана; не преждевременно ли называть Россию «царством музеев и школ», коли «по своему образованию» она «стоит почти на самом *последнем* месте в мире», а «посетители того же асхабадского музея насчитываются только единицами»; и наконец, определение «Музей есть книга, т. е. библиотека, иллюстрируемая живописными, скульптурными изображениями [...], подтверждаемая всякого рода опытами и наблюдениями», «несколько туманно», – «гораздо проще определение по словарю Павленкова: музей – собрание предметов, представляющих научный и художественный интерес» (Pensoso. По поводу статьи «Достойная память героям» // Асхабад, 5 октября 1901, № 278).

Впрочем, нужно заметить, что статья «Блаженная жизнь», несмотря на полемические выпады, носила более серьезный и спокойный характер, нежели предыдущие статьи Pensoso по поводу «Самодержавия». За его критикой стояла определенная, твердо отстаиваемая точка зрения человека, преданного гуманистическим идеалам, верящего в прогресс знания и науки, выступающего за социальное равенство. Спустя два дня после публикации «Блаженной жизни», 5 января 1902 г. он поместил в газете стихотворение в прозе «Жизнь не ждет», в котором звучал призыв «бороться с людскими со скорбью, с горем» (текст этого стихотворения см.: «Приложение», «К разделу “Асхабадская полемика”», примеч. 12). А 7 января – большую статью «Итальянская поэзия», в которой представил местному читателю творчество двух итальянских поэтесс – Анны Виванти и Ады Негри, причем основной акцент в статье был сделан именно на вопросе о цели и смысле жизни, а приводимые цитаты подобраны из наиболее философских, «экзистенциальных» их стихотворений. Если Анна Виванти, писал Pensoso, «много раз старается, но тщетно, получить разрешение вопроса о своем назначении в жизни» («Боже, чего ты хочешь от меня? Зачем я живу? Какая ждет меня судьба?»), то в лирике Ады Негри, пронизанной чувством любви к простому народу, уважения к труду, жаждой справедливости, «много бодрых призывов к светлым идеалам человечества» («Асхабад», 7 января 1902, № 7).

8 января Н. П. Петерсон включился в обсуждение другого вопроса, возникшего на страницах «Асхабада» также осенью 1901 г. в связи со знаменитой речью М. А. Стаховича о свободе совести, произнесенной на Орловском Миссионерском съезде (см. примеч. 76 к разделу «Статьи и заметки разного содержания»). Сама эта речь была перепечатана на страницах газеты 30 октября 1901 г. (№ 303), а спустя неделю – 8 ноября – были помещены устные выступления и прения по докладу (№ 312). Первым откликом на эти публикации стала статья П. Я. Циркунова (П. Ц.) «К вопросу о “свободе совести”» («Асхабад», 17 ноября 1901, № 321). Публицист подчеркнул значимость и серьезность проблемы, затронутой Стаховичем: ею «нельзя не заинтересоваться всякому христианину, для которого вероисповедные вопросы составляют не материал для диалектики, а служат руководящими принципами жизни». Допускать ли насилие над совестью, контроль государства и чиновников в вопросах веры? – Циркунов склонялся здесь к отрицательному решению, считая полицейские меры не только бесполезными, но и подчас губящими живые ростки религиозного чувства. «От частого употребления насилия над совестью она может совершенно

если не умереть, то атрофироваться». «Наша вера должна быть свободным изъявлением духа», актом сознательным и добровольным, а не исповедыванием «из-под палки», – заключал Петр Яковлевич.

21 декабря по поводу поднятого Стаховичем вопроса высказался Pensoso. «Если допустить свободу совести, – писал он, – то, по мнению многих, люди, не чувствуя на себе сдерживающей узды, начнут совершать преступления и злодеяния. Между тем, в обыденной жизни удерживает людей от совершения еще большего числа преступлений, чем это есть на самом деле, не лишение свободы совести, а страх перед наказанием, согласно действующим в стране законам, следовательно, боязнь учащения преступлений совершенно неосновательна. Допущение свободы совести освобождает людей от излишнего лицемерия и фарисейства». Эта свобода – «*право* всякого человека», «святая святых его души, его я» (Pensoso. Что такое свобода совести? // Асхабад, 21 декабря 1901, № 355).

Свою точку зрения на поднятый Стаховичем вопрос Н. П. Петерсон высказал в статье «О свободе совести» («Асхабад», 8 января 1902, № 8). Его возражения вызвал один из пунктов юридического определения «свободы совести» проф. Н. М. Коркунова, приведенного Pensoso в начале статьи: свобода совести состоит «в свободе не исповедовать никакой религии». «Если верно, – замечал Николай Павлович, – что *религия есть разрешение вопроса о цели и смысле существования,* [...] в таком случае *свобода не исповедовать никакой религии* не равняется ли свободе или праву признавать, что существование не имеет ни смысла, ни цели, – не будет ли это правом на бессмысленное существование?! Бессмысленное же существование может ли быть существованием нравственным?» Следуя Федорову, Петерсон предостерегал против обожествления принципа свободы совести: будучи возведена в абсолют, эта свобода неизбежно обернется свободой на бесконечное блуждание, таящей в себе отказ обрести, наконец, единую, объединяющую всех истину, верование, цель. «Религия, – подчеркивал он, – не мнение только, а дело, и дело целой жизни, дело не каждого в отдельности, а всех в совокупности, для осуществления этого дела люди и собираются в общество, образуют государство, которое не может быть отделено от церкви и не может не стремиться к тому, чтобы было едино стадо и един пастырь, т. е. чтобы весь род человеческий под предводительством одного пастыря, самодержца, императора, предался единому делу всеобщего спасения».

17 января 1902 г. в «Асхабаде» появляется новая большая статья Петерсона «Вопрос о смысле и цели». В ней публицист свел воедино положения двух предыдущих своих статей – ведь и вопрос о «религиозном ведении», и вопрос «о свободе совести» равно приводились им к одному всеобъемлющему вопросу о смысле и цели жизни. Возражая Pensoso, Петерсон решительно отметал обвинение в клевете на науку, развивал мысль Н. Ф. Федорова о всеобщности познания и исследования, вновь говорил о необходимости нравственной ориентации человеческого знания (текст статьи см.: Т. IV наст. изд., с. 554–556). Ответ оппонента не заставил себя ждать. Статья «Кругом да около» («Асхабад», 20 января 1902, № 20) начиналась с разоблачения тактической хитрости Петерсона, выступавшего под разными псевдонимами (то «Н. П.», то «***»), а порой и вообще без подписи и тем создававшего иллюзию существования нескольких своих соратников (ему же, кстати, Pensoso приписал здесь и статью «Самодержавие»). Помимо уже знакомых «прогрессистских» доводов, публицист приводил мнение В. С. Соловьева о том, что «в известном смысле» можно признать «независимость нравственности от положительной религии», вступал даже на христианскую почву и апеллировал к Священному писанию: «Нравственность, независимую от религии, автор не признает. Но почему же признал таковую ап. Павел? [...] Полагая, что по воскресении наша плоть будет обладать иными, чем теперь, свойствами, и что деторождения, например, не будет, автор признавал для чего-то необходимыми иные миры, исследуемые нами при помощи астрономии, для размещения после воскресения. Я просматривал все Евангелие и нигде не нашел указания, что нам после воскресения нужны иные миры для размещения. Не укажет ли автор, на каком основании ему нужны эти миры?

Где заповедь, предлагаемая автором: “жить со всеми живущими для воссоздания всех умерших?” По Евангелию, такой заповеди нет». В конце статьи формулировалось credo интеллигенции: «Существует общая идея о самосовершенствовании и развитии солидарности. В этом задача человека с религиозной и с научной точки зрения».

Полтора месяца обсуждение «вопроса о цели и смысле жизни» шло без участия Н. Ф. Федорова. Первая его статья была опубликована в «Асхабаде» лишь 14 февраля 1902 г. Этому есть объяснение. До двадцатых чисел января он вообще не знал о втором этапе поле-

мики вокруг своего учения. Нужно сказать, что и первый этап асхабадской полемики прошел целиком без его ведома и без его голоса. После отъезда Федорова весной 1900 г. из Асхабада, перед которым произошла у него серьезная размолвка – почти разрыв – с Н. П. Петерсоном, учитель и ученик прекратили переписку. Решение о публикации «Разоружения» и «Самодержавия» Петерсон принял самостоятельно, не сообщив об этом Федорову и не испросив его разрешения. В статье «К пересмотру системы нашего образования», предварявшей публикацию «Самодержавия», он писал: «Почти сорок лет я *был* в непрерывных сношениях с человеком, который во всю свою долгую жизнь [...] все силы своего глубокого и великого ума, все средства, которые дают ему обширные и всесторонние знания, обращал на разрешение вопроса не о том, "почему сущее существует?" [...], а о том, "почему живущее страдает и умирает"». Далее Петерсон сообщал, что от этого человека остался у него ряд статей и некоторые из них он хочет предложить вниманию читателей. «С автором этих статей после того, как между нами легло пространство в несколько тысяч верст, я сношений не имею; но статьи писались не для того, чтобы они лежали под спудом» («Асхабад», 5 июля 1901, № 186; курсив наш. – *Сост.*). Это «был в непрерывных сношениях» и «сношений не имею» (как будто почтовая связь внезапно куда-то канула) говорит очень о многом, так же как и приведенное в послесловии к «Самодержавию» пояснение, что сам автор не смог просмотреть свою работу перед печатью («Асхабад», 22 июля 1901, № 203). Ответы на возражения оппонентов писались Петерсоном опять-таки без какой-либо поддержки и совета Федорова, который в то время даже и не подозревал, что «на далекой среднеазиатской окраине» началось бурное обсуждение его идей. (Интересно, что в августе 1901, когда статья «Разоружение» уже больше двух месяцев как была перепечатана в «Асхабаде», Н. Ф. Федоров сообщил В. А. Кожевникову о том, что она «нуждается в дополнении», и в качестве одного из дополнений послал заметку о проекте Станоевича (письмо 249).)

Лишь в сентябре 1901 г., когда полемика была уже в разгаре, Н. П. Петерсон отправил В. А. Кожевникову несколько писем с вырезками относящихся к ней статей. Судя по сохранившемуся его письму от 1 ноября 1901 г., послал он только «Разоружение», возможно «Самодержавие», статьи П. Я. Циркунова (П. Ц.) и собственные, статьи же Pensoso – предельно резкие и издевательские по тону – послать не решился. В этом письме Николай Павлович объяснил и мотивы, которыми руководствовался, перепечатывая «Разоружение» – статью, которая, собственно, и положила начало полемике (текст письма см.: Т. IV наст. изд., с. 617–618). Реакция Н. Ф. Федорова на статьи П. Я. Циркунова выразилась в черновом письме к Н. П. Петерсону, датируемом октябрем 1901 г. (см. в наст. томе): мыслитель болезненно воспринял некоторые замечания и упреки оппонента, набросал ряд аргументов в защиту учения, однако дальше черновика дело не пошло.

О начавшемся втором этапе полемики Н. П. Петерсон сообщил В. А. Кожевникову в январе 1902 г., одновременно выслав ему, помимо двух собственных статей – о Народном доме и о свободе совести, – статьи Pensoso (в том числе «Жизнь не ждет» и «Итальянская поэзия»). В ответном письме от 28 января (см.: Т. IV наст. изд., с. 625–626) Кожевников горячо откликнулся на предпринятое Петерсоном печатное обсуждение идей «всеобщего дела». Вместе с письмом он отправил Николаю Павловичу две статьи – Н. Ф. Федорова «По поводу полемики о "блаженной жизни"» и собственную – «Поэтесса вдумчивой скорби».

Из этого и последующих совместных писем Н. Ф. Федорова и В. А. Кожевникова к Н. П. Петерсону зимы и весны 1902 г., а также из сохранившихся заметок Федорова можно составить представление о том, как сам Федоров отнесся к возобновившейся полемике. Это отношение было достаточно сложным, неоднозначным, двойственным. С одной стороны, воскресительные идеи впервые зазвучали в печати прямо, не скрываясь, как ранее, за другими, локальными темами (библиотечными, музейными, краеведческими и т. д.), появилась возможность говорить о «конечном идеале» напрямую. С другой, рождалось сомнение – отчасти основанное и на реакции оппонентов – в целесообразности фрагментарного, «газетного» изложения учения. Не до конца удовлетворяли Николая Федоровича и статьи Петерсона. Предельно строгий к себе, к собственным текстам (они казались ему неясными, неяркими, неубедительными), он был строг и к тем, кто, как Петерсон, стремился самостоятельно излагать его мысли. И в асхабадских статьях ученика – особенно там, где Петерсон приводил свои собственные рассуждения на воскресительную тему, – находил существенные, с его точки зрения, неточности в выражениях.

Кстати, эти неточности отчасти повлияли и на ход полемики. Так, Петерсон в первой статье – о Народном доме – позволил себе весьма ответственное, лично ему принадлежа-

щее определение чаемой будущей жизни как «бессмертной и блаженной», которая сама себе будет целью: «Если бы мы не страдали и не умирали, если бы мы, как говорится, блаженствовали, – и притом в истинном смысле этого слова, и все бы вокруг нас блаженствовало, явилась ли бы у нас мысль о смысле и цели существования». Такое определение было нечетким и размытым, а главное – в нем не была отражена активная, деятельная сторона будущего благобытия, задача уподобления Богу по творческой его природе, представление о неисчерпаемых возможностях созидания, которые откроются пред человеческим многоединством в вечности, – а ведь это как раз и было существенным вкладом Федорова в раскрытие христианского идеала.

Данное рассуждение вызвало критику Pensoso и послужило ему основным аргументом для обвинения автора статьи о Народном доме в том, что тот решает «вопрос о смысле и цели» в духе пресловутой формулы «жизнь для жизни нам дана» («ответ “жизнь для жизни” или “жизнь для блаженной жизни” – не есть ответ» // Асхабад, 20 января 1902, № 20). А выражение «блаженная жизнь» стало для полемиста настоящей притчей во языцех, во всех своих статьях он не уставал иронизировать над этим определением.

Допускал Н. П. Петерсон и другие неточности. А между тем там, где речь шла о тонких и сложных онтологических вопросах, всякое «плавание» было чревато искажением идеи. Кроме того, полемическая манера Петерсона была черезчур резка, непримирима. Порой своими безапелляционными суждениями он провоцировал негативную реакцию оппонентов. И хотя Н. Ф. Федоров подчас сам грешил резкостью оценок, спор как таковой – и особенно в сфере высшего идеала – мыслитель не считал плодотворным. Истина, был убежден он, в подобном споре отнюдь не рождается, а возрастают взаимное недовольство и вражда, усиливающие несогласие. Так что, возможно, именно неточности, допущенные Петерсоном, а также стремление повернуть *бесплодную*, пустую *полемику* в плодотворное русло, перевести ее в *обсуждение,* подвигло Николая Федоровича на то, чтобы самому выступить на страницах «Асхабада».

И первая его статья была выдержана вполне в примиряющем духе. Николай Федорович отмечает отрадность самого факта постановки вопроса о воскрешении на среднеазиатской окраине России, там, где неподалеку находилась родина древнего пророка Заратустры, возвещавшего «фрашо керете», благое дело искупления мира от зла. Пытается найти точки примирения с оппонентами, и прежде всего с Pensoso. В энергичных, поэтически выразительных периодах раскрывает объективную закономерность нового, регулятивного этапа эволюции, содержание «общего дела», рисует картину гармонизации мира через «обращение слепой силы природы в управляемую разумом и чувством». Наконец, дает собственное определение «блаженной жизни» – в духе активного христианства.

Не обошел вниманием Николай Федорович и вопрос о свободе совести, который сам он ставил в предельном, проективно-должном плане: речь шла о высшей свободе единого благого избрания, которой должно достичь «совершеннолетнее» человечество, вышедшее из игрового состояния.

Уже через два дня, 16 февраля, Pensoso отвечает анонимному автору статьей «Свобода на рознь» («Асхабад», 1902, № 47). Признав верными его рассуждения о родине Заратустры, осознав, наконец, что «блаженная жизнь» означает преображенное творческое существование, а не «загробную блаженную жизнь без всякой деятельности», он упирается вновь в проблему свободы совести. Понимая эту проблему, в отличие от Федорова, конкретно-исторически, можно сказать, прагматически, он резонно опасается, что «жизнь при отсутствии “свободы на рознь” похожа скорее на жизнь в полицейском участке».

Эти опасения подхватывают и другие читатели газеты. 21 февраля «Асхабад» печатает сразу два полемических материала на эту тему. Некто Г. Р. пишет «По поводу статьи “О свободе совести”», упрекая «****» в малообоснованной аргументации, произвольном и «крайне одностороннем» толковании проблемы. Идея единой высшей религиозной истины, которую должны принять все, отказавшись от блуждания среди различных верований, Г. Р. непонятна до конца, кажется условной, никак не общеобязательной. В «Открытом письме к автору статьи “О свободе совести” (в № 8 газеты “Асхабад”)» за подписью Z говорится о том, что вопрос о свободе совести – вопрос исключительно юридический, а отрицание такой свободы ведет к принуждению и лицемерию. «Неужели вы желали бы, чтобы нас, читателей ваших статей, *заставили* исповедывать (вслух, по крайней мере) ваши взгляды, неужели они, взгляды, от этого в ваших или наших глазах стали бы истиннее? Зачем вам принуждение, уголовная репрессия? Разве дело общего спасения от этого выиграет?» – эти и другие законные и вполне искренние вопросы корреспондента, оче-

видно, подействовали на Федорова, и в последующих выступлениях в газете максималистский, действительный лишь совсем для другого, «совершеннолетнего» состояния общества взгляд на свободу совести им активно уже не проводился.

Между тем полемика продолжалась. Через неделю, 28 февраля 1902 г., Pensoso публикует очередную статью «Ада Негри и воскрешение умерших». Дело в том, что Федоров, стремясь поначалу к доброжелательному диалогу с асхабадским публицистом, в статье «По поводу полемики о "Блаженной жизни"» специально упомянул об итальянской поэтессе, «властительнице дум г-на Pensoso», и даже через В. А. Кожевникова просил Петерсона предпослать статье «какой-либо поэтический эпиграф» из ее стихотворений (см. письмо В. А. Кожевникова Н. П. Петерсону от 28 января 1902: Т. IV наст. изд., с. 625–626). В связи с ее творчеством мыслитель поставил вопрос *о жизни и смерти*, указав на то, что он глубже вопроса *о богатых и бедных*, который, по трактовке Pensoso, так волновал Аду Негри. В. А. Кожевниковым же, очевидно, не без ведома Федорова, была написана статья «Поэтесса вдумчивой скорби», в которой он показывал, что художественное мировоззрение Ады Негри не ограничивается одной лишь идеей социального протеста, что в ее лирике явственно слышны отзвуки «вечных вопросов» человеческого существования. Владимир Александрович хотел, по его словам, «дать понять г. Рубио (настоящая фамилия Pensoso. – *Сост.*), что даже в своей любимой поэтессе он мог бы найти очень ясные намеки на то, в чем должна заключаться "блаженная жизнь"» (там же, с. 625). Статья была опубликована 20 февраля 1902 г. в № 51 газеты «Асхабад». Однако усилия Федорова и Кожевникова установить мостик понимания с Pensoso не увенчались успехом. В вышеуказанной статье он решительно не согласился с тем, что «Ада Негри одинаково с его возражателями решает вопрос о блаженной жизни». Поэтесса, утверждал Pensoso, если и скорбит о смерти, то только отдельных избранных, «отдавших свою жизнь за свободу», она – певец страждущего, обездоленного большинства, рабочего люда и ее не волнуют страдания и конец «тех, кто живет чужими трудами», тех, кого она называет «parassiti inutili» – «бесполезные паразиты». Да, трудно было принять логику всеобщего спасения, взгляд на натуральные природные бедствия всех без исключения смертных, тем более в эпоху торжества разделительного, исключительно социального подхода к проблеме зла. «Идеалы поэтессы прекрасны, заманчивы, но нисколько не подтверждают взглядов моих возражателей, ставящих целью жизни *воскрешение* умерших, чтобы разместить их на иных мирах для блаженной жизни при условии недопущения на сей земле свободы на рознь, т. е. свободы совести», – иронизирует Pensoso.

Насчет выражения «Блаженная жизнь» Федоров решительно объясняется в статье «По поводу статей г-на Pensoso "Блаженная жизнь" и "Кругом да около"» («Асхабад», 3 марта 1902, № 62). Здесь он критикует утверждение Петерсона, что вопрос о цели жизни вовсе не существовал бы, если бы не было отрицательного и горестного в жизни. Блаженство в таком понимании – лишь отсутствие страдания и смерти, а не нечто действительно положительное. «На самом же деле истинное блаженство заключается в труде познания и воссоздания жизни». Оно вовсе не пассивно-расслабленно, не есть гедонистическое ублажение чувственной сферы человека, его надо понимать всеобъемлюще и творчески-активно: это и «блаженство ума, достигшего полноты знания целой вселенной, и блаженство чувства, соединяющего все поколения человеческого рода, и, наконец, блаженство воли – в управлении слепою силою, проявляющеюся во всех мирах». Федоров пытается в каждом своем выступлении уточнить свой идеал, исправить то поверхностное о нем впечатление, которое составили себе его оппоненты. Так, он успокаивает и тех, кто полагает, что поместить науку под эгиду религии значит ограничить ее свободу и размах. Напротив, религионизация знания вовсе не означает поставления каких-то ему пределов, но – расширение в бесконечность, на задачи вселенские. И не просто расквартировать воскрешенные поколения в других мирах – цель всечеловеческого, всемирного дела, а сделать эти миры сознательными и управляемыми.

Через три дня, 6 марта, Pensoso отвечает «Авторам статей о воскрешении». Он констатирует отсутствие полного единомыслия в вопросе о «блаженной жизни» среди самих авторов теории воскрешения. Опять-таки указывает, что вопросы «для чего блаженная жизнь и в чем блаженство» московским автором не разрешены. Вникнуть в органически чуждую ему мысль «московского автора» Pensoso даже не пытается, а ограничивается упреками в туманности изложения, которые неоднократно высказывались им еще по поводу «Самодержавия». Вновь презрительно звучит слово «апокрифический» – зачем, мол, ссылаться «на какие-то апокрифические "Пасхальные вопросы"» и не пора ли автору изло-

жить «нам простую истину, отказавшись от иносказаний, апокрифов и от противоречий самому себе».

Кстати, в том же номере газеты, на предыдущей странице Pensoso помещает свой перевод статьи Дж. Маззини «Смерти нет», – явно с полемической оглядкой на Федорова и Петерсона. «Я убедился, глубоко убежден, что *смерти нет*, – писал Маззини, – жизнь не может быть иная, как только вечная; *беспредельное развитие* есть закон жизни. [...] Я тосковал и еще продолжаю тосковать, но никогда не терял надежды, чувствуя святость смерти. Чувствовал, как во мне нарождалась новая потребность любить. Чувствовал, что не должен никогда забывать дорогих сердцу, что должен становиться лучшим, более любвеобильным к другим, более деятельным при исполнении своего долга, для их и для моего блага. Чувствовал, как они были бы огорчены, если бы я поступал иначе. Чувствовал, как своими действиями я должен скорей исполнять заветы истинной любви, горячей любви здесь на земле» («Асхабад», 6 марта 1902, № 65).

Так, несмотря на усилия Федорова и Петерсона, непонимание «учения о воскрешении» нарастало. Не удержался от легкой иронии даже П. Я. Циркунов, отношение которого к этому учению во всяком случае было заинтересованным и серьезным, несмотря на то, что он и выступал на страницах газеты с сомнениями и возражениями. В статье «У сиротки-подкидыша», посвященной проблеме подкидывания детей (для Асхабада она была в те годы весьма актуальной, местные газеты периодически сообщали о случаях оставления детей у порога чужих домов) он, говоря о необходимости устройства в каждом городе «детских яслей для приема нелегальных детей», замечал: «В противном случае, нам придется ожидать, когда подкидывание детей, может, и само прекратится... в то время, когда, по учению Л. Н. Толстого, на земле водворится Царствие Божие, или, по идее безыменного автора ("Асхабад", № 62 с<его> г<ода>), пока люди не овладеют вполне космическими силами природы, не исполнят долга воскрешения праотцев и сами не сделаются бессмертными, но неспособными к деторождению, т. е. когда некого будет подкидывать» («Асхабад», 7 марта 1902, № 66). И хотя сказано это было, как говорится, «ради красного словца», но в общую атмосферу неприятия и насмешки, созданную статьями Pensoso, вносило свою лепту вольно или невольно.

8 марта по поводу второго этапа полемики не преминула высказаться Е. М. Крас-ская (см. о ней в преамбуле к «Самодержавию» – Т. II наст изд., с. 440–441). В статье «Еще по поводу полемики между *** и Pensoso» она изложила свое собственное понимание бессмертия, демонстрируя весьма распространенные верования, где и бессмертие души, и космическое восхождение душ, и бесконечное их круговращение, когда земное воплощение становится лишь кратковременным пристанищем. Но на такую среднеарифметическую «теософскую» болтовню Н. Ф. Федоров и Н. П. Петерсон не сочли необходимым отвечать.

Асхабадская полемика, тон в которой задавал Pensoso, постепенно заходила в тупик. И если, посылая Петерсону статьи «По поводу полемики о "Блаженной жизни"» и «По поводу статей г-на Pensoso "Блаженная жизнь" и "Кругом да около"», Федоров еще надеялся убедить своего главного оппонента и в письме от 10 февраля 1902 г. через посредство В. А. Кожевникова давал подробные советы, как лучше вести диалог с ним, то, получив от Николая Павловича статью Pensoso «Свобода на рознь» и находя, «что этот господин ведет полемику крайне недобросовестно» (Т. IV наст. изд., с. 456), со своей стороны решил прекратить публичные объяснения с ним. 3 марта Н. Ф. Федоров и В. А. Кожевников сообщают Николаю Павловичу об этом решении, одновременно подчеркивая, что это их личный выбор, и Петерсон волен сам решать, продолжать ли ему со своей стороны спор с Pensoso или нет (на случай, если бы Петерсон выбрал первое, в том же письме набросано несколько ответных реплик). Присланная при этом письме статья «Последнее слово к г-ну Pensoso» была опубликована в «Асхабаде» 19 марта. Ее предваряло обширное «Письмо в редакцию» Н. П. Петерсона: в нем Николай Павлович отводил упреки в каком бы то ни было принуждении людей к «общему делу», а главное, призывал буквально и просто понимать учение о воскрешении, не отыскивая в нем апокрифов и иносказаний. На принципе исключительного доброволия, «добровольного согласия» на участие или неучастие в деле воскрешения и преображения мира настаивал и сам Федоров в своем «Последнем слове...». Главная его надежда – на примирение теоретических споров, разнообразных верований и мнений именно в одном, кровно касающемся всех Деле. Бесконечная полемика, эта «война словесная, чернильная, жалкая, но душегубительная», к миру не ведет, и он ее прекращает.

И действительно, Федоров свое слово сдержал. На следующий день, 20 марта, была опубликована присланная вместе с ответом Pensoso статья «Несколько слов о Ницше», а

31 марта – подводящая итог уже всей «асхабадской истории» статья «Полемика и война, или “О двух войнах”», где мыслитель оценил состояние бесконечной и бесплодной полемики, никого не убеждающей, а усиливающей рознь и ненависть, находящиеся «в теснейшей связи с войной или борьбой в обширном смысле», как принадлежность «несовершеннолетнего» состояния человечества, и призвал «обратить спор в разговор или совещание», которое будет искать пути к умиротворению. Причем почин здесь, по его мнению, должна была положить именно журналистика, имеющая дело со словом, в котором – великая сила: ее долг «очнуться, пробудиться» и «дать отчет в самых основных причинах войны и полемики»; сознав зло розни, призвать к соединению.

Впрочем, г-н Pensoso вовсе не собирался последовать призыву «московского автора». 7 апреля (№ 97 «Асхабада») он отвечает ему новой разгромной статьей «Свобода на ложь», в которую вкладывает весь свой саркастический талант. По новому учению, «свобода личного понимания и истолкования есть свобода на ложь» – что ж, он, Pensoso, готов это допустить, но чем тогда является само это учение, как не «личным истолкованием и пониманием, следовательно той же “свободой на ложь”»? И к чему нелепый пассаж о несовершеннолетии республик и конституций? Автор, заявляет Pensoso, грешит «полным игнорированием [...] истории и текущей жизни». Он «заботится о воскрешении мертвых и забывает настоятельные нужды живых. Поэтому его учение есть учение “в жизни место”, выражаясь его странным слогом».

Параллельно полемике с Pensoso Федоров и Петерсон отвечали «Г. Р.» и «Z». Еще 3 марта в письме в редакцию, предварявшем публикацию статьи «По поводу статей г-на Pensoso “Блаженная жизнь” и “Кругом да около”», Петерсон замечал: «После статьи “Свобода на рознь” с самим г-ном Pensoso никаких разговоров, очевидно, быть не может, потому что ему так дорога *свобода на рознь*, что ни о чем общем у людей он и слушать не хочет и пропускает мимо ушей все, что бы ни говорили те, для которых дорого именно это *общее*, для которых важнее всего *долг, обязанность*, а не *свобода*, которая в сущности пустой сосуд и его можно наполнить всем, чем угодно, и не *права*, которые без ссор и борьбы не живут, – ответ же на статьи, помещенные в № 52-м газеты, составит предмет особой статьи». 17 марта Федоров и Кожевников вместе со своим письмом послали Николаю Павловичу «несколько ответных слов на статью “Открытое письмо” (в № 52-м)», оставив на его усмотрение, отдавать заметку в печать или нет (Т. IV наст. изд., с. 459). 31 марта в традиционном уже «Письме в редакцию», сопровождавшем на этот раз статью Федорова «Полемика и война», Петерсон высказывается по поводу статей «Г. Р.» и «Z». Свой отказ от намерения писать особую полемическую статью публицист мотивирует тем, что в напечатанных ранее московских статьях уже очерчен с достаточной полнотой взгляд на вопрос о свободе совести, к которому и он, Петерсон, всецело присоединяется. Однако несколько дополнительных слов сказать все же считает нужным. Далее вновь критикуется распространенный, по мнению Петерсона, среди интеллигенции взгляд на религию как на «нечто несущественное, не имеющее никакого практического значения», как на «нечто такое, чем каждый человек может заниматься совершенно независимо от всех других людей, – какую бы религию я ни исповедывал, это никого, кроме меня, не касается, как и меня не касается, какую бы религию ни исповедывал всякий другой человек, кто бы он ни был, ближний ли он мне или дальний». К счастью, «громадному большинству людей» свойственен все-таки иной взгляд: в религии видится им «разрешение вопроса о смысле и цели существования», то, что «дает направление всей жизни человека». «По мнению же, которое принадлежит пока еще очень и очень немногим, религия есть общее дело всего рода человеческого, содержание которому дает наш долг к отцам, исполнение же этого долга требует всей жизни всех людей, требует всей науки, как совокупности всех наук, всего искусства, как совокупности всех искусств, и что же может значить при исполнении этого долга свобода совести?» «Что же касается многоуважаемого автора открытого письма, напечатанного в том же № 52-м “Асхабада”, – продолжает далее Петерсон, – то из впоследствии напечатанных статей и из наших с ним бесед он уже убедился, что мы, видящие спасение только в общем для всех людей деле всеобщего воскрешения, ни о каком насилии никогда не помышляли, и отвергая свободу на рознь, мы желаем и стремимся к всеобщему согласию, но только *добровольному*, и надеемся достигнуть этого добровольного согласия, потому что приглашаем к делу, которое, будучи общим для всех, есть родное и бесконечно дорогое для каждого». Плодотворный исход бесед с г-ном «Z», вероятно, и послужил причиной того, что написанная Федоровым по поводу его статьи заметка в печати так и не появилась.

2 апреля «Г. Р.» выступил на страницах «Асхабада» со статьей «Полемика по необходимости» (№ 92). Он не согласился с утверждением Петерсона, что свобода совести фактически сводится к «свободе не исповедывать никакой религии», назвав его рассуждения казуистическими. При этом «Г. Р.» подчеркнул, что обсуждать вопрос «что есть религия?» лично он не берется, признавая же «свободу не исповедывать никакой религии», тем не менее считает, что «внешнее исполнение обрядов государственной или господствующей религии не только возможно, но зачастую обязательно для каждого отдельного члена государства по силе положения вещей и вне зависимости его религиозного "я"», – заметим: именно это г-н Pensoso в своих статьях называл «фарисейством». В отношении же статей Федорова «Г. Р.» отказался высказаться по существу, сославшись на «крайнюю неясность изложения», странную логику автора, который простым, давно известным понятиям дает неожиданные и мало понятные определения. «Какое же отношение журнальная полемика между двумя людьми может иметь к их отцам и причем тут сыновский долг?!» – восклицает «Г. Р.» по поводу статьи Федорова «Полемика и война».

Во второй половине марта 1902 г. В. А. Кожевников высылает Н. П. Петерсону последнюю заметку Федорова, предназначавшуюся для «Асхабада». Она была посвящена краткому разбору работы М. М. Тареева «Смысл и цель жизни». «Нам кажется, – пояснялось в сопроводительном письме, – напечатание посылаемой Вам краткой заметки было бы полезно как указание на то, что вопрос о цели и смысле жизни, и притом решаемый путем воскресения, не есть личное произведение, а потребность времени, что он возникает у разных лиц, независимо друг от друга» (Т. IV наст. изд., с. 461). Петерсон отвечал 7 апреля обещанием воспользоваться «этою заметкою для напечатания ее в "Асхабаде"» (там же, с. 619) и спустя две недели выступил в газете с большой статьей «Еще о смысле и цели». Первая и бóльшая часть статьи начиналась разбором романа Боборыкина «Исповедники», затрагивавшего вопрос о свободе совести, и давала очередные разъяснения позиции «излагателей учения о воскрешении» по этому вопросу. Вторая – содержала присланную Кожевниковым заметку Федорова. На новое выступление «на старую тему» немедленно отреагировал Pensoso. Его статья «Свобода мнения» появилась 1 мая в № 121 «Асхабада». Иронически заметив, что «автор начинает уже отчасти признавать свободу "сметь свое суждение иметь"», публицист не согласился с тем пониманием христианства, которое, следуя идеям Федорова, представил в своей статье Петерсон (выделение «культа предков» как важнейшей составляющей христианской религии, указание на центральность идеи воскресения и т. д.), и противопоставил ему общегуманистическое истолкование «благой вести»: «Если бы автор проникся духом Евангелия, проникся бы братским чувством, то мечтал бы, конечно, не об отце и детях, а о таком устройстве общества, когда управляющие и управляемые – братья, равноправные братья». При этом Pensoso критически отозвался и о позиции Тареева: «...г. Тареев забыл совсем о делах, необходимых для оживления веры. Ведь нельзя забывать, что человек прежде всего *живет* и что пост и молитва не дают ответа, как человек живет и хорошо ли он живет. Пост и молитва – дело личное. Сама же жизнь, отношение к другим, долженствующее быть любовным, это и есть дело, оживляющее веру. Любовное отношение к другим – это истинное благочестие. Удивительно, как это люди читают Евангелие и не понимают его».

Статьей «Еще о смысле и цели» и ответом Pensoso асхабадская полемика 1901–1902 гг. завершилась. Федоров не стремился к ее продолжению. Его отношение к ней, двойственное с самого начала, на протяжении зимы и весны 1902 г. все отчетливее приобретало негативный оттенок. Неспособность и нежелание оппонентов вникнуть в логику его мысли порождали ощущение безнадежности, а неоднократно звучавшие на страницах газеты упреки в неясности изложения, странности языка, во многочисленных якобы нелепостях внушали сомнения в собственной способности донести до читателя дорогие ему идеи. Параллельно крепло убеждение в ошибочности фрагментарного изложения учения «всеобщего дела» («печатания отдельных статеек»), что неизбежно приводило к его непониманию и искажению. Эта мысль неоднократно звучала в письмах Федорова и Кожевникова к Петерсону. Внимая приводимым ими доводам, Петерсон предлагал даже начать печатание на страницах «Асхабада» всего корпуса сочинений мыслителя, и прежде всего «Записки от неученых к ученым», однако исполнить данный план не удалось: «...для этого требуется предварительно привести все в порядок, а мы все простираемся в даль» (письмо от 3 марта 1902 – Т. IV наст. изд., с. 457). Возникла мысль опубликовать хотя бы «Пасхальные вопросы» (будущий «Супраморализм»), но и они, по словам Федорова и Кожевникова, требовали еще предварительной доработки и переписки набело (там же). Так

что более ни одной статьи Федорова в «Асхабаде» не появилось. Не продолжал полемики и Петерсон. Отчасти, вероятно, его убедили доводы Федорова в пользу того, что «пора покончить с мелкими статьями, от которых большого толку быть едва ли может» (письмо от 17 марта 1902 – там же, с. 459). Отчасти – сыграло роль нежелание обострять отношения с Николаем Федоровичем возможными ошибками и неточностями в изложении учения: в мае 1902 г. между учителем и учеником возобновилась переписка и Петерсон по приглашению Федорова собирался ехать в Москву, чтобы содействовать окончательному приведению в порядок его трудов. Впрочем, отказавшись от продолжения полемики, Федоров все-таки надеялся хоть на какой-то понимающий отклик. В письме к Н. П. Петерсону 31 мая 1902 г. он спрашивал: «Мне известны печатные отзывы о статьях, помещенных Вами в газете "Асхабад". Желательно было бы знать словесные отзывы разных лиц, а в особенности духовенства, если таковые были и если Вам приходилось слышать. Припомните и, если можно, напишите. Быть может, словесные возражения были дельнее печатных» (там же, с. 467).

Надо сказать, что семена «асхабадских статей» кое-какие, пускай и редкие, всходы все-таки дали. Знакомство с учением «всеобщего дела» через эти публикации и через личные беседы с Петерсоном в целом оказало серьезное влияние на П. Я. Циркунова, который хотя и не разделял его целиком, но относился со вниманием и интересом и глубоко воспринял, например, федоровскую идею «общества по типу Троицы», призыв к христианизации всех сторон жизни и деятельности людей. П. Я. Циркунов внимательно следил за полемикой и через полтора месяца после ее завершения в своей постоянной рубрике на страницах «Асхабада» «Из размышлений старого мечтателя» дал собственное ее резюме. Его статья, появившаяся 15 июня 1902 г. в 166 номере газеты, начиналась с толкования нравственного смысла дня Пятидесятницы (иначе – дня Св. Троицы): он состоит в «усыновлении человека Богу», и задача людей – «быть детьми Божиими не по плотскому рождению, а по духу», стремиться «здесь, на земле [...] сделаться совершенными, как совершен Отец Небесный». Статья утверждала необходимость для человека и человечества цели, превосходящей его нынешнюю природу, указывала, что такую цель дает только религия, а именно христианство, выдвинувшее перед человечеством высочайший идеал. Писал о том, что церковь (речь в данном случае шла о православной церкви), чтобы противостоять нарастающему в обществе духовному шатанию, индифферентизму и неверию, сама должна обновиться, отказаться от формализма, должна быть не «ведомством православного исповедания», а реальной духовной силой, ведущей человека по пути обожения. В связи с этим П. Я. Циркунов и вспоминал о «новой религиозной идее, высказанной в десятках нумеров газеты "Асхабад" в прошлом и текущем годах в ряде статей под заглавием "Самодержавие", "К пересмотру нашего образования" и проч.

Авторы этих статей, – продолжал он далее, – исходя из завета Спасителя людям быть едино с Ним и совершенными, как Отец Небесный, – высказали идею, что совершенство это находится в руках самих людей и может быть достигнуто, если все силы и помышления людей, под отеческим руководством самодержца, будут направлены к покорению космических сил природы, к торжественной победе человеческого разума над слепой и мертвой "природой"; к обращению верований, чаяний и ожиданий в практическое дело религии, так как спасение рода человеческого хотя и зависит от милосердия Творца, но тем не менее оно находится в полной зависимости и от свободной воли спасающихся. Такими соединенными усилиями в деле религии и в борьбе с природою человечество может достигнуть воскрешения праотцев и собственного бессмертия.

Согласна ли эта идея с Евангельским откровением и верна ли сама по себе, я не вижу надобности разбирать. Но уже одна попытка авторов направить человеческую мысль к уяснению цели и смысла жизни достойна внимания как христианина, так и всякого мыслящего человека, а тем более должна она заинтересовать представителей церкви, – духовных руководителей и наставников. Воскрешение праотцев и собственное бессмертие – такая величественная и грандиозная задача, над осуществлением которой следует поразмыслить и потрудиться каждому смертному, ибо величайшее зло на земле – это смерть живущего. В культе воскрешения праотцев есть что-то бодрящее для человеческого духа: может быть, культ этот на деле и не осуществим, как и человеческое стремление к идеалу совершенства, но все же он представляет грандиозную картину человеческого труда, направленного к грандиозной, животворящей цели.

Против идеи авторов этих статей появилась полемика со стороны одного представителя науки, под именем Pensoso, но не против коренной догмы этой идеи, а по деталям: о свободе совести, о блаженной жизни и т. п. Местное же наше духовенство или не поинте-

ресовалось прочитать статей авторов культа воскрешения праотцев, или же прочитало, но не нашло почему-то возможным высказать свое мнение, которого многие из читателей "Асхабада" ожидали.

От избытка сердца уста должны глаголать, а в данном случае молчание неуместно, если только в сердцах обитает избыток духовного стремления... С этими стремлениями надо серьезно считаться, их надо направлять не только чисто служебным отношением к делу церкви...»

Если говорить о позитивных итогах асхабадской полемики, то главным из них, безусловно, стала предпринятая Федоровым начиная с весны 1902 года активная работа по систематизации своих сочинений и их подготовке к печати (как говорится, «не было счастья, да несчастье помогло»). Кроме того, прямое публичное обнаружение учения дало свои поучительные уроки. Во-первых, подверглось уничтожающему испытанию убеждение Николая Федоровича, что достаточно открыто бросить призыв к «общему делу», как на него откликнутся если не все сразу, то очень многие. Во-вторых, обнаружился во многом характерный, типичный веер реакций на федоровскую идею, встали такие новые трудности для восприятия и приятия ее, с которыми необходимо было считаться в будущем. Кроме того, обсуждение «вопроса о цели и смысле жизни» явилось значимым событием в истории газеты «Асхабад». Недаром же ее редактор З. Джавров в течение столь долгого времени, с июня 1901 по апрель 1902 (не говоря уже о публикациях 1899, 1900 гг.), предоставлял страницы своего издания для статей, не только значительных по объему, но и весьма непривычных по идеям (да и по манере изложения они выбивались из привычного газетного шаблона), и уж по крайней мере должен был считать затрагиваемые в них вопросы важными и способными серьезно заинтересовать читателя. Более того, Джавров, пока длилась полемика, нет-нет да и печатал материалы, которые так или иначе находились в кругу обсуждавшихся тем. 5 января 1902 г. (№ 5) была помещена статья «Мечников о бессмертии», приводившая мнение известного ученого по поводу заявления немецкого доктора Леба, что смерть организма вызывается определенным микробом и достаточно прививок в сочетании с рациональным питанием, для того чтобы предотвратить изнашивание организма (Мечников на это заметил, что одним рациональным питанием старение остановить невозможно). 16 марта 1902 г. (№ 75) в рубрике «Научный отдел» под заглавием «Проф. И. И. Мечников о "воззрениях на человеческую природу"» было дано резюме статьи «Русского вестника», посвященной мечниковской теории ортобиоза (см. о ней примеч. 141 к «Статьям философского и эстетического содержания из III тома "Философии общего дела"» – Т. III наст. изд., с. 686–687). А 21 мая газета поместила статью «Будущее человечества», посвященную идеям Бертло о новых источниках энергии, о возможности перехода на принципиально новый тип питания, основанный на искусственном синтезе белка, что, по мнению ученого, должно открыть человеческому роду невиданные перспективы, способствовать становлению совершенного общества, в котором исчезнут преступления и вражда. Тема воскресения на страницах газеты также была затронута: в переводе отрывка из «Авесты» (см. примеч. 29) и заметке «Легенда о воскресении» (реферат статьи из «Сибирской жизни»), приводившей якутское поверье, согласно которому «мертвый должен быть так зарыт в землю, чтобы там сохранился до трубы Архангела» (потому на юге, где земля в глубине никогда не замерзает, для мертвых худо, «ведь они сгниют и от них ничего не останется») и, кроме того, услышал трубный глас, поскольку неуслышавшие будут продолжать «спать своим тяжелым сном еще на долго-долго» и лишатся радости блаженной жизни («Асхабад», 16 марта 1902, № 75).

Однако отрицательная роль асхабадской полемики также была велика. Не в последнюю очередь полемика сказалась на тяжелом эмоциональном состоянии Федорова в последние два года его жизни, что особенно явствует из сохранившихся немногих заметок личного характера (см.: Т. IV наст. изд., с. 163–164). Она обострила и без того сложные отношения с Н. П. Петерсоном, став еще одним звеном в цепи причин, поведших к окончательному разрыву между учителем и учеником (см. примеч. к письму 274 (преамбула)), явилась одним из источников внутреннего конфликта, возникшего в связи с предложением Н. Н. Черногубова издать сочинения Федорова отдельной книгой (см. примеч. 187, 188, 191 к разделу «Статьи и заметки разного содержания»).

[1] Ранее опубликовано: «Асхабад», 14 февраля 1902, № 45 (без подписи); *Контекст 1988*, с. 309–311. В газете «Асхабад» статью предваряло «Письмо в редакцию» Н. П. Петерсона от 6 февраля, подписанное, так же как и его статьи «По поводу статей о Народном доме» и «Вопрос о смысле и цели», тремя звездочками (***). В письме он сообщал: «Вчера получил из Москвы две статьи: одна – под заглавием "По поводу полемики о блаженной жизни" и дру-

гая под заглавием “Поэтесса вдумчивой скорби”. Спешу послать вам эти статьи с покорнейшею просьбой напечатать их в ближайших номерах газеты “Асхабад”».

В фонде Н. П. Петерсона в ОР РГБ сохранились: 1) черновой набросок текста статьи, сделанный рукой Н. Ф. Федорова простым карандашом и черными чернилами на сложенном вдвое небольшом листочке (ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 21); 2) текст статьи, писанный рукой В. А. Кожевникова на двойном листе и половине двойного листа с поправками и припиской Н. Ф. Федорова (к.10, ед. хр. 18; к. 7, ед. хр. 113, лл. 5–5 об.), – именно эти листы и были присланы Кожевниковым Петерсону при письме от 28 января 1902 г.; 3) фрагмент текста статьи со слов «Если г. Pensoso есть действительно писатель вдумчивый» до слов «Это будет всецельность» (автограф рукой неустановленного лица с поправками В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона – к. 1, ед. хр. 44, лл. 5–6 об.); 4) вырезка из газеты «Асхабад» с печатным текстом статьи (к. 2, ед. хр. 9, л. 29). Сравнение второго и третьего автографов с газетной публикацией показывает, что Петерсон при переписке присланного текста ограничился весьма немногими исправлениями, преимущественно пунктуационного характера, кроме же этого, по просьбе Федорова, добавил эпиграф к статье, а также заменил последний абзац (см. примеч. 10).

Статья печатается по тексту газетной публикации с учетом оригинала. – *93.*

[2] В качестве эпиграфа взяты строки стихотворения «Не смущай меня» итальянской поэтессы Ады *Негри* (1870–1945), вошедшего в ее сборник «Бури» (1895). Вольный прозаический перевод этих строк Н. П. Петерсон приводил в последнем абзаце статьи. Как сам отрывок стихотворения, так и перевод его был взят им из статьи В. А. Кожевникова «Поэтесса вдумчивой скорби». – *93.*

[3] Так в «Авесте» называется воскрешение. – *93.*

[4] *Анна Виванти* (1868–1942) – итало-английская поэтесса и писательница, автор сборника стихов «Лирика». Строка, цитируемая Федоровым, взята из ее стихотворения «Или-или» (текст стихотворения в прозаическом переводе был приведен Pensoso в его статье «Итальянская поэзия»). – *93.*

[5] *«Жизнь не ждет»* – стихотворение в прозе Pensoso (текст его см.: «Приложение», «К разделу “Асхабадская полемика”», примеч. 12). – *93.*

[6] Данная фраза – отчасти полемический отклик на риторический вопрос Pensoso в статье «Что такое свобода совести?»: «Неужели еще долго не поймут, что лучше немного искренне верующих и преданных своей религии людей, чем много – но не искренних, а фарисействующих и действующих под влиянием некоторых физических воздействий?» В черновике статьи по поводу этого вопроса Федоров замечал: «Не только долго, а даже никогда не поймут, и даже сам автор, у которого повернулся язык выговорить о погибели большинства, не совсем понял, что говорит. Желать остаться в меньшинстве, быть равнодушным к погибели большинства, что возможно для совсем неверующих. Свобода совести возможна только при совершенном неверии» (ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 21, л. 2 об.). – *94.*

[7] В статье «Итальянская поэзия» Pensoso приводил следующий фрагмент стихотворения Ады Негри «Без имени»: «Я без имени. Я родилась в сырой лачуге. Моя семья – простой, черный народ. Я смеюсь над своими несчастиями и печалями, но плачу о стариках, бесприютных и голодных, плачу о невидимых для мира несчастиях...» – *94.*

[8] Цитата из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». – *94.*

[9] В переводе с итальянского *pensoso* означает «вдумчивый», «задумчивый», «озабоченный чем-либо». – *94.*

[10] Текст этого абзаца принадлежит Н. П. Петерсону. В оригинале статья заканчивалась так: «В заключение мы должны признать себя виновными в том, что такой величайший вопрос о цели и смысле существования и способе его исполнения делаем предметом газетным, где неизбежны непонимания, недомолвки...» – *95.*

[11] Впервые опубликовано: «Асхабад», 3 марта 1902, № 62 (без подписи). В фонде Н. П. Петерсона сохранились: вырезка из данного номера газеты с подчеркиваниями и исправлениями, сделанными его рукой (ОР РГБ, ф. 657, к. 2, ед. хр. 9, л. 31), оригинал статьи: один – рукой В. А. Кожевникова, с исправлениями и приписками Н. Ф. Федорова и поправками и вставками Н. П. Петерсона (к. 7, ед. хр. 113, лл. 1–4 об.; к. 10, ед. хр. 16; к. 6, ед. хр. 42, лл. 2–3 об.); а также первая часть статьи – текст выполнен рукой неустановленного лица; на рукописи имеются поправки и приписки В. А. Кожевникова и исправления и вставки Н. П. Петерсона (к. 1, ед. хр. 44, лл. 1–4 об.). Судя по тому, что на обоих автографах имеется правка Н. П. Петерсона, следует предположить, что оба они были посланы ему В. А. Кожевниковым. В конце первого автографа – приписка В. А. Ко-

жевникова: «Препровождаю Вам, глубокоуважаемый Николай Павлович, эти строки, продиктованные Н<иколаем> Ф<едорови>чем. Ждем ответа на предыдущие письма. Пользуюсь случаем пожелать Вам и уважаемому семейству Вашему всего наилучшего. Преданный Вам В. Кожевников» (к. 6, ед. хр. 42, л. 3 об.). В начале второго автографа – другая приписка В. А. Кожевникова: «По нашему мнению, *в таком виде* эти страницы *не* для печати» (к. 1, ед. хр. 44, л. 1).

Присланный В. А. Кожевниковым текст статьи был подвергнут Петерсоном большей правке, нежели статья «По поводу полемики о “Блаженной жизни”». Правка в основном носила стилистический характер; кроме того, Петерсон добавил две сноски и сделал небольшую собственную вставку в текст (см. примеч. 14).

Текст статьи печатается по газетной публикации с учетом оригинала. – *95.*

[12] В «Письме в редакцию» «Асхабада», сопровождавшем публикацию статьи, Н. П. Петерсон указал, что целиком согласен с замечаниями и поправками «московского автора» и не может не признать «совершенной справедливости, совершенной верности этих поправок...» («Асхабад», 3 марта 1902, № 62). – *95.*

[13] Фрагмент статьи Pensoso «Блаженная жизнь», на который ссылается здесь Федоров, приведен в преамбуле (см. выше). – *95.*

[14] Фрагмент со слов «и это не само собою делается, а достигается трудом» до слов «как Отец ваш небесный совершен» отсутствует в оригинале и вставлен Н. П. Петерсоном. – *95.*

[15] «Что значит – блаженство, блаженная жизнь? Есть ли это блаженство плоти? Если так, то ислам окажется наиболее подходящей религией для автора. Есть ли это блаженство духа? Неизвестно. Скорее нет, судя по автору. Он пишет, что человеческий род должен обладать движением иных миров, “*чтобы разместиться, когда все воскреснем*”.

Какой же тут дух и духовное блаженство. Если для размещения, когда мы воскреснем, – нужна опять материальная почва – иные миры?» (Pensoso. Блаженная жизнь // Асхабад, 3 января 1902, № 3). Подобное противопоставление воскресения духовного и материального не имело смысла в христианской концепции воскресения, на почве которой стоял и которую творчески развивал Федоров: воскресение здесь именно духовно-телесное, восстановляющее уникальное триединство тела, души и духа. – *96.*

[16] Мф 22:37, 39. Сноска вставлена Н. П. Петерсоном. – *96.*

[17] Цитаты из статьи Н. П. Петерсона «По поводу статей о Народном доме». – *96.*

[18] Обвиняя Н. П. Петерсона в том, что тот ограничивает вопрос о цели и смысле жизни религиозными рамками (притом, имея в виду лишь христианство) и тем, по мнению Pensoso, суживает его, публицист риторически вопрошал: «Относительно ведения *вообще* неужели автор до сих пор не понимает, что нельзя, стоя на одном островке (одна религия), полагать, что опираешься на всю вселенную (все религии и все знание человечества)?» (Pensoso. Кругом да около // Асхабад, 20 января 1902, № 20). – *97.*

[19] Еще в статье «Блаженная жизнь», указывая Петерсону, что задача «обращения слепой силы природы в управляемую разумом и чувством» вовсе не новшество и «выражена она тоже давно», Pensoso приводил выдержку из сочинения французского историка и социолога Поля *Лакомба* (1833–1919) «Социологические основы истории» (СПб., 1895): «Если бы вообще было позволительно думать, что природа постановила для нас какую-либо цель, то можно было бы сказать, что цель эта заключается в развитии человеческого разума. Порождаемое умственными эмоциями, слабое, мирное счастье может быть непрерывным и наполнить почти все мгновения существования. Правило искусства жить заключается в том, чтобы стремиться в значительной степени к умственным эмоциям». Петерсон в статье «Вопрос о смысле и цели» решительно не согласился с тем, что идеал человеческого существования, рисуемый Лакомбом, близок идеалу активного христианства и вообще сопоставим с ним. Сравнивать два эти идеала серьезно невозможно, подчеркнул он. – «Если же это со стороны г-на Pensoso шутка, то в чем ее смысл?!» («Асхабад», 17 января 1902, № 17). Возражая в свою очередь Петерсону, Pensoso заявлял: «Навязывая мне какую-то шутку, автор, очевидно, недостаточно уяснил слова Лакомба, приведенные мною. Умственный труд, дающий в результате возможность “обращать слепую силу природы в управляемую разумом и чувством”, доставляет человеку мирное и тихое счастие» (Pensoso. Кругом да около // Асхабад, 20 января 1902, № 20). Эти-то слова Pensoso и имеет в виду Федоров. – *98.*

[20] Pensoso. Кругом да около // Там же. – *98.*

[21] «Не понимаю, зачем автору менять свою подпись. Быть может, для того, чтобы не отвечать на мои вопросы по поводу предыдущих статей?» (там же). Под «предыдущими статьями» Pensoso имел в виду статьи Федорова и Петерсона, напечатанные в рамках первого этапа по-

лемики, с которыми публицист активно спорил на страницах «Асхабада», – подробнее см. преамбулу к наст. разделу и преамбулу к «Самодержавию» (Т. II наст. изд., с. 439–441). – *98.*

22 См. преамбулу и примеч. 19 к наст. разделу. – *98.*

23 В оригинале над этими словами надписан подзаголовок: «О единстве религии и науки» (ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 42, л. 2). – *98.*

24 Данное примечание вставлено Н. П. Петерсоном и дано под подписью: «Примеч. ***». В тексте «Записки», помещенном в I томе «Философии общего дела», такой цитаты нет. По смыслу данный отрывок близок фрагменту четвертого пасхального вопроса из работы «Супраморализм» (Т. I наст. изд., с. 394). Поскольку работа над «Пасхальными вопросами», из которых впоследствии вырос «Супраморализм» (см. примеч. 105 к «Статьям философского содержания из III тома “Философии общего дела”» – Т. III наст. изд., с. 682), была начата еще в Асхабаде, то у Петерсона могли сохраниться первоначальные наброски текста. По всей видимости, на первом этапе работы над «Пасхальными вопросами» речь еще не шла о выделении их в отдельное сочинение и они должны были войти в качестве одного из фрагментов в «Записку». В 1902 г. уже шла работа над «Пасхальными вопросами» как над отдельным сочинением, но Петерсон, к тому времени почти два года не состоявший с Федоровым в переписке, об этом не знал. – *98.*

25 Разъяснение этого тезиса находим в письме Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 30 января 1904 г.: «Школою была для него церковь, и хотя церковь-школа – название, принадлежащее ему и неизвестно как вошедшее в общее употребление (это название имеется в сообщении, которое я посылал Достоевскому, вызвавшем его письмо), – но он всегда говорил, что церковь-школа – это плеоназм, что церковь сама по себе есть школа, и если он употребил это название, то лишь потому, что значение церкви как школы с тех пор, как религия из общего дела обратилась только в молитву, было совершенно забыто. Церковь – это вместе и музей, библиотека, астрономическая и метеорологическая станция и школа, [...] школы же в собственном, т. е. в нынешнем смысле, есть только притворы при храмах, его крылья, чрез которые вступают в самый храм. По мысли Н<иколая> Ф<едорови>ча, только делающие могут быть учителями, учителями тех, которых вводят в дело, – дело совершается в храмах, на месте, и в военном лагере, в поле, – тут и совершается обучение. После того, как стали говорить о храмах-школах и, переставляя слова, о школах-храмах, он говорил, что храм-школа вовсе не совмещение только храма и школы, не экономия только места, а самое коренное изменение самого образования и жизни» (ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 24, лл. 54 об.–55). – *98.*

26 Впервые опубликовано: «Асхабад», 19 марта 1902, № 78 (подпись «Y»). В фонде Н. П. Петерсона хранится вырезка из этого номера газеты (ОР РГБ, ф. 657, к. 2, ед. хр. 9, л. 32), а также присланный В. А. Кожевниковым Н. П. Петерсону при письме от 3 марта 1902 г. оригинал статьи (к. 10, ед. хр. 17). На оригинале, писанном рукой В. А. Кожевникова, имеется несколько исправлений Н. П. Петерсона. Статья печатается по тексту газетной публикации с учетом оригинала. – *99.*

27 Pensoso. Свобода на рознь // Асхабад, 16 февраля 1902, № 47. – *99.*

28 Там же. – *100.*

29 5 февраля 1902 г. в № 36 газеты «Асхабад» Pensoso поместил перевод фрагмента «Авесты» под заглавием «Отрывок из религиозного учения Зороастра» (фрагмент этот был взят им из книги «Erläuterungen zum neuen Testament aus einer neueröffneten morgenlandischen Quelle», Riga, 1775 («Пояснения к Новому Завету из новооткрытых восточных источников»). Выбор отрывка на фоне полемики вокруг учения о воскрешении вряд ли был случаен – речь в нем шла о финальном воскресении мертвых: они оживут по слову Ормузда, их души и тела вновь «станут одним творением», затем последует суд, когда каждому воздастся по делам его. «Ормузд исполнит свое дело и ничего не станет более творить. Воскресшим ничего не придется делать. [...] Мир бессмертный, чистый и великий воцарится». – *100.*

30 Слова самого Федорова. Петерсон в своей статье дает их цитатой. – *100.*

31 1 Тим 2:4. – *100.*

32 Впервые опубликовано: «Асхабад», 20 марта 1902, № 79 (подпись «Y»). В фонде Н. П. Петерсона сохранилась вырезка из данного номера газеты (ОР РГБ, ф. 657, к. 2, ед. хр. 9, л. 33), а также оригинал статьи, писанный рукой В. А. Кожевникова, с несколькими поправками Н. П. Петерсона (к. 10, ед. хр. 19).

Еще отправляя Н. П. Петерсону первую статью Федорова – «По поводу полемики о “Блаженной жизни”», В. А. Кожевников указывал, что при необходимости может быть выслана для напечатания статья о Ницше – «как желательное обличение мнимого Зара-

туштры» (Т. IV наст. изд., с. 625). Сама статья была прислана при письме от 3 марта 1902. Мотивы к ее напечатанию в «Асхабаде» В. А. Кожевников, с подачи Федорова, пояснял так: «...трудно найти другое учение, которое так хорошо содействовало бы разъяснению истинного учения, учения о деле, как ницшеанское, только, конечно, не в положительном смысле, а с отрицательной стороны. Любому тезису Ницше учение Н<иколая> Ф<едорови>ча противопоставляет свой положительный антитезис, как Вы увидите из краткой даже статьи» (там же, с. 457–458).

Сама статья «Несколько слов о Ницше» была составлена на основе статьи «Вопросы из отечества Заратуштры поклонникам европейского Заратуштры (Ницше)» (текст последней см.: Т. III наст. изд., с. 270–272). Теперь представляется возможным несколько уточнить историю создания статьи «Вопросы из отечества Заратуштры...» (см. примеч. 39 к «Статьям философского содержания из III тома “Философии общего дела”» – Т. III наст. изд., с. 675–676). Сама идея обратить письмо к «г-же NN» по поводу учения Ницше в статью, скорее всего, возникла именно в январе 1902 г. под влиянием полученного известия о возобновлении асхабадской полемики и присланных Петерсоном первых ее материалов. «Вопросы из отечества Заратуштры...», вероятно, были первым вариантом предполагавшейся для «Асхабада» статьи (чем, кстати, объясняется и название, – недаром сам Федоров в статье «По поводу полемики о “Блаженной жизни”» заговорил о «средне-азиатской окраине» – «родине истинного Заратуштры»).

Статья «Несколько слов о Ницше» печатается по тексту газетной публикации с учетом оригинала. – *101.*

[33] «*Пожелание»* было высказано в статье самого Федорова «По поводу полемики о “Блаженной жизни”». О публикации «*Отрывка из религиозного учения Зороастра»* в переводе Pensoso см. примеч. 29. Хотя статья Федорова появилась в «Асхабаде» после данной публикации («Отрывок...» – 5 февраля, статья – 14 февраля), написана она была еще в январе, потому-то Федоров и рассматривает «Отрывок...» в качестве своеобразного отклика на свою статью. – *101.*

[34] Ранее опубликовано: «Асхабад», 31 марта 1902, № 90 (подпись «Y»); *Контекст 1988*, с. 312–315. В фонде Н. П. Петерсона сохранилась вырезка из «Асхабада» (ОР РГБ, ф. 657, к. 2, ед. хр. 9, л. 34), а также присланный из Москвы оригинал статьи рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона (к. 10, ед. хр. 7).

Первая половина статьи построена так же, как и предыдущая статья «Несколько слов о Ницше», и представляет собой серию вопросов, в которых в стяженной, афористичной форме даны основные постулаты учения «всеобщего дела». Эти вопросы – одна из излюбленных Федоровым манер письма – взывают к сердечному пониманию и прозрению читателей и оппонентов. Исповедуемое мыслителем понимание конечной и главной задачи, стоящей перед человечеством, представлялось для него настолько естественным, выношенным всей историей человечества, отвечающим ведущему направлению эволюции, что не могло, казалось ему, не родиться в сердцах и головах других самостоятельно и тем самым с залогом глубины и прочности. Поэтому жанр «вопросов» – некая эмоциональная и интеллектуальная стимуляция «родов» нового видения.

Вторая часть статьи по излагаемым в ней идеям близка тем статьям и заметкам Федорова, в которых дана критика «искусства, каково оно есть» и изложен его взгляд на задачу творчества, и прежде всего словесного – художественной литературы, публицистики, журналистики («Музей, его смысл и назначение», «Авторское право и авторская обязанность, или долг», «Плата за цитаты» и др.). Подробнее см. преамбулу к разделу «Статьи о литературе и искусстве» – Т. III наст. изд., с. 708–710.

Статья «Полемика и война» печатается по тексту газетной публикации с учетом оригинала. – *103.*

[35] Вопрос об обращении слепых, смертоносных сил природы в живоносные, о регуляции красной нитью проходил сквозь все асхабадские публикации Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона. Но, вольно или невольно, совершенно особое звучание на страницах газеты приобрел он в феврале–апреле 1902 г. В течение этого времени в «Асхабаде», как, впрочем, и в центральных российских газетах, регулярно (в феврале – чуть ли не ежедневно) печатались сообщения из азербайджанского города Шемаха Бакинской губернии, который с конца января подвергался сокрушительным землетрясениям, унесшим тысячи жизней и разрушившим его до основания. Давались сводки происшедшего, как в городе, так и в тех селениях Шемахинского уезда, которые тоже пострадали от стихийного бедствия, приводились душераздирающие подробности случившегося: уже первым толчком

31 января 1902 г. было разрушено полгорода, жертвами в основном стали женщины и дети, находившиеся в этот момент в банях. Очевидцы рассказывали о детях, погибавших на глазах у родителей, о матери, пытавшейся вызволить из-под завала малолетнюю дочь и раздавленной вместе с ней, о дочерях, спасавших старуху-мать и погибших под стенами обрушившегося дома; об отце семейства, ранее одном из самых состоятельных людей в городе, потерявшем все и не имевшем возможности нанять кого-нибудь, чтобы откопать своих родных из-под обломков огромного особняка, – вот он сидит у груды камней и слышит стоны близких, которые все глуше, глуше... («Асхабад», 20, 24 февраля, 3 марта 1902, №№ 51, 55, 62). Более 25000 жителей без крова зимой, голод, болезни, безысходность, число смертей увеличивается. «Сама природа – против злосчастной столицы Ширвана» – туман, холод, дожди, снегопад, люди замерзают в палатках («К шемахинскому землетрясению» // Асхабад, 13 февраля 1902, № 44). Кто может и еще имеет силы – в панике покидают фактически уже не существующий город. И уже дает о себе знать зловещее – по городу пополз трупный запах. «Мертвые начинают грозить живым, они требуют погребения» («К шемахинскому землетрясению» // Асхабад, 12 февраля 1902, № 43).

«Душа разрывается ежеминутно от этого океана человеческого горя. Нет сил писать, сколько здесь горя, отчаяния и бедствий. Придите, добрые люди, на помощь» («Из Шемахи» // Асхабад, 24 февраля 1902, № 55), – раздавались призывы с газетных страниц. Добрые люди, конечно, приходили: поступали пожертвования, привозили продукты, была организована бесплатная раздача одежды, одеял и подушек, пострадавшим давались и деньги. Не бездействовало и правительство. Но все это была капля в море. А главное, принимаемые меры сводились на нет все новыми и новыми подземными толчками, все новыми и новыми разрушениями и жертвами. И не было никакой уверенности в том, что даже отстроенный заново город не будет спустя малое время вновь стерт с лица земли очередным катаклизмом – история Шемахи в XIX в. насчитывала по крайней мере четыре крупных землетрясения: в 1806, 1848, 1859 и 1872 гг., причем землетрясение 1859 г. «превратило богатый губернский центр Шемахинской губернии в уездный город» («Асхабад», 7 февраля 1902, № 38).

Разразившееся бедствие не только в очередной раз продемонстрировало зыбкость человеческого существования перед лицом стихийных природных сил, оно как бы наглядно свидетельствовало: справиться с разгулом этих сил обычными мерами невозможно. И асхабадские статьи Федорова и Петерсона, пусть в краткой, афористичной формулировке, указывали иной путь, призывали не к «ликвидации последствий», малоуспешной и всегда непрочной, а к борьбе с причиной, к изменению послегрехопадного порядка бытия, в котором затканы нити всех природных и человеческих катастроф. Увы, тогда, в 1902 г., это был глас вопиющего в пустыне. Так и сосуществовали в одних и тех же номерах газеты, часто на одном развороте, даже на одной странице, – как параллельные прямые в геометрии Евклида, – корреспонденции о шемахинском бедствии и статьи с призывом к регуляции, и вряд ли кому из читавших газету в те скорбные месяцы пришло в голову искать точку их пересечения. А 8 мая в газете появилось сообщение о Мартиникской катастрофе (извержение вулкана Мон-Пеле и гибель города Сен-Пьер). А 29 мая – о нашествии саранчи в Андижанском уезде, погубившем все посевы, – слепые стихийные силы отнюдь не дремали... – *104*.

[36] Ранее опубликовано: «Асхабад», 21 апреля 1902, № 111 (подпись «***»). В фонде Н. П. Петерсона сохранилась вырезка из данного номера газеты (ОР РГБ, ф. 657, к. 2, ед. хр. 9, лл. 35–36), а также оригинал второй части статьи, которая была написана Федоровым и в которой речь шла о серии статей М. М. Тареева (к. 10, ед. хр. 6, рукой В. А. Кожевникова). Вверху оригинала рукой Н. П. Петерсона вписано заглавие и будущее начало статьи: «В наше время [...] поднимается тот же вопрос». При составлении первой части статьи «Еще о смысле и цели» Н. П. Петерсон широко опирался на имевшиеся у него тексты Н. Ф. Федорова, заимствуя из них обороты и выражения, а также воспользовался присланным Н. Ф. Федоровым и В. А. Кожевниковым 17 марта 1902 г. дополнением к статье «Полемика и война», переложив, распространив и развив два составляющих его тезиса (о «свободе на ложь» и «свободе на рознь»).

Статья печатается по тексту газетной публикации с учетом оригинала. – *105*.

[37] Большая повесть писателя-прозаика Петра Дмитриевича *Боборыкина* (1836–1921) «Исповедники» была опубликована в №№ 1–4 «Вестника Европы» за 1902. Главный герой – молодой интеллигент Булашов, успешно окончивший курс в Московском университете, но не ставший делать научную карьеру. Его отец играл видную роль в среде русских сектантов, «положил всю свою душу на дело, которое считал святым», претерпел гонения и умер за границей (прототипом отца, по всей видимости, был В. А. Пашков – см. примеч.

82 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 603–604). Сын не примкнул к секте (отец, несмотря на собственную пламенную веру, «никогда не насиловал духовной свободы своих детей») и положил своим долгом отстаивать принцип свободы совести, права личности на поиск смысла жизни, формулировку собственного верования, отвечающего ее внутреннему духовному складу, запросам ума и души. «Пускай всякий имеет своего Бога и свою правду, как он их разумеет; но чтобы каждый был волен исповедывать их открыто, всегда и везде» («Вестник Европы», 1902, № 1, с. 22). Повесть выстраивается как последовательный ряд встреч и бесед Булашова, с одной стороны, с сектантами из народа, с другой – с представителями интеллигенции, и в каждой из этих бесед ставится вопрос «како веруеши». Персонажи романа высказывают собственное миро- и жизнепонимание: здесь и баптисты, и молокане («духовные христиане»), и пашковцы, и даже буддисты; толстовец Топорков, помещик-«пиэтист» Манилин и графиня Бунина, искренне увлеченная идеей феминизма. Здесь господа декаденты – поэт Кублицкий и Ина Костровина, ищущие «великой тайны», «великого слияния тела и духа, Христа и Антихриста» (пародия на Мережковского), и преподаватель-натуралист Грязев со своим «строго научным мировоззрением» и взглядом «на мир и душевную жизнь человека». Здесь университетский товарищ Булашова, муж Ины Костровин: он долго не находил, на чем основать свою веру, наконец, после внезапно разразившейся семейной драмы, ощутил со всей отчетливостью, что «мир во зле лежит», что в нем правят бал безжалостные законы природы и злая воля человека; пройдя же сквозь горнило сомнений и отчаяния, пришел к твердой вере в то, что «божественный “Логос” воплотился и поставил перед нами первообраз нового духовного человека. Не умствовать, а создавать этого духовного человека – вот единый путь» («Вестник Европы», 1902, № 4, с. 465). И Булашов, верный принципу «свободы совести», «вращается все в том же воздухе народного искания истинной веры», с интересом и пониманием внимает каждому верованию, но никому не навязывает собственной позиции. Роман заканчивается размышлениями героя в Кремле, у памятника царю-освободителю Александру II: «Необъятно его отечество!.. Необъятно – не одним пространством. Сколько вер в его народах! Индия, Палестина, сибирская тайга... И проповедь Сакья-Муни, и дремучий фетишизм шаманства, и хор исповедников Иисуса “Назорея” – все взыскует просветления, все трепетно уповает на безусловную правду своих заветов...»; «спасенье» – «*его* все жаждут – каждый по-своему...» (там же, с. 512). – *105.*

[38] Здесь и ниже Н. П. Петерсон воспроизводит одну из ключевых сцен повести, ее идейную «завязку» – разговор двух университетских друзей, Булашова и Костровина, в котором впервые ставится вопрос о свободе совести. – *106.*

[39] Комментируя высказывания Булашова, Н. П. Петерсон тонко подметил одну черту, важную для характеристики героя (на эту черту, кстати, несколько раз по ходу повести укажет и П. Боборыкин): положив во главу угла принцип «свободы совести», считая «всякое верование» священным и будучи готов заступиться и за представителя науки, и «за всякого сектанта, даже за мрачного изувера, полагающего свое спасение в добровольном истязании и в исступленных дикостях», сам Булашов своего собственного понимания смысла и цели жизни так и не выработал. «Трепетала ли его душа в страстных поисках истины? Знал ли он страсть – греховную или бесплотную – это все равно? Не грозит ли ему равнодушие под видом высокой терпимости и ратования за попираемую свободу совести? Ну, рухнут все затраты и все виды насилия и нетерпимости... С чем же он останется? Каким могучим и проникновенным credo осветит свою жизнь» он, доселе не желавший «вставлять в какие бы то ни было рамки свое духовное “я”»? («Вестник Европы», 1902, № 1, с. 67–68). Отсутствие положительного, созидающего идеала кладет свой отпечаток на личность героя. Вольно или невольно оно приводит Булашова к расслабленности духовных сил, к некоей, пусть пока и малозаметной, отстраненности от жизни. Он, так сказать, путешествует по жизни, всему уделяя внимание и ни к чему не прикипая душой («Для меня жизнь шатуна – самая любезная»). «Коммивояжер по сектантским делам» – не без ядовитости окрестил Булашова «пиэтист» Манилин, и хотя сочувствие автора явно не на стороне последнего, правду данного высказывания он не раз засвидетельствует устами самого́ главного героя. Булашов помогает баптистам, просящим его о заступничестве, хлопочет о смягчении участи осужденных за «совращение» в ересь (весьма часто, кстати, не доводя свою миссию до конца), а затем столь же спокойно и как бы «со стороны» будет хлопотать за буддистов... И выслушивать чужие исповеди, и наблюдать религиозную жизнь различных толков, – оставаясь терпимым, терпимым и еще раз терпимым, а иногда испытывая «жуткое чувство внутреннего холода» и пустоты.

Впрочем, в конце повести автор приводит героя к его собственному пониманию цели и смысла жизни. В селе Дергачи, куда на время ушел он «от всей "господской" суеты городов», «от феминизма и марксизма», лежа в поле, среди моря трав, он внезапно ощущает чувство единства со всем миром и понимает: «Не боится он – и теперь – холодящего безразличия. Его вера неколебима – вера не в людское упование, мифы и "оказательства", а в то, что высший удел человечества – приближаться к пониманию "сущего" и отрешаться, с каждым мигом, от жалкой претензии быть царем мироздания» (там же, с. 502). – *106.*

[40] «Выше всего для меня, Ина Николаевна, – говорит Булашов Костровиной, – свобода моей совести. Она должна создать себе свой идеал, свое credo, свою вечную правду, насколько она доступна человеку» («Вестник Европы», 1902, № 1, с. 22). – *106.*

[41] *Суздальцев* – цеховой мастер, бывший баптист, пришедший путем долгой внутренней духовной работы к «новому пониманию христианского учения». Булашов с симпатией отнесся к нему, поставив в разряд тех, кто ищет правду и верит в нее, – а, по его собственному свидетельству, «только в таких он и чувствовал людей, для которых превыше всего стоит вопрос, как жить на свете, для чего жить, где найти путь, как и другим помочь в отыскании этого пути?» («Вестник Европы», 1902, № 2, с. 487). – *106.*

[42] Работа богослова Михаила Михайловича *Тареева* (1867–1934) «Цель и смысл жизни» (ч. 1 – «Счастье и совершенство в отношении к цели жизни» и ч. 2 – «Духовная жизнь») была напечатана в №№ 2–5, 7–9 журнала «Вера и Церковь» за 1901 г. (отд. оттиск – М., 1901). Подвергнув критике эвдемонизм и идею линейного прогресса, указав на неуклонно углубляющийся от века к веку разрыв между церковью и миром, между духовным и светским, между ходом цивилизации и заветами Христа, – М. М. Тареев попытался построить целостную систему христианского мировоззрения, освещаемую идеалом будущего бессмертного благобытия, Царствия Небесного, приуготовление к которому и дает смысл и цель человеческой жизни. Объем и содержание этого приуготовления трактовались М. М. Тареевым вполне традиционно: пестование «внутреннего человека», пост, молитва, дела христианской любви, церковное общение... Хотя богослов и писал, что через христианина «духовная жизнь должна проникнуть в природу и мир и подчинить их себе» («Вера и Церковь», № 8, с. 426), однако окончательное одухотворение и обожение природы, так же как и всеобщее воскресение (когда наконец «наше тело и вся природа преобразуются сообразно нашей духовной жизни, которая поэтому станет полною или единственною действительностью» // Вера и Церковь, № 9, с. 566), относил всецело к действию «силы Божией». Поэтому и христианская история для него «не есть история постепенного расширения христианства в направлении к полной видимой победе Христа над миром», и должна привести в конечном итоге не к «тысячелетнему Царству Христову над всем миром», а «к выделению пшеницы от плевел, к ясной постановке в сердцах человеческих вопроса: Христос или антихрист?» (там же, с. 564), – в последнем тезисе, как и в утверждении, что к концу времен останется, быть может, и очень незначительное по численности христианство, зато высокое духовно, не в последнюю очередь сказалось влияние соловьевской «Краткой повести об антихристе». – *109.*

[43] Федоров имеет в виду заметку Н. Г. Городенского «Статьи по вопросам морали», помещенную в «Богословском вестнике» (№ 1 за 1902 г.) в рубрике «Обзор журналов» (с. 191–206); речь о работе М. М. Тареева в ней шла на с. 205–206. Федоров в своем кратком разборе концепции М. М. Тареева опирается только на это изложение, не приводя цитат из самой работы. – *109.*

[44] «Богословский вестник», 1902, № 1, с. 205. Федоров приводит краткое резюме работы М. М. Тареева, данное Н. Г. Городенским в его заметке. – *109.*

[45] Этот упрек в отношении М. М. Тареева был неоснователен. В своей работе, говоря о значении Церкви как «соединения в любви, собрания людей во имя Христа», он указывал на глубокое единство, лежащее в основе различных христианских исповеданий («в них одна жизнь и один дух»), на то, что никакое разделение, даже с видимо благими целями, не может быть безвредным, подчеркивал важность вопроса о соединении церквей («Вера и Церковь», 1901, № 9, с. 543–544). Однако тема церковного единства не была затронута в рецензии Н. Г. Городенского, что и дало Федорову основание для данного высказывания. – *110.*

[1] Ранее опубликовано: «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. Литературно-научный сборник». 2-е вновь обработанное и дополненное издание. М., 1898, с. 53–58 (подпись «-въ»). Сборник, в котором появилась статья, был предпринят с целью сбора средств в пользу армянских беженцев в Россию, пострадавших от массовых погромов и резни армянского населения Турции в 1894–1897 гг. Вся выручка с его продажи должна была быть обращена в пожертвование. Первое издание сборника вышло в 1897 г. Помимо статей, непосредственно посвященных злодеяниям курдов, дававших хронику событий, описывавших масштабы бедствия, тяжелое положение беженцев, говоривших о мерах помощи армянским сиротам и переселенцам, в него вошли материалы литературного и научного характера (участие в сборнике приняли Л. Н. Толстой, Д. Н. Мамин-Сибиряк, В. А. Гиляровский, Н. Н. Златовратский, В. Г. Короленко, К. Д. Бальмонт, В. С. Соловьев, В. В. Верещагин, А. Н. Веселовский, К. А. Тимирязев, прот. Иоанн Кронштадтский и др.), а также статьи, касающиеся истории и культуры армянского народа, его национального быта, духовных и религиозных традиций. Сборник был прекрасно издан, снабжен большим количеством иллюстраций. Первое издание тиражом 3600 экземпляров быстро разошлось, и Г. А. Джаншиев (см. примеч. 5 к письму 127), его инициатор и составитель, предпринял второе издание, существенно расширив как армянский мартиролог, так и исторические материалы, касающиеся «разных сторон армяноведения», «быта армян, древних и нынешних» (указ. соч., с. M).

В числе исторических материалов как в первом, так и во втором издании сборника была напечатана статья М. В. Никольского (см. примеч. 83 к «Статьям о разоружении и умиротворении» – Т. II наст. изд., с. 485) «Древняя страна Урарту (Арарат)». Крупный историк-востоковед в течение ряда лет занимался изучением найденных на территории Закавказья клинописных надписей урартских царей VIII–VII вв. до н. э. (см. примеч. 11). В своих работах ученый стремился на основе новых данных определить ту роль, которую играло в истории народов Ближнего Востока государство Урарту (IX–VI вв. до н. э.) – колыбель древнеармянской народности, – охватывавшее в пору своего расцвета все Армянское нагорье, в том числе ряд территорий Закавказья, вошедших в XIX в. в состав России (так, в 1828 г. по Туркманчайскому миру к России отошла почти вся Восточная Армения, а в результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг. были присоединены и некоторые районы Западной Армении). Называя Урарту основным противником Ассирии, которая в IX в. до н. э. становится гегемоном в Передней Азии, М. В. Никольский указывал на то, что урартская держава, так же как и ассирийская, выступала в истории древнего мира в качестве претендентки на мировое господство. Противостояние Ассирии и Ванского царства (другое название Урарту) было, таким образом, «единоборством двух народностей, семитской и урартской, за обладание миром и за верховную власть – направлять по своему усмотрению ход истории» (М. В. Никольский. Клинообразные надписи Закавказья // Материалы по археологии Кавказа. Вып. 5. М., 1896, с. 1–2).

Н. Ф. Федоров был знаком с М. В. Никольским по библиотеке Московского Публичного и Румянцевского музеев. Следы интереса мыслителя к работам ученого-урартолога находим в заметке «Еще об историческом значении царского титула» – в том фрагменте, где речь идет об Урарту и упоминается о «новейших открытиях», позволивших определить ту «важную роль», которую она играла «в древнейшей истории Востока» (этот фрагмент Н. Ф. Федоров цитирует и в комментируемой статье). Можно предположить, что сама интерпретация столкновения Ассирии и Урарту на арене всемирной истории как борьбы двух миров, размышления о том, как мог бы быть повернут ее вектор, если бы из этой борьбы не на жизнь, а на смерть последняя вышла победительницей, отчасти была подсказана Н. Ф. Федоровым. Во всяком случае некоторые отголоски его лексики нет-нет, да и послышатся в рассуждениях ученого («движение», «в обход», «двинулось бы во фланг» и т. д.).

Судя по всему, в период подготовки сборника «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам», в первой трети марта 1897 г. состоялся разговор между Г. А. Джаншиевым и Н. Ф. Федоровым по поводу новейших открытий М. В. Никольского, и у Николая Федоровича возник проект статьи об Урарту, написать которую он склонял Джаншиева (статья, по всей видимости, должна была бы развить идею, высказанную в вышеуказанном фрагменте заметки «Еще об историческом значении царского титула», об умиротворительном значении истории Урарту). 9 марта 1897 г. Г. А. Джаншиев отправляет в Румянцевский

музей на имя Н. Ф. Федорова телеграмму с предложением самому «написать об Урарту по книге Никольского» (полный текст телеграммы см.: Т. IV наст. изд., с. 640).

Сведений о том, согласился ли Н. Ф. Федоров на предложение Джаншиева, мы не имеем. Но в письме Н. П. Петерсону от 6 мая 1897 г. мыслитель упоминает «статью об Урарту», приготовляемую Джаншиевым для «Сборника в пользу армян Малой Азии». Судя по сведениям, приведенным Федоровым в этом письме, в статье раскрывался федоровский проект умиротворения, обращения армии в естествоиспытательную силу, со ссылками на конкретные исторические примеры.

В первом издании сборника, вышедшем в 1897 г., упомянутая Федоровым статья Джаншиева не появилась. В издании же 1898 г. была напечатана статья «Ассирия и Урарту», стилистический и смысловой анализ которой позволяет атрибутировать ее уже самому Н. Ф. Федорову.

В сборнике статья стояла сразу же после статьи М. В. Никольского. Такое расположение было оправдано и тематикой, и замыслом статьи «Ассирия и Урарту». Опираясь на данные, приведенные Никольским в его работах (список этих работ был дан в начале статьи), Н. Ф. Федоров попытался расширить и углубить предложенную ученым интерпретацию противостояния двух мировых монархий, рассмотреть это противостояние в свете собственной историософской концепции. В статье «Ассирия и Урарту» мы встречаемся с ключевыми идеями философии истории Федорова: это идеи «праотчины», священного «собирания земель и народов», противопоставление истории, как она есть, и истории, какой она должна быть.

В проективно-символической мысли Федорова Ассирия и Урарту предстают носителями полярных мировоззренческих и духовных начал: с одной стороны, торжествует принцип «homo homini lupus», идет беспощадная «война всех против всех», с другой – прорастает и укрепляется принцип «милосердия, любви и умиротворения». На примере столкновения двух держав мыслитель поднимает вопрос о выборе пути всего человечества, о переходе от взаимного истребления к братскому сотрудничеству народов перед лицом всеобщего и «последнего врага» – слепых, смертоносных сил природы.

Одна из важных тем статьи «Ассирия и Урарту», связующая ее с работой «Самодержавие», – тема исторического призвания России. Федоров проводит своеобразную параллель между Урартской державой, стремившейся к объединению под своей властью народов Передней Азии и Закавказья, и Российской империей, «новой великой Северной империей». Россия, в его видении, выступает своеобразной преемницей Урарту в деле собирания и умиротворения. Но если в дохристианскую эпоху еще не могло возникнуть вопроса о конечной цели собирания, о том, к чему ведет умиротворение, то для державы христианской этот вопрос, по убеждению мыслителя, непременно должен быть поставлен и окончательно разрешен.

Вскоре после выхода второго издания сборника «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам» в «Русских ведомостях» (9 сентября 1898, № 188) появилась посвященная ему заметка, в которой среди наиболее интересных и содержательных материалов специально отмечалась статья «Ассирия и Урарту».

В настоящем издании статья «Ассирия и Урарту» печатается по тексту сборника «Братская помощь...». – *113.*

[2] Н. Ф. Федоров перечисляет следующие работы М. В. Никольского: Клинообразные надписи ванских царей, открытые в пределах России //Древности восточные. Труды восточной комиссии императорского московского археологического общества. Т. I, вып. III. М., 1893; Древняя страна Урарту (Арарат) и следы ассиро-вавилонской культуры на Кавказе // Землеведение, 1895, Т. 2, кн. 1, с. 1–24. Эта же статья в сокращении была помещена во втором издании «Братской помощи пострадавшим в Турции армянам» (М., 1898, с. 43–52). – *113.*

[3] *Хеттское царство* – государство в Малой Азии (XVIII–XII вв. до н. э.). К XIV в. до н. э. превратилось в мощную и обширную державу, которая соперничала с Египтом и боролась с ним за преобладание в Сирии. Пало в XII в. до н. э. под натиском так называемых «народов моря», племен западных и южных областей Малой Азии, объединившихся в военный союз. М. В. Никольский подчеркивал, что многие из народностей Урарту входили некогда в состав «империи хеттеев» и «ничего нет удивительного, что в массе этих племен жили традиции великого хеттейского народа, и по мере того как угасал гений и могущество самого хеттейского народа, на дальнем севере под защитою огромных рек и горных хребтов в родственных племенах вновь восставали с неудержимою силою идея всемирной монархии по образцу хеттейской и инстинктивный порыв осуществить не-

удавшееся до сего времени преобладание своей расы над другими народами» (М. В. Никольский. Клинообразные надписи ванских царей, открытые в пределах России //Древности восточные. Труды восточной комиссии императорского московского археологического общества. Т. I, вып. III, с. 390). – *113.*

[4] *Наири* – так в ассирийских текстах назывались Армянское нагорье и страны, расположенные на его территории. М. В. Никольский предполагал, что это «название вероятно семитского (ассирийского) происхождения, множ<ественное> от *naru* – река [...]; *matu Nairi* буквально *страна рек*» (там же, с. 388). – *113.*

[5] *Райские реки* – Тигр и Евфрат, исток которых находится в горах Армянского нагорья. Согласно библейскому повествованию, они были двумя из четырех рек, на которые разделялась выходившая из Эдема река (Быт 2: 10–14). На это указание опиралась одна из версий местонахождения рая, по которой он располагался на территории Армении («на горах Араратских», как повествует книга Бытия, остановился и Ноев ковчег (Быт 8: 4)). – *113.*

[6] Федоров имеет в виду походы ассирийских царей на территории Армянского нагорья (начало им было положено в XIII в. до н. э. – тогда ассирийцам противостояли союзы племен нагорья, «царей Наири», – а в IX в. до н. э. в правление Ашшурнасирапала II (см. примеч. 7) они достигли своего апогея, сопровождаясь невиданными жестокостями по отношению к побежденным народам) и геноцид против армян на территории Турции в 1895–1897 гг. – *113.*

[7] Федоров цитирует надпись царя *Ашшурнасирапала II* (*Ассурназиргабала*) (годы царствования: 883–859 до н. э.), самого жестокого из всех правителей Ассирии, подвергавшего покоряемые им страны (в период своего правления он прошел всю Месопотамию и Сирию, совершал ряд походов и на «страны Наири») полному разграблению и опустошению, почти поголовно истребляя жителей, в том числе женщин и детей, чиня на захваченных территориях самые немыслимые зверства. – *114.*

[8] Дворец Ассурбанипала, царя Ассирии в 669 – ок. 663 до н. э., был обнаружен при раскопках холма Куюнджик на месте древней Ниневии, начатых в 1852 г. – *114.*

[9] Речь идет об Израильском царстве (см. примеч. 4 к «Самодержавию» – Т. II наст. изд., с.441). – *114.*

[10] О влиянии ассиро-вавилонской культуры на народы Передней Азии, в том числе и на Урарту, см.: М. В. Никольский. Древняя страна Урарту (Арарат) и следы ассиро-вавилонской культуры на Кавказе // Землеведение, 1895, т. 2, кн. 1, с. 1–3; его же. Клинообразные надписи Закавказья // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского Археологического общества. Вып. 5. М., 1896, с. 3–6. – *114.*

[11] Изучение клинописных надписей, часть которых была открыта французским ученым Э. Шульцем в районе г. Ван в 1827–1829 гг., часть – при раскопках холма Куюнджик (см. примеч. 8), остальные найдены при новых поисках на Армянском нагорье и в Закавказье, – началось во второй половине XIX в. В 1880 г. французский ориенталист С. Гюяр положил начало их дешифровке, а проф. оксфордского университета А. Сэйс с 1881 г. предпринял систематический перевод и публикацию всех известных на тот момент надписей. В России интерес к клинописным надписям проявился на V Археологическом съезде, проходившем в 1881 г. в Тифлисе. Активная изыскательская и исследовательская работа, прежде всего в отношении надписей в Закавказье, велась членами Московского археологического общества (М. В. Никольским и А. А. Ивановским). В работе М. В. Никольского «Клинообразные надписи ванских царей, открытые в пределах России», упомянутой Н. Ф. Федоровым в подзаголовке своей статьи, были воспроизведены тексты клинописей Закавказья, дана их транскрипция и подстрочный перевод (всего 17 надписей из обнаруженных к тому времени 22-х (ниже в статье Н. Ф. Федоров говорит о 23-х надписях)). В 1893 г. Московское археологическое общество снарядило экспедицию в Закавказье для исследования местностей, связанных с историей Урарту; члены экспедиции снимали с надписей фотографии и эстампажи, вели раскопки. По материалам экспедиции был выпущен V том «Материалов по археологии Кавказа» (М., 1896) с исследованием М. В. Никольского «Клинообразные надписи Закавказья». Здесь прежде изданные М. В. Никольским надписи появились в уточненном виде, были воспроизведены еще 7 надписей (всего – 24).

По содержанию урартских клинописных надписей, найденных в районе оз. Ван, в других местностях Передней Азии и в Закавказье, была восстановлена история Урартской державы, обрисовались четкие контуры внешней и внутренней политики ее царей, прояснилось место и значение Урарту в событиях IX–VI вв. до н. э. на территории Ближнего Востока. Предстала картина урартской экспансии в закавказском регионе, широкого ос-

воения присоединенных там территорий в военном, административном, сельскохозяйственном и культурном отношениях. – *114*.

[12] В работе «Клинообразные надписи ванских царей, открытые в пределах России» М. В. Никольский рассматривал борьбу Ассирии и Урарту как столкновение разных «рас» (см. выше примеч. 1). В статье «Древняя страна Урарту (Арарат) и следы ассиро-вавилонской культуры на Кавказе», написанной уже после экспедиции 1893 г. в Закавказье и опиравшейся на ее материалы, ученый подчеркивал, что, несмотря на «очевидную зависимость в культурном отношении от ассиро-вавилонян, народ урартский представляет весьма ясные черты оригинальности и самобытности, например, в одежде, вооружении, в архитектурных постройках. Религия их, – продолжал он далее, – подобно языку, была почти совершенно особою, несмотря на некоторые совпадения идиограмм божества с ассиро-вавилонскими» («Землеведение», 1895, т. 2, кн. 1, с. 7). Что же касается «соперничества в жестокостях», то М. В. Никольский указывал, что «в совершении своих завоеваний и в пользовании военными репрессиями урартские цари точно так же умели подражать великим ассирийским монархам» (там же). Н. Ф. Федоров в своей гипотезе об «умиротворительном» характере урартских походов исходит, таким образом, из собственного анализа текстов клинописей Закавказья, а также опирается на выводы Никольского об активной хозяйственно-культурной деятельности Урарту в присоединенных северных областях (строительство городов, дворцов и храмов, ирригационных сооружений, развитие земледелия и т. д.). – *115*.

[13] Встречающуюся в надписях форму «*Haldinini*» М. В. Никольский, считая суффикс «in» показателем множественного числа, в работе «Клинообразные надписи ванских царей...» переводил как «*Халдинии*» (этот же перевод остался и в издании «Клинообразные надписи Закавказья», причем в некоторых случаях форма «*Haldinini*» переводилась как «халдейцы», заменяя «Халдинии» предыдущего перевода). Позднее Б. Б. Пиотровский указал на неправильность такого перевода, подчеркнув, что «Haldinini» – одна из форм имени верховного бога *Халди*, культ которого был официальной религией Урарту (см.: Б. Б. Пиотровский. Ванское царство (Урарту). М., 1959, с. 118). – *115*.

[14] Об этой надписи урартского царя Аргишти I см. ниже примеч. 26. Содержание надписи было пересказано М. В. Никольским в работе «Клинообразные надписи ванских царей...». – *115*.

[15] Федоров имеет в виду пророчество Даниила о четырех монархиях, сменяющих друг друга на земле: «видение четырех зверей», один за другим выходящих из моря (символ языческого мира) и наводящих ужас своим видом и деяниями (Дан 7: 1–8). По одним толкованиям, эти четыре царства – Вавилон, Персия, Греция и Рим, по другим – Вавилон, мидийское, мидо-персидское царства и империя Александра Македонского. – *115*.

[16] «...И четыре больших зверя вышли из моря, непохожие один на другого. Первый – как лев, но у него крылья орлиные; я смотрел, доколе не вырваны были у него крылья, и он поднят был от земли, и стал на ноги, как человек, и сердце человеческое дано ему» (Дан 7: 3–4). – *115*.

[17] М. В. Никольский, говоря о развернувшейся в первой половине IX в. до н. э. экспансии Ассирии на территории Передней Азии, указывал, что завоевательные походы Тиглатпаласара I, Ашшурнасирапала II и Салманасара III, конечной целью которых были страны Хатти, Финикия, Сирия и Палестина, сочетались с активной военной деятельностью на северных рубежах Ассирии: двигаться на запад можно было, лишь укрепившись на севере и обезопасив себя от народов «земли Наири», которые представляли уже серьезную проблему для расширявшегося ассирийского государства, особенно по мере возвышения и укрепления Урарту (см.: М. В. Никольский. Клинообразные надписи ванских царей, открытые в пределах России // Древности восточные. Т. I, вып. III, с. 394–396). – *115*.

[18] Речь здесь идет о походах ассирийского царя Салманасара III (годы правления: 860–825 до н. э.) против Урарту, предпринятых им соответственно в 859 и 856 гг. до н. э. Н. Ф. Федоров называет этого царя Салманасаром II, следуя данным М. В. Никольского. Говоря, что в первом походе правитель Ассирии «дошел до Аракса», Н. Ф. Федоров также опирается на М. В. Никольского, который считал, что первоначально центр Урартского царства находился в Закавказье, а следовательно и *Сугуния*, крепость первого из урартских царей *Араме*, современника Салманасара III, располагалась «в долине Аракса и всего вероятнее поблизости к тому месту, где теперь находится Нахичеван» (там же, с. 398). Гипотеза М. В. Никольского позднее была опровергнута Б. Б. Пиотровским (см.: Б. Б. Пиотровский. Указ. соч., с. 73), указавшим, что в первом походе Салманасар III не продвинулся далее

южных окраин Урарту и что «Сугуния была, по-видимому, урартской крепостью на границе с Наири, на южном склоне одного из хребтов, расположенных между озером Ван и р. Бохтан» (там же, с. 54, 55). – *115.*

[19] Маршрут походов Салманасара III устанавливался учеными по его летописям. М. В. Никольский, считая, что «*Арамали*» в переводе означает «жилище Араме», назвал его городом, поместил, согласно своей гипотезе, также в Закавказье и предположил, что он находился на месте нынешнего Армавира (М. В. Никольский. Указ. соч., с. 397). Однако *Арамали*, согласно позднейшим данным, – это название местности на востоке от Ванского озера: летопись Салманасара III указывает, что он подошел к Арамали, разрушил, снес и сжег ее города (см.: Б. Б. Пиотровский. Указ. соч., с. 55). – *115.*

[20] Согласно гипотезе М. В. Никольского, первоначально столица Урартского царства находилась в Закавказье. В царствование же Сардури I, занимавшего урартский престол примерно до 825 г. до н. э., по стратегическим соображениям «с берегов Аракса» была перенесена на юг, в район оз. Ван. На берегу Ванского озера, на неприступной скале, окруженной на недалеком расстоянии горными хребтами, была воздвигнута цитадель – г. Тушпа, ставшая с этого времени столицей Урартского царства (см.: М. В. Никольский. Указ. соч., с. 401; его же. Древняя страна Урарту (Арарат) и следы ассиро-вавилонской культуры на Кавказе // Землеведение, 1895, т. 2, кн. 1, с. 4–5). Гипотеза М. В. Никольского о существовании при царе Араме другого центра Урартского государства была поддержана Г. А. Меликишвили, но местоположение его он предлагал искать не в Закавказье, а в районе верхнего или среднего течения р. Верхний Заб (см.: Г. А. Меликишвили. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. Ч. 1. Наири–Урарту. Тбилиси, 1954, с. 202). В свою очередь Б. Б. Пиотровский указывал, что г. Тушпа с самого начала входил в состав государства Урарту и, возможно, являлся столицей еще при Араме, а при Сардури I он был лишь заново укреплен и обустроен (см.: Б. Б. Пиотровский. Указ. соч., с. 60). – *115.*

[21] В правление *Сардури I* (см. примеч. 20), отразившего в 832 г. до н. э. очередное нападение Салманасара III, урартское государство существенно укрепило свою военную и хозяйственную мощь, заняв главенствующее положение среди других политических образований в области Армянского нагорья. Называя царя *Ишпуини*, сына Сардури I, правившего с середины 830-х гг. до н. э., «*строителем храма*», Н. Ф. Федоров имеет в виду воздвигнутое им новое укрепление к востоку от ванской скалы. По описанию М. В. Никольского, это был «целый пещерный город» и «здесь же на скале» Ишпуини оставил «огромную надпись $1^1/_2$ сажени высоты, в которой он увековечивает память о введенной им организации религиозного культа страны. Из этой надписи мы видим, что в устроенном им городе был создан целый пантеон множества урартских богов, с распределением им приношений. Здесь фигурируют рядом друг с другом местные боги разных стран Наири, и соединение их вместе свидетельствует об объеме владычества царя Наири того времени». «Мы можем заключить, – пишет далее М. В. Никольский, – что Ишпуини хотел создать из своего государства центр не только политического, но и национально-религиозного объединения народа Наири» (М. В. Никольский. Клинообразные надписи ванских царей, открытые в пределах России // Древности восточные. Т. I, вып. III, с. 405–406). – *116.*

[22] М. В. Никольский указывал, что одна из надписей царя *Менуа* (*Минуаша*), сына Ишпуини и в течение ряда лет его соправителя, существенно расширившего вместе с отцом в результате завоевательных походов границы Урартской державы, была найдена в проходе Келишин «на юго-западе от озера Урмия и поблизости к верхнему Забу. Так как верхний Заб входил в непосредственные пределы Ассирии и от него открывался короткий и легкий доступ во все столицы Ассирии: Ассур, Калах и Ниневию, то можно судить о той степени опасности, в которую поставлена была Ассирия столь смелым движением ванского царя» (там же, с. 405). – *116.*

[23] Титул «царя Наири», «царя великого, царя могущественного, царя мира, царя царей, которому все цари платят дань», заимствованный у ассирийских правителей, цари Урарту стали носить со времен Сардури I и Ишпуини (до того они величали себя «царями Биайнили» и «правителями Тушпы»). М. В. Никольский в принятии этого титула видел прямой вызов, брошенный Ассирии новой державой, открыто провозгласившей свои «претензии на обладание миром» вслед за Вавилонской и Ассирийской монархиями (там же, с. 401–402). – *116.*

[24] Одним из основных направлений завоевательной деятельности царя Менуа (годы правления: 810–781 до н. э.) и его преемника Аргишти I (годы правления: 781–760 до н. э.) были территории, ранее входившие в Хеттскую державу (см. примеч. 3). Последний в третий

год своего правления «направился в землю Хатти, подчинил эту землю и сделал царя хеттеев Хиларцали своим вассалом» (там же, с. 408). *Хет* – внук Хама, правнук Ноя; согласно книге Бытия, указывавшей, что от «сынов Ноевых» «распространились народы по земле после потопа» (Быт 10: 32), от него ведут свое начало хеттеи. *Арам* – младший сын Сима, внук Ноя (Быт 10: 22–23). Под названием *Арам, Арамея* (букв. «высокая страна») в Библии фигурирует Сирия и вообще Месопотамия. – *116*.

[25] Опираясь на тексты урартских надписей, в которых Ишпуини, Аргишти и Сардури II называли себя царями «страны Нара» и «царями страны Шура», М. В. Никольский предположил, что последнее название является урартской формой слова «Ашшура», т. е. Ассирии. Отсюда, по его мнению, должен вытекать вывод о том, что греческое название Сирии произошло не прямо из формы «Ассирия», а есть буквальная передача использовавшегося в Урарту слова «Шура». Тем более что урарты называли словом «Шура» «все страны одноплеменных с ними народов Сирии и Месопотамии, которые находятся под властью ассирийцев» (М. В. Никольский. Клинообразные надписи ванских царей, открытые в пределах России // Древности восточные. Т. I, вып. III, с. 407). – *116*.

[26] Федоров имеет в виду так называемую «Хорхорскую летопись», одну из крупнейших древневосточных надписей, высеченную на отвесных склонах Ванской скалы, в которой отражены деяния Аргишти I (см. примеч. 24). Трактуя содержание надписи, сообщавшей и о победоносных походах Аргишти I против Ассирии, М. В. Никольский останавливался на выражении «ванского царя, что боги дали ту или другую страну в подарок его потомству», предлагая трактовать его как указание, что побежденная страна, в данном случае Ассирия, должна была платить дань Урарту (там же, с. 409). Рассуждая о положении в Передней Азии, сложившемся к середине VIII в. до н. э. в результате усиления Урарту и его побед над Ассирией, М. В. Никольский замечал: «Нет сомнения, что мы застаем здесь Ассирию в такой момент ее истории, когда она находилась на краю окончательной гибели. Униженная и ослабленная, она не проявляла признаков жизни; ее исконный враг отнял у нее все ее провинции на север и частью на восток, стал твердою ногою на Евфрате, проникнул в самую землю хеттеев, в северную Сирию. Еще один шаг и всемирная история получила бы совсем другое направление. Библейские летописи повествовали бы уже нам о походе в землю Израиля и Иуды не Тиглат-паласара, Салманасара, Саргона, Сеннахерима (правители Ассирии. – *Сост.*), а Аргишти, Сардури и т. п. царей урартского народа. Овладев Сирией и Палестиной, урартское движение не остановилось бы здесь, оно двинулось бы во фланг к самому очагу древней культуры, в Вавилонию, и там глава этого движения надел бы на себя венец Сумера и Аккада. Могучее урартское царство на севере было бы достаточно сильно, чтобы противопоставить себя движению арийских кочевников, киммерийцев, скифов и т. д., и вид мировой истории был бы совсем другой» (там же, с. 410). – *116*.

[27] *Вавилонская и ниневийская реки* – Евфрат, Тигр; *два царства* – Вавилония и Ассирия. – *116*.

[28] Под *северными кочевниками* Федоров имеет в виду киммерийцев, одно из кочевых или полукочевых племен Северного Причерноморья, которые со второй половины VIII в. периодически совершали набеги на Переднюю Азию, и скифов. Экспансия Урартского государства в Закавказье, активное освоение завоеванных там территорий, строительство укрепленных крепостей диктовалась, по крайней мере со времен урартского царя Русы I (см. примеч. 30), поход которого против киммерийцев окончился неудачей, во многом именно необходимостью защиты от киммерийских и скифских племен (последние в VII в. до н. э. проникли на территорию современного Азербайджана, откуда совершали свои походы в различные части Передней Азии). С последней трети VII в. до н. э., во времена ослабления и падения Ассирии и Урарту (см. примеч. 30–32), скифская экспансия была особенно мощной: скифы вторглись тогда на контролировавшиеся Ассирией территории, в частности в Сирию и Палестину, и дошли до границ Египта. Под *южными кочевниками* Н. Ф. Федоров имеет в виду арабские племена, впервые появившиеся в Сирийской степи в IX в. до н. э. – *116*.

[29] Правители Урарту большое внимание уделяли развитию на своих владениях земледелия, в том числе садоводства. Главными земледельческими районами были бассейн озера Ван и плодородные долины Евфрата и Аракса. Возраставшая от года к году, по мере расширения государства и увеличения его населения, нужда в сельскохозяйственных продуктах приводила к тому, что в отличие от ассирийцев, буквально стиравших с лица земли покоренные области (истреблялось население, разрушались села и города, вытап-

тывались поля, выжигались виноградники, вырубались сады), используя их лишь как плацдарм для дальнейших грабительских походов, урарты заботились о развитии сельскохозяйственного производства захваченных ими земель, проводили на них широкие ирригационные мероприятия. Н. Ф. Федоров особенно подчеркивает земледельческий характер урартского государства, исходя из своей теории противостояния кочевых и земледельческих народов на арене всемирной истории. – *116.*

[30] Противостояние Ассирии и Урарту, превратившейся в VIII в. до н. э. в мощную державу-соперницу и постепенно отвоевывавшей окраинные области Ассирии, особенно обострилось в середине столетия. В 743 г. до н. э. ассирийский царь Тиглатпаласар III, с воцарением которого для Ассирии прекратился период внутренних смут и междоусобиц, начал войну против Урарту. Столкновение между ассирийскими войсками и урартским царем *Сардури II* (годы правления: 760–730 до н. э.) вместе с примкнувшим к нему союзом северо-сирийских государств окончилось поражением коалиции. В битве при сирийском городе *Арпаде* союзники потерпели поражение. В 735 г. до н. э. Тиглатпаласар, после нового победоносного сражения в земле Куммух, на Евфрате, вторгся уже вглубь Урарту, прошел страну с запада на восток, грабя и опустошая ее, предпринял осаду Тушпы, но не смог овладеть ее цитаделью. Преемник Сардури II *Руса I* (годы правления: 730–713 до н. э.) прилагал все силы к восстановлению поколебленной мощи государства. Ему пришлось заново собирать земли Урарту, бороться с наместниками в ранее покоренных территориях, которые стремились к самоопределению, расширять пределы страны (на этот раз в основном за счет Закавказья), вести усиленное строительство. Как писал М. В. Никольский, в конце концов Урарту опять является во главе сопротивления, которое «охватило весь север и почти весь запад». Комментируя это последнее мощное противостояние Ассирии и Урарту, историк замечает: «То обстоятельство, что на огромном пространстве, от горы Арарата до Кархемиша и от Мидии до реки Галиса все народы поднялись как один человек, и каждый из них вместе с другими и в отдельности дрался на жизнь или смерть, свидетельствует ясно, что это не было делом политической интриги, а скорее было стихийное движение народов одной расы на окончательное единоборство с другой, наложившей на нее свое иго» (М. В. Никольский. Клинообразные надписи ванских царей, открытые в пределах России // Древности восточные. Т. I, вып. III, с 412). Однако и в этот раз урарты не смогли сдержать натиска нового похода ассирийцев во главе с *Саргоном II* (годы правления: 722–705 до н. э.), который, не давая своим противникам соединиться в коалицию, уничтожал их поодиночке, а в 714 г. до н. э. вторгся в Урарту, разорил центральные районы страны, на обратном же пути в Ассирию разгромил оказывавшее поддержку Русе царство Мусасир на юге озера Ван и разорил знаменитый храм бога Халди. После вторжения Саргона II урартская держава, хотя и восстановила частично свою мощь и влияние на соседние народы, уже не решалась соперничать с Ассирией и открыто противостоять ей. – *117.*

[31] Ассирийская держава, занявшая в правление Саргона II и его преемника *Сенаххериба* (годы правления: 705–680 до н. э.), согласно Библии – *Сенахерима,* – господствующее положение в Передней Азии (взятие в 722 г. до н. э. Израильского царства, победа над Урарту, присоединение мелких царств восточной части Малой Азии, победоносный поход на Вавилонию в 710 г. до н. э. и окончательный разгром Вавилона в 689 г. до н. э., подчинение в 701 г. до н. э. Иудейского царства, походы на Египет и т. д.), тем не менее периодически сотрясалась внутренними волнениями; реальна была угроза со стороны Фригии, а также киммерийских племен, происходили восстания завоеванных Ассирией народов. Одно из восстаний вспыхнуло в 687 г. до н. э. на западе и имело своим центром Иудею, которая была поддержана Египтом и арабами. Несмотря на то, что Сенаххериб одерживал победу за победой над восставшими, полностью разгромить Иудею ему не удалось из-за эпидемии, внезапно начавшейся в его войсках. В январе 680 г. до н. э. Сенаххериб был убит в результате заговора двух его сыновей, которые после того, как их брат и преемник отца *Асархаддон* (годы правления: 680–669 до н. э.) справился с мятежом, бежали, согласно библейским источникам, «в землю Араратскую» (4 Цар 19: 37, Ис 37: 38). – *117.*

[32] Период крушения Ассирийской державы начался после смерти *Ассурбанипала* (годы правления: 669 – ок. 633 до н. э.). В 626 г. до н. э. от нее отложилась Вавилония, престол которой был захвачен бывшим халдейским вождем Набопаласаром, свергнувшим очередного ассирийского ставленника. Ослабленная войной с Вавилонией, Ассирия в 614 г. до н. э. не смогла противостоять Мидии, проникшей в соседние с ней области и за год до того подчинившей себе царство *Мана* (бывший верный союзник Урарту), которое непосредствен-

но граничило с Ассирией и ранее частично входило в состав ее территории. Ашшур, одна из столиц Ассирии, пал и был подвергнут разграблению. – *117.*

[33] Наум 1:8. Книга пророка Наума, жившего в Иудее в конце VII в. до н. э., была написана между 616 и 612 гг. до н. э. и предрекала гибель Ниневии, второй столицы Ассирийской монархии. В 612 г. до н. э. Ниневия была осаждена и взята соединенными войсками мидийского царя Киаксара (вавилонская хроника называла его уже не «царем Мидии», а «царем Умманманды», т. е. «вообще северных "варваров"» (Всемирная история. Т. I. М., 1956, с. 556)) и вавилонского царя Набопаласара. – *117.*

[34] Ассирийское государство перестало существовать в 605 г. до н. э. после поражения под Каркемишем. Урартское царство, пережившее своего соперника, погибло в начале VI в. до н. э. под натиском кочевых племен, нахлынувших из-за Кавказского хребта и разгромивших урартские административные центры в Закавказье. После крушения Ассирии начинается время стремительного подъема Вавилона, который снова, спустя почти тысячу лет, становится политическим гегемоном в Передней Азии. – *117.*

[35] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 2, лл. 1–4 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 239–242). Частично опубликовано как часть письма к В. А. Кожевникову: *Контекст 1988*, с. 330–331. Черновик статьи, поводом к которой послужил выход двух рецензий на брошюру В. А. Кожевникова «Бесцельный труд, "не-делание" или дело? Разбор взглядов Эмиля Золя, Александра Дюма и графа Л. Н. Толстого на труд» (см. примеч. 40 к «Статьям о Л. Н. Толстом» – Т. II наст. изд., с. 491). Первая под заглавием «Что нового в современных "новизнах"?» появилась в № 6 «Московских ведомостей» от 6 января 1894 г. в рубрике «Литературные заметки» и принадлежала Ю. Николаеву, который хотя и солидаризировался с В. А. Кожевниковым в оценке болезненного, кризисного состояния современной цивилизации и культуры, с его критикой идеи прогресса, тем не менее не был удовлетворен данным в брошюре «положительным решением вопроса». Ю. Николаев не воспринял мысль В. А. Кожевникова о том, что истинная наука не может заниматься лишь исследованием и объяснением фактов действительности, «созерцанием природы», а должна поставить себе целью активное мировоздействие, «разумную регуляцию ее сил для блага человечества» (В. А. Кожевников. Указ. соч., с. 16), и в конце рецензии упрекнул автора за преувеличение роли научного знания в разрешении «вечных вопросов» человеческого существования. Вторая статья была напечатана анонимно в № 3 «Вестника Европы» за 1894 г. в отделе «Литературное обозрение» (с. 422–429). Она, напротив, скептически оценивала те страницы брошюры В. А. Кожевникова, на которых шла речь о господствующем духовном кризисе, о нарастающей в самых разных кругах общества жажде прочной мировоззренческой опоры, об обострении вопроса о смысле и цели жизни. Критик «Вестника Европы» заявлял, что нынешний кризис – если вообще может идти речь о каком-то кризисе – не представляет собой ничего из ряда вон выходящего, что «тот же кризис много раз совершался в истории, а именно во всех религиозных движениях, увлекавших массы, создававших новое мировоззрение в быту религиозном, умственном, политическом и экономическом» («Вестник Европы», 1894, № 3, с. 426). Отрицал автор рецензии и тезис В. А. Кожевникова о повсеместности и широте духовного брожения, захватившего, по его утверждению, и «высших жрецов науки, философии и искусства», и «ученых», и «неученых», «теоретиков и людей обыденного жизненного труда» (В. А. Кожевников. Указ. соч., с. 7). «Автор, – иронизировал он, – по-видимому хочет сказать, что указываемые им запросы заявляет чуть не все человечество, которое, по-видимому, недовольно современной наукой и ищет, во что ему верить; но все человечество, очевидно, не находится в таком положении. Только небольшая доля его способна возыметь те глубокие запросы, какие приводит автор; напротив, громадные массы человечества живали и живут в твердой и спокойной вере вообще» (будь то христианство, буддизм, магометанство, а то и просто язычество), «не знающей сомнений и особенно тех, какие указывает г. Кожевников». Еще более скептически рецензент отнесся к утверждению о наличии брожения и «запросов» на русской почве: «Если бы для человечества действительно предстоял такой решительный вопрос: быть или не быть в нравственном смысле, то надо думать, что для решения этого вопроса необходима была бы элементарная возможность свободного и всестороннего обсуждения данных, входящих в этот вопрос. Литература и общество просвещеннейших европейских народов имеют эту возможность, обладая полною свободой научного исследования», в России же, при наличии цензуры и отсутствии «необходимого запаса научных сил по разных отраслям знания», такое обсуждение немыслимо. Так что «прежде чем ставить, при наших скромных средствах, эти универсальные вопросы, благоразумнее было

бы, кажется, помыслить о более насущных нуждах нашего просвещения» – под этими «насущными нуждами» имелась в виду свобода печати: рецензент в качестве примера ссылался на тот факт, что «новейшее и, как говорят, самое капитальное философско-религиозное творение гр. Толстого остается недоступно для нашей литературы» («Вестник Европы», 1894, № 3, с. 425–427).

Отдельной мишенью для критики, так же как и в первой рецензии, стал вопрос об отношении В. А. Кожевникова к научному знанию, его заявления о необходимости одушевить науку высшим идеалом, направить ее на служение «жизни и делу». Подобно автору первого отзыва, рецензент «Вестника Европы» не согласился с данным утверждением, но если Ю. Николаев в разборе данного тезиса исходил из негативной оценки возможностей разума вообще, призывая поставить на его место совесть и чувство, то второй рецензент, напротив, обвинял В. А. Кожевникова в недооценке роли «чистой науки», в «толстовском» отношении к знанию (он даже отметил, что автор брошюры в вопросе «о делании и не-делании» «отчасти на стороне Толстого»). Со своей стороны он подчеркивал, что наука и не может выработать одного-единственного воззрения, которое было бы истиной в последней инстанции, ибо сама она «не есть что-нибудь законченное», а «находится в постоянном движении и развитии, что ей служат множество отдельных сил, которые вовсе не отождествляются с ее цельным содержанием», что в ней «существовали и существуют разнообразные теории, исключающие друг друга взгляды, бывали и бывают ожесточенные споры, и т. д.» (там же, с. 428).

Н. Ф. Федоров, познакомившись со статьей в «Вестнике Европы», 11 марта 1894 г. отправил В. А. Кожевникову письмо, в котором призывал последнего печатно возразить ее автору. По содержанию текст письма практически совпадает с началом заметки «“Московские ведомости” и “Вестник Европы”», что свидетельствует о том, что они написаны одновременно и заметка является наброском тех идей, которые, по мысли Федорова, следовало бы провести в ответе критикам брошюры.

Несмотря на то, что в названии заметки фигурируют два органа печати, в которых появились рецензии, объектом полемического внимания в ней становится статья «Вестника Европы» и все возражения Н. Ф. Федорова направлены по адресу автора этой статьи. – *118.*

[36] См. ниже примеч. 43. – *119.*

[37] «Вестник Европы», 1894, № 3, с. 427. – *119.*

[38] Василий Кириллович *Сютаев* (1819–1892) – крестьянин дер. Шевелино Новоторжского уезда Тверской губ., самобытный народный мыслитель, религиозные взгляды которого оказали сильное влияние на Л. Н. Толстого в период его духовных исканий конца 1870-х – начала 1880-х гг. *Т. М. Бондарев* – см. примеч. 13 к «Статьям о Л.Н.Толстом» – Т. II наст. изд., с. 489. – *119.*

[39] Рецензент «Вестника Европы» имел в виду сочинение Л. Н. Толстого «Царство Божие внутри вас». – *119.*

[40] Федоров реагирует, с одной стороны, на реплику рецензента «Как с этим быть?», которой оканчивался его пассаж о цензурном гнете в России и недоступности, по этой причине, русскому читателю сочинения Толстого «Царство Божие внутри вас», а с другой, на следующее его высказывание: «Мы не будем входить в настоящую тему брошюры г. Кожевникова, по поводу вопроса о делании и не-делании, поставленного двумя французскими беллетристами-резонерами, между которыми судит гр. Толстой. Это – дело довольно скучное» («Вестник Европы», 1894, № 3, с. 427). – *120.*

[41] В копии в этом месте рукой В. А. Кожевникова проставлено в скобках: «(Другая...)». Сам В. А. Кожевников, выступая против «науки, существующей только для любознательности, а не для жизни», ставящей себе «единственною конечною целью только разоблачение истины, т. е. констатирование существующего порядка вещей в природе и человеке, вместо того, чтобы видеть эту цель в разумном воздействии, при помощи сил знания, на этот порядок для изменения его в иной, лучший, соответствующий потребности человечества в правде», критически оценил мнение Гексли, заявившего в одной из работ, «что изо всей эволюционистической теории нельзя выжать ни единой капли нравственности» (В. А. Кожевников. Бесцельный труд, «не-делание» или дело? С. 15–16). Автор рецензии, рассматривая данное рассуждение Кожевникова, иронически заявил: «Наш автор, утверждающий, что наука должна не только обещать, но и устроить счастье, видимо имеет о ней весьма смутное представление, как и в том случае, когда, по образцу гр. Толстого, подобравши единичные мнения двух-трех ученых, считает их за “науку” – и без милосердия казнит». Сочтя при этом мнение Гексли совершенно справедливым и указав вслед за

ним, что «наука обязана только строго исследовать факты и не имеет права утверждать того, что не находит доказанным», рецензент, впрочем, признал, что есть и другая «наука», которая говорила обо всем, о чем с таким пафосом высказывался Кожевников, – но при этом слово «наука» он поставил в кавычки («Вестник Европы», 1894, № 3, с. 427–429). – *120.*

[42] См. примеч. 41. – *120.*

[43] Под данным заглавием соединены три заметки, написанные в разное время, но равно касающиеся брошюры В. А. Кожевникова «Бесцельный труд, “не-делание” или дело?» Если в предшествующих заметках, адресованных критикам брошюры, а также в черновом письме к А. И. Введенскому (письмо 82), Н. Ф. Федоров стремился защитить выраженное В. А. Кожевниковым понимание «*активного* значения науки», представление о человеческом труде как о силе, призванной к реальному преображению бытия и человека, и не только защитить, но и доразвить эти идеи, принадлежащие ему самому, то в данных заметках, а также в ряде писем, обращенных уже непосредственно к В. А. Кожевникову, он поясняет свое видение недостатков брошюры, главный из которых находит в том, что Владимир Александрович чересчур неопределенно и общо высказался о смысле и содержании того истинного дела, которое должно быть противопоставлено и «не-деланию», и «бесцельному труду». Последние страницы брошюры Кожевникова по стилю во многом были близки тем текстам Соловьева, в которых он так же философски-обобщенно излагал федоровский призыв к делу: «Познавши действительность, – писал В. А. Кожевников, – то есть истину, *надо*, если она не совпадает с требованиями долженствующего быть, с правдою, тем не менее *верить* в правду, запрос на которую дан, как неоспоримый факт, в инстинкте, чувстве, желании, мысли и воле человека, как неприкосновенная святыня на алтаре человеческого духа. Надо верить в то, что при помощи всеобщего знания и труда всеобщего несовершенное существующее перейдет в долженствующее быть совершенное, что помимо нашей воли данный или при содействии бессознательной или же дурно направленной воли сложившийся *факт* изменится и постепенно превратится в акт нашего сознания, знания и доброй, на всеобщее благо направленной воли.

Надо трудиться для достижения этого великого результата труда и знания, трудиться не для одурманивания себя и других, не из-за личных расчетов, не по личным симпатиям, не для своих частных целей, а для просвещения и оздоровления физического и нравственного себя и всех и для достижения всеобщего счастия; надо трудиться *не для себя только, забывая о других, и не для других только, забывая о себе, а со всеми, для всех»* (указ. соч., с. 52–53).

Так же, как и в случае с В. С. Соловьевым, Н. Ф. Федоров не раз сетовал на подобную неопределенность выражений, которая ни к чему не обязывала и могла быть истолкована самым различным образом – на что, кстати, указывал в связи с данной брошюрой и критик «Вестника Европы», говоря о конечных ее выводах: «...уважать науку, [...] верить в правду, трудиться для достижения всеобщего счастия; надеяться, что эта цель будет достигнута» и, наконец, любить. «Опасаемся только, – замечал он, – что советы нашего автора слишком неопределенны: в той борьбе, какая ведется в современном обществе, обе стороны считают каждая свое дело за положительное и “благотворное”» («Вестник Европы», 1894, № 3, с. 429). Стертость и размытость формулировок там, где речь шла о главном, о сокровенном ядре учения о воскрешении, допускавшиеся человеком, которого Николай Федорович считал своим единомышленником и от которого ждал не только личного принятия учения, но и открытого, смелого слова о нем, вызывали в мыслителе досаду и разочарование. Во многом именно здесь коренилась причина периодически возникавших эмоциональных вспышек со стороны Н. Ф. Федорова по отношению к В. А. Кожевникову и подчас резкой и острой критики.

Первая заметка печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 77 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 314). – *120.*

[44] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 2, лл. 5–6 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 242–243). Данная заметка написана по поводу текста предисловия, которое В. А. Кожевников намеревался предпослать второму изданию своей брошюры «в ответ на замечание, сделанное мне некоторыми из моих читателей, именно: что следовало бы подробнее определить задачи общего дела и средства к их выполнению» (главным среди этих читателей, конечно, был Н. Ф. Федоров). В первом абзаце Н. Ф. Федоров приводит один из фрагментов первоначального текста предисловия, показанного ему В. А. Кожевниковым, сопровождая его краткими репликами и знаками вопроса. В следующем абзаце – дает исправленный вариант этого фрагмента (в таком виде он, с не-

большой правкой В. А. Кожевникова, и был напечатан во втором издании). В третьем абзаце приводит еще один фрагмент текста предисловия, сопровождая одно из его выражений знаком вопроса. – *121*.

[45] В окончательном тексте у В. А. Кожевникова – «человечества» (см.: указ. соч., с. 3). – *121*.

[46] В окончательном тексте у В. А. Кожевникова – «неопределенного» (см. там же). – *121*.

[47] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, л. 29–29 об. (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 4, ед. хр. 6, л. 106). Заметка написана не ранее осени 1897 г. (упоминается книга В. А. Кожевникова «Философия чувства и веры», вышедшая тогда в свет). – *122*.

[48] Федоров имеет в виду стихотворения В. А. Кожевникова «Призыв», «Да приидет Царствие Твое!» и «Жить или не жить?» (первое было написано в 1894, два последних – в 1897 г.; тексты первых двух стихотворений см. в Т. III наст. изд., с. 537–538, 731–732, третьего – в Т. IV наст. изд., с. 567–568). – *122*.

[49] Федоров имеет в виду финальные страницы книги В. А. Кожевникова «Философия чувства и веры» (М., 1897), написанные под влиянием его собственных идей, а именно – последнюю фразу: «Разъяснение же этого последнего (общего дела. – *Сост.*), выработка проекта его и средств к его осуществлению, установление правильного взгляда на природу и человека и определение их существующих и долженствующих быть отношений составит верховную задачу философии будущего, той, которая, после стольких фантастических блужданий философии отвлеченного мышления и всех непроизводительных порывов философии чувства, должна стать наконец реальною и общеполезною *философией дела*» (указ. соч., с. 757). – *122*.

[50] В. А. Кожевников делает здесь примечание «Н<иколай>Ф<едорови>ч, Н. П. Петерсон и Ф. М. Достоевский» (ОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр. 6, л. 106), однако, судя по идентичному выражению в одной из заметок, написанных по поводу полемики Б. Н. Чичерина и В. С. Соловьева (см.: Т. IV наст. изд., с. 66), речь идет о Н. Ф. Федорове, Ф. М. Достоевском и В. С. Соловьеве (Н. П. Петерсон же должен пониматься как излагатель учения о долге воскрешения, а не автор его). – *122*.

[51] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 112, лл. 1–2 об.– *122*.

[52] Цитату из какого сочинения по русской истории, ставшего в данной заметке объектом полемики, приводит Н. Ф. Федоров, установить не удалось. – *122*.

[53] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, лл. 84–86 об., 91 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, л. 92–94). Интерес Н. Ф. Федорова к публицистической деятельности Александра Алексеевича *Киреева* (1833–1910), общественного деятеля, представителя позднего славянофильства, документально засвидетельствован начиная с августа 1893 г. (см. письмо 75). Однако еще во второй половине 1880-х гг., которая прошла для мыслителя под знаком написания программной работы «Собор», излагавшей его взгляд на церковный вопрос, он не мог не иметь в виду длившуюся уже ряд лет полемику А. А. Киреева с В. С. Соловьевым о путях преодоления раскола вселенской церкви. В отличие от В. С. Соловьева, ставившего вопрос о соединении прежде всего перед православным Востоком и призывавшего признать безусловное первенство римского престола в христианском мире, А. А. Киреев обращал призыв о соединении к западному христианству, считая его исказившим вероучение Вселенской церкви. Признавая краеугольным камнем бытия церкви догматы, выработанные соборным творчеством первых восьми веков, он говорил о возможности для православия и католичества соединиться на почве догматической – при сохранении обрядовых различий, которые, по мысли Киреева, порождены исторической и национальной жизнью западных народов, срослись с их многовековой культурой: католичество должно тем самым очиститься лишь от вероисповедных новшеств – filioque (признания Св. Духа исходящим не только от Бога-Отца, но и от Бога-Сына), догматов о непорочном зачатии Девы Марии и о папской непогрешимости, сохранив все особенности совершения христианских таинств, и стать, таким образом, «православием западного обряда» (выражение А. А. Киреева).

Позиция А. А. Киреева по вопросу о примирении церквей и стала одним из объектов полемики в статье Н. Ф. Федорова «Проект соединения церквей». Н. Ф. Федоров считал примирение лишь в догмате недостаточным и неполным, подчеркивал глубокую смысловую значимость обряда (эстетическое богословие) и выдвигал идею примирения церквей в общем деле спасения (подробнее см. преамбулу к «Проекту соединения церквей» – Т. I наст. изд., с. 506, а также примеч. 3 к письму 75). Тем не менее, относясь с сочувствием к некоторым выступлениям А. А. Киреева (за созыв Вселенского Собора, в защиту старокатоликов), зная его патриотические настроения, Н. Ф. Федоров, специально обратившийся в связи с работой над

статьей «Проект соединения церквей» к статьям и брошюрам А. А. Киреева, решил написать ему. И в том же письме от 23 августа набросал несколько тезисов возможного текста, который должен бы был, в частности, осветить собственный взгляд Н. Ф. Федорова на соединение церквей, на славянофильство и русскую идею.

В архиве Н. П. Петерсона сохранились два черновых варианта письма к А. А. Кирееву (см.: Т. IV наст. изд., с. 291–293, 488–490). Неизвестно, были ли они отправлены, но с большой долей вероятности можно утверждать, что нет. Одним из доводов в пользу этого предположения могут послужить печатаемые ниже полемические заметки.

Поводом для заметок послужил выход в свет текста программной речи А. А. Киреева, произнесенной в торжественном собрании Санкт-Петербургского славянского благотворительного Комитета 6 апреля 1895 г. и представлявшей собой продолжение его полемики с С. Н. Трубецким по вопросу о славянофильстве (см. примеч. 69 к «Самодержавию» – Т. II наст. изд., с. 446). В ней А. А. Киреев изложил основные тезисы своего ответа Трубецкому, полный же текст ответа, также разбираемый здесь Федоровым, – «Спор с западниками настоящей минуты» – был напечатан спустя месяц в журнале «Русское обозрение» (1895, № 5, с. 207–277).

В речи и статье А. А. Киреев дал развернутую трактовку каждого члена триады «православие, самодержавие, народность», которую он полагал основой славянофильского учения. Указав на православную церковь как на хранительницу заветов Вселенского христианства, он в очередной раз развил мысль о том, что воссоединение с ней католицизма фактически явится для него возвращением к своим собственным истокам, восстановлением своей церкви как исконной «православной церкви западного обряда». При этом вновь подчеркивалась принципиальная важность догматического единства церкви, отзыв же об обрядовых различиях был сделан в достаточно резкой и пренебрежительной форме: «...разные обряды, обычаи, все это дело очень неважное, все это имеет значение лишь второстепенное, относительное!» (А. А. Киреев. Спор с западниками настоящей минуты // Русское обозрение, 1895, № 5, с. 221).

Свою позицию по вопросу о самодержавии А. А. Киреев определял формулой «одна воля и много умов» (в противоположность формуле парламентаризма – «много воль и много умов») – «одна решающая воля, но просвещенная многими умами, и много умов, преклоняющихся пред этой просвещенною ими волею» (там же, с. 237, 251). В допетровской Руси эта формула выражала связь царя и земских соборов, а в последние три века роль активной зиждительной силы начинает принимать на себя русское общество (фактически здесь А. А. Киреев развивал «теорию общества», высказанную И. С. Аксаковым еще в начале 1860-х гг.). Большое значение публицист придавал и сформировавшейся культурной среде, которая без всяких договоров и конституций, самим фактом своего существования не дает развиться самовластью, не позволяет совершаться тому произволу, который имел место в правление Ивана Грозного, Петра Великого или при Бироне и Павле I. В связи с этим тезисом публицист выдвигал идею расширения свободы печати, развития гласности как необходимого условия нормального взаимодействия между царем и народом, между правительством и обществом, как реального рычага стабильности в государстве.

Трактовка православия и самодержавия, данная А. А. Киреевым, вызвала несогласие Н. Ф. Федорова в целом ряде пунктов – конспективный набросок возражений дан в настоящей статье, где Федоров противопоставляет трактовке Киреева собственное истолкование триады «православие, самодержавие, народность», свое понимание пути России.

Сама заметка, вероятнее всего, была написана вскоре после выхода майского номера «Русского обозрения»: в мае – начале июня 1895. Некоторые ее положения, касающиеся трактовки исторического и нравственно-религиозного значения самодержавной власти, вошли в заметку «Еще об историческом значении царского титула» («Русский архив», 1895, № 7), которая была сдана Ю. П. Бартеневу еще до отъезда Н. Ф. Федорова в середине июня в Воронеж, а затем повторены в «Самодержавии».

Выход текста речи и текста статьи поколебал намерение Н. Ф. Федорова обратиться с письмом к А. А. Кирееву. На сохранившемся в фонде Н. П. Петерсона в ОР РГБ конверте с надписью «К Кирееву» рукой Н. Ф. Федорова сделаны приписки с критикой по его адресу, образующие заглавие заметок, – и это превращение надписи на конверте в заглавие еще одно свидетельство того, что письмо не было послано.

Все цитаты, приводимые Н. Ф. Федоровым в заметках, взяты им из статьи «Спор с западниками настоящей минуты», номера страниц указаны по журналу «Русское обозрение». – *123.*

[54] В статье «Спор с западниками настоящей минуты» А. А. Киреев развивал славянофильский тезис о том, что, в отличие от западноевропейской государственности, государственность русская не основана на завоевательном начале; подчеркивал патриархальный характер самодержавной власти (царь – отец народа, ходатай перед Богом за своих подданных-детей, в результате чего «народ и не стремится к власти государственной»), вслед за К. С. и И. С. Аксаковыми указывал на то, что идеал русского народа – не правовой, а религиозный, ему дорога не формальная (юридическая) правда, а правда высшая – «правда Божия» («Русское обозрение», 1895, № 5, с. 249–251). – *123.*

[55] *filioque* – «и от Сына» (*лат.*) – см. выше в примеч. 53; immaculata conceptio – непорочное зачатие (*лат.*). Догмат о том, что Дева Мария, так же как и Спаситель, зачата непорочно, был провозглашен папой Пием IX в 1854 г. – *123.*

[56] Федоров комментирует рассуждение А. А. Киреева о коренном различии между самодержавной властью в России, где власть освящена религиозно (Царь – помазанник Божий и исполнитель Божьей воли), и западным типом «административного государства», вне зависимости от того, монархия это или республика, в котором «представители и слуги верховной власти обыкновенно отождествляют себя с этой властью» (в качестве примера А. А. Киреев приводил известное выражение Людовика XIV «государство – это я»). Подобный же процесс отождествления себя с властью, по мысли Киреева, происходит и в истории католицизма, проявляясь в идее абсолютного главенства папы в церкви (авторитет папы ставится выше авторитета вселенских соборов, догматически утверждается его непогрешимость и т. д.), – публицист приводил в связи с этим слова Пия IX «я – церковь» («Русское обозрение», 1895, № 5, с. 241–242). – *124.*

[57] См. примеч. 35 к «Самодержавию» – Т. II наст. изд., с. 444. – *124.*

[58] В речи в торжественном собрании Санкт-Петербургского Славянского благотворительного комитета А. А. Киреев, знакомя его участников с основными тезисами своего ответа С. Н. Трубецкому, упомянул о двух своих беседах в Москве с группою московских студентов, обратившихся к нему за разъяснениями по славянофильскому учению. «Беседы эти, – отметил А. А. Киреев, – произвели на меня самое отрадное впечатление», наведя к тому же на целый ряд соображений. Полный текст ответа С. Н. Трубецкому «Спор с западниками настоящей минуты» в подзаголовке имел посвящение «московским собеседникам» публициста. Н. Ф. Федоров указывает двух знакомых ему участников беседы с А. А. Киреевым – Александра Фроловича *Филиппова* и Владимира Михайловича *Владиславлева* (см. примеч. к письму 105 (преамбула) и примеч. к письму 283 (преамбула)). – *125.*

[59] Данный абзац – реплика на некоторые тезисы статьи С. Н. Трубецкого «Противоречия нашей культуры», против которой была направлена речь А. А. Киреева от 6 апреля 1895 г. и статья «Спор с западниками настоящей минуты». С. Н. Трубецкой разбирал другую речь генерала в том же Санкт-Петербургском Славянском благотворительном комитете, произнесенную в декабре 1893 г. и посвященную противникам и союзникам славянофильства (среди противников были названы К. Н. Леонтьев, В. С. Соловьев, а также сам С. Н. Трубецкой). Утверждая «универсальное значение» европейской культуры, ее роль в формировании «не только военной и экономической силы современной России, но и внутренней силы ее, наряду с ее религиозными и политическими идеями, переданными ей Византией», С. Н. Трубецкой упрекал славянофилов в непоследовательности их отношения к Западу: отрицая на словах западноевропейские культурные начала, сами они в значительной степени были пропитаны ими, «грешили эклектизмом» («Вестник Европы», 1894, № 8, с. 516–517). В доказательство философ приводил фрагмент декабрьской речи А. А. Киреева, полемически обращенный к нему самому: «Но о какой культуре говорит кн. Трубецкой: культура Шопенгауэра, Спенсера, Ог. Конта, Золя и Оффенбаха – одна! Культура Канта, Гете, Бетховена – другая! С первой мы имеем очень мало общего – со второй очень много. Где у нас вычитал кн. Трубецкой, что мы протестуем против всей западноевропейской культуры?» (Цит. по: «Вестник Европы», 1894, № 8, с. 517). – *125.*

[60] Федоров приводит цитату из начала статьи «Спор с западниками настоящей минуты», где А. А. Киреев кратко излагал положения статьи С. Н. Трубецкого «Противоречия нашей культуры» («Русское обозрение», 1895, № 5, с. 210). – *125.*

[61] Говоря здесь о противоречиях А. А. Киреева, Федоров имеет в виду рассуждения публициста о самобытности русских государственных начал. А. А. Киреев указывал на нравственно-религиозный характер власти в России, на «органическую связь государства с церковью», которая «дает нашему отечеству *этическое* основание, чем оно принципиально отличается от государства западного, парламентарно-договорного, имеющего осно-

вание *юридическое*». А затем, рассуждая о прогрессе русского общества в сторону большей свободы понятий и мнений, призывал: «Будем заботиться об укреплении и развитии нашего характера, будем гражданами! Повторяю, мы в этом отношении несомненно прогрессируем. Наши спины гнутся уже гораздо менее, нежели 2-3 поколения тому назад, – *а у многих совсем не гнутся*!» (там же, с. 240–241). Федорову такой ход мысли с точки зрения его собственных идей представлялся нелогичным: полагая в основу самодержавной власти начала патриархально-родственные и религиозные, нельзя употреблять термины из другого ряда понятий: «гражданин» же – слово, более подходящее как раз для «парламентарно-договорного», юридического типа государства, и в идеальном самодержавном государстве, ставшем на путь всеобщего дела, должно быть заменено словом «сын». Вообще, Н. Ф. Федоров вслед за С. Н. Трубецким также обвиняет А. А. Киреева в непоследовательности, но только если для С. Н. Трубецкого речь идет о непоследовательности отношения как славянофильства 40–60-х гг., так и самого Киреева, к западноевропейской культуре, то для Федорова это непоследовательность по отношению к русской культуре, в которой он сам видел ростки нового совершеннолетнего мироотношения, призванные положить начало религиозной культуре будущего, которую он мыслил как культуру активно-христианскую. – *125.*

[62] Федоров приводит цитаты из рассуждения А. А. Киреева об эволюции типа западного «парламентарно-договорного государства», в котором последовательно упраздняется этический элемент и торжествуют элементы юридический и экономический. Такое государство, утверждал Киреев, не имеет реальных рычагов борьбы с анархизмом, представители которого «вполне принимают все блага парламентаризма», и «тип Равашолей, Рысаковых, Желябовых, Казерио, вообще тип политических убийц, строителей баррикад и устроителей взрывов, начинает уступать место другому, гораздо более опасному», который намеревается прийти к власти законным выборным путем (там же, с. 242–245). Франсуа-Клаудиус Кенигштайн, псевд.: *Равашоль* (1859–1892) – французский анархист, совершивший целый ряд политических покушений. Джованни Санто *Казерио* (1872–1894) – итальянский анархист, в 1894 г. убивший президента французской республики М.-Ф. Карно. – *125.*

[63] Там же, с. 255. – *126.*

[64] Ср. ниже развитие этого тезиса в заметке «Долг и свобода». – *126.*

[65] Обе цитаты: «Русское обозрение», 1895, № 5, с. 227. Поль *Бэр* (1833–1886) – французский естествоиспытатель и политический деятель. Занимая в 1881–1882 гг. пост министра народного просвещения и культов, П. Бэр, решительный противник клерикализма вообще и католицизма в частности, разработал проект, согласно которому духовенству запрещалось преподавать в общественных школах (принят в 1884 г.). Александр *Векерле* (1848–1921) – венгерский политический деятель. В 1892–1894 гг., будучи главой кабинета министров, активно боролся с католической церковью, провел законы об обязательном гражданском браке, свободе смены исповедания и т. д. – *127.*

[66] Федоров цитирует фрагмент следующего рассуждения А. А. Киреева в статье «Спор с западниками настоящей минуты»: «При вступлении на прародительский престол государи наши никаких обязательств ни перед какими камерами не принимают, никаких документов на себя не выдают и никаких конституций не подписывают. Но при венчании их на царство происходит нечто более серьезное. [...] По чину венчания московский митрополит, прежде нежели передаст Государю царский венец, спрашивает его: "како веруеши?" На это венчаемый отвечает произнесением православного символа веры, после чего и получает из рук святителя венец, который возлагает себе на главу» («Русское обозрение», 1895, № 5, с. 239–240). – *127.*

[67] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 82 (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 261). Заметка вызвана статьей К. К. Арсеньева «Новая форма старой мечты», посвященной разбору первого тома книги Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» («Вестник Европы», 1901, № 5, с. 305–324). Появление труда Мережковского критик расценивал как возрождение русской мессианской идеи, за которую ратовали еще славянофилы. Но если они полагали эту идею «в стихийной глубине народного духа, в бессознательно созданных им основах жизни», то «теперь ее ищут в литературе». Подобная направленность поиска вызывала у К. К. Арсеньева скептическое отношение: в литературе, по его мнению, «никогда еще не зарождались [...] всемирные идеи, направляющие человечество на новый путь, коренным образом изменяющие его миросозерцание». Скептически он отнесся и к «предположению г. Мережковского, что уже теперь имеется налицо "горсть русских людей нового религиозного сознания", от которых зависят, быть

может, "судьбы европейского мира". Если бы такие люди действительно существовали, – на горизонте показался бы хотя слабый отблеск грядущего света; а такого отблеска пока не видно, несмотря на то, что на фоне окружающей нас темноты заметен был бы даже не особенно яркий свет» (там же, с. 305, 324–325). – *127.*

[68] В данном абзаце Н. Ф. Федоров пересказывает, с элементами собственной интерпретации, основные идеи книги Мережковского в их изложении К. К. Арсеньевым (там же, с. 307–308). Цитата *«вся дорога пройдена ∞ начинается религия»* – была взята Арсеньевым из «Предисловия» Д. С. Мережковского к книге «Л. Толстой и Достоевский»; вторая цитата («тайновидец плоти», «тайновидец духа» и т. д.) представляла собой близкое к тексту воспроизведение фразы из заключительной главы первого тома книги (см.: Д. С. Мережковский. Христос и Антихрист в русской литературе. Л. Толстой и Достоевский. Т. 1, с. 9, 360). -- *127.*

[69] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 125 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, л. 84). Небольшая статья писателя Владимира Федоровича *Одоевского* (1803–1869) «Жить–действовать» была опубликована в «Татевском сборнике С. А. Рачинского» (СПб., 1899, с. 114–118). Центральная идея статьи: «...физическая природа отнюдь не столь совершенна, как представляется она в поэтических описаниях, [...] земля с человеком совоздыхает, и [...] для поддержания самих законов природы, для того, чтобы не допустить ее до самоистребления, – необходим *человек.* Этого рода деятельность человека, столь необходимая для природы, должна возбуждать особенное наше внимание, ибо она указывает на место, занимаемое человеком в мире, и [на] необходимость для такого естественного устройства развить свое разумение знанием; ибо, не зная природы, как он поможет ей» (там же, с. 115). Мысль о человеке как силе созидательной и активно-творческой, от которой реально зависит судьба и природы, и мира в целом, – предвосхитившая антропологические воззрения русских мыслителей-космистов конца XIX – первой трети XX вв., – развивалась и в других философских набросках Одоевского; она же проведена в романах «Русские ночи» и «4338 год» (см. подробнее: «Русский космизм: Антология философской мысли». М., 1993, с. 34–38). – *127.*

[70] Федоров цитирует фрагмент послесловия С. А. Рачинского к статье В. Ф. Одоевского // Татевский сборник С. А. Рачинского, с. 118–119. – *128.*

[71] Там же, с. 119. – *128.*

[72] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 68, л. 98–98 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, лл. 13–14). Заметка написана в июле 1900 г. в период работы над «Пасхальными вопросами» (из них впоследствии вырос «Супраморализм»). Каждому из вопросов Н. Ф. Федоров намеревался предпослать свой эпиграф. В архиве Н. П. Петерсона сохранился текст «Эпиграфов к 12-ти Пасхальным вопросам», писанный рукой В. А. Кожевникова с поправками и добавлениями Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона (впоследствии почти все они в исправленном и доработанном виде вошли в текст «Супраморализма»). Первый эпиграф к вопросу «О богатстве и бедности и о смерти и жизни» изложен так:

«Пока будет смерть, будет и бедность; будет и богатство, то есть будут скудость и излишество, которые сами по себе смертоносны. Под сочувствием бедным не скрывается ли ненависть к богатым?» (ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 2, л. 1).

Письмо, о котором упоминает Н. Ф. Федоров в данной заметке, – письмо В. А. Кожевникову от 3 июля 1900 г. (см. в нем упоминание об эпиграфах к «Пасхальным вопросам» и указание на изменения, которые необходимо внести в текст первого эпиграфа). – *128.*

[73] В серии очерков «Власть тьмы», написанных в 1881–1882 гг., Г. И. Успенский указывал, что народное миросозерцание формируется под непосредственным влиянием земледельческого уклада жизни. Труд на земле, в которой – основа благосостояния крестьянина, источник пропитания и жизни, от которой он в постоянной зависимости (подаст – не подаст дождя, уродится или не уродится хлеб), дает земледельцу особую мудрость, препятствует развитию в его натуре искажающих наклонностей к наживе, лености и барству. Впрочем, Г. И. Успенский отмечал и обратную сторону подобной «власти земли», «строя жизни, повинующегося законам природы»: ведь и в природе «не все ласково», и хоть слышны в ней благодатные «птичек хоры», но в то же самое время «кто-то кого-то ест». «Все поедает друг друга каждую минуту и все каждую минуту родится вновь». Этот закон взаимного вытеснения и борьбы за жизнь действует и в крестьянской среде, живущей в непосредственном касании с природой. И противостоит ему в народе «народная интеллигенция», «вооруженная христианской идеей», противопоставляющая «правде дремучего леса» высшую правду бескорыстной взаимопомощи и любви к ближнему (Г. И. Успенский. Полное собрание сочинений. Т. 8, Л., 1949, с. 83–84). – *129.*

[74] Вероятно, Федоров имеет в виду следующую фразу из брошюры В. А. Кожевникова «Бесцельный труд, “не-делание” или дело?»: «...надо любить свободу в ее истинном широком значении, не в смысле произвола своего над людьми, не в смысле устранения себя из-под произвола других людей, а в смысле освобождения всех людей от рабства пред всем, что в природе и жизни царит над ними неразумного, стихийного, не-волевого, несправедливого, жестокого» (указ. соч., с. 53). Упрек Федорова (см. выше примеч. 43) в данном случае несправедлив. Приведенной нами фразе предшествовали слова: «...надо любить труд, дело, потому что только соединенными усилиями добровольно и сознательно трудящегося человечества можно одолеть мешающие его счастью стихийные, неразумные и несправедливые силы природы и все бесчисленные беды, имеющие их своим первоначальным источником» (там же, с. 53). – *129.*

[75] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр. 24, л. 1–1 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 5, лл. 1–2). Название заметки дано Н. П. Петерсоном. Ему же принадлежат первые слова заметки, взятые в угловые скобки. Начало автографа утрачено, текст в нем начинается с полуслова: «[...гово]рил с ними не вместе, не в одно время – по вопросу о нежелательности. Впрочем эти господа даже не поняли...». – *129.*

[76] Данная заметка и следующий за ней набросок статьи «К отрицанию разъединения. Свобода совести – свобода на ложь и на рознь» печатаются по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 18, 19 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, лл. 24–45). Статья «К отрицанию разъединения. Свобода совести – свобода на ложь и на рознь» частично опубликована: Н. Ф. Федоров. Из «Философии общего дела». Новосибирск, 1993, с. 197–201.

Поводом к заметке «Три ужаса» и статье «К отрицанию разъединения» послужила речь о свободе совести Орловского губернского предводителя дворянства Михаила Александровича *Стаховича* (1861–1923), произнесенная в сентябре 1901 г. на Миссионерском съезде в Орле, где одним из основных вопросов был вопрос о борьбе с «ересями» и сектантством. М. А. Стахович, указав на порочность установившейся в России практики государственного преследования за веру, отметив, что принудительные, карательные меры против сектантов недопустимы для Церкви, единственное орудие которой – «внутренняя духовная сила», что они подрывают ее духовный авторитет, призвал миссионерский съезд «возбудить ходатайство» об «отмене всякой уголовной кары за отпадение от православия» и «провозгласить необходимость свободы совести» («Орловский вестник», 25 сентября 1901; см. также: «Санкт-Петербургские ведомости», 29 сентября (12 октября) 1901, № 267; «Асхабад», 30 октября 1901, № 303).

Речь М. А. Стаховича вызвала бурную полемику как на самом съезде, так и в русской прессе. Либеральные органы печати называли речь «замечательною», а вопрос о свободе совести – «одним из самых наболевших, неотложных и важных вопросов русской государственной и общественной жизни» («Санкт-Петербургские ведомости», 29 сентября (12 октября) 1901, № 267), консервативные – резко осуждали. Ряд самих миссионеров, в принципе согласных с тем, что «репрессивные меры в делах веры – не радикальные, а паллиативные» и отнюдь не всегда ведут к желаемому результату, тем не менее указывали, что совершенно обойтись без них невозможно – по крайней мере «до тех пор, пока мы не придем “в меру возраста исполнения Христова”»: а пока ограничение «злой, преступной воли» необходимо. Кроме того, «ложно направленная совесть, получив свободу, может толкнуть многих и многих на ложный путь», вплоть до изуверств и коллективных самоубийств, случаи которых в раскольнической среде не так уж и редки (выступления киевского миссионера С. М. Потехина, редактора «Миссионерского обозрения» В. М. Скворцова, воронежского миссионера Т. Рождественского в прениях по докладу М. А. Стаховича // Орловский вестник, 26 октября 1901; см. также: «Асхабад», 8 ноября 1901, № 312).

Позиция Н. Ф. Федорова в поле различных мнений по вопросу о свободе совести определялась, как и во всех других случаях, воскресительным идеалом. А этот идеал единого, всеспасающего дела подразумевал в качестве основы своего осуществления человеческое согласие, всеобщее объединение, требовал не разномыслия, которое неизбежно влечет за собой разнонаправленность усилий (как лебедь, рак да щука – а воз и ныне там), а, напротив, святого соборного единомыслия и единодействия (по образу апостольскому – «у множества же уверовавших было одно сердце и одна душа» (Деян 4: 32)). Исходя из этого положения, мыслитель стремился раскрыть как бы «обратную сторону» принципа «свободы совести», которая особенно четко представала в свете высшей, сверхприродной нравственности: здесь последовательно проведенный принцип плюрализма мнений вел к

состоянию духовного разброда, к атомарности общества, а религиозная терпимость оборачивалась религиозным индифферентизмом.

С подобной же точки зрения рассматривал Н. Ф. Федоров и тезис М. А. Стаховича о коренной противоположности устремлений церкви и государства – «власти суетной, земной», о том, что всякое их взаимодействие и сотрудничество «от лукавого». Сознавая недостатки реального положения церкви в послепетровской России, мыслитель тем не менее был категорически против разделения светской и духовной властей, – тем более, что принцип симфонии, воспринятый Русью от Византии, формировал ее государственность как государственность христианскую, религиозно освящал ее историю. По убеждению Федорова, речь должна идти не о разрушении союза церкви и государства, а напротив, о его преображении, об очищении его от всего недолжного и наносного, об одушевлении его активно-христианским идеалом. Близкие идеи высказывались и другими оппонентами М. А. Стаховича, подчеркивавшими, что «на Руси церковь и государство слиты в единый организм. Царь у нас не только носитель власти, но и помазанник Божий, церковная власть имеет иерархическое, священное значение» и нужно содействовать тому, «чтобы гражданская и духовная власти действовали в полной гармонии и в духе истинно-христианских идеалов» («Орловский вестник», 25 сентября 1901), однако у Федорова за этим вставало его видение истории как богочеловеческой работы спасения, как воскресительного дела. И в такой перспективе требование разделения церковного и гражданского, провозглашение государства сугубо земным учреждением, не только не имеющим ничего общего с целями христианства, но даже противоположным им, виделось мыслителю опасным заблуждением, ибо фактически вело к отрицанию возможности преодоления разрыва между светским и духовным, христианизации всех сфер исторического бытия человечества, их поворота на Божьи пути. Отсюда – резкость оценки речи М. А. Стаховича, отсюда – критика конституционно-демократических форм правления как секуляризованных, не освященных свыше и не ставящих перед собой религиозной сверхидеи, и противопоставление им самодержавного государства, заключающего в себе, пусть и в самом зачатке, ростки истинной теократии (подробнее см. работу «Самодержавие» в Т. II наст. изд. и примечания к ней).

Ряд положений по вопросу о свободе совести, высказанных Н. Ф. Федоровым в заметке «Три ужаса» и наброске статьи «К отрицанию разъединения...», – о свободе совести как свободе на ложь и на рознь, о задачах журналистики и т. д. – были повторены в его статьях, напечатанных в рамках асхабадской полемики, одной из сюжетных линий которой стало обсуждение этого вопроса (подробнее см. преамбулу к разделу «Асхабадская полемика»). – *130.*

[77] Начало заметки совпадает с одноименной заметкой «Три ужаса», написанной по поводу передовой статьи «Московских ведомостей» от 29 сентября 1901 (№ 268), в которой осуждалась речь М. А. Стаховича (см. примеч. 60 к «Статьям религиозного содержания из III тома “Философии общего дела”» – Т. III наст. изд., с. 699). Саму заметку см.: там же, с. 415–416. – *130.*

[78] В своей речи М. А. Стахович в качестве подтверждения собственной позиции по вопросу о свободе совести приводил развернутые цитаты из статей И. С. Аксакова, выступавшего против применения к раскольникам полицейских мер и признававшего лишь «духовные орудия церкви»; указывал на то, что подобную позицию занимали также А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, Ю. Ф. Самарин, В. С. Соловьев. Пафос речи, так же как и некоторые ее положения, были близки идеям Л. Н. Толстого, к которым М. А. Стахович проявлял живой интерес, будучи близко знаком с их автором. Сам Л. Н. Толстой высказался по вопросу, поднятому М. А. Стаховичем, в статье «О веротерпимости», где пошел еще дальше последнего, заявив, что не только государство не может быть связано с церковью, но и сам институт церкви есть нехристианское установление, а потому требовать от нее веротерпимости бессмысленно: веротерпимость возможна лишь в «истинном, свободном христианстве, не связанном ни с какими мирскими учреждениями» (*Толстой. 34*, 298). – *130.*

[79] Речь идет о восстании 1863–1864 гг. в Царстве Польском, Литве, Западной Белоруссии, Правобережной Украине. – *130.*

[80] В связи со всеобщей переписью населения России (см. примеч. 105) имели место случаи единичных и коллективных самоубийств среди раскольников, объявивших перепись знаком воцарения антихриста. Вопрос о подобных изуверствах в раскольнической среде был затронут и в прениях вокруг речи М. А. Стаховича. Так, воронежский миссио-

нер Т. Рождественский приводил факты, имевшие место в Тирасполе, когда фанатик-раскольник, запугав предстоящей переписью своих единоверцев, склонил многих из них к тому, чтобы похоронить заживо себя и свои семьи («Орловский вестник», 26 октября 1901). – *132.*

[81] *Толстой и сам не прочь считать себя богом, от которого он исшел* – см. примеч. 156 к разделу «Статьи и заметки о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве»). *Народ видит в нем дьявола в человеческом образе* – см. примеч. 146 к тому же разделу. – *132.*

[82] В своей речи М. А. Стахович подчеркивал, что пафос его выступления в защиту свободы совести вызван отнюдь не «состраданием к расколу или простым увлечением современными либеральными требованиями цивилизации, прогресса и проч.», а единственно ратованием за христианство, поскольку «требование свободы совести – есть требование свободы для самой церкви», которая необходима «для ее собственной жизни духа, для ее торжества, для ее побед» («Орловский вестник», 25 сентября 1901). – *132.*

[83] В пьесе *Г. Э. Лессинга «Натан Мудрый»* (1779 г.), действие которой происходит в 1192 г. в Иерусалиме, находившемся под властью султана Саладина, главные герои, представители трех религий – христианства, еврейства и магометанства, – молодой крестоносец-тамплиер, умудренный жизнью иудей Натан и султан Саладин, по ходу действия пьесы сходятся в мысли о том, что все они – человеки и братья по духу и что каждая вера несет в себе зерно истины и ведет к Богу. Идейным центром пьесы стала притча, рассказанная Натаном султану, о волшебном перстне, который передавался в семействе одного праведного человека от поколения к поколению, причем переходил всегда к самому любимому сыну. Кто с верою носил это кольцо, «всегда угоден был и Господу и людям». Однажды один из потомков, одинаково любивший всех своих троих сыновей и каждому из них обещавший перстень, повелел изготовить с него две копии и перед смертью вручил перстень каждому сыну. После смерти отца между сыновьями начался раздор, «проклятья, обвиненья! Доказать, / Что перстень настоящий, было тщетно... / Почти столь тщетно, как установить, / Где истинная вера». Судья, к которому сыновья обратились с просьбой рассудить их, указал на порочность их вражды и призвал всех троих:

...Так пусть же
Все, как один, отважатся любить
Друг друга бескорыстно и свободно!
И каждый пусть старается волшбу
Кольца заветного сам приумножить
И кротостью, и праведною жизнью,
И благодетельной ко всем любовью
В сознании служенья божеству

(Г. Э. Лессинг. Избранное. М., 1980, с. 264, 265, 267). – *133.*

[84] Начало данного абзаца дано в редакции Н. П. Петерсона. У Н. Ф. Федорова: «Автор, признав вопрос *о свободе совести* исключительно юридическим, ограничивает его тою областью...». Вероятно, здесь имеется в виду определение свободы совести, данное проф. Н. М. Коркуновым в его книге «Русское государственное право». Это «юридическое определение» было приведено одним из участников асхабадской полемики Pensoso в статье «Что такое свобода совести?» («Асхабад», 21 декабря 1901, № 355). – *138.*

[85] Ин 18:36. – *138.*

[86] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 19, л. 7. Заметка связана с асхабадской полемикой и написана по поводу статьи Pensoso «Свобода на рознь». Начальная ее фраза *«"Свобода на рознь" – повторяем в третий раз...»* воспроизводится в статье «Последнее слово к г-ну Pensoso». О претензиях Pensoso к учению о воскрешении, упреках в «принудиловке» и объяснениях по этому поводу Н. Ф. Федорова см. преамбулу к разделу «Асхабадская полемика». – *138.*

[87] Федоров имеет в виду статьи Pensoso «Свобода на рознь» и предшествовавшие ей «Блаженная жизнь», «Что такое свобода совести?» и др., противопоставляя позиции публициста по вопросу о цели и смысле существования и по поводу споров о свободе совести свои идеи как «прямопротивоположные» (см. преамбулу к разделу «Асхабадская полемика»). – *138.*

[88] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 77 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 16–18). Эта и следующая заметки тематически перекликаются со статьями «К отрицанию объединения» и «Полемика и война», а также фрагментом статьи «Музей,

его смысл и назначение»: «*Ученое сословие и журналистика*» (см. Т. II наст. изд., с. 410–415). Ср. также статью «Пасхальные вопросы с программою их решения...» (Т. III наст. изд., с. 343). – *139.*

[89] См. примеч. 18 к IV части «Записки» – Т. I наст. изд., с. 490. – *139.*

[90] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 136, л. 3 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, л. 353, копия части текста рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, л. 300). *Речь Золя к молодежи о бесцельном труде* – см. примеч. 62 к «Статьям о литературе и искусстве» – Т. III наст. изд., с. 717. *Письмо его же об ограждении литературного труда...* – см. примеч. 17 к разделу «Библиотеки и музейно-библиотечное образование» – там же, с. 669. – *140.*

[91] Печатается по: ОР РГБ, к. 7, ед. хр. 83 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 146–147). Ранее небольшой фрагмент заметки опубликован: *Контекст 1988*, с. 325. – *140.*

[92] Речь идет о князе Владимире, по преданию, крестившемся в греческом городе Корсуне (Херсонесе), занимавшем часть территории нынешнего Севастополя. – *140.*

[93] Речь идет об обороне русскими войсками Севастополя, ставшей, несмотря на взятие города, героической страницей Крымской войны 1853–1856 гг., и об инициативе Александра II начать мирные переговоры с целью прекращения тяжелой для страны войны (в конечном итоге России был навязан кабальный Парижский трактат). – *140.*

[94] Федоров имеет в виду отмену крепостного права в России в 1861 г. – *141.*

[95] Всеобщая воинская повинность была введена в России в 1874 г. – *141.*

[96] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 101. Заметка написана по поводу французской промышленно-художественной выставки, открывшейся в Москве 29 апреля 1891 г. (действовала до 6 октября) и имевшей целью ознакомление русского общества с достижениями Франции в области индустрии и искусства. Надо полагать, Н. Ф. Федоров посетил эту выставку. Кроме того, регулярно читая «Русские ведомости» и «Московские ведомости», он, по всей вероятности, знакомился и с периодически публиковавшимися там статьями о выставке, в которых давалась как общая ее картина, так и подробные описания разных отделов (см., например, «Русские ведомости», 1891, 7-9, 12, 14, 15, 18, 21, 26, 30 мая – 5, 6, 10-12,16, 19, 25, 26 августа). Кроме того, был издан ряд описаний и путеводителей по выставке (в том числе и иллюстрированных).

Французская выставка располагалась на Ходынском поле. Она состояла из восьми больших крытых павильонов, соединенных двумя рядами галерей в форму круга, и была богато украшена. Особенным великолепием отличался парадный подъезд и примыкавший к нему «pavillion d'honneur» («почетный павильон»), в котором располагались «лучшие, показные произведения французской промышленности: предметы роскоши и богатого комфорта»: изделия из бронзы, фарфора, стекла, хрусталя, художественной майолики, серебра, парфюмерия и косметика («Французская выставка в Москве» // Русские ведомости, 12 мая 1891, № 128). В других павильонах и галереях выставки демонстрировались изделия легкой и пищевой промышленности, прикладного искусства (мебель, обои, комнатные украшения, игрушки, ткани, кожа, меха, одежда, галантерея, экипажи, драгоценности и т. д.), а также модели и чертежи инженерных и архитектурных сооружений; были представлены достижения горнодобывающей, химической промышленности, судостроения, а также живописи, литературы, педагогики, медицины и гигиены и т. д. В вестибюле выставки, отличавшемся обилием декоративных украшений, располагалась огромная аллегорическая картина французского художника Анри Мотте «*Pax et labor*», изображавшая «аллегорические фигуры мира и труда, на взаимодействии и торжестве которых зиждется истинное счастье вселенной» (там же). В отдельном павильоне, представлявшем собой «одно из красивейших по архитектуре сооружений», располагался *военный отдел* выставки, также один из наиболее обширных и благоустроенных, знакомивший «с успехами, достигнутыми в последнее время французской армией», с «состоянием вооруженных сил страны». В нем экспонировалось оружие и боеприпасы, причем особенное внимание публики привлекали артиллерийские орудия; демонстрировалась экипировка французской армии, ее лагерный быт, достижения в области «санитарного состояния армии и удовлетворения хозяйственных нужд ее, как в мирное, так и в военное время». В числе последних экспонатов были выставлены «приборы для походных хлебопекарен», аппараты для стерилизации воды и дезинфекции, спроектированные санитарными инженерами Парижа *Женестом* и *Гершером*, – кроме того, их изобретениям на выставке был отведен и отдельный павильон (цитаты даны по статье: «Французская выставка в Москве. Военный отдел» // Русские ведомости, 25 августа 1891 г., № 233; см. также: «Русские ведомости»,12, 30 мая 1891, №№ 128, 146; «Московские ведомости» 2, 5 сентября, №№ 242, 245). – *141.*

[97] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр. 9, лл. 23–24 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 9, лл. 22, 25). Начало заметки, упоминающей голод в России 1891 г., совпадает с началом статьи «“Не-делание” ли или же отеческое и братское дело?» (см. Т. II наст. изд., с. 342–343). Заметка написана в период осени 1891 – весны 1892 гг. и указывает на ту конечную цель, к которой, по мысли Федорова, должно быть направлено всякое сближение народов, в том числе России и Франции, и которая лежала в основе и его собственных проектов франко-русского книгообмена, международного всенаучного съезда, выдвинутых осенью 1891 г. – *142.*

[98] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 65 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 65–66). Алексей Сергеевич *Ермолов* (1847–1917) – государственный и общественный деятель, ученый-агроном; в 1892–1893 гг. – товарищ министра финансов и управляющий Министерством государственных имуществ, в 1894–1905 гг. – министр земледелия и государственных имуществ. Его книга «Неурожай и народное бедствие» (СПб., 1892), вышедшая в свет анонимно, была посвящена анализу причин недорода и голода 1891 г., среди которых главное место Ермолов отводил неблагоприятным метеорологическим условиям, приведшим к катастрофическому иссушению земель Черноземья, обмелению естественных водоемов, понижению уровня грунтовых вод и т. д. Ученый подчеркивал, что применяющиеся средства против неурожаев паллиативны, говорил о необходимости широкой постановки научных, и прежде всего метеорологических, исследований, «изучения естественных условий русского земледелия», разработки комплексной системы мер, предотвращающих губительные последствия природных катастроф, восстанавливающих нарушенное равновесие экосистемы. По словам Ермолова, речь должна идти об «устранении в будущем самой возможности подобных бедствий», а это достижимо лишь при всестороннем, систематическом «изучении природы», «которая ныне так страшно нас победила и в борьбе с которой мы пока бессильны», лишь «путем опыта, соединенного со знанием», лишь совокупными усилиями правительства, общества, сельских хозяев, крестьянства. Повторение неурожаев и голодовок в будущем «даже более чем вероятно до тех пор, пока деятельность человека будет направлена не к улучшению естественных условий нашей страны, а только к их ухудшению, как в настоящее время, путем самой неразумной эксплуатации и расхищения природных богатств русской земли» (указ. соч., с. 35, 40, 65, 69, 78).

Многое в такой позиции А. С. Ермолова, несомненно, было близко Федорову, однако он стремится расширить границы цели – не просто борьба за хлеб, повышение производительности земли, улучшение приемов земледелия, а изменение самого типа хозяйствования человека в природе, приближение его к благому, «райскому» «обладанию землей». – *143.*

[99] Оригинал не сохранился. Печатается по машинописной копии, хранящейся в РО ИРЛИ: р. III, оп. 2, № 211. *Публикация И. А. Савкина.* О проекте подоходного налога см. примеч. 219 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве». – *143.*

[100] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 76, л. 1–1 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 39). – *144.*

[101] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, л. 16–16 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, л. 91). Заметка написана весной 1894 г. и посвящена развертывавшемуся в 1890-е гг. строительству Сибирской железной дороги. В 1894 г. правительством были приняты меры к ускорению постройки тех участков дороги, которые финансировались за счет казны, а именно участка «Обь – Иркутск». В течение года регулярно заседал Комитет Сибирской железной дороги, в котором обсуждались разные аспекты ее строительства, подчеркивалась важность дороги для развития как внутреннего хозяйства страны, так и международных экономических связей, ее стратегическое значение (см.: «Московские ведомости» 11, 12, 19 февраля, 1, 6, 24 марта 1894 и др.). Одновременно обсуждался вопрос о Северной железной дороге, которая должна была соединить русский север с общей сетью железных дорог страны. В связи с последним вопросом был выдвинут проект учреждения военного порта на Мурмане, что давало бы возможность круглогодичного выхода в океан, воды которого близ Мурмана не замерзали; а также обсуждались проекты железнодорожных линий «Вологда – Архангельск», «Казань – Котлас» и «Казань – Котлас – Архангельск» (см. «Московские ведомости», 1894, 24 февраля, 8 марта, 27 марта). – *145.*

[102] Федоров ссылается на сообщение о 15-м заседании «Комитета Сибирской железной дороги», перепечатанное в «Московских ведомостях» (7 апреля 1894, № 96) из «Правительственного вестника». На этом заседании был поднят вопрос о значении церковного строительства в Сибири, особенно в населенных пунктах, находящихся в районе железнодорож-

ной линии. Указывалось на целесообразность устройства на сибирской земле и особенно на станциях строящейся дороги церквей-школ, которые способствовали бы удовлетворению духовных потребностей как рабочих дороги, так и переселенцев, в широком притоке которых в Сибирь было крайне заинтересовано правительство. Постановление Комитета, касающееся «вопроса об устройстве церквей, молитвенных помещений или церквей-школ при станциях Сибирской железной дороги», было утверждено Александром III 23 марта 1894 г. Одновременно император утвердил постановление Государственного совета об ассигновании дополнительного кредита на содержание уже имеющихся церковно-приходских школ Сибири («Московские ведомости», 24 марта 1894, № 82). – *145.*

[103] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 22, л. 2–2 об. По сообщению французского «Научного журнала» (Revue Scientifique), которое упоминает здесь Федоров, опыты искусственного вызывания дождя, впервые проводившиеся в Северо-Американских Соединенных штатах, были предприняты и в Трансваале. Однако Государственный совет Трансвааля вскоре запретил их, ссылаясь на то, что подобные опыты антирелигиозны и кощунственны. Данное сообщение было повторено в газете «Русское слово», однако составитель заметки, недопонявший французский текст, ошибочно указал, что собрание, остановившее опыты, имело место в Техасе. *Проповедь одного духовного лица* – имеется в виду проповедь Харьковского архиепископа Амвросия (Ключарева) (см. примеч. 2 к I части «Записки» – Т. I наст. изд., с. 468). – *145.*

[104] Парафраз четвертой ветхозаветной заповеди: Исх 20:4, Вт 5:8. – *145.*

[105] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 84 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 266). Заметка посвящена всеобщей переписи населения России, состоявшейся 28 января 1897 г. – *146.*

[106] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 120, л. 1. Дальним Западом Н. Ф. Федоров называл Северо-Американские соединенные штаты. – *146.*

[107] В заметке выстраиваются параллели между событиями второй половины XIX в. в России и Соединенных штатах. В России: освобождение крестьян 1861 г., польское восстание 1863–1864 гг., в Соединенных штатах – гражданская война 1861–1865 гг. между Северными свободными штатами, активно двигавшимися по пути буржуазно-промышленного развития и провозгласившими курс на отмену рабства во всех Соединенных штатах, и Югом, выступавшим за его сохранение. – *146.*

[108] Федоров пересказывает фрагмент статьи публициста Петра Алексеевича Дементьева (1852–1923?), печатавшегося под псевдонимом «*П. А. Тверской*», «Президентская кампания в Северо-Американских соединенных штатах 1900 г.» («Вестник Европы», 1901, № 6, с. 658). *Мак-Кинлей* – см. примеч. 160 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве». – *146.*

[109] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 120, л. 2. – *146.*

[110] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 63, л. 2–2 об. (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 272–273). Федоров приводит мнение Ф. Ницше, высказанное им в лекциях на тему «О будущности наших образовательных учреждений» (прочитаны в январе–феврале 1872 г. в Базельском университете). – *147.*

[111] Цитата из лекций Ф. Ницше «О будущности наших образовательных учреждений». – *147.*

[112] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 63, л. 1–1 об. (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 272). На копии заметки к ее подзаголовку В. А. Кожевников делает примечание: «Против так называемых “учебных” забастовок», – т. е. студенческих волнений, периодически прокатывавшихся по России в 1896–1901 гг., к которым Н. Ф. Федоров относился резко отрицательно. – *147.*

[113] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 129 (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, л. 168). Заметка написана в 1901 гг. в период работы над статьей, посвященной поэме В. А. Кожевникова «Цена жизни» (см. примеч. 181 к «Статьям о литературе и искусстве» – Т. III наст. изд., с. 732–734). Первый абзац заметки с некоторыми разночтениями повторяет начало подглавки «О заглавии поэмы “Цена жизни” – “Александрия”», входящей в черновой набросок «Введение в поэму “Цена жизни”».

Поводом для заметки вновь явились студенческие волнения. – *148.*

[114] человек человеку – волк (*лат.*) – *148.*

[115] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 90 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, л. 58). – *149.*

[116] Речь идет о столетнем юбилее Великой французской революции 1789 г. 6 мая 1889 г. в Париже в ознаменование юбилея была открыта Всемирная выставка. – *149.*

[117] «Трехсотлетний» – скорее всего, описка. В 1883 г. исполнилось 400 лет со дня смерти Мартина Лютера. – *149.*

[118] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 1, л. 38–38 об. Заметка написана осенью 1902 г. в период возобновления работы над «Пасхальными вопросами» (окончательное название – «Супраморализм»). Название заметки дано В. А. Кожевниковым. *Аддеида* – приложение (от лат.: *addo* – прибавлять, прилагать). – *149.*

[119] Федоров перечисляет стихийные бедствия, случившиеся в 1902 г.: землетрясение в Шемахе (см. примеч. 35 к разделу «Асхабадская полемика»); землетрясения в Андижанском уезде: первое (6 июня) охватило район Джелалабадских минеральных вод, второе (6 августа) распространилось и на Коканд, Ходжент (см. «Московские ведомости», 29 августа 1902, № 237), а затем 3–10 декабря последовала серия мощных колебаний, в результате которых был полностью разрушен г. Андижан и близлежащие селения, а число жертв составило более 5 тыс. человек (см. «Новое время», 5, 7, 10–12, 15, 16 декабря 1902, №№ 9611, 9613, 9616–9618, 9621, 9622); наконец, извержение вулкана Мон-Пеле на острове Мартинике 3–5 мая (см. «Московские ведомости», 2 мая, 15 ноября 1902, №№ 119, 315). – *149.*

[120] Землетрясение в Лиссабоне произошло в 1755 г. – *149.*

[121] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, 9, ед. хр. 54, лл. 1 об. – 2 об. (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 379–380). Заметка является откликом на стихотворение французского философа Ж.-М. Гюйо (см. примеч. 276 к «Статьям философского и эстетического содержания» – Т. II наст. изд., с. 473) «За чтением Фихте» (1871) из его поэтического сборника «Vers d'un philosophe» (рус. пер.: М. Гюйо. Стихи философа. Пер. И. И. Тхоржевского. СПб., 1901, с. 39):

Реальны только мысль, желанье и любовь!
Материя – лишь тень, лишь слово; плоть и кровь
Дает ей наша мысль; и небеса и воды –
Создания людей, их внутренней свободы.
Я знаю – наше «я» томится здесь порой:
Мир часто кажется мучительной тюрьмой;
Но это призрак, ложь; оковы – заблужденье!
Весь мир – моей души великой порожденье,
И неизбежность, рок – создание моей
Свободной воли к ним! Пускай судьба над ней
В явленьях празднует победу роковую:
Я отвергаю их – и вечно торжествую.
Сомненье ль, веру ли – я властен выбирать,
И властен в мысли я кумир себе создать.
Но свято буду я хранить свою свободу:
Я веровать хочу в себя, а не в природу. – *149.*

[122] Федоров соединяет в одну цитату, вероятно по памяти, а возможно, и в собственном переводе, фразы из двух фрагментов философского романа Т. Карлейля «Sartor Resartus. Жизнь и мысли герр Тейфельсдрека» (рус. пер.: М., 1902): «Для меня вселенная была совершенно лишена жизни, цели, воли, даже враждебности: это была одна громадная, мертвая, неизмеримая паровая машина, вертящаяся в своем мертвом равнодушии для того, чтобы раздроблять мне член за членом. О, обширная, мрачная, уединенная Голгофа и мельница смерти!» и «Вечное Нет сказало: “Смотри, ты не имеешь отца, ты изгнан и весь мир принадлежит – мне (Диаволу)”, на что все мое я дало теперь ответ: “*Я* не принадлежу тебе, но свободно и навсегда тебя ненавижу!”» (указ. соч., с. 185, 188). – *150.*

[123] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 123, л. 1–1 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, л. 59). – *150.*

[124] Оригинал не сохранился. Печатается по копии рукой Н. П. Петерсона: ОР РГБ, ф. 657, к. 3, ед. хр. 3, л. 305. Ранее опубликовано: Н. Ф. Федоров. Из «Философии общего дела». Новосибирск, 1993, с. 203–204. – *151.*

[125] Начало двенадцатого, заключительного члена христианского «Символа веры». – *151.*

[126] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 20. Поводом к заметке послужило знакомство Н. Ф. Федорова с книгой профессора Казанской духовной академии Александра Александровича *Некрасова* (1839–1905) «Чтение греческого текста деяний и посланий

Апостольских» (Казань, 1892). Это издание, так же как и предыдущая работа автора «Чтение греческого текста св. Евангелий» (Казань, 1888), было предпринято им в целях пересмотра русского перевода «Нового Завета». Необходимость в пересмотре перевода некоторых мест русского текста А. А. Некрасов обосновывал тем обстоятельством, что недоумения по поводу чтения священных текстов «в большинстве случаев [...] возникали вследствие неумения понимать древний греческий подлинник книг Нового Завета» (А. Некрасов. Чтение греческого текста св. Евангелий, с. 1).

Заметка представляет собой начало статьи, посвященной разбору предложенного А. А. Некрасовым нового перевода первого стиха одиннадцатой главы «Послания к Евреям» ап. Павла. Считая перевод синодального издания Библии (см. примеч. 127) «Вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» неточным, А. А. Некрасов давал следующий вариант: «Вера есть твердое убеждение в ожидаемом и отчетливое созерцание невидимого» (А. Некрасов. Чтение греческого текста деяний и посланий Апостольских, с. 87). Судя по началу утраченной статьи, Н. Ф. Федоров отстаивал в ней синодальный перевод, считая его адекватным активно-творческому смыслу «благой вести». – *151.*

[127] Федоров имеет в виду издание русского перевода Библии, предпринятое Св. Синодом с 1867 г. (решение о переводе было принято Синодом по ходатайству митр. Филарета, убежденного сторонника русской Библии). Первая часть русской Библии – Пятикнижие Моисея – вышла в свет в 1868 г., а все издание было закончено летом 1875 г. В 1876 г. появилась в одном томе «Библия, или книги священного писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе», СПб., 1876, напечатанная в синодальной типографии «по благословению Святейшего синода». – *151.*

[128] *Издание библейского общества* – «Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет». СПб., 1821 (2-е изд. – СПб., 1824). Это издание было подготовлено и выпущено Российским библейским обществом, основанным в Петербурге в 1813 г. и ставившим одной из основных своих задач перевод славянской Библии. Упомянутое Н. Ф. Федоровым *Венское издание Библии 1878 г.* нами не разыскано. Подробнее об истории русского перевода Священного Писания см.: Н. А. Астафьев. Опыт истории Библии в России. СПб., 1889; И. А. Чистович. История перевода Библии на русский язык. 2-е изд. СПб., 1899. – *151.*

[129] В послании ап. Иакова сделан сильный акцент на необходимость дела в вере, активности самих верующих в стяжании обетований Царствия Божия («Будьте же исполнители слова, а не слышатели только, обманывающие самих себя» (Иак 1: 22), «вера без дел мертва» (Иак 2: 26)), в то время как одной из центральных тем проповеди ап. Павла является понятие веры, оправдания верою во Христа, «оправдания *даром*, по благодати» (Рим 3: 24). Однако и у ап. Павла вера в ее глубоком значении имеет значение дела, что и доказывает разбираемое Федоровым определение веры как «осуществления ожидаемого и уверенности в невидимом» (Евр 11:1), т. е. активного осуществления высших чаяний веры и уверенности в плодах этого осуществления, еще невидимых. – *151.*

[130] По краям заметки Н. Ф. Федоров приводит латинский перевод разбираемого стиха и два французских перевода. – *151.*

[131] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 93. В начале заметки Н. Ф. Федоров приводит в собственном переводе цитату из книги голландского богослова и историка Корнелия-Пьера *Тьеля* (1830–1902) «Учебник по истории религий. Эскиз истории религии до торжества мировых религий»: С. Р. Tiele. Manuel de l'Histoire des religions. Esquisse d'une histoire de la religion jusqu'au triomphe des religions universalistes. Paris, 1880. На автографе заметки на обороте листа текст цитаты приведен на французском языке рукой Н. П. Петерсона. – *152.*

[132] *Karman* – карма (*древнеинд.* – «деяние», «поступок»). В ведийской мифологии понятие кармы восходило к представлениям о посмертной судьбе человека («пути богов» или «пути предков», возвращении или невозвращении к земной жизни), напрямую зависящей от его поведения при жизни, от его благого или злого делания. Учение о карме и связанных с нею перерождениях трансформировалось и развивалось в древних «Упанишадах», опиравшихся на ведийскую традицию, а затем перешло в вероучение буддизма. – *152.*

[133] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 30 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 15). «Фрашо керете» по-древнеирански означает «доброе, благое дело». – *152.*

[134] См. примеч. 2 к IV части «Записки» – Т. I наст. изд., с. 489. – *152.*

[135] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 48 (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 160). – *152.*

[136] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 61 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 303–304). Данный текст написан Н. Ф. Федоровым в ответ на присланное ему в 1895 г. С. П. Бартеневым стихотворение в прозе, написанное под впечатлением разговора с мыслителем и содержавшее поэтическое изложение его идей в том виде, как их воспринял Бартенев (письмо С. П. Бартенева с текстом стихотворения см.: Т. IV наст. изд., с. 636). Н. Ф. Федоров дает свой вариант стихотворения в прозе на тему учения о воскрешении, беря за основу текст Бартенева, существенно дополняя его и исправляя те неточности, которые, по его мнению, вкрались в это изложение. Письмо Н. Ф. Федорова С. П. Бартеневу с разбором присланного стихотворения см. в наст. томе. – *153*.

[137] Цикл картин художника Василия Васильевича *Верещагина* (1842–1904) на сюжеты Отечественной войны 1812 г. был выставлен в Историческом музее с 10 ноября по декабрь 1895 г. Н. Ф. Федоров имеет в виду оценку, которую дал циклу В. А. Кожевников в статье «Международная благодарность» («Русский архив», 1896, № 2). Оценка эта напрямую была навеяна Н. Ф. Федоровым. «Многим казалось, – писал В. А. Кожевников, – и многими высказывалось, что в картинах из истории 1812 года естественно было изобразить не только унижение надменного завоевателя, но и величие его смиренной противницы, России. Но этого, как многим казалось, художник не сумел или, вернее, не пожелал дать в своих произведениях. Он изобразил побежденных, но не представил победителей; он дал почувствовать, как гордый честолюбец был побежден доблестью не нравственною и не военным уменьем противников, а одними стихийными силами природы: летним зноем во время похода, огнем пожара Москвы, морозами и снегами во время отступления от нее. Это показалось исторически-неверным одним, оскорбительным для патриотического чувства других. Но упрекавшие по этому поводу художника, по-видимому, не замечали, что в признании разрушительной силы природы за победительницу над величайшим из разрушителей так же мало заключается обидного для русских, как мало в этом почетного для французов. Трагический исход похода 1812 года, казалось, был самим Провидением предназначен для того, чтобы научить и Запад, и Восток сознанию всеобщего рабства разумных существ перед неразумными силами природы, рабства гибельного и неизбежного до тех пор, пока длится братоубийственный раздор между людьми, поглощающий непроизводительно их энергию в мире не менее, чем на войне, вместо того, чтобы люди единою душою, единою мыслью и единою волею направляли все знание и всю энергию на регуляцию сил природы для превращения их из разрушающих в воссозидающие, из смертоносных в живоносные. В 1812 году народам Запада, забывшим родство с народами Востока, пришлось испытать лишь то, что русским столько раз приходилось испытывать во время своих многовековых войн с враждебным Западу диким и полудиким Востоком. Та же пыль, спутница неумолимой засухи континентальных стран, пыль, в которой (на первой превосходной картине Верещагина) тонут в недоумении гордые завоевательные планы Наполеона у порога Москвы, – та же пыль, тот же бесплодный песок и тот же губительный зной являлись вестниками смерти и для русских в пустынях Средней Азии во время войны с туранскими кочевниками, войны, так поразительно изображенной тем же художником. Те же снега, в которых гибли полчища Наполеона в 1812 г., заметали в 1877-м и 1878-м и беззащитных русских солдат в ущельях Балкана, как это с неменьшим трагическим реализмом изобразил Верещагин же в картинах русско-турецкой войны. Равенство враждующих народов перед разрушительными силами природы, равенство перед смертью братьев, забывших общего врага (смерть) и общее дело (победу над нею), – это равенство могло и даже должно было быть изображено художником, если ему понятна первоначальная, важнейшая причина войны. Не за изображение этой причины гибели Наполеона можем мы, следовательно, винить художника. Напротив, ряд таких изображений, данный с могучею полнотою на многих картинах Верещагина, мы считаем высокопоучительным указанием на то, где кроются первопричины вражды между людьми и в чем надо искать коренного исхода из бед, одолевающих человечество» («Русский архив», 1896, № 2, с. 258–259). – *153*.

[138] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 18 (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 276). Иван Михайлович *Ивакин* (1855–1910) – филолог, педагог. Автор сочинения «Князь Владимир Мономах и его поучение», ч. I. М., 1910. О взаимоотношениях И. М. Ивакина с Н. Ф. Федоровым см. преамбулу к разделу «Приложения» «И. М. Ивакин. Воспоминания (фрагменты)». – *154*.

[139] Намек на философов и экономистов, представителей «легального марксизма» П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановского. – *154*.

[140] Речь идет о М. В. Ломоносове, ставшем одним из основоположников русской метеорологии: в 1750-х гг. он вел исследования в области электричества вместе с академиком Г. В. Рихманом; в 1753 г. написал «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих», где разработал собственную теорию атмосферного электричества. – *154.*

[141] Евр 2: 5–8. – *154.*

[142] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 90, лл. 11–12. Заметка перекликается с предыдущей и представляет собой попытку художественного изложения идеи обращения Кремлей в центры регуляции (о значении образа «Кремля» в мысли Н. Ф. Федорова см. преамбулу к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 580–582). – *155.*

[143] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 1, л. 5–5 об. – *155.*

[144] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 90, л. 13 об. Заметка представляет собой один из начальных набросков к «Пасхальным вопросам» (будущий «Супраморализм»). – *156.*

[145] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 89, л. 3–3 об. Федоров цитирует заповедь об «обладании землей», данную Богом человеку при его создании: Быт 1: 26, 27. – *156.*

[146] В девятой «Беседе на книгу Бытия» св. Иоанн Златоуст давал толкование фразы, приведенной выше Федоровым, подчеркивая, что слова «по образу нашему» должны быть понимаемы не как «по виду» (подобная трактовка ведет к еретической антропоморфизации Божества), а как «по могуществу»: «...образ Он поставляет в господстве, а не в другом чем. И в самом деле, Бог сотворил человека властителем всего существующего на земле, и нет на земле ничего выше его, но все находится под властью его» («Св. отца нашего Иоанна Златоустого беседы на книгу Бытия». Ч. 1, СПб., 1851, с. 122). Такое же толкование приводил и блаженный Феодорит, епископ Киррский (ок. 393 – ок. 457): «Иные же говорили, что человек сотворен по образу Божию в означение его обладания [...]. Бог, как Сам имеет владычество над всем, так и человеку дал власть над бессловесными животными» (Толкование на книгу Бытия // Творения блаженного Феодорита епископа Киррского, ч. 1, изд. 2-е. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1905, с. 25–26). При этом блаж. Феодорит указывал, что «можно найти и другие черты, показывающие подобие первообразу», а именно – данную человеку способность к созиданию, творчеству (там же, ч. 1, с. 26). – *156.*

[147] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 89, л. 12. – *156.*

[148] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 112, л. 1. Федоров имеет в виду следующее место Нагорной проповеди: «Вы слышали, что сказано древним: “не убивай”; кто же убьет, подлежит суду. А я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: “рака”, подлежит синедриону; а кто скажет: “безумный”, подлежит геенне огненной» (Мф 5: 21–22). – *157.*

[149] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 90, л. 7–7 об. «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф 3:2) – слова проповеди Иоанна Крестителя. – *157.*

[150] Федоров имеет в виду слова архангела Гавриила, благовествовавшего Захарии о рождении Иоанна Предтечи и о его миссии на земле: «И многих из сынов Израилевых обратит к Господу Богу их. И предъидет пред Ним в духе и силе Илии, чтобы возвратить сердца отцов детям» (Лк 1: 17). Последняя фраза – усеченная цитата из пророка Малахии, последнего из ветхозаветных пророков : «Вот я пошлю к вам Илию пророка пред наступлением дня Господня, великого и страшного. И он обратит сердца отцов к детям и сердца детей к отцам их, чтобы Я, придя, не поразил земли проклятием» (Мал 4: 5). Приведенными словами оканчивается «Книга пророка Малахии». – *157.*

[151] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 39 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 119). *Пролог* – древнерусский сборник кратких житий, поучений и назидательных рассказов, расположенных в календарном порядке. Впервые был издан в Москве в 1641–1643 гг., затем неоднократно переиздавался. – *157.*

[152] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 107, л. 3 об. (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 378). Федоров приводит знаменитую загадку Сфинкса о человеке, ссылаясь на сочинение афинского грамматика *Аполлодора* (II в. до н. э.) «*Библиотека»*, систематизировавшее мифы Древней Греции (мыслителю могли быть известны два перевода «Библиотеки» на русский язык: «Аполлодора грамматика афинейского библиотека, или о богах». М., 1725 (пер. А. Барсова); «Аполлодора Афинейского баснословие, или Библиотека о богах». Кн. I и II. М., 1787 (пер. В. С. Подшивалова)). Данная фраза Федорова примыкает по содержанию к заметке «По голове – человек, по туловищу – скот и зверь», которая набросана на обороте того же ли-

ста (ср. в заметке: «...что такое третья нога или рука. Какое ее назначение?» – Т. III наст. изд., с. 310). – *157.*

[153] Федоров приводит цитату из третьей главы книги *Н. И. Кареева «Основные вопросы философии истории»* (подглавка 4: «Общественность животных»). Первое издание книги вышло в Москве в 1883 г. С выраженным в ней пониманием прогресса Н. Ф. Федоров полемизировал в I части «Записки». См. также заметку «Историчность человека» и примеч. к ней в Т. III наст. изд., с. 284–285, 678. – *157.*

[154] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 3, л. 2 об. *Посольская изба* была образована в 1549 г. И. М. Висковатым, ведавшим международными сношениями России. Вскоре переименована в *Посольский приказ*, в зависимости от которого в XVII в. находились приказы Малороссийский, Великой России, княжества Литовского и Смоленский. – *157.*

[155] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 49, л. 1 об. *Enfantin* – детский; *féminin* – женский, женственный (*франц.*). – *158.*

[156] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 100, л. 2. В заметке Н. Ф. Федоров говорит о кончине императора Александра III, последовавшей 20 октября 1894 г. (1 ноября по григорианскому календарю, принятому в Западной Европе). 1 ноября по римско-католическому календарю празднуется день Всех святых, 2 ноября – день поминовения всех усопших. В течение этих двух дней по традиции совершаются поминовения на кладбищах. – *158.*

[157] Альбер *Ревиль* (1826–1906) – французский протестантский пастор, богослов, историк религии. – *158.*

[158] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 43, л. 2 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 125). Заметка касается книги В. А. Кожевникова «Философия чувства и веры» (М., 1897), вторая половина которой была посвящена личности и идеям *И. Г. Гамана* (см. примеч. 55 к «Статьям философского и эстетического содержания» – Т. II наст. изд., с. 456). Говоря о сложности и замысловатости языка философа, о насыщенности произведений Гамана литературными и философскими реминисценциями, культурно-историческими реалиями его эпохи, в результате чего для чтения его текстов требуется «напряженное внимание» и «специальная историко-литературная подготовка», В. А. Кожевников приводил мнение Гете о «сивиллинских сочинениях» Гамана, выраженное в книге «Поэзия и Правда»: «...чем больше его изучаешь, тем он становится темнее и сумрачнее», – а также упоминал о том, что и Кант просил Гамана «изъясняться с ним, если можно, на обыкновенном человеческом языке, так как (шутя прибавляет он) я, бедный сын земли, вовсе не организован для понимания божественного языка созерцательного разума и гожусь только для того, что мне по складам выводят из общепринятых понятий, сообразно с правилами логики» (В. А. Кожевников. Указ. соч., с. 143, 147). – *158.*

[159] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 102, л. 1 об. Заметка – реплика на поэму Р. Гамерлинга (1830–1889) «Homunculus» (рус. пер.: «Homunculus (Человек). Современная поэма». СПб., «Пантеон литературы», 1892), представлявшую собой сатиру на современное общество индустриальной цивилизации, в котором при гипертрофии рацио и избытке эрудиции не хватает «духотворящей любви». Федоров упоминает первую главу поэмы – «В реторте», описывающую разговор новоиспеченного гомункула, тщедушного человечка с «убогим тельцем», но слишком развитым, скептическим, непрерывно рефлектирующим умом, со своим создателем, «премудрым, славным магистром». Гомункул, «по плечу отца ударив», «снисходительно прищурясь», разъясняет «папаше» ошибки, которые тот допустил при творении своего чада, а затем заявляет:

...Но, право, знаешь,
Что касается до жизни
Самочувствия, сознанья,
Бытия и... как бы лучше
Мне назвать твой дар печальный?
За него едва ль спасибо
Я скажу: мне в этой шкуре,
Прах возьми, – совсем неловко...
Хоть и соткан я искусно,
Но меня уж давит скука.
[...]

Я теперь пресыщен жизнью.
Эта жизнь – ужели благо?
Не родиться разве хуже?
Да, я требую отчета:
По какому это праву
Ты меня создать решился?
И припрячь – к колесам жизни. [...]
Разве я просил об этом? – *158.*

[160] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 9, л. 7 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 425). Федоров цитирует письмо Н. В. Гоголя к В. А. Жуковскому от 30 октября 1837 г., в котором писатель сообщал о долгожданном возвращении в Рим после летнего пребывания в Швейцарии и Франции (Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч. Т. 11. Л., 1952, с. 111–112). Эмоциональная доминанта письма – восторженный панегирик Италии с ее «сверкающим небом», этому жилищу «красавицы природы», перед созерцанием «роскошной красы» которой отступают все невзгоды. В том же письме Н. В. Гоголь говорил о получении пособия в 5000 р., выделенного писателю Николаем I по ходатайству В. А. Жуковского. – *159.*

[161] «Благодарность сильна в груди моей, но излияние ее не достигнет к его престолу. Как некий бог, он сыплет полною рукою благодеяния и не желает слышать наших благодарностей. Но, может быть, слово бедного при жизни поэта дойдет до потомства и прибавит умиленную черту к его царственным доблестям» (там же, с. 111). – *159.*

[162] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 39 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 119). Статья или заметка об ответе французских литераторов на анкету по случаю дня поминовения (он отмечается на Западе 2 ноября), на которую опирается Федоров в данном фрагменте, не разыскана – *159.*

[163] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 73, л. 2 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 70). – *159.*

[164] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 106. *Текинцы* – туркмены рода «теке», составлявшие основную часть туркменского населения территорий западного Туркестана, присоединенного Россией во второй половине XIX в. (в 1881 г. успешные военные действия против текинцев, окончившиеся подчинением их России, вел М. Д. Скобелев – см. примеч. 403 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 656). Асхабад, в котором Н. Ф. Федоров прожил у Н. П. Петерсона с конца августа 1899 г. по апрель 1900 г., до завоевания края был центром населяемого текинцами Ахал-Текинского оазиса. Источник приводимой Федоровым цитаты не установлен. – *159.*

[165] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 89, л. 9. *Плач церквей о кладбищах* – реминисценция из статьи В. А. Кожевникова «Плач церквей московских» – см. примеч. 214 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 622. – *159.*

[166] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 67, л. 4 об. – *160.*

[167] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 86, л. 1–1 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 369). Возможно, поводом к заметке послужила статья проф. Ю. Уффельмана «Наши квартиры как очаги болезней» («Русские ведомости», 31 августа, 16 сентября 1891, №№ 239, 255). В ней указывалось на те недостатки как конструкции, так и санитарного состояния жилых помещений (сырость, отсутствие солнечного света, дурной воздух из-за редкого проветривания, пренебрежение мерами дезинфекции, перенаселенность и т. д.), которые провоцируют развитие целого ряда тяжелых заболеваний: туберкулеза, дифтерии, ревматизма, малярии и т. д. – *160.*

[168] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 66, л. 18 об. (оригинал написан рукой Н. П. Петерсона; копия рукой В. А. Кожевникова – к. 4, ед. хр. 6, л. 7). – *160.*

[169] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 95, л. 1. – *160.*

[170] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 24 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, л. 410). – *161.*

[171] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 54 (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 269). – *161.*

[172] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 8, л. 1 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 33). Ранее опубликовано: *Контекст 1988*, с. 326. – *161.*

[173] Под данным заглавием печатается несколько отдельных заметок личного характера, обнаруженных в собрании Н. П. Петерсона в ОР РГБ. Все они относятся к последним годам жизни Федорова: 1897–1903. – *161.*

[174] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 49, л. 1. (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 3, ед. хр. 4, л. 170). Заметка набросана на одинарном листке, весь ее текст перечеркнут рукой Н. Ф. Федорова. Вверху листка над заглавием «Необходимое дополнение» зачеркнуто: «О юбилее Христианства», «К юбилею материального успеха». На обороте того же листка – текст «Воронежская рождественская выставка...» (см. Т. III наст. изд., с. 202). Это позволяет предположить, что заметка написана Федоровым в начале 1899 г.

По поводу данной заметки Н. П. Петерсон писал В. А. Кожевникову: «Я не сомневаюсь, что три детских впечатления относятся, т. е. испытаны самим Н<иколаем> Ф<едорови>чем. О черном хлебе он мне говорил *не раз*; я помню даже, что видел он этот хлеб в барской усадьбе, где жил с матерью, а м<ожет> б<ыть> и не с матерью, этого хорошо не помню, но усадьба эта была в Елатомском уезде [...] А если черный хлеб произвел впечатление именно на Н<ико>лая Ф<едорови>ча, то несомненно и два других впечатления испытаны им же. Я, по крайней мере, нисколько в этом не сомневаюсь» (письмо от 21 июля 1904 // ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 24, л. 63). На оригинале заметки рукой В. А. Кожевникова сделана помета: «К биографии». – *161*.

[175] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 24, л. 2-2 об. Поводом для данной заметки послужило анонимное письмо следующего содержания, поданное в библиотеку Румянцевского музея:

«Некоторые из посетителей читального зала, зная Вашу, Милостивый Государь, готовность сделать возможно более удобным пользование книгами, позволяют себе обратиться к Вам со следующим заявлением и просьбой.

Замечено, что:

1) Клочки, на которых пишутся требования, иногда пропадают.

2) Очередь не всегда соблюдается, так что некоторые посетители принуждены бывают долго сидеть в ожидании получения книг.

3) Не все неудовлетворенные требования доходят до Вашего сведения.

4) От дежурных чиновников в читальне иногда получаются ответы, что требуемых книг вовсе нет в библиотеке, тогда как по записке другого посетителя является несуществующая в библиотеке книга и притом в тот же день.

5) Жалобы к Вам не доходят по скромности одних посетителей и по незнанию, куда обратиться, других.

На основании этого некоторые из посетителей просят Вас, Милостивый Государь, если найдете это возможным и полезным, завести книгу для записывания требований с особой графой для отметок, выдана ли книга и если не выдана, то по какой причине (нет, занята).

Этим:

1) Устраняются вышеуказанные неудобства для публики.

2) Представляется возможность самим посетителям проверить, действительно ли книга находится на руках, у кого и с какого времени.

3) Представляется возможность Вам контролировать чиновников, знать во всякое время, на какие книги наибольший спрос и т. п.

4) В случае пропажи книги возможно знать, когда книга была еще в библиотеке и у кого. Лучше было бы, если бы при библиотеке имелось например 2-3 книги: тогда одна книга остается в читальном зале, а по другим можно набирать уже потребованные.

Вообще подобное ведение дела везде и особенно в общественных библиотеках приносит желаемую пользу.

Если музей задался хорошими целями и затрачивает для общей пользы, быть может, тысячи, то не будет ли согласно с его целями ввести подобное улучшение и не найдете ли Вы, как представитель этого учреждения, возможным прибавить грошовый расход на содержание книг при библиотеке.

NB. Мы никого не хотели бы обвинять в небрежном исполнении обязанностей, но обращаемся с подобным заявлением, будучи убеждены, что от него ожидается некоторая польза.

Дежурные же чиновники, к чести их будь сказано, очень внимательны к заявлениям посетителей».

Оригинал письма сохранился среди бумаг Н. Ф. Федорова (ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 74, лл. 1-2 об.). Был ли сам Федоров адресатом письма или же оно обращено к кому-то из музейской администрации (например, к библиотекарю), сказать пока трудно. Во всяком случае, анонимный автор вполне мог адресоваться и к Николаю Федоровичу (косвенным образом на это указывает начало письма: «...зная Вашу, Милостивый Государь, готовность сделать воз-

можно более удобным пользование книгами...»), «повышая» в должности «дежурного чиновника». Подобным образом ошибся не он один: художник Л. О. Пастернак в своих воспоминаниях о Федорове, написанных много лет спустя после кончины мыслителя, представил его как директора библиотеки: «Заведовал огромной Румянцевской библиотекой маленький согбенный старичок. [...] Заметно было, что он живо интересовался всем и заботился о том, чтобы посетитель в поисках нужного материала возможно шире и полнее был обслужен» (Л. О. Пастернак. Записи разных лет. М., 1975, с. 144). Реальный объем деятельности Федорова в библиотеке многократно превышал его должностные обязанности, не говоря уже о той «интеллектуальной и духовной власти» (выражение сослуживца Федорова С. П. Щурова), которой обладал он в Румянцевском музее.

Претензии, предъявленные в анонимном письме к работе читального зала, Федоров, предельно щепетильный и честный во всем, что касалось его библиотечного «служения», всецело принял на собственный счет.

Что касается датировки данной заметки и вызвавшего ее анонимного письма, то можно предположить, что она относится к 1897 г. На эту мысль наводит то обстоятельство, что в Отчете Музеев за этот год в разделе, посвященном работе библиотеки, появилось следующее объяснение причин отказов на книги: «Относительно отказов следует заметить, что далеко не все они происходят от отсутствия требуемых книг в библиотеке; отчасти это зависит от того, что требования поступают раньше, чем цензурные комитеты успевают их доставить в Музей, а отчасти от таких неточностей и сокращений в требованиях, которые не всегда мог разгадать даже такой опытный библиограф, как наш дежурный при каталоге» – т. е. Н. Ф. Федоров («Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1897 г.». М., 1898, с. 42–43). – *161.*

[176] Н. Ф. Федоров работал не непосредственно в читальном зале Румянцевского музея, а в каталожной. В его обязанности входил поиск книг по каталогу и подбор их в хранилище (отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1898 г. (М., 1899) называет Федорова «заведующим библиотечным каталогом»); выдачей же книг непосредственно в читальном зале ведали еще два дежурных чиновника: один из них работал с 10 до 15, второй – с 15 до 20 ч. Кроме того, в библиотеке (в каталожной и в читальном зале) работали так называемые «вольнотрудящиеся» – сотрудники, не состоявшие в штате. – *162.*

[177] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 153 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 5, лл. 6–8). Заметка написана осенью 1901 г. *Пять статей (от 5 июля до 22-го), напечатанные в Асхабаде* – статья Н. Ф. Федорова «Самодержавие», помещенная Н. П. Петерсоном в газете «Асхабад». Статья печаталась по частям и была помещена не в пяти, а в семи номерах газеты (от 5, 6, 10, 11, 19, 21 и 22 июля). Федоров, говоря о пяти номерах, вероятно, имеет в виду ту часть, которая называлась собственно «Самодержавие», – она действительно занимала пять номеров, но не с 5, а с 10 по 22 июля; 5 же и 6 июля были напечатаны статьи «Еще об историческом значении царского титула» и «Ответ на вопрос – “Что такое Россия”», – в конечном итоге, уже после асхабадской публикации, они стали считаться частями «Самодержавия», но в то время мыслились и Федоровым, и Петерсоном как отдельные статьи. Подробнее о публикациях в «Асхабаде» см. преамбулы к «Самодержавию» – Т. II наст. изд., с. 439–441 и к разделу «Асхабадская полемика». Город Асхабад и выходящая в нем газета названы Н. Ф. Федоровым «бесцензурным оазисом среди цензурной России», поскольку эта, да и все последующие асхабадские публикации мыслителя, в отличие от прежних – московских и воронежских – излагали учение «всеобщего дела» прямо, не соединяя его с конкретными, частными темами, не скрываясь за «отечествоведением» и «музейно-библиотечным делом». И несмотря на действительно беспрецедентную открытость в обсуждении самых смелых вопросов, статьи проходили, ни одна из них не была отвергнута по соображениям цензуры, ни одна не подверглась искажающей правке.

В данной заметке Н. Ф. Федоров откликается на статью Н. П. Петерсона «К пересмотру системы нашего образования», которая предшествовала публикации «Самодержавия» («Асхабад», 5 июля 1901, № 186). В статье Н. П. Петерсон касался проблемы реформы средней школы, которая в 1901 г. непосредственно встала на повестку дня (о деятельности правительства по подготовке реформы, работе комиссии под председательством тогдашнего министра народного просвещения П. С. Ванновского и полемике в печати о будущей школе см. примеч. 1 к письму 240). Он указывал, что для выяснения вопроса о том, в каком направлении двигаться школьным преобразованиям и как сделать русскую школу истинно национальной, следует прежде всего уяснить цель просвещения, понять, «что та-

кое Россия и что такое Самодержавие, в котором, – по убеждению русского народа, – сила и значение России». «Без уяснения же этого, – писал Петерсон, – преобразование существующей системы образования должно ограничиться лишь урезками в одном, прибавками в другом, предоставлением учащимся большей или меньшей свободы, сущность же останется та же, и наши учебные заведения, несмотря на введение нового предмета преподавания “Отечествоведения” – будут по-прежнему выпускать из своих стен людей, чуждых своим семьям, своему отечеству». Вопрос о просвещении, подчеркивал публицист, неотделим от вопроса о цели и смысле жизни; прежде всего нужно дать себе отчет, «к чему, к какому делу будем готовить детей наших». В связи с этим Петерсон и предлагал вниманию читателей статьи, в которых вопрос о смысле царской власти и назначении России выражен с наибольшей полнотой и цельностью. Эти статьи, указывал он, принадлежат «человеку, который во всю долгую жизнь, прожитую одиноко и совершенным аскетом, все силы своего глубокого и великого ума, все средства, которые дают ему обширные и всесторонние знания, обращал на разрешение вопроса не о том, – “почему сущее существует?” – вопрос любопытства, только ума, которым занята наука, равнодушная к результатам своих исследований, – а о том, “почему живущее страдает и умирает”, “почему міp не мир”, т. е. на уяснение причин небратского состояния міра и на выяснение условий, при которых причины, приводящие к небратству, будут устранены». Обосновывая затем причины, по которым он, публикатор, решается отдать в печать статьи без ведома того, кто их написал, Н. П. Петерсон указывал на то, что делает это «в интересах самого автора, который писал статьи для того, чтобы они были прочтены и поняты; на гонорар за статьи он не рассчитывает, потому что смотрит на торговлю своими произведениями как на святотатство; по мнению автора печатаемых статей, выносить на рынок произведения мысли, чувства, души есть постыднейшее из всего, что делает постыдного человек».

Из следующего далее текста статьи «К пересмотру системы нашего образования» явствует, что прямой выход в печать со статьями Федорова Н. П. Петерсон предпринял с надеждой на то, что на них будет обращено внимание лиц, причастных к школьной реформе, и, быть может, автор статей даже будет привлечен к работе над проектом новой «истинно-национальной» школы.

Откликаясь в данной заметке на статью Н. П. Петерсона, Н. Ф. Федоров делает поправки к той ее части, где речь идет о нем самом. – *162.*

[178] Эту статью Н. Ф. Федорова см. в Т. III наст. изд., с. 487–489. – *162.*

[179] Статья «О национальной школе сто лет тому назад» была составлена Н. Ф. Федоровым при участии В. А. Кожевникова летом 1901 г. (см. письма 240–245 и письмо В. А. Кожевникова Н. Ф. Федорову от 12 июня 1901 – Т. IV наст. изд., с. 439–445, 597–598). Намерение опубликовать статью в «Новом времени» не было осуществлено. – *162.*

[180] Федоров упоминает пометку неизвестного автора на отзыве петербургского академика Николая Фусса о записке В. Н. Каразина «О приложении электричества к потребностям человека» (1818) – см. об этом в статье «Каразин, как метеороург, а не метеоролог» (Т. II наст. изд., с. 261–262). – *162.*

[181] Федоров имеет в виду комиссию реформы средней школы, заседавшую в июне 1901 г. под председательством П. С. Ванновского (о деятельности комиссии, ее решениях и их оценке в печати см. примеч. 1 к письму 240). – *162.*

[182] В статье «К пересмотру системы нашего образования» Н. П. Петерсон дважды упомянул об аскетическом образе жизни автора печатаемых статей, о «сурово-аскетической во всем обстановке» («Асхабад», 5 июля 1901, № 186). Однако сам Н. Ф. Федоров не любил, когда его называли аскетом; и хотя сам не мог жить иначе, никогда не стремился предлагать свой образ жизни моделью для других (смысл жизненного аскетизма Федорова очень точно выразил Ю. П. Бартенев: «Мать, у которой опасно болен ребенок, забывает о еде, о всем, что не касается любимого существа, и проявляет непостижимую силу: в таком состоянии прожил и Николай Федорович *всю свою жизнь*. Для своего *дела* он забывал все, что привлекает нас» (Ю. П. Бартенев. Памяти Н. Ф. Федорова // Русский архив, 1904, № 1, с. 192)). В системе учения всеобщего дела, призывающего к полноте обожения, аскетический путь – лишь борьба оборонительная, аскетизм и эпикуреизм такие же антиномии, как эгоизм и альтруизм; и как последней диаде мыслитель противопоставляет идею соборности, жизни «со всеми и для всех», так первой – идею «положительного целомудрия», преображения духовно-телесного состава человека. – *163.*

[183] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 111 (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 408). Заметка написана в начале 1902 г. и

отражает те горькие чувства, которые испытывал Н. Ф. Федоров в связи с ходом асхабадской полемики, начатой Н. П. Петерсоном без его ведома. Недоброжелательный и во многом насмешливый отклик Pensoso («Блаженная жизнь» // Асхабад, 3 января 1902, № 3) на статью Н. П. Петерсона «По поводу статей о Народном доме» («Асхабад», 30 декабря 1901, № 364) Н. Ф. Федоров отчасти объяснял серьезными, с его точки зрения, неточностями в изложении учения «всеобщего дела», допущенными Н. П. Петерсоном в статье (подробнее см. преамбулу к разделу «Асхабадская полемика»). – *163.*

[184] Данная фраза вызвана заключительными словами статьи Pensoso «Блаженная жизнь», идущими вслед за обвинением Н. П. Петерсона в ограничении своего идеала одной лишь религиозной сферой и в клевете на науку: «Да, таковы мысли автора. Между тем лучшие умы человечества старались подойти к вопросу с другой совсем стороны. Напоминаю слова Бокля в его “Истории цивилизации”: “устраните невежество, тогда будет место для религии”». – *163.*

[185] Свои поправки к определению будущего повоскресного состояния Н. Ф. Федоров дал в статье «По поводу статей г-на Pensoso “Блаженная жизнь” и “Кругом да около”» («Асхабад», 3 марта 1902, № 62). – *163.*

[186] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 128 (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 3, ед. хр. 3, л. 50). Заметка написана в начале марта 1902 г. Н. Ф. Федоров выслал тогда Н. П. Петерсону через В. А. Кожевникова свою статью «Последнее слово к г-ну Pensoso», в которой объявлял о прекращении с ним полемики за невозможностью вести таковую с публицистом, который не только не стремится вникнуть в сказанное его оппонентами, но еще и намеренно передергивает их мысли. Однако почти сразу же решил написать новую статью, более общего характера, – «Полемика и война, или “О двух войнах”». В этой статье была развита мысль о задаче журналистики, конспективно набросанная в печатаемой заметке. *Вопрос о поэме брошен* – речь идет о поэме В. А. Кожевникова «Цена жизни», написанной по прямому внушению Н. Ф. Федорова, о безуспешных попытках мыслителя подвигнуть своего младшего друга к ее опубликованию и о собственных статьях и заметках по поводу поэмы (в следующем наброске указано, что комментарий к поэме был уничтожен). Подробнее см. примеч. 181 к «Статьям о литературе и искусстве» – Т. III наст. изд., с. 732–734. – *163.*

[187] Предложение Н. Н. Черногубова, вероятно, было высказано в рамках проекта издания сочинений Н. Ф. Федорова, о котором В. А. Кожевников сообщал Н. П. Петерсону в письме от 17 марта 1902 г. (слова об утопающем, хватающемся «даже за змею», были почти дословно приведены в этом письме). *Статьи о национальной школе* – речь идет о статьях и заметках Н. Ф. Федорова, относящихся к лету 1901 г. и связанных с вопросом реформы средней школы (подробнее см. примеч. 1 к письму 240). – *163.*

[188] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 19, лл. 11 об. – 12 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, л. 27, 46). Заметка написана на полях одной из заметок к статье «К отрицанию разъединения» и тематически связана с набросанным там же черновым письмом к В. А. Кожевникову (между 10 и 17 марта 1902). Она является свидетельством сложных чувств, которые вызвало у Н. Ф. Федорова предложение Н. Н. Черногубова об издании тома его сочинений (см. примеч. к письму 280 (преамбула), а также примеч. 94 к «Статьям философского содержания из III тома “Философии общего дела”» – Т. III наст. изд., с. 680–681). *Opera omnia* – полное собрание сочинений (*лат.*). – *163.*

[189] Некоторые материалы к «Комментарию» на поэму В. А. Кожевникова «Цена жизни» сохранились в собрании Н. П. Петерсона (см. их в Т. III наст. изд., с. 541–554). – *163.*

[190] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 34, л. 42–42 об. (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 4, ед. хр. 6, л. 278). Заметка написана в первой трети апреля 1902 г. под впечатлением размолвки с В. А. Кожевниковым, которого Н. Ф. Федоров очередной раз упрекал в неверии в учение «всеобщего дела» (см. письма 258–260). В заметке речь идет о планировавшейся поездке Н. П. Петерсона в Москву для помощи Н. Ф. Федорову в работе над окончательным приведением в порядок его бумаг. *Вопрос о смягчении я поднимать не буду* – фраза вызвана просьбой В. А. Кожевникова смягчить негативное отношение к Н. П. Петерсону, с которым Н. Ф. Федоров не поддерживал контактов после крупной ссоры, случившейся перед его отъездом из Асхабада в апреле 1900 г. (см. ОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр. 6, л. 278). – *164.*

[191] К слову «враг» В. А. Кожевников в копии заметки делает следующее примечание: «Разумеется Н. Н. Черногубов, предлагавший в эту пору Н<иколаю> Ф<едорови>чу напечатать при посредстве книгоиздательства “Скорпион” его рукописи с вариантами и от-

части чуть ли даже не fac-simile. Издание предполагалось выпустить по очень высокой цене. В течение нескольких недель рукописи им усердно переписывались по вечерам и по ночам. Узнавши об этом, я указал Н<иколаю> Ф<едорови>чу на радикальное противоречие между его собственными убеждениями и убеждениями его будущего издателя. Последовал вышеприведенный ответ и лишь в *последние минуты* жизни, признавши основательность моих замечаний, Н<иколай> Ф<едорови>ч письмом завещал рукописи в мое распоряжение с определенным воспрещением вверять их в распоряжение кого-либо другого» (ОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр. 6, л. 278). Однако утверждение В. А. Кожевникова о том, что под «врагом» Н. Ф. Федоров здесь имеет в виду Н. Н Черногубова, не представляется верным. Н. Ф. Федоров не мог сказать о Черногубове «враг, но понимающий»: напротив, он всегда считал его «непонимающим» (ср. упреки в возможности атеистического истолкования учения со стороны Черногубова в заметке «Супраморализм, т. е. само христианство...». – Т. III наст. изд., с. 315). Слова же «враг, но понимающий, который берет это дело» относятся к Н. П. Петерсону: его Н. Ф. Федоров как раз считал понимающим учение, но неловким и допускающим ошибки в его изложении (ср. выше в заметке «Эти статьи – “По поводу народного дома” и “Блаженная жизнь” – это самая злая насмешка судьбы»: «Конечно, Петерсон не хотел отдать на посмеяние, а вышло именно так!»). Кроме того, данная фраза перекликается с началом заметки: «…приезд г. Петерсона в Москву за душой докажет мне только, что есть человек, для которого [...] эта душа нужна». Таким образом, В. А. Кожевников ошибается в том, что данная заметка есть ответ на его доводы против публикации рукописей через Н. Н. Черногубова – о Н. Н. Черногубове здесь речи не идет. Кроме того, если верить датировке, даваемой Н. П. Петерсоном заметке «Один (Петерсон) не сумел...», работа над подготовкой черногубовского издания продолжалась и осенью 1902 г., т. е. уже после написания заметки «Вопрос о смягчении я поднимать не буду». *Друг, который отказывается от него или даже стыдится учения о воскрешении* – сам В. А. Кожевников. – *164.*

[192] Это письмо Н. П. Петерсона не сохранилось. – *164.*

[193] Неясно, какое именно письмо имеет в виду Федоров: совместное ли письмо Н. Ф. Федорова и В. А. Кожевникова к Н. П. Петерсону от 17 марта 1902, излагавшее проект возможной передачи рукописей Н. П. Петерсону и содержавшее мысль о том, что для такой передачи потребуется его приезд в Москву, или несохранившееся письмо к Н. П. Петерсону (написанное самим В. А. Кожевниковым или же опять совместно с Н. Ф. Федоровым), о котором упоминается в письме Н. Ф. Федорова к В. А. Кожевникову от 9 апреля 1902 г. и В. А. Кожевникова к Н. Ф. Федорову от 10 апреля 1902 г. – *164.*

[194] Написанный Н.Ф. Федоровым ответ на «Открытое письмо к автору статьи “О свободе совести”», которое появилось в рамках асхабадской полемики в № 52 газеты «Асхабад» от 21 февраля 1902 г., был послан В. А. Кожевниковым Н. П. Петерсону в письме от 17 марта 1902 г., однако напечатан не был. Статья Н. Ф. Федорова «Полемика и война» появилась в № 90 газеты «Асхабад» от 31 марта 1902. – *164.*

[195] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, л. 11 (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 4, ед. хр. 6, л. 39). Заметка написана под впечатлением последней размолвки с Н. П. Петерсоном в первой половине сентября 1902 г., приведшей к окончательному разрыву учителя и ученика (об отношениях Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона в последние годы жизни мыслителя см. примеч. к письму 274 (преамбула)). Данная заметка тематически связана с черновым письмом Н. Ф. Федорова к Н. П. Петерсону, датируемым после 13 сентября 1902 г. – *164.*

[196] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 82, л. 2. Данная заметка набросана на том же листе, что и заметка «Супраморализм, т. е. само христианство...» (см. Т. III наст. изд., с. 315), и представляет собой ее продолжение. В настоящем издании обе заметки разведены по разным томам, что является ошибкой, – в дальнейшем они должны печататься как один текст (к сожалению, условия подготовки III тома не позволили исправить ошибку тогда, когда она была замечена). Обнаружив этот текст среди бумаг Н. Ф. Федорова, Н. П. Петерсон так комментировал его в письме к В. А. Кожевникову от 20 августа 1913 г.: «Н<иколай> Ф<едорови>ч говорит, что супраморализм имеет двух врагов, из которых один сознательно употребит все усилия сделать его орудием современного атеизма, и это говорится о Черногубове, а другой по неведению, сам того не сознавая, будет помогать первому, бороться же с ним он решительно не в состоянии, – и это говорится, к величайшему огорчению моему, обо мне, при чем Н<иколай> Ф<едорови>ч говорит, что он меня знает и что я не сумею, да и *не найду выгодным* вести так дело, чтобы быть между двух огней. Надо думать, что это письмо (Н. П. Петерсон счел заметку “Супраморализм, т. е.

само христианство...” письмом. – *Сост.*) было написано после последнего нашего свидания с Н<иколаем> Ф<едоровиче>м, когда я увез в Асхабад черновик статьи под заглавием “Супраморализм”» (ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед хр. 28, лл. 61 об. – 62). Н. П. Петерсон уехал в Асхабад 13 сентября, так что заметка, если следовать его версии, написана после этой даты. Версия эта отчасти подтверждается тем, что в первой части заметки (вошедшей в Т. III) речь идет о статье «Супраморализм», которая «имеет целью предупредить ложное толкование», а именно над этой статьей, выросшей из «Пасхальных вопросов», Н. Ф. Федоров работал в августе–сентябре 1902 г. и в работе над ней ему помогал Н. П. Петерсон (см. примеч. к письму 255 (преамбула)).

Факты, приводимые в печатаемой второй части заметки, относятся к истории подготовки рукописей Н. Ф. Федорова для издания, по инициативе Н. Н. Черногубова, тома его сочинений в издательстве «Скорпион». – *165.*

[197] Этот, ранее неизвестный, факт перепечатки рукописей Н. Ф. Федорова за счет Сергея Александровича *Полякова* (1874–1948), инженера, переводчика, крупного коллекционера, владельца издательства «Скорпион», проливает дополнительный свет на историю собрания бумаг Н. Ф. Федорова в РО ИРЛИ. Как пишет И. А. Савкин, «в хранилище Института русской литературы бумаги Федорова поступили из Литературного музея Всероссийского союза писателей», а в Литературный музей «попали из частного архива Сергея Александровича Полякова» (И. А. Савкин. Бумаги Н. Ф. Федорова из коллекции Института русской литературы // *Философия бессмертия и воскрешения*. Вып. 1, с. 264–265). Исследователь выдвигает версию о том, что «в коллекцию Полякова бумаги Федорова могли попасть от Николая Николаевича Черногубова» (там же, с. 265). Данная заметка подтверждает эту версию и уточняет, как и когда статьи Н. Ф. Федорова могли оказаться у С. А. Полякова: осенью 1902 г., в период работы над подготовкой издания в «Скорпионе»; кроме того, она указывает, что С. А. Поляков принимал непосредственное участие на самом первом (оказавшемся и последним) этапе этой подготовки, финансируя перепечатку рукописей.

Подтверждает заметка и гипотезу И. А. Савкина о том, что «машинописные списки, хранящиеся в РО ИРЛИ, скорее всего и представляют собой материалы для этого так и не осуществленного издания» (там же, с. 265). – *165.*

[198] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 28 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 1–6). Ранее опубликовано: *Сочинения 1982*, с. 633–637. Одна из последних заметок Н. Ф. Федорова. Может быть датирована октябрем–ноябрем 1903 г.

Как назвать год, когда среди лета пели Пасху, исполняя пророчество Серафима? – Преп. Серафим Саровский (1759–1833) – в миру Прохор Мошнин – юношей приходит в Саровскую обитель (в Тамбовской губернии). В течение многих лет пребывает в подвижнических трудах: молитве, посте, послушании, 15 лет проводит в уединенной келье в Саровском лесу, налагает на себя древний подвиг столпничества – тысячу дней и ночей проводит на камне с воздетыми к небу руками, повторяя молитву «Боже, милостив буди мне грешному», а затем, возвратившись в обитель, еще 15 лет проводит в затворе, из них первые пять в полном молчании. Наконец, начинается его общественное служение. К келье старца стекаются тысячи людей за наставлением, помощью, исцелением, и всех он встречает с радостным настроением духа, приветствуя неизменно «Радость моя! Христос воскресе!» Неоднократно преп. Серафим удостаивался видений Пресв. Богородицы. По особенному Ее откровению он приобрел небольшой участок земли близ села Дивеево для женского Дивеевского монастыря, о котором с 1827 г. неустанно заботился. На этом участке старец начал строительство особой обители для дев и до самой смерти являлся духовным наставником ее сестер, стремясь поднять внутренний строй иноческой жизни до идеального состояния. Преп. Серафим привлекал внимание Федорова как народный святой и сугубый почитатель Воскресения. Известно пророчество преп. Серафима о том, что он воскреснет из мертвых в будущие времена нечестия, чтобы уверить всех в непреложности обетования о всеобщем воскресении.

Торжество открытия и прославления мощей преп. Серафима Саровского состоялось 16–18 июля 1903 г. Подробнее об этих торжествах, их освещении в русской печати и отношении Н. Ф. Федорова к преп. Серафиму см. примеч. к письму 277 (преамбула). Преп. Серафим не раз пророчествовал дивеевским сестрам о будущем Сарова и Дивеева: «О! Во, матушки вы мои, какая будет радость! Среди лета запоют Пасху! А народу-то, со всех сторон, со всех сторон!»; «Вот какая радость-то будет, матушка! Какая великая радость-то будет! Среди лета запоют Пасху, радость моя! Приедет к нам Царь и вся Фамилия! Дивеево-то лавра будет, Вертьяново – город, а Арзамас – губерния!» (свящ. Л. М. Чичагов.

Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губернии Ардатовского уезда. Издание Серафимо-Дивеевского монастыря. М., 1896; второе издание – М., 1903). Помимо «Летописи...», источником данной цитаты Федорову мог послужить очерк Леонида Денисова «У отца Серафима. Мысли и впечатления от поездки в Саров и Дивеево», помещенный в №№ 88–91 газеты «Московские ведомости» за 1903 г., которую философ регулярно читал. Л. Денисов приводил пророчество преп. Серафима и так комментировал его: «Я знаю, что предсказание отца Серафима о пении Пасхи летом некоторые авторы жизнеописаний старца, с легкой руки иеромонаха Иосафа, относят к 27 июля 1842 года, когда в Дивееве был получен указ Св. Синода об утверждении Дивеевской общины [...]. Но, по нашему скромному мнению, это предсказание старца еще не сбылось: ему время сбыться только теперь, когда приблизилось к нам прославление батюшки Серафима.

Вот когда, *именно летом*, запоют в великой радости Пасху многочисленные сестры Дивеевской общины, с такою невыразимою любовью и благоговейною преданностью относящиеся к незабвенной памяти своего основателя, отца и благодетеля». – *165.*

[199] По свидетельству самого Федорова (см. Т. IV наст. изд., с. 16), основная идея его учения явилась ему осенью 1851 г. – *165.*

[200] Это положение было центральным в несохранившейся статье Н. Ф. Федорова, написанной осенью 1903 г. и предназначавшейся для журнала «Новый путь» (см. примеч. 3 к письму 281). – *165.*

[201] Н. Ф. Федоров имеет в виду фразу из письма Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 1 октября 1903 г.: «С своей стороны я решил ничего больше не печатать, потому что – видимое дело – не пришло еще время, чтобы учение о воскрешении было понято» (полный текст письма см.: Т. IV наст. изд., с. 620–621). – *165.*

[202] В. А. Кожевников (см. примеч. к письму 258 (преамбула)). – *165.*

[203] Н. Н. Черногубов. – *165.*

[204] Н. Ф. Федоров перефразирует следующие слова ап. Павла: «Ибо и иудеи требуют чудес, и эллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для иудеев соблазн и для эллинов безумие» (1 Кор 1: 22–23). Ср. также в первом послании ап. Петра о Христе: «Итак Он для вас, верующих, драгоценность, а для неверующих камень, который отвергли строители, но который сделался главою угла, камень претыкания и камень соблазна» (1 Пет 2: 7). – *165.*

[205] Федоров указывает на слова Христа, завершающие евангелие от Матфея, которые были сказаны Им ученикам по воскресении: «...дана Мне всякая власть на небе и на земле» (Мф 28:18). Вслед за этими словами следует финальная заповедь: «Шедше, научите...», которую Н. Ф. Федоров называл заповедью научения и мыслил в неразрывной связи с Первосвященнической молитвой «Да будут все едино...». – *166.*

[206] Это предложение дано в редакции Н. П. Петерсона. – *166.*

[207] Вторая мирная конференция была созвана в Гааге только в 1907 г. О первой Конференции мира см. преамбулу к разделу «Статьи о разоружении и умиротворении» – Т. II наст. изд., с. 476. – *166.*

[208] Всемирная выставка в г. Сен-Луи штата Миссури, организованная в память столетнего юбилея приобретения Америкой у Франции Луизианской территории, была открыта во второй половине апреля 1904 г. В 1903 г. в печати появились сообщения о научном конгрессе, который планировалось устроить в рамках выставки. 27 ноября (10 декабря) 1903 г. в газете «Новое время» была опубликована информация о совещании, прошедшем под председательством министра народного просвещения, на котором обсуждался вопрос об устройстве русского учебного отдела на выставке в Сен-Луи; сообщалось и о том, что Россия планирует послать на конгресс несколько профессоров и преподавателей по различным отраслям знания. Статью, на которую здесь ссылается Н. Ф. Федоров и из которой он приводит цитату, разыскать не удалось. – *166.*

[209] *Манифест 26 февраля* – см. примеч. 25 к «Статьям философского содержания из III тома “Философии общего дела”» – Т. III наст. изд., с. 674. *Паломничество Царя и его семьи к гробам предков в Кремле* – речь идет о приезде царской семьи в Москву на Пасху 1903 г. Это посещение Москвы в священные предпасхальные и послепасхальные дни было уже вторым (первое состоялось на Пасху 1900 г.). Так же как и в первый раз, царская семья приехала в Москву в Лазареву субботу (29 марта), а уехала 16 апреля, на Фоминой неделе. Государь и императрица не пропустили ни одной службы Страстной седмицы, а в промежутках между службами посещали московские монастыри – особенно напряженными были последние дни Страстной седмицы: в Великую Пятницу – утреня в Успен-

ском соборе, окончившаяся в четыре часа утра, утром в Великую Субботу – литургия в церкви Рождества Богородицы, затем в три часа – посещение Вознесенского девичьего монастыря, а в ночь с субботы на воскресенье – Пасхальная заутреня. «Московские ведомости», подробно освещавшие пребывание императорской фамилии в древней столице, в восторженных тонах писали о благоговейном и молитвенном настроении августейшей четы, а сам приезд царя в Москву, на главный праздник «Святой Руси», его моление вместе с народом расценивали как событие глубоко символическое, как свидетельство «национального духовного единства народа, сплоченного сверху донизу, от барских палат до крестьянской хаты, в одну братскую национальную семью, *во имя высших этических идеалов*» («Московские ведомости», 4, 5, 8, 9, 14 апреля 1903, №№ 93–96, 101). Н. Ф. Федоров также придавал встрече царем Пасхи, светлого праздника Воскресения Христова, в Москве и Кремле, большое значение, трактуя это событие в духе того понимания смысла царской власти, назначения России и места в ней Москвы, которое было выражено в его статьях и заметках о Кремле и в работе «Самодержавие». – *167.*

[210] Николай II, Александра Федоровна, а также вдовствующая императрица Мария Федоровна прибыли на торжества прославления преп. Серафима 16 июля. По этому поводу «Московские ведомости» писали: «И вот снова Царь-Батюшка разделяет со всею своей землей молитвенный подвиг и священную духовную радость в торжественные дни прославления новоявленного угодника Божия» (17(30) июля 1903, № 194); «Россия со своим царем и церковью» собралась не для демонстрации и протеста, а для того, чтобы склониться перед «жизнью в Бозе», ибо сокровенный ее идеал есть «идеал святости» (19 июля (1 августа) 1903, № 196). 19 июля, в центральный день торжеств, царь не только присутствовал на всенощном бдении, но и нес гроб с мощами преподобного. – *167.*

[211] Речь идет о Вильгельме II (см. примеч. 41 к «Статьям о разоружении и умиротворении» – Т. II наст. изд., с. 481–482). – *167.*

[212] Это высказывание Л. Н. Толстого приведено в статье Н. Ф. Федорова «Разговор с Л. Н. Толстым» (см. Т. IV наст. изд., с. 34). – *167.*

[213] См. примеч. 141 к «Статьям философского содержания из III тома "Философии общего дела"» – Т. III наст. изд., с. 686–687. – *168.*

ДОПОЛНЕНИЕ К РАЗДЕЛУ «БИБЛИОТЕКИ И МУЗЕЙНО-БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»

В данной рубрике помещены четыре заметки Н. Ф. Федорова, близкие по тематике статьям и заметкам, напечатанным в Т. III наст. изд. в разделе «Библиотеки и музейно-библиотечное образование».

[1] Оригинал не сохранился. Печатается по копии рукой Н. П. Петерсона – ф. 657, к. 1, ед. хр. 63, лл. 1–2. В данной заметке Н. Ф. Федоров разбирает статью «Вопрос об обмене изданий между Парижем и Москвой» («Московские ведомости», 22 февраля 1892, № 52, без подписи), появившуюся в рамках обсуждения вопроса о франко-русском книгообмене, поднятого по инициативе Н. Ф. Федорова (см. примеч. 5 к разделу «Библиотеки и музейно-библиотечное образование» – Т. III наст. изд., с. 664–666). Ее автор горячо поддерживал идею обмена, считая «взаимное ознакомление Франции и России» «весьма важным делом», особенно в свете недавно заключенного военного союза, подчеркивая необходимость широкого распространения в России серьезных научных изданий Франции (ибо Франция есть «сила культурная»). Подробно останавливался на обоюдной пользе обмена для двух главных его субъектов – Парижской национальной библиотеки и библиотеки Московского Публичного и Румянцевского музеев. И при этом подчеркивал, что прочная постановка дела обмена не может обойтись без вмешательства правительств двух стран: ведь «ни Парижская Национальная библиотека, ни Московская Публичная не имеют свободных дубликатов для обмена, и не могут их иметь без помощи правительственных мер». И если для России в данном случае достаточно «простого распоряжения по цензурному ведомству, чтобы московская библиотека получила необходимые дубликаты, так как наши издатели предоставляют в Цензурный комитет 10 экземпляров», то во Франции, где для библиотек по закону отводится всего два экземпляра, без постановки вопроса об увеличении числа обязательных экземпляров не обойтись (а это уже вопрос, обсуждаемый на уровне палаты депутатов). Таким образом, заключал автор статьи, «всякие разговоры останутся бесплодными» и дело франко-русского обмена не двинется до тех пор, пока не будут задействованы правительственные сферы и «пока одно из правительств не возьмет на себя почин официального соглашения». – *171.*

[2] Речь идет о сослуживце Н. Ф. Федорова Алексее Давыдовиче *Михельсоне* (1833–1898). В 1856 г. А. Д. Михельсон, не окончив курса в Московском университете, поступил на службу в Московскую управу Благочиния, где проработал около трех лет. В сентябре 1879 г. началась его служба в Московском Публичном и Румянцевском музеях: сначала старшим чиновником для письма при Канцелярии, а с 1885 г. – помощником библиотекаря (см. личное дело А. Д. Михельсона: Архив РГБ, оп. 126, д. 36). Федоров говорит о Михельсоне как о «будущем библиотекаре», поскольку осенью 1892 г., когда и была написана данная заметка, подал в отставку библиотекарь Музеев Е. Ф. Корш (см. примеч. 15) и открылась вакансия на замещение этой должности. В конечном итоге новым библиотекарем стал Н. И. Стороженко (см. примеч. 15). – *171.*

[3] См. примеч. 2. – *171.*

[4] Судя по письму Н. Ф. Федорова к Н. П. Петерсону от 6 сентября 1891 г., первая статья по вопросу о франко-русском книгообмене появилась в печати в первых числах сентября 1891 г., однако нами она пока не разыскана. Наиболее ранняя из обнаруженных на настоящее время статей – «По поводу закрытия французской выставки» («Русские ведомости», 7 октября 1891, № 276; подпись: «Д-въ»). Подчеркивая, что «французская выставка, в отличие от своих предшественниц, ставила своею целью не исключительно коммерческую прибыль, а менее материальную и более возвышенную цель: духовное сближение между Франциею и Россиею на почве сначала идейной, культурной, а потом и коммерческой», автор статьи указал на необходимость расширять и углублять это сближение, способствовать «установлению более правильного и прочного обмена умственными продуктами». А в качестве главного средства к этому называл книжный обмен между главными библиотеками двух стран – обмен, который «составляет давнишнее pium desiderium (благое пожелание, благое намерение. – *Сост.*) литературно-ученого мира». «Осуществление этого общеполезного предложения, – подчеркивал автор статьи, – послужило бы прочным залогом культурного взаимодействия между Франциею и Россиею». Спустя

несколько дней на инициативу «Русских ведомостей» с некоторой долей иронии откликнулось «Новое время», поместив в разделе «Среди газет и журналов» заметку «Московский фельетон», комментировавшую итоги французской выставки: «А в кружках московских литераторов французская выставка возродила идею правильного обмена всех изданий между ее главным народным книгохранилищем (Bibliothèque Nationale) и нашими главными публичными библиотеками (Петербургская Императорская и Московский Румянцевский Музей). Нечего и говорить, что для русских это было бы очень выгодно. Тут уж все зависит от французской любезности» («Новое время», 12(24) октября 1891, № 5611). – *171.*

[5] Федоров имеет в виду полемическую кампанию, развернутую в ряде московских изданий против выступления В. С. Соловьева с рефератом «О причинах упадка средневекового миросозерцания» на заседании Московского психологического общества, состоявшемся 19 октября 1891 г. Центром полемики стали «Московские ведомости», которые начиная с 21 октября 1891 г. давали материалы, содержавшие резкую критику реферата и позиции Соловьева (см. номера газеты от 21–23, 26, 27, 29, 30 октября, 1–3, 16, 17, 20 ноября 1891 и т.д.). В газете «Московский листок» осенью 1891 г. появилось два больших полемических материала о Соловьеве: передовая статья в номере от 23 октября, критиковавшая статью философа «Наш грех и наша обязанность» (см. примеч. 218 к разделу «Статьи о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве»), а также идеи реферата, и большая статья П. Е. Астафьева «Религиозное “обновление” наших дней» («Московский листок», 8, 10, 12, 15, 18, 21, 30 ноября, 3 декабря 1891 – №№ 311, 313, 315, 318, 321, 324, 333, 336), посвященная критике толстовства и идей В. С. Соловьева, в том числе его теократической проповеди, в которых автор статьи видел выражение утопической веры в «Царство Божие на земле», противоречащей, по его мнению, «трансцендентным задачам и стремлениям» христианства. – *171.*

[6] Пояснение в скобках, по всей вероятности, принадлежит Н. П. Петерсону. – *171.*

[7] Цитата из статьи «Вопрос об обмене изданий между Парижем и Москвой» (см. примеч. 1). – *172.*

[8] О реакции французской стороны на предложение об обмене см.: *В. А. Кожевников,* с.11. Соответствующая цитата приведена в примеч. 75 к «Статьям о разоружении и умиротворении» – Т. II наст. изд., с. 484.

Н. П. Петерсон указывает, что к печатаемой заметке приложена сделанная «рукою Н<иколая> Ф<едорови>ча копия письма кого-то по поводу вопроса о книжном обмене», и далее приводит текст письма: «От души готов содействовать Вашему благому предприятию и пущу в ход все свои маленькие силы и средства, чтобы помочь его осуществлению. Но не скрою от Вас, что дело это очень трудное и едва ли осуществимое в том виде, как Вы его задумали. Обмен произведениями науки и литературы дело в высшей степени желательное, но он едва ли осуществим – с русской стороны главным образом вследствие халатности и неряшливости, а с французской потому, что не представляет для них особенной пользы. Французы ведь народ очень практичный и практический, идеалистом он перестал быть давно (“да и был ли когда-нибудь”, – замечает от себя Н<иколай> Ф<едорови>ч (примеч. в скобках принадлежит Н. П. Петерсону. – *Сост.*)). Французские издатели очень охотно стали бы посылать свои издания в русские библиотеки, если бы видели в том какой-нибудь практический расчет для себя; но какую выгоду даст им такая посылка? Тем не менее сделать, думается мне, все-таки кой-что можно и очень существенное, пожалуй; но предварительно следует порасспросить, навесть справки, как лучше, практичнее взяться за дело. Поэтому дайте мне недели две-три на то, чтобы ощупать почву, а тем временем будьте любезны, не откажитесь сообщить мне, кому соответственно принадлежит Румянцевская библиотека, на какие средства она существует, имеет ли к ней какое-нибудь отношение город, покупает ли она французские книги, получает ли французские журналы и какие, есть ли в ней газеты и доступны ли они публике; и во-вторых, по-обстоятельнее выясните Ваш взгляд на чисто практическую сторону дела, имея в виду преимущественно обмен книгами между Парижем и Москвою, снабжение французскими изданиями библиотеки Румянцевской и, может быть, необходимость некоторых затрат на пересылку (преимущественно официальных, впрочем) изданий» (ОР РГБ, ф. 657, к. 1, ед. хр. 63, лл. 2–3). – *172.*

[9] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 85, л. 1–1 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 267). – *172.*

[10] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 39 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 115). Федоров имеет в виду свою статью «Библиография» (см. в Т. III наст. изд., с. 230–233). – *172.*

[11] Федоров называет следующие статьи: «Предисловие к "Сказанию о построении обыденного храма в Вологде"» (написано им самим – см.: Т. III наст. изд., с. 46–50); «Вопрос о Каразинской метеорологической станции в Москве» (написана И. А. Борисовым с подачи Федорова – см.: там же, с. 561–564), «К вопросу о памятнике В. Н. Каразину» (написана Н. Ф. Федоровым и И. А. Борисовым совместно – см.: там же, с. 125–127). – *172.*

[12] См. примеч. 11 к разделу «Библиотеки и музейно-библиотечное образование» – там же, с. 668. – *172.*

[13] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 64 (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 274–275). Ранее частично опубликовано В. С. Борисовым: «Начала», 1993, № 1, с. 151. Заметка адресована Я. Ф. Браве, автору книги «Одно из наших центральных просветительных учреждений (Очерки Румянцевского Музея)» (подробнее см. примеч. 19 к разделу «Библиотеки и музейно-библиотечное образование» – Т. III наст. изд., с. 670), и вызвана случайно вырвавшимся у него однажды в разговоре с Н. Ф. Федоровым выражением «полюбить право». – *173.*

[14] волк (*лат.*). – *173.*

[15] Василий Андреевич *Дашков* (1819–1896) – этнограф и общественный деятель, директор Московского Публичного и Румянцевского музеев в 1867–1896 гг. Михаил Алексеевич *Веневитинов* (1844–1901) – историк, археограф, с 1896 г. – директор Московского Публичного и Румянцевского музеев. Евгений Федорович *Корш* (1810–1897) – журналист и переводчик, библиотекарь Румянцевского музея в 1862–1892 гг. Николай Ильич *Стороженко* (1836–1906) – литературовед, профессор по кафедре истории всеобщей литературы Московского университета. В 1892–1902 – библиотекарь Румянцевского музея. – *173.*

[16] Александр Иванович Кошелев (1806–1883) – публицист, журналист, общественный деятель-славянофил, в 1850–1870-х гг. – активный сторонник расширения и укрепления роли земства. В 1880 г. выступил с предложением организовать земскую библиотеку в Московском Публичном и Румянцевском музеях. По свидетельству В. А. Кожевникова, Н. Ф. Федоров не сочувствовал проекту Кошелева, выдвинутому «"в эпоху (как он выражается) конституционного безумия, во время несчастной диктатуры Лориса-Меликова", не сочувствовал, очевидно, потому, что "затея Кошелева" являлась именно обособлением, превращением в земское лишь дело и в земскую лишь собственность того, что есть обязанность и достояние всей России» (*В. А. Кожевников,* с. 42). Проекту Кошелева Н. Ф. Федоров посвятил отдельную статью, озаглавленную Кожевниковым «К истории Музея. Предложение г. Кошелева» (там же), однако до наших дней она не дошла. – *173.*

[17] Статью С. С. Слуцкого «К 500-летнему юбилею преподобного Сергия. Храм Св. Троицы при Румянцевском Музее», излагавшую проект Н. Ф. Федорова, см. в Т. III наст. изд., с . 557–559. – *173.*

ДОПОЛНЕНИЕ К РАЗДЕЛУ «СТАТЬИ О РАЗОРУЖЕНИИ И УМИРОТВОРЕНИИ»

В настоящем разделе помещены те статьи и заметки Н. Ф. Федорова, обнаруженные нами в собрании Н. П. Петерсона в ОР РГБ, которые тематически связаны со статьями о разоружении и умиротворении, составившими отдельный раздел в Т. II наст. изд.

[1] Статья «Метеорический погром и регуляция (О великой будущности войска)» – ранний вариант статьи «Разоружение». Первый к ней набросок находим в письме Н. Ф. Федорова Н. П. Петерсону от 16 октября 1891 г. Получив это письмо, Н. П. Петерсон решил воспользоваться им для составления статьи-обращения в «Пензенские губернские ведомости», тем более что в этой же газете 20 октября 1891 г. (№ 225) была напечатана его статья «Несколько слов об искусственном дожде» (см. о ней примеч. 1 к письму 62).

По окончании работы над статьей Н. П. Петерсон выслал ее Н. Ф. Федорову. Ответ последовал 27 октября 1891 г.. и большой фрагмент этого письма (весь абзац, начинающийся словами «Что касается американского способа, как основанного на "данных, собранных на полях сражений"») был немедленно с некоторыми добавлениями и парафразами вставлен Николаем Павловичем в конец статьи.

После этого Н. П. Петерсон еще дважды переделывал и дополнял статью, которая в четвертом варианте получила заглавие «О великой будущности войска» (все четыре варианта статьи см.: ОР РГБ, ф. 657, к. 1, ед. хр. 20). Вероятно, этот вариант посылался Н. П. Петерсоном Н. Ф. Федорову, так как в письме от 27 апреля 1892 г. последний упоминает «статью о будущности войска».

Напечатать статью-обращение в «Пензенских губернских ведомостях» Н. П. Петерсону не удалось. В мае 1892 г., уже в пятый раз переработав статью, он послал ее в «Новое время» (см. письмо Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову от 2 июня 1892 – Т. IV наст. изд., с. 589). Однако и там она не была напечатана, а переработанный ее вариант не сохранился.

Четвертый вариант статьи-обращения с некоторыми поправками составил текст статьи «Метеорический погром и регуляция». В архиве Н. П. Петерсона сохранился ее неполный автограф (конец статьи утрачен) рукой Николая Павловича с добавлениями и приписками Н. Ф. Федорова (ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 13).

Работа над статьей, выросшей в конечном итоге в статью «Разоружение», продолжалась и далее, однако промежуточные варианты текста не сохранились.

В настоящем издании статья «Метеорический погром и регуляция» печатается по автографу с некоторыми дополнениями из четвертой редакции статьи-обращения «О великой будущности войска». Кроме того, по четвертой редакции статьи восстанавливается недостающий конец. – *177.*

[2] См. примеч. 4 к «Статьям о разоружении и умиротворении» – Т. II наст. изд., с. 479. – *177.*

[3] После этих слов в первом варианте обращения в редакцию «Пензенских губернских ведомостей» с красной строки следует:

«По случаю бездействия людей, к тому призванных, ученых, позволяем себе мы, неученые, просить Редакцию Губернских Ведомостей открыть у себя подписку на сбор пожертвований для производства опытов вызывания дождя, и если к весне, ко времени, когда можно будет приступить к производству этих опытов, не наберется суммы достаточной для того, или же опыты не состоятся по каким-либо другим причинам, в таком случае все собранное может быть употреблено на нужды голодающих, которые к весне будут нуждаться еще в большей помощи, чем теперь; между тем я ныне же войду в сношение с г. Ляцким (о брошюре З. А. Лядского см. примеч. 6 к письму 44. – *Сост.*), также и другими специалистами для выработки плана действий и составления сметы стоимости опытов». Этот фрагмент был сохранен во втором варианте, а затем выброшен Н. П. Петерсоном, поскольку Н. Ф. Федоров в письме к нему от 27 октября 1891 г. намекнул на неуместность «денежного» мотива в обращении. – *178.*

[4] Скрытая цитата из статьи В. Н. Мак-Гахан об американском опыте вызывания дождя (см. примеч. 4 к письму 61). – *178.*

[5] Ср. характеристику «американского опыта» в заметке Н. Ф. Федорова «Получен ответ от Л. Н. Толстого...». – Т. IV наст. изд., с. 18–19. – *179.*

[6] Оригинал не сохранился. Печатается по копии рукой Н. П. Петерсона: ОР РГБ, ф. 657, к. 1, ед. хр. 63, л. 4. Заметка может быть датирована осенью 1891 – весной 1892 гг. Федоров вкратце касается всех своих проектов, выдвинутых в 1891 г.: франко-русского книгообмена, всенаучного съезда, исследования проблемы искусственного вызывания дождя. – *180.*

[7] Речь идет об ассигнованиях, отпущенных правительством Северо-Американских соединенных штатов летом 1891 г. на опыты искусственного вызывания дождя (см. примеч. 58 к разделу «Статьи и заметки о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве»). – 180.

[8] Федоров имеет в виду мирный договор, заключенный в Тильзите в 1807 г. в результате личных переговоров Александра I и Наполеона I. – *180*

[9] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 37, л. 3–3 об.; к. 3, ед. хр. 3, лл. 308–309 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, лл. 306–307). – *180.*

[10] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 73. Заметка может быть датирована осенью 1898 г. – *181.*

[11] Какое письмо имеет в виду Федоров, установить не удалось. – *181.*

[12] О проповеди архиеп. Харьковского *Амвросия* (Ключарева) «О христианском направлении естествознания» см. примеч. 2 к I части «Записки» – Т. I наст. изд., с. 468. О *запрещении делать опыты вызывания дождя в Трансваальской республике* см. примеч. 103 к разделу «Статьи и заметки разного содержания». – *182.*

[13] стремление к земле (*нем.*). – *182.*

[14] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 3, ед. хр. 3, л. 334 (копия рукой Н. П. Петерсона – там же, л. 325). Федоров цитирует фрагмент воспоминаний военного инженера, генерал-майора Константина Карловича *Жерве* (1803–1877) по их публикации в «Историческом вестнике» (1898, № 5, с. 437–438). Приводимый эпизод относится к 1820 г. и имел место во время летних учений кондукторской роты главного инженерного училища. – *182.*

[15] Поводом к написанию «Письма в редакцию газеты “Дон”» стало появление в № 226 газеты «Саратовский дневник» от 21 октября 1898 г. короткой иронической заметки по поводу статьи Н. Ф. Федорова «Разоружение». Ответ на заметку был составлен Н. Ф. Федоровым по приезде в Воронеж, между 12 и 17 ноября 1898 г., и отдан Н. П. Петерсоном в редакцию газеты «Дон». 17 ноября в совместном письме Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову сообщалось, что «возражение “Саратовскому Дневнику”» будет напечатано «на будущей неделе». Письмо в редакцию было набрано, но текст в гранках подвергся цензурной правке: сокращены некоторые существенные места, в цитате из статьи «Разоружение» в выражении «царь философов Кант» выброшено слово «царь». Н. Ф. Федоров не согласился с исправлениями цензора, и письмо в редакцию не было напечатано (см. письмо Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 2–3 декабря 1898).

В архиве Н. П. Петерсона сохранились гранки письма (ОР РГБ, ф. 657, к. 2, ед. хр. 2, лл. 19–21). На гранках имеется цензурная правка, исправления рукой Н. П. Петерсона и приписки Н. Ф. Федорова. Текст не имеет заглавия, начинаясь сразу с обращения «Милостивый государь г. Редактор!» – это вызвано тем, что письмо должно было идти вторым в рубрике писем редактору газеты «Дон» (над обращением проставлена римская цифра II).

Ранее опубликовано под заглавием «Ответ “Саратовскому дневнику”»: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение,* с. 127–130. В настоящем издании название «Письмо в редакцию газеты “Дон”» дано составителями. – *182.*

[16] Об этой заметке и ее перепечатке в газете «Дон» см. примеч. 1 к «Статьям о разоружении и умиротворении» – Т. II наст. изд., с. 477. – *182.*

[17] Свое отношение к утопическому роману Э. Беллами «Looking backward 2000–1887» Н. Ф. Федоров выразил в специальной статье, ему посвященной (см. ее в Т. III наст. изд., с. 512–517). См. также примеч. 9 к I части «Записки» – Т. I наст. изд., с. 478 и примеч. 111 к «Статьям о литературе и искусстве» – Т. III наст. изд., с. 723. – *184.*

[18] В гранке рукой Н. П. Петерсона вписано «на природу, на атмосферу». – *184.*

[19] «Беседа...» представляет собой вторую из трех проповедей, написанных Н. Ф. Федоровым в Воронеже в ноябре–декабре 1898 г. (см. примеч. 70 к «Статьям о разоружении и умиротворении» – Т. II наст. изд., с. 484). Она была передана мыслителем законоучителю Михайловского кадетского корпуса С. Е. Звереву (о нем см. примеч. 6 к письму 112), но, как сообщалось в совместном письме Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 2–3 декабря 1898 г., С. Е. Зверев к ней «отнесся холодно». По всей видимости, проповедь произнесена не была.

В настоящее время разыскан только черновик «Беседы...», хранящийся в архиве А. А. Фета (ОР РГБ, ф. 315, к. 14, ед. хр. 57, лл. 1–3). Его текст написан рукой Н. П. Петерсона с дополнениями и поправками Н. Ф. Федорова. Окончание «Беседы...» конспективно.

Текст ранее опубликован: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 134–136. – *186.*

[20] См. примеч. 377 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 653–654. – *186.*

[21] Федоров цитирует «Слово по освящении храма Св. Архистратига Михаила, при открытии 2-го Михайловского кадетского корпуса», произнесенное митр. Филаретом (Дроздовым) 6 декабря 1849 г. («Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Слова и речи». Т. V, с. 47). – *186.*

[22] Сокращенная цитата из того же «Слова...» митр. Филарета – там же, с. 48. – *186.*

[23] Ин 14: 12. – *187.*

[24] См. примеч. 400 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 656. – *187.*

[25] Слова «В большом губернском городе...» и следующие два абзаца представляют собой конспект фрагмента предисловия Н. Ф. Федорова к изданию письма Ф. М. Достоевского (см. Т. IV наст. изд., с. 8–9). Этот фрагмент Н. Ф. Федоров предполагал внести в текст проповеди при ее переписке. – *187.*

[26] О статье С. Д. Чистякова см. примеч. 42 к разделу «Приложения» «Письма Н. Ф. Федорову разных лиц». – *187.*

[27] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 70. Заметка написана после 8 августа 1900 г. (ссылка в тексте на высказывание Л. Н. Толстого по поводу циркуляра о разоружении, сделанное в статье «Не убий»). Первую из упомянутых Н. Ф. Федоровым проповедей см. в Т. III наст. изд., с. 447–448, вторая предшествует данной заметке. – *187.*

[28] См. примеч. 141 к «Статьям о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве». – *188.*

[29] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 71 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 57–58). Заметка написана в связи со статьей Н. Ф. Федорова «Новая картина – “Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне...”», вошедшей в его брошюру «К делу умиротворения, возбуждаемому нотою 12-го августа 1898 г.» (Воронеж, 1899) и посвященной иконе-картине Л. Г. Соловьева «Первосвященническая молитва», которая была написана художником во исполнение замысла самого философа (см. примеч. 385 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 654–655). Опираясь на распространенный в русской иконографии с XVI в. образ Троицы новозаветной («Отечество»), где Сын, Второе лицо Троицы, изображался на коленях Бога–Отца или в Его лоне, Н. Ф. Федоров в своей статье «Роспись наружных стен храма...» предложил возможную композицию фрески или иконы «Первосвященническая молитва», которая живописно бы воплощала слова Спасителя: «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и я в Тебе, так и они да будут в нас едино» (Ин 17:21). Центром композиции было изображение Христа в окружении учеников, причем в Его лоне помещался образ Бога-Отца, вверху же «на облацех» изображалась Троица новозаветная (описание композиции см. в Т. III наст. изд., с. 461–462). – *188.*

[30] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 61 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, л. 312). Заметка посвящена статье В. Е. Рудакова (В. Р-кова) «К вопросу об артиллерийской борьбе с градом» («Новое время», 15(28) августа 1901, № 9140), которая появилась в рамках обсуждения в печати вопроса о предотвращении градобитий с использованием пушечных выстрелов (см. примеч. 20 к «Статьям о разоружении и умиротворении» – Т. II наст. изд., с. 479–480) и в которой подробно описывался и поддерживался *«проект Становевича»*.

Изложение проекта Становевича по статье Рудакова Н. Ф. Федоров дал в статье «Об обращении оружия, т. е. орудий истребления, в орудия спасения», явившейся продолжением статьи «Разоружение» (см. Т. II наст. изд., с. 279–280).

Возвращение Н. Ф. Федорова в 1901–1902 гг. к тематике статьи «Разоружение» было связано с очередным неурожаем, охватившим в 1901 г. из-за засухи ряд районов России.– *189.*

[31] См. примеч. 30. Все приведенные ниже цитаты взяты Н. Ф. Федоровым из статьи В. Е. Рудакова. – *189.*

[32] Никола *Тесла* (1856–1943) – ученый-изобретатель в области электро- и радиотехники. – *189.*

[33] «живых созываю, мертвых оплакиваю, молнии ломаю» (*лат.*) Эту средневековую поговорку о колоколе В. Е. Рудаков приводил в своей статье. – *189.*

[34] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 104. Заметка тематически связана с предыдущей и является наброском статьи, которую Н. Ф. Федоров решил было написать и направить в «Новое время», однако фактически сразу оставил этот замысел, написав на полях листа: «С отчаяния приходят в голову предположения одно другого нелепее!» (там же, л. 2). – *190.*

[35] Об этой статье Н. Ф. Федорова см. примеч. 179 к «Статьям и заметкам разного содержания». – *191.*

[36] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 10. Заметка написана в рамках работы над дополнениями к статье «Разоружение», которые в конечном итоге составили отдельную статью «Об обращении оружия, т. е. орудий истребления, в орудия спасения» (см. Т. II наст. изд., с. 276–282). Текст настоящей заметки близок некоторым фрагментам этой статьи (там же, с. 279–281). В собрании Н. П. Петерсона сохранился и ранний вариант части текста статьи «Об обращении оружия, т. е. орудий истребления, в орудия спасения» (ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 72); в настоящем издании он не печатается. – *191.*

[37] Эта статья принадлежала В. Е. Рудакову. – *191.*

[38] В. Е. Рудаков. К вопросу об артиллерийской борьбе с градом // Новое время, 15(28) августа 1901, № 9140. – *192.*

[39] В статье В. Е. Рудакова «К вопросу об артиллерийской борьбе с градом» после описания способа, предложенного Станоевичем, идет указание на бóльшую, в сравнении с мортирами, его удобоприменимость. И затем до фразы «Над этим стоит подумать и поработать» следуют рассуждения, частично приведенные Н. Ф. Федоровым в заметке «Нынешний 1901 г. очень сходен с 1891...». – *192.*



И. А. Гагарин. Дед Н. Ф. Федорова.
Портрет работы О. А. Кипренского. 1811.
Государственная Третьяковская галерея



А. П. Ленский. Сводный брат Н. Ф. Федорова. Портрет работы И. Н. Крамского.
Государственная Третьяковская галерея



Вид с. Сасово Тамбовской губ. (ныне Рязанская обл.). Здесь в усадьбе отца П. И. Гагарина Н. Ф. Федоров провел первые годы жизни



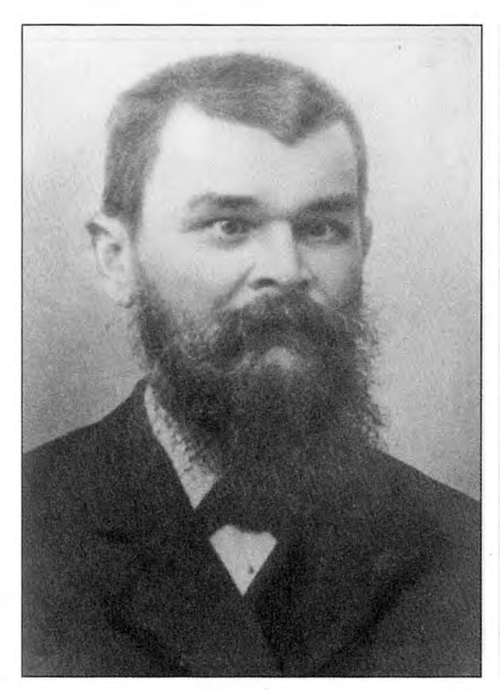
г. Шацк Тамбовской губ. Здание уездного училища, где Н. Ф. Федоров учился в 1836–1842 гг. (современный вид). Фото В. С. Борисова



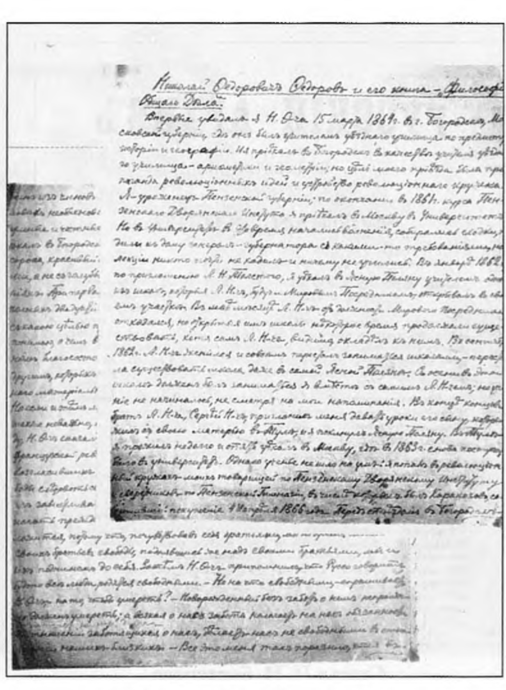
Здание Тамбовской гимназии, где Н. Ф. Федоров учился в 1842–1849 гг. (современный вид). Фото В. С. Борисова



Здание Липецкого уездного училища, где Н. Ф. Федоров служил учителем истории и географии в 1854–1857 гг.



Н. П. Петерсон



Николай Федоровичъ Федоровъ и его книга — Философия Общаго Дела.

Впервые увидалъ я Н. Ф-ча 15 марта 1864 г. въ г. Богородске, Московской губернии. Онъ тогда былъ учителемъ уезднаго училища по предмету исторiи и географiи.

Н. П. Петерсон. Начальные листы воспоминаний о Н. Ф. Федорове



Левый флигель дома А. Д. Черткова, в котором в 1863–1872 гг. располагалась Чертковская библиотека



Книжный знак Чертковской библиотеки

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

при

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

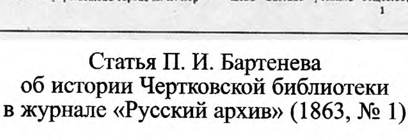
А. Д. Чертковъ и его Библіотека.

Приведеніе Чертковской библіотеки въ общую извѣстность, съ облегченіемъ доступа къ ея сокровищамъ, кажется особенно благовременнымъ въ наши дни, когда всѣ умственныя направленія и всѣ оттѣнки мнѣній слились наконецъ въ признаніе необходимости короче знакомиться съ Русскою землею и старательнѣе изучать минувшія судьбы ея. Правда, Чертковская библіотека, сравнительно съ другими, вовсе не велика количествомъ книгъ — въ ней всего около 9500 сочиненій въ 17,300 частяхъ; но всѣ хранящіяся въ ней книги, на Церковнославянскомъ, Русскомъ, Нѣмецкомъ, Французскомъ, Англійскомъ, даже Голландскомъ и Испанскомъ языкахъ, собственно говорятъ намъ объ одномъ предметѣ, *о нашей Россіи*, и при такомъ условіи вышеприведенныя цифры становятся весьма почтенными. До преобразованія Императорской публичной библіотеки, обогатившейся, подъ управленіемъ барона М. А. Корфа, отдѣломъ книгъ, такъ называемыхъ *Rossica*, Чертковское книгохранилище было единственнымъ въ своемъ родѣ собраніемъ сочиненій, посвященныхъ познанію Россіи и Славянства въ историческомъ, археологическомъ, литературномъ, правоописательномъ и другихъ ученыхъ отношеніяхъ. Собиратель, въ продолженіи многихъ лѣтъ жизни (1789 — 1858), тщательно отыскивалъ преимущественно рѣдкихъ и замѣчательныхъ книгъ по этой части какъ въ Россіи, такъ и въ чужихъ краяхъ, и не даромъ извѣстный знатокъ книжнаго дѣла, авторъ *Библіографическихъ отрывковъ* (Отеч. Записки 1854, августъ), называлъ Чертковскую библіотеку *знаменитою*.

Составленіе подобныхъ библіотекъ, кромѣ средствъ денежныхъ, предполагаетъ многолѣтніе труды и большія ученыя свѣдѣнія. Поэтому не лишнимъ будетъ сообщить здѣсь извѣстіе о постепенномъ возрастаніи Чертковской библіотеки съ краткимъ очеркомъ жизни ея собирателя, А. Д. Черткова.

Членъ многихъ ученыхъ обществъ,

1



Статья П. И. Бартенева об истории Чертковской библиотеки в журнале «Русский архив» (1863, № 1)



П. И. Бартенев

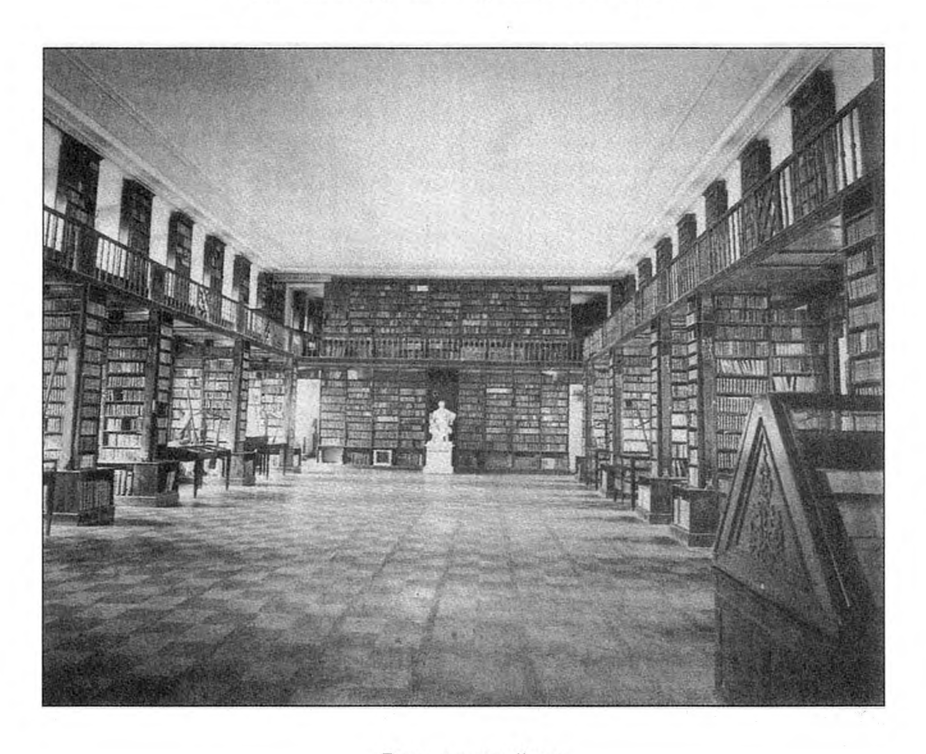


Вид на Белый город с Соборной площади Московского Кремля (вдали видны дом Пашкова, Московский главный архив Министерства иностранных дел, Московский университет)

Московский Публичный и Румянцевский музеи. Фото начала XX века



Надпись на фронтоне Румянцевского музея



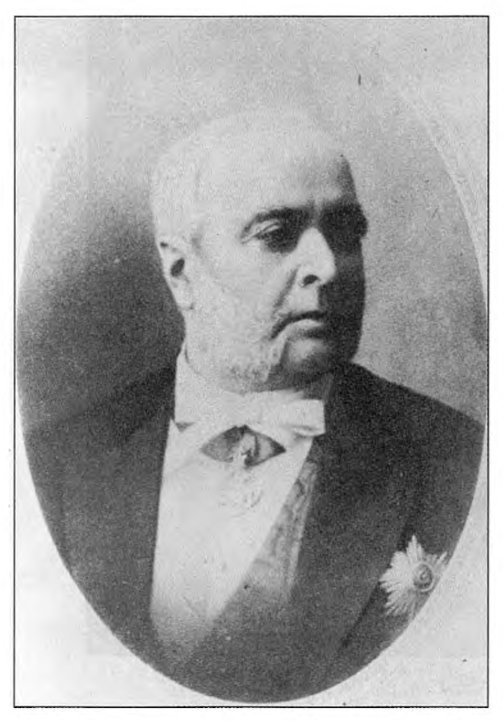
Румянцевский зал



Библиотека императрицы Александры Федоровны

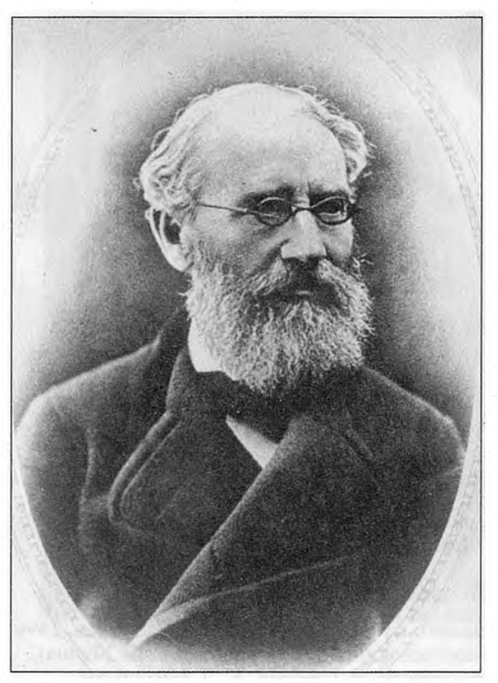


Сотрудники Московского Публичного и Румянцевского музеев у портрета В. А. Дашкова. 1896. Сидят слева направо: Н. И. Стороженко, Г. П. Георгиевский, Ф. Е. Корш (сын Е. Ф. Корша), В. Ф. Миллер, Г. Д. Филимонов, Н. И. Боборыкин, И. В. Цветаев, А. Д. Михельсон, А. П. Бушера. Стоят слева направо: Н. А. Янчук, С. О. Долгов, С. П. Щуров, А. С. Келлат, А. И. Калишевский (установлено О. Б. Муратовой)

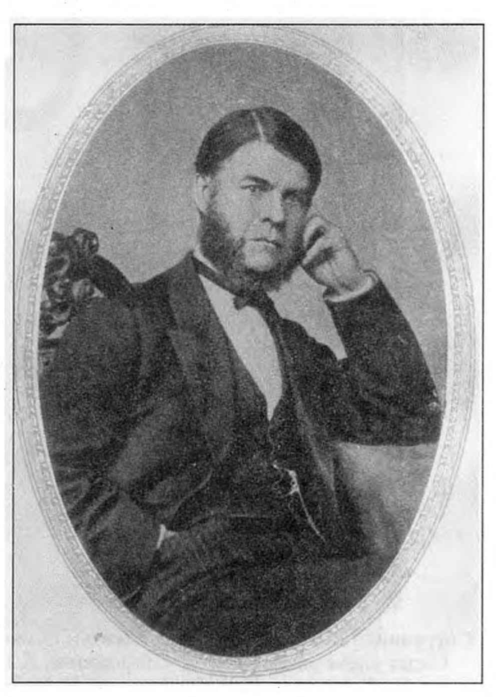


В. А. Дашков

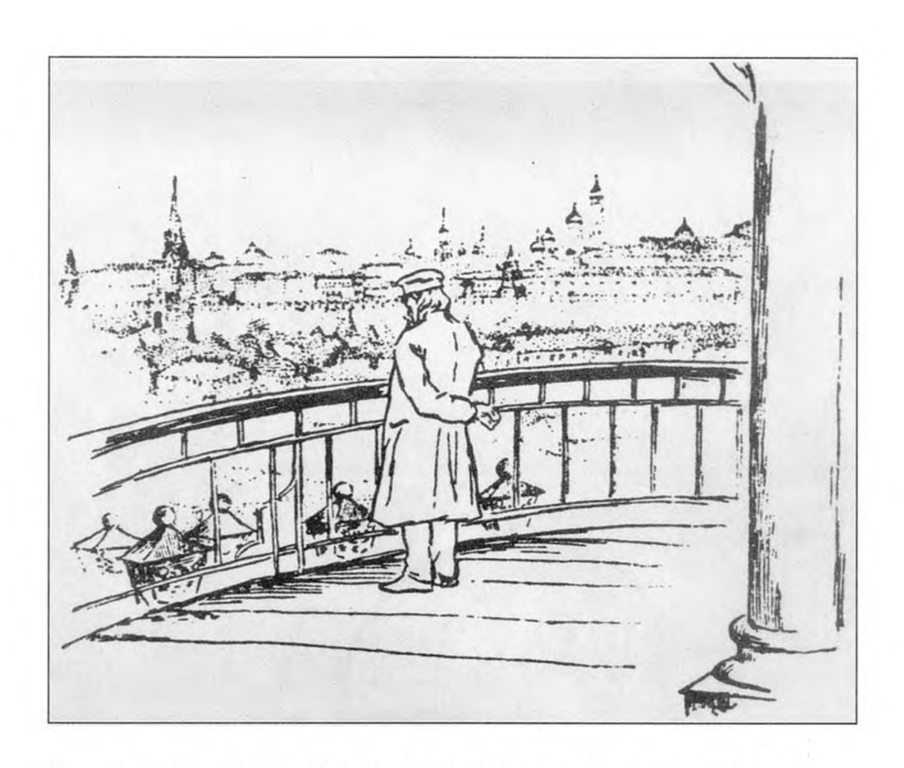
М. А. Веневитинов



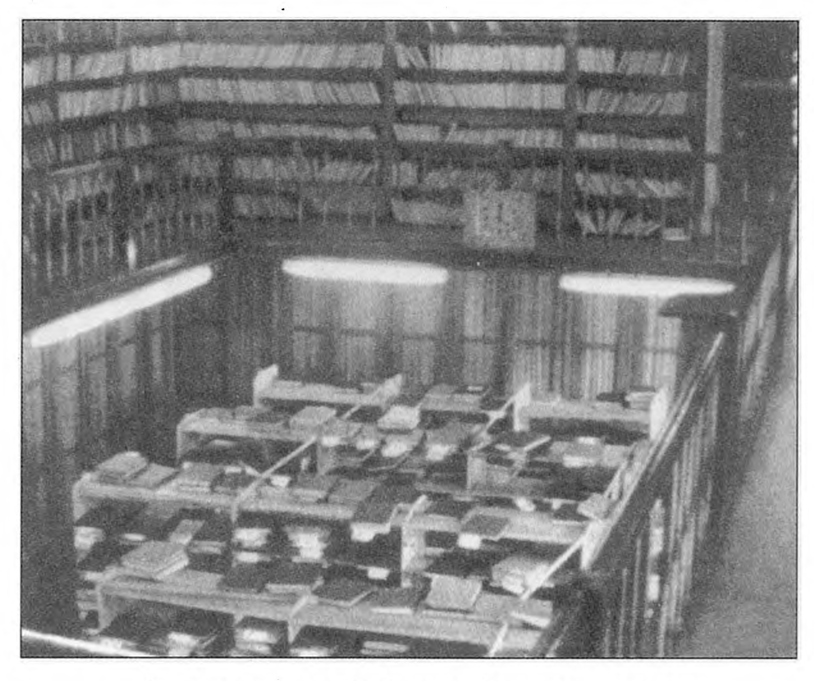
Е. Ф. Корш



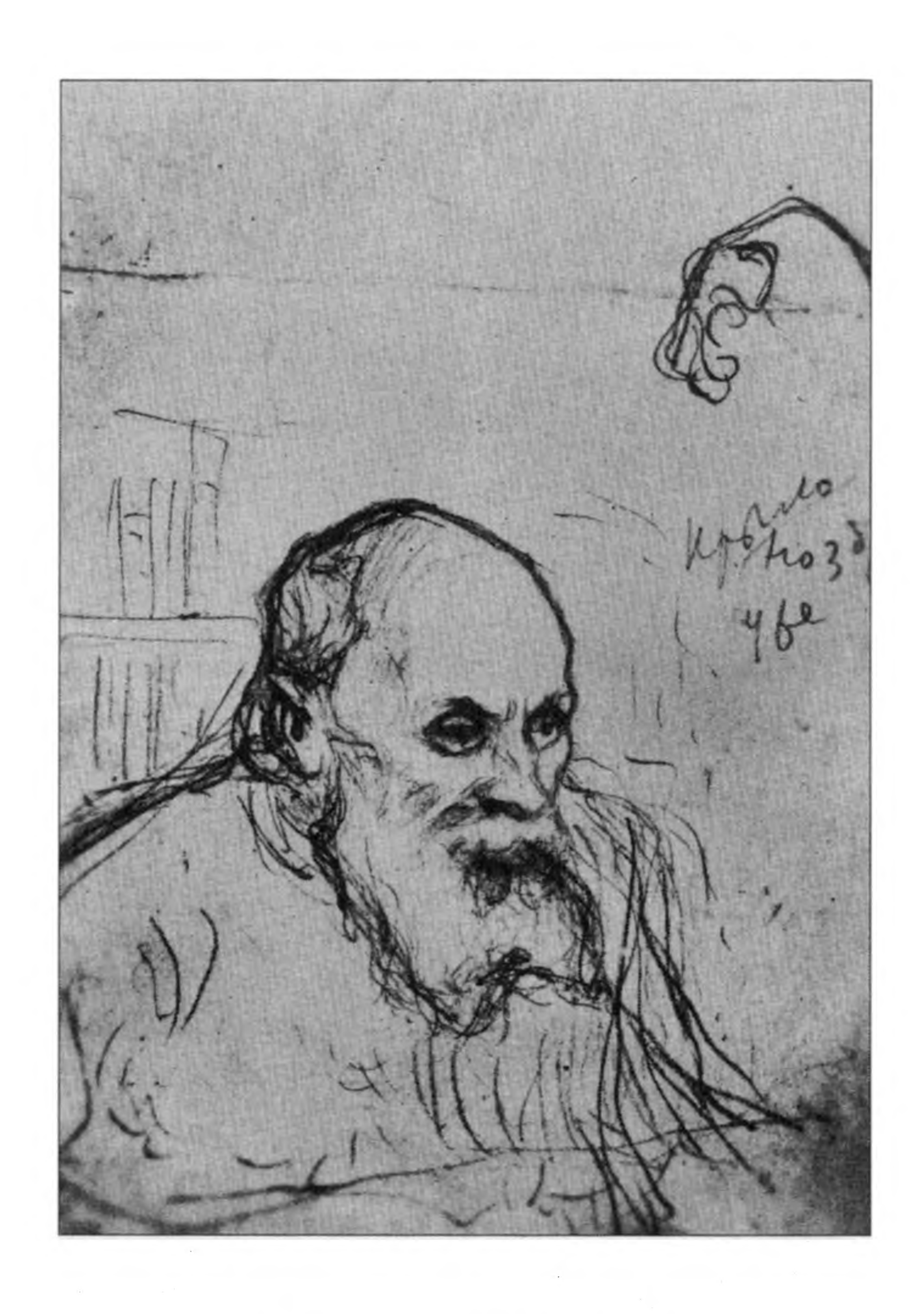
А. Е. Викторов



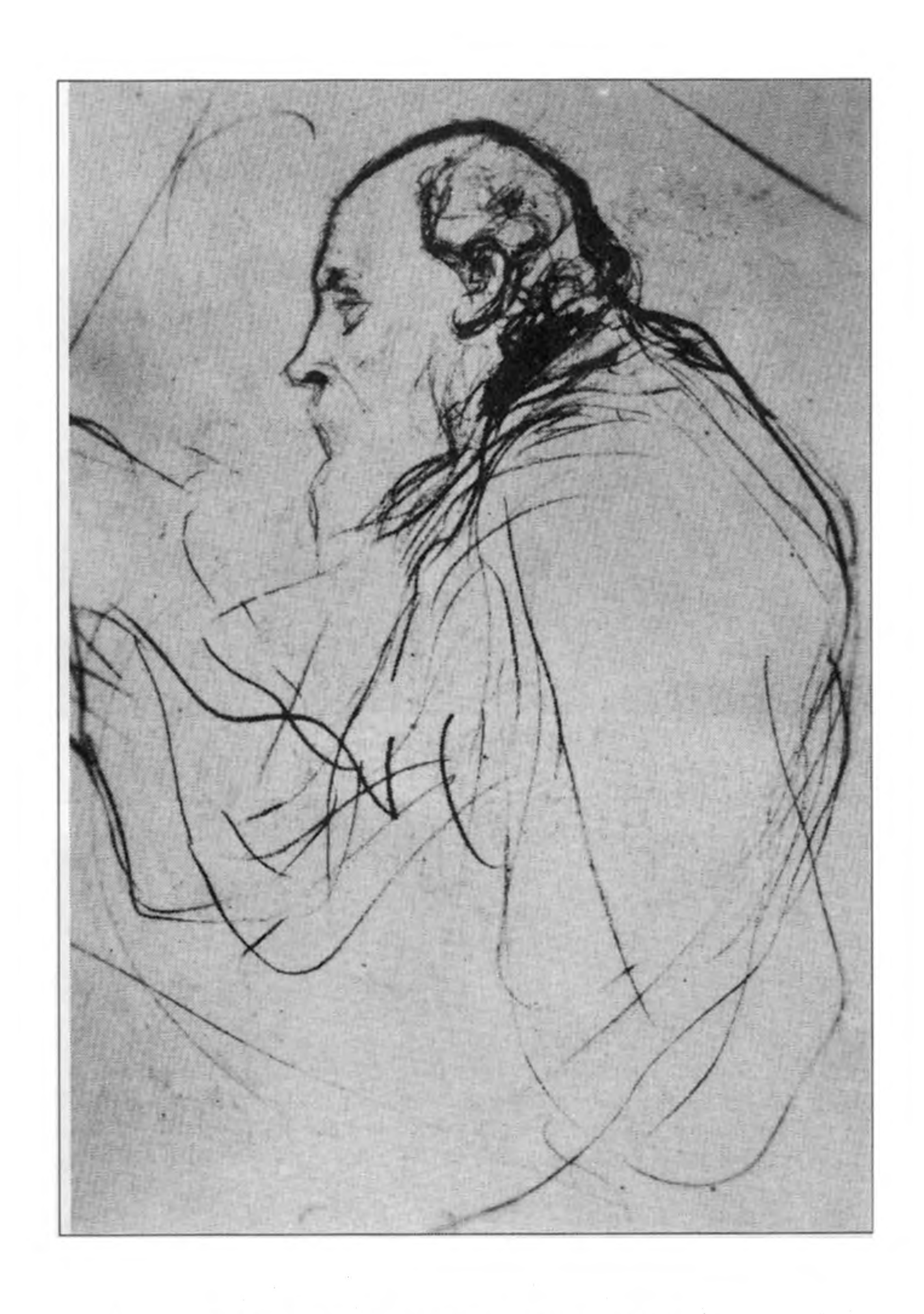
М. И. Шестеркин. Н. Ф. Федоров на балконе Румянцевского музея



Бывшая каталожная библиотеки Румянцевского музея,
где в 1874–1898 гг. работал Н. Ф. Федоров



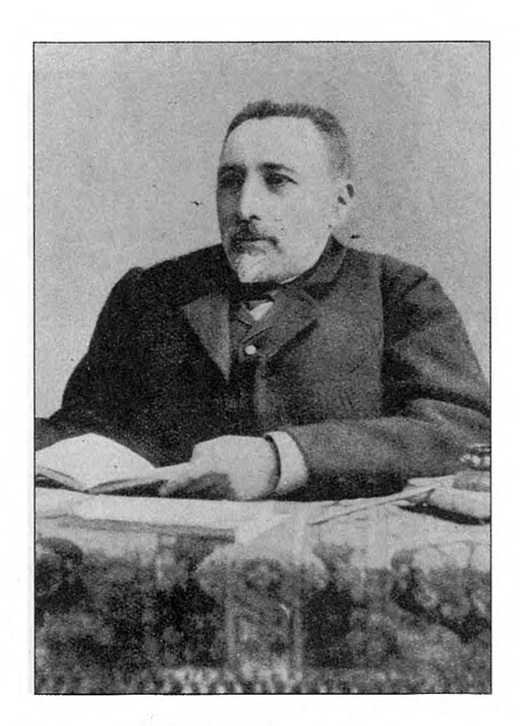
Л. О. Пастернак. Н. Ф. Федоров. Рисунок. 1890-е гг.



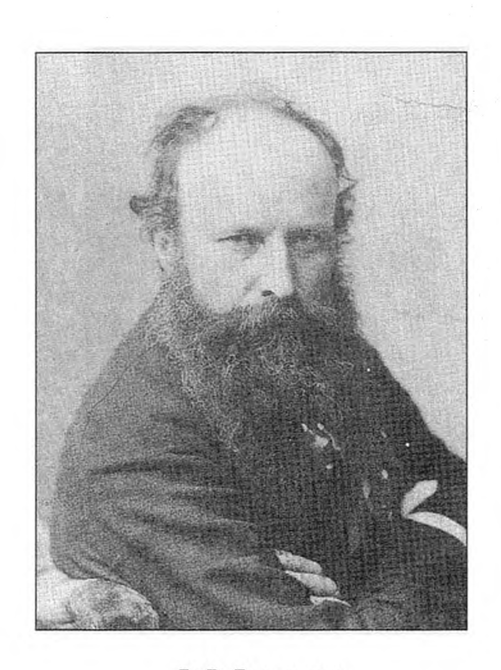
Л. О. Пастернак. Н. Ф. Федоров. Рисунок. 1890-е гг.



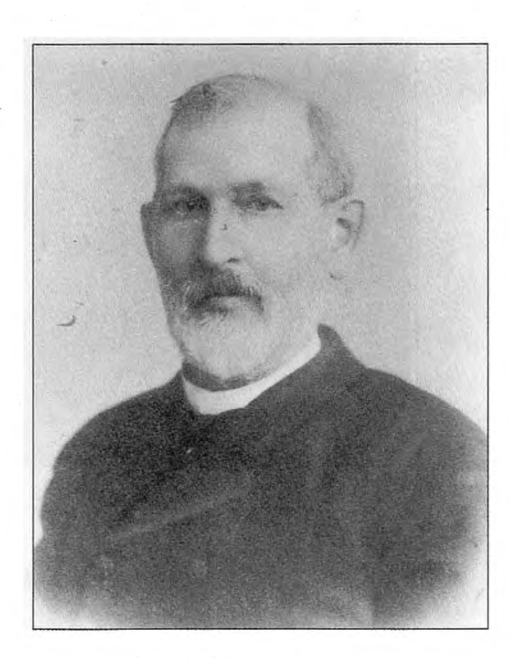
Е. С. Некрасова



Г. А. Джаншиев



В. В. Верещагин

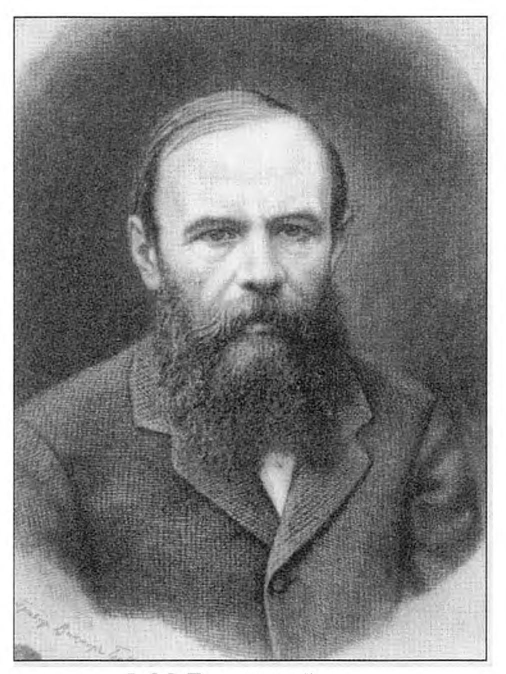


Ф. И. Буслаев

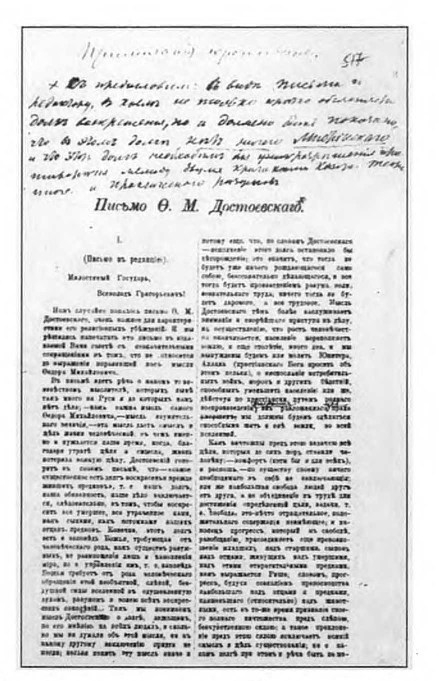
Москва, ул. Остоженка



Дом № 9 Иванова по Молочному переулку. Здесь Н. Ф. Федоров жил в 1890–1898 гг.
Фото В. С. Борисова



Ф. М. Достоевский



Письмо Ѳ. М. Достоевскагѣ.

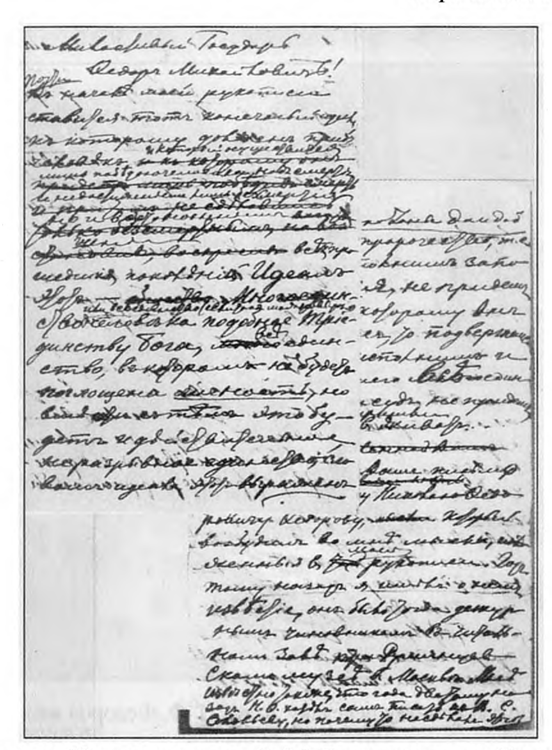
I.

(Письмо въ редакцію).

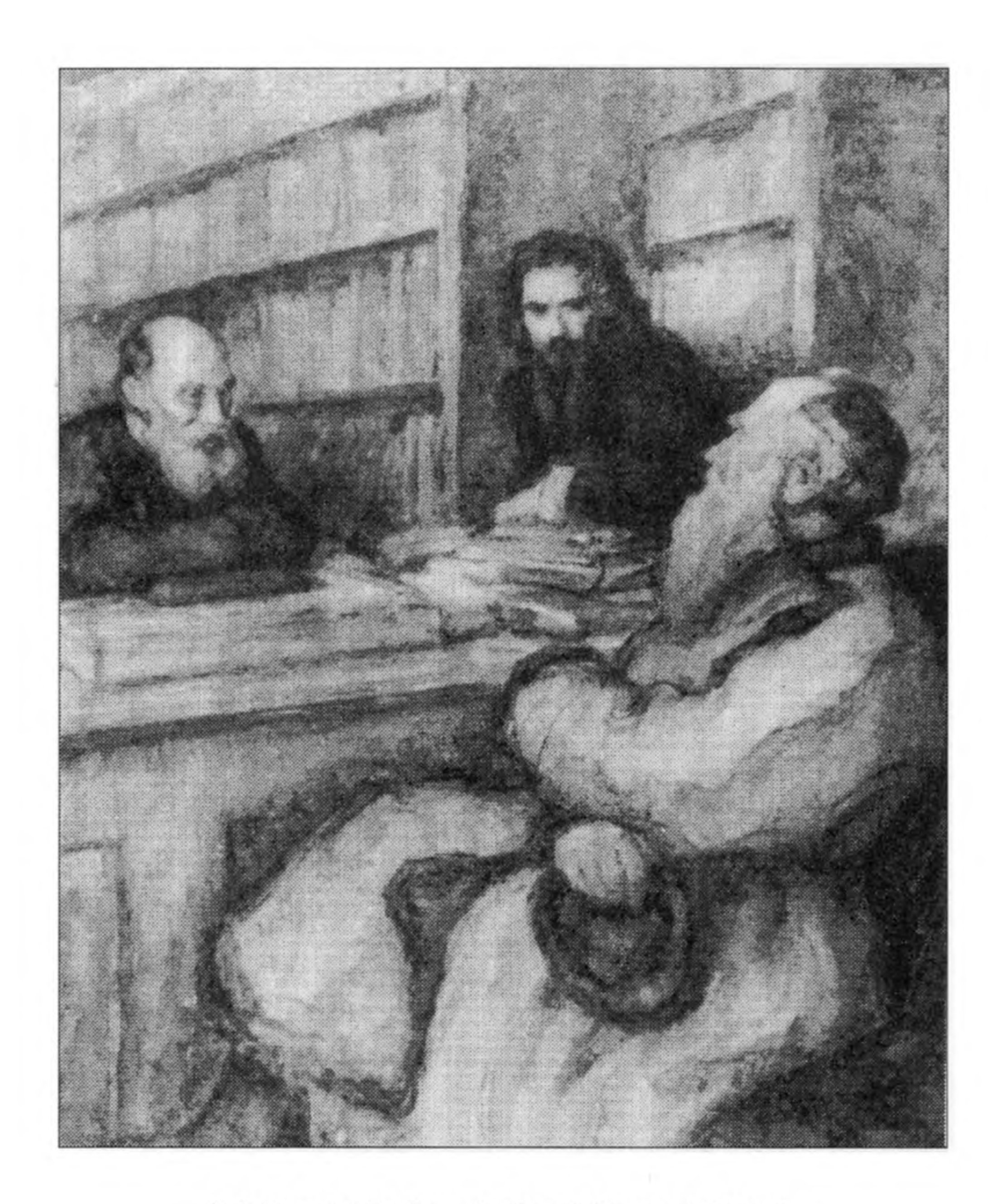
Милостивый Государь,

Всеволодъ Григорьевичъ!

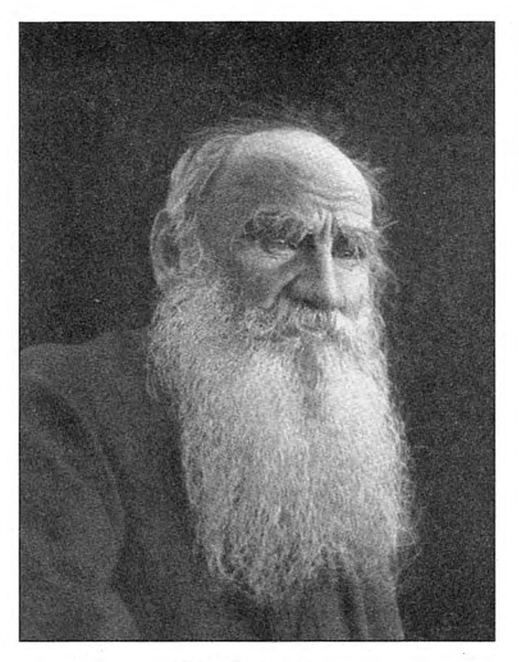
Оттиск предисловия к публикации письма Ф. М. Достоевского в газете «Дон» с припиской Н. Ф. Федорова



Н. П. Петерсон. Черновик письма Ф. М. Достоевскому от 29 марта 1878 г.



Л. О. Пастернак. Три философа (Толстой, Соловьев и Федоров)



Л. Н. Толстой



Л. Н. ТОЛСТОЙ.

ЧТО ТАКОЕ ИСКУССТВО?

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ.

Изданіе „ПОСРЕДНИКА"

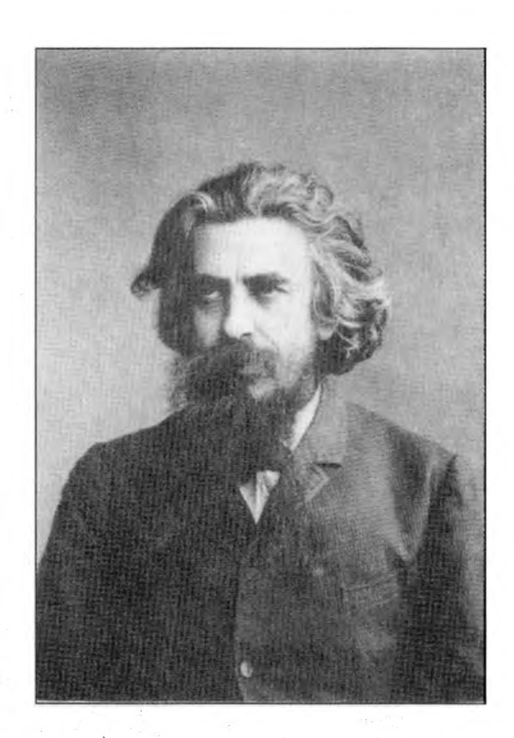
№ 719.

Типолит. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и Ко. Пимен. ул., с. д.

Москва — 1909.

Титульный лист работы Л. Н. Толстого «Что такое искусство?»

Заметка Н. Ф. Федорова «По поводу статьи Л. Н. Толстого "Не убий"»

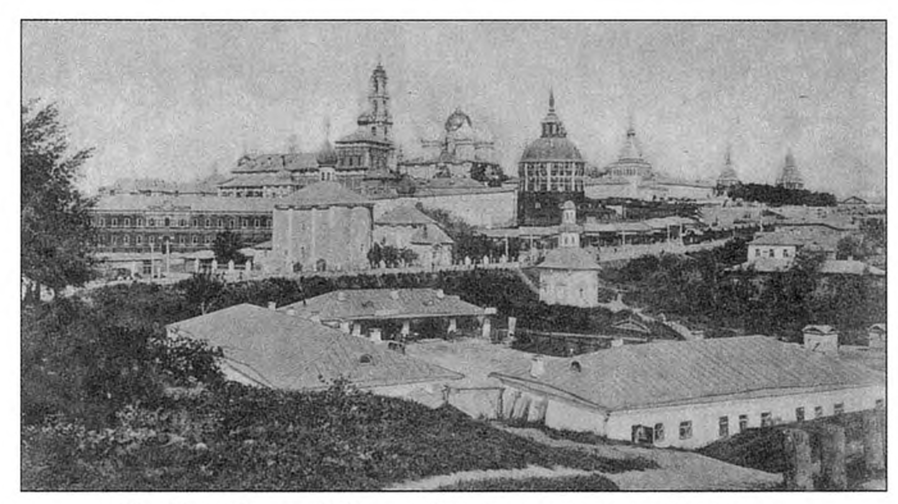


В. С. Соловьев

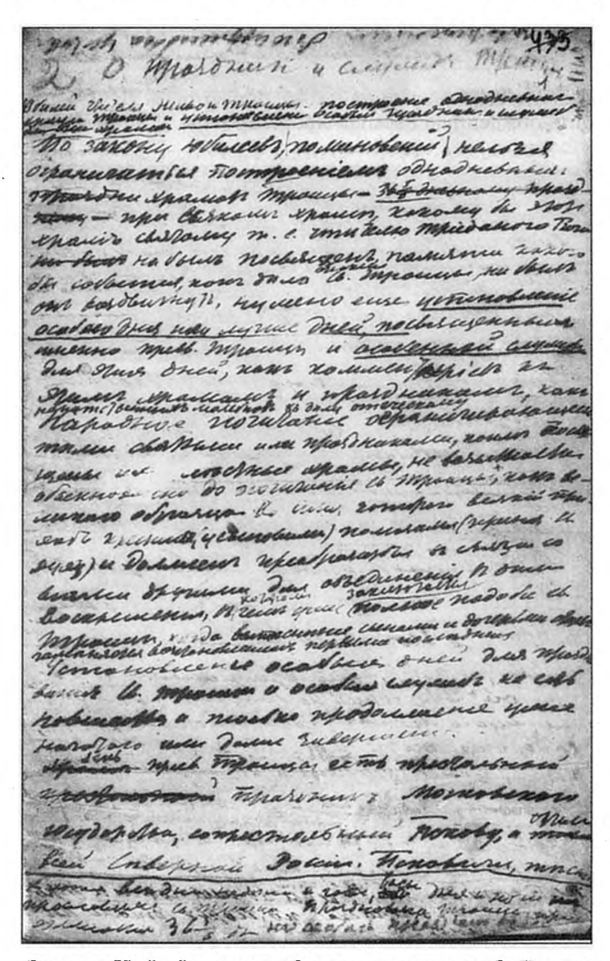
Н. Ф. Федоров.
Два черновых письма
В. С. Соловьеву



В. Ф. Животягов. Сергий Радонежский. 1992



Вид Свято-Троицкой Сергиевой лавры с юго-восточной стороны

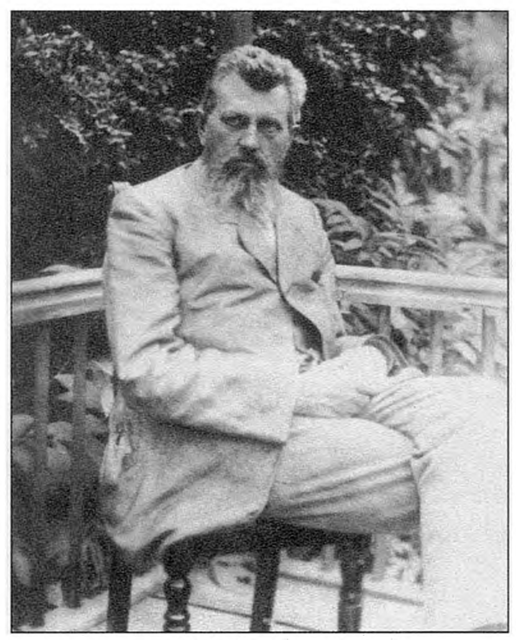


Заметка Н. Ф. Федорова «О празднике и службе Троице»

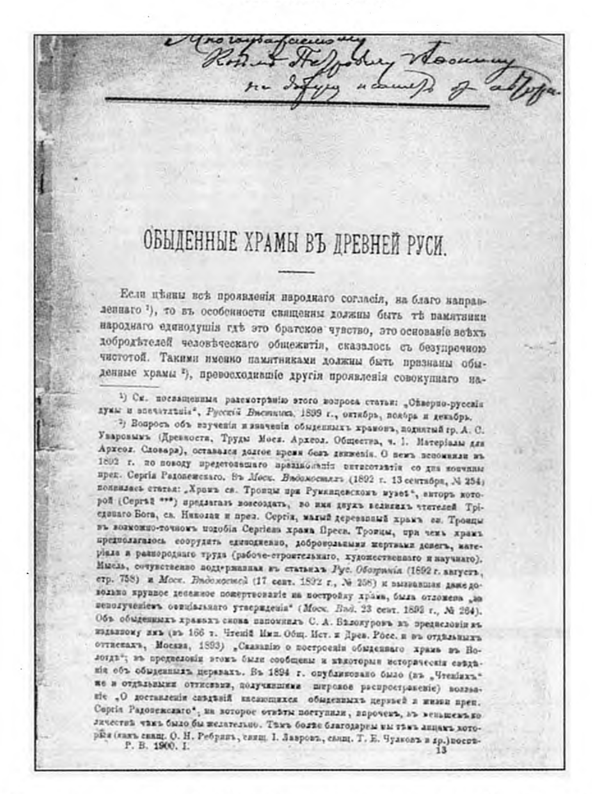


Храм свт. Николая, что на Старом Ваганькове, при котором Н. Ф. Федоров предлагал построить обыденную церковь Пресв. Троицы. Фото начала XX в.

Придел преп. Сергия при храме свт. Николая, что на Старом Ваганькове. Фото начала XX в.



В. А. Кожевников



Многоуважаемому Козьме Петровичу Афонину на добрую память от автора.

ОБЫДЕННЫЕ ХРАМЫ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

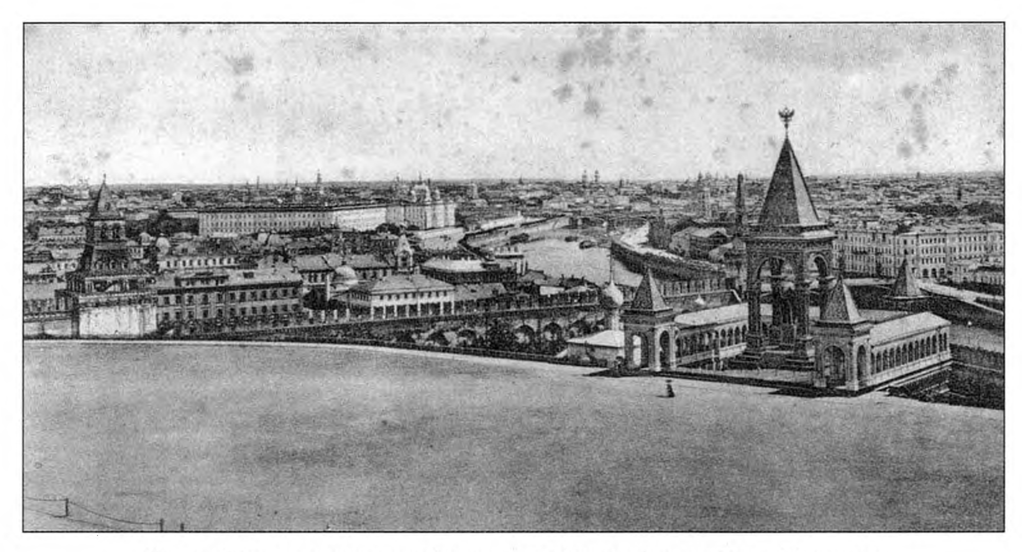
Если цѣнны всѣ проявленія народнаго согласія, на благо направленнаго [1]), то въ особенности священны должны быть тѣ памятники народнаго единодушія гдѣ это братское чувство, это основаніе всѣхъ добродѣтелей человѣческаго общежитія, сказалось съ безупречною чистотой. Такими именно памятниками должны быть признаны обыденные храмы [2]), превосходившіе другія проявленія совокупнаго на-

[1]) См. посвященныя разсмотрѣнію этого вопроса статьи: „Сѣверно-русскія думы и впечатлѣнія", *Русскій Вѣстникъ*, 1899 г., октябрь, ноябрь и декабрь.

[2]) Вопросъ объ изученіи и значеніи обыденныхъ храмовъ, поднятый гр. А. С. Уваровымъ (Древности, Труды Моск. Археол. Общества, ч. I. Матеріалы для Археол. Словаря), оставался долгое время безъ движенія. О немъ вспомнили въ 1892 г. по поводу предстоявшаго празднованія пятисотлѣтія со дня кончины преп. Сергія Радонежскаго. Въ *Моск. Вѣдомостяхъ* (1892 г. 13 сентября, № 254) появилась статья: „Храмъ св. Троицы при Румянцевскомъ музеѣ", авторъ которой (Сергѣй ***) предлагалъ воссоздать, во имя двухъ великихъ чтителей Тріединаго Бога, св. Николая и преп. Сергія, малый деревянный храмъ св. Троицы въ возможно-точномъ подобіи Сергіева храма Пресв. Троицы, при чемъ храмъ предполагалось соорудить единодневно, добровольными жертвами денегъ, матеріала и разнороднаго труда (рабоче-строительнаго, художественнаго и научнаго). Мысль, сочувственно поддержанная въ статьяхъ *Рус. Обозрѣнія* (1892 г. августъ, стр. 758) и *Моск. Вѣдомостей* (17 сент. 1892 г., № 256) и вызвавшая даже довольно крупное денежное пожертвованіе на постройку храма, была отложена „за неполученіемъ оффиціальнаго утвержденія" (*Моск. Вѣд.* 23 сент. 1892 г., № 264). Объ обыденныхъ храмахъ снова напомнилъ С. А. Бѣлокуровъ въ предисловіи къ изданному имъ (въ 166 т. Чтеній Имп. Общ. Ист. и Древ. Росс. и въ отдѣльныхъ оттискахъ, Москва, 1893) „Сказанію о построеніи обыденнаго храма въ Вологдѣ"; въ предисловіи этомъ были сообщены и нѣкоторыя историческія свѣдѣнія объ обыденныхъ церквахъ. Въ 1894 г. опубликовано было (въ „Чтеніяхъ" же и отдѣльными оттисками, получившими широкое распространеніе) воззваніе „О доставленіи свѣдѣній касающихся обыденныхъ церквей и жизни преп. Сергія Радонежскаго", на которое отвѣты поступили, впрочемъ, въ меньшемъ количествѣ чѣмъ было бы желательно. Тѣмъ болѣе благодарны мы тѣмъ лицамъ, которыя (какъ свящ. О. Н. Ребринъ, свящ. I. Лавровъ, свящ. Т. Е. Чулковъ и др.) посвя-

Р. В. 1900. I. 13

Оттиск статьи В. А. Кожевникова с дарственной надписью автора К. П. Афонину



Вид на Москву и памятник Александру II с колокольни Ивана Великого



Годъ тридцать третій.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1895

7.

МОСКВ
Въ Университетской
на Страстномъ
1895.

ЕЩЕ ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЗНАЧЕНІИ ЦАРСКАГО ТИ

Статья о царскомъ титулѣ, помѣщенная въ 5-мъ выпуск
го Архива», наводитъ на многія размышленія.

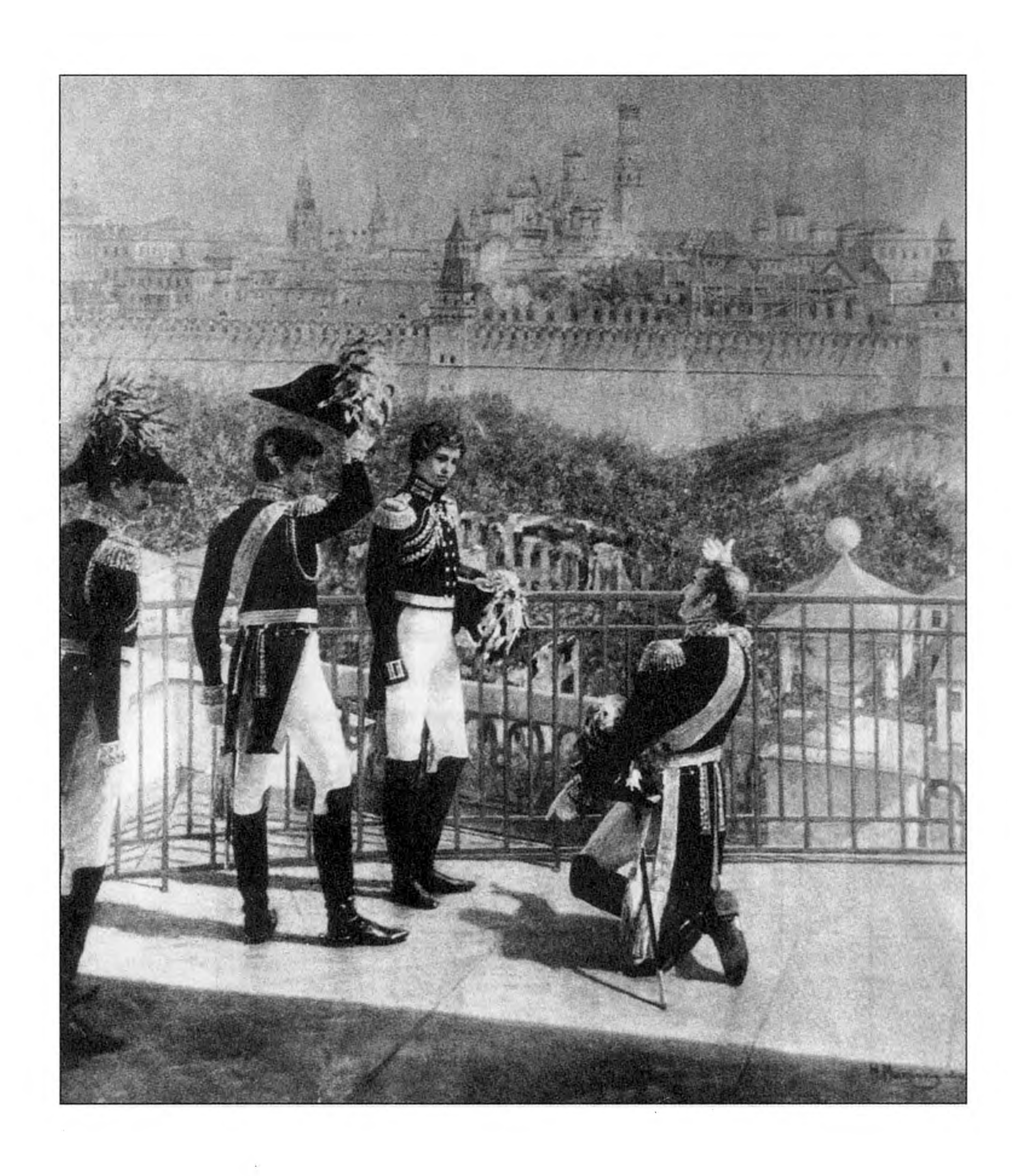
Титулъ царскій заключаетъ въ себѣ сокращенно всю
всю географію и всю исторію, не только Русскую, но и вк
себя болѣе и болѣе всемірную [1]). Смыслъ или философія это
исторіи можетъ быть выраженъ однимъ словомъ: *умиротв
собираніе земель и народовъ*, собираніе продолжающееся и е
ченное ни по внѣшнему пространству, ни по внутреннему
или глубинѣ, т. е. нѣтъ еще ни полнаго собранія, ни со
умиротворенія. Самодержецъ, царь, обладатель, повелитель
наименованія, заключающіяся въ титулѣ, сливаются и завер
одномъ словѣ: *миротворецъ*.

Титулъ царскій прочитывается, по древнему обычаю
собиранія Русской земли, Успенскомъ соборѣ [2]) и въ област
рахъ наканунѣ Рождества І. Христа, пришедшаго водворит
всей землѣ. И это ежегодное чтеніе указываетъ и напомин
Царь, расширяя, увеличивая титулъ, является исполнителемъ
ста-Бога) святой воли, чтобы на землѣ былъ миръ. Потому
личеніе титула и расширеніе области мира, а съ нимъ и п
нія, вѣдѣнія, не прекращается, не останавливается. Въ 1828 г.
титулъ Армянская область. Урарту-Ассирійскихъ лѣтописей
по новѣйшимъ открытіямъ, Русскими учеными совершенны
очень важную роль въ древнѣйшей исторіи Востока и въ
народа Божія, отвлекая силы Ассиріянъ на Сѣверъ: она (Ура
нія) замедляла паденіе царства Израильскаго, а вступая въ
Вавилономъ, ускорила паденіе царства Іудейскаго и прибли
ніе Царства Божія, Царства Мира, Царства Христова. Сан
скій договоръ дѣлалъ Царя Русскаго обладателемъ верхне
Евфрата и, можетъ быть, обладаніе этими мѣстами предуп
кровопролитія въ Турецкой Арменіи, если бы С.-Стефанскій
не былъ замѣненъ Берлинскимъ, поставившимъ Арменію и в

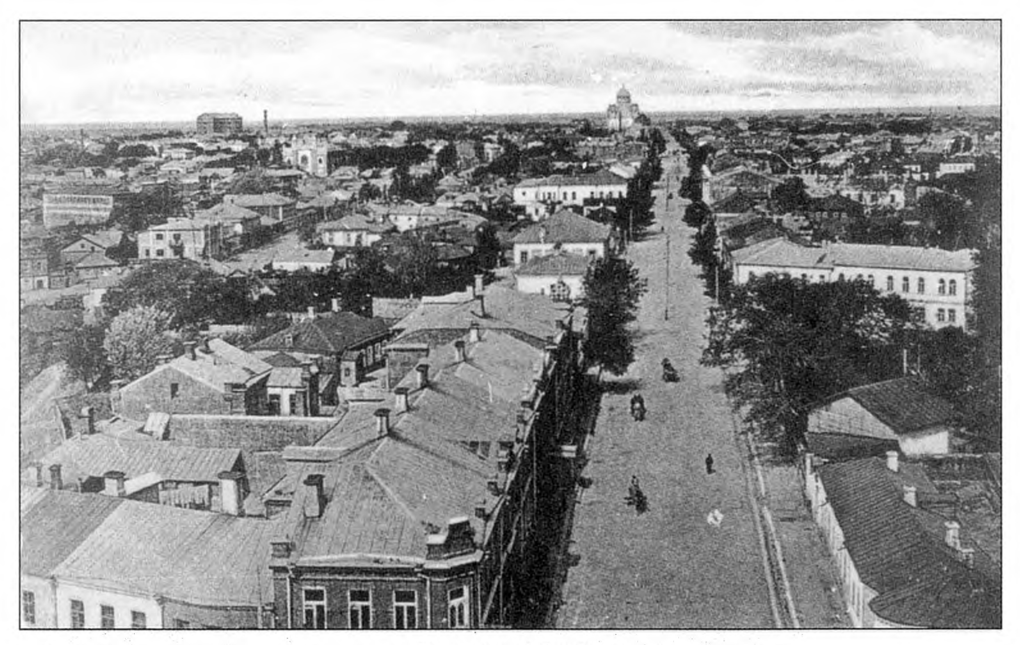
[1]) Самый первый политическій актъ нашей исторіи: призывъ *Славян
Нѣмцевъ*, заключаетъ въ себѣ уже что-то международное, а первый актъ нас
ленія открывается соборомъ представителей всѣхъ религій Запада и ближня
Евреевъ, Магометанъ, Католиковъ и Грековъ; потому-то и наша исторія бы
ла всемірна.

[2]) Въ Московскій Успенскій соборъ переносились, какъ извѣстно, иконы
востыни изъ присоединенныхъ городовъ.

Статья Н. Ф. Федорова в журнале «Русский архив»



Н. С. Матвеев. Король Прусский Фридрих Вильгельм III с сыновьями благодарит Москву за спасение его государства. 1895. Государственная Третьяковская галерея



г. Воронеж. Общий вид



ДОНЪ

(Тридцать первый годъ изданія)

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 14 ІЮНЯ, 1898 Г.

Театръ „Эрмитажъ"

ФЕЛЬЕТОНЪ.

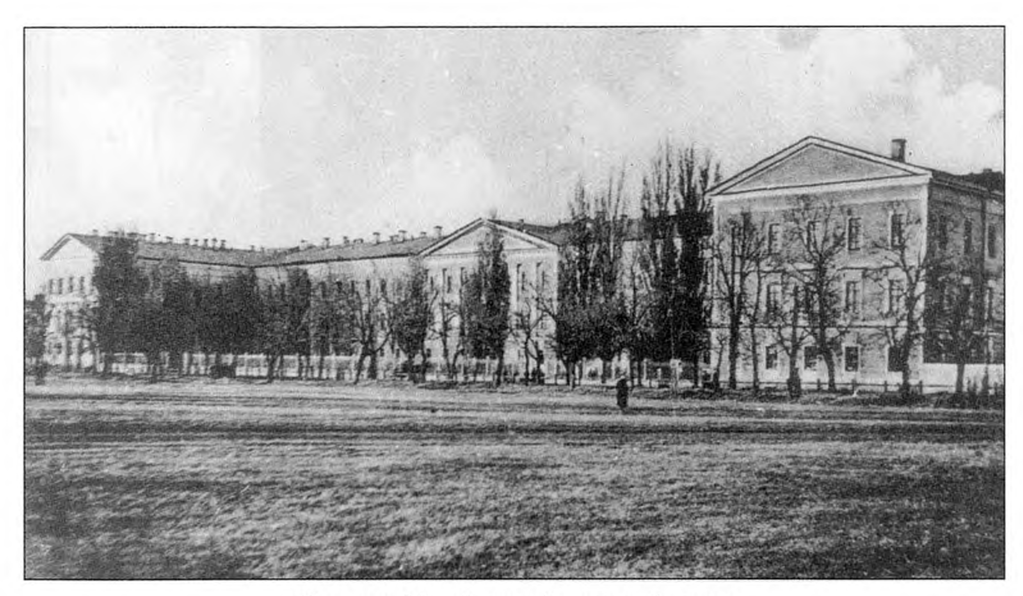
ФЕЛЬЕТОНЪ.

Воронежскій музей въ 1998 году.

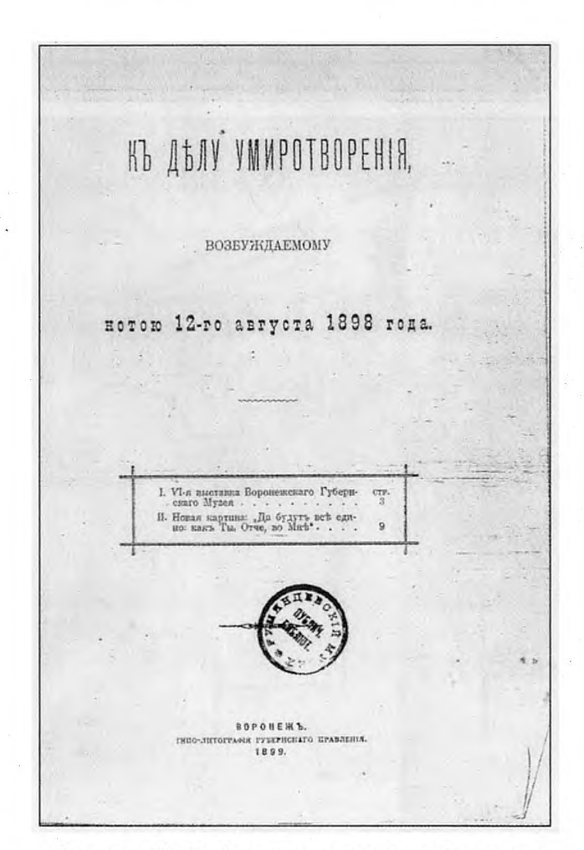
(1798—1998 гг.)

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Публикации Н. Ф. Федорова в газете «Дон»



г. Воронеж. Михайловский кадетский корпус



КЪ ДѢЛУ УМИРОТВОРЕНІЯ,

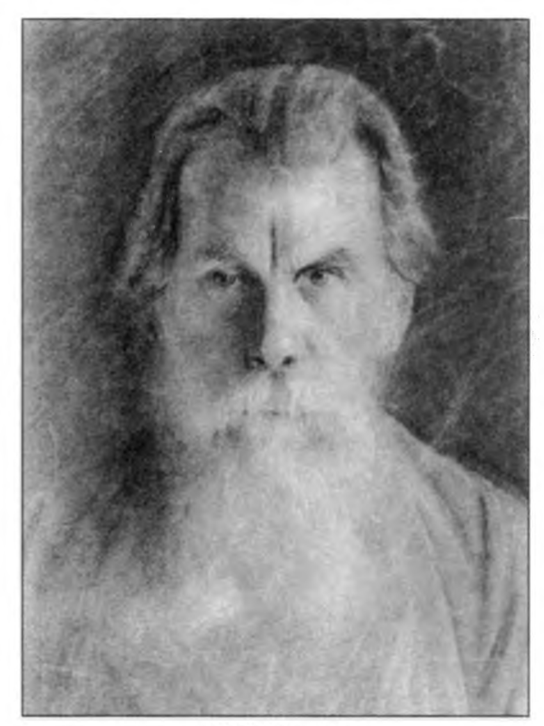
ВОЗБУЖДАЕМОМУ

нотою 12-го августа 1898 года.

РУМЯНЦЕВСКІЙ МУЗ. ПУБЛИЧ. БИБЛІОТ.

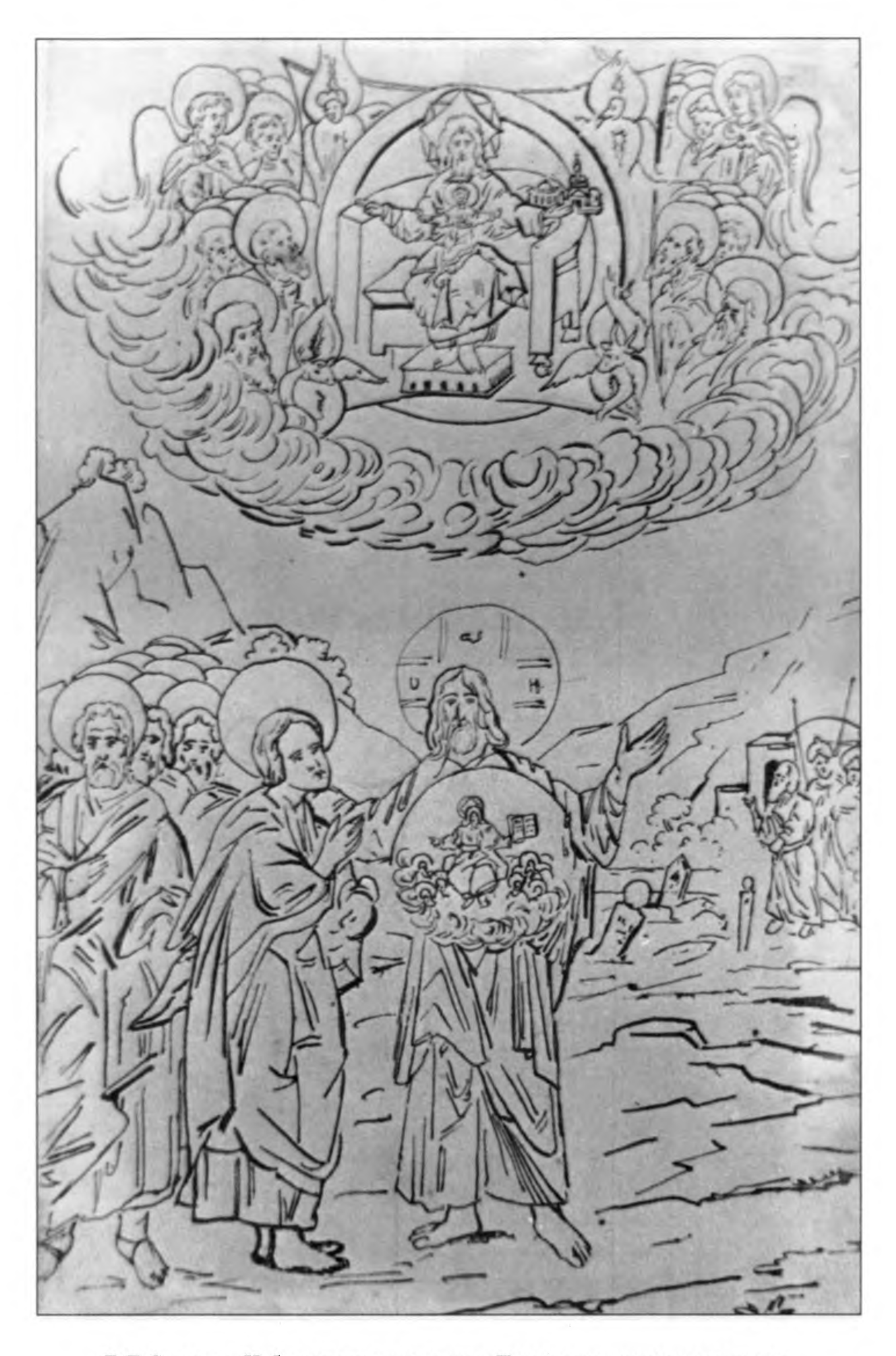
ВОРОНЕЖЪ.
ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ.
1899.

Брошюра Н. Ф. Федорова, изданная в Воронеже

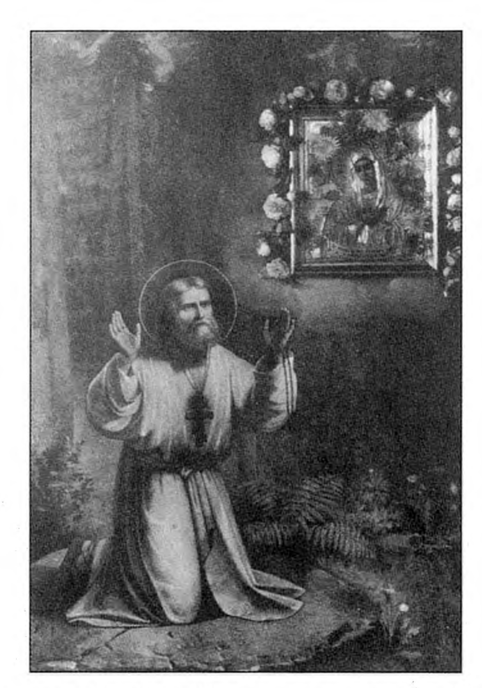


Л. Г. Соловьев

Л. Г. Соловьев. Эскиз фрески Пятидесятницы



Л. Г. Соловьев. Набросок иконы-картины «Первосвященническая молитва»



Икона преп. Серафима Саровского из храма свт. Николая, что на Старом Ваганькове

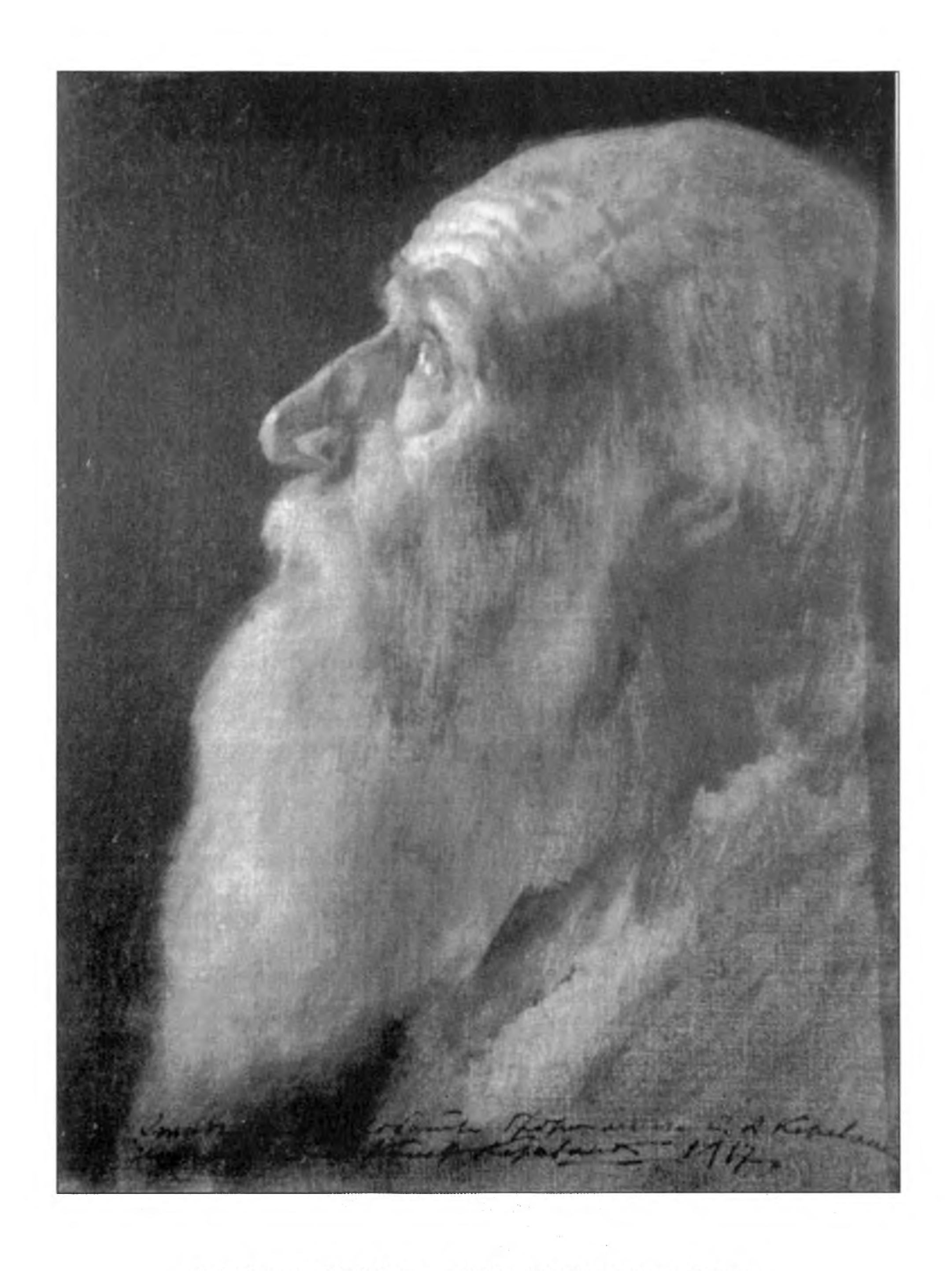
Глубокоуважаемый и дорогой
Владимир Александрович.

О Новом Иерусалиме [illegible]

70 лет тому назад не в одном Иерусалиме можно было ежедневно слышать: Христос Воскресе! В дебрях Сарова старец Серафим каждый день всякого приходящего к нему встречал этим приветом, христосовался с ним, т.к. обращая будни в величайший и радостный праздник. В этом заключается ключ к его жизни и значение открытия его мощей для нашего времени. Сознательная его жизнь, надо полагать, началась в пасхальную ночь и кончилась пением Пасхального канона в первый день нового 1833 г.+ Он по преимуществу святой той страны, которая день Воскресения сделала самым священным праздником и у Серафима в душе было всегда светло, как в Светлый день и такое настроение передавалось всякому при-

+ Если в последний день пред смертью [illegible] он сам пел Пасхальный канон, то и первый [illegible] нужно было [illegible] Пасхальную утреню, [illegible] в Новом Иерусалиме [illegible]

Н. Ф. Федоров. Письмо В. А. Кожевникову от 10 августа 1903 г.



С. А. Коровин. Н. Ф. Федоров. 1902 г. Музей истории г. Москвы

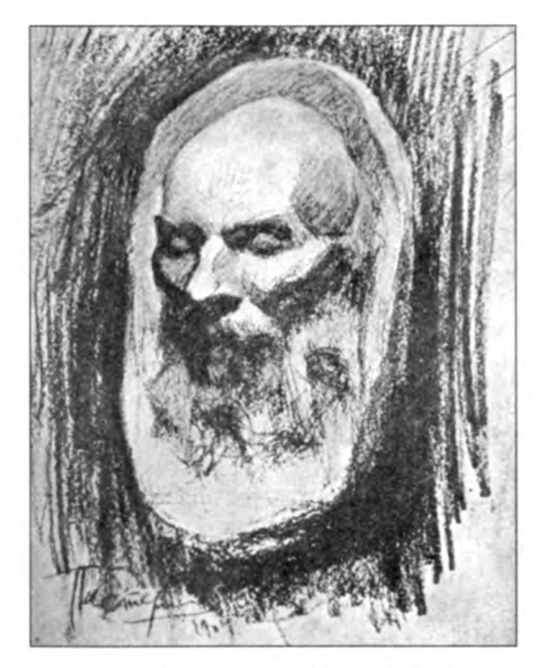


Здание Мариинской больницы,
где 15(28) декабря 1903 г. умер
Н. Ф. Федоров (современный вид)



Церковь на кладбище Скорбященского
монастыря, где был похоронен
Н. Ф. Федоров (современный вид)

Н. Ф. Федоров на смертном одре

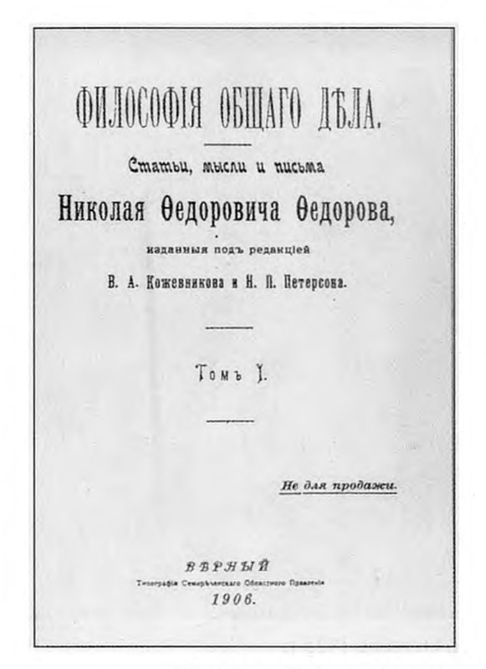


Посмертная маска Н. Ф. Федорова. Рисунок Л. О. Пастернака



На могиле Н. Ф. Федорова. Октябрь 1925 г.
Стоят слева направо: В. Н. Миронович-Кузнецова, А. К. Горский, Н. А. Сетницкий и священник, служивший панихиду

Печатня А. Снегиревой в Москве. Здесь в 1913 г. вышел в свет II том «Философии общего дела». Фото В. С. Борисова



ФИЛОСОФІЯ ОБЩАГО ДѢЛА.

Статьи, мысли и письма

Николая Ѳедоровича Ѳедорова,

изданныя подъ редакціей

В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона.

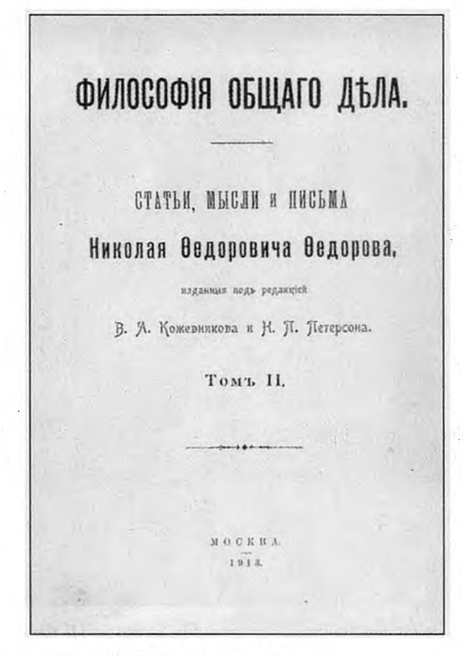
Томъ I.

Не для продажи.

ВѢРНЫЙ

Типографія Семирѣченскаго Областного Правленія

1906.



ФИЛОСОФІЯ ОБЩАГО ДѢЛА.

СТАТЬИ, МЫСЛИ И ПИСЬМА

Николая Ѳедоровича Ѳедорова,

изданныя подъ редакціей

В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона.

Томъ II.

МОСКВА.

1913.

Титульные листы первого издания сочинений Н. Ф. Федорова

ПИСЬМА

В данный раздел включены все разысканные к настоящему времени письма Н. Ф. Федорова.

Основной массив этих писем составляют письма к Н. П. Петерсону и В. А. Кожевникову. Они хранятся в ОР РГБ в личном фонде Петерсона (ф. 657). Там же находятся отдельные письма Федорова к другим лицам из его окружения – Ю. П. Бартеневу, И. А. Борисову, Г. А. Джаншиеву, И. А. Линниченко, В. С. Соловьеву, Н. И. Стороженко, С. С. Слуцкому и др. (преимущественно черновики), а также копии писем мыслителя к митр. Антонию (Храповицкому), Н. Я. Пясковскому, В. Я. Симонову. Несколько писем Федорова найдено в ОР РГБ в личных фондах Н. Н. Черногубова (ф. 328), А. Е. Викторова (ф. 51), а также в РГАЛИ – в фондах А. Л. Волынского (ф. 95) и Срезневских (ф. 436). Одно письмо обнаружено А. Н. Акиньшиным в фондах Воронежского художественного музея им. И. Н. Крамского. Кроме того, в наст. томе «Собрания сочинений» печатаются несколько писем Н. Ф. Федорова Е. С. Некрасовой, обнаруженных уже после выхода в свет Т. IV, и одно письмо С. П. Бартеневу.

Крайние даты известной нам переписки Федорова – 1873–1903 гг. Пока не разыскано ни одного письма мыслителя за 1851–1872 гг. – этот период вместил в себя уход из Ришельевского лицея в Одессе, работу учителем истории и географии в уездных училищах Липецка, Богородска, Углича, Одоева, Богородицка, Боровска, Подольска; службу помощником библиотекаря Чертковской библиотеки в Москве. Большие лакуны существуют в переписке Н. Ф. Федорова с Н. П. Петерсоном за 1880-е годы. Обнаружено только одно письмо к Ю. П. Бартеневу и только одно письмо к М. А. Веневитинову, между тем как в письмах Федорова и Петерсона упоминаются несколько писем к этим лицам. Не разысканы письма Н. Ф. Федорова Я. Ф. Браве, В. Я. Дену, Д. П. и М. С. Лебедевым, упоминания о которых содержатся в материалах Т. IV наст. изд.

Значение писем Н. Ф. Федорова в его наследии огромно. Фактически они были той творческой лабораторией, в которой зарождались и выкристаллизовывались идеи и проекты философа всеобщего дела. Многие письма к Н. П. Петерсону и В. А. Кожевникову являются черновиками статей, представляют собой дополнения к тем сочинениям, над которыми он работал в момент написания письма.

Письма Н. Ф. Федорова позволяют датировать целый ряд его сочинений: как крупные, большие работы, так и отдельные статьи и заметки. К примеру, из переписки Н. Ф. Федорова с Н. П. Петерсоном и В. А. Кожевниковым 1878–1902 гг. выясняются этапы работы над «Запиской», брошюрой «В защиту дела и знания...», статьями «Самодержавие», «О значении обыденных церквей», «Супраморализм» и т. д. Благодаря письмам можно установить авторство анонимных статей Федорова, появлявшихся в московской и областной периодике, указать время зарождения тех общественных инициатив, с которыми философ выступил в 1890-х годах.

Письма Федорова и к Федорову (см. раздел «Приложения» к Т. IV) служат важнейшим источником его биографии. Поскольку материалы к жизнеописанию мыслителя малочисленны (и в основном относятся к последним тринадцати годам жизни: 1890-е–1903 гг.), то очень многое в предыдущих этапах его судьбы проясняет именно переписка: круг общения, чтения, интересов, реакции на современные политические и культурные события и т. д.

В свое время биограф Н. Ф. Федорова В. С. Борисов выявил 49 его адресов в разных городах России (см.: *В. С. Борисов. Адреса Н. Ф. Федорова*). Печатаемые письма позволяют существенно расширить этот список.

Эпистолярное наследие Федорова углубляет наше представление о личности мыслителя, взаимоотношениях с учениками, с целым рядом лиц из его окружения. Многое из того, о чем писали современники, характеризуя Федорова, находит подтверждение в его письмах: цельность мысли и жизни, подчиненных главной идее; чрезвычайная требовательность к себе и к тем, кто оказывался причастен его учению. И в то же самое время – внимание к людям, забота о них, умение вникнуть в повседневные проблемы и беды ближних (как в случае с тем же Петерсоном, дом которого грозили продать за долги), а по возможности и помочь.

При чтении писем к В. А. Кожевникову, Н. П. Петерсону, И. А. Борисову, Ю. П. Бартеневу и др. несколько условный контур идеальной, «житийной» фигуры, в большинстве случаев проступающий в воспоминаниях о Федорове, наполняется живым, противоречи-

вым, часто трагическим содержанием. Раскрывается человек сильный, страстный, убежденный в своих идеях, но вместе с тем чрезвычайно ранимый, порой даже мнительный, находящийся в постоянной борьбе с живущими в нем, как и в каждом из людей, слепыми природными силами.

Всецелая преданность учению о воскрешении, вера в то, что оно выражает чаяния веков и поколений, одушевляла всю жизнь Федорова, сквозила в каждой строчке его сочинений и писем. Но подчас она оборачивалась нетерпимостью (впрочем, терпимость как своего рода право на бесконечное блуждание, как потерю «всякой надежды на истину и на такое благо, которое могло бы объединить всех», Федоров ценил невысоко) и – что хуже – строгим и даже гневным судом в отношении других, и прежде всего самых близких ему людей, его последователей (а судить кого бы то ни было – уже противоречило духу его убеждений). Федоров мог быть горяч и резок в полемике, но затем всегда мучительно раскаивался в своей излишней запальчивости, тем более, что она противоречила его собственным призывам к устранению всеобщей вражды, представляя пример того медленного и незаметного «убийства» друг друга не только делом, но и словом, которое царит между людьми. «Чем борьба сильнее, живей, тем она убийственнее, тем большее число жертв после себя оставляет, так что *живость* в настоящее время – синоним убийственности... Разговор оживляется, когда он обращается в спор, спор становится живее, когда начинает задевать “*за живое*”, и если бы дошел до высшей степени живости, то оставил бы после себя труп...» (Т. III наст. изд., с. 231), – с горькой иронией замечал мыслитель. Характерно, что большинство тех писем, которые вырывались из-под его пера в минуты гнева и раздражения (на В. А. Кожевникова, Н. П. Петерсона, Ю. П. Бартенева и др.), так и оставались в черновиках, не доходя до адресатов. После того как негативная вспышка проходила, Федоров опамятывался и не посылал письма.

В письмах В. А. Кожевникову и Н. П. Петерсону вырисовывается сложная эмоциональная траектория: на ней и периоды подъема, духовного и душевного озарения, и моменты волнения, беспокойства за судьбу учения, а порой и глубины отчаяния (особенно в последние годы жизни мыслителя, когда старость брала свое, а делателей было так мало!), из которых тем не менее Федоров всегда находил силы подняться.

Вопрос о необходимости включения в издание сочинений Н. Ф. Федорова не только его философских работ, но и писем начал обсуждаться учениками мыслителя уже в период подготовки II тома «Философии общего дела». Первоначально предполагалось, что письма Н. Ф. Федорова ученикам составят часть II тома. В письме к Н. П. Петерсону от 23 августа 1910 г. В. А. Кожевников так характеризовал возможные принципы их подготовки к печати: «Наконец – о письмах! Я рассчитывал, что у Вас есть немало таких писем, в которых найдется требующее опубликования. Но, к сожалению, Вы писали, что таких у Вас едва ли много найдется.

Из адресованных мне и имеющихся у меня же нескольких писем другим лицам, я убежден, можно почерпнуть немало интересного, заслуживающего печати, тем более, что здесь мы будем иметь речи Ник<олая> Ф<едорови>ча, так сказать, без малейшей ретушевки и в полной непосредственности. Огромную важность далее представляют письма как отражение чувства, характера, темперамента; всему этому здесь более простора, чем в статьях. Но, с другой стороны, ясно – не все в письмах подлежит оглашению. Нельзя же предавать печати такие тирады, как напр<имер>, попавшуюся мне сейчас: “Этот осел Новгородцев” (профессор московский) или “свинья Ивакин”!.. не говоря уже о том, что на долю меня грешного, да и Вашу также, не раз перепадало.

Такое, понятно, придется исключать, а допустимое в этом роде важное для характеристики человека или в биографическом отношении можно, пожалуй, печатать “прикровенно”, как говорит Петр Иванович Бартенев, напр<имер>, опуская имена и фамилии. Это вопрос важный, о котором стоит подумать: именно с точки зрения Н<иколая> Ф<едорови>ча, для сохранения памяти не о писателе лишь, но и о *человеке* такие черты (я не о теневых лишь говорю, но и прежде всего о световых, проглядывающих часто в таких “нецензурных тирадах”) важно сберечь их для будущего.

Помрем мы с Вами, исчезнут письма и, скудные и без того, биографические материалы канут в забвение! Жаль, горестно об этом подумать! Издатель писем Соловьева находит нужным тискать десятки самых пустых записок даже чуть не лавочных счетов...

Как нам поступить в данном случае, и какую провести границу; вовсе ли опускать все личное, ограничиваясь одним идейным, или с выбором – если 2-е, то до каких пределов? Об этом и обо всем затронутом в этом письме прошу Вас отозваться и вообще поделиться

Вашими мыслями о содержании II тома и приемах его редактирования» (*Философия бессмертия и воскрешения*. Вып. 2, с. 270).

В процессе работы над II томом «Философии общего дела» издатели отказались от первоначального намерения включить в него письма Федорова: объем подготовленных материалов и так был велик. Публикация переписки была перенесена в III том.

В 1914–1916 гг. Н. П. Петерсон переписал бо́льшую часть писем к нему Н. Ф. Федорова, а также ряд писем Н. Ф. Федорова к В. А. Кожевникову. В. А. Кожевников же откладывал работу над письмами, как и над другими материалами к III тому, до момента окончания работы над своей книгой «Буддизм в сравнении с христианством». К своей части раздела «Писем» он приступил осенью 1916 года. 27 сентября Н. П. Петерсон писал В. А. Кожевникову: «Посылаю Вам, согласно Вашего желания, часть писем Н<иколая> Ф<едорови>ча к Вам, почти за все время пребывания его в Воронеже. Тут Вы найдете много удивительного, поразительного, поднимающего на поразительную высоту, и вместе с тем нисколько не надмевающего» (ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 29, л. 43).

В. А. Кожевников, готовя письма к печати, переписывал автографы Н. Ф. Федорова целиком. Н. П. Петерсон подходил к переписке писем дифференцированно. В письмах, адресованных Федоровым лично ему, ученик копировал прежде всего те фрагменты, которые имели общее значение, содержали изложение тех или иных идей и проектов. Частные же подробности, штрихи обыденной жизни как самого Федорова, так и своей собственной, предпочитал убирать (в этих случаях в копии обычно стоял заголовок, типа: «из письма от 22 марта 1896 года» и т. п.). Ценя в эпистолярном наследии мыслителя прежде всего то, что относилось к учению всеобщего дела, он оставил непереписанными большинство писем Федорова 1870-х годов, поскольку они были краткими и содержали мало «идейных» вставок.

В письмах, адресованных ему самому, Петерсон большей частью опускал обращение («Глубокоуважаемый и дорогой друг, Николай Павлович!») и формулу прощания (финальные поклоны, уверения в преданности, уважении и любви). Отчасти это было связано с тем, что ученик болезненно переживал разрыв с ним Н. Ф. Федорова в последние годы жизни и, по-видимому, считал, что не имеет права публично демонстрировать доброе отношение к нему учителя в те десятилетия, когда они работали вместе (подробнее о разрыве Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона и переживаниях последнего по этому поводу см. примеч. к письму 274 (преамбула) и примеч. 2 к письму 275). Переписывая же письма, адресованные В. А. Кожевникову, Петерсон стремился максимально сохранять их текст со всеми приветственными выражениями («Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович!»), а также уверениями в почтении и любви.

Тем не менее и в письмах Федорова к Кожевникову Петерсон опускал некоторые фрагменты. Прежде всего это касалось писем, относящихся ко времени пребывания мыслителя в Воронеже (1894–1899 гг.). Копируя их, Н. П. Петерсон убирал ряд местных реалий, а в большинстве случаев, когда письмо писалось Н. Ф. Федоровым и Н. П. Петерсоном совместно, опускал свою часть письма, особенно если речь в ней шла о вещах конкретных (работа Федорова над рукописями, перипетии публикации статей мыслителя в газете «Дон», подробности жизни Федорова и Петерсона в Воронеже и т. д.).

Письма из Воронежа часто писались не самим Федоровым, а Н. П. Петерсоном под диктовку мыслителя, с его черновика или по его поручению, когда Федоров указывал ученику, что́ именно следует сообщить адресату. Во многих случаях при этом Николай Павлович обращался к Кожевникову как бы от себя одного; формула приветствия и прощания также составлялась им в единственном числе. И подписаны подобные письма зачастую бывали лишь Петерсоном, хотя их содержание целиком или частично принадлежало Федорову. Часть этих писем была помещена Петерсоном под рубрикой «Выписки из писем к В. А. Кожевникову, писанных рукою Н. П. Петерсона, но под диктовку Н. Ф. Федорова». Начало и конец, а также ряд фрагментов частного характера в копиях были опущены. Те же письма, в которых присутствовало обращение от лица обоих авторов, обычно давались практически полностью, за исключением финальных поклонов и подписи (иногда, впрочем, отсутствовало и обращение).

Текстологические приемы подготовки писем Федорова мало чем отличались от тех, которыми пользовались издатели при работе над статьями и заметками, предназначавшимися для II и III томов «Философии общего дела». Редакторская правка в основном была грамматической (согласование времен и членов предложения), пунктуационной, а также стилистической и поясняющей. В ряде случаев, когда письмо имелось в двух или не-

скольких вариантах либо сохранились и черновик, и беловик, Н. П. Петерсон использовал прием контаминации. При этом некоторые выражения беловика (окончательной редакции) заменялись соответствующими выражениями черновика (или варианта) и дополнялись фрагментами, отсутствовавшими в окончательной редакции. В других случаях копировались обе редакции, чтобы затем выбрать для печати одну из них.

Некоторые из писем Н. Ф. Федорова (обычно черновые) издатели обращали в статьи. Подобный прием не был своеволием. Сам Федоров, как уже говорилось выше, зачастую рассматривал свои письма как наброски статей (см., например, письмо Н. П. Петерсону от 27 апреля 1892). Обычно при переводе письма в статью убирались, по возможности, приметы жанра – обращение, подпись, форма второго лица и т. д., а самый текст из блока писем переносился в блок статей и заметок. Подобным же образом поступали Кожевников и Петерсон и при подготовке некоторых материалов II тома «Философии общего дела» (см., например: «Письмо к Н. П. Петерсону (В черновом списке озаглавлено "Кантизм")» – Т. II наст. изд., с. 103–104, заметку «Приговор и несколько слов в оправдание», являющуюся письмом к неизвестному лицу – там же, с. 71–73).

При необходимости письма снабжались подстрочными примечаниями Кожевникова и Петерсона. Комментировались упомянутые в письмах лица, события, факты. В. А. Кожевников подчас давал и оценочный комментарий: обычно это касалось тех случаев, когда письмо Н. Ф. Федорова содержало критику в его адрес.

При жизни В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона в печати появилось лишь одно письмо Н. Ф. Федорова, и то не целиком. Речь идет о тексте письма 16, озаглавленном «О больнице» и опубликованном в сборнике «Вселенское дело» (Вып. 1. Одесса, 1914, с. 97–98).

В первой половине 1920-х годов часть рукописных копий писем Н. Ф. Федорова вместе с рядом других материалов к III тому «Философии общего дела» была перепечатана по инициативе А. К. Горского и Н. А. Сетницкого. Спустя несколько лет отдельные письма были опубликованы Н. А. Сетницким по машинописным копиям. В № 18 журнала «Путь» (Париж, 1929) среди «посмертных рукописей» мыслителя появилось три письма, объединенных темами 500-летнего юбилея преп. Сергия Радонежского и обыденного храмостроительства. В № 3 альманаха «Версты» (Париж, 1928) под заглавием «Из переписки Н. Ф. Федорова с В. А. Кожевниковым о Туркестане» были помещены четыре письма Н. Ф. Федорова из Асхабада, посланные в сентябре и декабре 1899 г. «Печатаемые письма, – указывал в предисловии к публикации Н. А. Сетницкий, – представляют интерес не только как впечатления весьма вдумчивого наблюдателя, попавшего в новую для него страну. Они своим содержанием входят, как составная часть, в исторические концепции Федорова и с этой именно точки зрения должны оцениваться» (там же, с. 278). Наконец, 4 мая в пасхальном номере газеты «Евразия» появилась подборка из пяти писем Н. Ф. Федорова к В. А. Кожевникову за 1895, 1896 и 1900 гг. Несколько писем Н. Ф. Федорова было опубликовано во втором выпуске «Вселенского дела» (Рига, 1934, с. 149–155). Публикация также принадлежала Н. А. Сетницкому, который в то время намеревался выпустить «Материалы по переписке Н. Ф. Федорова, В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона» (см. Т. III наст. изд., с. 569).

Все перечисленные публикации были подготовлены по копиям Н. П. Петерсона и В. А. Кожевникова, воспроизводили подстрочные примечания составителей, а также содержали комментарии самого Н. А. Сетницкого.

В наше время подборки писем Н. Ф. Федорова вошли в издания его сочинений 1982 и 1994 гг., а также в публикации материалов к III тому «Философии общего дела» (см.: *Контекст 1988*; «Русское возрождение», 1992, №№ 57, 58–59; «Вопросы философии», 1993, № 1; «Начала», 1993, №№ 1, 3). Во всех этих публикациях письма печатались по рукописным копиям Н. П. Петерсона и В. А. Кожевникова. Для подборок журналов «Вопросы философии» и «Начала» письма были сверены по автографу, однако в качестве главного источника текста все же избиралась копия.

При подготовке раздела «Писем» для настоящего издания были произведены учет и сверка всех автографов и копий писем Федорова, хранящихся в личном фонде Н. П. Петерсона в ОР РГБ (описание материалов к III тому «Философии общего дела» см. в Т. III наст. изд., с. 569–570). Письма Н. Ф. Федорова, автографы и копии которых имеются, печатаются по этим автографам, иногда – с учетом копий, в единичных случаях (к примеру, письмо от 20 августа 1891 года) – по этим копиям, сверенным с автографом. Редакторская правка Н. П. Петерсона и В. А. Кожевникова сохранена лишь тогда, когда это необходимо для понимания смысла текста: вставка пропущенных или недостающих слов, согласова-

ние времен и членов предложения и т. п. Все вставки учеников Федорова заключены в угловые, а конъектуры составителей тома – в квадратные скобки.

В тех редких случаях, когда автограф Н. Ф. Федорова утрачен и единственным источником текста является копия, письмо печатается по этой копии. Письма, не имеющие копий, печатаются по автографам.

По автографам печатаются также письма Н. Ф. Федорова, обнаруженные в личных фондах Н. Н. Черногубова, А. Е. Викторова (ОР РГБ) и Срезневских (РГАЛИ). Два письма Н. Ф. Федорова в архиве А. Л. Волынского сохранились лишь в машинописных копиях и печатаются по этим копиям. Письмо Н. Ф. Федорова Л. Г. Соловьеву, найденное и опубликованное А. Н. Акиньшиным, печатается по тексту первой публикации.

При подготовке писем к печати был уточнен ряд датировок (письма без числа и даты, преимущественно черновые, В. А. Кожевников и Н. П. Петерсон обыкновенно датировали по году, изредка по году и месяцу и порой допускали ошибки). Уточнены и адресаты некоторых черновых писем.

В тех случаях, когда письмо писалось Н. П. Петерсоном под диктовку Федорова, по поручению мыслителя или с его черновика и содержало при этом обращение и подпись Николая Павловича, а также ряд фрагментов текста, принадлежащих именно ему, в качестве авторов письма ставились «Н. Ф. Федоров, Н. П. Петерсон» (или «Н. П. Петерсон, Н. Ф. Федоров») в зависимости от того, какой процент текста мог быть атрибутирован Федорову. То же самое относится к письмам Н. П. Петерсону зимы и весны 1902 г., написанным В. А. Кожевниковым в присутствии Федорова, под его диктовку или по поручению, но как бы от собственного лица (подробнее см. примеч. к письму 252 (преамбула)).

В комментарии к каждому письму дается перечень предыдущих публикаций. Поскольку все эти публикации, как было указано выше, опирались на копии Н. П. Петерсона и В. А. Кожевникова, письма в них зачастую печатались не полностью. В таких случаях в комментарии содержится формула: «Ранее частично опубликовано». Те случаи, когда в копиях были выпущены лишь обращения и формула прощания, не оговариваются.

При публикации сохранен ряд подстрочных примечаний В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона, преимущественно фактического характера. Остальные примечания издателей вынесены в текст комментария.

В своих письмах Н. П. Петерсону 1873–1875 гг. мыслитель неизменно передает поклон Фаине Ивановне, первой жене Н. П. Петерсона, а с 1878 по 1902 гг. – Юлии Владимировне, его второй жене; в письмах В. А. Кожевникову – свидетельствует свое почтение его мачехе М. Г. Кожевниковой, а также братьям С. М. и М. М. Северовым (иногда к ним присоединяются другие лица: И. М. Ивакин, супруги Ю. П. и Н. С. Бартеневы). В асхабадских письмах философа упоминаются Н. П. и Ю. В. Петерсоны. С 1901 г. в письмах Н. Ф. Федорова в формуле прощания упоминается А. В. Кожевникова, жена В. А. Кожевникова. Данные обо всех этих лицах в комментариях приводятся только однажды – в тех письмах, где они упоминаются впервые, и дополнительная идентификация дается лишь в некоторых случаях: обычно тогда, когда имя упоминается не в формуле прощания, а в ином контексте.

1873

1. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

19 августа 1873. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 67, л. 1–1 об.

Николай Павлович *Петерсон* (1844–1919) – публицист, педагог, юрист; друг и ученик Н. Ф. Федорова, издатель его сочинений.

Н. П. Петерсон – уроженец Пензенской губернии (родился в д. Барановка Краснослободского уезда). В 1861 г., по окончании Пензенского дворянского института, был принят без экзаменов в Московский университет на историко-филологический факультет, однако по стесненным материальным обстоятельствам был вынужден отозвать свои документы. В 1862 г. Петерсон – учитель яснополянских школ Л. Н. Толстого, сотрудник журнала «Ясная Поляна» (подробнее см. примеч. 8 к разделу «Приложения» «Вокруг Федорова»). В 1863 г. он снова подает документы в университет и начинает заниматься на медицинском факультете. Тогда же сближается с кружком «ишутинцев», членами которого были его товарищи по Пензенскому дворянскому институту. И весной 1864 г. уезжает в г. Бо-

городск, заняв место преподавателя арифметики и геометрии тамошнего уездного училища, с тайной целью вести среди местной интеллигенции революционную пропаганду.

Именно в Богородске 15 марта 1864 г. происходит знакомство Н. П. Петерсона с Н. Ф. Федоровым, учителем истории и географии Богородского уездного училища, под влиянием которого во взглядах юноши происходит коренной перелом: «Не разрушение и смерть, а жизнь бесконечную проповедовал Николай Федорович, и я отвернулся от прежней своей деятельности» (ОР РГБ, ф. 657, к. 11, ед. хр. 5, л. 8). Н. П. Петерсон навсегда оставляет революционную пропаганду, становится преданным учеником и последователем мыслителя.

В Государственном архиве Российской Федерации хранится следственное дело Н. П. Петерсона: в 1866 г., после покушения Д. В. Каракозова на императора Александра II, он был арестован за прежние связи с ишутинцами. В показаниях Николая Павловича, данных им 17 мая 1866 г., всплывает и имя Федорова: «В марте [...] я отправился в Богородск, исправляющим должность уездного учителя. Моею обязанностью было там: приобрести как можно большее знакомство для выбора людей, пригодных для нашего дела; стараться преимущественно привлекать к этому делу людей богатых, которые могли бы много жертвовать; и потом вообще я обязан был пропагандировать. В первый же вечер я отправился к учителю истории и географии Федорову и почти первыми моими словами были: "Выписываете ли Вы какие-нибудь журналы, например „Современник"?" „Современника" не выписываем" – ответил. Я предложил было выписать сообща, но он сказал, что незачем, и доказал мне всю пустоту этого журнала и несостоятельность его идей. Доказал мне он все это на том самом произведении, которое считалось нами лучшим во всем "Современнике", а именно на романе Чернышевского "Что делать". Его ум, знания, перед которыми мои были ничто, да и не мои одни, но всех моих товарищей, меня поразили и я ему сознался во всем. Ему не слишком трудно было доказать мне, что революционные действия ведут только общество к порче, потому что эти действия и могут только держаться подобными средствами, как те, которые высказываются в польском катехизисе; что делая подлости для достижения какой-нибудь общей цели, человек невольно делается подлецом во всех отношениях; да и наконец, что дурными средствами нельзя достигнуть никакой другой цели, кроме дурной. На Пасху я отправился в Москву совершенно увлеченный мыслями Федорова. Когда я приехал к своим товарищам, то начал говорить против их затей. Они, конечно, удивились неприятно, ожидая меня совсем не с такими вестями» (ГАРФ, ф. 272, оп. 1, ед. хр. 21, лл. 55 об. – 56 об.).

Н. П. Петерсон сообщал в следственной комиссии, что надеялся через Федорова повлиять на ищутинцев и убедить их «отстать от своих заблуждений и приняться за действительное дело» (там же, л. 57). Так, он познакомил с мыслителем трех активных членов кружка – Д. А. Юрасова, М. Н. Загибалова и П. Д. Ермолова. Сам Загибалов свидетельствовал о встрече с Федоровым в своих показаниях следующее: «...весной 1864 года, проездом из Москвы в деревню, я заезжал к нему (Н. П. Петерсону. – *Сост.*) с Юрасовым. Пробыл я у него 2 дня и в это время виделся и познакомился с Учителем Богородского Училища Федоровым, к которому, после прогулки, мы зашли пить чай, причем имели разговор философского содержания: именно: насчет учения идеалистов и материалистов. Разговора же политического содержания не было. Говорили еще об ходе образования в существующих заведениях, так, между прочим, и о их училищах и говорили при том, что хорошо бы было учить мальчиков естественным наукам и некоторым ремеслам» (ГАРФ, ф. 272, оп. 1, ед хр. 14, л. 250–250 об.). Судя по этому скупому свидетельству, Н. Ф. Федоров не стремился прямо переубеждать юношей, слишком уверенных в своей правоте, не затрагивал их политических взглядов; он пытался сдвинуть окуляры их видения, дать им более глубокое понимание вещей, направить энергию «русских мальчиков» в мирное, практическое русло, прежде всего на дело школьного образования. Кстати, сам Петерсон, увлеченный педагогическими идеями Федорова, собирался осуществить некоторые из них в Бронницах, куда он был переведен весной 1865 г.: начал организацию при уездном училище музея с различными коллекциями на основе местного материала (археологической, исторической, геологической, энтомологической и др.), чтобы дать возможность учащимся всесторонне изучать историю, природу, культуру родного края, самим участвовать в собирании необходимых сведений. Петерсон планировал создание школьного огорода, аквариума и скотного двора, на котором трудились бы сами ребята, собирался организовать метеорологические наблюдения. Надо сказать, что его инициатива была всецело поддержана как образованными жителями Бронниц, так и местной властью – об организации музея было сообщено в губернских ведомостях, в совет музея вошли губернский предводитель дворянства, председатель земской уездной управы, все учителя уездного училища, а также исправник с помощником, который был членом губернского статистического комитета, коллек-

ционером древностей и собирался пожертвовать свои коллекции создаваемому музею (см.: ГАРФ, ф. 272, оп. 1, ед. хр. 21, лл. 63–65 об.). К сожалению, довести свой замысел до конца Н. П. Петерсон не смог: 28 апреля 1866 г. его арестовали.

Беседа Федорова с другим членом ишутинского кружка П. Д. Ермоловым, самым младшим из всех ишутинцев (ему на момент следствия не исполнилось еще и двадцати лет), «самым даровитым» из них и наиболее увлеченным идеей борьбы за социальную справедливость (по достижении совершеннолетия он собирался пожертвовать все свое довольно большое состояние – около 300 тысяч – на революционное дело), состоялась летом 1865 г. в Бронницах, куда Ермолов приехал погостить. Петерсон сообщал, что, желая познакомить своего товарища с Федоровым, он специально ездил за философом в Москву, где тот «проживал тогда [...] у своей сестры Полтавцевой» (ГАРФ, ф. 272, оп. 1, ед. хр. 21, л. 58 об.). «...Я был приглашен Петерсоном в Бронницы провести несколько времени и полечиться, – показывал на следствии Ермолов. – У него я познакомился с Федоровым. У меня был с ним спор. Он высказывал ту мысль, что не действовать революционным путем и что социализм еще не может повести к благу, так как не доказано, чтобы он был самой лучшей организацией общества и что нужно людям заниматься наукой для отыскания настоящей истины. Я оспаривал его и защищал социализм и революцию. Петерсон был на стороне Федорова» (ГАРФ, ф. 272, оп. 1, ед. хр. 14, л. 160; см. также: «Красный архив», 1926. Т. 4, с. 117). Как видим, с П. Д. Ермоловым Н. Ф. Федоров разговаривал уже напрямую, указывая, прежде всего, на изъяны того идеала, на алтарь которого юноша мечтал принести все свое имение и даже жизнь. Так же он разговаривал в первую встречу и с Петерсоном. «...Не понимаю, – спрашивал он тогда будущего ученика, – о чем вы хлопочете? По вашим убеждениям, все дело в материальном благосостоянии, и вот ради доставления материального благосостояния другим, которых не знаете и знать не будете, вы отказываетесь от собственного материального благосостояния, готовы пожертвовать даже жизнью. Но если и тем людям, о которых вы хлопочете, материальное благосостояние так же неважно, как и вам, – о чем же вы хлопочете?» (ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 7, л. 1 об.). «Начав так беседу, – вспоминал позднее о своем разговоре с мыслителем Петерсон, – Н<иколай> Ф<едорови>ч сказал потом, что даже так называемые великие принципы французской революции свидетельствуют о крайнем недомыслии и легкомыслии провозгласивших – "свобода, равенство и братство", – потому что из свободы следовать своим личным влечениям, исполнять свои прихоти и из завистливого равенства произойдет не братство, а вражда. Нужно искать прежде всего братства, а все прочее (т. е. свобода и равенство) приложится, потому что, почувствовав себя братьями, мы не будем лишать своих братьев свободы, поднявшись же над своими братьями, мы и их поднимем до себя. Затем Н<иколай> Ф<едорови>ч припомнил, что Руссо говорит, будто все люди родятся свободными. – Но на что свободными, – спрашивает Н<иколай> Ф<едорови>ч, – на то, чтобы умереть? – Новорожденный без забот о нем непременно должен умереть; а всякая о нас забота налагает на нас обязанность в отношении заботящихся о нас, делает нас несвободными в отношении наших близких» (там же). Вероятно, в том же духе Федоров беседовал и с Ермоловым, однако переубедить этого чистого и самоотверженного юношу, жаждавшего служения и жертвы, мыслителю не удалось. Н. П. Петерсон позднее объяснял это, среди прочего, тем, что порвать упрочившиеся к этому времени связи и отношения в кружке было чрезвычайно трудно, почти невозможно (там же). Интересно, что во время пребывания Ермолова в Бронницах туда на один день заезжал и Д. В. Каракозов (ГАРФ, ф. 272, оп. 1, ед. хр. 21, л. 17), впрочем, с ним Федоров уже никаких разговоров не вел.

Как сообщал Н. П. Петерсон в своих воспоминаниях, Н. Ф. Федорова во время следствия по Каракозовскому делу также взяли под стражу, однако продержали под арестом всего три недели и, сняв необходимые показания, отпустили (ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 7). «Оба мы были допрашиваемы Комиссиею, учрежденною тогда в Москве под председательством генерал-губернатора В. А. Долгорукова. Николай Федорович возбудил в членах Комиссии глубокое к себе почтение, что отразилось в благожелательстве и ко мне, и это до такой степени, что на другой год по окончании этого дела я и Николай Федорович давали уроки детям одного из членов Комиссии Михайловского» (письмо Н. П. Петерсона В. А. Кожевникову от 13 марта 1905 // ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 25, л. 15–15 об). К сожалению, показания Н. Ф. Федорова в материалах Петербургской и Московской следственной комиссий по делу Каракозова разыскать не удалось: по всей видимости, они были уничтожены вместе с другими маловажными бумагами.

Спустя несколько месяцев после своего освобождения (Петерсон был приговорен к шестимесячному заключению, с учетом времени, проведенного под следствием), в конце

лета 1867 г. ученик Федорова получает место помощника библиотекаря Чертковской библиотеки в г. Москве. Здесь он много общается с П. И. Бартеневым, переписывает документы для журнала «Русский архив», держит корректуры «Войны и мира» Л. Н. Толстого. А в 1869 г., передав свое место в библиотеке Н. Ф. Федорову, начинает служить по судебной части: сначала в г. Спасске Тамбовской губернии – секретарем съезда мировых судей, затем в Пензенской губернии: с 1870 по 1891 гг. в г. Керенске (ныне – г. Вадинск Пензенской области) в той же должности; с 1891 по 1894 гг. – в г. Мокшане, городским судьей; в 1894–1899 – в Воронеже, городским судьей 3 участка, и наконец членом асхабадского (1899–1904), верненского (1904–1912), зарайского (1912–1918) окружного суда.

Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона в течение почти сорока лет связывала глубокая дружба (лишь в 1900–1902 гг. их отношения осложняются, что в конечном итоге приводит к разрыву учителя и ученика – см. примеч. к письму 274 (преамбула)). Примечательно, что только Петерсона в своих письмах Н. Ф. Федоров называет другом: «Глубокоуважаемый и дорогой друг, Николай Павлович!» (Даже к В. А. Кожевникову, которого Николай Федорович ценил и любил, он обращался неизменно «Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович!» – другом он его назвал лишь однажды, и то в негативном контексте: «Для меня враг, но понимающий, будет гораздо приятнее друга, который отказывается от него или даже *стыдится учения о воскрешении!»* – Т. IV наст. изд., с. 164.) Основа дружбы была заложена еще в первые годы знакомства, когда Н. Ф. Федоров и Н. П. Петерсон служили в уездных училищах, много общались, проводили вместе отпускное время (в неопубликованных воспоминаниях Н. П. Петерсона рассказывается об их пешем путешествии на Пасху в Москву весной 1864 г.). Н. Ф. Федоров познакомил Н. П. Петерсона со своими сестрами – Е. П. Макаровой (в замужестве Полтавцевой) и З. П. Гагариной (в замужестве Тришатной) – Николай Павлович был, таким образом, одним из немногих, кто знал его родных.

Дружба Федорова и Петерсона крепилась и тем, что они были единомышленниками. В 1860-е годы философ последовательно вводил Петерсона в совокупность уже сложившегося учения, раскрывая перед ним результаты многолетней душевной и интеллектуальной работы. То же самое продолжалось и в Керенске, причем Петерсон начал записывать то, что до тех пор «слышал от Николая Федоровича лишь на словах» (Н. П. Петерсон. Николай Федорович Федоров и его книга «Философия общего дела» // ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 7, л. 12 об.). А с 1878 г., когда было предпринято письменное изложение учения о воскрешении, активно помогал Федорову в работе над рукописями, писал под его диктовку, переписывал черновики и исправленные варианты. Неоднократно пытался подвигнуть философа к обнародованию его идей. Именно через Петерсона с идеями Федорова познакомился Ф. М. Достоевский (см. примеч. 1, 12 к разделу «Приложения» «Материалы к истории знакомства Ф. М. Достоевского с идеями Н. Ф. Федорова»). От Петерсона впервые услышал о Федорове и Л. Н. Толстой (см. в примеч. 37 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве»).

В своей общественной и публицистической деятельности Петерсон широко руководствовался взглядами Федорова на задачи отечествоведения и педагогики. Он много сделал для изучения истории тех мест, где оказывался по службе. Собирал сведения о Керенском крае, участвовал в работе Воронежского губернского музея, был одним из инициаторов организации в Асхабаде Закаспийского кружка любителей археологии. Периодически выступал в печати (часто – совместно с Федоровым) по вопросам образования, просвещения, народных школ, рассматривая их с позиций учения «всеобщего дела» (подробнее см. преамбулу к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 582–587).

После смерти Федорова Н. П. Петерсон вместе с В. А. Кожевниковым подготовил к печати два тома сочинений мыслителя, работал над материалами к III тому (подробнее см. преамбулу к комментарию к Т. III наст. изд., с. 565–568), написал книгу: «Н. Ф. Федоров и его книга "Философия общего дела" в противоположность учению Л. Н. Толстого "о непротивлении" и другим идеям нашего времени» (Верный, 1912). В 1913 г. вступил в полемику с Е. Н. Трубецким по поводу его трактовки взаимоотношений В. С. Соловьева и Н. Ф. Федорова в работе «Миросозерцание Вл. С. Соловьева», подчеркивая глубину воздействия федоровских идей на взгляды молодого философа и подробно останавливаясь на тех аспектах их взаимоотношений, которые не были известны Трубецкому («Вопросы философии и психологии», 1913, кн. 3; переписка по этому поводу – ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 18, 64). В 1915–1916 гг. выступил против С. А. Голованенко, автора серии статей об учении Федорова в «Богословском вестнике» (см. брошюру Петерсона «О религиозном характере уче-

ния Н. Ф. Федорова» (М., 1915), статью «Христианство Н. Ф. Федорова, автора философии Общего Дела» («Богословский вестник», 1916, № 1, с. 119–130)).

Одной из главных тем публицистических выступлений Петерсона в 1900–1910-е гг. являлся вопрос о роли христианства и церкви в мире. В статьях, опубликованных на страницах провинциальной и столичной печати, прямо следуя Федорову, он развивал представление об истории как богочеловеческой «работе спасения», о неразрывности личного духовного подвига и общественного дела («Царствие Божие внутри нас можно созидать лишь тогда, когда мы будем создавать его и вне нас» – «Туркестанские епархиальные ведомости», 1907, 15 июня). Много внимания уделял проблеме государственного и социального устройства России, подчеркивая религиозное значение царской власти, писал о необходимости воплощения в жизни общества начал соборности (там же, 1910, 15 апреля). В марте 1918 г. обратился к патр. Тихону и Собору Российской Православной церкви с запиской «Что такое православие?» «Если Собор согласится с определением православия, которое делается в заметке, – писал Петерсон в сопроводительном письме, – этим будет положено начало проникновению христианства в жизнь, тогда можно будет надеяться, что придет, наконец, время, когда *жить* и *быть христианином* будет значить одно, эти выражения будут тождесловием» (РГАЛИ, ф. 95, оп. 1, ед. хр. 1073). Подробнее о Н. П. Петерсоне см.: «Библиография», 1995, № 2, с. 114–125.

В фонде Н. П. Петерсона в ОР РГБ сохранилась его переписка с Н. Ф. Федоровым за 1873–1902 гг. Наиболее полно в собрании представлены письма Н. Ф. Федорова к ученику за период 1891–1898 и 1902 гг. (в 1900–1901 гг. переписка была прекращена, имеется лишь одно черновое письмо Федорова, датируемое октябрем 1901 г., которое так и не было послано Петерсону, – оно печатается в наст. томе). За период 1873–1890 гг. письма Федорова сохранились лишь частично. Многие не дошедшие до нас письма 1880-х годов содержали в себе дополнения к составлявшемуся тогда главному труду мыслителя – «Вопрос о братстве, или родстве...» и были использованы Федоровым и Петерсоном при расширении и редактировании текста работы.

Напротив, бóльшая часть сохранившихся писем Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову относится к 1876–1888 гг., а за 1892–1899 гг. сохранились лишь шесть писем (все письма Петерсона см.: Т. IV наст. изд., с. 570–594).

По всей видимости, переписка между друзьями-единомышленниками велась и ранее 1873 г.: например, в конце 1864–1866 гг., когда Н. Ф. Федоров и Н. П. Петерсон учительствовали в разных городах, а также в 1869–1872 гг., когда Николай Павлович служил в Спасске и Керенске, а Федоров – в Москве. Однако ни одного письма за указанные годы в архиве Н. П. Петерсона не сохранилось.

Письма Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона керенского периода являются важным источником изучения биографии мыслителя, его философского творчества (именно на конец 1870-х и на 1880-е гг. приходится работа над «Запиской от неученых к ученым» и «Собором»), а также деятельности в области отечествоведения.

В жизни Н. Ф. Федорова Керенск и Керенский край заняли особое место. Керенский уезд находился в западной части Пензенской губернии, гранича с Тамбовской губернией – родиной мыслителя: село Ключи, где родился Федоров, Сасово, усадьба его отца, П. И. Гагарина, в которой он провел первые годы жизни, Шацк, где окончил уездное училище, – все это было сравнительно недалеко. А если заглянуть в историю, то предки мыслителя по отцу, князья Гагарины, владели землями не только в Тамбовской губернии, но и в Керенском уезде. Так что далеко не случайно Н. Ф. Федоров после перевода в 1873 г. Чертковской библиотеки в здание Московского Публичного и Румянцевского музеев, а затем в первые годы службы в библиотеке Музеев неоднократно собирался переехать в Керенск, – в сущности это было своеобразное возвращение к истокам, в перспективе его учения приобретавшее особый смысл. И хотя намерение поселиться в Керенске так и не было осуществлено, каждый летний отпуск, а иногда и на Пасху, в течение 1870–1880-х гг. Федоров бывал в этом городе (в 1874 г. даже прожил там целых пять месяцев).

Именно в Керенске Николаю Федоровичу удалось практически осуществить свои идеи об отечествоведении, об изучении «местной истории», малой родины, – изучении, одушевляемом «любовью к отеческим гробам», сознанием того, что здесь, на этой земле, жили твои предки. Мыслитель призывал «ввести в историю каждый городок и село, как бы незначительны они ни были» (Т. I наст. изд., с. 271), – что было связано с фундаментальным принципом его гносеологии: «все должны быть познающими и всё – предметом познания». Всё – в том числе и родная история как исследование уходящего в глубь веков

родства по предкам, восстановление их жизни и деяний, для начала в мысли, летописи, историческом труде. По Федорову, все призваны стать историками, так чтобы наимельчайшее поселение, его жители, их дела вошли во «всемирно-священную историю». Это не прежняя, профессиональная, «ученая» история, выносящая из забвения лишь немногие, по преимуществу грозные, события, усобицы, войны, бунты, отдельных личностей, представительствующих за народ, эпоху, свершение. Должна выстроиться история как синодик, поминальный список всех умерших, по возможности обрастающий конкретными чертами бывших личностей (дело музея). Такое глубочайшее знание предков, генеалогического древа человечества во всех его ответвлениях, побегах, связях частей (генеалогическая опись человечества) готовит, по мысли Федорова, условно говоря, наследственно-генетический путь воскрешения.

С 1874 г. он предпринимает сбор материалов по истории Керенского края, привлекая к этой работе Н. П. Петерсона, а затем и его брата Г. П. Петерсона, который в 1880-х гг. систематизирует собранные ими материалы в целом ряде работ (см. преамбулу к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 573–574, а также примеч. 4 к письму 4). Деятельностью Федорова и двух Петерсонов фактически была заложена основа керенского краеведения, и эта тема, безусловно, еще ждет своего исследователя. В дело собирания сведений о Керенском крае Н. Ф. Федорову, Г. П. и Н. П. Петерсонам удалось вовлечь людей самых различных социальных групп: землевладельцев (Д. А. Ронцова, Н. П. Куткина, Ф. П. Александровского, К. В. фон Штромберга, Н. Х. Логвинова), представителей духовного сословия (среди них – священники И. М. Зембликов, И. В. Масловский, игуменья Тихвинского монастыря Анастасия и др.), крестьян (Богатыревых, Казуровых, Полшковых и др.). (Список лиц, участвовавших в доставлении сведений о Керенском крае, см.: Г. П. Петерсон. Исторический очерк Керенского края. Пенза, 1882, с. 74–75.) Причем это собирание по своим условиям и характеру было предельно личностным, индивидуализированным. В Керенское хранилище исторических документов, устроенное весной 1874 г. Н. Ф. Федоровым, добровольцы несли бумаги, касавшиеся истории их собственного рода – отцов, дедов, прадедов, когда-то поселившихся в Среднем Поволжье. На основе собранных документов удалось восстановить родословную целого ряда жителей края: причем это были не только состоятельные помещики, но и крестьяне (предки многих из них принадлежали в былые времена к служилому сословию). Таким образом круг родовых исследований расширялся, родословие переставало быть избирательным, в центре внимания «местной истории» оказывалось все больше и больше рядовых людей, интересных просто тем, что они жили на Керенской земле. И это для Федорова имело значение глубоко символическое, было прообразованием той эпохи «всеобщего дела», когда в круг познания и исследования будут включены все когда-либо жившие, а изучение предков, одушевленное памятью и любовью, станет делом всех живущих, их нравственно-религиозной обязанностью.

[1] В несохранившемся письме к Н. Ф. Федорову Н. П. Петерсон предлагал ему занять место архивариуса Керенского съезда мировых судей. – *195.*

[2] В 1872 г. Московская городская дума приняла постановление о принятии Чертковской библиотеки, в которой Н. Ф. Федоров с 1869 г. служил помощником библиотекаря, в ведение г. Москвы. В 1873 г. временно под нее было отведено помещение на втором этаже Московского Публичного и Румянцевского музеев, библиотекарем созданных на ее базе русского и славянского отделений назначен Е. В. Барсов (см. примеч. 10 к письму 61), а его помощником после возобновления работы библиотеки стал Д. В. Кравченко (в «доме Румянцевского музея» «Городская Чертковская библиотека» просуществовала почти десять лет, до открытия в 1883 г. Исторического музея, после чего была передана в его фонды). Таким образом Н. Ф. Федоров в 1873 г. остался без места и подрабатывал в качестве корректора. Можно предположить, что работу корректора давал ему П. И. Бартенев, продолживший издание «Русского архива», который с 1863 г. выходил при Чертковской библиотеке, а в 1873 г. перешел в собственность редактора (см. также примеч. 2 к письму 8). – *195.*

[3] Фаина Ивановна *Петерсон*, урожд. Лихачева (?–1875) – первая жена Н. П. Петерсона. Н. П. Петерсон женился на Ф. И. Лихачевой в 1867 г. От этого брака у него было шесть детей. *Николай Иванович* – неустановленное лицо, возможно – брат Ф. И. Лихачевой. – *195.*

2. Н. Н. ПЕТЕРСОНУ

10 сентября 1873. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 66, лл. 1–2 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 9, л. 1).

В своих воспоминаниях о Н. Ф. Федорове Н. П. Петерсон так прокомментировал это письмо: «С переезда в Керенск начинается новый период наших с Н<иколаем> Ф<едорови>чем отношений. Идеи Н<иколая> Ф<едорови>ча нудили к тому, чтобы приложить их к делу, к жизни, и вот я задумал, следуя мысли Н<иколая> Ф<едорови>ча, устроить при школах Керенского уезда метеорологические станции, чтобы учителей и учеников обратить в исследователей той местности, где находится школа, сделать их наблюдателями по крайней мере явлений метеорических, столь важных для земледелия. Для осуществления этой мысли я хотел обратиться к Керенскому земскому собранию с просьбой об ассигновании средств на приобретение инструментов, необходимых для устройства при школах метеорологических станций, и об этом своем намерении сообщил Н<иколаю> Ф<едорови>чу, но от него получил такой ответ [далее в воспоминаниях приводится текст письма Н. Ф. Федорова от 10 сентября 1873]. [...] Необходимо отметить, что на Н<иколая> Ф<едорови>ча болезненно действовало всякое обращение к кому бы то ни было с просьбою о деньгах; все, что строится на деньгах, ему казалось непрочным, эфемерным, он всю надежду возлагал на труд даровой, безвозмездный, из побуждений религиозных» (ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 7, лл. 8 об. – 9).

Интересно, что мысль об организации метеорологических станций в губернских и уездных городах девятью годами спустя была высказана братом Н. П. Петерсона Г. П. Петерсоном в корреспонденции, помещенной в № 120 «Пензенских губернских ведомостей» за 1882 г. Сообщая о сильнейшей буре с градом и ливнем, которая обрушилась в начале июля на Керенский уезд, вызвав многочисленные разрушения и даже жертвы, Г. П. Петерсон замечал: «В виду только что миновавших метеорических явлений, невольно приходит мысль о метеорологических станциях, которые могли бы быть учреждены в губернском городе – при гимназиях (что послужило бы здесь и практическому изучению метеорологии), а в уездных хоть при земских больницах. Станции эти не требуют много расходов, а между тем, находясь в связи между собою, могли бы извещать сельских жителей своевременно о имеющих произойти метеорических катастрофах и кроме того были бы вместе с тем средством к изучению климатологии данной местности...» Статья Г. П. Петерсона была написана 7, а напечатана 10 июля 1882 г. – Федоров же в этот год провел в Керенске более двух с половиной месяцев и уехал в Москву в первой половине июля (см. примеч. 2 к разделу «Приложения» «Письма Н. Ф. Федорову разных лиц») – так что, по всей видимости, именно он стал инициатором ее появления (впрочем, даже если в момент написания статьи мыслителя уже не было в Керенске, создавалась она с явной оглядкой на его мысли).

[1] Это письмо Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову не сохранилось. – *195.*

[2] В «Пензенских губернских ведомостях» записка Н. П. Петерсона напечатана не была. Текст ее не сохранился. – *196.*

[3] По всей видимости, речь идет о Екатерине Богдановне *Кистерн* (см. письмо Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову от конца марта 1876 г.: Т. IV наст. изд., с. 573–574). – *196.*

3. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

20 сентября 1873. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 67, л. 2–2 об.

[1] См. письмо 1 и примеч. 1 к нему. – *196.*

1874

4. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

10 января 1874. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 66, л. 3–3 об. (копия части письма рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 9, л. 4).

[1] Это письмо Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову не сохранилось. – *197.*

[2] По всей видимости, Н. П. Петерсон, ранее предлагавший Н. Ф. Федорову работу в архиве Керенского съезда мировых судей (см. письмо 1), в новом письме к нему предложил место в Керенской публичной библиотеке. Эта библиотека была открыта в г. Керен-

ске в 1865 г. по инициативе керенского уездного врача Х. И. Чудновского на добровольные пожертвования: в ее состав вошла библиотека самого Чудновского, генерал-лейтенанта А. Н. Астафьева и др. Устав библиотеки, призванной служить «к вящему распространению просвещения в Керенском обществе» (Устав Керенской Публичной библиотеки. Цит. по: Г. П. [Г. П. Петерсон]. Керенская Публичная библиотека // Пензенские губернские ведомости, 17 октября 1882, № 224), был утвержден 2 марта 1866 г. При библиотеке Х. И. Чудновский планировал устроить «музеум», состоящий «из коллекций разных предметов по части естественной истории, физики, механики, сельского хозяйства, нумизматики и других наук и искусств» (там же).

В первые годы своего существования библиотека находилась на частной квартире на Покровской улице. Библиотекарем был сам Х. И. Чудновский. По своему составу библиотека существенно отличалась от других земских библиотек, возникавших в Пензенской губернии. Последние составлялись по преимуществу из книг и журналов, предназначенных для «легкого чтения», а в Керенской публичной библиотеке в основном были книги научного содержания по различным отраслям знаний, что придавало ей особую ценность.

Через некоторое время после смерти основателя библиотеки (Х И. Чудновский умер в 1868 г.) заботы о ее существовании принял на себя керенский землевладелец Н. П. Куткин. В 1869 г. образовался попечительный комитет, по инициативе губернатора была организована подписка в пользу библиотеки. 1871 г. был годом расцвета библиотеки: она помещалась тогда на Дворянской улице в доме земской управы и имела стабильное количество читателей. В 1872 г. библиотеку снова перевели на Покровскую улицу, разместив в специально выстроенном для нее Н. П. Куткиным здании в саду его дома. Однако, несмотря на это, спрос на книги начал падать, средств для приобретения новых изданий не было, а отдаленность библиотеки от центра города (в Покровской слободе) также не способствовала росту числа посетителей.

В своих воспоминаниях о Федорове Н. П. Петерсон писал: «Желая осуществить идеи Николая Федоровича, кроме прямых своих обязанностей Секретаря Съезда мировых судей я принял на себя заведование Керенской Публичною библиотекою, которую собрал врач Христофор Иванович Чудновский, а после его смерти, последовавшей до моего еще приезда в Керенск, она была без призора. Затем я сделался церковным старостою Покровской г. Керенска церкви, устроил при библиотеке метеорологическую станцию, тут же помещалась церковная школа и приходская больничка» (ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 7, л. 11). Без дополнительных архивных разысканий трудно установить год, когда Н. П. Петерсон принял на себя заведование библиотекой. Во всяком случае, это было не позднее 1874 г., так как в письме к Н. А. Чаеву от 16 августа 1874 г. (Т. IV наст. изд., с. 653–654) он сообщает о том, что в его заведовании находится «Керенское Хранилище исторических документов», организованное Н. Ф. Федоровым, а это хранилище, как можно заключить из письма Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову от 30 декабря 1882 г. (там же, с. 584), находилось при публичной библиотеке. Судя же по комментируемому письму Н. Ф. Федорова, заведование библиотекой (или, по крайней мере, попечительство о ней) могло быть принято Петерсоном и раньше: в 1873 г.

По всей видимости, приглашая Федорова занять место в библиотеке, Н. П. Петерсон надеялся, что «идеальному библиотекарю» удастся поправить пошатнувшееся положение керенского книгохранилища и привлечь к нему ослабевавшее с каждым годом внимание местной публики. – *197.*

[3] Судя по письму Н. П. Петерсона Н. А. Чаеву от 16 августа 1874, Н. Ф. Федоров, переехав в конце зимы в Керенск, не стал брать денег за работу в библиотеке и организованном им хранилище исторических документов, а жил «скудною платою в архиве Съезда» (Т. IV наст. изд., с. 653). – *197.*

[4] Мысль о составлении *местного исторического учебника* отчасти осуществил Г. П. Петерсон, который вслед за Н. Ф. Федоровым и Н. П. Петерсоном занялся краеведческими исследованиями. В 1882 г. в «Пензенских губернских ведомостях», а затем и отдельным оттиском вышел его «Исторический очерк Керенского края», где широко использовались собранные Н. Ф. Федоровым и Н. П. Петерсоном материалы. В нем была изложена история пензенской земли, первоначально заселенной мордовскими племенами (впервые упоминаются с VI в.), затем захваченной племенным союзом кочевников-буртасов, в XIII в. входившей в состав Рязанского и Нижегородского княжеств, после – покоренной монголо-татарами и, наконец, после падения Казанского ханства (1552) вошедшей в состав Московской Руси. Г. П. Петерсон писал о русской колонизации края, о

мероприятиях по укреплению и расширению юго-восточных границ государства: высылка конных разъездов (сторож), строительство пограничных укреплений – сторожевых городков, и наконец создание сторожевой черты, призванной преградить путь татарским набегам. Тогда во второй половине XVI в. по границе государства были выстроены городки, соединенные между собой земляным валом, лесными завалами (засеками) и т. д. (так возникли города Шацк, Кадом, Темников, Алатырь и др.). Непрестанная борьба с кочевниками вскоре вынудила к строительству еще одной сторожевой черты: от Шацка на юго-восток, – в результате чего в 1636 г. и появились города Пензенской и Тамбовской губерний: Верхний и Нижний Ломовы, Керенск, Тамбов, Козлов; затем черта пошла дальше, дав начало Инсару, Саранску, Симбирску, а в 1663 г. в рамках новой серии укреплений была создана Пенза.

Именно эти страницы истории Керенского края особенно волновали Федорова: позднее, во II части «Записки», в работе «Самодержавие» и во многих других статьях и заметках он определит историю России как историю «собирания земель и народов», умиротворения степи, воинственного кочевья, и подчеркнет значение в этом великом деле собирания сторожевых городков, «малых кремлей», защищавших отеческие рубежи.

Остатки сторожевой черты и возникших на ней укреплений, которые сохранились в Керенском уезде, были одним из объектов внимания Федорова и Петерсона. «Знакомясь с местностью Керенского уезда, – вспоминал Николай Павлович, – я нанес на план уезда древний вал, защищавший от набегов татар, который идет по всему уезду, от границ Спасского уезда Тамбовской губернии до границ Нижне-Ломовского уезда Пензенской губернии. План этот передан мною в Пензенскую Архивную Комиссию» (ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 7, л. 11).

Далее в своем «Историческом очерке Керенского края» Г. П. Петерсон переходил к восстанию Степана Разина, охватившему и пензенскую землю (см. примеч. 1 к письму 5), касался судеб губернии в царствование Петра I, административных преобразований в Поволжье; подробно описывал строительство керенских церквей, рассказывал о судьбе Тихвинского женского монастыря, говорил и об истории Пугачевщины, которая также не обошла край стороной, о судьбе пензенского ополчения в годы войны 1812 г., и завершал историей пожаров, опустошивших в 1839 г. чуть не половину Пензенской губернии.

Примечательна манера изложения, свойственная как этому очерку Г. П. Петерсона, так и другим краеведческим его статьям, – манера, которая несомненно идет от Федорова, внушена общением с ним. На затертом безжалостным временем полотне прошлого умный, сердечный взгляд историка ищет контуры не только *событий*, но и *лиц*, являвшихся участниками этих событий. Повествование включает в себя массу имен, каждый персонаж очерчен внимательно и любовно, как бы воскрешен на страницах творимой летописи. Князья и крестьяне, священники и бунтовщики, старицы, игуменьи и просто деревенские бабы – здесь нет никакой иерархии, все равновелики и равноценны, ибо они не только *деятели*, но и *личности*, они – деды, прадеды, пращуры, предшественники ныне живущих.

В своем очерке Г. П. Петерсон выстроил подробные родословные керенских фамилий (князей Кугушевых, Ронцовых, Никифоровых, Чубаровых, Беклемишевых, Баскаковых, Богдановых, Битяговских, Вешняковых, Вышеславцевых и др.), упомянул о Гагариных, владевших в XVIII в. «чуть ли не половиною Керенского уезда» (позднее их имения были унаследованы графами Виельгорскими), и о гагаринских крестьянах, отличавшихся «буйным характером и хищническими наклонностями» и непрерывно враждовавших с крестьянами соседских сел; привел данные о священнослужителях г. Керенска, назвав их всех поименно и сообщив о каждом сведения пусть и немногие, пусть самые скудные и даже случайные, но тем не менее удерживающие давно ушедших в исторической памяти: так, об одном было известно лишь то, что он умер в 1812 году, о другом – что окончил курс Пензенской семинарии, о третьем – что беспробудно пьянствовал и был лишен священства за «буйные поступки», о четвертом – что он был из студентов и т. д. И вообще, как в основном тексте очерка, так и в приложении к нему Г. П. Петерсон поместил массу документов и самых различных сведений, раскрывавших все новые и новые черты жизни обитателей края (повторим: многие из этих документов и сведений были обнаружены Н. Ф. Федоровым и Н. П. Петерсоном).

Завершая свой очерк, Г. П. Петерсон заявил о намерении продолжать местные исследования и «время от времени» «под рубрикою: “Приложения к историческому очерку Керенского края”» «сообщать в Редакцию Губернских Ведомостей все, что удастся [...] найти нового по истории Керенского края» (Г. П. Петерсон. Указ. соч., с. 75). И действитель-

но, в качестве «Приложений» к «Историческому очерку» в 1882–1883 гг. им были опубликованы три работы: «Село Шеино и его владельцы» («Пензенские губернские ведомости», 1882, №№ 215–221; отд. оттиск: [Пенза], б/г), «Род Скорняковых в Керенском уезде» («Пензенские губернские ведомости», 1883, №№ 140, 142–146) и «Сорокинские помещики» (там же, 1883, №№ 147, 151, 157, 181–182), а затем в 1889 г. – «Приходская летопись села Поливанова-Сергиевского Керенского уезда (Опыт истории села)» («Пензенские губернские ведомости», 1889, №№ 61, 63, 66, 68, 75, 78; отд. оттиск: Пенза, 1889). Подобный опыт историографии не края, не города, а *села* – с точки зрения большой истории единицы почти ничтожной, своего рода quantité négligable – лежал как раз в русле представлений Федорова о задачах отечествоведения (см. в примеч. к письму 1 (преамбула), а также преамбулу к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 574–575).

Установка на полноту собирания, причем собирания глубоко индивидуализированного, воспринятая Г. П. Петерсоном от философа «всеобщего дела», прозвучала в начале очерка «Род Скорняковых в Керенском уезде», посвященного истории одной фамилии на протяжении нескольких веков и подготовленного на основании ее семейного архива: «Историческое значение "рода Скорняковых", как и всякой другой фамилии, когда-либо существовавшей в данной местности, заключается уже в том, что фамилия эта *существовала*, т. е. принимала известное участие в общественной жизни известной эпохи, имеющей свойственное ей историческое значение» («Пензенские губернские ведомости», 2 июля 1883, № 140).

На то, что в своих краеведческих работах Г. П. Петерсон вдохновлялся идеями Федорова об изучении местной истории, указывает и краткое предисловие автора к «Приходской летописи села Поливанова...»: «Приступив к собиранию исторических сведений о с. Поливанове-Сергиевском, пришлось пожалеть об отсутствии у нас местных архивов в каждом уездном и даже губернском городе, вследствие чего изучение местной истории затруднено до чрезвычайности. Между тем желание, или, вернее, потребность оглянуться назад и хотя немного приподнять завесу своего прошлого настолько присуще душе человеческой, что, независимо от сказанных препятствий, следы минувшей жизни тщательно разыскиваются, собираются и записываются исторические факты и, таким образом, нарождается, так сказать, *местная история*.

Правда, что все эти записи исторические, сделанные на месте, далеко не отличаются желаемою полнотою и научным достоинством, тем не менее, однако, уже самым существованием своим они как бы указывают, намечают тот самый путь, на который рано или поздно должна же будет наконец вступить историческая наука, если только она желает, по праву, именоваться "*всеобщей*".

Весьма возможно предположить, что подобного рода идея лежит и в основании распоряжения Преосвященного Варлаама, одного из просвещеннейших архипастырей Пензенских, когда он, вступив на кафедру Пензенской Епархии, предложил "в 23 день ноября 1855 года" духовной консистории завести в каждом Епархиальном приходе при церквах так называемые "*Памятные книги*", с тем, как гласит надпись на этих книгах, "чтобы церковнослужители вносили в оныя, по статьям и главам, ответы на все, указанные в программе, изданной Его Преосвященством, вопросы, сколь возможно обстоятельно и доказательно, и впредь неупустительно продолжали бы писать "по указанию программы"» (Г. П. Петерсон. Указ. соч., с. 1–2). Комментируя эти слова преосв. Варлаама, Г. П. Петерсон замечал: «Думается, что полезно было бы для изучения местной истории и статистики завести подобные книги, например, при каждом сельском училище, где учителя могли бы вносить в книгу по заранее намеченным рубрикам сведения, касающиеся истории села и его статистики» (там же, с. 1). Трудно не узнать здесь излюбленные федоровские мотивы.

Очерк истории с. Поливанова Г. П. Петерсон построил в основном на материале памятной книги села, где был «собран довольно разнообразный историко-этнографический материал» (там же, с. 2), освещавший разные стороны жизни его обитателей. Начав с географического положения с. Поливанова, его возникновения, связанных с ним исторических преданий, Петерсон коснулся судеб как владельцев села, так и простых крестьян, поведал историю поливановского храма, поместил сведения о всех его служителях. Здесь опять было много имен – все новые и новые лица извлекались из небытия и забвения. Затем подробно остановился на столь частых в поливановской летописи упоминаниях об урожаях и неурожаях, голодовках, моровых поветриях, о болезнях и смерти прихожан. При этом Г. П. Петерсон подчеркнул, что крупные исторические события, совершавшиеся в Керенском крае (разинский бунт, пугачевщина), в памятной книге села никак не отме-

чены; это, на его взгляд, объясняется тем обстоятельством, что народная память фиксирует прежде всего события, которые для крестьянина, стоящего лицом к лицу с землей, с естественными потребностями, обыденны и привычны, повторяются многократно и непосредственно влияют на жизнь и благополучие семьи, рода, общины. Разница «ученого», искусственного, и «народного» восприятий неоднократно показывалась и пояснялась Федоровым, и Петерсон лишь по-своему, далеко не в совершенном виде, воспроизвел некоторые его мысли.

На экземпляре «Приходской летописи села Поливанова...», ныне хранящемся в фондах Российской государственной библиотеки, имеется дарственная надпись Г. П. Петерсона:

«Многоуважаемому Николаю Федоровичу Федорову

25 июля 1889 г.

г. Саранск. Григорий Петерсон».

По всей видимости, Н. Ф. Федоров передал свой экземпляр брошюры в фонд библиотеки Московского Публичного и Румянцевского музеев. – *197.*

5. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

27 июля 1874. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 66, л. 4–4 об. (копия части письма рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 9, л. 5).

Письмо написано Н. Ф. Федоровым вскоре после возвращения в Москву из Керенска, где он прожил несколько месяцев с конца зимы 1874 г., работая в архиве Съезда мировых судей и собирая вместе с Н. П. Петерсоном материалы к истории Керенского края.

[1] Документ, о котором идет речь, был получен Н. Ф. Федоровым и Н. П. Петерсоном во время пребывания мыслителя в Керенске. Он был прислан в Керенскую публичную библиотеку владелицей с. Лундана Керенского уезда Евдокией Корниловной Рудольф вместе с другими сохранившимися у нее старинными рукописями. Документ представлял собой длинный свиток (12 аршин длины), заключавший в себе владельный указ на поместье в с. Лундан Керенского уезда, выданный в октябре 1693 г. на имя Александра Вешнякова. В нем сообщалось, что данное поместье ранее принадлежало татарину Асайке Бекбулатову Карачурину, который оставил государеву службу и во время разинского бунта приходил к Степану Разину, убеждая его идти на Казань. По поручению Разина Асайка ездил «с воровским письмом к посадским, бусурманским начальным людям и Казанским миродержцам», уговаривая их принять участие в бунте («Пензенские губернские ведомости», 30 ноября 1876, № 142). После разгрома восстания он скрылся в неизвестном направлении; поиски его, предпринятые посланным приказа Казанского дворца, не увенчались успехом, а поместье в с. Лундан было пожаловано голове московских стрельцов Ермогену Григорьеву Вешнякову, предку Александра Вешнякова, «за многие его службы, за кровь и за раны» (цит. по: там же, с. 21).

Историческая ценность данного документа определялась приведенными в ней сведениями о показаниях Степана Разина, которые он давал под пыткой в Москве: именно Разин сообщил о предательстве Асайки и описал своего пособника. Этими сведениями опровергалось утверждение историка Н. И. Костомарова («Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей», вып. 5, СПб., 1874) о том, что Разин, несмотря на истязания, не сказал ни слова о своих сообщниках.

О новонайденном документе Н. Ф. Федоров, вернувшись в Москву, сообщил Н. А. Чаеву (см. примеч. 2) и историку С. М. Соловьеву. По просьбе Чаева Н. П. Петерсон выслал ему для снятия копии оригинал рукописи (см. письмо Н. П. Петерсона к Н. А. Чаеву от 16 августа 1874 в Т. IV наст. изд., с. 653–654), однако опубликована писателем она не была. Осенью 1876 г. Н. П. Петерсон написал отдельную статью о грамоте, выданной А. Вешнякову, в которой подробно пересказал содержание документа с пространными выдержками из него и опроверг на его основе мнение Н. И. Костомарова. Статья под заголовком «Керенск, 1876 г. 2 ноября» была напечатана в «Пензенских губернских ведомостях» (30 ноября 1876, № 142). В 1882 г. сюжет с Асайкой вошел в «Исторический очерк Керенского края» Г. П. Петерсона (с. 20–22). – *197.*

[2] Николай Александрович *Чаев* (1824–1914) – писатель, драматург. До середины 1880-х годов – помощник директора и хранитель Оружейной палаты, в 1872–1874 и 1878–1884 гг. – председатель Общества любителей российской словесности. Автор драм и драматических хроник из русской истории: «Князь Александр Михайлович Тверской» (1864), «Дмитрий

Самозванец» (1865), «Грозный царь Иван Васильевич» (1869), «Свекровь (трагедия из времен уделов)» (1870) и т. д., романов «Подспудные силы» (1870–1897) и «Богатыри» (1872). – *198.*

Интерес Н. А. Чаева к документу связан с его занятиями эпохой Степана Разина. Н. П. Петерсон в примечании к своему письму Н. А. Чаеву от 16 августа 1874 указывал, что драматург задумывал роман или пьесу из жизни Степана Разина. – *198.*

[3] Речь идет об издании: «Материалы для истории возмущения Стеньки Разина». М., 1857. – *198.*

[4] Ф. И. Петерсон (см. примеч. 3 к письму 1). – *198.*

6. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

12 августа 1874. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 66, лл. 5–6 об. (копия части письма рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 9, лл. 2–3).

[1] См. письмо 5. – *198.*

[2] См. письмо 5 и примеч. 1 к нему. – *198.*

[3] Это письмо Н. А. Чаева к Н. П. Петерсону не сохранилось. Ответное письмо Н. А. Чаеву Н. П. Петерсона датировано 16 августа 1874 г. – *198.*

[4] Речь идет об обратном пути Н. Ф. Федорова из Керенска в Москву в июле 1874 г. – *198.*

[5] Приведя данное письмо Н. Ф. Федорова в своих воспоминаниях, Н. П. Петерсон так прокомментировал его: «...я знакомился с местностью Керенского уезда, проходил по ручейкам и речушкам, впадающим в реку Вад, на берегу которой стоит г. Керенск, начиная от устья до истоков, описывал эти свои экскурсии в письмах к Н<иколаю> Ф<едорови>чу» (ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 7, л. 10 об.). – *198.*

[6] *Болычевка* – деревня в Керенском уезде. Сведения о местностях Керенского уезда, упоминаемых ниже Н. Ф. Федоровым, а также о других населенных пунктах Пензенской губернии, названия которых встречаются в Т. IV наст. изд., даны по изданиям: «Списки населенных мест Российской империи». Т. 30. «Пензенская губерния». СПб., 1869; «Памятная книжка Пензенской губернии на 1870 год». Пенза, 1871; «Адрес-календарь и памятная книжка Пензенской губернии на 1883 г.». Пенза, 1884; «Памятная книжка Пензенской губернии на 1889 год». Пенза, 1888; И. Кузьмин. «Пензенская губерния». Пенза, 1902; «Поволостные и алфавитные списки населенных мест Пензенской губернии». Пенза, 1914. – *198.*

[7] *Ржавец* – а) ферма в юго-западной части Керенского уезда; б) Красный Ржавец (Андреевка) – деревня в Нижнеломовском уезде «по проселочному тракту из г. Нижний Ломов в г. Керенск» («Списки населенных мест Российской империи». Т. 30, с. 81). Какой именно из этих населенных пунктов имеет в виду Федоров, установить не удалось. – *198.*

[8] *Ушенка, Ушинка* – река в юго-западной части Керенского уезда, приток р. Буртас. – *198.*

[9] *Чиуш-Каменка* – село Выборновской волости Керенского уезда, расположенное в 18 км от Керенска. Основано в XVII в. русскими поселенцами, несшими сторожевую службу на засеках (см.: «Очерки истории пензенского края». Пенза, 1973). – *198.*

[10] *Каменка* – а) деревня в четырех километрах от г. Керенска, расположенная на р. Вад; б) село на северо-востоке Керенского уезда (Архангельская волость). Вероятно, Федоров имеет в виду именно деревню Каменку. – *198.*

[11] Впоследствии метод анализа и сравнения фамилий крестьян того или иного села с целью выявить происхождение его жителей был применен Г. П. Петерсоном в «Приходской летописи села Поливанова-Сергиевского». – *199.*

[12] *Баранчеевка, Бранчеевка* (другое название – *Вадовская*) – деревня в северо-восточной части Керенского уезда (Ягановская волость), в 11,5 км от Керенска. – *199.*

[13] *Коповка* – село в восточной части Керенского уезда при р. Вад (Рахмановская волость), в 16 км от Керенска. – *199.*

[14] *Вад* – река в Пензенской области, левый приток реки Мокши (бассейн Оки). – *199.*

[15] Речь идет об Илларионе Венедиктовиче *Масловском*, священнике с. Большая Ижмора Керенского уезда. – *199.*

[16] Села Большая Ижмора и Малая Ижмора – в западной части Керенского уезда, в 25 км от Керенска. В «Историческом очерке Керенского края» Г. П. Петерсона на с. 100 читаем: «Селения Большая и Малая Ижморы, Вяземка и Ушенка ведомства Государственной коллегии, бывшие владения Московского Благовещенского Собора (что у Государя на сенях)». – *199.*

[17] *Котел* – село в восточной части Керенского уезда в 18 км от Керенска. Среди населения уезда долгое время сохранялась легенда о разбойнике *Кудеяре*, который, придя в Керенскую землю, построил на ней «городки», а внутри или вблизи их закопал богатые клады (один из таких городков находился недалеко от с. Котел). «Клады лежат там и поныне, то в чугунных котлах, прикованных цепями к корням старого дуба; то в медных трубах, а то и в деревянных бочках, окованных железными обручами. В темные ночи на тех местах, где спрятаны клады, иногда горят огни, – как будто свечка теплится, – а попытки овладеть зарытыми в земле богатствами всегда кончаются неудачами, потому что стережет клады нечистая сила» (Г. П. Петерсон. Исторический очерк Керенского края, с. 8). Кроме того, близ села *Котел* ранее находилась роща, которая местным населением была прозвана Кудеяровской (в те времена, когда писался «Исторический очерк Керенского края», она была уже вырублена) – там же, с. 102–103. – *199.*

[18] День Ангела Н. П. Петерсона, родившегося 6 июня 1844 года, приходился на 27 июля (ст. стиль), когда праздновалась память Николая Кочанова Новгородского, Христа ради юродивого. Предыдущее письмо Н. Ф. Федорова Н. П. Петерсону было написано 27 июля 1874 г., и, по всей видимости, Николай Павлович в ответном (несохранившемся) письме указал на это совпадение. – *199.*

7. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

25 сентября 1874. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 66, л. 7–7 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 9, л. 6).

[1] По всей видимости, П. И. Бартенев по просьбе Н. Ф. Федорова бесплатно выслал вышедшие номера «Русского архива» за 1874 г. в Керенскую публичную библиотеку. – *199.*

[2] Указанная Н. Ф. Федоровым депеша (от 7 июля 1780 г.) лорда Джеймса Гарриса *Мальмсбери* (1746–1820), английского посланника в Санкт-Петербурге в годы правления Екатерины II, лорду *Стормонту*, ведавшему в то время иностранными сношениями Англии, содержала сообщение о его разговоре с императрицей, в котором речь шла о недавних беспорядках в Лондоне (см. примеч. 3), причем Екатерина сказала, «что до нее дошло, что один из ее подданных был главным образом замешан в разрушении часовни сардинского министра» и что она намерена предать его в руки правосудия. В следующей депеше, от 28 июля 1880 г., лорд Мальмсбери сообщал об аресте молодого офицера, который прибыл в Кронштадт под фальшивым именем и оказался тем самым подданным. Этим офицером был Иван Романович *Ронцов* (1755–1791), родоначальник дворянского рода Ронцовых (Ранцевых), землевладельцев Керенского уезда. И. Р. Ронцов являлся незаконорожденным сыном графа Воронцова и англичанки, детство и юность провел в Англии, где окончил Оксфордский университет. Некоторые сведения о жизни И. Р. Ронцова впоследствии поместил в своем «Историческом очерке Керенского края» Г. П. Петерсон (с. 50–52). – *199.*

[3] В четвертом томе «Истории восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения Французской империи» немецкий историк Фридрих Кристоф *Шлоссер* (1776–1861) подробно описывал беспорядки в Англии и Шотландии, вызванные принятием английским парламентом закона, отменяющего преследования католиков. Особенно сильными волнения были в Лондоне: здесь толпа народа, подстрекаемая наиболее непримиримыми противниками нового закона, почти неделю, начиная со 2 июня 1780 г., громила католические капеллы и дома знатных католиков. Тогда же была разрушена и часовня министра Сардинии, в чем, по словам Екатерины II, принимал участие И. Р. Ронцов. – *199.*

[4] См. письмо 5 и примеч. 1–3 к нему. – *199.*

[5] Речь о идет ротмистре Гаврииле *Ломоносове*, владельце части с. Кармалейки и Таракановки Керенского уезда, депутате созванной Екатериной II Уложенной комиссии 1767 года. Сведения об участии Г. Ломоносова в работе комиссии были приведены Г. П. Петерсоном в «Историческом очерке Керенского края», с. 29–30. – *199.*

[6] Речь идет о церкви во имя св. Архистратига Михаила в с. Архангельском Керенского уезда, построенной в 1734 году. В письме к Н. А. Чаеву от 16 августа 1874 г. Н. П. Петерсон сообщал, что «на днях» приступает к описанию Архангельской церкви. – *199.*

8. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

17 ноября 1874. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 66, лл. 8–9 (копия части письма рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 9, лл. 7–8).

[1] Вероятно, речь идет о Владимире Александровиче *Ильине*, керенском землевладельце, «гвардии поручике» (см.: «Адрес-календарь и памятная книжка Пензенской губернии на 1883 г.». Пенза, 1884). Судя по контексту письма, В. А. Ильин какое-то время исполнял должность председателя Керенского съезда мировых судей (в 1879–1880-х гг. ее постоянно занимал Н. Х. Логвинов), однако проверить этот факт нам не удалось. – *200.*

[2] В своих воспоминаниях Н. П. Петерсон соотносит эту фразу с уходом Н. Ф. Федорова из Чертковской библиотеки (см.: ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 7, л. 7 об.), однако в данном случае он ошибается. После перевода Чертковской библиотеки в 1873 г. в помещение Московского Публичного и Румянцевского музеев мыслитель не был с ней связан и – как в 1873 г., так и в августе–октябре 1874 г. – подрабатывал в качестве корректора (ср. в письме Н. П. Петерсона Н. А. Чаеву от 16 августа 1874: «...надеется и в Москве жить, занимаясь корректурой, перепиской или чем-либо в этом роде» (Т. IV наст. изд., с. 653). Кроме того, П. И. Бартенев, библиотекарь Чертковки, с 1873 г. также уже не имел к ней отношения, поскольку на новом месте его сменил Е. В. Барсов (см. примеч. 2 к письму 1). Фраза «Бартенева я оставил» подтверждает наше предположение о том, что в указанный период Николай Федорович был связан с журналом «Русский архив» (см. там же), вычитывая корректуры, а может быть, исполняя и другую работу по журналу. – *200.*

[3] Библиотека Федора Васильевича *Чижова* (1811–1877), ученого, общественного деятеля-славянофила, включала свыше 4000 томов: «книг и брошюр артистического, исторического, экономического, статистического и технического содержания» (У. Г. Иваск. Частные библиотеки в России. Опыт библиографического указателя. Ч. 2, СПб., 1912, с. 70–71; «Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1876–1878 гг.». М., 1879, с. 119). Интересен факт, установленный Л. М. Коваль: когда в 1878 г. библиотека по завещанию владельца была передана в Московский Публичный и Румянцевский музеи, для приемки и разбора этой библиотеки были командированы библиотекарь Музеев Е. Ф. Корш и Н. Ф. Федоров (Л. М. Коваль. Страница истории. Николай Федорович Федоров и Московский Публичный и Румянцевский Музеи // *Философия бессмертия и воскрешения*. Вып. 1, с. 237). Возможно, свою роль здесь сыграл и тот факт, что Н. Ф. Федоров в ноябре 1874 г., непосредственно перед поступлением на службу в библиотеку Музеев, занимался упорядочением и каталогизацией собрания Чижова по просьбе последнего.

По воспоминаниям Н. П. Петерсона, «о Чижове Н<иколай> Ф<едорови>ч говорил с большою симпатиею» (ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 7, л. 8). – *200.*

[4] См. примеч. 2, 3 к письму 7. – *200.*

[5] Речь идет о библиотеке Московского Публичного и Румянцевского музеев. – *200.*

[6] Речь идет об издании: Р. Пахт. Геогностическое исследование, произведенное в губерниях Воронежской, Тамбовской, Пензенской и Симбирской от Воронежа до Самары. Б.м., б.г. Р. Пахт, член Императорского Географического общества, занимавшийся геогнозией, или исторической геологией, в 1853 г. обследовал почвы указанных им губерний (остатки песчаника, глину, окаменелости и т. д.) с целью «определить восточные границы девонской формации» (4-й период палеозойской эры). По всей видимости, Н. Ф. Федоров и Н. П. Петерсон, изучая Керенский край, занимались и вопросами исторической геологии. В письме к Н. П. Петерсону от 12 августа 1874 г. Н. Ф. Федоров просил ученика поискать «хотя в тех обрывах, из которых керенцы добывают камень», и привезти в Москву окаменелости, раковины, образчики каменной породы и т. д. – *200.*

1875

9. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

6 февраля 1875. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 67, л. 25–25 об.

[1] На предыдущей квартире по «Сущевской части 19 кварталу», д. 569 Н. Ф. Федоров жил с 25 января 1875 г. (Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 158 об.; *В. С. Борисов. Адреса Н. Ф. Федорова*, с. 254). – *201.*

[2] Это письмо Н. П. Петерсона Н. Ф. Федорову не сохранилось. – *201.*

[3] 27 ноября Н. Ф. Федоров подал директору Московского Публичного и Румянцевского музеев следующее прошение:

«Его превосходительству
г-ну Директору
Московского Публичного и Румянцевского Музеев
коллежского секретаря
Николая Федорова

Прошение

Имея желание поступить на открывшуюся в Московском Публичном и Румянцевском Музеях вакансию дежурного чиновника при читальном зале, обращаюсь к Вашему Превосходительству с покорнейшею просьбою определить меня на означенную должность. Ноября дня 1874 года

Отставной коллежский секретарь

Николай Федоров»

(Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 5).

На прошении – виза В. А. Дашкова:

«Согласен
27 ноября 1874

---

4 декабря» (там же).

С 27 ноября 1874 г. Н. Ф. Федоров считался официально зачисленным в штат Музеев. Именно эта дата указывалась впоследствии в отчетах Музеев, в которые входили списки его штатных служащих. – *201.*

[4] Румянцевский музей ежегодно бывал закрыт на летнее время с 15 июня по 15 августа. В течение 25 лет, начиная с 1875 г. – первого года своей службы в библиотеке Музеев, – Федоров старался не проводить это время в Москве. Обычно он уезжал к Н. П. Петерсону (сначала в Керенск, затем Мокшан и Воронеж), в 1880-е гг. навещал в Рязани Д. П. Лебедева (см. в «Приложении» к Т. IV наст. изд. письма Д. П. и М. С. Лебедевых к Н. Ф. Федорову, а также письмо Д. П. Лебедева Ф. И. Буслаеву от 9–13 июля 1884 г. в наст. томе), бывал в Подольске, где ранее в 1867–1868 гг. работал учителем и где неподалеку, в Дубровицах, иногда жил летом В. А. Кожевников. – *201.*

[5] Приехать в Москву весной 1875 г. Н. П. Петерсон не смог. – *201.*

[6] Первый из упомянутых Федоровым документов – грамота от 7 марта 1682 г., данная от «Федора Алексеевича царя стольнику кн. Ивану Кугушеву» с наказом отдать назначенному вместо него Емельяну Засецкому «именные списки новокрещенным мордве и буртасам». Этот документ, первоначально хранившийся в Керенской публичной библиотеке, впоследствии был отослан Н. П. и Г. П. Петерсонами вместе с другими документами в Казанское общество истории, археологии и этнографии (см. примеч. 75 к разделу «Приложения» «Письма Н. П. Петерсона Н. Ф. Федорову»). В 1890 г. Г. П. Петерсон опубликовал этот документ с собственным комментарием: по его словам, он свидетельствует о существовании буртасов – потомков представителей племенного союза 5–11 вв. на территории Среднего и Нижнего Поволжья, ассимилированных впоследствии волжско-камскими болгарами и другими народами Поволжья – еще в XVII в. (Г. Петерсон. К материалам для истории буртасов // Пензенские губернские ведомости, 9 февраля 1890, № 31).

Второй документ – «Список воевод Керенских (неполный)» – впоследствии был опубликован Г. П. Петерсоном в приложениях к его «Историческому очерку Керенского края» (Пенза, 1882, с. 78). – *201.*

10. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

24 апреля 1875. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 67, л. 5–5 об.

[1] Новый адрес Н. Ф. Федорова: «Хамовнической части, 6 квартала, дом № 584, Чиянова»; зарегистрирован по этому адресу он был через несколько дней – 28 апреля (Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 136 об.; *В.С. Борисов. Адреса Н.Ф.Федорова*, с. 254). – *201.*

[2] Это письмо Н. Ф. Федорова к Н. П. Петерсону не сохранилось. – *201.*

[3] Н. П. Петерсон в то время являлся учителем устроенной по его инициативе церковно-приходской школы при Покровской церкви г. Керенска (см. также примеч. 9 к разделу «Приложения» «Письма Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову»). – *201.*

11. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

15 июня 1875. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 67, л. 6.

[1] Прошение о выдаче свидетельства для свободного проезда в Керенск Н. Ф. Федоров представил в дирекцию Музеев 17 июня 1875 г. На следующий день свидетельство на срок «от 18 июня по 15 августа» было выдано (Архив РГБ, оп. 126, д. 53, лл. 17, 18).

В Керенске Н. Ф. Федоров пробыл чуть меньше месяца и 20 или 21 июля отправился в Москву. 24 июля от был зарегистрирован по новому адресу: «Сретенская часть, дом № 323 Петрова» (Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 158 об.; *В. С. Борисов. Адреса Н. Ф. Федорова*, с. 254 (указан июнь вместо июля)). – *202.*

12. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

24 сентября 1875. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 67, л. 7.

Ответ на письмо Н. П. Петерсона от 9–16 сентября 1875 (см.: Т. IV наст. изд., с. 570–573).

[1] Этот адрес отражен в документах личного дела Н. Ф. Федорова. Зарегистрирован по нему Федоров был 14 августа 1875 г. (см.: Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 158 об.; *В. С. Борисов. Адреса Н. Ф. Федорова,* с. 254). – *202.*

[2] Н. П. Петерсон приезжал в Москву в октябре 1875 г. – *202.*

13. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

25 ноября 1875 г.

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 67, л. 21–21 об.

[1] См. письмо 12. – *202.*

[2] В личном деле Н. Ф. Федорова в Архиве РГБ не сохранилось прошения об отставке за 1875 г. – *202.*

[3] См. примеч. 2 к письму 12. – *202.*

14. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

21 декабря 1875. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 67, л. 4.

[1] По всей видимости, Н. П. Петерсон предлагал Н. Ф. Федорову заняться составлением отчетов по мировым судебным участкам. Годом ранее, еще не поступив на службу в библиотеку Музеев, Н. Ф. Федоров писал ученику, что мог бы исполнять эту работу и таким образом обеспечивать себе в Керенске необходимый заработок (см. письмо 8). На то, что предложение Н. П. Петерсона касалось именно отчетов, указывает и фраза из его письма к Н. Ф. Федорову от конца марта 1876 г.: «Жду Вас с нетерпением, нужно составлять отчеты...» (Т. IV наст. изд., с. 573). – *203.*

[2] Намерение Н. П. Петерсона приехать в Москву не осуществилось (см. письмо 15). – *203.*

[3] См. письмо 12 и примеч. 1 к нему. – *203.*

[4] О какой проповеди идет речь, установить не удалось. – *203.*

[5] Это письмо Н. Ф. Федорова к Н. П. Петерсону не сохранилось. – *203.*

1876

15. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

6 января 1876. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 67, л. 9–9 об.

[1] Официально по этому адресу Н. Ф. Федоров был зарегистрирован спустя две недели – 19 января 1875 г. (Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 158 об.). – *204.*

[2] См. письмо 14. – *204.*

[3] Н. Ф. Федоров смог выехать в Керенск лишь в середине июня 1876 г. – *204.*

16. Н. Н. ПЕТЕРСОНУ

Не позднее 10 февраля 1876. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 133 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 10). Ранее опубликовано: «Вселенское дело». Вып. 1, с. 97–98.

Черновик ответа на несохранившееся письмо Н. П. Петерсона, в котором тот сообщал Федорову о том, что стал инициатором создания маленькой приходской больницы. Больница была создана при Покровской церкви г. Керенска, старостой которой был Н. П. Петерсон, и находилась в здании Керенской публичной библиотеки (там же помещалась и церковно-приходская школа, где учительствовал Николай Павлович).

В архиве Н. П. Петерсона сохранились сделанные им наброски плана деятельности, направленной на «оживление прихода» (по всей видимости, они были сделаны в конце 1875 – начале 1876 гг.):

«Больница – сиделка и ее обязанности, дежурства учеников (будничные и праздничные), в видах помощи сиделке и в видах обучения; устройство чтений для бедных – в видах развлечения их и нравственного улучшения; обязанности врача – история болезни как находящихся в больнице, так и приходящих за советами и посещаемых врачом на домах, между прочим в видах определения количества кроватей, которые необходимо иметь в больнице прихода.

Способ снабжения пищей, бельем, дровами и проч.

Библиотека – снабдить книгами, необходимыми для ведения школьного дела, для местных наблюдений и исследований. Отчеты за все протекшее время и в особенности за 1875 год.

Для истории Керенска.

Просматривать церковные книги и доставать купчие крепости везде, где можно, и другие старинные бумаги. Бывая в каком-либо селе, не пропускать ни одного священника.

Сущ<ествующее> Ссудосберегательное Товарищество должно выделить из себя Покровское приходское ссудосберегательное товарищество, которое должно быть поставлено в связь с приходским попечительством, что может послужить к оживлению его; в уставе должно быть постановлено о помощи безвозвратной или по крайней мере на продолжительные сроки. Должны быть узнаны сироты прихода, остающиеся без призора, престарелые... для этого воспользоваться праздничными обходами.

Школа. Вышка. Рыбный садок, птичник, устройство живого гербариума. Образ и картины. Виды местные. Пение» (ОР РГБ, ф. 657, к. 1, ед. хр. 28).

17. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

10 февраля 1876. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 67, л. 8–8 об.

Ответ на несохранившееся письмо Н. П. Петерсона.

[1] См. примеч. к письму 16 (преамбула). – *206.*

[2] «Приходская больничка, устроенная мною, – вспоминал впоследствии Н. П. Петерсон, – обратилась в богадельню, в которой доживали свой век две бесприютные старушки. Крестьяне, да и все, кто живет в семействе, имеет свой угол, не охотно расстаются с своею домашнею обстановкою, как бы плоха она ни была, и будучи больны, гораздо охотнее лечатся у себя дома...» (ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 7, л. 12 об.). – *206.*

[3] М. С. Залуговский. Руководство по уходу за больными, беременными, родильницами, новорожденными детьми и первая помощь до прибытия врача. Изд. 2-е, дополненное. М., 1877. – *206.*

[4] Г. П. Петерсон, керенский городской врач. – *206.*

[5] М. С. Залуговский. Руководство по уходу за больными, беременными, родильницами и новорожденными детьми. М., 1869. – *206.*

18. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

2 апреля 1876. Москва

Ответ на письмо Н. П. Петерсона от конца марта 1876 (Т. IV наст. изд., с. 573–574).

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 67, л. 26–26 об.

[1] Василий Ефимович *Маслов* – московский торговец семенами. Держал семенные лавки на ул. Большая Дмитровка и в Охотном ряду. В письме от конца марта 1876 г. Н. П. Петерсон сообщал, что выписанные им из Москвы «от Маслова» семена шелковичного червя «оказались никуда не годными» (Т. IV наст. изд., с. 574). Ознакомление с положением прихожан Покровской церкви г. Керенска было частью составленного Н. П. Петерсоном плана его деятельности в приходе (см. примеч. к письму 16 (преамбула)). – *206.*

19. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

8 мая 1876. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 67, л. 27–27 об.

Ответ на несохранившееся письмо Н. П. Петерсона.

[1] См. письмо Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову от конца марта 1876 и письмо 18. – *207.*

[2] Петр Егорович *Гусев* – бывший ученик Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона по Богородскому уездному училищу. В свое время, так же как и Н. П. Петерсон, привлекался по Каракозовскому делу (с конца 1865 г. по апрель 1866 г. он жил у Петерсона в Бронницах, приготовляясь к экзамену на звание уездного учителя, что и послужило поводом к его аресту), но вскоре был выпущен на поруки (см.: ГАРФ, ф. 272, оп. 1, ед. хр. 44). Иных сведений о П. Е. Гусеве разыскать не удалось. – *207.*

[3] Н. П. Петерсон собирался открыть при Покровской церковно-приходской школе кузницу и слесарню и просил Н. Ф. Федорова помочь ему отыскать в Москве мастера-кузнеца и слесаря, которые согласились бы работать в Керенске (см. также письмо Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову между 3 и 12 июня 1876 в «Приложении» к Т. IV, с. 574–576). – *207.*

20. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

1 июня 1876. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 67, л. 28–28 об.

Ответ на письмо Н. П. Петерсона от 26 мая 1876 (Т. IV наст. изд., с. 574).

[1] Ранее в не дошедшем до нас письме к Н. Ф. Федорову Н. П. Петерсон сообщал о том, что послал Ф. М. Достоевскому две свои статьи, написанные для «Справочного листка района Моршанско-Сызранской железной дороги», прося об отклике, и что Достоевский поместил фрагмент одной из статей с собственным комментарием на него в «Дневнике писателя» (тексты обеих статей и письма Н. П. Петерсона Ф. М. Достоевскому от 6 марта 1876 см. в Т. IV наст. изд., с. 501–506). О своем намерении отвечать Достоевскому Н. П. Петерсон сообщил Федорову в другом письме – от 26 мая 1876. – *207.*

21. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

15 июня 1876. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 67, л. 10.

[1] 15 июня, в день написания письма, Н. Ф. Федоров подал в дирекцию Музеев прошение о выдаче ему свидетельства на проезд «на вакационное время в г. Керенск». Свидетельство было выдано в тот же день (Архив РГБ, ф. 126, д. 53, лл. 23–24). – *207.*

1878

22. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

Между 30 марта и 6 апреля 1878. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 67, лл. 22–23.

Датируется на основании писем Н. П. Петерсона Н. Ф. Федорову от 29 марта и 8 апреля 1878 г. (Т. IV наст. изд., с. 576–577). В письме от 29 марта 1878 г. Петерсон сообщал Федорову о посланном им Достоевскому изложении учения «всеобщего дела» (статья «Чем должна быть народная школа?» – текст ее см.: там же, с. 506–513) и пересылал письмо Ф. М. Достоевского от 24 марта 1878 г. Письмом Н. П. Петерсона и данным ответом Федорова была возобновлена переписка учителя и ученика, прервавшаяся более чем на год.

[1] Письмо Н. П. Петерсона было адресовано в Румянцевский музей на имя Н. Ф. Федорова. – *208.*

[2] Это письмо содержало в себе отклик на письмо Ф. М. Достоевского от 24 марта 1878 г. Оно не было послано Н. П. Петерсону (см. письмо 23), и текст его не сохранился. – *208.*

23. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

25 апреля 1878. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 66, л. 10–10 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 1). Ответ на письмо Н. П. Петерсона от 19 апреля 1878 г. (Т. IV наст. изд., с. 577–578).

[1] Имеется в виду статья Н. П. Петерсона «Чем должна быть народная школа?», посланная им Ф. М. Достоевскому (копию этой статьи Н. П. Петерсон выслал Н. Ф. Федорову 8 апреля 1878 г.). – *208.*

[2] Речь идет о письме Н. П. Петерсона Н. Ф. Федорову от 29 марта 1878 г. – *208.*

[3] В статье «Очерк воззрений на человеческую природу» И. И. Мечников рассматривал две исторически сложившиеся точки зрения на человека. Согласно первой из них, наиболее отчетливо проявившей себя в античности, а затем в эпоху Возрождения, человек есть мера всех вещей, его нравственная и физическая природы равно совершенны и гармоничны. Согласно второй, человеческая природа далека от совершенства и должна быть видоизменяема в соответствии с направлением ума и совести человека. Неудовлетворенность «устройством нашего тела», подчеркивал Мечников, свойственна народам «на первобытной стадии развития» – не случайно дикари употребляют «целый ряд искусственных приемов» «с целью, по возможности, устранить некоторые природные особенности нашего организма»; она же, по убеждению ученого, проявилась и в христианском миросозерцании, ориентирующем человека на подавление животных инстинктов. Эта вторая точка зрения, писал Мечников, соответствует и новейшим данным науки: «...человек представляется сложным результатом длинного процесса, оставившего по себе нередко очень явственные следы. Процесс этот вообще имеет характер одностороннего усовершенствования интеллектуальной стороны, подавившей ряд других сторон организма (по всей вероятности, Мечников имеет в виду теорию цефализации, выдвинутую в 1851 г. американским палеонтологом Д. Дана. – *Сост.*). Таким образом, человек, сравнительно с ближайшими к нему животными, одарен более емким черепом и обладает несравненно большей степенью умственных способностей, но в то же время он лишен готовых средств к защите, как, например, шерстяного покрова, сильных клыков и т. д.» (ср. близкие рассуждения у Н. Ф. Федорова в статье «Горизонтальное положение и вертикальное – смерть и жизнь» (Т. II наст. изд., с. 253)). Далее И. И. Мечников, полемизируя с антропологическими воззрениями просветителей, поднимал тему разлада в человеке, причем причины разлада полагал в несовершенстве самого «человеческого организма», в несоответствии между данными ему природой свойствами и «человеческим идеалом счастья» («Вестник Европы», 1877, № 4, с. 540, 554, 556). Ученый давал как бы естественнонаучное обоснование тому представлению о двойственности, дисгармоничности природы человека, которое утвердилось в философской лирике XIX в., а с особой силой было раскрыто в творчестве Ф. М. Достоевского: «Можно утверждать, что вид Homo sapiens принадлежит к числу видов, еще не вполне установившихся и не полно приспособленных к условиям существования. Унаследованные им инстинкты потеряли свою первоначальную силу, сделались шатки, тогда как долженствующий стать на их место разум еще не достаточно развился и окреп. Отсюда раздвоение и разлад» (там же, с. 558).

В поиске путей преодоления разлада в человеке И. И. Мечников подходил к активно-эволюционным выводам: «Наука только теперь приходит к убеждению в существовании органического разлада в человеческой природе, и возможно, что вскоре прикладное знание найдет возможность воспользоваться ее результатами, с целью “искусственным” путем восстановить бóльшую гармонию». Уже нельзя считать, продолжает ученый, «что все прекрасно в первоначальном естественном своем виде. Нет, наша природа заключает стороны, которые могут и должны быть устранены и видоизменены, и прикладное знание (искусство в широком смысле) должно содействовать этому. [...] Отстаиваемое здесь воззрение существенно противоположно эллинскому фаталистическому натурализму. Оно старается выдвинуть активный фактор воли на подобающую ей арену и не подавлять многочисленных и столь дорогих человечеству стремлений и идеалов на основании лишь того, что они не могут быть совмещены с природою человека в данный момент. [...] В человеческом мире сознание и воля являются факторами процесса подбора, который в мире остальных организмов справляется без них, и основной разлад устраняется при помощи самого человека, активнейшего из всех живых существ» (там же, с. 559–560). – *209.*

24. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

20 мая 1878. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 66, лл. 11–12 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 1).

Ответ на письмо Н. П. Петерсона от 11 мая 1878 г. (Т. IV наст. изд., с. 578–579).

[1] См. примеч. 1 к письму 23. – *209.*

[2] См. примеч. 2 к письму 22. – *209*.

[3] Речь идет об издании: П. М. Ольхин. Полное руководство к фотографии. СПб., 1873. – *209*.

25. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

14 июля 1878. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 66, л. 13 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 1). Письмо написано вскоре после возвращения Н. Ф. Федорова из Керенска, куда он приехал в середине июня (отпускное свидетельство «в разные города Российской империи» сроком до 15 августа 1878 г. было получено им в дирекции Музеев 12 июня // Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 31) и где пробыл две недели (Н. П. Петерсон. Николай Федорович Федоров и его книга «Философия общего дела» // ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 7, л. 14).

[1] Эти письма Н. П. Петерсона не сохранились. Рукопись, о которой говорит Н. Ф. Федоров, представляла собой развернутое изложение учения всеобщего дела; мыслитель намеревался послать это изложение Ф. М. Достоевскому в ответ на его письмо к Н. П. Петерсону от 24 марта 1878 г. (этот ответ впоследствии вылился в главное сочинение Н. Ф. Федорова «Вопрос о братстве, или родстве... Записка от неученых к ученым»). Н. Ф. Федоров работал над рукописью в Керенске в течение всей второй половины июня 1878 г. и оставил ее Н. П. Петерсону для переписки. В течение июля Н. П. Петерсон переписывал рукопись по частям и переписанные листы высылал Н. Ф. Федорову в Москву, а Н. Ф. Федоров делал необходимые исправления. В августе 1878 г. Н. П. Петерсон приехал в Москву, где учитель и ученик продолжили работу над рукописью. После возвращения в Керенск Н. П. Петерсон начал переписку текста и к двадцатым числам ноября 1878 г. выслал Н. Ф. Федорову всю рукопись. Как следует из письма Н. Ф. Федорова Н. П. Петерсону от 21 ноября 1878 г. (письмо 30), философ остался недоволен изложением, и были предприняты новые исправления, дополнения и переделки. Работа над рукописью ответа шла с перерывами в течение 1879, 1880 гг. (см. письмо 33; а также: Н. П. Петерсон. Письмо к издателю «Русского Архива». По поводу отзыва Ф. М. Достоевского о Н. Ф. Федорове («Русский архив», 1904, № 5–6, с. 301); Н. П. Петерсон. Николай Федорович Федоров и его книга «Философия Общего Дела» (ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 7, лл. 14–15)).

Как впоследствии сообщал Н. П. Петерсон В. А. Кожевникову, текст ответа Достоевскому, разраставшийся от месяца к месяцу, обнимал собой большую часть второй, а также третью и четвертую части «Записки», причем вначале третья часть «была даже меньше» четвертой, но затем, в ходе многолетней работы, разрослась, четвертая же часть «почти осталась такою, как она была написана в 1878 г.» (Н. П. Петерсон – В. А. Кожевникову, 13 марта 1905 // ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 25, л. 14). Летом 1878 г. в Керенске писание было начато со слов «Находясь чуть не тысячу лет, почти с самого возникновения России, в постоянной борьбе с исламом...» (вторая часть «Записки» – см. Т. I наст. изд., с. 84), причем в центр изложения было поставлено учение о Троице, переосмысленное Н. Ф. Федоровым в духе активного христианства, – во многом это было связано с тем, что вопрос о братском единении людей по образу и подобию Божественного Триединства был центральным и в статье «Чем должна быть народная школа?», посланной Н. П. Петерсоном Ф. М. Достоевскому в конце 1877 г. и вызвавшей его письмо от 24 марта 1878 г.

Вероятно, именно текст, вошедший впоследствии во вторую часть «Записки» (о его границах см. в примеч. 12 к разделу «Приложения» «Материалы к истории знакомства Ф. М. Достоевского с идеями Н. Ф. Федорова»), составил «Предисловие» к рукописи ответа, первоначальный вариант которого был написан летом 1878 г. (см. письмо 29), а затем правился и дополнялся, и именно это предисловие отправил Н. П. Петерсон Ф. М. Достоевскому втайне от Федорова в последней трети 1880 г. (см. письмо Н. П. Петерсона К. П. Победоносцеву от 14 марта 1881 г. – Т. IV наст. изд., с. 515–518), однако дошла ли рукопись до писателя, неизвестно.

После смерти Ф. М. Достоевского работа над рукописью была продолжена (см. письмо Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову от 7 октября 1881 г. (Т. IV наст. изд., с. 579, а также воспоминания Н. П. Петерсона – ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 7, л. 15). Она шла всю первую половину 1880-х гг., а в конце 1884 г. Н. П. Петерсон представил на рассмотрение Московского цензурного комитета текст всего сочинения за собственной подписью. Было ли это сделано Николаем Павловичем опять без ведома Федорова или философ был в курсе новой инициативы, возможно, и сам надеялся на то, что удастся выпустить в свет многолетний труд, мы не знаем (аналогичная попытка обращения в Московский цензур-

ный комитет предпринималась в 1894 г.: тогда за подписью Петерсона была представлена рукопись Федорова «В защиту дела и знания...»), хотя логично предположить, что в данном случае Федоров не был поставлен в известность (см. примеч. к письму 274 (преамбула)). Московский цензурный комитет направил рукопись в Московский комитет для цензуры духовных книг, а там она была остановлена. В отношении Московского комитета духовной цензуры от 27 января 1885 г. за № 42, сообщающем о рассмотрении рукописи «Вопрос о причинах небратского состояния мира», читаем: «Все положения автора так сбивчиво изложены, определения так неполны и неточны, что читателю трудно понимать его мысли. Изложение о Троичном Боге можно бы назвать еретическим, если бы не представлялось более правильным признать, что автор не может дать себе строгого отчета в своих мыслях. Рукопись на основании 236 и 237 ст. Цензурного Устава к печати дозволена быть не может» (Центральный государственный исторический архив г. Москвы (далее – ЦГИА), ф. 31, оп. 3, д. 2176, л. 16 об.). Данное отношение рассматривалось 30 января на очередном заседании Московского цензурного комитета, коим и было постановлено: «Уведомить автора, а запрещенную рукопись удержать при делах Комитета» (там же). Материалы ЦГИА обнаружены *В. В. Александровой*.

Во второй половине 1880-х – начале 1890-х гг. Н. Ф. Федоров продолжил работу над своим главным сочинением, дополняя его новыми фрагментами (см. письма к Н. П. Петерсону 1888–1891 гг.). – *209.*

[2] Вернувшись из Керенска, Н. Ф. Федоров, по всей вероятности, остановился на той же квартире, где проживал до отъезда, «в слободке Потылихе у Воробьевых гор» (см. письмо 24). – *209.*

26. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

23 июля 1878. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 66, л. 14 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 2).

[1] Речь идет о тексте ответа Ф. М. Достоевскому (см. примеч. 1 к письму 25). – *210.*

[2] Из трех писем, отправленных Н. Ф. Федоровым Н. П. Петерсону с 14 по 20 июля 1878 г., сохранилось только письмо от 14 июля. – *210.*

27. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

29 июля 1878. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 66, л. 15 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 2).

[1] См. письмо 26 и примеч. 2 к нему. – *210.*

[2] Речь идет о рукописи ответа Ф. М. Достоевскому. – *210.*

[3] Н. П. Петерсон приезжал в Москву в августе 1878 г. (см. в примеч. 1 к письму 25). – *210.*

28. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

22 августа 1878. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр. 6, л. 3–3 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – там же, л. 4).

[1] Н. Ф. Федоров заказал для Н. П. Петерсона из московских книжных магазинов М. О. Вольфа и П. И. Соловьева следующие издания: М. Ф. Хандриков. Система астрономии. Т. I–III, Киев, 1875–1877; Л. Н. Толстой. Славянские книги для чтения. Книга 4. М., 1877; В. И. Классовский. Грамматика славяно-церковного языка нового периода. 2-е изд., СПб., 1867. – *210.*

[2] Речь идет об изданиях: Ф. Брюннов. Учебник сферической астрономии. СПб., 1873; А. Н. Савич. Курс астрономии. Т. 1. Сферическая астрономия. СПб., 1874. – *210.*

[3] «Адрес-календарь разных учреждений г. Москвы на 1878 г.». М., 1878, с. 634. Станислав Иосифович *Василевский* (1844–?) – врач, доктор медицины, работал в Московской городской детской больнице с момента ее основания в 1876 г., пройдя путь от ассистента до директора и главного врача (см: «Очерк возникновения и двадцатипятилетней деятельности Московской городской детской больницы св. Владимира. 1876–1900». М., 1901). – *211.*

[4] Данных об И. С. Половцеве разыскать не удалось. – *211.*

[5] Юлия Владимировна *Петерсон* (урожд. Огарева) (1858–1930) – вторая жена Н. П. Петерсона. С Ю. В. Петерсон, на которой Н. П. Петерсон женился 30 апреля 1877 г., Н. Ф. Федоров познакомился в июле 1878 г. во время своего пребывания в Керенске. – *211.*

29. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

12 сентября 1878. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр. 6, л. 5–5 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – там же, л. 6).

[1] Это письмо Н. П. Петерсона не сохранилось. – *211.*

[2] Речь идет о предисловии к рукописи, писавшейся как ответ Ф. М. Достоевскому. Предисловие составило основу второй части «Записки». – *211.*

[3] По всей видимости, Н. П. Петерсон составил собственную заметку «о долге воскрешения» в ответ на письмо Ф. М. Достоевского от 24 марта 1878 г. Текст этой заметки, так же как и ответ на нее Н. Ф. Федорова, не сохранился. – *211.*

[4] Речь идет об изданиях: Ф. И. Буслаев. Учебник русской грамматики, сближенной с церковно-славянскою с приложением образцов грамматического разбора. М., 1878; П. В. Смирновский. Грамматика древнего церковно-славянского языка, изложенная сравнительно с русскою. СПб., 1878. – *211.*

[5] Об этих изданиях см. примеч. 1, 2 к письму 28. – *211.*

30. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

21 ноября 1878. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 66, л. 16–16 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 2).

[1] Речь идет об ответе Ф. М. Достоевскому. – *211.*

[2] Письмо 29. – *212.*

[3] Речь идет об И. С. Половцеве (см. письмо 28). – *212.*

[4] См. примеч. 2 к письму 28. – *212.*

1879

31. Н. Н. ПЕТЕРСОНУ

24 мая 1879. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 67, л. 11.

[1] О какой книге идет речь, установить не удалось. – *213.*

[2] 30 мая 1879 г. Н. Ф. Федоров подал в дирекцию Московского Публичного и Румянцевского музеев прошение о выдаче ему отпускного свидетельства на проезд «в разные города Российской империи». Свидетельство было выдано на срок с 1 июня по 15 августа (Архив РГБ, оп. 126, ед. хр. 53, л. 28). – *213.*

32. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

31 мая 1879. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 67, л. 12.

[1] Федоров имеет в виду свое письмо к Н. П. Петерсону от 24 мая 1879 г. – *213.*

[2] См. примеч. 2 к письму 31. – *213.*

[3] Капитальные внутренние и наружные перестройки здания Московского Публичного и Румянцевского музеев начались летом 1879 г. (в этом году читальный зал был переведен из подвального этажа в более вместительное и вновь отделанное помещение) и продолжились в течение всего последующего года (см. «Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1879–1882 г.». М., 1884, с. 103, 149). – *213.*

1880

33. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

8 января 1880. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 66, л. 18 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 7). Ранее опубликовано: *Контекст 1988*, с. 326–327; *Сочинения 1994*, с. 361.

[1] Речь идет о тексте ответа Ф. М. Достоевскому (см. примеч. 1 к письму 25). Какой именно текст из ап. Павла был предложен в качестве эпиграфа Н. П. Петерсоном, помогавшим Н. Ф. Федорову в работе над рукописью, установить не удалось. – *214.*

34. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

23 октября 1880. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 66, л. 19–19 об. (копия части письма рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 9, л. 8).

[1] Это письмо Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову не сохранилось. – *214*.

[2] О какой статье идет речь, установить не удалось. – *214*.

[3] Ю. В. Петерсон, жена Н. П. Петерсона, и ее сестра О. В. Огарева. – *215*.

[4] К 1880 г. у Н. П. Петерсона было семеро детей. Шесть от первого брака: Павел (1868–1921), Александр (1869 – между 1914 и 1917), Елизавета (1870–1919), в замужестве Кривошеина, Вера (1872–1937), Дмитрий (1873 – вторая половина 1890-х), Владимир (1875–1922); и сын Алексей (1879 – между 1918 и 1921) от второго брака. Позднее родились: Константин (1881–1904 или 1905), Григорий (1883–1962), Наталья (1884 – после 1941), Михаил (1885–1962), Агриппина (1885 – после 1912), Иван (1887 – между 1918 и 1921), Зоя (1889–1973), в замужестве Новак, Надежда (умерла в возрасте трех лет в г. Мокшане), Любовь (1893–1991), в замужестве Рутковская. Всего у Н. П. Петерсона было 16 детей (даты жизни всех детей Н. П. Петерсона установлены *А. Н. Акиньшиным*. См.: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 195–196). – *215*.

1882

35. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

12 января 1882. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 66, л. 21–21 об. (копия части письма рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 9, л. 9).

[1] Уехать из Москвы зимой Н. Ф. Федорову не удалось, однако 14 апреля 1882 г. он обратился в дирекцию Музеев с просьбой выдать ему свидетельство для проезда «в разные города Российской империи» сроком на два месяца. Свидетельство было выдано 17 апреля (Архив РГБ, оп. 126, ед. хр. 53, л. 40). Все время этого отпуска Федоров провел в Керенске. – *216*.

[2] Речь идет о рукописи главного сочинения Н. Ф. Федорова «Вопрос о братстве, или родстве...», начатого как ответ Ф. М. Достоевскому. В 1881 г. Н. П. Петерсон занимался перепиской исправленного текста. Судя по его письму Н. Ф. Федорову от 7 октября 1881 г., осенью 1881 г. Петерсон переписывал текст, составивший основу IV части «Записки». К концу 1881 г. переписка всей рукописи была закончена (см. воспоминания Н. П. Петерсона // ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 7, л. 15). – *216*.

[3] Текст письма В. С. Соловьева см.: Т. IV наст. изд., с. 629. О взаимоотношениях В. С. Соловьева и Н. Ф. Федорова см. примеч. 175 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве». – *216*.

[4] Этот эпизод изложен в заметке Н. Ф. Федорова «В конце сентября 1881 познакомился с Толстым...» (см. ее в Т. IV наст. изд., с. 48). По всей видимости, знакомство Н. Н. Страхова с «Предисловием» (текст, составивший основу второй части «Записки», со слов «Находясь чуть не тысячу лет, почти с самого возникновения России, в постоянной борьбе с исламом...») состоялось в ноябре 1881 г. – *216*.

[5] Ю. В. Петерсон, О. В. Огаревой. – *216*.

[6] Григорий Павлович *Петерсон* – брат Н. П. Петерсона, врач, краевед. В 1870-х–начале 1880-х гг. – городской врач г. Керенска. Затем служил в Инсарском (до 1888 г.) и Саранском уездах уездным врачом. С начала 1880-х гг. занимался историей Керенского края, переняв эстафету у Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона. Ряд собранных ими материалов использовал в «Историческом очерке Керенского края» (см. примеч. 4 к письму 4). Периодически печатался в «Пензенских губернских ведомостях», выступая главным образом со статьями краеведческого характера. – *216*.

[7] Густав Фридрих *Герцберг* (1826–1907) – немецкий историк, профессор Галльского университета. В 1881 г. в Санкт-Петербурге в 4-х выпусках вышел русский перевод его «Истории Греции». – *216*.

[8] Возможно, Федоров имеет в виду статью «Сказочная сила», появившуюся за подписью «В. П-нъ» в газете «Новое время» 12(24) января 1882 г. (№ 2110). Автор (псевдоним его не расшифрован) указывал на широкие перспективы, которые открывает перед человечеством использование электроэнергии, и призывал к «широкой общечеловеческой по-

становке» вопросов, связанных с овладением этой формой энергии, к общей работе в этом направлении. «Обладая энергией, – подчеркивал он, – человечество может сызнова организовать труд, сохранив все достигнутое этим трудом совершенство и разнообразие, но сделать его более человечным». Впрочем, речь может идти и о какой-то другой статье, установить которую нам не удалось.

Кстати, 2(14) февраля 1879 г. в № 1053 «Нового времени» была напечатана статья «Вниманию педагогов» за подписью «Н. П-нъ». Автор статьи писал о тенденции, столь распространенной в рядовых школах, когда учителя в основном занимаются только с лучшими учениками, практически не обращая внимания на отстающих. Между тем, подчеркивал он, необходимо «научить прежде всего тех, кто слабее других и больше других нуждается в руководителе, в наставнике». В принципе, можно предположить, что автором этой статьи был Н. П. Петерсон: он часто подписывал свои статьи как раз «Н. П-нъ»; школьный вопрос в полном смысле слова являлся для него «родным»; характерен для убеждений Петерсона был и звучащий в статье мотив о внимании ко всем ученикам, вне зависимости от успешности или неуспешности их занятий. Однако вряд ли именно эту статью имели в виду В. С. Соловьев и Н. Ф. Федоров. – *216.*

36. А. Е. ВИКТОРОВУ

16 мая 1882. Керенск

Печатается по: ОР РГБ, ф. 51, к. 22, ед. хр. 51.

Алексей Егорович *Викторов* (1827–1883) – археограф, архивист, библиограф, член-корреспондент Санкт-Петербургской Академии наук. С 1862 г. состоял хранителем отделения рукописей и славянских старопечатных книг Румянцевского музея. Параллельно с 1868 г. заведовал архивом и канцелярией Оружейной палаты.

Письмо Н. Ф. Федорова написано из Керенска, где он находился со второй половины апреля 1882 г. (см. примеч. 1 к письму 35). Вероятно, столь долгое пребывание в Керенске было связано с намерением Н. Ф. Федорова исправить и дополнить изложение учения всеобщего дела: в марте – начале апреля 1882 г. он регулярно общается с В. С. Соловьевым, беседуя с ним на темы, связанные с учением. Возможно, в результате этих бесед Федоров почувствовал необходимость новых разъяснений (сказал же ему Соловьев после возвращения из Петербурга, где читал перед студентами, «что воскрешение не как идея, а как факт не воспринимается ими» (Т. IV наст. изд., с. 48)). А может быть, В. С. Соловьев побуждал мыслителя литографировать текст изложения (ср. в его письме Н. Ф. Федорову от июня–июля 1882: «Собираете ли рукописи? Хорошо бы приготовить к осени в литографию» (там же, с. 631)).

[1] Парафраз слов блудного сына, сказанных им родителю по возвращении в отчий дом (Лк 15:21). – *217.*

[2] Н. Ф. Федоров перечисляет своих сослуживцев: Д. П. Лебедев (в то время – помощник хранителя отделения рукописей и славянских старопечатных книг), Ю. Д. Филимонов (хранитель отделения христианских и русских древностей), Е. Ф. Корш (библиотекарь), Е. В. Барсов (хранитель Дашковского этнографического музея), А. П. Бушера (секретарь, а также исполняющий обязанности смотрителя и казначея Музеев), Е. И. Соколов (в то время – младший чиновник для письма), Н. Н. (Н. И.) Боборыкин (исполняющий обязанности помощника библиотекаря). – *217.*

1884

37. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

После 22 апреля 1884. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 92, л. 32–33 об.

Ответ на письмо Н. П. Петерсона от 20 апреля 1884 г. (см.: Т. IV наст. изд., с. 587–588).

[1] Из писем Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову от 2 января, не ранее начала февраля и 20 апреля 1884 г. (см.: там же, с. 586–588) следует, что Н. П. Петерсон в это время переписывал большую работу Н. Ф. Федорова. Судя по контексту писем Петерсона и ответа Федорова, это был один из промежуточных вариантов статьи «Музей, его смысл и назначение», в котором вставал и вопрос об изучении местной истории. – *218.*

[2] Продолжение фразы не разобрано. – *218.*

1887

38. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

20 августа 1887. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 66, лл. 22–23 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 3).

[1] В Керенске Н. Ф. Федоров провел отпускное время 1887 г. (свидетельство на проезд «во все города Российской империи» было выдано ему в канцелярии Музеев на срок с 13 июня по 15 августа (Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 54)). – *219.*

[2] Крестницей Н. Ф. Федорова была дочь Н. П. Петерсона Наталья (см. примеч. 4 к письму 34). День ее именин приходился на 26 августа (ст. стиль), празднование памяти св. мучеников Адриана и Натальи. 30 августа, в день перенесения мощей благоверного князя Александра Невского, именинником был один из старших сыновей Н. П. Петерсона Александр, родившийся 14 августа 1869 г. (ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 27, л. 2). – *219.*

[3] См.: «Списки населенных мест Российской империи». Т. 30. Пензенская губерния. СПб., 1869 (Инсарский уезд – с. 23–34). Н. Ф. Федоров перечисляет следующие названия: *Ускляй* – село при ручье Ускляйке, в 44 км от г. Инсар. *Сиялейка* – ручей в южной части Инсарского уезда, вдоль которого был расположен ряд деревень (Петровка, Куриловка и др.). *Акшенас* (у Федорова: *Акшанес* – вероятно, описка) – речка в юго-восточной части Инсарского уезда, на которой находился ряд сел и деревень (Акшенас, Нееловка, Кошкарево, Аргамаковка и др.). *Широкоис* (*Шеркаис*) – ручей в восточной части Инсарского уезда, вдоль которого был расположен ряд населенных пунктов. *Костыляй* – село при ручье Костыляйке, в 35 км от Инсара (другое название – Богословское). *Пелетьма* – речка в Инсарском уезде, на которой расположены д. Большая Кисловка, села Еленовка, Бутурлино и др. *Вязера* – ручей на юго-восток от г. Инсар, по течению которого находились села Верхняя Вязера, Новая Верхняя Вязера и Нижняя Вязера. *Патиж* (у Федорова: *Потишь*) – речка в Инсарском уезде, на которой расположены села и деревни Красная Кадомка, Яндовищи, Бордатовка и др.

Г. П. Петерсон (см. примеч. 6 к письму 35) в 1887 г. работал над краеведческим очерком «Исторические сведения об Инсаре и его уезде» (очерк печатался с 14 июня по 15 октября в газете «Пензенские губернские ведомости»: 1887, №№ 125, 126, 128, 129, 142, 147, 148, 154, 156, 158, 160, 162, 188, 189, 190, 213, 214, 216, 219, 221). – *219.*

1888

39. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

19 января 1888. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 66, лл. 24–25 (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 4, ед. хр. 6, лл. 12–13).

[1] Это письмо Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову не сохранилось. – *220.*

[2] По свидетельству И. М. Ивакина, в январе 1888 г. Л. Н. Толстой заходил к Н. Ф. Федорову на квартиру и беседовал с ним об Обществе трезвости (И. М. Ивакин. Воспоминания (фрагменты) // Т. IV наст. изд., с. 540). – *220.*

[3] Речь идет о Юлии Михайловне *Огаревой* (1805 – ок. 1889, по другим сведениям 1878), урожд. Арсеньевой, бабушке жены Н. П. Петерсона Ю. В. Огаревой. Ю. М. Огарева была женой крапивенского помещика И. М. Огарева, владельца имения Телятинки, в трех верстах от Ясной Поляны. Отец Л. Н. Толстого Н. И. Толстой поддерживал с семьей Огаревых дружеские отношения. В «Воспоминаниях детства» Л. Н. Толстой писал, что при жизни его матери «никто почти, кроме близких людей Огаревых и родственников... не посещал Ясной Поляны» (*Толстой. 34*, 354). В мемуарах Ю. М. Огаревой, воссоздающих жизнь ее семьи в 1820-е – начале 1830-х гг., целый ряд страниц посвящен истории романтических взаимоотношений Юлии Михайловны с Н. И. Толстым (их копия ныне хранится: ОР РГБ, ф. 657, к. 11, ед. хр. 16). – *220.*

[4] См. примеч. 159 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве». – *220.*

[5] Вероятно, речь идет о А. А. Фете. Сюжет с Н. П. Петерсоном и предстоявшей продажей его дома изложен И. М. Ивакиным в его воспоминаниях (Т. IV наст. изд., с. 540),

причем сообщается, что Федоров просил Ивакина походатайствовать за Петерсона перед Фетом. – *220.*

[6] Николай Христофорович *Логвинов* (?–1909) – керенский помещик, отставной штаб-ротмистр, предводитель дворянства Керенского уезда, депутат губернского земского собрания. Н. Х. Логвинов служил председателем Керенского съезда мировых судей и был непосредственным начальником Н. П. Петерсона, секретаря Съезда. В конечном итоге Н. П. Петерсон принял денежную помощь именно от Н. Х. Логвинова. – *221.*

40. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

11 февраля 1888. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 66, лл. 26–27 об. (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 4, ед. хр. 6, лл. 14–15).

[1] См. письмо 39. – *221.*

[2] *Уйда* – псевдоним английской писательницы Луизы де ла Раме (1839–1908). Ее роман «In the Maremma» вышел в 1882 г. и тогда же появился в русском переводе.

Действие романа происходит в Италии, на западном побережье Апеннинского полуострова, где тянется полоса низменных, заболоченных участков почвы («маремма»). Эта плодородная, но гибельная земля с весны до осени «бывает выжжена солнцем», а в октябре «вследствие проливных дождей» обращается «в трясину, из которой поднимаются зловредные испарения». Миазмы, окуривающие мареммы, тысячами сводят в могилу и местных жителей, и земледельцев, спускающихся с гор в равнину каждую осень, когда сырая земля «становится способной к обработке». Изнуренные лихорадкой люди тщетно борются за существование: берутся за нехитрые работы, выращивают хлеб, ловят в море рыбу, но рыба не продается и гниет на песке, заражая и без того отравленный миазмами воздух, а море безжалостно поглощает рыбаков, оставляя без кормильцев их семьи. «Нельзя себе было представить ничего печальнее этого места, казалось, забытого и Богом, и людьми».

Когда-то, много веков назад, мареммы были обиталищем древнего народа – этрусков (см. далее примеч. 4). «Крепости и гробницы этрусские лежали там, где теперь берег покрыт кустарниками лавра, розмарина и священного терна». Дикая, девственная природа скрывала в себе останки давно ушедших эпох, как, впрочем, и по всей земле, где «исчезнувшие города лежат под лесами и нескончаемые кладбища тянутся над песком и торфом».

В небольшом городке Санта-Терсилье жила старуха Джаконда Романелли. Она была родом из альпийской Савойи, из зеленых и солнечных Альп. Много лет назад муж-рыбак увез ее на побережье. Но сам он вскоре погиб в море, а сыновья, дочь и внук умерли от лихорадки. Джаконда осталась одна, живя «воспоминаниями об умерших» и честно добывая свой хлеб.

Однажды она отправилась в Гроссето, главный город маремм, продавать свои нехитрые изделия. Народ в городе волновался и шумел: через главную площадь должны были провезти атамана разбойников из Санта-Фиоры Сатурнино Мастарны. Слава о нем гремела по всем маремам. В глазах народа он «был героем, окруженным таинственностью, как мифические боги». Сатурнино грабил только богатых, но никогда не нападал на бедняков и «всегда был другом дровосека, крестьянина и пастуха».

«Кто мог сказать, какая кровь текла у него в жилах. Его имя было древнее, этрусское, им некогда назывался Сервий Туллий. Он был сын горного охотника. Чьей крови не могло быть в нем: и самодержавного Лукумона, и этрусского жреца, посвященного в тайны небесных светил, и изнеженного, томного лидийца? Уже много столетий его предки назывались в горах его этрусским именем».

Сатурнино, когда-то много лет назад спасший внука старухи (увы, его потом так и не пощадила «страшная лихорадка, которая, как дух умершей Этрурии, бродит летом по всему берегу»), просит Джаконду разыскать и спасти его малолетнюю дочь, оставшуюся одной после смерти матери и ареста отца. Джаконда обещает исполнить его просьбу. Несмотря на преклонный возраст, она отправляется в горы, находит девочку и возвращается с ней в Санта-Терсилью.

И хотя Джаконду гложут сомнения (ведь девочка, которую она взяла, – дочь преступного отца, убийцы: казалось, что в ее жилах «должен был течь поток лавы и яда»), старуха пересиливает себя и решается воспитать ребенка. Она дает девочке имя Мария, памятуя о евангельской Марии Магдалине, которую называет «редко вспоминаемой восточной святой», смешивая с преп. Марией Египетской, тоже раскаявшейся блудницей.

Проходят годы. «Девочка, рожденная от горного разбойника и названная по имени раскаявшейся грешницы», растет. Она легка, необыкновенно свободолюбива, и «по своей легкости и вере в море» так похожа «на морскую чайку», что жители городка зовут ее «velia» (по-итальянски – чайка), а еще «Муза», «Музончелла», забыв имя Мария. Автор называет ее невежей, но тут же оговаривается: «...невежество не всегда грубость: в ней жил пытливый, хотя и дремлющий ум, вечно в темноте искавший знания. [...] Книжное знание не существовало для нее, но она с жадностью прислушивалась к сказкам и преданиям, которые рассказывали вокруг нее старики и старухи». Мария знала все песни маремм и иногда импровизировала стихами: «В такие минуты, в памяти девочки просыпались тысячи воспоминаний не из ее жизни, казавшиеся ей событиями из ее собственного существования. Ей казалось, что она слышит звон оружия, грохот пушек, крики убитых детей, шипение горячей крови...» Слушая ее, Джаконда всегда думала: «Точно души всех убитых ее отцом плачут в ней». А еще Мария любила животных, часто приходила на болота наблюдать их и не могла видеть, как они страдают: даже рыбу, пойманную рыбаками, освобождала из сетей и бросала назад в море.

Как-то Мария спросила старуху: «Где моя мать?» Джаконда ответила, что она умерла. Об отце старуха также сказала девочке, что он умер, опасаясь, что та узнает правду о разбойнике. Спустя некоторое время старуха и девочка заговорили о смерти. И Мария заметила:

«– Если ты умрешь, я умру.

– Разве ты так любишь меня?

– Это называется любить? – спросила девочка. – Мне не хотелось бы жить без тебя. А называется ли это любить – я не знаю».

Мария часто ходила одна, порой забираясь в густую чащу. В своих странствиях по маремам она однажды нашла скрытую под землей гробницу этруска. Вошла в подземелье и увидела каменную плиту, на которой в оружии и доспехах лежал мертвый воин. Вокруг во множестве стояли золотые сосуды, глиняная посуда... От ворвавшегося в помещение свежего воздуха мгновенно окислившееся тело рассыпалось в прах, и девочка внезапно почувствовала огромную жалость к умершему, но потом подумала, что теперь он пробудился от солнечного света и ушел.

Вернувшись домой, Мария спросила у Джаконды:

«– [...] Кто эти покойники?

– Не знаю; да не все ли равно? Бедняги – жизнь их кончена.

– Но разве везде в земле есть могилы?

– Да, мы все будем там; и нам очередь наступит непременно. [...]

– Я думала, что эти покойники мне родня», – сказала Мария и, указав на звезды, добавила:

«– Мертвые спят весь день в темноте, а ночью светят там?»

Старуха оборвала девочку:

«– Оставь мертвых в покое. Твоя жизнь только что начинается».

После этого Мария уже ни с кем не говорила о своей находке, но часто приходила к могиле этруска. «Мертвецы, спавшие на каменных постелях и исчезавшие, как только воздух коснется их, постоянно занимали ее ум. Ей хотелось видеть, знать их, уйти вместе с ними. [...] Ее сильное пламенное воображение сделало вымерших этрусков близкими ей, а их гробницы превратило в храм». Она все надеялась, все ожидала, «что мертвые восстанут и вернутся».

Когда Джаконда ласково ей выговаривала:

«– Ты слишком много бываешь с этими мертвецами», – девочка отвечала:

«– Живые меня часто сердят, и я бью их иногда; перед мертвыми мне стыдно быть злою. [...] Мне хорошо с ними».

Да, «эти мертвецы были святыней для нее. Она не могла бы выразить словами свои ощущения, но чувство нежности, родственности, почтения, возбуждаемое в ней одинокими могилами, было сильно в ее душе». Хотя в гробнице было множество золотых вещей, а девочка и Джаконда были очень бедны, Мария ничего не тронула: ей казалось святотатством брать у мертвых.

Чтобы побольше узнать об умерших, Мария стала читать и, возвращаясь в мир умерших, «создавала в своем воображении все, что желала бы найти в книгах». С окружающими она общалась мало – мелочный и пошлый мир маремм «с его погоней за рыбой, бранью из-за медного гроша, с его заботами, плачем, болезнями и людьми, в груди которых каменные

сердца», не привлекал ее. «Надземный мир, где росли дубы и спел хлеб, где цвели священный терн и жимолость, потерял для нее почти всякое значение; он превратился только в оболочку настоящего мира, где спали мертвые и ожидали – чего, она не знала».

Однажды, находясь на берегу моря, Мария увидела, как тонет человек. Она бросилась в воду и спасла его. Утопающий оказался ее отцом, беглым каторжником Сатурнино Мастарны. Но девушка не знала об этом, а он также не ведал, что она его дочь. Мария, почувствовавшая к беглецу жалость и симпатию, несмотря на то, что он грозил ей смертью, решила помочь ему: она скрыла Сатурнино в гробнице и отправилась домой принести для него хлеба и нож. Однако каторжник, не веря в ее доброту, сбежал из подземелья, при этом прихватив с собой все этрусское золото; он, «прежде грабивший живых, теперь ограбил мертвых».

Вернувшаяся в подземелье Мария была потрясена. Она испытывала огромное презрение к человеку, обманувшему ее и обокравшему мертвых. Но это был далеко не последний удар. Придя в хижину Джаконды, она узнала, что старуха умерла.

Джаконду похоронили «с эгоистической поспешностью – вследствие местных обычаев и предписаний закона». Могила была засыпана, но Муза не могла успокоиться. «Ей все снилось, что она старается раскопать песок и землю на могиле Джаконды и освободить своего умершего друга из тесной, мрачной тюрьмы. Ей казалось, что было бы легче перенести постигшую ее потерю, если бы мертвое тело было тихонько положено на каменное ложе в этрусской гробнице, и лежало бы там в ожидании лунного света, который взял бы его с собой, как взял этрусского короля. А то как она поднимется из этой узкой могилы, из-под этого тяжелого песка, из этого населенного местечка, где мертвых бросают, как мертвую рыбу, и тотчас же забывают о них!»

Все скопленные за долгую жизнь монеты старуха завещала своей воспитаннице. Узнав об этом, к Марии явились ее соседи и соседки, клевеща на старуху, у которой якобы были долги, и требуя у наследницы заплатить им по счетам. Возмущенная Мария бросила им сосуд с деньгами и ушла из селенья, чтобы никогда больше туда не возвращаться.

Она поселилась в этрусской гробнице, и чем дальше шло время, тем чаще тосковала она по Джаконде, тем глубже чувствовала свою вину перед ней и тем сильнее мучилась, что единственное любимое ею существо теперь в земле, брошено и одиноко. «Ей казалось такой жестокостью, неблагодарностью бросать мертвого в яму только потому, что он мертвый, предоставляя ползучим растениям и сорным травам разрастаться на его могиле и оставлять его в обществе ящериц и червей».

Наконец, она решилась. Ночью отправилась на кладбище, вырыла из земли гроб с телом Джаконды и перенесла его в подземелье, поставив на том самом месте, где раньше лежало тело умершего воина. У гроба Джаконды Мария ежедневно молилась, стоя на коленях и горько оплакивая свою потерю, обвиняя себя в том, что при жизни старухи давала ей мало любви. Девушка все бы отдала, чтобы хоть один час подержать ее руки в своих, увидеть ее лицо.

Шли годы. Мария плела корзины и продавала их в городе. Одиночество ее все усугублялось. Мальчик-пастух, который однажды забрел в ее жилище, а потом часто наведывался на тарелку супа, предал ее, а к тому же украл любимого ею старого мула. Собаку, к которой она была с детства привязана, убили. «У нее уже не было никого на белом свете». И только память об умерших утешала ее, давая силы жить.

Однажды, вернувшись в подземелье из города, Мария обнаружила там человека. Это был молодой каторжник, который бежал вместе с Сатурнино и которому преступник сообщил о жилище девушки. Его звали Луибранд д'Эсте, он происходил из богатой графской семьи и не был виновен в преступлении, за которое понес кару. Бежавший был тяжело ранен, к тому же у него началась лихорадка. Много дней и ночей Мария ходила за ним, отбивая его у смерти. Когда беглец стал поправляться, без устали работала, чтобы его прокормить; делила с ним последний кусок.

Наконец, Эсте встал на ноги. Но уйти из подземелья было невозможно: его повсюду разыскивали. Мария неспособна была утешить Эсте: он привык к беззаботной, шумной, городской жизни «и не мог выносить безмолвия и глуши, столь дорогих для Музы». К тому же его постоянно преследовала тоска, ибо любимая им женщина погибла – была убита. «Он всей душой любил убитую, а между тем знал, что она умерла, умерла – превратилась в гниющее тело, зарытое в топкой земле. Ужас этой мысли и отчаяние завораживали кровь в его жилах».

Много дней жили в одной гробнице Мария и Эсте. Она заботилась о нем, он – тосковал. Иногда они вели разговоры. Он рассказывал ей об этрусках, о своем роде, об умершей возлюбленной. Она – слушала. Ни у мужчины, ни у девушки не было грешных мыслей. «Святость могилы наложила на них свой отпечаток; вблизи мертвецов не было места для страсти, ни для того, что могло нарушить торжественность жилища людей, исчезнувших с лица земли».

Но шло время, и Эсте стал смотреть на Марию другими глазами. Сама Мария также полюбила его, однако не могла нарушить клятву, когда-то данную ею Джаконде: не позволять никакому мужчине коснуться ее до алтаря. Она твердо держалась своего слова, хотя Эсте все чаще упрекал ее в нелюбви, а однажды бросил ей с раздражением: «Ты ставишь передо мной мертвую старуху, и еще смеешь говорить, что любишь меня!», и лишь спустя долгие месяцы ее сопротивление было сломлено.

Впрочем, счастье Марии было недолгим. Постепенно Эсте охладевал к ней. Вынужденное заключение в гробнице тяготило и раздражало молодого человека, привыкшего к роскоши. Вскоре Эсте узнал о том, что наконец признан невиновным, и возвратился в Рим, оставив Марию одну. Ребенок, рожденный ею, прожил всего несколько дней. Муза похоронила его в подземелье, неподалеку от гроба Джаконды. И снова осталась в одиночестве. Но теперь ее взгляд на мир и чувства изменились. На первом месте в сердце женщины были уже не умершие – все заполонила любовь к Эсте. Эта любовь стала ее религией. Она не думала ни о чем, кроме возлюбленного, который ее оставил. И когда прослышавший про этрусскую гробницу управляющий местного князя в сопровождении слуг явился к ее жилищу в поисках золота и хотел войти внутрь, она оказала им лишь слабое сопротивление. «В былое время Муза всадила бы нож в сердце всякого, кто посмел бы прикоснуться к ее святилищу, теперь же она стояла, не двигаясь и не говоря ни слова. В сравнении с великой потерей, понесенной ею, эта потеря уже не была тяжела для нее».

Слуги князя обыскали гробницу, разбили древние глиняные сосуды, вырыли трупик младенца, открыли гроб с телом Джаконды... Мария провела много месяцев в городской тюрьме. Ее обвиняли в убийстве ребенка и в осквернении христианской могилы. Наконец Муза была оправдана и вернулась в подземелье, где уже не было ни гроба Джаконды, ни могилы сына. Потекли одинокие дни, наполненные безнадежной тоской и мечтами о возвращении любимого... Неожиданно в подземелье появился Сатурнино, узнавший о том, что Мария его дочь, и жаждавший отмстить ее обидчику. После короткой беседы, во время которой бывший разбойник так и не решился раскрыть Музе тайну ее происхождения, он направился в Рим, разыскивая Эсте, а Мария тайно последовала за ним, решив во что бы то ни стало предотвратить убийство. Она готова была даже «броситься на Сатурнино и пронзить его кинжалом» (убить отца!) – ибо «всякое преступление показалось бы ей священным, если с помощью его она могла спасти Эсте или оказать ему услугу».

Во дворец графа д'Эсте Сатурнино и Мария пришли одновременно. Сатурнино вызвал графа на разговор и, обвинив его в предательстве, занес над ним кинжал. Но Мария помешала отцу. Сатурнино, потрясенный появлением дочери, рухнул на пол, и когда он умер, Муза даже не обратила внимания на его смерть: «Чем был для нее этот каторжник, обокравший ее и собиравшийся убить единственного человека, которого она любила».

Во дворце Эсте Мария не осталась. Узнав об измене любимого, она ушла от него и вновь вернулась к этрусской гробнице. Там, «вынув из-за пояса трехгранный кинжал, который некогда он носил при себе денно и нощно, она воткнула его стоймя в то место, где была могилка ее ребенка, и потом с размаха бросилась на острие».

Музу похоронили на месте ее гибели. Эсте был потрясен. «Но люди забывают – и он забыл». «Со временем дикие олива, мирта и вечно зеленое Божье дерево разрослись вокруг входа в этрусскую могилу и, наконец, образовали такую непроходимую чащу, что даже дикие птицы и заяц, ищущий убежища, не могли проникнуть сквозь нее. Подземелье и в смерти защитило Музу, как приютило ее при жизни. Жаворонок пел в кустах, а мелисса, лаванда и дикая роза цвели над ее могилой» (все цитаты даны по изданию: В Мареммах. Роман Уйда. М., 1882).

В романе Луизы де ла Раме многое должно было вызвать сочувственный отклик Федорова. Во-первых, образы главных героинь: старухи, живущей «воспоминаниями об умерших», и девушки, всем сердцем обращенной к миру предков. Муза – «неученая», но ей дана такая глубина понимания и чувства, которая недоступна «ученым». Во-вторых, – проходящий через весь роман лейтмотив земли, скрывающей в себе могилы предков; панорама текучего, зыбкого настоящего, которое воздвигает свои владенья на тысячелетнем

«культурном слое», не думая и не помня об ушедших: «Не может быть грустнее и вместе с тем величественнее [мысли], как мысль о городах и миллионах их жителей, погребенных под ногами вечно суетливой толпы или затерянных среди зеленой, безмолвной пустыни, где цветут орхидеи». В-третьих, – образ маремм, являющихся человеку как бы в двух ликах. С одной стороны, перед нами могучая девственная природа; она величава и прекрасна. С другой – земля, выжженная солнцем или залитая дождем, порождающая губительные испарения (эти испарения исходят как бы из самой толщи земли и неуклонно подтачивают живущих – чем не метафора слепых, смертоносных сил, действующих в природе). В-четвертых, нетрадиционные повороты сюжета: девушка вырывает из земли гроб своей воспитательницы, потому что не может видеть, как люди «боятся своих покойников, стыдятся их или вовсе забывают», как «спешат зарыть их в пыль или грязь, будто вещь, о которой противно и грешно вспоминать».

Однако вторая часть романа не удовлетворила Федорова. Действительно, образ Марии, с того самого момента, как ею овладевает всепоглощающая, слепая, почти маниакальная страсть, отодвигая на задний план любовь к умершим, тускнеет, утрачивая свою самобытность. Сравнения половой любви с весенней природой, расцветающей после зимнего покоя, у Луизы де ла Раме чересчур трафаретны: «Вся земля радовалась наступлению весны. [...] Все живые существа любили, начиная от куропаток, бегавших парами в траве, и кончая маленькими славками, весело возвещавшими свое возвращение в тростники. Людская парочка тоже была счастлива, и даже во мраке подземелья биение ее сердца отзывалось на радость пробуждавшейся природы». Сюжетная линия второй части: любовь простолюдинки и графа, который бросает ее, страдания неразделенного чувства, гордое самопожертвование и финальное самоубийство героини, – также не оригинальна и значительно проигрывает в сравнении с первой частью. По ходу повествования философско-религиозная притча вырождается в пошловатый любовный роман с извечным «любовь и кровь». – *221.*

[3] Об этих статьях В. А. Кожевников писал Н. П. Петерсону 23 августа 1910 г., обсуждая вопрос о предполагаемом составе II тома «Философии общего дела»: «...я очень желал бы, чтобы во 2-й том вошли заметки и статьи литературно-художественного и критического (по произведениям искусства) содержания. [...] Я помню, такие были, например, о пьесах Ибсена, о романе Уйда “В Маремме” и т. п. Они где-то “заложились” среди рукописей: надеюсь, отыщутся. Нет ли чего такого у Вас?..» (*Философия бессмертия и воскрешения.* Вып. 2, с. 269–270). Однако статьи о романе Луизы де ла Раме так и не были разысканы издателями. Отсутствуют они и в собрании Н. П. Петерсона, и в петербургском собрании бумаг Федорова. – *221.*

[4] *Этруски* – древние племена, которые в I тысячелетии до н. э. населяли северо-западную часть Апеннинского полуострова, носившую имя Этрурия (современная Тоскана). Этрусская цивилизация, имевшая развитую письменность, религиозную и светскую литературу, предшествовала римской и оказала на нее большое влияние в сфере материальной культуры, политической и военной организации, а также мифологии и религии. – *221.*

[5] *Лукумоны* – цари и правители этрусских общин. В VII в. до н. э. образовалась конфедерация этрусских городов-государств, управлявшихся лукумонами. – *222.*

[6] *Вальденсы* – еретическая секта в христианстве, возникшая в последней четверти XII в. и распространившаяся в Южной Франции, Северной Италии, Германии, Чехии, Испании и Швейцарии. Большое влияние секта вальденсов имела в Савойе. Именно оттуда родом была старуха Джаконда. – *222.*

[7] В двенадцатой главе романа есть эпизод с завещанием Джаконды: незадолго до смерти старуха составила свою духовную, указав, что отдает все накопленные ею за долгие годы труда деньги своей воспитаннице, «девочке Марии Покаянной». – *222.*

[8] Об этом разговоре с Толстым Н. Ф. Федоров упомянул в письме 39. О бабушке Ю. В. Петерсон Ю. М. Огаревой см. примеч. 3 к письму 39. – *222.*

41. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

9 сентября 1888. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 66, лл. 28–29 (копия части письма рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 16).

[1] Н. П. Петерсон переписывал исправленный текст «Записки». Очередные поправки в нем, по всей видимости, были сделаны летом 1888 г., которое мыслитель, по обыкнове-

нию, провел в Керенске (отпускное свидетельство «во все города Российской империи» на срок с 11 июня по 15 августа см.: Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 55). – *222.*

[2] Павел Иванович *Петерсон* – уроженец Пензенской губернии, приемный сын И. Петерсона, мещанина г. Краснослободска Пензенской губернии. По окончании Краснослободского уездного училища служил учителем приходских училищ сначала в г. Инсаре, а затем в г. Краснослободске. С 1838 г. – учитель истории Краснослободского уездного училища. Тогда же исключен из податного сословия, т. е. из мещан, получив право на дворянство. В 1844 г. определен в Пензенскую казенную палату, через полгода – становой пристав Краснослободского уезда, с ноября 1845 г. – помощник Краснослободского окружного начальника (см. формулярный список П. И. Петерсона: ЦГИА, ф. 418, оп. 32, д. 504, лл. 3–6; документ обнаружен *В. В. Александровой*). См. также: З. Н. Новак. Воспоминания о детстве и юности // ОР РГБ, ф. 657, к. 11, ед. хр. 9, лл. 1 об. – 2. Возможно, именно протекция отца помогла Н. П. Петерсону в 1869 г. получить место по судебному ведомству. – *222.*

[3] Лестер Фрэнк *Уорд* (1841–1913) – американский социолог, родоначальник американской социологии, геолог, палеонтолог. В 1883 г. вышли в свет два тома его «Динамической социологии» («Dynamic Sociology»). Критикуя биологизм Спенсера в подходе к социальным явлениям, Л. Уорд указывал, что социальная эволюция, в отличие от природной, носит активный характер, направляется интеллектом и волей. *Генетическому* прогрессу в природе соответствует *телический* прогресс в человеческом обществе. Именно обладание сознанием, «умом», по мысли Уорда, позволяет человеку и человечеству противостоять действию слепых природных сил, господствующих в низшем животном мире, оказывать сопротивление естественному закону, который преграждает путь человеческому прогрессу, и преобразовывать окружающую среду, приспосабливая ее для себя с помощью труда и орудий, создавая материальную цивилизацию. – *222.*

[4] По всей видимости, речь идет об издании: «Служба Успению Пресвятой Богородицы». М., 1872 (брошюра содержит чин Погребения Божией Матери). – *222.*

[5] Федоров имеет в виду статью, которая в конечном итоге вошла в III часть «Записки» под заглавием: «I. Что такое история?» (см. Т. I наст. изд., с. 135 и след.). – *223.*

[6] Н. Ф. Федоров читал работу Н. И. Кареева «Основные вопросы философии истории» (Т. 1–2. М., 1883; второе издание: СПб., 1887). Об отношении Н. Ф. Федорова к идеям Кареева и полемике с ним в I части «Записки» см. преамбулу к I части «Записки» – Т. I наст. изд., с. 468. – *223.*

[7] Ср. примечание Н. Ф. Федорова под № 8 к I части «Записки» (там же, с. 64–66). – *223.*

42. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

Между 9 сентября и началом октября 1888. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, к. хр. 68, л. 102 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, л. 319). Датируется по содержанию: в предыдущем письме к Петерсону от 9 сентября 1888 г. Федоров сообщает о том, что читает Кареева.

Письмо печатается не полностью (выпущен текст, вошедший в §15 первой части «Записки» – Т. I наст. изд., с. 50–53).

[1] См. примеч. 6 к письму 41. – *223.*

[2] Н. И. Кареев. Основные вопросы философии истории. Ч. 2, кн. 4. СПб., 1887, с. 214–215. – *223.*

43. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

14 октября 1888. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 66, лл. 30–30 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 8).

Ответ на письмо Н. П. Петерсона от 11 октября 1888 (Т. IV наст. изд., с. 588–589).

[1] Речь идет о «Записке». – *224.*

[2] С Федором Ивановичем *Буслаевым* (1818–1897) – языковедом, фольклористом, историком литературы и искусства, Н. Ф. Федоров был хорошо знаком по библиотеке Музеев. Возможно, Ф. И. Буслаев, глубоко чтивший ученость Федорова, знал кое-что и о философских идеях «идеального библиотекаря» (в одной из заметок о Толстом Н. Ф. Федоров приводит факт выступления Льва Николаевича перед членами Московского Психологического общества с изложением некоторых положений учения «всеобщего дела» и замечает, что об этом выступлении председатель общества М. М. Троицкий рассказывал Буслаеву; сам же Буслаев, по всей видимости, передал свой разговор с Троицким Федорову). – *224.*

[3] Весной 1888 г. исполнилось 70 лет со дня рождения Ф. И. Буслаева, а 18 августа того же года – 50 лет педагогической и научной деятельности ученого. Ф. И. Буслаев был выходцем из Пензенской губернии: родился в г. Керенске, а детство провел в Пензе, где закончил гимназию. В «Пензенских губернских ведомостях» по поводу обоих юбилеев Буслаева были помещены две статьи А. Ф. Селиванова. В первой из них («Академик Ф. И. Буслаев» // Пензенские губернские ведомости, 4 августа 1888, № 16) был представлен очерк биографии и научной деятельности знаменитого уроженца Пензенского края и содержалась «просьба сообщить [...] через Пензенский статистический комитет воспоминания о его жизни в Керенске, об учении его в Пензенской губернии, письма его и т. д.» Во второй («Юбилей Ф. И. Буслаева» // Пензенские губернские ведомости, 9 октября 1888, № 214) были приведены поздравления, посланные ученому от Императорской академии наук, Санкт-Петербургского университета, от Пензенского губернского статистического комитета, помещены ответы на приветствия самого Буслаева, а также дана библиография его научных работ. Именно вторую статью и просил прислать Ф. И. Буслаев.

Небезынтересен тот факт, что статья «Юбилей Ф. И. Буслаева» была перепечатана в «Памятной книжке Пензенской губернии на 1889 г.» (Пенза, 1889), войдя в раздел биографий замечательных уроженцев края (здесь были помещены сведения о жизни и творчестве А. Н. и Н. Н. Бекетовых, Ф. Ф. Вигеля, М. Н. Загоскина, В. О. Ключевского, Н. П. Огарева и др. с библиографией основных работ). В предисловии к данному разделу его составитель А. Ф. Селиванов отмечал: «Считаю долгом принести искреннюю признательность следующим лицам, оказавшим нам содействие при составлении биографий: глубокоуважаемому А. Ф. Бычкову, библиотекарю публичной библиотеки В. П. Ламбину, заведующему рукописным отделением Румянцевского музея Д. П. Лебедеву, г. Н. Ф. Федорову и Н. П. Петерсону» (там же, с. 394). Итак, перед нами еще одно из обнаруженных к настоящему времени упоминаний имени Н. Ф. Федорова в печати и еще одно документальное свидетельство его собирательской, краеведческой деятельности в Пензенской губернии.

Кстати, несколько дополнительных сведений к вопросу об упоминаниях фамилии Н. Ф. Федорова в печати. Если собственные статьи и заметки философ никогда не подписывал своим именем, и случаи, когда его фамилия мелькала при его жизни на страницах газет, можно пересчитать по пальцам, то в то же самое время фамилия мыслителя регулярно появлялась в справочных изданиях. Так, на протяжении 25 лет она указывалась в ежегодных отчетах Московского Публичного и Румянцевского музеев в списках личного состава служащих (начиная с отчета за 1873–1875 гг. и заканчивая отчетом за 1898 г.), причем периодически деятельность Федорова (правда, уже без указания фамилии) отмечалась еще и в том разделе отчета, который был посвящен работе библиотеки (подробнее см. примеч. 68 к разделу «Приложения» «Письма Н. Ф. Федорову разных лиц»). Кроме того, с 1876 по 1903 гг. его фамилия упоминалась в издании адрес-календаря г. Москвы (в 1876–1899 гг. – в списке служащих Московского Публичного и Румянцевского музеев с указанием местожительства; кроме того, фамилия Федорова с указанием адреса помещалась, до 1903 г. включительно, в «Общем алфавите жителей г. Москвы», также входившем в адрес-календарь). – *224.*

44. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

22 декабря 1888. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 66, лл. 31–31 об. (копия части письма рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 16–17).

[1] В течение осени–зимы 1888 г., а также в 1889 г. Н. П. Петерсон высылал Н. Ф. Федорову переписанные куски «Записки». Одна из упомянутых рукописей – по всей видимости, та, что легла в основу II части «Записки» (ср. письмо 46). – *224.*

[2] Это письмо Н. Ф. Федорова к Н. П. Петерсону не сохранилось. – *224.*

[3] С. М. Георгиевский. Анализ иероглифической письменности китайцев, как отражающей в себе историю жизни древнего китайского народа. СПб., 1888. Работы Сергея Михайловича *Георгиевского* (1851–1893), востоковеда-китаиста, Н. Ф. Федоров хорошо знал и ценил. – *224.*

[4] Жан-Пьер-Абель *Ремюза* (1788–1832) – французский китаист. Н. Ф. Федоров приводит цитату из его статьи «О фигуративном характере китайской письменности» (A. Remusat. «Sur les caractères figuratifs qui ont servi de base à l'écriture chinoise // A. Remusat. Mélanges asiatiques. T. II, 1826, p. 33–46). – *224.*

[5] С. М. Георгиевский, исходя из того, что «история внутренней жизни древнего Китая, выражающаяся в быте, нравах, верованиях, условиях экономических и пр. [...] может быть выясняема на основании языка китайцев, их иероглифической письменности», ибо в такой системе письма каждое понятие выражено «особым знаком, возникшим не случайно и, несомненно, имеющим свою историю» (С. М. Георгиевский. Указ. соч., с. 3, 5), – предпринял в своей работе детальный анализ китайских иероглифов с целью вычленить те их элементы, которые могли бы послужить материалом в восстановлении картины жизни китайского народа в древние времена. Ученый отметил, что в иероглифической письменности есть указания на прародину древних китайцев, на их религиозные верования и представления, на чрезвычайно развитый и укорененный в традиции культ предков, на китайскую обрядность, на становление первоначального – погребального – искусства, на патриархально-семейный уклад жизни, на раннее знакомство с земледелием и т. д. – *225.*

[6] Речь идет об издании: З. А. Лядский. Новое объяснение грозы, всех трех родов молний и огней св. Эльма. г. Поневеж Ковенской губернии. 1885. Небольшая книжка З. А. Лядского, предлагавшая очередную гипотезу происхождения атмосферного электричества, заинтересовала Н. Ф. Федорова тем выводом, к которому приходил ее автор и который оказался созвучен идеям мыслителя об атмосферической регуляции, об обращении «орудий истребления» в «орудия спасения», а армии – в естествоиспытательную силу: «Итак, вихри и смерчи – вот те электрические машины, которыми природа приготовляет гром и молнию!

Может ли человек принять участие в постройке этих машин? Если принять во внимание, что человек заставил электричество моментально передавать за океаны свои мысли и на далекие расстояния свой голос; что он заставил электричество светить ему ночью, как светит днем солнце, то позволительно ли сомневаться в том, что он заставит его освещать вызванное им падение дождя? Я верю, что наступит время, когда все государства переформируют свои армии в ракетные полки, которые будут пускать свои видоизмененные ракеты не друг в друга, для пролития человеческой крови, а в тучи небесные, для пролития из них дождя, в безоблачное небо, для образования в нем дождевых облаков; я верю, что армии эти будут победоносно сражаться с градовыми тучами, защищая поля мирных жителей от падения града. Но для этого нужно изучить грозу, за что уже и принялись все государства» (указ. соч., с. 88). – *225.*

1889

45. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

1 января 1889. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 66, лл. 33–34 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 17–19).

[1] *Л. Ф. Уорд* – см. примеч. 3 к письму 41. Статья о Л. Уорде, по всей видимости, принадлежала В. А. Кожевникову. Обнаружить ее в московских и петербургских периодических изданиях не удалось. Возможно, она не была напечатана (об этом свидетельствует и упоминание Федорова о «гранках»; если бы статья вышла, должны были быть посланы оттиски). Цитаты из сочинения Л. Ф. Уорда «Динамическая социология», приведенные Н. Ф. Федоровым ниже, даны в переводе В. А. Кожевникова. – *226.*

46. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

5 марта 1889. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 66, лл. 35–36 об. (копия части письма рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 19–20).

[1] Речь идет об анонимной рецензии на книгу З. А. Лядского (см. примеч. 6 к письму 44), появившейся в «Библиографическом отделе» журнала «Русская мысль» (1886, № 12, с. 362–363). Рецензия была выдержана в насмешливо-покровительственном тоне, представляя автора брошюры как «самоучку»-любителя, который, «очевидно, любит и умеет почитать и последить за явлениями природы», но при этом решительно неспособен к серьезным научным изысканиям. Рецензент иронизировал над обитателями провинции, имеющими обыкновение приниматься за разрешение серьезных научных вопросов при полном отсутствии научной подготовки, а потому упорно изобретающими велосипед. И в

заключение советовал г. Лядскому оставить в покое теорию и «заняться собиранием хороших наблюдений над грозовыми явлениями». – *227.*

[2] Где был помещен ответ З. А. Лядского на рецензию в «Русской мысли», установить не удалось. – *227.*

[3] Цитаты из несохранившегося письма Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову. – *228.*

[4] Речь здесь может идти как о тексте, составившем первую половину II части «Записки», так и о тех кусках I части «Записки» (ее Н. Ф. Федоров также называл предисловием), которые могли быть написаны в конце 1880-х гг. (критика позитивизма и историософии Н. И. Кареева и др.). – *228.*

[5] Если речь здесь идет о II части «Записки», то окончательный текст оглавления см.: Т. I наст. изд., с. 69–70, если о I части «Записки», то см. его: там же, с. 37–38. – *228.*

[6] Н. Ф. Федорову не удалось осуществить свое желание (см. письмо 47). – *228.*

47. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

26 апреля 1889. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 66, лл. 40–41 (Н. П. Петерсоном дана маленькая выписка из письма: к. 4, ед. хр. 6, л. 20).

[1] Обстоятельства конфликта Н. П. Петерсона с председателем Керенского съезда мировых судей *Н. Х. Логвиновым* неизвестны. Судя по упоминаниям о Н. Х. Логвинове в переписке Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона и по воспоминаниям последнего, в 1870–1888 гг. отношения между Логвиновым и Петерсоном были уважительными и доброжелательными. Н. Х. Логвинов вел широкую общественную деятельность: будучи председателем училищного совета, он много сделал для развития народного образования в Керенском уезде (в частности, по его ходатайству и при его материальной помощи в Керенске было открыто трехклассное городское училище с расширенным курсом наук), в течение ряда лет являлся членом попечительного комитета о Керенской публичной библиотеке, библиотекарем которой на общественных началах состоял Петерсон, со вниманием относился к краеведческой деятельности своего подчиненного и активно ей содействовал (по архивным материалам, предоставленным Н. Х. Логвиновым, брат Н. П. Петерсона Г. П. Петерсон составил очерк «Село Шеино и его владельцы»). В конце 1881 или в начале 1882 гг. Н. П. Петерсон познакомил Н. Х. Логвинова с частью рукописи Н. Ф. Федорова, начатой как ответ Достоевскому, и Н. Х. Логвинов отреагировал на нее заинтересованно и горячо (см. примеч. 57, 58 к разделу «Приложения» «Письма Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову»). А осенью 1882 г., будучи в Москве, он специально навестил Н. Ф. Федорова в Румянцевском музее и беседовал с ним. Кроме того, в начале 1888 г. именно Н. Х. Логвинов дал Н. П. Петерсону деньги, чтобы выплатить долг за дом, в котором жил Николай Павлович вместе с семьей.

В письме к Н. Ф. Федорову от 11 октября 1888 г. Н. П. Петерсон сообщает о своем намерении перевестись в Пензу, причем в качестве одного из мотивов называет нежелание больше помогать Логвинову «в его партийных делах»: осенью и зимой 1888 г. в Керенске и Керенском уезде шла подготовка к выбору гласных в Керенское уездное земское собрание «на девятое с 1889 г. трехлетие» (см.: «Пензенские губернские ведомости», 10 декабря 1888, № 263), причем Н. Х. Логвинов поддерживал кандидатуру Петра Александровича *Протопопова* – дворянина, служившего в Керенском съезде мировых судей помощником секретаря съезда (т. е. Н. П. Петерсона) и заведующим архивом. Возможно, в связи с отходом Петерсона от «партийных дел» наступило некоторое охлаждение личных отношений между ним и Н. Х. Логвиновым, а в начале 1889 г. начались трения и по службе. Впрочем, размолвка не была долгой, и в начале 1890 г. отношения Логвинова и Петерсона снова улучшились (см. письмо 49). После перевода Петерсона в 1891 г. в Мокшан Н. Х. Логвинов и Н. П. Петерсон, по всей видимости, поддерживали переписку (см. письмо Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову от 26 октября 1898 в Т. IV наст. изд., с. 592). В архиве Н. П. Петерсона сохранилась копия телеграммы, посланной им 16 октября 1909 г. от своего имени и от имени жены Ю. В. Петерсон Ольге Петровне Логвиновой, супруге Н. Х. Логвинова, в связи с его кончиной: «Ольге Петровне Логвиновой. Только что узнали о кончине Николая Христофоровича. Ваша великая скорбь поразила и наши сердца. Как, почему наступила смерть? Юлия, Николай Петерсоны» (ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 41, л. 2 об.).

Судебным приставом Керенского съезда мировых судей, упоминаемым Н. Ф. Федоровым в данном письме, в 1880-х гг. был губернский секретарь Иван Васильевич *Попов*

(см.: «Адрес-календарь и памятная книжка Пензенской губернии на 1883 г.». Пенза, 1884; «Памятная книжка Пензенской губернии на 1889 г.». Пенза, 1888). – *228.*

[2] Н. Ф. Федоров уехал в Керенск в свой обычный летний отпуск (отпускное свидетельство «во все города Российской империи» было выдано ему 17 июня 1889 г. на срок по 15 августа – Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 56). – *229.*

48. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

18 сентября 1889. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 66, л. 37 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 8).

[1] Ни письма Н. Ф. Федорова от 8 и 10 сентября 1889 г., ни письмо Н. П. Петерсона от 10 сентября 1889 г. не сохранились. – *229.*

[2] Из переписки Н. П. Петерсона с В. А. Кожевниковым в период подготовки к печати I тома «Философии общего дела» можно почерпнуть важные данные по вопросу о границах «*Исторического очерка*» и «*второго предисловия»*, составивших основу текста «Записки». Во-первых, тот текст, который Федоров называл историческим очерком, не совпадает, как это может показаться на первый взгляд, с границами III части «Записки», специально посвященной изложению взглядов философа всеобщего дела на историю (отождествление исторического очерка с третьей частью «Записки» ошибочно проведено нами в примеч. 147 к «Статьям философского содержания из III тома “Философии общего дела”» – Т. III наст. изд., с. 687). Как следует из письма Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 9 декабря 1904 г., первоначально «Исторический очерк», открывший «собственно труды Николая Федоровича, которые теперь после него остались», начинался со слов «Находясь чуть не тысячу лет, почти с самого возникновения России, в постоянной борьбе с исламом...» (Т. I наст. изд., с. 84), шел до конца II части «Записки» (первая часть очерка) и затем, уже в третьей части «Записки», продолжался со слов: «Но, по учению христианскому, [...] воскресение Христа неразрывно связано со всеобщим воскресением» (там же, с. 142). Впрочем, из этого же письма Петерсона можно заключить, что собственно «исторический очерк» охватывал меньшую часть текста второй части «Записки», начинаясь с параграфа 18, со слов «Воскрешение есть заповедь не новая...» (там же, с. 114), а текстовой блок со стр. 84 по 114 составлял предисловие, которое в разное время дополнялось (так, к концу 1880-х–1891 гг. относятся фрагменты на стр. 68–84, т. е. начало II части «Записки»). Кроме того, к историческому очерку примыкала статья «Что такое история?» – там же, с. 135 и след. (см.: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 24, лл. 81–82).

В письме, которое может быть датировано началом января 1905 г., Н. П. Петерсон сообщал: «Вместе с этим письмом посылаю Вам то, что, по моему мнению, должно быть напечатано за *Супраморализмом*, – первую часть “Вопроса о братстве (т. е. о родстве), о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира, и о средствах к восстановлению родства”. Посылаемое Вам называлось обыкновенно первым предисловием, за коим следует второе предисловие, которое печатается и, я надеюсь, будет отпечатано и отправлено к Вам в конце праздников, и затем, исторический очерк, который также печатается, и надеюсь, что первая часть этого очерка будет напечатана к концу января» (ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 29, л. 70–70 об.). Границы «*Исторического очерка»* и *«второго предисловия»* (первое предисловие совпадает с I частью «Записки») здесь не уточнены, указано лишь, что сам очерк состоит из двух частей. Однако далее Петерсон предлагает поместить после исторического очерка статьи «Собор», «Проект соединения церквей» и «О значении обыденных церквей» (ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 29, л. 71 об.) – и это является фактическим свидетельством того, что конец исторического очерка есть конец «Записки» вообще.

Более того: чуть выше Н. П. Петерсон обсуждает с В. А. Кожевниковым вопрос о заглавии «Записки» и при этом оперирует выражением «исторический очерк». «Исторический очерк, с которого и началось писание всего, в июне 1878 г. в ответ на письмо Достоевского, оставшегося после Николая Федоровича, и который был прочитан Соловьевым, как я Вам уже писал, назывался в разное время различно, а сначала был без всякого заглавия; первое, полученное им название, было, кажется, Трудная повесть, а потом “Что такое история?” Но выше этого заглавия стояло заглавие – “Вопрос о братстве” и проч. И я полагаю, что такое заглавие и нужно сохранить, – оно и Н<ико>лаю Ф<едорови>чу казалось всегда наиболее соответствующим всему им написанному. Впрочем, он находил, что было бы определеннее озаглавить все написанное им – “Вопрос об объединении для

воскрешения”, [...] вопросом же о братстве, по мнению Н<ико>лая Ф<едорови>ча, мог бы назвать и Беллами свое известное произведение, изображающее жизнь будущего века» (там же, лл. 70 об. – 71).

В письме от 13 марта 1905 г. Н. П. Петерсон возвращается к вопросу о границах исторического очерка и вновь повторяет, что он начинался со слов «Находясь чуть не тысячу лет, почти с самого возникновения России, в постоянной борьбе с исламом...» и что состоял он из двух частей; из даваемых далее пояснений следует, что первая часть очерка шла с вышеуказанных слов до конца второй части «Записки» и включала третью часть «Записки», а вторая обнимала собой четвертую часть «Записки» (см.: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 25, л. 14).

Итак, судя по указаниям Петерсона, «историческим очерком» Н. Ф. Федоров называл основной массив текста «Записки»: он составлял две трети (или треть) второй, всю третью и четвертую ее части. Выбор именно такого рабочего названия весьма примечателен: он указывает, что вопрос о смысле и задаче истории был для Федорова своего рода стержнем «Записки», связывал все направления и ответвления его мысли.

Соответственно, второе предисловие могло составлять одну треть II части «Записки» (если шло от ее начала до слов «Находясь чуть не тысячу лет, почти с самого возникновения России, в постоянной борьбе с исламом...») или же две трети (если продолжалось до 18 параграфа). На наш взгляд, должен быть принят второй вариант, хотя Федоров и Петерсон в разные годы определяли границы исторического очерка и второго предисловия по-разному, что было связано с непрерывной работой над текстом «Записки». До начала работы над текстом I части «Записки» (т. е. с 1878 по 1887 гг.) текст со слов «Находясь чуть не тысячу лет...» и до § 18 (условно) назывался просто «предисловием». В 1887–1891 гг. шла работа над I частью «Записки», мыслившейся Федоровым как «первое предисловие»; при этом текст «предисловия» получил уточняющее название: «второе предисловие», – одновременно он дополнялся, совпав наконец с началом I части «Записки». То, что границы второго предисловия точнее определены во втором варианте, подтверждается письмом 53, где Федоров кратко излагает его содержание. – *229.*

[3] Летом 1888 и 1889 гг. Н. Ф. Федоров работал над статьей, направленной против послесловия Л. Н. Толстого к публикации сочинения Т. М. Бондарева «Трудолюбие, или торжество земледельца» (см. «Русское дело», 1888, №№ 12, 13). Эта статья положила начало работе «В защиту дела и знания...» (окончательное заглавие – «“Не-делание” ли или же отеческое и братское дело?»). – *229.*

1890

49. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

22 марта 1890. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 66, л. 38–38 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 8).

[1] Из содержания письма следует, что Н. П. Петерсон переписывал в это время III часть «Записки» и эти три листа относились к начальным страницам текста; подзаголовок им ниже дает сам Федоров: «Что такое история для неученых?» (в окончательном тексте см.: Т. I наст. изд., с. 138 и след.). – *230.*

[2] Эту фразу в окончательном тексте см.: там же, с. 144. – *230.*

[3] Повесть «Крейцерова соната», законченную осенью 1889 г. и сразу получившую широкое хождение в литографических списках, Л. Н. Толстой намеревался напечатать в сборнике памяти С. А. Юрьева, редактора журнала «Русское обозрение», но цензура ее не пропустила. Затем С. А. Толстая включила повесть в состав тринадцатого тома «Сочинений Л. Н. Толстого» (М., 1890), однако том, набранный без цензурного разрешения, был арестован. Лишь после поездки С. А. Толстой в Петербург и ее беседы с императором Александром III было получено разрешение на печатание «Крейцеровой сонаты», но только в собраниях сочинений. – *230.*

[4] Речь идет о романе швейцарско-французского писателя Эдуарда Рода (E. Rod. Le sens de la vie. Paris, 1889). Русский перевод романа вышел лишь в 1894 г. в издательстве «Посредник»: Э. Род. Вопросы жизни. М., 1894.

Внимание Н. П. Петерсона роман «Смысл жизни» должен был привлечь целым рядом своих тем и идей. Роман, написанный под влиянием религиозно-нравственной проблема-

тики Достоевского и Толстого (см. письмо Л. Н. Толстого к Э. Роду от 22 февраля 1889 – *Толстой. 64*, 229–231), строится в форме исповеди-дневника героя, который не имеет веры, мучится своим безверием, но не находит в современной действительности идеала целостного и абсолютного. Он особенно резко и болезненно ощущает тщету человеческого существования перед лицом неизбежной смерти. Сознает несовершенство природы человека: пишет о своем сердце, в котором с высокими и чистыми чувствами соседствуют порывы «мутные и грязные»; сетует на то, что мечта о любви к ближнему, «апостольстве» и жертве наталкивается на упорное сопротивление его натуры («от своей природы не убежишь»); страдает от неумолимого «все течет, все изменяется»: «Мне хотелось бы держать в руках все струны, которые когда-либо звучали в моем сердце, от самых резких и до самых сладкозвучных, как держит в своих руках виртуоз всю клавиатуру. А вместо того, я сознаю, что теку, как вода реки, как песок песочных часов, я сознаю, что назавтра не узнаю сам себя, как не узнал сегодня *себя* вчерашнего и... увы!.. я стражду от этой порывистой изменчивости нашей природы, которая не допускает нас оставаться самими собою даже на краткий срок нашей недолговечной жизни!..» (Э. Род. Вопросы жизни, с. 37). От стучащих «пеплом Клааса» вечных вопросов, от муки безверия герой пытается найти успокоение в семейной жизни. Сначала – в идиллии вдвоем («между нами установилось то беспрерывное взаимное проникновение, которое делает из двух существ одно единое целое»), потом, после рождения дочери, в идиллии втроем: «...пусть Бог спокойно почиет на небесах, а люди пожирают друг друга на земле, а я с двумя этими дорогими существами, которые составляют для меня *все*, убегу куда-нибудь далеко-далеко, на какой-нибудь южный остров, где климат мягок и где мы состаримся вдали от тревог и забот в маленьком беленьком домике с садом под развесистыми пальмами» (там же, с. 17, 166). Но и здесь образ подстерегающей ежечасно смерти вторгается в размышления героя и рушит, как карточный домик, все его мечты и надежды. Романтическое бегство от скрежещущего мира цивилизации на лоно девственной природы предстает еще одной иллюзией, – не спасает оно ни от страданий, ни от неизбежного и неумолимого конца. В конце романа герой, пришедший в храм, наконец обретает веру, вознося хвалу Творцу и за страдание, и «за то, что, может быть, эта страшная жизнь, которую Ты даровал нам, есть все-таки еще наслаждение по сравнению с небытием» (там же, с. 178). Но в такой «осанне» чувствуется некая фальшь: слишком раскалено пройденное героем «горнило сомнений»; и финальное его обращение не отменяет и не утишает того глубокого трагизма несовершенной, смертной жизни, что запечатлен на страницах дневника.

Среди высказываний героя, которые могли привлечь внимание Н. П. Петерсона, – рассуждение, помещенное в начале романа и затрагивающее проблему: что выше, искусство, творящее совершенные, но мертвые вещи, или человеческая жизнь? Герой возвращается с супругой из путешествия по Италии и записывает: «Какая утомительная вещь человеческий гений! Он истощил все силы на то, чтобы населить эти монастыри, разукрасить эти капеллы и наполнить эти галереи, в которых хранятся остатки трех цивилизаций, и все-таки после двух месяцев, прожитых среди этих чудес, поневоле сознаешь, что даже наивеличайшее из останков цивилизации в сущности не стоит самой скромной мысли, гнездящейся в нашей собственной голове, или самого мимолетного чувства, способного заставить сильнее забиться наше собственное сердце. Да, все эти статуи, фрески, картины, как бы бессмертны они ни были, в сущности все-таки мертвы. Они прекрасны, неподражаемы, единственны в своем роде, – и все-таки они утомляют, утомляют до того, что является желание бежать от них с сознанием, что есть на свете вещи лучше восторга перед ними» (там же, с. 7). – *230.*

[5] См. письмо 47 и примеч. 1 к нему. – *230.*

50. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

28 мая 1890. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 66, лл. 39–39 об., 42–42 об. (копия части письма рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 20).

[1] Н. П. Петерсон переписывал в это время III часть «Записки». – *230.*

[2] В окончательный текст III части «Записки» этот фрагмент не вошел. – *231.*

[3] «Всеподданнейший отчет обер-прокурора св. Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1887 г.». СПб., 1889. В той части отчета, где речь шла об уклонениях от православия и о деятельности сектантов, приводились сведения о «графе Толстом» и пропаганде его учения: «В Тульской епархии под вредное влияние ложных

учений» подпало «село Кочаки с сельцом Ясною поляною. [...] В Кочаковском приходе продолжалась пропаганда миросозерцания и нравственных убеждений графа Толстого, хотя и не с тою энергией и усердием, как в прежнее время. [...] Открытою устною пропагандою своего учения в народе Толстой лично не занимался и не занимается. Для этой цели в прежнее время он подбирал сторонних подходящих лиц. [...] В настоящее время главным средством пропаганды идей Толстого осталась бесплатная раздача крестьянам мелких изданий известной фирмы "Посредник"» (там же, с. 182–184). О том, что Отчет К. П. Победоносцева содержал сведения о Толстом, Н. П. Петерсон мог узнать из газет, где печатались извлечения из отчета (см.: «Правительственный вестник», 6(18) мая 1890, № 99, «Новое время», 8(20) мая 1890, № 5096). – *231.*

51. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

19 сентября 1890. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 66, лл. 43–44 об. (копия части письма рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 20–21). Ранее частично опубликовано: «Начала», 1993, № 1, с. 62–63.

[1] Речь идет об очередных листах переписывавшейся тогда Петерсоном III части «Записки». – *231.*

[2] Д. Н. Петерсон, сын Н. П. Петерсона. – *231.*

[3] В. Н. Петерсон, сын Н. П. Петерсона. – *231.*

[4] Н. Ф. Федоров делает дополнение к начальным страницам III части «Записки», к подглавке «Что такое история для неученых?» (см. Т. I наст. изд., с. 138–139). – *231.*

[5] Последняя 24 глава «Илиады» описывает погребение Гектора. – *231.*

[6] *Два правила критерия* совершеннолетней веры – «не отделять знания от действия и не ограничивать знания» – изложены Н. Ф. Федоровым во II части «Записки» – см. Т. I наст. изд., с. 79. – *232.*

[7] Н. Ф. Федоров провел в семье Петерсонов очередной летний отпуск (отпускное свидетельство на проезд «во все города Российской империи» было выдано ему на срок с 14 июня по 15 августа 1890 г. // Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 56). – *232.*

52. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

27 сентября 1890. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 66 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 27).

53. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

6 октября 1890. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 66, лл. 45–46 об. (копия части письма рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 25–26).

[1] См. примеч. 4 к письму 49. – *233.*

[2] Речь идет о фрагменте, входящем во вторую часть «Записки» под пунктом 2 и разбитом на четыре подпункта: «а, б, в, г» (см. Т. I наст. изд., с. 77–84). – *233.*

[3] Вероятно, имеется в виду письмо 52. – *233.*

[4] Имеется в виду подпункт «б» указанного в примеч. 2 фрагмента (там же, с. 78–79). – *233.*

[5] Судя по изложенному Федоровым содержанию «второго предисловия», в него входил не только текст, предшествовавший словам «Находясь чуть не тысячу лет, почти с самого возникновения России, в постоянной борьбе с исламом...», но и центральный кусок II части «Записки», излагавший учение о Троице как заповеди (до 18 параграфа). Таким образом, подтверждается второй вывод, следующий из письма Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 9 декабря 1904 (см. примеч. 2 к письму 48). – *233.*

[6] Ниже Н. Ф. Федоров комментирует подпункт «в» указанного в примеч. 2 фрагмента (Т. I наст. изд., с. 79–82). – *233.*

[7] См. примеч. 6 к письму 51. – *233.*

[8] Имеется в виду Всемирная парижская выставка 1889 г., приуроченная к столетию Великой французской революции. Об отношении к ней Н. Ф. Федорова см. его статью «Выставка» в Т. I наст. изд., с. 442–463. – *233.*

54. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

5 июня 1891. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 6, ед. хр. 67, лл. 29–30.

[1] Это письмо Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову не сохранилось. – *235.*

[2] Н. Ф. Федоров, по обыкновению, собирался уехать из Москвы на время летнего закрытия Музеев (с 15 июня по 15 августа). 14 июня 1890 г. в конторе Музеев ему было выдано очередное свидетельство на проезд «во все города Российской империи» сроком по 15 августа (Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 58). – *235.*

[3] Перевод Н. П. Петерсона в Чембар (ныне г. Белинский Пензенской обл.) не состоялся. Приказом по ведомству Министерства юстиции от 13 июня 1891 г. он был назначен городским судьей г. Мокшана Пензенской губернии (см. формулярный список Н. П. Петерсона: ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 27; по формулярному списку, хранящемуся в РГИА, это определение состоялось 1 июля 1891 // РГИА, ф. 1405, оп. 524, д. 1524, справка подготовлена *Л. М. Сеселкиной*) и вскоре переехал туда вместе с семьей. – *235.*

55. Ю. В. ПЕТЕРСОН

19 июля 1891. Подольск

Печатается по: ОР РГБ, ф. 6, ед. хр. 67, л. 31.

Текст письма Н. Ф. Федорова к Ю. В. Петерсон, жене Н. П. Петерсона (см. примеч. 5 к письму 28), написан на обороте «отрезного купона», на котором обозначена сумма почтового перевода «5 рублей» и адрес отправителя: «От Николая Федоровича Федорова, Подольск Московской губ<ернии>». В Подольске Н. Ф. Федоров пробыл до 20-х чисел июля. 26 июля 1891 г. он в Москве: «явлен и записан» в первом полицейском участке Пречистенской части на квартиру по Молочному пер., д. 9 Иванова (Архив РГБ, оп. 126, д. 53; см. также: *В. С. Борисов. Адреса Н. Ф. Федорова*, с. 254).

[1] Наталья Николаевна *Петерсон* (см. примеч. 4 к письму 34). – *235.*

56. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

8 августа 1891. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 6, ед. хр. 66, лл. 47–48 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 26).

Ответ на несохранившееся письмо Н. П. Петерсона.

[1] Это письмо Н. Ф. Федорова к Н. П. Петерсону не сохранилось. – *236.*

[2] Впечатления, вынесенные Н. Ф. Федоровым из обзора московских кладбищ, вылились во фрагмент, которым мыслитель дополнил II часть «Записки». По указанию Н. П. Петерсона (ОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр. 6, л. 26), этот фрагмент начинается со слов «Если религия есть культ предков...» и оканчивается словами «Такое перемещение центра находится в связи и с всеобщею воинскою повинностью, переходящею от городской к сельской, от борьбы с себе подобными к регуляции слепой, смертоносной силы» (см. Т. I наст. изд., с. 72–75). – *236*

[3] О французской промышленно-художественной выставке 1891 г. в Москве см. примеч. 96 к «Статьям и заметкам разного содержания». Впечатления от посещения выставки вошли в статью Н. Ф. Федорова «Выставка» (см. Т. I наст. изд., с. 448–451). – *236.*

57. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

Между 8 и 20 августа 1891. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, л. 75–75 об. (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 4, ед. хр. 6, лл. 10–11).

Датируется временным промежутком между двумя письмами Федорова Петерсону – от 8 и от 20 августа 1891 (в письме от 8 августа 1891 г. Н. Ф. Федоров сообщает о том, что начал осматривать московские кладбища, в данном письме он описывает свои впечатления от обзора кладбищ). Письмо является наброском фрагмента, вошедшего во II часть «Записки» – см. примеч. 2 к письму 56.

[1] Речь идет об эпиграфе к «Записке». – *236.*

58. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

20 августа 1891. Москва

Печатается по оригиналу с учетом копии. Оригинал: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 66, лл. 61–62 об., 49–54 об., копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 8, лл. 29–32.

[1] Книжное собрание Н. Д. Лодыгина (см. примеч. 4 к разделу «Библиотеки и музейно-библиотечное образование» – Т. III наст. изд., с. 664) поступило по его завещанию в библиотеку Московского Публичного и Румянцевского музеев в 1885 году. В Отчете Музеев за 1883–1885 гг. оно было охарактеризовано следующим образом: «Вторым по значительности приобретением (за указанный период. – *Сост.*) явилась также завещанная Музеям библиотека Н. Д. Лодыгина, известного литературного деятеля по коннозаводскому ведомству, много интересовавшегося, как видно, и зоологиею вообще. В последние годы своей жизни он чуть не ежедневно занимался по несколько часов в Музеях, задавшись трудноразрешимою задачей составить подробный зоологический словарь с переводом технических терминов на все сколько-нибудь распространенные в мире языки. Не находя, как и естественно было ожидать, многих нужных для того пособий в Музейской библиотеке, он стал покупать и выписывать себе именно только то, чего у нас недоставало, и даже завел у себя карточный алфавитный каталог, в формате и по образцу нашего; так что, когда по неожиданной кончине владельца, библиотека его (около 950-ти томов) передана была нам, мы нашли в ней не только строго выдержанное пополнение к Музейской, но притом и каталогизированное по-нашему. Не можем не упомянуть с особенной признательностью об этих подробностях, так как примеры подобного рода пожертвований вообще встречаются очень редко» («Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1883–1885 гг.». М., 1886, с. 96–97).

Упоминаемая в данном письме статья Н. Ф. Федорова о Н. Д. Лодыгине не сохранилась. Как можно заключить из письма, она была передана мыслителем (или кем-то из его окружения) в редакцию «Московских ведомостей». Данное письмо Н. Ф. Федорова представляет собой набросок заметки, которая, по его замыслу, могла бы стать откликом на статью о Лодыгине (если бы «Московские ведомости» напечатали статью), причем отправлена она должна была быть в редакцию самим Н. П. Петерсоном, «обитателем безмузейного града» (т. е. Мокшана). Подобный же прием привлечения внимания к статье был использован Н. Ф. Федоровым в 1896 г. при публикации статьи «Долг авторов по отношению к публичным библиотекам» (см. примеч. 1 к разделу «Библиотеки и музейно-библиотечное образование» – Т. III наст. изд., с. 662–663).

Впрочем, Н. Ф. Федоров мало надеялся на осуществление своего замысла (см. «Приложение» к данному письму). И действительно, статья о Лодыгине не появилась в газете «Московские ведомости». Впоследствии о Н. Д. Лодыгине Н. Ф. Федоров упоминал в своих статьях по библиотечному делу: «Долг авторов по отношению к публичным библиотекам» и «Долг авторский и право музея-библиотеки» (см.: Т. III наст. изд., с. 224, 235–236). – *237.*

[2] Здесь мы встречаемся с характерным приемом Н. Ф. Федорова, употребленным им и при публикации статьи «Долг авторов по отношению к публичным библиотекам»: дать в отклике на статью, посылаемом от третьего лица, некое высказывание, а затем прокомментировать его уже в ответной заметке, от автора обсуждаемой статьи, тем самым открывая возможность дальнейшего углубления темы. В данном письме текст, даваемый в скобках, представляет собой как раз конспект возможного ответа автора статьи о Лодыгине «обитателю безмузейного града». – *238.*

[3] В архиве Н. П. Петерсона сохранились два черновика «Приложения» (первый и второй) и беловой текст, окончание которого утрачено. Н. П. Петерсон при подготовке к печати этого «Приложения» комбинировал тексты, дополняя беловую рукопись всем наиболее ценным из второго черновика. Что касается окончания, отсутствующего в беловике, то его текст, по всей видимости, был восстановлен Н. П. Петерсоном по первому черновику (либо в период подготовки рукописи окончание белового текста еще присутствовало и затерялось позднее).

В «Приложении» к письму Н. Ф. Федоров излагал содержание своей статьи о Н. Д. Лодыгине, переданной в «Московские ведомости». – *238.*

59. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

6 сентября 1891. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 66, лл. 55–56 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 33–34).

Данное письмо позволяет уточнить момент зарождения у Н. Ф. Федорова идеи франко-русского книгообмена: последняя треть августа 1891 г.

[1] См. письмо 58 и примеч. 1–3 к нему. – *240.*

[2] Намек на французскую промышленно-художественную выставку 1891 г. в Москве. – *240.*

[3] Статья, о которой упоминает Н. Ф. Федоров, нами не разыскана. Об отражении в русской печати идеи франко-русского книгообмена см. примеч. 5 к разделу «Библиотеки и музейно-библиотечное образование» (Т. III наст. изд., с. 664–666) и примеч. 4 к дополнению к этому разделу в Т. IV. Поиск откликов на идею обмена во французских газетах не проводился. – *240.*

[4] Н. П. Петерсон в примечании к данному письму указывает, что «новое предисловие» – это вторая часть «Записки» (см. ОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр. 6, л. 34), однако здесь он неточен: в данном случае речь идет о тексте, входящем во вторую часть «Записки» под пунктом 2 и разбитом на четыре подпункта: «а, б, в, г» (см. Т. I наст. изд., с. 77–84). Третий параграф – пункт «в» (см. там же, с. 79–82). – *240.*

60. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

Между 5 и 15 октября 1891. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, л. 48–48 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 76).

Датируется по содержанию. Сообщение о проекте подоходного налога появилось в газете «Русские ведомости» 5 октября 1891 г. (см. примеч. 219 к разделу «Статьи и заметки о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве»). Цитату из письма к С. С. Слуцкому барона де Бай, упоминаемого в конце данного письма, привел в своем обращении к Л. Н. Толстому И. М. Ивакин, причем черновик его письма датирован 17 октября 1891 г. (ОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр. 11, лл. 10–13), а это значит, что С. С. Слуцкий должен был познакомить Федорова с отзывом де Бай несколько ранее.

[1] В первой половине 1890-х гг. на Памире, «на крыше мира», сталкивались интересы России, Англии, Китая и Афганистана, находившегося под английским влиянием. Ситуация особенно обострилась после занятия Россией части Памира, ставшего следствием Памирского похода 1892–1893 гг. 27 февраля (11 марта) 1895 г. было подписано англо-русское соглашение о разграничении сфер влияния в области Памира. – *241.*

[2] «великой и прекрасной идеей» (*франц.*). О бароне *де Бай* и его письме к С. С. Слуцкому см. примеч. 57 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве». Сергей Сергеевич *Слуцкий* (1861–1903) – историк, филолог, публицист. Еще во время учебы на историко-филологическом факультете Московского университета дополнительно занимался историей церкви под руководством прот. А. М. Иванцова-Платонова и клинописью под руководством М. В. Никольского, став впоследствии одним из лучших знатоков клинописи в России конца XIX в. Занимался расшифровкой и объяснением надписей с надгробных камней двух несторианских кладбищ XIII–XIV вв., открытых в 1880 г. в Средней Азии, чему посвятил ряд научных статей и докладов (положительный отзыв о работах С. С. Слуцкого в этой области был дан IX Конгрессом ориенталистов, проходившим в Лондоне в 1891 г.). Был одним из активных членов Московского Археологического общества, занимая должность секретаря Восточной комиссии; долгие годы оставался главным сотрудником графини П. С. Уваровой в деле издания трудов археологических съездов. Служа в Московском главном архиве Министерства иностранных дел, много занимался как всеобщей, так и русской историей.

П. И. Бартенев в своем послесловии к некрологу ученого так писал о нем: «Слуцкий – человек поистине достопамятный не только по трудам своим, но и по тому нравственному влиянию, которое он разливал вокруг себя. Классическое многостороннее образование соединялось в нем с неподражаемою скромностью и самоотречением. “В опрятном одеянии без роскоши, светлым взором благословляющий”, производил он впечатление христианина первых веков церкви. [...] До истощения сил занимался он делом, какое выпадало на его долю. [...] На пятом десятке лет Слуцкий оставался чистым юношею, восторженно отзывчивым на все высокое и самоотверженно готовым идти на подвиг живой веры и всякого добра. Худощавый, быстрый в движениях, кроткий, он являлся между нами существом как бы бесплотным и в то же время утешительным. Воспоминание о нем неизгладимо для друзей его, а в исторических преданиях русского просвещения займет он ме-

сто наряду с А. И. Тургеневым, И. А. Петиным, Д. А. Валуевым. Жил сравнительно недолго, а память оставил по себе вечную!» («Русский архив», 1903, № 6, с. 304).

С. С. Слуцкий в течение многих лет был близок Н. Ф. Федорову, хорошо зная его по библиотеке Румянцевского музея; в 1901–1903 гг. они были сослуживцами по Московскому главному архиву Министерства иностранных дел. С. С. Слуцкий активно откликался на общественные инициативы Н. Ф. Федорова 1890-х гг. (проект международного книгообмена, построение обыденного храма Троицы при Румянцевском музее, собирание сведений об обыденных храмах), по мере сил содействуя их публичному обсуждению (подробнее см. преамбулу к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 574–580). – *241*.

61. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

16 октября 1891. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 66, лл. 57–58 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 34–36). Это письмо Н. Ф. Федорова вместе со следующим письмом от 27 октября 1891 г. легло в основу его статьи «Разоружение» (см. примеч. 1 к «Дополнению к разделу “Статьи о разоружении и умиротворении”»).

[1] О какой рукописи Н. Ф. Федорова идет речь, установить трудно. Возможно, Н. П. Петерсон прислал Н. Ф. Федорову какой-то фрагмент второй части «Записки». Речь также может идти о статье о Толстом, над которой Н. Ф. Федоров работал с 1888 г. и которая в 1894 г. составила основу текста так и не вышедшей в свет брошюры «В защиту дела и знания...». – *242*.

[2] Это письмо Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову не сохранилось. – *242*.

[3] Об этой статье Н. П. Петерсона см. примеч. 1 к письму 62. – *242*.

[4] 24 августа 1891 г. в № 232 газеты «Русские ведомости» в рубрике «Иностранные известия» появилась корреспонденция В. Н. Мак-Гахан, посвященная опытам вызывания искусственного дождя методом взрывов в облаках, проведение которых началось в августе 1891 г. в Техасе, «на большой ферме мистера Нельсон Морриса, жителя Чикаго». Сообщая об успешности первых опытов, В. Н. Мак-Гахан так характеризовала избранный способ искусственного дождевания: «...известно было лишь то, что теория искусственного производства дождя основана на предположении, что путем сотрясения атмосферы посредством взрывчатых веществ можно сгущать влагу и заставлять облака разражаться дождем. Теория эта возникла на основании данных, собранных на полях сражений. Замечено, что все большие битвы, занесенные в международные летописи, неизменно сопровождались ливнями, происходившими, как полагают, от сотрясения воздуха пальбой из орудий». За корреспонденцией В. Н. Мак-Гахан об американском опыте вызывания дождя последовало ее же сообщение об обильном урожае в Соединенных штатах как о зримом свидетельстве экономического роста страны («Русские ведомости», 26 августа 1891, № 234) – и это сообщение особенно резко контрастировало с внутренними корреспонденциями русских газет, с сыпавшимися отовсюду сведениями о катастрофическом неурожае в целом ряде губерний, о начинающемся голоде. – *242*.

[5] Другой вариант расшифровки: «мирной». – *242*.

[6] См. письмо И. М. Ивакина к Л. Н. Толстому от 21 октября 1891 г. в Т. IV наст. изд., с. 655–658. – *242*.

[7] См. примеч. 4 к «Статьям о разоружении и умиротворении» – Т. II наст. изд., с. 479. – *242*.

[8] Здесь Н. Ф. Федоров откликается на обсуждение в русской печати проекта подоходного налога (см. примеч. 219 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве»), а также на периодически появлявшиеся в газетах сообщения об организации по России разнообразных обществ и комитетов по оказанию помощи пострадавшим от неурожая 1891 г., призывы к активной деятельности «городских общественных управлений, Думы, общественных учреждений всех родов и разрядов» по сбору средств на голодающих («Русские ведомости», 23 августа 1891, № 231; см. также №№ газеты от 2, 5, 24, 27 сентября, 5, 13 октября). – *243*.

[9] *Дарданельский вопрос* – вопрос о черноморских проливах Босфор и Дарданеллы, составлявший важную часть восточного вопроса, периодически поднимался русской и европейской дипломатией на протяжении всего XIX в. Россия стремилась изменить невыгодный для себя статус проливов, утвержденный Парижским трактатом 1856 г. и затем фактически подтвержденный Лондонской конвенцией 1871 г.: согласно этим соглашениям, проливы были закрыты для всех военных судов, однако Турция имела право, по

своему усмотрению, в мирное время открывать проливы для прохода военных судов европейских государств (что было прямо направлено против России). В 1891 г. русской дипломатии удалось добиться выдачи фирманов на проход своих военных кораблей (без вооружения и охраны), однако европейские державы, прежде всего Англия, воспротивились этому. *Памирский вопрос* – см. примеч. 1 к письму 60. – *243*.

[10] Расшифровка уточнена: следует читать не *Борисов*, а *Барсов*. Елпидифор Васильевич *Барсов* (1836–1917) – этнограф, археолог, публицист. В 1870–1887 гг. служил в Московском Публичном и Румянцевском музеях сначала помощником хранителя отделения рукописей, а затем, после передачи в здание Музеев Чертковской библиотеки, – библиотекарем созданных на ее основе русского и славянского отделений. Собрал обширную коллекцию древних рукописей, особенно по истории раскола. Выпустил в свет издание «Причитаний Северного Края» (ч. 1–3. М., 1872–1886), был автором исследований о народной причети, в том числе похоронных плачах.

Е. В. Барсов глубоко чтил Н. Ф. Федорова, знал его идеи, и они находили в нем сочувственный отклик. Это явствует из некролога мыслителю, который был написан Е. В. Барсовым после его кончины (текст некролога см. в примеч. 170 к разделу «Приложения» «Письма Н. П. Петерсона В. А. Кожевникову»). Общение бывших сослуживцев не прерывалось и в 1890-е гг., когда Е. В. Барсов стал одним из ведущих сотрудников газеты «Московский листок» и регулярно писал для нее передовые статьи.

Осенью 1891 г. Н. Ф. Федоров передал Е. В. Барсову заметки с изложением своих проектов, относящихся к августу–октябрю 1891 г.: международного книгообмена, всенаучного съезда, присоединения к подоходному, обязательному налогу налога добровольного и т. д. Сделано это было после отказа В. С. Соловьева от совместной работы с Н. Ф. Федоровым над «призывом к общему делу», с которым В. С. Соловьев первоначально согласился выступить публично и который предполагал, в частности, обзор этих проектов (см.: ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 12, л. 18, а также заметку Н. Ф. Федорова «Еще раннею весною 1889 Соловьев говорил...» и письмо Н. Ф. Федорова к Н. П. Петерсону от 26 марта 1892 – Т. IV наст. изд., с. 54, 247). Что именно сделал с этими заметками Е. В. Барсов и каким его поступком остался недоволен Н. Ф. Федоров, установить не удалось. Можно только предполагать, что Н. Ф. Федоров надеялся, что сотрудник «Московского листка» воспользуется его материалами в собственных статьях и таким образом предаст публичной огласке изложенные там проекты. Может быть, и сам Барсов предлагал ему это, а потом не смог осуществить свое предложение или цензура не пропустила статью?..

Фраза *Барсов, которому я сообщил ∞ не так подло и коварно, как Соловьев* в тексте письма зачеркнута Н. Ф. Федоровым. – *243*.

62. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

27 октября 1891. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 67, лл. 15–16 об.

[1] 20 октября 1891 г. в № 225 «Пензенских губернских ведомостей» за подписью «Н. П-н» была напечатана статья Н. П. Петерсона «Несколько слов об искусственном дожде». Подробно пересказав статью В. Н. Мак-Гахан в № 232 «Русских ведомостей» (см. примеч. 4 к письму 61) и приведя замечание журналистки о том, «что не специалисту трудно понять, каким образом можно взрывами вызвать влагу там, где ее вовсе не имеется», Н. П. Петерсон указал читателям газеты на брошюру З. А. Лядского «Новое объяснение грозы, всех трех родов молний и огней св. Эльма» (Поневеж, 1885) и привел заключительную фразу брошюры, в которой была выражена мысль о возможности широкого использования армии в деле искусственного вызывания дождя и о переориентации деятельности войска в соответствии с этой мирной, общечеловеческой задачей (см. примеч. 6 к письму 44). «Эта брошюра, – писал далее Н. П. Петерсон, – прошла почти незамеченною, а между тем вопрос, в ней поднятый, есть вопрос о жизни и смерти для нашей исключительно земледельческой страны. Первостепенное значение этого вопроса очевидно в особенности для нас, живущих в местности, пораженной, вследствие бездождия, голодом; и если призыв к делу обеспечения от неурожаев, к делу, которое должно стать общим делом, – если призыв, сделанный русским, не мог пробудить нас, то не увлечемся ли мы по крайней мере примером американцев, которые, хотя и ничтожную, но ассигновали все-таки некоторую сумму для производства опытов, сулящих людям избавление от страха голода. Принимая необходимые меры к избавлению народа от постигшей уже беды, не обязаны ли мы подумать и о том, что ждет нас в будущем, если и лето 1892 года будет таким же, как было

лето настоящего года, а судя по осени, надо этого ожидать. Поэтому не следует ли губернскому земскому собранию, или даже и уездным, подумать о способах воспроизведения дождя и не найдут ли они полезным обратиться по этому поводу к г-ну Ляцкому, который очевидно много над этим поработал и, конечно, не откажет помочь в таком деле, которое так занимает самого его, тем больше, что обращение к нему по этому делу земских собраний дало бы ему возможность провести более обширные опыты, чем те, которые он мог производить на одни собственные средства. Если бы кто поинтересовался брошюрою Ляцкого, заглавие которой здесь выписано, то следует обратиться к автору в г. Поневеж, Ковенской губернии. Брошюра стоит только пятьдесят копеек». Последняя фраза статьи и вызвала возмущение Н. Ф. Федорова. – *243*.

[2] «Первым предисловием» Н. Ф. Федоров в разные годы называл разные фрагменты «Записки», а после написания работы «Проект соединения церквей» считал ее первым предисловием. В данном случае речь, по всей видимости, идет о тексте, который во второй части «Записки» следует после фрагмента о кладбищах, начинаясь со слов: «Перемещение это находится также в связи с объединением с другими народами, начиная с французов» и заканчиваясь словами «а своим для континента может быть только регуляция» (см. Т. I наст. изд., с. 75–77). Впрочем, под «первым предисловием» Н. Ф. Федоров мог иметь в виду и свое письмо Н. П. Петерсону от 16 октября 1891 г., фактически представлявшее собой набросок статьи (не случайно Н. П. Петерсон немедленно воспользовался им при составлении новой статьи для «Пензенских губернских ведомостей» – см. ниже примеч. 5). Подчеркивая разницу между статьей Н. П. Петерсона и текстом «первого предисловия», а ниже – и «со всею рукописью» «Записки», Н. Ф. Федоров имеет в виду тот факт, что Н. П. Петерсон в своей статье касался лишь одной стороны проекта всеобщего дела, сводя при этом вопрос об искусственном вызывании дождя исключительно «к делу обеспечения от неурожаев» и ни слова не говоря (впрочем, явно по цензурным соображениям) о той конечной цели, для которой опыты искусственного дождевания должны были послужить лишь самым первым, предварительным шагом. – *243*.

[3] Цитата из статьи В. Н. Мак-Гахан. – *244*.

[4] Книга французского физика, астронома, метеоролога Доминика Франсуа *Араго* (1786–1853) *«Гром и молния»* (СПб., 1859; в оригинале: «Notice Scientifique sur le Tonnerre») представляла собой первую «монографию грозы». В гл. XLII ученый подробно писал «о пушечных выстрелах как средстве для рассеяния гроз» и приводил историю этого вопроса. Во второй из упомянутых Федоровым книг: Н. Смирнов. Громоотводы, их теория и устройство. СПб., 1878, – также был поднят вопрос о воздействии артиллерии на грозовые тучи, причем специально подчеркивалось, что он «может быть решен только при помощи весьма значительного числа наблюдателей над состоянием неба в дни больших сражений или артиллерийских учений»; «заведывающие артиллерийскими полигонами, – продолжал далее Н. Смирнов, – могли бы способствовать своими метеорологическими наблюдениями» скорейшему разрешению указанного вопроса (указ. соч., с. 3). – *244*.

[5] Реплика относится к тексту статьи-обращения, которое Н. П. Петерсон предполагал напечатать в «Пензенских губернских ведомостях» в продолжение своей статьи «Несколько слов об искусственном дожде» и первоначальный вариант которого был прислан им Федорову (см. примеч. 1 к «Дополнению к разделу “Статьи о разоружении и умиротворении”»). Новая статья Петерсона также оканчивалась «денежным мотивом»: Петерсон предлагал редакции газеты «открыть у себя подписку на сбор пожертвований для производства опытов вызывания дождя» (см. примеч. 3 к «Дополнению к разделу “Статьи о разоружении и умиротворении”»). Эта-то концовка и вызвала нарекания Федорова и реплику, что и вторая статья, так же как первая, есть *«совершенно другое»*, т. е. сводит дело регуляции только к вопросу о предотвращении неурожаев, хотя во второй статье Петерсон фактически полностью воспроизвел содержание письма Федорова от 16 октября 1891 г.

Замечание Федорова по второй статье было учтено Петерсоном. В новом ее варианте он снял призыв к денежным пожертвованиям и дополнил статью фрагментом письма Федорова от 27 октября 1891 г. – *244*.

[6] Федоров имеет в виду письмо И. М. Ивакина к Л. Н. Толстому от 21 октября 1891 г. Ответ Л. Н. Толстого последовал 12 ноября. – *244*.

63. В. С. СОЛОВЬЕВУ

Конец октября – начало ноября 1891. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 71 (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 3, ед. хр. 4, лл. 179–190). Ранее опубликовано: *Контекст 1988*, с. 327–329; *Сочинения 1994*, с. 362–363. Датируется по содержанию.

Один из двух сохранившихся в архиве Н. П. Петерсона черновиков ответа Н. Ф. Федорова на письмо к нему В. С. Соловьева (текст письма утрачен). О содержании письма можно судить как по двум этим черновикам, так и по письму Н. Ф. Федорова к Н. П. Петерсону от 26 марта 1892 г., в котором он коротко излагает сюжет своих взаимоотношений с Соловьевым октября–ноября 1891 г. (подробнее об этом см. примеч. 175 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве», а также примеч. к письму 66 (преамбула)). По всей видимости, Соловьев пытался как-то объяснить Федорову свой отказ от совместной работы над изложением его конкретных проектов и от открытого их обнародования на заседании Московского Психологического общества 19 октября 1891 г. Речь идет о проектах франко-русского книгообмена, развития широкой сети научных исследований, объединенных проблемой регуляции (всенаучный съезд, постоянные научные институты), присоединения к обязательному подоходному налогу налога добровольного, что означало для Федорова переход к новой, более высокой ступени развития общества, когда каждый сознает меру своей ответственности за происходящее и руководствуется не юридико-экономической необходимостью, а принципами родственной, сыновней нравственности.

В своем ответе В. С. Соловьеву Н. Ф. Федоров кратко касается всех проектов, представить которые предполагалось на заседании 19 октября 1891 г. Был ли послан этот ответ философу или нет, не установлено.

Печатаемый вариант ответа начинается не с красной строки: это обстоятельство, а также выражение «Я также сожалею и глубоко сожалею», как бы продолжающее и дополняющее высказывание, позволяет предположить, что был еще один, начальный лист письма, ныне утраченный (см. начало второго черновика: «Называя себя “не всегда понимающим меня”, Вы сказали несомненную истину»).

Первый и второй абзацы письма в обратном порядке и с некоторыми разночтениями воспроизведены в разборе реферата «О причинах упадка средневекового миросозерцания», вошедшем в статью «Проект соединения церквей» (см. Т. I наст. изд., с. 385).

[1] *Обстоятельства публичного свойства* – цитата из письма В. С. Соловьева. Здесь и ниже – выпад в адрес философа, который в своих статьях о голоде (см. примеч. 205, 213, 218 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве») стремился утвердить значение общественности, призывал к активным действиям все слои русского общества, писал о необходимости оставить склоки и споры и объединиться в деятельной помощи народу. И в то же самое время его выступление в Психологическом обществе с рефератом «О причинах упадка средневекового миросозерцания» вольно или невольно провоцировало раздор и публичную полемику, – с точки зрения Федорова непростительную и бесплодную, тем более что затеяна она была в голодный год, когда так необходимо было всеобщее согласие. Н. Ф. Федоров стремился дать понять философу, что его выступление имело подобные следствия именно потому, что в нем лишь самым общим, крайне неопределенным образом говорилось о причинах бедствия и путях борьбы с ним. – *244.*

[2] См. примеч. 10 к письму 61. – *245.*

[3] По всей вероятности, цитата из письма В. С. Соловьева Н. Ф. Федорову. Федоров ознакомился с рефератом «О причинах упадка средневекового миросозерцания» уже после выступления Соловьева в Психологическом обществе. Это знакомство могло состояться как в ноябре 1891 г., когда некоторое количество оттисков реферата, набранного для журнала «Вопросы философии и психологии» и остановленного цензурой, все же «вышло за стены редакции» (см. комментарий *Н. В. Котрелева* // В. С. Соловьев. Сочинения в 2-х тт. Т. 2, с. 691), так и в начале 1892 г., когда появились подпольные издания (там же). Текст реферата мог прислать Федорову и сам Соловьев, не желавший, чтобы мыслитель судил о содержании его выступления по газетным откликам.

Кстати, по свидетельству Н. П. Петерсона, Н. Ф. Федоров, написавший разбор реферата В. С. Соловьева, позднее познакомил философа с этим текстом. «Н<иколай> Ф<едорович>, – замечал при этом Н. П. Петерсон, – впоследствии выражал сожаление, что дал прочитать Соловьеву этот разбор; очевидно, Н<иколай> Ф<едорович> до этого был лучшего мнения о Со-

ловьеве, – он не думал, что Соловьев может оскорбиться хотя и резким, но очевидно справедливым разбором его реферата, – возразить против этого разбора Соловьев ничего не мог» (ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 7, л. 22 об.). – *245.*

1892

64. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

4 января 1892. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 656, к. 6, ед. хр. 68, л. 1–1 об. (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 4, ед. хр. 6, л. 38).

[1] Н. П. Петерсон просил Н. Ф. Федорова походатайствовать перед С. А. Толстой относительно сбора средств для голодающих г. Мокшана Пензенской губернии, где он служил с лета 1891 г. Об *И. М. Ивакине* см. примеч. 138 к «Статьям и заметкам разного содержания», а также преамбулу к разделу «Приложения» «И. М. Ивакин. Воспоминания (фрагменты)». – *246.*

[2] Из текста данного письма и письма 65 явствует, что Н. П. Петерсон просил Н. Ф. Федорова достать для одного из своих знакомых сочинения Л. Н. Толстого, вышедшие за границей и запрещенные в России. К тому времени это были: «Исповедь» (Женева, 1885; 1888), «Так что же нам делать?» (Женева, 1890), «В чем моя вера?» (Женева, б/г, 1888, 1892), «Краткое изложение Евангелия» (Женева, 1890), «Исследование догматического богословия» («Критика догматического богословия». Ч. 1, Женева, 1891) и др. – *246.*

65. П. П. ПЕТЕРСОНУ

10 января 1892. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, л. 2–2 об. (копия части письма рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 36а).

[1] См. примеч. 2 к письму 64. – *246.*

[2] Под двумя *денежными письмами* Федоров имеет в виду почтовые переводы, отправленные им Н. П. Петерсону 21 декабря 1891 и 3 января 1892 (см. письмо 64). *Неценные письма* – №№ 64, 65. – *247.*

66. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

26 марта 1892. Москва

Оригинал не сохранился. Печатается по копии рукой Н. П. Петерсона: ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 8, лл. 95–96. Данный текст (без обращения, завершающих прощальных фраз и подписи) был приведен Н. П. Петерсоном в двух черновых вариантах воспоминаний о Н. Ф. Федорове, причем публицист указал, что у него сохранился лишь один лист письма (там же, л. 95). По содержанию письмо от 26 марта 1892 г. перекликается с заметкой «Еще раннею весною 1889 Соловьев говорил...» (Т. IV наст. изд., с. 54).

Письмо содержит комментарий истории взаимоотношений Н. Ф. Федорова и В. С. Соловьева в октябре–ноябре 1891 г., причем Н. Ф. Федоров коротко обозначает те темы, которые первоначально, в результате совместной работы, предполагалось развить в выступлении Соловьева на заседании Московского Психологического общества 19 октября 1891 г.

Интересно, что в одном из черновиков своих воспоминаний Н. П. Петерсон несколько иначе, нежели Федоров, изложил историю несостоявшейся совместной работы двух мыслителей, причем, как видно из автографа, практически сразу отверг это изложение, зачеркнув ряд фрагментов текста (приводим текст полностью, зачеркивания Петерсона даны в фигурных скобках): «Между прочим Н<иколай> Ф<едорови>ч мне рассказывал, что в 1891 году, когда у нас был голод, а в Америке было получено известие о произведенном там опыте вызывания дождя посредством взрывчатых веществ, и когда Н<иколаю> Ф<едорови>чу с особенною ясностью представился способ осуществления его мысли о воскрешении чрез обращение войска в естествоиспытательную силу, т. е. чрез всеобщеобязательную воинскую повинность с присоединением к ней и общеобязательного образования, неразрывно связанного с расширением и самого знания, – эта мысль, которую он сообщил В. С. Соловьеву, увлекла и Соловьева {и он несколько раз заходил к нему в Румянцевский музей, уговаривая Н<иколая> Ф<едорови>ча составить общий призыв к общему делу вместе, причем Соловьев брался записать то, что продиктует Н<иколай> Ф<едорови>ч. Когда же Н<иколай> Ф<едорови>ч отказывался от чести иметь такого из-

лагателя своих мыслей и просил Соловьева, чтобы он сам составил призыв, Соловьев сказал ему: "Что же Вы думаете, что Петерсон лучше излагает Ваши мысли, чем я их изложу". В конце концов Н<иколай> Ф<едорови>ч согласился на предложение Соловьева} и было назначено 12-ое октября, когда Соловьев должен был прийти к Н<иколаю> Ф<едорови>чу, чтобы вместе составить этот призыв {к общему делу, который Соловьев брался прочитать публично}. Но 12-го октября Соловьев не пришел, а прислал письмо, в котором извещает, что обстоятельства *публичного* свойства помешали ему прийти к Н<иколаю> Ф<едорови>чу, и 19 октября Соловьев вместо призыва к общему делу прочитал в заседании Психологического Общества свой реферат "О причинах упадка средневекового мировоззрения" [далее приводится текст письма Н. Ф. Федорова Н. П. Петерсону от 26 марта 1892]» (ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 12, л. 18–18 об.).

Здесь привлекает внимание, во-первых, указание на то, что В. С. Соловьев пытался подвигнуть Н. Ф. Федорова к публичному обнародованию его проектов, брался даже быть их излагателем и переписчиком-редактором, наподобие Петерсона (что не удовлетворило Федорова). Во-вторых, примечателен тот факт, что Федоров, со своей стороны, убеждал Соловьева не просто быть излагателем, а выступить с призывом ко всеобщему делу от своего собственного имени, – возможно, в этом отчасти и коренились причины конечного отказа Соловьева от работы с Федоровым: он был готов помочь в изложении проектов мыслителя, содействовать их выходу в печать (брался даже «прочитать публично»), но не провозглашать от себя лично. И наконец, в-третьих, Петерсон указывает, что от совместной работы с Федоровым Соловьев 12 октября 1891 г. отказался письмом, ссылаясь на «обстоятельства публичного свойства».

В последующих черновых редакциях воспоминаний и в беловом автографе Н. П. Петерсон описывал историю второго сближения Соловьева и Федорова более лаконично, опуская ряд деталей первоначальной редакции (сообщение о том, что Соловьев приходил в Музеи несколько раз, его предложение быть «писцом» у Федорова, замечание по поводу Петерсона и др.). Без дополнительных данных трудно судить о том, почему Николай Павлович сократил свое изложение: из-за неточности указанных деталей, нежелания вдаваться в излишние подробности или по каким-то иным причинам. Но бросается в глаза, что обе его версии не во всем стыкуются с описанием указанного сюжета самим Федоровым. Из черновой редакции «Воспоминаний» следует, что Соловьев уговаривал Федорова согласиться на его помощь и содействие; из писем 63 и 66 и заметки «Еще раннею весною 1889 Соловьев говорил...» явствует, что предложение о составлении «призыва к общему делу» было сделано именно Федоровым. Петерсон указывает, что Соловьев отказался от совместной работы в письме, посланном Федорову 12 октября 1891 г.; из материалов самого Н. Ф. Федорова также можно заключить, что отказ от совместной работы последовал 12 октября, но, скорее всего, это произошло при личной встрече, письмо же Соловьева об «обстоятельствах публичного свойства» было написано не 12 октября, а позднее (ср. у Федорова: «...возникшая вслед за чтением (19 октября 1891. – *Сост.*) грызня в газетах названа Соловьевым в письме ко мне публичною жизнью»). Для того чтобы решить, чья версия, Н. Ф. Федорова или Н. П. Петерсона, более точна, по всей видимости, потребуются дополнительные изыскания, но во всяком случае не следует забывать, что Петерсон не был непосредственным свидетелем второго сближения Соловьева и Федорова и источником его воспоминаний служили рассказы самого Федорова, а также собственные размышления по этому поводу.

[1] Речь идет о последнем абзаце реферата «О причинах упадка средневекового миросозерцания», содержание которого восходит к идеям Н. Ф. Федорова (см. об этом в примеч. 175 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве»). – *247.*

[2] Это письмо В. С. Соловьева к Н. Ф. Федорову не сохранилось. Черновик ответа Н. Ф. Федорова – письмо 63. – *247.*

67. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

27 апреля 1892. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, лл. 3–3 об., 5–7 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, лл. 404–408). Н. П. Петерсон, копируя письмо, первоначально переписал обращение «Глубокоуважаемый и дорогой друг Николай Павлович», а затем зачеркнул его и дал переписанному тексту название «Об управлении атмосферными явлениями, погодою. Илья-громовник», как бы превращая его в статью, тем более что сам Федоров, как следует из конца письма, рассматривал его содержание как набросок статьи.

При этом Петерсон в конце текста все же указал на то, что перед читателем не статья, а письмо, поставив его дату и отметив: «Заканчивается же письмо так: "Посылаю Вам эту статейку, хотя она нуждается в большой обработке и не в одном языке"» (ОР РГБ, ф. 657, к. 3, ед. хр. 3, л. 408). Впоследствии с некоторыми изменениями и сокращениями текст этого письма вошел в статью Н. Ф. Федорова «Падающие миры и противодействующее падению существо» (см.: Т. II наст. изд., с. 247–248).

[1] Фраза «К Церковному распределению Чтений, или Эстетическому Богословию» надписана вверху первого листа, фраза «К первым 2-5 неделям Поста» – на левом поле вдоль первого листа. Обе эти фразы отсылают к статьям и заметкам Н. Ф. Федорова о христианском календаре (см. примеч. 70 к «Статьям религиозного содержания из III тома "Философии общего дела"» – Т. III наст. изд., с. 700–701). – *248.*

[2] Речь идет о четвертом варианте статьи, над которой Н. П. Петерсон начал работать в октябре 1891 г. и которую предназначал для «Пензенских губернских ведомостей» (см. примеч. 1 к «Дополнению к разделу "Статьи о разоружении и умиротворении"»). – *248.*

[3] Согласно библейскому повествованию (III Цар 18–19), пророк Илья предсказал израильскому царю Ахаву, отрекшемуся от веры отцов и обоготворившему Ваала, трехлетнюю засуху и голод, которые постигнут царство Израиля за грехи нечестивого правителя. Пророчество Илии сбылось, и когда голод достиг своего апогея, Илия, по велению Божию, вновь явился к Ахаву и, обличив его как идолопоклонника, предложил царю собрать весь народ и жрецов Ваала и Астарты, находившихся под особым покровительством супруги Ахава Иезавели, на гору Кармил, для молитвы об окончании голода. Но тщетно 850 жрецов с утра до позднего вечера скакали у жертвенника, взывая к своим богам, – на землю не пролилось ни капли дождя. «Кричите громким голосом, – говорил им Илия, – ибо он бог; может быть, он задумался, или занят чем-либо, или в дороге, а, может быть, и спит, так он проснется». Вечером же пророк «восстановил разрушенный жертвенник Господень» и призвал народ принести жертву истинному Богу. «И ниспал огонь Господень», по молитве Илии, а спустя некоторое время собрались тучи и пошел сильный дождь. – *248.*

[4] *Финикия* – страна на восточном побережье Средиземного моря, находившаяся на части территории, в древности называвшейся Ханаан; соседствовала с Израилем. Усеянная многими городами (главные из них города-государства Тир и Сидон), существовала за счет активной морской и сухопутной торговли. Будучи наводнена всевозможными предметами роскоши и удовольствий, которые вывозились во все стороны света, способствовала порче нравов древнего мира. Финикияне были язычниками и боготворили Ваала и Астарту, культ которых начал утверждаться и в Израиле с царствования Соломона (3 Цар 11: 5). – *249.*

[5] См. начало второй части «Записки» – Т. I наст. изд., с. 68. – *249.*

[6] Лк 1:17. – *249.*

[7] *Василий II Македонянин* (958–1025) – византийский император, во время правления которого (976–1025) произошло крещение Руси. – *249.*

[8] См.: П. М. Строев. Выходы государей царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, всея Руси самодержцев. М., 1844, с. 31 (2-я пагинация). – *249.*

[9] День пророка Илии празднуется 20 июля (2 августа). – *249.*

68. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

8 июня 1892. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, л. 8–8 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 37).

Черновик ответа на письмо Н. П. Петерсона от 2 июня 1892 (см.: Т. IV наст. изд., с. 589–590). Беловик письма не сохранился.

[1] Речь идет о статье, первоначально составлявшейся Н. П. Петерсоном для «Пензенских губернских ведомостей», а затем сокращенной им и отправленной в редакцию «Нового времени» (см. примеч. 1 к «Дополнению к разделу "Статьи о разоружении и умиротворении"»). – *250.*

[2] Речь идет о статье Ю. П. Бартенева «В. Н. Каразин и господство над природою» (см. примеч. 17 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве»). – *250.*

[3] Свидетельство на право проезда «во все города Российской империи» сроком по 15 августа 1892 г. было выдано Н. Ф. Федорову в канцелярии Музеев 13 июня (Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 59). – *250.*

[4] Это примечание Н. Ф. Федорова на черновике письма было сделано позднее. Н. П. Петерсон составил на основе статьи Ю. П. Бартенева статью «Об управлении силами природы» («Пензенские губернские ведомости», 21, 24 июня 1892, №№ 130, 132). Об этой статье также см. примеч. 17 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве». – *250.*

[5] Об этих «предположениях» Н. Ф. Федорова см. преамбулу к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 577–579. – *250.*

69. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

3 сентября 1892. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр. 6, лл. 43–44 (копия рукой Н. П. Петерсона – там же, л. 42, 45).

[1] 1892 г. был годом пандемии азиатской холеры. С наступлением лета холера охватила Персию, Германию, Бельгию, Францию, проникла в Россию и начала быстро распространяться по стране. Центральные российские и московские газеты ежедневно печатали статьи и корреспонденции о ходе эпидемии в разных городах России, в том числе Москве и Петербурге, приводя сводки данных по уровню заболеваемости и смертности. 3 августа 1892 в газете «Русские ведомости» (№ 212) сообщалось о ситуации в Санкт-Петербурге и отмечалось, в частности, что «рост бактерий запятых замедлен был, между прочим, низкою температурою последних дней». 1 сентября в той же газете (№ 241) появилась статья «Холера в Берлине и Гамбурге», сообщавшая о ситуации в зараженных городах. Ее автор, в частности, сообщал о том, что знойная погода, наконец, сменилась прохладной, и кривая заболеваемости пошла вниз. 3(15) сентября в передовой статье «Нового времени» (№ 5932), в очередной раз касавшейся холеры в Санкт-Петербурге, было указано на то, что с наступлением в северной столице холодных ночей эпидемия заметно стала затихать. «Случайное ли это совпадение или нет, – отмечала газета, – покажут дальнейшие наблюдения, но и в одну из прошлых эпидемий в Петербурге холера быстро стала ослабевать после грозы, в последних числах августа, с сильным понижением температуры и уже более не обострялась». – *251.*

[2] Меры карантина и изоляции больных от здоровых в 1892 г. активно применялись как медиками, так и администрацией городов, находившихся в черте заболевания. Так, 5 июля 1892 г. в № 183 «Русских ведомостей», вслед за сообщением о распространении холеры в России, была обнародована программа действий правительства по сдерживанию эпидемии, в которой на первом плане стоял карантин. – *251.*

[3] Преп. Сергия Радонежского. – *251.*

[4] В газетной периодике лета – начала осени 1892 г. уделялось большое внимание методам дезинфекции как наиболее эффективному средству против распространения холерной эпидемии. Печатались инструкции по личной гигиене, сообщалось о дезинфекции городских учреждений, железнодорожных служб, больниц, дворов, свалок, выгребных ям, о новых обеззараживающих веществах и т. д. («Русские ведомости», 1, 3, 5, 6, 10 июля; 5, 13, 25, 29 августа, 1, 2 сентября 1892; «Новое время», 2, 4, 17, 27, 29 августа; 1, 2, 3 сентября 1892). В большой статье «Холера в Западной Европе», помещенной в «Русских ведомостях» 2 сентября 1892 (№ 242), сообщалось о том, что берлинский магистрат ходатайствовал перед германским министром внутренних дел о немедленном сжигании трупов, поскольку хоронить умерших от эпидемии нельзя: холерные бациллы проникают в почву. – *251.*

[5] Статья Н. Ф. Федорова, посвященная его проекту построения во дворе Московского Публичного и Румянцевского музеев обыденного храма Пресвятой Троицы в ознаменование 500-летней годовщины со дня кончины преп. Сергия. По всей видимости, она была написана летом 1892 г. в Мокшане, где Н. Ф. Федоров проводил время отпуска у Н. П. Петерсона. Текст статьи не сохранился. Из письма Ю. П. Бартенева к П. И. Бартеневу от 12 сентября 1892 г. (РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 584, л. 345) явствует, что Н. Ф. Федоров предлагал для журнала «Русский архив» статью к юбилею преп. Сергия, однако П. И. Бартенев отклонил ее. Возможно, это была та самая статья, о которой идет речь в письме. – *251.*

[6] Эта статья Н. Ф. Федорова не сохранилась. Черновой набросок к ней см. в Т. III наст. изд., с. 445–446. См. также примеч. 124 к «Статьям религиозного содержания из III тома “Философии общего дела”» – там же, с. 706–707. – *252.*

[7] Это письмо Н. Ф. Федорова Н. П. Петерсону не сохранилось. Какую статью имел в виду мыслитель, установить не удалось. – *252.*

[8] 26 августа, день святых мучеников Адриана и Наталии, был днем Ангела одной из дочерей Н. П. Петерсона – Наташи, которая являлась крестницей Н. Ф. Федорова. – *252.*

[9] Вероятно, прислуга в доме Н. П. Петерсона. – *252.*

[10] Ю. П. Бартенев (см. примеч. 3 к письму 97) с семьей находился в это время в имении в с. Звягино. Вернулся он в Москву 11 сентября 1892 г. (см. его письма П. И. Бартеневу от 21 августа и 12 сентября 1892 гг. // РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 584, лл. 308–309 об., 345–345 об.). – *252.*

70. С. С. СЛУЦКОМУ

Между 13 и 23 сентября 1892. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 70, лл. 2–3 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, л. 105).

Письмо датируется промежутком между выходом 13 сентября 1892 г. в газете «Московские ведомости» статьи С. С. Слуцкого «К 500-летнему юбилею преподобного Сергия. Храм Св. Троицы при Румянцевском Музее», излагавшей проект Н. Ф. Федорова о построении обыденного храма, и опубликованием 23 сентября в той же газете предупреждения о том, что без официального решения никакие пожертвования на будущий храм Пресв. Троицы принимаемы быть не могут. По содержанию письмо перекликается с заметкой Н. Ф. Федорова «По поводу статьи С. С. Слуцкого “Храм св. Троицы при Румянцевском музее”» (см. Т. III наст. изд., с. 63–65). О *С. С. Слуцком* см. примеч. 2 к письму 60.

[1] Фрагмент, выпущенный редакцией «Московских ведомостей» из статьи С. С. Слуцкого «К 500-летнему юбилею преподобного Сергия...», был впоследствии приведен Н. Ф. Федоровым в работе «О значении обыденных церквей...» (см.: Т. III наст. изд., с. 31). – *252.*

[2] Св. митр. Московский и всея Руси *Филипп* (Колычев) с 1548 по 1566 гг., до возведения в митрополичий сан, был игуменом Соловецкого монастыря, основанного преп. Зосимой и *Савватием* Соловецкими. – *252.*

[3] См. примеч. 123 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 612. – *252.*

[4] Кем было сделано это пожертвование, не установлено. – *252.*

[5] Георгий Дмитриевич *Филимонов* (1829–1898) – археолог и историк искусства. С 1867 г. – помощник директора Оружейной палаты, параллельно, с 1870 г. – хранитель отделения христианских и русских древностей в Московском Публичном и Румянцевском музеях. – *252.*

[6] См. примеч. 15 к «Дополнению к разделу “Библиотеки и музейно-библиотечное образование”». – *253.*

71. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

Октябрь 1892. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, л. 43–43 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 73). Датируется по содержанию (упоминается письмо к архим. Антонию, отправленное через Георгиевского, – см. примеч.1) и на основании письма Ю. П. Бартенева к Н. Ф. Федорову от 30 октября 1892 г. (Т. IV наст. изд., с. 633), в котором он сообщает, что архим. Антоний «на днях» пришлет федоровское письмо обратно.

[1] Речь идет о письме Н. Ф. Федорова архим. *Антонию* (Храповицкому) по поводу речи последнего «Нравственная идея догмата Пресвятой Троицы», произнесенной 26 сентября 1892 г. в Московской духовной академии (см. примеч. 23 к I части «Записки» – Т. I наст. изд., с. 469–470). – *253.*

[2] Григорий Петрович *Георгиевский* (1866–1948) – историк, археограф, книговед. Окончил Смоленскую духовную семинарию, а затем Санкт-Петербургскую духовную академию по славянскому отделению. В 1890 г. поступил в библиотеку Московского Публичного и Румянцевского музеев на должность дежурного по читальному залу, затем некоторое время служил в Московском реальном училище (с августа 1891); в начале 1892 г. снова вернулся в Музеи, будучи назначен помощником хранителя отделения рукописей и

славянских старопечатных книг (см. «Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1889–1891 гг.». М., 1892, с. 152). В стенах главного московского книгохранилища Г. П. Георгиевский проработал до самой смерти. С 1903 г. он был назначен хранителем рукописного отделения; дважды, в 1904 и 1910 гг., временно замещал директора Музеев. После революции продолжал заведовать отделением, работал в должности главного библиотекаря (см.: Личное дело Г. П. Георгиевского // Архив РГБ, оп. 199, ед. хр. 34, тт. 1, 2).

С Н. Ф. Федоровым Г. П. Георгиевский сблизился с самых первых дней службы в библиотеке. Рассказывая о своих впечатлениях О. А. Новиковой, 19 сентября 1890 г. он писал: «Из служащих, всех вообще любезных и благородных, выделяется один, личность известнейшая в Москве и действительно замечательная – Николай Федорович Федоров. Он у нас занимается в каталожной подысканием книг для читающих, получает 30 р. Живет единственно только своею философией, пользуется буквально общим уважением... Сегодня я с ним вел оживленный и долгий разговор... и, признаюсь, преклонился перед его положительностью и образованностью. Нет книги, даже статьи в журнале, которая бы была ему неизвестна. Между прочим, к его характеристике. Ему Дашков предложил место помощника библиотекаря с 1000 р. жалованья в год, и он отказался. Обиженный Дашков спросил: "Чего же Вы хотите? Моего места?" – "Ни за что!" – "Так чего же?" – "Если Вы хотите знать мое желание, – ответил Ник<олай> Фед<орович>, – так извольте! Определите на мое место, т. е. на то, которое Вы предлагаете мне, бедного Н. И. Боборыкина, человека, не получившего образования, семейного и крайне нуждающегося". Боборыкин и был определен и теперь служит у нас, постоянно благодаря Ник<олая> Фед<оровича>» (цит. по: «Четвертые тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения», с. 30).

Г. П. Георгиевский ценил и уважал советы Федорова; во многом не без влияния своего наставника начал заниматься теми вопросами русской истории, которые находились в круге внимания мыслителя. В 1893 г. он выпустил брошюру «Завет преподобного Сергия» (см. о ней примеч. 124 к «Статьям религиозного содержания из III тома "Философии общего дела"» – Т. III наст. изд., с. 706–707). В 1895–1896 гг. напечатал в «Русском обозрении» большую работу «Коронование русских государей» (см. также: «Чин коронования и регалии» // Московские ведомости, 14 мая 1896, № 131). В 1895 г. выступил в «Русском слове» с серией статей, описывавших уклад жизни допетровской Москвы в дни Великого Поста, Страстной и Светлой седмиц, а также празднование двунадесятых праздников – см.: «Страстная неделя в старой Москве» (№ 86); «Пасха в старой Москве» (№ 89: в этой статье Г. П. Георгиевский отмечал факт, к которому неоднократно привлекал внимание и Н. Ф. Федоров: «По окончании заутрени Государь со всею свитою шел из Успенского собора в Архангельский, прикладывался там ко св. иконам и мощам и "христосовался с родителями", поклоняясь гробницам своих усопших предков»); «Троицын и Духов день в старину» (№ 136); «Успеньев день в старой Москве» (№ 221) и др.

Г. П. Георгиевский – автор некролога мыслителю (текст см. в примеч. 170 к разделу «Приложения» «Письма Н. П. Петерсона В. А. Кожевникову»), а также воспоминаний о Н. Ф. Федорове: «Из воспоминаний о Николае Федоровиче (к 40 дню кончины)» // Московские ведомости, 23–26 января 1904, №№ 23–26, псевд.: «П. Я. Покровский» (перепечатаны в наст. томе) и «Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров. Из личных воспоминаний» (написаны в 1911–1912 гг.; опубликованы: «Новый журнал», № 142, 1981, с. 91–109 (с незначительными сокращениями и разночтениями); «Четвертые тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения», с. 46–64). – *253*.

[3] Федоров имеет в виду свое письмо к архиепископу Харьковскому *Амвросию* (Ключареву), которое было откликом на произнесенную им проповедь «О христианском направлении естествознания» (см. примеч. 2 к I части «Записки» – Т. I наст. изд., с. 468). – *253*.

[4] Оба письма Н. Ф. Федорова: к Амвросию (Ключареву) и Антонию (Храповицкому) – вошли в текст I части «Записки», над которой Н. Ф. Федоров работал в первой половине 1890-х гг. и которую называл «первым предисловием» (см. письмо Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 9 декабря 1904 г. // ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 24, л. 81–81 об.). Письмо к Амвросию составило самое ее начало, пункт 1, помещенный после краткого содержания (см. Т. I наст. изд., с. 38–39), письмо к Антонию было оформлено как «Примечание 5-е» (там же, с. 62–64). – *253*.

72. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

18 декабря 1892. Москва

[1] Возможно, Н. Ф. Федоров имеет в виду свое письмо к Н. П. Петерсону, посланное в октябре 1892 г. (черновик его см. под № 71). – *253.*

[2] По всей видимости, Н. П. Петерсон прислал Н. Ф. Федорову переписанные листы начала I части «Записки». Эпиграф, приведенный в письме Н. Ф. Федоровым и названный здесь вторым, в окончательном тексте «Записки» стал на первое место (см. Т. I наст. изд., с. 38). – *253.*

[3] Третий эпиграф к I части «Записки» см. там же. – *254.*

[4] 29 октября 1892 г. Е. Ф. Корш, библиотекарь Московского Публичного и Румянцевского музеев, служивший в этой должности с 1862 г., подал прошение об отставке в связи с ухудшением здоровья (Архив РГБ, оп. 126, д. 30, л. 110). Официально он был уволен с 1 января 1893 (там же), однако уже с конца 1892 г. его место занимал Н. И. Стороженко, что было отмечено даже в Отчете Музеев за 1889–1891 гг. (М., 1892, с. 183) в перечне перемен в личном составе сотрудников Музеев, произошедших во время печатания Отчета. – *254.*

[5] О статье «“Замерзшая” библиотека» см. примеч. 13 к разделу «Библиотеки и музейно-библиотечное образование» – Т. III наст. изд., с. 668–669. – *254.*

[6] См. там же. Автор статьи «“Замерзшая” библиотека» (статья была напечатана под псевдонимом «М.», расшифровать который нам не удалось) приводил целый ряд цитат из отчетов Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1870–1872, 1873–1875 и 1876–1878 гг., в которых неоднократно указывалось на нужды библиотеки и вместе с тем выражались надежды на внимание к ней со стороны московской общественности, на помощь лиц, убежденных в пользе и необходимости «общественного просвещения». В комментарии господина «М.» сквозил оттенок иронии: «В этой благодарности своенравной судьбе, не оставляющей Библиотеки случайными приношениями и *количественным* приращением “обязательных экземпляров”, для которых нет средств даже для переплета, не говоря уже о соответственном штате служащих для сортировки и систематической каталогизации, заключается весь трагизм администрации “замерзшей библиотеки”, долго питавшейся одними надеждами, – да и те, наконец, замерзли» («Московские ведомости», 9 декабря 1892, № 341). – *254.*

[7] Статья «“Замерзшая” библиотека» оканчивалась следующим пассажем: «Москва за последние годы много сделала и делает, благодаря энергии и заботливой деятельности городского головы Н. А. Алексеева, для своего внешнего благоустройства и, так сказать, физического процветания. Она за короткое время обогатилась бойнями, обстраивается торговыми рядами, больницами, обзаводится канализацией, водопроводом и постепенно, но верными шагами приближается к типу благоустроенного города. Справедливо, нам кажется, желать, чтобы она позаботилась и о своих умственных потребностях – о духовном процветании и благоустройстве. Она не должна и не может смотреть на себя исключительно как на центр торгово-промышленный. Москва – центр России и центр исторический. В ней веками сосредоточилась “умственная работа”, созидалось духовное просвещение и “питалось” немало ученых, обогативших Россию и создавших и для Москвы прочную славу *первого в России ученого и учебного центра.* Надо дать притекающим к ней за просвещением надлежащее подспорье в соответствии с современными требованиями науки и искусства.

Это подспорье может дать Публичная Библиотека при Румянцевском и Публичном музеях. В соединении Публичной Библиотеки с Публичным Музеем мы видим только *благоприятные* исторические условия, которыми надо воспользоваться. Москва будет несомненно благодарна тому, кто позаботится, чтобы подарок покойного канцлера на благое просвещение был подарком и для нашего времени.

Кто подарит ей эту образцовую Публичную Библиотеку? Мы не сомневаемся, что город это *может* сделать в лице своей Думы, своего почетного городского головы, который сумеет найти для этого нужные средства, как он всегда умеет находить их когда *нужно.* Не сомневаемся и в сочувствии городского общества, которое считает в своей среде немалое число лиц, готовых на щедрые пожертвования для благого дела» («Московские ведомости», 11 декабря 1892, № 343). – *254.*

[8] Владимир Николаевич *Семенкович* (1861 – после 1913) – историк, археолог, профессор Московского археологического института. Возражение «господину М.», написанное В. Н. Семенковичем: «К вопросу о Московской библиотеке Румянцевского Музея», – появилось в № 355 газеты «Русские ведомости» от 23 декабря 1892 г. – *254.*

[9] Н. Ф. Федоров перечисляет те инициативы в области библиотечного дела, которые были выдвинуты им самим (см. примеч. 5, 8 к разделу «Библиотеки и музейно-библиотечное образование» – Т. III наст. изд., с. 664–668). – *254.*

[10] «Администрация библиотеки, в пределах возможности, ограничиваясь теми средствами, которые имеются в ее распоряжении, делает все, не жалея своих усилий и стараний, для удовлетворения посетителей. Но *удовлетворить посетителя библиотеки* одною любезною предупредительностью нельзя, когда *нет* требуемой *книги*, когда ее трудно найти, или когда посетителя некуда посадить. [...] Администрация считает свой долг выполненным, и вполне справедливо, конечно, если она может посетителя посадить хоть на окно и иногда дать ему требуемую книгу, но очень часто и этого нельзя, потому что требуемой книги *нет*!» («Московские ведомости», 8 декабря 1892, № 340). – *254.*

[11] Об этой статье Н. Ф. Федорова см. примеч. 1 к письму 58. В своем ответе «господину М.» В. Н. Семенкович, не отрицая необходимости «увеличения средств библиотеки», воспроизвел все приведенные в данном письме доводы Н. Ф. Федорова в пользу безденежных и добровольных путей поддержки главного книгохранилища Москвы. Он затронул вопрос о франко-русском обмене, который позволил бы пополнить библиотеку иностранными изданиями, о необходимости выпуска книг с библиографическими карточками, указал и на «пожертвование Н. Д. Ладыгина»: «Этот молодой ученый, столь безвременно угасший, составлял у себя библиотеку книг по естественным и лингвистическим наукам, выписывая, притом, только те издания, *которых у Библиотеки нет*, и по смерти завещал это драгоценное, в смысле пополнения изданий Музея, собрание в собственность Библиотеки. Он же делал, кстати сказать, и то, что могли бы делать и все интересующиеся, не на словах только, процветанием Библиотеки: Н. Д. Ладыгин составил карточки не только всех своих книг, но работал в самой Библиотеке» («Русские ведомости», 23 декабря 1892, № 355). – *254.*

1893

73. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

Март 1893. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, лл. 46–47 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 75).

Датируется по содержанию (см. примеч. 1).

[1] Речь идет о втором письме Н. Ф. Федорова к архим. Антонию (Храповицкому). Первое было послано в октябре 1892 г. как отклик на речь последнего «Нравственная идея догмата Пресв. Троицы» (см. примеч. 23 к I части «Записки» – Т. I наст. изд., с. 469–470) и возвращено в начале ноября с ответом архим. Антония. Ответ этот был передан через Ю. П. Бартенева (см. его письмо к Н. Ф. Федорову от 30 октября 1892 г. в Т. IV наст. изд., с. 633). Текст его не сохранился.

Судя по печатаемому здесь письму Н. Ф. Федорова к Н. П. Петерсону и по тексту письма Н. Ф. Федорова к архим. Антонию от 30 марта 1893 г., архим. Антоний не воспринял замечаний Н. Ф. Федорова на свою речь. Указав на то, что не находит разницы между своим тезисом о необходимости нравственного понимания догмата Троицы и пониманием, выраженным в письме Федорова, архим. Антоний, по всей видимости убежденный в том, что полученное им письмо есть письмо профана, выразил снисходительное пожелание автору освоить философскую и богословскую терминологию, приобретя учебник философии для семинарий.

Получив письмо архим. Антония, Н. Ф. Федоров через какое-то время составил ответное послание, которое отделывал особенно тщательно. Печатаемое письмо к Н. П. Петерсону отражает завершающий этап работы над ответом архим. Антонию. – *255.*

[2] Все намеченные в данном письме изменения и дополнения были внесены в текст ответа архим. Антонию (см. письмо 74). – *255.*

74. АРХИМАНДРИТУ АНТОНИЮ (ХРАПОВИЦКОМУ)

30 марта 1893. Москва

Автограф Н. Ф. Федорова не сохранился. В архиве Н. П. Петерсона имеются две копии письма: одна ранняя (ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 59), другая – времен подготовки к

печати материалов III тома «Философии общего дела» (к. 4, ед. хр. 12, лл. 2–5). Ранее опубликовано: «Вопросы философии», 1993, № 1, с. 153–155.

Ответ на несохранившееся письмо архим. Антония (см. примеч. 1 к письму 73).

[1] В опубликованном в 1892 г. дневнике прот. *Иоанна Кронштадтского* (в миру – Иоанн Ильич Сергиев) (1829–1909) были помещены его заметки почти за 35 лет служения. В своих наставлениях об истинно-христианской жизни о. Иоанн писал о «высоком достоинстве человека», носящего в себе «образ и подобие Божие», о том, что «все возможно верующему»: «Почему человек, имеющий живую веру, может творить всякие чудеса и быть некоторым образом богом для природы? Потому что он образ Божий, потому что чрез веру бывает один дух с Господом. [...] Верь, что молитва и одного друга Божия, особенно свято живущего священника Божия, может творить чудеса в значительной части природы, как молитва пророков Моисея, Илии и др.». Но говоря о необходимости иметь и пестовать в себе твердую веру, о способности веры и молитвы творить чудеса, о. Иоанн тут же прибавлял к ним праведную жизнь и праведные дела; именно они, подчеркивал пастырь, являются залогом чудотворной силы молитвы: «Живи же особенно богоугодно ты, иерей Божий: будь свят, чист, кроток, смирен, милосерд, воздержен, трудолюбив, терпелив и твоя молитва всегда проникнет в небеса и будет услышана и исполнена». «Ты воссылаешь славу Богу словами, но не воссылаешь делами. Славь Бога паче делами: воздержанием, трудолюбием, любовью, милосердием, смирением и терпением» («Дневник протоиерея Иоанна Ильича Сергиева». СПб., 1892, с. 128, 146–147, 149).

О. Иоанн неоднократно указывал, что на пути своего спасения человек должен стремиться к единению со своими ближними, по заповеди Спасителя «Да будут все едино». «Будь в этом мире одно, по взаимной любви и служению, со всеми; и с тобою будут одно – все Ангелы, и святые человеки, и Сам Бог, и здесь, и тем более там – в будущем веке, когда Бог будет всяческая во всех. Достигай, человек, единства; всячески бегай духовного разделения посредством самолюбия, гордости, зависти, сребролюбия, сомнения, маловерия» (там же, с. 149). – *256*.

[2] Ответа на второе письмо Н. Ф. Федорова архим. Антонию, скорее всего, не последовало. Возвращаясь к сюжету переписки с архим. Антонием в письме к Н. П. Петерсону от 19 ноября 1897 (письмо 130), Н. Ф. Федоров упоминает лишь его ответ на первое письмо. – *257*.

[3] Как следует из письма Н. Ф. Федорова к Н. П. Петерсону от 19 ноября 1897 г., и первое, и второе письмо составлялись Федоровым не от своего имени, а от имени Н. П. Петерсона, поэтому во втором письме и указан город, где служил в это время Николай Павлович. – *257*.

75. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

23 августа 1893. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, лл. 12–13 об. (копия части письма рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 9, лл. 26–28).

Ответ на письмо Н. П. Петерсона от 15 августа 1893 (Т. IV наст. изд., с. 590).

[1] Летом 1893 г. во время своего пребывания в Мокшане у Н. П. Петерсона Н. Ф. Федоров продолжил работу над полемической статьей, направленной против учения Л. Н. Толстого (в 1894 г. она получила название «В защиту дела и знания...»). Вместе с письмом к Н. Ф. Федорову от 15 августа 1893 г. Н. П. Петерсон прислал вставку в эту статью. – *257*.

[2] Речь идет о сочинении Т. М. Бондарева «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца» (см. примеч. 13 к «Статьям о Л. Н. Толстом» – Т. II наст. изд., с. 489). – *257*.

[3] Обращение Н. Ф. Федорова к статьям А. А. Киреева (см. примеч. 53 к «Статьям и заметкам разного содержания») в данном случае было вызвано работой над статьей «Проект соединения церквей» (см. ее в Т. I наст. изд.). Многолетняя общественная и публицистическая деятельность генерала была направлена на пропаганду движения старокатоликов (см. примеч. 83 к «Собору» – Т. I наст. изд., с. 501) и обоснование реальной возможности их сближения – а в будущем и воссоединения – с православием. В статье «Res tua agitur. Возобновление сношений с старокатоликами», которую ниже цитирует Н. Ф. Федоров, А. А. Киреев указывал на то, что члены этого течения, отбросив новейшие догматы, фактически приблизились по своему вероучению к древнему, неразделенному христианству, хранительницей которого и является, по мысли публициста, в истории православная церковь. Более того, в недрах старокатолицизма растет и развивается мысль не

только о собственном сближении с православием, но и о посредничестве в этом деле между восточной церковью и другими западными исповеданиями. – *257.*

[4] Н. Ф. Федоров допускает ошибку. Приведенные им слова не принадлежали И. И. Овербеку (см. примеч. 12 к «Проекту соединения церквей» – Т. I наст. изд., с. 507). А. А. Киреев цитировал их в своей статье «Res tua agitur» без указания имени автора и источника, а ниже приводил другую цитату из письма И. И. Овербека, что, вероятно, и послужило основанием для путаницы (см. А. А. Киреев. Сочинения. Т. I, СПб., 1912, с. 84–85).

Приведенную в данном письме цитату, также со ссылкой на И. И. Овербека, Н. Ф. Федоров привел затем в статье «Проект соединения церквей» (см. Т. I наст. изд., с. 374). – *257.*

[5] Цитата из статьи «Res tua agitur» // А. А. Киреев. Сочинения. Т. I, с. 84. – *257.*

[6] Первым предисловием Федоров здесь называет статью «Проект соединения церквей» – в ней он, в частности, писал о задаче посредничества старокатоликов «между западными и восточными исповеданиями» (именно этот фрагмент статьи был дополнен затем цитатой «из Овербека») – см. Т. I наст. изд., с. 374. – *258.*

[7] Два черновых варианта письма Н. Ф. Федорова к А. А. Кирееву см. в Т. IV наст. изд. под № 104 на с. 291–293, 488–490. – *258.*

[8] Федоров коротко обозначает суть полемики В. С. Соловьева и А. А. Киреева по вопросу о славянофильстве. Во второй части работы «Очерки из истории русского сознания», статьи которой вошли затем во второй выпуск «Национального вопроса в России» – «Славянофильство и его вырождение» («Вестник Европы», 1889, №№ 11–12), В. С. Соловьев указал на противоречивость позиции славянофилов в отношении к русской жизни: критика современной действительности уживалась у них с идеализацией целого ряда сторон исконного общественного и государственного уклада Руси, стремление к благим преобразованиям (особенно ярко выраженное у младославянофилов – И. С. Аксакова, Ю. Ф. Самарина и др.) – с априорным утверждением «своего» как высшего и лучшего (последнее В. С. Соловьев называл лжепатриотизмом). Особый крен в лжепатриотизм проявляли, по его мнению, К. С. Аксаков и М. Н. Катков, которого философ также относил к славянофилам. А. А. Киреев, возражая В. С. Соловьеву в брошюре «Славянофильство и национализм» (СПб., 1890), подчеркивал, что критика отрицательных явлений русской действительности вовсе не противоречит любви к русской идее, ясному сознанию идеала жизни, ростки которого были и есть в отечественной истории, и излагал свое понимание «русского народного идеала» («союз государства и церкви», одухотворяющий власть, «жажда добра и блага славянству»). – *258.*

[9] Вероятно, речь идет об оглавлении к статье о Л. Н. Толстом «В защиту дела и знания...», над которой Н. Ф. Федоров работал в каникулярное время лета 1893 г. (отпускное свидетельство было выдано на срок от «9 июня по 15 августа 1893 гг.» – Архив РГБ, оп. 126, ед. хр. 53, л. 57), проведя его в Мокшане у служившего там Н. П. Петерсона. – *258.*

76. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

Между 25 сентября и 30 октября 1893. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 46, лл. 3–4 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 45–46).

Датируется по содержанию.

[1] Речь идет о написанном Н. Ф. Федоровым предисловии к тексту «Сказания о построении обыденного храма в Вологде “во избавление от смертоносныя язвы”» («Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете». 1893, кн. 3 (т. 166)). Подробнее см. преамбулу и примеч. 83 к «Отечествоведению» (Т. III наст. изд., с. 578, 604). Предисловие было послано Петерсону 25 сентября по ст. стилю – в день кончины преп. Сергия Радонежского. – *258.*

[2] *Первым юбилейным актом* Н. Ф. Федоров называл 500-летие со дня открытия мощей преп. Сергия Радонежского, которое должно было праздноваться в 1922 г. и которое, по его мысли, следовало бы отметить повсеместным построением школ-храмов, посвященных Пресвятой Троице. – *258.*

[3] См. примеч. 2 к письму 68. – *259.*

[4] Сергей Алексеевич *Белокуров* (1862–1918), историк и археолог, автор более 400 работ по русской истории (истории XVII в., проблемам раскола, сношений русской церкви с другими восточно-православными церквами, русского права, быта Московской Руси и т. д.), истории церкви; редактор и составитель целого ряда томов «Чтений в Император-

ском обществе истории и древностей российских». С 1886 г. служил в Московском главном архиве Министерства иностранных дел.

С. А. Белокуров активно поддерживал инициативы Н. Ф. Федорова 1890-х гг. в области отечествоведения. Был одним из главных участников движения за собирание сведений об обыденных храмах (см. преамбулу к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 574, 578–580). «Сказание о построении обыденного храма в Вологде...» вместе с предисловием Н. Ф. Федорова было напечатано в «Чтениях...» «под наблюдением» С. А. Белокурова.

В последние годы жизни Н. Ф. Федоров являлся сослуживцем С. А. Белокурова по Московскому главному архиву Министерства иностранных дел. – *259.*

[5] С. А. Белокуров был составителем пяти указателей к «Чтениям в Императорском обществе истории и древностей российских...» – *259.*

[6] О каком ответе Н. П. Петерсона С. С. Слуцкому (см. примеч. 2 к письму 60) идет речь, установить не удалось. – *259.*

77. В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

Не ранее осени 1893. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 1 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 171). Ранее опубликовано без последнего абзаца: *Сочинения 1982*, с. 651–652. Датируется по содержанию.

Художника Василия Васильевича *Верещагина* (1862–1904) Н. Ф. Федоров хорошо знал по библиотеке Московского Публичного и Румянцевского музеев и высоко ценил его творчество. По всей видимости, их сближение относится к началу 1890-х гг., когда художник, вернувшись из-за границы, поселился на окраине Москвы.

Осенью 1893 г., выступив через В. А. Кожевникова в журнале «Русский архив» с инициативой росписи стен Кремля, Н. Ф. Федоров сообщил этот проект ряду лиц из своего окружения, в том числе В. В. Верещагину, надеясь на его поддержку (см. преамбулу и примеч. 212 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 580–582, 621–622). Данное письмо, оставшееся в черновике, написано по следам спора с В. В. Верещагиным, причем Н. Ф. Федоров в нем дает оценку творчества художника в перспективе своего понимания задачи России, в свете идеи собирания и умиротворения.

[1] О какой брошюре идет речь, установить не удалось. В конце черновика письма следует иной вариант его начала, сделанный позднее, где Н. Ф. Федоров так характеризует брошюру: «Принося Вам благодарность за перевод книжонки слепого льстеца современного прогресса, проповед<ника>», – текст обрывается. – *260.*

[2] О горячности, а подчас и резкости Н. Ф. Федорова в спорах, особенно тогда, когда дело касалось дорогих ему идей, вспоминали многие мемуаристы: Г. П. Георгиевский, И. А. Линниченко (см.: И. А. Линниченко. Речи и поминки. Одесса, 1914, с. 316–317), Н. Н. Черногубов (см. примеч. к письму 280 (преамбула)). Подробнее см. преамбулу к разделу «Письма». – *260.*

[3] Федоров имеет в виду цикл этюдов и картин, написанных В. В. Верещагиным на основе его путешествий в Туркестан в 1867, 1869 гг. Помимо альбома репродукций Туркестанской серии «Туркестан. Этюды с натуры В. В. Верещагина», изданного в Петербурге в 1874 г., Н. Ф. Федоров мог видеть работы этой серии на персональной выставке художника в Москве осенью 1874 г. Кроме того, до 1881 г. Туркестанская серия экспонировалась на постоянной выставке Московского Общества любителей художеств. – *260.*

[4] Две серии Индийских картин и этюдов были написаны В. В. Верещагиным на материале его путешествия по Индии в 1874–1876 гг. Персональная выставка, на которой экспонировались произведения Индийской серии, проходила в Москве с 12 апреля по 25 мая 1881 г. – *260.*

[5] В 1878–1881 гг. В. В. Верещагин работал над картинами Балканской серии, посвященной русско-турецкой войне 1877–1878 гг., в 1887–1895 г. – над серией картин «1812 г.». Балканская серия экспонировалась в Москве вместе с Индийской серией в 1881 г. (см. примеч. 4), серия «1812 г.» – в конце 1895 г. в Москве (см. примеч. 137 к «Статьям и заметкам разного содержания»). – *260.*

[6] Эта приписка Н. Ф. Федорова на черновике письма В. В. Верещагину сделана несколько позднее и более темными чернилами. – *260.*

78. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Между 15 ноября 1893 и 23 января 1894. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 34, лл. 73–74 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 306–307). Датируется по содержанию (см. примеч. 5).

Владимир Александрович *Кожевников* (1852–1917) – философ, ученый, поэт. Так же как и Н. П. Петерсон, он был земляком Федорова. Родился в г. Козлове Тамбовской губернии, в семье почетного гражданина города. В 1868–1873 гг. являлся вольнослушателем Московского университета. Годом спустя вышел его первый научный труд: «Нравственное и умственное развитие римского общества во II в.» (Козлов, 1874), привлекший одобрительное внимание критики. В конце 1870-х гг. В. А. Кожевников задумывает многотомное исследование процесса секуляризации европейской культуры от эпохи Возрождения до XX в.; над этим трудом он работал много лет, написав 30 его разделов (см. список работ В. А. Кожевникова в письме к П. А. Флоренскому от 14 марта 1812 г.: «Переписка П. А. Флоренского и В. А. Кожевникова» (комментарии И. В. Дубининой, А. В. Шургаия (с участием С. М. Половинкина), публикация игумена Андроника (Трубачева), И. В. Дубининой, А. В. Шургаия // Вопросы философии, 1991, № 6, с. 96–97). Этот труд так и остался неопубликованным и погиб вместе с архивом ученого в 1930-х гг.

Обширнейшие и разносторонние знания были приобретены В. А. Кожевниковым самостоятельно: человек глубокой гуманитарной культуры, в котором, по словам современников, «жила целая академия наук и искусств», в совершенстве владевший восемью языками, он не имел университетского диплома. В 1875 г. в библиотеке Румянцевского музея молодой ученый встречается с Н. Ф. Федоровым, который становится его руководителем в деле самообразования и научных исследований, а вскоре знакомит Кожевникова со своими идеями.

Идейное и духовное общение В. А. Кожевникова и Н. Ф. Федорова длилось более 28 лет, до самой смерти мыслителя. Будучи автором многочисленных статей и книг, в том числе двухтомного исследования по буддизму («Буддизм в сравнении с христианством». Т. I–II. М., 1916), В. А. Кожевников вдохновлялся в своем анализе и оценках общественных и культурных явлений проникновенно усвоенными им федоровскими взглядами. Кроме того, он заботился обо всех делах философа, помогал ему в работе над рукописями. По побуждению Федорова выступал в периодической печати со статьями, излагавшими многие идеи и проекты мыслителя («Стены Кремля», «Международная благодарность», «Обыденные храмы в Древней Руси» и т. д.). Несколько статей написал с Федоровым совместно («Чему научает древнейший христианский памятник в Китае?», «Кончилась ли всемирная история?»). В поэтическом наследии В. А. Кожевникова есть ряд стихотворений, прямо вдохновленных учением «всеобщего дела» («Призыв», «Цель жизни», «Да приидет Царствие Твое!», «Жить или не жить?»), и их высоко ценил сам Федоров. В 1890-е–1903 гг. между учителем и учеником шла интенсивная переписка, и свои письма к другим лицам (Н. Я. Пясковскому, В. Я. Симонову и др.) мыслитель часто отправлял через Кожевникова.

После смерти Федорова В. А. Кожевников, которому Николай Федорович перед кончиной передал все свои бумаги, вместе с Н. П. Петерсоном готовит к печати I–II тт. собрания сочинений мыслителя, дав им заглавие «Философия общего дела» (оба тома были изданы на средства Кожевникова). В 1904–1906 гг. в «Русском архиве» печатается серия его очерков о жизни и учении Федорова (отд. изд.: В. А. Кожевников. Николай Федорович Федоров. Опыт изложения его учения по изданным и неизданным произведениям, переписке и личным беседам. Ч. 1. М., 1908).

В 1900-х гг. В. А. Кожевников углубленно изучает богословие, памятники древнехристианской письменности. Становится членом Кружка ищущих христианского просвещения (М. А. Новоселов, Ф. Д. Самарин, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, епископ Феодор (Поздеевский)). Он – автор ряда статей и брошюр по христианской апологетике: «О значении христианского подвижничества в прошлом и настоящем» (Ч. 1–2. М., 1910), «О добросовестности в вере и неверии» (М., 1909, 1912), «Современное научное неверие» (М., 1912), «Мысли об изучении святоотеческих творений» (М., 1912) и др. В 1912 г. В. А. Кожевникова избирают почетным членом Московской духовной академии.

О взаимоотношениях В. А. Кожевникова и Н. Ф. Федорова в последние годы жизни мыслителя и об отношении Владимира Александровича к учению «всеобщего дела» в 1900-х–1910-х гг. см. примеч. к письму 258 (преамбула) и примеч. 4 к письму 278.

В фонде Н. П. Петерсона в ОР РГБ сохранились письма Н. Ф. Федорова к В. А. Кожевникову за 1893–1903 гг. (оригиналы и копии); в фонде А. Л. Волынского в РГАЛИ хранится копия еще одного письма, отсутствующего в собрании ОР РГБ. Письма предшествующих лет, несомненно существовавшие, утрачены. Утрачены и практически все письма В. А. Кожевникова Н. Ф. Федорову: в наличии имеются лишь четыре письма (см. их в Т. IV наст. изд., с. 595–598).

Данное письмо – наиболее раннее из сохранившихся писем Н. Ф. Федорова к В. А. Кожевникову.

[1] О построении церковно-приходской школы в селе Мордовский Качим Городищенского уезда Пензенской губернии и отношении Н. Ф. Федорова к этому событию см. примеч. 56 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 596–597. Следующий ниже текст с некоторыми поправками и дополнениями впоследствии вошел в работы Н. Ф. Федорова «В защиту дела и знания...» (позднее получила название «“Не-делание” ли или же отеческое и братское дело?» – см. Т. II наст. изд., с. 366–367) и «О значении обыденных церквей...» (см. Т. III наст. изд., с. 36–37). – *261.*

[2] В. А. Кожевников в это время закончил работу над брошюрой «Бесцельный труд, “не-делание” или дело? Разбор взглядов Эмиля Золя, Александра Дюма и графа Л. Н. Толстого на труд» (см. его письмо П. И. Бартеневу от 12 ноября 1893 в Т. IV наст. изд., с. 660), написанной под влиянием идей Н. Ф. Федорова. – *261.*

[3] Средства для построения церковно-приходской школы в с. Мордовский Качим были выделены из капитала общественных работ, открытых в Пензенской губернии (как и в других местах Российской империи) осенью 1891 г. с целью дать заработок населению, пострадавшему от неурожая. – *261.*

[4] Речь идет о брошюре В. А. Кожевникова «Бесцельный труд, “не-делание” или дело?» (см. примеч. 40 к «Статьям о Л. Н. Толстом» – Т. II наст. изд., с. 491). – *261.*

[5] Речь здесь идет о Л. Н. Толстом. После публикации в сентябре 1893 г. статьи «Неделание» (см. примеч. 33 к тому же разделу – там же, с. 490), во время работы над которой оживился интерес писателя к учению Лао-Цзы, он охотно откликнулся на предложение Е. И. Попова помочь ему в переводе сочинений китайского философа. Работа над переводом активно шла в течение октября–декабря 1893 г., продолжилась с перерывами и в следующем году. Посещение Л. Н. Толстым библиотеки Румянцевского музея было связано именно с этой работой (параллельно через В. В. Стасова он выписывал книги из Петербургской Публичной библиотеки). Упоминание этого посещения и позволяет датировать письмо: Л. Н. Толстой приехал в Москву из Ясной Поляны 11 ноября 1893 г., а 23 января 1894 г. уехал в Гриневку, затем в Ясную Поляну и возвратился в Москву только 11 февраля, причем в промежутке с февраля по апрель переводом Лао-Цзы он не занимался, а вернулся к нему лишь в мае. – *261.*

[6] Федоров говорит о *трех мужах, которых можно назвать крестными отцами школы*. На самом деле, согласно статье П. П. Мироносицкого (см. примеч. 56 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 596), их было два: крестьянин М. В. Меркурьев (именно он «ходил по избам, напоминал, просил, умолял») и церковный сторож, бывший унтер-офицер, М. Белянин. Н. Ф. Федоров здесь ошибочно считает «церковного сторожа» и «унтер-офицера» двумя лицами, в то время как речь идет об одном и том же человеке. В статье «О значении обыденных церквей...» эта ошибка была исправлена. – *262.*

[7] См. примеч. 56, 58 к «Отечествоведению» – там же, с. 596–597. – *262.*

79. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

Между 15 ноября 1893 и 23 января 1894. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, лл. 72–73 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 22–23).

Письмо Н. П. Петерсону написано одновременно с письмом к В. А. Кожевникову (№ 78); оно перелагает содержание последнего, при этом расширяя и дополняя его.

[1] Федоров имеет в виду статью П. П. Мироносицкого «Постройка и освящение нового здания церковно-приходской школы в с. Мордовском Качиме Городищенского уезда» («Пензенские епархиальные ведомости», часть неофиц., 15 октября 1892, № 20, с. 854–860) и статью Н. А. Заозерского «Церковно-приходские школы» («Богословский вестник», 1893, № 4, с. 148–171; см. об этой статье примеч. 59 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 597–598). – *263.*

80. И. А. БОРИСОВУ

Между 22 и 25 декабря 1893. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 62 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 442–444 об.). Датируется по содержанию.

Письмо к И. А. Борисову сохранилось в архиве Н. П. Петерсона в двух черновиках. Поскольку окончание второго черновика было утрачено, Н. П. Петерсон при подготовке письма к печати присоединил ко второму черновику окончание первого.

Иван Александрович *Борисов* – публицист. Он был племянником П. И. Бартенева (сыном его сестры Надежды Ивановны Бартеневой и Александра Николаевича Борисова). С Н. Ф. Федоровым познакомился скорее всего через Ю. П. Бартенева, своего двоюродного брата, с которым был особенно близок. У И. А. Борисова были склонности к естественным наукам, он серьезно интересовался метеорологией. В 1896 г. писал Ю. П. Бартеневу из имения в с. Ваньково: «...вновь просматриваю Лачинова (“Метеорологию”). [...] На метеорологию опять поперло, и будь у меня достаточная кассовая наличность, немедленно завел бы станцию II разряда и примкнул бы к какой-нибудь сети или стал под высокое покровительство “Главной физической обсерватории”. Полагаю, что это только вопрос времени и что мне удастся осуществить эту мысль.

Быть может, ты полюбопытствуешь относительно причин возникновения подобной идеи. Как ты и сам знаешь, метеорология далека от “облыжности” политической экономии и статистики. Потом это чуть ли не единственная наука, где господ дилетантов ученые должны принимать как *необходимых сотрудников* и где, следовательно, дилетантизм не является пленной мысли раздраженьем, потом, как это ни странно, я любитель обязательности видимой и ощутимой. Вот почему, откровенно говоря, я не без удовольствия вспоминаю о годах солдатчины.

Относительно оседлости, необходимого условия для производства наблюдений – сомнений быть не может, ибо мы живем *весьма* оседло» (письмо от 21 мая 1896 // РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 638, л. 2–2 об.).

И. А. Борисов интересовался естественнонаучными аспектами учения «всеобщего дела». В 1893 г. Федоров увлек его идеями В. Н. Каразина, и по инициативе философа, пользуясь его текстами, И. А. Борисов составил две статьи: «Вопрос о Каразинской метеорологической станции в Москве» и «К вопросу о памятнике В. Н. Каразину» (см. их в Т. III наст. изд., с. 125–127, 561–564).

Данное письмо Н. Ф. Федорова к И. А. Борисову связано с работой над второй статьей и является ответом на его письмо от 22 декабря 1893 г. (Т. IV наст. изд., с. 634–635). Некоторая неровность, а местами и резкость, тона письма вызваны тем обстоятельством, что И. А. Борисов, повторяя в статье «К вопросу о памятнике В. Н. Каразину» мысль Федорова о необходимости всеобщего познания и исследования, излагая проект «повсеместного создания образцовых школ, т. е. таких, где *не только учились бы, но и изучали*, таких школ, которые, *работая для будущего*, в то же время являлись бы хранилищами прошедшего» (т. е. школ-музеев), оставил за пределами статьи проект построения школ-храмов, – в то время как для Федорова всеобщее познание и исследование были неразрывны с религиозно-нравственным просвещением, воспитанием в духе активного христианства, и именно религия ориентировала и направляла науку, освящая ее высшим идеалом. Более того, объясняя причины своего отказа вести разговор о школах-храмах, И. А. Борисов признался: «я не мог писать о том, чего я не понимаю и не чувствую» – а это не могло не быть болезненно воспринято Федоровым, который всегда ждал от тех, на кого возлагал свои надежды, полного понимания и сердечного приятия дорогих ему идей (подробнее о статье «К вопросу о памятнике В. Н. Каразину» см. примеч. 290 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 633–634).

[1] Федоров цитирует статью И. А. Борисова «Вопрос о Каразинской метеорологической станции в Москве» (см. примеч. 315 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 637). Разбору этой статьи мыслитель посвятил заметку «О соединении школ-храмов со школами-музеями» (там же, с. 143–145). – *265.*

81. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

11 марта 1894. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, лл. 17–18 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 46).

Поводом к письму послужили рецензии на брошюру В. А. Кожевникова «Бесцельный труд, “не-делание” или дело?» (см. примеч. 35 к «Статьям и заметкам разного содержания»).

[1] В. А. Кожевников не стал отвечать своим оппонентам. – *266.*

82. А. И. ВВЕДЕНСКОМУ

После 15 марта 1894. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 64 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 237–238).

Данное письмо представляет собой набросок письма, которое Н. Ф. Федоров советовал В. А. Кожевникову послать от его собственного имени Алексею Ивановичу *Введенскому* (1861–1913), богослову и историку философии, профессору кафедры метафизики и логики Московской духовной академии, автору статьи «К характеристике современных настроений: вторая стадия подъема. (По поводу брошюр: Карьера, Кожевникова и Федорова)» («Богословский вестник», 1894, № 4, с. 148–168). Датируется на основании цензурного разрешения журнала «Богословский вестник», последовавшего 15 марта 1894.

В своей статье А. И. Введенский выдвигал теорию «трех стадий», через которые совершается в общественном сознании переход от «старого строя мысли и жизни» к новому миросозерцанию, формирующему бытие: протест против прежнего уклада, «сознательная постановка новых конкретных задач и убеждение в возможности их выполнения», и наконец – «новое дело». В качестве симптома второй стадии такого мировоззренческого перехода, совершавшегося, по его мысли, в современном обществе, писатель рассматривал три сочинения – книгу немецкого философа и эстетика М. Каррьера «Возрастание энергии в духовном и органическом мире» (Мюнхен, 1892), работу В. А. Кожевникова и брошюру В. П. Федорова «Проект общества апологии христианства в России» (Балашов, 1892).

А. И. Введенский начинал с рассмотрения работы М. Каррьера, который ограничил действие закона сохранения энергии областью неорганической природы и противопоставил ему закон «повышения» или «возрастания энергии», проявляющий себя в органическом мире и особенно в деятельности человека (здесь предвосхищены идеи Н. А. Умова о «третьем законе термодинамики»). Точка зрения философа, указывал А. И. Введенский, дает оправдание человеческой деятельности, выходящей за рамки «механизма природы с его неотменными законами», утверждает ее целесообразность и высший смысл. В следующей главке – «Механический труд, “не-делание” и реальное дело» рецензент обращался к брошюре В. А. Кожевникова: Кожевников – подчеркивал он – противопоставил «механическому детерминизму и фатализму, с одной стороны, и поверхностному идеализму и оптимизму, с другой» такое решение коренных вопросов существования, «в котором слышится сколько, с одной стороны, вера в идеал, столько же, с другой стороны, и трезвое отношение к реальным условиям деятельности, определяемым естественными законами природы». А. И. Введенский тепло отзывался о работе Кожевникова и искренне приветствовал выразившуюся в ней «жажду реального дела». В последней главке статьи – «Необходимость объединения преобразовательных стремлений на почве религиозно-церковной» – рецензент разбирал брошюру В. П. Федорова, инспектора городского училища в г. Балашове Саратовской губернии, который, указывая на то, что «самое надежное средство к преобразованию нашего наличного, слишком несовершенного, по общему признанию, строя жизни есть утверждение в сознании общества истин христианской веры и нравственности», выдвинул проект создания «Общества апологии христианства», которое занималось бы широкой религиозно-просветительной деятельностью, регулярно помещало апологетические статьи не только в духовных, но и в светских журналах, приобщая тем самым к истинам веры самые широкие круги читателей. При этом В. П. Федоров подчеркивал, что Общество для успеха своей деятельности должно обладать «достаточными материальными средствами» и, быть может, имело бы даже смысл открыть «на средства государственного казначейства при Санкт-Петербургской Духовной Академии институт для специального приготовления апологетов христианства, по образцу, хотя бы приблизительно, института для специального приготовления историков при Венском университете».

А. И. Введенский сочувственно отозвался о проекте В. П. Федорова, в том числе и о финансовой его части, и даже поставил этот проект в связь с идеями, выдвинутыми в брошюре В. А. Кожевникова: «Выставив и раскрыв свой тезис, по которому “всечеловеческое дело может состоять только в водворении царства блага, добра, Царства Божия в мире совокупным, сознательным и добровольным трудом всего человечества, на место слепой, невольной эволюции и неопределенного прогресса”, – г. Кожевников отлагает выяснение путей к осуществлению поставленной им задачи на неопределенное время. Мы “не знаем” наверное, как выяснятся пред ним эти пути [...], но предполагаем, что он разовьет свои взгляды приблизительно в том же направлении, в каком намечает их автор третьей из вышепоименованных нами брошюр г. В. П. Федоров» («Богословский вестник», 1894, № 4, с. 149, 160, 164–167).

В наброске письма А. И. Введенскому Н. Ф. Федоров стремится опровергнуть это предположение, разъясняя разницу, существующую между тем пониманием «общего дела» и средств его осуществления, которое предлагал он сам и которое отчасти было выражено в брошюре В. А. Кожевникова, и проектом своего однофамильца.

По свидетельству В. А. Кожевникова, письмо А. И. Введенскому «не было послано» (ОР РГБ, ф. 657, к. 3, ед. хр. 4, л. 237).

Позднее, в 1905–1906 гг. А. И. Введенский сочувственно откликался в московской печати на главы книги В. А. Кожевникова о Федорове, печатавшейся в «Русском архиве». Посылая эти отклики Н. П. Петерсону, В. А. Кожевников сообщал: «Лично проф. Введенский говорил мне, что он, знакомясь с мышлением Н<иколая> Ф<едорови>ча, перепроверял свои философские убеждения и дивится глубине и самобытности этого гениального ума» (письмо от 20 апреля 1906 г. // *Философия бессмертия и воскрешения.* Вып. 2, с. 259–260).

[1] Половину выручки от продажи второго издания своей брошюры В. А. Кожевников решил пожертвовать церковно-приходской школе в с. Мордовский Качим Городищенского уезда Пензенской губернии (см. о ней примеч. 56, 65 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 596–597, 599–601). Объявление об этом пожертвовании было напечатано на обложке брошюры. – *267.*

[2] *Сказание о построении Качимской школы* – так Н. Ф. Федоров называл статью П. П. Мироносицкого о построении здания Мордовско-Качимской церковно-приходской школы; см. примеч. 56 к «Отечествоведению» – там же, с. 596–597. *Предисловие к «Сказанию о построении обыденного храма в Вологде»* – написано самим Н. Ф. Федоровым (текст его см.: там же, с. 46–50). – *267.*

[3] Федоров намекает на проект «Русской Ассоциации естествоиспытателей», обсуждавшийся на IX Съезде естествоиспытателей в январе 1894 г., – см. примеч. 305, 308, 310 к «Отечествоведению» – там же, с. 635–637. Критика проекта была дана Н. Ф. Федоровым в статье «Два юбилея» – см.: там же, с. 127–143. – *267.*

[4] Согласно статье А. И. Введенского, В. П. Федоров при обосновании проекта «Общества апологии христианства» «исходил из того факта, что богословская и в частности апологетическая литература у нас очень бедна и что ее следует обогатить и возвысить» (см: «Богословский вестник», 1894, № 4, с. 166). – *267.*

[5] Федоров имеет в виду серию статей А. И. Введенского «Западная действительность и русские идеалы (письма из-за границы)», печатавшуюся в 1892–1893 гг. в «Богословском вестнике» (отд. изд.: Сергиев Посад, 1894). Статьи писались Введенским во время его научной командировки за границу в 1891–1892 гг. Философ, ставивший своей целью «оценить социально-бытовую, умственную и религиозно-нравственную жизнь современного Запада с точки зрения русских идеалов», в частности, касался проблемы секуляризации европейской культуры, писал о распространении неверия в недрах протестантского мира и альянсе католичества с социализмом (папа Лев XIII). – *267.*

83. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

30 мая 1894. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, лл. 14–15 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 47).

[1] Речь идет о рукописи работы Н. Ф. Федорова «В защиту дела и знания...». – *268.*

[2] С весны 1894 г. Н. П. Петерсон жил в Воронеже, куда был переведен на должность городского судьи 3-го участка. По всей вероятности, Н. Ф. Федоров выехал в Воронеж к Н. П. Петерсону, как и намеревался, 15 июня: свидетельство на проезд «во все города Российской империи» было выдано ему 14 июня 1894 г., а 17 июня его приезд был уже

зарегистрирован «в управлении Дворянской части» г. Воронежа (Архив РГБ, оп. 126, д. 53, лл. 62, 143; см. также: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 199). – *268.*

[3] Этот проект был развит в статье И. А. Борисова «Вопрос о Каразинской метеорологической станции в Москве» («Наука и жизнь», 1893, № 44) и в совместной статье Н. Ф. Федорова и И. А. Борисова «К вопросу о памятнике В. Н. Каразину» («Наука и жизнь», 1894, № 15–16). Подробнее см. примеч. 289 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 632–633. – *268.*

[4] Речь идет о гравюре И. Ф. Антинга, воспроизводившей вид дома Пашкова в 1789 г. Обнаружить в хранении РГБ атлас гравюр, изданный И. Рихтером (см. примеч. 5), нам не удалось. – *268.*

[5] Иоганн *Рихтер*, немецкий путешественник, посетивший Москву в конце XVIII в., в своем сочинении «Moskwa. Eine Skizze» (Leipzig. 1799; рус. пер.: Москва. Начертание. М., 1801) так описывал тогдашний вид дома Пашкова: «В многолюдной части города на Моховой, недалеко от Кремлевского моста, на обширном холме возвышается волшебный замок... В глубине видишь дворец... Два входа ведут в верхний этаж и на просторную вышку в куполе, с которой открывается прелестнейший вид на Москву. Дом состоит из главного здания и двух флигелей, соединяющихся с ним галереями. В средине сделан выступ с громадными сводчатыми окнами и двумя парадными выходами в сад. В первом этаже этот выступ образует балкон, покоящийся на тосканских колоннах. На одной стороне балкона стоит богиня Флора, на другой – Церера. Вверху купол оканчивается бельведером, окруженным двойными колоннами. Рядом красивых колонн украшены также флигеля. И все это образчик эвритмии и симметрии. На самых возвышенных пунктах пред домом красуются две колоссальные статуи Минервы и Марса, принадлежащие, как и прочие фигуры, к лучшим произведениям резца. Внизу два каменных бассейна с фонтанами в средине. От улицы дом отделяется решеткою чудного узора. Сад, как и пруд, кишит иноземными редкими птицами. Китайские гуси, разных пород попугаи, белые и пестрые павлины находятся здесь на свободе или висят в дорогих клетках. Эти редкости вместе с общей красотой этого дома привлекают сюда по воскресеньям и праздничным дням многочисленные толпы народа. Сад, дом, двор, конюшни кишат тогда людьми, и даже решетка усажена любопытными. Двери не заперты, и вход открыт всюду; нарочно приставленные люди дают вежливо посетителям всякие объяснения... Трудно описать впечатление, производимое домом при освещении» (цит. по: Н. Янчук. Старое Ваганьково и дом, бывший Пашкова // Московский Публичный и Румянцевский музеи. Торжественное заседание в память графа Н. П. Румянцева, 3 апреля 1897. М., 1897, с. 51–53; по всей вероятности, Н. Янчуку на книгу И. Рихтера указал сам Н. Ф. Федоров; годом спустя выдержки из кн. Рихтера были приведены в книге Я. Ф. Браве «Одно из наших центральных просветительных учреждений (Очерки Румянцевского Музея)». М., 1898, с. 29–30 – при написании этой книги Я. Ф. Браве широко пользовался материалами и советами мыслителя).

О доме Пашкова как «дворце фей» см. также в другом сочинении И. Рихтера «Историческое и топографическое описание Москвы»: «Description historique et topographique de Moscou». Traduit de J. Richter. Paris, 1812, p. 42 (благодарим за это указание *В. С. Гречанинову*). – *268.*

[6] Коронация Николая II и Александры Федоровны состоялась 14 мая 1896 г. – *268.*

[7] Была ли написана И. А. Линниченко статья о реставрации дома Пашкова, неизвестно. В июньских номерах московских газет («Русские ведомости», «Русское слово», «Московские ведомости») она не появилась. *Статья «Науки и жизни»* – статья И. А. Борисова «Вопрос о Каразинской метеорологической станции в Москве» (текст ее см. в Т. III . наст. изд., с. 561–564). – *268.*

[8] Данное высказывание об архитекторе В. И. Баженове спустя три года было повторено Н. Ф. Федоровым в статье «Баженовский Кремль» (см. в Т. III наст. изд., с. 102–104; см. также примеч. 236 к «Отечествоведению» – там же, с. 625–626). – *268.*

[9] Храм Святителя и Чудотворца Николая, что на Старом Ваганькове, находящийся во дворе Московского Публичного и Румянцевского музеев, являлся их домовой церковью. Построенный в 1531 г. при вел. князе Василии Иоанновиче каменный храм долгое время именовался храмом свт. Николая «у Государева двора». В конце XVII он был трехпрестольным и имел два придела – справа во имя преп. Сергия и слева – во имя сорока мучеников (спустя столетие левый придел из-за ветхости был разобран). Будучи разграблен французами в 1812 г., храм был восстановлен спустя два года, а придел преп. Сергия – лишь в 1842 г. В 1890-е гг. храм уже значительно обветшал, нуждался в реставрации; кроме того, после 1812 г. он потерял статус

приходского. В 1894 г. настоятелем храма стал Л. М. Чичагов (позднее – преосв. Серафим), жизнеописатель преп. Серафима Саровского, положивший начало новому периоду в истории храма свт. Николая. «Исключительно его усердием и его пастырскими стараниями и заботами забытый и заброшенный храм приведен на степень одного из привлекательных храмов московских» («Храм Румянцевского музея». М., 1906, с. 28), а в 1900 г. был восстановлен при храме и самостоятельный причт. – *269.*

[10] Возможно, эта гипотеза основана на том обстоятельстве, что в XVII в. приделы храма свт. Николая стояли отдельными зданиями с правой и левой сторон. Кроме того, придел преп. Сергия имел тогда свой самостоятельный причт и был на иждивении семьи думного дьяка Артамона Ивановича Иванова (см.: там же, с. 18). Исходя из этого можно было предположить, что ранее на месте придела стоял отдельный храм преп. Сергия Радонежского. – *269.*

84. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

Между 30 мая и 15 июня 1894. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 73 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 69–70).

Датируется промежутком от 30 мая 1894 г. (письмо Н. Ф. Федорова Н. П. Петерсону, в котором он посылал рукопись работы «В защиту дела и знания...») до 15 июня, предположительно – дня выезда Н. Ф. Федорова в Воронеж.

[1] В работе «В защиту дела и знания...» Н. Ф. Федоров, полемизируя с Толстым, в частности, ссылался на брошюру В. А. Кожевникова «Бесцельный труд, “не-делание” или дело?» В конце работы он поместил комментарий на историю построения церковно-приходской школы в с. Мордовский Качим, набросок которого был сделан в письмах 78, 79 (комментарий этот основывался на фактах, приведенных в статье П. П. Мироносицкого «Постройка и освящение нового здания церковно-приходской школы в с. Мордовском Качиме Городищенского уезда»). – *269.*

[2] Работу «В защиту дела и знания» Федоров мыслил как один из вариантов изложения учения «всеобщего дела», построенный на оппозиции толстовству, и именовал ее «Запиской» (см. письмо в Московский цензурный комитет), так же как главное свое сочинение «Вопрос о братстве и родстве... Записка от неученых к ученым», содержавшее развернутое и прямое изложение учения. В начале самой работы он прямо указывал, что она составляет часть «Записки от неученых к ученым» (см. Т. II наст. изд., с. 347).

Кстати, именно летом 1888 г., когда было положено начало тексту статьи «В защиту дела и знания...» (см. письмо 90 и примеч. 2 к нему), был в очередной раз просмотрен и отредактирован корпус текстов «Записки» и в августе 1888 г. Петерсон начал его переписку (см. письмо 42). – *269.*

[3] Письмо Н. П. Петерсона, из которого взята приводимая Н. Ф. Федоровым цитата, не сохранилось. – *269.*

85. В. И. СРЕЗНЕВСКОМУ

18 июня 1894. Воронеж

Печатается по автографу, сохранившемуся в архиве Срезневских: РГАЛИ, ф. 436, оп. 1, ед. хр. 2998. В архиве Н. П. Петерсона находится черновик этого письма: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, лл. 76–77 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, л. 310).

Ответ на письмо В. И. Срезневского от 7 июня 1894 г. (Т. IV наст. изд., с. 635–636).

Всеволод Измайлович *Срезневский* (1869–1936) – филолог, историк литературы. С Н. Ф. Федоровым был знаком по библиотеке Московского Публичного и Румянцевского музеев. В. И. Срезневский был братом Б. И. Срезневского, ученого-метеоролога, заведующего метеорологической обсерваторией при Московском университете, и когда в 1893 г. Б. И. Срезневский, по инициативе Н. Ф. Федорова, возбудил ходатайство о перемещении обсерватории на бельведер Московского Публичного и Румянцевского музеев, активно поддержал эту идею.

Весной 1894 г. В. И. Срезневский во время своего очередного пребывания в Харькове, откуда были родом его отец – филолог и этнограф И. И. Срезневский – и он сам, вступил в контакт с профессорами Харьковского университета Д. И. Багалеем и Н. Ф. Сумцовым, инициаторами постановки в Харькове памятника В. Н. Каразину (см. примеч. 295 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 635), и познакомил их со статьями «Вопрос о Кара-

зинской метеорологической станции в Москве» и «К вопросу о памятнике В. Н. Каразину» в журнале «Наука и жизнь», в последней из которых предлагалось увековечить память ученого-метеоролога не памятником-статуей, а осуществлением его идеи повсеместного устройства метеорологических наблюдений при школах России. О реакции Д. И. Багалея и Н. Ф. Сумцова на эту идею В. И. Срезневский и сообщил Н. Ф. Федорову в своем письме от 7 июня 1894 г.

[1] См. примеч. 31 к разделу «Приложения» «Письма Н. Ф. Федорову разных лиц». – *270.*

[2] Д. И. Багалей, профессор Харьковского университета (подробнее о нем см. примеч. 306 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 636). – *270.*

[3] Северин Осипович *Потоцкий* (1762–1829) – государственный деятель эпохи Александра I. С 1802 г. – член Комиссии об училищах по ведомству Министерства народного просвещения, с января 1903 г. – попечитель Харьковского учебного округа. Принимал участие в организации Харьковского университета, подбирая штат преподавателей; заботился об учреждении в нем научных кабинетов и коллекций и сам давал на это средства; устроил подготовительный университетский класс в Харьковском народном училище; много сделал для распространения во вверенном ему округе начального образования, в том числе и под эгидой церкви (подробнее о С. О. Потоцком, которого его современники и потомки называли «идеалом попечительства», см.: М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1. СПб., 1889, с. 24–25, 68–70; Д. И. Багалей. Опыт истории Харьковского университета по неизданным материалам. Т. 1. 1802–1815. Харьков, 1893–1898).

В письме В. И. Срезневского к Н. Ф. Федорову от 7 июня 1894 г. было упомянуто о том, что В. Н. Каразин, инициатор создания Харьковского университета, высоко ценивший деятельность и взгляды С. О. Потоцкого, предлагал поставить в его честь памятник. – *270.*

[4] В черновике письма несколько ниже этих слов сделана приписка: «План сделать всех учителей наблюдателями, соединяя наблюдение с преподаванием, означает создание общества, которое должно обнять наконец всех. Таким образом, в плане Каразина есть именно то, чего недостает проекту *«Русской ассоциации для обеспечения и устройства естествоиспытательных съездов», т. е. всеобщности и необходимости»*. Впоследствии как эта приписка, так и текст самого письма Федорова В. И. Срезневскому послужили основой одного из фрагментов работы «Два юбилея» (Т. III наст. изд., с. 137–138). – *270.*

[5] Т. е. Н. П. Петерсона, который поселился в Воронеже по адресу: Острожный бугор, д. 4, в доме священника М. И. Скрябина недалеко от Покровской церкви (см.: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение,* с. 198). – *270.*

86. Н. П. ПЕТЕРСОН, Н. Ф. ФЕДОРОВ – В. А. КОЖЕВНИКОВУ

17 июля 1894. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 24, лл. 4–5 об. Оригинал письма выполнен рукой Н. П. Петерсона (копия части письма также рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 49).

[1] Речь идет о работе Н. Ф. Федорова «В защиту дела и знания...». В несохранившемся письме Н. Ф. Федорову от 15 июля 1894 г. В. А. Кожевников предлагал опубликовать ее на свои собственные средства и сообщал, что готов взять на себя процедуру представления работы в Московский цензурный комитет. – *271.*

[2] Текст письма см. в Т. III наст. изд., с. 50–51. – *271.*

87. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

25 июля 1894. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, лл. 1–2 (копия рукой Н. П. Петерсона и В. А. Кожевникова – к. 4, ед. хр. 6, л. 51).

[1] См. примеч. 1 к письму 86. – *272.*

[2] Речь идет о письме преподавателя Каменец-Подольской духовной семинарии О. И. Федорова, написанном в ответ на публикацию в третьей книге «Чтений в Императорском обществе истории и древностей российских», а затем в епархиальных ведомостях воззвания «О доставлении сведений, касающихся обыденных церквей и жизни преп. Сергия Радонежского» (см. примеч. 101 к «Отечествоведению» – с. 606–608). О. И. Федоров сообщал об отсутствии в Подольской губернии обыденных храмов. Письмо О. И. Федорова Н. Ф. Федоров упомянул впоследствии в статье «Обыденные церкви на Руси» (Т. III наст. изд., с. 57). – *272.*

[3] См. примеч. 20 к «Отечествоведению» – там же, с. 593. – *272.*

[4] Речь идет о статье «Угодник Божий преподобный Сергий Радонежский, основатель Троице-Сергиевой лавры (Ко дню 500-летия кончины св. Сергия)», которая представляла собой речь, читанную О. И. Федоровым (см. примеч. 2) на акте Подольской духовной семинарии 1 ноября 1892 г. В статье говорилось о «великом воспитательном значении» юбилейного торжества, о Сергии как первом устроителе монастырского общежития в Северо-Восточной Руси, о благословении им Дмитрия Донского на борьбу с Мамаем, о роли святого в утверждении нового порядка престолонаследия, о судьбе Троице-Сергиевой лавры во времена Смуты и ее значении в деле объединения русской земли, о «роли Троице-Сергиевой обители как охранительницы Московского престола и интересов царевых», наконец, о том, что в детстве и юности Петр I дважды находил укрытие в стенах монастыря во время стрелецких бунтов. Всех этих тем касался в своих статьях и заметках о преп. Сергии Радонежском и Н. Ф. Федоров. – *272.*

[5] Этот указатель был составлен С. А. Белокуровым (см. примеч. 103 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 609). – *272.*

88. Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН – В. А. КОЖЕВНИКОВУ

25 июля 1894. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 24, лл. 6–9 об. (автограф – рукой Н. П. Петерсона). Копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 52–55.

[1] О болезни Н. Ф. Федорова в Воронеже см. письмо 86. – *272.*

[2] От 17 июля 1894 (№ 86). – *272.*

[3] Речь идет о пожертвовании выручки с предполагавшегося издания работы Н. Ф. Федорова «В защиту дела и знания...» – *273.*

[4] Речь идет о брошюре В. А. Кожевникова «Бесцельный труд, “не-делание” или дело?», половину выручки от которой он пожертвовал церковно-приходской школе в с. Мордовский Качим. В редакцию «Пензенских епархиальных ведомостей», по всей видимости, было послано обращение «О доставлении сведений, касающихся обыденных церквей и жизни преп. Сергия Радонежского» (напечатано в газете оно не было). – *273.*

[5] Ин 5:17. – *273.*

[6] Федоров имеет в виду реакцию Л. Н. Толстого на обращение к нему И. М. Ивакина с письмом от 21 октября 1891 г., излагавшим данный проект (письмо И. М. Ивакина см. в Т. IV наст. изд., с. 655–658). – *274.*

[7] Федоров имеет в виду пандемию азиатской холеры в 1892 г. – *274.*

[8] Намек на статью Л. Н. Толстого о сочинении Т. М. Бондарева «Трудолюбие, или Торжество земледельца» (см. примеч. 10 к «Статьям о Л. Н. Толстом» – Т. II наст. изд., с. 489). – *274.*

[9] «Царство Божие внутри вас» (см. примеч. 76 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве»). – *274.*

[10] необходимое условие (*лат.*). – *276.*

[11] Н. Ф. Федоров привел с обширным комментарием три эпиграфа, поставленных им в начале I части «Записки» (см. Т. I наст. изд., с. 38). *Два юбилея, духовный и светский* – 500-летие открытия мощей преп. Сергия Радонежского (1922) и 100-летие со дня смерти В. Н. Каразина (1942); см. статью «Два юбилея» – Т. III наст. изд., с. 128–129. – *276.*

[12] См. примеч. 7 к «Статьям о Л. Н. Толстом» (Т. II наст. изд., с. 489). – *276.*

89. Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН – В. А. КОЖЕВНИКОВУ

27 июля 1894. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 24, лл. 10–11 об. (автограф – рукой Н. П. Петерсона). Копия части письма рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 50.

[1] Речь идет о развернутом заглавии-комментарии к работе «В защиту дела и знания...», присланном в письме 88. – *277.*

[2] Работы «В защиту дела и знания...». – *277.*

90. Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН – В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Начало августа 1894. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 34, лл. 60–62. Автограф – рукой Н. П. Петерсона с припиской Н. Ф. Федорова. Копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 296–297. Датируется по содержанию.

Ответ на несохранившееся письмо В. А. Кожевникова от конца июля 1894 г.

[1] К работе «В защиту дела и знания...» (см. письмо 88). – *278.*

[2] Исходя из этого указания, можно точно датировать начало работы Н. Ф. Федорова над статьей «В защиту дела и знания...» (об этапах этой работы см. в примеч. 37 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве»). – *278.*

[3] Разбор проекта устава Русской Ассоциации естествоиспытателей (см. примеч 305 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 635–636) был написан Н. Ф. Федоровым сначала в виде отдельной статьи, затем, в августе 1894 г., включен в работу «В защиту дела и знания...» (см. письмо 91), а впоследствии вошел в статью «Два юбилея» (Т. III наст. изд., с. 137–140). – *279.*

[4] См. примеч. 295, 306 к «Отечествоведению» – там же, с. 635, 636. – *279.*

[5] В течение ряда лет В. А. Кожевников работал над обширным сочинением, посвященным направлению Glaubensphilosophie (философии чувства и веры). Первый том исследования обнимал творчество Ф. Гемстергюи и И. Гамана (В. А. Кожевников. Философия чувства и веры в ее отношениях к рационализму XVIII в. и к критической философии. М., 1897), второй – посвященный Ф. Г. Якоби («Якоби в его отношениях к “просвещению” 18 века и к критической философии»), остался в рукописи (см. письмо В. А. Кожевникова П. А. Флоренскому от 14 марта 1912 г. // Вопросы философии, 1991, № 6, с. 97). Летом 1894 г., находясь в Дубровицах под Подольском, В. А. Кожевников завершал работу над рукописью (предисловие к ней датировано 23 августа 1894 г.); некоторое время спустя она была представлена в Московский цензурный комитет. – *279.*

[6] *Получив от Вас ∞ вашего терпения* – приписка Н. Ф. Федорова. – *279.*

91. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

13 августа 1894. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 24, лл. 12–13 об.

[1] Это письмо В. А. Кожевникова не сохранилось. – *280.*

[2] Речь идет о статье «В защиту дела и знания...». Вопрос о заглавии-комментарии к ней обсуждается в письмах 88–90. – *280.*

[3] Брошюра В. А. Кожевникова «Бесцельный труд, “не-делание” или дело?» В тексте работы, отправленном В. А. Кожевникову 13 августа 1894 г., в список сочинений под последним номером была включена и эта брошюра. – *280.*

[4] См. примеч. 3 к письму 90. – *280.*

[5] 357 статья Уставов о пенсиях и единовременных пособиях гласила: «Если кто, не выслужив пенсии, оставит учебную службу и перейдет в гражданскую, или вообще в такое ведомство, где сроки продолжительнее, тому лета учебной его службы по Министерству Народного Просвещения зачитаются к получению пенсии, не сокращая срока, т. е. год службы учебной по Министерству Народного Просвещения равняется в сем случае году службы гражданской или той, где будет определяема пенсия» («Свод законов Российской империи». Т. 3, СПб., 1876, с. 70 (2-я пагинация)). К весне 1894 г. Н. Ф. Федоров прослужил в Московском Публичном и Румянцевском музеях (т. е. по гражданскому ведомству) без нескольких месяцев 20 лет. Служба по учебному ведомству (учителем истории и географии) в общей сложности составила 11 лет. Право же на получение полного оклада пенсии служащие по гражданскому ведомству имели, лишь прослужив 35 лет и более (статья 100 // Там же, с. 20). О намерении Н. Ф. Федорова уйти в отставку весной 1894 г. см. примеч. к письму 101 (преамбула). – *280.*

[6] См. примеч. 5 к письму 90. – *280.*

92. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

20 августа 1894. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, лл. 14–16 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 290–261). Первую редакцию письма см. в разделе «Другие редакции».

[1] О высылке статьи Н. П. Петерсон и Н. Ф. Федоров сообщили В. А. Кожевникову в письме от 13 августа 1894 (№ 91). – *281.*

[2] Текст данного абзаца практически полностью совпадает со вторым наброском «Добавлений к статье “В защиту дела и знания...”» (см. Т. IV наст. изд., с. 24, а также примеч. 84 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве»). – *281.*

[3] См. примеч. 85 к тому же разделу. – *281.*

[4] Н. Ф. Федоров перечисляет следующие сочинения Ф. В. Шеллинга: «Über das Verhältnis des Realen und Idealen in der Natur, oder Entwickelung der ersten Grundsätze der Naturphilosophie an den Principien der Schwere und des Lichts». Hamburg, 1806 («Об отношении реального и идеального в природе» – эта статья предшествовала второму изданию работы «О мировой душе, или Разработка первых основоположений натурфилософии на основе начал тяжести и света»), «Über das Verhältnis der bildenden Künste zu der Natur». München, 1807 («Об отношении изобразительных искусств к природе»), «Denkmal der Schrift von den göttlichen Dingen etc. des Herrn Friedrich Heinrich Jacobi und der ihm in derselben gemachten Beschuldigung eines absichtlich täuschenden, Lüge redenden Atheismus». Tübingen, 1812 («Памятник сочинению о божественных вещах господина Фридриха Генриха Якоби и выдвинутому им в этом сочинении обвинению в адрес атеизма, нарочито обманчивого и лживого»). В собрании РГБ хранится экземпляр этого сочинения с экслибрисом В. А. Кожевникова на титульном листе: «№ 2840 В. А. Кожевников. 1893»; на полях книги – подчеркивания и пометы также его рукой. Судя по указанному году приобретения книги (1893), предположение Н. Ф. Федорова о том, что у Кожевникова она имеется, оказалось справедливым. – *282.*

[5] «Журнал спекулятивной физики»; «Новый журнал спекулятивной физики» (*нем.*). Оба журнала в 1800–1802 гг. издавались самим Ф. Шеллингом, поместившим там целый ряд своих статей. – *282.*

93. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

Конец августа – начало сентября 1894. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, л. 49–49 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 76).

Начало письма не сохранилось. Датируется по содержанию: упоминается номер журнала «Revue des deux Mondes» от 1 августа 1894 г., с которым Н. Ф. Федоров познакомился, по всей вероятности, уже после возвращения в Москву, в библиотеке Румянцевского музея или через В. А. Кожевникова.

На несохранившемся листе находилось начало такого примечания: «...щая газета отказалась напечатать, несмотря [на то], что статья была представлена постоян<ным> сотрудником этой газеты» (о какой статье Федорова и о какой газете здесь идет речь, не установлено).

[1] «*Беседа досужих людей*» – пролог к повести Л. Н. Толстого «из времен первых христиан» «Ходите в свете, пока есть свет». И пролог, и повесть были закончены писателем в 1888 г., напечатаны на русском языке в 1892 г. в Женеве, а в 1893 г. в России в сб.: «Путь-дорога. Научно-литературный сборник в пользу общества для воспомоществования нуждающимся переселенцам». СПб., 1893. – *282.*

[2] Федоров имеет в виду статью Л. Н. Толстого «Христианство и патриотизм» (см. примеч. 79 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве»). – *282.*

[3] Речь идет о статье Этьена Лами «По поводу русского альянса»: E. Lamy. A propos d'alliance russe // Revue des deux mondes, 1 août 1894, p. 602–617. – *282.*

94. П. С. МИРОНОСИЦКОМУ

Конец августа – начало сентября 1894.

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 67 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 173–174).

Черновик ответа на письмо П. С. Мироносицкого, священника с. Русский Качим Городищенского уезда Пензенской губернии, благочинного 3 округа этого уезда. В начале 1894 г. В. А. Кожевников выпустил второе издание брошюры «Бесцельный труд, “неделание” или дело?», половину выручки от которой жертвовал церковно-приходской школе с. Мордовский Качим. Н. Ф. Федоров горячо поддержал идею этого пожертвования и внимательно следил за сношениями В. А. Кожевникова с П. П. и П. С. Мироносицкими (см. примеч. 65 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 599–601).

Письмо П. С. Мироносицкого, главного распорядителя постройки этой школы, было адресовано В. А. Кожевникову и, по всей видимости, было написано в ответ на его сообщение о сделанном пожертвовании и на присылку суммы, вырученной за уже разошедшиеся экземпляры. Письмо содержало сведения не только о Мордовско-Качимской школе и ее предысто-

рии, но и о двухклассной церковно-приходской школе в с. Русский Качим, а также о детях П. С. Мироносицкого П. П. и А. П. Мироносицких, ставших народными учителями и помощниками отца в деле организации школ в Мордовском и Русском Качимах.

Предположительно, письмо П. С. Мироносицкого может быть датировано концом июля – августом 1894 г. (см. письмо 88: «…посылали Вы что в Качимскую школу и какой получили оттуда ответ?»). Соответственно, черновое письмо Н. Ф. Федорова, которому В. А. Кожевников сообщил текст письма П. С. Мироносицкого, может быть датировано концом августа – началом сентября 1894. По всей видимости, оно является наброском того ответа, который сам Кожевников должен был послать П. С. Мироносицкому, и, вероятно, Владимир Александрович воспользовался этим – или другим, не дошедшим до нас, – черновиком, отвечая своему адресату. Наше предположение основывается на следующем факте: в конце чернового письма к П. С. Мироносицкому содержатся вопросы о почитании преп. Сергия в Пензенской епархии, а позднее, в письме 95 Н. Ф. Федоров просит, в случае получения письма из Качима, отправить его к С. А. Белокурову, который, по побуждению Федорова, и занимался собиранием сведений о преп. Сергии Радонежском.

Черновик письма к П. С. Мироносицкому впоследствии был использован Н. Ф. Федоровым в статье «О значении обыденных церквей...» (см. Т. III наст. изд., с. 39–40).

[1] Речь идет о статье П. П. Мироносицкого (см. примеч. 1 к письму 79). – *283.*

[2] Речь идет о П. П. Мироносицком. – *283.*

[3] Н. Ф. Федоров перечисляет вопросы, содержавшиеся в печатном обращении «О доставлении сведений, касающихся обыденных церквей и жизни преп. Сергия Радонежского», разосланном в редакции епархиальных ведомостей (см. Т. III наст. изд., с. 52). – *284.*

[4] Речь идет об отдельном оттиске «Сказания о построении обыденного храма в Вологде “во избавление от смертоносныя язвы”» с предисловием Н. Ф. Федорова (М., 1893). – *284.*

95. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Сентябрь 1894. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 34, лл. 66–67 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, л. 315). Датируется по содержанию.

[1] Н. Ф. Федоров, чрезвычайно щепетильный в личных вопросах, болезненно реагировал, особенно в последнее десятилетие жизни, на попытки его друзей и учеников оказать ему материальную помощь, в чем бы она ни выражалась: будь то «доплачивание» за стол и квартиру, к которому в 1897–1898 гг., тайно от Федорова, прибегал Н. П. Петерсон в Воронеже, или присылка лекарств, как в данном случае. Главной помощью и главным проявлением дружбы было для него «участие во всеобщем, отеческом деле», деле, которое должно было бы быть понятным и родным для каждого.

Скорее всего именно об этой размолвке вспоминает В. А. Кожевников в своем примечании к письму 236 (Т. IV наст. изд., с. 436). – *284.*

[2] Летом 1894 г. В. А. Кожевников, по побуждению Федорова, обратился к преподавателю Подольской духовной семинарии О. И. Федорову, откликнувшемуся на воззвание о доставлении сведений о храмах обыденных, с рядом дополнительных вопросов и просьб (об их содержании см. письмо 87). Кроме того, Владимир Александрович послал священнику с. Русский Качим П. С. Мироносицкому новое письмо, при составлении которого, по всей вероятности, использовал письмо 94, изложив перечисленные в нем вопросы об обыденных храмах и почитании преп. Сергия Радонежского. – *284.*

[3] О С. А. Белокурове см. примеч. 4 к письму 76. – *284.*

96. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

14 сентября 1894. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, лл. 3–4 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, л. 315).

[1] См. примеч. 5 к письму 90. О переживаниях Н. Ф. Федорова по поводу этого отказа, свидетельствовавшего, по его мнению, о недоверии, см. письмо Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову после 29 декабря 1894 г. в Т. IV наст. изд., с. 602–603. – *284.*

[2] Речь идет о рукописи статьи Н. Ф. Федорова «В защиту дела и знания...», издание которой собирался оплатить В. А. Кожевников. – *284.*

[3] Речь идет о брошюре В. А. Кожевникова «Бесцельный труд, “не-делание” или дело?» – *284.*

[4] Рукопись «В защиту дела и знания...» была представлена В. А. Кожевниковым в Московский цензурный комитет в начале сентября 1894 г. – *284.*

[5] Высылая 13 августа 1894 г. рукопись «В защиту дела и знания...» В. А. Кожевникову, Н. П. Петерсон и Н. Ф. Федоров просили обратить внимание на пометы на полях и при необходимости внести исправления. По всей видимости, В. А. Кожевников исполнил эту просьбу. – *284.*

97. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

21 октября 1894. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, лл. 17–18 (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 4, ед. хр. 6, л. 57).

[1] Это письмо Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову не сохранилось. – *285.*

[2] Вероятно, речь идет о сочинении Л. Н. Толстого «Христианство и патриотизм». – *285.*

[3] Речь идет о статье Н. Ф. Федорова «Обыденные церкви на Руси» («Русский архив», 1894, № 11).

Юрий Петрович *Бартенев* (1866–1908) – историк, публицист. Сын П. И. Бартенева. По окончании Московского университета начал помогать отцу в издании и редактировании «Русского архива». В 1893–1896 гг. по нескольку месяцев жил за границей, готовясь к сдаче магистерского экзамена по философии, надеясь занять университетскую кафедру (подробнее см. примеч. 49 к разделу «Приложения» «Вокруг Федорова»). Экзамен был сдан неудачно, и Ю. П. Бартенев вернулся к работе в «Русском архиве». В 1900 г., в связи с материальными трудностями, принял место по цензурному ведомству, одновременно продолжая редакторскую работу в журнале. В 1890–1900-х гг. поместил в «Русском архиве» ряд собственных статей историко-публицистического характера, подготовил к публикации большое количество архивных материалов, писал мелкие заметки и некрологи. Все статьи и заметки Ю. П. Бартенева появлялись в журнале либо без подписи, либо под инициалами «Ю. Б.».

Ю. П. Бартенев считал себя учеником Федорова. Документальные сведения об их общении относятся к 1892–1903 гг., однако следует предположить, что Юрий Петрович знал мыслителя и ранее, возможно даже с самого детства. Ведь в 1869–1872 гг. Н. Ф. Федоров служил в Чертковской библиотеке под непосредственным началом его отца, П. И. Бартенева. Сближение же Ю. П. Бартенева с Федоровым и их регулярное общение началось после того, как Юрий Петрович, студент Московского университета, начал посещать библиотеку Музеев. В 1892 г., когда Ю. П. Бартенев стал помогать отцу в издании «Русского архива», в журнале появились сразу две статьи молодого редактора, вдохновленные идеями Федорова и содержавшие целые куски, написанные мыслителем или взятые самим Бартеневым из его статей и заметок: «В. Н. Каразин и господство над природою» (1892, № 5) и «Святой Сергий Радонежский» (1892, № 10), – а затем (1892, № 11) еще небольшая реплика «По поводу заметки о Св. Сергии Радонежском» (подробнее см. примеч. 19, 21 к разделу «Приложения» «Письма Н. Ф. Федорову разных лиц»). В 1893 г., находясь за границей, Ю. П. Бартенев приветствует сотрудничество в журнале В. А. Кожевникова, выступившего со статьей «Стены Кремля» (см. примеч. 23 к разделу «Приложения» «Вокруг Федорова»). В ноябре 1894 г. содействует опубликованию статьи Федорова «Обыденные церкви на Руси». В пятом номере «Русского архива» за 1895 г. появляется заметка Ю. П. Бартенева «Об историческом значении царского титула», написанная, по всей видимости, не без внушения Федорова (см. примеч. 1 к «Самодержавию» – Т. II наст. изд., с. 441), в седьмом – как отклик на нее – небольшая статья Федорова «Еще об историческом значении царского титула». В феврале 1896 г. при посредстве Бартенева журнал публикует статью В. А. Кожевникова «Международная благодарность», вдохновленную идеями и проектами Федорова. В № 10 за 1898 г. появляется статья Ю. П. Бартенева «Памятник Александру Второму и Московский Публичный музей», включившая в себя большие фрагменты одной из статей Федорова (подробнее см. примеч. 4 к письму 158). И наконец, в 1900 и 1901 гг. «Русский архив», также при содействии Ю. П. Бартенева, помещает две совместных статьи Н. Ф. Федорова и В. А. Кожевникова: «Кончилась ли всемирная история» (1900, № 11) и «Чему научает древнейший христианский памятник в Китае?» (1901, № 3).

Ю. П. Бартенев, глубоко чтивший Н. Ф. Федорова, был автором некролога о нем, напечатанного в «Русском архиве» в январском номере 1904 г. (текст некролога см. в примеч. 170 к разделу «Приложения» «Письма Н. П. Петерсона В. А. Кожевникову»). – *285.*

[4] Речь идет об отзывах, полученных в ответ на воззвание «О доставлении сведений, касающихся обыденных церквей и жизни преп. Сергия Радонежского», разосланное весной и в начале лета 1894 г. по редакциям епархиальных ведомостей и архивным комиссиям. Отзыв из Сольвычегодска принадлежал священнику города о. Тихону Чулкову, отзыв из Нижегородской губернии – священнику сел Старо-Рождествена и Шишардеева Лукояновского уезда о. Иоанну Лаврову. Оба отзыва были упомянуты в статье Н. Ф. Федорова «Обыденные церкви на Руси» (см. Т. III наст. изд., с. 57). – *285.*

[5] Рукопись Н. Ф. Федорова «В защиту дела и знания...», представленная в Московский цензурный комитет В. А. Кожевниковым в начале сентября 1894 г., была рассмотрена на заседании Комитета лишь 2 ноября (подробнее см. примеч. к письму 98 (преамбула)). – *285.*

[6] Н. Ф. Федоров вознамерился уйти в отставку, не дослужив четырех лет до 35 лет, необходимых для получения полного оклада пенсии (см. примеч. 5 к письму 91). Его стаж составлял к октябрю 1894 г. 31 год, и он имел право на получение половины пенсионного оклада (см. статью 100 «Уставов о пенсиях и единовременных пособиях» // Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1876, с. 20 (2-я пагинация)). Вопрос Н. Ф. Федорова о возможности получить вместо помесячных пенсионных выплат единовременно годовой оклад, по всей видимости, связан с его намерением возместить В. А. Кожевникову расходы по напечатанию брошюры «В защиту дела и знания...». – *285.*

98. В МОСКОВСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

После 20 декабря 1894. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 66 (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 175–176).

2 ноября 1894 г. Московский цензурный комитет рассматривал рукопись Н. Ф. Федорова «В защиту дела и знания...». В протоколе этого заседания значится:

«Слушали.

Доклад цензора Н. Г. Егорова о рассмотренной им рукописи «*В защиту дела и знания против автора "не-делания" и "не-думания", или "научил ли чему нас голод 1891 года"», сост<авленной> г. Петерсоном.* В рукописи этой автор последовательно знакомит читателей, хотя в кратком и сжатом большею частию виде, но почти со всеми религиозными и философскими взглядами Л. Н. Толстого. Составитель рукописи подвергает эти взгляды критике, но опровержения его, частию недостаточно убедительные, а местами довольно неясные и туманные, не могут составить должного противовеса вполне ясному и яркому изложению теорий толстовского учения. Ввиду вышеизложенного цензор полагал бы названную рукопись не дозволять к печати, о чем и представляет на благоусмотрение Комитета.

Определено: согласно с мнением цензора, не дозволять рукопись к печати, о чем и уведомить циркулярно другие цензурные учреждения» (ЦГИА, ф. 31, оп. 3, д. 2185, л. 126 об.).

16 ноября 1894 г. вопрос о рукописи вновь возник на очередном заседании Комитета. В протоколе, среди перечня рассмотренных на этом заседании рукописей, значится:

«5. Доклад цензора Никольского о переданной ему, по приказанию г. Председательствующего, рукописи "В защиту дела и знания против автора „неделания" и „недумания"", уже прежде рассмотренной цензором Егоровым, по мнению которого рукопись к печати дозволена быть не может.

В названной рукописи под видом полемики с гр. Толстым и в религиозно-мистической форме излагаются весьма радикальные взгляды на науку и на государственную и общественную жизнь. Цензор полагает, однако, что выпуск в свет означенного сочинения, при условии некоторых в нем исправлений, едва ли бы мог приносить вред, ввиду крайне туманного и беспорядочного изложения, а также ввиду того, что рукопись эту предполагается отпечатать лишь в 250–300 экземплярах.

Определено: приобщить к докладу о той же рукописи цензора Егорова и иметь в виду при объяснении с автором» (там же, л. 134 об.). Материалы цензурной истории работы «В защиту дела и знания...» обнаружены *В. В. Александровой.*

Итак, несмотря на мнение М. В. Никольского, работа «В защиту дела и знания...» к печати была запрещена.

Интересно, что судьба рукописи Н. Ф. Федорова могла бы сложиться иначе, если бы она была подписана не Н. П. Петерсоном, а им самим. В Московском цензурном комитете в те годы служил князь Н. В. Шаховской, хорошо знавший Н. Ф. Федорова по библиотеке Музеев и высоко его чтивший, который мог бы посодействовать беспрепятственному

прохождению рукописи (в 1899 г., став председателем Петербургского цензурного комитета, он способствовал изданию брошюры Н. Ф. Федорова «К делу умиротворения, возбуждаемому нотою 12 августа 1898 г.»). Впрочем, по иронии судьбы, именно на тех заседаниях, когда рассматривалась рукопись Федорова, Н. В. Шаховской не присутствовал.

Более того, автор второго отзыва М. В. Никольский, ученый-урартолог, служивший, параллельно своим научным занятиям, в Московском цензурном комитете, также был хорошо знаком с Федоровым и глубоко его уважал (см. примеч. 1 к разделу «Статьи и заметки разного содержания»). Вряд ли стоит сомневаться: знай Никольский о том, что автором попавшей в его руки рукописи является Николай Федорович, его отзыв был бы более благоприятным и более настойчивым в рекомендации статьи к печати.

Впрочем, в цензурной истории работы Федорова вообще много белых пятен. Так, пока не выяснено, почему рукопись, резолюцию о запрещении которой Комитет вынес уже 2 ноября, была передана другому цензору, причем передана «по приказанию г. Председательствующего», тайного советника В. Я. Федорова, и почему, несмотря на отзыв М. В. Никольского, недвусмысленно выразившегося о возможности ее разрешения к печати, предыдущее решение не было отменено. Можно лишь предположить, что В. А. Кожевников, периодически наведывавшийся в Комитет (см. письмо Н. Ф. Федорова к Н. П. Петерсону от 21 октября 1894 г.), узнав о запрещении рукописи, ходатайствовал о дополнительном ее рассмотрении (такие случаи в практике Цензурного комитета были нередки и порой оканчивались положительным решением). На отрицательное же мнение комитета могла повлиять первая половина отзыва Никольского, где говорилось о «весьма радикальных взглядах» автора «на науку и на государственную и общественную жизнь»: члены комитета, услышав о радикальных взглядах, да еще по поводу таких материй, как «общественная и государственная жизнь», решили перестраховаться.

Уведомление цензурного комитета от 3 декабря 1894 г. о запрещении рукописи Н. П. Петерсон получил только в конце месяца (см. его письмо В. А. Кожевникову после 29 декабря 1894 г. – Т. IV наст. изд., с. 602–603). Однако В. А. Кожевников, по всей видимости, узнал о решении комитета вскоре после заседания от 16 ноября. Возможно, что и уведомление комитета было переслано Н. П. Петерсону им самим. Поскольку рукопись, согласно 58 статье Цензурного устава, должна была быть задержана, а имелась она лишь в одном, представленном в цензуру, экземпляре, В. А. Кожевников начал предпринимать шаги по ее вызволению. В связи с этим он вел переговоры с одним из цензоров о возможности переписать рукопись прямо в Комитете. Н. П. Петерсон же в своем письме ему от 20 декабря 1894 г. (см. там же, с. 601–602) посоветовал прямо обратиться в Комитет с просьбою возвратить рукопись. Вероятно, В. А. Кожевников сообщил Н. Ф. Федорову о предложении Петерсона, в результате чего и явился на свет печатаемый здесь черновик прошения.

Было ли представлено по назначению прошение о возвращении рукописи, неизвестно. В бумагах Московского цензурного комитета оно не обнаружено.

[1] 58 статья «Устава о цензуре и печати» гласила: «Всякая рукопись, запрещаемая цензурою, удерживается при делах Комитета, а представившему ее выдается свидетельство: “что оная не дозволена к напечатанию на основании *такой-то* статьи Устава Цензурного”. Но когда автор или издатель, не убедясь сим решением, будет настоятельно требовать, чтобы его книга или статья была пропущена, то оная препровождается в Главное Управление по делам печати на окончательное рассмотрение, вместе с объяснениями как Комитета, так и недовольного решением» («Свод законов Российской империи». Т. 14. СПб., 1890, с. 9 (2-я пагинация)). – *286.*

[2] Как следует из письма Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову, написанного после 29 декабря 1894 г., Владимир Александрович, не желая расстраивать Н. Ф. Федорова, не передавал ему отзывов цензоров о рукописи, с которыми сам ознакомился. Потому-то Н. Ф. Федоров и просит сообщить мотивы запрещения. – *286.*

[3] В конечном итоге, в результате хлопот и ходатайств В. А. Кожевникова, рукопись работы «В защиту дела и знания...» была получена из цензурного комитета. – *286.*

99. П. П. МИРОНОСИЦКОМУ

Не ранее конца 1894. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 32.

Порфирий Петрович *Мироносицкий* (1867 – после 1918), старший сын П. С. Мироносицкого, священника села Русский Качим (ему адресовано письмо 94). Окончив Казан-

скую духовную академию со степенью магистра богословия (магистерская диссертация – «Афинагор, христианский апологет II в.». Казань, 1894), вернулся в Пензенскую губернию, став учителем церковно-приходской школы в с. Мордовский Качим. Позднее служил в Санкт-Петербурге. Автор книг и брошюр: «Дневник учителя церковно-приходской школы» (Киев, 1895), «Школьный рождественский праздник» (СПб., 1907), «С. А. Рачинский и церковная школа» (СПб., 1910), «Церковное пение» (вып. 1–5, СПб., 1904–1909), «В защиту родной письменности (По поводу мероприятий к упрощению русского правописания» (Пг., 1917) и др. Редактор журнала «Народное образование» и газеты «Приходский листок» (1914–1915).

Вероятно, П. П. Мироносицкий, автор статьи о построении здания Мордовско-Качимской церковно-приходской школы (см. примеч. 56 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 596–697), написал В. А. Кожевникову благодарственное письмо, в котором предлагал подробно описать историю построения школы, а само предложение было вызвано горячим и заинтересованным откликом (письмо 94) на письмо его отца, П. С. Мироносицкого, содержавшее дополнительные сведения к истории Мордовско-Качимской и Русско-Качимской школ.

Черновик письма к П. П. Мироносицкому, которое, как и письмо к П. С. Мироносицкому, предполагалось отправить от имени В. А. Кожевникова, был написан не ранее конца 1894 г. Об этом свидетельствует тот факт, что в этом письме построение Мордовско-Качимской школы уподобляется древнерусскому обычаю «помочей» (или «толок»), а Н. Ф. Федоров поднял вопрос о «помочах и толоках» и собирании сведений о них уже после выхода своей статьи «Обыденные церкви на Руси» («Русский архив», 1894, № 11). В статье «О братских помочах и толоках», написанной в промежутке между концом 1894 и серединой 1896 гг., Н. Ф. Федоров повторяет это уподобление: «К таким же помочам в настоящее время должно быть отнесено построение школы в Мордовском Качиме» (см. Т. III наст. изд., с. 62).

[1] Два запроса об обыденных храмах по инициативе Н. Ф. Федорова были направлены в 1894 г. на предстоявший в 1896 г. X археологический съезд С. А. Белокуровым и С. С. Слуцким (текст запросов см. в начале статьи «О значении обыденных церквей» – Т. III наст. изд., с. 5). – *287.*

1895

100. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

1895.

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 53 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 262–263). Датируется по содержанию.

[1] *Вотяки* – речь идет о так называемом Мултанском деле. В июне 1892 г. в с. Старый Мултан (ныне с. Короленко Кизнерского района) был найден обезглавленный труп нищего Матюнина. Полиция арестовала десять крестьян-мултанцев, причем было выдвинуто обвинение в ритуальном характере убийства: Матюнин якобы был принесен удмуртами (другое название – вотяки) в жертву их богам. В декабре 1894 г. состоялся суд, приговоривший семь человек к каторжным работам с последующей высылкой в Сибирь. Однако приговор был отменен Сенатом, поскольку факт существования у удмуртов человеческих жертвоприношений не был доказан. В декабре 1895 г. новый суд вторично вынес обвинительный приговор, однако и он позднее был отменен, во многом благодаря активности В. Г. Короленко, привлеченного общественностью к участию в деле и способствовавшего его широкой огласке. Третий суд, на котором в качестве защитника удмуртов уже выступил сам писатель, оправдал обвиняемых и отверг гипотезу о наличии человеческих жертвоприношений у вотяков. Дело вотяков в 1894–1895 гг. широко обсуждалось в русской периодической печати. *Рише* – см. примеч. 1 к «Супраморализму» – Т. I наст. изд., с. 509. Из какой статьи Ш. Рише приводит ниже цитаты Н. Ф. Федоров, установить не удалось. – *288.*

[2] Павел Иванович *Новгородцев* (1866–1924) – философ, правовед. Из какой его статьи приводит цитату Н. Ф. Федоров, установить не удалось. – *288.*

101. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

28 февраля 1895. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, лл. 19–20 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 48). Фрагмент письма опубликован: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 200.

Письмо связано с намерением Н. Ф. Федорова уйти в отставку. Вопрос об отставке, поднимавшийся философом и в 1880-х гг., приобрел для него особую остроту в 1890-е гг. Мысль об оставлении Румянцевского музея, службе в котором он отдавал огромное количество сил, была следствием тревоги за судьбу учения «всеобщего дела»: критически относясь ко всему ранее написанному, Н. Ф. Федоров намеревался продолжить работу над изложением учения; кроме того, следовало привести в порядок уже имевшиеся рукописи. 7 апреля 1894 г. Федоров составил на имя директора Музеев В. А. Дашкова прошение об отставке:

«Имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство об увольнении меня, по домашним обстоятельствам, от службы и вместе с тем, об исходатайствовании, со дня увольнения, как прослужившему 35 лет, полного оклада пенсии, на основании ст.ст. 55, 100, 165 и 212 Св<ода> Зак<онов>. Т. III. Уст<авы> о пенс<иях> и един<овременных> пособ<иях> (изд. 1876 г.)» // Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 132.

Дальше составления текста прошения дело не пошло. Н. Ф. Федоров прошение не подписал и не передал его В. А. Дашкову. Летом в Воронеже, во время работы над рукописью «В защиту дела и знания...», намерение оставить Музей окрепло, однако возникли формальные причины, препятствовавшие немедленному выходу в отставку (см письмо 91 и примеч. 5 к нему). Вернувшись в августе 1894 г. в Москву, Н. Ф. Федоров тем не менее не оставил мысль об отставке: если до получения полной пенсии ему действительно нужно было проработать в библиотеке еще четыре года, то половинную пенсию он уже выслужил (см. письмо 97 и примеч. 6 к нему). К желанию посвятить остаток жизни приведению в порядок бумаг прибавлялось сознание возраставшей немощи: все труднее было исполнять свою службу в Музеях, тем более что объем возложенных им самим на себя обязанностей был предельно широк, и требовал он от себя по самому строгому счету. Г. П. Георгиевский, начавший службу в Музеях в 1890 г., вспоминал: «Иронизируя над современными заботами об установлении восьмичасового труда, или, как он выражался, “шестнадцатичасовой праздности”, он всю жизнь только расширял свой труд. Первым придя в Музей, пока не начинался официальный день, он подыскивал затребованные книги, рылся в каталогах и библиографических пособиях, бегом, несмотря на свои 70 лет, мчался по библиотеке за книгами, пополнял свои знания и читал новые книги. [...] Сам по себе больной старец, он не знал устали за работой. Вот замечательный факт: начавши свой трудовой день, он ни разу во всю жизнь не садился до окончания своего рабочего дня. Когда же болезнь ног вынуждала его искать посторонней опоры, он позволял себе подставить к больной ноге стул и становился коленом больной ноги на этот стул. Другая нога в это время должна была продолжать свою обычную службу стоя» (Г. П. Георгиевский. Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров // Четвертые тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения, с. 56–57).

Печатаемое письмо к Н. П. Петерсону отражает очередное намерение Н. Ф. Федорова уйти в отставку. Как и все предыдущие, оно не было реализовано.

[1] По всей видимости, речь идет о С. П. Щурове (см. примеч. 37 к разделу «Приложения» «Письма Н. Ф. Федорову разных лиц»). Во всяком случае, годом спустя (весной 1896 г.) в письмах С. П. Щурова Н. Ф. Федорову затрагивается вопрос о возможности его перехода в каталожную в случае оставления мыслителем своей службы в Музеях. – *289.*

[2] Это письмо Н. П. Петерсона не сохранилось. – *289.*

[3] Н. Ф. Федоров приехал в Воронеж только после закрытия библиотеки Музеев на летние месяцы: отпускное свидетельство было выдано ему на срок с 15 июня по 15 августа 1895 года (Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 65). – *289.*

[4] Сын Н. П. Петерсона Г. Н. Петерсон. – *289.*

[5] Это письмо Н. Ф. Федорова к Н. П. Петерсону не сохранилось. – *289.*

[6] Судя по тексту постскриптума, можно предположить, что к концу февраля 1895 г. рукопись «В защиту дела и знания...» была уже получена из Московского цензурного комитета, хотя, с другой стороны, в письме к Н. П. Петерсону от 7 апреля 1895 г. Н. Ф. Федоров высказывается о необходимости «оставить в покое» цензурный комитет или, по крайней мере, «повременить», что свидетельствует об обратном. Если рукопись еще не была получена, то о приписке «ученые – свиньи» мог сообщить Н. Ф. Федорову В. А. Ко-

жевников, ведший переговоры с цензурным комитетом о возвращении конфискованной рукописи и, по всей видимости, перелиставший ее. – *289.*

102. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

Между 28 февраля и 7 апреля 1895. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 67, лл. 17–18 об. Датируется по содержанию.

Об обстоятельствах написания данного письма см. примеч. к письму 101 (преамбула).

[1] См. письмо 101. – *290.*

103. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

7 апреля 1895. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, л. 21–21 об. (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 4, ед. хр. 6, л. 58).

[1] См. примеч. к письму 101 (преамбула). – *290.*

[2] Речь идет о ходатайствах по возвращению из Московского цензурного комитета рукописи Н. Ф. Федорова «В защиту дела и знания...». См. примеч. 6 к письму 101. – *291.*

[3] В. А. Кожевников представил в Московский цензурный комитет свою рукопись «Философия чувства и веры» (см. примеч. 5 к письму 90). – *291.*

104. А. А. КИРЕЕВУ

Не ранее 1 марта 1895. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, лл. 83–86 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, лл. 92–94).

Один из черновых вариантов письма, которое Н. Ф. Федоров намеревался послать к А. А. Кирееву (см. примеч. 53 к «Статьям разного содержания» и примеч. 3 к письму 75). Судя по содержанию этого и другого варианта письма (см. в разделе «Другие редакции»), оба они относятся к весне 1895 г. и могут быть датированы промежутком не ранее 1 марта (во второй редакции имеется отсылка к англо-русскому соглашению по Памирам, подписанному 27 февраля (11 марта) 1895) и не позднее конца апреля 1895 гг. (в мае появился печатный текст речи А. А. Киреева, произнесенной на торжественном собрании Санкт-Петербургского славянского благотворительного Комитета 6 апреля 1895 г., а также вышла статья «Спор с западниками настоящей минуты», после прочтения которых Н. Ф. Федоров раздумал посылать письмо).

В августе 1893 г., задумывая обращение к А. А. Кирееву, Н. Ф. Федоров собирался строить его, отталкиваясь от тех статей публициста, где речь шла о соединении церквей и о старокатоликах. Предполагалось также коснуться вопроса о славянофильстве, бывшего объектом полемики между А. А. Киреевым и В. С. Соловьевым. Весной 1895 г. Н. Ф. Федоров уже не касался первого вопроса, а сосредоточил основное внимание на втором. Кроме того, письмо, по замыслу Федорова, должно было сопровождать посылку статей, содержавших два его проекта – повсеместного построения школ-храмов, посвященных Пресв. Троице, и школ-музеев в память В. Н. Каразина: брошюры «Сказание о построении обыденного храма в Вологде» с предисловием Н. Ф. Федорова, статьи в журнале «Наука и жизнь» «К вопросу о памятнике В. Н. Каразину», статьи «Обыденные церкви на Руси» из «Русского архива», а также отдельного оттиска воззвания «О доставлении сведений о храмах обыденных...» (о вышеуказанных проектах Н. Ф. Федорова см. преамбулу к «Отечествоведению» и примеч. к названным статьям в Т. III наст. изд.). Н. Ф. Федоров надеялся на то, что А. А. Киреев заинтересуется этими проектами и окажет им свое содействие – печатное и публичное.

Н. П. Петерсон в копии данного письма вставил иные названия статей, предполагавшихся для посылки к А. А. Кирееву, – «Самодержавие», «Проект соединения церквей», «Вопрос о восстановлении всемирного родства. Собор», «О значении обыденных церквей», «Два юбилея», однако это противоречит наиболее вероятному времени написания письма – весна 1895 г., когда работа над статьей «Самодержавие» еще не началась, не окончена была и статья «О значении обыденных церквей». Кроме того, Федоров упоминает о «кратких» статьях, а все перечисленное Н. П. Петерсоном – объемные сочинения.

Печатаемый вариант письма сохранился в первом черновике и втором черновике – при подготовке текста использовались оба черновика.

[1] Федоров имеет в виду запрещение рукописи работы «В защиту дела и знания...». – *291.*

[2] Имеется в виду главное сочинение Н. Ф. Федорова «Вопрос о братстве и родстве...». – *291.*

[3] В первом черновике далее на полях приписка: «Пояснять, в чем состоит дело сынов человеческих, было бы, полагаем, большим оскорблением для ума, сердца, совести сынов человеческих, для смертных, т. е. сынов умерших отцов». – *291.*

[4] Федоров имеет в виду выступления А. А. Киреева по вопросу о воссоединении церквей. – *292.*

[5] См. примеч. 3 к письму 75. – *293.*

105. В. М. ВЛАДИСЛАВЛЕВУ

17 июня 1895. Воронеж

Печатается по: РГАЛИ, ф. 436 (Срезневские И. И., В. И , О. И.), оп. 1, ед. хр. 3132.

Письмо написано рукой Н. П. Петерсона, по всей видимости, под диктовку Н. Ф. Федорова или с его черновика.

Владимир Михайлович *Владиславлев* (1868 – после 1927) – экономист и публицист. По окончании Московского университета служил по финансовому ведомству в разных городах России. С Н. Ф. Федоровым был знаком по библиотеке Московского Публичного и Румянцевского музеев (см. его письмо к мыслителю от 1 февраля 1899 г. в Т. IV наст. изд., с. 648–649).

[1] Это письмо В. М. Владиславлева к Н. Ф. Федорову не сохранилось. – *293.*

[2] Речь идет об издании: А. Ф. Риттих. Этнографическая карта Кавказа. СПб., 1875. – *293.*

[3] Это сочинение, принадлежавшее перу Льва Александровича *Кавелина*, в монашестве – Леонида (1822–1893), историка, археографа и библиографа, наместника Троице-Сергиевой лавры, вышло в Москве в 1885 г. – *293.*

[4] Книга Н. Г. Серповского вышла в Ярославле в 1885 г. – *293.*

[5] Речь идет об издании: В. Н. Григорьев. Переселения крестьян Рязанской губернии. М., 1884 (2-е изд.: М., 1885). – *293.*

[6] Речь идет об издании: Список населенным местам Кутаисской губернии. Кутаис, б/г. – *293.*

[7] В. И. Срезневского (см. примеч. к письму 85 (преамбула)). – *293.*

106. В. Н. МАК-ГАХАН

Конец сентября 1895. Москва

Черновое

Печатается по: ф. 657, к. 8, ед. хр. 90, л. 27 об.

Варвара Николаевна *Мак-Гахан* (1850–1904) – журналистка, беллетристка, переводчица; с 1880 г. постоянно жила в Северо-Американских соединенных штатах, сотрудничая с рядом русских периодических изданий («Русские ведомости», «Новости и биржевая газета», «Вестник Европы», «Северный вестник» и др.). Н. Ф. Федоров решил написать В. Н. Мак-Гахан после прочтения ее статьи «Поступательное движение православия в Соединенных Штатах. Письмо из Нью-Йорка» (см. примеч. 128 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 612–613). Набросок письма сделан на том же двойном листе, что и заметка «Несколько слов по поводу статьи В. Н. Мак-Гахан “Поступательное движение православия”» (см.: там же, с. 65–66). По всей видимости, это письмо не было отправлено. И лишь годом спустя Федоров все-таки послал В. Н. Мак-Гахан другое письмо (текст его не сохранился) вместе с экземпляром статьи «Обыденные храмы и ревивали» (см. письмо 122 и примеч. 4 к нему).

[1] См. примеч. 4 к письму 61. – *294.*

[2] О пацифистке Берте фон *Суттнер* см. примеч. 13 к «Статьям о разоружении и умиротворении» – Т. II наст. изд., с. 479. – *294.*

107. И. А. ЛИННИЧЕНКО

Между 30 сентября и 2 октября 1895. Москва.

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 70, лл. 4–5 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, л. 106).

Датируется по содержанию.

Ответ на письмо И. А. Линниченко от 30 сентября 1895 (см. Т. IV наст. изд., с. 637).

Иван Андреевич *Линниченко* (1854–1926) – историк, в 1890-х гг. был приват-доцентом Московского университета. Автор сочинений по русской истории, археологии, а также по русской литературе. Оставил небольшие воспоминания о Н. Ф. Федорове, вошедшие в его статью «Мои встречи с Л. Н. Толстым» (см.: И. А. Линниченко. Речи и поминки. Одесса, 1914, с. 315–317).

Письмо И. А. Линниченко от 30 сентября 1895 г. и ответ Н. Ф. Федорова связаны со статьей «Настоящее Румянцевского музея», которая была написана И. А. Линниченко для «Московских ведомостей» (появилась 4 октября 1895, в № 274 за подписью «И. Амартол»). Целью написания статьи было желание ученого привлечь внимание властей и общественности города к нуждам Московского Публичного и Румянцевского музеев. Подчеркнув значение «общественных книжных собраний как орудий просвещения», указав на то, что забота о них должна иметь не частный, а «общегосударственный интерес», И. А. Линниченко подробно остановился на современном положении Музеев. В статье было повторено многое из того, о чем не раз заявляли сами Музеи в своих печатных отчетах и о чем периодически говорилось в московской прессе: «крупнейшее книжное собрание в Москве» существует на «более чем скудные средства»; помещение давно не может вместить постоянно пополняющихся музейных коллекций, негде хранить книги и не на что приобретать новые, читальный зал слишком мал для возрастающего от года к году числа посетителей, штат же работающих не может быть увеличен из-за финансовых трудностей. Вновь проводилось ставшее уже обычным в статьях о библиотеке Музеев сравнение с Императорской Публичной библиотекой в Санкт-Петербурге, которая в силу своего прочного и стабильного материального положения может и необходимые издания активно приобретать, и число сотрудников увеличивать, а в «крупнейшем из московских книжных собраний» «выдачей книг из библиотеки в читальную залу заведует одно лицо (и это при нескольких стах читателей!)». Статья завершалась обращением с просьбой о пожертвованиях «Румянцевскому музею – общественному учреждению первостепенной важности для всего русского интеллигентного общества»: «...из скромных лепт каждого [...] могла бы образоваться сумма, вполне достаточная для приличного пополнения библиотеки и вообще для улучшения ее внутреннего быта. Интересы библиотеки одни и те же с интересами читателей».

И. А. Линниченко, а также другие лица из библиотечного окружения Федорова всячески скрывали от него факт написания данной статьи, что в конечном итоге вызвало недоумение и недовольство мыслителя. Обыкновенно все его знакомые, писавшие или собиравшиеся писать по вопросам музейно-библиотечного дела, считали за правило обращаться к Николаю Федоровичу за помощью и советом: он подсказывал, как лучше выстроить статью, давал ценные сведения, а подчас – особенно когда речь шла о проектах, выдвинутых им самим (международный книгообмен, вопрос о печатных библиотечных карточках, о метеорологической обсерватории на бельведере Пашкова дома и т. д.), – мог набросать устный или письменный конспект содержания. И. А. Линниченко не сделал этого, поскольку текст его статьи содержал фрагмент, где речь шла о самом Федорове и от имени читателей и сотрудников библиотеки приносилась ему благодарность. Неизвестно, знал ли уже Линниченко, составляя статью, о намерении Н. Ф. Федорова уйти в отставку (очередное прошение было подано директору Музеев 2 октября). В своем письме Федорову он не касается этой темы. Но если знал, то его стремление публично выразить благодарность «идеальному библиотекарю», подчеркнуть значение его деятельности в Румянцевском музее, вполне возможно, было продиктовано единодушным желанием музейцев и постоянных посетителей каталожной переубедить Федорова (в конце октября по этому поводу был составлен адрес – см. примеч. 100 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве»).

После ответного письма Н. Ф. Федорова, настаивавшего на исключении «всякого упоминания» о нем самом, И. А. Линниченко убрал из статьи соответствующее место, так что в печатный текст оно не вошло.

[1] С июля 1895 г. в помещениях Музеев был начат срочный ремонт, поводом к которому послужили обвалы в каталожной библиотеки и зале этнографических коллекций (см.: «Московские ведомости», 3 сентября 1895, № 242; «Русские ведомости», 18 августа 1895, № 227). В связи с этим библиотека была открыта не 15 августа, а лишь 20 сентября 1895 г. (см.: «Московские ведомости», 20 сентября 1895, № 259). – *294.*

[2] Намек на свое решение уйти из Музеев (ср. письмо 101). – *295.*

108. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

1 октября 1895. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, лл. 22–23 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 59–60).

[1] В личном деле Н. Ф. Федорова в Архиве РГБ хранится прошение об отставке, датированное 2 октября 1895. По всей видимости, Н. Ф. Федоров сообщил Петерсону, что уже подал прошение, еще 1 октября, поскольку окончательно решился это сделать на следующий день.

Текст прошения следующий:

«Выслужив установленный законом срок на получение половинной пенсии, честь имею почтительнейше просить, Ваше Высокопревосходительство, уволить меня от занимаемой должности в отставку и вместе исходатайствовать мне следующую по закону половинную пенсию, получать которую желаю в г. Воронеже.

1895 года октября 2-го дня.

Дежурный при Читальном зале

Николай Федоров»

(Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 64). – *295.*

[2] Судя по следующему письму (№ 109), отъезд в Воронеж был запланирован на конец месяца; затем он был отложен сначала до середины ноября (письмо 111), потом до конца ноября (письмо 112) и в конце концов так и не состоялся, поскольку Н. Ф. Федорова уговорили остаться в Музее. – *295.*

[3] Д. Н. Петерсон – сын Н. П. Петерсона. – *295.*

[4] Речь идет о статье Н. Ф. Федорова «Самодержавие», начало которой было положено заметкой «Еще об историческом значении царского титула» («Русский архив», 1895, № 7) и над которой Н. Ф. Федоров работал в Воронеже летом 1895 г. (в дальнейшем работа над статьей была продолжена). – *295.*

[5] Речь идет о статье Н. И. Черняева «О русском самодержавии» (см. примеч. 48 к «Самодержавию» – Т. II наст. изд., с. 444–445). – *295.*

[6] Возможно, Н. Ф. Федоров имеет в виду вторую часть статьи Н. И. Черняева «О русском самодержавии»: в ней, в частности, указаны те произведения русской литературы и философии, в которых нашла свое выражение идея самодержавной власти и концепция «Москва – Третий Рим» (Н. И. Черняев разбирает драму А. Н. Островского «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», коронационную кантату А. Н. Майкова, книгу Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» и брошюры А. С. Хомякова «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях»). Однако более вероятно, что Федоров ссылается на девятый номер «Русского обозрения» по ошибке и, говоря о «других статьях» по вопросу о самодержавии, имеет в виду статьи, помещенные в восьмом номере «Русского обозрения», где была напечатана корреспонденция протоиерея лондонской посольской церкви Е. К. Смирнова «Англо-русское литературное общество» (с. 620–638). В ней сообщалось о лекции И. В. Биркбека, прочитанной на мартовском заседании общества («О Владимире на Клязьме»). Центральное место в лекции занимал вопрос о русском самодержавии, причем «самодержавие» и «церковь» были названы докладчиком двумя «изначально активными факторами, действовавшими в течение всей истории» России и «выработавшими из нее то, чем она стала ныне». И. В. Биркбек говорил также о роли древних столиц, Киева и Владимира, в собирании русской земли, о значении Кремля в становлении самодержавной власти, что должно было вызвать сочувственный отклик Н. Ф. Федорова. – *295.*

[7] Этот вопрос, по инициативе Н. Ф. Федорова, был направлен С. А. Белокуровым в комитет X Археологического съезда, который должен был состояться в Риге в августе 1896 г. (см. примеч. 32 к «Самодержавию» – Т. II наст. изд., с. 443–444). – *296.*

[8] Цитата из статьи В. Н. Мак-Гахан «Поступательное движение православия в Соединенных Штатах» // Русское обозрение, 1895, № 9, с. 207. Статья «Обыденные храмы и ревивали» (впоследствии вошла в работу «О значении обыденных церквей» – см. примеч. 71 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 602), идея которой зарождается в данном письме, была отправлена к В. Н. Мак-Гахан в августе 1896 г. (см. примеч. 4 к письму 122). – *296.*

109. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

27 октября 1895. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 67, л. 14–14 об.

[1] См. примеч. 2 к предыдущему письму. – *296.*

[2] В Рязани Н. Ф. Федоров планировал навестить вдову Д. П. Лебедева М. С. Лебедеву и ее семью (см. примеч. 44 к разделу «Приложения» «Письма Н. Ф. Федорову разных лиц»). – *296.*

[3] К рукописи статьи «Самодержавие», которую Н. П. Петерсон переписывал и высылал Н. Ф. Федорову. – *296.*

[4] Речь идет о стихотворении В. А. Кожевникова «Призыв» (см. его в Т. III наст. изд., с. 537–538). – *296.*

110. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

После 27 октября 1895. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 34, лл. 70–70 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 301–302). Ранее опубликовано: *Контекст 1988*, с. 332–333; *Сочинения 1994*, с. 364–366. В Т. IV наст. изд. письмо было датировано «после 27 октября 1895 г.»: в нем упоминается стихотворение В. А. Кожевникова «Призыв», написанное незадолго до этой даты, и дается ссылка на письмо Н. Ф. Федорова Н. П. Петерсону от 27 октября 1895 г. (письмо 109). В настоящее время появилась возможность несколько уточнить эту датировку, отнеся данное письмо к ноябрю – началу декабря 1895 г. (именно к этому времени относится упоминаемое в нем стихотворение в прозе С. П. Бартенева – см. примеч. 33 к разделу «Приложения» «Письма Н. Ф. Федорову разных лиц»).

[1] Текст этого стихотворения в письме С. П. Бартенева к Н. Ф. Федорову см. в Т. IV наст. изд., с. 636. Ответное письмо Н. Ф. Федорова С. П. Бартеневу с разбором стихотворения см. в наст. томе. – *296.*

[2] В стихотворении С. П. Бартенева есть строка, относящаяся к самому Федорову: «Пророк Духа животворящего зовет к делу всеобщему» (см. примеч. 34 к разделу «Приложения» «Письма Н. Ф. Федорову разных лиц»). – *297.*

[3] Речь идет о стихотворении В. А. Кожевникова «Призыв». Начальные его строки, также относящиеся к Федорову: «Брат, проснись! Зарею ясной // Засиял Восток: // К жизни вечной речью страстной // Нас зовет пророк» (первоначальный вариант: «Брат, проснись! Зарей багровой // Засиял Восток: // К жизни вечной, к жизни новой // Дня зовет пророк»). Н. Ф. Федоров, отрицательно относившийся ко всяческому превознесению его личности, ниже стремится дать свое толкование слову «пророк», употребленному в обоих стихотворениях, представить его как «слово собирательное», а призыв к общему делу – как плод коллективного, соборного труда не только его самого с учениками, но «и многих других, которые, сами не подозревая, участвовали в нем!»

Своего рода откликом Н. Ф. Федорова на стихотворения С. П. Бартенева и В. А. Кожевникова, помимо письма к С. П. Бартеневу и фрагмента «Набат к светским и духовным...» (Т. IV наст. изд., с. 202–203), можно считать заметку «Конец сиротства; безграничное родство», представляющую собой стихотворение в прозе (Т. II наст. изд., с. 202–203). – *297.*

[4] В письме от 27 октября 1895 (№ 109). – *297.*

[5] Речь идет о переводе проф. А. А. Некрасова (см. примеч. 126 к «Статьям и заметкам разного содержания»). – *297.*

[6] Речь идет о Якобе Михаэле Рейнхольде *Ленце* (1751–1792) – немецком писателе, одном из драматургов и теоретиков течения «Буря и натиск». В. А. Кожевников занимался «штюрмерством», в том числе и взглядами Я. Ленца, в связи с работой над книгой «Философия чувства и веры в ее отношении к рационализму XVIII в. и к критической философии» (см. в печатном издании: с. 255–271, 662–685). По всей видимости, он познакомил Н. Ф. Федорова с сочинением Я. Ленца «Заметки о театре»: «Anmerkungen über Theater» (1774), а также с книгой И. Г. Штёбера «Рёдерер из Страсбурга и его друзья» (I.G. Stöber. Röderer von Strassburg und seine Freunde, Colmar, 1874), в которой были приведены тексты двух рефератов, написанных Я. Ленцем для чтения в кружке Зальцмана в начале 1870-х гг.: «Versuch über das erste Prinzipium der Moral» («Опыт исследования первого принципа морали») и «Über Entwurf eines Briefes an einer Freund der auf Akademien Theologie studiert» («Набросок письма к другу, изучающему богословие в академии»). Размышляя о природе человека, Ленц приходил к выводу о том, что «стремление к непрерывному совершенствованию», к противостоянию «вековечным и неизбежным законам» «земного существования» является коренным ее свойством. Основные принципы человеческой нравственности – «стремление к

совершенству» и «стремление к блаженству», причем усилие совершенствования становится залогом достижения блаженства. По убеждению Ленца, человеку, существу самостоятельному и свободно действующему, свойственно «врожденное стремление идти по стопам того бесконечно свободного существа, которое проявляет себя в мире. Подражать ему, повторять в малом его творение, доставляет нам блаженство, возвышает наше существование, возвышает нас самих в собственных глазах» (М. Н. Розанов. Поэт периода «бурных стремлений» Якоб Ленц, его жизнь и произведения. М., 1901, с. 175–176). В творчестве человек приближается к Богу, обретает сверхприродную, божественную способность, созерцая природу, обнять ее сразу и целиком, «одним взглядом проникнуть в глубочайшую сущность всех существ, одним чувством воспринять все блаженство, разлитое в природе» (цит. по: М. Н. Розанов. Указ. соч., с. 176).

Представления Я. Ленца о назначении человека и смысле творчества прочитывались Н. Ф. Федоровым на фоне его собственных антропологических и эстетических идей, философ переосмыслял их, наполняя активно-христианским содержанием: так, если, по Ленцу, способностью к всеохватности видения и понимания, к уподоблению Творцу в акте творчества обладают лишь избранные, гении (они «соль земли, они – светочи, они смело шагают за границы обыкновенной человеческой природы. Человек обыкновенный должен прибегать к цепи умозаключений для познания и понимания всего окружающего. Гений же, подобно ангелам и духам, проникает в сущность вещей посредством пристального созерцания их» (цит по: М. Н. Розанов. Указ. соч., с. 177)), то для Федорова такой способности достигает весь объединенный человеческий род, вставший на путь всеобщего дела. – *297.*

[7] Федоров цитирует «Заметки о театре» Я. Ленца (см. примеч. 6). Выражение в скобках «коллективно весь человеческий род» принадлежит ему самому. – *297.*

111. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

30 октября 1895. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, л. 24–24 об. (краткое содержание письма изложено Н. П. Петерсоном: к. 4, ед. хр. 6, л. 6 а).

[1] См. примеч. 2 к письму 108. – *298.*

[2] Н. Ф. Федоров послал Н. П. Петерсону седьмой номер «Русского архива» за 1895 г., где была напечатана его заметка «Еще об историческом значении царского титула». – *298.*

112. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

15 ноября 1895. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, лл. 25–27 об. (копия части письма рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 61–61). Ранее частично опубликовано: «Путь», 1929, № 18, с. 12–14.

[1] Намерение Н. Ф. Федорова выйти в отставку и приехать в Воронеж к Н. П. Петерсону не было реализовано. В конце октября 1895 г. сослуживцами и почитателями Н. Ф. Федорова был составлен адрес с целью убедить его не покидать Румянцевский музей (адрес подписал и Л. Н. Толстой – см. примеч. 100 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве»). Н. Ф. Федоров, узнав об этом, чтобы избежать подношения адреса и публичной благодарности, вынужден был остаться на службе. – *298.*

[2] 23 ноября по старому стилю – день свт. Митрофана, епископа Воронежского. – *298.*

[3] См. примеч. 360 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 648. – *298.*

[4] Тезис о необходимости сближения с Англией Н. Ф. Федоров выдвигал в связи с заключенным весной 1895 г. англо-русским соглашением по Памиру (см. примеч. 1 к письму 60). – *299.*

[5] См.: примеч. 42 к разделу «Приложения», «Письма Н. Ф. Федорову разных лиц». – *299.*

[6] Стефан Егорович *Зверев* (1860–1920) – воронежский краевед, историк, археограф, инициатор создания и руководитель Воронежского губернского музея. В августе 1894 г. С. Е. Зверев принял священнический сан; с 1894 по 1918 гг. являлся настоятелем церкви и законоучителем Михайловского кадетского корпуса г. Воронежа. О С. Е. Звереве, а также о его взаимоотношениях с Н. Ф. Федоровым см.: А. Акиньшин, В. Алленова. Отец Музея // Воронежский курьер, 1 марта 1994; В. Алленова. С. Е. Зверев – создатель Воронежского губернского музея // Из истории воронежского края: Сб. статей. Вып. 7. Воронеж, 1998, с. 118–135. – *299.*

113. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Декабрь 1895. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, л. 5–5 об. (копия рукой Н. П. Петерсона с примечаниями В. А. Кожевникова – к. 4, ед. хр. 6, л. 56). Ранее опубликовано: «Евразия», 4 мая 1929, № 24, с. 7.

Датируется по содержанию.

[1] Статья В. А. Кожевникова «Международная благодарность», посвященная картине художника Н. С. Матвеева «Король Прусский Фридрих Вильгельм III с сыновьями благодарит Москву за спасение его государства», была написана в конце осени – начале зимы 1895 г. (напечатана: «Русский архив», 1896, № 2). Как вспоминал сам Кожевников, статья писалась «по внушению и указаниям Н<иколая> Ф<едорови>ча» (ОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр. 6, л. 56), и в данном письме Н. Ф. Федоров набрасывает новые штрихи к сюжету поклонения Кремлю прусского короля (позднее сам этот сюжет со ссылкой на статью «Международная благодарность» Н. Ф. Федоров привел в заметке «О Румянцевском музее» – см. Т. III наст. изд., с. 107–109). – *300.*

[2] См. примеч. 255 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 628. – *300.*

[3] *Киселев* – см. примеч. 253 к «Отечествоведению» – там же. Книжное собрание *П. Я. Чаадаева*, подаренное библиотеке Московского Публичного и Румянцевского музеев племянником и биографом философа М. И. Жихаревым, помещалось на верхней галерее залы G (эта зала находилась точно посредине здания Пашкова дома, и в ней располагалась библиотека императрицы Александры Федоровны). См.: «Путеводитель по библиотеке Московского Публичного и Румянцевского музеев». М., 1896. – *300.*

[4] Это примечание Н. П. Петерсона – отголосок споров, возникавших в переписке его с В. А. Кожевниковым 1909–1916 гг. Об отношении В. А. Кожевникова в период подготовки III т. «Философии общего дела» к идеям Н. Ф. Федорова см. преамбулу к комментарию к Т. III наст. изд., с. 565–567. – *300.*

114. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

27 декабря 1895. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, лл. 28–30 (копия рукой Н. П. Петерсона с примечаниями В. А. Кожевникова – к. 4, ед. хр. 6, лл. 63–63). Ранее опубликовано: «Евразия», 4 мая 1929, № 24, с. 7.

[1] Статья В. А. Кожевникова «Международная благодарность» первоначально была обширнее того текста, который появился в № 2 «Русского архива» за 1895 г. Помимо разбора картины Н. С. Матвеева (первая часть статьи), она содержала изложение проекта международного книгообмена (вторая часть статьи), но уже применительно не к России и Франции, как в 1891 г., а к России и Германии. Н. Ф. Федоров называет автором идеи разделения статьи на два номера журнала Ю. П. Бартенева, В. А. Кожевников – П. И. Бартенева. Скорее всего, эта идея действительно принадлежала П. И. Бартеневу, который стремился решать все вопросы по подбору и редактуре материала самостоятельно, а Ю. П. Бартенев лишь передал намерение отца В. А. Кожевникову. В конце концов статья была просто сокращена. В напечатанном тексте проекту обмена был посвящен самый конец статьи. После сообщения о том, что «в состав книгохранилища Музея вошла и библиотека Императрицы Александры Феодоровны, и даже помещается она как раз в центре здания, под тем самым местом, откуда когда-то отец составительницы этой библиотеки приветствовал Москву как спасительницу Германии», В. А. Кожевников писал: «Таким образом под сенью Московского Публичного Музея нашли себе приют лучшие произведения самой блестящей поры литературного развития Германии, немецкого возрождения конца прошлого века и начала нынешнего. Наиболее ценные дары немецкой мысли, помещаясь здесь рядом с произведениями науки и литературы русской, продляют в области искусства и знания общение, установившееся между Западом и Востоком, благодаря событиям политическим. И это второе объединение носит уже вполне мирный характер: всем полезное, оно не идет в ущерб никому, и само нуждается только в одном – в возможно большем упрочении и расширении, то есть в превращении случайного духовного общения в постоянное и правильное и в распространении его на остальные главные, а со временем и на все европейские нации.

Два или три года тому назад был поднят вопрос о международной конвенции для обмена ученых и литературных произведений; вопрос этот, вышедший из стен Музея, и есть вопрос об установлении одного из наиболее действительных средств к мирному объеди-

нению народов Запада и Востока в одну общечеловеческую, родную духом семью. Содействуя собиранию воедино результатов всего человеческого знания, это духовное общение было бы уже приступом к выполнению общего долга, началом общего дела. Вместе с тем это было бы и исполнением общей обязанности: наш век, который так много толкует о правах, но недостаточно часто вспоминает об обязанностях и почти вовсе не понимает еще смысла обязанности добровольной, наш век в факте этого международного духовного общения явил бы миру высокий пример священной добродетели – международной благодарности, искупающей тяжкий грех прошлого, грех международного раздора» («Русский архив», 1896, № 2, с. 264–265). – *300.*

[2] См. примеч. 137 к «Статьям и заметкам разного содержания». – *301.*

[3] Это письмо В. А. Кожевникова к Н. Ф. Федорову не сохранилось. – *302.*

1896

115. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

15 февраля 1896. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, е. хр. 68, лл. 31–31 об. (копия части письма рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 9, л. 29).

[1] О первом листе какой именно рукописи Н. Ф. Федорова идет речь, установить не удалось. Возможно, это был текст работы «Самодержавие», которая писалась Н. Ф. Федоровым летом 1895 г. Осенью того же года мыслитель, по всей видимости, продолжил работу по присланной ему Н. П. Петерсоном копии, и в начале 1896 г. Н. П. Петерсон начал новую переписку статьи. Речь также может идти о статье, которую Федоров называл статьей «О храмах обыденных и спасообыденских в особенности» и которая легла в основу работы «О значении обыденных церквей»: как следует из письма Н. Ф. Федорова Н. П. Петерсону от января–февраля 1898 г. (№ 136), «на первом листе» этой рукописи было приведено различие между западными и русскими храмами (возможно, именно в этом фрагменте должно было находиться пропущенное Петерсоном слово «романское», которое ниже приводит Федоров). – *303.*

[2] См. примеч. 1 к письму 114. – *303.*

[3] Обе статьи принадлежали Н. Ф. Федорову (см. их в Т. III наст. изд., с. 107–111). – *303.*

[4] Эта заметка, по всей видимости принадлежавшая Н. Ф. Федорову, не разыскана. – *303.*

[5] 8 января 1896 г. скончался директор Московского Публичного и Румянцевского музеев В. А. Дашков. Высочайший указ о назначении новым директором Музеев М. А. Веневитинова последовал 14 февраля 1896 г. («Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1896 год». М., 1897, с. 33), однако Н. Ф. Федоров в момент написания письма еще не знал об этом. – *303.*

116. Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН – В. А. КОЖЕВНИКОВУ

22 марта 1896. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 24, лл. 19–20 об. Автограф – рукой Н. П. Петерсона с припиской Н. Ф. Федорова. Копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 19–20. Ранее опубликовано: «Евразия», 4 мая 1929, № 24, с. 7; «Начала», 1993, № 1, с. 70–71.

Письмо написано Н. Ф. Федоровым из Воронежа, куда он приехал на Пасху к Н. П. Петерсону в середине марта 1896 г. Подробнее о пребывании Н. Ф. Федорова в Воронеже весной 1896 г. см. письма Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 18 апреля и между 18 и 21 апреля 1896 г. в Т. IV наст. изд., с. 603–605.

Ответ В. А. Кожевникова от 26 марта 1896 г. см.: там же, с. 595–596.

[1] См. примеч. 1 к письму 113. – *303.*

[2] См. примеч. 245 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 626. – *304.*

[3] Предложение поставить на бельведере дома Пашкова скульптурное изображение эпизода поклонения Фридриха Вильгельма III и его сыновей Кремлю принадлежало самому Федорову; В. А. Кожевников высказал его в статье «Международная благодарность». – *304.*

[4] Свое «Величание Пасхи» Н. Ф. Федоров строит по образцу стихир Пасхи, исполняемых во время пасхальной утрени. – *304.*

[5] Ю. П. Бартеневу и Н. С. Бартеневой. *Глубокоуважающий ∞ и его супруге* – написано рукой Н. Ф. Федорова. – *304*.

[6] После выхода статьи «Международная благодарность» Н. Ф. Федоров, еще до отъезда в Воронеж, побуждал В. А. Кожевникова продолжить кремлевскую тему, затрагивавшуюся как в этой статье, так и в его предыдущих статьях в «Русском архиве» («Плач церквей Московских», «Стены Кремля»). Новая статья, которую он предлагал написать Владимиру Александровичу, должна была быть посвящена «башням Кремля» и развивать идеи о воспитательном значении колокольной музыки и ее роли в деле литургизации жизни (набросок этих идей см. в заметке «Поющая башня Кремля» – Т. III наст. изд., с. 101–102).

Судя по ответу В. А. Кожевникова от 26 марта 1896 г., тема статьи заинтересовала его. Им был написан очерк «Власть звука. Мысли о воспитательно-образовательных задачах музыки», однако Н. Ф. Федорова он не удовлетворил (см. заметки «По поводу статьи В. А. Кожевникова “Власть звука”» в Т. III наст. изд., с. 455–457). – *304*.

[7] С. П. Бартеневу. – *304*.

[8] Духовная опера А. Г. Рубинштейна «Христос» (см. примеч. 149 к разделу «Статьи и заметки о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве») «в семи картинах с прологом и эпилогом» представляла основные вехи земной жизни и проповеди Спасителя: искушение, призвание учеников, воскрешение сына вдовы, вход в Иерусалим, прощальная беседа с учениками, суд Пилата и распятие. Крестной смертью Христа кончалась седьмая картина. Сцена эпилога представляла множество людей «всех национальностей и возрастов», собравшихся вокруг креста с апостолами Павлом, Петром и Иоанном во главе и поющих славу Сыну Божию: «Он есть любовь и дает любовь. // За тебя, о мир, он умер. // За тебя воскрес из мертвых, // Чтобы открыть ворота вечности. [...] // Все мы верим в Сына, // Исходящего от Отца и победившего смерть» (Christus. Geistliche Oper in 7 Vorgängen. Leipzig, 1896). – *304*.

[9] См. примеч. 136 к «Статьям разного содержания». – *304*.

[10] Это письмо В. А. Кожевникова к Н. П. Петерсону не сохранилось. – *304*.

[11] Н. Ф. Федоров, собираясь в Воронеж на Пасху, получил в канцелярии Музеев свидетельство «для проезда в Воронежскую губернию и обратно в Москву» на срок от 16 до 26 марта 1896 г. Представляется неясным, принял ли Федоров решение отправить из Воронежа прошение об отставке еще в Москве, или же оно созрело уже на месте, в пасхальные дни, – как это бывало еще в молодые годы философа: именно весной, в канун праздника Пасхи или после него случалось ему оставлять службу в очередном уездном училище; а 31 марта 1880 г. датировано первое прошение Федорова об отставке, представленное директору Музеев (Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 32). Действительно, каждый год перед Пасхой Николая Федоровича охватывало особое волнение: ведь приближались дни, когда всем миром праздновалось главное чаяние его учения. В это время он испытывал особый подъем сил, влекся к обновлению, к прямому действию. А этим действием было для него прежде всего изложение идей и проектов «всеобщего дела», полное, убедительное, способное увлечь людей. Резко усиливалась тревога и укор себе: уходят годы, силы иссякают – и вот уже библиотечная служба по счету его главного призвания предстает чуть ли не «бесцельным трудом», предательством главного, своего рода ловушкой – да, весьма почтенной и умилительной для многих: какая скромность, умаление себя, служение ближнему, пусть малое, но немедленное! – но все-таки ловушкой.

Кроме того, посылая прошение об отставке из другого города, Н. Ф. Федоров, вероятно, надеялся, что у сослуживцев и посетителей Музеев будет меньше возможности уговорить его остаться, как это произошло в ноябре 1895 г.

В личном деле Н. Ф. Федорова это прошение об отставке не сохранилось. – *304*.

117. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

2 апреля 1896. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. 32, лл. 7–9 об. (копия рукой Н. П. Петерсона и В. А. Кожевникова с примечаниями В. А. Кожевникова – к. 4, ед. хр. 6, лл. 67–70).

Ранее опубликовано: «Евразия», 4 мая 1929, № 24, с. 7–8; «Начала», 1993, № 1, с. 71–72.

[1] Речь идет о картине Н. С. Матвеева «Король Прусский Фридрих Вильгельм III с сыновьями благодарит Москву за спасение его государства» (см. примеч. 251 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 627–628). Судя по данному письму, Н. С. Матвеев должен был набросать и проект скульптурного памятника на сюжет своей картины, идея установки которого на бельведере дома Пашкова была выдвинута Н. Ф. Федоровым. В настоящее

время фотоснимок картины Н. С. Матвеева, подаренный художником Московскому Публичному и Румянцевскому музеям, хранится в фондах РГБ (впервые он был экспонирован на выставке «Пашков дом в жизни Москвы», состоявшейся 15–18 июня 1999 г.). – *305.*

[2] Это письмо Н. С. Матвеева к Н. Ф. Федорову не сохранилось. – *305.*

[3] *Киселев* (см. примеч. 253 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 628). – *305.*

[4] Первоначальный вариант «Величания...» см. в письме 116. – *305.*

[5] Текст этого письма В. А. Кожевникова Н. Ф. Федорову см. в Т. IV наст. изд., с. 595–596. – *305.*

[6] См. примеч. 8 к письму 116. – *306.*

[7] Ю. П. Бартеневу и Н. С. Бартеневой. – *306.*

118. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

26 апреля 1896. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, лл. 34–35 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 71).

[1] Н. Ф. Федоров вернулся из Воронежа в Москву 24 апреля 1896 г. Дело с отставкой, ходатайство о которой он отправил новому директору Музеев М. А. Веневитинову еще 22 марта, снова не было доведено до конца. М. А. Веневитинов в трех не дошедших до нас письмах, посланных в первой половине апреля (см. письмо Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 18 апреля 1896 г. в Т. IV наст. изд., с. 604–605), убедительно просил Федорова прослужить в Музеях еще хотя бы некоторое время, и Н. Ф. Федоров, чтобы его отставка не выглядела нежеланием служить под управлением нового директора, согласился. – *307.*

[2] Николай Иванович *Боборыкин* (1852–1919) – сослуживец Н. Ф. Федорова по библиотеке Московского Публичного и Румянцевского музеев. Работал в этом учреждении с 1877 г. до самой кончины: с 1877 по 1888 – «исправляющий должность» помощника библиотекаря; в 1888 г. в этой должности утвержден; с 1912 г. – помощник заведующего читальным залом, затем – библиотекарь. По отчетам Московского Публичного и Румянцевского музеев и по документам, сохранившимся в личном деле Н. И. Боборыкина (Архив РГБ, оп. 22, д. 83), он проходит как «Николай Иванович», Федоров называет его «Николаем Николаевичем» (ср. в письме А. Е. Викторову от 16 мая 1882 г.). Это объясняется тем, что Н. И. Боборыкин являлся незаконнорожденным сыном дворянина Николая Николаевича Боборыкина (1810 – после 1877), который в 1872–1874 гг. служил в библиотеке Музеев также помощником библиотекаря (Архив РГБ, оп. 126, д. 7), а затем был перемещен в Министерство внутренних дел в Главное управление по делам печати. Отчество Николай Боборыкин получил по имени крестного отца Ивана Космина, фамилию же ему дал Н. Н. Боборыкин, взявший сына в качестве воспитанника. В Музеях, куда молодой Боборыкин пришел служить вслед за отцом, его звали «Николай Николаевич». Кстати, и в рапорте библиотекаря Музеев Е. Ф. Корша директору В. А. Дашкову от 20 августа 1877 г., где была изложена рекомендация принять Боборыкина «исправляющим должность» помощника библиотекаря для его испытания (растянувшегося почти на 12 лет), рядом с фамилией будущего сотрудника значились инициалы «Н. Н.», а не «Н. И.» (Архив РГБ, оп. 22, д. 83, л. 2). По свидетельству Г. П. Георгиевского, к назначению Н. И. Боборыкина помощником библиотекаря имел отношение Н. Ф. Федоров, отказавшийся от предложенной ему В. А. Дашковым вакансии в пользу Николая Ивановича, крайне нуждавшегося и обремененного семьей (см. примеч. 2 к письму 71). Егор Иванович *Соколов* – родился 20 февраля 1852 г. По окончании курса Московской духовной семинарии служил помощником библиотекаря Московской Епархиальной библиотеки. С ноября 1878 г. начал работать младшим чиновником для письма при канцелярии Московского Публичного и Румянцевского музеев. В июне 1885 г. оставил эту должность, поступив вскоре на службу в книгохранилище Московского университета помощником библиотекаря, где проработал более двадцати лет. Связи с библиотекой Музеев при этом не прервались: Е. И. Соколов периодически оказывал безвозмездную помощь ее сотрудникам в разборке и каталогизации книг (так, в 1892–1894 гг. вместе с Н. И. Боборыкиным, С. Д. Крыловым, А. Н. Смирновым он разобрал и каталогизировал библиотеку Н. С. Тихонравова // Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1892–1894 гг. М., 1895, с. 70). По свидетельству Н. П. Петерсона, Е. И. Соколов был «большим почитателем» Н. Ф. Федорова (ОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр. 6, л. 71). В 1902 г., когда Федоров жил в Воскресенске, у стен «Нового Иерусалима», Е. И. Соколов навещал его там, а затем помог перебраться в Москву (см. письмо 272). – *307.*

[3] См. письма 116, 117. – *307.*

119. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

28 мая 1896. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, лл. 36–37 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 72). Частично опубликовано: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 204. Ответ Н. П. Петерсона от 30 мая 1896 г. см. в Т. IV наст. изд., с. 591.

[1] Речь идет о Коронационной выставке в Воронежском Губернском музее (работала с 14 по 30 мая 1896 г.), организованной, с подачи Н. Ф. Федорова, руководителем музея свящ. С. Е. Зверевым (подробнее см. примеч. 324 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 638–639). – *308.*

[2] Речь идет о заметке «Коронационная выставка» («Дон», 19 мая 1896, № 54). См. о ней там же. – *308.*

[3] 24 мая 1896 г. в № 58 газеты «Воронежский телеграф» появилась заметка «Выставка в музее в коронационные дни», так описывавшая выставку: «В двух залах музея посещавшая выставку публика могла видеть гравюры и фотографии, изображающие сцены, относящиеся к событию избрания на царство, бракосочетания и Священного Коронования первого государя из дома Романовых, гравюры, фотографии и рисунки, изображавшие [...] коронование государей Алексея Михайловича, Петра I и далее до Александра III. Собрание гравюр, рисунков и предметов, относящихся к коронованию Государей Николая I, Александра II и Александра III, отличалось особою полнотою, вследствие чего выставка получала интерес современности в глазах публики». О статье о выставке, помещенной в газете «Воронежские губернские ведомости» (25 мая 1896 г., № 37), см. примеч. 134 к разделу «Приложения» «Письма Н. П. Петерсона Н. Ф. Федорову». – *308.*

[4] Федоров имеет в виду заметку, появившуюся в № 146 «Московского листка» от 26 мая 1896 г. под рубрикой «По городам и селам»: «Воронеж. 16 мая». Корреспондент газеты сообщал о праздничных мероприятиях, организованных в городе по случаю коронации Николая II и Александры Федоровны: торжественные церковные службы, церковный парад на плацу Михайловского кадетского корпуса, праздничный обед в доме губернатора и благотворительные бесплатные обеды в странноприимном доме Митрофановского монастыря, в домах трудолюбия и ночлежном, в богадельнях и тюрьмах; народные гулянья, бесплатное чтение об избрании на царство Михаила Федоровича Романова, устроенное Комиссией народных чтений, дневные и вечерние спектакли, наконец, праздничная иллюминация, первая в Воронеже. В перечне мероприятий Коронационная выставка в Воронежском Губернском музее не была упомянута. – *308.*

[5] Статья С. Д. Чистякова «Заметка по поводу истории нашей армии. Русский солдат в дни народных бедствий» («Русский инвалид», 23 апреля 1896, № 91), написанная по внушению Н. Ф. Федорова, была перепечатана в газете «Русское Слово» от 22 мая 1896 г. со ссылкой на «Русский инвалид». – *308.*

[6] Сестра Н. П. Петерсона Елизавета Павловна *Петерсон* (в замужестве – Добротина) «имела свою частную прогимназию в Нижнем Ломове Пензенской губернии и была начальницей прогимназии» (З. П. Новак (урожд. Петерсон). Воспоминания // ОР РГБ, ф. 657, к. 11, ед. хр. 19, л. 2.). В письме В. А. Кожевникову от 18 апреля 1896 г. Н. П. Петерсон сообщал о намерении Е. П. Петерсон устроить коронационную выставку и просил помочь указаниями и советами (Т. IV наст. изд., с. 603–604). В. А. Кожевников в ответ на это прислал несколько книг, которые Н. П. Петерсон тотчас отправил в Нижний Ломов (письмо Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 4 мая 1896 г. см.: там же, с. 605).

Ответ на вопрос Н. Ф. Федорова, «была ли выставка в Ломове», см. в письме к нему Н. П. Петерсона от 30 мая 1896 г. (там же, с. 591). – *308.*

120. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

6 июня 1896. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, л. 33–33 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 9).

[1] Это письмо Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову не сохранилось. – *308.*

[2] Статья Н. П. Петерсона в «Воронежских губернских ведомостях» не появилась; текст ее утрачен. – *309.*

121. Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН – В. А. КОЖЕВНИКОВУ

15 июля 1896. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 3, ед. хр. 3, лл. 114–115 об. Автограф – рукой Н. П. Петерсона. Копия части письма рукой Н. П. Петерсона – там же, лл. 113, 122. Ранее опубликовано: *Философия бессмертия и воскрешения.* Вып. 2, с. 226–228.

Письмо написано из Воронежа, куда Н. Ф. Федоров приехал в июле 1896 г.: отпускное свидетельство на срок с 15 июня по 15 августа 1896 г. было зарегистрировано в Воронеже 10 июля по адресу Н. П. Петерсона: «Дом Скрябина № 4 на Острожном бугре» (см.: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 205). Где он провел период с 15 июня по 10 июля, неизвестно: возможно, гостил в это время в Рязани, в семье покойного Д. П. Лебедева, с которой поддерживал теплые и сердечные отношения.

Письмо написано рукой Н. П. Петерсона, речь в нем ведется от первого лица единственного числа и подписано письмо лишь его собственной фамилией. Содержание же письма не оставляет никаких сомнений в том, что перед нами текст самого Федорова. По всей видимости, Н. Ф. Федоров побудил Н. П. Петерсона отправить письмо с содержащимися в нем советами как бы от него самого – к подобным приемам мыслитель прибегал не однажды.

[1] С. Г. Рыбаков. Церковный звон в России. СПб., 1896. – *309.*

[2] О статье В. А. Кожевникова «Стены Кремля» и выраженных в ней идеях о назначении искусства см. примеч. 212, 223 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 621–622, 623. О статье, посвященной «воспитательно-образовательному значению музыки» (Н. Ф. Федоров предлагал для нее название «Поющий Кремль...», а В. А. Кожевников, по окончании работы, назвал ее «Власть звука»), см. примеч. 2 к письму 123. – *309.*

[3] Заметка Н. Ф. Федорова в «Археологических известиях и заметках» за 1896 г. не появлялась. Текст ее утрачен. – *309.*

[4] Запрос о колокольных звонах на X Археологический съезд в Риге, состоявшийся с 1 по 20 августа 1896 г., по всей видимости, послан не был. – *309.*

[5] С деятельностью священника Аристарха Александровича *Израилева* (1817–1901), протоиерея г. Ростова, было связано движение за возрождение в России мастерства церковного звона, которое в послепетровское время находилось в упадке. Им был опубликован целый ряд статей о колокольных звонах, восстановлено и распространено забытое гармоническое настраивание колоколов. Особенно много сделал о. Аристарх Израилев для введения в церковную практику мелодического колокольного звона. Оценивая в своей книге заслуги пастыря, С. Г. Рыбаков в то же время высказывал сомнение в том, что «идея мелодического звона» «имеет будущность». По его убеждению, она «плохо вяжется с характером колокольного звона» и противоречит традиции этого звона, сложившейся в России, где важна не мелодия, а ритмический рисунок. Введение же в русский церковный звон мелодии «совершенно нарушило бы его характер, явилось бы чем-то чуждым ему, странным, несовместимым с впечатлением, которое мы, русские, издавна привыкли воспринимать от церковного звона. Колокола русские, – подчеркивал Рыбаков, – имеют собственную музыку, не мелодическую, а ритмическую. В отдельных случаях можно, конечно, ради любопытства осуществлять идею мелодического звона, но было бы странным вообще слышать с высоты колоколен на языке, так сказать, колоколов мелодии, которые до сих пор раздавались и производили впечатление в исполнении человеческих голосов» (С. Г. Рыбаков. Указ соч., с. 46). – *309.*

[6] Была ли представлена книга С. Г. Рыбакова на X Археологический съезд в Риге, неизвестно. Письмо Н. Ф. Федорова С. Г. Рыбакову не обнаружено. – *310.*

[7] Эти сведения Н. Ф. Федоров почерпнул из книги А. П. Лопухина «Заокеанский Запад в религиозно-нравственном отношении» (СПб., 1887); подробнее см. примеч. 73 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 602. – *310.*

122. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

7 августа 1896. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 29, лл. 75–76 об. Автограф – рукой Н. П. Петерсона с припиской Н. Ф. Федорова. Копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, лл. 118–119). Ранее опубликовано: «Начала», 1993, № 3, с. 30–31; *Философия бессмертия и воскрешения.* Вып. 2, с. 228–229.

[1] Письмо В. А. Кожевникова с программой указанной статьи не сохранилось (подробнее см. примеч. 2 к письму 123). – *311.*

[2] Речь идет о статье Н. Ф. Федорова «Обыденные храмы и ревивали» (см. примеч. 71 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 602). – *312.*

[3] См. примеч. 7 к письму 108. – *312.*

[4] Намерение обратиться с письмом к В. Н. Мак-Гахан и послать ей статью об обыденных храмах и ревивалях возникло у Н. Ф. Федорова еще осенью 1895 г. (см. письма 106, 108 и примеч. к ним). В августе 1896 г. письмо было отправлено, но ответа на него Н. Ф. Федоров не получил. Позднее В. А. Кожевников, делая общий обзор движения за собирание сведений о храмах обыденных и сообщая, между прочим, что запросы об обыденных храмах С. А. Белокурова и С. С. Слуцкого не были обсуждены на X Археологическом съезде в Риге, замечал: «Равным образом остался без ответа один частный аналогичный запрос, направленный в С<еверную> Америку» (В. А. Кожевников. Обыденные храмы в Древней Руси // Русский вестник, 1900, № 1, с. 194). – *312.*

[5] Говоря, что из статьи В. Н. Мак-Гахан об американских опытах вызывания искусственного дождя (см. примеч. 4 к письму 61) «выросло целое учение об обращении оружия в орудие спасения», Н. Ф. Федоров делает всего лишь реверанс в сторону американской журналистки. На самом деле эти идеи развивались Н. Ф. Федоровым еще в 1880-х гг. (см. письмо 44 и примеч. 6 к нему, письмо 46; а также письмо Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову от 3 мая 1884 г. в Т. IV наст. изд., с. 588). – *312.*

[6] *Глубокоуважающий ∞ 7 августа* – написано рукой Н. Ф. Федорова. Фраза «Бывший острожный бугор, а *ныне* говорящий картинами и поющий Воронежский Кремль» и дата «7 августа 1932 г.», проставленная под письмом, как бы переносят в будущее, когда, по мысли Федорова, проект обращения кремлей древнерусских городов в воспитательные музеи будет осуществлен (ср. написанную позднее статью «Воронежский музей в 1998 году»). 7 августа 1932 г. упомянуто в письме потому, что в этот день и год должно было праздноваться столетие со дня открытия мощей свт. Митрофана Воронежского. – *312.*

123. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

1 сентября 1896. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, лл. 25–26 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, лл. 116, 121).

[1] Это письмо В. А. Кожевникова к Н. П. Петерсону не сохранилось. – *312.*

[2] Письма 116, 121, 122, а также письмо В. А. Кожевникова к Н. Ф. Федорову от 26 марта 1896 г., позволяют уточнить примечание к заметке «По поводу статьи В. А. Кожевникова “Власть звука”» (Т. III наст. изд., с. 711–712, примеч. 12). Во-первых, идея статьи В. А. Кожевникова «Власть звука» принадлежала самому Н. Ф. Федорову (в комментарии сказано, что Н. Ф. Федоров «откликнулся на замысел новой статьи»). Во-вторых, название «Поющий Кремль, или Башни Кремля, что они есть и чем должны быть» было предложено Н. Ф. Федоровым с самого начала. В-третьих, весной 1896 г. В. А. Кожевников, по всей вероятности, еще не закончил статью. На это указывают: его собственное письмо от 26 марта 1896 г., в котором он сообщает, что только приступил к статье, и ссылается на занятость, а также письма Н. Ф. Федорова от 15 июля и 7 августа 1896 г., где говорится о статье «Поющий Кремль» в будущем времени и дается множество советов, какие именно идеи следует в ней отразить. Лишь в письме от 1 сентября 1896 г. речь идет об уже законченной статье, приводится ее название, данное самим В. А. Кожевниковым, – «Власть звука», – а также сообщается о том, что В. А. Кожевников был вынужден оставить статью после того, как Н. Ф. Федоров подверг ее критике.

Итак, статья «Власть звука», скорее всего, была написана В. А. Кожевниковым во второй половине лета 1896 г., а Н. Ф. Федоров ознакомился с ней в 10–20-х числах августа 1896 г. К тому же времени относятся и заметки «По поводу статьи В. А. Кожевникова “Власть звука”». – *312.*

[3] Речь идет о колониальных войнах: *итало-абиссинской*, или итало-эфиопской (декабрь 1895 – октябрь 1896, окончилась поражением Италии), и *англо-суданской* (1896–1898), завершившейся завоеванием Судана и превращением его в англо-египетскую колонию. – *312.*

[4] XVI Всероссийская промышленная и художественная выставка проходила в 1896 г. в Нижнем Новгороде (открылась 28 мая). Она состояла из 20 отделов (средне-азиатский, художественный, промышленно-художественный, кустарный, сибирский, пушных и рыбных промыслов, машинный, военный, фабрично-заводской, ремесленный, народного образования и здоровья и т. д.) и занимала площадь, втрое большую, чем промышленно-художественная выставка 1882 г. в Москве: ее экспонаты размещались в 55 казенных зданиях и 117 частных павильо-

нах. См.: А. Букеевский. Всероссийская выставка в Нижнем Новгороде («Русское обозрение», 1896, № 7, с. 428–442 – раздел «Внутреннее обозрение»). – *313.*

[5] См. письмо 121 и примечания к нему. – *313.*

[6] Что имеет в виду Н. Ф. Федоров, установить не удалось. В рамках художественно-промышленного отдела Нижегородской выставки был организован отдельный колокольный ряд. В один из дней посещения выставки царской семьей (17–20 июля 1896) на экспонируемых колоколах был произведен звон, а на одной колокольне была даже исполнена целая пьеса (см.: А. Букеевский. Посещение их императорскими величествами Нижнего Новгорода, его ярмарки и XVI Всероссийской художественной и промышленной выставки // Русское обозрение, 1896, № 8, с. 893–908 – раздел «Внутреннее обозрение»). – *313.*

124. В. С. СОЛОВЬЕВУ

Сентябрь 1896 – апрель 1897. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 32 (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 314–315).

Черновик письма к В. С. Соловьеву, поводом к которому стал замысел цикла статей философа «Воскресные письма», печатавшихся с начала 1897 г. в газете В. П. Гайдебурова «Русь» (всего 22 письма). В. С. Соловьев придавал большое значение этим коротким и лаконичным статьям, ориентированным на животрепещущие вопросы современности. «Некоторые из этих статей принадлежат к наиболее удачному, что когда-либо мною написано» (*Соловьев. 10*, 91).

Письмо относится ко времени третьего – и последнего – сближения Н. Ф. Федорова и В. С. Соловьева. Скорее всего, оно написано после какой-то личной встречи. Датировка письма достаточно широка. О замысле «Воскресных писем» В. С. Соловьев мог поведать Н. Ф. Федорову и до начала их публикации, во время одного из своих приездов в Москву – осенью или зимой 1896 г. Кроме того, письмо могло быть написано и в апреле 1897 г., когда Соловьев также приезжал в Москву (см. об этом в примеч. 175 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве»). Отправлено оно, по всей видимости, так и не было.

Идею В. С. Соловьева о цикле статей-откликов на важные вопросы современности Н. Ф. Федоров переосмысляет в духе своего учения, руководствуясь тем представлением о назначении литературы и журналистики, которое было к тому времени уже выражено в работе «Музей, его смысл и назначение» и статье «Авторское право и авторская обязанность, или долг» (Т. II наст. изд., с. 410–415, 428, 433–437). См. также более поздние статьи и заметки: «Пасхальные вопросы с программою их решения...» (Т. III наст. изд., с. 343), «Полемика и война, или “О двух войнах”», «Авторский долг и авторское право...» (Т. IV наст. изд., с. 103–105, 140).

[1] Шапка письма надписана над основным его текстом более мелкими буквами и, скорее всего, надписана позднее. Вверху листа 1 простым карандашом, вероятно уже после кончины В. С. Соловьева, рукой Н. Ф. Федорова была сделана надпись: «К биогра<фии> Солов<ьева>». – *313.*

[2] *Пасха ставросимон* – Пасха крестная (от греч. «σταυρός» – крест) – речь идет о Страстной седмице. *Пасха анастасимон* – Пасха воскресная (от греч. «ἀνάστασις» – воскресший) – речь идет о дне Пасхи Христовой (Светлое Воскресение). – *314.*

[3] Далее Н. Ф. Федоров набрасывает проект программы газеты, органа активно-христианского воспитания и просвещения, собирающего и вдохновляющего на всеобщее дело. В свете своих идей о «религиозно-нравственном» значении христианского календаря он предлагает каждый день недели посвящать тому тематическому блоку учения о воскрешении, на который наводят события Страстной седмицы, содержание Христовой проповеди в этот день, а также евангельские фрагменты, читаемые на церковных службах.

На полях листа 2 об. после последней фразы письма к В. С. Соловьеву набросан краткий перечень этих тем:

«Пон. О кончине мира.
Культ Цивил<изации> и жен<щин.>
Вт. Правосл<авие> и Самод<ержавие.>
Ср. Смысл погреб<ального> обряда.

Ч<етв.> Эвхаристия или Санитарно-Продовольственный и [несколько слов не разобрано].
8. Между дв<умя> Эвхар<истиями>».

По содержанию как этот набросок, так и комментируемая часть письма В. С. Соловьеву перекликаются с заметкой «*Христос – мученик долга воскрешения*, за исполнение этого долга пострадавший» (Т. III наст. изд., с. 397–398). – *314.*

[4] Тему «*первого отдела, соответствующего Понедельнику»* Н. Ф. Федоров берет из пророческой беседы Спасителя на горе Елеонской, в которой речь шла о конце времен и страшном суде, – так называемого «малого апокалипсиса» (Мф 24:3–51; Мф 25:1–46). Сама беседа была произнесена во вторник, 4 апреля 30 года, однако первый ее фрагмент (Мф 24: 3–35) читается на литургии Великого понедельника. – *314.*

[5] Намек на пацифистскую деятельность Берты фон Суттнер. – *314.*

[6] Речь идет о проповеди Л. Н. Толстого. – *314.*

[7] Во вторник, 4 апреля 30 г., когда Христос пришел в Иерусалимский храм, к Нему подступили ученики фарисеев, ревнителей национальной иудейской веры, и иродиане, приверженцы теократических прав династии Ирода, которые раболепствовали перед римской властью, всячески копируя эллинский стиль жизни, – с искушающим вопросом: «позволительно ли давать подать кесарю или нет?» (Мк 12:14). На этот вопрос Иисус, приказав принести динарий с вычеканенным на нем портретом императора Тиверия, ответил: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мк 12:17). – *314.*

[8] Центральным моментом среды 5 апреля 30 г., вспоминаемым в богослужении Великой Среды, стало помазание Христа миром на вечери в Вифании, прообразовавшее его погребение (см. примеч. 61 ко II части «Записки» – Т. I наст. изд., с. 476). – *314.*

[9] В четверг 6 апреля 30 г. на Тайной вечери, когда Христос, преломив хлеб, подал его ученикам со словами «примите, ядите; это есть Тело Мое» и протянул им чашу, сказав: «пейте из нее все; ибо это есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф 26:26–28), – было положено начало таинству Евхаристии. – *314.*

[10] Имеется в виду момент воскресения Спасителя. – *314.*

125. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

Декабрь 1896. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, л. 74–74 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 24).

В архиве Н. П. Петерсона сохранился и другой вариант данного письма (см. в разделе «Другие редакции»).

[1] Михаил Осипович *Меньшиков* (1859–1918) – публицист. С середины 1880-х гг. активно сотрудничал в газете «Неделя» и ежемесячном приложении к ней «Книжки Недели». Сочувствуя учению Л. Н. Толстого, написал несколько статей о нем; вслед за писателем-моралистом в своих публицистических выступлениях выдвигал на первый план вопросы нравственности, решая их в духе, близком толстовству (позднее, в 1900-х гг., перейдя в «Новое время», М. О. Меньшиков резко поменял свои убеждения и неоднократно выступал с критикой Л. Н. Толстого).

Статья «Ошибки страха», вызвавшая горячий отклик Л. Н. Толстого (*Толстой. 53*, 87), была напечатана в «Книжках Недели» (1896, №№ 4–6). В ней М. О. Меньшиков в очередной раз высказывался на тему о непротивлении злу насилием. В своих рассуждениях публицист исходил из того положения, что инстинкт самосохранения, благодетельный в животном существе, губителен для жизни духа, ибо есть проявление самости и эгоизма. Причем особенно губительна, по мысли Меньшикова, та форма эгоизма, которая выражается в страхе, в «ошибках страха», когда личность видит опасность там, где ее нет и не было. Среди таких постоянных «иллюзий страха» – «принцип насилия», вырастающий из господствующего убеждения в неисправимости природы человека, которой необходимо присуще зло (а значит противостоять этому злу, отстаивая добро, можно лишь с опорой на этот принцип). Развенчивая подобное убеждение, М. О. Меньшиков призывал строить межчеловеческие отношения на основе «снисхождения, кротости, милосердия» и называл закон непротивления «величайшим открытием в области духа». При этом в своем отстаивании этого закона шел до самого предела и утверждал, что противиться злу насилием нельзя даже тогда, когда перед вами закоренелый убийца: «Может быть только смертью вашей вы можете доставить торжество нравственному закону, разрушить чары овладевшей врагом вашим темной страсти и вызвать в нем любовь к вам. Может быть, необходи-

ма кровь ваша, чтобы спасти его»; раскаяние всегда наступает в злодее «и для этого, с точки зрения нравственного закона, стоит, чтобы пожертвовала собою одна жизнь или многие жизни *и даже жизни всего человечества*» («Книжки Недели», 1896, № 5, с. 261–262; курсив наш. – *Сост.*).

Н. П. Петерсон написал возражение Меньшикову, противопоставив учению «о непротивлении» учение Н. Ф. Федорова о воскрешении, и намеревался поместить эту статью в газете «Дон», но воронежская цензура статью не пропустила (ОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр. 6, л. 24). – *314.*

[2] По всей видимости, Н. Ф. Федоров вспоминает фразу Л. Н. Толстого «Сжечь бы все эти книги», произнесенную им в библиотеке Румянцевского музея в присутствии мыслителя. – *314.*

[3] Василий Васильевич *Вяземский* (1811–1892) – князь, помещик Серпуховского уезда Московской губернии. После его смерти в газете «Русские ведомости» (1892, №№ 242, 257) появились поминальные статьи, в которых говорилось о праведной жизни Вяземского, а в 1894 г. в №№ 11, 12 «Северного вестника» был напечатан его биографический очерк, написанный В. Корсаковым. В статье был создан идеализированный образ «серпуховского подвижника»: задолго до крестьянской реформы, еще в 1850 г., он отпустил на волю крепостных, все деньги раздавал нуждающимся, построил себе домик «среди дремучего бора» и прожил там в уединении 30 лет; лишь незадолго до кончины вернулся он в город, где и умер, оплакиваемый всеми жителями. Рассказ о кн. Вяземском выстраивался как нравоучительная повесть, включал в себя целый ряд мотивов житийного повествования: вот князь кротко, но твердо встает между детьми и разбушевавшимся пьяным отцом, и его безмолвные слезы потрясают последнего; вот он живет отшельником в хижинке посреди «дремучего бора», и вместе с ним обитают звери – «и волчонок, и лиса, и заяц, и собака, и ящерица»; все твари «как бы покорны» ему, знавшему «голоса всех птиц и зверей средней полосы России» («Северный вестник», 1894, № 11, с. 256).

Сразу же после выхода статьи «Северного вестника» читавшие ее обратили внимание на то, что целый ряд черт жизни и мировоззрения кн. Вяземского перекликается, а то и прямо совпадает с личностью и идеями Л. Н. Толстого: те же духовные поиски, та же тяга к опрощению, та же критика городской цивилизации с ее «неестественною жизнью, выдуманными потребностями и ненужными интересами», та же моральная проповедь. Переклички были даже в мелочах: служба в молодости на Кавказе, занятия ремеслами: столярным, токарным, переплетным. Но при этом, в отличие от жизни Толстого, жизнь кн. Вяземского полностью соответствовала провозглашаемым им идеям: считал необходимым отречься от богатства и все раздать – отрекся и раздал, решил уйти в рабочий люд – и ушел, воспылал любовью к отшельничеству – и тридцать лет провел отшельником. Стали циркулировать слухи, они высказывались даже печатно, о том, что кн. Вяземский – предшественник Толстого и последний попросту взял у него все моральное учение (см.: Р. И. Сементковский. Культура и подвижничество // Исторический вестник, 1895, № 6, с. 795). В ответ на подобные заявления М. О. Меньшиков в августовском номере «Книжек Недели» за 1895 г. опубликовал статью «Дознание», в которой, опираясь на свидетельства жителей Серпуховского уезда, бывших крепостных Вяземского, соседских помещиков, священников близлежащих сел, развенчивал созданный «Русскими ведомостями» и «Северным вестником» образ князя-праведника и рисовал картину прямо противоположную. По его утверждениям, Вяземский был жестоким, циничным самодуром, тиранившим крестьян и отпустившим их на волю из-за нужды в деньгах за большой выкуп; он обладал неврастеническим, неуживчивым характером, со всеми ссорился и враждовал и имел склонность к кощунству (причащал перед смертью собак и т. д.). М. О. Меньшиков стремился показать, что не Л. Н. Толстой подражает князю, а биографы Вяземского подогнали его образ под то представление об истинной жизни, которое было сформулировано в толстовском учении. Статья М. О. Меньшикова вызвала всплеск печатной полемики, причем защитники Вяземского обвиняли публициста в предвзятости, отвергали мнение о жестокости князя и его тяге к насилию (см., например, «Русские ведомости», 18 августа, 24 сентября 1895, №№ 227, 264). – *314.*

[4] Речь идет о «Письме в редакцию “Русского слова”» (см. в Т. III наст. изд., с. 242–246). Статья не была напечатана. – *315.*

[5] Мал 4:6, Лк 1:17. См. примеч. 23 к разделу «Библиотеки и музейно-библиотечное образование» – Т. III наст. изд., с. 670–671. – *315.*

126. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

Февраль 1897. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 66, л. 74 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 74).

Датируется по содержанию.

[1] См. примеч. 4 к письму 125. – *316.*

[2] Эта тетрадь не сохранилась. – *316.*

[3] Летом 1896 г. – *316.*

127. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

6 мая 1897. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, лл. 38–39 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 9, лл. 30–31).

[1] В отставку Н. Ф. Федоров не ушел. 28 мая он представил директору М. А. Веневитинову прошение об увольнении в отпуск «по болезни» на две недели раньше летнего закрытия Музеев и получил свидетельство на проезд «во все города Российской империи» сроком с 1 июня по 15 августа 1897 г. (Архив РГБ, оп. 126, д. 53, лл. 88, 89; *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 207–208). В начале июня мыслитель приехал в Воронеж. – *317.*

[2] Прислуга в доме Н. П. Петерсона. – *317.*

[3] Это письмо Н. Ф. Федорова не известно. – *317.*

[4] Статья В. И. Срезневского «В. Н. Каразин» была напечатана в томе «Ибак – Ключарев» «Русского биографического словаря, издаваемого Императорским русским историческим обществом» (СПб., 1897, с. 486–499). В окончательном тексте статьи, подробно освещавшей разные стороны жизни, научной и общественной деятельности Каразина, его деятельность как метеоролога отмечена: упомянуто о проекте повсеместного устройства метеорологических станций, перечислены основные работы по метеорологии и атмосферному электричеству, коротко сказано и о записке «О приложении электричества к потребностям человека». По всей видимости, В. И. Срезневский внес эти добавления уже после разговора с Федоровым, когда он показывал мыслителю вариант статьи. Николай Дмитриевич *Чечулин* (1863–1927) – историк, автор сочинений по истории внешней и внутренней политики, общественной мысли и культуры России XVIII в. С 1892 г. Н. Д. Чечулин участвовал в подготовке «Русского биографического словаря», под его редакцией и наблюдением были изданы тома на буквы «И», «І», «К». – *317.*

[5] Григорий Аветович *Джаншиев* (1851–1900) – публицист, историк, общественный деятель. Автор работ по истории реформ царствования Александра II (большой резонанс получила его книга «Из эпохи великих реформ. Историческая справка». М., 1892). В 1890-х годах много занимался армянским вопросом (кн. «Армянский вопрос в Турции». М., 1893). О подготовлявшемся им сборнике «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам» и статье об Урарту см. примеч. 1 к «Статьям и заметкам разного содержания». – *317.*

128. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

19 августа 1897. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, лл. 63–64 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 127–128). Вариант письма см. в разделе «Другие редакции».

[1] Федоров имеет в виду публикацию в газете «Дон» письма Ф. М. Достоевского к Н. П. Петерсону от 24 марта 1878 г. со своим предисловием к нему (см. примеч. 1 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве»). – *317.*

[2] Это письмо В. А. Кожевникова к Н. Ф. Федорову не сохранилось. – *317.*

[3] Под Подольском в имении кн. С. М. Голицына Дубровицы В. А. Кожевников жил на даче (см. ОР РГБ, ф. 657, к. 3, ед. хр. 4, л. 235). Н. Ф. Федоров приехал в Подольск на один день 24 августа 1897 г. и встретился с В. А. Кожевниковым. На следующий день, 25 августа, В. А. Кожевников отправил ему письмо со стихотворением «Да приидет Царствие Твое!», написанным под впечатлением «нашего вчерашнего собеседования в Подольской “Стрельне”» (текст письма и стихотворения см.: Т. III наст. изд., с. 731–732). – *317.*

[4] Это письмо В. А. Кожевникова к Н. Ф. Федорову не сохранилось. – *318.*

[5] Федоров имеет в виду фразу из предисловия к изданию письма Ф. М. Достоевского: «В письме речь идет о каком-то неизвестном мыслителе, которых ныне так много на Руси и до которых нам нет дела». Ср. разъяснения по этому поводу, данные Н. П. Петерсоном в его письме к В. А. Кожевникову от 21 августа 1897 г. (Т. IV наст. изд., с. 607). – *318.*

[6] В. А. Кожевников собирался пожертвовать Воронежскому Губернскому музею выручку от своей книги «Философия чувства и веры в ее отношениях к литературе и рационализму XVIII века и к критической философии» (М., 1897), причем это пожертвование должно было быть направлено на пополнение книжного собрания музея, которое содержало в основном издания по истории края. В конечном итоге, вырученные с продажи книги средства, по воле Кожевникова, были направлены на издание научного описания коллекций музея (см.: «Протокол заседания Воронежского губернского статистического комитета» // Воронежские губернские ведомости, 17 марта 1899, № 21). – *318.*

[7] *Воронежская публичная библиотека* была открыта в 1864 г. по инициативе и при непосредственном участии М. Ф. Де-Пуле (см. примеч. 80 к разделу «Приложения» «Вокруг Федорова»). К 1897 г. она насчитывала в своем составе более 40 000 томов, располагаясь в здании Воронежского театра, где для нее специально был перестроен ряд помещений, и имела два филиала: им. А. В. Кольцова (открылся в 1894 г.) и им. И. С. Никитина (открылся в1896 г.). Третье филиальное отделение – им. А. С. Пушкина – было открыто к юбилею поэта в 1899 г. (подробнее см.: «Пятидесятилетие Воронежской Публичной библиотеки». Т. 1–2. Воронеж, 1914). О *Воронежском губернском музее* см. примеч. 325 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 639–640. – *318.*

[8] Возможно, В. А. Кожевников продолжил работу над темой, развить которую его подвигал Н. Ф. Федоров с весны 1896 г. (см. письма от 22 марта, 15 июля, 7 августа, 1 сентября) и которая в том же 1896 году стала предметом его статьи «Власть звука». – *318.*

129. В. С. СОЛОВЬЕВУ

Сентябрь–декабрь 1897. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 41 (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 328–331). Ранее опубликовано: «Вопросы философии», 1993, № 1, с. 155–157.

Письмо написано по поводу полемики Б. Н. Чичерина и В. С. Соловьева в связи с работой последнего «Оправдание добра» (см. примеч. 176, 178 к «Статьям философского и эстетического содержания» – Т. II наст. изд., с. 465–466, а также примеч. 175 к разделу «Статьи и заметки о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве»). По содержанию оно перекликается с подглавкой «О двух трудах и двух мыслях или направлениях» статьи Н. Ф. Федорова «О двух нравственностях: тео-антропической и зоо-антропической. По поводу книги В. С. Соловьева “Оправдание добра”» (Т. II наст. изд., с. 178–180).

Так же как и письмо 124, данное письмо, по всей видимости, не было послано. Скорее всего, оно написано по следам одной из личных встреч Федорова с Соловьевым, имевшей место осенью 1897 г. Документально известно, что В. С. Соловьев находился в Москве в октябре (см. его письма М. М. Стасюлевичу от 5 и 20 октября 1897 // *Соловьев. Письма.* I, 140–142); встречу (или встречи) с Федоровым предположительно можно датировать первой половиной месяца: 12 октября написано стихотворение «Сельское кладбище» – вполне вероятно, как раз «по следам» беседы с «Московским Сократом», а с 14 по 20 октября Соловьев «целую неделю» был болен и не выходил из дому, следовательно, его встречи с Федоровым были невозможны по объективным причинам (см. там же, с. 142). Впрочем, можно предположить, что Соловьев заходил к Федорову также и перед отъездом в Петербург.

[1] Поводом к этому высказыванию Федорова, вероятно, послужило следующее место из статьи Чичерина: «Существенная ошибка г. Соловьева состоит в том, что он христианский идеал будущей жизни, с воскресением мертвых, хочет сделать результатом настоящего развития человечества. Отсюда требование бессмертия и нетленности» (Б. Н. Чичерин. О началах этики // Вопросы философии и психологии, 1897, кн. 39, с. 640). – *318.*

[2] Здесь и ниже Н. Ф. Федоров полемизирует с гл. 16 книги «Оправдание добра» (см. примеч. 192 к «Статьям философского и эстетического содержания» – Т. II наст. изд., с. 467). – *319.*

[3] См. примеч. 193 к тому же разделу – там же, с. 467. – *319.*

[4] В своих воскресительных проектах Федоров углубляет известную эсхатологическую параболу зерна (когда превращение зерна в новый колос становилось образом воскресе-

ния), распространяя ее на все земледелие. Ведь земледелие в определенном смысле представляет собой естественное тканетворение новых органических форм из гнили и праха прежде живших существ. Земледелие, по Федорову, существенно отличается от промышленности, которая умертвляет живые вещества, продукты сельского хозяйства для производства мертвых вещей, в том числе искусственных покровов всех видов – от одежды до жилища, вместе маскирующих фундаментальную необеспеченность человеческой жизни. «Общее дело» в полном объеме способна осуществить, по мысли Федорова, только новая небесно-земледельческая культура, поставившая главной целью органический прогресс, творчество самой жизни, самосозидание естественных тканей живых и воссоздание умерших. Человек, по мечте философа, должен так чутко войти в протекающие в природе процессы, прежде всего растительные, чтобы можно было по их образцу – но на более высоком, сознательном уровне – обновлять свой организм, строить для себя новые органы, овладеть направленным, творческим тканетворением, полноорганностью (здесь мы видим предвосхищение идеи В. И. Вернадского о будущей автотрофности человека). – *319.*

[5] См. примеч. 138 к «Статьям философского содержания из III тома “Философии общего дела”». – Т. III наст. изд., с. 686. – *320.*

130. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

19 ноября 1897. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, лл. 50–51 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 78–79). Печатаемый в данном издании текст представляет собой черновик письма Н. П. Петерсону. Беловик письма не сохранился. О том, что это письмо, в котором, в частности, обсуждался вопрос о подготовке к печати статей Н. Ф. Федорова о выставке и об обыденных храмах, было послано, свидетельствует письмо Н. Ф. Федорова Н. П. Петерсону от 3 января 1898 г. (в нем мыслитель сообщал, что уже «нет необходимости» в переписке данных статей).

[1] Речь идет о втором письме Н. Ф. Федорова к архим. Антонию (Храповицкому) – от 30 марта 1893 г. (письмо 74); оно было подписано Н. П. Петерсоном и послано им как бы от себя. – *321.*

[2] Речь идет о статье Н. Ф. Федорова, написанной как полемический отклик на статью В. С. Соловьева «Что такое Россия?» из серии «Воскресные письма». Вошла в работу «Самодержавие» (см. Т. II наст. изд., с. 5–13). Н. П. Петерсон собирался послать эту статью архим. Антонию Храповицкому. – *321.*

[3] Это письмо Н. Ф. Федорова к Н. П. Петерсону не сохранилось. – *321.*

[4] Речь идет о беседе В. С. Соловьева с Ф. М. Достоевским, состоявшейся 24 марта 1878 г., предметом которой была рукопись Н. П. Петерсона с изложением идей Н. Ф. Федорова. Следует отметить, что в датировке этой встречи существует разнобой. Само письмо Ф. М. Достоевского Н. П. Петерсону датировано 24 марта 1878 г. (ОР РГБ, ф. 93 (I), к. 6, д. 38, л. 1; *Достоевский. 30 (I)*, 13), и в нем четко указано, что встреча состоялась в самый день написания письма («*Сегодня* я прочел их (анонимно) Владимиру Сергеевичу Соловьеву...» (*Достоевский. 30(I)*, 14), курсив наш. – *Сост.*). Однако Н. П. Петерсон, упоминая по разным поводам, уже после смерти Н. Ф. Федорова, о своем обращении к Достоевскому и ответном письме писателя, датой письма называл 23 марта (в таком случае и встреча Достоевского и Соловьева автоматически должна быть датирована этим днем). Дату «23 марта» находим в примечании Н. П. Петерсона в тексте работы «Самодержавие» (Т. II наст. изд., с. 5), в его воспоминаниях о Н. Ф. Федорове (ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 8, л. 30 об.), в книге «Н. Ф. Федоров и его книга “Философия общего дела” в противоположность учению Л. Н. Толстого “о непротивлении” и другим идеям нашего времени» (с. 89). Появляется она и в тексте работы Н. Ф. Федорова «Супраморализм», там, где речь заходит о Достоевском (Т. I наст. изд., с. 419), и судя по тому, что вслед за этой датой следует ссылка не только на публикацию письма Достоевского в газете «Дон», но и на его перепечатку в «Русском архиве», имевшую место уже после смерти Федорова, поставлена она самим Петерсоном.

Без дополнительных данных сложно судить о том, откуда взялись два варианта датировки. Не исключено, что датировка «23 марта» могла быть простой ошибкой памяти: Н. П. Петерсон упоминал о письме, не имея у себя ни его оригинала (он был передан сначала в Воронежский, а затем в Румянцевский музей), ни копии. Возможно, впрочем, и другое объяснение: Достоевский зачастую работал по ночам и вполне мог приняться за

письмо Петерсону в ночь с 23 на 24 марта. В таком случае разговор Ф. М. Достоевского с В. С. Соловьевым действительно состоялся 23 марта 1878 г.

По всей видимости, именно из такого предположения исходили составители «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского», датировавшие его беседу с Соловьевым по поводу учения «неизвестного мыслителя» 23 марта 1878 г. («Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского». Т. III. 1875–1881. СПб., 1995, с. 259–260). – *321.*

[5] Это примечание Н. Ф. Федоровым на черновике письма сделано позднее. – *321.*

[6] В. А. Кожевников послал Н. П. Петерсону свое стихотворение «Да приидет Царствие Твое!». Письмо Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 30 ноября 1897 с оправданиями за молчание см. в Т. IV наст. изд., с. 608–609. *Просимые им статейки* – вероятно, речь идет о статьях Н. Ф. Федорова в газете «Дон». 21 августа 1897 г. Н. П. Петерсон писал В. А. Кожевникову, что пока не может выслать этих статей, поскольку их нужно еще собрать, и обещает прислать подборку «чрез некоторое время» (там же, с. 607). – *321.*

[7] Ни оригинал, ни копия первого письма Н. Ф. Федорова к архим. Антонию Храповицкому по поводу речи последнего «Нравственная идея догмата Пресв. Троицы» не сохранились. Не сохранился и ответ архим. Антония. Первое письмо архим. Антонию в конечном итоге было помещено в качестве пятого приложения к I части «Записки» (подробнее см. примеч. 23 к I части «Записки» – Т. I наст. изд., с. 469–470). – *321.*

[8] Данное примечание сделано Н. Ф. Федоровым в 1903 г. Ср. в письме 134, от 3 января 1898: «*Соловьев ничего не сделал, что обещал, и не остается и надежды на исполнение обещания*». – *321.*

[9] О каком именно документе идет речь, установить не удалось. – *321.*

[10] См. примеч. 23 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве». – *321.*

[11] «*Гражданин*» – политическая и литературная газета-журнал консервативного направления. Основана в 1872 г. кн. В. П. Мещерским, который одновременно являлся ее издателем и редактором. Идея напечатать в «Гражданине» ответ на статью В. С. Соловьева, в котором речь шла о смысле и назначении самодержавной власти и задаче России, была вызвана устойчивой монархической ориентацией этого печатного органа. – *321.*

[12] конца века (*лат.*). Речь идет о статье Н. Ф. Федорова «Выставка 1889 года…», значительная часть которой была посвящена предстоящей Всемирной выставке 1900 г. – *321.*

[13] Эта статья в доработанном виде составила основу статьи «О значении обыденных церквей». – *321.*

131. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Последняя треть ноября – начало декабря 1897. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, лл. 86–87 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 150–151). Ранее частично опубликовано: *Сочинения 1982*, с. 645. Датируется по содержанию.

[1] Сообщение об устраиваемом в Санкт-Петербурге «Обществе для сожигания трупов» появилось 17 ноября 1897 в № 318 газеты «Русские ведомости». – *322.*

[2] В данном абзаце речь идет о небольшом опросе, который В. А. Кожевников провел на улицах Москвы по вопросу о кремации. По совету Н. Ф. Федорова, опрос был им записан и вылился в статью «Любовь погибает» («Русский вестник», 1898, № 1). Подробнее об опросе Кожевникова см. примеч. 337 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 643–644. – *322.*

[3] Речь идет о стихотворениях В. А. Кожевникова: «Призыв», «Да приидет Царствие Твое!» и «Жить или не жить?», написанных под влиянием идей Н. Ф. Федорова. – *322.*

[4] Намек на статьи В. А. Кожевникова: «Плач церквей Московских» («Русский архив», 1893, № 6), «Стены Кремля» («Русский архив», 1893, № 11) и брошюру «Бесцельный труд, “не-делание” или дело?» (М., 1893). – *322.*

132. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Не ранее декабря 1897. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, лл. 30–31 об. (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 4, ед. хр. 6, лл. 106–107). Датируется по содержанию.

Это и следующее письмо к В. А. Кожевникову написаны по поводу его поэмы «Лука Элладский» («Русское обозрение», 1897, № 12, с. 486–496). В. А. Кожевников в своей по-

эме ставил вопрос о том, как относится христианство к материи, к земному миру, отрицает ли его как царство греха, дьявола и смерти или зовет к преображению и воскресению в славе и нетлении. Своим героем он избрал Луку Элладского, святого X в., прославившегося своим подвижническим образом жизни и чудотворениями, который последние семь лет жизни провел отшельником на элладской горе Стирий. Действие поэмы В. А. Кожевников перенес в первые века христианства, когда «Был грустный век: Эллада умирала // Страна богинь, героев, красоты», когда «благая весть», принесенная в мир Спасителем, вступила в противоборство с миросозерцанием античности, с ее системой ценностей, с ее историческим и духовным опытом. Он нарисовал облик прекрасного и знатного юноши, который отверг соблазны чувственных удовольствий и всецело предался стремлению к «мирам иным» («Но полон весь любовью неземною // Он чар не знал телесной красоты; Он жил одной бессмертною душою; // На небе были все его мечты»). После смерти матери, раздав свои богатства беднякам и отпустив рабов на свободу, Лука уходит в пустынножительство. Вдали от мира подвизается в посте и молитве, но когда видит нуждающихся или окрест случается беда (голод, мор), немедленно оказывает помощь, а потом вновь «спешит в пустыни храм священный, // Молитвы храм, духовного труда».

Привычное в житийной литературе описание общения отшельника со всей тварью («С ним все – друзья: порою птичек хоры // Смолкали вдруг, когда молился он; // Нередко с ними вел он разговоры; // Случайно с дальних забежав сторон, // Пугливый зайчик, уши прижимая, // Прильнув к траве, речам его внимал, // Как им внимала лилия степная // И стройный дуб, что всех их осенял») занимает большое место в поэме. Оно несет здесь дополнительную смысловую нагрузку: демонстрируется красота и благость сотворенного мира, в котором все Бога хвалит, все Господа исповедует; «единенье слабого творенья // С любовью беспредельною Творца» достигается не только «в мирах иных, в надзвездной ясной дали», но и здесь, на земле.

Вот описание утра Пасхи, «Пресветлого Христова воскресенья», которое Лука Элладский встретил в горах:

Вот солнца лик из волн восстал, зардел
И ярко вспыхнули, его встречая,
Вершины все и все ущелья гор,
И зазвучал, Творца благословляя,
В кустах и рощах птичек ранний хор.
К нему примкнул и звук молитв святого;
Цветы и камни, волны, свод небес
Слилося все в хваленьи Всеблагого,
Ликуя, пело все: «Христос воскрес!»

В день Пасхи, в горах Лука познает «священную тайну единства мирозданья», на котором рука Творца и которое стремится к обожению. Но в этом радостном, молитвенном хвалении подстерегает героя последнее испытание. Лука встречает забытый грот и видит в нем статую Афродиты:

...дней древних изваянье
Античного, бессмертного резца.
Полна спокойной неги обаянья,
С задумчивою прелестью лица,
С надеждой тихой в светлооком взоре,
Блаженством мига бытия полна,
Забывши жизни мимолетной горе,
Сиянием лучей озарена,
Стыда не ведая, неся открыто
Очарованье юной красоты,
Любви земной богиня Афродита
Ему привет шептала сквозь цветы.

Лука ослеплен ее красотою, на мгновение в его сердце вспыхивают «порывы юных чувств, давно забытых», но суровый аскет справляется с греховным порывом и, «полный праведным негодованьем // К кумиру злых, языческих времен», заносит над статуей железный посох. Развязка поэмы такова:

В века гонений на искусство скрыта
Поклонниками чудных чар своих,
Она стояла, всеми здесь забыта.

И вот теперь, восстав на краткий миг,
От рук того, пред кем разоблачила
Она все тайны чувственных красот,
Что было миру целому так мило,
От рук его она теперь умрет!
От рук того, кто полон был любовью
К прекрасному всегда, везде, во всем,
Кто в сердце места не давал злословью
На то, что общим создано Творцом;
Кому в природе бессловесной милы
Все твари были, камни и цветы,
Все кроткие и пламенные силы,
Все воплощенья высшей красоты!..
Он оглянулся: волны сладко пели;
В кустах звучал, как прежде, птичек хор;
И под улыбкой вешней солнца рдели
По-прежнему хребты высоких гор.
И в этом общем море ликованья
Единой жизни столь различных сил
Из бледных уст немого изваянья
Он тихий лепет ясно различил:
«Зачем так гневно ты глядишь на брата?
Не дети ль мы единого Отца?
Его творение все чисто, свято;
Все славит благость общего Творца.
Всему дано свое предназначенье:
Ведет на небо чувства чистота;
Преступна похоть, чувства искаженье,
Но не грешна пред Богом красота».
Смущеньем полный, этой речи сладкой
Внимал душою чистою Лука.
Вновь кроткий взор он поднял вверх украдкой,
И опустилась грозная рука,
В прах обратить теперь уж не дерзая
Подобье Богом данной красоты.
Пусть скроет вновь ее плита сырая,
И старый плющ, и юные цветы!
Пусть спит она здесь долгим сном забвенья
До тех иных, до лучших тех времен,
Когда, постигнув жизни назначенье,
Дух будет с телом братски примирен!

В последних строках поэмы – авторская точка зрения: для В. А. Кожевникова христианство – не односторонний аскетизм, а полное и абсолютное обожение, и в этом он во многом идет от Федорова. «Когда, постигнув жизни назначенье, // Дух будет с телом братски примирен!»

Тем не менее Н. Ф. Федорову не понравилась поэма Кожевникова. На фоне «программных» стихотворений Владимира Александровича, таких как «Призыв», «Да приидет Царствие Твое!», «Жить или не жить?», в поэтической форме излагавших стержневые идеи учения «всеобщего дела» с его пафосом соборного единения «в общем долге воскрешенья», поэма «Лука Элладский», где доминировали традиционные мотивы житийной литературы (прославление личных добродетелей святого, его аскезы, обличение мира, «лежащего во зле», от которого в ужасе отвращается и бежит подвижник, воспевание пустыни и пустынножительства, одинокого молитвенного подвига), а иной, активно-христианский путь был дан лишь в последней фразе, стерто, «под сурдинку», – поэма эта представала в глазах Федорова как своего рода «дезертирство». – *323.*

[1] Речь идет о стихотворении «Жить или не жить?» (оно было напечатано только в 1899 г.). – *323.*

[2] моя поэтическая вольность (*лат.*). – *323.*

[3] Над «Воспоминаниями» о Н. Ф. Федорове В. А. Кожевников начал работу только в последние годы жизни, когда был уже неизлечимо болен. В материалах к III тому «Фило-

софии общего дела» находим периодические ссылки на «Воспоминания», которые предполагалось поместить в разделе «Материалы других лиц». Однако затруднительно судить о том, насколько продвинулась работа над «Воспоминаниями»: в письме Н. П. Петерсону от 30 января 1916 г. В. А. Кожевников сообщает о том, что летом намеревается приступить к их редактированию, 20 мая 1916 г. подтверждает свое намерение «приняться за "Воспоминания о Н. Ф."» (ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 43, л. 78 об., 80 об.), однако прогрессирующая болезнь нарушает его планы. О том, работал ли над воспоминаниями о Федорове В. А. Кожевников осенью 1916 г. и в последние месяцы жизни, сведений нет. Текст их, по всей видимости, утрачен вместе с архивом В. А. Кожевникова. – *323.*

[4] Н. Ф. Федоров цитирует с собственными комментариями тот фрагмент поэмы, где речь идет об оставлении мира и уходе Луки в пустыню. – *323.*

[5] См. об этом в «Воспоминаниях» И. М. Ивакина (Т. IV наст. изд., с. 543). – *324.*

[6] В поэме «Лука Элладский» большое место занимали описания отшельнической жизни героя в горах, среди нетронутой, девственно-чистой природы:

Он не один: в безмолвии пустыни
Он чудным Божьим миром окружен.
Вокруг него цвела природа Юга;
В уборе вешнем нежилась земля;
На склонах гор – ковер душистый луга;
Вдали – волнисто-желтые поля;
Приют былой сатиров и Эвандра,
Леса синели средь нагорной мглы:
Блестящий лавр с кустами олеандра
И стройных пиний желтые стволы;
И гор отроги, в летнем зное млея,
Уступами до берега ползли;
И море Юга, яхонта синее,
В лучах полудня нежилось вдали.
В долине здесь, от моря недалекой,
Он поселился, созерцаньем полн.
Вверху над ним – лазури свод высокий,
Внизу – чуть слышный, ровный ропот волн.
Со всех сторон, увенчаны лесами,
Шумя ручьями, стены дальних гор,
Вершинами видаясь с облаками,
Широкий замыкали кругозор.
Здесь долгими, упорными трудами
Себе воздвиг он скромный сельский дом. [...]
Он не искал с людьми бесцельной встречи;
Он отголосков жизни не ловил;
Былой оратор разучился речи;
Любя дела, речей он не любил.
С людьми в беседе зреет незаметно
Зерно желанья, похоти, греха.
Беседа с Божьей тварью безответной
Милей ораторов, звучней стиха.
На дубе в полдень здесь цикады пели,
И дикий голубь нежно ворковал;
Под вечер соловья неслися трели,
И щелкал перепел, и выл шакал. – *324.*

1898

133. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Январь 1898. Москва

Черновое

Печатается по: ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, лл. 32–33 (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 4, ед. хр. 6, лл. 107–108).

Письмо продолжает тему письма 132 и посвящено поэме В. А. Кожевникова «Лука Элладский». На упреки Федорова в адрес этой поэмы Кожевников дал свои разъяснения (см. его примеч. к письму 132), которые, однако, не удовлетворили мыслителя.

[1] По всей видимости, поэма «Лука Элладский» была написана В. А. Кожевниковым задолго до ее опубликования. – *325.*

[2] Речь идет о стихотворении В. А. Кожевникова «Да приидет Царствие Твое!», написанном не в июне, как указывает Федоров, а в августе 1897 г. – *325.*

134. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

3 января 1898. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, лл. 52–53 (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 4, ед. хр.6, л. 86).

[1] В письме Н. П. Петерсону от 19 ноября 1897 г. Н. Ф. Федоров сообщал о намерении В. С. Соловьева посодействовать напечатанию какой-либо из его работ и предлагал подготовить к печати названные выше статьи. – *325.*

[2] См. примеч. 2 к письму 130. – *326.*

[3] Об отношении Н. Ф. Федорова к книге В. С. Соловьева «Оправдание добра» см. примеч. 176 к «Статьям философского и эстетического содержания» – Т. II наст. изд., с. 465–466. – *326.*

[4] Речь идет о статье Н. Ф. Федорова «Роспись наружных стен храма во имя двух ревностных чтителей Живоначальной Троицы, греческого и русского, – при котором находится музей или библиотека» (см. Т. III наст. изд., с. 457–473). Об *И. М. Ивакине* см. примеч. 138 к разделу «Статьи и заметки разного содержания». – *326.*

135. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Между 6 и 30 января 1898. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 26.

Ссылка в тексте на несохранившееся письмо Н. Ф. Федорова к В. А. Кожевникову от 5 января (контекст ссылки указывает, что письмо от 5 января написано за несколько дней до комментируемого письма) помогает установить месяц написания письма: январь, точнее – не ранее 5 января. Что касается года написания письма, то им должен быть назван 1898 г. по следующим соображениям:

Судя по содержанию, письмо отправлено из Москвы и написано в связи с очередной размолвкой Н. Ф. Федорова с В. А. Кожевниковым, произошедшей во время их личного свидания. Ни в начале января 1899, ни в начале января 1900 гг. Н. Ф. Федорова в Москве не было (он находился соответственно в Воронеже и Асхабаде), к 1901 же году письмо отнесено быть не может, поскольку в нем упоминается «письмо о Ницше к Соловьеву», не отправленное В. А. Кожевниковым последнему (вероятно, это обстоятельство и послужило причиной размолвки), а В. С. Соловьев скончался летом 1900 г.

Второе соображение в пользу датировки письма январем 1898: предыдущий 1897 год был временем нового сближения Н. Ф. Федорова и В. С. Соловьева. Н. Ф. Федоров тогда внимательно следил за философскими и публицистическими выступлениями Соловьева. Имя Ницше появляется в этом году в «Воскресных письмах» последнего: IX письмо этой серии – «Словесность или истина?» – специально посвящено немецкому философу (см. примеч. 56 к «Статьям философского содержания из III тома “Философии общего дела”» – Т. III наст. изд., с. 677). Сказано о Ницше и в предисловии к первому изданию книги «Оправдание добра» (СПб., 1897), причем аргументы, выдвинутые Соловьевым против ницшеанской этики, должны были найти отклик у Федорова, поскольку оказывались созвучны и его собственным мыслям. Комментируя стремление Ницше увидеть смысл жизни «в ее эстетической стороне», проповедуемый им культ всего сильного и величественного, Соловьев раскрывает иллюзорность этой силы и красоты в условиях падшего и несовершенного бытия: «Разве сила, бессильная перед смертью, есть в самом деле сила? Разве разлагающийся труп есть красота?» (*Соловьев. 8*, 13). Философ дает собственное понимание силы и красоты, основанное на Христовом благовестии, на обетовании обожения: он признает лишь «силу и красоту, обусловленную добром, вечно пребывающие и *действительно* освобождающие своих носителей и поклонников от власти смерти и тления» (там же, с. 89). Кроме того, вопрос о ницшеанстве мог затрагиваться и в личных беседах Федорова и Соловьева.

Тот фрагмент письма к В. А. Кожевникову, в котором речь идет о «двух главных стилях храмовой архитектуры, готической» и «русско-византийской», перекликается с фрагментом статьи «О значении обыденных церквей» (Т. III наст. изд., с. 22–23), очередной этап доработки которой как раз пришелся на конец 1897 – начало 1898 г. Ср. также письмо 136.

[1] Это письмо, которое могло быть написано самим Федоровым, В. А. Кожевниковым по его мыслям или ими обоими, не сохранилось. – *326.*

[2] Речь идет о симфонической поэме Р. Штрауса «Так говорил Заратустра» (1896). – *326.*

[3] Н. Ф. Федоров указывает на те тенденции эстетики XVIII в., которые готовили почву для концепции синтеза искусств, возникшей во второй половине XIX в. Так, в XXVI и XXVII статьях цикла «Гамбургская драматургия» (1767–1769) *Г. Э. Лессинг* писал о широких возможностях, открываемых для театра привлечением музыки к драматическому действию, о ее роли в создании возвышенной или комической атмосферы сцены, и выдвигал задачу гармоничного взаимодействия, «полного согласования» музыки с поэзией в качестве одного из направлений реформы театра (Г. Э. Лессинг. Гамбургская драматургия. М.–Л., 1936, с. 100–108). В свою очередь *И. Г. Гердер* в работах о народной поэзии развивал теорию происхождения музыкального искусства из поэзии, писал о первоначальной связи музыки с поэзией и танцем (древняя поэзия «рассказывала, она пела и изображала» // И. Г. Гердер. Избранные сочинения. М.–Л., 1959, с. 95) и полагал эту связь одной из основ плодотворного развития искусства, стремящегося к полноте и цельности (там же, с. 96). Именно поэтому Гердер столь высоко ставил театр и драму за их способность целостно воспроизводить жизнь, воссоздавать полную иллюзию действительности (там же, с. 219, 331). В числе же современных противников идеи синтеза искусств Н. Ф. Федоров называет *М. С. Нордау* (см. примеч. 48 к «Супраморализму» – Т. I наст. изд., с. 513), выдвинувшего понятие вырождения, которое, по его мысли, является закономерным следствием развития цивилизации. В качестве духовных симптомов этого вырождения, усилившегося во второй половине XIX в., М. Нордау рассматривал целый ряд течений философии и искусства, таких как декадентство, символизм, импрессионизм, «толстовщина». Отдельная глава книги «Вырождение» (рус. пер.: СПб., 1896) была посвящена Р. Вагнеру и его концепции синтеза искусств в музыкальной драме. Опровергая тезис Вагнера о том, что развитие искусств логически ведет к их слиянию, М. Нордау указывал на обратный процесс: «Естественное развитие идет всегда от однообразия к многообразию, но не наоборот; прогресс заключается в дифференциации, т. е. в превращении первоначально одинаковых членов организма в особые органы с различными свойствами и самостоятельными функциями, а не в возвращении особей с богатою самобытностью к состоянию первоначальной бесформенности. Искусства создались не случайно; их дифференциация – последствие органической необходимости; раз достигнув самостоятельности, они уже никогда не откажутся от нее» (М. Нордау. Указ. соч., с. 188). Теория синтеза искусств, подчеркивал Нордау, также одно из характерных следствий вырождения. «Выродившийся субъект сам находится на склоне органического развития, до которого дошел род человеческий; его болезненный мозг неспособен к тонкой, совершенной работе мысли; поэтому он чувствует потребность облегчить ее себе, привести разнообразные явления к одному знаменателю, низвести все живущее и умершее на самую низкую и первичную ступень развития, чтобы удобнее обнять явления и уяснить их себе» (там же). – *326.*

[4] По воскресеньям Н. Ф. Федоров обыкновенно встречался с В. А. Кожевниковым для бесед и работы над рукописями. – *327.*

[5] Это письмо Н. Ф. Федорова к В. А. Кожевникову не сохранилось. – *327.*

[6] Текст *Оставив Вас ∞ а даже был стеснением* зачеркнут рукой Н. Ф. Федорова. – *327.*

136. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

Январь–февраль 1898. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 68, лл. 59–60 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 89–90). Ранее частично опубликовано: «Путь», 1929, № 18, с. 11–12.

[1] Н. П. Петерсон высылал Н. Ф. Федорову переписанные листы статьи «О храмах обыденных и спасообыденских в особенности...», легшей в основу работы Федорова «О значении обыденных церквей...». – *327.*

[2] В окончательном тексте работы «О значении обыденных церквей...» вопросы С. А. Белокурова и С. С. Слуцкого, направленные, по инициативе Н. Ф. Федорова, в Комитет X Археологического съезда в Риге, так и остались в самом ее начале, развернутое

же сравнение обыденных церквей Древней Руси с традициями западноевропейского и восточного храмового зодчества, находившееся ранее на первых страницах, было перенесено в середину работы, – в начале статьи оно лишь коротко обозначалось (см. Т. III наст. изд., с. 5, 6, 22–23). – *327.*

[3] Выражение А. И. Герцена. – *328.*

[4] Это письмо Н. Ф. Федорова к Н. П. Петерсону не сохранилось. Вероятно, оно было написано по поводу заметки о построении в один день храма в предместье Чикаго Равенсвуд («Московские ведомости», 1 апреля 1897, № 90) – см. примеч. 81 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 603. Комментарий Н. Ф. Федорова на эту заметку вошел в статью «О значении обыденных церквей...» – там же, с. 44. – *328.*

[5] См. примеч. к письму 132 (преамбула). – *328.*

137. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

24 февраля 1898. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, л. 54–54 об. (копия части письма рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 88–89).

[1] В феврале 1898 г. Н. Ф. Федоров вновь решает выйти в отставку и уехать в Воронеж к Н. П. Петерсону. Согласно статье 101 «Уставов о пенсиях и единовременных пособиях», которая гласила: «Не дослужившие до двадцатипяти- или тридцатипятилетнего пенсионного срока не более 6 месяцев получают пенсию, определенную за полную выслугу означенных сроков» («Свод законов Российской империи». Т. 3, СПб., 1876, с. 20), он, как выслуживший без нескольких месяцев тридцатипятилетний срок службы, уже имел право на полный, а не пятидесятипроцентный, как ранее, размер пенсии. – *328.*

[2] Прошение об отставке Н. Ф. Федоровым в марте 1898 г. не было подано: Николай Федорович предвидел, что оно, как и в прошлые годы, вызовет многочисленные просьбы и уговоры сослуживцев и читателей библиотеки остаться и послужить «еще немного». Поэтому в конце марта он подал лишь прошение об отпуске (см. ниже примеч. 2 к письму 138). Прошение же об отставке было написано лишь в Воронеже, 16 апреля 1898 г. – *329.*

[3] Речь идет о переписывавшейся Петерсоном статье «О храмах обыденных и спасообыденских в особенности» (в окончательной редакции – «О значении обыденных церквей...»). – *329.*

[4] Федоров имеет в виду свой проект построения обыденного храма Троицы при Московском Публичном и Румянцевском музеях и статью С. С. Слуцкого, излагавшую этот проект (см. преамбулу к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 577–578). – *329.*

[5] Добавление, присланное Н. Ф. Федоровым, в окончательный текст статьи «О значении обыденных церквей...» вошло лишь частично и в переложении: см. Т. III наст. изд., с. 20, 32. – *329.*

[6] См. примеч. к письму 132 (преамбула). – *329.*

138. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

24 марта 1898. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, лл. 57–58 об. Первую редакцию письма, датированную 22 марта 1898 г., см. в разделе «Другие редакции». Н. П. Петерсон при подготовке письма для III тома «Философии общего дела» соединил две редакции: ОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр.6, лл. 87–88; этот текст под заглавием «Из письма от 22–24 марта 1898» был опубликован: «Путь», 1929, № 18, с. 8–9.

Фрагмент письма со слов «Воскресение Христа названо...» до слов «достигает бессмертия и святости» совпадает, с некоторыми разночтениями, с фрагментом статьи Н. Ф. Федорова «Как может быть разрешено противоречие между наукою и искусством?» (см. Т. II наст. изд., с. 236).

[1] В письме от 24 февраля 1898 г. Н. Ф. Федоров просил Н. П. Петерсона «поискать на окраине Воронежа комнату подешевле». – *329.*

[2] 27 марта 1898 г. Н. Ф. Федоров подал в канцелярию Музеев прошение о выдаче ему «свидетельства на поездку по России сроком от 28 сего марта по 18-е апреля сего 1898 г.». Свидетельство за № 302 было выдано на следующий день, 28 марта (Архив РГБ, оп. 126, д. 53, лл. 90, 91; см. также: *В. С. Борисов. Адреса Н. Ф. Федорова*, с. 145). Выехав, как и планировалось, 29 марта, Н. Ф. Федоров прибыл в Воронеж 30 марта (см.: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 212). – *329.*

[3] Лекция Ивана Ивановича *Янжула* (1846–1914), экономиста, статистика, историка, «Миллионы и что с ними делать» была прочитана в зале Императорского Российского Исторического музея 21 февраля 1898 г. Интерес к лекции был настолько велик, что билеты раскупили уже за несколько дней до нее (см.: «Русские ведомости», 21 февраля 1898 г.), и по желанию публики И. И. Янжул повторил свое выступление в той же аудитории 14 марта («Русские ведомости», 22 февраля, 3, 14 марта 1898). На эту же тему лектор выступил и в Санкт-Петербурге в зале Императорского русского технического общества в пользу школ этого общества (выступление состоялось 5 декабря). Предметом лекции И. И. Янжула послужила книга американского миллиардера-мецената Э. Карнеджи «Евангелие богатства» (об Э. Карнеджи и его книге см. примеч. 115 к «Статьям религиозного содержания из III тома “Философии общего дела”» – Т. III наст. изд., с. 705–706 и примеч. 8 к письму 245). Изложив идеи Э. Карнеджи, полагавшего разрешение социального вопроса на путях общественно-полезного употребления богатства, считавшего морально-обязательным для каждого миллионера систематическое пожертвование средств на образование и культуру (библиотеки, музеи, университеты, школы), И. И. Янжул призвал к широкому применению принципа «богачи являются только управляющими благотворительным фондом» и на русской почве («Новое время», 8(20) декабря 1898). – *330.*

[4] См. примеч. 4 к письму 137. – *330.*

139. В. И. СРЕЗНЕВСКОМУ

Между 24 и 29 марта 1898. Москва

Печатается по: РГАЛИ, ф. 436, оп. 1, ед. хр. 2998, л. 3.

Датируется по содержанию.

О *В. И. Срезневском* см. примеч. к письму 85 (преамбула).

[1] Уезжая в Воронеж в воскресенье 29 марта 1898 г., Н. Ф. Федоров уже твердо решил больше не возвращаться в библиотеку Музеев. Спустя две недели он вышлет М. А. Веневитинову, директору Музеев, прошение об отставке. – *331.*

140. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

2 апреля 1898. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 3, ед. хр. 3, л. 208–208 об. (оригинал рукой Н. П. Петерсона).

[1] Письмо написано в Страстной Четверг, однако В. А. Кожевников должен был получить его уже в Светлое Воскресение, 5 апреля 1898 г. – *331.*

141. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

9 апреля 1898. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, лл. 19–20 об. Оригинал – рукой Н. П. Петерсона. Копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 93–94. Письмо написано под диктовку Федорова или с его черновика. В конце письма – приписка рукой Н. П. Петерсона: «И я с своей стороны свидетельствую мое глубокое почтение Вам, многоуважаемый Владимир Александрович. Душевно преданный и глубоко уважающий вас Н. П. Петерсон».

[1] Речь идет о стихотворении В. А. Кожевникова «Призыв». – *331.*

[2] Это стихотворение с подзаголовком «Посвящается Н. Ф. Федорову» было напечатано в № 11 «Русского вестника» за 1897 г. (с. 288–290). Текст его см. в Т. III наст. изд., с. 731–732. – *331.*

[3] Стихотворение В. А. Кожевникова «Призыв» вместе с небольшой заметкой Н. Ф. Федорова об авторе появилось в № 84 газеты «Дон» от 6 августа 1898 (см. Т. III наст. изд., с. 537–539). По просьбе Н. Ф. Федорова В. А. Кожевников изменил первое четверостишие (его первоначальный и окончательный варианты см. в примеч. 3 к письму 110).

[4] Это письмо В. А. Кожевникова к Н. Ф. Федорову не сохранилось. – *331.*

[5] Речь идет о письме В. С. Соловьева к Н. Ф. Федорову от 12 января 1882 (см. Т. IV наст. изд., с. 629). – *332.*

[6] Речь идет о статье Н. Ф. Федорова «Пожертвование В. А. Кожевникова Воронежскому музею», которая была посвящена книге В. А. Кожевникова «Философия чувства и веры» (статья появилась в газете «Дон» 23 апреля 1898, № 43). – *332.*

[7] Речь идет о Ю. П. Бартеневе и его жене Надежде Степановне Бартеневой, в девичестве – Ершовой (?–1934). – *332.*

[8] В письмах к В. А. Кожевникову 1898 г. Н. Ф. Федоров периодически справляется о названной работе, однако никакого определенного ответа не получает. В настоящее время эта работа Н. Ф. Федорова неизвестна. – *332*.

142. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Между 9 и 12 апреля 1898. Воронеж

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 34, л. 76–76 об. Оригинал – рукой Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона. Копия рукой В. А. Кожевникова: к. 4, ед. хр. 6, л. 309.

[1] Речь идет о стихотворении В. А. Кожевникова «Жить или не жить?». Как выясняется из этого письма и письма 162, первоначально оно было посвящено В. С. Соловьеву, однако при публикации в «Русском вестнике» (1899, № 4) В. А. Кожевников снял это посвящение. – *333*.

[2] Супруга Е. Л. Маркова (см. примеч. 3). – *333*.

[3] Евгений Львович *Марков* (1835–1903) – писатель, критик, публицист. В 1860–1870-х гг., занимая либерально-западническую позицию, печатался в «Отечественных записках», «Вестнике Европы», газете «Голос», являясь ведущим критиком и публицистом последней. После цареубийства 1 марта 1881 г. во взглядах Е. Л. Маркова произошли изменения. С 1882 и до конца жизни он сотрудничал в «Новом времени», «Русском вестнике», «Русском обозрении», определяя свое направление как «умеренное» («Русские писатели. 1880–1917. Биографический словарь». Т. 3. М., 1994, с. 526–527). С 1887 г. жил в Воронеже, занимая должность Управляющего отделениями дворянского и крестьянского банков. Вел активную общественную деятельность: с 1888 – член губернского статистического комитета (затем – почетный член), состоял в Комиссии народных чтений, являлся одним из организаторов в Воронеже кружка любителей рисования и живописи, одним из инициаторов создания Воронежской ученой архивной комиссии и т. д. Подробнее о Е. Л. Маркове в Воронеже см.: А. Н. Акиньшин, О. Г. Ласунский. Нам бы сейчас таких управляющих банками // Воронежский курьер, 17 августа 1995, № 106.

Книга В. А. Кожевникова «Философия чувства и веры» была передана Е. Л. Маркову Н. П. Петерсоном и С. Е. Зверевым в конце ноября 1897 г. (см. письмо Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 30 ноября 1897 в Т. IV наст. изд., с. 608). Рецензии на книгу В. А. Кожевникова Е. Л. Марков не написал. – *333*.

[4] Воронежским губернатором с января 1895 по июль 1898 гг. был действительный статский советник Владимир Захариевич *Коленко* (1852–1907). О *С. Е. Звереве* см. в примеч. 6 к письму 112. – *333*.

[5] По свидетельству В. А. Кожевникова, его книга «Философия чувства и веры» «разошлась очень быстро, еще до рекомендации ее ученым комитетом» (ОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр. 6, л. 309). – *333*.

[6] Уйдя в отставку в 1870 г., Е. Л. Марков почти ежегодно совершал путешествия внутри России и за границей. По следам путешествий возникали путевые очерки Е. Л. Маркова: «Очерки Крыма» (СПб., 1872), «Очерки Кавказа» (СПб., 1887), «Путешествие на Восток» (СПб., 1890), «Путешествие по Святой земле» (СПб., 1891) и др. Ряд очерков Е. Л. Маркова написан на материале Воронежского края. – *333*.

143. Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН – В. А. КОЖЕВНИКОВУ

12 апреля 1898. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, лл. 21–22 об. Оригинал – рукой Н. П. Петерсона. Копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 105.

[1] См. примеч. В. А. Кожевникова к письму между 9 и 12 апреля. – *333*.

[2] Речь идет о статье Н. Ф. Федорова «Пожертвование В. А. Кожевникова Воронежскому музею». О *рецензии Глаголева* см. примеч. 330 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 641–642. – *333*.

[3] Речь идет о статье Н. Ф. Федорова «Каменные бабы как указание смысла, значения музеев», появившейся в газете «Дон» в день написания письма к Кожевникову (см. примеч. 333 к «Отечествоведению» – там же, с. 642). Об *опросе* В. А. Кожевникова см. примеч. 337 к «Отечествоведению» – там же, с. 643–644. – *334*.

[4] См. письмо 142. – *334*.

[5] *Статья о мироносицах*, которую Н. Ф. Федоров планировал опубликовать в послепасхальную неделю жен-мироносиц, в газете «Дон» не появилась. Вторая статья, упомя-

нутая Н. Ф. Федоровым, – «Каменная баба Воронежского музея» – была напечатана в газете «Дон» 5 мая 1898 (№ 48). Выдержка из письма В. А. Кожевникова к Н. Ф. Федорову о надписи на подножии каменной бабы во дворе Московского Публичного и Румянцевского музеев приводилась в начале статьи (см. Т. III наст. изд., с. 170). – *334.*

[6] Г. А. Джаншиев возвратил статью (см. его письмо к Н. Ф. Федорову от 14 апреля 1898 – Т. IV наст. изд., с. 643). – *334.*

[7] Стихотворение В. А. Кожевникова «Да приидет Царствие Твое!» в газете «Дон» перепечатано не было. – *334.*

[8] Н. С. и Ю. П. Бартеневым. – *334.*

[9] См. примеч. 8 к письму 141. – *334.*

144. М. А. ВЕНЕВИТИНОВУ

16 апреля 1898. Воронеж

Печатается по: Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 93–93 об. Ранее опубликовано: «Начала», 1993, № 1, с. 147 (публикация В. С. Борисова).

Письмо к директору Московского Публичного и Румянцевского музеев М. А. Веневитинову было послано Н. Ф. Федоровым вместе с прошением об отставке.

[1] После официального увольнения в связи с уходом на пенсию, последовавшего 15 сентября 1898 г., Н. Ф. Федоров проработал в библиотеке Музеев вольнотрудящимся полтора месяца, с 15 сентября по 1 ноября 1898 г. (см.: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 216). – *334.*

[2] В личном деле Н. Ф. Федорова, хранящемся в Архиве РГБ, апрельского прошения об отставке нет. М. А. Веневитинов, надеясь убедить Николая Федоровича остаться на службе, не дал хода прошению и организовал коллективное письмо сотрудников к Н. Ф. Федорову с просьбой не покидать библиотеки Музеев (текст письма см. в Т. IV наст. изд., с. 644). – *334.*

[3] *Троицкая слобода* – пригород Воронежа. Н. Ф. Федоров жил там и в предыдущий приезд в Воронеж летом 1897 г. – *334.*

145. Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. Н. ПЕТЕРСОН – В. А. КОЖЕВНИКОВУ

8 июля 1898. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, лл. 23–24 об. Оригинал – рукой Н. П. Петерсона. Копия части письма рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 95.

[1] В. А. Кожевникову, по всей видимости, были высланы статьи Н. Ф. Федорова, появившиеся вслед за статьей «Каменные бабы как указание смысла, значения музеев» (она была отправлена ему при письме от 12 апреля 1898 г.) в апреле–июне 1898 г. в газете «Дон»: «Пожертвование В. А. Кожевникова Воронежскому музею» (23 апреля, № 43), «Каменная баба Воронежского музея» (5 мая, № 48), «Юбилейная выставка» (14 мая, № 52), «Воронежский музей в 1998 году» (14 июня, № 64). – *335.*

[2] В апреле–мае 1898 г. В. А. Кожевников совершил поездку по Востоку: он путешествовал по Святым местам, побывал в Константинополе. Плодом этого путешествия стали два очерка «Из путевых впечатлений по Востоку. 1. Св. София. 2. Цареградский музей» (первый очерк датирован «Царьград, 25 апреля 1898 г.», второй – «Царьград, 26 мая 1898 г.»), которые осенью 1898 г. были опубликованы в «Русском вестнике» (№№ 9, 10). В упомянутом – несохранившемся – письме к Н. Ф. Федорову В. А. Кожевников посылал рукопись первого очерка. – *335.*

[3] Речь идет о втором очерке – «Цареградский музей». – *335.*

[4] Это письмо Н. Ф. Федорова к В. А. Кожевникову не сохранилось. – *335.*

[5] Письмо не сохранилось. – *335.*

[6] Эта, по свидетельству Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона, объемная статья не сохранилась. Вероятно, сокращенным ее вариантом (см. письмо далее) является статья «Как может быть разрешено противоречие между наукою и искусством?» (Т. II наст. изд., с. 233–236). См. также небольшие статьи Н. Ф. Федорова на ту же тему: «Искусство подобий (мнимого художественного восстановления) и искусство действительности (действительное воскрешение)», «Коперниканское искусство» (там же, с. 230–232). – *335.*

[7] Посылка статьи «О Коперниканской науке и Птоломеевском искусстве» И. В. Денисенко (см. примеч. 117 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве») была отложена, поскольку Н. Ф. Федоров начал работу над статьей «Что такое добро», поводом к которой послужило чтение трактата Толстого «Что такое искусство?», и решил послать обе статьи вместе (см. письма 149, 150). – *336.*

[8] Это письмо Н. Ф. Федорова к Ю. П. Бартеневу не разыскано. – *336.*

[9] В. А. Кожевников проводил лето в г. Козлове Тамбовской губернии, откуда он был родом. – *335.*

146. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

10 июля 1898. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, лл. 27–28 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 109–110). Ранее опубликовано: «Начала», 1993, № 3, с. 19–20.

Письмо открывает серию из четырех писем к В. А. Кожевникову (написаны в течение пяти дней, от 8 до 12 июля 1898 г.), поводом к которым стало чтение его очерков «Из путевых впечатлений по Востоку. 1. Св. София. 2. Цареградский музей». О содержании очерков и высказанном в них проекте «Международного Восточного Музея» см. примеч. 428 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 660. К письмам примыкают 2 заметки Н. Ф. Федорова – «Центральный Музей и организация науки...» и «В храме Софии, стоящем без пения...» (см. Т. III наст. изд., с. 219, 454).

Письмо от 10 июля 1898 г. осталось неотправленным. Его содержание с обширными цитатами приведено в совместном письме Федорова и Петерсона к Кожевникову от 12 июля (письмо 149).

[1] См. примеч. 431 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 660. – *336.*

[2] Речь идет о храме Св. Софии в Константинополе. – *336.*

[3] См. примеч. 83 к «Статьям и заметкам разного содержания». – *337.*

[4] См. преамбулу к «Собору» – Т. I наст. изд., с. 492. – *337.*

[5] См. примеч. 43 к «Статьям и заметкам разного содержания». – *337.*

147. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Между 8 и 12 июля 1898. Воронеж

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 12 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, лл. 377–380).

Это письмо Н. Ф. Федорова к В. А. Кожевникову отправлено не было и осталось в черновике.

[1] Речь идет о письме В. А. Кожевникова к Н. Ф. Федорову, в котором был прислан очерк Владимира Александровича «Св. София». – *338.*

[2] См. примеч. 6 к письму 145. – *338.*

[3] Под первым и вторым письмом Н. Ф. Федоров разумеет очерки В. А. Кожевникова «Св. София» и «Цареградский музей». – *339.*

[4] Так называемый *Старый музей* был организован в Константинополе в 1880 году. В основу его легло собрание византийских древностей, перенесенное из церкви Св. Ирины, а затем он начал пополняться экспонатами византийского, семитского, финикийского и сирийского происхождения. Особую ценность в Музее представляли могильные памятники из различных мест Малой Азии, Греции и Македонии. Ядро коллекции *Нового музея*, построенного в 1891 г., составили находки, сделанные в 1887 г. при раскопке некрополя на месте древнего Сидона. Тогда были открыты 26 саркофагов – могильных памятников разных времен и стилей. Затем к коллекции присоединялись все новые и новые находки, так что в «Новом Цареградском музее», указывал в своей статье В. А. Кожевников, оказалась представлена «почти вся история развития гробниц древнего Востока. [...] Пред нами здесь налицо, и притом в отлично сохранившихся образцах, генетическая история всего древнего искусства в его применении к священной обязанности охранять остатки умерших и сохранять память о них». И мы воочию видим, «как смотрели различные народы древнего мира на значение смерти и погребения и как относились они к великой загадке бессмертия и к величайшему из человеческих упований – к надежде воскресения» («Русский вестник», 1898, № 10, с. 70). – *339.*

[5] А. И. Герцен. – *339.*

148. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Между 8 и 12 июля 1898. Воронеж

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, лл. 92–93 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, лл. 73–74). Ранее опубликовано в соединении с заметкой «В храме Софии, стоящем без пения...»: «Начала», 1993, № 3, с. 20–22.

Письмо отправлено не было и осталось в черновике.

[1] Речь идет о брошюре В. А. Кожевникова «Бесцельный труд, “не-делание” или дело?» – *340.*

149. Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН – В. А. КОЖЕВНИКОВУ

12 июля 1898. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, лл. 34–35 об. Оригинал рукой Н. П. Петерсона. Копия части письма рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 97–98.

В письме воспроизведено, местами в буквальных выражениях, содержание неотправленного письма Н. Ф. Федорова В. А. Кожевникову от 10 июля 1898 и первого чернового письма, датируемого между 8 и 12 июля 1898 (письма 146 и 147).

[1] См. примеч. к письму 146 (преамбула). – *341.*

[2] См. примеч. 6 к письму 145. – *341.*

[3] О статье «Что такое добро» и отношении Н. Ф. Федорова к трактату Л. Н. Толстого «Что такое искусство?» см. примеч. 101 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве». – *341.*

[4] Письмо от 10 июля 1898 г. (№ 146). Ниже Н. П. Петерсон приводит цитаты из этого письма. – *341.*

[5] В. А. Кожевников побывал в Воронеже в конце июля 1898 г. – *342.*

150. Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН – В. А. КОЖЕВНИКОВУ

13 июля 1898. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, л. 36–36 об. Оригинал – рукой Н. П. Петерсона. Копия части письма рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 99.

[1] Это письмо В. А. Кожевникова не сохранилось. – *342.*

[2] Письмо 149. – *342.*

[3] Речь идет о статье Н. Ф. Федорова «Что такое добро». – *342.*

[4] Текст сопроводительного письма не сохранился. Вероятно, именно он послужил основой статьи Н. Ф. Федорова «Об истине и красоте в статье Толстого “Что такое искусство?”» – *342.*

[5] См. примеч. 5 к письму 149. – *342.*

151. Л. Г. СОЛОВЬЕВУ

Между 24 июля и 12 августа 1898. Воронеж

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 53. Ранее опубликовано: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 121.

О воронежском художнике, иконописце *Л. Г. Соловьеве*, его взглядах на искусство и отношении к нему Н. Ф. Федорова см. примеч. 364, 365 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 649–650.

24 июля 1898 г. Н. Ф. Федоров посетил Л. Г. Соловьева в его доме на ул. Консисторской. По всей видимости, мыслитель заносил ему печатный экземпляр своей статьи «Музей Л. Г. Соловьева в Воронеже», напечатанной накануне в газете «Дон». Л. Г. Соловьев показал Федорову эскиз иконы-картины «Первосвященническая молитва», замысел которой принадлежал самому мыслителю (см. примеч. 385 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 654–655). Под впечатлением увиденного и сделан набросок данного письма, вносящий новые штрихи в иконописный образ «Первосвященнической молитвы».

[1] На эскизе Л. Г. Соловьева (см. фотографию в наст. томе) ближайший из стоящих ко Христу апостолов – Иоанн. – *343.*

[2] В верхнем плане иконы воспроизведен «на облацех» образ Пресвятой Троицы «Отечество»: Бог-Отец на престоле, держащий на коленях Бога-Сына, и над ними Св. Дух. – *343.*

[3] Иисус в момент произнесения Первосвященнической молитвы был изображен с запечатленным на его груди в круге Славы образом Бога-Отца (об источнике такого изображения см. примеч. 25 к «Статьям о литературе и искусстве» – Т. III наст. изд., с. 713). – *343.*

[4] На заднем плане эскиза иконы-картины помещено изображение Иерусалима, из которого направляется стража во главе с Иудой, чтобы взять Спасителя. – *343.*

152. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

25 июля 1898. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, лл. 40–41 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 102).

См. также раздел «Другие редакции».

Письмо посвящено разбору стихотворения В. А. Кожевникова «Призыв», которое Н. Ф. Федоров намеревался опубликовать в газете «Дон» (текст его см.: Т. III наст. изд., с. 537–538).

[1] Далее зачеркнуто: «и посвятить его тому, кто может и должен совершить это превращение» – речь идет о самодержце. Ср. в работе «Самодержавие»: «*Самодержец,* как стоящий в отцов-место, в венчании на царство получает от Бога-отцов, Бога Триединого, высшее освящение, делается орудием Божественной воли, чтобы руководить делом всех сынов человеческих, [...] чтобы руководить их в деле отеческом, объединяя самих сынов в этом деле по образу Бога Триединого» (Т. II наст. изд., с. 14). – *344.*

[2] Какую именно брошюру передал В. А. Кожевникову *П. П. Мироносицкий* (см. примеч. к письму 99 (преамбула)), установить не удалось. Ранее, в 1895 г., он прислал В. А. Кожевникову свою брошюру «Из дневника учителя церковно-приходской школы» (Киев, 1895) с дарственной надписью: «Глубокоуважаемому Владимиру Александровичу Кожевникову. От автора, бывшего учителя Качимской школы. С<анкт->Петерб<ург>. 1895. Окт<ября> 19 д<ня>». Этот экземпляр брошюры ныне хранится в Российской Государственной библиотеке. *Г. П. Георгиевский* – см. примеч. 2 к письму 71. – *344.*

153. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Конец июля 1898. Воронеж

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 34, л. 63 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, л. 314).

По своей тематике данное письмо связано с письмами 152 и 154.

154. Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН – В. А. КОЖЕВНИКОВУ

4 августа 1898. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, лл. 37–38. Оригинал рукой Н. П. Петерсона. Копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 100.

Письмо написано Н. П. Петерсоном с использованием наброска, сделанного Н. Ф. Федоровым, – текст наброска см.: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, л. 24–24 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 177).

[1] «Итак, братия мои возлюбленные, будьте тверды, непоколебимы, всегда преуспевайте в деле Господнем, зная, что труд ваш не тщетен пред Господом» (1 Кор 15:58). – *344.*

[2] Речь идет о стихотворении В. А. Кожевникова «Призыв». Оно было напечатано в газете «Дон» 6 августа 1898 г. в № 84 и предваряло заметку Н. Ф. Федорова об учено-литературной деятельности В. А. Кожевникова (см.: Т. III наст. изд., с. 537–539). – *344.*

[3] Федоров имеет в виду эпизод 2 главы «Евангелия от Иоанна»: Иисус, придя в Иерусалим и увидев, что в Иерусалимском храме «продавали волов, овец и голубей, и сидели меновщики денег», прогнал торговцев и менял, а продающим голубей сказал: «...возьмите это отсюда, и дома Отца Моего не делайте домом торговли». Иудеи, увидев это, спросили: «...каким знамением докажешь Ты нам, что имеешь власть так поступать? Иисус сказал им в ответ: разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его. На это сказали Иудеи: сей храм строился сорок шесть лет, и Ты в три дня воздвигнешь его? А он говорил о храме тела Своего. Когда же воскрес Он из мертвых, то ученики Его вспомнили, что Он говорил это, и поверили Писанию и слову, которое сказал Иисус» (Ин 2:13–21). – *344.*

[4] Цитата из стихотворения В. А. Кожевникова «Призыв». – *345.*

155. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

После 23 августа 1898. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, л. 42–42 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 73). Датируется по содержанию.

[1] Это письмо Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову не сохранилось. – *345.*

[2] Вероятно, речь идет о статье, которую Н. Ф. Федоров посылал Г. А. Джаншиеву (см. письмо 143). Текст статьи не сохранился. – *345.*

[3] О работе Н. Ф. Федорова над статьями, посвященными трактату Л. Н. Толстого «Что такое искусство?», и его намерении послать их Толстому через И. В. Денисенко см. примеч. 101 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве». – *345.*

[4] Речь идет о статье Н. Ф. Федорова «Предкремлевский Московский Румянцевский Музей и памятник основателю этого Музея в самом Кремле», написанной по поводу открытия в Кремле памятника императору Александру II (состоялось 16 августа 1898). Следует уточнить примечание 260 к «Отечествоведению», в котором указано, что статья написана в конце августа – начале сентября 1898, т. е. уже после открытия памятника. На самом деле, статья была написана еще до открытия памятника (об этом свидетельствуют ее начальные строки: «Царь, которому открывается памятник в Кремле...», – «*открывается*», а не «открылся» или «открыт») и еще до отъезда из Воронежа в Москву, который состоялся 12 августа. Федоров мог отправить статью М. А. Веневитинову (с просьбой похлопотать о ее напечатании ко дню открытия памятника) по почте, либо передать ее по своем приезде в Москву (14 августа). – *345.*

156. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Между 15 и 25 августа 1898. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 145, лл. 6–7 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, л. 134). Датируется по содержанию.

Письмо написано по поводу стихотворения В. А. Кожевникова «Кремль». С этим стихотворением В. А. Кожевников познакомил Н. Ф. Федорова в Козлове, куда мыслитель заехал 12 или 13 августа по дороге из Воронежа в Москву. Н. Ф. Федоров использовал его в качестве эпиграфа к статье «Предкремлевский Московский Румянцевский Музей и памятник основателю этого Музея в самом Кремле» (см. Т. III наст. изд., с. 111). По всей видимости, письмо не было послано (в следующем письме Кожевникову от 25 августа 1898 г. вновь звучит благодарность за стихотворение «Кремль», причем в выражениях, близких тем, которые были использованы в первом письме).

[1] *Второй Поклонной горой* Н. Ф. Федоров называл бельведер («вышку») Московского Публичного и Румянцевского музеев, намекая на произошедшее на этом месте в 1818 г. поклонение Кремлю германского императора Фридриха Вильгельма III с сыновьями. – *346.*

[2] Имеется в виду циркуляр российского правительства от 12(24) августа 1898 г. с призывом к европейским державам начать сокращение вооружений. – *346.*

157. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

25 августа 1898. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, л. 39–39 об. (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 4, ед. хр. 6, л. 101).

[1] См.: «Книга по философии. [В]. А. Кожевников. Философия чувства и веры» // Московские ведомости, 22 августа 1898, № 230 (подпись «М»). «В высшей степени солидный по широте замысла и по мастерскому выполнению труд г. Кожевникова представляется явлением редким в нашей бедной философской литературе и подлинно составляет ценный вклад в нее», – писал автор рецензии. Он отмечал важность самой темы исследования, а также строгую объективность тона и мастерство изложения В. А. Кожевникова. – *346.*

[2] В Козлове (см. примеч. к письму 156 (преамбула)). – *346.*

[3] Речь идет о стихотворении В. А. Кожевникова «Кремль» (ср. предыдущее письмо). – *346.*

[4] См. примеч. 2 к письму 156. – *346.*

158. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

Между 28 сентября и 3 октября 1898. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 34, л. 72–72 об. (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 4, ед. хр. 6, л. 305). Датируется по содержанию (упоминается назначение

Федорову пенсии, которое состоялось 28 сентября, а также слух о картине А. А. Иванова, опровергнутый в печати 4 октября 1898 г.).

[1] По всей видимости, речь идет о письме 155. – *347.*

[2] Прошение об отставке Н. Ф. Федоров написал – вернее, продиктовал Н. П. Петерсону (оно написано именно рукой последнего) – в день отъезда из Воронежа 12 августа 1898 г.:

«Господину Директору
Московского Румянцевского Музея
Дежурного по читальному залу Николая Федоровича Федорова

Окончив 35-летний срок службы, покорнейше прошу Ваше превосходительство уволить меня от занимаемой мною должности и не отказать в исходатайствовании следующей мне за службу пенсии, которую желаю получать из Московского Казначейства. 1898 год, августа 12 дня. Дежурный при читальне Николай Федоров».

Подано в канцелярию Музеев это прошение было 21 августа 1898 г. (как свидетельствует виза на левой стороне листа). На его тексте рукой М. А. Веневитинова сделана резолюция: «уволить с 15 сентября» (Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 93–93 об.).

В день увольнения Н. Ф. Федорова, 15 сентября, директор Музеев составил для Министерства народного просвещения официальное представление о его пенсии (там же, л. 96). Уже 28 сентября Департамент Министерства народного просвещения известил М. А. Веневитинова о назначении Н. Ф. Федорову «пенсии в размере полного оклада по VI разряду табели окладам пенсии 214 руб. 50 коп. в год» (там же, л. 100). – *347.*

[3] Речь идет о статье Н. Ф. Федорова «Разоружение», которая была послана Н. П. Петерсоном в редакцию «Нового времени» (напечатана 14 октября 1898 г.). – *347.*

[4] Н. Ф. Федоров передал Ю. П. Бартеневу свою статью «Предкремлевский Московский Румянцевский Музей и памятник основателю этого Музея в самом Кремле». Ю. П. Бартенев не смог добиться напечатания статьи, однако использовал ее текст для составления собственной статьи «Памятник Александру Второму и Московский Публичный музей» («Русский архив», 1898, № 10, с. 263–266). Статья Ю. П. Бартенева указывала на глубокую символичность постановки памятника императору именно в Кремле, «месте упокоения собирателей и созидателей земли русской», описывала сам памятник, а затем фактически воспроизводила с некоторыми сокращениями и перефразировками статью Федорова.

В момент написания письма Н. П. Петерсону Н. Ф. Федоров еще ничего не знал о судьбе статьи. По всей видимости, сложность ее прохождения в редакции «Русского архива» объяснялась тем, что П. И. Бартенев весьма двойственно относился к Кремлевскому памятнику. В № 6 «Русского архива» за 1898 г. был опубликован отрывок его письма к профессору И. В. Цветаеву под заглавием «О памятниках императору Александру Николаевичу и Александру Александровичу»; в письме настойчиво проводилась мысль о том, что лучшим и единственным памятником почившему Александру II был бы храм, устроенный «на помин души Великого Государя». «И конечно, храм Св. Александра Невского, воздвигаемый в Москве на Миусской площади, будет русскому простому народу дороже Кремлевского памятника, при котором можно бы еще устроить хотя небольшую часовню для поминовения об императоре Александре Николаевиче» («Русский архив», 1898, № 6, с. 335). Правда, спустя два месяца тон П. И. Бартенева по отношению к воздвигаемому памятнику несколько поменялся и в восьмом номере журнала было опубликовано его приветствие предстоящему открытию монумента: «К торжеству 16 августа 1898 г.: “Народная признательность, любовью предваряя суд истории, воздвигла на высоте Московского Кремля великолепный памятник Государю”» («Русский архив», 1898, № 8, с. 655), однако вполне вероятно, что вторая статья П. И. Бартенева была написана по принципу «noblesse oblige».

Включив большие куски статьи Н. Ф. Федорова в свою собственную и тем дав возможность его взглядам на памятник Императору-Освободителю хотя бы в опосредованном виде проникнуть в печать, Ю. П. Бартенев поступил так же, как в свое время поступил в 1892 г., в начале своего соредакторства в журнале, со статьей мыслителя о преп. Сергии Радонежском (см. примеч. 3 к письму 97). – *347.*

[5] Известие о том, что картину А. А. Иванова «Явление Христа народу», находившуюся в художественном собрании Московского Публичного и Румянцевского музеев, предполагается перевезти в Санкт-Петербург, появилось в сентябре 1898 г. в петербургских газетах и было перепечатано в ряде московских изданий, в том числе в газете «Русские ведомости».

Письмо Н. Ф. Федорова к Н. П. Петерсону написано под влиянием этого слуха, который, однако, оказался недостоверным. 4 октября 1898 г. в газете «Московские ведомости»

(статья «Москва и картина Иванова “Явление Христа”») последовало его опровержение, причем было указано на то, что вопрос о принадлежности картины Румянцевскому музею является не юридическим, а нравственным, ибо ее пожертвование музею императором Александром II – событие историческое и глубоко знаменательное. «Император Александр Николаевич дорог Москве не только как государь, не только в силу своих благодеяний русскому народу, но еще и как *москвич* по рождению. Москва же стала хранительницей всероссийской памяти Царя Освободителя, приняв в недра Кремля [...] всенародный памятник» ему.

14 октября в тех же «Московских ведомостях» (в рубрике «Дневник печати») была напечатана заметка «Заботливость Александра II о Москве», излагавшая содержание статьи Ю. П. Бартенева и приводившая пространную выдержку из нее о факте дарения императором Румянцевскому музею картины А. А. Иванова (см. примеч. 4). «Как таковое благословение попечительного царя, – высказывался сам автор заметки, – картина эта, очевидно, и должна остаться в Москве навсегда памятью Его забот о первопрестольной столице». – *347.*

[6] См. примеч. 263 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 629. – *347.*

159. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

21 октября 1898. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, лл. 44–45 об. (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 3, ед. хр. 4, лл. 111–112).

Текст данного письма вошел в заметку «К статье “Разоружение”» (см. Т. II наст. изд., с. 283–284). Это могло было быть сделано самим Федоровым или уже после его смерти Н. П. Петерсоном, который готовил для II тома подборку «Статьи об умиротворении» (в пользу второй версии, в частности, свидетельствует примечание, сделанное Н. П. Петерсоном к тексту заметки: «Писано 21 октября 1898 г.» – оно прямо указывает на дату письма).

[1] «Возможно ли разоружение?» – авторское название статьи «Разоружение». Название «Разоружение» было дано статье в редакции «Нового времени». После ее напечатания Н. Ф. Федоров в письмах В. А. Кожевникову часто пользуется третьим, рабочим, названием: «О разоружении». – *348.*

[2] В письмах осени 1898 г. Н. Ф. Федоров не раз касается проблемы Памира, на котором сталкивались в 1890-х гг. интересы России и Англии, стремясь обратить эту проблему из политической в нравственно-религиозную. – *348.*

[3] См. примеч. 24 к «Статьям о разоружении и умиротворении» – Т. II наст. изд., с. 480. – *348.*

160. Г. А. ДЖАНШИЕВУ

25 октября 1898. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 65 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 7, лл. 1–4).

Ответ на письмо Г. А. Джаншиева (см. примеч. 5 к письму 127) между 20 и 25 октября 1898 (Т. IV наст. изд., с. 644). В архиве Н. П. Петерсона сохранились первый и второй черновики письма Н. Ф. Федорова, разница между которыми незначительна. Н. П. Петерсон, готовя текст письма для III тома «Философии общего дела», свел их воедино.

[1] Речь здесь может идти как о втором издании сборника «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам» (М., 1898), составителем и редактором которого был Г. А. Джаншиев, так и о новом издании его книги «Эпоха великих реформ. Исторические справки» (М., 1898). – *349.*

[2] Возможно, речь идет о статье Н. Ф. Федорова «Ассирия и Урарту», напечатанной в сборнике Г. А. Джаншиева (см. примеч. 1). О характере пропусков, сделанных в присланных Джаншиевым оттисках, можно заключить из его письма Федорову: по всей видимости, они касались проекта обращения войска в естествоиспытательную силу. – *349.*

[3] Из нижеследующего выясняется, что Г. А. Джаншиев обещал Н. Ф. Федорову поместить в «Русских ведомостях» отклик на статью «Разоружение», напечатанную в «Новом времени» 14 октября 1898. Однако никакой заметки о статье «Разоружение» в данной газете не появилось. – *349.*

[4] Речь идет об иронической заметке, помещенной в газете «Курьер» в рубрике «О чем пишут»: «В “Новом Времени” какой-то досужий фельетонист создал проект всеобщего

мира и благоволения путем... метеорологии. Автор советует ввести обязательные метеорологические наблюдения в мирное и военное время, чтобы решить вопрос, могут ли быть, и при каких условиях, вызываемы дожди посредством взрывчатых веществ». Далее автор заметки приводил цитату из статьи «Разоружение» со слов «Когда военное дело обратится в исследование...» до слов «Царь философов Кант, а также и Конт будут развенчаны, и Россия освободится от всякого чуждого влияния...» и заключал не без насмешки: «И Кант, и Конт исчезнут под влиянием дождемеров. Даже Поприщин удивился бы такой оригинальности...»

По всей видимости, Федоров в момент написания письма знал лишь о том, что в «Курьере» появилась некая заметка о его статье, но не был осведомлен о ее содержании. – *349.*

[5] Речь идет о Берте фон Суттнер. – *349.*

161. Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН – В. А. КОЖЕВНИКОВУ

17 ноября 1898. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, л. 46–46 об. Оригинал рукой Н. П. Петерсона. Копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 113. Фрагмент письма опубликован: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 218.

Письмо написано из Воронежа, куда Н. Ф. Федоров приехал 12 ноября.

[1] В этом и последующих письмах В. А. Кожевникову Н. Ф. Федоров настаивает на последовательном прочтении художнику Павлу Васильевичу *Жуковскому* (1846–1912), автору проекта памятника Александру II в Московском Кремле, двух своих статей: «Предкремлевский Московский Румянцевский Музей и памятник основателю этого Музея в самом Кремле» и «О памятнике Александру III, о месте и значении этого памятника» (см.: Т. III наст. изд., с. 111–120). По всей видимости, Н. Ф. Федоров надеялся, что П. В. Жуковского вдохновит изложенный во второй статье проект памятника Александру III (об обсуждении вопроса о памятнике Императору-Миротворцу в Москве см. примеч. 275 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 630). Действовать через Ю. П. Бартенева Н. Ф. Федоров решил потому, что П. В. Жуковский, сын поэта В. А. Жуковского, был очень близок семье Бартеневых, и особенно дружил с братьями С. П. и Ю. П. Бартеневыми. Статья «Предкремлевский Московский Румянцевский Музей и памятник основателю этого Музея в самом Кремле» в это время находилась в редакции «Московских ведомостей». Возможно, она была передана туда после доброжелательного отклика газеты на статью Ю. П. Бартенева о кремлевском памятнике императору, воспроизводившую и перелагавшую идеи федоровской статьи (см. примеч. 4 к письму 158). П. В. Жуковскому статьи Федорова прочитаны не были, так как статья о памятнике Александру II затерялась в редакции «Московских ведомостей» и так и не была оттуда получена Ю. П. Бартеневым. – *350.*

[2] Н. С. Бартеневой, жены Ю. П. Бартенева. – *350.*

[3] Речь идет об И. М. Ивакине. – *350.*

[4] Мария Григорьевна *Кожевникова* (в девичестве – Тарановская) – мачеха В. А. Кожевникова; воспитывала его с десятилетнего возраста. – *350.*

[5] Речь идет о братьях М. М. и С. М. Северовых, племянниках мачехи В. А. Кожевникова М. Г. Кожевниковой. Род Северовых происходил из г. Осташкова Тверской губ. Дед братьев Северовых был крестьянином, а затем потомственным почетным гражданином города, так же как и их отец, а затем С. М. Северов. *Северов* Сергей Михайлович (1865 – после 1918) – военный. Был гренадером Московского полка. Летом 1900 г. переехал в Санкт-Петербург. Член Общества ревнителей военных знаний. С Н. Ф. Федоровым познакомился в доме Кожевниковых. Считал себя учеником мыслителя. 6 мая 1908 г. С. М. Северов так писал Н. П. Петерсону: «Должен Вам сообщить, что я не только “неравнодушен” к книге великого и незабвенного Николая Федоровича, но что я считаю за особую ко мне милость Божию то обстоятельство, что я встретился в своей жизни с Николаем Федоровичем, был знаком с ним и лично от него познакомился с его единственно правильным и приемлемым мною во всей его полноте его учением и толкованием учения Христова. Только это толкование считаю за истинно Православное. А книгу его ставлю в ряд книг священных, завершающих собою ряд уже полученных человечеством Ригведы, Зенд-Авесты, Библии, Евангелие, Коран» (ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 43, л. 1–1 об.). Тогда же С. М. Северов подарил по экземпляру I тома «Философии общего дела» В. В. Розанову и М. О. Меньшикову (см. там же, л. 1).

Михаил Михайлович *Северов* – брат С. М. Северова. В конце 1890-х – начале 1900 гг. жил в доме Кожевниковых. В письме к Н. П. Петерсону от 9 октября 1910 г. С. М. Северов вспоминал о своих спорах с братом по поводу взглядов Н. Ф. Федорова, которые М. М. Северов не разделял: «Мой брат Михаил Михайлович, совершенно не признающий учения Николая Федоровича и необходимости воскрешения, меня спрашивал: "что же, ты и Франца Иосифа воскресишь?" На что я ответил: "Непременно! Когда дойдет до него черед, то грешным делом рад буду видеть, как он покраснеет от стыда, поняв, что он творил на земле"» (там же, л. 31 об.). – *350.*

[6] Ни в «Русском архиве», ни в газете «Дон» автобиография Л. Г. Соловьева напечатана не была (подробнее см. примеч. 367 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 651). – *350.*

[7] «Письмо в редакцию газеты "Дон"», написанное в качестве ответа на насмешливую анонимную заметку по поводу статьи «Разоружение» в газете «Саратовский дневник» (21 октября 1898, № 226), подверглось сильной цензурной правке и не было напечатано (см. его в Т. IV наст. изд., с. 182–185). – *350.*

162. Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН – В. А. КОЖЕВНИКОВУ

21–23 ноября 1898. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 32, лл. 47–48 об., к. 10, ед. хр. 24, л. 29–29 об. Оригинал – рукой Н. П. Петерсона с добавлениями Н. Ф. Федорова. Копия части письма рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 114–116. Фрагменты письма опубликованы: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 219.

[1] Леонид Алексеевич *Камаровский* (1846–1912) – правовед, профессор Московского университета по кафедре международного права, видный деятель пацифистского движения (см. его работы «Об идее мира между народами» // Русская мысль, 1884, № 7, «Война и мир» (Одесса, 1895), «Успехи идеи мира» (1898)). Его лекция «Вопрос о сокращении вооружений» состоялась 21 ноября 1898 г. в зале Воронежской городской Думы. О предстоящей лекции Н. Ф. Федоров мог узнать из газеты «Воронежский телеграф», где 20 ноября 1898 г. (№ 134) появилась заметка «По поводу предстоящей лекции проф. гр. Камаровского» (см.: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение,* с. 219). – *350.*

[2] В указанном Федоровым номере газеты «Новое время» в рубрике «Среди газет и журналов» была приведена выдержка из статьи в газете «Новости», в которой излагались впечатления автора от пребывания в Португалии. Среди прочего, речь шла о денежной системе страны: «Деньги потеряли для нас всякую цену. [...] Например, я плачу в сутки за номер в гостинице 5000, обед мне стоит 3000, за бутылку вина плачу 1200 [...] В Лиссабоне я расходую на жизнь в сутки свыше 20000. Это составило бы в месяц 600000 и в год – 7200000. Иметь возможность, не прибегая ни к каким чрезвычайным мероприятиям, расходовать миллионы и вовсе не знать об этом! Это состояние нас поражало, нам льстило и нас забавляло». – *351.*

[3] В своей лекции Л. А. Камаровский подробно остановился на задачах будущей конференции о сокращении вооружений и указал, что главной практической целью переговоров «всех государств Европы за исключением Турции» должно стать заключение договора, по которому «правительства на определенный срок обяжутся не увеличивать свои вооружения сверх определенной нормы» и, кроме того, решать все возникающие «недоразумения и споры дипломатическими способами и особыми международными третейскими судами» (Я. Откровенный. Лекция о разоружении // Дон, 26 ноября 1898, № 130). – *351.*

[4] Т. е. статью Н. Ф. Федорова «Разоружение». – *351.*

[5] Григорий Станиславович *Вашкевич* (1837–1923) – управляющий Губернской казенной палатой в Воронеже. Активный общественный деятель, он возглавлял комитет Воронежской публичной библиотеки, был членом комиссии народных чтений, ученой архивной комиссии, губернского благотворительного комитета и т. д. См. о нем: А. Акиньшин, О. Ласунский. Пахарь духовной нивы. Историко-краеведческие этюды. Воронеж, 1996, с. 22–27. – *351.*

[6] Письмо Н. Ф. Федорова Г. С. Вашкевичу от 22 ноября 1898 см. ниже. – *351.*

[7] *Родзевич* – неустановленное лицо. – *351.*

[8] Речь идет о книге В. А. Кожевникова «Философия чувства и веры». – *351.*

[9] В архиве Н. П. Петерсона сохранились два письма С. Е. Зверева В. А. Кожевникову – от 22 октября 1898 и от 30 апреля 1899 (опубликованы: Т. IV наст. изд., с. 666, 669–670),

однако в них не упоминается ни о рекомендации учебным комитетом книги В. А. Кожевникова, ни об отсутствии ее в продаже. – *351.*

[10] Речь идет о стихотворении «Жить или не жить?» (см. примеч. 1 к письму 142). – *351.*

[11] См. примеч. 1 к письму 161. – *351.*

[12] См. примеч. 7 к письму 161. – *351.*

[13] О какой статье В. А. Кожевникова идет речь, установить не удалось. Можно предположить, что она была тематически связана со статьей Н. Ф. Федорова «Разоружение» и продолжала разговор о циркуляре 12 августа 1898 г. Упоминание об этой статье В. А. Кожевникова содержится также в письме Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 6 ноября 1898 (Т. IV наст. изд., с. 612), и, возможно, в совместном письме Н. П. Петерсона и Н. Ф. Федорова к В. А. Кожевникову от 10 февраля 1899 г. (письмо 178). В воронежской периодике статья не была напечатана. – *351.*

[14] Ректором Воронежской духовной семинарии в 1887–1900 гг., а также редактором неофициальной части «Воронежских епархиальных ведомостей» был Алексей Михайлович *Спасский* (1849–1920). См. о нем: А. Акиньшин. Один с митрой. К 250-летию Воронежской духовной семинарии // Воронежский курьер, 15 июня 1995. Статья Н. Ф. Федорова «Новая картина "Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне..."», посвященная картине Л. Г. Соловьева «Первосвященническая молитва», была передана А. М. Спасскому Н. П. Петерсоном. Но хотя А. М. Спасский высоко оценил статью – как «замечательную по глубине и оригинальности мысли» (см. письмо Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 6 ноября 1898: Т. IV наст. изд., с. 612), в «Воронежских епархиальных ведомостях» она так и не появилась – так же как не была напечатана и вторая упомянутая в письме заметка, к которой ректор также отнесся с нескрываемым интересом. По предположению А. Н. Акиньшина и О. Г. Ласунского, в том, что «ни один из материалов Н. Ф. Федорова в "Воронежских епархиальных ведомостях" на протяжении 1896–1900 годов так и не появился», «не последнюю роль [...] сыграл епископ Иосиф» (викарий Воронежской епархии), который во многом определял направление епархиальной газеты и «у которого федоровские суждения не нашли поддержки» (А. Акиньшин, О. Ласунский. В кругу священнослужителей (Н. Ф. Федоров в Воронеже) // Воронежский епархиальный вестник, 1993, № 10–12, с. 16, 17). – *352.*

[15] И. М. Ивакину. – *352.*

[16] Статья публициста, литературного критика, историка литературы Николая Александровича *Энгельгардта* (1867–1942) «Литературные заметки» («Новое время», 1898, № 8163, 17(29) ноября) была посвящена трактату Л. Н. Толстого «Что такое искусство?» Поддерживая толстовскую критику «чистого искусства» и эстетики декаданса, Н. А. Энгельгардт сочувственно откликался главной мысли писателя о назначении «всемирного, всенародного, христианского искусства», о религиозно-нравственной ориентации творчества художника. При этом Энгельгардт подчеркивал важность в искусстве «чувственного», телесного начала, которое не только не исчезает на самых высших стадиях христианского искусства, но просветляется и одухотворяется, подчиняясь конечному идеалу искусства – «братскому единению» прекрасных людей, стремлению «осязать в природе и в нас самих» «Божественное начало, негаснущей искрой в жизни, в мгле и смраде ее теплящееся», «воплощенного Бога». Отрицание одностороннего спиритуализма, подчеркивание важности материального, телесного начала, которое, добавил бы уже сам Федоров, должно быть просветлено и преображено (причем прообраз такого преображения как раз и дан в искусстве), – все это не могло не затронуть Федорова; к тому же, встречая в ком-либо из авторов созвучие своим мыслям, он всегда стремился как бы додумать за него, дорастить его идеи до своих.

Н. Ф. Федоров обратился к Н. А. Энгельгардту через посредство Н. П. Петерсона. Каким по содержанию было письмо к нему, неизвестно; можно предположить, что в нем высказывались мысли, изложенные в статьях о Толстом «Что такое добро» и «Об истине и красоте в статье Толстого "Что такое искусство?"».

Ответ Н. А. Энгельгардта последовал в конце февраля 1899 (см. письмо 179). – *352.*

[17] Текст этой проповеди см. в Т. III наст. изд., с. 447–448. – *352.*

[18] Речь идет о письме Л. Н. Толстого к И. М. Ивакину от 12 ноября 1891 г., написанном в ответ на его обращение к писателю с изложением идей Н. Ф. Федорова об атмосферической регуляции и франко-русском книгообмене. Впервые это письмо было опубликовано в книге В. А. Кожевникова о Н. Ф. Федорове (*Кожевников*, с. 320) – *352.*

[19] На французский язык В. А. Кожевников переводил статью Н. Ф. Федорова «Разоружение», намереваясь послать ее в журнал «Review of Reviews», издававшийся В. Т. *Стэдом* (1849–1912), английским публицистом-пацифистом, активно выступавшим за созыв мирной конференции и разворачивавшим широкую агитацию против войны. Посланная в журнал статья вызвала заинтересованный отклик Стэда (см. примеч. 5 к письму 167), однако при этом все же не была напечатана. – *352.*

[20] Намек на пожертвование В. А. Кожевникова в пользу Воронежского губернского музея. – *352.*

[21] См. примеч. 2 к письму 145. – *352.*

[22] Иван Иванович *Иванов* (1862–1929) – литературный и театральный критик. Контекст, в котором употреблена в данном письме фамилия Иванова, позволяет предположить, что фельетон Н. Ф. Федорова «Плата за цитаты», содержавший «дружественное предложение одного из ревностных поклонников французских литераторов» взимать «денежную плату за каждую цитату, за каждую выдержку из произведений дружественного нам народа», был сознательно подписан им «Ив-новъ». Сам Федоров был категорическим противником денежной платы как за книги, так и за лекции. – *353.*

[23] М. Г. Кожевниковой. – *353.*

[24] М. М. и С. М. Северовым. – *353.*

[25] Н. С. Бартеневой. – *353.*

163. Г. С. ВАШКЕВИЧУ

22 ноября 1898. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 63 (текст – рукой неустановленного лица). Копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 103–104. Ранее частично опубликовано: *Сочинения 1982*, с. 652–654.

Как следует из письма 162, поводом к письму Г. С. Вашкевичу (см. примеч. 5 к письму 162) стала реакция последнего на прочитанную ему статью Н. Ф. Федорова «Разоружение».

[1] Речь идет о лекции Л. А. Камаровского (см. примеч. 1 к письму 162), в которой была сделана ссылка на статью «Разоружение». – *353.*

[2] См. примеч. 7 к письму 161. – *354.*

[3] Письмо Г. С. Вашкевичу не было напечатано. В письме В. А. Кожевникову от 2–3 декабря 1898 г. читаем: «...на известное Вам письмо к Вашкевичу нет ответа». – *354.*

[4] См. примеч. 3 к письму 162. – *355.*

164. Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН – В. А. КОЖЕВНИКОВУ

26 ноября 1898. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, лл. 53–54 об. Оригинал – рукой Н. П. Петерсона. Копия части письма рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 119. Фрагменты письма опубликованы: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 220–221.

[1] См. примеч. 4 к письму 160. – *355.*

[2] См. примеч. 1 к письму 161. – *355.*

[3] В данном случае, говоря о нежелательности подвергать заметку о памятнике Александру III той же участи, которой подверглась заметка о Предкремлевском музее, Федоров, по всей видимости, имеет в виду не противодействие П. И. Бартенева. Скорее всего, речь идет о возможности препарирования статьи Федорова Ю. П. Бартеневым и включения ее отдельных кусков в его собственную статью на ту же тему – как это и произошло со статьей «Предкремлевский Московский Румянцевский Музей и памятник основателю этого Музея в самом Кремле», которая не была напечатана, однако послужила материалом для статьи Ю. П. Бартенева (см. примеч. 4 к письму 158). Возможно, Федоров не был удовлетворен тем, как Юрий Петрович использовал его статью (нечто подобное произошло осенью 1892 г., когда Ю. П. Бартенев ввел в свою статью «Святой Сергий Радонежский» ряд федоровских фрагментов – см. примеч. 19 к разделу «Приложения» «Письма Н. Ф. Федорову разных лиц»). – *355.*

[4] См. примеч. 6 к письму 161. – *355.*

[5] Было ли написано Е. Л. Марковым предисловие к автобиографии Л. Г. Соловьева в 1898 г. для газеты «Дон», неизвестно. Для публикации воспоминаний художника в журнале «Новое дело» (1902, № 9) такое предисловие Е. Л. Марков написал. – *355.*

[6] Письмо С. Е. Зверева В. А. Кожевникову с приглашением прочесть ряд лекций в пользу Воронежского губернского музея и участвовать в рождественской выставке не сохранилось. – *355.*

[7] По инициативе Н. Ф. Федорова Воронежский губернский музей планировал организовать к 25 декабря 1898 г. выставку «Рождество Иисуса Христа и умиротворение» (об этой выставке и участии в ней В. А. Кожевникова см. примеч. 374 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 651–653). – *355.*

[8] Ю. П. Бартеневу и И. М. Ивакину. – *355.*

[9] Лекция В. А. Кожевникова в Воронеже не состоялась. – *356.*

165. Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН – В. А. КОЖЕВНИКОВУ

2–3 декабря 1898. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, лл. 55–58 об. Оригинал рукой Н. П. Петерсона. Копия части письма рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 120–123. Фрагмент письма опубликован: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 221–222.

[1] Ни одно из упомянутых здесь писем В. А. Кожевникова не сохранилось. – *356.*

[2] См. примеч. 4 к письму 160. – *356.*

[3] См. примеч. 1 к письму 161. – *356.*

[4] Стихотворение «Жить или не жить?» В. А. Кожевников отдал в «Русский вестник» (оно было напечатано в № 4 за 1899 г.). – *356.*

[5] Опрос, произведенный В. А. Кожевниковым с целью выяснить отношение простых людей к циркуляру 12 августа 1898 г. и идее созыва конференции по разоружению, Н. Ф. Федоров сравнивает с опросом, предпринятым им же в конце 1897 г., об отношении интеллигенции и людей из народа к кремации (В. А. Кожевников. Любовь погибает // Русский вестник, 1898, № 1). – *357.*

[6] Речь идет о Н. Н. Черногубове (о его взаимоотношениях с Н. Ф. Федоровым см. примеч. к письму 280 (преамбула)). – *357.*

[7] Ссылка на речь германского императора Вильгельма II в Дамаске 9 ноября 1898 г. (см. примеч. 41 к «Статьям о разоружении и умиротворении» – Т. II наст. изд., с. 481–482). – *357.*

[8] Письмо 163. – *357.*

[9] Это письмо Н. Ф. Федорова к Е. Л. Маркову неизвестно. – *357.*

[10] См. примеч. 14 к письму 162. – *357.*

[11] Проповедь на день тезоименитства Государя Императора Николая II (6 декабря) написана Н. Ф. Федоровым в двадцатых числах ноября (см. письмо 162). Текст ее см. в Т. III наст. изд., с. 447–448. – *357.*

[12] Речь идет о второй проповеди Н. Ф. Федорова «Беседа в храме Кадетского корпуса по поводу циркуляра 12 августа о сокращении вооружений» (ее черновой текст см. в Т. IV наст. изд., с. 186–187). – *357.*

[13] Т. е. в статье Н. Ф. Федорова «Разоружение», напечатанной в «Новом времени» 14 ноября 1898 г. – *357.*

[14] Подробные отчеты о лекции Л. А. Камаровского, как установил А. Н. Акиньшин, были даны двумя газетами: «Воронежский телеграф» («Лекция проф. графа Камаровского», 25 ноября 1898, № 136, подпись «П. Н<иколаев>») и «Дон» (Я. Откровенный. Лекция о разоружении, 26 ноября 1898, № 130) – см.: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 220, 221. Автор первой статьи, передавая мнение Л. А. Камаровского о составе конференции о разоружении, писал: «Вероятно, будущей конференции придется коснуться и так называемых жгучих международных вопросов. Желательно, чтобы членами этой конференции были не одни дипломаты, а и знатоки народной жизни, люди высоконравственные, образованные юридически, стойкие и честные». Вторая статья также касалась этого мнения: «Представителями государств не должны быть одни дипломаты, но и выдающиеся юристы». – *357.*

[15] Гранки «Письма в редакцию газеты “Дон”» ныне хранятся в фонде Н. П. Петерсона в ОР РГБ (см. примеч. 15 к «Дополнению к разделу “Статьи о разоружении и умиротворении”»). – *358.*

[16] Имеется в виду выставка в Воронежском губернском музее «Рождество Иисуса Христа и умиротворение». – *358.*

[17] Текст этого стихотворения В. А. Кожевникова см. в Т. III наст. изд., с. 111. – *358.*

[18] М. Г. Кожевниковой, М. М. и С. М. Северовым, Н. С. Бартеневой, Ю. П. Бартеневу, И. М. Ивакину. – *358.*

166. Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН – В. А. КОЖЕВНИКОВУ

8 декабря 1898. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, лл. 59–62. Оригинал – рукой Н. П. Петерсона. Копия части письма рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 124–126.

[1] Это письмо В. А. Кожевникова не сохранилось. – *358.*

[2] Речь идет о письме 165. – *359.*

[3] По всей видимости, В. А. Кожевников приложил к своему письму вырезку из № 8178 газеты «Новое время» от 2(13) декабря. Передовица этого номера и часть рубрики «Среди газет и журналов» была посвящена статье газеты «Temps», в которой опровергались слухи о провале идеи мирной конференции и сообщалось, что конференция состоится в Петербурге, но членами ее будут не особые уполномоченные и депутаты держав, а лишь послы и посланники, аккредитованные при русском дворе. Приветствуя предстоящую конференцию, французская газета подчеркнула ее значение для всего цивилизованного сообщества, указав, что она призвана готовить будущее, «которое сливается с отдаленными перспективами тысячелетия». – *359.*

[4] 8(20) декабря 1898 г. в № 8184 газеты «Новое время» в статье «К вопросу об ограничении вооружений» (рубрика «Внешние известия») было сообщено, что *В. Стэд* (см. примеч. 19 к письму 162), активный пропагандист идеи конференции о сокращении вооружений, организовал в Америке и Европе «паломничество в пользу мира»: оно началось 3(15) декабря 1898 г. и должно было продлиться до 20 января (1 февраля) 1899 г. Акция, по замыслу В. Стэда, должна была начаться сходками и собраниями в пользу мирной конференции, устраиваемыми во всех больших английских и американских городах; затем предполагалось избрать делегатов от европейских стран (общим количеством 27 человек), после чего избранная делегация должна была проехать по крупнейшим столицам Европы (Париж, Берлин, Вена, Рим) и направиться в Петербург для заключительной манифестации. – *359.*

[5] Мнение о том, что конференция о разоружении состоится в Петербурге, высказывалось в то время многими органами русской и зарубежной печати (см. выше примеч. 3). Это же мнение было выражено и Л. А. Камаровским в его лекции в Воронеже 20 ноября 1898 г. – *359.*

[6] См. примеч. 5 к письму 162. – *359.*

[7] См. примеч. 7 к письму 164. – *360.*

[8] Речь идет о путешествии германского императора Вильгельма II по Святым местам в октябре–ноябре 1898 г. – *360.*

[9] См. примеч. 6 к письму 164. – *360.*

[10] Вероятно, речь идет об издании: Н. Султанов. Памятник императору Александру II в Кремле Московском. СПб., 1898. – *360.*

[11] Речь идет о письме 165. – *360.*

167. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

10 декабря 1898. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, лл. 1–2 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 8, л. 1).

[1] См. примеч. 4 к письму 165. – *360.*

[2] См. письмо 165. – *360.*

[3] Речь идет о проповеди на день тезоименитства императора Николая II (6 декабря). Как следует из письма от 2–3 декабря 1898, С. Е. Зверев взял текст проповеди, написанный Н. Ф. Федоровым, и собирался его «разбавить». В конечном итоге, проповедь была произнесена в другом храме и другим лицом (см. письмо 170). В печати она не появилась. – *361.*

[4] Речь идет о Ю. П. Бартеневе. Резкость тона Н. Ф. Федорова по отношению к нему отчасти объясняется досадой на то, что Юрий Петрович так и не вызволил статью «Предкремлевский Московский Румянцевский Музей и памятник основателю Музея в самом Кремле» из редакции «Московских ведомостей» и не прочел ее вместе со статьей «О памятнике Александру III...» П. В. Жуковскому (см. по этому поводу объяснения в письме Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 10 декабря 1898 – Т. IV наст. изд., с. 613–614), а также раздражением против В. А. Кожевникова (см. примеч. 5). – *361.*

[5] Речь идет о письме английского публициста Р. Лонга к Н. Ф. Федорову, написанном им по поручению пацифиста В. Стэда. В ноябре 1898 г. В. А. Кожевников отправил французский перевод статьи «Разоружение» в журнал «Review of Reviews», издававшийся В. Стэдом; при

этом он сообщил в редакцию имя Н. Ф. Федорова как автора статьи и его воронежский адрес. Заинтересовавшись статьей, В. Стэд обратился через Р. Лонга, жившего тогда в Москве, к Н. Ф. Федорову с рядом вопросов, касавшихся содержания статьи.

Причины негативной реакции Н. Ф. Федорова на то, что В. А. Кожевников сообщил в редакцию «Review of Reviews» его имя и адрес, пояснены в письмах Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 10 и 11 декабря 1898 (Т. IV наст. изд., с. 613–614). Под влиянием Н. П. Петерсона, стремившегося разубедить своего друга и учителя в его подозрениях, позиция Н. Ф. Федорова по отношению к запросам В. Стэда и Р. Лонга изменилась уже на следующий день (см. письмо Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 11 декабря – там же, с. 614). По просьбе Н. Ф. Федорова В. А. Кожевников вступил в контакт с Р. Лонгом и в течение декабря–января 1899 г. познакомил его с рядом статей мыслителя (см. последующие письма).

Впоследствии, уже после смерти Н. Ф. Федорова, сюжет, связанный со статьей «Разоружение» и интересом к ней В. Стэда и Р. Лонга, всплыл в переписке Н. П. Петерсона и В. А. Кожевникова. Н. П. Петерсон в январе 1904 г. написал статью памяти Федорова, которую предназначал для «Нового времени». В этой статье он упомянул и о публикации на страницах газеты в 1898 г. статьи «Разоружение». Отправив статью В. А. Кожевникову, он просил его: «Очень бы хорошо было, если бы Вы статью (коли найдете ее стоющею того, чтобы отправлять в “Новое Время”) дополнили примечанием, в котором рассказали бы о впечатлении, произведенном статьею на Стэда и Лонга, и отношениях с ними; это украсило бы статью и придало ей интерес. – Ведь было письмо Стэда к автору статьи (письмо В. Стэда было адресовано не Н. Ф. Федорову, а Р. Лонгу и содержало вопросы к мыслителю, собственно же письмо к Н. Ф. Федорову принадлежало Р. Лонгу. – *Сост.*), где оно, я не знаю, – вероятно, находится в бумагах Н<ико>лая Ф<едорови>ча; помещать его не следует, все письма Вы поместите, вероятно, в Вашей статье, но изложить в Вашем примечании содержание его было бы недурно» (ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 24, л. 54–54 об.).

Ни письмо В. Стэда к Р. Лонгу, ни письмо Р. Лонга к Н. Ф. Федорову не разысканы. В своей книге «Николай Федорович Федоров» В. А. Кожевников никак не упомянул о них и вообще оставил за пределами повествования названный сюжет. Восстановить его он собирался в «Воспоминаниях», предназначенных для III тома «Философии общего дела» (см. ОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр. 6, л. 117), однако судьба этих воспоминаний неизвестна. – *361.*

168. Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН – В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Между 11 и 17 декабря 1898. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, лл. 73–74 об. Оригинал – рукой Н. П. Петерсона. Копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 135–136.

[1] См. примеч. 5 к письму 167. – *361.*

[2] По всей видимости, несохранившееся письмо Р. Лонга от 1 декабря 1898 г., написанное по поручению В. Стэда, было небольшим и содержало приглашение к диалогу. – *361.*

[3] Статья «Разоружение» в «Review of Reviews» напечатана не была. – *361.*

[4] Речь идет о статье Н. Ф. Федорова «Еще об историческом значении царского титула» («Русский архив», 1895, № 7). – *361.*

[5] В данном случае Н. Ф. Федоров оценивает колониальную политику Англии с проективной точки зрения. К реальной политике Англии на африканском континенте мыслитель относился отрицательно (см. письмо 123, а также высказывания по поводу англо-бурской войны в письмах 211, 214, 218). – *362.*

[6] 14 сентября в № 193 газеты «Русские ведомости» была помещена статья С. Фортунатова «Результаты испано-американской войны для Соединенных Штатов». Ее автор указывал на большие трудности, с которыми неизбежно столкнется Америка, вступив на путь колониализма, поскольку у нее нет, в отличие от той же Англии, ни опыта действий на подвластных территориях, ни специально подготовленной системы колониальных чиновников. Внешнеполитический курс Соединенных штатов, подчеркивал он далее, определяемый партией республиканцев, вызывает недовольство внутри страны и даже у президента Мак-Кинли, который, несмотря на свою принадлежность к республиканцам, «к вопросу о присоединении Филиппинских островов относится с гораздо большей сдержанностью, чем большинство. [...] Весьма возможно, что в открывающейся в будущем месяце конференции между испанскими и американскими уполномоченными для окончательного заключения мира Соединенные Штаты воздержатся от требования присоединения к Американской республике всех Филиппинских островов». – *362.*

[7] См. примеч. 8 к письму 229. – *362.*
[8] Возможно, названная статья – первоначальная редакция статьи «Священно-научный милитаризм» (ср.: Т. II наст. изд., с. 291). – *362.*
[9] Т. е «Разоружение». – *362.*

169. Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН – В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Между 17 и 19 декабря 1898. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, лл. 49–52 об. Оригинал – рукой Н. П. Петерсона. Копия части письма рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 117–118. Датируется по содержанию.

[1] См. примеч. 5 к письму 167. – *362.*
[2] Федоров перечисляет свои собственные статьи. – *362.*
[3] Нижеследующий текст является наброском к статье Н. Ф. Федорова «Задача Конференции мира» (см. Т. II наст. изд., с. 317–319). – *363.*
[4] Речь идет о письме 166. – *364.*
[5] См. примеч. 3 к письму 168. – *364.*
[6] Статья, написанная Н. Ф. Федоровым совместно с Н. П. Петерсоном, была напечатана в газете «Дон» 17 декабря 1898. – *364.*

170. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

19 декабря 1898. Воронеж

Оригинал не сохранился. Печатается по копии рукой Н. П. Петерсона – ОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр. 6, лл. 139–141.

[1] См. примеч. 5 к письму 167. – *365.*
[2] Следующий далее текст продолжает набросок к статье «Задача Конференции мира», начатый в письме 169 (окончательный вариант этого текста см. в Т. II наст. изд., с. 319). – *365.*
[3] См. примеч. 4 к письму 166. – *366.*
[4] Чью именно проповедь имеет в виду Н. Ф. Федоров, не установлено. – *366.*
[5] См. примеч. 5 к письму 165. – *366.*
[6] *Придача* – пригородная слобода на левом берегу р. Воронеж; в настоящее время находится в черте города. Как установил А. Н. Акиньшин (*Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 223), настоятелем церкви Рождества Христова на Придаче был священник Иван Михайлович Скрябин. В доме Скрябиных на Острожном бугре с момента приезда в Воронеж жил Н. П. Петерсон с семьей. По всей вероятности, проповедь Н. Ф. Федорова на день тезоименитства Николая II была передана И. М. Скрябину самим мыслителем или Н. П. Петерсоном, а он в свою очередь переадресовал ее своему подопечному. – *366.*
[7] «Беседа в храме Кадетского корпуса по поводу циркуляра 12 августа о сокращении вооружений» (Т. IV наст. изд., с. 186–187) и «Беседа на новый 1899 год» (Т. II наст. изд., с. 312–314). – *366.*

171. Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН – В. А. КОЖЕВНИКОВУ

20 декабря 1898. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, лл. 77–78 об. Оригинал – рукой Н. П. Петерсона. Копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 142–143.

[1] Речь идет о статье Н. Ф. Федорова «Еще об историческом значении царского титула», с которой он предлагал В. А. Кожевникову познакомить Р. Лонга (см. письмо 168). – *366.*
[2] Заметка «Нового времени» (8 декабря 1898, № 8184), упоминаемая здесь Н. Ф. Федоровым, начиналась с реферата статьи В. Т. Стэда, которая должна была быть помещена в рождественском номере журнала «Review of Reviews» и повествовала о поездке публициста в Ливадию. «В русских высших сферах, – цитировал В. Стэда корреспондент "Нового времени", – исполнены сочувствия к бедным классам населения и нигде, как в этих сферах, так живо не ощущают их страдания. Тем же чувством объясняется и их желание провести меры, направленные к облегчению народов от гнета непомерных вооружений. К тому же все усилия, приложенные в нынешнем веке к ослаблению ужасов войны, исходили от царей. Деду ныне царствующего Императора (Александру II. – *Сост.*) принадлежит почин созыва конференции для организации помощи раненым Обществом Красного Креста, и его же инициативам мы обязаны международным законом, которым воспрещается употребление на войне разрывных пуль». – *366.*

[3] См. примеч. 59 к «Статьям о разоружении и умиротворении» – Т. II наст. изд., с. 483. – *366.*

[4] Это письмо В. Стэда к Р. Лонгу, содержащее вопросы к автору статьи «Разоружение», не разыскано. – *366.*

[5] Речь идет о статье «Разоружение». – *367.*

[6] Письма 169, 170. – *367.*

172. Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН – В. А. КОЖЕВНИКОВУ

24 декабря 1898. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, лл. 79–81 об. Оригинал – рукой Н. П. Петерсона. Копия рукой Н. П. Петерсона без финальных приветствий и поздравлений – к. 4, ед. хр. 6, лл. 144–146.

Письмо продолжает серию декабрьских писем Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову, содержащих советы и указания по поводу контактов последнего с Р. Лонгом.

[1] Свое понимание задач предстоявшей конференции по вопросу о сокращении вооружений Н. Ф. Федоров изложил в письмах В. А. Кожевникову между 17 и 19 декабря и от 19 декабря (№№ 169, 170). Предполагалось, что В. А. Кожевников познакомит с этим изложением Р. Лонга. – *368.*

[2] Н. Ф. Федоров указывает на те части статьи Ю. П. Бартенева «В. Н. Каразин и господство над природою» («Русский архив», 1892, № 5), набросок которых был написан для Ю. П. Бартенева им самим (см. примеч. 17 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве»). – *368.*

[3] В. А. Кожевникову была выслана вырезка из газеты «Дон» от 23 декабря 1898 г. (№ 148) с заметкой С. Е. Зверева «VI периодическая выставка в Музее». Говоря о содержании выставки и ее экспонатах, С. Е. Зверев упомянул, что, помимо большого количества видов Палестины («до 200 №»), «представлены будут в незначительном количестве №№ виды Кремля и Египта». Просьба о присылке альбома с изображением памятника императору Александру II в Московском Кремле, имевшегося у Ю. П. Бартенева, была изложена в письме В. А. Кожевникову от 8 декабря 1898 (№ 166). Ю. П. Бартенев альбом прислал, и «фотография новооткрытого памятника Императору Александру II» была помещена «в первой комнате» музея вместе с изображением «внутренности мечетей Ая-Софии Сулейманиэ, старой Византийской стены», «гравюр Москвы 1797 года» и др. («Шестая выставка Музея» // Дон, 2 января 1899, № 2; см. также: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 183). Однако в заметке С. Е. Зверева в перечне лиц, принимавших участие в выставке (были названы В. А. Кожевников, Е. Л. Марков, М. П. Паренаго), фамилии Ю. П. Бартенева не значилось. – *368.*

[4] Речь идет о статье Н. Ф. Федорова «Предкремлевский Московский Румянцевский Музей и памятник основателю этого Музея в самом Кремле». – *368.*

[5] Речь идет о статье Н. Ф. Федорова «О памятнике Александру III, о месте и значении этого памятника», которая была передана В. А. Кожевниковым Ю. П. Бартеневу для прочтения ее П. В. Жуковскому (см. примеч. 1 к письму 161). – *369.*

[6] Комментарий к замыслу выставки «Рождество Иисуса Христа и умиротворение» Н. Ф. Федоров дал в первой статье своей брошюры «К делу умиротворения, возбуждаемому нотою 12-го августа 1898 года» (см. Т. III наст. изд., с. 190–196). См. также примеч. 374 к «Отечествоведению» – там же, с. 651–653. – *369.*

[7] На выставке изображение собора Св. Петра в Риме было помещено в той же комнате воронежского музея, что и виды Константинополя и Москвы (см. первую статью брошюры Н. Ф. Федорова «К делу умиротворения, возбуждаемому нотою 12-го августа 1898 года» – там же, с. 193). – *369.*

[8] Речь идет о гравюре И. Ф. Антинга (1795 г.), изображавшей здание дома Пашкова в его первоначальном виде (см. иллюстрации в наст. томе). – *369.*

[9] По всей видимости, Н. Ф. Федоров имеет в виду одного из братьев Щукиных, московских купцов, коллекционеров произведений искусства. *Щукин* Дмитрий Иванович (1855–1932) – собиратель старой живописи и скульптуры. В 1912 г. завещал свою коллекцию французских и нидерландских картин, а также итальянской бронзы Московскому Публичному и Румянцевскому музеям. *Щукин* Петр Иванович (1857–1912) – коллекционер. В 1892 г. в Москве на его средства был открыт Щукинский музей, основу которого

составили собранные им старинные гравюры, предметы персидского и японского искусства и русской старины. В 1905 г. передал свою коллекцию Историческому музею. – *369.*

173. Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН – В. А. КОЖЕВНИКОВУ

28 декабря 1898. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, лл. 82–83 об. Оригинал – рукой Н. П. Петерсона. Копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 146–148.

[1] В письме 169 Н. П. Петерсон передавал В. А. Кожевникову просьбу Н. Ф. Федорова получить его пенсию. – *369.*

[2] Об *А. П. Бушера* см. примеч. 6 к разделу «Приложения» «Письма Н. Ф. Федорову разных лиц». – *369.*

[3] Речь идет о письме 172. – *369.*

[4] *Так, прежде всего, принятие их требует непременно полного единогласия ∞ в чем ее уже и обвиняли по делу о Фашоде* – этот фрагмент вошел в статью Н. Ф. Федорова «О задачах Конференции о разоружении» (см. Т. II наст. изд., с. 298). *Дело о Фашоде* – см. примеч. 50 к «Статьям о разоружении и умиротворении» – там же, с. 482. – *370.*

[5] Речь идет о статье «Разоружение». – *370.*

[6] Статью Н. Ф. Федорова «Задача Конференции мира», включившую в себя содержание писем 169, 170, см. в Т. II наст. изд., с. 316–331. – *370.*

[7] Эти письма В. А. Кожевникова не сохранились. – *370.*

[8] Речь идет о проповедях Н. Ф. Федорова, написанных в конце ноября – декабре 1898 г. в Воронеже: «Проповедь на день тезоименитства Государя Императора Николая II (6 декабря)», «Беседа в храме Кадетского корпуса по поводу циркуляра 12-го августа 1898 года о сокращении вооружений», «Беседа на новый 1899 год». – *370.*

1899

174. Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН – В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Начало января 1899. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, лл. 75–76 об. Оригинал – рукой Н. П. Петерсона. Копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 137–139.

[1] См. примеч. 1 к письму 171. – *371.*

[2] См. письмо 168 и примеч. 5 к нему. – *371.*

[3] Вошла в статью «Задача Конференции мира» (см. Т. II наст. изд., с. 325–326). – *372.*

[4] «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно» (Исх 20:7). – *372.*

[5] См. примеч. 42 к разделу «Приложения» «Письма Н. Ф. Федорову разных лиц». – *372.*

175. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

11 января 1899. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, лл. 67–68 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 131).

[1] В не дошедшем до нас письме к Н. Ф. Федорову В. А. Кожевников излагал содержание корреспонденции из Берлина, появившейся в газете «Русские ведомости» 7 января 1899 г. (№ 7). Автор корреспонденции, сообщая о дебатах в германском рейхстаге по вопросу увеличения военных ассигнований, привел мнение военного министра Германии Госслера об определяющей роли артиллерии в войнах будущего: именно «артиллерийские линии» явятся там «скелетом сражения», и гаубицам новейшего типа придется решать судьбу боя. Комментируя это заявление, корреспондент замечал: «...я на днях прочел статью профессора Эсмарха, ссылавшуюся на опыты с новыми орудиями, которые произведены были над трупами: человеческого подобия не остается, все кости разбиваются вдребезги и превращаются в порошок, мягкие части горят пламенем». – *372.*

[2] Н. Ф. Федоров приводит цитату из объемистого труда богослова-экзегета Георгия Константиновича *Властова* (1827–1899) «Священная летопись первых времен мира и человечества как путеводная нить при научных изысканиях» (Т. I, СПб., 1875, с. 15, 2-я пагинация). Давая истолкование известной библейской цитате о сотворении человека (Быт 1:26–28), Г. К. Властов указывал на то, что подобие человека Богу – в инстанции разума и «во владычестве над землею»: человек «царствует над природой разумом, с

которым неразрывно связана свобода и который есть залог его совершенствования». В этой цитате, по мысли Властова, «вся будущность человека», в ней «таится указание науки, как той силы нравственной, которою человек будет властвовать над стихиями» (там же, с. 115, 1-я пагинация; с. 14–15, 2-я пагинация). Н. Ф. Федоров высоко ценил книгу Властова, в которой была сделана попытка согласования естественнонаучной и религиозной картин мира путем привлечения новейших научных данных, говоривших о восходящем характере эволюции, о ее направленности к порождению сознания. – *373.*

[3] Н. С. и Ю. П. Бартеневым. – *373.*

[4] См. примеч. 5 к письму 172. – *373.*

[5] См. примеч. 8 к письму 141. – *373.*

[6] Имеется в виду письмо В. Стэда к Р. Лонгу, содержавшее просьбу связаться с автором статьи «Разоружение» и ряд вопросов к последнему. – *373.*

[7] Н. П. Петерсон. – *373.*

176. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

12 января 1899. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, лл. 88–89 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 152–153).

[1] См. примеч. 337 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 643–644. – *373.*

[2] См. примеч. 1 к письму 175. – *373.*

[3] См. примеч. 341 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 644–645. – *373.*

[4] Вопреки этому прогнозу, В. А. Кожевников по наметкам, сделанным Н. Ф. Федоровым в письмах от 11 и 12 января 1899 г., написал статью «К вопросу об умиротворении» (Т. IV наст. изд., с. 562–566). – *374.*

[5] Вильгельма II. – *374.*

[6] Речь идет о Всемирной выставке, которая должна была состояться в Париже в 1900 г. – *374.*

177. Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН – В. А. КОЖЕВНИКОВУ

22 января 1899. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, лл. 84–85 об. Оригинал – рукой Н. П. Петерсона. Копия (без финальных поклонов и прощальных фраз) рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 148–149.

[1] Это намерение Н. Ф. Федорова Н. П. Петерсон комментирует в письме к В. А. Кожевникову от 23 января 1899 г. (см. Т. IV наст. изд., с. 615). – *374.*

[2] Н. Ф. Федоров выехал из Воронежа 15 февраля 1899 г. На несколько дней он остановился в Москве в доме В. А. Кожевникова, присутствовал на похоронах Я. Ф. Браве, а затем направился в Сергиев Посад. 23 февраля он был «у Пристава Сергиевского посада явлен и в книгу по Московской улице по дому Бурцева под № 640 записан» (паспорт Н. Ф. Федорова // Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 117). – *374.*

[3] Речь идет о заметке Н. Ф. Федорова «Еще об историческом значении царского титула». – *374.*

[4] Набросок письма не сохранился. – *374.*

[5] Григорий Александрович *Кожевников* (1866–1933) – брат В. А. Кожевникова. Окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. В 1900 г. защитил магистерскую диссертацию, а в 1905 – докторскую. Заведовал кафедрой зоологии беспозвоночных в Московском университете. В 1904–1931 гг. – директор Зоологического музея. Г. А. Кожевников – основоположник природоохранного движения в России. В 1913 г. представлял российскую сторону на 1-й международной конференции по охране природы в Берне. Один из организаторов Всероссийского общества охраны природы.

По всей видимости, Г. А. Кожевников привлек внимание В. А. Кожевникова и Н. Ф. Федорова к факту организации метеорологической станции в Люкчюнской котловине экспедицией В. И. Роборовского (см. примеч. 75 к разделу «Приложения» «Вокруг Федорова»). – *375.*

[6] Статья, из которой взят приведенный Федоровым факт, принадлежала Б. Л. Тагееву, участнику военного похода на Памир 1892 г., ставшего одним из завершающих этапов завоевания Россией Средней Азии. Укрепление, имевшее в своем составе метеороло-

гическую вышку, было построено на Памире в районе р. Мургаб в период с 23 июля по 31 октября 1892 г. – *375.*

[7] См. письмо 176 и примеч. 4 к нему. Статья «К вопросу об умиротворении» была отдана В. А. Кожевниковым в «Русский вестник» (см. его письма к Г. П. Георгиевскому от 16 и 23 января 1899 в Т. IV наст. изд., с. 666–667), однако в печати не появилась. – *375.*

178. Н. Н. ПЕТЕРСОН, Н. Ф. ФЕДОРОВ – В. А. КОЖЕВНИКОВУ

10 февраля 1899. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 24, лл. 34–35. Оригинал – рукой Н. П. Петерсона.

[1] Речь здесь может идти как о статье В. А. Кожевникова «К вопросу об умиротворении», которую он, узнав о том, что статья не пойдет в «Русском вестнике» (см. примеч. 7 к письму 177), мог переправить в Воронеж, так и о статье, упоминаемой в письме Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 21–23 ноября 1898 и Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 6 ноября 1898. – *375.*

[2] Имеется в виду цензурная правка «Письма в редакцию газеты "Дон"», так и не появившегося в печати; в приведенной в тексте письма цитате из статьи «Разоружение»: «Царь философов Кант, а также и Конт, будут развенчаны, и Россия освободится от всякого чуждого влияния...» – цензор вычеркнул слово «царь», поправив начало фразы на «Философ Кант» (эту правку на гранках «Письма» см.: ОР РГБ, ф. 657, к. 2, ед. хр. 2, л. 20). Правка цензора была тем нелепее, что цитируемое место уже трижды появлялось в печати: в самой статье «Разоружение» в «Новом времени» и в двух иронических заметках на страницах газет «Курьер» и «Саратовский дневник». Как можно заключить из данного письма, Н. П. Петерсон пытался добиться напечатания «Письма в редакцию...» без цензурных поправок и обращался по этому поводу к воронежскому губернатору *П. А. Слепцову*. – *375.*

[3] Возможно, речь идет о стихотворении В. А. Кожевникова «Вакхическая песнь» («Русский вестник», 1899, № 2, с. 500). – *375.*

[4] В № 3 «Русского вестника» была напечатана поэма В. А. Кожевникова «Христос и грешница»; в № 4 появилось стихотворение «Жить или не жить?». – *375.*

[5] Статья «Забытая философия» («Русский вестник», 1898, №№ 9, 11) представляла собой реферат книги В. А. Кожевникова «Философия чувства и веры». Автор реферата (установить его имя не удалось) высоко оценивал этот труд. – *375.*

[6] Речь идет о Г. П. Георгиевском (см. о нем примеч. 2 к письму 71), который состоял сотрудником журнала «Русский вестник». – *375.*

179. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

3 марта 1899. Сергиев Посад

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, лл. 40-41 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 72).

[1] *Н.В.* – Надежда Васильевна Веретенникова (1844–?), согласно разысканиям А. Н. Акиньшина, – «дочь купца; была близка к семейству известного в Воронеже врача и общественного деятеля К. В. Федяевского» (*Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 225). 24 февраля 1899 г. она, разыскивая Н. Ф. Федорова, обратилась с письмом к Н. П. Петерсону. Письмо Н. В. Веретенниковой Н. П. Петерсон отправил на адрес В. А. Кожевникова (см. письмо Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 19 марта 1899 – Т. IV наст. изд., с. 615–616), а Владимир Александрович передал (или переслал его) Н. Ф. Федорову в Сергиев Посад. Текст письма не сохранился, однако о его содержании можно узнать по другому письму Н. В. Веретенниковой, адресованному Н. П. Петерсону и датированному 3 марта 1899 (там же, с. 668). – *376.*

[2] *Мазуренко* Семен Петрович – согласно разысканиям А. Н. Акиньшина, «подпоручик Коротоякского резервного батальона, в мае 1899 г. уволен в отставку. Состоял под гласным надзором полиции» (*Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 225). – *376.*

[3] См. примеч. 5 к письму 162. – *376.*

[4] К письму Н. В. Веретенниковой от 24 февраля 1899 г. был приложен некролог Я. Ф. Браве. – *376.*

[5] Заметку «Добровольный деятель Московского Румянцевского музея», помещенную Н. Ф. Федоровым и В. А. Кожевниковым в «Русских ведомостях», см. в Т. III наст. изд., с. 240. О Я. Ф. Браве см. примеч. 19 к разделу «Библиотеки и музейно-библиотечное образование» – там же, с. 670. – *376.*

[6] Все перечисленные материалы, а также некролог Я. Ф. Браве, написанный Н. В. Веретенниковой, были присланы Н. П. Петерсоном на адрес В. А. Кожевникова (см. примеч. 1). Письмо Н. А. Энгельгардта было ответом на обращение к нему Н. Ф. Федорова через посредство Н. П. Петерсона в конце ноября 1898 г. (см. примеч. 16 к письму 162). Текст письма не сохранился. – *376.*

[7] Н. П. Петерсон послал Н. А. Энгельгардту некоторые статьи Н. Ф. Федорова, напечатанные в газете «Дон», в том числе и «Предисловие к изданию письма Ф. М. Достоевского». Неясно, было ли это сделано в дополнение к ноябрьскому письму или после получения ответа Н. А. Энгельгардта. – *376.*

180. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

21 марта 1899. Сергиев Посад

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, лл. 5–6 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 157–158). Ранее опубликовано: *Сочинения 1982*, с. 645–646.

[1] О содержании статьи «Военные мысли о штатском деле», принадлежавшей военному инженеру В. Я. Симонову, см. примеч. 1 к «Статьям о разоружении и умиротворении» – Т. II наст. изд., с. 478. – *376.*

[2] Нижеследующий текст письма стал основой статьи Н. Ф. Федорова «Об условности пророчеств о кончине мира» (см. Т. II наст. изд., с. 49–51). Статья была оформлена во время приезда В. А. Кожевникова в Сергиев Посад в конце марта 1899 г. – *377.*

[3] См. примеч. 28 к «Статьям религиозного содержания» (см. там же, с. 447). – *377.*

[4] Ф. Ницше. – *377.*

[5] См. примеч. 25 к «Статьям религиозного содержания» (там же, с. 447). – *377.*

[6] См. примеч. 23 к тому же разделу (там же). – *377.*

[7] Эти молитвы Н. Ф. Федоров цитирует по книге «Католикос Востока и его народ». СПб., 1898, с. 42–43. – *377.*

[8] Это письмо Н. И. Стороженко см. в Т. IV наст. изд., с. 649–650. – *377.*

[9] Письмо Н. Ф. Федорова к Н. И. Стороженко от 23 марта 1899 см. ниже. – *377.*

[10] М. Г. Кожевниковой, С. М. и М. М. Северовым. – *378.*

181. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

23 марта 1899. Сергиев Посад

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 72, лл. 1–2 об.

Письмо написано вверху листа, на котором помещен текст письма к Н. И. Стороженко от 23 марта 1899 (№ 182).

[1] Речь идет о письме Н. И. Стороженко к Н. Ф. Федорову от 19 марта 1899 г. (Т. IV наст. изд., с. 649–650). – *378.*

[2] Судя по тому, что фрагмент листа с сопроводительным текстом, адресованным В. А. Кожевникову, так и не был отрезан, можно предположить, что ответ Н. Ф. Федорова Н. И. Стороженко В. А. Кожевников по назначению не послал. Возможно, он передал Н. И. Стороженко содержание ответа при личном свидании в Музее. Был ли составлен другой вариант ответа, неизвестно. – *378.*

[3] Это письмо Н. Ф. Федорова В. А. Кожевникову не сохранилось. – *378.*

182. Н. И. СТОРОЖЕНКО

23 марта 1899. Сергиев Посад

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 72 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 7, л. 6).

Ответ на письмо Н. И. Стороженко от 19 марта 1899 г. Ответ этот, по всей видимости, не был отослан (см. примеч. 2 к письму 181). О Н. И. Стороженко см. примеч. 15 к «Дополнению к разделу "Библиотеки и музейно-библиотечное образование"».

Помимо беловика письма к Н. И. Стороженко в архиве Н. П. Петерсона сохранился его черновик без обращения и подписи с пометами в конце текста: «Получил письмо от Н. И. Стороженки с предложением принять участие в библио<графическом> труде для Пушкинской выставки» и «Посыл<аю> Вам ответ на предложение» (ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 121; копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, л. 47). Последняя фраза – вариант начала сопроводительного письма к В. А. Кожевникову от 23 марта 1899 г.

[1] М. А. Веневитинову, директору Московского Публичного и Румянцевского музеев. – *378.*

[2] Выставка к 100-летнему юбилею со дня рождения А. С. Пушкина проходила в Московском Публичном и Румянцевском музеях во второй половине мая 1899 г. (14, 16, 23 мая она была открыта для учащихся, 24–29 мая – для всеобщего обозрения). Выставка была устроена на основе Пушкинской коллекции отдела рукописей (в 1880 г. сыном поэта А. А. Пушкиным были подарены Музеям рукописи и рисунки Пушкина), а также изданий, хранившихся в фонде библиотеки. В экспозицию вошли автографы и рисунки поэта, печатные издания его сочинений: первые публикации, отдельные издания, собрания сочинений, художественные альбомы и лубочные картины на темы из сочинений Пушкина, переводы на иностранные языки и смесь (некрологи и статьи о Пушкине 1837 г., народные песенники с произведениями Пушкина, портрет и 2 посмертных маски поэта). См.: «Московский Публичный и Румянцевский музеи. Пушкинская выставка 1899 г. Указатель». М., 1899; «Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1899 г.». М., 1900, с. 5–6. – *378.*

[3] Свое отношение к А. С. Пушкину и Пушкинскому юбилею 1899 г. Н. Ф. Федоров выразил в статье «К Пушкинскому юбилею» и заметке «Что крылось под Пушкинским юбилеем?» (Т. III наст. изд., с. 522–528). См. также примеч. 134 к «Статьям о литературе и искусстве» – Т. III наст. изд., с. 725–726. – *378.*

[4] О Я. Ф. Браве и его книге, посвященной Московскому Публичному и Румянцевскому музеям, см. примеч. 19 к разделу «Библиотеки и музейно-библиотечное образование» (Т. III наст. изд., с. 670). – *378.*

[5] Речь идет о некрологе Я. Ф. Браве «Добровольный деятель Московского Румянцевского Музея», написанном Н. Ф. Федоровым совместно с В. А. Кожевниковым (текст его см. в Т. III наст. изд., с. 240). Судя по данной фразе, некролог был напечатан в сокращении. – *378.*

[6] Мысль о необходимости поместить в читальном зале Московского Публичного и Румянцевского музеев портрет Я. Ф. Браве была высказана Н. Ф. Федоровым в заключение некролога «Добровольный деятель Московского Румянцевского Музея». – *378.*

183. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

24 марта 1899. Сергиев Посад

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, лл. 3–4 (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 4, ед. хр. 6, л. 156).

[1] Письмо 184. – *379.*

[2] См. примеч. 2 к письму 180. – *379.*

[3] Письма 181, 182. – *379.*

[4] Цитируемое Н. Ф. Федоровым письмо не сохранилось. Н. П. Петерсон был официально определен на должность члена Асхабадского окружного суда 20 марта 1899 г. (*Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение,* с. 226). – *379.*

[5] Упомянутые письма В. А. Кожевникова к Н. Ф. Федорову не сохранились. По всей видимости, В. А. Кожевников прислал Н. Ф. Федорову оттиск своей поэмы «Христос и грешница» («Русский вестник», 1899, № 3, с. 35–46). Текст «*благодарственного письма*» Н. Ф. Федорова не сохранился. – *379.*

184. В. Я. СИМОНОВУ

29 марта 1899. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, лл. 61–62 об. Оригинал – рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. Ф. Федорова. Копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 159–160.

Владимир Яковлевич *Симонов* (1857 – после 1918) – военный инженер. В 1890-х годах состоял начальником дистанции на Закаспийской железной дороге. Затем служил в Петербурге в чине полковника. Член Общества ревнителей военных знаний и Императорского русского технического общества. Занимался вопросами организации и подготовки железнодорожных войск.

Письмо В. Я. Симонову, автору статьи «Военные мысли о штатском деле» (о ее содержании см. примеч. 1 к «Статьям о разоружении и умиротворении» – Т. II наст. изд., с. 478), Н. Ф. Федоров написал в Сергиевом Посаде между 21 и 24 марта 1899 г. Затем совместно с В. А. Кожевниковым, навестившим мыслителя, по всей вероятности, в субботу 27 марта (см. письмо 183), отредактировал его. Вернувшись в Москву, В. А. Кожевников переписал письмо и отправил его В. Я. Симонову (этот беловик не разыскан), а копию выслал

Н. Ф. Федорову (по данной копии письмо В. Я. Симонову и печатается в наст. изд.). На этом письме Н. Ф. Федоров сделал три мелкие поправки (см. примеч. 3, 4, 8).

Ответ В. Я. Симонова от 8 апреля 1899 г. см.: Т. IV наст. изд., с. 650–651.

[1] Местом, где написано письмо, названа Москва, поскольку Н. Ф. Федоров, по обыкновению, не указал своего имени, подписавшись «NN»; кроме того, в конце письма был дан московский адрес В. А. Кожевникова. – *379.*

[2] Эта и другие цитаты, приведенные в данном письме, взяты из статьи В. Я. Симонова «Военные мысли о штатском деле». – *380.*

[3] *т. е. смерти* – поправка Н. Ф. Федорова. В переписанном В. А. Кожевниковым тексте – «и смерти». – *380.*

[4] *в замене истребления воссозданием* – поправка Н. Ф. Федорова. В переписанном В. А. Кожевниковым тексте – «в замене истребления спасением и воссозданием». – *380.*

[5] Солидаризируясь с мыслью Н. Ф. Федорова о возможности и необходимости обращения армии «в мирное орудие», В. Я. Симонов в то же время указал на то, что предложенный им проект участия войска в деле атмосферической регуляции «при существующем положении вещей» вряд ли осуществим: для этого необходима специальная подготовка, предварительное обучение, организация которого потребует много времени и больших затрат. «Весьма возможно, – подчеркивал он, – что когда изучение метеорологии дойдет до такого совершенства, что можно будет управлять атмосферными осадками путем производства маневров с пальбой, от силы которой будет зависеть их количество, тогда, конечно, армия обратится в руках правительства в регулятор, которым оно будет управлять урожаями, военное министерство превратится в министерство плодородия, а содержание армии не будет ложиться тяжким бременем на государственный бюджет, так как вполне окупится тем избытком народного богатства, который дает правильное дождеобразование. Вот тогда-то метеорологические наблюдения войдут в программу обучения войск, займут в ней первенствующее место и будут вестись со всей тщательностью, добросовестностью и знанием дела [...]. Но это должно быть концом дела, а не началом его. Для начала же нужно подыскивать отдельным частям армии частные задачи, [...] выполнение которых с одной стороны увеличивало бы боевую готовность армии, с другой стороны удешевляло бы ее содержание, а с третьей подготовляло бы ее к постепенному превращению из орудия разрушающего в орудие созидающее» («Новое время», 17(29) марта 1899, № 8280). Общая задача, по мнению, В. Я. Симонова, должна быть поставлена не первой, а последней, венчая и объединяя все частные. – *380.*

[6] Речь идет о статье Н. Ф. Федорова «Задача Конференции мира». Статья эта не была напечатана. – *380.*

[7] Речь идет о «Предисловии к изданию письма Ф. М. Достоевского», в котором, разбирая мнение генерала М. И. Драгомирова «о неизбежности и безусловной необходимости войны», Н. Ф. Федоров излагал свой проект обращения армии в естествоиспытательную силу. – *380.*

[8] В автографе первоначально стояло: «квартира г. Кожевникова, Н. Ф. Федорову» (ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, л. 62 об.). Этот вариант был дан В. А. Кожевниковым при переписке составленного Н. Ф. Федоровым черновика, однако затем фамилия мыслителя в копии была густо зачеркнута, зачеркнуто также слово «квартира» и «г. Кожевникова» исправлено на «г. Кожевникову» (судя по почерку, сделано это было, скорее всего, самим Н. Ф. Федоровым). – *380.*

185. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

2 апреля 1899. Сергиев Посад

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33 (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 4, ед. хр. 6, л. 163).

[1] Решение о запрещении опытов искусственного вызывания дождя методом взрывов в облаках было вынесено Государственным Советом Трансвааля в 1896 г. (см. примеч. 103 к «Статьям и заметкам разного содержания». Статья в «Церковном вестнике», в котором упоминается это решение, не разыскана. – *381.*

[2] Эти письма В. А. Кожевникова к Н. Ф. Федорову не сохранились. – *381.*

[3] Речь идет о копии письма Н. Ф. Федорова к В. Я. Симонову от 29 марта 1899 (письмо 184). – *381.*

[4] Цитируемое письмо Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову не сохранилось. Н. П. Петерсон собирался в Сергиев Посад, чтобы помочь Н. Ф. Федорову перебраться в

Воронеж. В Москву он приехал 5 апреля 1899 г. (вечером этого дня состоялась его беседа с Л. Н. Толстым), а на следующий день уже был в Сергиевом Посаде.

Далее в письме Н. Ф. Федоров говорит *«о художественном нашествии России на Западную Европу»*, имея в виду предстоявшее 4 апреля 1899 г. торжественное освящение православного храма в Вене (проект построения этого храма был одобрен еще Александром III, который пожертвовал на построение храма 200000 рублей, что составило почти половину стоимости постройки). Комментируя это событие, российские корреспонденты писали о том, что освящение храма, на которое прибыли не только представители многочисленной венской православной колонии, но и официальная делегация из России во главе с В. К. Саблером, священники русских заграничных церквей, славяне из австрийских провинций и т. д., явилось «небывалым в Вене торжеством православия» и несомненно должно отозваться «оживлением славянского самосознания в населяющих Австрию славянских народах» («Церковный вестник», 8 апреля 1899, № 14, с. 545, 546). На празднество прибыл хор московских синодальных певчих, и вечером того же дня состоялся духовный концерт: он «производил на всех чарующее впечатление, показывая, как можно славить Бога не немыми звуками бездушных органов, а живым голосом разумных существ, созданных для прославления своего Творца» (там же, с. 546). – *381.*

186. Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН – В. А. КОЖЕВНИКОВУ

11 апреля 1899. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, лл. 8–9 об. Оригинал – рукой Н. П. Петерсона. Копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 164–165.

Письмо написано в день приезда Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона в Воронеж.

[1] Н. П. Петерсон, направляясь в Сергиев Посад за Н. Ф. Федоровым (см. примеч. 4 к письму 185), ночевал в московском доме В. А. Кожевникова. Там же он остановился вместе с Н. Ф. Федоровым по дороге из Сергиева Посада в Воронеж. – *381.*

[2] Речь идет о брошюре Г. П. Георгиевского «Завет преподобного Сергия» (М., 1893), написанной под влиянием идей Н. Ф. Федорова (см. преамбулу к «Отечествоведению» и примеч. 124 к «Статьям религиозного содержания из III тома “Философии общего дела”» – Т. III наст. изд., с. 579, 706–707), и предисловии Н. Ф. Федорова к публикации «Сказания о построении обыденного храма в Вологде...» («Чтения в императорском обществе истории и древностей российских», 1893, кн. 3 и отд. оттиск). Желание В. А. Кожевникова иметь эти издания было вызвано тем, что в 1899 г. он стал членом Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III (это общество было создано в 1895 г. и ставило своей целью умножение и распространение знаний по отечественной истории; имело право учреждать книгохранилища и читальни, а также снабжать литературой по русской и всеобщей истории библиотеки, учебные заведения и народные школы). Соответственно оживился и интерес В. А. Кожевникова к идеям Н. Ф. Федорова в области воспитания и образования, в том числе к проекту повсеместного построения школ-храмов, посвященных Пресв. Троице. Далее в этом и двух следующих письмах В. А. Кожевникову от 15 и 20 апреля 1899 г. Н. Ф. Федоров, откликаясь на эту заинтересованность Владимира Александровича, набрасывает новые штрихи проекта, надеясь, что В. А. Кожевников будет содействовать его проведению в жизнь. – *382.*

[3] Н. С. Бартеневой. – *382.*

[4] С. М. Северову. – *383.*

187. Л. Г. СОЛОВЬЕВУ

Между 11 и 15 апреля 1899. Воронеж

Ранее опубликовано: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение,* с. 120. Автограф – Воронежский художественный музей им. И. Н. Крамского, коллекционный фонд Л. Г. Соловьева, конверт 5, № 121.

О воронежском художнике Л. Г. Соловьеве см. примеч. 364 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 649–650.

[1] Чем была вызвана размолвка Н. П. Петерсона с Л. Г. Соловьевым, установить не удалось. – *383.*

[2] О федоровском проекте внешней росписи храма и интересе к этому проекту Л. Г. Соловьева см. примеч. 386 к «Отечествоведению» и 18 к «Статьям о литературе и искусстве» – Т. III наст. изд., с. 655, 712–713. Фото одного из набросков росписи см. в наст. томе. – *383.*

[3] Речь идет о картине Л. Г. Соловьева «Первосвященническая молитва» (ее эскиз см. в наст. томе). – *383.*

[4] Первый из прочитываемых в Великий Четверг на службе Страстей Христовых евангельских отрывков содержит прощальную беседу Спасителя с учениками и Первосвященническую молитву, в которой звучат слова «Да будут все едино...». – *383.*

[5] См. примеч. 2, 3 к письму 151. – *383.*

[6] Речь идет о статье Н. Ф. Федорова «Новая картина-икона “Да будут все едино...”», включенной им в брошюру «К делу умиротворения, возбуждаемому нотою 12-го августа 1898». – *383.*

[7] Судя по письму Н. Ф. Федорова к В. А. Кожевникову от 15 апреля 1899 г., Л. Г. Соловьев обещал сделать просимый снимок. – *383.*

188. В. Я. СИМОНОВУ

Между 12 и 15 апреля 1899. Воронеж

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 69 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 167). Ранее частично опубликовано: *Контекст 1988*, с. 329; *Сочинения 1994*, с. 363.

Второе письмо Н. Ф. Федорова к военному инженеру В. Я. Симонову написано после получения через В. А. Кожевникова его ответа на первое письмо. Текст второго письма был переслан Н. Ф. Федоровым В. А. Кожевникову с просьбой самому решить, посылать письмо или нет и если посылать, то изложить содержание письма «по-своему» (см. письмо 189). Как следует из письма 193, В. А. Кожевников ответ В. Я. Симонову отправил.

[1] В статье «Военные мысли о штатском деле» В. Я. Симонов, намечая пути расширения мирной деятельности армии, указал в частности на необходимость широкого использования в экстремальных ситуациях железнодорожных войск (транспортировка топлива в города, хлеба – в районы неурожая и т. д.). Этого же вопроса коснулся он и в своем письме к Н. Ф. Федорову от 8 апреля 1899 г. – *384.*

[2] Н. Ф. Федоров прилагал к письму вырезку из газеты «Дон» со своей статьей «Воронежский музей в 1998 году». – *384.*

[3] См. примеч. 7 к письму 184. – *384.*

[4] Письмо написано на Страстной седмице. Пасха в 1899 г. наступила 18 апреля. – *384.*

189. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

15 апреля 1899. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, л. 10–11 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 166).

[1] Речь идет о письме В. Я. Симонова Н. Ф. Федорову от 8 апреля 1899 (Т. IV наст. изд., с. 650–651). – *384.*

[2] См. письмо 188 и примеч. 2 к нему. – *384.*

[3] См. примеч. к письму 188 (преамбула). – *384.*

[4] право быть изображенным (*лат.*). – *384.*

[5] По всей видимости, речь идет о статьях Ю. П. Бартенева «Памятник Александру Второму и Московский Публичный Музей» («Русский архив», 1898, № 10, с. 263–266) и «Новые сведения об архитекторе В. И. Баженове» («Русский архив», 1899, № 4). Кроме этих двух статей, в 1898 – начале 1899 гг. в «Русском архиве» появились заметки П. И. и Ю. П. Бартеневых о письмах К. Н. Бестужева к графу С. Д. Шереметьеву (№ 1, с. 452–456), продолжилось печатание серии статей Ю. П. Бартенева о его предке Ю. Н. Бартеневе (1898, №№ 5, 12); наконец, была помещена поминальная статья Ю. П. Бартенева «Памяти О. К. Рейтерн» (1899, № 1, с. 200–203). – *384.*

[6] Стихотворение В. А. Кожевникова «Цель жизни» – ответ пушкинскому «Дар напрасный, дар случайный...» – было опубликовано в № 11–12 «Русского вестника» за 1898 г. Текст его см. в Т. III наст. изд., с. 728. – *384.*

[7] См. примеч. 2 к письму 186. – *385.*

[9] О желательности сопроводить свою статью «Новая картина-икона “Да будут все едино...”» фотографией картины Л. Г. Соловьева «Первосвященническая молитва» Н. Ф. Федоров писал художнику по приезде в Воронеж (письмо 187). – *385.*

190. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

20 апреля 1899. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, лл. 12–13 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 168–169).

[1] По всей вероятности, текст, выросший из писем 78, 79. – *385.*

[2] Речь идет о письме 186. – *385.*

[3] См. примеч. 375 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 653. – *385.*

[4] См. примеч. 286 к «Отечествоведению» – там же, с. 632. – *385.*

[5] Речь идет о письме 189. – *385.*

[6] Это письмо не сохранилось. – *385.*

[7] Федоров имеет в виду статью «Мысли о разоружении» («Новое время», 13(25) апреля 1899, № 8307) за подписью «А. Б.». Ее автор, Алексей Николаевич *Маслов* (1852–1922), член Императорского Военно-исторического общества, писатель и публицист, выступавший под псевдонимом «Бежецкий», скептически отозвался о проекте «утилизации войск в мирное время для мирных целей». По его мнению, нельзя вводить в общее правило войскам помощь населению, поскольку тем самым у них отнимается необходимое время для обучения военному делу. Назвав проект, изложенный в статье «Разоружение», «очень странным», оппонент отметил, что «автор, очевидно, нашел поклонников своих идей среди некоторых читателей», и указал при этом на статью В. Я. Симонова «Военные мысли о штатском деле». – *385.*

[8] Федоров упоминает здесь свои статьи «Забастовки и Конференция мира» (Т. II наст. изд., с. 314–315) и «Письмо в редакцию “Русского слова”» (Т. III наст. изд., с. 242–246). – *385.*

[9] Цитаты из Пасхального канона. – *386.*

[10] Н. П. Петерсон. – *386.*

[11] М. Г. Кожевниковой, С. М. и М. М. Северовым, Ю. П. Бартеневу, И. М. Ивакину. – *386.*

191. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

24 апреля 1899. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, лл. 14–15 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 170).

[1] Речь идет о письмах Н. Ф. Федорова В. А. Кожевникову от 11, 15 и 20 апреля 1899 г. Ответ В. А. Кожевникова не сохранился. – *386.*

[2] См. примеч. 8 к письму 190. – *386.*

[3] Николай Иванович *Пирогов* (1810–1881) – анатом, хирург, основоположник военно-полевой хирургии. В разработке основ военно-санитарного дела Н. И. Пирогов руководствовался представлением о том, что война есть травматическая эпидемия и, следовательно, действия врачей на войне должны быть такими же, как при всякой эпидемии. На первый план ученый-хирург выдвигал правильную и четкую организацию врачебного дела, при которой ведется планомерная борьба с беспорядочным скоплением раненых на медицинских пунктах, работа по их рассредоточению, а основной упор делается не столько на спешные операции, сколько на правильно организованный уход за ранеными и консервативное лечение. – *386.*

192. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

24–25 апреля 1899. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, л. 16–16 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 171).

[1] Упомянутое письмо Н. Ф. Федорова В. А. Кожевникову – письмо 191. Письмо В. А. Кожевникова к Н. Ф. Федорову не сохранилось. – *387.*

[2] Письмо В. Я. Симонову было вложено в письмо Н. Ф. Федорова В. А. Кожевникову от 15 апреля 1899. – *387.*

[3] Намерение выехать из Воронежа в конце апреля Н. Ф. Федоров не осуществил, оставшись в городе до середины августа 1899. – *387.*

[4] Описка. Должно быть: 1899. – *387.*

193. Н. П. ПЕТЕРСОН, Н. Ф. ФЕДОРОВ – В. А. КОЖЕВНИКОВУ

29 апреля 1899. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 24, лл. 38–39. Оригинал – рукой Н. П. Петерсона с припиской Н. Ф. Федорова.

[1] Это письмо В. А. Кожевникова не сохранилось. – *387.*

[2] Речь идет о письме 192. – *387.*

[3] Речь идет о письме 188. – *387.*

[4] См. письмо 191 и примеч. 8 к письму 190. – *387.*

[5] По поводу отъезда Н. П. Петерсона из Воронежа в Асхабад Е. Л. Марковым была написана заметка «Проводы Н. П. Петерсона» («Дон», 5 мая 1899, № 50, перепечатана: «Пензенские губернские ведомости», 30 мая 1899, № 112; републикация: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 185–187). «Николай Павлович, – писал Е. Л. Марков, – принадлежит к тому редкому типу людей христианской простоты и христианской правды, которые не знают, что такое злое чувство, которые не умеют, не могут делать неправого дела. Обремененный библейски-многочисленной семьей, вынужденный всю жизнь биться в самых тяжелых материальных условиях, без всяких средств, кроме скромного и не всегда верного личного заработка, этот достойный человек переносил не в меру отмеренные ему судьбой труды, испытанья и лишения с истинно христианским и истинно философским спокойствием и терпеньем, светло и мужественно глядел на мир Божий, с братской любовью относился к людям и искал успокоенья и отрады в возвышенных мечтах о счастливом будущем человечества, объединенного общим делом своего духовного и телесного возрождения.

В тесном общении с своим близким другом, замечательным мыслителем-идеалистом г. Ф. (речь идет о Н. Ф. Федорове. – *Сост.*), живущим в простоте и духовной чистоте апостольских времен, Николай Павлович издавна разрабатывал и продолжает до сих пор совместно разрабатывать целую возвышенную систему мировоззрения, изумлявшую своей оригинальностью и глубиною даже таких глубоких мыслителей наших, как профессор Влад. Соловьев, покойный Достоевский, гр. Л. Н. Толстой. Эта работа души их, не приносящая никому из них никакой материальной выгоды, наполняет весь скудный досуг Николая Павловича, остающийся ему от его всегда многочисленных дел и обязанностей, заменяя ему клубы, карты, пирушки и всякие общественные развлечения и блестяще подтверждая, что созданный из праха человек может и должен жить гораздо более бессмертным духом, который вдунут в него Его Творцом, чем низменными влечениями чрева» (*Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 185–186). – *388.*

[6] Речь идет о цензурном разрешении на брошюру Н. Ф. Федорова «К делу умиротворения, возбуждаемому нотою 12-го августа 1898 года», полученном через посредство кн. Н. В. Шаховского (см. примеч. 112 к разделу «Приложения» «Письма Н. П. Петерсона В. А. Кожевникову»). Можно предположить, что средства на издание брошюры были даны В. А. Кожевниковым, хотя никаких прямых документальных подтверждений этого обнаружить не удалось. – *388.*

[7] Эта приписка и подпись в автографе сделаны рукой Н. Ф. Федорова. – *388.*

194. Н. А. ЭНГЕЛЬГАРДТУ

После 3 марта 1899. Воронеж

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 34, лл. 52–53 об., к. 9, ед. хр. 73 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 286–288). Ранее опубликовано: «Вопросы философии», 1993, № 1, с. 163–165.

В конце ноября 1898 г. Н. Ф. Федоров через посредство Н. П. Петерсона обратился к историку литературы Н. А. Энгельгардту с письмом, толчок к которому был дан статьей последнего о Л. Н. Толстом (см. примеч. 16 к письму 162). Кроме того, Н. П. Петерсон послал Н. А. Энгельгардту несколько печатных статей Н. Ф. Федорова, в том числе публикацию письма Ф. М. Достоевского в газете «Дон» с предисловием Н. Ф. Федорова. Н. А. Энгельгардт откликнулся в конце февраля «сухим и холодным» письмом (см. об этом в письме 179). Сообщая об этом Н. П. Петерсону, Н. Ф. Федоров замечал: «Остается ждать ответа на то, что Вы ему послали» (см. там же). Из письма Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 19 марта 1899 (Т. IV наст. изд., с. 615) следует, что Н. Ф. Федоровым было написано «новое письмо Энгельгардту» (текст его не разыскан). Возможно, что было и еще одно, также не разысканное, письмо с «настойчивым требованием возвращения посланных ему статей». Печатаемый набросок письма, по всей видимости, сделан после получения второго ответа Н. А. Энгельгардта. О характере письма Энгельгардта можно судить как по ответу Н. Ф. Федорова, так и по его заметке «Союз с Достоевским очень невыгоден для нас...» (Т. IV наст. изд., с. 14).

[1] В «Предисловии к изданию письма Ф. М. Достоевского», посланном Н. А. Энгельгардту, Н. Ф. Федоров пытался в сжатом виде изложить учение «всеобщего дела», представив его как логическое следствие мыслей самого писателя. В результате Н. А. Энгельгардт воспринял воскресительные идеи Федорова сквозь призму общего миросозерцания Достоевского, связав их с его мистическими склонениями (ощущение «соприкосновения мирам иным»). – *388.*

[2] О том, что́ Н. Ф. Федоров в данном случае понимает под мистицизмом, см. примеч. 29 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве», а также примеч. В. А. Кожевникова к статье Н. Ф. Федорова «О нравственности и мистицизме у Ницше» (Т. II наст. изд., с. 141). – *388.*

[3] Цитата из несохранившегося письма Н. А. Энгельгардта. – *388.*

195. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

12 мая 1899. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, лл. 18–19 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 172).

[1] Международная конференция по вопросу о сокращении вооружений открылась в Гааге 6(18) мая 1899 г. – *390.*

[2] См. письмо 193. – *390.*

[3] Сведений о Г. Д. Скрынченко разыскать не удалось. – *390.*

[4] Речь идет о выставке «Рождество Иисуса Христа и умиротворение», прошедшей в Воронежском губернском музее 26 декабря 1898 г. – 7 января 1899 г. Говоря, что она *могла бы дать начало двум большим Выставкам*, Федоров имеет в виду собственный замысел: первая выставка должна была быть посвящена умиротворению, вторая – *19-вековому юбилею* Рождества Христова. – *391.*

[5] См. примеч. 3 к письму 182. – *391.*

[6] В указанной Н. Ф. Федоровым статье, принадлежавшей перу публициста Василия Аркадьевича *Тимирязева* («В. Т.»), речь шла о состоявшемся 1–3 сентября 1898 г. в Гааге первом конгрессе по истории дипломатии, целью которого было положить начало объединению «всех лиц, которые по своему положению и занятиям интересуются внешней историей народов и наукой международных прецедентов» («Исторический вестник», 1899, № 2, с. 653). Разбирая программу конгресса, В. А. Тимирязев упомянул, в частности, доклад М. А. Веневитинова, директора Московского Публичного и Румянцевского музеев и председателя русского комитета по истории дипломатии, «Петр Великий в Голландии», назвав его одним из «самых любопытных и замечательных докладов» (там же, с. 653, 655). – *391.*

196. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

29 июля 1899. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, лл. 22–23 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 175–176).

[1] В июне – начале июля 1899 г. В. А. Кожевников совершил поездку по городам Северной Руси (описание этой поездки см. в его очерке «Северно-русские думы и впечатления» // Русский вестник, 1899, №№ 10–12). Впечатления от поездки, беседа с Н. Ф. Федоровым в Воронеже, который он посетил после возвращения из путешествия, а также данное письмо вдохновили В. А. Кожевникова на статью «Обыденные храмы в Древней Руси» («Русский вестник», 1900, № 1) – подробнее см. примеч. 1 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 588–589. – *391.*

[2] Речь идет об обыденном храме Казанской Божией матери и преп. Варлаама Хутынского (см. о нем в указ. статье В. А. Кожевникова // Русский вестник, 1900, № 1, с. 202–203). – *391.*

[3] Описание обыденной церкви в Цивозере Сольвычегодского уезда Вологодской губернии было приведено В. В. Верещагиным в его книге «На Северной Двине» (М., 1895). Кальки с изображением этой церкви, а также обыденного храма св. Богоявления в г. Туровце Вологодской губернии были переданы В. В. Верещагиным Н. Ф. Федорову, по инициативе которого было развернуто движение за собирание сведений об обыденных храмах, во время одного из посещений библиотеки Московского Публичного и Румянцевского музеев (по всей видимости, это произошло в 1895 г.). – *391.*

[4] Внизу этой страницы автографа В. А. Кожевников делает приписку «Еще в с. Верхосвятском по дороге из Слободского в [1 слово неразб.] по берегу Камы и Вятки»

(ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, л. 22). Об этом храме, построенном «при преп. Трифоне Вятском в 80-х годах XVI века», В. А. Кожевников впоследствии упомянул в статье «Обыденные храмы в Древней Руси» («Русский вестник», 1900, № 1, с. 197). – *391.*

[5] См. об этом преамбулу к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 578–580. – *391.*

[6] Описание храма св. апостолов Петра и Павла, построенного из старых рельс рабочими рельсопрокатного завода станции Бежицы Брянского уезда, приведено в статье Н. Ф. Федорова «О значении обыденных церквей...» – Т. III наст. изд., с. 28–29. – *391.*

[7] Это письмо В. А. Кожевникова Н. Ф. Федорову не сохранилось. – *392.*

197. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

4 августа 1899.

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, л. 24–24 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 178).

[1] В середине августа Н. Ф. Федоров собирался в Асхабад к Н. П. Петерсону. Поскольку в силу преклонного возраста ехать одному было рискованно, В. А. Кожевников поднял вопрос о сопровождающем. Н. Ф. Федоров очень хотел, чтобы этим сопровождающим был сам В. А. Кожевников, однако последний не смог поехать. – *392.*

[2] О Туркестане как *отечестве Заратуштры* см. в примеч. 39 к «Статьям философского содержания из III тома “Философии общего дела”» – Т. III наст. изд., с. 675–676. – *392.*

[3] Имеется в виду утверждение России на Памире в первой половине 1890-х гг., завершившее ее экспансию в Среднюю Азию. – *392.*

[4] Речь идет о сатирическом цикле М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа ташкентцы» (1869–1872). Поводом к его написанию послужила ситуация, сложившаяся вокруг Ташкента, ставшего после его завоевания русскими войсками в 1865 г. центром Туркестанского генерал-губернаторства. Многочисленные злоупотребления чиновничества (взятки, присвоение крупных сумм, притеснение местного населения и т. д.), преступления в среде переселенцев сделали Ташкент и ташкентцев постоянными персонажами обличительной прессы и уголовной хроники. Стремясь определить в своих очерках ташкентство как историческое и духовное явление (невежество и полуобразованность, выдвижение на первый план интересов «чрева», самодурство и произвол и т. д.), М. Е. Салтыков-Щедрин описывал и разные типы «ташкентцев». Так, в очерке «Ташкентцы-цивилизаторы» он представил «вагон 3-го класса», в котором едет в Ташкент разнообразная публика («отставные служаки, уже порядочно обколоченные жизнью», «несколько молодых людей, жертв преждевременной страсти к табаку и водке», должник, чуть не севший в долговую яму, студент, выгнанный из училища, и т. д. и т. п.), и каждый из пассажиров вагона намеревается попытать счастья на «земле обетованной», причем единственная мечта всех устремляющихся в Ташкент – обрести спокойное, сытое существование, а при возможности и урвать побольше материальных благ. Подобная крайне сниженная характеристика морального облика переселенцев, а также сатирическая оценка «цивилизующей» роли России на новых территориях, данная М. Е. Салтыковым-Щедриным в том же очерке, вызвали негативную реакцию Н. Ф. Федорова. – *392.*

[5] Козьма Петрович *Афонин* (1867–1918?) – воронежский знакомый Н. Ф. Федорова, служащий железнодорожного ведомства. Глубоко почитал Федорова как философа и человека. В письме Н. П. Петерсону от 27 апреля 1911 г., вспоминая «незабвенного учителя и утешителя» Н. Ф. Федорова, он писал: «Уверен, что без встречи, благодаря Вам, с Н<иколаем> Фед<оровичем>, я давно превратился бы в полузверя. Для меня Н<иколай> Ф<едорович> такая величина, которую никакая другая не затмит» (*Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 187, 188). – *392.*

[6] По всей видимости, В. А. Кожевников предлагал Н. Ф. Федорову оплатить его железнодорожный билет. – *392.*

198. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

8 сентября 1899. Ашхабад

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, лл. 28–29 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 180–181). Ранее опубликовано: «Версты», № 3. Париж, 1928, с. 280–281.

Н. Ф. Федоров приехал в Асхабад 21–23 августа 1899 г. 24 августа он был зарегистрирован в Асхабадском городском полицейском управлении (паспорт Н. Ф. Федорова // Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 117). Спустя несколько дней Н. Ф. Федоров и Н. П. Петерсон

отправились в путешествие к предгорьям Памира, посетили Самарканд и Ташкент. Письмо В. А. Кожевникову Н. Ф. Федоров написал по возвращении в Асхабад.

[1] *Туркестаном* в XIX – начале XX вв. назывались территории Средней и Центральной Азии, населенные тюркскими народностями. К концу XIX в., в результате военных походов и экспедиций в Среднюю Азию, длившихся с 1853 по 1895 гг., Россия включила в свои владения территории Западного Туркестана (Восточный Туркестан представлял собой провинции Западного Китая). Русский Туркестан делился на пять областей: Закаспийская, Самаркандская, Ферганская, Сырь-Дарьинская и Семиреченская – и простирался от Каспийского моря по границе с Персией (Ираном), Афганистаном и Китаем. – *393.*

[2] *Красноводск* – город в Средней Азии на берегу Каспийского моря. Основан в 1869 г., получил статус города в 1896 г. Красноводск был начальным пунктом Закаспийской железной дороги, связывавшей порт на берегу Каспия с Асхабадом, Ташкентом и Самаркандом. Н. Ф. Федоров приехал в Красноводск 20 или 21 сентября 1899 г., где его встретил сын Н. П. Петерсона К. Н. Петерсон и сопроводил до Асхабада (см. письмо Н. П. Петерсона Н. Ф. Федорову от 19 августа 1899 – Т. IV наст. изд., с. 593–594). – *393.*

[3] *Закаспийская область* – образована в 1881 г.; включала в себя Асхабадский, Красноводский, Мангышлакский, Мервский и Тедженский уезды (к 1897 г. ее площадь составляла 486,6 кв. верст, население – 372,1 тыс. чел.). Центральным городом Закаспийской области являлся Асхабад. Ныне – в составе Туркменистана. – *393.*

[4] Из Самарканда Н. Ф. Федоров и Н. П. Петерсон направились в Ташкент. 1 сентября 1899 г. паспорт Н. Ф. Федорова был зарегистрирован «у пристава 1 части» города (Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 117). Во время пребывания в Ташкенте и была представлена Николаю Петровичу *Остроумову*, директору Ташкентской мужской гимназии, члену Московского археологического общества и вице-президенту Туркестанского кружка любителей археологии, упомянутая записка об организации в Самарканде археологического съезда и съезда естествоиспытателей и врачей. Вероятно, уже тогда была достигнута договоренность о выступлении Н. П. Петерсона с докладом на эту тему на заседании кружка в конце сентября. Доклад «О месте будущего археологического съезда» состоялся в Ташкенте 25 (или 26) сентября 1899 г. – Н. П. Петерсон специально приехал для выступления из Асхабада. Текст доклада, написанный Н. Ф. Федоровым, см. в Т. III наст. изд., с. 207–210. Текст записки, поданной Н. П. Остроумову, не сохранился. – *393.*

[5] Т. е. в Самарканде. Самарканд в конце XIV–XV вв. был столицей государства Тимура и основанной им династии Тимуридов. – *394.*

[6] Христианство проникло на территорию Самарканда в конце V в. в лице распространявшего свое влияние по всей Средней Азии несторианства; в городе была основана даже отдельная епископия. Период господства арабов на территории Самарканда и прилегающих к нему областей благоприятствовал укоренению там христианства, поскольку несториане стояли во главе расцветавшего арабского просвещения. Постепенный упадок несторианства в Средней Азии начался с XIII в., после того как монголы разгромили арабский халифат. Конец несторианству в Туркестане был положен в XIV в. нашествием *Тимура* (Тамерлана) (1336–1405).

Н. Ф. Федоров называет несториан *чтителями пророка Ионы и ап. Фомы*, поскольку у несториан-сирохалдейцев существовал праздник *моления ниневитян* (см. примеч. 24 к «Статьям религиозного содержания» – Т. II наст. изд., с. 447), а индийские несториане называли себя «христианами Св. Фомы», считая себя наследниками церкви, основанной, по преданию, в Индии ап. Фомой. – *394.*

[7] См. примеч. 25 к «Статьям религиозного содержания» – Т. II наст. изд., с. 447. – *394.*

[8] Речь идет о мавзолее, находящемся вблизи городища Афросиаб (древний Самарканд). Мавзолей, представляющий собой невысокий портал с остатками мозаичного панно, был сооружен в XVIII в. Согласно народному преданию, в усыпальнице погребен пророк Даниил (Даньяр), останки которого были перевезены в Самарканд Тимуром, желавшим поднять духовное значение новой столицы. – *394.*

[9] Н. Ф. Федоров выслал В. А. Кожевникову преамбулу к статье «О храмах обыденных вообще и Спасообыденских в особенности...», которую он перед отъездом в Асхабад оставил Владимиру Александровичу, намеревавшемуся писать на тему обыденного храмостроительства. – *394.*

[10] Н. П. и Ю. В. Петерсон. – *394.*

199. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

15 сентября 1899. Ашхабад

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, лл. 30–31 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 182–183). Ранее опубликовано: «Версты», № 3. Париж, 1928, с. 281–283.

[1] В не дошедшем до нас письме к Н. Ф. Федорову В. А. Кожевников спрашивал о возможности включить в свою статью об обыденных храмах материалы переданной ему мыслителем работы «О храмах обыденных вообще и Спасообыденских в особенности...». – *394.*

[2] В. А. Кожевников широко воспользовался материалами статьи Н. Ф. Федорова (см. об этом примеч. 1 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 588–589). – *394.*

[3] Возможно, речь идет о черновых письмах Н. Ф. Федорова к В. А. Кожевникову и Н. П. Петерсону, написанных между 15 ноября 1893 и 23 января 1894 гг. (№№ 78, 79). – *394.*

[4] Статья «*Уничтожение града*» («Неделя», 15 августа 1899, № 33) была посвящена лекции итальянца Наццари, бывшего военного, сотрудника газеты «Трибуна», прочитанной им в г. Фраскати близ Рима. Наццари выступал за повсеместное внедрение в сельскохозяйственную практику способа борьбы с градом путем выстрелов из градобойных мортир. По мысли Наццари, установка станций с мортирами в земледельческих районах Италии, особенно на виноградниках, позволит предотвратить потери урожая, возникающие в результате градобитий. – *395.*

[5] Текст упоминаемой здесь «Записки» Н. Ф. Федорова не сохранился. В газете «Неделя» она не появилась. – *395.*

[6] Речь идет о Льве XIII (см. примеч. 39 к «Супраморализму» – Т. I наст. изд., с. 512). – *395.*

[7] Имеется в виду речь архиеп. Амвросия (Ключарева) «О христианском направлении естествознания» (см. примеч. 2 к I части «Записки» – там же, с. 468). – *395.*

[8] Цитата из статьи «Уничтожение града». – *395.*

[9] Речь идет о письме 200. – *395.*

[10] Н. П. Петерсона. – *395.*

[11] День ангела *С. М. Северова* приходился на 25 сентября (8 октября), когда праздновалась кончина преп. Сергия Радонежского. – *395.*

[12] М. М. Северова, брата С. М. Северова. – *395.*

200. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

19–22 сентября 1899. Ашхабад

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, лл. 32–35 об. Оригинал – рукой Н. П. Петерсона с приписками Н. Ф. Федорова. Копия рукой Н. П. Петерсона: к. 4, ед. хр. 6, лл. 184–191. Ранее опубликовано: «Версты», № 3. Париж, 1928, с. 283–288; *Контекст 1988*, с. 339–345; *Сочинения 1994*, с. 368–373.

[1] Письмо написано Н. Ф. Федоровым после путешествия с Н. П. Петерсоном к предгорьям Памира (в район Самарканда). По содержанию, а в ряде случаев и текстуально, оно перекликается с заметкой «К паломничеству на Памир» (см. Т. III наст. изд., с. 385–386).

Памир для Федорова имел особое, символическое значение как колыбель арийских племен (это мнение разделяют в наше время многие ученые). Сюда к святым местам, к «могиле праотца» не раз уносилось его воображение. *Паропамиз* – горная система в Афганистане, северные ее предгорья заходят на территорию современного Туркменистана. В «Авесте», священной книге зороастризма, канон которой сложился в первые века н. э., «*Ираном*» (букв. «страна ариев») называлась территория Иранского нагорья и примыкающих к нему областей, занимаемая ираноязычными народностями. Та же часть Евразийского материка, которая была занята в основном пустынями и степями и населена кочевыми тюркскими племенами (с этими племенами иранцы искони вели ожесточенную борьбу), носила название «Анэран» (букв. «страна неарийцев»). Оппозиция «Иран» – «Анэран» (около X в. термин «Анэран» был вытеснен термином «*Туран*») имела в зороастризме нравственно-религиозное значение. *Иран* – земля светлого бога Ормузда – является священной землей, землей праотцов, и в отличие от пустынно-смертоносного *Турана* несет в себе обетование конечной победы добра над злом, воскресения и преображения мира. Федоров в своих историософских конструкциях следует именно такому видению. Иран предстает у него символом победы Жизни, Туран же воплощает господство слепых разрушительных сил, смертоносное действие которых особенно явственно на пустынных, безводных пространствах.

Религиями, несущими в себя «иранское», жизнеутверждающее мировоззрение, Федоров считал зороастризм и христианство. Их «туранские» антиподы – прежде всего языческие культы, связанные с обожествлением «слепых сил природы», и ислам. Поэтому в той панораме всемирной истории, которую мыслитель дает в письме Кожевникову, носителями «туранского начала» выступают не только кочевые, тюркские племена (соответственно, в оппозиции им – народы земледельческие), но и народности, исповедующие мусульманство. Столкновение христианства, религии воскресения и обожения, с «фаталистическим Исламом» – тоже борьба Ирана и Турана. Однако эту борьбу мыслитель полагал не вечной, указывая на возможность (и необходимость) примирения Востока и Запада, кочевников и земледельцев, христианских и мусульманских народов, которое должно совершиться в «общем деле» регуляции природы и воскрешения.

Называя то место, где он тогда находился, а именно Асхабад, *рубежом Ирана и Турана,* Федоров имел в виду тот факт, что территория, вошедшая после завоевания Россией Средней Азии в состав Закаспийской и Самаркандской областей, в ходе истории являлась своеобразной срединной зоной между государствами Иранского нагорья и теми среднеазиатскими территориями, на которых обитали кочевые племена тюркского происхождения, становясь то «иранской», то «туранской»: во II–I тысячелетии до н. э. ее, как и всю Среднюю Азию, населяли ираноязычные племена, в VI–IV вв. до н. э. она входила в состав иранской империи Ахеменидов, затем была завоевана Александром Македонским, в V–VIII вв. подвергалась нашествиям эфталитов, тюрков, арабов, в XIII–XV вв. оказалась под властью монголо-татар, затем вошла в состав Бухарского и Хивинского ханств. Присоединением к России, которая для Федорова есть «Новый Иран», бывшая «туранская» территория вновь стала «иранской». – *396.*

[2] Федоров перечисляет ряд древнейших легендарных и исторических деятелей того географического ареала, который частью входил и в русский Туркестан. Пророк Заратуштра – основатель зороастризма. *Джемшид* – царь начальных времен мира, «золотого века», упоминаемый в Авесте. *Афросиаб* – в иранской мифологии предводитель туранцев, непримиримых врагов веры Заратуштры, которые вели непрерывные войны с туранцами; соответственно в мифологии турок, азербайджан, узбеков, туркмен Афросиаб – прародитель тюркоязычных народов, предводитель тюркских племен, богатырь; по преданию – основатель одноименного города на месте нынешнего Самарканда. *Гуштасп* – в иранской мифологии царь, ставший последователем Заратуштры и провозгласивший зороастризм государственной религией. *Искандер-Душах* – в зороастрийской легендарной истории Александр Македонский, который к 336 г. до н. э. покорил весь Иран, враг зороастризма. Позднее, в эпоху распространения ислама, образ Александра Македонского перестает быть отрицательным: классическая литература на языке фарси (Фирдоуси, Низами, Джами и т. д.) изображает его справедливым шахом иранской крови. *Тимур (Тамерлан)* – см. примеч. 5, 6 к письму 198. – *396.*

[3] О политике России и европейских держав на побережье Китая см. примеч. 7, 8 к письму 229. О разграничении сфер влияния России и Англии на Памирах см. примеч. 1 к письму 60. – *396.*

[4] О географии, климате Туркестана, племенах и народностях, населявших в разное время его территорию, а также об этапах русской колонизации см.: «Географический и исторический обзор русских владений в Средней Азии» // Путеводитель по Туркестану и Среднеазиатской железной дороге. СПб, 1903, с. 1–38. – *397.*

[5] Т. е. России. Федоров называл Россию Новым Ираном, выражая надежду на то, что Россия, умиротворительница степи и кочевников (Турана), поможет победить пустыню, голод и смерть через всеобщую регуляцию природы этого края. – *397.*

[6] *Две Британии* – Англия и Северо-Американские соединенные штаты. – *397.*

[7] Речь идет о германском императоре *Вильгельме II*, который одним из первых в 1890-х гг. обратил внимание на Дальний Восток и указывал на необходимость коллективных действий народов Европы в целях защиты от угрожающей им китайской опасности (этим лозунгом определялась и жесткая, откровенно захватническая политика Германии в Китае). Свою позицию Вильгельм II запечатлел на символической картине «Die gelbe Gefahr» (*«Желтая опасность»*), написанной им собственноручно: на большом холсте на фоне фантастического пейзажа было изображено поднимающееся из-за дальних гор чудовище (дракон), перед разинутой пастью которого в ужасе бежали целые народы и отступали армии, тщетно удерживаемые их правителями. Копии с картины, выражавшей идею угрозы нового нашествия варваров, по сравнению с которым может померкнуть даже

гуннское нашествие, были разосланы Вильгельмом II императорам крупнейших европейских держав. О путешествии Вильгельма II по Святым местам см. примеч. 41 к «Статьям о разоружении и умиротворении» – Т. II наст. изд., с. 481–482. – *397.*

[8] Для Федорова успех регуляции и есть реалистическое раскрытие древнеиранского мифологического представления о торжестве благого начала Ахурамазды (Ормузда), Белобога, над духом зла и разрушения Анхра-майнью (Ариманом), чернобогом. – *397.*

[9] Федоров отсылает к своей собственной статье (Т. IV наст. изд., с. 27–29). – *397.*

[10] В старой орфографии «міръ» означало «мир» в смысле «вселенная» (здесь – «неродственное», падшее состояние мира), а «миръ» – отсутствие войны, лад, единодушие, гармонию. – *398.*

[11] Поселение *Аннау* (ныне – поселок городского типа), посетить которое предлагал В. А. Кожевникову Н. Ф. Федоров, было расположено у подножия горного хребта Копет-Дага. К моменту пребывания Федорова и Петерсона в Асхабаде оно сохранило остатки стен акрополя, а также великолепную мечеть типичного персидского стиля: открытый портал, увенчанный заостренным куполом, и лицевая арка, поднимающаяся выше купола. – *398.*

[12] Федоров ссылается на следующее издание: К. Риттер. Иран. Ч. 1. СПб., 1874. Книга представляла собой перевод примерно трети восьмого тома фундаментального сочинения по географии Азии немецкого географа Карла *Риттера* (1779–1859). Две большие главы текста книги были отданы археологическому обозрению территории и анализу зендских (т. е. иранских) текстов и клинописных надписей с целью выявить через них представление древних иранцев о географии их земли. – *399.*

[13] Имеется в виду полный перевод «Авесты» с историческими и филологическими комментариями, подготовленный востоковедом Джемсом *Дармстетером* (1849–1894). На английском языке перевод появился в Оксфорде в 1880–1887 гг. (2-е изд.: 1883–1895), на французском – в Париже в 1892–1893 гг. – *399.*

[14] *Асхабад* (в современной огласовке – Ашхабад) возник в 1881 г. как военное укрепление на месте одноименного селения, взятого русскими войсками во главе с М. Д. Скобелевым. С момента постройки Закаспийской железной дороги начал приобретать значение крупного торгового и транзитного центра. – *399.*

[15] К моменту приезда Н. Ф. Федорова в Асхабад в городе имелись следующие храмы: Собор во имя св. Архистратига Михаила, находившийся на Скобелевской площади, церковь Великомученика и победоносца Георгия, кладбищенская во имя свт. Николая Чудотворца и Армяно-Грегорианская церковь. Церковь-школа Св. Креста в то время еще только строилась. – *399.*

[16] *Музей* – открытие Закаспийского областного музея состоялось 17 марта 1899 г. (подробнее см. примеч. 401 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 656). *Два памятника* – ген. Петрусевичу, помощнику ген. Скобелева в Ахал-текинской экспедиции, окончившейся подавлением текинцев и взятием крепости Геок-Тепе (находился на площади против дома военного губернатора); русским воинам, павшим в бою с текинцами (около собора на Скобелевской площади Асхабада). *Третий строится* – речь идет о памятнике А. С. Пушкину, подписка на который была собрана в 1899 г. по случаю столетнего юбилея поэта. – *399.*

[17] В ауле *Кеши*, расположенном в 5 верстах от Асхабада, находилась школа садоводства, огородничества и шелководства, основанная в 1892 г. тогдашним начальником Закаспийской области А. Н. Куропаткиным для подготовки специалистов по указанным отраслям из представителей коренного населения. При школе был разбит обширный парк, фруктовый сад, имелись питомники различных древесных растений. – *400.*

[18] Речь идет о письме 199. – *400.*

[19] См. примеч. 1 к письму 199. – *400.*

[20] Статья Н. Ф. Федорова «*Так называемые "Каменные Бабы" как первый надгробный памятник*» не сохранилась. Две другие статьи – «Каменные бабы как указание смысла, значения музеев» («Дон», 12 апреля 1898, № 38) и «Каменная баба Воронежского музея» («Дон», 5 мая 1898, № 48). Статьи были посланы Н. П. Остроумову, по всей видимости, в связи с предстоявшим выступлением Н. П. Петерсона на заседании Туркестанского кружка любителей археологии с докладом «О месте будущего археологического съезда» (см. примеч. 4 к письму 198). О *каменных бабах* см. примеч. 16 к «Выставке» – Т. I наст. изд., с. 515. – *400.*

[21] В старой орфографии окончание «ыя» («ия») служило формой именительного падежа множественного числа женского рода, окончание «ые» («ие») – соответственной формой мужского рода. – *400.*

[22] Примечание Н. П. Петерсона на копии письма: «Подписи на этом письме: *Аксакал*, т. е. *белобородый* (так назвал себя Н<иколай> Ф<едорови>ч) и *Карасакал*, *чернобородый*, Петерсон» (ОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр. 6, л. 191). – *400.*

201. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Вторая половина сентября – начало октября 1899. Ашхабад.

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, лл. 55–56 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 206–207). Ранее опубликовано: «Начала», 1993, № 1, с. 69–70. Возможно, именно это письмо было приложено к письму Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 9 октября 1899 (Т. IV наст. изд., с. 617): в своем письме Николай Павлович сообщает, что за все время, прошедшее после приезда Федорова в Асхабад, им было послано «три больших» письма – речь идет о письмах, обозначенных нами номерами 198, 199, 200. Данное же письмо, по всей видимости, было четвертым и отправилось к В. А. Кожевникову вместе с упомянутым письмом Н. П. Петерсона.

[1] В. А. Кожевников в это время работал над статьей «Обыденные храмы в Древней Руси». Ниже Н. Ф. Федоров приводит выписки из статьи «Праздник Воздвижения в простонародных сказаниях» («Правительственный вестник», 14(26) сентября 1899, № 200), автор которой среди примет, пословиц, народных верований и обычаев, связанных с этим праздником (празднуется 14 сентября – см. примеч. 107 к «Статьям религиозного содержания из III тома “Философии общего дела”» – Т. III наст. изд., с. 705), упоминал и широко распространенный ранее на Руси обычай сооружения в этот день обыденных часовен и церквей, а также и еще сохранившийся обычай постановки придорожных обетных крестов «в благодарность за избавление от зла-напасти, морового поветрия, лихого попущения». Все подчеркивания в цитатах принадлежат Н. Ф. Федорову.

В. А. Кожевников воспользовался и выпиской, и текстом данного письма, воспроизведя в своей статье первую – дословно, а второе – в пересказе (см.: «Русский вестник», 1900, № 1, с. 215–216). – *400.*

[2] Полный текст цитаты: «Молятся “празднику” и о болящих-страждущих, чтобы Господь поднял-воздвиг их с одра болезни. “С верою помолиться праведному человеку на Воздвиженьев день, так Животворящий Крест и со смертного ложа подымет!” – говорят в народе, твердо памятующем дедовский завет о том, что “правда сильна верою, а вера – правдою”, и что одна без другой мертвы на просвещаемом светом Христовым белом свете». – *401.*

[3] См. примеч. 174 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 617. – *401.*

[4] Речь идет о статье церковного историка Ивана Игнатьевича *Малышевского* (1828–1897) «О придорожных крестах» («Труды Киевской Духовной Академии», 1865, № 11, с. 323–428). И. И. Малышевский подробно представил историю возникновения обычая постановки придорожных крестов, возводя его к первым векам христианства: древние кладбища и могилы христиан располагались вне городов, часто – именно при дорогах, и на них воздвигались кресты, часовни, а затем и храмы. Придорожные кресты, указывал И. И. Малышевский, ставились во время крестных ходов и общественных молений на полях (литаний); со временем этот обряд стал совершаться по определенным дням христианского календарного года. Отдельно об обычае постановки придорожных крестов на праздник Воздвижения И. И. Малышевский не упоминал: он вообще не перечислял те дни, в которые ставились кресты, ограничившись общим указанием на то, что этот обычай вместе с крестными ходами мог иметь место «во все великие праздники и храмовые праздники церквей». – *401.*

202. Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН – В. А. КОЖЕВНИКОВУ

5 ноября 1899. Ашхабад

Печатается по: ОР РГБ, к. 10, ед. хр. 33, лл. 39–40. Оригинал – рукой Н. П. Петерсона. Копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 194.

[1] В. А. Кожевникову была послана статья Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона «Разговор с Л. Н. Толстым» («Асхабад», 12 октября 1899, № 285). Об обстоятельствах написания статьи и сложном отношении к ней Н. Ф. Федорова см. примеч. 115 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве». – *401.*

[2] Речь идет о брошюре В. А. Кожевникова «Бесцельный труд, “не-делание” или дело?» – *402.*

[3] Цитата из несохранившегося письма В. А. Кожевникова к Н. Ф. Федорову. – *402.*

[4] В центральных изданиях статья «Разговор с Л. Н. Толстым» перепечатана не была. – *402.*
[5] Ю. П. Бартеневу и И. М. Ивакину. – *402.*
[6] Речь идет о письме 203. – *402.*
[7] Сергей Павлович *Глазенап* (1848–1937) – астроном, профессор Санкт-Петербургского университета. В 1899 г. опубликовал в «Новом времени» ряд статей, посвященных метеорам и метеоритам. Две из этих статей («Весенние метеоры 1899 года» // Новое время, 4 июля 1899, № 8389 и «Как фотографировать падающие звезды?» // Новое время, 9 августа 1899, № 8422) были упомянуты Н. Ф. Федоровым в его статье «Несколько предположений по поводу ноябрьских падающих звезд» («Асхабад», 1899, № 298), которую философ и послал С. П. Глазенапу. Письмо, при котором была послана статья, не разыскано. – *402.*

203. В. А. КОЖЕВНИКОВУ
5 ноября 1899. Ашхабад
Печатается по: ОР РГБ, к. 10, ед. хр. 33, лл. 39–40 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 194).
[1] Это письмо В. А. Кожевникова к Н. Ф. Федорову не сохранилось. – *402.*
[2] Федоров имеет в виду статью об обыденных храмах, над которой в это время работал В. А. Кожевников. Мыслитель считал, что в статье одно из главных мест должно быть уделено проекту повсеместного построения школ-храмов Пресв. Троицы, и неоднократно касался этого проекта в своих письмах ученику весной и осенью 1899 г. В. А. Кожевников последовал совету Н. Ф. Федорова и заключительную часть статьи «Обыденные храмы в Древней Руси» посвятил вопросу о народной школе, которая «должна быть [...] неразрывною с церковию», «должна как бы слиться с храмом во-едино, стать учреждением, в котором, и по месту, и по духу, образование неотделимо от воспитания на почве общепризнанных народом русским заветов отцов и прадедов». «Повсеместное основание таких школ, – подчеркивал он, – есть наилучший путь ко всенародному, общеобязательному образованию, необходимость которого уже сознана и правительством и обществом»; причем создание таких школ должно стать общим делом, соединить враждующие станы «нашей интеллигенции» и осуществляться «путем добровольного, совокупного труда, с посильным участием в нем каждого убежденного в его святой, спасительной цели, участием физическою, умственною и нравственною силою, воспитательным и преподавательским умением и опытом, специальными знаниями, влиянием и близостию к народу, денежным и всевозможным иным пособием. Древнерусское народное усердие, некогда единодневно создававшее храмы и средства народной обороны в кратчайшие сроки, могло бы в наши дни, по призыву Царя, Церкви и истинных радетелей народного блага, направиться со свойственною такому усердию чудодейственною силой на повсеместное построение и содержание школ при храмах, где есть храмы, и храмов-школ, где нет еще храмов, школ-храмов, просвещающих живущих и поминающих усопших, – условие важнейшее для успешности всего дела с народной точки зрения» («Русский вестник», 1900, № 1, с. 220–221). – *402.*
[3] См. примеч. 2 к письму 186. – *402.*
[4] В. А. Кожевников принял и этот совет Н. Ф. Федорова, и в конце статьи, после цитированных выше строк о необходимости повсеместной организации «школ при храмах» и «школ-храмов», привел пример построения церковно-приходской школы в с. Мордовский Качим, указав, что «школы, возникающие таким способом (добровольным, безвозмездным трудом родителей и детей. – *Сост.*), представляющие уже в самом процессе своего возникновения высоко-нравственное воспитательное средство, достигают и дальнейших успехов в святом деле нравственного облагороживания детей народа, умеют не только сообщить им зачатки знаний, но и живую любовь к нему, дающую возможность и к дальнейшему умственному развитию» («Русский вестник», 1900, № 1, с. 221–222). – *402.*
[5] См. письмо 201 и примеч. 1 к нему. – *402.*
[6] Федоров имеет в виду свои статьи, напечатанные в газете «Асхабад»: «Асхабадский музей» (30 сентября 1899, № 273) и «Разговор с Л. Н. Толстым» (12 октября 1899, № 285; в соавт. с Н. П. Петерсоном). – *402.*

204. В. А. КОЖЕВНИКОВУ
10 ноября 1899. Ашхабад
Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, лл. 43–44 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 196).

[1] См. примеч. 9 к письму 198 и примеч. 2 к письму 203. – *403.*

[2] Все материалы, присылаемые в ответ на воззвание «О доставлении сведений, касающихся обыденных церквей и жизни преп. Сергия Радонежского», которое было разослано в 1894 г. по инициативе Н. Ф. Федорова в редакции епархиальных ведомостей и губернские ученые архивные комиссии, стекались к историку С. А. Белокурову (именно его адрес был указан в воззвании). Упоминаемое письмо Н. Ф. Федорова к С. А. Белокурову от 8 ноября 1899 г. не разыскано. – *403.*

[3] Фрагменты письма Н. Ребрина, священника с. Микшинского Ирбитского уезда, от 11 ноября 1895 г. и сообщенные им сведения Н. Ф. Федоров приводил в своей статье об обыденных храмах – см. Т. III наст. изд., с. 27–28. Указанные страницы В. А. Кожевников использовал в статье «Обыденные храмы в Древней Руси» («Русский вестник», 1900, № 1, с. 216–217). – *403.*

[4] *К. П. Афонин* – см. примеч. 5 к письму 197. Его рассказ о построении храма в с. Каширском Воронежской губернии был воспроизведен Н. Ф. Федоровым в статье о храмах обыденных (см. Т. III наст. изд., с. 29–30). В статье «Обыденные церкви в Древней Руси» В. А. Кожевников воспользовался этим изложением (см.: «Русский вестник», 1900, № 1, с. 217–218). – *403.*

[5] Речь идет о статье Н. Ф. Федорова, представлявшей собой один из этапов работы над статьей «Выставка 1889 года...» (см. Т. I наст. изд., с. 442–463). Текст ее не сохранился. – *403.*

[6] Проект опубликования статьи «Выставка» (см. примеч. 5) к предстоявшему весной 1900 г. открытию Всемирной выставки в Париже обсуждался в переписке Н. Ф. Федорова и В. А. Кожевникова в период с ноября 1899 г. по февраль 1900 г. – *403.*

[7] 8(21) ноября празднуется Собор Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных; 22 ноября (5 декабря) – память благоверного князя Михаила Тверского (1318) и праведного Михаила воина, болгарина (866). – *403.*

205. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

17 ноября 1899. Ашхабад

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, лл. 41–42 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 195).

[1] См. примеч. 2 к письму 203. – *404.*

[2] Состоявшаяся в мае 1899 г. в Гааге международная конференция по вопросу о сокращении вооружений, которая была созвана по инициативе России, не удовлетворила Н. Ф. Федорова. В своих письмах В. А. Кожевникову и статьях на тему умиротворения он не раз излагал собственное видение того, какой должна быть Конференция мира. – *404.*

[3] Мысль об организации на Всемирной выставке 1900 г. в Париже Всемирного конгресса религий по образцу того, который состоялся на Всемирной выставке 1893 г. в Чикаго, активно обсуждалась в 1898–1899 гг. органами европейской и русской печати (см. также примеч. 87 к «Статьям философского содержания из III тома “Философии общего дела”» – Т. III наст. изд., с. 680). – *404.*

[4] О *смысле соединения школы с храмом* В. А. Кожевников, достаточно осторожный в публичном исповедании воскресительных идей Федорова, в своей статье «Обыденные храмы в Древней Руси» высказался лишь самым общим образом, указав на благотворное влияние, которое могли бы иметь школы-храмы для «подъема нравственного уровня народа». Те дальние горизонты «всеобщего дела», которые вставали у Н. Ф. Федорова за проектом повсеместного построения школ-храмов, не были обозначены в статье Кожевникова. Речь шла о формировании «сельских, крестьянских (и в то же время общехристианских) добродетелей», «об установлении теснейшей связи» даваемого школой образования «с действительными, очевидными народу нуждами его крестьянской жизни и с до сих пор непререкаемыми для огромного большинства нравственно-религиозными и национально-патриотическими основами жизни» («Русский вестник», 1900, № 1, с. 218, 219). Активно-христианский смысл, вкладывавшийся Н. Ф. Федоровым в понятие школы-храма, был здесь практически стерт, и несколько «намекающих» фраз о воспитании «привычки к труду и любви к нему, и притом к труду не в смысле обеспечения себялюбивой наживы, а в смысле основы всеобщего блага», к труду, «не на прихоти, а на дело направленному», о «поминании усопших» как «важнейшем условии для успешности всего дела с народной точки зрения» (там же, с. 221) ничего в указанном мыслителем направлении не проясняли. – *404.*

[5] В. А. Кожевников прислал Н. Ф. Федорову оттиски из №№ 10 и 11 журнала «Русский вестник», где публиковался его очерк «Северно-русские думы и впечатления», включивший ряд идей мыслителя (см. в примеч. 1 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 589). – *404.*

[6] В примечании к статье «Обыденные храмы в Древней Руси» В. А. Кожевников представил историю вопроса об обыденных храмах и выразил благодарность всем отозвавшимся на обращение о доставлении сведений об этом обычае. Были упомянуты и Н. Ребрин, и С. А. Белокуров, и И. Лавров, и Т. Е. Чулков (фамилии последних были названы в письме 206) – см.: «Русский вестник», 1900, № 1, с. 193–194. По настоянию Н. Ф. Федорова, его имя названо не было. – *404.*

[7] Николай Андреевич *Янчук* (1859–1921) – историк, музыковед, этнограф. Председатель музыкально-этнографической комиссии при этнографическом отделе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. С 1892 г. Н. А. Янчук служил в Московском Публичном и Румянцевском музеях помощником библиотекаря, в 1897 г. был переведен на должность хранителя Дашковского этнографического музея. Н. Ф. Федоров просил В. А. Кожевникова познакомить ученого со своей статьей «О месте будущего археологического съезда» («Туркестанские ведомости», 10 октября 1899, № 79). Именно Н. А. Янчук, по инициативе Н. Ф. Федорова, представил X Археологическому съезду в Риге два запроса – о прародине индоевропейского племени и об учреждении научной экспедиции по изучению Памира (см. примеч. 52 к «Супраморализму» – Т. I наст. изд., с. 513), и опубликованная в «Туркестанских ведомостях» статья начиналась с упоминания этих запросов (см. Т. III наст. изд., с. 207–208). – *404.*

206. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

19 ноября 1899. Ашхабад

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, лл. 45–46 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 197).

[1] См. примеч. 6 к письму 205. – *405.*

[2] *Первые две статьи* – части очерка «Северно-русские думы и впечатления», опубликованные в №№ 10, 11 «Русского вестника» за 1899 г. *Последние две статьи* – окончание очерка и статья «Обыденные храмы в Древней Руси», которые должны были появиться соответственно в № 12 за 1899 и № 1 за 1900 гг. «Русского вестника». – *405.*

[3] Это неотправленное письмо Н. Ф. Федорова к В. А. Кожевникову не сохранилось. – *405.*

[4] См. примеч. 7 к письму 205. – *405.*

[5] Н. П. Петерсон. – *405.*

[6] Речь идет о статье Н. Ф. Федорова «Обыденные храмы и ревивали», позднее включенной в статью «О значении обыденных церквей» (см. примеч. 71 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 602). – *405.*

207. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

22 ноября 1899. Ашхабад

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, лл. 47–48 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 198–199).

[1] Речь идет о Всемирной выставке 1900 г. в Париже. – *405.*

208. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Между 1 и 12 декабря 1899. Ашхабад

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, лл. 26–27 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 179). Ранее опубликовано: «Версты», № 3. Париж, 1928, с. 279–280. Текст этого письма был послан Н. Ф. Федоровым к В. А. Кожевникову вместе со следующим письмом от 12 декабря 1899.

[1] «Введение» к статье «О Всемирной Выставке» Н. Ф. Федоров послал В. А. Кожевникову вместе с письмом от 10 ноября 1899 г., выразив пожелание, чтобы статья была напечатана (см. примеч. 5, 6 к письму 204). Судя по письму от 12 декабря, это введение, названное там *заметкой о Выставке как преступлении против всех X-ти заповедей*, являлось фрагментом, который в окончательном тексте статьи «Выставка» начинается со слов «Всемирная выставка представляет собою нарушение или, вернее, отрицание всех десяти заповедей...» и оканчивается словами «но это зло может быть обращено в величайшее благо» (см. Т. I наст. изд., с. 454–456). – *407.*

[2] Вероятно, речь идет о фрагменте, начинающемся в окончательном тексте статьи «Выставка» со слов «Всемирная выставка парижского века...» и оканчивающемся словами «Коронационная Выставка есть изображение этого Кремля как образца всем кладбищам, обращаемым в образовательные крепости, или Кремли, посредством воинской повинности в связи со всеобщеобязательным образованием» (там же, с. 458-459). – *407.*

[3] См. примеч. 4 к письму 205. – *407.*

[4] Федоров цитирует статью Д. Головачева «Последствия неурожая в Уфимской губернии» («Вестник Европы», 1899, № 8, с. 716–735). В финале статьи, размышляя о причинах хронических неурожаев и низкого уровня жизни русского крестьянства, публицист обращал внимание не только на «климатические условия» и естественные природные бедствия, но и на «низкий уровень культурного развития» деревни, «первобытные приемы земледелия, поголовное невежество и приниженность населения». «Русская деревня, – заключал он, – до сих пор представляет особый мир, который в течение столетий не только не подвинулся в своем развитии, но сделал крупный шаг назад. Потребности крестьянские крайне ограничены, питание – скудно, обстановка – жалка, а духовный мир – узок и беден. Все блага государственных мероприятий, направленных на подъем благосостояния России, все усовершенствования промышленной техники до сих пор не коснулись деревни: крестьянин по-прежнему живет в грязной и темной избе, носит свои самодельные грубые одежды или, в лучшем случае, пользуется низким сортом фабричных ситцев, питается одним черным хлебом и картофелем, пашет примитивной сохой, а свободное от полевых работ время проводит в праздности, не имея и не зная других промыслов. При таких неблагоприятных условиях случайные бедствия переходят в постоянные, с которыми крестьянам не по силам бороться» (там же, с. 735). – *407.*

[5] Цитата из третьей главы «Евгения Онегина» (характеристика Ольги Лариной):

В чертах у Ольги жизни нет.
Точь-в-точь в Вандиковой Мадонне:
Кругла, красна лицом она,
Как эта глупая луна
На этом глупом небосклоне. – *407.*

[6] См. примеч. 7 к письму 205. – *407.*

[7] В архиве Н. П. Петерсона не сохранилось ни одного экземпляра «Туркестанских ведомостей» со статьей Н. Ф. Федорова «О месте будущего археологического съезда». Имеются только две копии, сделанные рукой Н. П. Петерсона. – *407.*

209. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

12 декабря 1899. Ашхабад

Печатается по: ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, л. 49–49 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 201).

[1] Это письмо В. А. Кожевникова к Н. Ф. Федорову не сохранилось. – *408.*

[2] Намерение В. А. Кожевникова навестить Н. Ф. Федорова в Асхабаде не было осуществлено. – *408.*

[3] Это стихотворение В. А. Кожевникова не разыскано. – *408.*

[4] См. примеч. 1 к письму 196. – *408.*

[5] См. примеч. 1 к письму 208. – *408.*

[6] Речь идет о письме 208. – *408.*

[7] Н. П. и Ю. В. Петерсон. – *408.*

210. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

15 декабря 1899. Ашхабад

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, лл. 50–52 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 201–202). Ранее опубликовано: *Сочинения 1982*, с. 646–648.

[1] В. А. Кожевников составил эту статью на основе одной из первоначальных редакций статьи Н. Ф. Федорова «Выставка...» (см. примеч. 5 к письму 204) и присланного к ней введения (см. примеч. 1 к письму 208). Текст ее не сохранился. – *408.*

[2] Намек на англо-бурскую войну 1899–1902 гг. Эта война велась Англией против Оранжевой республики и Трансвааля, двух государств Южной Африки, заселенных бурами, голландскими переселенцами. Начиная с 30-х гг. XIX в. английское правительство стремилось подчинить их своему влиянию. В 1871 г. западные территории, примыкавшие к Оранжевой республике, на которых в 1868 г. были открыты алмазные россыпи и кото-

рые находились под ее протекторатом, вошли в состав Капской колонии. На территории Трансвааля в 1854 и 1884 гг. были открыты золотые россыпи, после чего туда во множестве устремились иностранные золотоискатели (преимущественно англичане). Конфликты коренного бурского населения и иностранцев (уитлендеров), требовавших себе политических прав, обострились в 1890-х гг. Кроме того, за предоставление концессий на разработку золотоносной руды республика взимала крупные пошлины, что не устраивало Англию. Вопрос о положении золотоискателей явился для Англии официальным предлогом к развязыванию войны против Трансвааля и Оранжевой республики. – *409.*

[3] Т. е. в статье В. А. Кожевникова «Обыденные храмы в Древней Руси». Предыдущие три статьи – три части очерка «Северно-русские думы и впечатления» («Русский вестник», 1899, №№ 10–12). – *409.*

[4] См. примеч. 71 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве». – *409.*

[5] См. письмо 207. – *409.*

[6] В. А. Кожевников, редактировавший статью «Выставка...», подобрал к ней ряд эпиграфов, которые вызвали критику Н. Ф. Федорова. – *409.*

[7] Статья «Всемирная выставка как встреча Нового века» была послана В. А. Кожевниковым в редакцию журнала «Вера и Разум», однако редакция отклонила статью (см. ниже письмо 214). – *409.*

1900

211. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Между 2 и 15 января 1900. Ашхабад

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 57, л. 1–1 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 164). Датируется по содержанию.

[1] Речь идет о статье В. А. Кожевникова «Обыденные храмы в Древней Руси», которая должна была появиться в «Русском вестнике» вслед за очерком «Северно-русские думы и впечатления». Опасение, что эта статья не будет напечатана, Н. Ф. Федоров выражал в своем письме В. А. Кожевникову от 15 декабря 1900. Статья появилась в первом номере «Русского вестника» за 1900 г. – *411.*

[2] Что именно имеет в виду Федоров, не установлено. – *411.*

[3] 2(14) января 1900 г. в «Новом времени» был опубликован высочайший указ об учреждении в Государственном совете «департамента промышленности, наук и торговли», в который предполагалось «направлять дела, относящиеся к народному просвещению, промышленности добывающей и обрабатывающей и торговле». Комментируя указ, передовая статья номера – «Новый департамент Государственного совета» – представляла его как знамение времени: отнюдь не случайно, что в этом департаменте науки оказались в окружении промышленности и торговли. «С фактической стороны несомненно, что государственное значение “наук” чрезвычайно возросло с тех пор, как промышленность и торговля стали делать серьезные успехи». В новом департаменте науки «получат новую точку опоры для своей положительной работы и нового двигателя для распространения просвещения в народе». – *411.*

[4] 31 декабря 1899 (12 января 1900) в № 8564 «Нового времени» появилась статья А. Молчанова «О художественно-промышленном образовании», которая сообщала о результатах работы специальной комиссии, созданной при министерстве финансов (в ее состав входили А. Н. Бенуа, И. С. Китнер, Г. И. Котов, Г. А. Сабанеев, В. Е. Маковский и др.) в целях «рассмотрения проекта о широкой постановке дела художественно-промышленного образования в России». Среди выработанных комиссией мер, направленных на «заботу о художественно-промышленном образовании русского народа», были названы: широкое открытие художественно-промышленных школ, училищ, мастерских, а также организация при министерстве финансов «учебного художественно-промышленного музея, в качестве музея центрального по отношению ко всем другим подобным музеям, предположенным к открытию при учебных заведениях и отдельно от них в провинции». – *411.*

[5] 1899 г. был для Российской Империи очередным неурожайным годом. Особенно пострадали от недорода и голода районы Поволжья, губернии Казанская, Вятская, Смолен-

ская и ряд других (см. материалы, появившиеся в газете «Новое время» 2(14) декабря 1899). – *411*.

[6] В течение декабря–января 1899 г. английские войска терпели в Южной Африке от буров одно поражение за другим (см.: «Новое время» 2(14), 3(15), 4(16), 5(17) декабря 1899, 4(16), 5(17), 12(24) января, 24 января (5 февраля), 28 января (9 февраля) 1900 и др.). Анализируя причины этих «бесславных поражений», раскрывших всему миру «внутреннюю слабость Британской империи», передовая статья «Нового времени» от 9(21) декабря 1899 г. указывала на обезземеление, пролетаризацию английского крестьянства, ставшие естественным следствием бурного промышленного развития страны. «Обезземелив свое крестьянство, Англия лишилась солдата, связанного неразрывными узами с землей, а потому и способного защищать ее до последней капли крови. Не только с голландскими мужиками-бурами в другой части света, но и у себя дома Англии не найти защитников, которые постояли бы грудью за свою родину, потому что у пролетария нет родины и свои личные и классовые интересы он никогда не отождествляет с интересами богачей, завладевших его землями. В Англии возможен только патриотизм высших классов, патриотизм газетный, книжный, [...] бессильный и пустой патриотизм. Но истинного деятельного патриотизма народных масс, который жив сознанием своей неразрывности с родной нивой, с могилами дедов и прадедов, [...] – такого патриотизма в Англии быть не может. И во всякой стране, обезземелившей свои массы, его не может быть». – *411*.

[7] Образ «школ-выставок» (для философа «всеобщего дела» это эмблема «ложного просвещения», «школы-выставки» – антиподы «школ-храмов») развернут в письме 208. – *411*.

[8] Речь идет о Всемирной выставке 1900 г. – *411*.

212. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

11 января 1900. Ашхабад

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, лл. 57–58 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 208–209).

[1] См. примеч. 2 к «Статьям религиозного содержания из III тома “Философии общего дела”» – Т. III наст. изд., с. 693–694. – *412*.

[2] Федоров имеет в виду Первосвященническую молитву Спасителя с ее прошением-заповедью «Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе, *так* и они да будут в Нас едино» (Ин 17: 21). – *412*.

[3] Речь идет об эпиграфах, подобранных В. А. Кожевниковым для статьи «Всемирная выставка как встреча нового века». Замечания по поводу этих эпиграфов были сделаны Н. Ф. Федоровым в письме к нему от 15 декабря 1899. – *412*.

[4] Источник этих сведений не установлен. – *412*.

[5] *Диатриба* (*греч.*) – резкая, желчная, придирчивая речь. В. А. Кожевников и Н. Ф. Федоров употребляли выражение «диатриба из веков невежества», стремясь показать отношение к учению всеобщего дела «либерально-эгалитарного», позитивистского сознания, нечувствительного к религиозным ценностям и идеалам. – *412*.

[6] Речь идет о распределении по дням церковного года отрывков из Евангелий и апостольских Посланий, читаемых на богослужении. – *412*.

[7] *Евангелие апракос* – богослужебная книга, в которой евангельский текст располагается не по евангелистам, как в Четвероевангелии, а по неделям и дням, т. е. по порядку чтения при общественном богослужении, начиная с первого дня Пасхи (т. е. со знаменитого пролога Евангелия от Иоанна). Евангелия апракос – наиболее древние из славянских евангельских памятников. Славянские первоучители Кирилл и Мефодий во время своего миссионерского служения в Моравии переводили именно богослужебные части Священного Писания и главнейшие церковные чинопоследования. *Апостол* – богослужебная книга, употребляемая в греческой и русской православной церкви. Содержит в себе Послания и Деяния апостолов с указанием, какие фрагменты из них в какой день церковного года читаются. Порядок церковных чтений из Посланий и Деяний апостолов сложился не ранее VII в. – *412*.

[8] Иван Данилович *Мансветов* (1843–1885) – церковный археолог и историк-литургист. Н. Ф. Федоров имеет в виду его диссертацию на степень доктора церковной истории: «Церковный устав (Типик), его образование и судьба в греческой и русской церкви». М., 1885. – *412*.

[9] В письмах 205, 206 Н. Ф. Федоров просил познакомить Н. А. Янчука со своей статьей «О месте будущего археологического съезда». – *412*.

213. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

После 11 января 1900. Ашхабад

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 34, л. 75–75 об. (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 4, е. хр. 6, л. 308).

[1] Распределение отрывков из Евангелий и апостольских посланий по дням церковного года начинается со дня Пасхи. На литургии этого дня читается пролог Евангелия от Иоанна «В начале было Слово...» (Ин 1:1-17). И затем фрагменты Евангелия от Иоанна читаются на литургии каждого дня в период от Пасхи до Пятидесятницы. *Смерти празднуем умерщвление* – слова из седьмой песни Пасхального канона. – *413*.

[2] Речь идет о сочинении Л. Н. Толстого «Соединение и перевод четырех Евангелий». – *413*.

[3] См. примеч. 5 к III части «Записки» – Т. I наст. изд., с. 477. – *413*.

[4] В своем истолковании пролога Евангелия от Иоанна Н. Ф. Федоров отсылает к первому посланию апостола Иоанна Богослова: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге и Бог в нем» (1 Ин 4:16). – *413*.

214. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Между 24 января и 3 февраля 1900. Ашхабад

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, лл. 53–54 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 203–204). Ранее частично опубликовано: *Сочинения 1982*, с. 648–649.

[1] Вопрос о посылке данной статьи в редакцию богословско-философского журнала «Вера и Разум» обсуждался в письме 210. О том, что́ это была за статья, см. примеч. 1 к письму 210. – *413*.

[2] Журнал «Вера и Разум» выходил в Харькове. – *413*.

[3] См. примеч. 5 к письму 212. – *414*.

[4] Этот абзац зачеркнут. – *414*.

[5] В № 8588 «Нового времени» от 24 января (5 февраля) 1900 было приведено сообщение, перепечатанное из газеты «Times», о том, что в сражении под Спионскопом в ночь на 23 января «буры обстреляли англичан из английских же орудий и английскими же шрапнелями», взятыми в предыдущих сражениях. – *414*.

[6] Весь этот абзац Н. Ф. Федоровым зачеркнут. По всей видимости, столь резкий и яростный выпад против «злого Лондона» в немалой степени был вызван разочарованием и раздражением от известия В. А. Кожевникова, сообщившего об отказе журнала «Вера и Разум» напечатать статью о всемирной выставке. Здесь Федоров как бы смещает вспыхнувшие гнев и оскорбление на другой предмет – механизм, который им самим объяснялся неоднократно: слепой силе не можем дать почувствовать свою боль и обиду и потому выплескиваем ее на ближних. Не случайно мыслитель немедленно устыдился своих чувств, прекрасно понимая, откуда истек этот призыв к уничтожению острова, хотя бы и «знающего только себя», и зачеркнул написанные строки. Ср. спокойный и объективный тон по отношению к Англии в письме В. А. Кожевникову от 4 февраля 1900. – *414*.

215. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

4 февраля 1900. Ашхабад

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, лл. 61–62 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 212–213). Первую редакцию письма, датированную 3 февраля 1900 г., см. в разделе «Другие редакции».

[1] Это письмо В. А. Кожевникова к Н. Ф. Федорову не сохранилось. – *414*.

[2] Речь идет об отдельных оттисках статьи В. А. Кожевникова «Обыденные храмы в Древней Руси», напечатанной в первом номере «Русского вестника» за 1900 г. – *414*.

[3] Возможно, одно из этих писем – о церковном распределении евангельских и апостольских чтений (письмо 213). В другом, по всей видимости утраченном, речь шла о международной ситуации, сложившейся в связи с англо-бурской войной. Это второе письмо не следует отождествлять с черновым письмом «Иронический ответ и Веры и Разума...», в котором также дана оценка Англии, но крайне резкая и негативная, что контрастирует со сдержанным тоном письма от 4 февраля 1900, кратко пересказывающего второе письмо. – *414*.

[4] О причинах столь краткой оценки статьи В. А. Кожевникова, для которой Н. Ф. Федоров предоставил большое количество своих материалов и идей и появления которой так ждал, см. в примеч. 1 к «Отечествоведению» (Т. III наст. изд., с. 589–590). – *415*.

[5] Речь идет о поэме В. А. Кожевникова «На сторожевом валу (памяти родных мест)» (спустя год она была напечатана в журнале «Русское обозрение» (1901, № 1; отд. оттиск: М., 1901). В поэме была затронута тема древнерусских сторожевых городов и их роли в деле собирания и защиты Руси (Н. Ф. Федоров неоднократно касался ее в своих сочинениях).

Действие поэмы происходит в г. Козлове (ныне – г. Мичуринск Тамбовской обл.), основанном в 1636 г. Это был один из городов Керенской сторожевой черты (подробнее см. примеч. 4 к письму 4), и отсюда вел свое начало род Кожевниковых (в Козлове же родился и вырос сам Владимир Александрович). По сюжету поэмы, есаул казачьего войска Лихолет, узнав о неверности молодой жены, согрешившей с его другом боярином, вызывает последнего на поединок. Но молодой боярин с легкостью одолевает противника, и тот в страдании и гневе («Здесь правды не найти») уходит из города в степь. А затем, одержимый жаждой мщенья, идет к татарскому хану и предлагает указать его войску дорогу в русский стан. Войско трогается в путь, и по мере приближения к Козлову Лихолета все сильнее мучат сомнения: прав ли он, ведя супостатов на родной город, поступая как «христопродавец» и предатель. Все настойчивей звучит внутренний голос: «Покайся! Зла свершить ты не успел». И вот под покровом ночи казак бежит к своим и признается в предательстве. Здесь он узнает, что его молодая жена ушла в монастырь, а боярин после исчезновения бывшего друга не находит себе места, проводит дни и ночи в молитве и слезно кается. Друзья просят друг у друга прощенья, собирают рать, по всем церквам звучит призыв к посту и покаянью, и наконец войско выступает в путь. Татары разгромлены, но ни боярин, ни Лихолет с поля боя не возвращаются. Оба «пали за Русь». – *415*.

[6] Об участии С. А. Белокурова и С. С. Слуцкого в проектах Н. Ф. Федорова, связанных с обыденными храмами, см. преамбулу к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 577–580. – *415*.

[7] В фонде Музея-библиотеки Н. Ф. Федорова хранится отдельный оттиск статьи В. А. Кожевникова «Обыденные храмы в Древней Руси» с дарственной надписью: «Многоуважаемому Козьме Петровичу Афонину на добрую память от автора». – *415*.

[8] Военные неудачи, которые терпела английская армия на протяжении декабря–января 1899 гг. в столкновениях с бурами, существенным образом подрывали ее международный и политический престиж, угрожая незыблемости колониального могущества страны. Германия, основная соперница Англии в борьбе за передел колоний, воспользовавшись ее затруднительным положением в начале войны, настояла на передаче под свой протекторат двух островов из архипелага Самоа, находившегося с 1889 года под кондоминиумом трех держав (Германии, Англии и США). В январе–феврале 1900 г. германская дипломатия усиленно агитировала европейские державы (прежде всего Россию и Францию) выступить против Англии. Кроме того, германское правительство усиливало свое влияние в Малой Азии. Спустя несколько месяцев, в июне 1900 г. рейхстаг принял новый закон о флоте, предполагавший планомерное увеличение военно-морских сил страны. – *415*.

[9] Речь идет о германском императоре Вильгельме II и его реверансах осени 1898 г. в сторону Турции (см. примеч. 41 к «Статьям о разоружении и умиротворении» – Т. II наст. изд., с. 481–482 и примеч. 2 к разделу «Приложения» «Материалы В. А. Кожевникова»). – *415*.

[10] Т. е. с Англией и Северо-Американскими соединенными штатами. – *415*.

[11] О Р. Лонге см. примеч. 5 к письму 167. – *415*.

216. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

После 4 февраля 1900. Ашхабад

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 102, л. 1.

[1] Речь идет о статье В. А. Кожевникова «Обыденные храмы в Древней Руси» («Русский вестник», 1901, № 1). См. примеч. 2 к письму 203. – *415*.

217. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

9 февраля 1900. Ашхабад

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, лл. 63–64 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 213).

[1] В письме к В. А. Кожевникову от 11 января 1899 г. Н. Ф. Федоров просил его прислать карту Туркестана «и прилегающих земель Персии и Индии». – *416.*

[2] Бронислав Леонидович *Громбчевский* (1855–1905) – путешественник. В 1888 г. исследовал Памир, часть горной системы Гиндукуш и истоки Инда, пройдя с экспедицией почти 2800 верст и собрав богатые коллекции; в 1889 г. совершил вторую экспедицию на Памир, а также в северо-западный Тибет и Кашгарию. – *416.*

[3] Это письмо В. А. Кожевникова к Н. Ф. Федорову не сохранилось. – *416.*

218. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

21 февраля 1900. Ашхабад

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, лл. 65–66 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 214–215).

[1] Поездка В. А. Кожевникова в Туркестан, обсуждавшаяся в его переписке с Н. Ф. Федоровым осенью 1899 и зимой 1900 гг., не состоялась. – *416.*

[2] См. примеч. 7 к письму 205. – *416.*

[3] В феврале 1900 г. в англо-бурской войне произошел перелом в пользу англичан. Войска главнокомандующего английской армией лорда Робертса обошли отряд бурского вождя *Кронье*, который стоял в окопах у Маггерсфаннтейна в Трансваале, и, пройдя в его тылу, 15 февраля вступили в г. Кимберлей. Кронье начал отступление, но его армия была остановлена и окружена у Паардеберга. Она героически сопротивлялась, однако 27 февраля вынуждена была сдаться, что повлекло за собой общее отступление буров и вступление англичан в Оранжевую республику. – *417.*

[4] См. примеч. 1 к письму 217. – *417.*

219. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

17 марта 1900. Ашхабад

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, лл. 67–68 об. (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 4, ед. хр. 6, л. 216).

[1] В. А. Кожевников, который в августе 1899 г. помог с билетом Н. Ф. Федорову, собиравшемуся в Асхабад, предлагал мыслителю оплатить и обратную дорогу (у Николая Федоровича, получавшего всего 17 рублей 51 коп. пенсии, на нее просто не было денег). – *417.*

[2] К. П. Афонин сопровождал Н. Ф. Федорова в его поездке из Воронежа в Асхабад, доехав с ним до Петровска (см. письмо 197). Предполагалось, что и в этот раз К. П. Афонин будет сопровождающим. – *417.*

[3] См. примеч. 1 к письму 218. – *417.*

[4] Ю. В. и Н. П. Петерсон. Н. Ф. Федоров жил в Асхабаде в одном доме с ними. – *417.*

[5] Это письмо В. А. Кожевникова к Н. Ф. Федорову не сохранилось. – *417.*

220. К. П. АФОНИНУ

Между 17 и 26 марта 1900. Ашхабад

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, л. 71–71 об. (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 4, ед. хр. 6, л. 300).

В. А. Кожевников, готовя текст этого письма к публикации в III томе «Философии общего дела», назвал его адресатом Н. П. Петерсона и снабдил письмо следующим примечанием:

«Речь идет об организации обратного пути Н<иколая> Ф<едорови>ча из Асхабада, где он жил у Н. П. Петерсона, в Воронеж, где он предполагал поселиться. Вредное влияние климата на его здоровье заставляло торопиться переездом. Н. П. Петерсон же не мог, по служебным обязанностям, сопровождать его ранее мая; потому я предложил избрать в спутники Николаю Федоровичу К. П. Афонина (жителя Воронежа и его хорошего знакомого и почитателя), на что он охотно согласился. Препятствием со стороны Николая Федоровича был вопрос о затрате на это путешествие; однако, в конце концов он согласился и план поездки осуществился. К сожалению, перед самым отъездом произошла у него печальная и безосновательная размолвка с Н. П. Петерсоном, которая омрачила его отношения к своему старому другу до самой смерти Николая Федоровича» (ОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр. 6, л. 300).

На наш взгляд, письмо не могло быть адресовано Н. П. Петерсону. В Асхабаде Н. Ф. Федоров жил с ним в одном доме (см. письмо Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову от 19 августа 1899 г. – Т. IV наст. изд., с. 594), и им незачем было обсуждать письменно во-

просы отъезда. Адресатом письма является К. П. Афонин. Именно он должен был сопровождать Н. Ф. Федорова до Воронежа (см. письмо 219), и черновое письмо – одно из звеньев в переписке с ним Н. Ф. Федорова по этому поводу. В письме В. А. Кожевникову от 17 марта 1900 г. Н. Ф. Федоров сообщает, что пообещал К. П. Афонину ехать с ним, но вопрос о том, дадут ли последнему отпуск, еще не решен (возможно, именно с этой неопределенностью связана фраза чернового письма: «...или буду ждать Вас до начала мая или – если отправлю свой небольшой багаж отдельно, то могу легко доехать и один»). Фраза в начале письма: «Несмотря на все мое желание сделать Вам угодное, я не могу злоупотреблять добротою Владимира Александровича, хотя бы он сам меня просил» и упоминание «путешествия», по всей видимости, связаны с поступившим от В. А. Кожевникова предложением совершить на обратном пути поездку по Черному морю (ср. письмо 221).

[1] Обратный путь из Асхабада Н. Ф. Федоров проделал в сопровождении К. П. Афонина (в письме последнего к Н. П. Петерсону от 27 апреля 1911 г. содержится упоминание о контактах с мыслителем в 1900 г. // *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 188). Можно предположить, что вторым сопровождающим был Константин Петерсон, сын Н. П. Петерсона (см. примеч. 9 к письму 236). – *418*.

221. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

26 марта 1900. Ашхабад

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, лл. 69–70 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 217).

[1] К. П. Афонину. – *418*.

[2] Речь идет о сочинении В. С. Соловьева «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» и входящей в них «Краткой повести об антихристе». Об отношении к этому сочинению Н. Ф. Федорова см. в примеч. 175, 252, 255 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве». – *418*.

[3] См. черновую статью и заметки «По поводу “Краткой повести об Антихристе”» – Т. IV наст. изд., с. 67–73. – *418*.

[4] См. примеч. 266 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве». – *418*.

[5] «Три разговора...» печатались в 1899–1900 гг. в «Книжках Недели» под общим заглавием «Под пальмами». Третий разговор с приложением «Краткой повести об антихристе...» был опубликован не в февральском, а в январском номере «Книжек Недели» за 1900 г. – *418*.

[6] Намек на пословицу, которой «г-н Z» из «Трех разговоров...» определяет Антихриста: «Не все то золото, что блестит». – *419*.

[7] См. примеч. 264 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве». – *419*.

222. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

10 апреля 1900. Ашхабад

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, лл. 71–72 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 218–219). Ранее опубликовано: «Вопросы философии», 1993, № 1, с. 158–159.

[1] Речь идет о стихотворении В. А. Кожевникова «Фридриху Ницше»:

Ты нас зовешь в заоблачную даль,
В холодный чудный мир сверхчеловека,
Где исчезают радость и печаль,
Добро и грех, нужда и злоба века.

Там не цветут в их бренной красоте
Земных страстей роскошные поляны;
Там не клубятся в ясной высоте
Сомнения, как горные туманы.

Там воля направляет свой полет,
Свободная, своей единой властью
И от волнений бытия зовет
К покою неизменному, к бесстрастью.

Ей дела нет, что где-то там, внизу,
Толпа людей живет в волнах страданья,

То кровь свою, то горькую слезу
На землю льет и к небу шлет стенанья.

Ей дела нет до радостей людей,
И их скорбей ей непонятна рана:
Все человечество пред ней – пигмей,
Пред ней, душой сверхмирного титана.

Не для того ль желанья обрекла
Она на добровольное распятье,
Чтоб безразлична жизнь и смерть была,
Чтоб смело пасть небытию в объятья?

Так говоришь ты, гордый сын земли,
С родной землей, но речью ей невнятной.
О, если бы слова твои могли
Спадать в сердца росою благодатной!

Но ты забыл, что в глубине скорбей
Страдалец ждет не черствого презренья:
Блаженства, жизни жаждет сонм людей,
Иль хоть надежды, капли сожаленья.

Забыла, что страданьем ты рожден,
Твоя неблагодарная гордыня;
Что каждый вздох земли и каждый стон,
И каждая слеза ее – святыня;

Что в общей гибели – измена всем,
Твой подвиг одинокого спасенье.
Быть выше всех... жить одному... Зачем?..
Твое бессмертие позорней тленья!

Наш долг не в том, чтоб вознести себя
В края к другим безжалостного рая;
Он в том, чтоб жить со всеми, всех любя,
Все зло и смерть любовью побеждая.

Стихотворение было написано В. А. Кожевниковым в Москве 1 апреля 1900 г. и напечатано 16(29) апреля 1900 г. в № 8668 газеты «Новое время». Федоров получил рукописный его вариант. – *419*.

[2] См. примеч. 191 к «Статьям философского содержания из III тома “Философии общего дела”» – Т. III наст. изд., с. 692–693. – *419*.

[3] Здесь и ниже Н. Ф. Федоров цитирует стихотворение В. А. Кожевникова «Фридриху Ницше». – *419*.

[4] Рим 12:19. – *420*.

[5] Статьи с таким названием в бумагах Н. Ф. Федорова не сохранилось. Близкие рассуждения находим в заметке «К паломничеству на Памир» – см. Т. III наст. изд., с. 385–386. – *420*.

[6] Оценка этой драмы Ибсена дана в статьях Федорова «О драмах Ибсена и о сверхискусстве» (Т. III наст. изд., с. 518–522) и «Мировая трагедия» (Т. II наст. изд., с. 155–156). – *420*.

[7] Н. Ф. Федоров ждал ответа К. П. Афонина, который должен был сопровождать его на пути из Асхабада до Воронежа. По всей видимости, телеграмма была получена либо в тот же день, либо в ближайшие 1–2 дня, так как уже 20 апреля паспорт Н. Ф. Федорова был зарегистрирован в Москве по адресу: Домниковская улица, 1 участок Мещанской части, д. 35 Келлер (Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 117 об.; *В. С. Борисов. Адреса Н. Ф. Федорова, с. 255*). – *420*.

223. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

16 мая 1900. Подольск

Оригинал не сохранился. Печатается по копии рукой Н. П. Петерсона: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 35.

Письмо написано из Подольска, куда Н. Ф. Федоров приехал 15 мая 1900 г. в сопровождении В. А. Кожевникова. 19 мая его паспорт был зарегистрирован у полицейского надзирателя г. Подольска по адресу «дом Рогачева» (*В. С. Борисов. Адреса Н. Ф. Федорова*, с. 255).

[1] В. А. Кожевников выслал Н. Ф. Федорову свое стихотворение «Молитва». Текст стихотворения неизвестен.

В. А. Кожевников родился 15(27) мая 1852. Н. Ф. Федоров получил текст стихотворения «Молитва» 16 мая. Письмо написано под непосредственным впечатлением от него. См. также письма к В. А. Кожевникову от 19 и 30 мая 1900 (№№ 224, 225) и заметку «Еще, паки и паки о молитве» в Т. III наст. изд., с. 403–404. – *420.*

224. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

19 мая 1900. Подольск

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, л. 75–75 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 223).

[1] Это письмо В. А. Кожевникова Н. Ф. Федорову не сохранилось. – *421.*

[2] Речь идет о стихотворении В. А. Кожевникова «Молитва» (см. примеч. 1 к письму 223). – *421.*

[3] См. примеч. 10 к письму 200. – *421.*

[4] *Е. Я. Федорова* – жена старшего брата Н. Ф. Федорова Александра Федоровича Федорова, жившего в Санкт-Петербурге (скончался в 1897 г.). – *421.*

225. М. М. СЕВЕРОВУ

Между 19 и 30 мая 1900. Подольск

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 6, л. 2–2 об.

О М. М. Северове см. примеч. 5 к письму 161.

Поводом к письму послужили следующие обстоятельства.

В апреле 1900 г. Николай II с семьей приехал на Пасху в Москву. 9 апреля, в день Светлого Воскресения, вышло особое прибавление к № 81 «Правительственного вестника», раздававшееся бесплатно жителям Москвы. В прибавлении был помещен «Высочайший рескрипт»:

«Горячее желание мое и Государыни Императрицы Александры Феодоровны провести с Детьми нашими дни Страстной недели, удостоиться приобщения Св. Таин и встретить Праздников Праздник в Москве, среди величайших народных Святынь, под сенью многовекового Кремля, милостию Божиею осуществилось.

Здесь, где нетленно почивают угодившие Богу святители, среди гробниц венценосных собирателей и строителей Земли Русской, в колыбели Самодержавия, усиленно возносятся молитвы к Царю царствующих и тихая радость наполняет душу в общении с притекающими в храмы верными чадами нашей возлюбленной Церкви.

Да услышит Господь эти молитвы, да подкрепит верующих, да удержит колеблющихся, да воссоединит отторгнувшихся и да благословит Российскую Державу, прочно покоющуюся на незыблемой истине Православия, свято хранящего вселенскую правду любви и мира».

Приезд императора в Москву, его присутствие на Пасхальной Утрени в Успенском соборе Московского Кремля Н. Ф. Федоров воспринял как событие глубоко знаменательное, истолковав его в духе собственного понимания русской идеи и смысла самодержавной власти. Близок ему был и молитвенный, «всепрощающий» дух рескрипта. Мыслитель написал статью «О Москве как Пасхальной резиденции». Статья была отправлена Ю. П. Бартеневу для возможного опубликования в журнале «Русский архив», однако редакция отклонила ее (до наших дней текст статьи не дошел). Как следует из комментируемого письма, Н. Ф. Федоров и Ю. П. Бартенев не сошлись в трактовке смысла слов императора. Резкость упреков, адресованных Ю. П. Бартеневу, в письме к М. М. Северову и в следующем за ним письме к самому соредактору «Русского архива» вызвана тем, что от Ю. П. Бартенева, как от ученика, Н. Ф. Федоров ждал полного понимания и содействия, особенно в тех вопросах, которые были близки самому Юрию Петровичу, – вопросах о смысле и назначении России.

Возможно, инициатива отклонения статьи Н. Ф. Федорова принадлежала не только, и даже не столько Ю. П. Бартеневу. Содействуя в течение почти 10 лет (с 1892 по 1901 гг.) обнародованию ряда идей, проектов, статей Н. Ф. Федорова на страницах «Русского архива» (см. примеч. 3 к письму 97), Ю. П. Бартенев неоднократно наталкивался на сопротивление отца, П. И. Бартенева, который, любя и почитая Н. Ф. Федорова как человека, с осторожностью относился к его учению (см. примеч. В. А. Кожевникова к письму 164 –

Т. IV наст. изд., с. 355). Некоторые статьи Н. Ф. Федорова ранее уже были отклонены П. И. Бартеневым, и в данном случае ситуация могла повториться.

Письмо датируется временем между 19 и 30 мая 1900 г. Оно написано в Подольске. Н. Ф. Федоров приехал туда 15 мая. В письме В. А. Кожевникову от 19 мая 1900 г. сюжет с отклонением статьи «О Москве как Пасхальной резиденции» не упоминается. Однако следующее письмо – от 30 мая – начинается именно с него. Это и дает основание заключить, что Федоров узнал об отклонении статьи в промежутке между 19 и 30 мая, по всей видимости из письма В. А. Кожевникова.

Скорее всего, и письмо к М. М. Северову, и следующее ним письмо к Ю. П. Бартеневу были написаны сразу же за получением известия о том, что статья не прошла. По всей видимости, они даже не были отправлены: Н. Ф. Федоров, «остыв», всегда раскаивался в своей горячности.

[1] Н. С. Бартеневу, жену Ю. П. Бартенева. – *421.*

[2] М. Г. Кожевниковой. – *421.*

[3] Имеется в виду система Гегеля. – *421.*

[4] О магистерском экзамене, который Ю. П. Бартенев держал в январе 1897 г., см. примеч. 49 к разделу «Приложения» «Вокруг Федорова». – *421.*

[5] В октябре 1890 – августе 1891 гг. наследник российского престола, будущий император Николай II совершил морское путешествие на Дальний Восток через Вену, Триест, Грецию и Египет, побывав в Индии, Китае и Японии, а на обратном пути в Петербург, пролегавшем уже по суше, пересек всю Сибирь. – *422.*

[6] Речь идет о циркуляре 12(24) августа 1898 г. о разоружении. – *422.*

[7] Т. е. императора Александра III. – *422.*

[8] В. А. Кожевникова. – *422.*

[9] Статья самого Н. Ф. Федорова, текст которой не сохранился. – *422.*

226. Ю. П. БАРТЕНЕВУ

Между 19 и 30 мая 1900. Подольск

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 60, л. 1–1 об.

Об обстоятельствах написания данного письма см. преамбулу к письму 225.

[1] В. А. Кожевникова. – *422.*

[2] Н. С. Бартеневой. – *422.*

227. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

30 мая 1900. Подольск

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, лл. 77–78 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 224–225).

[1] Речь идет об отклонении «Русским архивом» статьи Н. Ф. Федорова «О Москве как Пасхальной резиденции» (см. преамбулу к письму 225). – *423.*

[2] Алексей Фролович *Филиппов* – журналист, в 1900 г. возобновил журнал «Русское обозрение», став его новым редактором (подробнее о взаимоотношениях А. Ф. Филиппова и Н. Ф. Федорова см. примеч. к письму 282 (преамбула)). – *423.*

[3] По всей видимости, речь идет о статье «О Москве как Пасхальной резиденции». – *423.*

[4] Стихотворение В. А. Кожевникова «Молитва» было получено Н. Ф. Федоровым в Подольске 16 мая 1900 г. Нижеследующий текст перекликается с заметкой «Еще, паки и паки о молитве» (Т. III наст. изд., с. 403–404). – *423.*

[5] См. примеч. 1 к письму 222. – *423.*

[6] В 1900 г. на французском языке вышло два перевода сочинения М. Штирнера «Единственный и его собственность»: M. Stirner. L'unique et sa propriété. Trad. et préf. H. Lasvignes. Paris, Revue Blanche, 1900; M. Stirner. L'unique et sa propriété. Trad. de R. L. Reclaire. Paris, Stock, 1900. – *423.*

[7] В историческом романе немецкого писателя и филолога Фрица *Маутнера* (1849–1923) «Гипатия», действие которого происходит в Александрии в конце IV – начале V в., присутствует эпизод проповеди Кирилла, архиепископа Александрийского, – цитату из этой проповеди и приводит ниже Н. Ф. Федоров. – *423.*

[8] Ф. Маутнер. Гипатия. М., 1893, с. 72. – *424.*

[9] В. А. Кожевников сопровождал Н. Ф. Федорова в Подольск 15 мая 1900 г. 13–15 июня он вновь посетил Подольск и вместе с Н. Ф. Федоровым съездил в Дубровицы. – *424.*

228. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

7 июня 1900. Подольск

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, лл. 88–89 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 233–234).

[1] Письма В. А. Кожевникова Н. Ф. Федорову за май–июнь 1900 г. не сохранились. – *424*.

[2] См. примеч. 9 к письму 227. – *424*.

[3] В феврале 1900 г. инженер, писатель Николай Александрович *Демчинский* (1851–1915), активно занимавшийся вопросами метеорологии, выступил с гипотезой, согласно которой колебания атмосферного давления и температуры напрямую связаны с изменением фаз луны, и предложил основанный на этой гипотезе способ предсказания погоды. В № 8717 газеты «Новое время» от 5(18) июня 1900 г. была помещена статья Н. А. Демчинского «Возможность точного предсказания погоды», в которой, отвечая своим оппонентам, он обосновывал целесообразность перехода от гражданского – «искусственного» – календаря к лунному – «естественному» – календарю, по которому за новый год принимается полнолуние октября месяца, когда с сентябрьским поворотом солнца на зиму «как бы заканчиваются все летние процессы и луна и солнце начинают постройку новых климатических условий», подготовляющих лето. «Если в самом деле, – писал Н. А. Демчинский, – будет доказано, что природа живет по лунному календарю, какая надобность нам, частице этой природы, создавать себе что-то особенное, искусственное, которое причинило уже нам немало бед?» – *424*.

[4] В. А. Кожевников прислал Н. Ф. Федорову печатный экземпляр своего стихотворения «Фридриху Ницше» (просьба об этом содержалась в письме 227). – *424*.

[5] В мае 1900 г. в Китае вспыхнуло так называемое боксерское восстание, направленное против усиления иностранного влияния внутри страны. Оно охватило ряд территорий Китая, в том числе и Манчьжурию. Разрушению подвергались торгпредства, европейские кварталы, английские и французские христианские миссии. 31 мая силы «Большого кулака» (так называлось общество, бывшее вдохновителем восстания) вступили в Пекин. Англия, Германия, Франция заявили о необходимости беспощадного подавления восстания, рассчитывая окончательно утвердиться в Китае, фактически потерявшем свою политическую самостоятельность после поражения в войне 1895 г. с Японией. Россия декларировала иную позицию, подчеркивая, что находится с Китаем в добрососедских отношениях, не преследует враждебных целей и ее задача заключается лишь в том, чтобы охранить свою границу с Китаем, восстановить спокойствие в Манчьжурии, по которой проходила ветка КВЖД (см. примеч. 7 к письму 229), и помочь китайскому правительству навести порядок в стране. В конце мая в Китай был послан четырехтысячный русский военный корпус, который принял активное участие в освобождении осажденных европейских миссий в портовом городе Тянь-Цзине и других районах Китая. – *424*.

[6] Речь идет об англо-бурской войне (см. примеч. 2 к письму 210). *Буры*, потомки голландских переселенцев в Южную Африку, были земледельцами и скотоводами. – *424*.

[7] После окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Англия и Австро-Венгрия потребовали пересмотра условий Сан-Стефанского мирного договора, существенно расширявшего границы Болгарии, предусматривавшего полную суверенность Черногории, Сербии и Румынии и закреплявшего за Россией Южную Бессарабию, крепости Ардаган, Карс, Батум и Баязет. Особенно настойчиво выступал за созыв международной конференции *Вениамин Дизраэли, граф Биконсфилд* (1839–1881), английский премьер-министр, лидер консерваторов. Одновременно канцлер Германии *Бисмарк*, ранее публично заявивший, что в восточном вопросе он не более чем «честный маклер», советовал русскому правительству в интересах мира согласиться на англо-австрийские требования. В результате состоявшегося в июле 1878 г. Берлинского конгресса Россия была лишена значительной части плодов своей победы. – *424*.

[8] Речь идет о студенческих беспорядках февраля–марта 1899 г., связанных с подготовкой реформы высшей школы. На студенческой сходке, состоявшейся в Санкт-Петербургском университете 10 февраля, учащиеся объявили университет закрытым. Вскоре к забастовке присоединились студенты других вузов и волнения прокатились по всей стране. – *425*.

[9] Предисловие к «Трем разговорам о войне, прогрессе и конце всемирной истории» под заглавием «О поддельном добре» появилось в № 376 газеты «Россия» 13(26) мая 1900 г. Предположение, что газета, в которой было напечатано предисловие, издается «*при жур-*

нале "Неделя"», по всей вероятности, было вызвано тем, что «Три разговора...» были напечатаны в «Книжках Недели», ежемесячном приложении к газете «Неделя». – *425*.

[10] Об этом своем предложении Н. А. Демчинский упоминал в статье «Возможность точного предсказания погоды» («Новое время», 5(18) июня 1900, № 8717). Подчеркнув, что основным препятствием для России к переходу от юлианского календаря к григорианскому, введенному в Западной Европе в 1582 г. папой Григорием XIII (разница 13 дней), или к тропическому календарю (разница 14 дней) является неизбежный при этом слом «всего церковного и гражданского оборота», Демчинский предлагал в течение 56 лет отбрасывать 29 февраля високосных годов – что позволит плавно сокращать разницу между календарями. – *425*.

229. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

23 июня 1900. Подольск

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, лл. 90–91 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 235–236).

[1] См. примеч. 9 к письму 227. – *425*.

[2] Летом 1900 г. Н. Ф. Федоров во время своего пребывания в Подольске продолжил начатую еще в Асхабаде работу над изложением учения «всеобщего дела» в виде «двенадцати Пасхальных вопросов» (из этой работы впоследствии вырос «Супраморализм»). С В. А. Кожевниковым мыслитель подробно обсуждал детали своего замысла. Кроме того, Владимир Александрович помогал Федорову в переписке и систематизации фрагментов «Пасхальных вопросов», а также в подборе эпиграфов (см. ниже письма 231–233 и письмо В. А. Кожевникова к Н. Ф. Федорову от 28 июля 1900 г. в Т. IV наст. изд., с. 596–597). Материалы «Пасхальных вопросов» опубликованы в Т. III наст. изд., с. 327–352. – *425*.

[3] Статья Н. Ф. Федорова, напечатанная в газете «Дон» 6 октября 1896 (№ 112), – см. ее в Т. III наст. изд., с. 483–486. – *426*.

[4] В связи с обострением ситуации в Китае, охваченном боксерским восстанием (31 мая (12 июня) 1900 г. в Пекине был осажден посольский квартал, 8(20) июня на улицах столицы был убит германский посланник Кеттелер), ведущие европейские державы обсуждали план международной интервенции в Китай. Речь шла о посылке соединенного военного корпуса. Россия настороженно реагировала на воинственные планы Англии, Германии и Франции, фактически стремившихся к захвату Китая, однако в конечном итоге отказаться от участия в операции не смогла: в осажденном квартале находились и русские дипломаты с семьями (см. также примеч. 181 к «Статьям философского содержания из III тома "Философии общего дела"» – Т. III наст. изд., с. 691–692).

Позиция Н. Ф. Федорова в отношении политики ведущих европейских держав в Китае была резко отрицательной. Во многом она сходилась с платформой «Нового времени», – его Н. Ф. Федоров в Подольске регулярно читал, и целый ряд высказываний мыслителя по китайскому вопросу перекликается с передовицами и сообщениями газеты А. С. Суворина. «Новое время» подчеркивало, что восстание в Китае было спровоцировано поведением европейских держав, беззастенчиво вмешивавшихся во внутреннюю политику страны и стремившихся к ее порабощению (7(20), 8(21) июня 1900, №№ 8719, 8720). Газета выступала против навязываемой Китаю европеизации, указывая на то, что цивилизация и культура Китая неизмеримо древнее европейской и совершенно иные, самобытные, не поддающиеся механической трансформации (3(6) июня 1900, № 8715). Официальная позиция по китайскому вопросу России, заявлявшей о дружественных отношениях к Китаем и о миротворческом характере ее военных действий на территории страны, была поддержана «Новым временем». При этом газета крайне сдержанно относилась к проекту международной интервенции в Китай и участия в нем России, подчеркивая разницу ее и европейских устремлений: «"Большой кулак" поднят не против нас, а против других. Не пристало нам и нет расчета одевать те оковы священного союза, которые нас опутывали до 1856 г.» (8(21) июня 1900, № 8720); «Нам нельзя действовать необдуманно. Бесспорно, многим было бы приятно, чтобы мы ввязались в долгую и тяжелую войну с Китаем, но мы в угоду Европе не имеем права изменять своим историческим заветам и ставить на карту свое будущее в Азии» и, в отличие от немцев и англичан, «не можем также смотреть на китайцев как на существа низшего порядка» (21 июня (4 июля), № 8733). – *426*.

[5] В июне 1900 г. газета «Новое время» неоднократно поднимала вопрос о европейских христианских миссионерах в Китае, против которых в значительной степени были направлены выступления боксеров. Она выражала убеждение, что ненависть коренного на-

селения к миссионерам-иезуитам во многом была вызвана крайней нетерпимостью последних к исконным верованиям китайцев, а также тем, что фактически они являлись в Китае проводниками европейского влияния, политической и экономической экспансии Запада. «В современной действительности миссионер является как бы первым пионером вторгающихся за ним иноземной торговли и иноземного вмешательства», – подчеркивало «Новое время» (10(23) июня, 19 июня (12 июля) 1900 г.). – *426*.

[6] Речь идет о соборном храме Успенского монастыря в Пекине, в котором находилась русская православная миссия, возглавлявшаяся преосв. Иннокентием, епископом Переяславским. Во время боксерского восстания 1900 г. храм Успения Пресв. Богородицы был разрушен. Федоров называет его *храмом Премудрости, Софии*, следуя представлению об исторической эволюции русского храмового зодчества от софийных храмов (византийская традиция) к успенским и о взаимосвязи этих двух типов храмов. – *426*.

[7] Одним из важнейших направлений русской политики 1890-х гг. было укрепление дальневосточных территорий. В связи с этим в 1891 г. началось строительство Сибирской железной дороги, которая должна была связать европейскую Россию с Дальним Востоком. В 1896 г. между китайским правительством и Русско-Китайским банком был подписан концессионный договор о сооружении и эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги, которая, будучи продолжением Уссурийского и Забайкальского участков Сибирской дороги, должна была протянуться через Манчьжурию на Владивосток. Созданное в этих целях Общество Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), фактически работавшее на средства русской казны, получило право безусловного и исключительного управления всей территорией железной дороги.

Поскольку в зимнее время навигация в районе Владивостока была невозможна, насущной стратегической задачей России становилось приобретение открытого незамерзающего порта на Тихом океане. Таким портом мог быть один из портов Кореи или Китая. В 1897 г. в качестве ответного шага на захват Германией, стремившейся приобрести военно-морскую базу в дальневосточных водах, бухты Цзяочжоу, Россия бросила якорь на рейде Порт-Артура, а в 1898 г. получила от китайского правительства право на двадцатипятилетнюю аренду как этого порта, так и портового города Даляньвана на побережье Манчьжурии, а также согласие на постройку к этим городам ветки КВЖД (строительство ветки закончилось к 1903 г.). – *426*.

[8] После японско-китайской войны 1895 г., существенно ослабившей Китай, европейские державы предприняли натиск на береговые территории страны. 5 января 1898 г. между Германией, захватившей Цзяочжоу (см. примеч. 7), и Китаем был заключен договор, по которому последний отдавал первой в аренду на 99 лет этот залив с несколькими островами и окружностью на материке в 50 км. Спустя три месяца, 5 апреля 1898 г., Франция получила в аренду Гуанчжоувань, залив на полуострове Лей-чжоу. Англия, после того, как Россия отвергла предложенный ею план раздела Китая, захватила бухту Вэй-Хай-Вей на северном побережье Шаньдуна. Захваты береговых территорий стали еще одной вехой раздела Китая на сферы влияния европейских держав, завершившегося к концу 1890-х гг. и повлекшего за собой боксерское восстание 1900 г. – *426*.

[9] См. примеч. 2. – *426*.

[10] Сергей Дмитриевич *Шереметьев* (1844–1918) – государственный и общественный деятель, автор трудов исторического и историко-археологического характера. С. Д. Шереметьев был председателем Археографической комиссии и двух обществ: общества любителей древней письменности и общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, членом которого весной 1899 г. стал В. А. Кожевников.

В Российской Государственной библиотеке хранится экземпляр книги В. А. Кожевникова «Философия чувства и веры» с дарственной надписью С. Д. Шереметьеву: «Гр. Сергию Дмитриевичу Шереметьеву в знак глубокого уважения от автора». – *426*.

[11] См.: Л. Н. Толстой. Соединение и перевод четырех Евангелий, гл. 9. Соблазны. О податях (*Толстой. 24*, 590–600). *Сын дьявола* – см. примеч. 146 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве». – *426*.

[12] Текст *Вам бы следовало написать ∞ какое другое имя можно дать нашему лицемеру* зачеркнут. – *426*.

[13] См. примеч. 2 к письму 210. – *426*.

[14] В передовой статье «Нового времени» от 21 июня (4 июля) 1900 г. (№ 8733) приводилось сообщение агентства «Рейтер», согласно которому консулы европейских держав «предложили своим правительствам пригрозить китайскому правительству или высшим

китайским чиновникам, что в случае смерти иностранцев или в особенности посланников, могилы предков императорской фамилии под Пекином будут уничтожены». Далее газета размышляла о последствиях подобной меры в стране с развитым культом предков: «Для китайца уничтожение могилы его предка составляет не только высшее бесчестие; этим действием наносится ему самый страшный удар, так как он считает, что с уничтожением могилы отнимается у предка возможность загробной жизни, а на потомство налагается вечное проклятие. Не говоря уже о том, что уничтожение могил явится делом, недостойным наций "культурных" в настоящем значении этого слова», оно может привести к тому, что против иностранцев поднимутся все 400 миллионов китайцев. – *426.*

[15] В архиве Н. П. Петерсона сохранилась рукопись на двойных и одинарных листах, озаглавленная «Эпиграфы к 12-и Пасхальным вопросам». Рукопись выполнена рукой В. А. Кожевникова с поправками и дополнениями Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона. В рукописи приведены развернутые эпиграфы к каждому пасхальному вопросу (впоследствии все они вошли в «Супраморализм»), а в начале поставлен общий эпиграф:

«Общий: Am Golde hängt,
Zum Golde drängt
Doch Alles! Ach, wir Armen!
Faust.

Что ценней: золото ли, как источник взаимного истребления? Или же прах отцов, как цель соединения сынов?» (ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 2, л. 1). Буквальный перевод цитаты из «Фауста» Гете (слова Маргариты в сцене «Вечер» I части поэмы): «Ведь все на золоте держится и к золоту стремится! Ах, мы бедные!»

Оканчивается рукопись следующей припиской Н. Ф. Федорова: «Пасхально-Кремлевские вопросы, или вопрос о примирении (объединении) чрез всеобщее воскрешение, т. е. что враждующие из-за земли (праха отцов) сыны могут примириться только в деле возвращения жизни праху отцов. (Христосование – взаимное лобзание, примирение, соединение в радости при виде или слухе о первом воскресении. Христосование не есть лишь братование сынов, а выражение любви к отцам, ибо христосование не ограничивается живущими, но и с умершими [не дописано])» (ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 2, л. 6 об. – *427.*

[16] По всей видимости, речь идет о рукописи «Эпиграфы к Пасхальным вопросам», переписанный и дополненный вариант которой хранится в архиве Н. П. Петерсона (см. примеч. 15). – *427.*

230. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Между 26 и 30 июня 1900. Подольск

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, лл. 83–84 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 228–229).

[1] В. А. Кожевников так комментирует сочинение, упомянутое здесь Федоровым: «Этот современный Декалог некоего венского профессора Вейсса попался мне в журнале "Ethische Kultur" и был мною сообщен Н<икола>ю Ф<едорови>чу». Журнал «Ethische Kultur. Wochenschrift für social-ethische Reformen» («Этическая культура. Еженедельник движения за социально-этические реформы») издавался с начала 1890-х гг. в Берлине. Его сотрудниками были члены созданного в 1892 г. «Германского союза этической культуры» (см. примеч. 43 к «Статьям религиозного содержания из III тома "Философии общего дела"» – Т. III наст. изд., с. 696). Упомянутый В. А. Кожевниковым профессор Венского университета Вейс, по всей видимости, был членом Венского отделения союза. К сожалению, в фондах московских книгохранилищ номера журнала «Ethische Kultur» за 1899–1900 гг. отсутствуют, поэтому мы не имели возможности познакомиться с сочинением Вейса, которое Н. Ф. Федоров разбирает в этом и следующем письмах. – *427.*

[2] В. А. Кожевников выслал Н. Ф. Федорову переписанный им и М. Г. Кожевниковой один из первоначальных вариантов «Пасхальных вопросов» (см. примеч. 2 к письму 229). Текст этот до нас не дошел. Судя по письму 231, рукопись была получена от В. А. Кожевникова 26 июня. – *427.*

[3] См. примеч. 61 ко II части «Записки» – Т. I наст. изд., с. 476. – *428.*

231. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

30 июня 1900. Подольск

В архиве Н. П. Петерсона сохранились как черновик данного письма (ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, лл. 80–81 об.), так и его беловик (там же, лл. 79–79 об., 82–82 об.). Н. П. Петерсон, готовя данное письмо к публикации в III томе «Философии общего дела», заменил отдельные выражения белового текста на соответствующие им выражения черновика, а также дополнил окончательный текст некоторыми оставшимися в черновике фрагментами. В настоящем издании за основу взят текст, подготовленный Н. П. Петерсоном.

[1] См. примеч. 1 к письму 230. – *428*.

[2] Далее в черновике: «...а последнего слова в этом деле он еще не сказал! Проповедать от имени изобретателя этих орудий слово, означающее добродетель, означает не только лицемерие, а даже неспособность к нравственному улучшению. Несмотря на изумительную изобретательность, человек всегда был недоволен. А если хотите знать, чего он желал, читайте Ад Данта. Правда, человек по скромности изобретение этих мук не приписывал себе, но творцы этической культуры не имеют на это права. Проповедуя человечную культуру, они должны знать, что адские мучения – изобретение человека, человеческой правды. Даже заменить человечность сверхчеловечностью нельзя, ибо адские мучения сверхчеловечны!» – *428*.

[3] См. примеч. 2 к письму 230. – *429*.

[4] См. примеч. 35 и 56 к «Самодержавию» – Т. II наст. изд., с. 444, 445. – *430*.

232. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

3 июля 1900. Подольск

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, лл. 85–87 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 10, ед. хр. 33, лл. 85–87 об.). Ранее опубликовано: «Евразия», 4 мая 1929, № 24, с. 7–8; *Контекст 1988*, с. 348–349.

Основной текст данного письма совпадает с частью заметки «Наконец само время, История ставит вопрос о золоте...» (см.: Т. III наст. изд., с. 322-324).

[1] Об *эпиграфах* к «Пасхальным вопросам» см. примеч. 15 к письму 229. *Комментарии* – сохранившийся вариант «Пояснений к Пасхальным вопросам» см. в Т. III наст. изд., с. 328–342. – *430*.

[2] М. А. Протопопов. Беллетристы новейшей формации. М. Горький. Очерки и рассказы. Т. III, СПб., 1899. Тан. Чукотские рассказы. СПб., 1900. Вересаев. Очерки и рассказы. СПб., 1899 // Русская мысль, 1900, №№ 3–4. – *430*.

[3] Цитата из рассказа А. П. Чехова «Сапожник и нечистая сила» (1885). – *430*.

[4] В статье «Беллетристы новейшей формации» М. А. Протопопов подробно разбирал творчество раннего Горького и писал о двух противоположных идейных тенденциях, присутствующих в рассказах писателя: безусловное смирение, граничащее с фатализмом («не кобенься, против закона не попрешь»), и крайний нигилизм, переходящий во «все дозволено» («живи и кобенься усиленно»). При этом публицист выражал убеждение в том, что эти тенденции разрешатся в благотворном третьем пути и писатель «придет к тому не эффектному, прозаическому, но правильному убеждению, что человеку не подобает ни бездельничать по-босяцки (хотя бы то под сенью Гегеля), ни разбойничать по-босяцки же (хотя бы под сенью Ницше), а подобает ему усердно работать под ферулой многих законов, – и законов природы, и законов общежития, и законов морали» («Русская мысль», 1900, № 3, с. 38).

С отзывом Н. Ф. Федорова о ранних произведениях М. Горького впоследствии ознакомился сам писатель, интересовавшийся идеями философа «всеобщего дела». В августе 1926 г. Н. А. Сетницкий, сообщая М. Горькому о своем намерении выпустить имевшиеся в его распоряжении материалы к III тому «Философии общего дела» отдельной книжкой, между прочим замечал: «...там имеются несколько слов, посвященных Вам. Если бы Вы захотели, я пошлю Вам это место, не ожидая публикации» (Архив А. М. Горького в ИМЛИ РАН, КГ–П 71, 4, 2, л. 1 об.). По просьбе Горького текст письма Н. Ф. Федорова от 3 июля 1900 г. был ему прислан, и 16 марта 1927 г. Алексей Максимович благодарил Н. А. Сетницкого за это «интереснейшее письмо» (см.: *Контекст 1988*, с. 350). Об отношении М. Горького к смерти и его внимании к идеям регуляции природы и борьбы со смертью см.: С. Г. Семенова. Преодоление трагедии. Вечные вопросы в литературе, с. 285–317; ее же. Николай Федоров. Творчество жизни, с. 358–363; M. Hagemeister. Nicolaj Fedorov. Studien zu Leben, Werk und Wirkung. München, 1989, S. 368–379, 392–403. – *430*.

[5] *А. А. Киреев* – см. примеч. 53 к «Статьям и заметкам разного содержания». Аким Львович *Волынский* (наст. фамилия – Флексер; 1861–1926) – литературный критик, историк и теоретик искусства. В 1889–1899 гг. ведущий сотрудник и идеолог «Северного вестника», считавший основной задачей журнала «борьбу за идеализм»; привлекал к сотрудничеству в журнале представителей русского символизма. Критическое отношение к эстетическому наследию В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского привело А. Л. Волынского к конфронтации с *Н. К. Михайловским*, а затем, несмотря на общность политической платформы, и с другими писателями и критиками либерально-демократического направления. – *431.*

[6] См. примеч. 109 к «Статьям философского содержания из III тома “Философии общего дела”» – Т. III наст. изд., с. 682–683. – *431.*

[7] См. примеч. 110 к тому же разделу – там же, с. 683. – *431.*

[8] См. примеч. 111 к тому же разделу – там же, с. 683. – *431.*

[9] См. примеч. 112 к тому же разделу – там же, с. 683. – *431.*

[10] Н. Ф. Федоров реагирует на следующее рассуждение М. А. Протопопова: «Все мы, при всех наших частных разногласиях, стояли на одной и той же нравственной почве. Униженных и обиженных мы не презирали, а наоборот, в их поддержке и защите усматривали единственную достойную человека цель существования и деятельности. Главную заповедь хорошо выразил наш поэт:

Иди к униженным,
Иди к обиженным.
По их стопам,
Где трудно дышится,
Где горе слышится,
Будь первый там!»

(«Вестник Европы», 1900, № 3, с. 33, 2-я пагинация). Цитата, приведенная М. А. Протопоповым, взята из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?» – *431.*

233. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

3 августа 1900. Подольск

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, лл. 96–97 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 241–242). Первоначальный вариант письма см. в разделе «Другие редакции».

Ответ на письмо В. А. Кожевникова от 28 июля 1900 (Т. IV наст. изд., с. 596–597).

[1] Этот абзац вписан мелкими буквами над обращением. – *432.*

[2] См. примеч. 2 к письму 154. – *432.*

[3] В. А. Кожевников выслал Н. Ф. Федорову переписанную «Схему двенадцати Пасхальных вопросов», а также свой вариант схематического изображения «Пасхальных вопросов» в виде зодиакального круга (Zodiacus Vitae – зодиак жизни (*лат.*)). Ни схема, составленная Н. Ф. Федоровым, ни «Zodiacus Vitae» В. А. Кожевникова до наших дней не дошли. – *432.*

[4] *Два Адама* – библейский Адам, первый человек, и Христос, «второй Адам», искупивший первородный грех. По преданию, Голгофа, на которой был распят Спаситель, находилась на том самом месте, где была могила Адама. – *432.*

[5] Схему двенадцати Пасхальных вопросов, выполненную в виде двух столбцов, см. в Т. III наст. изд., с. 331–333, схему из трех столбцов см. там же, с. 343–345. – *433.*

[6] Цитата из стихотворения «Призыв». – *433.*

[7] См. примеч. 131 к «Статьям философского содержания из III тома “Философии общего дела”» – Т. III наст. изд., с. 685. – *433.*

[8] Изображение «Божественной литургии», описываемое ниже Н. Ф. Федоровым, относилось к XIII в. и представляло собой витраж средневекового розария. Его рисунок, выполненный Августом Леду (August *Ledoux*), был помещен в начале Т. 10 «Анналов археологии» («Annales archéologiques». Vol.10. Paris, 1850), издававшихся французским историком и археологом Адольфом *Дидроном* (1806–1867), перед статьей самого Дидрона «La divine liturgie» («Божественная литургия»). – *433.*

234. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Не ранее 1900. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, лл. 10–11 об. (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 4, ед. хр. 6, лл. 80–81).

[1] *«О подражании Христу»* – трактат, автором которого считается Фома Кемпийский (1379–1471). Основная идея трактата: в мире, который во зле лежит, единственное спасение христианина заключается в подражании жизни Христа, т. е. в аскетизме, смирении, терпении, безропотном несении тягот существования. Н. Ф. Федоров же считал, что задача человека в мире, причем не одного человека, а соединенного человечества, – уподобляться Христу не только в его кенозисе и крестоношении, но и в живоносных делах («верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит» (Ин 14:12)): исцеления, воскрешения умерших, утишения стихий, победы над смертью. – *434.*

[2] Речь идет об издании: Henri Lichtenberger. La philosophie de Nietzsche. P., 1898 (рус. пер.: Анри Лихтенберже. Философия Ницше. СПб., 1901). – *434.*

[3] Федоров читал следующее русское издание работы «Происхождение трагедии из духа музыки»: Ф. Ницше. Происхождение Трагедии. Об антихристе. М., 1900. В следующем абзаце Федоров касается предисловия Ф. Ницше к работе «Происхождение трагедии...». В этом предисловии, озаглавленном «Опыт самокритики», немецкий философ противопоставлял собственное истолкование мира как «эстетического феномена» христианскому миропониманию, отождествляемому им с мистицизмом. Признавая лишь ценность сверхъестественного, придавая значение «*только* нравственной оценке», мистицизм, по мнению Ницше, питает тем самым непримиримую «*вражду к жизни*», ведь «перед судом нравственности (в особенности мистической, то есть безусловной нравственности) жизнь должна быть постоянно и неизбежно неправа, потому что жизнь, по самой своей сущности, есть нечто безнравственное». Мистическая нравственность, подчеркивал далее Ницше, в своем пределе может обернуться «“стремлением к отрицанию жизни”, тайным инстинктом уничтожения» (указ. соч., с.16, 18–19). – *434.*

[4] Указ. соч., с. 19. – *435.*

[5] Там же. – *435.*

[6] Ср. в предисловии Ницше к «Происхождению трагедии...»: «В этой странной книге и восстал тогда против нравственности мой инстинкт, как инстинкт, стоящий за жизнь, и явилось по самой своей сущности совершенно противоположное учение о жизни и совершенно противоположная его оценка – чисто артистическая и антихристианская. Спрашивается, как назвать это учение? Как филолог и человек, имеющий пристрастие к словам, я окрестил его, может быть, немножко смело, – но, впрочем, кому известно настоящее имя антихриста? – именем одного греческого божества: я назвал его учением Диониса» (там же, с. 20). – *435.*

[7] Образы этого стихотворения В. А. Кожевникова Н. Ф. Федоров использует в данном абзаце (текст стихотворения см.: Т. III наст. изд., с. 537–538). – *435.*

235. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Не ранее ноября 1900. Москва

Оригинал не разыскан. Печатается по машинописной копии, хранящейся в архиве А. Л. Волынского: РГАЛИ, ф. 95, оп. 1, ед. хр. 1082, л. 1–1 об.

[1] Речь идет о С. М. Северове (см. примеч. 5 к письму 161), который с июня 1900 г. жил в Санкт-Петербурге, переехав туда вместе с женой. – *435.*

[2] Речь идет о статье Н. Ф. Федорова и В. А. Кожевникова «Кончилась ли всемирная история?» («Русский архив», 1900, № 11). Текст ее см. в наст. томе. – *435.*

[3] О. Э. Северовой, жене С. М. Северова. – *435.*

[4] Речь идет о статье Н. Ф. Федорова «Конец философии», посвященной Ф. Ницше (Т. II наст. изд., с. 126–129). – *435.*

[5] Статью Н. Ф. Федорова о Ф. Ницше «Последний философ» см. там же, с. 124–126. – *435.*

236. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

2 января 1901. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, д. хр. 34, л. 1–1 об. (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 4, ед. хр. 6, л. 243). Ранее частично опубликовано: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 229. В архиве Н. П. Петерсона сохранился и черновик данного письма: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 67, л. 24–24 об. Его текст несколько отличается от текста беловика: в объяснениях с Петерсоном по поводу того, что последний во время пребывания в 1898 г. Федорова в Воронеже втайне доплачивал за его стол и квартиру, присутствуют важные эмоциональные акценты, опущенные в окончательной редакции. К сожалению, лист черновика обрезан и восстановить полный его текст невозможно. Тем не менее считаем нужным привести хотя бы сохранившиеся фрагменты:

«Милостивый государь

Николай Павлович

Денежный мой долг Вам, оказывается, растет, долг невольный присоединяется к вольному. Я понимаю и денежные отношения между людьми, только не в таких отношениях, в каких нахо[димся мы с Вами.] [Далее обрыв листа.] [Вы опровер]гали эту неправду, но так, что опровержение только возвышало Вас в мнении. Сознавая крайнюю несправедливость обвинений, я мало обращал на них внимание. В Воронеже же, к моему удивлению, обвинения оказались справедливыми. По приезде в Воронеж я отправился в Троицкое и узнал от бывшей моей хозяйки, что к 4-м рублям, платимым мною за комнату, Вы прибавляли еще 2-а и хотя она тотчас [обрыв листа]».

[1] В эти города, где в 1870–1891 гг. и 1891–1894 гг. служил Н. П. Петерсон, Н. Ф. Федоров регулярно приезжал на время отпуска. – *436.*

[2] Приезд Н. Ф. Федорова в Воронеж можно датировать двояко: и 17–19 апреля 1900 г., и осенью того же года. В пользу первой датировки свидетельствует намерение Н. Ф. Федорова из Асхабада ехать прямо в Воронеж, а затем уже в Москву (письма 220, 221). Поскольку в Москве Н. Ф. Федоров был зарегистрирован 20 апреля 1900 г., а в Воронеже, судя по данному письму, пробыл меньше одного дня, то приезд в Воронеж можно датировать указанными тремя днями. Датировать приезд в Воронеж осенью 1900 г. также возможно: Федоров вполне мог решить после лета, проведенного в Подольске, поселиться в Воронеже, который был ему хорошо знаком. – *436.*

[3] Ложь во спасение (*лат.*; букв.: «благой обман»). – *436.*

[4] По всей видимости, необходимость втайне доплачивать за «стол и квартиру» Н. Ф. Федорова возникла в 1898–1900 гг. В апреле–августе 1898 г. Федоров находился в Воронеже и вряд ли регулярно получал жалованье, так как официальный отпуск в Музеях ему предоставлен не был, а с ноября он жил только на пенсию, составлявшую 17 руб. 51 коп. Скорее всего, Н. П. Петерсон доплачивал за Федорова и в Асхабаде, а В. А. Кожевников мог прибегнуть к подобной мере летом 1900 г. в Подольске. С 1901 г., когда Н. Ф. Федоров начал работать вольнотрудящимся в библиотеке Московского главного архива МИД, необходимость тайно помогать ему отпала. – *436.*

[5] Вероятно, именно этот эпизод упоминает Н. Ф. Федоров в письме 95. – *436.*

[6] О своих расходах, связанных с пребыванием Н. Ф. Федорова в Воронеже, Н. П. Петерсон сообщал В. А. Кожевникову в конце совместного с Н. Ф. Федоровым письма, написанного между 15 и 17 декабря 1898 (Т. IV наст. изд., с. 364). – *436.*

[7] Первоначально в письме были другие цифры: «Посылаю в уплату 6, остается 25». Другой была и дата письма: 10 декабря 1900 г. Новые цифры и новая дата проставлены более темными чернилами. По всей видимости, Н. Ф. Федоров, решив расплатиться с большей частью долга, отложил отправку письма, собирая необходимую сумму. – *436.*

[8] *Елизавета Николаевна Петерсон* (1870–1919), в замужестве Кривошеина, и *Вера Николаевна Петерсон* (1872–1937) – дочери Н. П. Петерсона. После отъезда Н. П. Петерсона с семьей в Асхабад остались в Воронеже (*Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 229). – *436.*

[9] По всей видимости, речь идет о *Константине Николаевиче Петерсоне* (1881–1905), сыне Н. П. Петерсона. В 1899 г. он вместе с родителями переехал в Асхабад, однако, если датировать приезд Н. Ф. Федорова в Воронеж 17–19 апреля 1900 г., можно предположить, что К. Н. Петерсон вместе с К. П. Афониным сопровождал Н. Ф. Федорова из Асхабада до Воронежа (отсюда и фраза: «не мог проститься с Костей»). – *436.*

[10] Текст «поздравляю с Новым Годом и желаю всего хорошего» вписан позднее – теми же чернилами, что и новая дата: «2 января 1901 года». – *436.*

237. Н. Я. ПЯСКОВСКОМУ

31 марта – первая половина апреля 1901

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 68, лл. 1–2 об. (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 312–313). Набросок ответа на письмо Н. Я. Пясковского от 29 марта 1901 г. (Т. IV наст. изд., с. 670–671). О лекции Н. Я. Пясковского, послужившей поводом для письменного обращения к нему, и первом несохранившемся письме Н. Ф. Федорова см. примеч. 290 к разделу «Статьи и заметки о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве». – *437.*

238. С. М. СЕВЕРОВУ

17 апреля 1901. Москва

Оригинал не разыскан. Печатается по машинописной копии, хранящейся в архиве А. Л. Волынского: РГАЛИ, ф. 95, оп. 1, ед. хр. 1082.

О С. М. Северове см. примеч. 5 к письму 161. – *438.*

[1] О. Э. Северова, жена С. М. Северова. – *438.*

239. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Вторая половина мая 1901. Подольск

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 69, л. 1–1 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, л. 205).

Письмо написано из Подольска, куда Н. Ф. Федоров приехал в первой половине мая 1901 г.: 12 мая он был зарегистрирован «у полицейского надзирателя г. Подольска» по дому Жильцова (см.: Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 115; *В. С. Борисов. Адреса Н. Ф. Федорова*, с. 255).

[1] Цитируемая здесь Н. Ф. Федоровым статья Сергея Николаевича *Сыромятникова* (псевд. «Сигма») «Опыт мистической критики» была посвящена разбору первого тома сочинения Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» (отдельное издание – оттиск из журнала «Мир искусства» за 1900 г.: Д. Мережковский. Христос и Антихрист в русской литературе. Л. Толстой и Достоевский. Т. 1, СПб., 1901). Автор статьи ставил «критический опыт» Мережковского в связь с «Краткой повестью об антихристе» В. С. Соловьева, считая оба произведения «выражением миропонимания нашего времени», обращенного к последним вопросам существования. Отталкиваясь от рассуждений Мережковского, Сигма представил историю человечества как процесс диалектический, двойственный, антиномичный, как борьбу «зверя и человека, белбога и чернобога, добра и зла», «Бога и черта, Христа и Антихриста». – *438.*

[2] Неточная цитата из статьи «Опыт мистической критики», включающая в себя цитату из «Краткой повести об антихристе». Указанные штрихи характеристики Антихриста в «Краткой повести...» – прямая отсылка к Л. Н. Толстому, против учения которого в значительной степени и направлены «Три разговора» (подробнее см. в примеч. 175 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве»). – *439.*

[3] См. примеч. 145 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве». – *439.*

[4] Последняя фраза письма перекликается с началом заметки «Письмо к Синоду...» (Т. IV наст. изд., с. 43). – *439.*

240. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

8 июня 1901. Подольск

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 34, лл. 2–3 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 255–256).

[1] В 1901 г. в России была начата реформа средней школы. Эта реформа должна была коренным образом изменить прежнюю систему классического образования, разработанную и введенную в 1871 г. тогдашним министром просвещения Д. А. Толстым при активном содействии М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева. В рамках реформы предполагалось упразднение разделения общеобразовательной школы на классические гимназии и реальные

училища, создание семилетней школы нового типа с единой программой. При этом изучение древних языков, бывшее базовым в системе классического образования, отодвигалось на второй план: существенно сокращался курс латинского языка, а греческий становился необязательным. Одновременно расширялось преподавание новых языков, всеобщей и русской истории, литературы и отечествоведения, а также географии, законоведения (права) и естественных наук.

Первая комиссия по школьной реформе, призванная разработать новое положение о средних учебных заведениях, коренным образом пересмотреть их планы и программы, была создана еще в 1899 г. С апреля 1901 г., после назначения на пост министра народного просвещения П. С. Ванновского (см. примеч. 2 к письму 249), дело реформы начало быстро продвигаться вперед. Была создана новая комиссия, в состав которой вошли члены учебного ведомства, директора классических гимназий и реальных училищ, а также ученые, профессора. Комиссия открыла свои заседания 28 мая 1901 г. и закончила работу 19 июня, выработав основные положения новой общеобразовательной средней школы, составив таблицы уроков и конспекты учебного плана, а также определив первые этапы реформы.

Вопрос о предпринятой правительством реформе средней школы активно обсуждался в печати. Реформа приветствовалась как либеральными, так и умеренными, «почвенными» кругами. Первым импонировало то, что наконец уничтожалось характерное для прежней системы образования неравенство между классическими гимназиями и реальными училищами (ранее только выпускники гимназий с двумя древними языками имели право на поступление в университет), то, что образование становилось более доступным для большинства и более близким к потребностям действительной жизни, то, что в новой школе было существенно расширено преподавание иностранных языков и естественных наук. Вторых вдохновлял общий пафос реформы: декларировался переход к системе образования, учитывающей национальную специфику, говорилось о повышении воспитательной роли школы, о необходимости тесного взаимодействия школы с семьей. Противники реформы указывали на то, что уничтожение классической школы приведет к падению уровня образования, «к массовой полуобразованности», к ослаблению роли гуманитарного знания, филологии и философии.

Одним из основных вопросов, обсуждавшихся такими органами печати, как «Новое время» (именно его в Москве и Подольске активно читал Федоров), являлся вопрос о национальных и духовных ориентирах будущей школы. Подчеркивалось, что «всякая школа должна быть приспособлена, с одной стороны, к национальным особенностям характера юношества, с другой – должна соответствовать потребностям страны» (А. Б. [А. Н. Маслов.] Национальная школа // Новое время, 14(27) апреля 1901, № 9024), неоднократно повторялось, что неотложной задачей момента является организация школы, воспитывающей национальное самосознание, дающей ценностные ориентиры в мире (Сигма. [С. Н. Сыромятников.] Запросы времени // Новое время, 15(28) апреля 1901, № 9025). 6(19) мая в газете выступил сын Л. Н. Толстого Л. Л. Толстой. Он говорил о нравственном воспитании юношества, о необходимости «связать школу с жизнью», существенно расширить физическое воспитание, привлекать учащихся к здоровому и полезному труду. 4(17) июня в «Новом времени» появилась большая статья «Патриотизм в школе» за подписью «Proctor». Высказывая «горячее желание», чтобы новая школа «была народной русской школой», автор задавался вопросом, «в чем же должна быть выражена эта народность». «Во-первых и прежде всего, – отмечал он, – она должна хорошо знакомить с настоящим и прошлым нашего отечества, а следовательно, изучению географии и истории России должно быть в ней отведено самое видное место. Во-вторых, в состав ее курса должны войти курсы отечествоведения и русского законоведения». В продолжение темы уже на следующий день газета поместила программную статью «Отечествоведение», которая выдвигала данный предмет как «фундамент образования». Юное поколение, подчеркивала газета, должно вступать в жизнь, понимая исторический путь России, ее национальное и всемирное призвание. Оно должно хорошо знать свою историю, культуру, вплоть до этнографии и фольклора, иметь представление о том, как упорно, шаг за шагом создавалось русское государство. А значит, нужны соответствующие учебники и хорошо подготовленные, просвещенные учителя, которые смогли бы передать юношеству знание, одушевленное любовью к родной стране. Залог общественного порядка, путь мирного противостояния всяческому брожению умов, конституционным требованиям – именно в таком умном и любовном изучении истории России и роли в этой истории самодержавной власти. «Выяснено ли научно это самодержавие, объяснен ли генезис его развития, его пси-

хологические и исторические основы и поставлены ли с ним в связь многочисленные и преемственные явления и события русской истории и жизни [...]? До сих пор наша наука мало занималась этим», – заключала газета.

Второй важной темой, поднятой в «Новом времени» в связи с реформой среднего образования, была тема укрепления связи семьи и школы. Определяя «ближайшие задачи школьной реформы», корреспонденты газеты писали о необходимости «восстановить доброе согласие между семьею и школою», о том, что «школа и семья должны идти рука об руку, одна другой помогать, одна другую дополнять», воспитывая в детях «стремление к истине, добру и красоте» («Новое время», 7(20) и 8(21) июня 1901 г.).

Н. Ф. Федоров не мог не откликнуться на обсуждение проекта новой школы, тем более, что целый ряд положений этого проекта был ему близок. В письмах В. А. Кожевникову июня–июля 1901 г. он осмысляет направления школьной реформы в свете своих идей о назначении воспитания и образования. В. А. Кожевников в книге «*Николай Федорович Федоров»* (глава «Воспитатель и учитель») ссылается на целый ряд статей и заметок Н. Ф. Федорова, которые, как можно судить по заглавиям и приведенным цитатам, написаны по поводу реформы 1901 г. (В. А. Кожевников. Указ. соч., с. 45–53), однако все они в настоящее время неизвестны. – *439.*

[2] Речь идет о совместной статье Н. Ф. Федорова и И. А. Борисова «К вопросу о памятнике В. Н. Каразину» (Т. III наст. изд., с. 125–127). Эпиграф к статье был взят из текстов самого Федорова. – *439.*

[3] Как подчеркивал В. А. Кожевников, Федоров, говоря об отечествоведении, «не мог ограничить его пределами национального родиноведения: для человечества, понимаемого как одна семья, отечеством может быть только вся земля, так что и история частная, местная сливается со всеобщею. Это положение переносит нас к существенно важному вопросу о *национальном характере школы*. Н<иколай> Ф<едорович> был искренним, горячим патриотом, [...] однако его любовь к родине была далека от того узкого и ограниченного патриотизма, ради которого в наши дни иногда подвергается сомнению и осуждению всякий патриотизм вообще». Черты национальной и исторической самобытности «были ценны ему во всех народах», «его патриотизм и национализм приводили не к поглощению одною нацией других, а к их братскому, родственному сосуществованию. Патриотизм и национализм носили у него, следовательно, характер не ограничивающий, а расширяющий, не уничтожавший отдельные народные семьи, а примирявший их, при сохранении их особенностей, и объединявший их в одну общую семью на основе братского соборного начала» (*В. А. Кожевников*, с. 46). Истинно-национальная школа, сочетающая в себе, в понимании мыслителя, «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам» с планетарным всечеловеческим и всесыновьим мировоззрением, школа, ориентированная на всеобщность познания и исследования, могла быть создана, по его мнению, лишь при условии коренной переориентации сознания наций, отказа от борьбы племенных эгоизмов, от «международной розни и вражды», при условии вступления на путь всеобщего дела. – *439.*

[4] Эти слова в определенной степени представляют собой отклик на следующий пассаж статьи «Отечествоведение» («Новое время», 5(18) июня 1901, № 9069): «Некоторые же, недоумевая над самым названием “национальная школа”, наивно и лицемерно-фарисейски вопрошают: “Что же есть русская арифметика, физика, алгебра?” Успокойтесь. Арифметика останется арифметикой, физика – физикой и алгебра – алгеброй, хотя и в этой непреложной области могут встретиться такие неожиданности, как геометрия Лобачевского». – *439.*

[5] Об обсуждении в «Новом времени» вопроса «о национальной школе» см. примеч. 1. – *439.*

[6] Этот сюжет, с подачи Н. Ф. Федорова, излагался в статье Ю. П. Бартенева «В. Н. Каразин и господство над природою» («Русский архив», 1892, № 5). См. также статью «Каразин, как метеороург, а не метеоролог» (Т. II наст. изд., с. 262). – *439.*

[7] См. примеч. 289 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 632–633. – *439.*

[8] Машинописная копия статьи «Землячества при Университетах и архивы, и их отношения» хранится в собрании бумаг Н. Ф. Федорова в РО ИРЛИ (см. И. Савкин. Бумаги Н. Ф. Федорова из коллекции Института русской литературы // *Философия бессмертия и воскрешения*. Вып. 1, с. 267). – *440.*

[9] 8(21) июня 1901 г. в № 9070 «Нового времени» был опубликован Высочайший манифест от 6 июня 1901 г. о рождении великой княжны Анастасии Романовой. – *440.*

[10] Анна Васильевна *Кожевникòва* (Андреева) (1864–1949) – жена В. А. Кожевникова. В 1888 г. окончила педагогическое отделение Московской Консерватории по классу фортепиано. В течение нескольких лет была учителем музыки дочерей графа С. Д. Шереметьева. Можно предположить, что В. А. Кожевников познакомился с А. В. Андреевой в доме Шереметьевых (весной 1899 г. он стал членом Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, председателем которого был С. Д. Шереметьев). Брак В. А. Кожевникова и А. В. Андреевой был заключен в 1901 г. – *440.*

[11] Это письмо Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову не сохранилось. – *440.*

[12] См. письмо 236. – *440.*

[13] Интерес Н. Ф. Федорова к книге Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский», первый том которой вышел отдельным изданием в 1901 г., по всей вероятности, возник после прочтения статьи Сигмы «Опыт мистической критики» («Новое время», 10(23) мая 1901, № 9050) – см. примеч. 1 к письму 239. *Письмо Достоевского о долге воскрешения* – письмо Ф. М. Достоевского к Н. П. Петерсону от 24 марта 1878 г., опубликованное Н. Ф. Федоровым и Н. П. Петерсоном в № 80 газеты «Дон» от 20 июля 1897 г. – *440.*

241. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Между 8 и 17 июня 1901. Подольск

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, л. 97–97 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, л. 53).

По всей видимости, это письмо не было послано (в письме Н. Ф. Федорова к В. А. Кожевникову от 17 июня 1901 г. в качестве предыдущего письма упоминается письмо от 8 июня).

[1] Речь идет о письме 240. – *440.*

[2] О составе комиссии по реформе средней школы «Новое время» сообщило в передовой статье от 29 мая 1901 г. (№ 9062). – *440.*

242. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

17 июня 1901. Подольск

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 34, л. 4–4 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 244–245).

Ответ на письмо В. А. Кожевникова от 12 июня 1901 г. (Т. IV наст. изд., с. 597–598).

[1] Речь идет о письме В. А. Кожевникова от 12 июня 1901. – *440.*

[2] В статье «Земская метеорология», составленной в виде письма в редакцию «Нового времени», Н. А. Демчинский (см. примеч. 3 к письму 228) поднимал вопрос о возможности активного участия земства в деле устройства широкой сети «наблюдательных метеорологических пунктов», которая дополнила бы уже существовавшие станции Главной физической обсерватории, Министерства земледелия и Московского общества сельского хозяйства. При этом в качестве наблюдателей ученый предлагал привлекать учителей земских школ. Н. А. Демчинский призывал «к общественному почину в нашем общем деле» «изучения погоды и способов ее предсказания», указывая на то, что в таком деле необходима «дружная работа многих и многих лиц» («Новое время», 8(21) июня 1901, № 9074). – *440.*

[3] Речь идет о письме 240, в котором был затронут вопрос «о национальной школе». – *441.*

[4] Федоров имеет в виду свою статью «Несколько предположений по поводу ноябрьских падающих звезд» («Асхабад», 1899, № 298). – *441.*

[5] См. примеч. 8 к письму 240. – *441.*

[6] Согласно проекту школьной реформы 1901 г., латинский язык вводился не с первого класса, как раньше, а с четвертого и количество часов на него сокращалось с 42 до 16. В то же время в первом–шестом классах усиливалось преподавание истории, географии и отечествоведения и существенно расширялось отводимое на них число часов. – *441.*

243. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

28 июня 1901. Подольск

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 34, лл. 5–6 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 246–247).

Ответ на несохранившееся письмо В. А. Кожевникова.

Письмо связано с планом напечатания в газете «Новое время» статьи Н. Ф. Федорова, которая должна была стать откликом на споры о «национальной школе» (см. примеч. 1 к письму 240).

[1] Вместе с письмом от 17 июня 1901 г. Н. Ф. Федоров послал В. А. Кожевникову вырезку из журнала «Наука и жизнь» со статьей «К вопросу о памятнике В. Н. Каразину»: она должна была лечь в основу статьи, предназначавшейся для «Нового времени». В. А. Кожевников переписал статью с некоторыми добавлениями, сделанными на основе писем Н. Ф. Федорова от 8 и 17 июня 1901 г., и выслал обратно мыслителю. Негативная реакция Н. Ф. Федорова на присылку переписанной статьи объясняется тем, что в письме Н. Ф. Федорову от 12 июня 1901 г. В. А. Кожевников предлагал не просто переписать статью по указаниям мыслителя, но и отослать ее в редакцию «Нового времени» собственноручно или через Ю. П. Бартенева. – *441.*

[2] См. примеч. 4 к письму 240. – *441.*

[3] Предложенные В. А. Кожевниковым заглавия Н. Ф. Федоров перечисляет в письме к нему от 1 июля 1901. – *442.*

[4] Речь идет о комиссии по реформе средней школы (см. примеч. 1 к письму 240). – *442.*

[5] Речь идет о статье Д. С. Мережковского «"Отцы и дети" русского либерализма», опубликованной в качестве письма в редакцию в № 2–3 журнала «Мир искусства» (Отд. отт.: СПб., 1901). Статья, в частности, была вызвана негативной оценкой в либеральных кругах публичного доклада философа «Об отношении Л. Н. Толстого к христианству», в котором, вслед за В. С. Соловьевым, Мережковский развивал тезис о «буддийском нигилизме» Толстого-мыслителя. Д. С. Мережковский указывал на неверное понимание и истолкование своей мысли, и причины этого непонимания и лжетолкования усматривал во все углубляющемся расколе «между старым и молодым поколениями, между "отцами" и "детьми" русского либерализма». «"Отцы" либералы, – подчеркивал он, – с каждым днем все более кажутся детям своим "консерваторами", а теперешние отцы, подобно отцам всех времен, считают детей своих непокорными, блудными детьми, "нигилистами", отступниками (в политике отцы – "народники", дети – "марксисты", в искусстве – "реалисты" и "декаденты", в философии – "позитивисты" и "мистики"); считают их даже "по ту сторону добра и зла"» (Д. С. Мережковский. «Отцы и дети» русского либерализма. СПб., 1901, с. 6). – *442.*

244. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

1 июля 1901. Подольск

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 34, лл. 12–14 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 249–250).

[1] Речь идет о письме 240. – *442.*

[2] Статья Ю. П. Бартенева «В. Н. Каразин и господство над природою» была напечатана в 1892 году. – *442.*

[3] По всей видимости, В. А. Кожевников, составляя вступление к статье по поводу реформы средней школы, сочувственно откликнулся на статью Н. А. Демчинского «Земская метеорология», присланную ему Н. Ф. Федоровым при письме от 17 июня 1901. – *442.*

[4] См. примеч. 1 к письму 243. – *443.*

[5] Речь идет о Ю. П. Бартеневе. – *443.*

[6] «ненавистных имен» (*лат.*). – *443.*

245. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

7 июля 1901. Подольск

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 34, лл. 15–17 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 251, 254).

Вариант письма см. в разделе «Другие редакции».

[1] Ответ В. А. Кожевникова на письмо Н. Ф. Федорова от 28 июня 1901 г. не сохранился. – *443.*

[2] В 1901 г. из-за сильной засухи целый ряд земледельческих районов России постиг неурожай. Бедствие затронуло Вятскую, Воронежскую, Екатеринославскую, Казанскую, Оренбургскую, Пермскую, Самарскую, Саратовскую, Симбирскую, Таврическую, Уфимскую и Харьковскую губернии. Положение усугублялось тем, что и в предыдущие 10 лет неурожаи на территории России были хроническими. Интересно, что в широком спектре мнений о путях преодоления сложившейся ситуации, высказывавшихся тогда в печати, звучали и голоса в пользу регуляции. К примеру, обозреватель «Русского вестника», под-

черкивая, что неурожай 1901 г. «не игрушечный кризис [...], а серьезное народное бедствие» и что «нужно предпринять что-нибудь серьезное для решения сельскохозяйственного вопроса вообще и вопроса о борьбе с засухами в частности», – замечал: «Считать подобную борьбу невозможною нет решительно никакого основания. В Средней Азии с помощью искусственного орошения меняется климат обширных районов и безводные степи обращаются в плодородные нивы. Почему же в Европейской России нельзя сделать ничего?» («Русский вестник», 1901, № 7, с. 293–294). – *444.*

3 *Каперы* (иначе – *корсары*) – лица, снаряжающие с разрешения верховной власти воюющего государства суда с целью захвата купеческих кораблей противника. 1-я статья Парижской морской декларации объявила каперство уничтоженным, однако каперы еще участвовали в войне 1879–1880 гг. между Перу, Боливией и Чили. – *444.*

4 См. примеч. 1 к письму 240. – *444.*

5 Всеобщие конгрессы мира, собиравшие представителей различных ассоциаций и обществ в пользу мира, начали созываться в Европе с 1889 г. Активное участие в этих конгрессах принимали политические и общественные деятели, выступавшие за разрешение международных споров мирными способами и установление «всеобщего мира» (Фредерик Пасси, Б. фон Суттнер, Руджеро Бонги и др.). Несмотря на то, что первые конгрессы мира привлекли большое внимание общества, реального вклада в упрочение мира они не внесли: участники конгрессов избегали затрагивать спорные политические вопросы, чреватые военными конфликтами; а вырабатывавшиеся в процессе работы резолюции (о желательности постоянного международного суда, о созыве регулярных межгосударственных конгрессов, о нейтрализации проливов и т. д.) не находили практического выхода. – *444.*

6 Данная фраза отсылает к заметке Н. Ф. Федорова «Кризис марксизма» (Т. III наст. изд., с. 282–283). – *444.*

7 Над изложением учения «всеобщего дела» в виде двенадцати Пасхальных вопросов Н. Ф. Федоров работал с весны 1900 г. – *444.*

8 В. А. Кожевников и Н. Ф. Федоров ссылаются на французский перевод книги Э. Карнеджи «Евангелие богатства», излагавшей его взгляды на социальный вопрос и рассматривавшей широкую благотворительность в качестве нравственной обязанности всякого богатого человека: A. Carnegie. L'Evangile de la Richesse. Paris, 1891. См. также примеч. 3 к письму 138 и 115 к «Статьям религиозного содержания из III тома “Философии общего дела”» – Т. III наст. изд., с. 705–706. Впоследствии в своей книге о Н. Ф. Федорове В. А. Кожевников коснулся взглядов Э. Карнеджи и упомянул при этом оценку, данную в письме Н. Ф. Федорова от 7 июля 1901 (см.: *В. А. Кожевников*, с. 165–172). – *444.*

246. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

11 июля 1901. Подольск

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 34, лл. 20–21 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 251, 254).

1 О работе комиссии по реформе средней школы см. примеч. 1 к письму 240. – *445.*

2 Одним из главных аргументов в пользу отмены древних языков в первых трех классах средней школы являлись многочисленные жалобы на переутомление младших учащихся, многим из которых интенсивный латинский и греческий курс оказывался не под силу. Именно за счет высвободившихся после этой отмены часов и были расширены курсы истории и географии. – *445.*

3 15 июля – день св. равноапостольного кн. Владимира. – *445.*

4 Н. Ф. Федоров перечисляет статьи В. А. Кожевникова, написанные под влиянием его идей: «Стены Кремля» («Русский архив», 1893, № 11), «Международная благодарность» («Русский архив», 1896, № 2), «Обыденные храмы в Древней Руси» («Русский вестник», 1900, № 1), «Плач церквей Московских» («Русский архив», 1893, № 6), «Из путевых впечатлений по Востоку. I. Св. София. II. Цареградский Музей» («Русский вестник», 1898, №№ 9, 10). – *445.*

5 Речь идет о первом печатном сочинении В. А. Кожевникова – книге «Нравственное и умственное развитие римского общества во II в.» (Козлов, 1874). – *445.*

6 Речь идет о статьях Н. Ф. Федорова, в составлении которых принимал участие и В. А. Кожевников: «Кончилась ли всемирная история» («Русский архив», 1900, № 11), «Чему научает древнейший христианский памятник в Китае» («Русский архив», 1901, № 3). – *445.*

[7] Речь идет о поэме В. А. Кожевникова «На сторожевом валу» (см. примеч. 5 к письму 215). – *445.*
[8] Об этом сочинении В. А. Кожевникова см. примеч. 40 к «Статьям о Л. Н. Толстом» (Т. II наст. изд., с. 491). – *445.*
[9] В. А. Кожевников. Философия чувства и веры в ее отношениях к литературе и рационализму XVIII в. и к критической философии (ч. 1, М., 1897). О философии чувства и веры и ее представителях см. примеч. 49, 55, 71 к «Статьям философского содержания» – Т. II наст. изд., с. 455–457. О книге В. А. Кожевникова см. примеч. 330 к «Отечествоведению» (Т. III наст. изд., с. 641), а также примеч. 49 к «Статьям и заметкам разного содержания». – *445.*
[10] Кн. Владимиру. – *446.*

247. В. А. КОЖЕВНИКОВУ
21 июля 1901. Подольск
Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 34, лл. 8–11 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, лл. 108–110). В фонде Н. П. Петерсона сохранился черновик данного письма: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, лл. 95–96 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, лл. 53–54).
[1] Федоров имеет в виду учение всеобщего дела, центральное место в котором занимало осмысление истории в свете идей активного христианства. – *446.*
[2] Эта статья вошла в работу «Собор» (см. Т. I наст. изд., с. 311–322). – *446.*
[3] См. статьи «Роспись наружных стен храма...» и «Внутренняя роспись храма...» – Т. III наст. изд., с. 457–481. – *446.*
[4] Разборы эскизов к росписи здания парижского Пантеона, выполненных П. Ж. Шенаваром, росписи парадной лестницы Берлинского нового музея, выполненной В. фон Каульбахом, и росписи мюнхенской Глиптотеки, выполненной П. фон Корнелиусом, вошли в работу «Собор» (см. Т. I наст. изд., с. 324–335). – *447.*
[5] Эта попытка была предпринята Н. Ф. Федоровым в несохранившейся работе «Религиозно-этический календарь» (черновые наброски к ней см.: Т. III наст. изд., с. 427–445). – *447.*
[6] 24 июня (7 июля) 1901 г. в «Новом времени» появилась статья, комментировавшая официальное сообщение о результатах работы комиссии по школьной реформе. В ней, в частности, приводился текст надписи, сделанной Николаем II на докладе министра народного просвещения от 11 июня, в котором были изложены предложения комиссии: «Надеюсь, что будет также обращено серьезное внимание и на усиление религиозно-нравственного воспитания нашего юношества». Комментируя слова императора, «Новое время» подчеркивало важность оздоровления духовной атмосферы школы, формирования в подростках «нравственной ответственности перед Богом и своей совестью». – *447.*
[7] *Евангелие апракос* – см. примеч. 7 к письму 212. *Евангелие тетр* – Четвероевангелие. – *447.*
[8] Текст этого письма Н. Ф. Федорова к В. А. Кожевникову не сохранился. – *447.*
[9] Летом 1900 г. В. А. Кожевников находился на Исаре, дачном месте близ Ялты. – *447.*
[10] См. примеч. 1 к письму 240. – *447.*
[11] Теория «официальной народности», выдвинутая в 1834 г. министром просвещения С. С. Уваровым в качестве идеологии царствования Николая I и полагавшая в свою основу формулу «Православие, самодержавие и народность», активно пропагандировалась и поддерживалась журналами «Домашняя беседа», «Маяк», отчасти – журналом «Москвитянин» (М. П. Погодин, С. П. Шевырев). Полемику против теории «официальной народности» вели как славянофилы (И. В. Киреевский, К. С. и И. С. Аксаковы), так и представители демократической критики, прежде всего В. Г. Белинский. – *448.*

248. В. А. КОЖЕВНИКОВУ
18 августа 1901. Подольск
Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 34, лл. 22–22 об. (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 4, ед. хр. 6, л. 259).
Письмо написано на почтовой карточке. На обороте – адрес:
«*Ялта, Таврической* губ. Исар, дача Штенгер.
Его Высокородию Владимиру Александровичу *Кожевникову*».
[1] Это письмо В. А. Кожевникова к Н. Ф. Федорову не сохранилось. – ***448.***

[2] Паспорт Н. Ф. Федорова был зарегистрирован по вышеуказанному адресу («Пресненской части 1 участок. По дому № 10 Карташева») 22 августа (см.: *В. С. Борисов. Адреса Н. Ф. Федорова,* с. 255). – *448.*

249. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

24 августа 1901. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 34, л. 23–23 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 261).

[1] Вероятно, упомянутые статьи были посвящены вопросу школьной реформы и составлялись В. А. Кожевниковым по мыслям Н. Ф. Федорова (см. предыдущие письма Н. Ф. Федорова к В. А. Кожевникову июня–июля 1901 г.). Статьи эти не сохранились. – *448.*

[2] *Ванновский* Петр Семенович (1822–1904) – военный и государственный деятель. С 1881 г. – военный министр, с 1901 г. – министр просвещения, возглавивший реформу средней школы. Письмо к П. С. Ванновскому, составленное В. А. Кожевниковым, не разыскано. По всей видимости, оно было посвящено проекту школьной реформы. – *449.*

[3] Проекту Станоевича о предотвращении градобитий, о котором Н. Ф. Федоров узнал из статьи В. Е. Рудакова «Борьба с градом», опубликованной в «Новом времени» 15(28) августа 1901, Н. Ф. Федоров посвятил несколько заметок. См. в Т. IV наст. изд., с. 189–191: «Нынешний 1901 г. очень сходен с 1891», «Предложение редакции “Нового времени”». Ср. также пассаж о проекте Станоевича в статье: «Об обращении оружия, т. е. орудий истребления, в орудия спасения» (Т. II наст. изд., с. 279–280). – *449.*

[4] В качестве военного министра П. С. Ванновский осуществил целый ряд реформ в армии. В частности, им был создан учебный воздухоплавательный парк, а также воздухоплавательные отделения при воинских крепостях. – *449.*

250. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Конец 1901 – первая половина марта 1902. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 34, лл. 77–81 об. (копия рукой В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, лл. 153–156).

Письмо Н. Ф. Федорова тематически связано с сохранившимися в архиве Н. П. Петерсона заметками по поводу поэмы В. А. Кожевникова «Цена жизни» (см. Т. III наст. изд., с. 541–554). О содержании поэмы см. примеч. 181 к « Статьям о литературе и искусстве» – там же, с. 732–734.

Рукопись письма – на двух двойных и половине двойного листа. Второй двойной лист начинается со слов «По Вашим странным мнениям...». В. А. Кожевников, копируя рукопись, выделил этот текст как отдельное письмо. Второй фрагмент действительно мог быть написан позднее, чем первый (упоминается выступление председателя Тамбовской ученой архивной комиссии, которое было опубликовано в 1902 году). В настоящем издании два фрагмента объединены в одно черновое письмо условно, по содержанию, и отделяются друг от друга звездочками. Датировка письма условна, ее границы определяются на основании: 1) времени работы Н. Ф. Федорова над комментарием к поэме «Цена жизни» (в заметке «Черногубов не раз обращался ко мне...», написанной в середине марта 1902 г., Н. Ф. Федоров указывал, что разочаровался в этом комментарии и «предал уничтожению», 2) времени работы В. А. Кожевникова над статьями о католицизме в Германии, 3) времени выступления А. Н. Нарцова (см. примеч. 6) на заседании Тамбовской ученой архивной комиссии и выхода в свет известий комиссии с текстом его доклада.

[1] См. примеч. 182, 183 к «Статьям о литературе и искусстве» – там же, с. 734. – *449.*

[2] См. письмо 232. – *449.*

[3] См. письма 246, 247. – *449.*

[4] В архиве Н. П. Петерсона сохранились листки с выписками Н. Ф. Федорова из поэмы «Цена жизни». На одном из них – фрагмент, посвященный Скифии, с полемическими комментариями Федорова:

Скифия
Идиллия жизни – жизнь без лишений
Идиллия смерти

Сельский погост
Предков жилище (подземное, мрачное), где нет жизни
Вот их кресты (тяжесть коих свела их в могилу, а под

крестами их черепа вышли из земли,
напоминая об утрате или [2 слова неразб.] *тоске могилы*)

Тихо кладбище (немецкое), городской вкус
Зелень, цветы.
Вместо же вздохов
Стонов и слез – т. е. сыны примирились с смертью
отцов, забывая о том, что
происходит под цветником
Пение монашки.
Храм молитвы / без дела, без труда, конечно, мирового
Знания, света
Рай здесь земной, т. е. знания без дела, света без силы
Жизнь без лишений
Равно для всех
Без покушений } минус лишение и преступление
Братьев на грех
Царство довольства (какого? мещанского?)
Царство труда (какого? фабричного или кустарного?)
Равно где чужды
Роскошь и нужды. } Вопрос экономический

В нашей отчизне
Света сыны
Вечное пламя жизни
Повсюду возжечь должны.

Сынам света ценно лишь трудовое

В чем же труд? Достигнуть жизни без страдания, жизни без конца, т. е. Бессмертия без воскресения?

Братский собор – братский он лишь внутри, ибо в нем радостный хор и тихое пенье о *прекращении распрей и битв* вне храма, [но ведь и] радостное пение причта временно – это объединение музыкальное, а не объединение в строении обыденного храма» (ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 129, л. 12 об. и др.) – *450.*

[5] В 1901 г. В. А. Кожевников работал над «Очерками современного католицизма» (см. примеч. 9 к письму 256). – *450.*

[6] Речь идет о выступлении председателя Тамбовской ученой архивной комиссии Алексея Николаевича *Нарцова*, историка, краеведа, фольклориста, на заседании комиссии 12 ноября 1901 г. с «Проектом программы общих работ на областном археологическом съезде». Идея созыва областных археологических съездов, принадлежавшая Ярославской ученой архивной комиссии, которая собиралась созвать в 1901 г. съезд архивных комиссий северных областей России, была горячо встречена историком-краеведом, видевшим в данном проекте открытые и плодотворные возможности для совместной братской работы ученых, для более углубленного изучения местной истории. В мае 1901 г. он внес предложение созвать подобный же съезд губернских ученых архивных комиссий средней полосы России, а на упомянутом выше заседании от 12 ноября 1901 г. представил проект программы съезда, а также перечень вопросов и тем, которые важно было бы рассмотреть. Среди этих вопросов был и вопрос об исследовании курганов. Ссылаясь на предположение ряда ученых «о постепенном, медленном передвижении скифских народов от Алтая к Уралу, а затем к Черному морю», он указал на то, что интересно было бы «проследить этот скифский путь по Черному морю, так как он должен был захватить часть Саратовской, Тамбовской и Воронежской губерний. Отличительная черта скифского пребывания в известном месте, – подчеркивал Нарцов, – это курганы с каменными бабами, а несколько таких курганов были находимы в некоторых Тамбовских, Саратовских и Воронежских уездах» («Известия Тамбовской ученой архивной комиссии». Вып. 46. Тамбов, 1902, с. 56). В 1901–1903 гг. А. Н. Нарцов специально занялся вопросом о каменных бабах и 15 декабря 1903 г. выступил на годовом собрании Тамбовской ученой архивной комиссии с большим рефератом «О каменных бабах», в котором рассмотрел их происхождение, привел свод археологических и исторических данных, в том числе по Тамбовской губернии, подтвердив вывод о том, что каменные бабы – «это надгробные памятники, памятники поклонения предкам» («Известия Тамбовской ученой архивной комиссии». Вып. 50, ч. II, с. 123). – *451.*

251. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

18 декабря 1901. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 34, лл. 25–25 об., 32–32 об.

Данное письмо легло в основу статьи «Вопросы из отечества Заратуштры поклонникам европейского Заратуштры (Ницше)» (см. Т. III наст. изд., с. 270–272) .

[1] Речь идет об одной из знакомых В. А. Кожевникова, некоей «Александре Николаевне», с которой у Владимира Александровича неоднократно возникали споры о Ницше (см. примеч. 39 к «Статьям философского содержания из III тома "Философии общего дела"» – Т. III наст. изд., с. 675). – *452.*

[2] См. примеч. 40 к тому же разделу – там же, с. 676. – *452.*

[3] Любовь к року, ненависть к року (*лат.*). – *452.*

[4] Имеется в виду болезнь и конечное безумие Ницше. – *452.*

[5] Воля к власти (*нем.*). – *452.*

[6] «любовь к отцам и ненависть к року» и «ненависть к отцам и любовь к року» (*лат.*). – *453.*

[7] Кого имеет в виду Федоров, установить не удалось. – *453.*

[8] Элизабет Фёрстер-Ницше. См. примеч. 138 к «Статьям философского содержания» – Т. II наст. изд., с. 463. – *453.*

1902

252. Н. Ф. ФЕДОРОВ, В. А. КОЖЕВНИКОВ – Н. П. ПЕТЕРСОНУ

10 февраля 1902. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 42, лл. 5–10 об.

Это и несколько следующих писем тематически связаны со вторым этапом полемики вокруг учения Н. Ф. Федорова на страницах газеты «Асхабад» (см. преамбулу к разделу «Асхабадская полемика»). Данному письму предшествовало письмо В. А. Кожевникова Н. П. Петерсону от 28 января 1902 г., с которого и была начата переписка по поводу нового всплеска печатных споров (текст его см.: Т. IV наст. изд., с. 625–626). Все сохранившиеся в архиве Н. П. Петерсона письма зимы–весны 1902 г. писаны рукой В. А. Кожевникова. В них нет ни приписок Федорова, ни столь свойственных его совместным письмам с Н. П. Петерсоном 1898–1899 гг. оборотов «Николай Федорович просит...», «Николай Федорович свидетельствует свое глубочайшее почтение...», «Николай Федорович поручил написать мне...» и т. д. (кроме высказанной в письме от 17 марта 1902 г., по поручению Н. Ф. Федорова, благодарности Юлии Владимировне «за поклон» и просьбы «ей передать его поклон»). Хотя письма писались совместно, часто под диктовку или по мыслям, высказанным Н. Ф. Федоровым В. А. Кожевникову предварительно, посылались они только от лица Кожевникова; более того, Н. Ф. Федоров настаивал, чтобы и тексты писем писались как бы от одного Владимира Александровича (В. А. Кожевников, впрочем, постоянно нарушал это требование, употребляя форму «мы» или сообщая «конфиденциально», что передает мысли их старшего друга и учителя). Объяснялось это тем, что после серьезной размолвки Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона перед отъездом Николая Федоровича из Асхабада весной 1900 г. переписка между ними была прервана. В. А. Кожевников в такой ситуации исполнял роль своеобразного посредника между учителем и учеником. И Н. П. Петерсон, со своей стороны, в письмах к нему излагал то, что хотел бы довести до сведения самого Николая Федоровича, – В. А. Кожевников неизменно сообщал последнему содержание писем Петерсона.

Письмо от 10 февраля 1902 г. является своего рода дополнением к посланной несколько ранее Н. П. Петерсону статье Н. Ф. Федорова «По поводу статей г-на Pensoso "Блаженная жизнь" и "Кругом да около"».

[1] Речь идет о статьях Н. Ф. Федорова: «Разоружение» («Асхабад», 3 и 5 июня 1901, №№ 154, 156), «Несколько предположений по поводу ноябрьских падающих звезд» («Асхабад», 1899, № 298), «О месте будущего археологического съезда» («Туркестанские ведомости» (в письме ошибочно – «Ташкентские ведомости»), 10 октября 1899, № 79), «Разговор с Л. Н. Толстым» («Асхабад», 12 октября 1899, № 285, в соавт. с Н. П. Петерсоном). Федоров советует Н. П. Петерсону обратить на них внимание Pensoso, поскольку последний начал свою статью «Кругом да около» («Асхабад», 20 января 1902, № 20) с предположения о том, что ранее напечатанные в «Асхабаде» статьи «По поводу статей о Народном доме», «Самодержавие», «Достойная память героям» и т. д., несмотря на раз-

ные подписи или отсутствие таковых, принадлежат одному лицу, а именно «автору, скрывающемуся под ***» (см. также примеч. 21 к разделу «Асхабадская полемика»). – *454.*

[2] Имеются в виду выражения Н. П. Петерсона: «при бессмертии деторождения уже не будет», «по воскресении и наша плоть приобретает, надо думать, те же свойства, как плоть Христова» по воскресении – из его статьи «Вопрос о смысле и цели» (см.: Т. IV наст. изд., с. 554–555), в которой, в частности, затрагивался вопрос о преображении как необходимой составляющей воскресительного процесса. Н. Ф. Федоров и В. А. Кожевников подчеркивают связь этих выражений с письмом Ф. М. Достоевского к Н. П. Петерсону от 24 марта 1878 г. (см. соответствующий фрагмент письма в примеч. 137 к «Статьям философского содержания из III тома “Философии общего дела”» – Т. III наст. изд., с. 685–686). О «размещении на разных мирах» Н. П. Петерсон говорил в статье «По поводу статей о Народном доме» (см.: Т. IV наст. изд., с. 552–553). – *454.*

[3] Имеется в виду следующая фраза Pensoso из статьи «Кругом да около»: «Автор не ответил опять на вопрос: для чего жизнь? По его мнению, надо стремиться к жизни “бессмертной, а следовательно, и блаженной”. Следовательно, бессмертная жизнь вместе с тем и блаженная? А в аду жизнь – тоже бессмертная, ведь – неужели тоже блаженная?» – *455.*

[4] Имеется в виду идея Э. Ренана (см. примеч. 65 к III части «Записки» – Т. I наст. изд., с. 482). – *455.*

[5] В ответ на замечание, высказанное Pensoso в статье «Кругом да около», о том, что он не нашел в Евангелии указаний на будущее распространение человечества во всем мирозданьи, равно как не нашел и воскресительной заповеди (см. преамбулу к разделу «Асхабадская полемика»), Н. Ф. Федоров и В. А. Кожевников приводят те высказывания Христа (Ин 14:12; Ин 15:5; Ин 14:2), в которых, по убеждению Федорова, заключается требование активности человека в деле спасения, – причем границы этой активности расширены самим Богочеловеком, утишавшим природные стихии, исцелявшим и воскрешавшим. – *455.*

[6] Выраженный в статье «Кругом да около». – *455.*

[7] О возражениях Pensoso Н. П. Петерсону (в статье «Блаженная жизнь») относительно позиции последнего по вопросу о научном знании и необходимости нравственной его ориентации см. преамбулу к разделу «Асхабадская полемика». – *455.*

[8] Статья Н. Ф. Федорова, напечатанная в № 114 газеты «Дон», 10 октября 1896 (см.: Т. III наст. изд., с. 487–489). – *455.*

[9] О статьях, появившихся в 1892 г. в данных газетах, см. примеч. 5, 8 к разделу «Библиотеки и музейно-библиотечное образование» – Т. III наст. изд., с. 664–667. – *456.*

[10] Листы письма от 10 февраля 1902 г. пронумерованы В. А. Кожевниковым. На стр. 8 находится текст: «Сущность этого вопроса заключается [...] все эти миры будут прославлять Бога». – *456.*

[11] Речь идет о письме В. А. Кожевникова к Н. П. Петерсону от 28 января 1902 г. – *456.*

253. Н. Ф. ФЕДОРОВ, В. А. КОЖЕВНИКОВ – Н. П. ПЕТЕРСОНУ

3 марта 1902. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 42, лл. 13–15 об.

[1] Н. П. Петерсоном были высланы В. А. Кожевникову статьи, появившиеся в рамках асхабадской полемики за период с 5 по 20 февраля: статьи Pensoso «Отрывок из религиозного учения Зороастра» (5 февраля, № 36) и «Свобода на рознь» (16 февраля, № 47), статьи Н. Ф. Федорова «По поводу полемики о “Блаженной жизни”» (14 февраля, № 45) и В. А. Кожевникова «Поэтесса вдумчивой скорби» (20 февраля, № 51). – *456.*

[2] Статья Н. Ф. Федорова «Последнее слово к г-ну Pensoso» (см. преамбулу к разделу «Асхабадская полемика»). – *456.*

[3] В статье «Свобода на рознь» Pensoso в очередной раз назвал изложение мыслей «московского автора» и его асхабадского единомышленника «туманным и спутанным». – *457.*

[4] Этот вопрос, по всей видимости, был задан В. С. Соловьеву самим Н. Ф. Федоровым. Что касается Pensoso, то в статье «Свобода на рознь» он «подловил» автора статей о воскрешении еще на одном «противоречии»: «Относительно “блаженной жизни” автор начал говорить иначе, чем раньше. Раньше он говорил о блаженной жизни загробной, по воскрешении, а теперь – о блаженной жизни на земле, под условием исполнения *воли* Бога отцов.

Такое мнение – не новость.

У Л. Н. Толстого оно было выражено уже давно. Если на земле понятна блаженная жизнь при условии исполнения воли Бога и победы над природой, то загробная *блаженная* жизнь без всякой деятельности (см. отрывок учения Зороастра: “воскресшим ничего

не придется делать”), без всяких задач, без *исполнения* воли и т. д. – мало понятна и ответ: жизнь для жизни – не удовлетворяет» («Асхабад», 16 февраля 1902, № 47). – *457.*

[5] Защищая принцип свободы совести («Только без принуждения, без насильственных мер, только при “свободе на рознь” каждый получает право смотреть миру и истине прямо в глаза и смело сказать свое слово о вечных вопросах человечества»), Pensoso в статье «Свобода на рознь» резко обрушивался на федоровское толкование этого принципа: по мнению философа «общего дела», он является ценностью лишь для нынешнего человечества – «несовершеннолетнего», пребывающего в состоянии вечной розни, не пришедшего еще «в разум истины». Не желая вникнуть в логику построений Федорова и Петерсона, оппонент обвинял их в стремлении узурпировать право на истину, навязать свое мнение инакомыслящим: «Г-ну *** нравится роль гувернера в жизни, и для более легкой победы ему необходимо отрицать “свободу на рознь”. Да, победа при этом не окажется трудной до поры до времени. И многие впадают в подобную же ошибку, полагая насильственное запрещение равносильным победе. А в результате то, о чем они хлопочут, замирает под гнетом запрещений» («Асхабад», 16 февраля 1902, № 47). Ответ на данный упрек был дан Н. Ф. Федоровым в статье «Последнее слово к г-ну Pensoso» и Н. П. Петерсоном в «Письме в редакцию» газеты «Асхабад», сопровождавшем публикацию этой статьи (19 марта 1902, № 78). «В доказательство того, что со стороны авторов статей о воскрешении ни о каком гувернерстве, ни о каком принуждении или насилии и речи быть не может», Петерсон приводил три выдержки из «Самодержавия», одна из которых: «Всеобщее обязательное образование есть христианская обязанность Царя-восприемника, заключающаяся в том, чтобы всех сделать достойными аттестата зрелости, свидетельствующего, что получившие его вышли из возраста шалостей и баловства (к *шалостям* в обширном, народном смысле причисляются и разбои, а *война* к *баловству*), вышли из возраста увлечения игрушками (мануфактурами всякого рода) и, как участники *общего великого дела*, не нуждаются ни в надзирателях, ни в гувернерах, ни в карцерах». – *457.*

[6] О работе над статьей «Пасхальные вопросы» (будущий «Супраморализм») см. примеч. 105 к разделу «Статьи философского содержания из III тома “Философии общего дела”» – Т. III наст. изд., с. 682. – *457.*

[7] «Туманное мировоззрение автора напоминает китайщину с ее культами предков» (Pensoso. Свобода на рознь // Асхабад, 16 февраля 1902, № 47). – *457.*

[8] Статья Н. Ф. Федорова «Несколько слов о Ницше» (см. примеч. 32 к разделу «Асхабадская полемика»). – *457.*

[9] Речь идет о статье В. А. Кожевникова «Поэтесса вдумчивой скорби», которая была прислана им Н. П. Петерсону вместе с письмом от 28 января 1902 (текст статьи см.: Т. IV наст. изд., с. 557–561). – *458.*

254. В. А. КОЖЕВНИКОВ, Н. Ф. ФЕДОРОВ – Н. П. ПЕТЕРСОНУ

10 марта 1902. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 42, л. 16–16 об.

[1] Об этой статье Н. Ф. Федорова см. преамбулу и примеч. 34 к разделу «Асхабадская полемика». – *458.*

[2] М. Г. Кожевникова. – *458.*

255. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Между 10 и 17 марта 1902. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 19, л. 11 (2 копии рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, лл. 27, 46). Черновой набросок письма к В. А. Кожевникову, сделанный на полях одной из заметок к статье «К отрицанию разъединения. Свобода совести – свобода на ложь и на рознь». На обороте л. 11 об. – заметка «Черногубов уже не раз обращался ко мне с предложением...» (Т. IV наст. изд., с. 163), тематически связанная с данным наброском. Содержание черновика в полном и развернутом виде было изложено в письме 256.

К копии данного письма Н. П. Петерсон сделал следующее примечание: «Я приезжал в августе 1902 г. в Москву, где прожил с половины августа до половины сентября; но бумаг мне Н<иколай> Ф<едорови>ч не передавал, а я написал в это время статью под заглавием “Супраморализм, или всеобщий синтез”» (ОР РГБ, ф. 657, к. 3, ед. хр. 3, л. 27).

[1] Конец весны и лето 1902 г. Н. Ф. Федоров намеревался провести в г. Воскресенске, у стен Ново-Иерусалимского монастыря. – *458.*

256. Н. Ф. ФЕДОРОВ, В. А. КОЖЕВНИКОВ – Н. П. ПЕТЕРСОНУ

17 марта 1902. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 42, лл. 17–20 об.

[1] Н. П. Петерсон выслал В. А. Кожевникову статьи, появившиеся в рамках асхабадской полемики за период с 21 февраля по 3 марта 1902 г.: «По поводу статьи “О свободе совести” (№ 8 газ<еты> “Асх<абад>”)» за подписью «Г. Р.», «Открытое письмо к автору статьи: “О свободе совести” (в № 8 газ<еты> “Асх<абад>”)» за подписью «Z» – обе в № 52 «Асхабада» за 1902 г. (21 февраля); статью Pensoso «Ада Негри и воскрешение умерших» («Асхабад», 28 февраля 1902, № 59); статью Н. Ф. Федорова «По поводу статей г-на Pensoso “Блаженная жизнь” и “Кругом да около”» с сопровождавшим ее «Письмом в редакцию» Н. П. Петерсона («Асхабад», 3 марта 1902, № 62). – *459.*

[2] Это замечание было сделано Н. П. Петерсоном в сопроводительном письме к публикации статьи Н. Ф. Федорова «По поводу статей г-на Pensoso “Блаженная жизнь” и “Кругом да около”» («Асхабад», 3 марта 1902, № 62). – *459.*

[3] Заметка напечатана не была (см. преамбулу к разделу «Асхабадская полемика»). – *459.*

[4] О диалоге Н. П. Петерсона с П. Я. Циркуновым (П. Ц.) по поводу статьи «Самодержавие» и вокруг вопроса о свободе совести см. преамбулу к «Самодержавию» (Т. II наст. изд., с. 439–441) и преамбулу к разделу «Асхабадская полемика». – *459.*

[5] О проекте издания сочинений Н. Ф. Федорова, принадлежавшем Н. Н. Черногубову, см. примеч. к письму 280 (преамбула), а также примеч. 94 к «Статьям философского содержания из III тома “Философии общего дела”» – Т. III наст. изд., с. 680–681. Нижеследующий текст по содержанию перекликается с заметкой Н. Ф. Федорова «Черногубов уже не раз обращался ко мне с предложением...» (Т. IV наст. изд., с. 163) и письмом 255. – *459.*

[6] Присланное дополнение к статье «Полемика и война» Н. П. Петерсон использовал в статье «Еще о смысле и цели» (см. преамбулу и примеч. 36 к разделу «Асхабадская полемика»). – *460.*

[7] Речь идет о Ю. П. Бартеневе. – *460.*

[8] Константин Константинович *Романов* (1858–1915) – великий князь, внук Николая I, поэт, драматург, печатался под инициалами « К. Р.». – *460.*

[9] Речь идет о работе В. А. Кожевникова «Очерки современного католицизма». Две ее главы «Политические притязания и надежды современного католицизма» и «Политический католицизм в Германии» были напечатаны в журнале «Русский вестник» (1901, № 12, с. 499–514; 1902, № 1, с. 159–188). – *461.*

257. В. А. КОЖЕВНИКОВ, Н. Ф. ФЕДОРОВ – Н. Н. ПЕТЕРСОНУ

Вторая половина марта 1902. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 42, лл. 11–12 об.

[1] О работе *М. М. Тареева* и рецензии на нее в журнале «Богословский вестник»» см. примеч. 42, 43 к разделу «Асхабадская полемика». Иоанн Ильич *Соловьев* (1854–1907) – духовный писатель. В 1890–1900-е годы состоял редактором изданий Общества любителей духовного просвещения («Чтений...» Общества, «Воскресных бесед», «Московских церковных ведомостей»). Журнал «Вера и Церковь» издавался им с 1899 г. – *461.*

[2] Присланная в данном письме заметка Н. Ф. Федорова вошла в напечатанную 7 апреля 1902 г. в «Асхабаде» Н. П. Петерсоном статью «Еще о смысле и цели» – см. преамбулу и примеч. 36 к разделу «Асхабадская полемика». – *461.*

[3] В ответном письме – от 7 апреля 1902 г. – Н. П. Петерсон сообщал о том, что собирается реализовать предложение В. А. Кожевникова и Н. Ф. Федорова (текст письма см.: Т. IV наст. изд., с. 619–620). Однако сведений о том, была ли послана в «Богословский вестник» заметка о работе М. М. Тареева, равно как и другие статьи Федорова, не имеется. В «Богословском вестнике» за 1902 г. они не появлялись. – *461.*

[4] М. Г. Кожевникова, мачеха В. А. Кожевникова. – *461.*

258. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Конец марта – начало апреля 1902. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 34, лл. 68–69 об. (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 4, ед. хр. 6, лл. 298–299). Ранее опубликовано: *Контекст 1988*, с. 336–338. Письмо черновое, весь текст его зачеркнут рукой Н. Ф. Федорова, послано оно не было. По времени написания должно быть отнесено к весне 1902 г., всего вероятнее к периоду

между концом марта – началом апреля. Во всяком случае, оно написано после предыдущего совместного письма В. А. Кожевникова и Н. Ф. Федорова к Н. П. Петерсону, в котором речь идет о работе М. М. Тареева. Это письмо и другие письма Н. Ф. Федорова к В. А. Кожевникову апреля–мая 1902 г., так же как и несколько заметок личного характера, сделанных этой же весной, свидетельствуют о тяжелом эмоциональном состоянии, в котором находился в то время Н. Ф. Федоров. В первую очередь это состояние было вызвано неудачной и «безнадежной», по его мнению, полемикой в газете «Асхабад». Непонимание и насмешки, которое вызвало «учение о воскрешении» у недоброжелателя Pensoso, отсутствие сколько-нибудь вдумчивых и серьезных откликов, особенно на втором этапе полемики, крушение надежд на то, что открытый призыв ко всеобщему делу затронет сердца тех, кто его услышал, – все это угнетающим образом действовало на Федорова. На таком фоне острее и болезненнее переживались всякие недопонимания в отношениях с духовно близкими мыслителю людьми, и прежде всего с В. А. Кожевниковым, которого Н. Ф. Федоров хотел видеть полным единомышленником. А быть единомышленником для него означало подчинить всю свою жизнь, сердце, ум и душу, все свои духовные дары и таланты делу, в котором «не только альфа и омега, но и вита и все другие буквы алфавита, словом – всё!» (Т. II наст. изд., с. 73).

Н. Ф. Федоров надеялся (так же как ранее надеялся на Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, В. С. Соловьева), что В. А. Кожевников станет апологетом учения всеобщего дела. Владимир Александрович был глубоко образованным человеком, прекрасно владел пером, обладал пластичным и ярким стилем (собственное же изложение Федоров искренне считал «неискусным»). Открытое исповедание учения в устах такого человека, по убеждению Федорова, могло бы помочь его вхождению в общественное сознание. В письмах к Кожевникову Федоров неоднократно побуждает последнего выступать с изложением его идей. Однако статьи и брошюры Кожевникова, написанные по прямому внушению Федорова («Бесцельный труд, “не-делание” или дело?», «Стены Кремля», «Власть звука» и др.), часто – с включением целых фрагментов его работ (как, например, статья «Обыденные храмы в Древней Руси»), не всегда удовлетворяли мыслителя. Прежде всего потому, что при всей их стройности и красоте стиля (а в случае со статьей «Обыденные храмы...» и богатом справочном аппарате), они достаточно стерто и «под сурдинку» передавали главную идею Федорова.

В определенной степени осторожность Кожевникова вызывалась цензурными соображениями. Но далеко не только этим. Духовный и умственный склад Владимира Александровича изначально был несколько иным, чем у Федорова. Оба, и Кожевников, и Федоров, обладали энциклопедическими познаниями, были людьми широкой гуманитарной культуры. Но у Федорова все накопленное им знание подчинялось активно-христианскому идеалу всецело и без остатка; вне силового поля главной Идеи оно просто не существовало («знания для знания» мыслитель не признавал); Федорова невозможно было представить кабинетным ученым. Кожевников же в 1880–1890-е гг. (да и позднее, в период работы над «Буддизмом») в значительной степени тяготел к академичности изложения, к фундаментальности научного исследования; а здесь проповеднический пафос не был уместен.

Конечно, и в крупных работах ученого (из опубликованных – «Философия чувства и веры», «Буддизм в сравнении с христианством») мы встречаем ряд идей и оценок, прямо идущих от Федорова или безусловно близких ему (см., например, последние страницы «Философии чувства и веры»). И тем не менее научные, кабинетные занятия Владимира Александровича, напрямую не связанные с главным делом, временами, особенно в тяжелые, горькие минуты, вызывали у Н. Ф. Федорова чувство неудовлетворенности.

Кроме того, В. А. Кожевников, будучи привязан к Федорову-человеку, глубоко чтя его как мыслителя, разделяя многие положения его учения, в то же время не до конца воспринимал главную идею Федорова – идею имманентного воскрешения. Н. Ф. Федоров давал этой идее богословское обоснование, разработав ряд положений активно-христианской антропологии: Бог, создавший человека по Своему образу и подобию, действует в мире прежде всего через человека и через него же Он будет осуществлять центральные онтологические обетования христианской веры – воскрешение умерших, преображение их природы, ввод в бессмертный, творческий эон бытия, Царствие Небесное. У В. А. Кожевникова возникал в этой связи ряд вопросов, касающихся степени участия человечества в воскресительном процессе, соотношения в этом процессе элементов естественного и чудесного, Божественного и человеческого. Своими вопросами и сомнениями Кожевников делился с Федоровым, и тот старался многое прояснять. Но в ряде случаев, особенно

в последние годы жизни мыслителя, подобные вопросы воспринимались им как отход от учения всеобщего дела, как отречение и вызывали вспышки негодования.

Подобная вспышка последовала и в апреле 1902 г., после одного из разговоров, состоявшегося между Федоровым и Кожевниковым в конце марта – начале апреля. Судя по объяснениям в письмах Н. Ф. Федорова к В. А. Кожевникову от 9 апреля 1902 г. и В. А. Кожевникова к Н. Ф. Федорову от 10 апреля 1902 г., Н. Ф. Федоров обвинил Владимира Александровича в неверии в учение о воскрешении, что в свою очередь обидело последнего. Данное письмо, а также следующие за ним три письма Федорова к Кожевникову связаны с этим разговором.

Характерно, что из этих четырех писем – три черновых и только одно беловое, отправленное к Кожевникову (письмо от 9 апреля): оно по своему содержанию и характеру самое ровное и даже содержит покаяние в собственной горячности: «Меня очень беспокоит невольное оскорбление, сделанное Вам». Остальные письма, гораздо более резкие и откровенные, так и остались под спудом, не будучи посланы.

[1] В. А. Кожевников в примечании к письму так комментировал его содержание: «Грозная инвектива, в нем заключающаяся, была вызвана моими занятиями католицизмом, в коих Н<иколай> Ф<едорович> опрометчиво усматривал уже измену православию. Однако, и самые преувеличения и неточности, встречающиеся в письме, ярко свидетельствуют о его любви к православию и о его пламенном радении в его пользу. Всякое проявление “западничества”, хотя бы частичного свойства, хотя бы ради благонамеренной цели, казнилось им беспощадно» (ОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр. 6, л. 298).

Плодом занятий В. А. Кожевникова историей католицизма последней трети XIX в. стали его «Очерки современного католицизма», публиковавшиеся в «Русском вестнике» (см. примеч. 9 к письму 256). Первая из опубликованных статей отмечала необыкновенно возросшее в конце века влияние католицизма на политической и духовной арене западноевропейской истории, – католицизма, который после разгрома Франции во франко-прусской войне 1870 г., провозглашения догмата «папской непогрешимости», давшего католической церкви массу противников и посеявшего смуту внутри ее самой, после отнятия у «непогрешимого папы» светской власти, германского «культуркампфа», французской республики и т. д., и т. п., казалось, был обречен на умирание, в крайнем случае – на тихое, безропотное существование в «цивилизованном мире». Современный католицизм, подчеркивал Кожевников, «вновь превращается во влиятельную политическую силу и считает себя единственным хранителем христианской истины в чистоте и водворителем ее в мире, человечестве», он жаждет вернуть христианское государство, христианское общество, «Христа в науке, Христа и целомудрие в искусстве», противопоставляя торжествующему идеалу комфорта христианское жизнепонимание. «Стоит ли обличать, – заключал он статью, – это ни с чем не сравнимое самохвальство? Укажем лучше, в какой степени оно опирается на факты, на действительное могущество» (В. А. Кожевников. Очерки современного католицизма. I. Политические притязания и надежды современного католицизма // Русский вестник, 1901, № 12, с. 511, 514).

Вторая статья в «Русском вестнике» как раз и представляла эти факты на примере Германии – страны, где, несмотря на протестантское большинство, на жесткую политику Бисмарка, к концу века католицизм «добился наибольших успехов и сумел создать в своей среде политическую организацию настолько зрелую, прочную и сильную, что ее ставят себе в пример католики всех других стран» (там же, с. 514). В конце указывалось на то, что при исследовании состояния современного католицизма необходимо рассматривать помимо «политического католицизма» еще и «католицизм социальный», «обзор которого составит предмет особой статьи» («Очерки современного католицизма. Политический католицизм в Германии» // Русский вестник, 1902, № 1, с. 188). Вероятно, именно этой статьей и занимался В. А. Кожевников весной 1902 г., когда было написано данное письмо Федорова. – *462.*

[2] Примечание В. А. Кожевникова: «Уверений в противоположном он не хотел слышать» (ОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр. 6, л. 298). – *462.*

[3] Далее зачеркнуто: «20 лет тому назад». – *462.*

[4] Речь идет о Берлинской конференции 1884–1885 г. по африканским вопросам (см. примеч. 56 к разделу «Статьи о разоружении и умиротворении» – Т. II наст. изд., с. 483). Если следовать расчетам Н. Ф. Федорова, приведенная им фраза В. С. Соловьева была произнесена в 1883 г. В то же время в заметке «Еще раннею весною 1889 Соловьев говорил...» (см. Т. IV наст. изд., с. 54) эти слова В. С. Соловьева отнесены к 1889 г. – *462.*

[5] Федоров имеет в виду посмертно опубликованное письмо В. С. Соловьева в редакцию «Вестника Европы» «По поводу последних событий» («Вестник Европы», 1900, № 9). – *462.*

[6] Речь идет о письме В. С. Соловьева к Н. Ф. Федорову от 12 января 1882. – *462.*

[7] См. примеч. 17 к статье «Проект соединения церквей» – Т. I наст. изд., с. 507–508, а также примеч. 175 к разделу «Статьи и заметки о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве». – *463.*

[8] Новое, последнее, сближение В. С. Соловьева и Н. Ф. Федорова относится к 1897 г. Подробнее об этом сближении см. в примеч. 175 к разделу «Статьи и заметки о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве». – *463.*

[9] Об этих ошибках Н. Ф. Федоров писал Н. П. Петерсону в письме от 3 января 1898 (письмо 134). – *463.*

[10] Поэма В. А. Кожевникова (см. примеч. 181 к разделу «Статьи о литературе и искусстве» – Т. III наст. изд., с. 732–734). – *463.*

[11] Примечание В. А. Кожевникова: «Всех тяготеющих к Западу Н<иколай> Ф<едорович> пренебрежительно называл “знатными иностранцами”, игнорирующими родину и пленяющимися чужеземщиной, а потому и писания их он предлагал по библиотекам зачислять в отдел “Rossica”, т. е. в отдел книг, написанных о России иностранцами» (ОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр. 6, л. 299). – *463.*

259. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

9 апреля 1902. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 34, л. 65 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, л. 315). Ответное письмо В. А. Кожевникова от 10 апреля 1902 см.: Т. IV наст. изд., с. 598.

Об обстоятельствах написания этого письма и ответа В. А. Кожевникова см. примеч. к письму 258 (преамбула).

[1] В. А. Кожевников помогал Н. Ф. Федорову в работе над рукописями по воскресеньям (см. его примеч. к заметке Н. Ф. Федорова «Вопрос о смягчении я поднимать не буду» – Т. IV наст. изд., с. 164). – *463.*

[2] О каком именно письме к Н. П. Петерсону идет речь, установить трудно. Из ответа В. А. Кожевникова Н. Ф. Федорову от 10 апреля 1902 г. явствует, что «письмо к Н. П. Петерсону было отправлено» им 9 апреля «заказным» (см. Т. IV наст. изд., с. 598). Однако письма с такой датой в фонде Н. П. Петерсона в ОР РГБ нет и, вероятно, его следует считать утраченным. Речь в письме могла идти о предстоящем приезде Петерсона в Москву для работы над приведением в порядок бумаг Н. Ф. Федорова, которые мыслитель предполагал передать Николаю Павловичу. – *463.*

260. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

10 апреля 1902. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 34, л. 58 (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 4, ед. хр. 6, л. 293). Черновое письмо к В. А. Кожевникову – ответ на его письмо Н. Ф. Федорову от 10 апреля 1902 г. Скорее всего, не было послано: на обороте того же листка, где и набросок письма, – заметка «О Новом Иерусалиме», сделанная уже в мае–августе 1902 г. в период пребывания Федорова в Воскресенске.

[1] Последняя фраза зачеркнута. – *463.*

261. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Апрель–май 1902. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 34, л. 24–24 об. (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 4, ед. хр. 6, л. 262). Ранее опубликовано: *Сочинения 1982*, с. 649–650.

Письмо тематически связано с тремя предыдущими письмами Н. Ф. Федорова к В. А. Кожевникову (см. примеч. к письму 258 (преамбула)). Отправлено оно не было, так же как и письма 258 и 260.

[1] Письмо Н. Ф. Федорова к Н. П. Петерсону об «отчаянном положении» учения всеобщего дела не сохранилось. Вероятно, как и письмо, отправленное В. А. Кожевниковым Н. П. Петерсону 9 апреля 1902 г. (если только речь не идет об одном и том же письме), оно было связано с проектом передачи рукописей Н. Ф. Федорова Н. П. Петерсону. – *464.*

[2] Примечание В. А. Кожевникова: «Учения Н<иколая> Ф<едоровича> о воскрешении я, конечно, в Коране никогда и не думал находить, а указывал только на факт присутствия в Коране *некое*[*го*] учения о воскресении. Но каковы бы ни были оговорки, всякое сближение казалось великому радикалу уже за отождествление и навлекало на якобы виновного громы и молнии, слишком уж быстро сгущавшиеся и поражавшие поэтому воображаемое мнение, а не действительное» (ОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр. 6, л. 262). – *464*.

[3] Примечание В. А. Кожевникова: «Разумеется, я их отличал; но все большее приближение моих собственных убеждений к церковно-православным побуждало меня признавать неизбежность чудесного элемента в воскресении и невозможность справиться с задачею всемирного воскрешения одними только естественными средствами, – “Inde irae!” (“отсюда – гнев”. – *Сост.*) и обвинения в отречении от “учения”, очень, впрочем, скоро смягчавшиеся» (там же). – *464*.

[4] См. примеч. 3 к письму 252. – *464*.

[5] Примечание В. А. Кожевникова: «Сопоставление этого отзыва с рядом статей о том же предмете (см. в Т. III наст. изд. – *Сост.*) [...] является яркой иллюстрацией резкости колебаний критического барометра у Н<иколая> Ф<едорови>ча» (ОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр. 6, л. 262). – *464*.

262. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

После 8 мая 1902. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, лл. 12–13 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 91–92). Ранее частично опубликовано: *Контекст 1988*, с. 334–336; *Сочинения 1994*, с. 366–367.

[1] См. примеч. 2 к I части «Записки» – Т. I наст. изд., с. 2. – *465*.

[2] См. примеч. 4 к письму 129. – *465*.

[3] Федоров сознательно карикатурно, огрубленно высказывает мысль, более тонко развивавшуюся им в других работах. См. примеч. 167 к «Статьям философского и эстетического содержания» – Т. II наст. изд., с. 465. – *465*.

[4] В начале мая 1902 г., по случаю посещения России президентом Франции Э. Лубэ, в Кронштадт в третий раз прибыла французская эскадра. Как визит президента, так и приход эскадры должны были стать очередным свидетельством нерушимости франко-русского союза. Печать восторженно приветствовала это событие, знаменовавшее «дружбу, кооперацию, взаимное сотрудничество» двух народов «на стезе добра, правды, справедливости и благосостояния», «на поле общей Божьей работы» («Новое время», 7(20) мая 1902, № 9400). Подробно описывалось торжественное прибытие эскадры, всеобщее воодушевление, ликование и восторг, охватившие встречающих на море (их было множество, и для них были организованы специальные пароходы) и принимающих на суше. «Солнце уже приветливо светит с небосклона, как бы приветствуя вступление французов в Кронштадтские воды. Приветствует их горячо и русский народ всех классов и сословий. “Vive la France!”, сливаясь с криками “Vive la Russie!”, оглашают малый рейд, куда вступает уже эскадра», – писал один из очевидцев. «Я не буду подробно описывать тех восторгов, которые в буквальном смысле слова потрясли наш пароход в момент самой встречи, – добавлял другой. – Так и казалось, что слышишь одну грудь и одно горло. Махали шапками, платками, флагами, кричали на разные лады и все... Старый патер в белой рясе благословлял приезжающих... Несколько человек пело какой-то религиозный гимн... Женщины вовсе потеряли голову и чуть не бросались в воду... Человек с кислой физиономией, жавшийся раньше к корме, махал теперь у борта шапкой и кричал во все легкие и не замечал, как на него наваливалась сзади так же все позабывшая и тоже кричащая толпа...» («Новое время», 8 мая 1902, № 9401). Салюты, приветственные крики, братание. Тысячи и тысячи народа... А затем – серия торжественных встреч в Петербурге. И снова ликование, и пение гимнов двух стран, и крики «Vive la France!» «Народ скопляется главным образом на Невском и на Английской набережной, где стоят “Cassiai” и две французские миноноски; отсюда прямо подхватывают съезжающих на берег матросов и каждый приезд служит предлогом для самых восторженных оваций» («Новое время», 9 мая 1902, № 9402).

Оценивая настроения тысяч людей, находившихся в те дни (7–10 мая) в особом состоянии воодушевления и подъема, радостного ликования и нетерпения (эти чувства поистине били через край, вовлекали в свой водоворот все новых и новых лиц и зачастую выходили уже из границ нормы), один из корреспондентов «Нового времени» вспомнил о

теории толпы, об особых психических законах, действующих внутри стихийно образующихся людских скоплений: «...с этого момента начинаешь уже плохо владеть собой и сознаешь это, сопротивляешься и вместе с тем чувствуешь, как всякая личная инициатива уходит из-под ног, и незаметно для самого себя начинаешь сливаться в один громадный организм, имя которому толпа. Да, влияние толпы в эти моменты всемогущее! С известного момента вдруг перестаешь смотреть своими собственными глазами и начинаешь смотреть какими-то общими громадными глазами, глазами событий, чувствуешь одной душой, кричишь одной грудью... [...] уходишь как-то из самого себя и делаешься дробью, над которой во всем берет верх целое» («Новое время», 8 мая 1902, № 9401).

Н. Ф. Федоров, регулярно читавший «Новое время», не мог пройти мимо данных корреспонденций. Возможно, именно они и навели его на мысль сравнить происходившее в Кронштадте с американскими «религиозными подъемами», ревивалями (см. преамбулу и примеч. 78 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 577, 603). – *465.*

263. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

21 мая 1902. Воскресенск

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 34, л. 34–34 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 264). Ранее опубликовано: «Вопросы философии», 1993, № 1, с. 159; *Сочинения 1994*, с. 373–374.

Н. Ф. Федоров приехал в Воскресенск в первой декаде мая 1902 г. 10 мая 1902 г. в его паспорте появилась запись: «у полицейского надзирателя г. Воскресенска Московской губернии явлен и записан в книгу под № 6, д. Жеребцова» (Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 118; см. также: *В. С. Борисов. Адреса Н. Ф. Федорова*, с. 255).

Письмом к В. А. Кожевникову от 21 мая 1902 г. открывается цикл из пяти писем о Новом Иерусалиме, Истринском Воскресенском монастыре (см. примеч. 1 к письму 266), в которых Н. Ф. Федоров дает свою трактовку значения этого места русской духовности (письма 263, 266, 269, 270, 272).

[1] См. примеч. 2 к письму 269. – *466.*

[2] Главный собор Воскресения Христова архитектурного комплекса Истринского Воскресенского монастыря, строившийся с 1658 по 1685 гг., в целом воспроизводил храм Гроба Господня в Иерусалиме. Иерусалимский храм Воскресения с XVII в. претерпел значительные изменения: обновлялся в 1719, после пожара и разграбления 1808 г. был отстроен заново; ряд перестроек был произведен после нового пожара – в 1888 г. – *466.*

264. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Между 21 и 31 мая 1902. Воскресенск

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 76.

[1] Речь идет о несохранившемся письме Н. П. Петерсона. О его содержании можно судить по ответному письму Н. Ф. Федорова от 31 мая 1902 г. (письмо 265). В конце весны 1902 г. на короткое время возобновилась переписка учителя и ученика, прерванная их размолвкой весны 1900 г. В переписке обсуждались детали предстоявшего приезда Н. П. Петерсона в Москву или Воскресенск для работы над приведением в порядок бумаг Н. Ф. Федорова. – *466.*

[2] Письмо Н. П. Петерсону было отправлено 31 мая 1902 г. – *466.*

[3] Данное примечание, по всей видимости, сделано впоследствии – после окончательной размолвки Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона в сентябре 1902 г. (см. примеч. к письму 274 (преамбула)). – *466.*

[4] Фраза *Очень может быть, что змейковые снаряды будут запрещены ∞ хотя бы одному человеку* навеяна статьей С. Грибоедова «Электрические явления при змейковых полетах» («Новое время», 23 апреля (6 мая) 1902, № 9386). В статье сообщалось о сильнейшей грозе, произошедшей 19 апреля в Павловске и прилегающих к нему местностях. Гроза явилась следствием «международного змейкового полета», устроенного Константиновской Павловской метеорологической обсерваторией. При этом во время грозы проволока, на которой были запущены змеи с метеорологическим прибором, со взрывом оборвалась и расплавилась, однако, к счастью, никто из присутствовавших при полете не пострадал. Резюмируя случившееся, С. Грибоедов приходил к выводу о том, что заземление проволоки «не гарантирует вполне от опасности и потому, когда электрические действия при полете станут особенно энергичны, следует совершенно воздерживаться от прикосновения к лебедке под опасением трагического исхода». – *466.*

[5] Фрагмент данного письма со слов «Слежу с удивлением, как Америка надвигается на Европу и грозит Великобританию обратить в один из своих штатов» до конца перекликается с заметками Н. Ф. Федорова «О двухсотлетнем юбилее незаконного сына 3-го Рима известного Маркиза С.-Петербурга...» и «Два события обращают в нынешнем (1902-м) году особое на себя внимание» (Т. III наст. изд., с. 379–382), что позволяет предположить, что они написаны одновременно – в конце мая 1902.

Слежу с удивлением, как Америка надвигается на Европу и грозит Великобританию обратить в один из своих штатов (ср. Т. III наст. изд., с. 382) – в конце 1901–1902 гг. российская печать уделяла большое внимание бурному экономическому росту Северо-Американских соединенных штатов, вступивших в открытое соперничество с Великобританией (в «Новом времени», которое регулярно читал Федоров и в Москве, и в Воскресенске, в мае 1902 г. постоянно появлялись корреспонденции на эту тему – см.: 2(15), 11(24), 13(26), 22 мая (4 июня), 26 мая (8 июня), 27 мая (9 июня)). При этом американские монополии, стремясь к расширению сферы своего влияния в Европе, активно захватывали английский внутренний рынок: сначала здесь утвердился спичечный синдикат, затем табачный трест; вслед за этим американские кампании завладели контрольным пакетом акций лондонского метро. Особенно чувствительный удар экономическому могуществу Англии был нанесен активными действиями миллиардера Моргана: приобретение угольных копей в Шотландии, акций юго-западных и юго-восточных дорог, большого количества английских судов и пароходной линии Лейланд («Новое время» – 2(15) мая 1002, № 9395 – утверждало, что эти покупки «лишают Англию почти всего ее Атлантического и Тихоокеанского торговых флотов»). Политика разорения мелких и средних английских фирм, их скупки или подчинения американским синдикатам проводилась Америкой и в английских колониях в Западной Африке, что дало тому же «Новому времени» (11(24) мая 1902, № 9404) повод заявить: западно-африканские владения Англии также поступают «под американское влияние».

Давая оценку американской экономической политике, органы российской печати называли ее необъявленной войной «против Англии с биллионерами как генералами и главнокомандующим Морганом» («Новое время», 2(15) мая 1902, № 9395). Широкую огласку получило высказывание американского миллиардера и филантропа Э. Карнеджи, посоветовавшего Англии в качестве «выхода из неприятного положения – поступить в число штатов Северо-Американского Союза и прибавить собою новую блестящую звезду к его знамени» («Русский вестник», 1902, № 5, с. 245; см. также: «Новое время», 13(26) мая 1902, № 9406). При этом, подчеркивало «Новое время», экономическая война против Англии – лишь начальный этап американской экспансии. «Всей Европе теперь приходится считаться с политическим и экономическим вторжением Соединенных штатов в жизнь Старого света» (26 мая (8 июня), № 9417). – *466.*

[6] В мае 1902 г. прусский парламент принял законопроект о выделении 250 млн. марок на скорейшую германизацию бывших польских провинций в составе Германии. Проект, получивший название «мероприятий к укреплению германской национальности в провинциях Западной Пруссии и Познани», предполагал активную скупку польских имений (как частных, так и казенных), раздробление их на участки и заселение немецкими переселенцами. В качестве официального мотива подобных мер германское правительство выдвинуло тезис об исконной враждебности поляков к немцам и об опасности, будто бы угрожающей государству от того, что поляки еще не онемечены. 23 мая (5 июня) император Вильгельм II, выступая на торжествах по случаю «освящения реставрированного старого местопребывания гофмейстера тевтонского ордена в Мариенбурге», заявил: «...польская надменность собирается затронуть германизм и я принужден сделать воззвание к своему народу для охраны его национальных благ» («Новое время», 25 мая (7 июня) 1902, № 9412).

Газета «Новое время» так комментировала германскую политику в Познани: «Это не что иное, как исполнение завещания Фридриха Великого, настоятельно советовавшего бесповоротно онемечить и очистить от всех славянских элементов все области, пограничные с Россией, а также продолжение “длинной руки” мер с подобною же целью Бисмарка, начатых после высылки всех славянских элементов и знаменитой речи Бисмарка в 1886 г.» (14(27) мая 1902, № 9407). – *467.*

[7] В 1902 г. было начато строительство Северной железной дороги Санкт-Петербург–Вологда–Вятка, которая должна была связать Сибирскую магистраль с портами Балтийского моря (в то же время на Дальнем Востоке завершалось строительство Китайско-Восточной железной дороги, соединившей Сибирскую железную дорогу с Владивостоком и Порт-Артуром). Параллельно в российской печати в 1899–1902 гг.

поднимался вопрос о строительстве железнодорожной линии Санкт-Петербург–Киев–Одесса, которая напрямую соединила бы порты Балтийского и Черного морей. В пользу такого строительства особенно активно выступали печатные органы Киева и Одессы, в центральных же органах печати проект оценивался по-разному. Противники проекта задавали вопрос: стоит ли строить за государственный счет дорогу, «которая не представляет особого значения ни с экономической, ни со стратегической точки зрения» («Санкт-Петербургско–Киево–Одесская железная дорога» // Новое время, 20 декабря 1899 (1 января) 1900, № 8555), сторонники утверждали, что новая линия даст возможность «подхода к столице всего юго-востока России», а затем и всего юго-запада («Новый путь» // Новое время, 30 декабря 1899 (11 января 1900), № 8563). В конечном итоге правительством было решено осуществить лишь часть проекта, построив дорогу от Санкт-Петербурга до Витебска, Могилева и затем до ст. Жлобин на пересечении с Либаво-Роменской железной дорогой. Строительство ветки до Витебска было осуществлено к 1901 г. Обществом Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги, а ветка до Могилева строилась уже за счет казны (при этом в начале 1900-х гг. проект ее продолжения до Киева и Одессы все еще обсуждался в печати). – *467.*

[8] Результатом периодических неурожаев, поражавших Россию в 1880–1890-х гг., явилось неуклонно нараставшее год от году истощение и обеднение центральных земледельческих районов страны (Воронежской, Курской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской и Тульской губерний). В 1899 г. было образовано особое совещание, которое на основании многочисленных данных (упадок народного благосостояния, уменьшение посевов хлебов, понижение сбора хлебов и др.) подтвердило эту тенденцию. Одной из причин оскудения центра комиссия назвала шедшее в последние десятилетия XIX в. активное освоение окраин России, куда направлялись значительные государственные силы и средства. Вопрос об оскудении центра и росте окраин, возвышающихся за счет исконных великорусских земель, неоднократно обсуждался в печати – см., напр.: Н. Емельянов. Оскудение центра и рост окраин // Русский вестник, 1902, № 1, с. 331–338; «Хиреющий край» // Новое время, 25 мая (7 июня) 1902, № 9418. Отсылку к последней корреспонденции (из Новочеркасска), сообщавшей о плачевном экономическом состоянии области войска Донского («Истощенный центр, хиреющий край (Донская область)»), находим в статье Н. Ф. Федорова «О двухсотлетием юбилее незаконного сына 3-го Рима...» (Т. III наст. изд., с. 381). – *467.*

265. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

31 мая 1902. Воскресенск

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, лл. 65–66 об. (копия рукой М. Н. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 265–266). В архиве Н. П. Петерсона сохранился и черновик данного письма: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 34, л. 7–7 об. (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 4, ед. хр. 6, л. 248).

[1] См. примеч. 1 к письму 264. – *467.*

[2] Федоров имеет в виду письмо Н. П. Петерсона в редакцию газеты «Асхабад», предварявшее публикацию статьи Н. Ф. Федорова «По поводу статей г-на Pensoso “Блаженная жизнь” и “Кругом да около”» («Асхабад», 3 марта 1902, № 62). Предлагая данную статью к напечатанию, Н. П. Петерсон указывал на то, что она делает поправки и к его собственной статье «По поводу статей о Народном доме» («Асхабад», 30 декабря 1901, № 364) и признавал «совершенную справедливость, совершенную верность этих поправок». Поправки Н. Ф. Федорова касались трактовки Н. П. Петерсоном понятия «блаженная жизнь» (подробнее см. преамбулу к разделу «Асхабадская полемика»). – *467.*

[3] В черновике письма к этим словам сделана сноска: «Оно и приняло бы окончательную форму, если [бы] Петерсон не уехал прежде срока» (ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 34, л. 7. Сноска была сделана уже после финального разрыва Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона в сентябре 1902 г. После слов «*в окончательной форме»* в черновике следует фраза: «Что касается личного отношения, то об этом и говорить не стоит» (там же). – *467.*

[4] Речь идет о статьях Pensoso, П. Я. Циркунова, Е. М. Крас-ской и др., появившихся в рамках двух этапов «Асхабадской полемики» (см. преамбулу к «Самодержавию» – Т. II наст. изд., с. 439–441 – и преамбулу к разделу «Асхабадская полемика»). – *467.*

[5] Федоров имеет в виду статью С. Грибоедова «Электрические явления при змейковых полетах» (см. примеч. 4 к письму 264). 25 апреля 1902 г. она была перепечатана в «Московских ведомостях» в рубрике «Из научного мира» под заглавием «Искусственная гроза». – *467.*

266. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

4 июня 1902. Воскресенск

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 34, л. 35–35 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 271). Ранее опубликовано: «Вопросы философии», 1993, № 1, с. 159; *Сочинения 1994*, с. 374.

[1] *Никон* (1605–1681) – выдающийся церковный и политический деятель, патриарх, инициатор церковных реформ, положивших начало расколу. Вследствие интриг, обвинений в попытке поставить власть патриарха выше царской, покинул патриарший пост, затем был судим и сослан. С середины 1650-х гг. Никон сосредоточился на грандиозной архитектурно-строительной деятельности, связанной с реализацией его замысла создания на Руси Нового Иерусалима, «подмосковной Палестины». Обладая особым символическим мышлением, стремлением к материально-зримому воплощению богословских идей (кстати, тут Федоров близок ему по духу), Никон воссоздал относительно недалеко от Москвы, у реки Истры, всю «топографию» святых мест, где проходила земная жизнь Христа и совершилось Его победное воскресение: и Вифлеем, и реку Иордан, и Фавор, и Вифанию, и Гефсиманию... спланировал архитектурный ансамбль, содержавший каменные стены с башнями, с надвратным храмом входа Господня в Иерусалим, палаты, кельи, каменные храмы. Центральное место среди них занял собор Воскресения, в котором после его освящения (уже после смерти Никона в 1685 г.) все оказалось пронизанным пасхальным духом: плащаница, открытая для поклонения, росписи, служба. На все это обращает внимание Федоров в своих письмах. *Важный момент русско-всемирной истории*, отразившийся в этом создании Никона, имеет отношение к самому глубинному пласту его смысла, как архитектурного символа Иерусалима Небесного, несущего радость всеобщего воскресения и преображения Вселенной, связан с идеей «Москва – Новый Иерусалим», проникшей в русское церковное сознание в XVI в. – *468.*

[2] См. примеч. 1 к письму 264. – *468.*

[3] Речь идет об оплате Н. П. Петерсону дороги от Асхабада до Москвы (см. письмо 256). – *468.*

[4] В. А. Кожевников, бывший родом из г. Козлова Тамбовской губ., уже живя в Москве, периодически приезжал в этот город. – *468.*

267. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

22 июня 1902. Воскресенск

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 67, лл. 19–20 об.

[1] Речь идет о письме 265. – *468.*

[2] См. примеч. 2 к письму 265. – *468.*

[3] См. примеч. 5 к тому же письму и примеч. 4 к письму 264. – *469.*

[4] Это письмо Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову не сохранилось. – *469.*

[5] *В. М. Вакар* – председатель Асхабадского окружного суда. В письме Н. П. Петерсону от 31 мая 1902 г. Н. Ф. Федоров просил его сообщить устные отзывы о статьях, напечатанных в рамках асхабадской полемики. По всей видимости, Н. П. Петерсон в несохранившемся письме передал отзыв своего начальника. – *469.*

268. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

30 июня 1902. Воскресенск

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, лл. 67–69 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 267–270).

[1] См. примеч. 5 к письму 267. – *469.*

[2] Ни одно из этих пяти писем не сохранилось. – *470.*

[3] Н. П. Петерсон прислал Н. Ф. Федорову статью П. Я. Циркунова из его цикла «Из размышлений старого мечтателя» («Асхабад», 15 июня 1902, № 166). О содержании статьи см. преамбулу к разделу «Асхабадская полемика». – *470.*

[4] Просьба прислать гранки «Письма в редакцию газеты “Дон”», написанного в качестве ответа газете «Саратовский дневник», была передана Н. П. Петерсону В. А. Кожевниковым еще осенью 1901 г., однако Николай Павлович ответил, что гранок у себя не нашел (см. его письмо В. А. Кожевникову от 1 ноября 1901 в Т. IV наст. изд., с. 618). В настоящее время гранки хранятся в фонде Н. П. Петерсона (ОР РГБ, ф. 657, к. 2, ед. хр. 9). Текст «Письма в редакцию газеты “Дон”» см. в Т. IV наст. изд., с. 182–185. – *471.*

269. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

4 июля 1902. Воскресенск

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 36–37 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 272–273). Ранее опубликовано: «Вопросы философии», 1993, № 1, с. 159–161; *Сочинения 1994*, с. 374–376.

Данное письмо Н. Ф. Федорова вдохновило В. А. Кожевникова на написание статьи о Новом Иерусалиме, в которой он использовал целый ряд мыслей и высказываний своего наставника. Статья эта под названием «Непонятый храм» была напечатана только в 1913 году в журнале «Дым отечества» (№ 2, с. 6–8).

В своей статье В. А. Кожевников стремился раскрыть историческое и духовное значение Ново-Иерусалимского монастыря. Развивая мысль Н. Ф. Федорова о русской истории как многовековом «собирании, объединении и умиротворении земель и народов», он указал, что Новый Иерусалим был задуман Никоном как «органическое, необходимое дополнение Кремля Московского», как орган будущего «Собора, долженствующего решать споры между христианами, устранять причины вражды и установить мир». В замысле Нового Иерусалима воплотилось чаяние будущего объединения всех народов в общее отечество, прекращения национальной и религиозной розни.

Вслед за Н. Ф. Федоровым В. А. Кожевников отмечал учительность Ново-Иерусалимского храма, его церковных служб, являющихся «непрестанным воспеванием и прославлением Пасхи, торжества Воскресения, победы над смертию Единородного Сына Бога Отцов, Бога живых». Поучение, даваемое Новым Иерусалимом, подчеркивал он, имеет значение «всенародное, всемирное, относится ко всем сынам человеческим», ибо обращено к главному обетованию христианства – воскресению.

[1] См. примеч. 1 к письму 266. – *471.*

[2] Богослужение Воскресенского Истринского монастыря имело ряд особенностей. Каждое воскресенье после литургии в часовне Гроба Господня (см. примеч. 3) исполнялся пасхальный канон, после 6 песни которого читался положенный к чтению в данный воскресный день отрывок из Евангелия (см.: архим. Леонид (Кавелин). Месяцеслов Воскресенского, именуемого Новый Иерусалим, монастыря для посетителей и богомольцев сей обители. М., 1875, с. 19–20). Во всех других православных церквах пасхальный канон служили только на Пасху и на Светлой седмице (первая послепасхальная неделя). – *471.*

[3] *Кувуклия* – часовня, стоявшая над Гробом Господним в соборе Воскресения Христова Ново-Иерусалимского монастыря. Внутреннее устройство собора воспроизводило по плану и размерам Иерусалимский храм Воскресения (Гроба Господня): это и сам Гроб Господень, и кувуклия, и камень миропомазания, и плита «середины вселенныя», и расположенные внутри собора приделы и церкви. – *471.*

[4] См.: Мф 21:12–13; Мк 11:15–17; Лк 19:45–46. – *472.*

[5] Надписи, оставленные крестоносцами в Иерусалимском храме Гроба Господня. – *472.*

[6] Предшествующий текст со слов *Новый Иерусалим в некотором отношении даже выше старого* был использован В. А. Кожевниковым в статье «Непонятый храм». Создание Нового Иерусалима, писал Кожевников, «было и призывом для одоления неверных, для одоления Ислама, возводящего пролитие крови в высшую их заслугу. И в этом отношении Новый Иерусалим стоял и стоит выше старого, ибо над мирным храмом Ново-Иерусалимским не господствует храм кровавых жертв Ислама, ставший на месте ветхозаветного, приносившего жертвы также “не без крови” (по слову Апостола – Евр. IX, 12) и ставшего бескровным только в день входа Господня в Иерусалим, когда Христос, возвративший жизнь Лазарю, избавил даже животных от жертвенного заклания, изгнав торгующих волами, тельцами, козлищами и голубями из храма.

Так было в прошлом. Но и в настоящее время в Старом Иерусалимском храме хранится подлинный Гроб Христов, но зато вовсе не хранятся и, наоборот, совершенно утрачены подлинные заветы Христа о любви друг к другу и о согласии; в нем нет, следовательно, истинного христианства; нет до такой степени, что приклад ружья магометанского солдата принужден сдерживать христиан от драм и кровопролитий на месте, где проливалась кровь Христа.

В Новом Иерусалимском храме нет братоубийственной вражды народов, забывших общее отечество, нет гибельных разделений христианства. Никон, которого привыкли порицать, как виновника раскола и раздора, настолько в действительности понимал благо единства и согласия, что не счел за грех в век суровой подозрительности своих соотечественников ко всему инославному перевести в созданный им храм следующие надписи:

"Здесь лежит славный Годифредус... и душу его Бог покоит в мире", или еще: "Царь Балдвинов был второй Маккавей". Это благодарственное включение сынов *иноверного Запада*, стоявших за гроб Господень, в православный синодик Востока, – что это такое, как не призыв к миру всего мира, к соединению всех для общего политического подвига» («Дым отечества», 1913, № 2, 10 января, с. 8). – *472*.

[7] Ср. стихиру, исполняемую во время крестного хода вокруг храма перед Пасхальной утреней: «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесех, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славити». – *472*.

[8] См. примеч. 2. – *472*.

[9] Речь идет о художественно-промышленной выставке 1882 г. в Москве. См. о ней у Федорова в статье «Выставка» – Т. I наст. изд., с. 454–455. – *472*.

[10] На вратах Истринского Воскресенского монастыря было представлено видение пророка Иезекииля (Иезек 37: 1–14): восстание умерших, облечение сухих костей, усеявших поле, живой плотью. – *472*.

[11] Данный абзац был также развернут в статье В. А. Кожевникова: «Никон и создал свой храм именно для Собора, долженствовавшего решать споры между христианами, устранять причины вражды и установить мир. Вот почему он и воздвиг в храме пять кафедр для шести вселенских патриархов, и если по прошествии стольких лет после их постановки они все еще стоят пустыми, то самый факт этот и нашему времени, столь нуждающемуся в Соборе, служит вящим укором в неисполнении завета Христа, обещавшего Свое присутствие и помощь не каждому в отдельности и не одному исключительно, а *собранию верующих*» («Дым отечества», 1913, № 2, с. 8). – *473*.

[12] Речь идет о сочинении А. Ричля (см. примеч. 40 к «Супраморализму» – Т. I наст. изд., с. 512) «Наставление в христианской религии» (A. Ritschl. Unterricht in der christlichen Religion. Bonn, 1875; 4-е изд.: 1890). Н. Ф. Федоров упоминает его в своей статье «Школа ричлианского богословия» (Т. II наст. изд., с. 188). – *473*.

[13] Это письмо В. А. Кожевникова к Н. Ф. Федорову не сохранилось. – *473*.

270. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

15 июля 1902. Воскресенск

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 34, лл. 38–40 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 274–275). Ранее опубликовано: «Вопросы философии», 1993, № 1, с. 161–162; *Сочинения 1994*, с. 376–378.

[1] Речь идет о письме 269. – *473*.

[2] Альбер *Ревиль* – см. примеч. 157 к «Статьям и заметкам разного содержания». О каком его сочинении говорит ниже Н. Ф. Федоров, установить не удалось. – *473*.

[3] См. примеч. 10 к письму 269. – *474*.

[4] В главном соборе Воскресенского монастыря – соборе Воскресения Христова – было 29 церквей и приделов. В соборном храме во имя Рождества Христова – 7. Кроме этого, в монастыре имелись еще две домовые церкви, одна надвратная и две церкви, устроенные в скиту Никона за оградой монастыря (см.: архим. Леонид (Кавелин). Месяцеслов Воскресенского, именуемого Новый Иерусалим, монастыря для посетителей и богомольцев сей обители, с. 48–49). – *474*.

[5] наяву (*церковнослав.*). – *474*.

[6] Речь идет о приделе Всех Святых в соборном храме Воскресения Христова. Придел располагался прямо под колокольней и был освящен 6 апреля 1690 г. Возобновлен и вторично освящен в 1781 г. (см.: архим. Леонид (Кавелин). Указ. соч., с. 7). – *474*.

[7] Речь идет о построении храма во имя Живоначальной Троицы, которое было предпринято преп. Сергием Радонежским (ок. 1321–1392) в основанном им монастыре (нынешняя Троице-Сергиева Лавра). Храм был воздвигнут на месте прежней небольшой Троицкой церковки, построенной преп. Сергием вместе с братом Стефаном в начале подвижничества святого. – *474*.

[8] Федоров выстраивает три эпохи русского храмового зодчества: первоначальные софийные храмы, воздвигавшиеся по первообразу Константинопольской Софии, трансформировавшиеся в успенские; затем с преп. Сергия появляются троичные храмы, внесшие новую преобладающую идею в церковное, народное сознание, и, наконец, Никон дополняет и увенчивает это развитие воскресенским храмом. – *475*.

[9] Это письмо В. А. Кожевникова к Н. Ф. Федорову не сохранилось. – *475*.

[10] См. примеч. к письму 269 (преамбула). – *475*.

271. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

19 июля 1902. Воскресенск

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, л. 70–70 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к . 4, ед. хр. 6, л. 270).

[1] Это письмо Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову не сохранилось. – *475.*

[2] См. примеч. 5 к письму 267. – *475.*

[3] Сослуживец Н. П. Петерсона. – *475.*

[4] Н. П. Петерсон приехал в Москву в середине августа 1902 г. (см. примеч. к письму 255 (преамбула)). – *475.*

[5] 27 июля (9 августа) празднуется память блаженного Николая Кочанова, Христа ради юродивого, Новгородского (ум. 1392). – *475.*

272. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

28 июля 1902. Воскресенск

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, лл. 73–74 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 220–221). Ранее опубликовано: «Вопросы философии», 1993, № 1, с. 162–163.

[1] См. примеч. 2 к письму 118. Записку Е. И. Соколова от 27 июля 1902 г. Н. Ф. Федоров переслал Владимиру Александровичу вместе со своим письмом (текст ее см.: Т. IV наст. изд., с. 672). – *475.*

[2] Речь идет о статье В. А. Кожевникова «Непонятый храм» (см. примеч. к письму 269 (преамбула)). – *475.*

[3] Федоров имеет в виду следующее рассуждение В. А. Кожевникова, открывавшее статью: «С той точки зрения на искусство, которая видит в нем не одну эстетическую забаву, не безразличное по содержанию баловство прекрасными формами, храм, разумеется, художественно выполненный, должен считаться высшим из произведений искусства, как по величию задач, в него вложенных, так и по тому всестороннему применению, которое он дает всем искусствам. Зодчество, ваяние и живопись дружным усилием создают здесь из бездушного материала стройное органическое по замыслу, человекоподобное по своему первоначальному смыслу и происхождению целое, сообщают ему гармонические соотношения, пластические черты и живые образы. [...]

Синтезу художественному, воплощением которого является храм, соответствует и синтез психологический – объединение *всех здоровых, благих сил и способностей людей,* присутствующих в храме, *в одно высшее, всеобъемлющее настроение – религиозное.*

И там, где оно воистину есть и где оно постигает свое конечное назначение, там храм рукотворный, созданный единением художественных вдохновений и форм, превращается уже в храм нерукотворный, в святилище любви сыновней и братской, в храм мира всего мира.

Если согласие, в отличие от подчинения и розни, есть добродетель по преимуществу (так как лишь при согласии и единстве возможно делание добра), то, очевидно, тем ценнее в нравственном отношении будет все то, что наиболее содействует установлению согласия, единодушия, этого первого условия взаимодействия и единодействия. В этом смысле священны все храмы, как выражение согласия, единомыслия, единодушия и как школы будущего единодействия сынов человеческих, ко всеобщему спасению всех живых и мертвых направляемого» («Дым отечества», 1913, № 2, с. 6). – *476.*

[4] В своей статье В. А. Кожевников указывал, что для русской интеллигенции Новый Иерусалим – «непонятная достопримечательность», и при этом замечал: «Пишущий эти строки говорит по собственному опыту и первый кается в пренебрежении или по меньшей мере равнодушном отношении к этому величавому памятнику русского мировоззрения и *русской государственной мысли*» (там же, с. 7). – *476.*

[5] В тексте статьи, напечатанном в журнале «Дым отечества», дана следующая сноска: «Происхождение храма из надмогильных памятников и уподобление его человеку, восставшему из земли, признавалось многими учеными и неучеными. Между прочим, одним из величайших художников по литературе эпохи Возрождения Леоном Баттистой Альберти» (там же, с. 6). Возможно, Федоров имеет в виду именно ее, так как в начале статьи тезисы о «происхождении храма из надмогильных памятников» и об уподоблении храма «человеку, восставшему из земли» не были развернуты. Хотя не исключено, что в тексте, который он читал, была и другая сноска: В. А. Кожевников перед отдачей статьи в печать (а может быть, и ранее) мог вносить в нее некоторые исправления (см, напр., примеч. 6 к данному письму, а также примеч. 2–4 к письму 273). – *476.*

[6] Судя по данному указанию и по письму 273, в конце статьи «Непонятый храм» было приведено сравнение выставки и музея (такое сравнение часто встречается у самого Федорова). В опубликованном тексте статьи этого сравнения нет; по всей видимости, оно было убрано В. А. Кожевниковым или после критических замечаний Н. Ф. Федорова, или уже в 1913 г., непосредственно перед сдачей статьи в печать. – *476.*

[7] «который за истину пострадал с радостью» (*церковнослав.*). Немного неточное выражение из тропаря на день усекновения главы Иоанна Предтечи (11 сентября). – *476.*

[8] И голгофская церковь, где Никон особенно любил проводить богослужения, и церковь Иоанна Предтечи под ней находились внутри Собора Воскресения. Никон указал место для своей гробницы в той части церкви Иоанна Предтечи, где в Иерусалимском храме находилось место погребения Мелхиседека, первого архиерея Иерусалимского. После неправедного осуждения Никона на церковном соборе 1666 г. с присутствием вселенских патриархов (истинной причиной которого был его разлад с царем Алексеем Михайловичем), после длительной его ссылки в Ферапонтов и Кириллов монастыри, молодой царь Феодор разрешил тяжелобольному Никону вернуться в родное детище, но тот по дороге скончался. 26 августа 1681 г. тело Никона с большими почестями было доставлено в Новый Иерусалим (причем погребальный кортеж остановился против монастыря на Елеонской горе, с которой он 15 лет назад простился с ним) и после торжественной погребальной церемонии, длившейся более 10 часов, захоронено в указанном им в свое время месте. У гробницы патриарха, который вскоре был церковно восстановлен в своем чине, с конца XVII по XX вв. неоднократно были отмечены случаи чудесных исцелений. – *476.*

[9] 18 декабря 1664 г. патр. Никон, безвыездно пребывавший в Новом Иерусалиме, неожиданно приехал в Москву. При этом он сообщил, что прибыл «по вести» от царя, якобы велевшего ему быть в этот день в столице. Когда началось расследование, кто был автором письма, в котором содержалось «царское» приглашение о приезде в Москву, выяснилось, что написано оно было бояриным Никитой *Зюзиным,* идейным приверженцем и другом Никона. За подобное «самовольство» Зюзин был приговорен к смертной казни, замененной, по повелению Алексея Михайловича, ссылкой в Казань. Ниже Федоров упоминает о жене Н. Зюзина Марии, чрезвычайно преданной своему мужу и скончавшейся от переживаний 3 февраля 1665 г. – в день, когда ее мужа потребовали для допроса. Этот эпизод, так же как и история с подложными письмами, были подробно изложены в книге Г. П. Георгиевского «Никон, святейший патриарх Всероссийский, и основанный им Новый Иерусалим» (М., 1896, с. 193–198; издана без имени автора, автор установлен по библиографии Г. П. Георгиевского – ОР РГБ, ф. 217, к. 1, ед. хр. 43). Несомненно, что Н. Ф. Федоров был знаком с этой книгой, написанной его сослуживцем, человеком, который, кстати, не раз выступал в печати на темы, близкие Федорову, а зачастую и навеянные им (см. примеч. 2 к письму 71). – *476.*

[10] Никон был вызван на соборный суд по постановлению его предварительного заседания от 28 ноября 1666 г. и доставлен в Кремль уже в полночь 1 декабря. Описание последней литургии, совершенной Никоном в Голгофской церкви, елеосвящения, прощальной проповеди патриарха, его шествия из монастыря и благословения обители «с высот Элеона» см. в книге Г. П. Георгиевского (с. 224–227). – *476.*

273. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Конец июля 1902. Воскресенск

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 7, ед. хр. 44 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 126–127).

[1] Об этой статье В. А. Кожевникова см. примеч. к письму 269 (преамбула). – *477.*

[2] Данный образ Н. Ф. Федоров приводил в письме 269. В. А. Кожевников в статье «Непонятый храм» использовал его, однако в печатный текст статьи разбираемый здесь Н. Ф. Федоровым фрагмент не вошел (см. примеч. 6 к письму 272). – *477.*

[3] Цитата из статьи В. А. Кожевникова (в печатном тексте отсутствует). – *477.*

[4] Цитата из статьи В. А. Кожевникова (в печатном тексте отсутствует). – *477.*

274. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

После 13 сентября 1902. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 1, л. 37–37 об.

Набросок неотправленного письма к Н. П. Петерсону, сделанный после окончательной размолвки учителя и ученика в сентябре 1902 г. По содержанию данный набросок письма перекликается с заметкой «Как ни много этот г<осподин> наговорил мне худого...» (Т. IV наст. изд., с. 164).

Обстоятельства осенней 1902 г. размолвки Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона В. А. Кожевников комментировал следующим образом:

«После по недоразумению возникшей размолвки, имевшей следствием отъезд Н<икола>я Ф<едорови>ча из Асхабада, Н. П. Петерсон, приложивший все старания к разъяснению недоразумения, добился, при моем отчасти настоянии, разрешения приехать в Москву. По приезде примирение немедленно состоялось и тотчас же началась усиленная, систематическая работа над хаотически перемешанными рукописями: разборка их, сортировка, свод вариантов и переписка, как надеялись, в окончательной форме, на чем мы особенно настаивали в виду явно слабевшего здоровья Н<икола>я Ф<едорови>ча. Все шло прекрасно, пока новая буря налетевшего за что-то гнева не оборвала работы. Н<иколай> Ф<едорович> наотрез отказался продолжать ее при посредстве Н<икола>я П<авлови>ча. При таких обстоятельствах дальнейшее пребывание последнего в Москве оказывалось бесполезным. С другой стороны, оставлять рукописи у уже ослабевшего Н<икола>я Ф<едорови>ча после того, как немалая часть их была им уже сожжена в минуту отчаяния, показалось Н<икола>ю П<авлови>чу настолько опасным, что, уезжая, он рискнул увезти часть рукописей с собою для того, чтобы дома переписать их, а затем, конечно, возвратить автору. Поступок этот, не лишенный, бесспорно, самоуправства, хотя и с лучшими целями в виду, навлек на себя тот гнев Н<икола>я Ф<едорови>ча, который сквозит во многих письмах, напечатанных и ненапечатанных, и который, к несчастью, остался у него до самой смерти. Было что-то роковое и трагическое в этом расхождении под самый конец жизни у Учителя с самым преданным ему лично и его учению учеником» (ОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр. 6, л. 295).

Такова версия В. А. Кожевникова. К ней необходим ряд существенных уточнений. Во-первых, отъезд Н. Ф. Федорова из Асхабада не был следствием его размолвки с Н. П. Петерсоном. Из писем мыслителя В. А. Кожевникову и К. П. Афонину весны 1900 г. (письма 219–221) явствует, что Н. Ф. Федоров не собирался оставаться в Асхабаде прежде всего из-за климата, вредно сказывавшегося на его здоровье. Размолвка с Н. П. Петерсоном, по всей видимости, произошла перед самым отъездом, на что в другом месте указывает и сам В. А. Кожевников (см. примеч. к письму 220 (преамбула)).

Во-вторых, Н. П. Петерсон не добивался разрешения приехать в Москву. Идея его приезда принадлежала В. А. Кожевникову и Н. Ф. Федорову (см. письма 255, 256).

В-третьих, примирение учителя и ученика состоялось еще до их встречи в Москве: в мае 1902 г. между ними возобновилась переписка и длилась до августа.

В-четвертых, работа над систематизацией рукописей Н. Ф. Федорова в течение месяца, проведенного Н. П. Петерсоном в Москве (с середины августа по 13 сентября 1902; 14 сентября Николай Павлович уехал в Асхабад), ограничилась, по всей видимости, лишь «Пасхальными вопросами»: ее результатом стал окончательный текст «Супраморализма» (см. свидетельство Н. П. Петерсона, приведенное в примеч. к письму 255 (преамбула)). Именно бумаги, относящиеся к «Супраморализму», и были увезены Н. П. Петерсоном в Асхабад (в письме Н. Ф. Федорова к В. А. Кожевникову от 15 апреля 1903 говорится о «рукописи», а не о «рукописях» и упоминается «Схема Пасхальных вопросов»).

В-пятых, нуждается в коррекции утверждение В. А. Кожевникова о том, что Н. Ф. Федоров ранее, еще до приезда Н. П. Петерсона, сжег «немалую часть» своих рукописей. Следует установить, где и когда именно произошло это сожжение, а также насколько оно было объемным. В письме Н. Ф. Федорова В. А. Кожевникову, написанном после 11 августа 1903 г., читаем: «В Новом Иерусалиме было многое истреблено, но остается еще больше» (Т. IV наст. изд., с. 484). Известно, что Н. Ф. Федоров провел в Воскресенске, у стен Ново-Иерусалимского монастыря, два лета: 1902 и 1903 гг., – однако относить сожжение бумаг к лету 1902 г. вряд ли целесообразно. Да, весной 1902 г. эмоциональное состояние мыслителя было достаточно тяжелым – много тому способствовала «асхабадская полемика», – но реакцией на асхабадскую неудачу было как раз стремление привести бумаги в порядок и, прекратив «печатание мелких статеек», выступить с полным изложением учения. Именно в 1902 году обсуждался вопрос об издании тома сочинений Н. Ф. Федорова в издательстве «Скорпион» и началась перепечатка рукописей. К тому же были налажены отношения с Н. П. Петерсоном, велись переговоры о совместной работе над архивом и передаче его Николаю Павловичу. С мая по ав-

густ, во время пребывания в Новом Иерусалиме, мыслитель испытывал большой душевный подъем, о чем свидетельствуют его письма к В. А. Кожевникову. При этом он с нетерпением ждал приезда Н. П. Петерсона для окончательной работы над сводом своих сочинений (см. письма 265, 271).

В заметке «Черногубов не раз обращался ко мне...» (Т. IV наст. изд., с. 163) мыслитель упоминает, что «предал уничтожению» «комментарий» к поэме В. А. Кожевникова «Цена жизни», – уничтожение этого комментария, действительно, можно датировать весной 1902 г., но, во-первых, текст его не был объемен (никак не тянет на «немалую часть» рукописей), а во-вторых, в данном случае мотивы уничтожения вполне обыкновенны: как всякий творец, Н. Ф. Федоров не желал оставлять у себя неудачный, по его мнению, текст и имел на это полное право. Другое дело, что оценка комментария как неудачи могла быть следствием подавленного состояния духа (см. заметку «Вопрос о поэме брошен, ну и черт его возьми!» – там же). Еще одно упоминание о том, что Н. Ф. Федоров уничтожал некоторые свои бумаги, содержится в письме Н. П. Петерсона В. А. Кожевникову от 30 января 1904 г. На вопрос Владимира Александровича о тех листах рукописей Федорова, которые были писаны не самим Федоровым и не Н. П. Петерсоном, а рукой третьих лиц, Николай Павлович сообщал: «Листы, о которых Вы пишете, если они давнего происхождения, то значит написаны рукою моего брата, если же писаны в 90-х годах, то рукою Ивакина. Написанное рукою Ивакина Николай Ф<едорови>ч впоследствии частью уничтожил, а частию вложил в разные связки, распределив их по особым частям произведения, смотря по тому, куда они относились» (ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 24, л. 54–54 об.) – в этом свидетельстве также ничто не указывает на из ряда вон выходящее аутодафе. Скорее всего, «в рабочем порядке» уничтожались неудавшиеся, с точки зрения Федорова, тексты, а также редакции и варианты.

Уничтожение Н. Ф. Федоровым некоторой части рукописей логичнее отнести не к лету 1902 г., а к лету 1903 г. Весной 1903 г. из-за конфликта Н. Н. Черногубова с издательством «Скорпион» расстроился план напечатания тома сочинений Федорова. Разрыв с Н. П. Петерсоном и не слишком благовидный поступок последнего для мыслителя также не прошли бесследно. С В. А. Кожевниковым Н. Ф. Федоров не виделся в тот год в течение четырех-пяти месяцев: с середины апреля (или с начала мая) по сентябрь, когда Владимир Александрович вернулся из Крыма (см. также примеч. к письму 276 (преамбула)), причем последний (или один из последних) разговор перед столь долгой разлукой был не самым приятным (см. письмо В. А. Кожевникова Н. П. Петерсону от 25 апреля 1903 – Т. IV наст. изд., с. 627), и переписка между ними, по всей видимости, возобновилась лишь в конце июня. Таким образом, со второй половины апреля (или с начала мая) по конец июня 1903 г. Н. Ф. Федоров фактически находился в полном одиночестве. Общение с обоими учениками было прервано: с В. А. Кожевниковым – временно, с Н. П. Петерсоном – уже навсегда. В такой ситуации вполне мог наступить момент отчаяния, когда мыслитель и сжег часть своих бумаг.

Что именно было тогда сожжено, установить практически невозможно. Но вряд ли следует до конца верить словам самого Федорова: «В Новом Иерусалиме было многое истреблено» (письмо 278) – брошены они в минуты крайнего раздражения и вполне могли быть преувеличением (чтобы досадить неверному ученику). Ведь, несмотря на пресловутое сожжение бумаг, остались нетронутыми главные сочинения Федорова – «Записка», «Собор», «Музей, его смысл и назначение», «Выставка» и т. д. То есть уничтожены в Новом Иерусалиме были лишь немногие, второстепенные тексты, принципиального значения не имеющие, скорее всего те, которые в тот момент попались под руку.

Далее встает вопрос о том, что именно спровоцировало сентябрьскую бурю и почему случился столь непоправимый разрыв отношений между людьми, тесно общавшимися в течение сорока лет и преданными одному делу. Отношения Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона начали ухудшаться еще в воронежский период. В письме от 26 октября 1898 г. Н. П. Петерсон высказывает свои опасения по поводу возможности «возбудить [...] против себя неудовольствие» мыслителя, убеждает его в своей «преданности делу» (Т. IV наст. изд., с. 592). А ожидая приезда Федорова в Асхабад, признается: «Но радуясь Вашему приезду, не могу скрыть от Вас, что и страшусь его, потому что мне кажется, в последнее время Вы стали питать ко мне какую-то антипатию, которая все усиливается, и Вы почти постоянно на меня раздражаетесь. Я кажусь Вам, мне кажется, и глупым до того, что все делаю так же невпопад, как дурак в сказке, пожелавший “таскать не перетас-

кать" несшим покойника; я кажусь Вам, мне думается, и корыстным, хвастливым, тщеславным...» (письмо от 19 августа 1899 – там же, с. 593).

Конфликт Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона не в последнюю очередь был связан с печатной и публичной деятельностью учителя и ученика. С 1870-х гг. Н. П. Петерсон, вдохновленный идеями Федорова, периодически предпринимает попытки вынести учение «всеобщего дела» в мир. Действует он при этом или от своего лица, или анонимно. Причем далеко не всегда ставит о своих начинаниях в известность самого Федорова. Так, в 1870-х гг. по собственной инициативе он дважды обращается к Ф. М. Достоевскому (см. примеч. 1, 12 к разделу «Приложения» «Новые материалы к истории знакомства Ф. М. Достоевского с идеями Н. Ф. Федорова»), в марте 1881 г. пишет К. П. Победоносцеву (текст письма см.: Т. IV наст. изд., с. 515–518), в 1885 г. представляет в Московский цензурный комитет имевшийся у него вариант рукописи «Вопроса о братстве и родстве...» (рукопись не была разрешена к печати) – скорее всего также без ведома Федорова, который вовсе не считал свое главное сочинение оконченным и работал над ним вплоть до начала 1890-х гг. И если в ряде случаев самодеятельность Петерсона и приносила плоды (обращение к Ф. М. Достоевскому), то в других она или оканчивалась ничем, или доставляла Н. Ф. Федорову немало переживаний – как в случае с рукописью «В защиту дела и знания...», на опубликовании которой Н. П. Петерсон усиленно настаивал и которая в 1894 г. была задержана Московским цензурным комитетом.

В 1870–1880-х гг. Н. Ф. Федоров надеялся на то, что ему удастся убедить кого-нибудь из великих, чей голос был бы значим и весом, к кому бы прислушались окружающие (Л. Н. Толстого, В. С. Соловьева), выступить с учением о воскрешении от своего имени. Поэтому печатная и публичная активность Н. П. Петерсона не вызывала в нем в тот период особого сочувствия. В 1890-е гг. он отказывается от прошлых надежд. Начинает печататься сам. Одновременно побуждает лиц из своего окружения – В. А. Кожевникова, Ю. П. Бартенева, С. С. Слуцкого, С. А. Белокурова, И. А. Борисова и др. – включать его идеи и даже фрагменты текстов в их собственные статьи и заметки, настаивая при этом на точности и четкости изложения. И сильно переживает, когда многое, у него ясно выраженное и ему самому внятное, в чужих работах предстает в туманном виде, оказывается недопонятым, когда целые пласты смысла остаются за бортом. При этом к выступлениям Н. П. Петерсона Н. Ф. Федоров относится по-прежнему сдержанно и строго, гораздо строже, чем к кому бы то ни было. И это понятно: с Николая Павловича, как с ближайшего ученика, особый спрос. Неловкости и ошибки ему прощаются с трудом. А Н. П. Петерсон – пропагандист всеобщего дела – вовсе не так уж и редко ведет себя на страницах печати как слон в посудной лавке. Отсюда – негативная реакция Федорова на статью Петерсона «Несколько слов об искусственном дожде» (письмо 62), настойчивая просьба не спешить с сокращением статьи Ю. П. Бартенева «В. Н. Каразин и господство над природою» (письмо 68), а также забрать из редакции «Пензенских губернских ведомостей» статью на тему атмосферической регуляции (письмо 120). В ряде случаев, чтобы предупредить возможные неточности в изложении своих идей, Федоров вынужден был включаться в процесс составления задумываемых Петерсоном статей, выступая соавтором и соредактором (как это произошло с неопубликованной статьей «О великой будущности войска», из которой впоследствии вырос текст «Разоружения»).

В последние годы жизни Н. Ф. Федоров, все более волновавшийся за участь учения всеобщего дела, стал более активен в попытках печатного и публичного обнаружения своих идей, пусть и в связи с частными, локальными темами (выступления в московских газетах и журналах, серия статей 1896–1898 гг. в газете «Дон»). И одновременно гораздо болезненнее реагировал на неудачи. А поскольку зачастую именно Н. П. Петерсон, по крайней мере в Воронеже, выступал посредником между Н. Ф. Федоровым и другими лицами или органами печати, то эти неудачи мыслитель невольно связывал с неверными действиями ученика и досадовал на него. Свою лепту в подготовку будущего разлада между Федоровым и Петерсоном внесла даже публикация письма Ф. М. Достоевского в газете «Дон» с предисловием Н. Ф. Федорова, в котором впервые учение о воскрешении было высказано прямо, без ухода в подтекст (как в статьях по отечествоведению и музейно-библиотечному делу). Мыслитель возлагал на эту публикацию большие надежды, надеялся на отклик, на то, что услышат – и обратятся, придут «в разум истины». И испытал сильное разочарование, когда она осталась «гласом вопиющего в пустыне». Разочарование и раздражение невольно переносились на Н. П. Петерсона – именно он организовал публикацию письма Достоевского в газете «Дон» и поставил свою подпись под предисловием к нему.

К тому же осенью 1897 г. Николай Павлович предпринял безуспешную попытку перепечатать материал из «Дона» в «Воронежских епархиальных ведомостях». На эту инициативу Н. Ф. Федоров, предвидя новые разочарования, отозвался весьма негативно (см. письмо от 19 ноября 1897 – № 130). Не одобрял он и других предприятий Н. П. Петерсона, который постоянно загорался все новыми и новыми пропагандистскими прожектами (в том же письме от 19 ноября 1897 г. Николай Федорович пытался отговорить его от намерения обратиться к архиеп. Антонию Храповицкому со статьей «Что такое Россия?»).

Впоследствии В. А. Кожевников, обсуждая с П. А. Флоренским деятельность Н. П. Петерсона-публициста (его полемику в 1913 г. с Е. Н. Трубецким по поводу взаимоотношений В. С. Соловьева и Н. Ф. Федорова, выступления против С. А. Голованенко, автора серии статей об учении Н. Ф. Федорова в «Богословском вестнике» за 1914–1915 гг.), писал: «Его “усердия не по разуму” боялся и сам Николай Федорович: завещая мне свои рукописи, он вменял мне в обязанность не вверять их судьбу с одной стороны неверующим-рационалистам, которые (говорил он) “не преминут меня пожаловать в генералы от атеизма, – честь, которую я не заслужил, хотя, может быть, и подал некоторый повод думать об этом иначе”, – а с другой стороны не давать рукописи в распоряжение Петерсона, “усердного не по разуму”, и, по мнению Н<иколая> Ф<едорови>ча, в этом смысле более опасного, чем враги, с которыми (добродушно добавлял старик) “мы кое-как еще справимся”. Эти предосторожности он не раз выражал в письмах ко мне...» (В. А. Кожевников – П. А. Флоренскому, 7 февраля 1914 // Вопросы философии, 1991, № 6, с. 118).

В 1899–1900 гг., во время пребывания Н. Ф. Федорова в Асхабаде, отношения с Н. П. Петерсоном становились все более неровными. Это ярко проявилось в истории с их совместной статьей «Разговор с Л. Н. Толстым» (см. письма 202, 203 и примеч. 115 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве»). Перед отъездом Н. Ф. Федорова из Асхабада весной 1900 г. между учителем и учеником вспыхнула ссора. Сведений о том, что именно послужило к ней поводом, мы не имеем, однако вряд ли этот повод был серьезным. Скорее всего, сыграло роль долгое время накапливавшееся раздражение против «усердного не по разуму» ученика. А Н. П. Петерсон, по свидетельству знавших его, был не менее горяч, чем Федоров, и в пылу ссоры мог наговорить далеко не безобидные вещи.

Если до асхабадской размолвки Федоров мог как-то влиять на печатную деятельность Петерсона, что-то советовать, что-то корректировать в статьях последнего, то после отъезда мыслителя из Асхабада и прекращения на два года его переписки с учеником Николай Павлович начал действовать самостоятельно – и далеко не всегда удачно. В 1901 г. он опубликовал в газете «Асхабад» статьи «Разоружение» и «Самодержавие», ни слова не сообщив о своих намерениях ни Н. Ф. Федорову, ни В. А. Кожевникову. Печатный экземпляр «Самодержавия» послал в «Новое время» А. С. Суворину, также не поставив в известность автора. В полемике, разыгравшейся вокруг учения о воскрешении на страницах «Асхабада», допустил ряд ошибок и неточных формулировок (пресловутая «блаженная жизнь» – см. преамбулу к разделу «Асхабадская полемика»). И Н. Ф. Федоров, все более убеждавшийся к концу жизни в необходимости выступить с полным и развернутым изложением учения, а потому все более не одобрявший «печатания отдельных статеек», не мог не досадовать на ретивость ученика (да и в «провале» асхабадской полемики он во многом винил именно Петерсона).

Краткое примирение летом 1902 г. лишь загнало конфликт внутрь, и осенью, в период интенсивной работы над рукописями, а значит и интенсивных обсуждений и споров, он разгорелся с новой силой.

Как следует из печатаемого наброска письма и заметки «Как ни много этот г<осподин> наговорил мне худого...», Н. П. Петерсон в сентябре 1902 г. не просто самовольно увез в Асхабад рукопись «Супраморализма», но и заявил Н. Ф. Федорову о своем праве печатать имевшиеся у него сочинения мыслителя без его на то согласия. Такая позиция и ранее беспокоила Федорова (см. его письмо Н. П. Петерсону от 21 октября 1894). И дело здесь было вовсе не в авторском праве. Мыслитель, повторим, всегда охотно делился своими идеями, побуждая разных лиц излагать их на страницах печати, настаивал на том, чтобы ученики подписывались под его собственными статьями. Но, требовательный к себе и другим, он непрестанно работал над текстами главных своих сочинений. Для него это были не просто философские работы: речь в них шла о «вселенском деле», о «всеобщем спасении», и ответственность в данном случае была особенно велика. Поэтому на произвольное обращение со своими текстами Федоров всегда реагировал болезненно.

Отношение Н. П. Петерсона к авторскому праву вообще и к авторскому праву Н. Ф. Федорова в частности, в принципе было последовательным развитием позиции самого мыслителя, не признававшего собственности на идеи и считавшего, что учение о воскрешении – это всеобщее достояние. Вскоре после смерти Федорова, 5 января 1904 г. Петерсон писал Кожевникову в связи с вопросом о судьбе его наследия и о рукописях, переданных Н. Ф. Федоровым последнему: «...говорить о праве собственности на рукописи, оставшиеся после великого усопшего, – величайшая профанация; он и сам никогда не считал себя собственником всего им выраженного, он жаждал одного, чтобы все это сделалось всеобщим достоянием, для этого он и Вам передал свои рукописи, потому что знал, что Вы никогда не обратите их в собственность; передавая Вам эти рукописи, он желал также несомненно, чтобы Вы защитили эти рукописи от присвоения их со стороны кого бы то ни было и сделали бы их общим достоянием» (*Философия бессмертия и воскрешения*. Вып. 2, с. 245). Да, все это справедливо, но справедливо именно потому, что речь идет об уже умершем. Однако вряд ли было справедливым то, что еще при жизни Федорова Петерсон фактически постоянно брал на себя прерогативу решать печатную и публичную судьбу учения всеобщего дела. Разумеется, его намерения были самые чистые и непорочные: в письме В. А. Кожевникову от 13 января 1906 г. публицист пояснял, что все шаги по обнародованию и распространению идей Федорова, предпринятые «иногда вопреки его воли и желания», были вызваны стремлением послужить учению о воскрешении, «сделать его известным, заставить его объявить себя» // *Философия бессмертия и воскрешения*. Вып. 2, с. 246. И все же порой эти благие намерения мостили дорогу не туда, куда следует.

В свете всего вышеизложенного понятна резкая реакция Н. Ф. Федорова на заявление Николая Павловича о своем праве печатать его сочинения «по своему выбору» и без авторского согласия, и гневное отношение к увозу рукописи «Супраморализма». Н. Ф. Федоров не мог не бояться, что Петерсон предпримет все усилия к ее опубликованию.

«Супраморализма» Н. П. Петерсон не опубликовал (впрочем, представься ему реально такая возможность, он, по всей видимости, не преминул бы воспользоваться ею), однако весной 1903 г. поместил в трех номерах газеты «Асхабад» статью о рассказе А. М. Горького «Читатель», включив в нее фрагменты из федоровской «Записки...». В. А. Кожевников, которому Н. П. Петерсон послал оттиски статьи a posteriori, хваля ее содержание, замечал: «Но вы простите мое чистосердечие, если я замечу, что буквальному печатанию рукописей автора без его согласия я сочувствовать не мог бы» (В. А. Кожевников – Н. П. Петерсону, письмо от 25 апреля 1903 – Т. IV наст. изд., с. 627).

Интересно, что Петерсон, считавший учение о воскрешении принадлежащим всему человечеству, а потому полагавший, что оно может быть обнародовано любым приверженцем этого учения (в том числе и им самим), впоследствии, после смерти Н. Ф. Федорова, весьма волновался о том, кто именно и как именно будет готовить к печати и издавать его рукописи: см. письма к В. А. Кожевникову от 26 декабря 1903 (там же, с. 622), от 5 января 1904 (*Философия бессмертия и воскрешения*. Вып. 2, с. 245–246). Разумеется, эти волнения были вызваны не тщеславными соображениями: Петерсон боялся возможности искажения учения неумелым или недостаточно вникшим в его суть издателем. Но этим он, сам того не ведая, подтверждал правоту Н. Ф. Федорова по отношению к его собственному публикаторскому самоволию. Характерно, что в стремлении обезопасить оставшиеся после Николая Федоровича бумаги от всевозможных «наследников», Петерсон заявлял и о собственном праве на них: «...как ни незначительно было мое участие во всем написанном великим человеком, во всяком случае мое участие в нем было, и от целого нельзя отделить того, что принадлежит и мне» (Н. П. Петерсон – В. А. Кожевникову, письмо от 26 декабря 1903 – Т. IV наст. изд., с. 622).

В июле 1903 г. Н. Ф. Федоров соглашается содействовать Н. П. Петерсону, намеревавшемуся сделать краткое изложение учения о воскрешении для журнала «Новый путь», однако и к этому предприятию ученика относится двойственно, считая, что от него будет мало проку, и опять-таки опасаясь искажений как со стороны самого Петерсона, так и со стороны редакции журнала (см. письмо 276). А осенью, в ответ на вырвавшееся у Н. П. Петерсона в письме к В. А. Кожевникову заключение: «С своей стороны я решил ничего больше не печатать, потому что – видимое дело – не пришло еще время, чтобы учение о воскрешении было понято» (письмо от 1 октября 1903 – Т. IV наст. изд., с. 621), – с горечью добавляет: «оно однако [и] не придет, если будут так действовать, как Вы делали» (см. письмо 281). Эта фраза – еще одно доказательство того, что разлад учителя и ученика в последние годы во

многом был вызван самовольной и далеко не всегда удачной печатной деятельностью Н. П. Петерсона. Хотя можно предположить, что если бы исход выступлений Николая Павловича был иным, если бы они вызвали в обществе серьезное и доброжелательное внимание к учению о воскрешении, Н. Ф. Федоров реагировал бы на самодеятельность ученика по-другому.

[1] *Каракалла* (186–217) – римский император. В борьбе за верховную власть способствовал смерти отца, императора Септимия Севера. Брат и соправитель Каракаллы, Гета, был также убит по его наущению. Кроме того, император, ненавидевший своего тестя, префекта претория Плавтиана, и жену, добился гибели первого и изгнания последней. – *478.*

1903

275. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

15 апреля 1903. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 34, л. 59–59 об. (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 4, ед. хр. 6, л. 294). Ранее опубликовано: *Контекст 1988*, с. 347–348.

13 апреля 1903 г. В. А. Кожевников получил от Н. П. Петерсона письмо, а также рукопись «Супраморализма», увезенную Николаем Павловичем в Асхабад в сентябре 1902 г. (см. примеч. к письму 274 (преамбула)). В письме (текст его не сохранился) Н. П. Петерсон объяснял В. А. Кожевникову мотивы своего поступка. К письму были также приложены вырезки из газеты «Асхабад» со статьей Н. П. Петерсона о Горьком (см. ниже примеч. 3).

О письме, возвращенной рукописи и оттисках статьи В. А. Кожевников немедленно сообщил Н. Ф. Федорову. В тот же день, 13 апреля, или же на следующий день – 14 апреля – состоялась их встреча, на которой обсуждался поступок Н. П. Петерсона и В. А. Кожевников прочел Федорову присланную статью. Как следует из письма В. А. Кожевникова Н. П. Петерсону от 25 апреля 1903 г. (Т. IV наст. изд., с. 627), Н. Ф. Федоров в этот день в принципе одобрил написанное Н. П. Петерсоном, однако на следующий день, придя к В. А. Кожевникову, раскритиковал статью и заявил о бесполезности печатания отдельных статеек. Публикуемое письмо написано после этой второй встречи и является ее отголоском.

[1] В. А. Кожевников в копии письма дает пояснение: «Схему к статье “Супраморализм” и к “Пасхальным вопросам”» (ОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр. 6, л. 294). По всей видимости, речь идет о двенадцатичленной схеме «Пасхальных вопросов», выполненной в виде таблицы. Первоначальный вариант ее был составлен еще летом 1900 г. в Подольске (опубликован в Т. III наст. изд., с. 331–332). Текст 1902 г. утрачен. – *479.*

[2] К этим словам В. А. Кожевников в копии письма делает следующее примечание: «Это в ответ на мои непрекращающиеся просьбы о “прощении” Н<икола>я П<авлови>ча. Обращаем внимание на характерную мотивацию отказа – “обструкция делу Воскрешения” – вот грех “непрощаемый” вплоть до наступления всеобщего воскресения, немыслимого без всеобщего примирения... Как жаль, что слишком пылкий темперамент Н<икола>я Ф<едорови>ча в минуты гнева усматривал “обструкцию делу” там, где таилась полнейшая преданность ему! В смирении перенося сыпавшиеся на него обвинения, Н<иколай> П<авлович> в одном из писем ко мне дает следующее оригинальное толкование всему происшедшему [не дописано]» (ОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр. 6, л. 294). Поскольку примечание не окончено, а упомянутое В. А. Кожевниковым письмо Н. П. Петерсона не сохранилось, мы не знаем, какую именно версию своей размолвки с Н. Ф. Федоровым давал его ученик.

Впоследствии Николай Павлович неоднократно возвращался памятью и сердцем к этому событию. И если тон его несохранившегося письма к В. А. Кожевникову, написанного еще при жизни мыслителя, по всей видимости, был самооправдательным (ср. оценку Н. Ф. Федоровым доводов Петерсона в данном письме и письме 278), то после кончины друга и учителя оценка взаимоотношений с ним в последние годы становится иной: в ней преобладают покаянные, смиренные ноты. Так, 13 января 1904 г. Петерсон отказывается участвовать в обсуждении того, «как лучше поступить» с наследием мыслителя (на это обсуждение В. А. Кожевников, ставший душеприказчиком Федорова, приглашал близких к нему лиц), и аргументирует свой отказ следующим образом: «...мне не позволяют участвовать в этом обсуждении те чувства, которые питал ко мне Н<икола>й Ф<едорови>ч со времени отъезда моего 14 сентября 1902 года из Москвы» (*Философия бессмертия и воскрешения.* Вып. 2, с. 246). В письме от 4 апреля 1904 г. он дает ряд советов

В. А. Кожевникову, писавшему для «Русского архива» серию очерков о Федорове (впоследствии они составили I том его книги «Николай Федорович Федоров»), и внезапно обрывает себя: «Пишу все это и думаю, какое могут значение придавать словам моим, когда сам Н<икола>й Ф<едорови>ч относился ко мне так, как это было в последнее время; и знаете ли, он был совершенно прав, относясь ко мне так; в конце концов я выясню это надлежащим образом» (ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 24, л. 60–60 об.).

Та же интонация – и в письмах 1916 г.: «Очень рад буду прочитать упреки, которые делает мне Николай Федорович, в надежде, что они наведут меня на еще лучшее понимание. Чем больше живу, тем больше убеждаюсь, что во всем-то он был прав совершенно. И даже в его несправедливости некоторой, по крайней мере в отношении меня, было только преувеличение, и вызывалась эта несправедливость великою ревностью к общему благу» (Н. П. Петерсон – В. А. Кожевникову, начало ноября 1916 // ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 29, л. 27б).

Что именно имел в виду Н. Ф. Федоров под «обструкцией делу Воскрешения»? Возможно, тайный увоз Петерсоном рукописи «Супраморализма» или его фразу «Вы для меня умерли», или заявление о своем праве печатать сочинения Федорова без его на то согласия, в чем мыслитель видел угрозу профанации учения, а может быть и все это вместе. – *479.*

[3] Статья Н. П. Петерсона, появившаяся в №№ 78, 87–88 газеты «Асхабад» за 1903 г., была написана в форме отклика на рассказ А. М. Горького «Читатель», в котором писатель поднимал вопрос «о целях литературы». Подчеркнув смелость и беспощадность горьковской саморефлексии (писатель укорял себя за то, что не умеет находить «ничего, кроме печальных, крошечных истин, устанавливающих только, что человек зол, глуп и бесчестен»), приветствуя поставленный в рассказе вопрос об идеалах, проповедуемых художником, об ответственности перед «тысячами людей», читающих его произведения, Петерсон переходил к «вечному вопросу» о цели и смысле жизни, о том, «в чем наш долг, какому делу мы должны отдаться». Две трети статьи занимали обширные выписки из «Записки» (в основном из II ее части) и из других работ Федорова с комментариями Петерсона. – *479.*

[4] О каком именно поступке *С. О. Долгова* (см. примеч. 48 к разделу «Приложения» «Письма Н. Ф. Федорову разных лиц») пишет Н. Ф. Федоров, установить не удалось. – *479.*

276. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

1 июля 1903. Воскресенск

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 34, лл. 43–49 об., 51–51 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 279–285). Ранее опубликовано: «Вопросы философии», 1993, № 1, с. 165–167.

Письмо написано в Воскресенске, куда Н. Ф. Федоров приехал в конце апреля или начале мая 1903 г. (2 мая его паспорт был зарегистрирован в полицейском управлении города по дому Царькова // *В. С. Борисов. Адреса Н. Ф. Федорова*, с. 255). Между данным письмом от 1 июля и предыдущим, от 15 апреля, – промежуток в два с половиной месяца. Можно предположить, что в этот период Н. Ф. Федоров и В. А. Кожевников не виделись и не переписывались. Перерыву в общении способствовали объективные обстоятельства. Как следует из письма В. А. Кожевникова к Н. П. Петерсону от 25 апреля 1903, после 15 апреля он не видел Федорова, так как уезжал в Козлов и Тамбов. После возвращения из этой поездки В. А. Кожевников пробыл в Москве всего три дня и видел ли он тогда Федорова или нет, неизвестно. Затем он уехал в Харьков в имение своей жены, вернулся в Москву, по всей видимости, уже после отъезда Федорова в Воскресенск, а 10 мая с матерью и женой отправился на все лето на дачу в Крым (хотя, конечно, перед отъездом на юг В. А. Кожевников мог и заехать в Воскресенск навестить Н. Ф. Федорова).

Поводом к письму от 1 июля 1903 г. послужили следующие обстоятельства.

Весной 1903 г. Н. П. Петерсон, по совету В. А. Кожевникова (см. письмо последнего от 25 апреля 1903 – Т. IV наст. изд., с. 626–627), отправил в редакцию религиозно-философского журнала «Новый путь» оттиски своей статьи о А. М. Горьком в газете «Асхабад» (см. о ней примеч. 3 к письму 275). Редактор-издатель журнала П. П. Перцов ответил ему письмом, в котором сообщал о возможности частично поместить присланную статью, так как ряд ее положений сходен с направлением «Нового пути». В ответ Н. П. Петерсон загорелся мыслью напечатать в журнале целостное изложение федоровского учения. О своем намерении он сообщил В. А. Кожевникову, отправив ему письмо П. П. Перцова, и попросил советов и указаний. Копию этого письма В. А. Кожевников послал Федорову, передав ему просьбу Петерсона о содействии.

В архиве Н. П. Петерсона сохранился текст ответа Н. Ф. Федорова В. А. Кожевникову и черновые заметки, существенно дополняющие его содержание. В настоящем издании письмо и заметки соединены в один текст.

[1] Ни оригинал, ни копия письма Петра Петровича *Перцова* (1868–1947), публициста, литературного критика, редактора-издателя журнала «Новый путь», к Н. П. Петерсону не разысканы. Ниже Н. Ф. Федоров приводит цитаты из этого письма. – *480.*

[2] *«Новый путь»* – религиозно-философский журнал, выходивший в 1903–1904 гг. в Санкт-Петербурге. Активными его участниками были представители «нового религиозного сознания» Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, Д. В. Философов, Г. И. Чулков. Регулярно печатался в журнале и В. В. Розанов. Подробнее о платформе «Нового пути» см. примеч. 3 к письму 281. – *480.*

[3] В программной статье «Новый путь», определявшей идейные принципы работы журнала, П. П. Перцов подчеркивал, что первый из этих принципов – «безотносительная ценность личной оригинальности» («Новый путь», 1903, № 1, с. 6). – *480.*

[4] Публицист Иван Федорович *Романов* (печатался под псевдонимом *«Рцы»*). Сотрудничал в журналах «Мир искусства» и «Новый путь», в кругу которых был прозван «маленьким Розановым». – *480.*

[5] По всей видимости, Н. П. Петерсон под влиянием доводов Федорова (В. А. Кожевников должен был сообщить их ему в своем письме) отказался от мысли составить изложение учения о воскрешении для журнала «Новый путь». Из письма его В. А. Кожевникову от 1 октября 1903 г. следует, что он послал в «Новый путь» лишь «небольшую статейку», связанную с конкретным вопросом, и «Разоружение» (см.: Т. IV наст. изд., с. 621). Названием, предложенным Н. Ф. Федоровым для изложения учения о воскрешении, Н. П. Петерсон воспользовался уже после выхода в свет I–II тт. «Философии общего дела» – в период подготовки материалов к III тому, когда он, в частности, переписывал и письмо от 1 июля 1903 г. вместе с материалами к нему. Учеником мыслителя была предпринята работа над статьей «Старый Путь, или Пасхально-Кремлевские, т. е. Кладбищенские вопросы, или *Православие* и *Самодержавие* (верно понятые), как единственное спасение всего рода человеческого. (Попытка систематического изложения учения Н. Ф. Федорова, как оно дано в “Философии общего дела”» Т. I и II)» (текст ее см.: ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 6). При этом в качестве эпиграфа к статье публицист привел фрагмент письма Федорова Кожевникову от 1 июля 1903 г., прокомментировав его так: «Этот эпиграф взят нами из письма Н. Ф. Федорова, написанного по поводу намерения одного из последователей Н<иколая> Ф<едорови>ча сделать систематическое изложение его учения; намерение это было вызвано обращением редактора журнала “*Новый Путь*” – Перцова. В этом же письме Н<иколай> Ф<едорови>ч указал и самое заглавие, которое должно быть дано этому изложению» (там же, л. 1). Далее следовал пересказ указанного письма.

Осенью 1903 г. Н. Ф. Федоров работал над собственной статьей для «Нового пути» (см. о ней примеч. 3 к письму 281). – *480.*

[6] Адольф фон *Гарнак* (1851–1930) – немецкий протестантский теолог и историк, автор работ по истории гностицизма и монашества. Хорошо владел русским языком, следил за богословской литературой в России, знакомил с ней Запад, критиковал православие. См. также примеч. 40 к «Супраморализму» – Т. I наст. изд., с. 512. – *481.*

[7] Свое отношение к храму Христа Спасителя Н. Ф. Федоров выразил в заметке: «Храм псевдо-византийского стиля как памятник убиенных в войне 1812 года» (Т. III наст. изд., с. 481–482). – *481.*

[8] Ин 11:25. – *481.*

[9] В статье Н. П. Петерсона о Горьком был федоровский фрагмент, развивавший его учение о Троице как образце для всех сынов и дочерей человеческих. Опираясь в этом выводе на апостольские постановления (кн. 2, ст. 26), в которых дьякониса сравнивается со святым Духом, Федоров избирает их основной точкой своей мысли: «Если же Царство Божие есть подобие Божества, то и само Божество есть одухотворенные Сын и Дочь, безграничную любовь к Отцу питающие» (Т. I наст. изд., с. 95). Троица, таким образом, становится Высшим Идеалом совершенного родового коллектива. Но это уже не природный, а божественно-сублимированный коллектив, в нем нет слепого природного рождения, а есть творческое, духовное «рождение» и «исхождение», нет вытеснения и вражды, а взаимное питание беспредельной любовью, и нет, конечно, смерти, – что и должно стать «образцом для всех сынов и дочерей по отношению ко всем отцам». – *482.*

277. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

10 августа 1903. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 34, лл. 55–57 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 289–291). Ранее опубликовано: «Вопросы философии», 1993, № 1, с. 167–168; *Сочинения 1994*, с. 378–380.

1903 г. был годом канонизации преп. Серафима Саровского (см. примеч. 198 к «Статьям и заметкам разного содержания»). Торжества открытия мощей и прославления угодника Божия, состоявшиеся в Саровской пустыни 16–18 июля, собрали тысячи паломников. В них принимала участие и царская семья, глубоко чтившая преподобного.

Н. Ф. Федоров, находясь летом 1903 г. в Воскресенске, у стен Ново-Иерусалимского монастыря, с волнением следил за великим событием. Из всех освещавших его газет особое внимание уделяли серафимовским торжествам «Московские ведомости». В течение года они регулярно помещали материалы о преп. Серафиме. А в июле почти в каждом номере давали корреспонденции из Сарова и Дивеева и статьи, посвященные святому. 15(28) июля, накануне торжеств, в газете была напечатана статья «Новоявленный Саровский чудотворец», говорившая о преп. Серафиме как о продолжателе примера преп. Сергия Радонежского, 16(29) июля – статья «Серафим Саровский и Лев Толстой» (см. о ней ниже), 7(30) июля – корреспонденция о поездке царской семьи в Саров: «Государев поход в Саровскую Пустынь», – автор которой, вспоминая апрельский приезд императора на Пасху в Москву, восклицал: «И вот снова Царь-Батюшка разделяет со всею своей землей молитвенный подвиг и священную духовную радость в торжественные дни прославления новоявленного угодника Божия». 18 и 19 июля газета печатает большую статью «В. Д-ва» «Блаженный старец – утешитель русского народа». Автор статьи подчеркивал, что преп. Серафим особо почитается в русском народе, что он «стал дорог всякому сословию», с благоговением рисовал облик святого, любящего и сердечного, отзывчивого всякому горю. напоминал о его ласковом обращении к каждому приходящему: «Радость моя», «Христос воскресе». «Нет нам дороги унывать, – говорил блаженный старец, – потому что Христос все победил: Адама воскресил, Еву свободил и смерть умертвил». Приводил В. Д-въ и богословские идеи преп. Серафима, его высказывания о церкви, призывы к «радости о Духе Святе».

18–20 июля в газете была помещена публикация С. Нилуса «Дух Божий, явно почивший на отце Серафиме Саровском, в беседе его с Н. А. Мотовиловым», содержавшая знаменитую «Беседу о цели христианской жизни», которая была записана духовным чадом старца. «Молитва, пост, бдение и всякие другие дела христианские, сколько ни хороши они сами по себе, – говорил Мотовилову преп. Серафим, – однако не в делании только их состоит цель нашей христианской жизни, хотя они и служат необходимыми средствами для достижения ее. *Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании ДУХА СВЯТАГО БОЖЬЕГО*» («Угодник Божий Серафим». Т. I. 1993, с. 127). Поставляя целью христианского делания в мире стяжание Св. Духа, духовно-телесное обожение человека, преп. Серафим продолжал традицию исихазма, которая была близка Федорову.

Особой богословской глубиной отличалось данное преп. Серафимом Мотовилову толкование райского, догрехопадного состояния мира и человека как состояния совершенного и богоподобного: «Когда же вдунул Господь в лице Адамово дыхание жизни, тогда-то, по выражению Моисееву, и "Адам бысть в душу живу", то есть совершенно во всем Богу подобную и такую, как и Он, на веки веков бессмертную. Адам сотворен был до того не подлежащим действию ни одной из сотворенных Богом стихий, что его ни вода не топила, ни огонь не жег, ни земля не могла пожрать в пропастях своих, ни воздух не мог повредить каким бы то ни было своим действием. Все покорено было ему, как любимцу Божию, как царю и обладателю твари. [...] Вот по этому-то дару вышеестественной Божией благодати, ниспосланному ему от дыхания жизни, Адам мог видеть и разуметь и Господа, ходящего в раи, и постигать глаголы Его и беседу святых Ангелов и язык всех зверей и птиц и гадов, живущих на земле, и все то, что ныне от нас, как от падших и грешных, сокрыто и что для Адама до его падения было так ясно. [...] Если бы не согрешили, то Адам и Ева сами и все их потомство могли бы всегда, пользуясь вкушением от плода древа жизни, поддерживать в себе вечно животворящую силу благодати Божией и бессмертную, вечно юную полноту сил плоти, души и духа, и непрестанную нестареемость бесконечно бессмертного всеблаженного своего состояния, даже и воображению нашему в настоящее время неудобопонятного» (там же, с. 134–135). После падения праотцов человечество утратило способность быть совершенным вместилищем Духа Божия, потому-то и заключается смысл всей истории христианской, смысл жизни каждого чело-

века, приходящего в мир, «в стяжании Св. Духа Божия». О том, каковы плоды действия Св. Духа в человеке, вставшем на путь спасения, преп. Серафим не только словесно поведал Мотовилову, приведя примеры из Священной Истории, но и явил это зримо. Центральный момент «Беседы о цели христианской жизни» – описание сошествия Св. Духа на старца и, по молитве его, на Мотовилова. «Представьте себе, в середине солнца, в самой блистательной яркости его полуденных лучей, лицо человека, с вами разговаривающего. Вы видите движение уст его, меняющееся выражение его глаз, слышите его голос, чувствуете, что кто-то вас руками держит за плечи, но не только рук этих не видите, не видите ни самого себя, ни фигуры его, а только один свет ослепительный, простирающийся далеко, на несколько сажен кругом, и озаряющий ярким блеском своим и снежную пелену, покрывающую поляну, и снежную крупу, осыпающую сверху и меня, и великого старца» (там же, с. 140). Неизреченный свет, сходящий в душу и сердце, преображающий самый внешний облик человеческий, бесконечная радость, «теплота необыкновенная», при которой уже не чувствуется холода, хотя старец и ученик его беседуют в лесу и «зима на дворе» (природные стихии уже не властны над человеком, который «в Духе Божием»).

Все, что говорил преп. Серафим о догрехопадном состоянии человечества и о смысле последующей земной истории, устремленной сначала к Боговоплощению и искуплению, а затем к усвоению спасения, чтобы человек мог молитвенным и подвижническим трудом максимально приблизиться к той всесовершенной полноте обитания в нем Духа Божия, которая была в Эдеме у прародителей, не могло не вызвать сочувствия у Федорова. Ведь именно в «восстановлении мира в то благолепие нетления, каким он был до падения» полагал он задачу истории и чаял достижения того состояния, когда «весь род человеческий в совокупности всех воскрешенных и воссозданных поколений» будет воодушевляем «Духом Святым, уже не говорящим лишь, и притом чрез некоторых только людей, пророков, а действующим чрез всех сынов человеческих в их этической, или братской (супраморалистической) совокупности» (Т. I наст. изд., с. 401). Приходя «в разум истины», созидая из себя обитель Св. Духа, обоживаясь, человек и человечество становятся орудиями действия в мире Божией Благодати, соучаствуют в его преображении.

С 19 июля 1903 г. в газете начали появляться подробные описания Саровских торжеств. Печатались «Письма из Сарова» Е. Поселянина (20–25, 26, 28, 30, 31 июля 1903), приводились впечатления тех, кто побывал в Саровской пустыни в дни прославления преп. Серафима. Передовые статьи «Саровское торжество православия» (19 июля (1 августа)), «Значение минувшего торжества» (23 июля (5 августа)) подчеркивали важность совершившегося события для духовно-нравственного возрождения русского общества, для прекращения противостояния и борьбы партий, укрепления самодержавной власти, ведь «Россия со своим царем и церковью» собралась в Сарове «не для демонстрации»; она склонилась перед святым и праведным примером, перед «жизнью в Бозе». Россия всегда жила «идеалом святости», и этот неумирающий идеал с новой силой возгорелся в дни Саровских торжеств.

Н. Ф. Федоров регулярно знакомился с материалами о преп. Серафиме и его прославлении, появлявшимися в «Московских ведомостях». Многие из них должны были находить в нем заинтересованный и сочувственный отклик. Но порой рождалось желание углубить какие-то высказывания и оценки, дать свое представление о «значении преп. Серафима для нашего времени».

Так, 16(29) июля в газете появилась большая статья «С. Н. Р.» (псевдоним не расшифрован) «Серафим Саровский и Лев Толстой». В личности и учении преп. Серафима и в личности и учении Л. Н. Толстого, подчеркивал автор статьи, выражены «две грани Боговедения». Богоискательство преп. Серафима, осуществлявшееся на протяжении всей его жизни (благочестивое детство, юность, уход в монастырь, отшельничество, затворничество, молчальничество, наконец, старчество «с его высокой любовью к страждущему человечеству»), – великое, святое, «ангелоподобное» богоискательство. Оно дало преподобному «высшие плоды Боговедения, которые только возможны для ограниченного человеческого существа». И будучи «всецело предан Богу и горячо верен [...] тому, что Богом дано человечеству в Откровении», «на самом закате своей земной жизни он восторгался и упивался Воскресением Христовым, пел пасхальные песнопения, услаждался плодами Воскресения и как бы изживал и вычувствовал то, в чем одном только заключается вся радость и все утешение человечества. И уходя в горний мир, Преп. Серафим всею великою своею жизнью изобразил в ярких красках нам ту вечно-тревожную для пытливого ума нашего истину, что вся широта Богоискательства и необъемлемая область истинного

Боговедения и свободное выражение в них человеческого духа заключаются в приобретении человеком свободы навыка в Богопреданности всех человеческих сил: и разума, и сердца, и воли чрез откровенное Божественное учение, в единении человеческой мысли, чувства и хотения с Божескою мыслью и волею чрез неприкосновенность и незыблемость содержания откровения Божия, и чрез всецелое послушание ему».

Совсем иной путь Богопознания, по мнению автора статьи, прошел Л. Н. Толстой. Его богоискательство – «безверное, гордое, страшное», «озлобленное». Оно не было сопряжено с сердечным покаянием, усилием молитвенного подвига и любви к Богу и ближнему; и не только не опиралось на Божественное откровение, как богоискательство преп. Серафима, но, напротив, разрушало его, было «безверным умозрительным ищейством в Божественном откровении и озлобленным в нем реформаторством». И если преп. Серафим «всем своим существом реализировался в христианстве, – и христианство отразилось в нем и жизни его всем своим жизненосным величием, всем ослепительным блеском истинного Богопроникновения», то Толстой стремится выхолостить христианство; в нем – и отрицание личного Бога, и «тупая и озверелая бесчувственность Воскресения Христова». Толстовское учение, заключал «С. Н. Р.», безблагодатно.

Статья С. Н. Р. явно затронула Федорова, побуждая высказаться на тему «Л. Н. Толстой и преп. Серафим Саровский» самому, раскрыть то сокровенное ядро серафимовского Боговедения (идея воскресения и преображения всей твари), о котором автор выразился лишь вскользь. Данное письмо мыслителя В. А. Кожевникову – первый набросок к статье о «великом чтителе Воскресения».

Размышления о преп. Серафиме Саровском сопрягаются в письме Н. Ф. Федорова с размышлениями о Новом Иерусалиме отнюдь не случайно. Так же как не случайно встает в связи с образом этого святого тема России. Федоров неоднократно писал, что Древняя Русь крещена была «без предварительного оглашения или просвещения, т. е. крещение народа совершилось на том же основании, на каком крестят детей» (Т. III наст. изд., с. 48). Потому-то исторический путь страны и ее народа, помимо политического, культурного, социального строительства, – еще и путь к «совершеннолетней» вере, а деяния и проповедь русских святых – вехи на этом пути. Сначала Борис и Глеб, явившие пример братской любви, *родственности* в противоположность глубоко «неродственному» бытию «мира сего», стоящего на «взаимном стеснении и вытеснении», на bellum omnium contra omnes. Затем – преп. Сергий, «основатель духовного народного просвещения», выдвинувший перед русским народом задачу *умиротворения* – и не только взаимных усобиц. Умиротворение, по мысли Федорова, должно быть понято расширительно, как регуляция слепых, разрушительных сил, действующих в природе и в самом человеке, достижение такого состояния, когда Бог воистину будет «всё во всем» (1 Кор 15:28). Следующим этапом стала эпоха патр. Никона, создавшего Новый Иерусалим – зримый образ идеала, «нового неба и новой земли», о которых повествует 21-я глава «Откровения Иоанна Богослова». В противоположность раскольничьему граду Китежу, ушедшему на дно озера, оставив на откуп злу и пороку безблагодатную землю, никоновский Новый Иерусалим, «Китеж троеперстия», как называли его последователи Федорова А. Горский и Н. Сетницкий, воплотил наяву, в совершенных формах идею преображения мира, обожения его. И наконец – преп. Серафим, «великий чтитель Воскресения», в проповеди которого раскрылся, по мысли Федорова, новый этап Богопознания, усвоения Откровения. В лице Саровского подвижника Россия (и не она одна) проникает в средоточие христианской благой вести: борьба с «последним врагом», «возвращение жизни тем, от коих ее получил», которые и должны стать главной задачей богочеловеческого дела.

Над статьей «Народный святой», посвященной преп. Серафиму, Н. Ф. Федоров работал осенью 1903 г. Это была одна из последних работ мыслителя, глубоко чтившего Саровского подвижника. С именем преп. Серафима на устах он умирал (см. примеч. 156 к разделу «Приложения» «Письма Н. П. Петерсона В. А. Кожевникову»). И не случайно многие годы спустя философ и богослов В. Н. Ильин в своем философско-публицистическом цикле «Этюды о русской культуре» отдельный этюд посвятил теме «Н. Федоров и преп. Серафим Саровский». Он указал на духовное родство Саровского подвижника, который «сиянием лика своего и учением о стяжании Духа Святого звал к великому просветлению образа Божия в человеке», и творца «Философии общего дела», «призывавшего к действенному участию в Воскресении Христовом, к борьбе с последним врагом – смертью». Проповедь преп. Серафима и учение Н. Ф. Федорова, подчеркивал В. Н. Ильин, закладывают фундамент нового активно-христианского миропонимания, согласно которому «человек

есть, по замыслу Божиему о нем, существо активное, призванное к сотрудничеству, сотворчеству со своим Творцом и даже к преодолению своей тварности» (В. Н. Ильин. Эссе о русской культуре. СПб., 1997, с. 115, 96–97).

Статья Н. Ф. Федорова о преп. Серафиме Саровском не сохранилась. В архиве Н. П. Петерсона нет даже набросков к ней. 25–31 июля 1904 г. Н. П. Петерсон писал В. А. Кожевникову: «Мне помнится, Вы говорили, что у Белокурова есть полная статья о Серафиме, не можете ли доставить мне возможность прочитать эту статью» (ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 24, л. 66–66 об.). Спустя девять лет, после выхода в свет II тома «Философии общего дела», получив от В. А. Кожевникова ряд рукописей Федорова, предназначенных для III тома, и разбирая их, Н. П. Петерсон спрашивал: «Между прочим, мне хотелось бы знать, сохранилась ли у Вас статья о Новом Иерусалиме и почему она не была напечатана» (ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 28, л. 59).

[1] Федоров приводит факт, отмеченный в житии преп. Серафима. – *482.*

[2] Н. Ф. Федоров имеет в виду протестантское богословие и прежде всего ставшую известной в 1880-х годах школу А. Гарнака (см. примеч. 6 к письму 276), автора книги «Сущность христианства». – *483.*

[3] Николай II, в то время еще наследник престола, находясь в Японии, куда он прибыл во время своего путешествия 1890–1891 гг., получил удар саблей в голову от одного из японских фанатиков. – *483.*

[4] 12 апреля 1903 г., на Светлой седмице, Николай II с семьей, приехавшие на Пасху в Москву, посетили Воскресенский Новоиерусалимский монастырь.

В газете «Московские ведомости», подробно освещавшей пребывание августейшей четы в древней столице, в самый день поездки в Воскресенск (12(25) апреля 1903, № 99) появилась передовая статья «Новый Иерусалим», говорившая о красоте и монументальности воздвигнутого патр. Никоном монастыря, о величии замысла патриарха. А на следующий день (13(26) апреля 1903, № 100) был напечатан подробный отчет о посещении государем монастыря. Николай II осмотрел храм Воскресения и молился в нем, побывал во дворце, монастырской библиотеке, а также в музее обители. – *483.*

[5] Вероятно, речь идет о немецком экономисте Г. Шульце-Геверница (см. примеч. 103 к «Статьям философского содержания из III тома “Философии общего дела”» – Т. III наст. изд., с. 681). Его имя Н. Ф. Федоров упоминает в заметке «Пасхально-Кремлевские вопросы. Супраморализм, или Великий Синтез» (там же, с. 321). Письмо В. А. Кожевникова, в котором шла речь о Г. Шульце, не сохранилось. – *483.*

[6] Судя по письму 278, указанное письмо В. А. Кожевникова касалось размолвки Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона, которая имела место осенью 1902 г. и повела к окончательному разрыву учителя и ученика (подробнее см. примеч. к письму 274 (преамбула)). – *483.*

278. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

После 11 августа 1903. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 34, л. 33–33 об. (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 4, ед. хр. 6, л. 263).

Датируется по содержанию.

[1] Федоров имеет в виду свое письмо к В. А. Кожевникову от 10 августа 1903. – *484.*

[2] Ни первое, ни второе письмо В. А. Кожевникова к Н. Ф. Федорову, в которых Владимир Александрович выступал своего рода посредником между философом и его учеником, надеясь на их примирение, не сохранились. – *484.*

[3] О *Н. Н. Черногубове* и отношении к нему Н. Ф. Федорова см. примеч. к письму 280 (преамбула). *А. Ф. Филиппов* – см. примеч. к письму 283 (преамбула). – *484.*

[4] В подлиннике письма весь этот абзац зачеркнут. Тип зачеркивания абсолютно не характерен для Федорова. Н. Ф. Федоров всегда (и в заметках, и в письмах) зачеркивал свои тексты обычной косой или прямой линиями, так что зачеркнутый фрагмент легко может быть прочитан. В данном же случае текст зачеркнут круговыми линиями, густо, сплошную, так, что разобрать написанное практически невозможно. Таким же образом в тексте данного письма зачеркнуто выражение «о брани, которой осыпает меня Петерсон», а во фразе «письмо о Петерсоне получил» зачеркнуто «о Петерсоне».

Характер зачеркиваний позволяет атрибутировать их В. А. Кожевникову, который готовил данное письмо Н. Ф. Федорова для публикации в III томе «Философии общего де-

ла» (аналогичный тип зачеркиваний встречаем в письмах В. А. Кожевникова: см., например, письмо Н. Ф. Федорова и В. А. Кожевникова к Н. П. Петерсону, писанное рукой В. А. Кожевникова: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 42, л. 8 об.). В копии данного письма, выполненной В. А. Кожевниковым (к. 4, ед. хр. 6, л. 263), все зачеркнутые фразы опущены. Вместо последнего абзаца В. А. Кожевниковым вписано следующее: «Затем следовали 9 строчек, излагающие соображения, по каким Н<иколай> Ф<едорови>ч не находил возможным вверить судьбу рукописей Н. П. Петерсону. Сущность возражений сводилась к опасности искажения учения неверным или произвольным толкованием Николая Павловича. Результатом этого письма явилась передача рукописей мне» (там же).

Нами была предпринята попытка расшифровки зачеркнутого фрагмента. В результате получено два варианта расшифровки первой фразы, что связано с тем, что внутри текста практически не просматриваются знаки препинания, а между двумя фактически законченными фразами *В заключение ∞ говорить и писать* и *Нынешний адрес ∞ как можно подальше* стоит имя жены В. А. Кожевникова: «Анна Васильевна» (другое прочтение – «Анне Васильевне»). Первый вариант расшифровки воспроизведен в тексте письма. При такой расшифровке можно предположить, что после фразы *В заключение ∞ говорить и писать* была начата, но не дописана фраза «Анне Васильевне [свидетельствую мое глубочайшее почтение]». Второй вариант расшифровки таков: «В заключение прошу извинить меня, что в прошлом письме позволил снова говорить с Вами о том, о чем запретила Вам говорить и писать Анна Васильевна». В его пользу, в частности, свидетельствует то обстоятельство, что текст со слов «позволил снова говорить с Вами...» до слов «Анна Васильевна» *включительно* подчеркнут рукой Н. Ф. Федорова, т. е. акцентирован, выделен им, и, следовательно, эта фраза, в принципе, должна оканчиваться не словами «говорить и писать», а именем жены В. А. Кожевникова «Анна Васильевна».

При первом варианте расшифровки упомянутый Федоровым запрет, по всей видимости, относится к сюжету с Н. П. Петерсоном: Николай Федорович, возмущенный поступком ученика, тайно увезшего в Асхабад рукопись работы «Супраморализм», негативно реагировал на миротворческое посредничество В. А. Кожевникова. Вопрос о том, что имеется в виду при втором варианте расшифровки, не может быть решен без дополнительных данных и требует дальнейших разысканий.

Оба варианта расшифровки однозначно свидетельствуют: в зачеркнутом В. А. Кожевниковым фрагменте речь идет не о Н. П. Петерсоне, а о нем самом. Отсюда возникает вопрос: почему В. А. Кожевников позволил себе зачеркивания в федоровском автографе и почему в копии письма он совершенно иначе, нежели на самом деле, изложил содержание зачеркнутого фрагмента.

Работа над III томом «Философии общего дела» велась В. А. Кожевниковым и Н. П. Петерсоном в 1916 г. Между двумя учениками мыслителя уже ряд лет существовали разногласия в подходе к наследию Н. Ф. Федорова. Эти разногласия начали проявляться некоторое время спустя после выхода в свет первого тома «Философии общего дела» (1906) и книги В. А. Кожевникова о Н. Ф. Федорове (1908) и были связаны с деятельностью обоих учеников по распространению идей мыслителя.

В. А. Кожевников прилагал настойчивые усилия к тому, чтобы познакомить с идеями Федорова московских философов: С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского, М. А. Новоселова, Е. Н. Трубецкого и др. Надеялся на вхождение его учения в академическую, университетскую среду. И очень волновался: каковы будут отзывы? как будет воспринято учение «всеобщего дела» философами и богословами? Внимательно следил за реакцией образованных кругов, за откликами прессы, вел беседы с читавшими, интересуясь их мнениями и вопросами.

С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, П. А. Флоренский восприняли Федорова как крупную величину, нашли в его идеях много родственного. «На днях взял я (почти случайно) Н. Ф. Федорова, – писал П. А. Флоренский В. А. Кожевникову 15 марта 1915 г., – и Вашу книгу о нем (которые читал ранее невнимательно) и был поражен и устыжен, до какой степени основные идеи Федорова тождественны с тем, что я пишу и говорю на лекциях, особенно о Канте. Стыдно стало собственно то, что я не использовал Федорова ни в сочинении своем, ни в лекциях, а до столь многого доходил "своим умом"» («Вопросы философии», 1991, № 6, с. 97). «На собраниях религиозно-философского Общества в память Вл. Соловьева, – сообщал В. А. Кожевников Н. П. Петерсону 21 марта 1912 г., – нередко упоминают во время чтений и прений о Н<иколае> Ф<едорови>че, а только что вышедшая диссертация проф. Булгакова "Философия хозяйства" видимо (да и из беседы я это знаю) навеяна некото-

рыми мыслями Н<иколая> Ф<едорови>ча» (ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 43, л. 24 об.). Н. А. Бердяев в статье «Религия воскрешения» («Русская мысль», 1915, кн. 7) отметил ценность философских и богословских построений Федорова: представление о человеке как проводнике Божьей воли в творении; идея истории как «работы спасения»; условность апокалиптических пророчеств; Троица как идеал социального и – шире – природно-космического мироустроения (подробнее см.: С. Г. Семенова. Учение Н. Ф. Федорова в оценках религиозных философов и богословов // С. Г. Семенова. Тайны Царствия Небесного, с. 320–348).

В то же время у П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова после первого знакомства с учением всеобщего дела и его обсуждения возник ряд вопросов: о границах человеческого участия в осуществлении конечных обетований христианства, о соотношении сил человека и благодати в деле спасения, об отношении к смерти. Кроме того, непонимание, а подчас и неприятие вызывал самый способ изложения Федоровым своих идей. Мыслитель всегда стремился наметить хотя бы пунктирно первые, практические шаги к реализации проекта регуляции природы и воскрешения, для того чтобы его идеи не повисали в воздухе прекраснодушной, но неосуществимой утопией. Отсюда внимание к опытам вызывания дождя посредством взрывов в облаках, к современным ему научно-техническим достижениям и т. п. Но это вовсе не означало, что так и только так Федоров видел в дальней перспективе осуществление регуляции природы, которую он понимал как внесение в природу «воли и разума», все большее одухотворение духом материи, как ее обожение. Читавшие же Федорова зачастую принимали то, что было дано лишь в качестве примера, начатка дела, за догму и руководство к действию, а потому естественно коробились и упрекали мыслителя в позитивизме и рационализме, в стремлении осуществлять преображение мира техническими, машинными средствами (при том, что Федоров был как раз критиком технократии, выступал за переход от научно-технического прогресса к прогрессу органическому).

Упреки в антиномизме благой, христианской цели и «нехристианских» средств характерны для высказываний о Федорове Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова периода 1910-х годов. (Позднее, в 1930-е гг., в пору зрелого творчества, и тот, и другой отказались от этих упреков; «Федоров, – писал С. Н. Булгаков в работе “Душа социализма”, – понял “регуляцию природы” как общее дело человеческого рода, сынов человеческих, призванных стать сынами Божиими, как свершение судеб Божиих. Тем самым он пролагает путь и к положительному преодолению экономизма материалистического, своеобразно применяя к хозяйству основные догматы христианства» // Новый град. Париж, 1931, № 2, с. 58.) Подобная оценка Федорова влияла и на Кожевникова, отражалась на его собственном отношении к наследию мыслителя. В личных беседах Владимира Александровича с московскими философами, в его письмах П. А. Флоренскому (см.: «Вопросы философии», 1991, № 6) и Н. П. Петерсону (ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 42, 43) постоянно звучат (в значительной степени под влиянием С. Н. Булгакова, на которого он в этом отношении подчас прямо ссылается) опасения рационалистического и материалистического истолкования учения всеобщего дела. Кожевников говорит о необходимости противопоставить такому искажающему истолкованию истолкование правильное и православно-церковное, «не по букве», «а по духу» учения, и выдвинуть на первый план «выяснение возможности сочетания естественных, научных средств решения его задачи с благодатными путями и средствами» (ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 43, л. 46 об.)

В личных беседах и письмах В. А. Кожевников пытался давать ответы на возникавшие вокруг Федорова вопросы и недоумения, убеждать «в согласимости учения Н<иколая> Ф<едорови>ча с церковным учением о христианстве», «выдвигать и разрабатывать его религионизирующую сторону» (письмо к Н. П. Петерсону от 20 сентября 1909 // Вопросы философии, 1991, № 6, с. 141–142). Однако при всем этом далеко не всегда был готов взять на себя право и ответственность учительного слова. Он как-то тушевался перед авторитетом того же Флоренского – молодого, талантливого философа, богослова по образованию, к тому же облеченного саном. Так, по поводу однажды высказанного Флоренским замечания о возможности вульгаризации идей Федорова в кругу Ионы Брихничева и В. Свенцицкого и об опасности того, что будущее воскрешение будет проектировано «на почве естествознания, чуть ли не каким-либо химическим способом» (см.: В. А. Кожевников – Н. П. Петерсону, 14 июля 1913 // Там же, с. 139), В. А. Кожевников писал о. Павлу: «Во всяком случае я очень рад, что Ваше отношение к учению Н<иколая> Ф<едорови>ча Вы определенно и решительно формулировали. Правда, Вы ждете разъяснений и притом от

меня! Боюсь, я не возьмусь за трудную задачу давать их для печати, да и если бы взялся за это, я почти уверен, что то, что было бы предъявлено в качестве разъяснений, не уменьшило бы Вашего отрицательного отношения, а скорее подкрепило его». И в конце письма: «Я не касался Вашего главного предубеждения против "Старика" – его "вторжения в *святилище* Смерти"... Вот об этом хотелось бы когда-нибудь побеседовать с Вами лицом к лицу. Здесь столкновение с "Федоровианством" более коренное, чем всякое иное, и по этому пункту жажду пояснений с Вашей стороны» (там же, с. 113–115).

Некоторая зависимость в собственном мнении о Федорове от мнения религиозно-философских и богословских кругов в 1909–1916 гг. у В. А. Кожевникова безусловно присутствовала. Не прибавляло ему оптимизма и то, что ряд лиц – М. А. Новоселов, Ф. Д. Самарин – на учение Федорова реагировали настороженно. И эта сдержанность, нередко переходившая в прямое неприятие, болезненно действовала на В. А. Кожевникова.

О реакции московских философов и богословов, об их возражениях и вопросах В. А. Кожевников регулярно сообщал Н. П. Петерсону. В ответных письмах Кожевникову Николай Павлович излагал свои аргументы в защиту учения «всеобщего дела»; кроме того, выступал по этому поводу в печати, но В. А. Кожевникова ни его письма, ни статьи не удовлетворяли, хотя многие из них касались именно религиозной стороны учения всеобщего дела и содержали ряд сильных аргументов в его пользу (см., напр., серию статей Н. П. Петерсона в «Туркестанских епархиальных ведомостях»: 15 мая, 15 июня 1907; 1 мая 1909; 15 апреля, 1 и 15 сентября 1910; брошюру «О религиозном характере учения Н. Ф. Федорова». М., 1915 и др.). Во многом здесь крылась причина психологическая. Петерсон не был по образованию ни философом, ни богословом; в обеих областях он являлся автодидактом, как, кстати, и сам Кожевников (последнее обстоятельство отчасти и обусловило тот факт, что Кожевников не вступил в печатную полемику по поводу Федорова ни с Н. А. Бердяевым, ни с Е. Н. Трубецким, ни с С. А. Голованенко, автором серии статей об учении Федорова в «Богословском вестнике», ограничившись на этот счет личными беседами и разъяснениями, в то время как Н. П. Петерсон отвечал всем троим). Со своей стороны В. А. Кожевников с радостью признал бы любой философский и богословский авторитет, который поддержал бы учение о воскрешении, и действительно мечтал о такой поддержке. Авторитет же Н. П. Петерсона для него фактически равнялся нулю (он невольно смотрел на последнего глазами московских философов и богословов, для которых дилетант из провинции вряд ли мог быть серьезным полемистом).

К тому же, выступая в качестве защитника учения о воскрешении, Петерсон не всегда бывал точен в трактовке некоторых важнейших его сторон, иногда допускал достаточно произвольные суждения, причем в очень существенных и тонких вещах. Особенно отчетливо это проявилось на втором этапе его полемики с Е. Н. Трубецким по поводу идейных взаимоотношений Соловьева и Федорова. Е. Н. Трубецкой обвинил Н. Ф. Федорова в том, что тот якобы проповедовал воскрешение без преображения и не понимал, что для истинной победы над смертью необходимо коренное изменение законов вещества, что, добавлял философ, возможно только Богу. Однако вместо того, чтобы указать на очевидные аберрации в филиппике своего оппонента и показать на примерах конкретных федоровских текстов, насколько важным для Федорова был именно момент преображения и духовно-телесного состава человека, и мира в целом (одно без другого немыслимо, не раз подчеркивал он), Петерсон пустился в произвольные фантазии. По его утверждению, Федоров якобы полагал, что умершие воскресают в прежних телах, но затем, с помощью своих потомков, достигших полноты обожения, преображают свою плоть в «тело духовное»: «И разве при всеобщем воскресении все восстанут в телах прославленных, а не в тех, в которых умерли? В таком случае, что же это будет за воскресение, не будет ли это новое творение? [...] По мысли Федорова, согласной с мыслью пророка Иезекииля и, надо думать, со вселенско-христианской, мертвые воскреснут в тех именно телах, в которых умерли; но – по мысли Федорова, – они будут воскрешены теми, которые уже достигли бессмертия, т. е. такого состояния, при котором не будет беспрерывной траты и обновления, не будет нужды питаться другими организмами, умерщвляя низшую тварь [...], не будет и деторождения, т. е. умершие будут воскрешены теми, которые успели и сумели преобразовать свою плоть из тела душевного в тело духовное... Не вернее ли будет допустить, что воскрешенные достигнут своего *преображения* с помощью своих воскресителей легко и скоро, хотя бы воскрешенные и были Нерон, Аттила или же какой-либо каннибал» (письмо Н. П. Петерсона Е. Н. Трубецкому, 21 июля 1913 // ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 18). Такая интерпретация, разумеется, не могла удовлетворить Е. Н. Трубецкого и

лишь обострила его предубеждение против идей Федорова (ответное письмо Е. Н. Трубецкого – ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 63). А между тем ничего подобного тому, о чем рассуждал в письме Трубецкому Петерсон, в текстах философа «всеобщего дела» нет. И будь Николай Федорович жив, скорее всего, он возмутился бы столь произвольной трактовкой воскресительного процесса, да еще приписанной ему самому, как возмутился в свое время выражением «блаженная жизнь», пущенным в оборот Н. П. Петерсоном на страницах «Асхабада» и вызвавшим столько издевательств у Pensoso (см. преамбулу к разделу «Асхабадская полемика»).

В. А. Кожевникова беспокоила публичная активность Петерсона. Николай Павлович, убежденный апологет учения всеобщего дела, стремился распространять его везде, где только возможно, и в этом своем стремлении, по мнению Кожевникова, был чересчур прямолинеен. «Наивность его доходила, напр<имер>, до того, что он писал Столыпину о необходимости положить в основу преобразования строя России идеи Н<иколая> Ф<едорови>ча; писал о том же Щегловитому; хотел писать Саблеру; пробовал обращаться и к самому Государю; а недавно послал в том же смысле воззвание к одному члену Государственной Думы, к тому же кадету. Такое рвение и такая любовь к Учителю сами по себе, конечно, трогательны, особенно если знать, от какого доброго, хорошего человека и настоящего праведника эти чувства исходят. Но “делу” эти порывы не пользуют ни мало, а скорее вредят» (В. А. Кожевников – П. А. Флоренскому, 7 февраля 1914 // Вопросы философии, 1991, № 6, с. 119).

Выступления Петерсона подчас были слишком резки; в ряде случаев он чересчур обострял ситуацию спора. По убеждению Кожевникова, это также вредило делу, о чем он неоднократно писал самому Петерсону: «Вы форсируете положение, побуждаете противников все резче отклоняться, что они и делают. [...] Почти до слез обидно, как посмотришь на результаты: обострять, вооружать, когда и без того большинство так глухо! Как я радовался тому, что Ваша статья была помещена в “Вопросах” и что ответ Трубецкого вышел сдержанный и, в общем, благожелательный по отношению к Н<иколаю> Ф<едорови>чу! (Н. П. Петерсон. Заметка по поводу статьи кн. Е. Трубецкого “Жизненная задача Соловьева и всемирный кризис жизнепонимания” // Вопросы философии и психологии, 1913, кн. 3, с. 405–411; здесь же – ответ Е. Н. Трубецкого. – *Сост.*). Это было хорошее начало для проникновения в философский лагерь. А теперь дело испорчено» (письмо от 10 августа 1913 // ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 43, л. 44 об.).

На излишнюю горячность и резкость Петерсона-полемиста В. А. Кожевников неоднократно сетовал и в письмах к Флоренскому. Он не только не защищал своего друга и соратника по изданию сочинений Федорова, но, напротив, высказывал собственные упреки в его адрес, тем самым фактически зачеркивая авторитет Петерсона в глазах того же Флоренского или Булгакова. Свою позицию при этом он всегда аргументировал негативным отношением Федорова к Петерсону в последние два года жизни, а также тем, что не Петерсону, а именно ему, В. А. Кожевникову, мыслитель завещал свои бумаги. Федоров, писал он Флоренскому 7 сентября 1913 г., «словесно и в письмах ко мне [...] многократно высказывал, что “ничего так не боится, как того, что „передовые“ и неверующие „пожалуют“ его в атеисты, от каковой чести он наотрез отказывается”. И вот, чтобы предупредить эту опасность “искажения его” (“самого грубого”, как он выражался), он и вверил рукописи мне, смотря на них всегда как на незаконченное и несовершенное, и высказывая, что он боится не только атеистического усердия таких лиц, которые выведут и его в атеисты, но и апологетического усердия Петерсона, которого именно за его опрометчивую решительность в защите считал опасным» («Вопросы философии», 1991, № 6, с. 114).

Во взаимоотношениях В. А. Кожевникова с Н. П. Петерсоном факт передачи Федоровым рукописей в полное распоряжение Владимира Александровича также играл решающую роль. Именно опираясь на собственный авторитет, как душеприказчика Федорова, В. А. Кожевников корректировал действия Петерсона, давал ему советы, подчас резко критиковал; кроме того – редактировал ряд его статей о Федорове, предназначавшихся для печати. Н. П. Петерсон, особенно в первые годы после смерти Федорова, когда шла работа над I томом «Философии общего дела», а затем были предприняты первые шаги по его распространению, в принципе принимал водительство Кожевникова. Он глубоко переживал свое финальное отлучение, тем более, что оно невольно ставило под сомнение его суждения о Федорове и вообще право выступать в защиту учения «всеобщего дела» от своего имени. В 1904 г., когда встал вопрос о том, как лучше поступить с оставшимися после Н. Ф. Федорова рукописями, Н. П. Петерсон, как мы выше уже говорили, отказался

участвовать в этом обсуждении, мотивируя свой отказ теми чувствами, которые питал к нему Федоров последние два года жизни и «с которыми, к великому моему огорчению, он сошел и в могилу» (письмо от 8 февраля 1904 // ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 24, л. 56 об.). 8 ноября 1904 г., благодаря В. А. Кожевникова за то, что тот упомянул его в одной из глав своей книги о Федорове, печатавшейся тогда в «Русском архиве», тут же с горечью пояснил: «...но испытав удовольствие, я тотчас же припомнил, что он обвинял меня в том, что я всегда старался выдвинуться вперед, и это воспоминание причинило и причиняет мне такое огорчение, которое превышает испытанное удовольствие, а потому я покорнейше прошу не выставлять моего имени на заголовке произведений Н<иколая> Ф<едорови>ча, не обозначать, что они издаются под моею редакциею и, вообще, не ставить моего имени рядом с его именем, потому, между прочим, что это не может не шокировать таких близких Н<ико>лаю Ф<едорови>чу людей, как Белокуров, хорошо знавших то враждебное против меня настроение Н<ико>лая Ф<едорови>ча, в котором он находился в последний год своей жизни, да и раньше» (там же, л. 78).

Однако с течением времени, особенно после того, как в отношении к идеям Федорова самого Кожевникова, отчасти под влиянием консервативно настроенных членов новоселовского кружка, начали происходить перемены, Петерсон постепенно переставал безропотно подчиняться мнениям и советам Владимира Александровича. Так, в письме к В. А. Кожевникову от 20 августа 1913, сообщая ему содержание заметки «Супраморализм, т. е. само христианство», в которой в качестве «двух врагов» этого учения назывались Черногубов и Петерсон, Николай Павлович замечал: «Должен признаться, что это письмо (так Петерсон назвал указанную заметку. – *Сост.*) ставит меня в крайне тяжелое, затруднительное положение. Если бы Вы были вполне согласны с учением, так понимаемым, как понимал его Н<иколай> Ф<едорови>ч, то я по прочтении этого письма ни одного шага не сделал бы без Вашего одобрения; но Вы сами говорите, что Вы не разделяете мнений Н<иколая> Ф<едорови>ча и притом в самом существенном» (ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 28, л. 62).

Со своей стороны, Петерсон все чаще обвинял Кожевникова в отступлении от учения всеобщего дела, в шаткости убеждений, чуть ли не в предательстве; призывал возвысить свой голос в защиту Федорова не только в кулуарах, но и на страницах печати. Причем главным аргументом в пользу нравственной обязанности Кожевникова отдать все силы распространению идей Федорова выставлял именно факт передачи ему рукописей.

В период подготовки к печати III тома «Философии общего дела» противоречия между учениками мыслителя и споры по поводу истолкования его идей отнюдь не затихали (см. преамбулу к комментарию – Т. III наст. изд., с. 567). «Что касается неортодоксальности взглядов Н<иколая> Ф<едорови>ча, обнаруженных Вами в его переписке, то интересно бы знать, в чем эта неортодоксальность выразилась», – спрашивал Н. П. Петерсон В. А. Кожевникова осенью 1916 г. (ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 29, л. 27 а). В письмах начала февраля 1917 г. – новая волна объяснений: Николай Павлович искренне пытается убедить того, кому Федоров на смертном одре завещал свои рукописи, в правоте учения всеобщего дела. «Простите, что пишу все это, по-видимому, судя по Вашему настроению, ничто уже не поворотит Вас к Н<иколаю> Ф<едорови>чу, но позволяю себе писать Вам все это, потому что главным образом в Ваших руках великое дело, от надлежащего завершения которого зависит, не скажу всеобщее спасение, – всеобщее спасение обеспечено принесенною за нас жертвою Господа нашего, – но ускорение всеобщего спасения; вот это-то и дает мне смелость утруждать Вас моими рассуждениями, – кто знает, быть может, что-нибудь и заставит Вас пересмотреть Ваше душевное настроение. [...] Но ваше несогласие с Н<иколаем> Ф<едорови>чем для меня очень и очень больно» (там же, лл. 53–54 об.).

Собирая материал для III тома, куда должны были, среди всего прочего, войти личные заметки и письма мыслителя, В. А. Кожевников не мог не думать о том, каким предстанет перед читателями облик его учеников. Ведь в текстах Федорова, особенно в черновых, неотосланных письмах, попадались довольно нелестные высказывания в адрес и Петерсона, и самого Кожевникова. Конечно, и тот, и другой знали, что многие из этих высказываний были сделаны сгоряча и обычно даже не доходили до их адресатов, тем более что Федоров, несколько остыв и опомнившись, обыкновенно сменял гнев на милость. Но будучи напечатаны в книге, они производили бы на читателей, не знавших характера Федорова, уже совсем другое впечатление, бросали бы тень на репутацию обоих учеников и издателей (вопрос о том, допустимо ли печатать некоторые особенно резкие высказывания Н. Ф. Федорова о лицах из его окружения, в том числе и об учениках-издателях,

В. А. Кожевников поднимал в письме к Н. П. Петерсону от 23 августа 1910 г. – цитату см. в наст. томе на с. 226).

В случае с Н. П. Петерсоном подобное положение вещей еще можно было бы вынести. И к слову сказать, Николай Павлович достойно нес свой крест отлученного. «Очень рад буду прочитать упреки, которые делает мне Николай Федорович, в надежде, что они наведут меня на еще лучшее понимание», – писал он Кожевникову (ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 29, л. 27 б.). И даже, переписывая письма Федорова, адресованные ему самому, убирал из них обращения типа «Глубокоуважаемый и дорогой друг Николай Павлович», вообще все, что демонстрировало теплые, дружеские отношения к нему мыслителя на протяжении многих лет, вплоть до финальной размолвки.

Что же касается самого В. А. Кожевникова, тут дело обстояло иначе. Репутация его как душеприказчика мыслителя должна была оставаться идеальной и незапятнанной. Для Владимира Александровича это было чрезвычайно важно. Отсюда многочисленные «оправдательные» примечания под теми письмами Федорова, в которых содержались негативные реплики в его собственный адрес. Отсюда и зачеркивание абзаца одного из последних (если не последнего) писем к нему Федорова. Ведь в этом абзаце – отчетливый след некоторой двойственности Федорова по отношению к В. А. Кожевникову и каких-то до конца не изжитых трений между ними: не случайно мыслитель в какой-то момент пожелал быть от будущего душеприказчика «как можно подальше» и поселился в Замоскворечье, на Пятницкой улице, откуда до Калошина переулка на Арбате, где обитал Владимир Александрович, было неблизко (кстати, в октябре 1903 г. Федоров вновь переселяется «ближе к Кожевникову» – в Пресненскую часть, где проживал и ранее, в 1901–1902 гг., а в конце месяца переезжает в Мещанскую часть – см.: *В. С. Борисов. Адреса Н. Ф. Федорова,* с. 255). Конечно, комментируемое письмо черновое, адресату не отправленное. И тем не менее самый факт его существования – вкупе с рядом других, пусть и черновых, писем и заметок Федорова, относящихся к предыдущему, 1902 году (в них Владимиру Александровичу было брошено немало упреков: и в нерешительности, и в непонимании, и даже в неверии в «учение о воскрешении»), уже отчасти портил облик духовного наследника мыслителя, в определенном смысле даже ставил под сомнение его право на единоличное распоряжение бумагами Федорова и на каноническое их толкование. В свете указанных писем Кожевников практически низводился на один уровень с Петерсоном и другими лицами из окружения Федорова, без всякого былого преимущества. В 1910-е годы сознавать это для Владимира Александровича было тем нестерпимее, что ученики мыслителя Н. П. Петерсон и С. М. Северов ставили ему в вину промедление с изданием II и III томов «Философии общего дела» (подготовка к печати всего корпуса сочинений мыслителя растянулась почти на двенадцать лет во многом из-за того, что В. А. Кожевников постоянно был занят иными темами и делами). И если бы публично обнаружилось, что в последние годы своей жизни Н. Ф. Федоров досадовал не только на Н. П. Петерсона, но и на В. А. Кожевникова, оправдаться перед другими его учениками Владимиру Александровичу было бы трудно.

При анализе комментария В. А. Кожевникова к зачеркнутому им фрагменту федоровского письма следует обратить внимание и на другое. Владимир Александрович специально подчеркивает, что письмо, в котором якобы были выражены опасения Федорова по поводу возможности искажения его учения «неверным или произвольным толкованием» Петерсона, явилось непосредственным толчком к передаче всех рукописей мыслителя Кожевникову («Результатом этого письма явилась передача рукописей мне»). Однако это утверждение нуждается в коррекции. Ни в августе 1903 г., ни осенью Н. Ф. Федоров свои рукописи В. А. Кожевникову не передавал (это было сделано только во время смертельной болезни). Соответственно и данное письмо, написанное под влиянием эмоции, к тому же – повторим – черновое, адресату по миновании сей эмоции не посланное, объективно никак не могло повлиять на решение о передаче рукописей. Оно вообще не несло на себе той смысловой нагрузки, которую стремился придать ему в 1910-е годы В. А. Кожевников.

Следует, в таком случае, задаться вопросом: почему В. А. Кожевников попытался придать подготавливаемому им к публикации письму характер своего рода завещания? Понятно, что это было каким-то образом связано со сложной ситуацией, в которой оказался Владимир Александрович как душеприказчик Федорова в последние годы жизни: проволочки с изданием, повлекшие за собой в конечном итоге невыход в свет III тома, упреки Петерсона, необходимость постоянно удерживать Николая Павловича от резких выступлений, способных, по убеждению Кожевникова, повредить учению «всеобщего дела» во мнении патентованных философов, «совопросников века сего»... Но данное уразу-

мение не снимает нового вопроса: зачем было нужно Кожевникову утверждать свое завещательное право прямой инсинуацией, которая вряд ли далась ему легко?

Чтобы приблизиться к ответу, вспомним другой комментарий Владимира Александровича – на заметку «Вопрос о смягчении я поднимать не буду», которая также касалась вопроса о судьбе бумаг Федорова (см. Т. IV наст. изд., с. 164, а также в наст. томе примеч. 191 на с. 213–214). Эта заметка готовилась им для III тома одновременно с письмом Федорова – по всей видимости, в 1916 г. В комментарии к заметке имеется важная фраза: «...лишь в *последние минуты* жизни <...> Н<иколай> Ф<едорови>ч письмом завещал рукописи в мое распоряжение с определенным воспрещением вверять их в распоряжение кого-либо другого» (ОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр. 6, л. 278).

Итак, упомянуто «письмо», которым, со слов Кожевникова, были переданы рукописи «в последние минуты жизни»... Но коли такое письме существовало, спрашивается, почему В. А. Кожевников в обоснование своего права на распоряжение бумагами Федорова (которое, к слову сказать, никто, в том числе и Петерсон, не оспаривал), не дал среди подготовляемых им для III тома писем этого важнейшего документа? Ведь таким путем он гораздо лучше мог бы обосновать состоявшуюся передачу рукописей, нежели зачеркиванием фрагмента чернового письма и его, мягко говоря, произвольным толкованием. И почему письмо-завещание не всплыло на свет позднее, не оказалось, в частности, у Петерсона, который перевез к себе неопубликованные тексты Федорова из архива Кожевникова после смерти последнего. И наконец, последний и главный вопрос – уже из разряда «А был ли мальчик?»: существовало ли вообще *письмо*, которым Н. Ф. Федоров завещал свое творческое наследие ближайшему другу?

Сам по себе факт завещания Федоровым своих рукописей Кожевникову разумеется, бесспорен. Владимир Александрович был самым идейно и духовно близким мыслителю человеком после отлученного Петерсона, и ему Федоров мог доверить судьбу своего учения, не опасаясь возможного искажения и профанации. Владимир Александрович долгие годы помогал мыслителю в работе над сочинениями, неоднократно выступал в печати с его идеями и проектами; не говоря уже о том, что он был глубоко верующим и православным (в отличие от «ницшеанца» Черногубова), – а для Федорова, никогда не отрывавшегося от православия, отождествляемого им с активным христианством, это было немаловажно.

Но была ли передача рукописей оформлена на бумаге? Как известно, Н. Ф. Федоров скончался от круппозного воспаления легких. В больницу мыслитель попал уже в тяжелом состоянии, болезнь стремительно прогрессировала, последний день, по свидетельству Г. П. Георгиевского (см. в наст. изд. с. 505), он находился без сознания... Известно, со слов того же Кожевникова, что в больнице Федоров много говорил с приходящими к нему друзьями о своем учении, хотя слова давались ему с трудом, что «агония была тяжкая и длительная» (см. в наст. томе на с. 501 фрагмент письма В. А. Кожевникова А. К. Горскому с описанием кончины мыслителя). Мог ли он тогда собственноручно писать? Очень и очень сомнительно. А если не мог писать сам, то, на наш взгляд, вряд ли захотел бы здесь, у порога вечности, погружаться в мир «юридико-экономических отношений» с его писцами, нотариусами и прочими служителями небратского порядка вещей. Кстати, в упомянутом письме к А. К. Горскому В. А. Кожевников фактически опроверг свое утверждение, сделанное в комментарии к заметке «Вопрос о смягчении я поднимать не буду...», о том, что рукописи были переданы письмом в «последние минуты жизни»: «Никаких так называемых “распоряжений”, рукописи были переданы мне ранее, иного ничего не было» (полную цитату см. в примеч. 156 к разделу «Приложения» «Письма Н. П. Петерсона В. А. Кожевникову»). Какому же из двух этих утверждений верить?

Вполне достаточно было простого слова Федорова ученику – или перед отправкой в больницу, или уже в больнице, когда стало ясно, что смерть возьмет свое, чтобы все точки над «і» были поставлены и все лица, как из близкого, так и из дальнего круга, за исключением, пожалуй, лишь Черногубова, позднее нейтрализованного сообща, признали последнюю волю мыслителя единственной и неоспоримой. Недаром Г. П. Георгиевский в завершение своей поминальной статьи к 40-му дню кончины Федорова высказал пожелание, «чтоб его творения увидели свет непременно и исключительно из-под руки В. А. Кожевникова, которому покойный и завещал их и который долго стоял ближе всех к Николаю Федоровичу и к его учению. Он один только в состоянии соорудить достойный нерукотворный памятник Николаю Федоровичу» (см. в наст. томе, с. 36).

Но, повторим, если в конце 1903–1904 гг., да и в последующие несколько лет, авторитет Кожевникова как душеприказчика, издателя и толкователя Федорова был бесспорен, то в 1910-е гг. он существенно ослабел, свидетельства чему мы приводили выше. И, вероятно, в какой-то момент, быть может даже в предчувствии собственной скорой кончины (работа над подготовкой писем велась В. А. Кожевниковым осенью 1916 года, когда ему уже был известен неумолимый диагноз – «рак»), он ощутил необходимость подпереть давно уже развеянные временем-ветром слова, произнесенные его старым другом и учителем на пороге ухода, чем-то более материальным: зримым, читаемым, осязаемым – и родились на свет эти девять строк под густо зачеркнутым фрагментом чернового письма. – *484.*

279. В. А. КОЖЕВНИКОВУ

После 11 августа 1903. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 34, л. 41 (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 4, ед. хр. 6, л. 277).

Существуют два варианта датировки этого письма: серединой апреля 1903 г. и временем после 11 августа 1903. С одной стороны, данное письмо может быть поставлено в связь с письмом Н. Ф. Федорова к В. А. Кожевникову от 15 апреля 1903 и письмом В. А. Кожевникова к Н. П. Петерсону от 25 апреля 1903 (обсуждение вопроса об увозе рукописи «Супраморализма», возмущение тем, что Петерсон «не выслал копии»). С другой стороны, по своему содержанию оно связано с письмом 278 («беспримерная ненависть ко мне», «клевета в 30-дневных оскорблениях» в данном письме, «брань, которой осыпает меня Петерсон» в письме 278) и могло быть реакцией на два несохранившихся письма В. А. Кожевникова к Н. Ф. Федорову, написанных по поводу его размолвки с Н. П. Петерсоном. Предпочтительней вторая датировка.

[1] Скорей всего, речь идет о несохранившемся письме Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову, в котором объяснялись обстоятельства его размолвки с Н. Ф. Федоровым (ср. в предыдущем письме к Кожевникову: «Получив Ваше первое письмо о брани, которой осыпает меня Петерсон...»). Текст письма Н. П. Петерсона не сохранился. – *484.*

[2] Во время пребывания Н. П. Петерсона в Москве в августе–сентябре 1902 г. – *484.*

280. Н. Н. ЧЕРНОГУБОВУ

22 августа 1903. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 328 (Н. Н. Черногубов), к. 6, ед. хр. 7.

Текст письма написан на открытке. На лицевой ее стороне – адрес:

«*Москва*, Пятницкая улица,
на двор Церкви Св. Климента, в Церковном доме,
квартира № 14.
Его Высокородию
Николаю Николаевичу
Черногубову».

Николай Николаевич *Черногубов* (1873–1941) – литературовед, исследователь жизни и творчества А. А. Фета. Позднее – сотрудник Третьяковской галереи.

Н. Н. Черногубов был знаком с Н. Ф. Федоровым по библиотеке Московского Публичного и Румянцевского музеев. Он был в числе тех лиц окружения Н. Ф. Федорова, которые, как Ю. П. Бартенев, И. М. Ивакин, знали его не только как «идеального библиотекаря», но и как «московского Сократа», как мыслителя. «Первый раз в мире случилось, что человек заговорил серьезным языком о самом серьезном деле», – так впоследствии характеризовал Черногубов Федорова и его учение (цит. по: А. Остромиров (А. К. Горский). Николай Федорович Федоров. 1828–1903–1928. Биография, Харбин, 1928, с. 17).

Н. Н. Черногубов оставил небольшие воспоминания о Федорове. Они ярко отражают его восприятие личности и идей мыслителя, поэтому приведем их полностью:

«Кому только не приходилось бывать в каталожной комнате Румянцевского музея, и всякий, вероятно, помнит доброго гения каталожной Николая Федоровича Федорова, его согбенную старческую фигуру в непременно поношенном пальто, его серебряные локоны и черные юношеские глаза.

Пришли вы за какою-нибудь часто специальнейшей справкой – и вас сразу удивляют познания Николая Федоровича, умиляют его участие к вашему делу, его рьяные поиски, огорчение при их неудаче... Он спрашивает, советует, зовет к себе в каталожную, где за-

ниматься удобнее... Каталожная всегда полна самым разнообразным народом, и какое изящное со всеми равенство! какая неутомимая деятельность! Николай Федорович никогда не сидит. Он то роется в каталожном отделе, привычным таким движением вынимая тяжелые ящики, то мелким проворным шагом несет целую груду книг, одновременно беседует и редко-редко – опять же стоя, – читает... Это знали и видели все. Но лишь совсем немногим выпадало счастие такой близости, чтобы хотя приблизительно оценить колоссальный ум и великое сердце Николая Федоровича, его гениальные замыслы и высокую цельную жизнь.

Николая Федоровича всю его долгую жизнь занимал вопрос действительно единой важности, вопрос о жизни и смерти, об отношении разумного существа к слепой силе природы. Если наше рождение есть ускорение смерти наших родителей, то в чем состоит наш долг? Имеем ли мы право, не зная всех условий жизни, признавать смерть безусловною? Признавая себя разумными существами в противоположность слепой силе природы, в каком отношении должны мы находиться к ней? Т. е. мы ей должны подчиняться, или она должна быть управляема разумными существами? И Николай Федорович предполагал, что долг сынов – воскрешение отцов, что смерть не безусловна, что всеобщий труд познания обратит слепую смертоносную силу в управляемую разумом и живоносную. К этому-то труду и призывал он сынов человеческих; он желал объяснить и всех обратить на пользу великому делу и к упорствующим был беспощаден: для его учения свобода личного понимания и истолкования есть свобода на ложь, так же как свобода совести – свобода на рознь.

Учение свое излагал он не отвлеченно, а всегда по поводу какого-нибудь факта, иногда – с обычной точки – совершенно ничтожного. Речь его была необузданно страстной, глаза горели, голос срывался, на присутствующего противника сыпались сарказмы, брань, угрожающие жесты; трясущимися от волнения руками искал он в карманах своего пальто смятые искомканные бумажки, исписанные неровным дрожащим почерком, часто без связи между предложениями, без необходимых частей самих предложений. Соединять эти отрывки предоставлялось друзьям – задача весьма нелегкая: Николай Федорович требовал строжайшей точности выражения, а выработанное после больших трудов редакции дополнял рядом новых мыслей, так что небольшая заметка разрасталась иногда в целое сочинение. Лучшей бывала обыкновенно вторая редакция. В последние годы раскрылось стремление к краткой отточенной формулировке, что иногда великолепно удавалось, но в общем – обедняло, иссушало мысль. Печатался сравнительно немного, всегда без подписи, почти исключительно в газетах, и преимущественно провинциальных, где и хоронились эти статьи, незамеченные, непонятые.

Всю свою жизнь Николай Федорович прожил одиноко, по бедным комнатам, питался – буквально – куском хлеба, спал 3–4 часа на голых досках. Работал по ночам при грошовой лампаде, гасшей от духоты...

И дожил до 75 лет в полном обладании духовных и телесных сил. Скончался воспалением легких в Марьинской для бедных больнице – 15-го декабря 1903 г. Погребен на кладбище Скорбященского Монастыря» (ОР РГБ, ф. 328 (Н. Н. Черногубов), к. 3, ед. хр. 8).

В 1902 г. Н. Н. Черногубов выступил с инициативой издания тома сочинений Федорова в издательстве «Скорпион», исполняя в этом деле посреднические функции (переговоры с издательством, перепечатка рукописей), однако издание не было осуществлено. Судя по заметке «Вопрос о поэме брошен...» и данному письму, он пытался пристроить в печать и отдельные статьи мыслителя.

Однако, несмотря на неоднократные предложения Н. Н. Черногубова содействовать опубликованию сочинений Н. Ф. Федорова и готовность оказывать всяческую помощь в работе, отношение к нему мыслителя было настороженным. В заметках 1902 г., касающихся плана издания тома, появляются нелестные для Черногубова высказывания, типа: «Но не лучше ли утонуть, чем принять лукавое предложение?», «о втором (Н. Н. Черногубове. – *Сост.*) я знаю только как о человеке очень хитром и лукавом, который, вероятно, обманывает и меня, и г. Полякова» (Т. IV наст. изд., с. 163, 165).

Возможно, не в последнюю очередь подозрительное отношение к Черногубову было связано с тем, что он был литературоведом-профессионалом; коллекционировал рукописи (по воспоминаниям Б. А. Садовского, общавшегося с Н. Н. Черногубовым в 1910-х гг., столы и шкафы в его квартире на Мало-Царицынской ул. были набиты рукописями и бумагами А. А. Фета // Российский архив. Вып. 1. М., 1994, с. 168), жил литературным трудом, в том числе и публикациями. Н. Ф. Федоров подозревал, что интерес Черногубова к

его наследию не был бескорыстным. Мыслитель, не признававший литературной собственности, а тем паче собственности на учение, «понятное всем, родное для каждого», в последние годы жизни был особенно озабочен тем, в чьи руки попадут его рукописи после смерти (ср. в письме 278 угрозу истребить все бумаги, относящиеся к учению всеобщего дела, «из одного уже опасения, чтобы они не попали в лапы Н. Н. Черногубова» (Т. IV наст. изд., с. 484)). Он попросту боялся торговли ими. Боялся и того, что его сочинения будут изданы на коммерческой основе, без грифа «не для продажи», и станут источником извлечения прибыли (тем более, что и прижизненное издание сочинений мыслителя Черногубов предполагал выпустить по высокой цене (см. примеч. 191 к «Статьям и заметкам разного содержания»)). С другой стороны, Федоров не хотел допустить неверного истолкования учения. И здесь также, справедливо или нет, но видел угрозу со стороны Черногубова. Отголоски этих опасений – в заметке «Супраморализм, т. е. само христианство...», где Федоров высказывает предположение, что Черногубов будет стремиться сделать учение всеобщего дела «орудием современного атеизма» (Т. III наст. изд., с. 315), в письме 278, где мыслитель называет его «нитчеанцем» (ср. характеристику Б. А. Садовского: «При обширном уме Черногубов был очень беден и, конечно, страдал от этого. Фетом, вещами и картинами пытался он заполнить роковую пустоту. В душе ничему не верил и ничего не любил» // Российский архив. Вып. 1, с. 168–169). Даже тогда, когда Черногубов обнаруживал достаточно адекватное понимание федоровских идей, мыслитель считал нужным уточнять его мнения: ср. объяснения по поводу выражения «кафолизм», предложенного Н. Н. Черногубовым для учения всеобщего дела, в заметках «Православие в его отличии от эгоизма и альтруизма» (Т. II наст. изд., с. 45) и «Супраморализм, т. е. само христианство...».

Настороженное отношение Н. Ф. Федорова к Черногубову и его беспокойство по поводу дальнейшей судьбы рукописей в последний год жизни мыслителя разделял В. А. Кожевников. В марте 1904 г., чтобы предупредить намерение Н. Н. Черногубова напечатать по копии письмо Ф. М. Достоевского к Н. П. Петерсону от 24 марта 1878 г., он ускорил публикацию этого письма в журнале «Русский архив» (см. примеч. 108 к разделу «Приложения» «Вокруг Федорова»).

Свои опасения в отношении Н. Н. Черногубова Владимир Александрович передал и Н. П. Петерсону. В первых письмах друг к другу, написанных после смерти мыслителя, в конце 1903 – начале 1904 гг., ученики обсуждают вопрос о его наследии и возможных претензиях на бумаги со стороны Черногубова. В числе других наиболее близких к мыслителю и знакомых с его учением лиц, Черногубов принимал участие в собрании, состоявшемся 13 января 1904 г., по всей видимости, на квартире В. А. Кожевникова, где обсуждался вопрос, как поступить с оставшимися после Федорова рукописями. Комментируя рассказ В. А. Кожевникова об этом собрании, Н. П. Петерсон в ответном письме сетовал на то, что Владимир Александрович не прочел «пред собранием 13-го января» его статей[1] в которых говорилось о Федорове. «Если бы Вы прочитали их собравшимся, может быть, Черногубов и удержался бы от своих нечестивых о Н<ико>лае Ф<едорови>че мнений» (ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 24, л. 55 об.). Позднее, в 1913 г., найдя среди бумаг Н. Ф. Федорова заметку «Супраморализм, т. е. само христианство...», Н. П. Петерсон благодарил В. А. Кожевникова за то, что тот в свое время предостерег его «от сношений с Черногубовым» (20 августа 1913 // ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 28, л. 62).

[1] Расшифровка аббревиатуры приблизительна. О каких именно бумагах (по всей видимости, статьях) Н. Ф. Федорова идет речь, установить не удалось. – *485.*

281. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

Октябрь 1903. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, л. 100 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, л. 22).

Набросок письма к Н. П. Петерсону. Поводом к нему послужило письмо Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 1 октября 1903 (Т. IV наст. изд., с. 620–621).

[1] Цитата из письма Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 1 октября 1903. – *485.*

[2] Федоров, по всей видимости, имеет в виду «асхабадскую полемику» и обращение Н. П. Петерсона в редакцию религиозно-философского журнала «Новый путь» (см. письмо 276, письмо Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 1 октября 1903 г. и примеч. к ним).

Подробнее о недовольстве Н. Ф. Федорова в последние годы жизни деятельностью Н. П. Петерсона, направленной на распространение учения «всеобщего дела», см. примеч. к письму 274 (преамбула). – *485.*

[3] Федоров имеет в виду основной тезис программной статьи П. П. Перцова в первом номере «Нового пути» за 1903 г., в которой была сформулирована платформа сторонников «нового религиозного сознания». Появление этого течения П. П. Перцов представлял закономерным итогом идейного и духовного развития русской интеллигенции XIX в., своего рода синтезисом, примиряющим в себе мировоззренческие антиномии прошлых десятилетий. «Мы стоим на почве нового религиозного миропонимания. Мы поняли, что осмеянный отцами "мистицизм" есть единственный путь к твердому и светлому пониманию мира, жизни, себя. Мы поняли, что ни самодовлеющий индивидуализм, ни наивный альтруизм не могут выдержать своей исключительности и своей противоположности. "Как я могу отдаться самому себе, когда этим отнимаю себя у моих ближних?" – "Как я могу отдаться моим ближним, когда этим отнимаю себя у себя самого?" – разрешение этой антиномии возможно только в религиозном понимании мира, в подчинении себя и других – единому Отцу.

Как бы ни были различны выражения, оттенки, формы нашей религиозности – в одном мы сходимся: личная правда 40-х годов, как и общественная – 60-х – для нас есть уже две равноправные правды – *соподчиненные* иной, *третьей* правде. Правда о человеке и правда о людях сливаются в правде о Боге» («Новый путь», 1903, № 1, с. 6).

Прочерчивая генеалогию нового течения, П. П. Перцов назвал среди его предшественников Ф. М. Достоевского и В. С. Соловьева, присовокупив к ним несколько ниже еще и Н. В. Гоголя: «Гоголь, Достоевский, Вл. Соловьев – вот наша родословная. Постепенное раскрытие и уяснение новой религиозной мысли в последовательности этих трех имен – вот основание наших надежд, залог нашего будущего» (там же, с. 6).

Со статьей П. П. Перцова Н. Ф. Федоров, по всей видимости, ознакомился после того, как узнал от В. А. Кожевникова о сношениях Н. П. Петерсона с редакцией «Нового пути» (см. примеч. к письму 276 (преамбула)). Выраженное в ней признание недостаточности как эгоистической, так и альтруистической морали, идея «третьего пути», примиряющего и разрешающего казалось бы неразрешимые антиномии светом высшего религиозного идеала, не могли не быть близки мыслителю. С другой стороны, содержание этого спасительного «третьего пути» фактически не было определено. И эта туманность в формулировке цели явно не удовлетворила Федорова.

Осенью 1903 г. он начал писать собственную статью для «Нового пути», комментировавшую положения программной статьи П. П. Перцова и дававшую четкие формулировки той религиозной, воскресительной цели, в осуществлении которой он и полагал путь преодоления антиномии эгоизма и альтруизма.

Сведения об этой статье Федорова находим в письме В. А. Кожевникова к философу А. К. Горскому (см. примеч. 156 к разделу «Приложения» «Письма Н. П. Петерсона В. А. Кожевникову»); встречаются они и в переписке В. А. Кожевникова с Н. П. Петерсоном. Как следует из указанных источников, В. А. Кожевников отвез статью в Петербург и оставил у С. М. Северова для передачи в редакцию «Нового пути». Была ли статья передана в редакцию, неизвестно, однако на страницах журнала она не появилась. В письмах В. А. Кожевникову от 13, 30 января, 8 февраля 1904 г. Н. П. Петерсон трижды спрашивал «об участи последней статьи великого усопшего» и просил прислать с нее копию (ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 24, лл. 55 об., 57 об.; *Философия бессмертия и воскрешения.* Вып. 2, с. 247). Получив текст статьи, в письме от 25–31 июля 1904 г. писал по ее поводу следующее: «Перечитывая последнюю статью Николая Федоровича – "Антиномия нравственная" и проч., предназначавшуюся Новому Пути, я натолкнулся на такие вопросы, которые не могу разрешить, не прочитав в подлиннике то предисловие, в котором редакция Нового Пути выразила антиномию индивидуализма (эгоизма) и альтруизма. Указав на воскрешение как на единственно возможное разрешение этой антиномии и на невозможность разрешить ее путем мистическим, в статье говорится, что "*не представляет разрешения антиномии и тот кажущийся положительным вывод из нее*, который дает „Новый Путь", т. е. „*подчинение себя и других Единому Отцу*". Это не ответ, – говорится в статье, – а опять вопрос, ибо как понимать это подчинение? Понимать ли его *по-католически*... или же *по-протестантски*?..."

Но прежде всего мне хотелось бы знать, выражено ли в руководящей статье "Нового Пути", в чем заключается требование Единого Отца, которому должно подчинить себя и других»

(ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 24, л. 65–65 об.). И далее Н. П. Петерсон просил В. А. Кожевникова «прислать [...] необходимые выписки из той статьи, которая вызвала статью Н<ико>лая Ф<едорови>ча», или же просто ответить «на поставленный мною выше вопрос, а именно, что, по мнению “Нового Пути”, – требует от нас Единый Отец» (там же, л. 66).

Итак, летом 1904 г. статья находилась у Н. П. Петерсона, однако далее следы ее теряются. В 1918 г., уже после смерти В. А. Кожевникова, Н. П. Петерсон, сообщая сыну М. Н. Петерсону о письме С. М. Северова, замечает: «Северов спрашивает, между прочим, попадет ли в третий том статья Н<иколая> Ф<едорови>ча, которая была когда-то прислана ему, Северову, для передачи Перцову для Нового пути, в которой Николай II приравнивается к Алеше Карамазову. Но я не видал этой статьи и прошу Северова помочь найти ее» (24–26 января 1918 // ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 29, л. 6).

До настоящего времени статья Н. Ф. Федорова, предназначенная для «Нового пути», не разыскана. Однако некоторые заметки Н. Ф. Федорова из II т. «Философии общего дела» тематически с ней связаны: «Православие в его отличии от эгоизма и альтруизма», «Ни эгоизм, ни альтруизм, а родство!», «Что такое “интеллигенты”, т. е. ходящие новым или нынешним путем?» (Т. II наст. изд., с. 45, 198–199, 203–204); «Схема-чертеж, изображающий антиномию эгоизма и альтруизма, или двух смертей, и разрешение антиномии в долге воскрешения, или полнота родства и жизни, т. е. любви» (Т. III наст. изд., с. 347–351). – *485.*

ПИСЬМА, НЕ ПОДДАЮЩИЕСЯ ТОЧНОЙ ДАТИРОВКЕ

282. Н. П. ПЕТЕРСОНУ ИЛИ В. А. КОЖЕВНИКОВУ

1897–1903

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, л. 94–94 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, лл. 67–68). Копия данного письма озаглавлена «Письмо к Петерсону», однако, скорее всего, оно адресовано В. А. Кожевникову. В письме идет речь о воспитательном значении церковного богослужебного круга. Известно, что Владимир Александрович интересовался вопросом о происхождении «церковного распределения чтений» и спрашивал об этом Федорова (см. письма 212, 213).

[1] Раскрытию этого смысла Н. Ф. Федоров посвятил большую статью «Религиозно-этический календарь» (черновики к ней см. в Т. III наст. изд., с. 427–445). – *486.*

[2] К этим словам в копии письма Н. П. Петерсон делает следующее примечание: «Тут нечто недоговоренное, не вполне выраженное. Н<иколай> Ф<едорови>ч был против особого превознесения, переоценки мученичества; он говорил, что желать мученичества значит желать, чтобы были мучители, чтобы были такие, которых не только нельзя любить, но нужно осуждать, корить и т. п. И здесь, очевидно, выражена та же мысль. Не нужно ни мучеников, ни мучителей, ни нуждающихся в получении, а этим устранилась бы и необходимость давания» (ОР РГБ, ф. 657, к. 3, ед. хр. 3, л. 67). – *486.*

283. А. Ф. ФИЛИППОВУ

Вторая половина 1890-х–1903

Черновое

Алексей Фролович *Филиппов* – журналист, редактор. В 1900 г. возобновил издание журнала «Русское обозрение» (1901, вып.1, 1903, вып. 1–3). В 1910-х гг. был редактором «Нового журнала для всех» и одним из ведущих сотрудников еженедельника «Дым отечества».

С Н. Ф. Федоровым А. Ф. Филиппов был хорошо знаком по библиотеке Московского Публичного и Румянцевского музеев. Библиотеку он начал посещать, еще учась в Московском университете на юридическом факультете. В «Книге собственноручной записи лиц, желающих заниматься в читальном зале» за 1892-1893 гг. он записался 6 октября 1892 г.: «№ 891. Алексей Фролович Филиппов. Студент Московского университета. Поварская, Хлебный пер., д. Лукина» (Архив РГБ, оп. 17, д. 16, л. 45 об.). В «Книге...» за 1893–1894 гг. новая запись, сделанная 27 августа 1893: «Алексей Фролович Филиппов. Студент Московского университета, юрист. Арбат, д. Каз[неразб.], кв. № 7» (Архив РГБ, оп. 17, д. 17, л. 13 об.).

А. Ф. Филиппов чтил и уважал Н. Ф. Федорова, однако его идеи, по всей видимости, знал весьма неглубоко. Сохранилось письмо А. Ф. Филиппова к Н. Ф. Федорову от

27 июля 1897, в котором он называет мыслителя «добрым, иногда вспыльчивым, но всегда отзывчивым» (см. Т. IV наст. изд., с. 643). Возможно, в одну из своих «вспышек» Н. Ф. Федоров и набросал данную записку, оставшуюся, как и другие письма подобного рода, не посланной адресату.

Упоминания о Н. Ф. Федорове встречаются в письмах А. Ф. Филиппова через 10 и более лет после смерти мыслителя. Так, 28 июня 1913 г. он пишет Н. Н. Черногубову: «Добавьте, когда будете отвечать, [...] есть ли у Вас здоровье и хорошее настроение духа и желание вновь встретиться со мной, всегда Вас любившим. Жива ли Ваша матушка, моя – умерла. Я, уже старый и, вероятно, тоже близкий к смерти, чувствую себя сиротой и каким-то маленьким. Вот что значат матери. Но Вы свою еще берегли, а я... Не хочется вспоминать... [...]

Нельзя ли поручить какому-либо магазину выслать мне материалы о Николае Федоровиче на "Дым Отечества", наложив платеж на посылку» (ОР РГБ, ф. 328, к. 6, ед. хр. 13, л. 16 об.). В письме Г. П. Георгиевскому от 29 декабря 1930 г., напоминая ему о себе, поясняет: «30 лет – довольно порядочная цифра, – с тех пор, как мы иногда видались, во времена Ник<олая> Фед<оровича> Федорова и Антона Иеронимовича Калишевского, а в чит<альном> зале Я. Г. Кваскова.

Но Вы, может быть, удержали меня в памяти, потому что я часто бывал в каталожной у Федорова» (ОР РГБ, ф. 217, к. 15, ед. хр. 17).

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

63. В. С. СОЛОВЬЕВУ (с. 244)

Конец октября – начало ноября 1891. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 70 (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 3, ед. хр. 4, л. 327). Ранее опубликовано: *Сочинения 1982*, с. 651.

Вариант ответа на несохранившееся письмо В. С. Соловьева от конца октября – начала ноября 1891 (см. примеч. к письму 63 (преамбула)).

[1] См. примеч. 1 к письму 63. – *487.*

92. В. А. КОЖЕВНИКОВУ (с. 281)

Между 18 и 20 августа 1894. Москва

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, л. 20–21 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 173–174). Первая редакция письма от 20 августа 1894.

[1] См. примеч. 1 к письму 92. – *487.*

[2] Федоров имеет в виду ту часть статьи «В защиту дела и знания...», в которой речь шла о его собственных проектах празднования 500-летия со дня кончины преп. Сергия Радонежского и 50-летия смерти В. Н. Каразина (см. Т. II наст. изд., с. 363–366). – *488.*

[3] См. там же, с. 342–346. – *488.*

[4] Речь идет о статье Ю. П. Бартенева «В. Н. Каразин и господство над природою» (см. примеч. 17 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве»). – *488.*

[5] Речь идет о записке В. Н. Каразина «О приложении электричества к потребностям человека», составленной в 1818 г. (см. о ней подробнее в статье «Каразин как метеороург, а не метеоролог» – Т. II наст. изд., с. 261–262). – *488.*

[6] Федоров отсылает к тексту, который предполагалось поместить «на втором заглавном листе» брошюры «В защиту дела и знания...» (см. письмо 88). – *488.*

[7] Статья «Поездка в Эвиан (Из путевых воспоминаний)», принадлежавшая перу писательницы Екатерины Степановны Некрасовой («Е. Н.») (см. о ней примеч. 4 к разделу «Дополнения» «Материалы Н. Ф. Федорова», описывала поездку автора в один из швейцарских городков на берегу Женевского озера, в дни, когда отмечалось 100-летие взятия Бастилии. Подробно излагалась программа торжеств, которые длились целых три дня – с 13 по 15 июля: музыка, пушечная пальба, состязание на мачте, иллюминация, шествие с факелами и фонарями, большой банкет в казино. Автор делилась впечатлениями от «маленького провинциального савойского городка», столь усердно и весело празднующего «свой национальный праздник». – *488.*

104. А. А. КИРЕЕВУ (с. 291)

Не ранее 1 марта 1895.

Черновое

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 34, лл. 82–85 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, лл. 87–90).

Об обстоятельствах написания данного письма см. примеч. к другой редакции (преамбула).

[1] Федоров имеет в виду эпизод летописного сказания о крещении Руси: в 986 г. к кн. Владимиру явились послы-миссионеры: болгары-магометане, хазарские евреи, «немцы» от папы и грек-«философ», и всех их Владимир спрашивал: «Какая ваша заповедь?» – *489.*

[2] смысл существования (*франц.*). – *489.*

[3] Текст воззвания «О доставлении сведений, касающихся обыденных церквей и жизни преп. Сергия Радонежского» см. в Т. III наст. изд., с. 51–52. – *489.*

[4] Об этом эпизоде сам Н. Ф. Федоров сообщает в статье «Добрый почин» – см.: там же, с. 58–59. – *489.*

[5] Призыв к доставлению сведений «*о помочах и толоках»* изложен в неопубликованной статье Н. Ф. Федорова «О братских помочах и толоках...». Эту статью, а также упоминаемую здесь статью «*Обыденные церкви на Руси»* см.: там же, с. 54–58, 59–62. О предстоявшем тогда X Археологическом съезде в Риге и запросах, направленных на него по инициативе Н. Ф. Федорова, см. примеч. 52 к «Супраморализму» – Т. I наст. изд., с. 513. – *489.*

[6] См. примеч. 1 к письму 60. – *489.*

[7] Мф 16:18. – *490.*

125. Н. П. ПЕТЕРСОНУ (с. 314)

Декабрь 1896. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 70 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 229–230).

[1] См. примеч. 1 к письму 125. – *490.*

[2] См. примеч. 2 к письму 125. – *490.*

[3] См. примеч. 3 к письму 125. – *490.*

[4] Речь идет о статье Л. Н. Толстого «Приближение конца» (1896) – см. примеч. 96 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве». – *490.*

[5] Речь идет о «Письме в редакцию “Русского слова”» (см.: Т. III наст. изд., с. 242–246). – *491.*

[6] Имеется в виду статья Н. Ф. Федорова «Долг авторов по отношению к публичным библиотекам» («Русские ведомости», 5 сентября 1896, № 244). – *491.*

[7] Цитата из статьи Н. Ф. Федорова «Письмо в редакцию “Русского слова”» (Т. III наст. изд., с. 245). – *491.*

[8] «Письмо в редакцию “Русского слова”» не было напечатано. – *491.*

128. В. А. КОЖЕВНИКОВУ (с. 317)

19 августа 1897. Москва

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, лл. 65–66 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 129–130). Вариант письма от 19 августа 1897.

См. примеч. 1–8 к письму 128.

[1] Речь идет о Г. П. Георгиевском (см. примеч. 2 к письму 71). – *491.*

[2] Речь идет о В. С. Соловьеве. – *491.*

138. Н. П. ПЕТЕРСОНУ (с. 329)

22 марта 1898. Москва

1-я редакция письма от 24 марта 1898.

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, лл. 55–56 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 87–99).

См. преамбулу и примеч. 1–4 к письму 138.

152. В. А. КОЖЕВНИКОВУ (с. 343)

25 июля 1898. Воронеж

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, лл. 42–43 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 103–104).

См. примеч. к письму 152 (преамбула).

[1] Отсылка к стихотворению А. С. Пушкина «Пророк» (1826). – *494.*

180. В. А. КОЖЕВНИКОВУ (с. 376)

20 марта 1899. Сергиев Посад

1-я редакция письма от 21 марта 1899.

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, лл. 90–91 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 154–155).

См. примеч. 1–7, 10 к письму 180.

215. В. А. КОЖЕВНИКОВУ (с. 414)

3 февраля 1900. Ашхабад

1-я редакция письма от 4 февраля 1900.

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, лл. 59–60 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 20–211).

См. примеч. 1–11 к письму 215.

[1] Далее зачеркнуто: «Читайте его не соборно, а келейно». – *495.*

[2] Намерение В. А. Кожевникова приехать в Асхабад весной 1900 г. не осуществилось. – *496.*

233. В. А. КОЖЕВНИКОВУ (с. 432)

Между 30 июля и 3 августа 1900. Подольск

1-я редакция письма от 3 августа 1900.

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, лл. 92–93 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 237–238).

См. примеч. 2–4, 6–8 к письму 233.

[1] Младший сын Л. Н. Толстого Ваня скончался в 1895 г. в возрасте семи лет. – *497.*

245. В. А. КОЖЕВНИКОВУ (с. 443)

7 июля 1901. Подольск

1-я редакция

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 34, лл. 18–19 об. (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 4, ед. хр. 6, лл. 252–253).

См. примеч. 1–4, 6–8 к письму 245.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В «Приложении» к Т. IV наст. изд. помещен целый ряд материалов лиц из окружения Н. Ф. Федорова. Часть из них дополняет соответствующие разделы основного текста: так, материалы к истории знакомства Ф. М. Достоевского с идеями Н. Ф. Федорова поясняют статьи и заметки Н. Ф. Федорова о Достоевском, фрагменты «Воспоминаний» И. М. Ивакина дают много ценных сведений к истории идейно-творческих контактов Н. Ф. Федорова и Л. Н. Толстого. Статьи Н. П. Петерсона и В. А. Кожевникова, напечатанные в газете «Асхабад» в рамках полемики вокруг учения Н. Ф. Федорова, обогащают наше представление об этой полемике. Письма Н. П. Петерсона и В. А. Кожевникова к Н. Ф. Федорову и соответственно переписка учеников мыслителя поясняют многие сюжеты писем Федорова. Кроме того, в «Приложение» вошли сохранившиеся в архиве мыслителя письма лиц из его окружения.

Включая в Т. IV наст. изд. столь обширное «Приложение», составители следовали замыслу В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона, которые планировали поместить в третьем – и последнем – томе «Философии общего дела» ряд материалов других лиц.

Так, два письма Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову (от 21 февраля 1897 и 26 октября 1898), несколько писем Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову (от 10 и 11 декабря 1898, от 9 октября 1899), а также одно письмо В. А. Кожевникова к Н. Ф. Федорову (от 28 июля 1900) должны были быть напечатаны либо рядом с соответствующими письмами Н. Ф. Федорова (от 10 декабря 1899, от 3 августа 1900 и т. д.), либо в отдельном разделе, вместе с письмами к Федорову Ю. П. Бартенева, Д. П. и М. С. Лебедевых, Г. А. Джаншиева, И. М. Ивакина и др. (все они были переписаны Н. П. Петерсоном). Кроме того, В. А. Кожевников намеревался опубликовать в третьем томе «Философии общего дела» свои воспоминания о Федорове, которые отчасти стали бы комментарием к некоторым сюжетам писем мыслителя (кстати, и в примечаниях к ряду писем Федорова В. А. Кожевников делает отсылки к «Воспоминаниям»).

Все материалы, подготовленные Н. П. Петерсоном и В. А. Кожевниковым для III тома «Философии общего дела», вошли в «Приложение». Кроме того, здесь помещены и другие материалы, которые сохранились в фонде Н. П. Петерсона в ОР РГБ, однако не были включены издателями в состав итогового тома. Архивный поиск в других фондах ОР РГБ, а также в РГАЛИ и ЦГИА, принес некоторые новые находки писем лиц из окружения Федорова; кроме того, в РГАЛИ были обнаружены автографы «Воспоминаний» И. М. Ивакина; из фондов Государственного Музея Л. Н. Толстого были предоставлены письма Н. П. Петерсона и И. М. Ивакина Л. Н. Толстому (их публикация, так же как и публикация фрагментов воспоминаний Ивакина, подготовлена Т. Г. Никифоровой), из РО ИРЛИ – одно письмо Н. П. Петерсона к Ф. М. Достоевскому и две его статьи, в 1876 г. посланные публицистом писателю (публикация Б. Н. Тихомирова).

Большинство текстов, вошедших в «Приложение», печатаются впервые. Однако некоторые материалы, включение которых в том представлялось необходимым в силу их особой значимости, републикованы: это два письма В. С. Соловьева Н. Ф. Федорову, письмо Н. П. Петерсона К. П. Победоносцеву, статьи Кожевникова и Петерсона в газете «Асхабад», стихотворение В. А. Кожевникова «Жить или не жить?», а также письмо Н. П. Петерсона Н. А. Чаеву.

В тексте настоящего тома помещены дополнительные материалы к «Приложению» и фотографии, которые, в свою очередь, являются своеобразным иллюстрированным «Приложением». Их включение в «Собрание сочинений» Н. Ф. Федорова также соответствует замыслу В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона, предполагавших снабдить III том «Философии общего дела» фотографиями и факсимильными изображениями (см. преамбулу к комментарию в Т. III наст. изд., с. 567).

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ЗНАКОМСТВА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО С ИДЕЯМИ Н. Ф. ФЕДОРОВА

В настоящем разделе помещены новые материалы к изучению истории знакомства Ф. М. Достоевского с идеями Н. Ф. Федорова. Часть этих материалов обнаружена в собрании Н. П. Петерсона в Архиве РГБ; там же, в собрании К. П. Победоносцева, хранится и ранее публиковавшееся письмо к нему Н. П. Петерсона (в настоящем издании оно републиковано); остальные материалы находятся в РО ИРЛИ в архивном фонде Ф. М. Достоевского.

Кроме текстов, помещенных в этом разделе, ряд новых данных к теме «Федоров – Достоевский» можно извлечь из переписки Н. П. Петерсона и Н. Ф. Федорова за 1876 и 1878 гг., в которой упоминается первое обращение Петерсона к автору «Дневника писателя», обсуждается рукопись Петерсона (она была отправлена писателю втайне от Федорова), письмо Достоевского к Петерсону от 24 марта 1878 г., а также планировавшийся развернутый ответ Достоевскому (письма Федорова к Петерсону см. в разделе «Письма», письма Петерсона к Федорову в соответствующем разделе «Приложения» в Т. IV наст. изд.).

[1] В идейно-философском сюжете «Ф. М. Достоевский – Н. Ф. Федоров» Н. П. Петерсон сыграл ключевую роль. Его интерес к творчеству Достоевского, в том числе к публицистике, «Дневнику писателя», был устойчивым и постоянным. В 1870-е годы Петерсон, в свое время близкий кружку ишутинцев и желавший посвятить себя пропаганде «революционно-социалистических идей» (Н. П. Петерсон. Автобиография // ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 78, л. 1 об.), много размышляет над изъянами революционного, насильственного пути, все сильнее утверждается в необходимости внести в общественное строительство религиозный идеал. И потому ему особенно близка проблематика Достоевского, в свое время также прошедшего через «перерождение убеждений», его анализ природы «нигилизма». Близка заветная мечта писателя о «единении всечеловеческом» (*Достоевский. 26*, 147), глубокая убежденность в том, что при отсутствии «высшей идеи существования», «при потере идеи о бессмертии» человеческая жизнь и история обессмысливаются, «ибо только с верой в свое бессмертие человек постигает всю разумную цель свою на земле» (*Достоевский. 24*, 47–49). Свои мысли Николай Павлович в те годы внутренне соотносит с мыслями Достоевского, находя у последнего много общего с Федоровым, главным своим учителем. В корреспонденциях, направляемых из Керенска в редакцию «Справочного листка района Моршанско-Сызранской железной дороги», он высказывается по вопросам судопроизводства – в духе, близком Достоевскому, который в 1876 г. в «Дневнике писателя» неоднократно касался института адвокатуры и суда присяжных. Подобно Достоевскому, Петерсон не любил адвокатов: «Если дело правое, – незачем нанимать адвокатов. Адвокат – это нанятая совесть. Недаром наш народ так не любит "адвокатов"», – вспоминал слова Петерсона его верненский сослуживец Е. Войцеховский (ОР РГБ, ф. 657, к. 11, ед. хр. 5, л. 4 об.). Как для Достоевского, как и для Федорова, суд для Петерсона далеко не был лишь юридической инстанцией, но приобретал значение нравственное, религиозное. В задачи суда входит, по его мнению, не только осудить преступника, но и понять причины, которые толкнули его на преступление; более того, необходимо обратиться к общим причинам, вызывающим преступления и, как сказано в одной из совместных статей учителя и ученика, вести «к такому умиротворению, которое устранит необходимость суда и осуждения» (Н. Ф. Федоров, Н. П. Петерсон. XXXI-я годовщина Воронежского окружного суда // Т. III наст. изд., с. 189).

В черновой редакции «Воспоминаний» о Федорове, над которыми Петерсон работал уже в конце жизни, в 1916 г., читаем: «Желая сделать известным учение Н<иколая> Ф<едоровича>, я писал иногда Ф. М. Достоевскому, и он кое-что помещал из моих писем в своем "Дневнике Писателя"» (ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 12, л. 14 об.).

Собственно говоря, установлен только один печатный отклик Ф. М. Достоевского на обращение к нему Н. П. Петерсона – в мартовском номере «Дневника писателя» за 1876 г. в главе «Обособление». Поводом к этому – первому – обращению к Достоевскому послужило отклонение редакцией «Справочного листка района Моршанско-Сызранской железной дороги» статьи Петерсона, являвшейся продолжением его выступления на страницах газеты по вопросу о причинах пьянства в народе. Этот вопрос Петерсон рассматривал в «федоровской оптике», стремился в его решении идти дальше расхожих объяснений, возводил его к вопросу о цели и смысле жизни, к проблеме «небратства», розни и борьбы, царящих в человече-

ском обществе. В первой статье, помещенной в № 20 «Справочного листка...» за 1876 г., демонстрируя живые примеры духовных сил, таящихся в народе, говоря о «жажде общения с своими ближними» как коренном свойстве человеческой природы, публицист стремился подвести читателя к мысли о том, куда, на какое великое дело следует направить эту силу и как реализовать жажду общения с ближними, которая, не находя созидательного выхода, топится в вине, выплескивается в беспробудном пьянстве. Петерсон использовал здесь излюбленный Федоровым метод наведения: читатель должен сам додуматься до ответа, прийти к единственно верному решению.

Во второй статье, вызванной полемической репликой редакции на его объяснение причин народного пьянства, публицист указывал на различные «ассоциации, корпорации, кооперации, торговые и другие всякие товарищества», создания капитализирующегося и утилитарного общества, как на примеры псевдоединства, и противопоставлял множественности секулярных союзов единение церковное. Воспитание людей в духе единения и взаимной любви – дело церкви, хотя ее усилия на этом поприще далеко не достаточны. Н. П. Петерсон, правда несколько спрямленно и огрубленно, проводил в статье мысль Н. Ф. Федорова об активном христианстве, которое должно быть не только исповеданием веры, но и осуществлением чаемого, писал о необходимости «соединения молитвы и веры с делом». Намекал и на объем того дела, которое предстоит христианскому человечеству и возглавить которое призвана церковь: не только исполнение нравственных заповедей, но и «изучение мира во всех отношениях» и осуществление тех условий, при которых станет возможным «мир всего мира». Только на этом пути инстинктивно присущая человеку жажда единения с ближними получит созидательный выход, будет обращена в силу сознательную и творческую.

Когда редакция «Справочного листка...» отказалась напечатать вторую статью Н. П. Петерсона, Николай Павлович написал Достоевскому, приложив к своему письму от 6 марта 1876 г. текст неопубликованной статьи, а также вырезку из того номера «Справочного листка...», где была помещена первая его статья. Решение обратиться к Достоевскому, внешне мотивированное обещанием последнего в объявлении о подписке на «Дневник писателя» давать «отчет о виденном, слышанном и прочитанном» (*Достоевский. 22*, 136, 356), вероятно, не в последнюю очередь было связано и с тем, что для Достоевского проблема «народного пьянства» была одной из больных тем. К ней он обращался еще в «Дневнике писателя» за 1873 г., подчеркивая катастрофические последствия, которые может иметь в ближайшем будущем все увеличивающаяся «наклонность народа к пьянству», и в то же время уповая на то, что русский народ «найдет в себе охранительную силу, которую всегда находил; найдет в себе начала, охраняющие и спасающие [...]. Не захочет он сам кабака; захочет труда и порядка, захочет чести, а не кабака!..» (*Достоевский. 21*, 94–105). Эта же тема возникла и в январском номере «Дневника писателя» за 1876 г.: глава «Мальчик с ручкой» – картины пьянства «шайки халатников», «их голодных и битых жен», спаивания, ради забавы, детей, просящих целыми днями копеечки на водку родителям; глава «Российское общество покровительства животным...» – рассуждения о губительности «зелена-вина»: «...иссякает народная сила, глохнет источник будущих богатств, беднеет ум и развитие», картина пожара в одном из сел – мужики, бросивши горящую церковь, спасают кабак за бочонок водки, обещанный целовальником: «Церковь сгорела, а кабак отстояли». И снова – поиск спасительных средств против «отравления целого поколения вином», основанный на горячей вере, «что все наши девяносто миллионов русских (или там сколько их тогда народится) будут все, когда-нибудь, образованы, очеловечены и счастливы» (*Достоевский. 22*, 13–14, 29–31).

Статьи молодого публициста, одушевленные надеждой на духовное отрезвление народа и общества, на возможность истинного братски-любовного единения людей, не оставили Достоевского равнодушным. Фрагмент второй статьи он поместил в мартовском номере «Дневника писателя» за 1876 г. в главке «Обособление», где писал о всеобщем «уединении» и розни, царствующих в современной жизни, и так отозвался об авторе: «Все это молодо, свежо, теоретично, непрактично, но в принципе совершенно верно и написано не только искренно, но и с страданием и болением» (там же, с. 82).

О своем тогдашнем обращении к Достоевскому Н. П. Петерсон сообщил Федорову только тогда, когда мартовский номер «Дневника писателя» уже вышел в свет. Николай Павлович намеревался отвечать писателю и развить свои тезисы по вопросу об «обособлении» – эта тема особенно волновала его, адепта учения «всеобщего дела»; кроме того, она прямо затрагивалась в посланной Достоевскому статье. Между тем Достоевский, хоть

и согласился с мыслями Петерсона об ассоциациях, не преминул тут же несколько поддеть его, заметив, что у автора, «хлопочущего об истинном единении людей», «нашел чрезвычайно тоже “обособленный” в своем роде размах» и что в некотором смысле «не статья одна, а и сам уже автор ее как бы подтверждает» «мысль об “обособлении” единиц и чрезвычайном, так сказать, химическом разложении нашего общества на составные его начала, наступившем вдруг в наше время» (там же, с. 83).

Опираясь на статью К. С. Аксакова «О современном человеке», выдвигавшую идею христианского, соборного общества как высшей формы связи личностей (см. письмо Н. П. Петерсона Н. Ф. Федорову от 26 мая 1876 и примеч. 19 к разделу «Приложения» «Письма Н. П. Петерсона Н. Ф. Федорову»), Петерсон намеревался более определенно очертить тот идеал, который мог бы быть реально противопоставлен тенденции всеобщего обособления, уединения и отъединения, о чем с такой болью говорил Достоевский.

Более того, планируя отвечать Достоевскому, Петерсон надеялся «вовлечь в необходимость высказаться» и самого Федорова (см. его письмо последнему, написанное между 3 и 12 июня 1876 г., – Т. IV наст. изд., с. 575). Однако эти надежды остались тщетными. Федоров отреагировал на весть об обращении к Достоевскому достаточно сдержанно и просил Петерсона отложить «полемику» до времени его приезда в Керенск (письмо от 1 июня 1876 – там же, с. 207). Петерсон же, увидев, что предпринятая им инициатива не вызывает энтузиазма у Федорова, решил отказаться от продолжения диалога с Достоевским (письмо между 3 и 12 июня 1876 – там же, с. 575). Новая попытка была предпринята спустя полтора года – зимой 1877 (см. ниже примеч. 12).

Письмо Н. П. Петерсона от 6 марта 1876 г., а также обе его статьи печатаются по: РО ИРЛИ, ф. 100, № 29806. ССХI б. 9. *Публикация Б. Н. Тихомирова.*

На конверте письма от 6 марта 1876:

«*Заказное*

В С<анкт->Петербург.

Греческий проспект, подле Греческой церкви, дом *Струбинского*, кварт. № 6й.

Милостивому Государю

Федору Михайловичу *Достоевскому*

От Никол<ая> Павл<овича> Петерсона, живущего в г. Керенске Пензенской губ.»

Почтовый штемпель:

«Керенск 12 мар<та> 1876 С<анкт->Петербург 16 мар<та> 1876. 3 часа». – *501.*

[2] См. примеч. 5. – *501.*

[3] Статья под псевдонимом «К-въ» появилась в № 20 «Справочного листка района Моршанско-Сызранской железной дороги» от 25 января 1876 г.

К началу статьи редакция газеты сделала следующее примечание: «Предлагаемой статье, с главными основаниями которой мы не можем быть солидарны, тем не менее мы сочли своею обязанностью дать место, из уважения ко всякому искренне высказанному убеждению, будь оно даже парадоксом». – *502.*

[4] Здесь Н. П. Петерсон полемизирует с передовой статьей газеты «Справочный листок района Моршанско-Сызранской железной дороги», 1875, № 2, которая, рассматривая постановление Пензенской городской думы об ограничении в городе числа кабаков, называла его паллиативной мерой и указывала на то, что в качестве действенного средства против распространения пьянства в народе может быть выдвинуто лишь образование: «...дайте возможность равномерного образования для всех и дайте способ для крестьянина и ремесленника перенести место их клубных собраний из кабаков в иную обстановку, где они не были бы вынуждены забываться от гнетущей бедности и от подавляющей скуки и где они не были бы поставлены в необходимость за минуты душевного отдыха платить выше своих средств».

Мысль о народном образовании как действенном средстве против пьянства в 1875–1876 гг. активно обсуждалась в русской периодике. Местная печать Пензенской губернии также неоднократно касалась этой темы. См., к примеру, статьи «Пензенских губернских ведомостей»: «Кабак и Школа» (22 марта 1875, № 35); «Вместо кабака школа» (2 августа 1875, № 90) – статья сообщала о том, как крестьяне с. Пушкина Саранского уезда постановили не иметь в селе кабака, а построить школу; «Еще одним кабаком меньше» (6 января 1876, № 3). – *502.*

[5] В конце статьи Н. П. Петерсона редакция листка поместила пространное примечание, в котором вновь подтвердила мысль, высказанную во втором номере газеты за 1875 г., о

том, что главные причины пьянства – «это недостаток образования в народе и отсутствие мест, доступных по средствам всякому бедняку, где бы он – в обществе своих знакомых – мог отдыхать от ежедневного и бесконечного труда, физически и душевно, без непосильных денежных издержек и, главное, без участия в этом водки. Г. К-въ, отвергая пользу чайных лавочек, народных театров и других мест, предлагаемых ныне взамен наших старинных клубов-кабаков, тем не менее сам указывает на потребность всякого человека в обществе себе подобных, говоря, что "есть в человеке чувство, самое благороднейшее, чувство, делающее человека человеком, это – желание общения с своими ближними". – В этом, оказывается (может быть, к крайнему удивлению автора), мы вполне сходимся: и мы глубоко убеждены, что всякому прирождено чувство общительности; напрасно брать для этого примеры, какие приводит г. К-въ, о *задушевных речах, объятиях и лобызаниях пьяной компании*, которые, выражая лучшие в человеке чувства, чувства общительности, приводят человека к гибели, как говорит он: на этом чувстве, на этой естественной потребности каждого человека жить в обществе себе подобных, которое замечается во всех стадиях общественного развития, начиная с народов диких и кончая самыми цивилизованными, в классах ужасающей нищеты и несметного богатства, – на этой чисто человеческой потребности основывались раньше и приобретают с каждым годом все более и более значения наши русские рабочие артели, немецкие корпорации, французские ассоциации, английские и американские кооперации, разные торговые, промышленные, научные и технические товарищества и общества – и в них-то должно видеть единственный источник спасения от пьянства и других наших недугов, о чем автор статьи, К-въ, задается в заключении вопросами...» («Справочный листок района Моршанско-Сызранской железной дороги», 25 января 1876, № 20). – *503.*

[6] В архиве Ф. М. Достоевского статья сохранилась не полностью. Имеются лишь листы 3, 4 и 5, листы же 1 и 2, на которых и находился текст, приведенный Ф. М. Достоевским в «Дневнике писателя», отсутствуют. По предположению *Б. Н. Тихомирова*, они были направлены Ф. М. Достоевским в типографию вместе с наборной рукописью – с отчеркнутым фрагментом для включения в текст «Дневника...». Поскольку листы 1 и 2 были приведены Достоевским не полностью, при соединении процитированной в «Дневнике» части и сохранившегося текста образуется лакуна. Третий лист статьи начинается с середины фразы. – *503.*

[7] Н. П. Петерсон возражает редакции «Справочного листка...» (см. примеч. 5). Текст этого и следующего абзаца был воспроизведен Ф. М. Достоевским в «Дневнике писателя» и печатается по: *Достоевский. 22*, с. 81–82. – *503.*

[8] Поднятая Н. П. Петерсоном проблема несоответствия внешней и внутренней политики европейских христианских государств принципам евангельской нравственности была близка самому Ф. М. Достоевскому. В майском номере «Дневника писателя» за тот же 1876 г. писатель вступает в полемику с Б. Н. Чичериным, утверждавшим, что этический закон неприменим к политической сфере. В противовес «бентамовскому принципу утилитарности», в противовес политике корыстолюбивой, безнравственной, Достоевский выдвигает (вслед за Ф. И. Тютчевым и И. С. Аксаковым) идею «христианской политики», полагающей в свою основу тот же евангельский закон, на котором строится духовное возрастание личности, осуществляющей в отношениях государств и народов заповедь единения и любви (о том же позднее выскажется и в январском номере «Дневника писателя» за 1877 г. (*Достоевский. 25*, 51)). А в главке «Утопическое понимание истории» он определяет задачу «нашего православия» как всеслужение человечеству, стремление к «братству людей», к «всепримирению народов», к «обновлению людей на истинных началах Христовых» (*Достоевский. 23*, 47, 50). Следует также отметить, что критика Петерсона в адрес «артелей, ассоциаций, коопераций» как мнимых, несовершенных форм общности основывалась не только на идеях Федорова, но и – методом от противного – на опыте ишутинского кружка, одним из основных направлений деятельности которого было создание производственных товариществ и ассоциаций с целью показать народу преимущества социалистического общежития: так, ишутинцы организовали женскую швейную мастерскую в Москве, переплетное товарищество, предпринимали попытки к тому, чтобы устроить на артельных началах чугуноплавильный завод и ватную фабрику (см.: Э. С. Виленская. Производительные ассоциации в России в середине 60-х годов XIX века (из истории ишутинской организации) // Исторические записки. Т. 68. М., 1961, с. 51–80). Характерно, что создавая открытые, легальные ассоциации, члены кружка в то же время сформировали тайное общество, внутри которого пытались создать конспиративную

группу «Ад», предназначенную в том числе и для борьбы с предателями и провокаторами в собственных рядах (в известном смысле то самое «поголовное шпионство», о котором пишет Петерсон). – *503.*

[9] Н. П. Петерсон перечисляет некоторые молитвенные прошения так называемой Великой ектеньи, возглашаемой диаконом во время церковных богослужений и сопровождаемой припевом со стороны хора: «Господи, помилуй». – *505.*

[10] В периодической печати 1860–1870-х гг. регулярно появлялись материалы о плохом материальном положении духовенства, особенно сельского; печатались письма самих священников с жалобами на скудость средств к существованию. Позиция Н. П. Петерсона по этому вопросу совпадала с позицией Ф. М. Достоевского, прямо перекликаясь с его заявлением в январском номере «Дневника писателя» за 1876 г.: «Публиковались пренеприятные факты о том, что находились законоучители, которые целыми десятками и сплошь, бросали школы и не хотели в них учить без прибавки жалованья. Бесспорно – “трудящийся достоин платы”, но этот вечный ной о прибавке жалованья режет, наконец, ухо и мучает сердце. Газеты наши берут сторону ноющих, да и я, конечно, тоже; но как-то все мечтается при том о тех древних подвижниках и проповедниках Евангелия, которые ходили наги и босы, претерпевали побои и страдания и проповедовали Христа без прибавки жалованья. О, я не идеалист, я слишком понимаю, что ныне времена наступили не те; но не отрадно ли было бы услыхать, что духовным просветителям нашим прибавилось хоть капельку доброго духу еще и до прибавки жалованья?» (*Достоевский. 22*, 23–24). Характерно, что, при тождестве позиции, тон высказываний Ф. М. Достоевского и Н. П. Петерсона не одинаков. Достоевский в своей оценке жалоб духовного сословия не столь категоричен, он прекрасно понимает сложность положения низшего духовенства и далек от абсолютизации своих выводов: «Повторяю, пусть не обижаются: все отлично знают, что в среде нашего священства не иссякает дух и есть горячие деятели» (там же, с. 24). Петерсон же, напротив, безапелляционен, он поучает и обличает, не делая никаких скидок ни на время, ни на обстоятельства. Столь же безапелляционны и некоторые высказывания публициста в адрес церкви: «...церковь уже не заботится ни о бедных, ни о больных, ни о просвещении своих сочленов» (Т. IV наст. изд., с. 505). Возможно, именно эта безапелляционность и резкость суждений и послужили Ф. М. Достоевскому основанием для обвинения автора статьи в размахе «до того обособленном, что даже редко и встречается» (*Достоевский. 22*, 83). Не случайно в подготовительных материалах к номеру «Дневника...» он отмечает: «О Петерсоне (резкие требования) и т. д.» (там же, с. 163).

Попутно следует отметить, что в набросках мартовского номера «Дневника...» и записных тетрадях 1875–1876 гг. несколько раз упоминается Калика Иванище, персонаж былины «Илья Муромец и Идолище». По сюжету былины, Иванище совершает паломничество в Царьград и, придя в город, всюду встречает поругание христианства. Он поклоняется святыням, совершает все необходимые обряды и возвращается домой, так ни разу и не заступившись за Христову веру. По дороге встречает Илью Муромца, рассказывает ему о своем путешествии, и тот, похвалив богатыря за благочестие, упрекает его за безразличие к долгу защиты христианства. Две духовные позиции – Ильи Муромца и Иванища – встают в сознании Достоевского, когда он обращается к статье Н. П. Петерсона, сетовавшего на то, что «вера обратилась в форму, обряд, почти без признаков духа жизни; перестали даже думать, чтобы вера могла иметь какое-либо действительное участие в жизни» (Т. IV наст. изд., с. 505), и призывавшего к вере деятельной, живой. И вот Ф. М. Достоевский записывает: «Моршанск, Петерсон. У нас есть люди, ставящие такие положительные требования. Иванище или Илья, г-н Петерсон? Не могу решить этого – но положительные требования» (там же, с. 161). – *506.*

[11] 1 Кор 13:13. – *506.*

[12] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 1, ед. хр. 3.

В декабре 1877 г. Н. П. Петерсон вновь обращается к Достоевскому и отправляет писателю рукопись с развернутым изложением идей Федорова. Рукопись и сопроводительное письмо к ней были посланы анонимно (см.: Н. П. Петерсон – Н. Ф. Федорову, 29 марта 1878 – Т. IV наст. изд., с. 576), однако 3 марта 1878 г. Н. П. Петерсон отправил писателю новое письмо, в котором упомянул о рукописи и уже «назвал себя» (там же). Это обращение Петерсона вызвало знаменитое письмо Достоевского от 24 марта 1878 г. (*Достоевский. 30(I)*, 13–15). Для позднего Достоевского знакомство с идеями Федорова, пусть и опосредованное, стало важной вехой. Оно широко отразилось в романе «Братья Карамазовы» – и в черновиках, и в окончательном тексте (см. об этом: V. L. Komarowitsch. Der

Vatermord und Fjodoroffs Lehre von der «Fleischlichen Auferstehung» // F. M. Dostojewski. Die Urgestalt der Bruder Karamasoff. Dostojewskis Quellen, Entwurfe und Fragmente. München, 1928, S. 3–58; А. Горностаев (А. К. Горский). Рай на земле. К идеологии творчества Ф. М. Достоевского. Ф. М. Достоевский и Н. Ф. Федоров. Харбин, 1929; С. Г. Семенова. Преодоление трагедии. Вечные вопросы в литературе. М., 1989, с. 153–164; К. Баршт. «Научите меня любви» (К вопросу о Н. Ф. Федорове и Ф. М. Достоевском) // Простор, 1989, № 7, с. 159–167). Для Федорова же письмо Достоевского явилось толчком к систематическому письменному изложению идей всеобщего дела, к созданию главного труда – «Вопрос о братстве и родстве...» (см. преамбулу к этой работе – Т. I наст. изд., с. 466).

Для всякого ученого, пытающегося восстановить историю идейно-творческого взаимодействия Федорова и Достоевского, ключевым является вопрос о том, каким именно было изложение учения о воскрешении, присланное Н. П. Петерсоном писателю. Однако ни оригинал петерсоновской рукописи, ни сопровождавшее ее письмо (так же как и другое письмо Н. П. Петерсона, от 3 марта 1878 г.) до сих пор не разысканы.

Из переписки Петерсона с Федоровым весны 1878 г. явствует, что у Николая Павловича сохранился текст, с которого писался беловик (Н. П. Петерсон – Н. Ф. Федорову, письмо от 8 апреля 1878 – Т. IV наст. изд., с. 577). Этот экземпляр был отослан им в Москву, и к нему Федоров сделал свои многочисленные замечания (Н. Ф. Федоров – Н. П. Петерсону, письмо от 25 апреля 1878 – там же, с. 208). Впоследствии текст хранился у Н. Ф. Федорова. Именно о нем идет речь в предисловии, предпосланном Н. Ф. Федоровым публикации письма Ф. М. Достоевского в газете «Дон»: «Вместе с письмом Достоевского нам досталась и небольшая тетрадка – к сожалению, неполная, под заглавием – “Чем должна быть народная школа”, вероятно копия или черновик статейки, о которой говорит Достоевский и выражает полное с ней согласие» (Т. IV наст. изд., с. 7; «*вероятно*» – в данном случае всего лишь façon de parler; о том, что в его руках копия той самой рукописи, Федоров знал наверняка). Этот текст до наших дней не дошел.

Тем не менее в архиве Н. П. Петерсона сохранились два черновых автографа под тем же названием «Чем должна быть народная школа?» (ОР РГБ, ф. 657, к. 1, ед. хр. 3). На то, что это ранние черновые варианты той самой рукописи, которая посылалась Достоевскому, указывает целый ряд данных. Во-первых, оба текста начинаются именно так, как сообщает Федоров в предисловии к изданию письма Достоевского, – с вопроса о том, чем должна быть народная школа и какой закон должна она полагать в основу обучения. Во-вторых, сам Петерсон в письме Федорову от 8 апреля 1878 г. говорил о наличии у него, помимо текста, с которого писался беловик, еще и другой рукописи, «черновой, всей переправленной и перечеркнутой» (Т. IV наст. изд., с. 577). Сохранившиеся в архиве варианты как раз имеют многочисленные зачеркивания и исправления – в них перечеркнуты даже целые страницы. В-третьих, один из двух автографов датирован – на нем стоит дата «11-го ноября 1876 г.» и сделана надпись: «Последняя редакция». Сообщая Федорову о своем обращении к Достоевскому, Н. П. Петерсон пояснял: «...я послал Достоевскому рукопись, в которой старался изложить то, что было мною написано с Ваших почти слов во Владимире в июле 1876 года» (там же, с. 576). Следовательно, обе редакции заметки относятся к 1876 году.

Кстати, среди всех сохранившихся в архиве Н. П. Петерсона рукописных статей и заметок это практически *единственные автографы, относящиеся к 1870-м годам* (основной массив текстов Федорова и Петерсона датируется 1890–1910-ми гг., за исключением писем, которые сохранились и за 1870-е, и за 1880-е гг., небольшой черновой заметки Н. П. Петерсона, воспроизведенной в примеч. к письму 16 (преамбула), и нескольких библиографических записей и выписок Федорова, касающихся истории Керенского края – см. ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 90, лл. 1 об. – 4, 6; ед. хр. 91, лл. 2 – 3 об.). Сам факт их сохранения весьма знаменателен и также косвенно свидетельствует в пользу высказанной здесь гипотезы – для чего было сохранять совершенно неудобочитаемые черновики, при том, что наброски большинства других статей Петерсона в архиве отсутствуют.

Попутно уточним примечания 33, 35 к работе «Супраморализм» (Т. I наст. изд., с. 511, 512), из которых следует, что изложение учения всеобщего дела было сделано в письме Н. П. Петерсона к Ф. М. Достоевскому, а к этому изложению была приложена еще и «тетрадка, содержавшая идеи Н. Ф. Федорова о новом типе образования и школы». Из письма Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову от 29 марта 1878 г. явствует, что посланное им Достоевскому письмо скорее было сопроводительным, а основным изложением учения была именно рукопись «Чем должна быть народная школа?» Характерно, что это изложение,

как позднее и в большинстве других печатных выступлений Федорова и Петерсона, отталкивалось от конкретной и актуальной в тот момент темы – в данном случае начального образования, проблемы народной школы, – причем вопрос о начальном образовании возводился здесь к вопросу о формировании мировоззрения ребенка, тесно связывался с проблемой религиозно-нравственного воспитания.

1870-е годы продолжили реформы в деле образования, начатые еще в предыдущем десятилетии. 25 мая 1874 г. было издано новое положение о начальных училищах. Открывались новые одноклассные и двухклассные сельские училища. Все большую роль в деле организации и поддержки народных школ, помимо Министерства народного просвещения, играло земство, в конце 1860-х и в 1870-е гг. неоднократно выступавшее с ходатайствами о введении всеобщего обучения. Возникали новые церковно-приходские школы. Вопрос о народной школе, ее просветительных задачах, ее направленности активно обсуждался в печати. И голос Достоевского звучал в этом обсуждении постоянно. В 1873 г. в редактировавшемся им «Гражданине» периодически появлялись статьи по поводу проблем народного просвещения (см.: *Достоевский. 21*, 440). В «Дневнике писателя» за 1873 г. Достоевский рассуждает о ключевой для школьного образования фигуре учителя («Учитель – это штука тонкая; народный, национальный учитель вырабатывается веками, держится преданиями, бесчисленным опытом» (там же, с. 52)), пишет о том, как много могли бы сделать школьные учителя в деле спасения народа от «зелена-вина». В «Дневнике писателя» 1876–1877 гг. вопрос об основах образования вставал в связи с темой «случайного семейства» (*Достоевский. 22*, 7–8), возникал в повествовании о колонии малолетних преступников (там же, с. 17–24), в рассуждениях Парадоксалиста о Саде, в котором обновится и выправится человечество (*Достоевский. 23*, 95–99) и т. д. Ф. М. Достоевский, как ранее Л. Н. Толстой, как деятели народного просвещения Н. И. Ильминский и С. А. Рачинский, выступал за нераздельность воспитания и обучения, писал о необходимости положить во главу угла образовательного процесса религиозно-нравственное просвещение, одушевить знание верой. На той же точке зрения стояли Н. Ф. Федоров и Н. П. Петерсон, для которых вопрос о школьном образовании в 1870–е годы был не менее актуален и обсуждался ими весьма заинтересованно и живо, что не в последнюю очередь объяснялось и педагогическим прошлым обоих (Федоров преподавал в уездных училищах почти пятнадцать лет), и той центральной ролью, которая в учении всеобщего дела отводилась воспитанию и школе. Кроме того, Н. П. Петерсон в Керенске курировал церковно-приходскую школу и даже пытался писать на темы школьного обучения (9 сентября 1875 г. он сообщает Н. Ф. Федорову о своей работе над статьей под заглавием «Церковно-приходская школа», в основу которой были положены мысли философа, – см. Т. IV наст. изд., с. 571). Вопрос о школе то и дело возникает в переписке учителя и ученика, в личных беседах. И нет ничего удивительного в том, что, решаясь обратиться к Достоевскому с идеями Федорова, публицист построил их изложение вокруг вопроса о школе.

Попутно отметим тот факт, что статья «Чем должна быть народная школа?» строилась на основе записей Петерсона, сделанных со слов Федорова еще летом 1876 г. А что же каникулярное время 1877 г.? Разве Федоров не провел его в Керенске и не беседовал там с Петерсоном? И что за странная фраза в начале письма Николая Павловича от 8 апреля: «Ваше письмо имеет для меня слишком большую важность, – оно *возвращает* меня к сношениям с человеком, которому я обязан моим спасением» (там же, с. 577; курсив наш. – *Сост.*). Или слова о Федорове из его письма к Достоевскому от 29 марта 1878 г.: «*Год тому назад* я имел о нем известие, он был тогда дежурным чиновником в читальном зале при Румянцевском музее в Москве» (там же, с. 514; курсив наш. – *Сост.*). Все это наводит на мысль, что с лета 1876 г. учитель и ученик почти – если не совсем – не общались. Примечательно, что за 1877 г. не сохранилось *ни одного письма* ни Федорова к Петерсону, ни Петерсона к Федорову, при том, что письма 1876 и 1878 гг. в архиве имеются. Что было причиной такого перерыва? Возможно, какая-то размолвка или иные обстоятельства. Во всяком случае, само решение обратиться к Достоевскому могло было быть внутренне мотивировано Петерсоном отчасти именно прервавшимися отношениями с Федоровым – он решил действовать самостоятельно и сделать попытку вынести дорогую ему идею в мир.

В статье «Чем должна быть народная школа?» выговаривалось все то, что было вынесено в глубокий, практически недоступный для непосвященного сознания, подтекст двух статей, присланных Петерсоном Достоевскому в 1876 г. Здесь углублялось представление о том единстве, к установлению которого в человечестве должны быть направлены усилия церкви: речь шла о многоединстве по подобию Божественного Триединства, причем

многоединстве в полном составе всех поколений. Указывалось на то, что такое многоединство противоположно «настоящему состоянию природы», подверженной «закону поглощения и борьбы», и, следовательно, его достижение должно идти через «сознательное действие» человека: ему предстоит, руководствуясь высшим идеалом (Царствие Божие), преодолеть «слепой разгул сил», действующих в природе, дать этим силам «целесообразное направление». Обосновывалась идея победы над смертью и воскрешения умерших, вновь повторялся заявленный еще в статье 1876 г. тезис об изучении мира как задаче церкви, о необходимости всеобщего познания и исследования.

Чем же оказалось близко Достоевскому то понимание места и задачи человека в мире, которое было выражено в статье Петерсона, излагавшей воззрения Федорова? Почему он сказал, что идеи неизвестного мыслителя «прочел как бы за свои»? Вопрос о перекличке целого ряда заветных мыслей Достоевского и Федорова, о федоровских «следах» в черновиках к «Братьям Карамазовым» и в окончательном тексте романа подробно разобран в работах С. Г. Семеновой и К. Баршта (см. выше). Представляется возможным дополнить их выводы еще некоторыми соображениями, исходя из чернового текста статьи «Чем должна быть народная школа?»

В «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевский неоднократно высказывался о невозможности человеку, поднявшемуся в своем развитии над миром бессознательно-живущей природы, жить без высшей идеи существования, без «веры в душу свою и в ее бессмертие». В рукописи Н. П. Петерсона он нашел существенное дополнение и обогащение этого тезиса – жить нужно не просто с верой в свое собственное бессмертие, а и с верой в конечное восстание всех когда-либо живших; причем не только веровать в бессмертие и «воскресение мертвых», но и работать для него, ибо приближение момента восстания из мертвых зависит от благой активности людей, – не случайна фраза Алеши: «Хочу жить для бессмертия, а половинного компромисса не принимаю» (*Достоевский. 14*, 25). «Долг воскресенья прежде живших предков» (*Достоевский. 30(I)*, 14) разрешал те проклятые вопросы, под тяжестью которых мучились и изнемогали герои писателя из разряда «усиленно сознающих» – «подпольный парадоксалист», Ипполит, «самоубийца-материалист» – герой главки «Приговор» в «Дневнике писателя» 1876 г.: о «всесильных, вечных и мертвых законах природы», которым фатально и безысходно подвластен человек, о краткости и эфемерности индивидуальной жизни, о бессмыслице существования, обреченного завтра «приравняться к тому же нулю» (*Достоевский. 23*, 147). В статье «Чем должна быть народная школа?», как бы в ответ на предположения отчаявшихся и безверных героев: «...ну что, если человек был пущен на землю в виде какой-то наглой пробы, чтоб только посмотреть, уживется ли подобное существо на земле или нет?» (там же, с. 147), на проклятия, посылаемые ими в адрес «сознания» (в «порядке природы» «сознание – болезнь», оно – источник разлада с бессознательно живущим мировым целым), звучит чеканная формула: «...природа в человеке достигла сознания коренных недостатков своего настоящего состояния и чрез него же, чрез человека, чрез его действие силится перейти в высшее состояние» (Т. IV наст. изд., с. 511). Формула, близкая Достоевскому, который был убежден в провиденциальности явления в мир сознающего и чувствующего существа и связывал назначение человека именно с идеей вечной жизни: «Только с верой в свое бессмертие человек постигает всю разумную цель свою на земле» (*Достоевский. 24*, 49); его задача в том, чтобы «себя созидать, Царство Христово созидать» (*Достоевский. 11*, 177).

Во-вторых, сочувственный отклик Достоевского должна была вызвать центральная идея рукописи Петерсона: идея совершенного общества, в котором личности и не атомарны, и не подавляют друг друга, но сосуществуют нераздельно и неслиянно, питаясь взаимной любовью, – первообразом такого общества для Петерсона является единство ипостасей Пресвятой Троицы. Н. Ф. Федоров, на которого в данном случае опирался публицист, выдвигал тезис о необходимости действенного отношения к догмату, понимания его как заповеди, регулятивного образца для человечества, проекта, по которому должна строиться жизнь. С такой точки зрения, догмат о двух природах и двух волях во Христе являет собой образ согласованного действия, сотрудничества божественной и человеческой энергий в деле спасения, когда последняя не подавляется и не уничтожается первой, а сознательно и свободно следует ей. А образ Богочеловека-Христа, в Котором человеческое естество достигло полноты и совершенства, утверждает возможность для человеческого рода достичь всецелого и абсолютного обожения, стать орудием исполнения Божиих обетований. («Показывая, что Христос был не только Бог, но и действительный человек, тем самым доказывалась и необходимость деятельности самого человека в деле вос-

крешения, и не только нравственной, но и умственной, и физической, материальной» (Т. I наст. изд., с. 160)). В перспективе идеи об обращении догмата в заповедь рассматривал философ и догмат Троичности (см. об этом преамбулу к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 579).

Итак, образ совершенного человека в догмате о Богочеловеке и образ совершенного человеческого устроения в догмате Троичности. Подобное же понимание встречаем у Достоевского. Еще в знаменитой записи от 16 апреля 1864 г., сделанной у гроба первой жены, Достоевский указывает, что Христос есть «вековечный от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек» и что земная жизнь и история есть путь человечества к идеалу соборного, синтетического единства, единства в Боге, когда все «должно ожить в жизнь окончательную, синтетическую, бесконечную», где все будут «лица, не переставая сливаться со всем, не посягая и не женясь, и в различных разрядах», где «всё себя тогда почувствует и познает навечно» (*Достоевский. 20*, 172, 174–175). В том же году, в набросках статьи «Социализм и христианство», он выстраивает трехчленную схему исторического пути человечества: от стадии первобытного, нерасчлененного, родового единства через этап «цивилизации», на котором «человек как личность» становится «во враждебное, отрицательное отношение к авторитетному закону масс и *всех*» (там же, с. 192), к конечной, завершительной эпохе, когда человек, уже добровольно и сознательно отрекаясь от своеволия, отдавая себя другим, служа им радостно и любовно, достигает высшего единства со всеми. «Бог есть идея человечества собирательного, массы, *всех*» (там же, с. 191). Позднее мысль о Богочеловеке, несущем в себе зримый образ идеала, преображенного естества, возникает и в черновиках к «Бесам», в разговорах Князя с Шатовым, так и не вошедших в окончательный текст. «Да Христос и приходил затем, чтобы человечество узнало, что знания, природа духа человеческого может явиться в таком небесном блеске, в самом деле и во плоти, а не то что в одной только мечте и в идеале, что это и естественно и возможно. Этим и земля оправдана» (*Достоевский. 11*, 112). Здесь развивается заявленная в записи от 16 апреля 1864 г. тема «перерождения в другую натуру» (там же, с. 184), обожения («все Христы» (там же, с. 182)), причем снова подчеркнуто, что путь к соборному единству начинается с «антитезиса», с отказа от себя, от своей самости, с добровольной и любовной жертвы: «Не в накоплении вещей у себя по ревнивому праву личности, а в отдании всех прав добровольно мое счастие. Это не рабство, ибо, во-1-х) отдает добровольно, следовательно, проявление личности, а во-вторых, и те взаимно мне все отдают» (там же, с. 186). Затем тема соборности углубляется в «Дневнике писателя»: в рассуждениях о восточном вопросе, о России как собирательнице славянских народов и благовестнице Христова образа миру: «...не чрез подавление личностей хотим мы достигнуть собственного преуспеяния, а напротив, видим его лишь в свободнейшем и самостоятельнейшем развитии всех других наций и в братском единении с ними, восполняясь одна другою, прививая к себе их органические особенности и уделяя им и от себя ветви для прививки, сообщаясь с ними душою и духом, учась у них и уча их; и так до тех пор, когда человечество, восполнясь мировым общением народов до всеобщего единства, как великое и великолепное древо, осенит собою счастливую землю» (*Достоевский. 25*, 100; см. также *Достоевский. 23*, 47, 49, 50). И уже после знакомства Достоевского с рукописью Петерсона идея соединения в многоединство возникает в «Братьях Карамазовых», в проповеди старца Зосимы о всемирной любви, а зримый образ этого многоединства, Царствия Божия возникает в Алешином видении Каны Галилейской, где течет «вино радости новой великой» и Христос «новых гостей ждет, новых беспрерывно зовет и уже на веки веков» (*Достоевский. 14*, 327).

Итак, по мысли Достоевского, идеал соборности должен одушевлять бытие как каждой отдельной личности, так и общества, и государства. А братски-любовное соединение людей на началах христианской любви и самопожертвования становится путем к тому многоединству, которое воцарится уже в обоженном мире, в Царствии Небесном. Эту же мысль о соединении людей по заповеди Христовой «Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, *так* и они да будут в нас едино» (Ин 17:21) как пути к многоединству Царствия Божия писатель встретил и в статье Н. П. Петерсона. Здесь же была конкретизирована идея жертвы, столь близкая Достоевскому, – мысль о безраздельном и беззаветном отдании себя другим, о христианском служении: Н. П. Петерсон ставил проблему нравственного долга живущих перед ушедшими поколениями. Эгоизм и индивидуализм – в том, что живущие переживают умерших: лишь «поставив своей целью уничтожение смерти, воскрешение мертвых», человечество сможет действительно исполнить Христову

заповедь о любви к ближним. Публицист выстраивал как бы лествицу любви и жертвы: в первые века христианства – проповедь и мученичество, затем братское служение, «заботливость о нуждах других», дела милосердия и, наконец, та грядущая эпоха, когда любовь к ближним достигает полноты и совершенства, становясь силой, способной избавить всех и вся от последнего и величайшего зла – смерти.

Говоря о воздействии на Достоевского воскресительных идей Н. Ф. Федорова, исследователи всегда вспоминают финал «Братьев Карамазовых», разговор Алеши с мальчиками у Илюшина камня. «Согласимся же здесь, у Илюшина камушка, что не будем никогда забывать – во-первых, Илюшечку, а во-вторых, друг о друге. И что бы там ни случилось с нами потом в жизни, хотя бы мы и двадцать лет потом не встречались, – все-таки будем помнить о том, как мы хоронили бедного мальчика, в которого прежде бросали камни, помните, у мостика-то? – а потом так все его полюбили. [...] Все вы, господа, милы мне отныне, всех вас заключу в мое сердце, а вас прошу заключить и меня в ваше сердце! Ну, а кто нас соединил в этом добром хорошем чувстве, об котором мы теперь всегда, всю жизнь вспоминать будем и вспоминать намерены, кто как не Илюшечка, добрый мальчик, милый мальчик, дорогой для нас мальчик на веки веков! Не забудем же его никогда, вечная ему и хорошая память в наших сердцах, отныне и вовеки веков!» (*Достоевский. 15*, 195, 196). Здесь буквально повторяется присутствовавшая в статье «Чем должна быть народная школа?» мысль о том, что истинной и прочной основой единения может быть лишь память и любовь к умершим. Мальчики и Алеша соединяются в памяти об Илюше, в любви к нему («– Будем, будем помнить! – прокричали мальчики, – он был храбрый, он был добрый! – Ах как я любил его! – воскликнул Коля. [...] – Ну пойдемте же! Вот мы теперь и идем рука в руку. – И вечно так, всю жизнь рука в руку!» (там же, с. 196, 197)), веруя и надеясь на то, что «все встанем из мертвых, и оживем, и увидим опять друг друга, и всех, и Илюшечку» (там же, с. 197). Н. П. Петерсон указывал на то, что работа памяти – первый шаг на воскресительном пути. И Алеша начинает именно с этого шага, призывая мальчиков помнить, вечно помнить Илюшечку. Причем помнить умилительно, любовно, сохраняя в сердечной памяти мельчайшие подробности индивидуального облика ушедшего, чтобы он как бы воскресал перед ними: «Будем помнить и лицо его, и платье его, и бедненькие сапожки его, и гробик его, и несчастного грешного отца его, и о том, как он смело один восстал на весь класс за него!» (там же, с. 196).

Исследователи творчества Достоевского не раз говорили о том, что образ Алеши и двенадцати мальчиков у камня имеет отчетливую евангельскую основу в образе Христа и двенадцати апостолов. Более того, можно утверждать, что финальная речь у камня своим первообразом имеет, с одной стороны, проповедь Христа после Тайной вечери, на которой были произнесены слова: «Заповедь новую даю вам – да любите друг друга» и Первосвященническая молитва с ее прошением-заповедью «Да будут все едино» (Ин 17:1–26), а с другой – финал Евангелия от Матфея: отправление апостолов на проповедь и другая заповедь: «Шедше, научите вся языки, крестяще их во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа» (Мф 28:19). Как раз эти евангельские эпизоды приводил Н. П. Петерсон в начале статьи «Чем должна быть народная школа?», подчеркивая, что здесь Христос дает человечеству смысл и цель жизни: единение по образу Божественного Триединства, ради уничтожения смерти и воскрешения умерших, – и несомненно, что именно он привлек к этим эпизодам внимание Достоевского.

Сцена у камня воспроизводит ситуацию основания Христом церкви – «на камени» любви и памяти к умершему Илюшечке воздвигается «малая церковь», соединяющая мальчиков, чтобы идти «вечно так, всю жизнь рука в руку» (*Достоевский. 15*, 197). Это опять-таки отсылает нас к рукописи Петерсона. Инстанцией, призванной стать в человечестве силой соединяющей и вдохновляющей, вести к «уничтожению смерти», быть зримым воплощением соборности, человеческого многоединства (а оно в перспективе истории должно расшириться на всех людей и на всю землю), названа в ней именно церковь. И Достоевский не мог не быть с этим согласен. Еще В. С. Соловьев в первой речи в память Ф. М. Достоевского указал, что писатель проповедовал «Церковь как общественный идеал», и заметил при этом: «Церковь как положительный общественный идеал должна была явиться центральной идеей нового романа или нового ряда романов, из которых написан только первый – “Братья Карамазовы”» (*Соловьев. 3*, с. 197). По свидетельству Соловьева, «главную мысль, а отчасти и план своего нового произведения Достоевский передавал» ему «в кратких чертах летом 1878 г.» во время их совместной поездки в Оптину пустынь (там же, с. 197–198). И действительно, тема церкви как формы истинного уст-

роения людей проходит красной нитью и через черновики к роману, и в окончательном тексте. В черновых набросках в уста адвоката Фетюковича писатель вкладывает слова: «Что такое общество? Или чем *должно быть общество*? Церковь» (*Достоевский. 15*, 368). Мысль о преображении государства, общества из «союза почти еще языческого во единую вселенскую и владычествующую церковь» (*Достоевский. 14*, 61) развивается в беседе в келье старца Зосимы. «Сие и буди, буди, хотя бы и в конце веков, ибо лишь сему предназначено совершиться!» – заключает старец (там же). Позднее, в набросках к «Дневнику писателя» 1881 г., Достоевский снова вернулся к этой теме: «Государство есть церковь. Наше различие с Европой. Государство есть по преимуществу христианское общество и стремится стать церковью (христианин-крестьянин)» (*Достоевский. 27*, 80). И в последнем, январском выпуске «Дневника» вывел формулу «русского социализма», «цель и исход которого всенародная и вселенская церковь, осуществленная на земле, поколику земля может вместить ее» (там же, с. 19).

Кульминации мысль Достоевского о «единении всечеловеческом», преображении человечества на началах соборности достигла несколько ранее – в «Пушкинской речи» (лето 1880 г.). Говоря о том, что назначение России – изречь «окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону» (*Достоевский. 26*, 148), повернуть историю на Божьи пути, писатель перекликается не только с Н. Ф. Федоровым, но и с И. С. Аксаковым, с В. С. Соловьевым, своим младшим современником, включаясь в ту линию русской мысли (позднее она будет представлена именами Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова, А. К. Горского, Н. А. Сетницкого, Г. П. Федотова), в которой была выдвинута концепция «активно-творческой эсхатологии»: преображение мира и человека представало здесь не как мгновенный, катастрофический, трансцендентный акт, прерывающий тупиковый, греховный путь цивилизации, а как имманентный, длительный, эволюционный процесс перерождения, обожения человеческого и природного естества, как богочеловеческое дело, как задача истории (подробнее см. об этом: А. Гачева. Ф. М. Достоевский о смысле истории. Место его идей в диалоге отечественных концепций истории //Достоевский и современность. Материалы VIII Международных «Старорусских Чтений» 1993 г. Новгород, 1994, с. 78–94).

Представление о возможности благого разрешения истории, противостоящего судному, катастрофическому ее варианту и зависящего уже именно от человечества: придет ли оно «в разум истины» или станет упорствовать на ложном пути, – у Н. Ф. Федорова было тесно связано с выдвинутой им идеей условности апокалиптических пророчеств. Этой идеи его ученик также коснулся в своей статье, причем апеллировал при этом к евангельскому тексту: «Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную; и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь» (Ин 5:24). Более прямо и развернуто идея условности пророчеств прозвучала в письме Петерсона Достоевскому от 29 марта 1878 г. Так что не удивительно, что и в черновиках к «Братьям Карамазовым» присутствует мотив благого разрешения истории. «Но если все всё простили (за себя), неужто не сильны они *все* простить всё и за чужих? Каждый за всех и вся виноват, каждый *потому* за всех вся и силен простить, и станут тогда все христовым делом, и явится Сам среди их, и узрят его и сольются с ним, простит и первосвященнику Каиафу, ибо народ свой любил, по-своему, да любил, простит и Пилата высокоумного, об истине думавшего, ибо не ведал, что творил» (*Достоевский. 15*, 249). Всеобщее покаяние, всепрощение и соединение в общем деле и общей любви меняет содержание второго пришествия – здесь уже не суд, а прощение и слияние друг с другом и со Христом. Та же мысль реализуется и в окончательном тексте романа – в проповедях старца Зосимы, в его провидении «будущего уже великолепного единения людей, когда не слуг будет искать себе человек и не в слуг пожелает обращать себе подобных людей, как ныне, а, напротив, изо всех сил пожелает стать всем слугой по Евангелию» (*Достоевский. 14*, 288), в его словах о том, что «всякий пред всеми за всех виноват» и нельзя человеку «ничьим судьею быти» (там же, с. 291), в заповеди о любви к Божьему миру, в его молитве о самоубийцах, уповающей на прощение и сих несчастных. И, наконец, в жизнеутверждающем финале романа, озаренного «верой и надеждой воскресения».

Примечательно, что, проповедуя братски-любовное соединение людей, приводящее к благому, не судному финалу истории, к всепрощению и всеспасению, Ф. М. Достоевский, знаток природы человека (достаточно вспомнить «Записки из подполья»), делает уступку человеческой свободе, признавая, что в перспективе всеобщего единения, которое может быть лишь добровольным актом («благое избрание»), для некоторых душевно исковер-

канных, укорененных в зле и самости натур не исключен крайний вариант гордынного своеволия: в набросках к роману вслед за процитированными выше строками о соединении со Христом, прощении Каиафы и Пилата (т. е. мучителей и предателей, видевших истину и отвергших ее), читаем: «Будут и гордые, о, будут, те с сатаной, не захотят войти, хотя всем можно будет, и сатана восходил, но не захотят сами» (*Достоевский. 15*, 250). В окончательном тексте романа эти строки развернуты в финале поучений Зосимы, в конце главки «Об аде и адском огне, рассуждение мистическое» (*Достоевский. 14*, 293).

Излагая в письме к Н. П. Петерсону свое понимание идей «неизвестного мыслителя», Ф. М. Достоевский затрагивает вопрос о миллениуме, как бы перебрасывая мостик к черновикам романа «Бесы», где в разговорах Князя с Шатовым не раз возникала тема «тысячелетнего царства», завершающего, по мысли писателя, процесс истории. Братское единение людей «по Христову, евангельскому закону» и «всепримирение народов» рассматриваются Достоевским как путь к миллениуму – об этом он пишет и в черновиках к «Бесам», и в «Дневнике писателя» (характерно, что само слово «миллениум» в «Дневнике...» не появляется, но Достоевский, говоря о конечной «мировой гармонии» на земле, явно имеет его в виду). Вступая в миллениум, человек перерождается физически («не женятся и не посягают»), иными становятся формы его контакта с другими людьми, изменяется деятельность сознания. И воскресительные идеи Н. Ф. Федорова интерпретировались Достоевским в письме Петерсону именно в свете его собственной концепции истории как пути к «тысячелетнему царству»; воскресение умерших (судя по контексту письма – всех, а не только праведных) знаменовало наступление бессмертия и преображения земли. Следует отметить, что, говоря о миллениуме и о «мировой гармонии», Достоевский никогда не утверждает, как это сделано в «Откровении», что по окончании тысячелетнего Царства сатана вновь восстанет и будет «обольщать народы» (Откр 20:7) – вплоть до конечной победы над ним, вплоть до всеобщего воскресения. «Мировая гармония» Достоевского не нарушается злым началом – оно, по мысли писателя, уже побеждено. В его логике Царство Божие на земле становится как бы переходным этапом к воцарению «закона Божия» во всем мироздании.

Заканчивая обзор тех положений статьи Н. П. Петерсона, которые оказались близки Достоевскому, остановимся на мысли о противоположности закона Божия царствующему ныне закону природы. Петерсон следовал здесь коренному убеждению Федорова, полагавшего, что существующее небратство людей причинно обусловлено самим падшим природным порядком вещей, что корень эгоизма – в несовершенном и смертном естестве человека и без преображения этого естества никакая социальная гармония невозможна. У Достоевского понимание глубочайшего разрыва между требованиями христианской нравственности (евангельская норма отношений по-настоящему осуществима лишь в совершенном человечестве) и законами земной реальности было выражено еще в записи у гроба первой жены: «Возлюбить человека, как самого себя, по заповеди Христовой, – невозможно. Закон личности на земле связывает. *Я* препятствует» (*Достоевский. 20*, 172). Там же была высказана идея «перерождения», преображения человека «в другую натуру», причем, пытаясь хотя бы пунктирно наметить пути физической метаморфозы, Достоевский опирался на слова Спасителя: «...в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как ангелы Божии на небесах» (Мф 22:30). О невместимости идеала братского единения в нынешнюю натуру человека писатель писал неоднократно, выведя чеканную формулу «Были бы братья, будет и братство». В черновиках к «Братьям Карамазовым» он вновь возвращался к этой теме, причем явно перекликаясь с формулировками Петерсона: «...есть ли такой закон природы, чтобы любить человечество? Это закон Божий. Закона природы такого нет, правда ли?» (*Достоевский. 15*, 207). Здесь же, в связи с вопросом о путях преображения, возникла формула, как будто прямо идущая от Федорова, но не нашедшая отражения в черновике статьи «Чем должна быть народная школа?» (хотя, впрочем, не исключена возможность, что она была в окончательном тексте, пока не разысканном): «Изменится плоть ваша (Свет фаворский)», «Свет фаворский: откажется человек от питания, от крови – злаки» (*Достоевский. 15*, 245, 246). Именно Федоров неоднократно указывал на необходимость глубокого исследования механизма питания растений, по типу которого возможны перестройки и у человека (это тип *автотрофного* питания, строящий организм из самых простых неорганических веществ и солнечного света). Будущий организм, который выработает себе человек, по мысли философа, есть «единство знания и действия; питание этого организма есть сознательно-творческий процесс обращения человеком элементарных, космических веществ в минеральные, потом

растительные и, наконец, живые ткани». В том же направлении движется и мысль Достоевского (отказ от «кровавого питания», «злаки»). Подобное совпадение – еще один аргумент в пользу того, что в плане религиозно-философском Достоевский и Федоров развивались в одном направлении, их логики были чрезвычайно близки.

Говоря о воздействии на Ф. М. Достоевского воскресительных идей Н. Ф. Федорова, не следует упускать из виду тот факт, что восприняты они им были в 1878 г. через посредство третьего лица, предстали в интерпретации Н. П. Петерсона (вопрос о том, дошла ли до писателя посланная в конце 1880 г. втайне от Н. Ф. Федорова часть развернутого ответа ему, остается открытым). Вряд ли следует объяснять, что это далеко не то же самое, что общение с создателем учения или чтение его работ. Н. П. Петерсон вникал в федоровские идеи постепенно, углубляя свое понимание от года к году. Как признавался Николай Павлович в письме В. А. Кожевникову от 13 марта 1905 г., поначалу, в 1860-х годах, он понимал учение Федорова «весьма несовершенно и даже нечестиво», «представлял его себе тогда воскрешением без Бога силами одного человека» (ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 25, л. 15 об.), в 70-е годы от такого понимания уже не осталось и следа; в центр стала идея всеединства. Новое углубление произошло уже после обращения к Достоевскому со статьей «Чем должна быть народная школа?» – тогда, когда Федоров начал письменное изложение учения и Петерсон помогал ему в работе над рукописями. Отметим тот факт, что Федорову пришлось сделать на рукопись Петерсона «столько замечаний, что ни в каком письме их уместить невозможно» (Т. IV наст. изд., с. 208). А сам Николай Павлович признавался мыслителю, что не сумел изложить в рукописи всего, что услышал от Федорова летом 1876 г. («был не в силах изложить» «до 8-ми весьма обширных примечаний» – там же, с. 578).

В статье «Чем должна быть народная школа?» на первый план была выдвинута идея соборного единения людей: единение становилось задачей исторического делания и подготовкой условий для «осуществления чаемого», восстановления всех ушедших в небытие. О самом же воскресительном деле в его полном объеме, о задачах «новой науки», вдохновленной идеалом «обожения», о регуляции природы в рукописи было сказано предельно кратко и обобщенно – слишком даже кратко и обобщенно. Фактически не касался Петерсон и вопроса о путях воскрешения – говорил только о «воссоздании в памяти прошедших поколений» и самым общим образом – о необходимости «дать целесообразное направление» «силам природы» (да и в этом случае акцентировал внимание сугубо на первой стадии – изучении мира). Держа в руках лишь одну рукопись, не имея в сознании четких формулировок самого Федорова, трудно было адекватно понять изложенные в рукописи идеи, и одной из возможностей была трактовка всего в ней имеющегося как метафоры. Оттого-то Достоевский и спрашивал Петерсона в своем письме от 24 марта 1878 г., какое воскресение он имеет в виду: «мысленное», «аллегорическое» или «реальное, буквальное, личное», которое «сбудется на земле» (*Достоевский. 30(I)*, 14–15). Возможно, поводом к этому вопросу отчасти послужило рассуждение Петерсона о «восстановлении в памяти прошедших поколений» (т. е. таком «изучении истории», «чтоб из ее области не был потерян ни один человек») как первой ступени «к воскрешению прошедших поколений» (см. Т. IV наст. изд., с. 508; ср. у Достоевского: «...и они воскреснут не в сознании только нашем, не аллегорически, а действительно, лично, реально в телах» (*Достоевский. 30(I)*, 14)).

Далеко не до конца ясным для Достоевского, имевшего дело, повторяем, лишь с изложением учения о воскрешении, был и вопрос о границах человеческого участия в воскресительном деле: именно поэтому, говоря о «долге воскресенья прежде живших предков» (долг подразумевает активность, действие), собственно воскресительный акт писатель обозначает пассивным залогом – «пропасть, отделяющая нас от душ предков наших, *засыплется*, победится побежденною смертию», воскресение «*сбудется* на земле» (курсив наш. – *Сост.*). Судя по всему, из статьи Н. П. Петерсона, выдвигавшей на первый план идею единения, Ф. М. Достоевский понял, что смысл земной истории – в подготовке условий будущего восстания из мертвых, что путь к этому – всеобщее единение в любви, по мере расширения и углубления которого расширяется и углубляется память о предках и любовь к ним, и что в какой-то момент единение и любовь достигнут такой степени, что совершится чудо восстания из мертвых. Письмо Петерсона от 29 марта 1878 г., написанное в ответ на вопросы писателя, вряд ли могло существенно углубить понимание Достоевским идей Н. Ф. Федорова. Да, в его начале было подчеркнуто, что идеал человеческого многоединства полностью «осуществится лишь победою человека над смертью, и не достижением лишь бессмертия, но и восстановлением, воскрешением всех прошедших поколений», но далее этот тезис никак не был конкретизирован; опять-таки ни слова не гово-

рилось ни о регуляции, ни о путях воскрешения. Заключительная же фраза рассуждения Петерсона: «...если мы не исполним заповеди Спасителя, не придем к единству, к которому Он призывает нас, то подвергнемся суду, если же исполним, и достигнем нашего всеединства, тогда и на суд не придем, потому что уже пришли от смерти в живот» (на первом плане опять «единство», «всеединство», воскрешение же – лишь в подтексте), скорее, подтверждала вышеизложенную трактовку Достоевского, тем более, что это соответствовало и его собственному представлению о том, как совершится переход к «новому небу и новой земле», выраженному в записи от 16 апреля 1864 г.: «Есть ли в таком случае будущая жизнь для всякого *я*? Говорят, человек разрушается и умирает *весь*. Мы уже потому знаем, что не весь, что человек, как физически рождающий сына, передает ему часть своей личности, так и нравственно оставляет память свою людям (*NB Пожелание вечной памяти* на панихидах знаменательно), то есть входит частию своей прежней, жившей на земле личности, в будущее развитие человечества. [...] Христос весь вошел в человечество, и человек стремится преобразиться в *я* Христа как в свой идеал. Достигнув этого, он ясно увидит, что и все, достигавшие на земле этой же цели, вошли в состав его окончательной натуры, то есть в Христа (Синтетическая натура Христа изумительна. Ведь это натура Бога, значит, Христос есть отражение Бога на земле)» (*Достоевский. 20*, 174). Самый момент воскресения Достоевский не стремится объять мыслью и словом – «Как воскреснет тогда каждое *я* – в общем Синтезе – трудно представить» (там же), – переходя сразу же к картине повоскресного состояния, воцарившегося «Царствия Божия»: «Мы будем – лица, не переставая сливаться со всем, не посягая и не женясь, и в различных разрядах (в дому Отца Моего обители многи суть). Все себя тогда почувствует и познает навечно» (там же, с. 174–175). В письме к Н. П. Петерсону от 24 марта 1878 г., говоря о воскресении, Достоевский более конкретен: воскресение совершится «в телах», плоть воскресших будет преображенной, – однако об участии человечества не просто в подготовке условий восстания из мертвых, но непосредственно в самом воскресительном акте нет и речи.

О том, что вопрос об этом участии оставался в 1878 г. для Достоевского открытым, свидетельствует, помимо письма писателя к Н. П. Петерсону, и его последний роман. В черновиках к «Братьям Карамазовым» есть запись, в которой конспективно содержатся идеи статьи Петерсона: «*Перемещение* любви. Не забыл и тех. Вера, что оживим и найдем друг друга все в общей гармонии. Воскресение предков зависит от нас» (*Достоевский. 15*, 204). Здесь же в разговорах о Дмитрии мелькают фразы: «Ну, этот родственников не воскресит», «Я знаю, что не воскресит. Карл Мор» (там же, с. 207, 208). В черновых набросках поучений старца Зосимы появляется фраза, отсылающая к тезису Н. П. Петерсона о необходимости изучения мира для овладения бессознательно протекающими в нем процессами: « – ТОГДА НЕ ПОБОИМСЯ И НАУКИ. ПУТИ ДАЖЕ НОВЫЕ В НЕЙ УКАЖЕМ» (там же, с. 250) – эту фразу Достоевский выделяет большими буквами. В финале романа обращают на себя внимание слова Коли Красоткина: «Знаете, Карамазов, [...] мне очень грустно, и если б только можно было его воскресить, то я бы отдал все на свете!» и ответ Алеши: «Ах. И я тоже» (там же, с. 194). Это с одной стороны. С другой же, самый момент воскресительного перехода к Царствию Божию обозначен Достоевским в традиционном духе: «...все встанем из мертвых, и оживем, и увидим опять друг друга, и всех, и Илюшечку? – Непременно восстанем, непременно увидим...» (то же самое «*сбудется»*). Впрочем, следует сказать, что здесь Достоевский по-своему корректен. Статья Н. П. Петерсона давала слишком мало данных для иного вывода и для каких-либо «фантазий» на столь ответственную тему.

В свое время авторы комментария к академическому изданию полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского отрицали возможность воздействия идей «неизвестного мыслителя» на роман «Братья Карамазовы» (*Достоевский. 15*, 470–471). Основанием для такого вывода послужили резкие высказывания Федорова о Достоевском в работе «Супраморализм»: философ обвинял писателя в мистицизме и намеренно подчеркивал свое расхождение с ним в понимании воскресения. Кроме того, по словам авторов комментария, у Достоевского не нашли никакого отражения представления Н. Ф. Федорова о конкретных путях воскрешения. Мы не согласны с данной точкой зрения, и вот почему. Во-первых, следует понять, в чем состояла причина резкости Федорова по отношению к Достоевскому в работе «Супаморализм», а также в ряде других заметок. Эта причина – негативный отзыв Н. А. Энгельгардта на посланную ему публикацию письма Достоевского Петерсону в газете «Дон» с предисловием Федорова (см. примеч. 29 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве»). Во-вторых, Федоров в сущности

обвиняет Достоевского не в том, что тот не воспринял его идеи в должном объеме (этого просто не могло быть, изложение Н. П. Петерсона было лишь верхушкой айсберга), а в том, что писатель, идя по тому же пути, что и Федоров, самостоятельно не додумался до участия человеческого рода в самом воскресительном акте и не сформулировал пути воскрешения. И наконец, главное: Достоевский воспринял учение Федорова ровно настолько, насколько ему его изложил Н. П. Петерсон, и не мог прореагировать на то, *чего не было в рукописи*. Те же идеи, которые в статье «Чем должна быть народная школа?» присутствовали, вызвали сочувственный отклик писателя и нашли свое художественное воплощение в его последнем романе.

Оба сохранившихся в архиве Н. П. Петерсона черновика статьи «Чем должна быть народная школа?» написаны на двойных листах. Листы рукописей пронумерованы рукой Н. П. Петерсона. Первая и вторая (названная последней) редакции начинаются одинаково, ход мысли в них в основном совпадает, близки многие формулировки. Тем не менее обнаруживается и ряд разночтений. В частности, в последней редакции отсутствует имеющийся в первой редакции тезис о неразрывности церковного и школьного образования («только чрез школу могут прийти в церковь крещенные в младенчестве»), а также перечень тех учреждений, которые необходимо устраивать при всякой школе. Обе редакции, по всей видимости, не закончены (первая просто оборвана на полуслове). И Петерсон, вернувшись в 1877 г. к рукописи, озаглавленной «Последняя редакция», должен был привести ее в удобочитаемый вид, дополнить (в том числе тем, что имелось в первой редакции) и расширить. Вероятно, в окончательном тексте более подробно был развит вопрос о связи школы и церкви (из письма Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 30 декабря 1904 г. следует, что в статье, посланной Достоевскому, было выражение «церковь-школа» (см.: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 24, л. 54 об.).

В настоящем издании печатаются вторая редакция статьи «Чем должна быть народная школа?» и фрагменты первой редакции – те, в которых текст варьируется и дополняет содержание второй редакции. – *506*.

[13] В качестве эпиграфа дан текст «Величания» на день Покрова Пресвятой Богородицы. – *506*.

[14] См.: Ин 5: 24. – *507*.

[15] Это рассуждение Н. П. Петерсона нашло горячий отклик у Достоевского. Вопрос о разрыве поколений волновал писателя на протяжении всего последнего десятилетия. Еще в начале 1870-х годов он задумывает роман об отцах и детях, замысел которого частично воплотился в «Подростке». Одной из центральных тем «Дневника писателя» стала тема «случайного семейства». Достоевский ставит вопрос о разрыве семейных связей, и причину этого разрыва, причину «случайности современного русского семейства» полагает в утрате «общей, связующей общество и семейство идеи» (*Достоевский. 25*, 178). Характерно, что главную вину за блуждания и шатания молодого поколения, за утрату смысла жизни, за растущие безверие и нигилизм детей писатель возлагал на отцов – «людей сороковых годов»: это они утратили «всякую общую идею в отношении к своим семействам, общую для всех отцов, связующую их между собою, в которую бы они сами верили и научили бы так верить детей своих, передали бы им эту веру в жизнь» (там же). Статья Петерсона также поднимала вопрос о разрыве «отцов и детей», об ослаблении «родственных связей», но уже с другой точки зрения. Публицист стремился показать вину «сынов», говорил об их ответственности перед родителями, о долге сыновней любви, которая не должна смиряться со смертью. И в романе «Братья Карамазовы», не без влияния петерсоновской рукописи, проблема «отцов и детей» рассматривается Достоевским уже с двух сторон. В «случайности» семейства Карамазовых виновны и отец, и дети (первый пренебрегает родительскими обязанностями, последние – сыновними). В Алеше же Карамазове запечатлен образ истинно-христианского, родственно-любовного отношения к родителю – не случайно кроткая любовь Алеши в какие-то мгновения преображает Федора Павловича. Подробнее о «федоровской» основе линии, связанной с карамазовским семейством, см.: С. Г. Семенова. Преодоление трагедии, с. 159–161, К. Баршт. «Научите меня любви» (К вопросу о Н. Ф. Федорове и Ф. М. Достоевском) // Простор, 1989, № 7, с. 164–166.

В черновиках к «Братьям Карамазовым» развита мысль о семействе как о той клеточке, из которой разрастается организм всеобщего единения и братства. Опыт деятельной любви, которым, по мысли писателя, и стяжается Царствие Божие, должен начинаться не с дальних, не с отвлеченного «человечества», а с ближних, особенно с самых ближних, родных по крови, которых зачастую, по их грехам и немощам, возлюбить труднее всего:

«О родственных обязанностях. Старец говорит, что Бог дал родных, чтобы учиться на них любви. Общечеловеки ненавидят лиц в частности» (*Достоевский. 15*, 205).

«Учитесь любить. Нос.

– С родственников» (там же, с. 207);

«... на родственниках учиться любви» (там же, с. 208);

«Семейство как практическое начало любви.

Семейство расширяется: вступают и неродные, заткалось начало нового организма» (там же, с. 249).

В этих записях – начало нового, активно-христианского понимания семьи, к которому Достоевский пришел под прямым влиянием Федорова и Петерсона. Ведь еще в записи у гроба первой жены, 16 апреля 1864 г., Ф. М. Достоевский, размышляя о том, что «на земле человек в состоянии переходном», касался и вопроса о браке, о двойственности «половой любви», вскрывая ее антиномичность в мире, каков он есть (в этом писатель опять-таки обнаруживал глубокие совпадения с Н. Ф. Федоровым: по мысли последнего, половой раскол, природное бессознательное рождение, обратной стороной которого является иссякновение сил родителей, вытеснение и смена поколений, – одна из основ несовершенного, смертного порядка бытия). «Женитьба и посягновение на женщину, – пишет Достоевский, – есть как бы величайшее оттолкновение от гуманизма, совершенное обособление пары от *всех* (мало остается для всех). Семейство, то есть закон природы, но все-таки ненормальное, эгоистическое в полном смысле состояние от человека. Семейство – это величайшая святыня человека на земле, ибо посредством этого закона природы человек достигает развития (то есть сменой поколений) цели. Но в то же время человек по закону же природы, во имя окончательного идеала своей цели, должен беспрерывно отрицать его» (*Достоевский. 20*, 173). Итак, в семействе, с одной стороны, половая любовь с ее началом обособления, – то, чего не будет в Царствии Небесном, когда «человек переродится по законам природы окончательно в другую натуру, которая не женится и не посягает» (там же), с другой – продолжение рода, священное дело жизни. Н. П. Петерсон в статье «Чем должна быть народная школа?» ниже также касается вопроса о двойственности семьи, говоря, что «самое имение детей требует оправдания, потому что оно есть результат удовлетворения одной из самых низких наших страстей», и, вслед за Федоровым, видит выход в том, чтобы поставить высшей целью восстановление умерших: семья должна воспитывать «сынов и дочерей человеческих», взращивать приходящих в мир в духе памяти и любви к ушедшим; тогда через «рождение детей» будет передаваться эстафета памяти и сыновнего долга следующим поколениям вплоть до того момента, когда станет возможным восстановление всех, когда-либо живших. Идеал всеобщего воскрешения преображает семью, делая ее семьей воскресителей, очагом родственной любви, призванной в перспективе всеобщего дела охватить собой все человечество. – *508*.

[16] Данный перечень Н. П. Петерсон составил на основе бесед с Н. Ф. Федоровым о школьном образовании и исходя из собственного опыта организации возглавлявшейся им церковно–приходской школы (см. его письма к Н. Ф. Федорову от 9–16 сентября 1875 и между 3 и 12 июня 1876 гг. – Т. IV наст. изд., с. 571, 575). – *513*.

[17] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 93, лл. 3–4 об. Текст представляет собой черновик ответа Н. П. Петерсона на письмо Ф. М. Достоевского от 24 марта 1878 г. Автограф не датирован, однако, судя по тому, что тип бумаги в точности совпадает с бумагой, на которой написано письмо Н. П. Петерсона Н. Ф. Федорову от 29 марта 1878 г., а также исходя из слов Николая Павловича в этом письме: «На это письмо (письмо Ф. М. Достоевского. – *Сост.*) я отправляю ответ вместе с этим письмом к Вам и черновик моего ответа также прилагаю здесь», – ответ Достоевскому был написан и послан также 29 марта.

Об этом своем письме Ф. М. Достоевскому Н. П. Петерсон впоследствии умалчивал. Обыкновенно, когда речь заходила об истории его обращения к писателю, он сообщал, что письмо Достоевского осталось без ответа, поскольку Н. Ф. Федоров в качестве такового решил послать новое, развернутое изложение своего учения, работа над которым затянулась и так и не была окончена до самой смерти Достоевского. Именно такую версию находим в письме Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 4 мая 1896 (Т. IV наст. изд, с. 605). Ее же Н. П. Петерсон повторил в 1904 г. в письме в редакцию «Русского архива», в третьем номере которого было помещено письмо Ф. М. Достоевского. Откликаясь на примечание П. И. Бартенева к тому месту письма, где Достоевский задает ученику Федорова ряд вопросов об идеях мыслителя и просит скорого ответа: «Не знаем, что на этот вызов отвечал Н. П. Петерсон» («Русский архив», 1903, № 3, с. 403), Николай Павлович

решительно заявлял: «...никакого ответа Достоевскому послано не было». «Это письмо я тотчас же сообщил Н<иколаю> Ф<едорови>чу, и он выразил желание послать Достоевскому совершенно полное изложение своего учения. За это изложение мы принялись летом 1878 года, отложив ответ Достоевскому на его письмо до тех пор, пока изложение будет готово. Но работа затянулась, она не могла быть кончена в вакационное время 1878 года и, все разрастаясь, не была окончена и в 1879, и в 1880 гг.; а затем Достоевский умер» («Русский архив», 1904, кн. 2 (№ 5-6), с. 300, 301).

О том, что краткий ответ Достоевскому все-таки был послан, Н. П. Петерсон упомянул лишь однажды и очень вскользь в воспоминаниях, написанных в 1916 г. и, по всей вероятности, предназначавшихся для III тома «Философии общего дела». Приведем фрагмент этих воспоминаний:

«Мне хотелось сделать известным то, что я слышал от Н<иколая> Ф<едорови>ча, потому что не мог не сознавать и не чувствовать великого значения этого; но сам Н<иколай> Ф<едоров>ич находил все это недостаточным, неполным и плохо выраженным. В конце 1877 года я сделал краткое изложение слышанного мною от Н<иколая> Ф<едорови>ча и это мое изложение послал Ф. М. Достоевскому, не говоря об этом Н<иколаю> Ф<едоровичу>, так как наперед знал, что он не согласился бы на такое послание, нашел бы мое изложение неполным, ненадлежаще выраженным и даже, может быть, в чем-либо неверным. [...]

Получив это письмо (речь идет о письме Ф. М. Достоевского. – *Сост.*), я отправил его Николаю Федоровичу, а затем отправил к нему и черновик тетрадки, посланной Достоевскому». Далее Н. П. Петерсон сообщает, что в 1878 г. «Н<иколай> Ф<едорови>ч приезжал в Керенск во второй половине июня всего недели на две. В это время был начат ответ на письмо Достоевского, причем было пересмотрено все ранее написанное и положено начало установлению текста – “Записки от неученых к ученым по вопросу о братстве и причинах небратского состояния мира”. [...] В этот приезд Н<иколая> Ф<едорови>ча было написано то, что начинается словами: “Находясь чуть не тысячу лет почти с самого возникновения России в постоянной борьбе с Исламом” и проч. (стр. 64-я I тома “Фил<ософии> Общ<его> Дела”). Всего написано было в это время и к августу затем переписано 13 листов, как это видно из писем Николая Федоровича от 14, 23 и 29 июля». Затем Н. П. Петерсон сообщает о дальнейшей работе над рукописью, которая продолжилась в Москве, затем снова в Керенске, и конца которой не было видно. «Так до самой смерти Ф. М. Достоевского и не был готов ответ на его письмо. Я писал Федору Михайловичу что-то незначительное с обещанием обстоятельного ответа, но этот обстоятельный ответ Достоевский так и не увидал» (ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 7, лл. 13–15; см. также черновую редакцию: к. 5, ед. хр. 8, лл. 32–32 об.). В ранней редакции «Воспоминаний» Н. П. Петерсон так комментировал события, последовавшие за получением письма Достоевского: «О лице мыслителя, по нежеланию Н<иколая> Ф<едорови>ча, я не мог ничего сообщить Ф<едо>ру М<ихайлови>чу, но по существу Н<иколай> Ф<едорови>ч хотел ответить ему и мы начали этот ответ. С этих пор собственно и началось изложение того, что вошло потом в первый, отчасти и во второй том “Философии общего дела”» (ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 12, л. 15).

В рассказе Н. П. Петерсона обращают на себя внимание две вещи. Во-первых, то, как именно говорит Николай Павлович о своем письме Достоевскому: «...писал [...] что-то незначительное с обещанием обстоятельного ответа». Между тем из текста письма явствует, что такого обещания там не было, да и не могло быть, поскольку письмо посылалось до того, как Федоров узнал о факте обращения к Достоевскому. Более того, в беловой редакции воспоминаний вышеприведенные строки зачеркнуты Петерсоном: вероятно, в какой-то момент он усомнился, следует ли вообще придавать огласке данный факт.

Во-вторых, в тексте «Воспоминаний» подчеркнуто, что Николай Павлович ничего не сообщил Достоевскому об авторе учения «по нежеланию Николая Федоровича». Это заявление опять-таки опровергается письмом от 29 марта 1878 г., где Петерсон не только полностью назвал имя Федорова, но и указал место его службы – Румянцевский музей: «...сообщил нить, по которой Вы можете быть найдены», – признавался он Федорову (письмо от 29 марта 1878 г.).

То обстоятельство, что Петерсон лишь однажды обмолвился о своем ответе на письмо Достоевского (да и в этом единственном случае рассказ был подогнан под позднейшую ситуацию) и вообще старался не вспоминать о нем, имеет свое объяснение. На фоне развернутого изложения учения, предпринятого Федоровым и вылившегося в целое сочинение, маленькое, фрагментарное послание, к тому же не получившее отклика, выглядело

незначительным и ничтожным. Определенную роль, вероятно, сыграло и то, что Достоевский не разыскал Федорова, а на прямой контакт писателя и философа Николай Павлович, по-видимому, все-таки надеялся, оттого и поспешил сообщить Федорову о своем обращении к Достоевскому сразу же после получения письма последнего. Свой поспешный ответ Петерсон в силу всего вышеизложенного должен был причислить к ошибкам и неудачам, и вполне понятно его желание вычеркнуть из памяти неверный и необдуманный поступок. Вероятно, по тем же самым причинам он умолчал и о том, что сообщил Достоевскому имя Федорова. Возможно, потому же нигде не упоминал, что в последней трети 1880 г. послал Достоевскому часть написанного Федоровым ответа – и сделал это явно без согласования с мыслителем, – как не говорил и о своем обращении в марте 1881 г. к К. П. Победоносцеву с изложением идей Н. Ф. Федорова, касавшихся реформы высшей школы (подробнее о двух последних фактах см. ниже примеч. 19, 22).

Существенный вопрос в затронутом нами сюжете – дошло ли письмо от 29 марта 1878 г. до Достоевского. И если дошло, почему писатель, столь заинтересовавшийся присланной ему рукописью, желавший узнать имя ее автора и «хоть что-нибудь о нем подробнее как о лице» (*Достоевский. 30(I)*, 13), не разыскал неизвестного мыслителя. Среди сохранившихся личных записей Достоевского 1878 г. есть одна запись, которая в принципе может относиться к Н. П. Петерсону. В середине апреля на листке с первыми заметками к роману «Братья Карамазовы» Достоевский набрасывает краткий перечень своих текущих дел и в том числе перечисляет корреспондентов, которым намеревался ответить. В этом списке имеется запись: «Еще автору рукописи» (*Достоевский. 27*, 116). Комментатор записи предполагает, что речь в ней идет о тетради А. Д. Воеводина, присланной последним Достоевскому в марте 1878 г. (там же, с. 381). Однако рукопись А. Д. Воеводина Достоевский упоминает в той же записи несколько выше: «Самоубийце. (Рукопись)» (там же, с. 116, 381). В данном же случае речь, вероятно, идет о другой рукописи, а словечко «еще» указывает на то, что писатель ранее уже отвечал ее автору, – ответ же А. Д. Воеводину был написан позднее, 24 апреля 1878. Во всяком случае, если 31 марта или в самом начале апреля 1878 г. Достоевский получил письмо Н. П. Петерсона от 29 марта 1878 г., то запись о предполагавшемся ответе ему вполне могла появиться среди других записей писателя. То же, что Достоевский не назвал здесь ни фамилии Петерсона, ни фамилии Федорова, вполне объяснимо тем, что Петерсон не был его постоянным корреспондентом и запомнить его фамилию, а тем более привести ее, не обращаясь прямо к письму, писатель едва ли мог, так же как и названную лишь однажды фамилию мыслителя. Вообще, разовых корреспондентов Достоевский в своих записях редко называет по фамилии, а обычно по теме письма, рукописи или по какой-либо иной детали (например, «Поэту-пролетарию», «Маньяку писательство» (*Достоевский. 27*, 116) и т. д.). Впрочем, в записях 1876 г. приводится фамилия Петерсона в связи с планом мартовского номера «Дневника писателя» (*Достоевский. 24*, 169, 171), приведена она и в списке лиц, которым Достоевский намеревался тогда отвечать (*Достоевский. 27*, 112), однако записи эти были сделаны двумя годами ранее, а Петерсон в своем новом обращении вряд ли вспоминал свое прежнее письмо (не случайно же рукопись статьи «Чем должна быть народная школа?» была послана при неподписанном письме, и лишь опасаясь, что рукопись не дошла, Н. П. Петерсон в несохранившемся письме от 3 марта 1878 г. назвал себя).

Тому, что Достоевский не разыскал Федорова через нить, данную ему Петерсоном (библиотека Румянцевского музея), также можно найти объяснение. В конце апреля заболел, а 16 мая скончался трехлетний сын Федора Михайловича – Алексей. В тяжелом душевном состоянии писатель уже в конце месяца уехал в Старую Руссу. За несколько дней до отъезда возник проект поездки вместе с В. С. Соловьевым в Оптину пустынь. Этот проект осуществился в конце июня, когда Достоевский приехал в Москву, где он вел переговоры с М. Н. Катковым о будущей публикации в «Русском вестнике» «Братьев Карамазовых» и виделся с книгопродавцами. Однако даже если бы писатель в этот приезд в Москву и намеревался разыскать Федорова, то не смог бы этого сделать при всем желании. Он приехал в Москву 19 июня, а Румянцевский музей с 15 июня был закрыт на каникулярное время, и Федоров, еще 12 июня получивший от администрации Музеев свидетельство на проезд «в разные города Российской империи» с 15 июня по 15 августа, в это время уже уехал в Керенск к Н. П. Петерсону, где и началась напряженная работа над ответом Достоевскому. Писатель и мыслитель разминулись на несколько дней. – *514*.

[18] В письме от 24 марта 1878 г. Ф. М. Достоевский сообщал, что прочел рукопись статьи «Чем должна быть народная школа?» В. С. Соловьеву и тот «глубоко сочувствует

мыслителю» (*Достоевский. 30(I)*, 14). См. также примеч. 175 к разделу «Статьи и заметки о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве». – *514.*

[19] Печатается по: ОР РГБ, ф. 230, к. 4391, ед. хр. 29. Ранее опубликовано: «К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки». Т. 1, М.–Пг., 1923, с. 281–286. В сборнике письмо Петерсона было помещено среди других писем К. П. Победоносцеву, касающихся события 1 марта 1881 г., убийства императора Александра II. Многие из этих писем, принадлежавших как видным общественным и государственным деятелям России (Б. Н. Чичерину, Н. Х. Бунге, барону Николаи, гр. В. П. Мещерскому и др.), так и рядовым корреспондентам, содержали размышления о современном состоянии России, предлагали разнообразные проекты преобразований. Письмо Н. П. Петерсона, бывшего ишутинца, – еще одно свидетельство того коренного перерождения убеждений, к которому пришел он после знакомства с Федоровым, – встраивалось именно в этот ряд. Н. П. Петерсон, в то время уже убежденный консерватор и монархист, категорически отвергал путь революционных изменений, но одновременно подчеркивал, что одни лишь насильственные меры неспособны остановить волну террора. В письме – попытка поглубже взглянуть на события 1 марта, понять их как закономерное следствие духовного кризиса всего русского общества (а значит, и вина за него лежит на всех). Безверие и нигилизм, по мысли Петерсона, коренятся в самом укладе жизни современного человечества, избравшего ложный путь. И в этом тезисе, как и в оценке «нашей интеллигенции» и «учащейся молодежи», Н. П. Петерсон во многом перекликается не только с Н. Ф. Федоровым, но и с Ф. М. Достоевским, который в последние годы (не без влияния ли федоровских идей?) пришел к близкому пониманию природы нигилизма: «*Все нигилисты*, – замечает Достоевский в набросках к “Дневнику писателя” 1881 г. – Нигилизм явился у нас потому, что мы *все нигилисты*. Нас только испугала новая, оригинальная форма его проявления. (Все до единого Федоры Павловичи)» (*Достоевский. 27*, 54).

Так же как и в статье «Чем должна быть народная школа?», в своем обращении к К. П. Победоносцеву Н. П. Петерсон проводил мысль Н. Ф. Федорова об обществе «по типу Троицы». Причем, если в статье, посланной Ф. М. Достоевскому, Петерсон касался проблемы народного и начального образования, то в этом письме излагал федоровский проект реформы высшей школы, мысли философа о музейно-библиотечном типе образования, о роли самообразования в процессе познания, об установлении нового – патриархального, доверительно-родственного – типа отношений между учащимися и учителями, о преодолении разрыва поколений.

Комментируя данное письмо, его публикатор Г. П. Георгиевский (псевд.: «М. Н. Покровский»), в свое время близко знавший Федорова, предположил, что оно «от первого слова до последнего писано Николаем Федоровичем», поскольку «это было его постоянным обычаем – написать статью, письмо или рассуждение, но никогда не подписывать их своим именем» («К. П. Победоносцев и его корреспонденты». Т. 1, с. 414). И хотя последнее утверждение несомненно верно, в случае с письмом Победоносцеву дело обстояло иначе. Вряд ли Н. Ф. Федоров вообще знал об очередной инициативе Н. П. Петерсона. И сам Николай Павлович не оставил ни одного упоминания о своем обращении к К. П. Победоносцеву.

Хотя К. П. Победоносцев и не ответил Н. П. Петерсону, письмо последнего было не только им сохранено, но и в числе других материалов личной переписки обер-прокурора Синода, которым он придавал важное значение и «которые считал необходимым сохранить для себя и потомства», собственноручно передано на хранение в Отдел Рукописей Московского Публичного и Румянцевского музеев (указ. соч., с. XIII). – *515.*

[20] Н. П. Петерсон перечисляет покушения 1878–1881 г. на государственных лиц и самого императора. Вера Ивановна *Засулич* (1849–1919), будучи членом революционной организации «Земля и воля», 24 января 1878 г. по собственной инициативе совершила покушение на петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, по приказу которого был наказан розгами заключенный землеволец А. А. Емельянов. Была оправдана судом присяжных под председательством А. Ф. Кони, что вызвало широчайший сочувственный резонанс в русском обществе. Николай Владимирович *Мезенцев* (1827–1878), шеф жандармов, был убит на Михайловской площади в Петербурге 9 августа 1878 г. Кн. Дмитрий Николаевич *Кропоткин* (1836–1879), харьковский губернатор, был смертельно ранен 9 февраля 1879 г. Покушение на жизнь государственного и военного деятеля Александра Романовича *Дрентельна* (1820–1888), с сентября 1878 г. занявшего пост главного начальника Третьего отделения и шефа жандармов, было совершено Л. Ф. Мирским 13 марта 1879 г. Покушение на графа Михаила Тариэловича *Лорис-Меликова* (1825–1888), в 1880–1881 гг. занимавшего пост министра

внутренних дел, имело место 20 февраля 1880 г. *2 апреля, 19 ноября 1879 и 5 февраля 1880 г.* были организованы покушения на жизнь Александра II. – *515.*

[21] Этот слух оказался неверен. К. П. Победоносцев не имел отношения к разбору архива Ф. М. Достоевского. Обер-прокурор Св. Синода заботился главным образом о материальном положении семьи писателя: при его непосредственном участии была выхлопотана у Александра II ежегодная пенсия вдове и детям в размере 2000 руб.; К. П. Победоносцев стал также официальным опекуном детей Достоевского. – *517.*

[22] По всей видимости, Н. П. Петерсон послал Ф. М. Достоевскому так называемое «Предисловие» – ту часть ответа писателю, которая начиналась со слов «Находясь чуть не тысячу лет, почти с самого возникновения России, в постоянной борьбе с исламом» и составила впоследствии основу второй части «Записки» (см. примеч. 2 к письму 48). Именно здесь подробно развивалась идея Троицы как образца истинного, благого единства – та, что как раз и была положена Н. П. Петерсоном в основу статьи «Чем должна быть народная школа?», и формулировалось главное положение активного христианства: «Все обязанности, налагаемые на нас учением о Триедином Боге, выражаются в одной заповеди, в заповеди о *долге воскрешения*» (Т. I наст. изд., с. 107). Примечательно, что и в формулировке этого положения, и в других местах ответа Достоевскому Федоров широко пользуется выражением самого писателя из его письма к Петерсону: «В изложении идей мыслителя самое существенное, без сомнения, есть – долг воскресенья преждеживших предков» (*Достоевский. 30(I)*, 14), – как бы солидаризируясь с Достоевским, подтверждая его правоту и в то же время уточняя, углубляя его понимание своих идей: не *воскресенья,* а *воскрешения.*

Можно почти с полной уверенностью утверждать, что «Предисловие» к рукописи Федорова Н. П. Петерсон послал Достоевскому осенью или в начале зимы 1880 г., не поставив об этом в известность самого мыслителя. Возможность послать текст без ведома Федорова у Петерсона была, поскольку при переписке его рабочих рукописей он всегда оставлял себе второй экземпляр (см. письмо Н. П. Петерсона В. А. Кожевникову, написанное в начале 1904 г. – ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 29, л. 72 об.). О факте отправки рукописи «Предисловия» Петерсон впоследствии нигде не упоминал, неоднократно заявляя, что Ф. М. Достоевский умер, так и не дождавшись ответа (см. выше примеч. 16). Вопрос о том, дошла ли рукопись до Достоевского, остается невыясненным. – *517.*

[23] Речь идет о статье Н. П. Петерсона «Чем должна быть народная школа?» (см. выше примеч. 12). – *517.*

И. М. ИВАКИН

ВОСПОМИНАНИЯ
(фрагменты)

В настоящем разделе помещены фрагменты воспоминаний И. М. Ивакина (см. примеч. 138 к «Статьям и заметкам разного содержания»), представляющие ряд новых материалов к истории идейных и творческих взаимоотношений Л. Н. Толстого и Н. Ф. Федорова.

По окончании историко-филологического факультета Московского университета и после защиты кандидатской диссертации, И. М. Ивакин в сентябре 1880 г. стал домашним учителем сыновей Л. Н. Толстого Сергея, Ильи и Льва, готовя их по греческому и латинскому языкам. Вместе с семьей Толстых почти год он провел в Ясной Поляне. Это было время напряженных духовных исканий Толстого. И. М. Ивакин, поначалу отнесшийся к писателю «как демократ к аристократу» («Вот они, графы-то!»), «был поражен новым для него подходом Толстого к жизни, науке, литературе и религии» (С. Л. Толстой. Вступительная статья к публикации «Толстой в 1880-е годы. Записки И. М. Ивакина» // Литературное наследство. Т. 69, кн. II. М., 1961, с. 24): «Я хоть и далеко не всегда соглашался с ним, но каждому его слову внимал чуть не с благоговением. Ни один обед, ни один чай, ни одна беседа для меня даром не проходила. Он каждый раз высказывал что-нибудь новое, интересное, или даже на известное умел взглянуть иногда с такой точки зрения, о которой я и не подозревал. Право, он, сам того не замечая, точно открывал передо мной новый умственный мир... Хорошего было здесь то, что я принялся учиться, как редко учился» (цит. по: там же).

После того как семья Толстых осенью 1881 г. переехала в Москву, И. М. Ивакин также вернулся в первопрестольную и поступил преподавателем русского языка в 3-ю Московскую классическую гимназию. Общение с Толстыми не прерывалось. И. М. Ивакин поддерживал дружеские отношения с С. Л. Толстым, бывшим своим учеником, а лето 1882 г. провел в Ясной Поляне, давая уроки его младшим братьям. С самим Львом Николаевичем И. М. Ивакин также регулярно встречался и беседовал в Москве, а летом 1885–1886 гг. навещал Толстых в Ясной Поляне. Летом 1885 г. он вел дневник, занося в него впечатления от увиденного и услышанного тогда в доме Толстых, а в последующие годы также делал заметки о своих встречах с писателем. Параллельно в архиве Ивакина накапливались заметки о его беседах с Н. Ф. Федоровым, часто затрагивавших личность и идеи Толстого.

Познакомиться с Федоровым Ивакин в принципе мог и до своей встречи с Толстым, еще во время учебы в Московском университете – через библиотеку Московского Публичного и Румянцевского музеев, где регулярно занимались студенты университета. Но всего вероятнее, знакомство с Федоровым произошло в 1881 г. – начале 1882 гг. Это время интенсивного общения Толстого и Федорова: они встречаются в библиотеке, обмениваются идеями, Федоров бывает в доме Толстых – здесь Лев Николаевич и мог представить ему Ивакина (так же как мог привести его с собой в каталожную – до этого, даже регулярно занимаясь в читальном зале на правах рядового читателя, Ивакин мог и не знать Федорова лично, поскольку каталожная была отделена от читального зала и свободный доступ в нее имели далеко не все).

Итак, параллельно контактам с Толстым, развивается и крепнет в 1880-е гг. общение Ивакина с Федоровым. Иван Михайлович – среди тех, кто знаком с учением мыслителя и, по всей вероятности, им искренне заинтересован. Судя по публикуемым «Воспоминаниям», во второй половине 1880-х годов отношения Федорова и Ивакина – доверительные и сердечные. Встречаются они не в доме Толстого – в это время Федоров там вряд ли бывает (за исключением одного случая, зафиксированного Ивакиным, когда Николай Федорович посетил Толстых, чтобы уладить передачу рукописей писателя в Румянцевский музей), – а в библиотеке. Религиозно-этическое учение Толстого – постоянный предмет их разговоров. Под влиянием Федорова Ивакин постепенно меняет свое отношение к Толстому: оно становится более критическим, что особенно видно по тем фрагментам воспоминаний, где говорится о беседах повествователя с В. Ф. Орловым, В. И. Алексеевым, когда уже он сам, от себя лично оценивает Толстого-проповедника. Нараставшее от года к году сочувствие Ивакина православию, о котором говорит в рассказе о своем друге и учителе С. Л. Толстой («Литературное наследство». Т. 69, кн. II, с. 24), по всей видимости, также укреплялось общением с Н. Ф. Федоровым, его трактовкой православного христианства (ср. в «Воспоминаниях»: «Мы думаем, что православие – только риза да деревянное масло, а вдруг в нем есть нечто другое»).

Влияние Н. Ф. Федорова на И. М. Ивакина не иссякало и после 1889 г. – этим годом обрывается текст «Воспоминаний». По побуждению Федорова в октябре 1891 г. Ивакин обратился к Толстому с пространным письмом, в котором излагались идеи мыслителя об атмосферической регуляции и франко-русском книгообмене (см. Т. IV наст. изд., с. 655–658). Кроме того, в 1890-е гг. Иван Михайлович время от времени помогал Федорову в переписке его рукописей, возможно, что-то писал и под его диктовку.

Свои «Воспоминания» И. М. Ивакин, по всей видимости, составлял в конце 1900-х гг.: частью «по памяти», главным же образом на основе записей, сделанных в разные годы, непосредственно «по следам» его встреч и бесед с Толстым и Федоровым (см.: «Литературное наследство». Т. 69, кн. II, с. 25). «При общей обработке воспоминаний эти записи были автором объединены, поставлены в хронологическую связь между собой и в некоторых местах дополнены» (там же). О значении «Воспоминаний» Ивакина для философской биографии Федорова, а также для истории идейно-творческих взаимоотношений его с Толстым, коротко сказано в примеч. 37 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве».

В настоящее время выявлено 3 источника текста «Воспоминаний» И. М. Ивакина:

1) Наиболее ранний из них: РГАЛИ, ф. 508 (Толстовское собрание), оп. 1, ед. хр. 254. Рукопись выполнена рукой И. М. Ивакина на тетрадках в линейку с водянистыми строчками (тетрадки сшиты вместе, всех тетрадок – шесть). Формат бумаги – 21x27. Ранняя нумерация – 311 страниц. Более поздняя нумерация – 158 листов. Текст начинается с записи 24 июня 1885 и оканчивается разговором в библиотеке Румянцевского музея (текст

«Раз я иду из гимназии и встречаю близ театра Корелина... В Петербурге в этом утвердится больше, чем где-нибудь»).

По тексту рукописи рукой И. М. Ивакина проставлены указания переписчику, например: «не надо» – и отчеркнут кусок, который должен быть опущен, указаны перестановки частей текста и т. д.

Как следует из других источников, рукопись рукой И. М. Ивакина сохранилась не полностью: утрачен текст, предшествовавший записи от 24 июня 1885 г., и текст, следовавший за разговором в Публичной библиотеке.

2) РГАЛИ, ф. 508 (Толстовское собрание), оп. 1, ед. хр. 255.

Рукопись выполнена предположительно рукой сестры И. М. Ивакина Павлы Михайловны Ивакиной с приписками и поправками И. М. Ивакина, на листах того же типа и формата, что и первая рукопись. Листы рукописи сшиты вместе. Прижизненная нумерация: 237 страниц. Более поздняя нумерация – 320 листов (начальный лист имеет номер 159, продолжая нумерацию первой рукописи, которая завершается листом 158).

Рукопись оканчивается разговором И. М. Ивакина с сыном Л. Н. Толстого Л. Л. Толстым. Последние слова: «Извозчик, на Мясницкую».

На 1 листе, обрезанном наполовину, рукой И. М. Ивакина написано название:

«Воспоминания о Ясной Поляне

1880–1885.

I–V.»

Второй источник представляет собой копию первой рукописи – все указания И. М. Ивакина, сделанные по тексту, в нем учтены. Примечательно то, что в рукописи при этом выпущен ряд фрагментов: высказывания Н. Ф. Федорова о славянофильстве, о русской истории, о Москве и Кремле, о протестантизме, о «Фаусте» Гете и т. д., большой эпизод, рассказывавший о помощи Ивакина А. А. Фету в работе над переводами «Элегий» Проперция, беседа Н. Н. Страхова, И. М. Ивакина и Н. Ф. Федорова о Толстом в Румянцевском музее, разговор И. М. Ивакина с учителем математики Лапшиным, также касавшийся Толстого. Судя по всему, эти пропуски были сделаны по указанию самого Ивакина, вероятно, стремившегося, с одной стороны, убрать то, что напрямую не касалось Толстого, а с другой – несколько подсократить текст.

3) Государственный музей Л. Н. Толстого (далее ГМТ). Машинописная копия, выполненная на листах писчей бумаги, низкого качества (формат – F мал.). Эта копия была изготовлена по заказу С. Л. Толстого, который предполагал опубликовать воспоминания И. М. Ивакина во втором томе «Летописей Государственного Литературного музея» (проект не был осуществлен). Причем при перепечатке весь текст, недостающий в рукописной копии (за исключением вышеперечисленных высказываний Н. Ф. Федорова), был восстановлен по автографу И. М. Ивакина. По копии С. Л. Толстого Н. Н. Гусев подготовил публикацию воспоминаний Ивакина в «Литературном наследстве» (Т. 69, кн. II). На время этой публикации и автограф И. М. Ивакина, и рукописная копия считались утерянными (там же, с. 25, редакционное примечание) – их описание было приведено в предисловии С. Л. Толстого, предназначавшемся для «Летописей...» и помещенном в «Литературном наследстве» перед текстом воспоминаний. По этому описанию и оказалось возможным идентифицировать рукописи, хранящиеся в РГАЛИ. В описании автографа И. М. Ивакина совпадает все, за исключением формата, – С. Л. Толстой приводит цифры 14x11 см, как для рукописной копии, так и для автографа, однако это, по всей вероятности, ошибка или опечатка. В описании рукописной копии совпадает большинство параметров, кроме, опять-таки, формата и нумерации: 333 вместо 320, – и тут следует предположить либо ошибку С. Л. Толстого, либо существование еще одной авторизованной копии воспоминаний, доныне не разысканной.

При подготовке публикации редакция «Литературного наследства» сделала значительные сокращения: полностью исключена глава, посвященная описанию Ясной Поляны, жизни ее обитателей в начале 80-х годов, выпущено большинство записей высказываний Н. Ф. Федорова и В. Ф. Орлова о Толстом, а также та часть текста, где речь шла о Фете и редактировании его перевода «Элегий» Проперция. Впоследствии по копии ГМТ были подготовлены две публикации ряда фрагментов «Воспоминаний» И. М. Ивакина, выпущенных в издании «Литературного наследства»:

1. Из «Записок И. М. Ивакина». Глава III // Неизвестный Толстой. Из архивов России и США. М., 1994, с. 92–130. Подготовка текста и комментарии Т. Г. Никифоровой.

2. Из «Записок И. М. Ивакина» // Октябрь, 1996, № 9, с. 148–157. Подготовка текста и комментарии Т. Г. Никифоровой.

В настоящем издании представлены те фрагменты воспоминаний И. М. Ивакина (как опубликованные, так и неопубликованные), которые имеют отношение к Н. Ф. Федорову. Тексты подготовлены по беловому и черновому автографам, хранящимся в РГАЛИ. Публикация и примечания *Т. Г. Никифоровой.*

[1] Татьяна Андреевна *Кузминская*, рожд. Берс (1846–1925) – сестра С. А. Толстой. – *519.*

[2] Сергей Львович *Толстой* (1863–1947) – старший сын Л. Н. Толстого. В его воспоминаниях есть фрагмент, посвященный Н. Ф. Федорову и его взаимоотношениям с отцом (С. Л. Толстой. Очерки былого. Тула, 1968, с. 134–135). – *519.*

[3] «Учение двенадцати апостолов» – см. примеч. 51 к «Статьям о разоружении и умиротворении» – Т. II наст. изд., с. 482. – *519.*

[4] Владимир Федорович *Орлов* (1843–1898) – учитель из Иваново-Вознесенска, участник революционного движения 60–70-х гг., привлекался по делу С. Г. Нечаева. Познакомился с Толстым в 1881 г. Толстой считал встречу с ним большим событием в своей жизни (см. письмо В. И. Алексееву от 15–30 ноября 1881 г. – *Толстой. 63*, 80), называл Орлова своим единомышленником. Однако сам В. Ф. Орлов со второй половины 1880-х гг., так же как и И. М. Ивакин, начинает относиться к Толстому противоречиво. И. М. Ивакин в «Воспоминаниях» фиксирует его негативные впечатления от пребывания летом 1886 г. в Ясной Поляне (часть их приведена в данной публикации). Николай Николаевич *Ге* – художник, см. примеч. 66 к «Статьям религиозного содержания» – Т. II наст. изд., с. 449. Николай Николаевич *Ге* (1857–1940) – старший сын Н. Н. Ге. Одно время был последователем учения Л. Н. Толстого и жил земледельческим трудом. Затем был сотрудником С. А. Толстой по изданию сочинений писателя. В 90-х гг. переселился в Швейцарию и принял французское подданство. – *520.*

[5] Александр Степанович *Пругавин* (1850–1921) – этнограф и исследователь старообрядчества и сектантства, знакомый Толстого с 1881 г.; автор ряда статей о Толстом. – *520.*

[6] «Наука и искусство» – главы 29–31 и 33–38 трактата «Так что же нам делать?» – *520.*

[7] «Сказка об Иване-дураке и его двух братьях: Семене-воине и Тарасе-брюхане и немой сестре Маланье и о старом дьяволе и трех чертенятах» написана Толстым в 1885 г. По свидетельству П. И. Бирюкова, Толстой говорил, что в Семене-воине и его царстве он хотел изобразить развитие милитаризма в царствование Николая I, Тарас-брюхан (по некоторым рукописям – кулак) – прообраз наступающего капиталистического строя, Царство Ивана-дурака – апофеоз крестьянской трудовой жизни, противостоящей паразитизму привилегированных классов.

Сказка Толстого построена по образцу русских народных сказок, где изображены три брата, старшие – умные, а младший всеми считается за дурака. В действительности же этот третий брат оказывается самым умным, а старшие братья попадают в беду. Так и в сказке Толстого старшие братья Семен-воин и Тарас-брюхан становятся жертвами нечистой силы, а младший Иван-дурак преодолевает все козни дьявола.

Описывая царство Семена-воина, Толстой дает карикатуру на всеобщую воинскую повинность (старый дьявол, превратившийся в воеводу, советует Семену-царю «всех молодых без разбору забрить») и введение общей воинской повинности для женщин (индейский царь «и всех холостых баб в солдаты забрал»). Писатель предрекает изобретение нового оружия: ружей, «что будут сразу по сту пуль выпускать», аэропланов (индейский царь «послал своих баб по воздуху разрывные бомбы кидать»), предвидит гонку вооружений (индейский царь «услыхал про Семена-царя и перенял от него все его выдумки, да еще свои выдумал»).

Рассказывая про Тараса-царя, Толстой дает карикатуру на систему налогов: «...взыскивал он деньги и с души и с водки, и с пива, и со свадьбы, и с похорон, и с проходу и проезду, и с лаптей, и с онуч, и с оборок».

В Ивановом же царстве не было ни войска, ни денег, жители меняли вещь на вещь или отплачивали своей работой.

Пошел однажды войной против Иванова царства тараканский царь. Жители не оборонялись – они приглашали тараканских солдат к себе жить, если у них житье плохое. Солдаты пошли к своему царю и просили их отвести в другое место. Царь рассердился, велел жечь дома, бить скотину. «Все не обороняются дураки, только плачут... За что, – говорят, – вы нас

обижаете? Зачем, – говорят, – вы добро губите? Коли вам нужно, вы лучше себе берите. – Гнусно стало солдатам. Не пошли дальше, и все войско разбежалось».

В конце сказки есть вставной эпизод: старый дьявол, обратившись в «господина чистого», обещает дуракам научить их «работать головой». Работая головой, «чистый господин» простоял на каланче три дня, но никто за его работу не принес ему есть, и он с голоду «споткнулся, упал и загремел под лестницу торчмя головой».

Сказка заканчивается прославлением Иванова царства: «Народ весь валит в его царство... Только один обычай у него и есть в царстве: у кого мозоли на руках – полезай за стол, а у кого нет – тому объедки» (*Толстой. 25*, 115–138). – *520.*

[8] Толстой обычно подолгу вынашивал творческий замысел, прежде чем приняться за его осуществление. Так, роман «Анна Каренина» был начат через три года после того, как Толстой рассказал жене сюжет задуманного произведения. Процесс обдумывания часто бывал для Толстого очень трудным. «...Я тоскую и ничего не пишу, а работаю мучительно. Вы не можете себе представить, как мне трудна эта предварительная работа глубокой пахоты того поля, на котором я принужден сеять. Обдумать и передумать все, что может случиться со всеми будущими людьми предстоящего сочинения [...] ужасно трудно» – писал Толстой А. А. Фету в 1870 г. (*Толстой. 61*, 240). Набросав вчерне новое произведение, Толстой отдавал его в переписку, обычно поручая это самому близкому в этот момент человеку. Переписанный набросок Толстой начинал исправлять и дополнять. Манеру многократного исправления и переработки написанного Толстой усвоил с самого начала своей литературной деятельности. Когда Толстой втягивался в работу, он совершенно отдавался ей, проводя за письменным столом семь-восемь часов ежедневно. В годы создания больших романов – «Войны и мира» (1863–1869), «Анны Карениной» (1873–1878) Толстой летом почти никогда не писал, занимаясь хозяйством, физическим трудом. Осень и зима были для него временем особенно напряженной творческой работы. – *520.*

[9] Имеется в виду следующее место из XXXIV главы трактата Толстого «Так что же нам делать?»: «Дело науки – служить людям. Мы выдумали телеграфы, телефоны, фонографы, а в жизни, в труде народном, что мы продвинули? Ботаники нашли и клеточку, и в клеточках-то протоплазму, и в протоплазме еще что-то. Занятия эти, очевидно, долго не кончатся, потому что им, очевидно, и конца быть не может, и потому ученым некогда заниматься тем, что нужно людям. И потому опять со времен египетской древности и еврейской, когда уже были выведены пшеница и чечевица, до нашего времени не прибавилось для пищи народа ни одного растения, кроме картофеля, и то приобретенного не наукой» (*Толстой. 25*, 357). – *520.*

[10] Толстой всегда очень любил всякое ремесло. Особенно сильно он увлекался сапожным ремеслом, проводя в середине 1880-х годов за этим занятием большую часть свободного времени. Две пары обуви: ботинки для А. А. Фета и сапоги для М. С. Сухотина, будущего мужа старшей дочери Толстого Татьяны, можно увидеть в экспозиции московского дома-усадьбы Л. Н. Толстого (ул. Льва Толстого, д. 21). В рукописном отделе Государственного музея Л. Н. Толстого хранится любопытный документ – свидетельство Фета в получении исполненного заказа:

«Сие дано 1885-го года января 15-го дня, в том, что настоящая пара ботинок на толстых подошвах, невысоких каблуках и с округлыми носками, сшита по заказу моему для меня же автором “Войны и мира” графом Львом Николаевичем Толстым, каковую он и принес мне вечером 8-го января сего года и получил за нее с меня 6 рублей. В доказательство полной целесообразности работы я начал носить эти ботинки со следующего дня. Действительность всего сказанного удостоверяю подписью моей с приложением герба моей печати. А. Шеншин» (ОР ГМТ).

Эпизод с тачанием *сапог* (ботинок) для Фета в иной версии привел А. С. Пругавин (см. примеч. 157 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве»). – *520.*

[11] См. примеч. 71 к тому же разделу. – *520.*

[12] Ин 15:23. – *520.*

[13] «Насмешку» над спектральным анализом Федоров мог усмотреть в XXXIV главе трактата «Так что же нам делать?»: «Все ученые заняты своими жреческими занятиями, из которых выходят исследования о протоплазме, спектральные анализы звезд и т. п.» (*Толстой. 25*, 357). – *521.*

[14] «Спрашивали его также и воины: а нам что делать? И сказал им: никого не обижайте, не клевещите, и довольствуйтесь своим жалованьем» (Лк 3:14). – *521.*

[15] Дилемма, обозначенная здесь И. М. Ивакиным, отчасти восходит к полемике Ф. М. Достоевского с Л. Н. Толстым по вопросу о русско-турецкой войне 1876–1877 гг. Толстой в «Анне Карениной» проводил мысль о том, что война за освобождение славянства искусственно навязана народу, что «непосредственного чувства к угнетению славян нет и не может быть», а главное, что эта война, как, впрочем, и все вообще войны, сопряжена с убийством: «Но ведь не жертвовать только, а убивать турок. [...] Народ жертвует и готов жертвовать для своей души, а не для убийства». Разбирая эти тезисы на страницах «Дневника писателя», Достоевский вскрывал фальшь подобной постановки вопроса, особенно в свете тех зверств, которые творили турецкие войска над мирным населением Сербии и Болгарии:

«Представим себе такую сцену: стоит Левин уже на месте, там, с ружьем и со штыком, а в двух шагах от него турок сладострастно приготовляется выколоть иголкой глазки ребенку, который уже у него в руках.[...] И вот Левин стоит в раздумье и колеблется. [...] Нет, серьезно, что бы он сделал, после всего того, что нам высказал? Ну, как бы не освободить ребенка? Неужели дать замучить его, неужели не вырвать сейчас же из рук злодея турка?

– Да, вырвать, но ведь, пожалуй, придется больно толкнуть турка?

– Ну и толкни!

– Толкни! А как он не захочет отдать ребенка и выхватит саблю? Ведь придется, может быть, убить турку?

– Ну и убей!

– Нет, как можно убить! Нет, нельзя убить турку. Нет. Уж пусть он лучше выколет глазки ребенку и замучает его, а я уйду к Кити» (*Достоевский. 25*, 220). – *521.*

[16] Толстой в X главе трактата «В чем моя вера?», основываясь на словах Христа «Трудящийся достоин пропитания» (Мф 10:10), говорит: «По учению Христа, работа – труд есть необходимое условие жизни человека, а пропитание есть неизбежное последствие его... Как бы зол ни был хозяин, он будет кормить работника так же, как будет кормить ту лошадь, которая работает на него, будет кормить так, чтобы работник мог сработать как можно больше, т. е. будет содействовать тому самому, что составляет благо человека» (*Толстой. 23*, 428). – *521.*

[17] Этот факт, приведенный Н. Ф. Федоровым, И. М. Ивакин, будучи в Ясной Поляне летом 1886 г., передал Л. Н. Толстому во время общей беседы, на которой обсуждался вопрос о том, возможно ли человеку, в том числе женщине, имеющей детей, самому обеспечить себе пропитание. Л. Н. Толстой утверждал, что это вполне реально, и можно, в конце концов, просить милостыню: «Лев Николаевич говорил, что он доставал и достанет себе нужное, могла бы и она надеть сумку – ступай побираться. У нас восемьдесят миллионов так живут, нечего смотреть, что какая-нибудь маленькая часть живет иначе. [...]

Я сказал, что ходить с сумой – не всегда выходишь себе кусок хлеба и не везде, привел слышанные мною от Николая Федоровича рассказы о китайцах – в Китае рабочие на коленях молят о работе, и ее нет, и они мрут...

– Ну и что же? – сказал Л. Н. – Пришла смерть, и умер человек. Лучше умереть, живя по-Божьи, а не как-нибудь иначе... Да ведь о Китае это пишут, и кто говорит, сам хорошо не знает, что там в Китае, а в России, я знаю, живут так люди» («Литературное наследство». Т. 69, кн. II, с. 86–87). – *521.*

[18] В сочинении Томаса Роберта *Мальтуса* (1766–1834) «An Essay on the principle of population», 1789 (рус. пер.: «Опыт о народонаселении». СПб., 1868) проводится мысль, что население земли возрастает в геометрической прогрессии, тогда как средства существования – лишь в арифметической. Возможность преодоления бедности и нищеты Мальтус видел не на путях социальных и экономических реформ, а в ограничении деторождения. Толстой в трактате «Так что же нам делать?» назвал Мальтуса «весьма плохим английским публицистом, сочинения которого все забыты и признаны ничтожными из ничтожных...», а выводы, прямо вытекающие из его теории, бездоказательными, неправильными и совершенно произвольными (*Л. Н. Толстой. 25*, 333). – *522.*

[19] Рассказ Толстого «Девчонки умнее стариков» (1885) был выпущен в свет как текст к картине К. А. Савицкого, исполненной в красках в хромолитографии И. Д. Сытина (Москва, открытый лист, 1885).

Мораль этого рассказа проста: старые люди должны брать пример с малых детей. Две девочки поссорились во время игры, но, скоро помирившись, принялись опять весело играть, а их родные хотели из-за этой ссоры драться между собой. – *522.*

[20] «Исповедь» в рукописи, отданной в печать в журнал «Русская мысль», была озаглавлена «Что я?» В № 5 «Русской мысли» за 1882 г., изъятом цензурой, статья была напечатана под названием «Вступление к ненапечатанному сочинению». Название «Исповедь графа Л. Н. Толстого» впервые появилось в издании М. К. Элпидина в Женеве в 1884 г. – *522.*

[21] В мае 1883 г. Л. Н. Толстой выдал своей жене С. А. Толстой доверенность, дававшую ей право распоряжаться всем без исключения его имуществом, изданием и продажей его произведений. Автоматически С. А. Толстая стала владелицей черновых рукописей художественных произведений Толстого, многочисленных писем к нему. Позже, в 1891 г., Толстой ограничил права С. А. Толстой: за ней оставалось исключительное право издания произведений, написанных Толстым до 1 января 1881 г. Все остальные произведения Толстой разрешал издавать, переиздавать, переводить, ставить на сцене всем желающим безвозмездно. Рукописи произведений, написанных после 1 января 1881 г., за небольшим исключением, стали сосредоточиваться в руках В. Г. Черткова, друга и единомышленника Толстого. – *522.*

[22] Вероятно, книга Г. Ольденберга (не Ольденбурга) «Buddha, sein Leben, seine Lehre, seine Gemeinde». Berlin, 1881 (рус. пер.: Г. Ольденберг. Будда. Его жизнь, учение и община. Пер. со 2-го исправленного издания П. Николаева. М., 1885). Эту книгу знал и Толстой. Он пользовался ею в конце 1885 или в начале 1886 г., когда собирал материалы о Будде, мечтая написать о нем. Очерк «Сиддарта, прозванный Буддой» был написан Толстым впоследствии в 1905 г. для сборника «Круг чтения». – *522.*

[23] Мф 28:20. – *522.*

[24] Этот эпизод в несколько иной редакции (второй раз женщина приходит к Будде и сообщает, что ребенок ее умер) Н. Ф. Федоров привел в примеч. 12 к III части «Записки» – Т. I наст. изд., с. 205. – *523.*

[25] Под заглавием «В чем счастие» в № 1 «Русского богатства» за 1886 г. была перепечатана часть X главы трактата Толстого «В чем моя вера?». Оценка Федоровым этого фрагмента, приведенная в воспоминаниях И. М. Ивакина, перекликается с его заметкой «Статья – “В чем счастье” – доказывает только...» (Т. IV наст. изд., с. 16). – *523.*

[26] См. статью Н. Ф. Федорова «Санитарный вопрос» – Т. II наст. изд., с. 310–312. – *523.*

[27] По всей видимости, здесь И. М. Ивакин неточно передает мысль Федорова. *Агуромазда* (Ахура Мазда, Ормузд) – верховный бог зороастрийского пантеона, являющийся воплощением мирового Добра, не может «искать опоры» у своего антагониста, Злого Духа *Аримана* (Ангхро Майнью). Точно так же невозможно сочетание «Ариман Иеша», поскольку под *Иеша* скорее всего имеется в виду пророк Саошьянт, Спаситель, центральная фигура зороастрийской эсхатологии: он должен родиться перед концом мира, проповедовать людям, обращая их ко благу, и содействовать Ормузду в деле окончательной победы над злом, низвержении Аримана, воскрешении умерших и преображении земли. Поскольку в фигуре Саошьянта присутствуют черты, роднящие его с Иисусом Христом, а эсхатология зороастризма имеет целый ряд перекличек с христианской, Федоров мог провести параллель между двумя Спасителями, зороастрийским и христианским. – *523.*

[28] Возможно, Федоров имел в виду М. С. Громеку, автора книги «Последние произведения гр. Л. Н. Толстого» (М., 1884), покончившего жизнь самоубийством в 1883 г. – *523.*

[29] Алексей Петрович Залюбовский, в 1884 г. первый из последователей Толстого, отказавшийся от присяги и военной службы. Л. Н. Толстой и С. А. Толстая много хлопотали об облегчении положения Залюбовского, сосланного в дисциплинарный батальон. В 1887 г. Залюбовский был освобожден от военной службы. – *523.*

[30] Хранителем отделения рукописей и славянских старопечатных книг в Московском Публичном и Румянцевском музеях с 1883 по 1891 г. был Д. П. Лебедев (см. примеч. 9 к разделу «Приложения» «Письма Н. Ф. Федорову разных лиц»). – *523.*

[31] «Церковь и государство» – компиляция из черновых набросков трактата Л. Н. Толстого «Исследование догматического богословия», составленная в 1881 г. переписчиком А. П. Ивановым (см. ниже примеч. 112). Статья была одобрена писателем и стала распространяться в рукописных копиях и гектографированных изданиях. – *524.*

[32] Имеется в виду пятое издание полного собрания сочинений Толстого в 12 частях (томах), выпущенное С. А. Толстой в 1885–1886 гг. Летом 1885 г. в Ясной Поляне И. М. Ивакин помогал С. А. Толстой править корректуры романа «Война и мир» для этого издания. – *524.*

[33] Здесь Федоров говорит о народных рассказах Толстого, занявших существенное место в творчестве писателя 1880-х годов, особенно после того, как в 1884 г. было основано

народное книгоиздательство «Посредник». В рассказах «Чем люди живы», «Где любовь, там и Бог», «Три старца», «Много ли человеку земли нужно», «Свечка», «Ильяс» и др. настойчиво проводится мысль о том, что добро не только справедливее, но и выгоднее зла, что жадность отвратительна, а помощь другому в беде прекрасна и необходима, что любовные отношения между людьми должны быть нормой человеческой нравственности. В народных рассказах Толстого сильны традиции древней учительной литературы и устного народного творчества. Написаны рассказы простым, сжатым слогом, художественная форма нарочито упрощена. – *524.*

[34] Рассказ *«Кающийся грешник»* опубликован в части 12 «Сочинений гр. Л. Н. Толстого», вышедшей в апреле 1886 г. В рассказе говорится о том, как раскаявшийся в последний час перед смертью грешник просился в рай. Апостол Петр и царь и пророк Давид по очереди перечислили «все худые дела грешника, и не называли добрых дел никаких». Но грешник не терял надежды, прося Петра и Давида вспомнить «слабость человеческую и милость Божию», повторяя, что он грешен в том же, в чем были грешны и они сами, и так же как и они, он раскаивается во всем содеянном. Обличители затихали. Наконец, в третий раз грешник услышал голос Иоанна Богослова, любимого ученика Христа, и сказал ему: «“Теперь нельзя не впустить меня: Петр и Давид впустят меня за то, что они знают слабость человеческую и милость Божию. А ты впустишь меня потому, что в тебе любви много. Не ты ли, Иоанн Богослов, написал в книге своей, что Бог есть любовь и что кто не любит, тот не знает Бога? Не ты ли при старости говорил людям одно слово: „Братья, любите друг друга!“ Как же ты теперь возненавидишь и отгонишь меня? Или отрекись от того, что сказал ты сам, или полюби меня и впусти в царство небесное”. И отворились врата райские, и обнял Иоанн кающегося грешника и впустил его в царство небесное» (*Толстой. 25*, 79–81). – *524.*

[35] Федоров говорит о повести «Смерть Ивана Ильича», впервые опубликованной в изд.: «Сочинения гр. Л. Н. Толстого», ч. 12, «Произведения последних годов». М., 1886. – *524.*

[36] Николай Платонович *Барсуков* (1838–1906) – историк, археограф и библиограф. Его книга «Жизнь и труды П. М. Строева» вышла в Санкт-Петербурге в 1878 г. Письмо Н. П. Барсукова к Толстому в архиве Толстого не числится. – *525.*

[37] С. М. Соловьеву. – *525.*

[38] Л. Н. Толстой работал над «Соединением и переводом четырех Евангелий» в 1880–1881 гг. Впервые напечатано в Женеве в издании М. К. Элпидина в трех томах в 1892–1894 гг. И. М. Ивакин впоследствии исполнил просьбу Федорова и в начале своих воспоминаний посвятил целый ряд страниц своим впечатлениям от работы Толстого над переводом Евангелия. – *525.*

[39] Сам Толстой, перечитав в 1889 г. свой перевод Евангелия, нашел в нем «много ненужных натяжек» (*Толстой. 50*, 30). Однако позднее говорил об этой книге: «Главный недостаток в ней – излишние филологические тонкости, которые никого не убеждают: что такое-то слово именно так, а не иначе надо понимать, а напротив, дают возможность, опровергая частности, подрывать доверие ко всему. А между тем истинность общего смысла так несомненна, что тот, кто не будет развлекаться подробностями, неизбежно согласится с ним» (*Толстой. 68*, 54). – *525.*

[40] В. С. Соловьев. О близости В. С. Соловьева и Н. Ф. Федорова в оценке Л. Н. Толстого см. в примеч. 175 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве». – *525.*

[41] Федоров отсылает к Первосвященнической молитве Спасителя за оставляемых учеников (Ин 17:1–26). См. примеч. 385 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 654. – *526.*

[42] Ин 10:16. – *526.*

[43] П. Ф. Симсон. История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством и вообще с отечественной историей. М., 1880. – *526.*

[44] *Писцовые книги* в Московском государстве XV–XVII вв. служили основанием для податного обложения и имели юридическое значение для владельцев как крепостные документы. С середины XVII в., когда была проведена большая перепись, книги составлялись периодически. – *526.*

[45] Вильям *Фрей* (Владимир Константинович Гейнс, 1839–1888) – бывший офицер Генерального штаба, писатель и общественный деятель, сторонник учения Огюста Конта. В 1868 г. эмигрировал в Америку, принял американское гражданство и стал называться Вильям Фрей. Вместе с А. К. Маликовым, Н. В. Чайковским и др. организовал в американском штате Канзас земледельческую коммуну. Познакомился с Толстым в октябре

1885 г. Несмотря на существенные разногласия во взглядах, Толстой и Фрей питали друг к другу глубокое уважение. Толстой считал Фрея замечательным человеком «по самым редким нравственным качествам» (*Толстой. 64*, 295). Типографским способом книга «Письма Фрея к Л. Н. Толстому» была издана М. К. Элпидиным в Женеве в 1887 г. – *526.*

[46] *Бирюков* Павел Иванович (1860–1931) – друг и биограф Л. Н. Толстого. – *526.*

[47] *Даниил Ачинский* (Даниил Корнильев Делиенко) (1784–1843) – крестьянин Полтавской губернии, в 1807 г. взят в солдаты, участвовал в Бородинской битве, в 1813–1815 гг. находился в русских войсках в Париже. В 1823 г. отдан под суд за решение оставить военную службу ради пустынножительства. На суде он заявил, что лучше примет смерть, чем откажется от своего намерения. Был исключен из воинского звания и сослан в Нерчинские рудники. По отбытии каторги жил отшельником в Ачинске.

Книга о Данииле Ачинском: «Сказание о жизни и подвигах в Бозе почившего старца, подвизавшегося в Сибирской стране в Енисейской губ. в пределах г. Ачинска». М., 1885. Толстой собирался изложить жизнь Даниила Ачинского для издания в «Посреднике», однако это намерение не было осуществлено. – *526.*

[48] «*Ян Гус*» – историческая драма чешского писателя Йозефа-Каэтана Тыла (1808–1856). В переводе на русский язык, выполненном И. М. Ивакиным и И. И. Гиляком, драма Тыла была издана в 1899 г. – *527.*

[49] Комедия «*Первый винокур*» является авторской переделкой для народной сцены рассказа «Как чертенок краюшку выкупал». Работа над комедией была начата в конце февраля 1886 г., и уже 3 марта комедия была передана «балаганщику», как сообщала дочь Толстого Мария Львовна в письме к сестре Татьяне (ГМТ). В начале июля 1886 г. комедия была поставлена в селе Александровском под Петербургом на сцене народного театра Фарфорового завода. – *527.*

[50] Речь идет о рассказе Л. Н. Толстого «Много ли человеку земли нужно» (см. примеч. 98 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве»). – *529.*

[51] Ранее в тексте воспоминаний И. М. Ивакин приводил такой эпизод: «...разговор в это время коснулся жгучего для Ясной Поляны вопроса об отношении мужа и жены. По крайней мере Л. Н., когда я подошел, сравнивал жену с дровами: в ком есть искра, тот может эти дрова зажечь или по крайней мере высушить... Файнерман с своей стороны заявил, что всякий должен исполнять волю Божию, а воля Божия в том, чтобы распространять род человеческий – для исполнения этой воли Божией у нас есть и орган» (РГАЛИ, ф. 508, оп. 1, ед. хр. 255, л. 127; «Литературное наследство». Т. 69, ч. II, с. 89; конец фразы в опубликованном тексте опущен). – *529.*

[52] Эсфирь Борисовна *Файнерман*, жена И. Б. Файнермана. С помощью С. А. Толстой сдала экзамены на звание акушерки. С. А. Толстая и ее сестра Т. А. Кузминская, жившая почти каждое лето со своей семьей в Ясной Поляне, очень сочувствовали Э. Файнерман, страдавшей от фанатизма мужа-толстовца, жалели ее маленького ребенка и много помогали ей. – *529.*

[53] В связи со смертью *Л. Д. Урусова*, бывшего тульского вице-губернатора, хорошего знакомого Толстого, *В. Г. Чертков* писал Толстому 4 октября 1885 г.: «Думая о вас, вспоминаю смерть Урусова. Я знаю, как он был для вас дорог. И между тем мне представляется, что смерть его не может на вас слишком сильно отразиться. Ну – жил, следовательно, и умер, как все мы живем и, следовательно, умрем. Если ваша жизнь мне дорога, и я отчасти живу в ней и ею, то эта наша общая жизнь не может прекратиться для меня вашей смертью» (ОР ГМТ, БЛ 118/13). – *529.*

[54] Константин Михайлович *Сибиряков* – сын богатого сибирского золотопромышленника, был в молодости связан с народниками, в 1878–1881 гг. издавал журнал «Слово». В 1885 г. вступил в переписку с Толстым и лично познакомился с ним. На принадлежавшей Сибирякову земле на Кавказе (в Уч-Дере под Сочи) в 1886 г. была основана первая толстовская колония, существовавшая около пяти месяцев. – *529.*

[55] Виктор Васильевич *Еропкин* (1849–1909) – математик по образованию, педагог и изобретатель в области механики, один из организаторов земледельческих артелей 1880-х годов, в частности интеллигентской артели «Криница». – *530.*

[56] *Митрополит Московский и Коломенский Филарет* (Дроздов) – см. примеч. 31 к «Супраморализму» – Т. I наст. изд., с. 511. Обвинения митр. Филарета в «протестантском» уклоне выдвигались при его жизни со стороны консервативно настроенных членов Синода, подозрительно относившихся к его деятельности в Библейском обществе и выступавших против идеи перевода Библии на русский язык, которая активно проводилась и

поддерживалась митр. Филаретом. Одним из наиболее непримиримых противников Филарета в вопросе о русской Библии был *Киевский митрополит Филарет*, в миру Федор Георгиевич Амфитеатров (1779–1857). – *530.*

[57] Федоров ссылается на книгу Д. Штрауса «Жизнь Иисуса» (см. примеч. 87 к «Статьям философского и эстетического содержания» – Т. II наст. изд., с. 459). – *530.*

[58] Речь идет о богословских работах А. С. Хомякова – трактате «Церковь одна» (впервые – «Православное обозрение», 1864, кн. 3), а также трех его полемических брошюрах, написанных на французском языке и объединенных общим названием «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях» (1853, 1855, 1858; на рус. яз. см.: А. С. Хомяков. Сочинения. Т. 2, Прага, 1867). В следующей фразе Федоров говорит о «*неопределенности, мистичности*» понимания Хомяковым Троицы, по всей видимости имея в виду третью брошюру философа: «Еще несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу разных сочинений латинских и протестантских о предметах веры». Здесь Хомяков попытался изложить сущность Троичности Божества на языке философии, говоря о «трех вечных фазисах Божией мысли»: «Каждый логический момент мысли несовершенной еще более несовершен, чем она сама. Никогда первомысль не может перейти сполна в фазис своей объективности; никогда мысль-объект не переходит сполна в фазис определенного познания. Иначе в Божестве. Оно есть совершенство бытия, и потому в нем все законы мысли осуществляются в их безусловном совершенстве. Все, что есть в первомысли, есть непременно от вечности и в ее Слове; все, что есть в Слове, есть непременно от вечности в определенном Познании. Итак, Божество всецело пребывает в каждом из своих фазисов, удерживая при этом отличительную особенность этого фазиса и отношений его к другим» (А. С. Хомяков. Сочинения в двух томах. Т. 2. Работы по богословию. М., 1994, с. 189).

Если фраза, приведенная Ивакиным, свидетельствует о знакомстве Федорова с богословскими брошюрами А. С. Хомякова, то из письма Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 22 февраля 1917 г. следует, что философ был знаком и с трактатом «Церковь одна». В указанном письме Н. П. Петерсон излагает содержание неопубликованной заметки Н. Ф. Федорова, в которой речь идет о понимании А. С. Хомяковым Церкви: «В одной ненапечатанной еще заметке Николая Федоровича приводится такое определение Хомякова – “*Церковь не есть множество лиц, в их личной отдельности, но единство Божией благодати*” (это определение дано А. С. Хомяковым в начале его трактата “Церковь одна” (А. С. Хомяков. Сочинения в двух томах. Т. 2. Работы по богословию, с. 5. – *Сост.*)). Конечно, – замечает Н<иколай> Ф<едорови>ч, – церкви нет, пока существует рознь (“Церковь не есть множество лиц в их личной отдельности”), но хомяковским определением церкви (церковь есть “единство Божией благодати, живущей во множестве разумных творений, покоряющихся благодати”) захватываются ангелы и исключаются все люди, потому что кто же из людей на деле, в жизни покоряется благодати?! Затем в этой же заметке приводятся определения церкви Иоанна Златоуста – “Церковь ничтоже ино есть, но разве нашими душами созданный дом” и Никона – “Церковь есть не стены с кровлею, но вера и житие”, т. е. дело, замечает Н<иколай> Ф<едорови>ч... Определяя церковь, по ее отправлению, совокупною молитвою всех живущих о всех умерших, – если ограничим при этом молитву представлением, мы впадем в спиритуализм, и земное будет лишено всякого значения. Если же молитву не будем ограничивать мыслью и словом, а обратим в дело, в делание, [...] – *то земное станет выражением небесного,* кончает эту заметку Н<иколай> Ф<едорови>ч» (ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 29, лл. 52 об. – 53). Ср. приведенные Н. П. Петерсоном строки с заметкой «Неопределенность мыслей славянофилов об единении» (Т. II наст. изд., с. 193). – *530.*

[59] См. примеч. 131–132 к «Собору» – Т. I наст. изд., с. 504–505. – *531.*

[60] Август Людвиг *Шлёцер* (1735–1809) – немецкий историк, филолог. Автор трудов по всеобщей истории, источниковедению, истории русского летописания. – *531.*

[61] См. примеч. 39 к «Самодержавию» – Т. II наст. изд., с. 444 и примеч. 226 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 624. – *531.*

[62] Якоб Филипп *Фальмерайер* (1790–1861) – немецкий историк и ориенталист; путешественник. Автор сочинений «Abhandlung über die Entstehung des Neugriechen», 1835 («О происхождении современных греков») и «Fragmente aus dem Orient», 1845 («Фрагменты о Востоке»). – *532.*

[63] *Дюрюи (*Duruy) Виктор (1811–1894) – французский историк и государственный деятель, автор трехтомной «Истории греков» («Histoire de Grecs», 1885–1891). – *532.*

[64] Ср. статью «“Фауст” Гете и народная поэма о Фаусте» и заметки о «Фаусте» Гете в Т. III наст. изд., с. 489–507. – *532.*

[65] См. эту формулу в первой статье брошюры Н. Ф. Федорова «К делу умиротворения, возбуждаемому нотою 12-го августа 1898 года» (Т. III наст. изд., с. 193). – *533.*

[66] Упомянутый перевод неизвестен. – *533.*

[67] Речь идет о Василии Ивановиче *Алексееве* (1848–1919) – учителе старших сыновей Толстого в 1877–1881 гг. О нем много рассказывается в части «Записок» И. М. Ивакина, опубликованной в сборнике «Неизвестный Толстой». В письме к Л. Н. Толстому от 4 октября 1887 г. Алексеев писал о смерти трехлетней дочери Нади: «...Она составляла радость моей жизни. ...Какая бы невзгода ни случилась со мною, – как бы мне грустно ни было, – она своим тонким чувством поймет это... и станет мне так легко на душе, что забудешь и про тоску... утешишься тем, что еще не все пропало для меня, еще есть в жизни теплое сердце, которое может отвлечь меня от тоски и дать отдохнуть мне, измученному, в своей бестолковой жизни...» В ответном письме Толстой писал: «...Мне очень больно за вас, но милый друг, не сердитесь на меня, не о том болею, что вы потеряли дочь, а о том, что ваша любовная душа сошлась вся на такой маленькой, незаконной по своей исключительности любви. Любить Бога и ближнего, не любя никого определенно и всею силою души, есть обман, но еще больший обман – любить одно существо более чем Бога и ближнего» (*Толстой. 63*, 432–433). – *533.*

[68] Речь может идти об одной из следующих работ S. Beal'a: «Outline of Bouddhism from Chinese sources» (London, 1870; «Очерк буддизма по китайским источникам»), «The Buddhist Tripitaka as is known in China and Japan» (London, 1876; «Буддийская Трипитака как она известна в Китае и Японии») и «The romantic legend of Sakia Bouddha from the chinese – sanscrit» (London, 1875; «Романтическая легенда о Сакья Будде на китайском и санскрите»). – *534.*

[69] В начале августа 1886 г. Толстой ушиб ногу о грядку телеги во время работ в поле, началось рожистое воспаление, продолжавшееся до октября. 25 октября 1886 г. С. А. Толстая писала в Дневнике: «Последние два месяца – болезнь Льва Николаевича – было последнее мое (странно сказать), с одной стороны, мучительное, а с другой – счастливое время. Я день и ночь ходила за ним, у меня было такое счастливое, несомненное дело – единственное, которое я могу делать хорошо – это личное самоотвержение для человека, которого любишь. Чем мне было труднее, тем я была счастливее. Теперь он ходит, он почти здоров» (С. А. Толстая. Дневники. Т. I, М., 1978, с. 111).

Судя по записям в дневнике, по письмам к А. К. и В. Г. Чертковым, во время болезни Толстой напряженно размышлял о жизни и смерти. Эти размышления были воплощены в трактате «О жизни». – *534.*

[70] Михаил Васильевич *Лентовский* (1843–1906) – актер и антрепренер, основатель народного театра «Скоморох» в Москве. – *534.*

[71] Речь идет о публицисте, критике, философе Н. Н. Страхове. – *534.*

[72] В ходе работы над трактатом по мере развития общей концепции Толстой пришел к убеждению, что для человека, познавшего смысл жизни в исполнении высшего блага – служения нравственной истине, смерти не существует. Человека освобождает от смерти духовное рождение, и потому Толстой вычеркнул слово «смерть» из названия трактата. – *534.*

[73] В 1888 г., 31 марта, у С. А. Толстой родился последний, 13-й по счету ребенок, сын Иван (умер 23 февраля 1895 г.). Месяцем раньше у Т. А. Кузминской родился сын Дмитрий. – *535.*

[74] *Джалаледдин Руми* (1207–1273) – персоязычный поэт, философ-суфий. Автор религиозно-философской поэмы в 6 книгах «Месневи-и-манави», суфийско-философских трактатов. – *535.*

[75] Английская книга, о которой идет речь, вероятно «Christ's christianity» («Христианство Христа» (1885)), где были опубликованы переводы сочинений Толстого: «Исповедь», «В чем моя вера?» (под заглавием: «What I believe») и «Краткое изложение Евангелия». – *536.*

[76] Охрана в Румянцевском музее. – *536.*

[77] По всей видимости, разговор продолжался во дворе Московского Публичного и Румянцевского музеев, у церкви свт. Николая, что на Старом Ваганькове. – *536.*

[78] Мф 5:5, 12. – *537.*

[79] Это упоминание И. М. Ивакина, очевидно, связано с новым оформлением передачи рукописей Л. Н. Толстого, которое состоялось 30 марта и 14 мая 1894 г. Свое собрание рукописей Толстого С. А. Толстая забрала из Румянцевского музея в 1904 г. в связи с ре-

монтом в музее и поместила в Исторический музей. В 1915 г. Толстая вновь передала рукописи Толстого в Румянцевский музей, где они хранились до 1939 г. В 1939 г. все рукописи Толстого из всех архивов были переданы в Государственный музей Л. Н. Толстого, который и является единственным хранилищем всех рукописей писателя. – *537.*

[80] Владимир Иванович *Шенрок* (1853–1910) – историк литературы, исследователь жизни и творчества Гоголя. В 1887 г. вышла его книга «Ученические годы Гоголя». – *538.*

[81] Знание и прогресс (*итал.*). – *538.*

[82] *Леман* Анатолий Иванович (1859–1913) – по профессии зубной врач, приобрел известность как скрипичный мастер, автор нескольких повестей и рассказов. В 1887–1889 гг. неоднократно бывал у Толстого. – *538.*

[83] Речь идет об издании: А. С. Пругавин. Раскол – сектантство. Материалы для изучения религиозно-бытовых движений русского народа. Вып. 1. Библиография старообрядчества и его разветвлений. М., 1887. Эта книга имеется в Яснополянской библиотеке Л. Н. Толстого. На обложке дарственная надпись чернилами: «Глубокоуважаемому Льву Николаевичу Толстому от искренне преданного ему автора». В предисловии к своей книге А. С. Пругавин добрым словом помянул Н. Ф. Федорова: «То внимательное и любезное отношение, которое всегда и неизменно встречает каждый работающий в библиотеке Румянцевского музея со стороны лиц, заведующих ею, и которое постоянно испытывал на себе пишущий эти строки во время своей долгой и кропотливой работы, – побуждает его засвидетельствовать глубокую признательность директору Румянцевского музея В. А. Дашкову, библиотекарю Е. Ф. Коршу и Н. Ф. Федорову» (А. С. Пругавин. Указ. соч., с. XI; сообщено *А. В. Знатновым*). – *539.*

[84] Григорий Антонович *Захарьин* (1829–1896) – знаменитый врач-терапевт, профессор Московского университета. – *539.*

[85] Общество трезвости, основанное Толстым в 1887 г., называлось «Согласие против пьянства». В него входили люди, подписавшиеся под обещанием не пить вина и не угощать вином. В списке членов «Согласия против пьянства», напечатанном в 1911 г. в № 3–5 «Известий Общества Толстовского музея», была 741 фамилия. – *540.*

[86] А. А. Фет жил по зимам в Москве в собственном доме на Плющихе. И. М. Ивакин помогал Фету в его работе над переводами римского поэта Проперция. См. об этом в части «Записок» Ивакина, опубликованной в журнале «Октябрь», 1996, № 9. – *540.*

[87] Это письмо Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову не сохранилось. – *540.*

[88] Федоров имеет в виду свое письмо Н. П. Петерсону от 19 января 1888 г. – *540.*

[89] Годовой оклад Н. Ф. Федорова составлял 491 руб. 70 коп. (см.: Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 124 об., 130 об.). – *540.*

[90] Речь идет о Н. Х. Логвинове (см. письмо 39 и примеч. 6 к нему). – *540.*

[91] См. выше примеч. 67. – *541.*

[92] Факт, когда Толстой был посаженым отцом на «одной аристократической свадьбе», не зафиксирован биографами Толстого. В огромной мемуарной литературе о Толстом удалось найти лишь одно упоминание об этом: в 1883 г. Толстой был посаженым отцом на свадьбе Екатерины Владимировны Краснокутской, внучки Е. Д. Загоскиной, начальницы Родионовского женского института в Казани, с семьей которой Толстого, его братьев и сестру связывала тесная дружба. Муж Е. В. Краснокутской А. Д. Ходнев вспоминал: «На просьбу моей будущей тещи быть на предстоящей свадьбе посаженым отцом моей жены Л. Н. охотно изъявил свое согласие. В день свадьбы, сопровождая невесту в церковь, он все время говорил ей о ее будущих обязанностях жены и притом так убедительно и горячо, что, как она мне рассказывала впоследствии, ее взяло сомнение, сумеет ли она выполнить все это, что он вменял ей в обязанность, и продолжай он еще немного, она попросила бы увезти ее обратно домой. Введя невесту в церковь, Л. Н. уехал и вместо той квартиры, куда ему нужно было приехать для встречи нас, приехал на квартиру нашей родственницы, а потому опоздал, что привело его в большое замешательство, так что он все время повторял: "Как это я спутал..." Приняв нас, как полагалось, с образом, он, взяв руку моей жены и вложив ее в мою, сказал мне: "Любите и берегите". Позже, когда Толстому напомнили об его участии в свадьбе Ходневых, он сказал в шутливом тоне, с доброй улыбкой: "Как же, как же, передал Алексею Дмитриевичу Катю, как добрую лошадку, из полы в полу..."» (См. «Летописи Государственного литературного музея». Книга двенадцатая. Л. Н. Толстой. Том II, с. 227–231). – *542.*

[93] Как сообщал И. М. Ивакин в своих воспоминаниях, *техник* – молодой человек, ученик Московского технического училища, обратился к Толстому, чтобы «решить вопрос,

как соединить неимение собственности с семейной жизнью. На вопрос его, покинуть ему училище или нет, Л. Н-ч не отвечал ни да, ни нет, но он решил училище покинуть, года три, а если надо будет, то четыре или пять, поучиться ремеслам и земледелию» (РГАЛИ, ф. 108, оп. 1, ед. хр. 255, л. 135). – *542.*

[94] Елизавета Александровна Маликова, дочь А. К. Маликова (см. примеч. 95). – *542.*

[95] Александр Капитонович *Маликов* (1839–1904) – из семьи крестьян Владимирской губернии. Окончил курс в Московском университете, служил судебным следователем. В 1866 г. привлекался по делу Каракозова и был подвергнут административной ссылке. В 1873 г. начал развивать религиозно-этическое учение о «богочеловечестве», бравшее в христианстве лишь нравственную проповедь Спасителя и отвергавшее его мистическую и догматическую сторону. Проповедуя самосовершенствование человека на евангельских путях, Маликов пришел к отрицанию насильственных приемов борьбы со злом (в этом отношении он был предшественником Толстого). Учение Маликова привлекло к себе целый ряд сочувствующих лиц, в числе которых были Н. В. Чайковский, В. И. Алексеев, А. А. Бибиков, С. А. Клячко, К. С. Пругавина и др. В 1875 г. часть «богочеловеков» во главе с самим Маликовым, переехав в Америку, в Канзас, основала земледельческую общину, распавшуюся через два года. Вернувшись в Россию, Маликов в 1878 г. познакомился с Л. Н. Толстым. Об их взаимоотношениях и интересе Толстого к учению Маликова см.: А. С. Пругавин. Лев Толстой и «богочеловеки» // А. С. Пругавин. О Льве Толстом и о толстовцах. Очерки, воспоминания, материалы. М., 1911, с. 161–176. После внезапной трагической смерти в 1881 г. своей второй жены К. С. Пругавиной, пройдя через глубокий внутренний кризис, А. К. Маликов вернулся к православию. Александр Герасимович *Орфано* (1834–1902) – отставной поручик гвардии. В 1866 г., как и Маликов, привлекался по делу Каракозова, но осужден не был за отсутствием состава преступления. С Толстым знаком с 1880-х годов. Автор разбора религиозных воззрений Толстого под заглавием «В чем должна заключаться истинная вера каждого человека?» («Чтения в обществе любителей духовного просвещения», 1887). – *542.*

[96] Мф 11:28. – *542.*

[97] В январе 1888 г. Толстой работал над статьей о Гоголе, которую намеревался поместить в качестве предисловия к книге А. И. Орлова «Николай Васильевич Гоголь как учитель жизни». Статья не была закончена, так как Толстому «не хотелось вступать в полемику с Белинским» (см.: Л. Д. Опульская. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1886 по 1892 год. М., 1979, с. 114). – *543.*

[98] Речь идет об издании: «Сочинения графа Л. Н. Толстого», ч. 13. М., 1888. Из-за помещенного в этом томе трактата «О жизни» книга была запрещена духовной цензурой, а тираж ее уничтожен. Два сохранившихся экземпляра этого издания хранятся в ГМТ. – *543.*

[99] Речь идет о М. Д. Скобелеве (см. примеч. 143 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве»). – *543.*

[100] В Проточном переулке близ Смоленской площади находился «Ржанов дом, или Ржановская крепость». Во время переписи 1882 г. Толстой, бывший одним из ее участников, слышал про это место «как про притон самой страшной нищеты и разврата, и потому просил учредителей переписи назначить» его «в этот участок». Желание Толстого было исполнено. Описание жизни в Ржановом доме Толстой дал в IV–XI главах трактата «Так что же нам делать?» – *544.*

[101] Господин, с которым спорил Федоров, – по всей видимости, А. И. Орлов, автор книги «Николай Васильевич Гоголь как учитель жизни», вышедшей в 1888 г. в издательстве «Посредник». – *545.*

[102] Речь идет о статье Н. И. Кареева «Историческая философия в романе гр. Л. Н. Толстого “Война и мир”» («Вестник Европы», 1887, № 7). – *545.*

[103] См. примеч. 172 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве». – *545.*

[104] В №№ 12 и 13 газеты «Русское дело» под заглавием «Трудолюбие, или торжество земледельца» было напечатано в сокращении сочинение Т. М. Бондарева с одноименным предисловием Л. Н. Толстого (подробнее см. примеч. 10, 13 к «Статьям о Л. Н. Толстом» – Т. II наст. изд., с. 489). Летом 1888 г. Н. Ф. Федоров начал работать над статьей, разбиравшей эту публикацию (см. примеч. 3 к письму 48). – *545.*

[105] 5 февраля 1887 г. Н. Я. Грот в заседании Московского психологического общества прочел реферат «О свободе воли». Л. Н. Толстой присутствовал на этом заседании и принял участие в прениях. – *546.*

[106] Иоганн Гаспар *Лафатер* (1741–1801) – швейцарский священник и проповедник. – *546.*

[107] Картина И. Е. Репина «Крестный ход в Курской губернии» (1883). – *546.*

[108] Выдержки из записок скульптора *М. М. Антокольского* под заглавием «Из автобиографии» были напечатаны в №№ 9–10 журнала «Вестник Европы» за 1887 г. – *546.*

[109] Лермонтовский музей был открыт 18 декабря 1883 г. при Николаевском кавалерийском училище в Санкт-Петербурге (бывшая школа гвардейских юнкеров и подпрапорщиков, где учился М. Ю. Лермонтов). Музей ставил своей задачей собрать все, что было написано самим Лермонтовым и о нем. – *546.*

[110] Портрет Толстого работы И. Н. Крамского (1873). – *546.*

[111] Михаил Сергеевич *Корелин* (1855–1899) – историк. Окончил историко-филологический факультет Московского университета, где учился вместе с И. М. Ивакиным, со степенью кандидата. В течение ряда лет читал лекции по всеобщей истории на высших женских курсах. В 1885–1887 гг. был в научной командировке за границей; по возвращении представил диссертацию «Ранний итальянский гуманизм и его историография», за которую получил докторскую степень. С 1889 г. – приват-доцент, затем профессор Московского университета по кафедре всеобщей истории. – *547.*

[112] Александр Петрович *Иванов* (1836–1911) – отставной подпоручик. С 1880 г. был переписчиком у Толстого. Толстой упоминает о нем в трактате «Так что же нам делать?» (*Толстой. 25*, 299). – *547.*

[113] Александр Александрович *Стахович* (1830–1913) – орловский помещик, шталмейстер, выдающийся чтец, старинный знакомый Толстого. – *547.*

[114] Несколько ранее в своих воспоминаниях И. М. Ивакин передавал рассказ А. П. Иванова о том, что в Татьянин день (12 января 1889 г.), когда в «Русских ведомостях» вышла статья Толстого «Праздник просвещения 12-го января», неодобрительно отзывавшаяся о пьянстве и дебошах, устраивавшихся по случаю университетского праздника в студенческой среде, «у Толстых был Фет – было угощение, омары...

– Вы вот только студентам запрещаете праздновать да есть омары – сказал будто бы переписчик Толстому, с которым у него были своеобразные отношения, – а если у вас самих едят омары – так это ничего!

Толстой будто бы покраснел, стал ссылаться на семью» («Литературное наследство». Т. 69, кн. II, с. 98–99). – *547.*

[115] Лев Львович *Толстой* (1869–1945) – третий сын Толстого, писатель. Выше И. М. Ивакин называет сотрудников Московского Публичного и Румянцевского музеев – *С. О. Долгова* (см. примеч. 48 к разделу «Приложения» «Письма Н. Ф. Федорову разных лиц»), *Г. Д. Филимонова* (см. примеч. 5 к письму 70) и Ивана Григорьевича *Успенского*, служившего в Музеях в 1880-х годах младшим чиновником для письма (см. Отчеты Музеев за 1883–1885, 1886–1888 и 1889–1891 гг.). – *548.*

[116] Илья Львович *Толстой* (1866–1933) – второй сын Толстого. 24 декабря 1888 г. родилась его старшая дочь Анна Ильинична Толстая-Попова (ум. в 1954 г.). – *548.*

[117] С. Л. Толстой (см. выше примеч. 2) после окончания Московского университета некоторое время служил в Петербурге в Крестьянском банке. – *548.*

[118] Георгий Семенович *Анненков* (1848–1885) – историк-славист; автор ряда работ по истории протестантства в Польше и Чехии. – *549.*

[119] Петр *Хельчицкий* (1390–1460) – чешский писатель, автор сочинения «Сеть веры», обличающего современный общественный строй с точки зрения христианства. Л. Н. Толстой ценил Хельчицкого и считал его книгу «одной из редких, уцелевших от костров книг, обличающих официальное христианство» (*Толстой. 28*, 18). – *549.*

[120] *Н. И. Стороженко* – см. примеч. 15 к «Добавлению к разделу “Библиотеки и музейно-библиотечное образование”». *И. И. Янжул* – см. примеч. 3 к письму 138. – *549.*

[121] *Рёскин* – см. примеч. 5 к «Статьям о литературе и искусстве» (Т. III наст. изд., с. 711). На копии воспоминаний И. М. Ивакина, сделанной рукой П. М. Ивакиной, в этом месте имеется карандашная поправка рукой В. А. Кожевникова: «английском» (РГАЛИ, ф. 508, оп. 1, ед. хр. 255, л. 161). В. А. Кожевников познакомился с воспоминаниями И. М. Ивакина в конце 1910 г. или в самом начале 1911 гг. 24 января 1911 г. он сообщал Н. П. Петерсону, что в воспоминаниях Ивакина много материалов о Л. Н. Толстом и Н. Ф. Федорове (ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 43, л. 2). «К сожалению, – добавлял он, – уладить печатание этих “Воспоминаний” пока не удастся» (там же, л. 2 об.). – *549.*

[122] См.: А. Н. Пыпин, В. Д. Спасович. Обзор истории славянских литератур (СПб., 1865, с. 304–309) и А. Н. Пыпин, В. Д. Спасович. История славянских литератур, Т. II (изд. 2-е. СПб., 1881, с. 880–887). – *550.*

[123] «*Orbis sensualium pictus*» («Видимый мир в картинах») – философско-педагогическое сочинение Яна Амоса *Коменского* (1592–1670), чешского мыслителя-гуманиста и педагога, относится к 1658 г. В русском переводе было издано впервые в 1768 г.; 2-е изд. –1788. – *550.*

[124] Это посещение библиотеки Румянцевского музея и Н. Ф. Федорова отмечено в дневнике Толстого от 22 апреля 1889 г.: «Ходил в Румянцевский музей. Беседовал с Николаем Федоровичем, взял Сен-Симона. Интересная биография» (*Толстой. 50*, 72). Толстой взял в библиотеке биографию Сен-Симона, составленную Г. Гюбаром: G. Hubbard. S.-Simon, sa vie et ses travaux. Paris, 1857 («Сен-Симон, его жизнь и труды»). – *550.*

К РАЗДЕЛУ «АСХАБАДСКАЯ ПОЛЕМИКА»

В настоящем разделе помещены две статьи Н. П. Петерсона и одна статья В. А. Кожевникова, опубликованные в рамках второго этапа полемики вокруг учения Н. Ф. Федорова на страницах газеты «Асхабад» (см. преамбулу к разделу «Асхабадская полемика»).

[1] Ранее опубликовано: «Асхабад», 30 декабря 1901, № 364 (подпись «***»). В фонде Н. П. Петерсона хранится вырезка из данного номера газеты (ОР РГБ, ф. 657, к. 2, ед. хр. 9, л. 24). Печатается по тексту газетной публикации.

Поводом к написанию статьи стало обсуждение в ноябре–декабре 1901 г. на страницах газеты «Асхабад» вопроса об асхабадском Народном доме.

Народные дома – учреждения, возникновение которых в России относится к 1890-м годам, а быстрое распространение и развитие – к самому рубежу веков (1898–1900-е гг.): народные дома возникали тогда и в столице, и в губернских, и в уездных городах, в селах и даже деревнях. Часть из них основывалась попечительствами о народной трезвости на средства казны в целях борьбы с пьянством и предоставления народу возможности проводить свободное время вне питейных заведений: эти дома обязательно включали в себя чайную или дешевую столовую (часто – и ту, и другую); во многих случаях к чайной присоединялась библиотека-читальня, а также аудитория для народных чтений. Значительное число народных домов было создано по инициативе городов, обществ и частных лиц. В крупных городах они строились с большим размахом: народная библиотека–читальня соседствовала с обширной аудиторией, часто к ним присоединялись книжные лавки, музей, вечерние и воскресные классы, а также помещение со сценой для театральных постановок, иногда – технические и ремесленные школы и музыкально-певческие классы; в трех народных домах были устроены бесплатные юридические консультации, в двух – врачебные амбулатории, а в Казанском народном доме – даже ясли для малышей. В деятельности народных домов, все более и более становившихся центрами культурной и общественной жизни низового населения, стремившихся к умственному просвещению людей из народа, активное участие принимала местная интеллигенция: она устраивала общедоступные лекции, занятия в воскресных классах, организовывала театральные и литературно-музыкальные вечера, детские утренники и т. д. (см.: П. А. Голубев. Народные дома–дворцы // Русское богатство, 1901, № 12, с. 1–40; краткое резюме этой статьи было напечатано в газете «Асхабад»: 15 января 1902, № 15).

В Асхабаде вопрос о постройке народного дома был поднят в связи с пушкинскими торжествами 1899 г. Организовался попечительный комитет, городом были выделены необходимые средства, начался сбор пожертвований. 16 мая 1900 г. состоялась торжественная закладка дома, а в декабре того же года строительные работы были завершены. 24 декабря 1900 г., в канун Рождества Христова, здание было освящено и асхабадский народный дом, включавший в себя дешевую столовую, кухню, буфетную, библиотеку, а также большую залу на 200 чел. «для общедоступных собраний и разного рода народных чтений», начал свою деятельность («Асхабад», 31 декабря 1900, № 366). С самого первого дня попечительство над народным домом приняло на себя недавно основанное в городе закаспийское братство Св. Креста. Братчики регулярно проводили в нем воскресные чтения и беседы религиозно-нравственного и исторического характера, сопровождавшиеся песнопениями хора церкви Св. Креста и туманными картинами (анонсы чтений, а также корреспонденции о них печатались в газете «Асхабад»). Чтения собирали большую аудиторию, причем посещались они не только народом, но и представителями среднего и даже высшего класса. В доме действовала братская библиотека. Однако уже осенью возникли проблемы. Приостановленные

на летнее время чтения не смогли возобновиться из-за временного переезда в народный дом городского мужского училища, администрация которого отказалась предоставлять зал на время чтений; еще ранее была свернута библиотека. Затем начал обсуждаться проект об изъятии народного дома из ведения братства Св. Креста. И хотя в конце октября 1901 г., после вмешательства нового начальника области Д. И. Суботича, духовные чтения братства были возобновлены, вопрос о том, каким быть городскому народному дому, начал печатно обсуждаться на страницах газеты «Асхабад».

На эту тему высказывались и члены братства, и постоянные посетители чтений, и местные публицисты. Так, 6 ноября 1901 г. (№ 310) в корреспонденции «Закаспийское братство Св. Креста» «один из слушателей», подчеркнув важность и нужность духовно-просветительной деятельности братчиков в народном доме, призвал к скорейшему устранению всех препятствий на пути ее расширения. Спустя две недели ему отвечал «другой слушатель», посетивший последнее воскресное чтение: «...читают в Народном доме немало весьма "душеспасительного", преимущественно читают здесь "душеспасительное". Это очень хорошо, разумеется, прекрасно. Почему бы и не почитать. [...] Но ведь давно уже в Асхабаде получено циркулярное предложение медицинского департамента министерства внутренних дел, указывающее на настоятельную необходимость популярного и широкого ознакомления населения со способами и приемами подания первой помощи от несчастных случаев» («В Народном доме» // Асхабад, 20 ноября 1901, № 324). Слушателю вторил Pensoso в статье «Воскресная школа и народные чтения» («Асхабад», 14 декабря 1901, № 348), призывая местную интеллигенцию к широкому участию в деле организации популярных чтений из разных областей знания. Надо, писал он, «сухое, научное чтение» «оживить, сердечно продумав его. Живое, выразительное слово – огромная сила». Нужно «учить грамоте неграмотных, вводить их в царство книг, сокровищницу человеческого знания [...] помочь в деле образования тем, кто по той или иной причине не получил его или получил только крупицы знаний».

В том же номере газеты была напечатана и другая статья – «Что такое "Народный дом"?» – за подписью «Аз». Ее автор указал на нецелесообразность религиозной ориентации народных домов, особенно в местах с инородческим и иноверческим населением. «В Народных домах, по идее, лежащей в самой их сущности, должен найти отдых, развлечение или расширение своих познаний всякий человек, будь то русский, еврей, поляк, калмык, татарин и т. д.», а потому «знание и искусство, одинаково важные и насущные для всех национальностей, единственно могут быть, думается, пищей Народных домов, а молиться и проповедывать каждая национальность будет в иных местах».

Днем спустя, 16 декабря 1901 г. (№ 350 «Асхабада»), появилась корреспонденция «День Андрея Первозванного в Народном доме», приводившая речь свящ. М. Колобова, одного из самых активных устроителей местных народных чтений (она была произнесена 2 декабря в самый день празднования памяти святого). М. Колобов указал на то, что религиозно-нравственное направление, приданное стараниями братства деятельности асхабадского народного дома, как нельзя лучше отвечает потребностям населения, служит «удовлетворению духовных сторон жизни народа» и уже привлекло к народному дому немало сочувствующих, даже из числа тех, кто ранее были против создания этого учреждения, опасаясь, что дешевые столовая и чайная и даровые театральные зрелища, которые не всегда учат доброму, могут «хотя бы косвенным образом содействовать растлению народа» и начнут плодить тунеядцев.

С особым мнением выступил на страницах газеты «г-н Веди-Добро». «Народный дом, – подчеркивал он, – прежде всего есть место народной гигиены и трезвости, затем место усвоения всякого знания, ведения». Народное же ведение «в широком смысле без узкого утилитаризма, навеянного узостью и тупостью мысли европейской и слепой подражательной русской», «это ведение нравственное, религиозное, ведение долга, чести, добра». «Следовательно, религиозно-нравственным течениям должен быть открыт самый широкий простор именно в "Народный дом", где они свободнее могут выражаться и ближе подходить к душе народной». Чтения духовного и исторического характера, по мнению публициста, должны стать непременной принадлежностью этого учреждения, ибо «главные болезни души народной, прежде всего, исходят из религиозного неведения» и, кроме того, «народ должен знать судьбы родной страны в ее прошлом, прочувствовать все ее радости и горе, пробудить свое народное самосознание». Другое дело, что и научные знания нужны, даже очень нужны народу, но нынешняя интеллигенция мало способна донести их до простой аудитории внятным и живым языком. А пока к духовно-нравственным и историческим чте-

ниям могут быть присоединяемы чтения литературные, знакомящие слушателей с «лучшими произведениями, подходящими по духу и складу к народной мысли и речи» (Веди-Добро. Что такое «Народный дом»? Ответ // Асхабад, 17 декабря 1901, № 351).

Уже 19 декабря «г-н Аз» отвечал своему оппоненту. Согласившись с тем, что в народных домах действительно хорошо бы устраивать литературные чтения, он повторил свое требование «религиозной терпимости» как условия «sine qua non» существования любого народного дома. «Религиозные потребности, – писал он, – удовлетворяются в достаточной мере для каждой национальности в их храмах и молитвенных домах. А если недостаточно, то пусть духовенства там именно приложат большее старание» (Аз. Еще о «Народном доме». Разбор ответа г-на Веди-Добро // Асхабад, 19 декабря 1901, № 353).

«Г-на Аза» поддержал Pensoso, столь же категорично высказавшийся за религиозную нейтральность «народных домов». Со свойственной ему иронией он замечал, что если «в ином Народном доме производятся чтения почти исключительно религиозные, и в самом зале для чтения находятся предметы, имеющие значение и смысл только для православных», то «таковой дом, предназначенный очевидно не *народному* делу, а религиозно-православному, правильнее назвать домом для православного народа, но никак не народным». «Народу нужно всякое ведение: научное, художественное, религиозное», и чем ссылаться «на варварский язык русской науки» и упрекать интеллигенцию в несостоятельности, следует самим постараться «усвоить науку и лучше передавать ее народу», который вовсе не прочь послушать научные чтения (в доказательство публицист сослался на недавно состоявшиеся в железнодорожной воскресной школе чтения «о китайцах» и об «органах пищеварения». – Pensoso. По поводу заметки г. Аза и ответа г. Веди-Добро о Народном доме // Асхабад, 20 декабря 1902, № 354).

Следующей – и последней – в полемике по вопросу о Народном доме стала статья Н. П. Петерсона. После нее этот вопрос на страницах «Асхабада» фактически уже не обсуждался – газета публиковала лишь сообщения о продолжавшихся братских чтениях и других мероприятиях, проходивших в помещении Народного дома. И только 8 июня 1902 г. в статье «Из жизни закаспийского братства Св. Креста» была изложена история попечительства этого братства о Народном доме с указанием на все те печальные обстоятельства, которые тормозили его деятельность на ниве духовного просвещения народа. – *551.*

[2] Первая из указанных Н. П. Петерсоном статей – «Что такое “Народный дом?” Ответ», принадлежавшая «г-ну Веди-Добро», вторая – Pensoso: «По поводу заметки г. Аза и ответа г. Веди-Добро о Народном доме». – *551.*

[3] 2 января 1902 г. в «Письме в редакцию» газеты «Асхабад» (№ 2, подпись «***») Н. П. Петерсон так пояснил последнее выражение: «...считаю необходимым оговориться, что слова “*идол нашего времени Л. Н. Толстой*” сказаны не в укор Л. Н. Толстому; – он ничем не виноват, что современная толпа, хотя и состоит из людей интеллигентных, так же нуждается в идолах, как и толпа людей невежественных, а потому и создает себе из всего идолов; создала себе идола и из него, Л. Н. Толстого. До какой бессмыслицы доходят в восхвалениях Толстого, это видно из фразы, которую не раз приходилось читать и в местной, и в столичной печати – будто бы “Толстой на целую голову выше своего времени”. Но кто же делает эту оценку, – не те ли, которые сами считают себя ниже Толстого?!.. А если они ниже Толстого, то как же они могли понять и оценить его?!.. Если бы Толстой был выше своего, т. е. нашего, времени на целую голову, то наше время не поняло бы его, не поняв, и не прославило бы его, а напротив – гнало и преследовало его, – как это и бывает с теми, которые действительно выше своего времени; таких людей обыкновенно понимают и прославляют только после их смерти, при жизни же они возбуждают лишь недоумение, а иногда и негодование, их обвиняют и в дерзости, и в претенциозности, в писаниях их видят одну бессмыслицу и проч. Толстой же пользуется у своих современников такою славою, какою никто до него не пользовался, и это наилучший признак того, что он – истинный выразитель нашего времени, что он не выше, а как раз по плечу громадному большинству нашего, так называемого, интеллигентного общества». – *553.*

[4] Эти слова Л.Н.Толстого приведены в письме А. А. Фета к Н. Ф. Федорову от 6 декабря 1887 г. (Т. IV наст. изд., с. 632). – *553.*

[5] Такой в точности цитаты в текстах Федорова, известных к настоящему времени, обнаружить не удалось, хотя аналоги ее имеются. По всей видимости, Н. П. Петерсон взял эту цитату из какого-то первого варианта «Пасхальных вопросов», над которыми Федоров начал работу еще в Асхабаде (не случайно публицист упоминает «недавнее» и «нигде не напечатанное» сочинение мыслителя). – *553.*

[6] Ранее опубликовано: «Асхабад», 17 января 1902, № 17 (подпись «*.*»). В архиве Н. П. Петерсона сохранилась вырезка из данного номера газеты (ОР РГБ, ф. 657, к. 2, ед. хр. 9, л. 27). Печатается по тексту газетной публикации.

Статья является откликом на статью Pensoso «Блаженная жизнь» («Асхабад», 3 января 1902, № 3) – см. об этом преамбулу к разделу «Асхабадская полемика». – *554.*

[7] Здесь Н. П. Петерсон откликается на следующий пассаж статьи Pensoso: «Ограничиваться одним религиозным ведением можно было только в раю, где человек, не трудясь, срывал готовые плоды. Но, к сожалению, как пишет Heine –

Das war kein wahres Paradies
Es gab dort verbatene Baume. –

то не был настоящий рай: в нем находилось запрещенное дерево.

И человек вкусил плода с запретного дерева. Как это вам нравится? Даже в раю человеку стало скучно, и он не ограничился одним религиозным ведением. Даже в раю, хотя и с запретным древом, человек чувствовал жажду ведения.

А ведь мы – не в раю. Не растут ведь теперь в готовом виде без труда для человека фрукты и хлеб, одежда и кров» («Асхабад», 3 января 1902, № 3). – *554.*

[8] Здесь и ниже – ответ на следующее высказывание Pensoso из статьи «Блаженная жизнь»: «Что значит – блаженство, блаженная жизнь? Есть ли это блаженство плоти? Если так, то ислам окажется наиболее подходящей религией для автора. Есть ли это блаженство духа? Неизвестно. Скорее нет, судя по автору. Он пишет, что человеческий род должен обладать движением иных миров, “*чтобы разместиться, когда все воскреснем*”. Какой же тут дух и духовное блаженство, если для размещения, когда мы воскреснем, – нужна опять материальная почва – иные миры?» (там же.) – *555.*

[9] См. примеч. 19 к разделу «Асхабадская полемика». – *555.*

[10] «А пока что статья автора имеет свою цель: науку поругать. Странно, почему это некоторые авторы так легко переходят со всяких других вопросов к ругне науки, *зловредной* науки?» (Pensoso. Блаженная жизнь // там же.) Подробнее см. преамбулу к разделу «Асхабадская полемика». – *556.*

[11] О статье Pensoso «Что такое свобода совести?» и ответной статье Н. П. Петерсона «О свободе совести» см. преамбулу к разделу «Асхабадская полемика». – *556.*

[12] Стихотворение в прозе «Жизнь не ждет» было опубликовано Pensoso в газете «Асхабад» 5 января 1902 г. под рубрикой «Маленький фельетон»:

«“Пойдем туда, где море плещет, цветы, луга и гор утесы, и лес дремучий на тех утесах. Там аромат цветов, хвоей там пахнет, вода струится с утеса в море и серебрится, журча средь камня.

Там небо ясно. Там солнце греет, а море редко бушует в буре. Там тихо, мирно. Пойдешь туда, душе скорбящей своей дай отдых. Но если отдых не даст покою душе скорбящей, то жди там бури. Задует ветер, взволнует море, заплещет море, забрызжет пеной утесы, камни, стемнеет небо, нависнут тучи, цветы поникнут, задует ветер в лесах дремучих, повалит с корнем лесных красавцев, застонут горы, рекой польется ручей сребристый. Заплачет море, волной вздымаясь и ударяя о камень грудью.

В природы стоне найдешь ты отдых”.

Меня манил так природы голос. И мне хотелось на отдых ехать и насладиться природы негой и бурей моря и там забыться от скорбей жизни.

Но голос долга мечты мои разбил все прахом. “Зачем живешь ты? Пить, есть и спать? И наслаждаться природы негой? Удел то слабых. А если хочешь ты позабыться от скорбей жизни, то в самой жизни найди ты отдых и утешенье. Буди ты море людское делом, горячим словом, благим примером. Пусть брызжет море людское пеной, борись ты храбро и в дело жизни вложи ты душу.

А скорби, горя ведь в жизни много. Работать надо. Работник нужен. Будь ты работник, храбро, смело борись с людскими с скорбью, с горем; свои же скорби, свое же горе забудь для горя других людей”.

Зовет тот голос, тот голос долга туда, где горе, помочь где надо.

Но где же силы найти на это? Хотеть легко ведь, а делать – трудно? О, если б силы побольше было: людское море я всколыхнул бы! От жизни сонной, от прозябанья, воспрял бы сам я к жизни полной, будил других бы от сна безделья, и дружно все мы работать стали б. Но силы мало. Природы нега так манит сладко. Окрест спокойно и тихо-мирно. В тиши не слышно людского горя. И мчится время, и жизнь проходит, а дела мно-

го... А кто же дело то делать будет? Хочу работать, стремлюсь куда-то, но тишь так сладко к покою манит... А жизнь проходит». – *556.*

[13] О статье Pensoso «Итальянская поэзия» см. преамбулу к разделу «Асхабадская полемика». В качестве эпиграфа к статье «Итальянская поэзия» Pensoso привел строку из стихотворения Ады Негри «Immortale» («Бессмертная») из сборника «Бури» (1895). – *556.*

[14] Ранее опубликовано: «Асхабад», 20 февраля 1902, № 51 (подпись «Y»). В фонде Н. П. Петерсона хранится вырезка из данного номера газеты (ОР РГБ, ф. 657, к. 2, ед. хр. 9, № 30). Печатается по тексту газетной публикации.

О причинах и обстоятельствах появления данной статьи см. преамбулу к разделу «Асхабадская полемика». – *557.*

[15] Pensoso. Блаженная жизнь // Асхабад, 3 января 1902, № 3. Чуть выше В. А. Кожевников ошибочно приписывает г-ну «Веди-Добро» участие во втором этапе полемики вокруг учения «всеобщего дела». Г-н «Веди-Добро» участвовал лишь в обсуждении вопроса о «Народном доме» (см. примеч. 1). Неточность, допущенная В. А. Кожевниковым, объясняется тем, что Pensoso, ранее уже высказывавшийся по поводу полемики о народном доме (см. там же), в статье «Блаженная жизнь» снова упомянул статью «г. Веди-Добро», причем именно в связи с религиозным вопросом («Г. Веди-Добро в своей статье о Народном доме не ограничил в конце концов ведение одним только религиозным. Автор же статьи "По поводу статей о Народном доме" взял под свою защиту г. Веди-Добро, но начал говорить не о ведении вообще, а только о религии и о смысле жизни»). Самой же статьи «Веди-Добро» В. А. Кожевников не читал (среди присланных Н. П. Петерсоном статей ее не оказалось – см. письмо В. А. Кожевникова Н. П. Петерсону от 28 января 1902 (Т. IV наст. изд., с. 625)). – *557.*

[16] Pensoso. Итальянская поэзия // Асхабад, 7 января 1902, № 7. Говоря в своей статье о творчестве Ады Негри (см. преамбулу и примеч. 2 к разделу «Асхабадская полемика»), публицист основывался на двух вышедших к тому времени сборниках ее стихотворений: «Fatalità» («Судьба»), 1892 и «Tempeste» («Бури»), 1896. – *557.*

[17] «Она выросла в простой семье бедного рабочего, и во многих ее стихотворениях проглядывает любовь к бедному люду и страдание за них» (Pensoso. Итальянская поэзия // там же). М. Ватсон, автор единственной вышедшей к тому времени на русском языке книги об итальянской поэтессе, писала о ней так: «Выразительницей печали и скорби родного народа, главным образом, и является Ада Негри. Страстно увлекаясь явлениями общественной жизни, откликаясь всем сердцем на горькую участь, выпадающую на долю миллионов нуждающихся, голодающих, несчастных и заброшенных, Ада Негри поет о них, поет им». Предметом ее поэтических излияний большей частью служат «фабрики, рудники, рисовые поля» «и вообще все малые и скромные сего мира, те, которые представляют собою лишь бесчисленные цифры, затерянные одиночками в несметной действующей армии, снабжающей нас хлебом» (М. Ватсон. Ада Негри. Критико-биографический очерк. СПб., 1899, с. 2, 8). – *557.*

[18] «На линии огня» (*итал.*). Стихотворение из сборника «Fatalità» («Судьба»). Все цитаты, приводимые В. А. Кожевниковым в его статье, взяты из стихотворений, входящих в данный сборник. Текст мог цитироваться им по следующим изданиям: Ada Negri. Fatalità. Milano,1892; Ada Negri. Fatalità. Milano, 1895. – *557.*

[19] Здесь, как и во всех других случаях, В. А. Кожевников дает подстрочный перевод. Слова, заключенные им в скобки внутри строк, в одних случаях («друг с другом», «новое», «смертью») являются его собственным дополнением, в других («недоверчиво к своим силам», см. также ниже – «я полна дум и желаний») представляют собой вариант перевода. – *558.*

[20] «Марии Башкирцевой» (*итал.*). Мария Константиновна *Башкирцева* (1860–1884) – даровитая художница, с 1872 г. постоянно жила за границей. Окончив курс в женской мастерской Р. Жюлиана в Париже, успешно выставлялась в Салоне художников (1880, 1881 гг.). М. К. Башкирцева прожила недолго (умерла от туберкулеза), но оставила обширное художественное наследие (150 картин, 200 рисунков, акварели, скульптуры). В 1887 г. в Париже был издан ее «Дневник», переведенный затем почти на все европейские языки. – *558.*

[21] Здесь или пропуск в печатном тексте (оригинал статьи не сохранился), или неточность В. А. Кожевникова. Строки, начало которых им приведено: «Tal fosti: or qui sottera // Polve e scheletro sei» и т. д., – относятся не к стихотворению Джакомо Леопарди (см. примеч. 35 ко II части «Записки» – Т. I наст. изд., с. 474) «Sopra un basso rilievo antico», а к стихотворению то-

го же автора «Sopra il ritratto di una bella donna, scolpito nel monumento sepolcrale della medesima» («К портрету красавицы, изваянному на ее надгробном памятнике»):

Такою ты – была! А под землею,
Теперь ты – прах и гниль... И над костями
Истлевшими напрасно помещен
Портрет твоей красы невозвратимой!
Недвижно смотрит в суету веков
Изваянный, безмолвный страж печали
И памяти... Вот устремленный взгляд:
Как перед ним, должно быть, трепетали
Сердца людей! Вот юные уста:
Отсюда смех звенел и рассыпался,
Как бы из урны, полной серебра!
Вот эта шея: страстное желанье
Над ней кружилось! Нежная рука
Бросала в дрожь одним прикосновеньем.
Вот молодая девственная грудь:
Пред ней бледнели люди от волненья...
А что теперь, под камнем гробовым?
Скелет и гниль, печальный прах и тленье.
Вот красота! Вот мнимый отблеск неба!
Проклятая загадка бытия!
Вчера – источник радостных волнений,
Неисчерпаемо-живой,
Бесценный луч, с далеких ярких звезд
Залогом счастья брошенный на землю,
Слетевший ангел... завтра – красота
Становится в руках у темной силы
Противной грязью; и в умах людей
Мгновенно гибнут суетные грезы! [...]

(*пер. И. Тхоржевского*)

В изданиях лирики Д. Леопарди данное стихотворение всегда помещалось вслед за стихотворением «Sopra un basso rilievo antico sepolcrale, dove una giovane morta e rappresentata in atto di partire, accomiatandosi dai suoi» («Над барельефом древней гробницы, изображающим смерть молодой девушки, окруженной родными»), что, вероятно, и могло послужить причиной ошибки Кожевникова. Само же стихотворение «Sopra un basso rilievo antico sepolcrale» так же, как и цитированное выше стихотворение «Sopra il ritratto...», содержит горькие сетования на «порядок вещей», упреки «проклятой хищнице Природе», безжалостно умерщвляющей свои создания.

Ссылаясь на стихотворение Д. Леопарди, В. А. Кожевников пользовался изданием: «Opere di Giacomo Leopardi». Volume unico. (Biblioteca d'autori italiani). Leipzig, 1861. Экземпляр данного издания из личной библиотеки В. А. Кожевникова (с его подписью на титульном листе) ныне находится в книжном фонде Российской государственной библиотеки. – *559.*

[22] В. А. Кожевников приводит в собственном переводе строки из стихотворения Ады Негри «Vedova» («Вдова»). – *559.*

[23] О том, что «страстная любовь к матери» была одним из главных лирических мотивов поэзии Ады Негри, писали уже первые исследователи ее творчества (см., в частности: М. Ватсон. Ада Негри, с. 7). – *560.*

[24] «Пока я жива, и дальше того, за гробом» (*итал.*). Стихотворение, также входящее в сборник «Судьба». – *560.*

[25] «Fra i boschi cedui» – «Среди леса, предназначенного на выруб» (*итал.*). Стихотворение, входящее в сборник «Судьба». – *560.*

[26] «Спасайся» (*итал.*). Стихотворение из сборника «Судьба». – *560.*

[27] «Судьба» (*итал.*). Стихотворение, открывающее сборник «Судьба». – *560.*

[28] «Не тревожь» (*итал.*). Стихотворение из сборника «Судьба». В тех изданиях, которыми мог пользоваться В. А. Кожевников (Ada Negri. Fatalità. Milano, 1892; то же, Milano, 1895) строка «E di pace solenne e unite un canto» читается как «E di pace solenne e mite un canto». Так же ее цитирует и В. А. Кожевников. В современных изданиях лирики А. Нег-

ри приводится вариант с «unite» (см.: Ada Negri. Fatalità – Tempeste – Maternità. Milano, 1955), он же дан и в наст. изд.

Приведенные у В. А. Кожевникова строки Н. П. Петерсон, по просьбе Н. Ф. Федорова, поставил эпиграфом к его статье «По поводу полемики о “блаженной жизни”», а в конце статьи поместил перевод этих строк, сделанный В. А. Кожевниковым. – *561.*

[29] В. А. Кожевников имеет в виду строки из стихотворения Ады Негри «Sulla breccia»:

Un pensoso dolor fra rugo e rugo
Su le fronti s'incide.
(«Вдумчивая скорбь
На лбу меж морщин караулит».) – *561.*

МАТЕРИАЛЫ В. А. КОЖЕВНИКОВА

В настоящем разделе помещены некоторые материалы В. А. Кожевникова, хранящиеся в фонде Н. П. Петерсона в ОР РГБ. Все они относятся к 1897–1900 гг.

[1] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 15.

Статья была написана В. А. Кожевниковым 15–16 января 1899 г. Ее написанию предшествовали следующие обстоятельства:

8–9 января В. А. Кожевников в письме к Н. Ф. Федорову сообщил о прочитанной им в газете «Русские ведомости» от 7 января 1899 г. заметке: речь в ней шла о новых усовершенствованных артиллерийских орудиях, которые в недалеком будущем должны были поступить на вооружение германской армии; говорилось и об опытах, произведенных с новыми гаубицами: при попадании снаряда в скопление людей все они не просто гибнут – не остается даже человеческого подобия, тела разрываются на куски и обугливаются (письмо В. А. Кожевникова утрачено, его содержание может быть восстановлено на основании писем Н. Ф. Федорова – №№ 175, 176). Получив письмо Кожевникова, Н. Ф. Федоров в указанных письмах изложил свои мысли и чувства, вызванные чтением сообщения о «новых пушках», и посоветовал Владимиру Александровичу написать по этому поводу статью, подняв в ней вопрос о том, как должно быть оценено подобное изобретение в свете августовского призыва России к разоружению и вообще с христианской точки зрения, с позиций традиционно-народного, патриархального миропонимания (подобная же статья – «Любовь погибает» – была написана В. А. Кожевниковым годом ранее и посвящалась проблеме отношения народа к кремации).

После получения второго письма Н. Ф. Федорова В. А. Кожевников и принялся за статью «К вопросу об умиротворении», которая была написана им «на одном дыхании», не более чем за два дня. Опираясь на идеи Н. Ф. Федорова о смысле русской истории (священное собирание и умиротворение), на его понимание православия (как печалования о розни, орудия соединения всех в братски-любовное единство по образу Пресвятой Троицы), В. А. Кожевников представил те духовные и исторические традиции, которые лежат в основе миротворческой политики России и того призыва к миру, который был сделан в циркуляре от 12 августа 1898 г. Коснулся он и вопроса об «“усовершенствованных” орудиях разрушения и истребления», видя в их применении надругательство над умершими.

В самый день завершения статьи, 16 января, В. А. Кожевников написал Г. П. Георгиевскому, предлагая статью для «Современной летописи» «Русского вестника» (это письмо см. в Т. IV наст. изд., с. 666), а затем сообщил о ее написании и самому Федорову (ответ Федорова последовал 22 января 1899).

В «Русском вестнике» статья В. А. Кожевникова напечатана не была. Рукописный экземпляр ее за подписью «В. К.», выполненный на трех больших листах, сшитых вместе и пронумерованных рукой В. А. Кожевникова, сохранился в архиве Н. П. Петерсона. – *562.*

[2] Во время своего путешествия по Ближнему Востоку, по Святым местам, совершенного в октябре–ноябре 1898 г., германский император Вильгельм II неоднократно делал дружественные заявления в адрес турецкого султана (см. примеч. 41 к «Статьям о разоружении и умиротворении» – Т. II наст. изд., с. 481–482). Во время пребывания в Дамаске, 30 октября 1898 г., он приказал военному атташе возложить венок на гроб султана Саладина с надписью «Вильгельм II, германский император и прусский король, доблестному и рыцарскому султану Саладину» (см.: «Русские ведомости», 31 октября, № 240). 24 ноября 1898 г., вскоре после своего возвращения в Германию, Вильгельм II выступил с тронной речью на очередной сессии рейхстага. Хотя в речи и высказывалась поддержка

инициативы России в области разоружения и громко декларировалось, что «главнейшую задачу» германской политики «составляет поддержание и укрепление всесветного мира», в то же самое время император Вильгельм II с осторожностью, но твердо заявил о необходимости усиливать военно-техническую мощь германской армии, намекая на то, что именно армия является самой надежной защитницей мира (см.: «Русские ведомости», 26, 29 ноября 1898, №№ 266, 269). – *562.*

[3] К словам *Другой монарх, сосед России* в оригинале сделана сноска: «Телеграмма из Стокгольма» (текст сноски и сам знак сноски зачеркнуты). Речь в данном случае идет о тронной речи, прочитанной в Стокгольме на открытии шведского риксдага 6 января 1899 г. министром Бостремом. В ней, в частности, высказывалась мысль о том, что «каков бы ни был результат мирной конференции, предлагаемой царем, созвание ее вовсе не означает, чтобы приходилось оставлять без внимания необходимые для обороны страны средства. Швеция, – говорилось далее в тронной речи, – должна постоянно заботиться об усилении своих слишком слабых оборонительных средств, как сухопутных, так и морских, преследуя при этом исключительно цели самообороны» («Русские ведомости», 7 января 1899, № 7). Передавая далее содержание тронной речи, газета сообщала о выраженном в ней ходатайстве императора об утверждении кредитов на пробную мобилизацию. – *562.*

[4] См. примеч. 50 к «Статьям о разоружении и умиротворении» – Т. II наст. изд., с. 482. – *562.*

[5] В ноябре–декабре 1898 г. в русских газетах активно обсуждалась шедшая в немецком правительстве подготовка законопроекта о выделении большого кредита на модернизацию армии, который предполагалось внести в рейхстаг в конце года. 1(13) декабря 1898 г. «Новое время» сообщило о заявлении, сделанном императором Вильгельмом II 29 ноября (11 декабря) на приеме президентуры рейхстага, о необходимости усовершенствования и увеличения армии. 7 января 1899 г. «Русские ведомости» поместили корреспонденцию из Берлина от 1 января о военных дебатах в рейхстаге (подробнее см. примеч. 1 к письму 175). В ней, в частности, приводилось мнение германского военного министра Госслера, который в рамках дебатов заявил: «...мы все слышали великодушный призыв к смягчению бремени вооружений и отнеслись к нему с несомненным сочувствием уже потому, что он дает нам уверенность, что со стороны России нам не грозит нападение». Необходимо, по мнению Госслера, учитывать тот факт, что другие страны, «несмотря на воззвание к миру, везде и всюду стараются усилить военную готовность», а следовательно, и Германии следует позаботиться о крепости своих вооруженных сил, ибо «чем больше вы совершенствуете военную организацию, тем действительнее вы содействуете миру».

После фразы *В немецком рейхстаге∞ на военные улучшения* в оригинале зачеркнуто: «Султан подписывает указ о сформировании 12 новых полков кавалерии» – и к этим словам сделана сноска, которая также зачеркнута: «Телеграмма от 15 января 1899 г. из Константинополя. “Русские Ведомости” № 16, 1899 г.» (ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 15, л. 2). Зачеркивания сделаны самим В. А. Кожевниковым (в письме к Г. П. Георгиевскому от 23 января 1899 он говорит о необходимости вычеркнуть эту фразу как «неудачную обмолвку» (см. Т. IV наст. изд., с. 667)). – *562.*

[6] Речь идет об испано-американской войне 1898 г. (см. примеч. 37 к «Супраморализму» – Т. I наст. изд., с. 512). Ниже В. А. Кожевников упоминает об открытом письме к Николаю II, опубликованном в бельгийской газете «Патриот», в котором указывалось, что «Бельгия, вопреки гарантированному державами нейтралитету, понуждается военными государствами к постоянным вооружениям», и было выражено пожелание, чтобы предстоящая мирная конференция «окончательно установила права нейтральных государств, особенно Бельгии, определила обязанности воюющих сторон по отношению к нейтральным государствам с обязательным третейским судом в случаях споров между нейтральными государствами и великими державами и охранила неприкосновенность нейтральных областей договорами» («Русские ведомости», 11 января, № 11). – *563.*

[7] О В. Т. Стэде и организованной им манифестации в пользу мира см. примеч. 4 к письму 166. – *563.*

[8] Слова из «Великой ектеньи». Полный текст данного фрагмента: «О мире всего мира, благостоянии святых Божиих церквей и соединении всех Господу помолимся». – *564.*

[9] Ин 15:13. – *564.*

[10] Слова из прошения, возглашаемого в Православной церкви на литургиях, панихидах, заупокойных литиях и вселенских поминовениях усопших. Кроме того, сугубое по-

миновение погибших воинов совершается в день усекновения главы Иоанна Предтечи 11 сентября. – *564.*

[11] Слова из того же прошения. – *565.*

[12] См. примеч. 61 ко II части «Записки» – Т. I наст. изд., с. 476. – *566.*

[13] «Человеческий труп с философской и юридической точки зрения» // Католический журнал. Ноябрь и декабрь 1898 (*итал.*). – *566.*

[14] «Трупы и могилы. Юридические вопросы» (*итал.*). – *566.*

[15] В. А. Кожевников ссылается на свою собственную статью (см. о ней примеч. 337 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 643–644). – *566.*

[16] Ранее опубликовано: «Русский вестник», 1899, № 4, с. 631–634. Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 20, лл. 16–17 об.

В. А. Кожевников был автором целого ряда стихотворений, вдохновленных идеями Н. Ф. Федорова: «Призыв» (сентябрь–октябрь 1895), «Да приидет Царствие Твое!» (25 августа 1897), «Цель жизни» (1898), «Жить или не жить?» (ноябрь – первая половина декабря 1897), «Кремль» (август 1898), «Предкремлевский Музей» (ноябрь 1898), «Молитва» (15 мая 1900), а также поэмы «Цена жизни» (август–октябрь 1901). Некоторые из них – как стихотворения «Да приидет Царствие Твое!» и «Молитва» – писались под свежим впечатлением очередной встречи или беседы с мыслителем, непосредственно в тот же день. Два стихотворения – «Призыв» и «Да приидет Царствие Твое!» – были посвящены Н. Ф. Федорову. Опубликованы при жизни Федорова и Кожевникова были четыре стихотворения: «Призыв», «Да приидет Царствие Твое!», «Цель жизни» и «Жить или не жить?».

Стихотворения «Предкремлевский Музей» и «Молитва», а также поэма «Цена жизни» пока не разысканы. Поскольку архив В. А. Кожевникова погиб в 1930-е гг., сохраниться они могли лишь у третьих лиц. В архиве А. К. Горского и Н. А. Сетницкого имеется машинописный листок, в котором указано на передачу экземпляра поэмы «Цена жизни» С. Н. Дурылину (собрание Е. Н. Берковской (Сетницкой)). Возможно, это одна из зацепок для дальнейших поисков.

Все остальные стихотворения печатаются в наст. изд.: «Кремль», «Призыв», «Цель жизни», «Да приидет Царствие Твое!» – Т. III, с. 111, 537–538, 728, 731–732; «Жить или не жить?» – Т. IV, с. 567–568.

Стихотворение «Жить или не жить?» было написано В. А. Кожевниковым в ноябре – первой половине декабря 1897 г. В декабре 1897 г. рукописный экземпляр стихотворения Владимир Александрович выслал Н. П. Петерсону в Воронеж (см. отклик последнего в письме к Кожевникову от 24 декабря 1897). Зимой 1897–1898 и весной 1898 гг. Н. П. Петерсон, а затем и Н. Ф. Федоров познакомили со стихотворением «Жить или не жить?» некоторых лиц из своего окружения (см. указ. письмо Петерсона, а также письмо 142).

Н. Ф. Федоров, высоко оценивший стихотворение, в течение 1898 г. неоднократно просил В. А. Кожевникова напечатать его; в письмах из Воронежа в ноябре–декабре 1898 г. периодически появляются вопросы о судьбе этого стихотворения (см. письма 162, 165). Тогда же В. А. Кожевников отдает стихотворение «Жить или не жить?» в «Русский вестник», о чем и сообщает Федорову в несохранившемся письме, написанном между 6 и 9 декабря 1898 (отклик Федорова последовал 10 декабря – письмо 167).

Судя по письмам 142 и 162, первоначально стихотворение «Жить или не жить?» имело посвящение В. С. Соловьеву; однако в печати оно появилось без посвящения.

В фонде Н. П. Петерсона сохранился отдельный оттиск стихотворения с дарственной надписью В. А. Кожевникова, обращенной к Н. Ф. Федорову:

«Пророку трудового бессмертия посильный отклик благодарного сердца на призыв к великому делу.

У порога обители Преп. Сергия, чтителя Св. Троицы – высшего образца согласия, единения и любви, всех объемлющей и всесильной.

В предпасхальные дни последнего года века сомнений, отрицания и раздоров, века, заканчивающегося годом всемирного совета о мире всего мира, совета, созываемого Царем Русским, стоящим “в отцов и праотцев место”» (ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 20, л. 16). Судя по надписи, данный оттиск был подарен В. А. Кожевниковым Н. Ф. Федорову в Сергиевом Посаде в первой декаде апреля 1899 г.: по всей вероятности, В. А. Кожевников приехал в Сергиев Посад вместе с Н. П. Петерсоном, чтобы помочь Н. Ф. Федорову доехать до Москвы, откуда мыслитель собирался отправиться в Воронеж (отъезд в Москву должен быть датирован 8 или 9 апреля 1899 г.; Пасха в 1899 г. пришлась на 18 апреля). – *567.*

[17] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 4. В собрании Н. П. Петерсона хранится машинописный экземпляр стихотворения с авторской правкой и правкой рукой Н. П. Петерсона (вписана строка).

Стихотворение посвящено Иоанну Предтече. – *569.*

[18] Эти примечания-варианты сделаны В. А. Кожевниковым на рукописи стихотворения. – *569.*

ПИСЬМА Н. П. ПЕТЕРСОНА К Н. Ф. ФЕДОРОВУ

В настоящем разделе печатаются письма Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову, хранящиеся в личном фонде Петерсона в ОР РГБ. В основном они относятся к керенскому периоду жизни Николая Павловича (1870–1891). Несмотря на то, что переписка учителя и ученика длилась с перерывами более тридцати лет, к настоящему времени разысканы лишь эти немногие письма. Возможно, какая-то часть писем Петерсона к Федорову хранилась вместе с бумагами мыслителя у В. А. Кожевникова и погибла в 1930-е гг.

При подготовке «материалов других лиц» для III тома «Философии общего дела» Н. П. Петерсон включил в их состав лишь два письма воронежского периода: от 21 февраля 1897 и от 26 октября 1898.

[1] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 92, лл. 1–2, 20–21 об. Ответ Н. Ф. Федорова последовал 24 сентября 1875.

Публикуемое письмо дает новые данные к изучению краеведческой деятельности Федорова и Петерсона в Керенске и Керенском уезде в 1870-х гг., свидетельствуя, в частности, о том, что им удалось привлечь к собиранию архивных документов не только местных землевладельцев-дворян, представителей духовного сословия, но и крестьян уезда и, так же как в случае с именитыми гражданами, предпринять составление их родословных. – *570.*

[2] Н. Ф. Федоров провел в Керенске часть своего отпуска: с 22 июня по 20–21 июля 1875 г. (см. письмо 11 и примеч. 1 к нему). *Калиновка* – село в Керенском уезде, в 38 км от уездного города (другое название – Сосновка). – *570.*

[3] Село *Козмодемьянское* (другое название – *Кармалейка*) Керенской волости находилось восточнее г. Керенска, приблизительно в 6 км от него. – *570.*

[4] Во второй половине XVII в. после проведения в Среднем Поволжье сторожевой черты от Шацка до Симбирска (см. примеч. 4 к письму 4) началось активное освоение Россией приграничных земель. Помимо тех, кто непосредственно нес здесь сторожевую службу (стрельцы, казаки, пушкари, сторожа и т. д.), на свободных землях селились и высшие сословия: по царским указам активно раздавались земли и леса как севернее сторожевой черты, так и южнее ее («дикое поле») боярам, дворянам, мордовским и татарским служилым мурзам и князьям, а также возникавшим на осваиваемых территориях монастырям. Все документы, содержание которых передает Н. П. Петерсон в своем письме к Н. Ф. Федорову, связаны с данным сюжетом. – *570.*

[5] *Богородицкий Одигитриев Тихвинский девичий монастырь* был основан в г. Керенске в 1683 г. по благословению патриарха Иоакима. – *570.*

[6] В «Историческом очерке Керенского края» (раздел «Приложения») *Богатыревы* указаны Г. П. Петерсоном в списке «Владельцев Керенского уезда в XVIII и в начале XIX в.» (указ. соч., с. 84). – *571.*

[7] Дер. *Кувшиновка* Котельской волости – в юго-восточной части Керенского уезда, на границе с Нижнеломовским уездом (26 км от Керенска). – *571.*

[8] Дмитрий Алексеевич *Ронцов* (Ранцев) (умер в конце 1880-х гг.) – керенский землевладелец, последний представитель именитого рода керенских дворян. В «Историческом очерке Керенского края» Г. П. Петерсон посвятил несколько страниц истории рода Ронцовых, а в конце очерка назвал Д. А. Ронцова среди тех лиц, устными рассказами которых он воспользовался при составлении своего труда (указ. соч., с. 50–53, 75). – *571.*

[9] Н. П. Петерсон, церковный староста Покровской церкви г. Керенска, был инициатором создания в приходе начальной школы: школа помещалась при Керенской Публичной библиотеке и Н. П. Петерсон был в ней бесплатным учителем (ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 7, лл. 11, 12). Статья Н. П. Петерсона *«Церковно-приходская школа»* не сохранилась. О позиции Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона по вопросам народного образования и церковно-приходских школ см. преамбулу к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 582–585, а

также примеч. 12 к разделу «Приложения» «Материалы к истории знакомства Ф. М. Достоевского с идеями Н. Ф. Федорова». – *571.*

[10] Это письмо Н. Ф. Федорова к Н. П. Петерсону не сохранилось. – *571.*

[11] Речь идет об остатках Керенской сторожевой черты и шедших по ней укреплений. Следы земляного вала, сохранившиеся на территории Керенского уезда, Н. П. Петерсоном были нанесены на карту (см.: ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 7, л. 11). – *571.*

[12] *Шустуй* (*Старый Шуструй*) – село в западной части Нижне-Ломовского уезда Пензенской губернии, 21 км от г. Нижний Ломов. – *573.*

[13] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 92, л. 26. Ответ Н. Ф. Федорова последовал 2 апреля 1876. – *573.*

[14] В конце 1875 – начале 1876 гг. в переписке Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона обсуждался проект приезда мыслителя в конце марта 1876 г. на два-три месяца в Керенск. В качестве заработка Н. П. Петерсон предлагал ему работу по составлению ежегодных отчетов по мировым судебным участкам (см. примеч. 1 к письму 14). – *573.*

[15] Речь идет о Керенской Публичной библиотеке, которой на общественных началах заведовал Н. П. Петерсон и при которой Н. Ф. Федоров весной 1874 г. организовал хранилище документов по истории края (подробнее см. примеч. 2 к письму 4). – *573.*

[16] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 93, лл. 5–6 об. Ответ Н. Ф. Федорова последовал 1 июня 1876. – *574.*

[17] Речь идет о первом обращении Н. П. Петерсона к Ф. М. Достоевскому, последовавшем 6 марта 1876 г. (см.: примеч. 1 к разделу «Приложения» «Материалы к истории знакомства Ф. М. Достоевского с идеями Н. Ф. Федорова»). – *574.*

[18] Существенное место в апрельском номере «Дневника писателя» за 1876 г. заняла полемика Ф. М. Достоевского с писателем и критиком В. Г. Авсеенко по вопросу об интеллигенции и народе. В. Г. Авсеенко критиковал тезис Достоевского о необходимости для русской интеллигенции, неся в народ просвещение и науку, в то же время усвоить его религиозные идеалы, «преклониться пред правдой народной». В свою очередь Достоевский, отвечая своему оппоненту, подробно раскрывал свое понимание народа и «народной правды» и в завершение обещал подробнее коснуться этой темы в мае (см.: *Достоевский. 22*, 103–119). – *574.*

[19] В статье «О современном человеке» («Братская помочь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины», СПб., 1876, с. 241–288) К. С. Аксаков, описывая состояние всеобщего обособления и розни, царствующее в современном человечестве, и критикуя его как безнравственное и безрелигиозное, выдвигал идею христианского общества, соборного единства как высшей и единственной формы истинного бытия личностей, полагая в ее осуществлении задачу истории. «Все мироздание носит на себе печать гармонии и согласия; но природа бессознательна и только намекает на высшее духовное согласие. Весь мир, по слову Божественной истины, не стоит одной души человеческой. Сознательному человеку представляется самому исполнить свободный и потому высший подвиг: образовать духовный хор, где утоляется яд личного эгоизма и исцеляется ненасытная всепоглощающая жажда личности – эта жажда греха. Этот подвиг совершается силою и делом любви» (указ. соч., с. 255).

В статье К. С. Аксакова Н. П. Петерсон увидел прямые переклички с той идеей человеческого многоединства, которую сам он развивал вслед за Федоровым. У философа-славянофила публицист нашел даже противопоставление истинного соборного единения секуляризованным обществам – ассоциациям; а ведь именно на таком противопоставлении строилась его собственная статья, посланная Достоевскому: «Общество, – писал К. С. Аксаков, – [...] в истинном смысле [...] есть такой акт, в котором каждая личность отказывается от своего эгоистического обособления, не из взаимной своей выгоды, как в ассоциации, где, соединяясь в совокупную силу с другими, она сохраняет и даже усиливает свою внутреннюю отдельность, а из того общего начала, которое лежит в душе человека, из той любви, из того братского чувства, которое одно может созидать истинное общество. Общество дает возможность человеку не утратить себя (тогда бы не было общества), но *найти себя* и слышать себя *не в себе*, а в общем союзе и согласии, в общей жизни и в общей любви», в союзе, «невидимый центр которого – в Боге» (там же, с. 255, 259). – *574.*

[20] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 92, лл. 22–23 об. Ответ на письмо Н. Ф. Федорова от 1 июня 1876. – *574.*

[21] Николай Петрович *Куткин* – дворянин, керенский землевладелец; с 1869 г. был председателем попечительного комитета о Керенской публичной библиотеке, выстроил для биб-

лиотеки специальное здание в саду своего дома на Покровской ул., где она с 1872 г. и помещалась. С Н. П. Куткиным Н. П. Петерсон был знаком еще со времен юности (оба учились в Пензенском Дворянском институте), и их связывали теплые, дружеские отношения. В архиве Н. П. Петерсона в ОР РГБ сохранилось большое письмо Н. П. Петерсона к Н. П. Куткину от 1–3 августа 1907 г. (оно так и не было отправлено, поскольку 3 августа Николай Павлович получил телеграмму о кончине своего адресата). В письме Н. П. Петерсон отвечает на вопросы Н. П. Куткина, которому он ранее выслал экземпляр I тома «Философии общего дела» (текст письма см.: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 10). – *574.*

[22] См. примеч. 1 к письму 20. – *575.*

[23] См. примеч. 9. – *575.*

[24] См. примеч. 8. – *575.*

[25] План Н. П. Петерсона был осуществлен (см. письмо Н. Ф. Федорова к Н. П. Петерсону от 15 июня 1876 и письмо Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову от 29 марта 1878, в котором упоминается об их совместном пребывании во Владимире в июле 1876 г.). – *576.*

[26] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 93, лл. 7–8 об.

Письмо связано с обстоятельствами посылки Н. П. Петерсоном Ф. М. Достоевскому статьи «Чем должна быть народная школа?», излагавшей идеи Н. Ф. Федорова (подробнее см. примеч. 12 к разделу «Приложения» «Материалы к истории знакомства Ф. М. Достоевского с идеями Н. Ф. Федорова»). – *576.*

[27] В июле 1876 г. Н. Ф. Федоров сопровождал Н. П. Петерсона в его поездке во Владимир по делам службы (см. предыдущее письмо). – *576.*

[28] Это письмо Н. П. Петерсона к Ф. М. Достоевскому, посланное в декабре 1877 г., не разыскано. – *576.*

[29] Указанное письмо Н. П. Петерсона к Ф. М. Достоевскому было датировано 3 марта 1878 г. (см.: *Достоевский. 30(I)*, 13). Текст его не сохранился. Отвечая Н. П. Петерсону 24 марта 1878 г., Ф. М. Достоевский писал: «О книгах для Керенской библиотеки мною уже давно сделано распоряжение о высылке, и в настоящее время Вы, конечно, все получили» (там же). – *576.*

[30] Н. П. Петерсон послал Н. Ф. Федорову оригинал письма Ф. М. Достоевского от 24 марта 1878. – *576.*

[31] Черновик ответа Н. П. Петерсона Ф. М. Достоевскому от 29 марта 1878 см. в Т. IV наст. изд., с. 514. – *576.*

[32] В архиве Н. П. Петерсона сохранились два черновика статьи «Чем должна быть народная школа?» (текст их см. там же, с. 506–513). – *576.*

[33] О причинах «невстречи» Ф. М. Достоевского и Н. Ф. Федорова см. в примеч. 17 к тому же разделу. – *576.*

[34] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 93, лл. 1–2 об.

Ответ на письмо Н. Ф. Федорова, написанное между 30 марта и 6 апреля 1878 (письмо 22). – *577.*

[35] Намерение Н. П. Петерсона приехать на Пасху в Москву не осуществилось (см. его письмо Н. Ф. Федорову от 19 апреля 1878). – *577.*

[36] См. письмо Н. П. Петерсона Н. Ф. Федорову от 29 марта 1878 и примеч. 30, 32 к данному разделу. – *577.*

[37] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 92, л. 4–4 об.

Ответ Н. Ф. Федорова последовал 25 апреля 1878 (письмо 23). – *577.*

[38] См. примеч. 3 к письму 24. – *578.*

[39] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 92, лл. 6–7 об.

Ответ на письмо Н. Ф. Федорова от 25 апреля 1878. – *578.*

[40] Речь идет о рукописи статьи Н. П. Петерсона «Чем должна быть народная школа?», отправленной им Ф. М. Достоевскому (ее копию Н. П. Петерсон переслал Н. Ф. Федорову при письме от 8 апреля 1878). – *578.*

[41] В двух сохранившихся в архиве Н. П. Петерсона черновиках статьи «Чем должна быть народная школа?» указания на примечания даются по ходу изложения в круглых скобках: (Примечание 6), (8 Примеч.), (7 Примеч.), текст же примечаний отсутствует. – *578.*

[42] Об этом письме Н. Ф. Федоров упомянул в своих письмах Н. П. Петерсону между 30 марта и 6 апреля 1878 и от 25 апреля 1878 (письма 22, 23). Текст письма не сохранился. – *578.*

[43] См. примеч. 3 к письму 23. Интересно, что почти сорок лет спустя, 20 августа 1916 г. Н. П. Петерсон обратился к И. И. Мечникову с письмом, к которому приложил свою статью «Идея всеобщего спасения от смерти», сообщив, что в случае если ученого заинтере-

суют идеи Федорова, он может выслать ему издание «Философии общего дела» (черновик письма см.: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 11). – *578.*

[44] Ответ Н. Ф. Федорова последовал 20 мая 1878 г. (письмо 24). – *579.*

[45] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 92, л. 8–8 об. – *579.*

[46] Н. П. Петерсон переписывал в это время ту часть рукописи, первоначально задумывавшейся как ответ Ф. М. Достоевскому, которая составила IV часть «Записки». Цитату, приводимую в письме, см.: Т. I наст. изд., с. 242. – *579.*

[47] Цитата из IV части «Записки» – см.: там же. – *579.*

[48] Сын Н. П. Петерсона П. Н. Петерсон (см. примеч. 4 к письму 34). – *579.*

[49] Сын Н. П. Петерсона К. Н. Петерсон (см. там же). – *579.*

[50] О. В. Огарева, сестра жены Н. П. Петерсона Ю. В. Петерсон. – *579.*

[51] Ю. В. Петерсон и Г. П. Петерсон, брат Н. П. Петерсона (см. о нем примеч. 6 к письму 35). – *579.*

[52] Г. П. Петерсон работал в то время над «Историческим очерком Керенского края» (см. примеч. 66). – *579.*

[53] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 42, л. 9. – *580.*

[54] Речь идет о статье Н. Ф. Федорова «Горизонтальное положение и вертикальное – смерть и жизнь». – *580.*

[55] Н. Ф. Федоров приехал в Керенск весной 1882 г. (предположительно, во второй половине апреля) и пробыл там по начало июля. – *580.*

[56] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 93, лл. 9–11 об. – *580.*

[57] Из данного письма следует, что Н. П. Петерсон дал *Н. Х. Логвинову* (см. о нем примеч. 6 к письму 39) значительную часть рукописи Н. Ф. Федорова, начатой летом 1878 г. как ответ Ф. М. Достоевскому и составившей основу текста «Записки». К концу 1881 г. определенный этап работы над рукописью был завершен. Экземпляр рукописи находился у Н. Ф. Федорова в Москве, и с ним он в начале января 1882 г. познакомил В. С. Соловьева, однако у Н. П. Петерсона имелся другой экземпляр текста, поскольку при переписывании он всегда делал две копии (см. письмо Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову от 10 сентября 1883 в Т. IV наст. изд., с. 585, а также письмо Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от февраля–марта 1904 г. // ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 29, л. 72 об.). Именно поэтому Петерсон мог познакомить Логвинова с рукописью самостоятельно, не ставя об этом в известность Федорова. – *580.*

[58] По всей видимости, интерес Н. Х. Логвинова к идеям Федоров был достаточно серьезным. Как следует из письма Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову от 30 декабря 1882, в 1882 г. Н. Х. Логвинов, будучи в Москве, побывал у Н. Ф. Федорова и беседовал с ним. В письме от 26 декабря 1898 Петерсон сообщает о радости Логвинова по поводу появления в печати статьи «Разоружение». А уже после смерти Федорова, перечисляя в письме к В. А. Кожевникову от 25 октября 1906 г. тех лиц, которым следовало бы послать I том «Философии общего дела», называет среди них и «Логвинова, бывшего Керенского Предводителя дворянства, который, познакомившись отчасти с произведением Н<ико>лая Ф<едорови>ча и будучи чрезвычайно скупым, полагавшим всю душу свою в имение свое при с. Шеине, – сказал: “ах, если бы это так, тогда Бог с ним и с Шеином”» (ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 25, л. 61 об.). – *580.*

[59] О границах исторического очерка и предисловия см. примеч. 2 к письму 48. – *580.*

[60] Дмитрий Николаевич *Цертелев* (1852–1911) – поэт, публицист, философ. Его перу принадлежат книги «Философия Шопенгауэра» (СПб., 1880), «Эстетика Шопенгауэра» (СПб., 1888). – *581.*

[61] В. С. Соловьев прочел рукопись Н. Ф. Федорова в полном объеме 9–10 января 1882 г. Познакомить с нею Д. Н. Цертелева, своего давнего приятеля еще с гимназических лет, философ мог как непосредственно – в те несколько дней, что рукопись была у него на квартире (но это при условии, что Д. Н. Цертелев с 10 по 17 января 1882 г. находился в Москве), так и опосредованно, уже после своего отъезда в Петербург, попросту пересказав основное ее содержание Цертелеву и сообщив имя автора. – *581.*

[62] Вспышка негодования Н. Ф. Федорова быстро рассеялась. В середине апреля, получив в дирекции Московского Публичного и Румянцевского музеев отпускное свидетельство на два месяца, он уехал в Керенск, где и была продолжена работа над рукописью. – *581.*

[63] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 92, лл. 10–11 об. – *582.*

[64] Статью, о которой здесь идет речь, Н. П. Петерсон послал Л. Н. Толстому 20 июля 1882 г. (см. о ней примеч. 9 к разделу «Приложения» «Вокруг Федорова»). Текст сопроводительного письма см в Т. IV наст. изд., с. 654. – *582.*

[65] Сведений о библиотеке Н. Х. Логвинова разыскать не удалось. – *583.*

[66] Г. П. Петерсон. Исторический очерк Керенского края // Пензенские губернские ведомости, 1882, №№ 144–148, 150, 152–154, 158, 159, 163–168, 172, 173, 177–179 (начало – 9 июля, окончание – 21 августа). Отд. оттиск: Пенза, 1882. Подробнее об этом сочинении см. примеч. 4 к письму 4. – *583.*

[67] См.: Г. П. Петерсон. Приложение к историческому очерку Керенского края. Село Шеино и его владельцы. (Из Шеинского архива Н. Х. Логвинова) // Пензенские губернские ведомости, 1882, №№ 215–221; отд. оттиск: [Пенза], б.г. – *583.*

[68] См.: Кометы (Les comètes, par M. I. Jamin, de l'Académie des sciences. Revue des deux mondes, 1881, 1-er octobre) // Пензенские губернские ведомости, 28 августа, 2 сентября 1882 (№№ 185, 188). В предисловии «От переводчика» Н. П. Петерсон писал: «Городская жизнь и школа – приспособленная к удовлетворению потребностей лишь городского жителя и потому исключившая из предметов своих знаний наблюдение неба, – сделали то, что никто уже почти не обращает ни малейшего внимания на движение светил небесных, никто, кроме астрономов специалистов, не знает их взаимного расположения, – небо не производит на современного человека уже никакого впечатления; тогда как прежде, – когда жили ближе к природе, когда ни фонари, ни высокие городские здания не мешали видеть неба, когда недостаток часов заставлял постоянно советоваться с небом, – стройный хор небесных светил, их постоянное, неизменное движение, производили глубокое впечатление на душу человека, и нельзя не пожалеть, что современный человек лишен этого впечатления, так как оно было несомненно очищающего, возвышающего свойства. Предлагаемый перевод статьи Жамена о кометах есть попытка напомнить городскому жителю о забытом им небе, – напомнить ему о тех облагораживающих чувствах, которые возбуждаются в нашей душе небом и которые не вполне еще чужды городским жителям только потому, что и они испытывали их, но не лично, а в бесконечно большом ряду своих предков, которые не были горожанами и жили среди природы. Под именем городского жителя я разумею не только живущих в городе, но и тех, которые до того вошли в строй городской жизни, что город стал для них идеалом, и именно настоящий большой город, а таковы все образованные, все выделившиеся из народа люди, эти люди, живя и в деревне, занимаясь даже сельским хозяйством, делают это по-городски, по-коммерчески, остаются горожанами». – *583.*

[69] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 92, лл. 12–13 об. – *583.*

[70] По всей видимости, речь шла о намерении Н. П. Петерсона приехать в Москву на значительный срок с тем, чтобы помочь Н. Ф. Федорову в завершении работы над изложением учения «всеобщего дела». Возможно, стремление Н. П. Петерсона форсировать работу над рукописями было связано с неослабевавшим на протяжении всего 1882 года интересом В. С. Соловьева к идеям Федорова и тем, что он побуждал Федорова опубликовать свое сочинение (письмо В. С. Соловьева к Н. Ф. Федорову от июня–июля 1882 г. – Т. IV наст. изд., с. 631). В свою очередь Федоров, отнюдь не собиравшийся выступать с проповедью учения о воскрешении от своего имени, стремился завершить свой труд, надеясь подвигнуть к его обнародованию уже самого Соловьева. – *583.*

[71] Речь идет о детях Н. П. Петерсона от первого брака (см. примеч. 4 к письму 34). – *583.*

[72] Это письмо Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову не сохранилось. – *583.*

[73] В тексте письма над словом «обнародован» рукой Н. Ф. Федорова поставлены знаки «!!?????» и приписано «очень громко!!» – *583.*

[74] См. примеч. 64. – *584.*

[75] Николай Павлович *Загоскин* (1851–1912) – историк, публицист, в 1880–1899 гг. ординарный проф. (позднее – заслуженный профессор и наконец ректор) Казанского университета. Автор ряда работ об истории Казани и Казанского края, член-основатель Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. В 1878–1884 гг. был секретарем Общества и редактором выходящих при нем «Известий...».

В своих воспоминаниях Н. П. Петерсон так комментировал эпизод с посылкой рукописей Н. П. Загоскину: «Мною собрано было в Керенском уезде много старинных документов и, к моему величайшему сожалению, эти документы, в том числе и Вешняковская выпись на имение Асайки Бекбулатова Карачурина, были отправлены профессору Казанского университета Николаю Павловичу Загоскину, согласно его просьбы, напечатанной в газетах, на которую я посмотрел как на требование серьезное. Впоследствии некоторые

из документов мне были нужны, и я обращался к г. Загоскину о возвращении их, но, несмотря на мои неоднократные настояния, никакого ответа не получил; и этим был поставлен в весьма неприятное положение в отношении вышеупомянутого Н. Х. Логвинова [...], документы которого на имение при с. Шеине тоже были отправлены профессору Загоскину. Всего документов отправлено мною Загоскину целый пуд, и где они находятся, я и до сих пор не знаю, и профессор Загоскин, как мне стало потом известно, даже не воспользовался ими» (ОР РГБ, ф . 657, к. 5, ед. хр. 7, л. 11).

Рукописи, посланные Н. П. Петерсоном к Н. П. Загоскину, пополнили собрание рукописей и актов, имевшееся при Казанском Обществе истории, археологии и этнографии (в «Отчете о деятельности и составе Общества... за пятый (1882–1883) год его существования», составленном Н. П. Загоскиным, сообщается о «весьма значительном приращении, более чем на 200 №» этого собрания). См. также письмо Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову от 2 января 1884 года и примеч. 96. – *584.*

[76] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 92, лл. 34–35 об. Ответ на несохранившееся письмо Н. Ф. Федорова.

Скорее всего, печатаемый автограф является черновым (в нем много зачеркиваний, все поля исписаны мелким почерком, причем текст на полях перекрывает основной текст), беловик же письма утрачен. – *584.*

[77] Речь идет о статье В. С. Соловьева «Жизненный смысл христианства» («Православное обозрение», 1883, № 1, с. 30–45). По всей видимости, в предыдущем (несохранившемся) письме к Н. Ф. Федорову Н. П. Петерсон указывал на идейные переклички между рукописью Н. Ф. Федорова, которая была прочитана Соловьевым в начале января 1882 г., и этой статьей философа (подробнее о влиянии идей Федорова на статью В. С. Соловьева «Жизненный смысл христианства» см. в примеч. 175 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве»). Ответная оценка Н. Ф. Федоровым статьи «Жизненный смысл христианства» как *поразительно несходной с рукописью*, по всей видимости, объяснялась нараставшим с начала 1883 г. недовольством мыслителя по отношению к В. С. Соловьеву (о причинах этого недовольства см. там же). Ср. оценку Н. Ф. Федоровым текста одноименной лекции Соловьева, литографированного студентом В. Казанским («Последняя лекция Владимира Сергеевича Соловьева в Санкт-Петербургском университете в 1882 г.». СПб., 1882) и составившего в конечном итоге основу статьи «Православного обозрения»: Т. IV наст. изд., с. 76–77. – *584.*

[78] Это письмо Н. Ф. Федорова к Н. П. Петерсону не сохранилось. – *584.*

[79] Здесь и ниже Н. П. Петерсон цитирует статью В. С. Соловьева «Жизненный смысл христианства» по ее публикации в «Православном обозрении», с указанием страниц, откуда берутся цитаты. – *584.*

[80] Позднее, в 1897 г., Н. Ф. Федоровым на оригинале этого письма в данном месте была сделана приписка: «Статья Соловьева, помеченная 1872 годом, напечатанная 188... в “Право<сла>вном обозрении” нужно [1 слово неразб.] началом Литературной деятельности. 1872–1897=25». Н. Ф. Федоров относит статью к началу литературной деятельности Соловьева ошибочно, основываясь на опечатке в дате, поставленной в конце публикации: «16 января 1872» (должно быть – «1882»). – *585.*

[81] «Православное обозрение», 1883, № 1, с. 40. – *585.*

[82] Речь идет о последней, шестой главе статьи В. С. Соловьева «Жизненный смысл христианства» (там же, с. 42–44). – *585.*

[83] В этом письме Н. П. Петерсона – отголосок некоторых размолвок между ним и Н. Ф. Федоровым, начало которым, по всей видимости, положила самовольная передача Петерсоном рукописи Федорова Н. Х. Логвинову. То затихая, то обостряясь, размолвки шли, вероятно, весь 1882 г. (см. письма Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову от 20 марта и 30 декабря 1882), захватив и начало 1883 гг. Тем не менее в конечном итоге инцидент был исчерпан, и каникулярное время 1883 г. Федоров провел в Керенске (см. следующее письмо Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову от 10 сентября 1883, написанное уже после возвращения мыслителя из Керенска). – *585.*

[84] Неустановленное лицо. – *585.*

[85] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 92, лл. 14–15. – *585.*

[86] В сентябре 1883 – январе 1884 гг. Н. П. Петерсон высылал Н. Ф. Федорову в Москву переписываемые им листы статьи «Музей, его смысл и назначение», над которой мыслитель работал летом 1883 г. в Керенске, а затем осенью и зимой в Москве. – *585.*

[87] См. примеч. 50. – *585.*

[88] Речь идет о Керенской публичной библиотеке, которой с 1873–1874 гг. заведовал Н. П. Петерсон и в работе которой Н. Ф. Федоров, приезжая в Керенск, неизменно принимал участие (см. примеч. 2 к письму 4). Сожаление Н. П. Петерсона и близких к нему лиц, что Н. Ф. Федоров не живет постоянно в Керенске и не является библиотекарем местной библиотеки, во многом объяснялось тем, что дела библиотеки с каждым годом шли все хуже и хуже: она теряла подписчиков, не имела средств на приобретение новых книг и практически не посещалась керенской публикой (как сообщал в одной из своих корреспонденций в «Пензенские губернские ведомости» Г. П. Петерсон, «из 37 подписчиков 1871 г. к 1878 г. не остается ни одного и библиотека существует совершенно без читателей» // Г. П. Керенская Публичная библиотека // Пензенские губернские ведомости, 19 октября 1882, № 225). Неравнодушные к библиотеке лица – прежде всего сам Н. П. Петерсон, его брат Г. П. Петерсон, а также Н. П. Куткин, – тщетно пытались переломить ситуацию: в 1875 г. был образован очередной попечительный комитет, в 1880 г. от его имени были разосланы ходатайства богатым землевладельцам Керенского уезда о поддержке библиотеки, «но все эти усилия к возрождению библиотеки разбились о ледяное равнодушие публики» (там же).

Цитируемая нами статья Г. П. Петерсона («Пензенские губернские ведомости», 17, 19 октября 1882, №№ 224, 225) была буквально воплем отчаяния и безнадежности: она излагала историю библиотеки, ее недолгого взлета в 1868–1869 и 1871–1872 гг. и последующего многолетнего упадка, рисовала картину современного плачевного положения керенского книгохранилища. По всей видимости, отправляя свой материал в газету, Г. П. Петерсон почти не надеялся, что удастся привлечь внимание общественности к судьбе библиотеки, – в статье преобладали резкие ноты, а порой прорывалась даже горькая ирония по отношению к самому начинанию – устройству библиотеки в маленьком уездном городке, коль скоро она «совершенно забыта [...], как забывается никому не нужный хлам, завалявшийся где-нибудь на чердаке и предназначенный к уничтожению»: «Причина подобного невнимания публики к учреждению, которым, по справедливости, мог бы даже гордиться такой маленький городок, как Керенск, без сомнения заключается в том, что библиотека основалась здесь не вследствие насущной потребности общества в подобном учреждении, а возникла как явление случайное, не имеющее ничего общего с текущей жизнью» и «относится к тем случайным, общественным затеям, инициатива которых принадлежит не самому обществу, а вносится в него извне сторонними лицами» (там же, 17 октября, № 224).

И все же Н. П. и Г. П. Петерсоны продолжали свое дело. «Несмотря, однако, на все превратности своей печальной судьбы, Керенская публичная библиотека, как бы наперекор всеобщему забвению, еще и теперь продолжает свое существование, не потеряв даже официального назначения “публичной библиотеки”, по крайней мере в глазах Министерства Народного просвещения, которое до сих пор не прекратило высылки своего журнала в библиотеку» (там же, 19 октября, № 225). В конце 1883 г. их усилия увенчались созданием нового попечительного комитета и открытием подписки в пользу библиотеки (см. примеч. 93). – *585.*

[89] Историк и библиограф, хранитель отдела рукописей и славянских старопечатных книг Московского Публичного и Румянцевского музеев *А. Е. Викторов* скончался 20 июля 1883 г. – *585.*

[90] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 92, л. 33–33 об. – *586.*

[91] Н. П. Петерсон высылал Н. Ф. Федорову завершающие листы статьи «Музей». В настоящем издании приведенную Н. П. Петерсоном цитату (уже переделанную Федоровым и без закурсивленного текста, который и вызвал сомнения переписчика) см.: Т. II наст. изд., с. 584. – *586.*

[92] Книга *Ф. И. Буслаева*, являвшегося уроженцем Пензенской губернии, «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» (Т. 1–2, СПб., 1861) была прислана в Керенскую публичную библиотеку по просьбе Н. Ф. Федорова (см. примеч. 95). – *586.*

[93] Сведения об образовании нового попечительного совета о Керенской публичной библиотеке можно почерпнуть из объемной корреспонденции из Керенска от 31-го декабря 1883 г., напечатанной в газете «Пензенские губернские ведомости» 8 января 1884, № 6. Корреспонденция была подписана «Инкогнито» (под этим псевдонимом в газете периодически появлялись различные материалы, прежде всего о культурной жизни г. Керенска) и, по всей видимости, принадлежала кому-то из близкого окружения Н. П. Петерсона.

«В последний день старого года, – писал корреспондент газеты, – имеем возможность сообщить отрадный факт из нашей уездной жизни. Керенская библиотека, находившаяся до сих пор в абсолютном забвении, снова вызвана к жизни благодаря тому просвещенно-

му вниманию, с которым отнесся к ее судьбе керенский землевладелец, дворянин Н. Х. Логвинов». Далее приводился текст постановления «членов вновь образовавшегося попечительного о библиотеке комитета»:

«1883 года декабря 20 дня, жители г. Керенска и уезда Н. Х. Логвинов, С. П. Вышеславцев, В. А. Розалиев, Н. Г. Горн, С. Н. Александров, Н. П. Куткин, С. А. Тутолмин и Н. П. Петерсон, выслушав заявление г. Петерсона, что в его управлении находится Керенская публичная библиотека, устав которой утвержден 2-го марта 1866 г. Министром народного просвещения, и на основании § 1 сего устава библиотека должна быть под управлением попечительного комитета, члены которого, от 10–20, на первый раз избираются учредителями библиотеки, а затем, по мере надобности, самим комитетом. В настоящее время учредителей библиотеки (Х. И. Чудновского и А. Н. Астафьева) в живых нет, прежде бывшие членами попечительного о библиотеке комитета в Керенске и его уезде не живут (кроме Н. П. Куткина) и библиотека остается без читателей и не приносит ту пользу, которую могла бы приносить; а потому все вышеисчисленные лица, в видах устройства библиотеки, согласно устава о ней и в видах поддержания ее, признали необходимым принять на себя звание членов попечительного о Керенской публичной библиотеке комитета, избрать библиотекарем г. Петерсона, предоставив ему пригласить кого-либо в помощь себе по выдаче книг и ведению каталогов библиотеки и поручив ему сделать объявление о подписке на право пользования книгами из библиотеки в наступающем 1884 году и на первые поступившие в библиотеку деньги выписать: газету “Новое время”, журналы: “Русский вестник”, “Отечественные записки”, “Исторический вестник” и “Земледельческую газету”».

Перечислив лиц, подписавшихся под постановлением, и указав внесенные ими в фонд библиотеки денежные суммы, корреспондент газеты подытожил:

«Следовательно, в настоящее время библиотека располагает 80 руб., на которые и выписаны уже упомянутые в постановлении журналы и газеты, а на остальные деньги и дальнейшую подписку, если таковая будет, предполагается выписать еще два журнала; таким образом, для желающих чтения будет вдоволь, и чтения весьма разнообразного, удовлетворяющего всевозможные вкусы, не говоря уже о громадном выборе книг, хранящихся в библиотеке». – *586*.

[94] О том, что Ф. И. Буслаев был избран в почетные члены попечительного совета о Керенской публичной библиотеке, Н. П. Петерсон сообщил в следующем письме Н. Ф. Федорову (не ранее начала февраля 1884). – *586*.

[95] В цитируемой нами в пункте 93 статье по этому поводу сказано следующее: «... на днях в Керенскую публичную библиотеку поступил весьма ценный вклад от известного исследователя русской народности бывшего профессора Московского университета Ф. И. Буслаева, приславшего в библиотеку два тома своих “Исторических очерков русской народной словесности и искусства” с рисунками. Сочинение это в продаже не находится, а потому составляет редкость. На заглавном листе книг ученый жертвователь начертал следующие слова: “В Керенскую публичную библиотеку от Керенского уроженца Ф. Буслаева, Москва, 22 декабря 1883 года”.

Мало того, по письму одного москвича (речь идет о Н. Ф. Федорове. – *Сост.*), посещавшего Керенск и знакомого с его библиотекой, профессор Ф. И. Буслаев хочет собрать для Керенской библиотеки все свои сочинения, не исключая своего исследования “о лицевых апокалипсисах”, которое явится в свет в начале 1884 года.

Нельзя не отнестись с благодарностью к такому вниманию проф. Ф. И. Буслаева к библиотеке, возникшей на месте его родины, и можно возыметь даже некоторую надежду, что эта, забытая местным населением, библиотека снова выступит на свет из мрака забвения, благодаря заботам местной интеллигенции и сочувствию со стороны известных представителей науки и литературы» («Пензенские губернские ведомости», 8 января 1884, № 6). – *586*.

[96] По всей видимости, ответ Н. П. Загоскина был написан им от имени Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, секретарем которого он состоял, – ср. в цитируемой нами статье: «...кроме проф. Буслаева, библиотека известна и другим русским ученым литераторам, и между прочим Казанскому обществу истории, археологии и этнографии, которое письмом от 8 ноября 1883 года № 98 уведомило, что вышлет в библиотеку предпринятое обществом издание Керенских рукописей, хранившихся до сих пор в библиотеке и отправленных в прошлом году в распоряжение Казанского общества истории, археологии и этнографии» (там же).

Намерение Общества выпустить в свет указанные рукописи не было осуществлено. По всей видимости, причиной этого не в последнюю очередь стали стесненные средства Общества, не позволявшие развернуть намеченную программу краеведческих изданий (ср. в «Отчете о деятельности и составе Общества... за 1885 г.», Казань, 1886, с. 7: «Незначительность изданий Общества объясняется крайней скудостью его материальных средств»). Кроме того, с 1885 г. Н. П. Загоскин перестал исполнять функции секретаря Общества и редактора его «Известий», а потому в меньшей степени мог влиять на планы изданий и публикаций. Возможно, изменились и его собственные научные планы, в результате чего и интерес к присланным из Керенска рукописям со временем ослабел. – *586.*

97 В 1883 г. Н. П. Загоскин основал газету «Волжский вестник», издателем и редактором которой он был до 1891 г. – *586.*

98 Книге историка, археографа Ивана Платоновича *Барсукова* (1841–1906) «Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский, по его сочинениям, письмам и рассказам современников» (М., 1883) газета «Правительственный вестник» посвятила большую статью, напечатанную 16, 17 декабря 1883 г. в №№ 275, 276. Основываясь на материалах книги, автор статьи представил краткий очерк жизни и миссионерского служения преосв. Иннокентия (Вениаминова), а в заключение высоко оценил труд Барсукова.

О знакомстве Н. Ф. Федорова с И. П. Барсуковым Н. П. Петерсон вспоминал: «Служа в Чертковской Библиотеке, у Бартенева, Н<иколай> Ф<едорови>ч познакомился с племянниками Бартенева Александром и Иваном Платоновичами Барсуковыми. Под влиянием Н<иколая> Ф<едорови>ча И. П. Барсуков написал свою книгу об Иннокентии – апостоле, можно сказать, алеутов, а затем митрополите Московском. И А. П. Барсуков не без влияния Н<иколая> Ф<едорови>ча пристрастился к занятиям, которые сделали его потом издателем архива Шереметьевых. Не знаю, был ли знаком Н<иколай> Ф<едорови>ч с Н. П. Барсуковым, написавшим известную книгу о Погодине» (ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 7, л. 8–8 об.). – *586.*

99 Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 92, лл. 24–25 об. – *587.*

100 Речь идет о статье Н. Ф. Федорова «Горизонтальное положение и вертикальное – смерть и жизнь». Первоначальный ее вариант был написан еще в 1881 г., а в 1883–1884 гг. дорабатывался. – *587.*

101 О своем намерении предложить вновь сформированному попечительному комитету о Керенской Публичной библиотеке избрать Ф. И. Буслаева почетным членом комитета Н. П. Петерсон писал Н. Ф. Федорову 2 января 1884 г. *Благодарственное письмо* было написано в ответ на присылку Буслаевым в библиотеку своей книги «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» (см. примеч. 92, 95). *Очерк Керенского края* – см. примеч. 66. – *587.*

102 Ф. И. Буслаев. О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию. М., 1848. – *587.*

103 См. предыдущее письмо и примеч. 98. – *587.*

104 Н. Ф. Федоров приехал в Керенск в обычный отпуск. Свидетельство на проезд «в разные города Российской империи» было получено им в дирекции Музеев 14 июня 1884 г. (Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 47). – *587.*

105 В начале 1884 г. Н. П. Петерсон в качестве библиотекаря Керенской Публичной библиотеки занимался подпиской на периодические издания, используя собранные к тому времени попечительным комитетом средства. При подборе изданий он руководствовался постановлением комитета от 20 декабря 1883 г. (текст его см. в примеч. 93), выписав все перечисленные в нем издания, кроме «Земледельческой газеты», вместо которой был выписан «Волжский вестник». Подписку на журналы «Природа и Охота» и «Искусство» Петерсон собирался оформить на оставшиеся деньги, опять-таки следуя решению комитета, планировавшего выписать «еще два журнала» (см. там же). – *587.*

106 Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 92, л. 31–31 об. Черновик ответа Н. Ф. Федорова см. в Т. IV наст. изд., с. 218. – *587.*

107 Возможно, речь здесь идет о каком-то фрагменте второй части «Записки» (в письме к Н. Ф. Федорову от 3 мая 1884 г., сообщая о высылке следующих листов, Н. П. Петерсон говорит о своем намерении приступить, по окончании этой части, к переписке «исторического очерка», который в тексте работы шел далее). – *587.*

108 Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 92, лл. 36–37. – *588.*

109 Н. П. Петерсон переписывал в это время текст, вошедший во вторую часть «Записки»; о границах «исторического очерка» см. примеч. 2 к письму 48. – *588.*

[110] Эта статья Н. Ф. Федорова неизвестна. Набросок другой, более поздней статьи об Илье-громовнике см. в письме Н. Ф. Федорова Н. П. Петерсону от 27 апреля 1892. – *588.*

[111] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 92, лл. 29–30 об. Ответ на письмо Н. Ф. Федорова, написанное между 9 сентября и началом октября 1888 (письмо 42). Ответное письмо Н. Ф. Федорова последовало 14 октября (письмо 43). – *588.*

[112] Н. П. Петерсон переписывал в это время текст, составивший основу I части «Записки». – *588.*

[113] По всей видимости, Н. Ф. Федоров выслал Н. П. Петерсону второй том «Истории Греции» (М., 1883) немецкого археолога и историка Эрнста *Курциуса* (1814–1896). – *588.*

[114] Речь идет о письме 42. – *589.*

[115] См. примеч. 1 к письму 47. – *589.*

[116] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 92, лл. 27–28 об. Ответ на письмо Н. Ф. Федорова от 27 апреля 1892. Ответ Н. Ф. Федорова последовал 8 июня 1892 (его черновик см. в Т. IV наст. изд., с. 250). – *589.*

[117] Эту статью представляло собой письмо Н. Ф. Федорова к Н. П. Петерсону от 27 апреля 1892 г. – *589.*

[118] Об этой статье Ю. П. Бартенева см. примеч. 17 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве». – *589.*

[119] П. И. Бартенев. – *589.*

[120] О статье, составленной Н. П. Петерсоном для «Пензенских губернских ведомостей», см. также примеч. 17 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве». – *589.*

[121] Речь идет о статье, работа над которой была начата Н. П. Петерсоном еще осенью 1891 г. и которую он первоначально планировал поместить в «Пензенских губернских ведомостях» (о работе над этой статьей см. примеч. 1 к «Дополнению к разделу "Статьи о разоружении и умиротворении"»). – *589.*

[122] Посланная Н. П. Петерсоном в «Новое время» статья напечатана не была. – *589.*

[123] Н. П. Петерсон имеет в виду отрицательное отношение петербургского академика Н. Фусса к идеям В. Н. Каразина о возможности приложения атмосферного электричества к потребностям человека (см. об этом в статье Ю. П. Бартенева «В. Н. Каразин и господство над природою»: «Русский архив», 1892, № 5, с. 86–88). – *590.*

[124] О своем выезде из Москвы, планировавшемся на 15 июня, Н. Ф. Федоров сообщил Н. П. Петерсону в письме от 8 июня 1892. – *590.*

[125] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 92, л. 16–16 об. Ответ Н. Ф. Федорова последовал 23 августа. – *590.*

[126] См. примеч. 1 и 2 к письму 75. – *590.*

[127] Об очерке Г. И. Успенского, посвященном сочинению Т. М. Бондарева «Трудолюбие, или торжество земледельца», см. примеч. 23 к «Статьям о Л. Н. Толстом» – Т. II наст. изд., с. 490. Указываемый Н. П. Петерсоном пассаж *«возьми камень и носи»* см.: там же, с. 349. – *590.*

[128] Иван Николаевич Петерсон, сын Н. П. Петерсона (в 1893 г. ему было 6 лет). – *590.*

[129] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 92, л. 17–17 об. Ранее частично опубликовано: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 204–205. Ответ на письмо Н. Ф. Федорова от 28 мая 1896. – *591.*

[130] Речь идет о брошюре П. П. Мироносицкого «Из дневника учителя церковно-приходской школы» (Киев, 1895), описывавшей его работу в двухклассной церковно-приходской школе с. Русский Качим Городищенского уезда Пензенской губернии (подробнее о П. П. Мироносицком и этой школе см. примеч. 65 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 599–601). – *591.*

[131] В своей брошюре П. П. Мироносицкий, в частности, рассказывал о построении здания Русско-Качимской церковно-приходской школы и об участии в этом построении ее учеников. – *591.*

[132] Речь идет о статье Н. Ф. Федорова, в окончательном варианте получившей название «Падающие миры и противодействующее падению существо» (Т. II наст. изд., с. 243–249). – *591.*

[133] См. примеч. 6 к письму 119. – *591.*

[134] В №№ 35, 37 «Воронежских Губернских ведомостей» за 1896 г. был помещен большой материал «Празднование Священного Коронования их императорских величеств», посвященный описанию памятных коронационных торжеств в Воронеже. Статья в

№ 37 (25 мая 1896) называлась «Коронационная выставка» и фактически воспроизводила, за единичными разночтениями (вступление и финальная фраза), статью с одноименным названием, вышедшую 19 мая 1896 г. в № 54 газеты «Дон» и описывавшую выставку в Воронежском губернском музее (подробнее как об этой выставке, устроенной по замыслу Н. Ф. Федорова, так и о статье в газете «Дон» см. примеч. 324 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 638–639). – *591.*

[135] По всей вероятности, статья С. Е. Зверева о коронационной выставке в Воронежском губернском музее не была напечатана в «Московских ведомостях»: А. Н. Акиньшин, просматривавший подшивку газеты за май–июль 1896 г., не обнаружил эту статью (*Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 205). – *591.*

[136] См. примеч. к письму 121 (преамбула). – *591.*

[137] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 94, лл. 1–2 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 12, л. 31). Ранее частично опубликовано: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 207. Ответ на несохранившееся письмо Н. Ф. Федорова. – *591.*

[138] Речь идет о статье Н. Ф. Федорова «Письмо в редакцию “Русского слова”» (см. примеч. 22 к разделу «Библиотеки и музейно-библиотечное образование» – Т. III наст. изд., с. 670). Письмо Н. Ф. Федорова, в котором он обещал Н. П. Петерсону прислать гранки ее второго варианта, не сохранилось. Возможно, его черновиком является письмо 126, написанное в феврале 1897. – *591.*

[139] По всей видимости, речь идет о статье Н. Ф. Федорова «Баженовский Кремль» (была напечатана 2 марта 1897 г. в № 2 газеты «Кремль»). – *591.*

[140] Об этих статьях, связанных с публикацией в № 244 «Русских ведомостей» за 1896 г. статьи Н. Ф. Федорова «Долг авторов по отношению к публичным библиотекам», см. примеч. 1 к разделу «Библиотеки и музейно-библиотечное образование» – Т. III наст. изд., с. 661–663. – *592.*

[141] Речь идет о племяннице Л. Н. Толстого Елене Сергеевне Толстой (1863–1940) и ее муже И. В. Денисенко (см. примеч. 117 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве»). – *592.*

[142] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 94, лл. 3–4 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 12, лл. 27–29). Выдержка из письма опубликована: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 217. – *592.*

[143] Это письмо Н. Ф. Федорова к Н. П. Петерсону не сохранилось. – *592.*

[144] Как установил А. Н. Акиньшин, Н. Ф. Федоров, уволившись с 15 сентября из штата Московского Публичного и Румянцевского музеев, еще полтора месяца проработал в библиотеке вольнотрудящимся и лишь 1 ноября 1898 г. окончательно оставил службу (*Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 216). После отставки мыслитель намеревался поселиться в Воронеже. – *592.*

[145] Об отношении Н. Х. Логвинова к идеям Н. Ф. Федорова см. примеч. 58. – *592.*

[146] Н. П. Петерсон передал ректору Воронежской духовной семинарии А. М. Спасскому статью Н. Ф. Федорова «Новая картина – “Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне...”», посвященную картине Л. Г. Соловьева «Первосвященническая молитва» (подробнее см. примеч. 14 к письму 162). – *592.*

[147] Иван Троадьевич *Алисов* (1851 – после 1918) – в 1894–1907 гг. воронежский уездный предводитель дворянства. По своим убеждениям либерал; в кругу его общения – воронежцы: Г. С. Вашкевич, И. В. Денисенко, Е. Л. Марков (возможно, негативное отношение Н. П. Петерсона к И. Т. Алисову было вызвано прежде всего именно противоположностью их политических взглядов – сам Петерсон был убежденным монархистом, – а также резким, несдержанным характером Алисова). Позднее, в 1905, примкнул к кадетам. О роли И. Т. Алисова в общественной жизни Воронежа см.: А. Акиньшин. Очень неудобный предводитель // Воронежский курьер, 1997, 5 июня, № 61 (статья помещена в ежемесячном «Приложении» – «Воронежский телеграф», 5 июня 1997 г., № 37). – *592.*

[148] Эта фраза из Священного писания приведена в конце статьи «Новая картина – “Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне...”» (см.: Т. III наст. изд., с. 202). – *593.*

[149] «Новое время» и Кант // Саратовский дневник, 21 октября 1898, № 226; в «Торгово-промышленной газете» заметка о статье Н. Ф. Федорова «Разоружение» появилась в рубрике «Русская печать» 15(27) октября 1898, № 224. О содержании этих откликов см. примеч. 1 к «Статьям о разоружении и умиротворении» – Т. II наст. изд., с. 477–478. – *593.*

[150] Речь идет о стихотворении Ю. П. Бартенева, написанном «в ответ» на стихотворение А. С. Пушкина «Дар напрасный, дар случайный...». По всей вероятности, Н. Ф. Фе-

доров сообщил Ю. П. Бартеневу о желании Н. П. Петерсона познакомиться с этим стихотворением: в архиве Н. П. Петерсона сохранилось письмо к нему Ю. П. Бартенева от 4 ноября 1898 г. с текстом стихотворения.

«Глубокоуважаемый Николай Павлович

Весьма охотно сообщаю Вам стихи, написанные по поручению Николая Федоровича.

Дал Творец нам не напрасно
Жизнь! в ней заповедь он дал,
Долг сердцам сыновним ясный –
Чтоб людей всех труд согласный
Жизнь отцам всем воссоздал.

Этот труд и истребленье
И вражду людей сменит
И союзом воскрешенья
В общем деле оживленья
Всех людей объединит.

А позор греха – гниенье
Красотою тел – нетленья
И бессмертьем заменит,
Чем Отца любви веленья
Цель и смысл всего творенья
Навсегда осуществит.

Пользуюсь случаем выразить Вам свое глубочайшее уважение

Готовый к услугам

Юрий Бартенев.

4 ноября 1898 г.

М. Грузинская, д. Балдина» (ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 25).

Стихотворение Ю. П. Бартенева с некоторыми собственными изменениями редакционного характера Н. Ф. Федоров включил в статью «О памятнике Александру III, о месте и значении этого памятника» (см.: Т. III наст. изд., с. 119–120). – *593.*

151 По всей видимости, Ю. П. Бартенев прислал Н. П. Петерсону оттиск своей статьи «Памятник Александру Второму и Московский Публичный музей» («Русский архив», 1898, № 10, с. 263–266). Подробнее об этой статье см. примеч. 4 к письму 158. – *593.*

152 Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 92, лл. 18–19 об. Письмо написано из Асхабада, куда Н. П. Петерсон был переведен весной 1899 г. 15 августа Н. Ф. Федоров выехал из Воронежа в Асхабад в сопровождении К. П. Афонина, и Н. П. Петерсон должен был его встретить в Красноводске, откуда по железной дороге учитель и ученик предполагали отправиться к месту назначения (см. письмо 197). Однако по служебным обстоятельствам Н. П. Петерсон не смог уехать из Асхабада на несколько дней и вместо себя послал своего сына Константина Николаевича Петерсона, которому в то время было уже 18 лет, с этим письмом. – *593.*

153 О взаимоотношениях Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона в последние годы жизни мыслителя см. примеч. к письму 274 (преамбула). – *593.*

154 Фраза *Для меня было бы величайшим удовольствием ∞ в Москву* зачеркнута, что, в принципе, позволяет предположить, что печатаемый нами текст является черновиком, а беловик письма не сохранился. – *594.*

ПИСЬМА В. А. КОЖЕВНИКОВА Н. Ф. ФЕДОРОВУ

В фонде Н. П. Петерсона в ОР РГБ сохранилось пять писем В. А. Кожевникова к Н. Ф. Федорову. Одно из этих писем – от 25 августа 1897 г. – вместе с содержащимся в нем текстом стихотворения В. А. Кожевникова «Да приидет Царствие Твое!» опубликовано в примечаниях к Т. III наст. изд.: с. 731–732. Четыре других письма печатаются в данном разделе.

При подготовке к печати III тома «Философии общего дела» В. А. Кожевников переписал для публикации в нем лишь одно свое письмо – от 28 июля 1900.

[1] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 88, лл. 1–2 об. Ранее частично опубликовано: *Философия бессмертия и воскрешения.* Вып. 2, с. 234. Ответ на письмо Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона от 22 марта 1896 (письмо 116). Ответное письмо Н. Ф. Федорова последовало 2 апреля 1896 (письмо 117). – *595.*

[2] См. примеч. 6 к письму 116. – *596.*

[3] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, лл. 94–95 об. (копия рукой В. А. Кожевникова – к. 4, ед. хр. 6, лл. 238–240). Ответ Н.Ф. Федорова последовал 3 августа 1900 (письмо 233). – *596.*

[4] См. примеч. 2 к письму 229 и примеч. 3 к письму 233. – *596.*

[5] *Иероним Кардан* – Джироламо Кардано (1501–1576) – итальянский математик, философ, врач, астролог. *Пико делла Мирандола* (1463–1494) – итальянский мыслитель-гуманист. – *596.*

[6] «Зодиак жизни» (*лат.*). – *597.*

[7] По всей видимости, речь идет о рукописи эпиграфов к «Пасхальным вопросам», которая была подготовлена Н. Ф. Федоровым для В. А. Кожевникова в конце июня – начале июля 1900 г. (см. письмо 232). См. также примеч. 15 к письму 229. – *597.*

[8] немного позже (*лат.*). – *597.*

[9] М. Г. Кожевникова, мачеха В. А. Кожевникова. – *597.*

[10] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 88, лл. 5–6 об. Ответ на письмо Н. Ф. Федорова от 8 июня 1901 (письмо 240). Ответ Н. Ф. Федорова на это письмо В. А. Кожевникова последовал 17 июня 1901 (письмо 242). – *597.*

[11] См. примеч. 1 к письму 240. – *597.*

[12] Статья «К вопросу о памятнике В. Н. Каразину». – *597.*

[13] Речь идет о Ю. П. Бартеневе. – *598.*

[14] Речь идет об отдельном издании первого тома книги Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» (СПб., 1901). – *598.*

[15] См. письмо 240 и примеч. 13 к нему. – *598.*

[16] См. примеч. 1 к письму 235. – *598.*

[17] А. В. Кожевникова, жена В. А. Кожевникова. – *598.*

[18] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 88, л. 7. Письмо связано с размолвкой Н. Ф. Федорова и В. А. Кожевникова, имевшей место в конце марта–апреле 1902 (об обстоятельствах и причинах этой размолвки см. примеч. к письму 258 (преамбула)). Ответ на письмо Н. Ф. Федорова от 9 апреля 1902 (письмо 259). Черновик ответа Н. Ф. Федорова от 10 марта 1902 на это письмо В. А. Кожевникова см. под № 260. – *598.*

[19] Слово «неверующим» подчеркнуто Н. Ф. Федоровым. – *598.*

[20] Выражения *помоги моему неверию* и *во все хорошее* подчеркнуты Федоровым. Часть фразы со слов *повторяя слова скептика евангельского* до слов *и в Вас умножится доверие* отчеркнута им по левому полю. Все подчеркивания и отчеркивание в тексте письма сделаны синим карандашом. – *598.*

[21] См. примеч. 2 к письму 259. – *598.*

[22] На первый день Пасхи (Пасха в 1902 г. пришлась на 14 апреля). – *598.*

ПИСЬМА Н. П. ПЕТЕРСОНА В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Переписка двух ближайших учеников Н. Ф. Федорова, а впоследствии – издателей его сочинений, Н. П. Петерсона и В. А. Кожевникова, началась в 1894 г., за четыре года до их личного знакомства, и длилась вплоть до кончины В. А. Кожевникова (1917 г.).

В архиве Н. П. Петерсона хранится большинство его собственных писем к В. А. Кожевникову за указанный период, а также те письма к Кожевникову, которые были написаны им совместно с Федоровым (они охватывают период 1898–1899 гг.).

Письма В. А. Кожевникова к Н. П. Петерсону представлены в архиве последнего преимущественно за 1905–1916 гг. За 1894–1904 гг. в наличии имеются всего два письма (опубликованы в следующем разделе «Приложения»), а также пять совместных писем Н. Ф. Федорова и В. А. Кожевникова к Н. П. Петерсону за февраль–апрель 1902 г., связанных темой «Асхабадской полемики» (см. их в разделе «Письма»).

При подготовке к печати III тома «Философии общего дела» Петерсон скопировал лишь несколько своих писем к Кожевникову – те, которые продолжали сюжеты и темы писем к Кожевникову Федорова или совместных писем Федорова и Петерсона к Кожевникову.

Первая публикация части двухсторонней переписки Н. П. Петерсона и В. А. Кожевникова имела место в 1996 г.: «Подготовка издания “Философии общего дела” Н. Ф. Федорова по материалам переписки В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона (1904–1911)» // *Философия бессмертия и воскрешения.* Вып. 2, с. 243–284 (публикация, предисловие и комментарии А. Д. Кожевниковой).

В настоящем издании помещена вся переписка Н. П. Петерсона и В. А. Кожевникова за период 1894–1903 (т. е. при жизни Федорова), а также одно письмо Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 26 декабря 1903 г., написанное через 11 дней после смерти мыслителя.

[1] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 24, л. 1–1 об. Первое письмо Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову, положившее начало их переписке. – *599.*

[2] Речь идет о втором издании брошюры В. А. Кожевникова «Бесцельный труд, “неделание” или дело?» М., 1894 (см. примеч. 1 к письму 82). – *599.*

[3] Н. П. Петерсон родился в дер. Барановке Краснослободского уезда Пензенской губернии. Учился в Пензенском дворянском институте (закончил его в 1861 г.). В Пензенскую губернию вернулся в 1869 г., когда был утвержден в должности секретаря Спасского съезда мировых судей, и прослужил там до весны 1894 г. (1869–1870 – г. Спасск, 1870–1891 – г. Керенск, 1891–1894 – г. Мокшан). – *599.*

[4] Над этими словами на тексте письма Н. Ф. Федоров поставил знак вопроса (по всей видимости, В. А. Кожевников показал ему это письмо Петерсона). Внизу же листа мыслитель привел цитату из статьи П. П. Мироносицкого «Постройка и освящение нового здания церковно-приходской школы в с. Мордовском Качиме Городищенского уезда»: «Все работы исполнялись с таким единодушием и веселием, что *приходилось* ставить детей в пример отцам». Слово «приходилось» подчеркнуто Н. Ф. Федоровым и далее приписано: «Для чего понадобилось ослабить даже [?] выраж<ение> жертв<енности?>». – *599.*

[5] Тираж второго издания брошюры В. А. Кожевникова составил 2000 экземпляров, а цена одного экземпляра – 20 коп. (по сравнению с первым изданием она не изменилась). – *599.*

[6] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 24, лл. 2–3 об. – *600.*

[7] См. примеч. 1 к письму 82. – *600.*

[8] См. письмо Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 14 февраля 1894 г. – *600.*

[9] Высочайший приказ о переводе Н. П. Петерсона, служившего в чине надворного советника городским судьей г. Мокшана, в Воронеж с назначением на должность городского судьи 3-го участка последовал 9 февраля 1894 г. (ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 27, л. 2). Н. П. Петерсон узнал об этом уже после своего письма к В. А. Кожевникову от 14 февраля. В воронежских газетах сообщение о переводе появилось в конце февраля – начале марта (см. *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 198). Судя по печатаемому письму, Петерсон приехал в Воронеж не в это время, как предполагает А. Н. Акиньшин, а в конце марта. – *600.*

[10] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 24, лл. 14–14а об.

Ответ на несохранившееся письмо В. А. Кожевникова. – *601.*

[11] Речь идет о рукописи Н. Ф. Федорова «В защиту дела и знания...», запрещенной к печати Московским цензурным комитетом (см. примеч. к письму 98 (преамбула)). – *601.*

[12] Речь идет о Главном управлении по делам печати. Н. П. Петерсон ссылается здесь на 58 статью «Устава о цензуре и печати» (см. примеч. 1 к письму 98). – *601.*

[13] 59 статья «Устава о цензуре и печати» гласила: «Если Главное управление по делам печати, по рассмотрении представленной ему книги или статьи, разрешит их печатание в противность мнения Комитета, то цензор подписывает надлежащее дозволение; но в общей описи отмечается, что оно дано по предписанию высшего начальства» («Свод законов Российской империи». Т. 14. СПб., 1890, с. 9 (2-я пагинация)). – *601.*

[14] Рукопись «В защиту дела и знания...» Н. П. Петерсон называет в данном письме своей, поскольку, по согласованию с Н. Ф. Федоровым, она была подписана его именем и от его имени направлена в Московский цензурный комитет. Соответственно, ему же были адресованы расписка в получении рукописи и датированное 3 декабря 1894 г. извещение цензурного комитета о ее запрещении и удержании при делах комитета, которое Н. П. Петерсон в конечном итоге все-таки получил (см. его письмо к В. А. Кожевникову после 29 декабря 1894 г.). – *602.*

[15] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 29, лл. 61–62 об.

Датируется по содержанию. Ответ на несохранившееся письмо В. А. Кожевникова от 29 декабря 1894 г. – *602.*

[16] Н. П. Петерсон, по всей видимости, имеет в виду свое письмо В. А. Кожевникову от 20 декабря 1894 г., в котором он излагал свои соображения по поводу того, какие именно шаги следует предпринять для вызволения из Московского цензурного комитета рукописи Н. Ф. Федорова «В защиту дела и знания...», запрещенной к печати, а потому автоматически конфискованной. – *602.*

[17] Имеется в виду намерение В. А. Кожевникова издать за свой счет рукопись Н. Ф. Федорова «В защиту дела и знания...». – *602.*

[18] Речь идет о второй части книги В. А. Кожевникова о философах «чувства и веры» (см. примеч. 5 к письму 90). Письмо Н. Ф. Федорова к Н. П. Петерсону, касающееся, в частности, и отказа В. А. Кожевникова показать свою рукопись, не сохранилось. Самому В. А. Кожевникову Н. Ф. Федоров написал, в связи с этим отказом, письмо от 14 сентября 1894 г. – *602.*

[19] Отзывы цензоров Н. Г. Егорова и М. В. Никольского о рукописи «В защиту дела и знания...» см. в примеч. к письму 98 (преамбула). – *602.*

[20] Это письмо не сохранилось. – *602.*

[21] Речь идет о реакции афинян, которые «ни в чем охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое», на проповедь ап. Павла в ареопаге: «Услышав о воскресении мертвых, одни насмехались, а другие говорили: об этом послушаем тебя в другое время» (Деян 17:21–32). – *603.*

[22] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 29, л. 74–74 об. Ранее опубликовано: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 202–203. – *603.*

[23] Речь идет о статье Н. Ф. Федорова «К предстоящей коронации», появившейся в газете «Дон» 18 апреля 1896 г. (№ 42). Редактором-издателем «Дона» был в те годы Всеволод Григорьевич Веселовский, сын прежнего редактора Г. М. Веселовского (см. там же, с. 203). – *603.*

[24] Пояснение редакции, о котором здесь говорит Н. П. Петерсон, было напечатано (см. примеч. 323 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 638). – *603.*

[25] См. примеч. 6 к письму 119. – *603.*

[26] Речь идет о М. А. Веневитинове (см. примеч. 15 к «Дополнению к разделу “Библиотеки и музейно-библиотечное образование”»), сменившем на посту директора Московского Публичного и Румянцевского музеев умершего В. А. Дашкова (его назначение состоялось 14 февраля 1896 г.). Упомянутые здесь письма М. А. Веневитинова к Н. Ф. Федорову не сохранились. – *604.*

[27] Очередное прошение об отставке было отправлено Н. Ф. Федоровым из Воронежа, куда он приехал на Пасху, 22 марта 1896 г. (подробнее см. примеч. 11 к письму 116). – *604.*

[28] Письмо Н. Ф. Федорова к М. А. Веневитинову от 10 апреля 1896 г. не найдено. В личном деле Н. Ф. Федорова в Архиве РГБ его нет. – *604.*

[29] Это письмо Н. Ф. Федорова к М. А. Веневитинову также неизвестно. – *604.*

[30] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 29, л. 63–63 об. Ранее частично опубликовано: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 203–204. – *604.*

[31] Н. П. Петерсон выслал В. А. Кожевникову подлинник письма Ф. М. Достоевского от 24 марта 1878 г. – *604.*

[32] Н. П. Петерсон и В. А. Кожевников познакомились лично лишь в конце июля 1898 г., когда В. А. Кожевников навестил Н. Ф. Федорова в Воронеже. – *604.*

[33] Речь идет о статье Н. Ф. Федорова «К предстоящей коронации» (см. примеч. 323 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 638). – *604.*

[34] См. письмо Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 18 апреля 1896. – *604.*

[35] И. В. Денисенко (см. примеч. 117 к «Статьям о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве»). – *605.*

[36] М. А. Веневитинова хорошо знали в Воронеже. В 1888–1895 г. будущий директор Музеев был Воронежским губернским предводителем дворянства (его имение Новоживотинное находилось в Воронежском уезде). – *605.*

[37] В связи с какими обстоятельствами Н. П. Петерсон испытывал денежные затруднения, установить не удалось. В. А. Кожевников прислал ему 200 рублей (см. письмо Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 4 мая 1896 г.). – *605.*

[38] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 24, лл. 15–16. – *605.*

[39] См. примеч. 6 к письму 119. – *605.*
[40] См. примеч. 31. – *605.*
[41] Коррекцию изложенной здесь версии дает черновик письма Н. П. Петерсона к Ф. М. Достоевскому от 29 марта 1878 г. (Т. IV наст. изд., с. 514). См. также примеч. 17 к разделу «Приложения» «Материалы к истории знакомства Ф. М. Достоевского с идеями Н. Ф. Федорова». – *605.*
[42] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 24, лл. 17–18 об. – *606.*
[43] В. А. Кожевников возвратил Н. П. Петерсону подлинник письма Ф. М. Достоевского от 24 марта 1878 г., посланный ему Николаем Павловичем в апреле 1896 г. Упомянутое здесь письмо В. А. Кожевникова от 3 октября 1896 г. не сохранилось. – *606.*
[44] Речь идет о письме В. С. Соловьева к Н. Ф. Федорову от 12 января 1882 г. – *606.*
[45] Об этом долге и порядке его уплаты см. письма Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову между 18 и 21 апреля и от 4 мая 1896 г. – *606.*
[46] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 24, л. 21. – *606.*
[47] См. примеч. 45. – *606.*
[48] Речь идет о письме Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 5 ноября 1896 г. Оно было послано в Италию, где с осени 1896 находился В. А. Кожевников. – *606.*
[49] Копию с письма Ф. М. Достоевского от 24 марта 1878 г. Н. П. Петерсон обещал выслать В. А. Кожевникову в письме от 5 ноября 1896 г. – *606.*
[50] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 24, лл. 22–23 об. Ранее частично опубликовано: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 209. – *607.*
[51] Это письмо В. А. Кожевникова к Н. П. Петерсону не сохранилось. – *607.*
[52] В. А. Кожевников находился в это время на даче в Дубровицах под Подольском. – *607.*
[53] К моменту написания комментируемого письма В. А. Кожевников уже разыскал Н. Ф. Федорова (см. письмо Н. Ф. Федорова к В. А. Кожевникову от 19 августа 1897). – *607.*
[54] См. примеч. 6 к письму 128. – *607.*
[55] Отклик Н. Ф. Федорова на благотворительную инициативу В. А. Кожевникова см. в письме 128. – *607.*
[56] Данный абзац – ответ на недоумение В. А. Кожевникова по поводу того, что в присланном ему предисловии к публикации письма Ф. М. Достоевского Н. П. Петерсону в газете «Дон» содержались выражения, умалявшие «неизвестного мыслителя» (см. примеч. 5 к тому же письму). Поскольку предисловие было подписано «Н. Петерсон», Николаю Павловичу и пришлось объясняться, что эти выражения принадлежат не ему, а самому Н. Ф. Федорову, действительному автору предисловия. – *607.*
[57] О своем плохом самочувствии Н. Ф. Федоров писал Н. П. Петерсону еще 6 мая 1897 г. В Воронеж он приехал в начале июня, получив «по болезни» отпуск на две недели раньше (см.: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 207–208). – *607.*
[58] Речь идет о статьях Н. Ф. Федорова, появившихся в газете «Дон» в 1896–1897 гг. – *607.*
[59] Речь идет о книге В. А. Кожевникова «Философия чувства и веры». Н. Ф. Федоров, уезжая из Воронежа в августе 1897 г., оставил Н. П. Петерсону ее рукописный экземпляр, а В. А. Кожевников собирался прислать Николаю Павловичу уже напечатанную книгу. – *607.*
[60] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 29, лл. 66–67 об.; к. 10, ед. хр. 24, л. 26–26 об. Ранее частично опубликовано: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 209–211. – *608.*
[61] Это письмо В. А. Кожевникова к Н. П. Петерсону не сохранилось. Стихотворение «Да приидет Царствие Твое!» («Русский вестник», 1897, № 11) см. в Т. III наст. изд., с. 731–732. – *608.*
[62] Речь идет о статье Н. Ф. Федорова «Баженовский Кремль» («Русское слово», 1 октября 1897, № 263). – *608.*
[63] Текст этого стихотворения см. в Т. IV наст. изд., с. 567–568. – *608.*
[64] В письме Н. П. Петерсону от 19 ноября 1897 г. Н. Ф. Федоров упрекал ученика за то, что в ответ «на доброжелательную присылку г. Кожевниковым своего стихотворения» тот не удосужился выслать статьи, напечатанные в газете «Дон» (Н. П. Петерсон обещал это В. А. Кожевникову еще в письме от 21 августа 1897). – *608.*
[65] Речь идет о книге В. А. Кожевникова «Философия чувства и веры» (М., 1897), выручка от продажи которой предназначалась Воронежскому губернскому музею. – *608.*
[66] О С. Е. Звереве см. примеч. 6 к письму 112. – *608.*

[67] По предположению А. Н. Акиньшина (*Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 211), речь идет об Иване Петровиче Назарьеве (?–1918), преподавателе дидактики, психологии, философии и логики Воронежской духовной семинарии. – *608.*

[68] Доброжелательный отзыв о книге В. А. Кожевникова появился в № 48 газеты «Воронежский телеграф» от 1 мая 1898. Статья была подписана псевдонимом «А». Кто скрывался под этим псевдонимом, не установлено. – *608.*

[69] *Е. Л. Марков* – см. примеч. 3 к письму 142. О положительной оценке им книги «Философия чувства и веры» Н. Ф. Федоров сообщал В. А. Кожевникову в письме между 9 и 12 апреля 1898 (письмо 142). – *608.*

[70] Об упоминании В. А. Кожевниковым письма Ф. М. Достоевского в конце книги «Философия чувства и веры» см. примеч. 1 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве». – *608.*

[71] В конце книги «Философия чувства и веры» В. А. Кожевников выражал надежду на возможность для человечества «при всестороннем расширении царства знания» «избавиться от несовершенств физического и духовного развития, от голода, болезней, а может быть и от смерти». Далее за этим следовало следующее рассуждение: «Но если бы даже эти надежды на возможность охраны жизни и усиления жизнеспособности и еще дальше идущие думы о возможности восстановления утраченного, об исполнении общечеловеческого сыновнего долга возвращения жизни отцам оказались после всех возможных опытов несбыточными, тем не менее разумная, на благо всего человечества направленная регуляция сил природы должна все-таки оставаться неотлагаемым всечеловеческим делом, как единственное средство оказывать по крайней мере хоть какое-нибудь сопротивление отовсюду грозящим бедствиям и всеобщей гибели» (В. А. Кожевников. Философия чувства и веры, с. 755–756). – *608.*

[72] Там же, с. 753–754. – *608.*

[73] См. примеч. 32. – *609.*

[74] См. письмо Н. Ф. Федорова к Н. П. Петерсону от 19 ноября 1897 (письмо 130). – *609.*

[75] В 1896 г. в газете «Дон» появилось 6 статей Н. Ф. Федорова: «К предстоящей коронации» (18 апреля, № 42), «Долг авторов по отношению к публичным библиотекам» (22 сентября, № 106); «Авторское право и авторская обязанность или долг (К вопросу о литературной конвенции)» (6 октября, № 112), «Плата за цитаты...» (10 октября, № 114), «Что значит карточка, приложенная к книге» (22 октября, № 119), «Библиография» (29 октября, № 122). По всей видимости, в письме речь идет о последних четырех статьях, так как статья «К предстоящей коронации» была прислана Н. Ф. Федоровым и Н. П. Петерсоном к В. А. Кожевникову вместе с письмом между 18 и 21 апреля 1896 г., а статья «Долг авторов по отношению к публичным библиотекам» первоначально появилась в газете «Русские ведомости» и должна была быть известна В. А. Кожевникову. – *609.*

[76] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 24, лл. 27–28 об. (копия части письма рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, л. 313). Ранее частично опубликовано как письмо Н. Ф. Федорова: *Сочинения 1982*, с. 643–644. Атрибуция письма Н. Ф. Федорову, по всей видимости, была вызвана тем, что Н. П. Петерсон, копируя это письмо, дал ему следующий заголовок: «Письмо от 24 декабря 1897 г., писанное Н. П. Петерсоном к В. А. Кожевникову, но в этом письме говорит сам Н. Ф. Федоров» (ОР РГБ, ф. 657, к. 3, ед. хр. 3, л. 313). Однако в декабре 1897 г. Н. Ф. Федоров находился в Москве, а значит, быть соавтором письма не мог. – *609.*

[77] Первое стихотворение В. А. Кожевникова – «Да приидет Царствие Твое!», второе стихотворение – «Жить или не жить?». – *609.*

[78] Н. П. Петерсон пересказывает фрагмент II части «Записки» – Т. I наст. изд., с. 110. – *610.*

[79] См. примеч. 71. – *610.*

[80] Михаил Матвеевич *Стасюлевич* (1826–1911) – историк, публицист и общественный деятель, редактор-издатель журнала «Вестник Европы», в котором в 1890-х гг. сотрудничал В. С. Соловьев. – *610.*

[81] См. примеч. 69. – *610.*

[82] В начале книги «Философия чувства и веры» было помещено пространное оглавление к ней с изложением содержания глав. – *610.*

[83] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 24, лл. 24–25 об., 30–30 об. Ранее частично опубликовано: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 217–218. – *611.*

[84] См. письмо Н. П. Петерсона Н. Ф. Федорову от 26 октября 1898 и примеч. 144 к «Письмам Н. П. Петерсона Н. Ф. Федорову». – *611.*

[85] Н. П. Петерсон, рассчитывая, что В. А. Кожевников сообщит содержание данного письма Н. Ф. Федорову, занижает цены за квартиру и стол. Реально запрошенная сумма составляла 14 рублей, но Н. П. Петерсон, зная, что при пенсии в 17 рублей платить такую сумму для Федорова было бы немыслимо, солгал своему учителю и ежемесячно доплачивал по пять рублей (см. письмо 169). То же самое он делал и весной 1898 г., приплачивая по два рубля ежемесячно за комнату Н. Ф. Федорова. Обман раскрылся, когда Н. Ф. Федоров приехал в Воронеж в 1900 г. (см. письмо 236). – *611.*

[86] Речь идет о статье Н. Ф. Федорова «Разоружение». – *611.*

[87] Чествование Е. Л. Маркова в связи с 40-летием его литературной деятельности состоялось в Воронеже 11 октября 1898 г. (см.: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 216). В «Открытом письме к Е. Л. Маркову» («Дон», 5 ноября 1898, № 122) Н. П. Петерсон высоко оценил творческую и общественную деятельность писателя: «...вы не литератор-ремесленник, не литератор по профессии, литературные произведения ваши вызваны не необходимостью доставить к определенному сроку определенное количество листов, а суть отзвуки живых явлений жизни. [...] Между вами и обществом никакого средостения нет, вы сами участвуете в жизни общества, потому-то все явления жизни и имеют такой яркий и живой в вас отзвук. Не будь вас или живи вы, как живут профессиональные литераторы, в своих кружках, по необходимости создающих свою особую атмосферу, чрез которую все внешнее представляется в затемненном и искаженном виде, – многие жизненные явления остались бы незамеченными, не сделались бы предметом открытого обсуждения [...]». Републикацию статьи Н. П. Петерсона см.: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение,* с. 163–168. – *611.*

[88] Статья Е. Л. Маркова «Брожение духа в народе (Заметки из провинции)» («Санкт-Петербургские ведомости», 3(15) октября 1898, № 271) была посвящена проблеме сектантства. Писатель подчеркивал, что среди причин распространения в народе различных сект далеко не последнюю роль играют неумирающая «жажда истины», стремление «решить вопросы» «будущей судьбы и тайну мирового бытия», которые вообще свойственны человеку, а потому борьба с сектантством должна вестись не насилием, не мечом, но духом, горячей, искренней верой. Марков призывал «вдохнуть больше живой жизни в религиозную деятельность нашего духовенства, поставив его вместе с тем в более независимое материальное положение, чтобы оно могло сделаться искренним и бескорыстным руководителем духовной жизни народа, показывая ему пример плодотворной христианской нравственности, не в проповеди только, а в ежедневном применении принципов добра и правды к людям и нуждам их, – этого одного было бы вполне достаточно для того, чтобы с корнем подорвать всякие религиозные лжеучения». Н. П. Петерсон в «Открытом письме Е. Л. Маркову», высоко оценив статью «Брожение духа в народе», в то же время указал, что средство, предложенное писателем для искоренения сектантства, отнюдь не достаточно. Современное духовенство, подчеркивал публицист, слишком оторвано от народа, оторвано всем бытовым и духовным укладом своей жизни. «Где теперь не только священники, но и низшие члены клира, которые сами пашут и участвуют со своими семьями во всех земледельческих работах?!» Тип «священников не земледельцев только, но и земледельцев – тип в высшей степени симпатичный» – невозможен в нынешнее время. Главное же состоит в том, что «современное воспитание и образование» и не способно «вдохнуть жизнь в религиозную деятельность нашего духовенства», ибо покоится на разрыве между светским и духовным, между верой и знанием, и единственный путь к выходу из тупика – в преодолении этого разрыва, в согласии и взаимодействии между знанием и верой, знанием и жизнью, в приложении знания к истинному, благому делу (*Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение,* с. 163–168.) – *611.*

[89] Вырезка из газеты «Дон» с текстом «Открытого письма к Е. Л. Маркову» сохранилась в архиве Н. П. Петерсона (ОР РГБ, ф. 657, к. 2, ед. хр. 2). – *611.*

[90] В «Русском слове» «Открытое письмо Е. Л. Маркову» перепечатано не было. – *612.*

[91] Статья «Разоружение» целиком в воронежской периодике не появилась. 12 ноября 1898 г. в газете «Дон» под рубрикой «Смесь» была перепечатана заметка о ней, вышедшая в «Торгово-промышленной газете» (15(27) октября 1898, № 224): в заметке коротко пересказывалось содержание статьи и приводилась обширная цитата со слов «Способ вызывания дождя, как основанный на данных, собранных на полях сражений...» до слов «воздушный шар, если и не вполне еще сделался, то уже делается военным орудием» (см. Т. II наст. изд., с. 271–272). Републикацию данной заметки см.: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение,* с. 115–117. – *612.*

[92] См. примеч. 14 к письму 162. – *612.*

[93] См. примеч. 91. – *612.*

[94] Ироническая заметка «“Новое Время” и Кант» появилась в газете «Саратовский дневник» 21 октября 1898, № 226. – *612.*

[95] См. примеч. 13 к письму 162. – *612.*

[96] В. А. Кожевников приезжал в Воронеж в конце июля 1898 г. – *612.*

[97] Речь идет о Ю. П. Бартеневе. – *612.*

[98] Это письмо Н. П. Петерсона к Ю. П. Бартеневу неизвестно. – *612.*

[99] См. примеч. 151 к разделу «Приложения» «Письма Н. П. Петерсона Н. Ф. Федорову». – *612.*

[100] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, лл. 69–70 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 132–134). – *613.*

[101] Речь идет о письме Н. Ф. Федорова к В. А. Кожевникову от 10 декабря 1898 г., написанном сразу же после получения письма от Р. Лонга (см. примеч. 5 к этому письму). – *613.*

[102] См. примеч. 1 к письму 161. – *613.*

[103] См. об этом в письме 165. – *613.*

[104] В «Русском архиве» статьи Н. Ф. Федорова «Предкремлевский Московский Румянцевский Музей и памятник основателю этого Музея в самом Кремле» и «О памятнике Александру III, о месте и значении этого памятника» не были напечатаны. Возможно, одной из причин этого было то, что первая статья уже была использована Ю. П. Бартеневым для составления его собственной статьи «Памятник Александру Второму и Московский Публичный музей» («Русский архив», 1898, № 10, с. 263–266). – *613.*

[105] См. примеч. 5 к письму 167. – *613.*

[106] Ю. В. Петерсон, жена Н. П. Петерсона. – *614.*

[107] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 32, лл. 71–72 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 134). – *614.*

[108] См. письмо 167 и примеч. 5 к нему. – *614.*

[109] Речь идет о сопроводительном письме, при котором в редакцию «Нового времени» была послана статья Н. Ф. Федорова «Разоружение». Письмо было написано Н. П. Петерсоном. – *614.*

[110] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 24, л. 33–33 об. Ранее частично опубликовано: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение,* с. 224. – *615.*

[111] Речь идет о письме 177. – *615.*

[112] Кн. Николай Владимирович *Шаховской* (1856–1906) – в 1880-х гг. – чиновник особых поручений при Министерстве внутренних дел, в 1890-х гг. – цензор, служил в Московском цензурном комитете, в конце 1898 г. назначен Председателем Санкт-Петербургского цензурного комитета, затем – начальником Главного управления по делам печати. В течение ряда лет занимался историей жизни и деятельности Н. П. Гилярова-Платонова, опубликовав ряд работ о нем («Никита Петрович Гиляров-Платонов. Краткий публицистический очерк». Ревель, 1893; «Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете. 1858 г.» М., 1897) и написав предисловие к I тому его сочинений (Н. Шаховской. Никита Петрович Гиляров-Платонов // Н. П. Гиляров-Платонов. Сборник сочинений. Т. 1. М., 1899, с. III–LX). Другие сочинения Н. В. Шаховского: «Земские повинности в Эстляндской губернии». Ревель, 1888; «Отхожие сельскохозяйственные промыслы». СПб., 1895; «Земледельческий отход крестьян». СПб., 1903 и др.

С Н. Ф. Федоровым Н. В. Шаховской познакомился через библиотеку Московского Публичного и Румянцевского музеев, регулярным посетителем которой он был на протяжении многих лет. В «Книге собственноручной записи лиц, желающих заниматься в читальном зале» за 1893–1894 гг. находим его запись, сделанную 20 декабря 1893 г.: «№ 2152. Кн. Николай Владимирович Шаховской. Служащий Министерства Внутренних Дел. Спиридонова, свой дом» (Архив РГБ, оп. 17, д. 17, л. 108 об.). Кроме того, Н. В. Шаховской мог познакомиться с Н. Ф. Федоровым и через Бартеневых, с которыми его связывали узы общения и дружбы. В РГАЛИ (ф. 46) среди писем разных лиц к П. И. Бартеневу встречаются и письма к нему Н. В. Шаховского, его имя упоминается в переписке Ю. П. и П. И. Бартеневых. В середине 1890-х гг. Н. В. Шаховской особенно сближается с Ю. П. Бартеневым: «С кн. Шаховским сдружились необычайно», – пишет Юрий Петрович отцу 9 августа 1895 г. (РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 587, л. 274 об.). По предложению и при содействии Н. В. Шаховского Ю. П. Бартенев в 1900 г. получил место по цензурному ведомству.

Об уважительном и сердечном отношении Н. В. Шаховского к Н. Ф. Федорову свидетельствует письмо к последнему И. М. Ивакина от 27 апреля 1899 (см. Т. IV наст. изд., с. 651). Я. Ф. Браве в письме от 27 декабря 1898 г. передает мыслителю поклоны в частности и от Шаховского (там же, с. 646).

Намерение Н. Ф. Федорова напечатать при содействии Н. В. Шаховского статью «Задачи Конференции мира» не было осуществлено, однако Н. Ф. Федоров воспользовался протекцией нового председателя Петербургского цензурного комитета для получения цензурного разрешения на выпуск брошюры «К делу умиротворения, возбуждаемому нотою 12-го августа 1898 года» (разрешение было подписано в Санкт-Петербурге 18 марта 1899 г. // *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение,* с. 226). – *615.*

[113] См. окончание письма 169. – *615.*

[114] Речь идет о долге Н. П. Петерсона В. А. Кожевникову, сделанном еще в 1896 г.; его выплата растянулась на несколько лет. – *615.*

[115] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 24, лл. 36–37 об. Выдержка из письма опубликована: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение,* с. 226. – *615.*

[116] В. А. Кожевников. Христос и грешница // Русский вестник, 1899, № 3, с. 35–46; отд. отт.: М., 1899. – *615.*

[117] Эта работа В. А. Кожевникова неизвестна. Возможно, генетически с ней связаны «Очерки современного католицизма» (см. примеч. 9 к письму 256 и примеч. 1 к письму 258). – *615.*

[118] Речь идет о письме 179. О *письме Энгельгардта и других приложениях* см. указанное письмо и примеч. 6 к нему. – *615.*

[119] Это письмо Н. Ф. Федорова к Н. А. Энгельгардту неизвестно (см. примеч. к письму 194 (преамбула)). – *615.*

[120] 7(19) и 14(28) марта 1899 г. в №№ 8270 и 8277 «Нового времени» появилась очередная большая статья Сергея Николаевича Сыромятникова (псевд. «Сигма») «Письма одичавшего журналиста». Журналист, проведший два года на Дальнем Востоке, делился с читателями своими впечатлениями и размышлениями, рассказывал о пережитом им «перерождении убеждений». «Мне странно вспомнить, – писал он, – что я вел петербургскую жизнь, так же думал и так же чувствовал и так же обманывал себя бездельными делами, как это делаете вы, мои старые друзья, петербуржцы». Из Петербурга, подчеркивал Сигма, «не видно нужд России», здесь спорят о мелочах и предаются неделанию, а ведь «только дело, энергичная работа, может сделать нас сильными и умными». Публицист решительно высказывался против анархии в социальной и государственной сфере, выступал за взвешенную, ответственную, национально ориентированную политику: «Дорожите организованной свободой, держитесь за всякую историческую организацию, исправляйте ее, но относитесь к ней осторожно и по-государственному прозорливо, тогда будущее за Вами». – *615.*

[121] Таких именно выражений в сохранившихся письмах Н. Ф. Федорова к Н. П. Петерсону нет. Близким по содержанию является письмо от 28 февраля 1895 (№ 101). – *616.*

[122] Речь идет о Н. В. Веретенниковой. См. письмо 179 и примеч. 1, 5 к нему. – *616.*

[123] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 25, лл. 40–41. – *616.*

[124] Речь идет о предыдущем письме Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 19 марта 1899, которое начиналось с благодарности за присылку поэмы Кожевникова «Христос и грешница». – *616.*

[125] Это письмо Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову не сохранилось. Упоминание об этом письме и выдержку из него см. в письме Н. Ф. Федорова к В. А. Кожевникову от 24 марта 1899 (№ 183). О статье *В. Я. Симонова* «Военные мысли о штатском деле» см. примеч. 1 к «Статьям о разоружении и умиротворении» – Т. II наст. изд., с. 478. – *616.*

[126] 3 марта 1899 г. Н. П. Петерсон узнал о том, что переведен в Асхабад на должность члена Окружного суда (см. письмо 183). Официальное его назначение состоялось 20 марта 1899; в газете «Дон» сообщение об этом назначении появилось в № 36 30 марта 1899 (см.: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение,* с. 226, 227). – *617.*

[127] Где был помещен некролог Я. Ф. Браве, присланный Н. П. Петерсоном Н. Ф. Федорову через В. А. Кожевникова вместе с письмом Н. В. Веретенниковой, установить не удалось. О Г. С. Вашкевиче см. примеч. 5 к письму 162. – *617.*

[128] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, л. 36–36 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 192). – *617.*

[129] См. письмо 199 и примеч. 1, 2 к нему. – *617.*

[130] Речь идет о письмах 198, 199, 200. – *617.*

[131] Эти письма В. А. Кожевникова к Н. Ф. Федорову и Н. П. Петерсону не сохранились. – *617.*

[132] Об этой статье Н. Ф. Федорова см. примеч. 401 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 656. Текст статьи см.: там же, с. 204–207. – *617.*

[133] М. Г. Кожевниковой, С. М. и М. М. Северовым, Ю. П. Бартеневу, И. М. Ивакину. – *617.*

[134] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 24, лл. 42–43 об. – *617.*

[135] Судя по содержанию данного письма, в несохранившемся письме к В. А. Кожевникову Н. П. Петерсон сообщил ему о публикации в газете «Асхабад» статей Н. Ф. Федорова «Разоружение» и «Самодержавие» и о начавшейся полемике вокруг этих статей на страницах этой газеты. Другие письма, по всей видимости, содержали вырезки некоторых статей, опубликованных в рамках первого этапа этой полемики (подробнее см. преамбулу к «Самодержавию» – Т. II наст. изд., с. 439–441 – и преамбулу к разделу «Асхабадская полемика» в наст. томе). Письмо В. А. Кожевникова к Н. П. Петерсону от 13 октября 1901 г. не сохранилось. – *617.*

[136] Среди статей, присланных Н. П. Петерсоном В. А. Кожевникову, судя по этому вопросу, были и статьи П. Ц. (публициста П. Я. Циркунова). – *617.*

[137] Среди всех выступавших в рамках «Асхабадской полемики» лиц П. Я. Циркунов, пожалуй, был единственным, кто отнесся к статьям Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона, появившимся на страницах «Асхабада», заинтересованно и серьезно, хотя далеко не со всем в них он был согласен (см. преамбулу к «Самодержавию», примеч. 1 к «Статьям о разоружении и умиротворении» – Т. II наст. изд., с. 439–441, 478–479, а также примеч. 373 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 651). В беседах с Циркуновым Н. П. Петерсон давал свои разъяснения на возникавшие у публициста вопросы, стремясь углубить его понимание мысли философа «всеобщего дела».

Вообще личные контакты Н. П. Петерсона и П. Я. Циркунова, по всей видимости, продолжались на протяжении всего времени пребывания Николая Павловича в Асхабаде и шли по линии сближения, тесного идейного общения и дружбы. В архиве Н. П. Петерсона сохранилось несколько писем к нему П. Я. Циркунова, написанных в феврале–июне 1907 г., т. е. спустя почти три года после перевода ученика Федорова в г. Верный Семиреченской области. В этих письмах, написанных доверительно и сердечно (характерны обращения: «Искренний друг мой, благодетель мой, душа моя живая! Николай Павлович!»), он сообщает о своем намерении принять священнический сан, о трудностях, встретившихся на этом пути, заинтересованно откликается на присылку Н. П. Петерсоном своих статей в «Туркестанских епархиальных ведомостях» и «Семиреченских областных ведомостях» (см. о них: «Библиография», 1995, № 2, с. 120, 122, 123), на сообщение о чтении и обсуждении I тома «Философии общего дела», проходившем в январе 1907 г. в покоях преосв. Димитрия, епископа Туркестанского и Ташкентского. Касается в связи с этим и идей Федорова: «...опасаюсь, – пишет он Петерсону 7 февраля 1907 г., – что когда пойдет речь о воскресении праотцев покорением космических сил природы, то Владыко не согласится с этой идеей, ибо, по-моему, эта идея противоречит завету Спасителя, обещавшего воскресить умершего в последний день. – Впрочем, теперь наступило время всевозможных переоценок жизни и идея Н<иколая> Ф<едоровича> будет оценена по достоинству» (ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 73, л. 2 об.). А в письме от 28 июня 1907, узнав о сложности прохождения через редакцию «Туркестанских епархиальных ведомостей» статей Петерсона, замечает: «Ваша идея о покорении сил природы для возможности безбедного питания также имеет социальный характер, и если бы была осуществлена на почве братского единения, то сослужила бы человечеству как великое благо. Я даже не понимаю, в чем консисторские батюшки нашли ее неправославною» (там же, л. 8). – *618.*

[138] Алексей Николаевич *Куропаткин* (1848–1925) – генерал от инфантерии; в 1881 г. командовал главной штурмовой колонной при взятии Геок-Тепе; в 1890–1898 гг. – начальник Закаспийской области, много сделал для ее экономического и культурного развития; в 1898–1904 – военный министр. – *618.*

[139] Просьбу поискать гранки «Письма в редакцию газеты “Дон”» спустя несколько месяцев повторил и Н. Ф. Федоров в письме от 30 июня 1902 г. (№ 268). – *618.*

[140] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 24, лл. 44–45 об. Ответ на письмо В. А. Кожевникова и Н. Ф. Федорова к Н. П. Петерсону, написанное во второй половине марта 1902 (письмо 257). – *619.*

[141] См. примеч. 1, 2 к письму 257. – *619.*

[142] Андрей Андреевич *Боголюбов* – генерал-лейтенант, начальник Закаспийской области в 1898–1901 гг. (на эту должность был назначен 1 октября 1898, вступил в свои обязанности 23 марта 1899; 17 марта 1901 г. назначен командующим 5-го армейского корпуса в Варшаву; отбыл к месту назначения в мае 1901). Был учредителем (и председателем) Закаспийского братства Св. Креста; асхабадского и мервского обществ взаимного кредита; при нем в Асхабаде построен Народный дом, новое здание для женского училища, учрежден ряд благотворительных комитетов и обществ. Велись работы по ирригации, улучшению путей сообщения и т. д. – *619.*

[143] Деан Иванович *Суботич* – начальник Закаспийской области в 1901–1902 гг., сменивший на этом посту А. А. Боголюбова.

Д. И. Суботич придавал большое значению развитию метеорологии в Закаспийской области. В октябре 1901 г. он специально посетил асхабадскую метеорологическую станцию, после осмотра которой указал на необходимость расширения ее деятельности и «на желательность преобразования асхабадской станции в центральную, в которой собирались бы данные других станций и составлялись бы соответственные выводы для всех станций области» («Асхабад», 17 октября 1901, № 290; рубрика «Местная хроника»). Мысль Суботича была встречена с энтузиазмом, и спустя месяц на заседании комитета Закаспийской областной библиотеки и музея уже обсуждался вопрос о выписке для библиотеки метеорологических пособий и журнала «Метеорологический вестник» «для местной метеорологической станции, которая в ближайшем будущем должна стать центральной для всех метеорологических станций области» («Асхабад», 23 ноября 1901, № 327).

Официальное ходатайство об образовании областной метеорологической станции в Асхабаде было возбуждено Д. И. Суботичем зимой 1901–1902 гг. («Асхабад», 13 февраля 1902, № 44). – *619.*

[144] Эта мысль была выражена Н. П. Петерсоном в послесловии к републикации статьи «Разоружение» в газете «Асхабад» (5 июня 1901, № 156): «Перепечатав статью “Разоружение”, мы не можем удержаться, чтобы не обратить внимание на одно, по-видимому, возможное и необходимое практическое приложение идеи статьи именно здесь, в Закаспийской области. Существует мнение, что горы Копет-Дага когда-то были так высоки, что вершины их были покрыты вечным снегом, и тогда вся страна была обильно орошенною, чудная растительность покрывала ее. В это же время и другие горы, окаймляющие наш Туркестан, были, надо полагать, выше, чем теперь, реки были многоводнее, Мургаб, Теджен, Заравшан и Сыр-Дарья доходили до Аму-Дарьи и вливались в Каспийское море, а не разливались у своих устьев болотами, как Азовское море, или как болота, которыми оканчиваются теперь Теджен, Мургаб и проч. и которые производят столь губительные лихорадки. В то время, по словам известного Элизе Реклю, Туркестан был так населен, что кошка по крышам домов могла дойти от Ташкента до Хивы. Известно, что горы действуют как громоотводы, а потому следовало бы, избрав самую высокую вершину Копет-Дага, устроить на ней метеорологическую обсерваторию и вооружить ее громоотводом, поднятым на привязанном воздушном шаре несколько выше линии вечного снега в нашей широте. Опыт с так высоко поднятым громоотводом укажет нам способ, которым возможно вновь оросить нашу страну так же, как она была орошена прежде, т. е. укажет способ сделать из нынешней пустыни – рай. И только тогда, когда мы сумеем [землю,] орошенную теперь лишь кровью наших братьев, оросить и водою, тогда только мы истинно и бесповоротно завоюем, покорим эту страну, в которую пришли, повинуясь какому-то року, не только не желая делать это завоевание, но и всячески противясь ему. Неужели же эта цель, которая оправдает наше завоевание и в собственных глазах, и в глазах всего мира, не стоит того, чтобы воздвигнуть пока хотя лишь на одной из вершин Копет-Дага такую обсерваторию, как здесь говорится?» – *619.*

[145] Письмо Д. И. Суботича к Н. П. Петерсону от 4 апреля 1902 г. см. в Т. IV наст. изд., с. 672. – *620.*

[146] Н. П. Петерсон посылал А. А. Боголюбову отдельный оттиск статьи Н. Ф. Федорова «Асхабадский музей» («Асхабад», 30 сентября 1899, № 273), в начале которой была дана ссылка на приказ «начальника Закаспийской области, разъясняющий, чем должна быть русская народная школа» (Т. III наст. изд., с. 204). В статье было высказано пожелание об устройстве при Закаспийском областном общественном музее и библиотеке «вышки для метеорологических наблюдений» (там же, с. 207). А. А. Боголюбов возвратил статью с надписью: «Очень рад, что встречаю сочувствие в ревнителях русского дела» (этот оттиск

хранится в фонде Н. П. Петерсона // ОР РГБ, ф. 657, к. 2, ед. хр. 9, л. 14). Этим, судя по всему, дело и ограничилось. – *620.*

[147] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 26, лл. 3–4 об. (копия рукой В. А. Кожевникова – там же, лл. 1–2). – *620.*

[148] Об обстоятельствах обращения Н. П. Петерсона весной 1903 г. в редакцию журнала «Новый путь» и первом письме П. П. Перцова, полученном им летом 1903 г., см. примеч. к письму 276 (преамбула). В данном случае речь здесь идет о другом, осеннем, письме П. П. Перцова к Н. П. Петерсону, по всей видимости, посланном после получения от него новых статей (о них Петерсон упоминает ниже). – *620.*

[149] Оригинал письма Ф. М. Достоевского к Н. П. Петерсону от 24 марта 1878 г. после опубликования его в 1897 г. в газете «Дон» был отдан Николаем Павловичем в Воронежский губернский музей (*А. Н. Акиньшин* обнаружил упоминание об этой передаче в обзоре А. М. Дядькова «Воронежский губернский музей в 1894–1897 гг.», где реликвия значилась как «письмо Ф. М. Достоевского к воронежцу N N» // Памятная книжка Воронежской губернии. Воронеж, 1897. Отд. III, с. 60). Однако затем след письма потерялся, и лишь в 1903 г. оно было передано «неизвестным лицом» (см. Т. IV наст. изд., с. 673) в отдел рукописей Московского Публичного и Румянцевского музеев (см.: «Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1903». М., 1904, с. 41). В копии к печатаемому письму Петерсона В. А. Кожевников делает следующее примечание: «История странствия письма Достоевского, его пропажи и почти чудесного возвращения в должное место рассказана в “Воспоминаниях”» (ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 26, л. 1). Однако текст этих воспоминаний не сохранился.

В деле фонда Ф. М. Достоевского в ОР РГБ хранятся два письма, непосредственно связанные с историей передачи реликвии в отдел рукописей Музеев. Первое письмо принадлежит Александру Николаевичу *Семихатову* (биографических сведений о нем обнаружить нам не удалось) и адресовано помощнику заведующего отделом рукописей В. В. Пасхалову:

«Милостивый Государь!

Посылаю Вам находящееся у меня письмо Достоевского, и если оно представляет какую-либо ценность, то я охотно приношу его в дар Румянцевскому Музею.

Александр Семихатов.

20 июня 1903 г.

Адрес: Почтовая станция Самойловка, в сл. Еловатку Балашовского уезда Саратовской губ.

А. Н. Семихатову». На оригинале письма рукой Г. П. Георгиевского, зав. отделением рукописей, простым карандашом зачеркнут указанный адрес и проставлен новый: «Москва, Лесной пер., около храма Христа Спасителя, д. № 6, кв. 15».

Другое письмо адресовано В. В. Пасхаловым Г. П. Георгиевскому:

«Многоуважаемый

Григорий Петрович!

Препровождаю Вам письмо Семихатова, адресованное в Музей на мое имя, и потому пересланное мне в Лубне, и прошу Вас, если Вас не затруднит, уведомить его в получении нами его пожертвования (письма Достоевского).

До скорого свиданья!

Вячеслав Пасхалов».

Из этих документов становится известным имя лица, передавшего письмо Ф. М. Достоевского в отдел рукописей Музеев, а также обстоятельства этой передачи. Однако вопрос о том, каким именно образом попало данное письмо из Воронежского губернского музея к А. Н. Семихатову, остается открытым. – *621.*

[150] В журнале «Новый путь» письмо Ф. М. Достоевского к Н. П. Петерсону напечатано не было. Скорее всего, оно даже не посылалось в этот журнал. – *621.*

[151] Речь идет о сборнике «Мысли мудрых людей на каждый день. Собраны Л. Н. Толстым» (М., 1903). Среди помещенных в нем высказываний и афоризмов было несколько цитат из сочинения Е. П. Блаватской «Голос безмолвия», представлявшего собой свод духовных наставлений, почерпнутых из древнеиндийской религиозной литературы. Изречение, упомянутое Н. П. Петерсоном, было помещено на день 29 апреля:

«Бойся незнания, но еще больше бойся ложного знания. Отврати твое зрение от мира обмана и не доверяй своим чувствам, они лгут, но в тебе самом ищи во внеличном вечного человека [...]» (*Толстой. 40*, 116). – *621.*

[152] См. примеч. 117 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве». – *621.*

[153] Письмо Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову с сообщением о его весеннем обращении в «Новый путь» не сохранилось. – *621.*

[154] О какой именно статье идет речь, установить не удалось. – *621.*

[155] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 27. Первое из сохранившихся писем Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову, написанных уже после смерти Н. Ф. Федорова. – *622.*

[156] Это, несохранившееся, письмо В. А. Кожевникова к Н. П. Петерсону было написано в день погребения Н. Ф. Федорова и, по всей видимости, описывало последние дни и часы жизни мыслителя и его похороны.

Впоследствии В. А. Кожевников так вспоминал об этих днях в письме к А. К. Горскому:

«Свойства болезни (воспаление, а затем отек легких) сделали предсмертную беседу невозможною для него, хотя он и силился говорить: последние сутки он был в забытьи.

Агония была тяжкая и длительная. Но до этого он много говорил, хотя и с трудом уже, с посещавшими его друзьями, несмотря на запрещение разговаривать врачами. Просили и мы его не утруждать себя, но с другой стороны – как было заграждать уста, не устававшие взывать к величавому, к благородному, к святому? Забывали и мы запрет, жалость к страдальцу сменялась благоговейным вниманием к наставлениям, представлявшим в еще большей красоте духовной потому, что – мы чувствовали – то были последние советы, последние заповеди, последние благословения. Ни слова о себе лично, ни о болезни, ни о близком уже конце жизни; лишь изредка (наедине) он промолвил мне: "кажется – это – последнее!" или, очнувшись от сна (как и раньше часто, когда после обеда засыпал на час у меня дома), шептал: "должно быть и „*то*" так же будет", разумея под этим "*то*" промежуток между смертью и воскресением, *применительно к телу* и его ощущениям. Никаких так называемых "распоряжений", рукописи были переданы мне ранее, иного ничего не было, последние гроши роздал тут же, в больнице, убиравшим палату или сиделкам. Итак, о себе – ни слова: все мысли и речи о "деле". С ним он не расставался до последней минуты сознания.

Видимо, хотелось говорить много, но кашель и укороченное дыхание мешали, приходилось ограничиваться краткими указаниями.

Его внимание сосредоточивалось главным образом на вопросах, составлявших содержание двух последних статей.

Одна из них предназначалась для "Нового Пути". "Путь" обещал напечатать, но с урезками, с выборками "подходящего" и будто бы "сходного" с тенденциями некоторых других сотрудников. Против урезывания или "уродования" статьи он гневно восставал, видя в "подборе подходящего" под известную тенденцию проявление нетерпимости у защитников терпимости. Возможности же сходства и совпадений не признавал: его *путь*, говорил он, – *старый*, раскрывающийся в исконном *народном*, естественном и *церковно-православном* понимании. "Нового" пути к истине и к смыслу и цели жизни быть не может. Но важнее, дороже была ему, бесконечно даже дороже, другая тема – о *Серафиме Саровском*. О нем писал он свои последние строки, о нем диктовал статью, которую озаглавил "Народный Святой". Тут были великие, проникновенные мысли; все связанное с этим "крестьянским", истинно русским, народным святым, особым чтителем Воскресения, встречавшим каждого словами "Христос воскресе!" – все связанное с ним было для него бесконечно дорого и священно и глубоко учительно.

На мотивы этой-то статьи говорил или силился говорить под конец он, противопоставляя серафимовскую простоту и девственную чистоту хитроумным, бессодержательным "новым" измышлениям умов, отчуждившихся от народного, родного, церковного. На этих указаниях, на этих и среди страданий не покидавших его стремлениях смолкла в агонии его речь, но уста еще долгие часы шевелились невнятно и бессильно и горели во взоре недосказанные думы. Жалостливо-величава была и эта беззвучная беседа...

...Он скончался без сознания часов в 6 утра...» (Архив А. К. Горского и Н. А. Сетницкого (Собрание Е. Н. Берковской; частично опубликовано: А. Остромиров [А. К. Горский]. Николай Федорович Федоров. 1928–1903–1928. Биография. Харбин, 1928, с. 19). – *622.*

[157] В каких похоронах должен был принимать участие В. А. Кожевников, не установлено. – *622.*

[158] Речь здесь идет о двух родных сестрах Н. Ф. Федорова: Елизавете Павловне Полтавцевой (урожд. Макаровой), Юлии Павловне Евстафьевой (урожд. Макаровой; обе сестры, как и Федоров, получили фамилию от своих крестных отцов) и сводной сестре по

отцу, законной дочери П. И. Гагарина княжне Зинаиде Павловне Тришатной (урожд. Гагариной). В «Воспоминаниях» Н. П. Петерсона содержатся сведения о контактах Н. Ф. Федорова с сестрами в 1860–1870-х гг. В 1864 г. в Москве, писал он, «на Пасху Н<иколай> Ф<едорович> познакомил меня с Полтавцевыми. Полтавцев – известный актер Малого театра, был женат на родной сестре Н<икола>я Ф<едорович>а, которую звали Елизавета Павловна, и Н<икола>я Ф<едорович>а у Полтавцевых звали Николаем Павловичем. Почему это так, тогда не знал, спросить не решился; о себе он никогда ничего не говорил» (ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 7, л. 5 об.). Когда Н. Ф. Федоров был учителем в Богородске (1858–1864), «Зинаида Павловна Тришатная вместе с мужем навещала его; а это свидетельствует, что семейство натурального отца Н<икола>я Ф<едорович>а не чуждалось его, и если он не воспользовался богатством своего отца и общественным его положением для занятия более видного положения, то это только по собственному его, Н<икола>я Ф<едорович>а, желанию; он и впоследствии всегда хотел сохранить и в течение всей жизни своей сохранил за собою самое скромное, незаметное положение, хотя ему и делались не раз предложения занять несравненно высшее того положения, которое он занимал» (там же, л. 7 об.). Когда в 1870 г. у Н. П. Петерсона, служившего тогда секретарем съезда мировых судей, вышел конфликт с исправником, Н. Ф. Федоров просил Тришатного, мужа своей сводной сестры, заступиться за его ученика перед тамбовским губернатором Гартингом (там же, л. 7).

По всей видимости, отношения с сестрами Федоров поддерживал и в последующие годы. Г. П. Георгиевский вспоминал, что «когда уже скончался Николай Федорович, на панихиды и на погребение его приезжала маленькая старушка, в орденах и знаках отличия, из заслуженных отставных классных дам. И эта почтенная старушка объявила себя его родною сестрой» (Г. П. Георгиевский. Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров. Из личных воспоминаний // Четвертые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения, с. 48). – *622.*

[159] Об Н. Н. Черногубове и неоднозначном отношении к нему как самого Федорова, так и его учеников см. примеч. к письму 280 (преамбула). – *622.*

[160] Это письмо Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову не сохранилось. – *622.*

[161] См. примеч. 149. 13 января 1904 г. Н. П. Петерсон отправил заведующему отделом рукописей и славянских старопечатных книг Московского Публичного и Румянцевского музеев Г. П. Георгиевскому письмо, в котором выражал свое согласие с тем, чтобы письмо Ф. М. Достоевского Н. П. Петерсону от 24 марта 1878 г. хранилось в фондах Музеев (текст письма Н. П. Петерсона см. в Т. IV наст. изд., с. 673). – *623.*

[162] Как установил А. Н. Акиньшин, в Воронеже после отъезда Н. П. Петерсона с семейством в Асхабад остались жить две его дочери – Елизавета Николаевна Кривошеина и Вера Николаевна Петерсон. К кому из них обращался Н. П. Петерсон с просьбой переговорить с заведующим Воронежским губернским музеем С. Е. Зверевым, неизвестно. – *623.*

[163] День кончины свт. Митрофана Воронежского – 23 ноября 1703 г. – *623.*

[164] Возможно, здесь описка, и должно быть – 17 декабря (см. начало данного письма). Или же речь идет еще об одном несохранившемся письме Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 11 декабря 1903. – *623.*

[165] В формулярном списке Н. Ф. Федорова, хранящемся в личном деле философа в Архиве РГБ, начатом в сентябре 1876 г., указано: «...от роду сорока восьми лет»; при исправлении списка 15 июля 1885 г. указано 57 лет; при новом исправлении, имевшем место 1 января 1892 г., – 64 года (Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 118 об.). В паспортной книжке, выданной Московским Публичным и Румянцевским музеями 4 января 1897 года, указан возраст 68 лет (там же, л. 96 об.). В аттестате, выданном в дирекции Музеев 17 сентября 1898 г., написано: «От роду он, Федоров, имеет ныне 70 лет» (В. С. Борисов. Уход Н. Ф. Федорова из Румянцевской библиотеки // Начала, 1993, № 1, с. 143, 149). Таким образом, по этим документам год рождения Н. Ф. Федорова определялся как 1828 или 1829. В настоящее время разысканиями В. С. Борисова, обнаружившего свидетельство о крещении Н. Ф. Федорова, точно установлена дата крещения мыслителя: 26 мая 1829 г., следовательно, год его рождения – 1829 (см.: В. С. Борисов. Кто же мать Н. Ф. Федорова? // Общее дело. Сборник докладов, представленных на I Всесоюзные Федоровские чтения. М., 1990, с. 233–234). – *623.*

[166] Сказки Л. Н. Толстого «Ассирийский царь Ассархадон» и «Три вопроса» были написаны для литературного сборника, который составлял Шолом-Алейхем. Впервые в переводе на еврейский язык: «Гилф». Литературный сборник. Варшава, 1903. На русском языке сказки появились в издательстве «Посредник» (М., 1903).

Согласно сюжету первой сказки, ассирийский царь Ассархадон завоевал царство царя Лаилиэ, разорил и сжег все его города, а самого царя решил казнить. Ночью, когда Ассархадон лежал в постели и «думал о том, как казнить Лаилиэ», к нему явился «старец с длинной седой бородой», уверявший царя: «Лаилиэ – это ты». Старец говорил о том, что все множество убитых в завоеваниях и казненных по приказу Ассархадона людей, – это он сам; мучая, казня и убивая их, он мучал, казнил и убивал самого себя. На вопрос царя, как это возможно, старец ввел его в купель, полную водой. И Ассархадон мгновенно «почувствовал себя уже не Ассархадоном, а другим человеком», тем самым Лаилиэ, которого он собирался казнить. И так, чувствуя себя Лаилиэ, он прошел весь путь последнего до того момента, как «злой царь Ассархадон» бросил своего пленника в клетку, а затем повел на казнь. Мораль сказки была выражена в финальных словах старца: «Ты думал, что жизнь только в тебе, но я сдернул с тебя покрывало обмана, и ты увидал, что, делая зло другим, ты делал его себе. Жизнь одна во всем, и ты проявляешь в себе только часть этой жизни. И только в этой одной части жизни, в себе, ты можешь улучшить или ухудшить, увеличить или уменьшить жизнь. Улучшить жизнь в себе ты можешь только тем, что будешь разрушать пределы, отделяющие твою жизнь от других существ, будешь считать другие существа собою – *любить их*. Уничтожить же жизнь в других существах не в твоей власти. Жизнь убитых тобою существ исчезла из твоих глаз, но не уничтожилась. Ты думал удлинить свою жизнь и укоротить жизнь других, но ты не можешь этого сделать. Для жизни нет ни времени, ни места. Жизнь мгновения и жизнь тысячи лет, и жизнь твоя и жизни всех видимых и невидимых существ мира равны. Жизнь уничтожить и изменить нельзя, потому что она одна только и есть. Все остальное нам только кажется» (*Толстой. 34*, 129–130).

Вторая сказка Толстого повествовала о царе, который задавал всем своим подданным три вопроса: «какое время надо помнить и не пропускать, чтобы потом не раскаиваться; какие люди самые нужные, с какими, стало быть, людьми надо больше и с какими меньше заниматься, и какие дела самые важные, и какое поэтому дело из всех надо делать прежде других».

Поскольку ни один ответ его не удовлетворял, царь пришел к отшельнику, жившему в глухом лесу. Однако сколько он ни повторял мудрецу свой вопрос, ответом ему было молчание. Царь, увидев, что отшельник устал, помог ему копать землю, затем перевязал рану человеку, выбежавшему из леса и истекавшему кровью. И все это время не переставал спрашивать. Наконец, отшельник заговорил: «...самое важное время одно: *сейчас*; а самое важное оно потому, что в нем одном мы властны над собой; а самый нужный человек тот, с кем сейчас сошелся, потому что никто не может знать, будет ли он еще иметь дело с каким-либо другим человеком; а самое важное дело – ему добро сделать, потому что только для этого послан человек в жизнь» (там же, с. 135, 137).

О выходе в свет отдельного издания двух легенд Л. Н. Толстого Н. П. Петерсон узнал из газеты «Русские ведомости» (5 декабря 1903, № 334), в которой был дан подробный пересказ их содержания с большими цитатами. В статье «“Царь Ассаргадон” и “Три вопроса” – две легенды гр. Л. Н. Толстого» («Закаспийское обозрение», 23, 30 декабря 1903, №№ 296, 300) ученик Н. Ф. Федорова подверг критике мировоззренческую позицию писателя. Толстой, указывал он, призывая принимать другие существа за себя самого, проповедует иллюзию, и воспеваемое им единство общей мировой жизни, которая неуничтожима и вечна и которая вбирает в себя мириады индивидуальных жизней, вовсе не есть то единство, о котором молился Спаситель в Первосвященнической молитве: «да будут все едино». Ибо «для единства, к которому призывает Толстой, нужно уничтожить пределы своей личной жизни, требуется слияние или смерть личностей; для единства же, о котором молился Христос – Спаситель от смерти, – не нужно уничтожения, т. е. слияния или смерти личностей». Истинное единство, писал Петерсон, соборно, самостоятельность личностей не ведет в нем к розни, а единство «к слиянию, к уничтожению, к смерти» каждой конкретной индивидуальности.

Разбирая вторую сказку Толстого, призывавшую творить добро тому, кто находится рядом с тобой, Петерсон задавался вопросом: в чем заключается то добро, которое «едино есть на потребу». Просто в поддержании существования, как то считает Толстой, или цель доброделания шире, объемнее? И разве просто существование удовлетворит человека? Отвечая на эти вопросы, Петерсон переходил к подробному изложению идей Федорова, в которых видел альтернативу как пессимистическому мироощущению, согласно которому в смертной человеческой жизни нет ни смысла, ни плана, ни цели, так и ради-

кальным, революционным течениям, которые на место единого и единственного христианского идеала, идеала «всеобщего воскресения», ставят всевозможные суррогаты. – *623.*

[167] Во второй части статьи «“Царь Ассаргадон” и “Три вопроса” – две легенды гр. Л. Н. Толстого», помещенной в «Закаспийском обозрении» 30 декабря 1903 г., Петерсон не только изложил ряд положений учения «всеобщего дела», но и отвел немало места характеристике личности его автора. Рассказал о нем как о знаменитом библиотекаре Румянцевского музея; об обширных, поистине энциклопедических, познаниях, подвижническом образе жизни; о почтительном отношении к Федорову его современников, в том числе самого Л. Н. Толстого и В. С. Соловьева. – *623.*

[168] Статью, о которой здесь идет речь, Н. П. Петерсон прислал В. А. Кожевникову вместе со своим письмом от 1 октября 1903. – *623.*

[169] О Е. Л. Маркове см. примеч. 3 к письму 142. – *623.*

[170] В настоящее время установлены следующие некрологи Н. Ф. Федорова, появившиеся в московских газетах и журналах: Памяти Николая Федоровича // Московские ведомости, 16 декабря 1903, № 341 (автор – Г. П. Георгиевский); Екат. Некрасова. Памяти Н. Ф. Федорова // Русские ведомости, 24 декабря 1903, № 353; Памяти Н. Ф. Федорова // Московский листок, 17 декабря 1903, № 350 (автор – Е. В. Барсов); Ю. П. Бартенев. Памяти Николая Федоровича Федорова // Русский архив, 1904, № 1, с. 191–192; Николай Федорович Федоров († 15-го декабря 1903 г.) // Весы, 1904, № 1 (автор предположительно Н. Н. Черногубов); В. И. Шенрок. Памяти Н. Ф. Федорова и А. Е. Викторова // Исторический вестник, 1904, № 2, с. 663–670. Кроме этого, краткий некролог был помещен в «Отчете Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1903 г.» (М., 1904, с. 16), а 23–26 января в №№ 23–26 газеты «Московские ведомости» появилась большая статья Г. П. Георгиевского (под псевдонимом «П. Я. Покровский») «Из воспоминаний о Николае Федоровиче (К 40 дню кончины)».

Приведем тексты тех некрологов, которые упоминает Н. П. Петерсон:

«Московские ведомости», 16 декабря 1903, № 341:

«Памяти Николая Федоровича

Николай Федорович скончался...

Это краткое известие, переданное по телефону из Мариинской больницы в Румянцевский Музей, сегодня, в понедельник, 15 декабря, во втором часу дня, глубоко опечалило всю семью старых музейцев, драгоценным украшением которой покойный был много лет.

Николая Федоровича знала многочисленная семья русских писателей и ученых за всю последнюю четверть прошлого века, входившая в сношения с Румянцевским Музеем. Все они пользовались его беспримерно богатыми знаниями во всех областях науки и его беспримерной готовностью служить каждому всеми силами, способностями и средствами. Мы, старые сослуживцы покойного, хорошо знаем, что круг его идейных клиентов, друзей и почитателей далеко выходил за пределы музейского знакомства. При этом весьма немногие знали его фамилию, еще меньше знали его прошлое, но Румянцевский Музей не мыслился отдельно без Николая Федоровича.

Старческая, согбенная фигура этого замечательного подвижника нашего времени, казалось, не знала устали в служении и помощи ближнему не в переносном только, но и в прямом смысле материальной поддержки от своих более чем скудных средств... А свои умственные богатства он беспощадно расточал всем, входившим с ним в сношения.

Энциклопедист в самом полном и лучшем смысле этого слова, Николай Федорович был и замечательным философом и самостоятельным мыслителем. Глубочайшие и оригинальные воззрения его привлекали к себе и Достоевского, и Владимира Соловьева, и нашли в них авторитетных ценителей, почитателей и сторонников.

Вся жизнь его была идеальным подвигом во имя Христа, и мы все, современники и свидетели этой аскетической жизни, искренно изумлялись, видя перед собою живой пример истинного православного подвижника, смирившего свою жизнь до крайней степени и вознесшего свою душу до невероятной в наше время чистоты и до высокой степени просветления.

Сейчас не могу подробно говорить о незабвенном Николае Федоровиче. Постараюсь сделать это попозже. Теперь хотелось бы только оповестить о его блаженной кончине всех знавших его. Несколько дней назад Николай Федорович захворал воспалением обоих легких и друзьями был положен в Мариинскую больницу. В пятницу больной набожно приобщился Св. Таин и приготовился к отходу.

В воскресенье, после 4-х часов дня, я в последний раз посетил его, но уже не застал его в сознании. Больной не открывал глаз и с трудом боролся с приближавшеюся кончиной. Из закрытых глаз струились редкие чистые слезы...

Нянюшка мне сказала, что это состояние продолжается с семи часов утра воскресенья.

И здесь я узнал, что *много* народа ходит навещать больного...

Без сомнения, еще больше народа соберется к его могиле отдать последний долг почившему. Да будет ему вечная память, а нам, оставшимся его друзьям и товарищам, необходимо увековечить, хотя бы воспоминаниями, привлекательный образ этого замечательного человека в назидание будущим поколениям.

Г. Г.»

«Русские ведомости», 24 декабря 1903, № 353:

«*Памяти Н. Ф. Федорова*

15-го декабря скончался в московской Мариинской больнице от воспаления легких Николай Федорович Федоров. В продолжение многих лет он заведывал каталожной при библиотеке Публичного и Румянцевского музеев, откуда не особенно давно перешел на службу в архив министерства иностранных дел.

Кому приходилось работать в том или другом книгохранилище и обращаться за содействием к покойному Н<иколаю> Ф<едорови>чу, тот знает, какую драгоценность, какое сокровище потеряла в его лице Москва. Этот несравненный библиограф-энциклопедист существовал и трудился исключительно *ради других,* для того, чтобы помогать *другим*, облегчать *другим* их научные труды. Я как запомню Николая Федоровича, он постоянно состоял у этого, казалось бы, отупляющего каталожного дела. Но его живой, энергичный ум сумел проявлять себя и в этой сфере с высоко-идеальной стороны. Он не скучал и не тяготился теми многочисленными списками книг, с требованиями которых обращались к нему то тот, то другой из приходивших в музей для научных и литературных занятий. Николай Федорович не только с величайшею охотой всегда спешил отыскать все требуемые книги, но он, как человек идеального общественного служения и как человек образованный, – некогда кончивший курс в одесском Ришельевском лицее – сейчас же по списку догадывался, над чем работает человек, и в таком случае можно было быть уверенным, что Николай Федорович не ограничится присылкой только затребованных книг: он нашлет много новых и старых сочинений, о которых работающему, может быть, и в голову не приходило и которые, случалось, оказывались для него важнее многих им самим назначенных книг. Но этого мало – к следующему дню Николай Федорович отроет и нашлет на ваш стол кучу новых не только книг, но и журналов. Скорее вы сами отложите в сторону и забудете о вашей работе, чем он забудет о том, чтó для нее надо: он раньше не успокоится, пока не исчерпает всего материала. И кто же из работавших в Румянцевском музее не почувствует горячей благодарности к этому старику-идеалисту, вспоминая, как много обязан ему, его богатой энциклопедической памяти, его неутомимой готовности помогать? Благодаря этой готовности сколько раз спасал он начинающих от промахов и больших ошибок!..

Как заведующий каталожной Румянцевского музея Николай Федорович незаменим, да и как человек он тоже большая редкость. У него была одна великая черта характера: слова его теории шли об руку с его жизнью. Идеалист 40-х годов, даже некогда пострадавший за свои идеи, он оставался верен своей теории до конца жизни. Он был противник не только богатства, но даже и большого жалованья, большой траты денег лично на свои нужды. Когда при одном из покойных директоров Музея опросталось место в библиотеке с бóльшим жалованьем, чем получал Николай Федорович, и когда это место предложили занять ему, он ответил решительным отказом. Директор, узнав об этом необыкновенном событии, был поражен и пошел сам допрашивать Николая Федоровича о причине отказа. “Мне большего жалованья не надо!” – с некоторым раздражением ответил Николай Федорович изумленному директору. – “А если бы вам предложили мое место?” – продолжал допрашивать директор. – “И от него бы отказался”. Очень удивился директор таким ответом, зато с этих пор в его отношениях к Николаю Федоровичу – чиновнику при каталожной музея – стало проглядывать уважение к человеку, ему совсем непонятному.

В 70–80-х годах (в следующие годы я редко видала Николая Федоровича) он настолько ограничивал себя во всем – например, так бедно одевался, приобретая свой гардероб на Толкучке, – что нередко в людях, которые его не знали или не понимали, возбуждал насмешку; зато в тех, кто его знал, – кто знал, что сбереженные деньги от покупки лучшего костюма

употреблялись на помощь или на покупку лекарства бедному студенту, – в тех возбуждал он глубокое, благоговейное уважение. Я сама при первой встрече с ним в 1872 г., когда П. И. Бартенев, у которого Николай Федорович служил тогда при Чертковской библиотеке и который попросил его занести мне книжку своего журнала, так непростительно ошиблась: приняла Николая Федоровича по костюму за лакея и даже – до сих пор краснею при этой мысли – выслала ему двугривенный.

Николай Федорович ничем не баловал себя в жизни. Он даже спал без всяких удобств, т. е. без кровати, не имел ни матраца, ни подушки. В конце 70-х годов, когда он жил на Мещанских, нанимая комнату в Набилковском переулке, он спал сидя в деревянном кресле, прикрываясь вместо одеяла своею старенькою, коротенькою, порыжелою шубенкою. Утром вставал рано и пил пустой чай с куском вчерашнего калача. После такого завтрака он пешком отправлялся в Музей и всегда приходил за час, а то и за полтора до назначенного срока и начинал работать. После многих часов подряд неутомимой работы он позже других уходил из музея. По дороге забегал в какую-нибудь харчевню пообедать на 10 или на 15 коп. и тем же бодрым, быстрым шагом шел к себе на Мещанские. По дороге он каждый день покупал три калача: один отдавал прислуге, которая мела ему комнату и подавала самовар, другой – дворовой собаке, а третий калач оставлял для себя. Свой он делил на две порции: одну съедал вечером за чаем, другую – утром.

Такой образ жизни вел Николай Федорович не вследствие скупости. Он не жалел денег, например, на покупку книги, которой недоставало в музее, а которую требовал читатель. Я прекрасно помню, как он купил на свои деньги философию Спинозы на французском языке, которой не хватало в музее. Он не прочь был внести плату за бедного студента в университет, если на руках оказывались деньги. Он тратил так мало на себя из-за принципа, которому был верен. Зато он ядовито смеялся над теми, кто кричит о своих принципах, а в жизни подыскивает те или другие извинения для оправдания своих противоречий. Таких людей он называл ипокритами в глаза и за глаза, несмотря на ранг и на титул.

Такой человек, как Николай Федорович и его покойный друг А. Е. Викторов (кстати сказать, в нынешнем году минуло 20 лет со дня его смерти), по своей цельности, стойкости своих принципов и идеальному отношению к общественному служению – редчайшие люди, – люди, которые уже одною своею жизнью вносили в окружающее много доброго и поучительного.

Низкий поклон перед прахом незаменимого библиографа-энциклопедиста.

Многообязанная покойному

Екат. Некрасова.

P. S. За несколько дней до смерти Николая Федоровича я получила от него два письма с указаниями не только книг, нужных для работы, но даже и страниц, – он в то время был уже совсем больной».

«Московский листок», 17 декабря 1903, № 350:

«*Памяти Н. Ф. Федорова*

Сегодня в Скорбященском монастыре, веющем тишиною и уединением, уносящем земные скорби, отпевается и погребается Николай Федорович Федоров.

Это был человек необыкновенно возвышенного духа и притом такой, жизнь которого от дней юности до преклонной старости строго и неуклонно отвечала нравственному, истинно христианскому совершенству.

Он укрывался от взоров мира, и его не знала Москва ни именитая, ни торговая, ни промышленная, ни рабочая.

Пред его гробом стоит теперь лишь небольшой мыслящий ученый кружок с истинною скорбию и сожалением. Кажется, не только в Москве, но и во всем мире не осталось уже столь верного себе сына церкви, который самоотверженно нес крест Христов, шел по Его стопам и жалел и любил бедное человечество так, что всецело приносил ему в жертву и свои силы, и труд, и последнее свое достояние.

Не для того он жил, «*да послужат ему*», но неизменным правилом жизни его было – *послужить другим.*

Пензенский уроженец – большую часть своей жизни он провел в Москве и служил при библиотеках чертковской, румянцевской и главного московского архива министерства иностранных дел.

В самом себе он носил богатую сокровищницу знаний по всем отраслям наук естественных и общечеловеческих и был живою указкой для всякого умственного труда. Не-

редко являлся он на службу раньше урочного времени, чтобы разыскать для посетителя то, чего он не знал, но что ему существенно нужно для его научной задачи. Немедленное удовлетворение всякого книжного требования было его обязательным правилом. И сколько потому благоговейного уважения и благодарных чувств к нему таится ныне в сердцах и старых, и молодых ученых, и вообще всех, соприкасавшихся с его службою и с его внутренним богатым миром! Поистине, жаль души его, уносящей от текущей умственной работы и сокровища знания, и любвеобильную помощь.

Он не искал на службе ни повышения, ни чинов, ни окладов. Когда покойный директор Дашков предложил ему высшую должность, с содержанием в тысячу рублей, он отказался и умолил отдать эту должность своему товарищу, который, как человек семейный, больше нуждается в средствах.

Уже одни эти факты показывают его возвышенную и благородную душу. Но его изумительное самоотвержение, его нестяжательность еще ярче сказываются в его неизменных правилах и чисто иноческом образе жизни.

Всякие внешние удобства и заботы о них были ему совершенно чужды. Он носил крайне дешевые одеяния и, можно сказать, всегда ходил в рубище. Получая не больше 50 руб. в месяц, он тратил из них лично для себя: 5 руб. за комнату и 5 руб. на стол. Понятно, что при такой трате он питался всегда сухоядением и горячее кушанье мог принимать только раз в неделю. При этом всегда устраивал свою жизнь так, чтобы не быть для хозяйки комнаты ни малейшею помехою или стеснением, во всем приноравливаясь к ее порядкам жизни.

Все остальное, что он получал, отдавал ежемесячно убожеству и нищете, горе коих он знал и спешил облегчить своею жертвой. Заметим, что он оставался при этом глух к так называемым городским попечительствам, – благотворительность *не во имя Христа*, а во имя какого-то *участка* была ему противна: бездушна она и не имеет никакой нравственной цены.

И этот величайший инок среди мира, этот сокровенный друг и благодетель бедности, неведомый миру, в своем миросозерцании жил и дышал «истиной воскресения мертвых и жизни будущего века». Эта истина, как луч, озаряла всю его жизнь и пылала в очах его на смертном одре. Это был и последний его завет, который поручил он нам передать человечеству.

Не касаясь его умозрения, имеющего характер глубоко философский, мы выразим лишь его думы, волновавшие его на смертном одре.

Смерть есть одно из величайших зол, разлагающих живой организм на грубые материальные силы. В борьбе с нею, в восстановлении и оживлении бездушных сил, к чему призван человеческий дух, состоит всеобъемлющая любовь, могущая оживотворить умершее человечество.

Торжеством такой любви служит Пасха, возвещающая переход от смерти к жизни, от времени к вечности.

“Москва, – говорил почивший на смертном одре, – есть Третий Рим, собравший православное христианство: он может быть и пусть будет союзом для борьбы против бездушных сил, для восстановления и оживления их в организмы, соответствующие личному отделенному духу”...

“Правду говорил Серафим Саровский: не для одной же мошны призван жить человек.

Он пел пасхальный канон перед Новым годом и предсказал недоумевавшим, что наступит момент, когда этот канон будут петь в его монастыре и летом, что и исполнилось в нынешнем году, при открытии его мощей”.

“О, как бы было хорошо, если бы Москва, по его примеру, встретила Новый год пасхальным каноном! Это был бы призыв к новому направлению жизни в духе всеобъемлющей любви христианской”.

Вот мысли, которые он, на смертном одре, завещал нам объявить Москве православной.

Он был другом нашего знаменитого философа Вл. Соловьева, который и воспользовался некоторыми его мыслями относительно Востока.

Одно время он был близок к Льву Толстому, но затем навсегда отшатнулся от него и на смертном одре вспоминал его и называл его: “*поддельным христианином, фарисеем и лицемером*”.

Мир твоему шествию, великая смиренная и чистая душа!

Блаженни чистии сердцем, яко тии Бога узрят» (в этом же номере «Московского листка» в рубрике «Московская жизнь» было сообщено о панихидах по Н. Ф. Федорову, состоявшихся накануне, 16 декабря, в часовне Мариинской больницы, и о намеченных на

17 декабря похоронах; а на следующий день – 18 декабря 1903 г. (№ 351) в той же рубрике появилась заметка «Похороны Н. Ф. Федорова», описывавшая погребение мыслителя).

Для полноты картины приведем полностью еще один некролог, принадлежащий Ю. П. Бартеневу и по своему тону и настроению близкий некрологу, автором которого был Е. В. Барсов (см. о нем примеч. 10 к письму 61), а также ту часть статьи В. И. Шенрока «Памяти Н. Ф. Федорова и А. Е. Викторова», в которой речь идет о Н. Ф. Федорове:

«*Памяти Николая Федоровича Федорова.*

15 декабря 1903 года в глубокой старости окончил свой жизненный подвиг Николай Федорович Федоров.

Трудно первое время взвесить всю тяжесть этой утраты.

Погас великий, многосторонне образованный ум, перестало биться редкой нравственной чистоты и благородства сердце, замолкли пророческие уста, полные животворных слов...

Неужели смерть общий удел всего живого, и людям предстоит искать забвения неизбежного конца в заботах и наслаждениях житейских, или смиренно подготовляться к потустороннему бытию? Неужели земля всегда будет юдолью горя и страданий, а люди останутся во вражде и розни?

На эти мучительные вопросы нашел Николай Федорович ясные и определенные ответы и всю свою жизнь *во всей ее полноте* посвятил проповеди своего высокого ученья. Как пророк, призывал он к великому общечеловеческому делу и как светоч ярко горел, широко освещая кругом себя темную ночь себялюбия, нерадения и невежества.

Многочисленному кругу лиц, занимающихся книжно, Николай Федорович памятен по каталожной комнате Румянцевского музея.

Трудно забыть этого старика в потертом, а порою в разорванном сюртуке с длинными седыми волосами, удивительными глазами и ясною улыбкою и с необыкновенными разносторонними знаниями. Память и начитанность его были изумительны, многие ученые обязаны ему за его указания, и скромная каталожная Румянцевского музея долгие годы была какою-то лабораториею мысли, служила умственным центром Москвы, куда тянулись люди, имена которых широко прославлены.

Было 3 часа, Музей запирался; но Н<иколай> Ф<едорович> оставался еще час-другой, за что платил сторожам особо из своих крох (от большего жалованья он с гневом всегда отказывался). Эти *сверхурочные добровольные* занятия он особенно любил. В это время еще завлекательнее были его беседы, и перед изумленным слушателем открывались новые широкие горизонты.

Вернувшись в свою каморку, Н<иколай> Ф<едорович> обедал чем попало, по большей части только пил чай с хлебом, ложился спать на голом сундуке часа на $1^{1}/_{2}$, затем читал и писал до 3–4 ч. ночи, опять засыпал часа на два и, напившись чаю, часов в 7–8 шел в Музей. И такую жизнь вел он десятки лет.

Замечательно, что он не только не считал себя аскетом, но даже сердился, когда ему об этом говорили.

Но откуда же брал силы этот великий подвижник?

Мать, у которой опасно болен ребенок, забывает о еде, о всем, что не касается любимого существа, и проявляет непостижимую силу: в таком состоянии прожил и Н<иколай> Ф<едорович> *всю свою жизнь*. Для своего *дела* он забывал все, что привлекает нас.

Причина страданий и смерти всего живого, учил Н<иколай> Ф<едорович>, лежит в том, что сознательные существа находятся под властью бездушных, стихийных сил природы. Овладеть ими мы сумеем лишь тогда, когда все вместе примемся за их живое изучение, когда опыты будут производиться не кое-кем, кое-где, кое-когда, а всеми, везде и всегда. Овладев этою слепою силою, несущею голод, болезни и смерть, обратят ее в живоносную. Но остановиться на этом нельзя. Учение о развитии, приводящем человечество к светлому безболезненному существованию, Н<иколай> Ф<едорович> называл безнравственною, бесчестною теорией: такое счастье будет куплено ценою гибели предков, а забвение сынами своих отцев есть худшее зло. И вот просветленное человечество, полное благодарности к тем, кому оно обязано жизнью (ибо жизнь есть благо), должно в свою очередь вернуть к жизни почивших отцев. Единственное общечеловеческое дело – *воскресение мертвых*, в этом долг сынов, исполнение воли Господа, давшего нам власть сынами Божьими быти. Не *даровое* воскресение, а воскрешение трудовое совокупными усильями всех живущих всех прежде почивших.

Пророком этого великого дела и был Н<иколай> Ф<едорович>. Всю свою жизнь он призывал к нему людей. Уже слабеющими устами повторял он свои формулы, и близкая смерть страшила его лишь тем, что пропадет, заглохнет его дело. Нет, не заглохнет оно. Перед человечеством лежат два пути: или окончательно забыть нравственный долг и опьяняться чувственностью, или пойти, по призыву Н<иколая> Ф<едоровича>, всем миром делать дело Христово.

Христос воскресе, незабвенный учитель! Верю и уповаю!

Юрий Бартенев.

17-го декабря 1903 года» («Русский архив», 1904, № 1, с. 191–192).

«*Памяти Н. Ф. Федорова и А. Е. Викторова.*

В половине декабря минувшего года в одной из московских больниц кротко и тихо угас один из редких идеалистов, благороднейшая душа, один из людей “не от мира сего”, Николай Федорович Федоров. Покойный долго занимал скромную должность в московском Румянцевском музее, а в последние годы в архиве министерства иностранных дел. В ближайшие дни после его кончины, вероятно, не один москвич был изумлен, встречая в разных газетах его некрологи и воспоминания о нем, дружно его прославлявшие. Казалось, вдруг было сделано открытие, найден был перл высокой ценности. Загадка была, однако, достаточно разъяснена в единодушных и безусловно согласных отзывах о почившем. Такие неожиданные открытия иногда бывают. Так “святой доктор” Федор Петрович Гааз, заслуживавший самого глубочайшего преклонения, был уже почти забыт, как прекрасная статья А. Ф. Кони в “Вестнике Европы” напомнила о нем и заставила всех читателей живо почувствовать душевную красоту. Не сравнивая покойного Федорова с Гаазом, замечу только, что это был человек гаазовского типа, подвижник неутомимого добросовестного труда и бескорыстного, самоотверженного общественного служения. Он занимал самое скромное общественное положение, жил аскетом и из своих скудных средств уделял крохи служителям музея, выписывал для музея книги, почему-нибудь казавшиеся ему необходимыми, – разумеется, на свои гроши он делал это лишь изредка, но делал. Лучше всех его изобразила в газетной заметке в “Русских Ведомостях” Екатерина Степановна Некрасова, отметившая и его высокие нравственные качества, и его образцовую, беспримерную преданность делу, которому он служил. Но может показаться непонятным, каким же чудом такой достойный человек всю жизнь оставался безвестным за тесными пределами своей служебной деятельности. Но это объясняется просто обычным преклонением перед положением, рекламой и внешним успехом. А Николай Федорович ни о чем подобном не думал и не хлопотал и уклонялся от всякого чествования и от всего показного. Помню, лет десять назад один молодой ученый В., живший тогда в Москве, составил прекрасный адрес Николаю Федоровичу, под которым немедленно явилось множество подписей (об этом эпизоде см. примеч. 100 к разделу “Статьи и заметки о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве”. – *Сост.*). Николай Федорович был тронут и благодарил, но скромно уклонился от оваций и приветственной церемонии, и эффект обычной в подобных случаях обстановки был потерян. Больше ему адреса не подносили. Вообще он избегал декоративного почета, и, может быть, ему приятнее было слышать несколько простых слов искренней благодарности, а такие слова слышал он часто. Этого человека и его умную беседу, в которой всегда было много живой, самостоятельной мысли, высоко ценили замечательные умы: Ф. М. Достоевский, философ В. С. Соловьев и современный корифей литературы Л. Н. Толстой. Николай Федорович всегда и со всеми был одинаков и в высшей степени скромен, но стоек и неуступчив в убеждениях. Он представлял собой замечательно определенную и установившуюся личность. Любопытно, что посетители музея, зная его по имени и отчеству, в большинстве случаев долго, очень долго не знали его фамилии. И удачно, хотя и оригинально, в “Московских Ведомостях” его некролог был так озаглавлен: “Памяти Николая Федоровича” (без фамилии), и начинается трогательно простыми словами: “Не стало больше Николая Федоровича!” И все, все, кто его знал, мало сказать – уважали, но благоговели перед ним и не обращали внимания на его засаленный сюртук, продранные локти и иногда зимой валеные сапоги, и вообще производимое им, особенно на свежих людей, совершенно непрезентабельное впечатление. Екатерина Степановна Некрасова в своем прекрасном, прочувствованном некрологе Н. Ф. Федорова в “Русских Ведомостях” чистосердечно признается, что до сих пор краснеет при воспоминании, как, приняв его по костюму за музейского служителя,

будучи ему благодарна за какое-то мелкое библиографическое одолжение, на которые он был всегда так щедр, выслала ему двугривенный.

Милый, незабвенный Николай Федорович! Кто из частых посетителей Румянцевского музея в семидесятых и особенно восьмидесятых и девятидесятых годах не вспоминает о нем с задушевным чувством и искренней благодарностью? И в ком при известии о его смерти не шевельнулось чувство глубокой грусти? Все, кто сколько-нибудь серьезно работал в музее, всегда пользовались у Николая Федоровича радушным, приветливым приемом, и всем он охотно помогал своей огромной библиографической опытностью и выработанной постоянным упражнением библиографической сметкой. Все такие посетители бывали как будто гостями Николая Федоровича, в отношении к которым он был неизменно добрым хозяином. Постоянно бывало встречаешь в каталожной знакомые лица, точно это была одна большая семья. В разных углах каталожной и за столом, стоявшим в средине, в стороне от книжных шкапов, сидели обыкновенно "завсегдатаи", и все чувствовали себя, как дома, в кабинете, приятно и свободно. Часто принесет служитель целую охапку книг, так что иной раз и класть некуда. Где же успеть все пересмотреть до трех часов? Книги оставляются там, где они были положены, и никто их не переложит, разве оботрут с них пыль, и никогда книги не заваливались и не приходилось долго искать их, потому что Николай Федорович почти жил в каталожной и, вероятно, на досуге пересматривал все, что было на столах, иначе трудно себе объяснить неизменную сохранность всего. Николай Федорович всей душой уходил в свое дело и, казалось, как будто никогда и не выходил из каталожной. Если придешь слишком рано, он уж на своем месте, что-нибудь ищет или читает или приводит книги в порядок, роется в каталожных карточках. Но не надо думать, чтобы он копался над механической работой; он не сидит праздно, мысль его неустанно работает. Если случайно попадешь в музей в праздничный день и спросишь у швейцара, здесь ли Николай Федорович, почти всегда получаешь ответ: "Кого другого нет, а уж Николай Федорович всегда здесь, он уже давно пришел!" В самом деле, шаги глухо раздаются по коридорам, все пусто, попадаются одни сторожа или печники, а в каталожной уже Николай Федорович с каким-нибудь из его обычных гостей – и заняты делом, или он сидит один и, заинтересованный каким-нибудь вопросом, в свободные минуты что-нибудь читает, наводит справки. Другой просидит на его должности много лет и будет только отыскивать и доставать требуемые книги, а он, стоя у каталожного дела, всем интересовался, и живая мысль его постоянно требовала обмена мыслей, что делало его крайне сообщительным и близким ко всем частым посетителям музея и создавало ему поклонников; я знаю многих, которые, увлекаясь Николаем Федоровичем, этим, несомненно, очень умным и мыслящим человеком, готовы были с горячностью утверждать даже, что он был гений; многих трогало его безграничное благоговение перед наукой, но здесь он доходил до невероятных крайностей, отстаивая, например, совершенно невозможные мысли, будто наука будет, вечно развиваясь, все увеличивать счастье человечества, и договаривался наконец до того, что, благодаря науке, настанет пора, когда смерти не будет и даже все прежде умершие воскреснут. Мне жаль, если слова эти вызовут улыбку, что, конечно, очень возможно, но люди, знавшие Николая Федоровича, настолько уважали и любили его, что в этом парадоксе видели только крайнее, но искреннее увлечение, что и было справедливо.

Где и когда найдешь такого энтузиаста и такого самоотверженного человека, всецело жившего для других? Сидишь иногда в каталожной – хорошо и уютно у Николая Федоровича. Быстро летят часы – и вот бьет звонок, возвещающий о прекращении занятий, пора уходить, но это надо скрыть от Николая Федоровича, иначе он будет останавливать и уверять, что он все равно раньше пяти часов не уйдет из музея (официально в музее по утрам можно заниматься до трех часов), что еще рано и что у него есть свое дело. А иногда выходило неловко: другого спешного и неотложного дела бездна, и еще предстоит большое передвижение по Москве, и непременно надо уходить, но Николай Федорович баловства не любит и тотчас тоном грустного укора скажет: "вы уж бежать собрались? А я вот еще посижу, хочу такую-то книгу посмотреть!" Иногда, благодаря ему же, успеешь сделать все нужные справки, и в данное время остаться еще в музее значит уже терять время, которого так немного, а Николай Федорович заинтересуется справкой и без конца продолжает еще что-нибудь отыскивать, и не знаешь, как вырваться. Пришлют ему записи из читального зала с требованиями книг, а он, не ограничиваясь требованиями, соображает, что еще есть по данному вопросу, и, отыскав, посылает в виде сюрприза еще несколько относящихся к вопросу книг. Помню, однажды (кажется, в 1887 г.) Н. А. Белозер-

ская, приступая к своей известной работе о Нарежном, попросила меня справиться, не осталось ли каких-нибудь касающихся его документов в архиве Московского университета, и прибавила еще несколько вопросов, но ответы на все были получены только отрицательные. Прихожу к Николаю Федоровичу, он на целые дни ушел в поиски за Нарежным и в результате указал столько источников, что Надежда Александровна Белозерская была приятно изумлена и благодарила (у меня сохраняется ее письмо, написанное по этому поводу). И только раз было полное разочарование: академик Михаил Иванович Сухомлинов разыскивал какой-то листок, editio princeps (первоиздание. – *Сост.*) одной из од Ломоносова. Но тут уж и Николай Федорович не помог, так как это уж было нечто вроде желанья птичьего молока. И с полной готовностью он рылся и отыскивал для всех книги и источники и радовался, когда удавалось удовлетворить, но зато недолюбливал, когда кто-либо из его обычных посетителей долго не заглядывал в каталожную. Один давно умерший профессор мне сознавался, что ему неловко было показаться в Румянцевский музей: совестно перед Федоровым! Но Николай Федорович бывал резок, если кто-нибудь нечаянно затрогивал горячее патриотическое чувство или говорил какое-нибудь легкомысленное слово о науке; тут он был фанатиком. Я слышал, что за неуважительный отзыв о России он буквально выгнал из каталожной одного даровитого молодого ученого. Характера он был независимого и, относясь пренебрежительно к материальным благам, совершенно игнорировал сильных мира. Когда один из прежних директоров музея, никогда не заглядывавший в него, случайно проходил по коридору около каталожной, Николай Федорович громко, взволнованным голосом сказал: "нет, уж если ты получаешь синекуру, так уж ты и не ходи, не показывайся!" Особенно же он терпеть не мог людей, чья проповедь расходилась с словом, например, по вопросу воздержания и отречения от благ мира, и в глаза называл их притворщиками и лицемерами, на что имел полное право, живя, как францисканский или бенедиктинский монах. Однажды один директор музея, как рассказывает Е. С. Некрасова, высоко уважая Федорова и желая его извлечь из когтей нищеты, предложил ему другое место с лучшим содержанием. К великому его изумлению, Николай Федорович отказался. "А если бы вам предложили мое место?" – спросил директор. "И от него отказался бы!" – отвечал Федоров. Директор этот был, наверное, светлой памяти Михаил Алексеевич Веневитинов (ошибка – речь идет о В. А. Дашкове. – *Сост.*). Доброжелательный ко всем, будучи аристократом по рождению и привычкам, изящный и элегантный, он не мог видеть уважаемого человека почти в жалком рубище, но на этот раз этот высокой души человек не понял своего дорогого сослуживца и с сожалением и в крайнем недоумении должен был оставить его в покое... Расскажу еще один случай. Однажды случилось, что в каталожной все места были заняты (чего почти никогда не бывало) и вошел один сиятельный посетитель, занимавшийся наукой. Недовольный тем, что не мог найти себе место, посетитель обратился к Николаю Федоровичу с претензией, напоминая, что в каталожной, по правилам музея, не должно быть посторонних посетителей. "Если, ваше сиятельство, вы протестуете против нарушения правил, то прошу вас первого показать пример и уходить из каталожной", – сказал Николай Федорович.

Говоря о Николае Федоровиче Федорове, грешно было бы не вспомнить и о его друге, о такой же замечательной личности, как он, об Алексее Егоровиче Викторове, хранителе рукописей в рукописном отделении музея в конце семидесятых и начале восьмидесятых годов. [...] Викторов служил музею, как и Федоров, поистине "не за страх, а за совесть", и на скудное свое жалованье в свободные летние месяцы часто предпринимал поездки по архивам, библиотекам и монастырям с целью раздобыть недостающие в рукописном отделении Румянцевского музея редкости. [...] Викторов был такой же скромный и не блиставший внешностью человек, как и друг его Федоров, хотя и без крайностей последнего; когда его, одинокого и случайно заехавшего в Пятигорск приезжего, хоронили, то прислуга была удивлена, увидав его ордена и узнав, что он имел довольно высокий чин. Беседу Викторова очень ценили такие тузы науки, как покойные Буслаев и Тихонравов.

И такие люди были украшением Румянцевского музея недавно, на нашей памяти, а еще следует хотя вскользь упомянуть о гуманном, высоко образованном директоре музея, Михаиле Алексеевиче Веневитинове, о Николае Ильиче Стороженке, о Дмитрии Петровиче Лебедеве. И когда вспомнишь счастливое прошлое время, когда случайно в этом музее сгруппировалось несколько поистине замечательных и редких личностей, как-то становится грустно, что тогда казалось самым простым и обыкновенным, самым естественным делом, что в рукописном отделении во всякое время можешь встретить Алексея Егоровича Викторова и пользоваться его указаниями, или Дмитрия Петровича Лебедева, а в

каталожной милейшего Николая Федоровича. Этих людей все уважали и ценили, но как-то не приходила тогда мысль, что таких людей больше никогда и нигде не встретишь. Впрочем, то же можно сказать и о многих славных деятелях в других сферах. Вот пример. Недавно минуло десятилетие (в ноябре 1903 г.) со дня кончины Николая Саввича Тихонравова, которым во время его профессуры и ректорства гордился весь Московский университет, который был истинным и драгоценным украшением многих ученых обществ Москвы, который был известен как человек глубокой эрудиции и сильного, замечательного ума, и приятно было тогда всем так или иначе прикосновенным к университету или ученым обществам сознавать, что среди них или во главе их находится такой туз, такая крупная величина, человек такого высокого авторитета! И все это миновало и умчалось, и куда ты ушло, славное, дорогое время? И не думалось тогда, что все пройдет быстро, и останутся потом одни постепенно изглаживающиеся грустные и дорогие воспоминания.

Влад. Шенрок»

(«Исторический вестник», 1904, № 2, с. 663–670).

Газетные и журнальные некрологи, а также воспоминания Г. П. Георгиевского (их текст см. в наст. томе) были первыми печатными материалами о жизни и учении Федорова. Самый жанр этих первых откликов на кончину мыслителя диктовал определенную генерализацию: схватывалась, так сказать, суть человека, наносились монументальные линии, создавался общий портрет-идея. И уже были намечены те основные оценки личности Федорова, которые затем будут расширяться, дополняться, насыщаться новыми сведениями в работах его учеников – В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона, а также в воспоминаниях (Н. П. Петерсона, И. А. Линниченко и др.).

В некрологах, написанных теми лицами из окружения Федорова, которые или прямо считали себя учениками мыслителя (Ю. П. Бартенев), или были знакомы с его взглядами и в той или иной степени их разделяли (Е. В. Барсов, Г. П. Георгиевский), не просто был обрисован жизненный и духовный облик Федорова, но и делались первые попытки познакомить читателей с его идеями. Изложение учения здесь – неотъемлемая часть характеристики усопшего. Конечно, небольшой объем статьи-некролога не позволял особенно растекаться мыслью по древу, но и на малом пространстве текста, пускай отрывочно, пускай даже местами сумбурно, авторы стремились передать существо воззрений Федорова, общий пафос его мысли. Е. В. Барсов опирался на предсмертные речи Федорова, Ю. П. Бартенев набросал краткое резюме его идей, Г. П. Георгиевский в некрологе охарактеризовал Федорова как «замечательного философа и самостоятельного мыслителя», «глубочайшие и оригинальные воззрения» которого «привлекали к себе и Достоевского, и Владимира Соловьева», и затем раскрыл эту характеристику в своих воспоминаниях, изложив учение мыслителя в том виде, в каком он его знал и понимал, и приведя фрагменты сохранившегося у него плана-программы одной из статей Федорова.

Воскресительные идеи Федорова в некрологах о нем звучат напрямую, не скрываясь за темами отечествоведения и библиотечного дела, как в прижизненных печатных выступлениях философа и его учеников на страницах московских газет. Возможно, тому способствовала, как ни парадоксально, именно смерть: Федоров уже был изъят из разряда живущих, стал достоянием исторической и культурной памяти, и его жизнь и труды нужно было запечатлеть на ее скрижалях с наибольшей ясностью и полнотой. Кроме того, сыграло свою роль и потрясение от кончины человека, чаявшего победы над смертью и восстановления «всех умерщвленных». «Не верилось, – писал С. П. Бартенев, – что этот ополчившийся против смерти человек когда-нибудь умрет... Когда это случилось и я увидал его лежащего мертвым, помню, мир мне показался в овчинку, столь далеким, маленьким! Такого человека не стало» (С. П. Бартенев. Николай Федорович Федоров: Два разговора о воскрешении мертвых // Русский архив, 1909, № 1, с. 122). Именно в день похорон Федорова брат С. П. Бартенева Ю. П. Бартенев пишет его некролог, противопоставляя безжалостной логике факта (смерть «философа-праведника») «веру и надежду воскресения», призыв к деятельному участию в нем всего человечества, как бы реализуя излюбленный тезис своего учителя: «по физической необходимости» зарываем ушедшего в землю, по нравственной – восстанавливаем его в виде памятника, воспоминания; в данном случае – через воскрешение его облика, изложение дорогих ему идей.

В свете учения о воскрешении рассматривали Барсов, Бартенев, Георгиевский и жизненный уклад Федорова, и его деятельность в Румянцевском музее. Взаимосвязь мысли и жизни философа общего дела для них была очевидна. «Я особенно настаиваю на характеристике его жизни как *служения*, из-за которого совсем не было видно ни личной жизни Николая Федоро-

вича, ни службы его, понимаемых в обычном смысле», – писал Г. П. Георгиевский («Московские ведомости», 23 января 1904, № 23). Жизненный и духовный облик Федорова приобретал в описании близких ему людей житийные черты, рассматривался с точки зрения христианского подвига, причем речь шла об особом типе подвижничества – подвижничества в миру, одушевленного идеалом активного христианства (особенно этот акцент ощутим в некрологе, написанном Ю. П. Бартеневым). Перечисленные нами авторы некрологов, в сущности, предвосхитили позднейшее высказывание В. Н. Ильина о том, что Федоров единственный, или один из немногих, «философ с житием, а не с биографией» (В. Н. Ильин. О религиозном и философском мировоззрении Н. Ф. Федорова // Евразийский сборник. Политика, философия, Россиеведение. Кн. VI. Прага, 1929, с. 18).

В отличие от некрологов Барсова, Бартенева, Георгиевского, представлявших Федорова как религиозного мыслителя и учителя, некрологи, написанные Е. С. Некрасовой и В. И. Шенроком, в центр внимания ставили Федорова-человека, Федорова-библиотекаря и библиографа и не касались его религиозно-философских идей. Впрочем, В. И. Шенрок, превознося широчайшую образованность Федорова, величая его «очень умным и мыслящим человеком», как бы между делом обмолвился, что идеальный библиотекарь и библиограф иногда отстаивал «совершенно невозможные мысли»: в будущем «смерти не будет и даже все прежде умершие воскреснут», – и тут же принялся «извинять» в глазах просвещенных читателей странный «парадокс» Федорова, призывая видеть в нем «только крайнее, но искреннее увлечение», а отнюдь не принимать всерьез («Исторический вестник», 1904, № 2, с. 663–664).

Но такое игнорирование главной идеи, одушевлявшей и мысль, и жизнь, и библиотечную деятельность Федорова, – у Е. С. Некрасовой, скорее всего, по неведению и невниканию, у В. И. Шенрока вполне сознательное, – приводило к неизбежному искажению облика мыслителя. Излагались вроде бы те же факты, что и в некрологах Бартенева, Барсова, Георгиевского (говорилось и об аскетизме мыслителя, и о его служении ближним, и о библиотечных заслугах), но они звучали совершенно иначе, все акценты были другими. Не зная, не понимая и не принимая учения о воскрешении, не чувствуя той религиозной почвы, на которой сформировались образ жизни и личность Федорова, авторы указанных некрологов вольно или невольно пытались поместить умершего в понятную и привычную им секулярно-гуманистическую систему координат.

Так, и Е. С. Некрасова, и В. И. Шенрок представляют Федорова «идеалистом» и «альтруистом» до мозга костей: «Этот несравненный библиограф-энциклопедист существовал и трудился исключительно *ради других*, для того, чтобы помогать другим, облегчать *другим* их научные труды», – восклицает первая. «Где и когда найдешь такого энтузиаста и такого самоотверженного человека, всецело жившего для других?», – вторит ей последний. Но ведь Федоров был как раз критиком альтруистической морали («Альтруизм не может быть самым высшим началом и конечною целью, ибо в нем заключается страдание, хотя и добровольное, и пользование этим страданием, хотя бы и невольное» (Т. III наст. изд., с. 244)), и в противовес «антиномии эгоизма и альтруизма» выдвигал формулу высшей соборной нравственности: «Жить нужно не для себя и не для других, а со всеми и для всех».

Особенно ярко зависимость суждений о Федорове от собственных убеждений пишущего лица ощутима в некрологе Е. С. Некрасовой. Писательница-демократка, много лет занимавшаяся периодом 1840-х гг., и в частности творчеством А. И. Герцена, называет мыслителя «идеалистом сороковых годов». Попутно упоминает о том, что он «пострадал за свои убеждения», – неясный и неверный отголосок каракозовской истории (Н. П. Петерсона, к тому времени уже идейно порвавшего с ишутинцами, арестовали и допрашивали как бывшего члена кружка, задержали и допросили тогда и Федорова, как знакомого Петерсона, чем дело и ограничилось: никаких санкций к мыслителю применено не было (подробнее см. в примеч. к письму 1 (преамбула)). Между тем, называть Федорова «идеалистом сороковых годов» неверно не только хронологически (мыслитель родился в 1829 г. и в сороковые годы еще учился в Тамбовской гимназии, вдали от Москвы и Петербурга), но и по существу: этот мировоззренческий и духовный комплекс, наиболее яркими выразителями которого являлись В. Г. Белинский, Т. Н. Грановский, К. Д. Кавелин, был ему чужд. И уж совершенно противоположны были его убеждения убеждениям радикалов-ишутинцев (это хорошо иллюстрирует рассказ Н. П. Петерсона о первой беседе с мыслителем 15 марта 1864 г. // ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 7, л. 1 об.).

Интересно, что в рассказе Е. С. Некрасовой о раздаче жалованья нуждающимся (непременная тема большинства некрологов и воспоминаний о Федорове) фигурируют по-

чему-то только «бедные студенты». С точки зрения писательницы-демократки здесь все правильно: именно «бедным студентам», и непременно естественникам, режущим лягушек, вроде пресловутого Базарова, и должен был отдавать свое жалование «идеалист сороковых годов», а вовсе не каким-то там прозябающим семействам, жалким бродягам и пьяницам. Но из воспоминаний того же И. М. Ивакина явствует, что среди «пенсионеров» Федорова попадались и такие. А еще приходят на ум резкие, и весьма резкие, высказывания Федорова по студенческому вопросу («университетские недоноски усиливаются захватить власть, устроить эмбриократическое царство» (Т. III наст. изд., с. 245) и т. п.), – о них, кстати, писал и Г. П. Георгиевский в воспоминаниях, опубликованных в «Московских ведомостях».

В изображении Некрасовой Федоров выглядит эдаким благородным идеалистом-гуманистом-филантропом, не замечающим, так сказать, «зла и пошлости окружающей действительности» и неуклонно стремящимся «делать добро», готовым снять с себя последнюю рубашку (так же определяет его и В. И. Шенрок, который широко опирается на статью Некрасовой и всячески ее превозносит). Однако Федоров отнюдь не являлся прекраснодушным мечтателем, живущим в плену розовых иллюзий, и филантропом в расхожем значении этого слова он также не был, хотя и раздавал свое жалование нуждающимся, а в случае необходимости и последнюю рубашку снимал без лишних слов (В. А. Кожевников рассказывает, как однажды, в бытность учителем, он отдал все деньги одному из учеников на лечение больного отца, а потом продал свой вицмундир, чтобы оплатить его похороны // *В. А. Кожевников. Николай Федорович Федоров,* с. 30). К филантропии в том ее виде, в каком утверждалась она в «торгово-промышленной», капитализирующейся цивилизации, философ относился весьма отрицательно – достаточно вспомнить его выпады против благотворительной деятельности американского миллионера Э. Карнеджи и развитой им теории справедливого использования богатства (см.: Т. III наст. изд., с. 437, Т. IV наст. изд., с. 330; ср. в некрологе Е. В. Барсова: «...благотворительность *не во имя Христа*, а во имя какого-то *участка* была ему противна: бездушна она и не имеет никакой нравственной цены»). Секулярному понятию «филантропии» мыслитель противопоставлял религиозные понятия братской христианской помощи, милосердия и милостыни, которые должны быть движимы стремлением увидеть в каждом униженном человеке «образ и подобие Божие», чаянием всеобщего спасения и обожения. Более того, по убеждению мыслителя, единичная, частная благотворительность, зачастую сводящаяся лишь к денежным пожертвованиям, не способна действенно бороться со злом и несовершенством в мире, – для этого необходим соединенный общий труд. Не случайно так много в сочинениях Федорова говорится о «братских помочах и толоках» и даже всеобщее дело регуляции и воскрешения иногда называется им «общей помочью и толокою».

Отметим еще один «промах» в рассказе Е. Некрасовой, вызванный непониманием самых дорогих идей превозносимого ею «библиографа-энциклопедиста». Говоря о его службе в Музеях, писательница мимоходом бросает фразу об «отупляющем каталожном деле», от которой сам Федоров пришел бы в ужас и негодование: достаточно вспомнить его суждения о «карточке, приложенной к книге», этой матрице памяти о почившем авторе; о библиографии как «ключе знания» прошедшего; о библиотеках и музеях как очагах воспитания, неотделимого от любви к отцам и предкам, как центрах познания и исследования, одушевляемого любовью. (Подробнее о философии книги в трудах Н. Ф. Федорова см.: М. М. Панфилов. Книжная культурология: хроника необъявленной войны // Библиотековедение. 1999, № 3, с. 108–117.)

Характерно, что Н. П. Петерсон, ближайший ученик Н. Ф. Федорова, в одном из писем В. А. Кожевникову негативно отозвался о некрологах, помещенных в «Русских ведомостях» и «Историческом вестнике»: статьи «Шенрока и Некрасовой мне далеко не понравились; впрочем о Шенроке Н<иколай> Ф<едорови>ч отзывался всегда как о человеке очень тупом; о Некрасовой я не слыхал от Н<иколая> Ф<едорови>ча» (ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 29, л. 72 об. – 73).

Несоответствие «определений», даваемых Федорову в некрологах, с коренными его убеждениями было отмечено – и не без колкости – в небольшой памятной заметке, появившейся в первом, программном номере журнала «Весы» за 1904 г. (ее автором, по нашему предположению, был Н. Н. Черногубов, достаточно хорошо знакомый с учением философа): «“Это был удивительный человек!.. Добродетельный человек!..” – говорят о нем газетные и журнальные некрологи. И невольно припоминается знаменательная нелюбовь Н<иколая> Ф<едоровича> к “святейшему из званий”.

“Человек” – ничего не значит и ни к чему не обязывает – настоящее имя, неясное и пустое, для тех бессильных атомов, индивидуумов, на которые безнравственно дробится род разумных существ, забывая свое настоящее имя – “сын человеческий”, “сын умерших отцов”. Вот имя и вместе заповедь.

Ибо переживать можно или по малой любви или по великой вере. Интеллигенция, “непомнящие родства”, переживают по безнравственности, народ – по вере в воскресение. Интеллект без веры предается “бесцельному труду” или разочарованному “неделанию”; вера без дел мертва. Знание и вера должны соединиться в одном деле, в деле воскресения, в деле обращения слепой силы природы, рождающей и умерщвляющей, в управляемую разумом и живоносную.

Этим только делом и можно достойно помянуть “новоумерщвленного” старца» («Весы», 1904, № 1, с. 54).

Позднее А. К. Горский, автор биографического очерка о философе, предостерегал от соблазна судить о Федорове только на основе его жизненного поведения: «...учение Федорова гласило о полноте жизни, он вооружался против аскетизма, настойчиво подчеркивая его недостаточность, односторонность, бессилие; равным образом говорил о тщете частной и денежной благотворительности» (А. Остромиров [А. К. Горский]. Николай Федорович Федоров. 1828–1903–1928. Биография, с. 18–19). Для объяснения своеобразного «противоречия» писаний и жизни мыслителя, для «понимания постоянного *настроения* Федорова» (там же, с. 19), исследователь приводил высказывание Ю. П. Бартенева, сравнившего внутреннее состояние Федорова с состоянием «матери, у которой опасно болен ребенок» и которая направляет все свои силы на спасение любимого существа. Аскетический образ жизни для философа «всеобщего дела» не был самоцелью – он просто не мог жить иначе, не был для него высшей ценностью и альтруизм, а потому определения «альтруист», «идеалист», «аскет», не будучи сопряжены с параллельной характеристикой учения «всеобщего дела» («соборность», «активное христианство», «положительное целомудрие»), неизбежно были обречены на поверхностность.

Итак, в тех случаях, когда авторы некрологов воспринимали Федорова лишь как библиотекаря, библиографа и высоко нравственного человека, его образ неизбежно в той или иной степени подвергался искажению (или в лучшем случае страдал неполнотой). Когда же воспоминание об отшедшем было не только рассказом о его личности и жизни, но и исповеданием его веры, тогда оно было гораздо ближе к тому, чтобы постигнуть феномен Федорова. Ведь некоторые определяющие черты его личности и поведения, которые так поражали современников, обретали истинное свое значение лишь будучи пропущены сквозь призму его идей.

К примеру, практически все мемуаристы отмечали колоссальные познания Федорова, удивительную его память, способность давать глубокие и исчерпывающие ответы на самые сложные запросы читателей. «Это была прямо живая энциклопедия в самом лучшем смысле этого слова», – писал Георгиевский. Но ведь дело было не просто в феноменальной, так сказать, механической памяти Федорова. Мыслителю было дано какое-то удивительное восчувствие культуры как живого организма в морфологической целесообразности и взаимосвязанности ее частей и отраслей – поэтому каждый раз его рекомендация и совет обнаруживали не вершковую, назывательную популярно-энциклопедическую осведомленность, а знание истинное, глубинное, исследовательское. Впоследствии об этом хорошо писал А. Л. Волынский: «В нем всю жизнь память стояла каким-то пылающим светом, который он из своего рефлектора направлял всюду, куда оказывалось нужным в данную минуту. Прошлое всплывало в нем светящимися полосами, озаряя для каждого путника его дорогу. Эта неразрушимая связь с прошлым во всех его видах, в разнообразии исторических этапов, сказывалась во всех мелочах его жизни. Это был не архивариус, а живой сын минувших времен и поколений [...] в могучей диалектике этого человека, кроме стальной логики, прошлое и будущее смешивались вместе, спаянные историческим и моральным цементом. Светоносные отражения прошлого создавали какой-то иконописный ореол вокруг того общего дела жизни, который он называл проектом будущего. Отсюда эта изумительная насыщенность каждого его слова, каждого наброска его пера, каждой его беседы, с кем угодно и когда угодно на любую тему» (А. Л. Волынский. Воскрешение мертвых // РГАЛИ, ф. 95, оп. 1, ед. хр. 49, л. 2).

Именно такой способ рассказа о личности Федорова – с опорой на его идеи, с параллельным изложением учения, впервые опробованный в некрологах, лег затем как в основу

книги В. А. Кожевникова «Николай Федорович Федоров», так и в основу неопубликованных воспоминаний Н. П. Петерсона. – *623.*

[171] «Русский листок», 18 декабря 1903, № 348. Раздел «Московский дневник»: «Похороны Н. Ф. Федорова. Вчера в храме Скорбященского монастыря происходило отпевание тела бывшего хранителя Румянцевской библиотеки Н. Ф. Федорова. На отпевании присутствовали чины Румянцевского музея и архива министерства иностранных дел. Погребение совершено на кладбище монастыря». – *623.*

[172] Речь идет о письмах к Н. Ф. Федорову В. С. Соловьева от 12 января и от июня–июля 1882 и А. А. Фета от 6 декабря 1887 и от 7 октября 1892 (републикованы в Т. IV наст. изд., с. 629–631, 632–633). – *623.*

[173] Речь идет о Я. Ф. Браве (см. о нем примеч. 19 к разделу «Библиотеки и музейно-библиотечное образование» – Т. III наст. изд., с. 670). Сведений о *М. Я. Браво* найти не удалось. В письме Н. Ф. Федорова к В. А. Кожевникову от 19 мая 1900 г. (№ 224) упоминается о Екатерине Яковлевне Федоровой, жене его старшего брата Александра Федоровича Федорова. Можно, с большой, впрочем, долей сомнения, предположить, что Маргарита Яковлевна Браво была сестрой Е. Я. Федоровой. – *624.*

[174] По всей видимости, речь идет о Н. А. Чаеве (см. примеч. 2 к письму 5). – *624.*

[175] Известно несколько фотографий Н. Ф. Федорова в гробу, сделанных в разных ракурсах. Оригинал негатива, по свидетельству А. К. Горского, хранился у С. П. Бартенева (А. Остромиров [А. К. Горский]. Николай Федорович Федоров. 1828–1903–1928. Биография, с. 18; фотографии в настоящее время находятся в РГАЛИ в составе фонда П. И. Бартенева (РГАЛИ, ф. 46, оп. 10, ед. хр. 37), а также в ОР РГБ в составе фонда Н. П. Петерсона (ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 101)); копии негатива, сделанные в 1910-1920-е гг., хранятся в архиве А. К. Горского и Н. А. Сетницкого (собрание Е. Н. Берковской (Сетницкой)) и в рукописном фонде Музея-библиотеки Н. Ф. Федорова.

С Н. Ф. Федорова была также снята посмертная маска, хранившаяся у Н. Н. Черногубова (ср. в воспоминаниях Б. А. Садовского: « Квартира из трех комнат; в первой, приемной, с полу до потолка портреты Фета, всех возрастов и эпох, в углу его же гипсовый бюст, работы Ж. А. Полонской. Другой поменьше, сделанный Досекиным, на старом бюро; тут же маски Пушкина, Гоголя [...] и Н. Ф. Федорова, с прилипшими кое-где волосками от бороды философа» («Российский архив», вып. 1, с. 168). С этой маски Л. О. Пастернак сделал рисунок, который впервые был опубликован в журнале «Весы» (1904, № 1).

Что касается иконографии Н. Ф. Федорова, то она крайне скудна. Н. Ф. Федоров не разрешал себя фотографировать, признавая только иконописные изображения. Даже на коллективной фотографии сотрудников Румянцевского музея (воспроизведена в наст. томе) Н. Ф. Федорова нет. Известны наброски Л. О. Пастернака, сделанные тайно в 1890-е гг. в каталожной Музеев, пастельный портрет мыслителя, выполненный художником на основе этих набросков по заказу Ученой коллегии Румянцевского музея в 1919 г. (воспроизведен в Т. I наст. изд.), а также картина «Три философа (Толстой, Соловьев и Федоров)» (подробнее см.: Л. М. Коваль. Страница истории. Николай Федорович Федоров и Московский Публичный и Румянцевский музеи» (*Философия бессмертия и воскрешения*. Вып. 1. С. 240–242). В 1904 г. в «Весах» был опубликован рисунок М. И. Шестеркина «Н. Ф. Федоров на балконе Румянцевского музея». Недавно стал известен еще один портрет Н. Ф. Федорова кисти художника С. А. Коровина, хранящийся в фондах Музея истории г. Москвы (портрет впервые воспроизведен: «Душа Москвы». М., 1997, с. 341). Датирован он 1902 г. Н. Ф. Федоров на портрете изображен молящимся. Не исключено, что С. А. Коровин, так же как и Л. О. Пастернак, мог тайно сделать карандашные наброски с натуры, а затем по ним написать портрет. Судя по портрету, художник зарисовал Федорова в церкви (возможно, это был храм свт. Николая, что на старом Ваганькове, во дворе Пашкова дома, который мыслитель особенно любил). Кроме того, документально зафиксировано, что С. А. Коровин бывал в библиотеке Музеев. В «Книге собственноручной записи лиц, желающих заниматься в читальном зале» Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1893–1894 гг. находим и его фамилию: «4 мая. № 3177. Сергей Алекс<ееви>ч Коровин, художник живописи. Мясницкая, дом Московского художественного общества» (Архив РГБ, оп. 17, д. 17, л. 159 об.). – *624.*

[176] Н. Ф. Федоров был похоронен на кладбище Московского Скорбященского монастыря (в районе м. Новослободская). А. К. Горский в своей биографии мыслителя так описывал место его последнего упокоения: «Тело Николая Федоровича было предано погребению на кладбище Скорбященского женского монастыря, в настоящее время подвергшегося сильному разгрому и, как и все кладбища, находящиеся в пределах черты Ка-

мер-коллежского вала, предположенного к превращению в увеселительные сады и уже частично застроенного под рабочий городок. Там можно и сейчас разыскать его могилу в самом дальнем углу кладбища. Убогий, деревянный крест, сломанный в 1918–20 гг., в 1923 заменен черным чугунным. Накладное распятие сбито и сброшено. На дощечке помещены имя, отчество и фамилия, даты смерти и рождения (неправильно показан в качестве года рождения 1824). На перекладине креста сделана надпись: "Христос Воскрес"» (А. Остромиров [А. К. Горский]. Николай Федорович Федоров. 1828–1903–1928. Биография, с. 20). Обновление креста, о котором здесь пишет Горский, было сделано по инициативе его самого и философа-федоровца Н. А. Сетницкого. Средства на изготовление и установку креста дал сибирский кооператор В. В. Куликов, одно время серьезно увлекавшийся учением «всеобщего дела». В архиве А. К. Горского и Н. А. Сетницкого сохранилась фотография могилы Федорова, сделанная в 1925 г. На фотографии у могилы Сетницкий, Горский, В. Н. Миронович-Кузнецова, последовательница идей Н. Ф. Федорова в 1910–1920-е гг., и священник, служивший панихиду на могиле (воспроизведена в наст. томе). В конце 1927 – начале 1928 гг. московскими последователями идей Федорова во главе с А. К. Горским был начат сбор пожертвований «на ремонт памятника, окраску креста». «Вместо сорванного распятия, – сообщал А. К. Горский Н. А. Сетницкому, – будет изображение воскресшего Христа, сломанных ворот ада и встающих мертвецов (как на старинных иконах воскресения)» (письмо от 8 марта 1828 // Литературный архив Музея национальной литературы. Fedoroviana Pragensia. I, 328). Однако осуществить этот проект, по всей видимости, не удалось: в январе 1929 г. арестовали А. К. Горского, и в том же году кладбище Скорбященского монастыря было снесено (ныне на его месте находится детский парк № 1). В 1937–1838 гг., вернувшись из заключения и ссылки, Горский побуждал О. Н. Сетницкую, старшую дочь Н. А. Сетницкого, разузнать судьбу могилы Федорова. В одном из писем начала 1838 г. она писала ему о своих поисках: «Да, я ездила в Новодевичье кладбище, меня оттуда отправили в крематорий. В крематории сказали, что все кости с ликвидируемых кладбищ сжигали, а пепел сыпали в общую могилу; где общая могила – этого я не добилась. Сыпали-то наверно просто в землю без гробов. Так что это – там» (Собрание Е. Н. Берковской (Сетницкой)). Однако дальше дело не двинулось. В настоящее время разысканиями В. С. Борисова и Е. В. Прошечкина место могилы Федорова приблизительно установлено (см.: Е. В. Прошечкин. Поиски могилы Н. Ф. Федорова // Общее дело. Сборник докладов, представленных на I Всесоюзные Федоровские чтения, с. 234–237). – *624.*

[177] Речь идет о статье Н. Ф. Федорова, предназначавшейся для журнала «Новый путь» (см. примеч. 3 к письму 281). – *624.*

ПИСЬМА В. А. КОЖЕВНИКОВА Н. П. ПЕТЕРСОНУ

В настоящем разделе печатаются два письма В. А. Кожевникова к Н. П. Петерсону за 1902–1903 гг. (об их переписке и дошедших до нашего времени письмах см. преамбулу к разделу «Приложения» «Письма Н. П. Петерсона В. А. Кожевникову»).

[1] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 42, лл. 1, 4 об. Письмо написано в ответ на присылку Н. П. Петерсоном статей, опубликованных в начале второго этапа «асхабадской полемики» (подробнее см. преамбулу к разделу «Асхабадская полемика»). Письмо Н. П. Петерсона, на которое отвечает В. А. Кожевников, не сохранилось. – *625.*

[2] Речь идет о статье Н. Ф. Федорова «По поводу полемики о "Блаженной жизни"». – *625.*

[3] В статье Pensoso «Итальянская поэзия» («Асхабад», 7 января 1902, № 7) имя Ады Негри всюду было напечатано с двумя «д». Это была опечатка, на которую вскоре указал сам автор (см. «Асхабад», 20 января 1902, № 20). *Рубио (А. А. Рубио)* – настоящая фамилия публициста. – *625.*

[4] Речь идет о статье В. А. Кожевникова «Поэтесса вдумчивой скорби» (Т. IV наст. изд., с. 557–561). Об эпиграфе, поставленном Н. П. Петерсоном по просьбе Федорова в начале статьи «По поводу полемики о "Блаженной жизни"», см. примеч. 2 к разделу «Асхабадская полемика». – *625.*

[5] В. А. Кожевников имеет в виду следующие публикации в «Асхабаде»: статью Pensoso «Итальянская поэзия» (см. примеч. 3), стихотворение в прозе Pensoso «Жизнь не ждет» (5 января 1902, № 5), статью Н. П. Петерсона «По поводу статей о Народном доме» (30 декабря 1901, № 364), статьи Pensoso «Блаженная жизнь» (3 января 1902, № 3) и «Что

такое свобода совести?» (21 декабря 1901, № 355), статью Н. П. Петерсона «О свободе совести» (8 января 1902, № 8). – *625.*

[6] Речь идет о статье «Что такое "Народный дом"?», напечатанной в № 351 газеты «Асхабад» от 17 декабря 1901 за подписью «В.-Д.» (см. о ней: «Приложение», «К разделу "Асхабадская полемика"», примеч. 1). – *625.*

[7] См. примеч. 32 к разделу «Асхабадская полемика». – *625.*

[8] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 42, лл. 23–23 об., 25–25 об. – *626.*

[9] Это письмо Н. П. Петерсона было получено В. А. Кожевниковым 13 апреля 1903 г. Текст его не сохранился. Подробнее см. примеч. к письму 275 (преамбула). – *626.*

[10] Вместе с письмом Н. П. Петерсон прислал В. А. Кожевникову вырезки из газеты «Асхабад» со своей статьей о Горьком (см. примеч. 3 к письму 275). – *626.*

[11] В статье-рецензии «Развивается ли талант Горького?», посвященной выходу в свет третьего тома «Очерков и рассказов» писателя, *А. И. Введенский* (см. примеч. к письму 82 (преамбула)), печатавшийся в «Московских ведомостях» под псевдонимом *А. Басаргин*, указывал на стремление Горького не только представить новый в литературе тип «босяка», но и понять его философию, объяснить причины явления этого типа в русской жизни. Однако при этом, подчеркивал критик, молодой писатель неспособен противопоставить босяцкой философии положительный идеал, поскольку его собственные идеалы еще не установились, носят «зыбкий и подвижный характер» и, кроме того, тяготеют к ницшеанству. Между тем, по убеждению Введенского, противостоять ненормальности жизни искусство может лишь тогда, когда запечатлевает, в противовес этой ненормальности, картины нормальной, истинно человеческой жизни, когда оно воплощает высшие идеалы («Московские ведомости», 29 апреля 1900, № 117). – *626.*

[12] Н. П. Петерсон внял совету В. А. Кожевникова и отправил оттиски статьи о Горьком в журналы «Вопросы философии и психологии» (черновик его письма см. в Т. IV наст. изд., с. 628) и «Новый путь». Сведений о том, откликнулась ли редакция первого журнала, мы не имеем. Об отклике «Нового пути» см. примеч. к письму 276 (преамбула). – *626.*

[13] См. письмо 275, преамбулу и примеч. 1 к нему. – *627.*

[14] По всей видимости, речь идет о С. О. Долгове и каком-то инциденте в Московском Публичном и Румянцевском музеях, виновником которого он явился (см. письмо 275). – *627.*

[15] Об инициативе Н. Н. Черногубова выпустить в свет том сочинений Н. Ф. Федорова через посредство издательства «Скорпион» и предварительной работе по подготовке этого издания см. примеч. 187, 188, 191, 197 к «Статьям и заметкам разного содержания». – *627.*

[16] В свою статью о Горьком Н. П. Петерсон включил объемные куски текстов Н. Ф. Федорова (см. примеч. 3 к письму 275). Сделано это было по его собственной инициативе и без ведома Федорова, с которым у Петерсона еще в сентябре 1902 г. произошел полный разрыв отношений. В данном случае В. А. Кожевников держит сторону Федорова, негативно относившегося в последние годы жизни к самовольным выступлениям Петерсона с идеями учения «всеобщего дела», и не признает права ученика распоряжаться рукописями мыслителя без его на то согласия. – *627.*

Н. П. ПЕТЕРСОН – В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ»

Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 42, л. 24–24 об.

Черновик письма, которое Н. П. Петерсон по совету В. А. Кожевникова (см. его письмо к Н. П. Петерсону от 25 апреля 1903) намеревался послать в редакцию журнала «Вопросы философии и психологии» вместе со своей статьей о Горьком («Асхабад», 1903, №№ 78, 87, 88 (см. примеч. 3 к письму 275)). В письме он особенно обращает внимание редакции «на статьи 2 и 3» (т. е. на текст в №№ 87 и 88, основу которого составили большие фрагменты из II части «Записки»).

Получил ли Н. П. Петерсон какой-либо ответ редакции, неизвестно. В самом журнале отзыв на статью не появился.

ПИСЬМА Н. Ф. ФЕДОРОВУ РАЗНЫХ ЛИЦ

В настоящем разделе помещены все обнаруженные к настоящему времени письма к Н. Ф. Федорову (кроме писем В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона, которые выделены отдельно, и одного письма неустановленного лица от 7 октября 1897 г., печатаемого в наст. томе). Бóльшая часть этих писем хранится в собрании Н. П. Петерсона в ОР РГБ, письма А. А. Фета находятся в собрании поэта также в ОР РГБ (ф. 315), а письма В. С. Соловьева сохранились лишь в опубликованном виде.

Практически все письма к Н. Ф. Федорову лиц из его окружения, которые имелись у Н. П. Петерсона, были скопированы последним для III тома «Философии общего дела».

[1] Ранее опубликовано: *В. А. Кожевников*, с. 317–318; *Соловьев. Письма. II*, 345. Печатается по тексту первой публикации. Датируется на основании письма Н. Ф. Федорова Н. П. Петерсону от 12 января 1882.

Подлинники этого и следующего писем хранились вместе с бумагами Н. Ф. Федорова у В. А. Кожевникова и, по всей видимости, утрачены вместе с его архивом.

Письмо написано В. С. Соловьевым двумя днями спустя после прочтения рукописи Н. Ф. Федорова, содержавшей изложение учения «всеобщего дела». Об обстоятельствах знакомства философа с идеями Федорова см. примеч. 175 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве». – *629*.

[2] Ранее опубликовано: *В. А. Кожевников*, с. 318–319; *Соловьев. Письма. II*, 346–347. Печатается по тексту первой публикации.

Данное письмо должно быть датировано *июнем–июлем 1882 г.* В тексте настоящего издания указана датировка: «июль – начало августа», однако в процессе подготовки комментария она была уточнена.

Аргументы датировки таковы:

Письмо написано летом. На это указывают начальная фраза: «Приятель мой Цертелев еще в мае уехал в Петербург», выраженное в письме намерение повидаться с Н. Ф. Федоровым в Керенске, где мыслитель всегда проводил часть летнего отпуска (или даже весь отпуск), а также финальная фраза: «...хорошо бы приготовить к осени в литографию».

Письмо должно быть датировано 1882 годом. Это год первого, и наибольшего, сближения Соловьева и Федорова. Обращение «дорогой учитель», отсылающее к первому, январскому, письму Соловьева, характерно именно для этого времени. С 1883 г. в отношении Н. Ф. Федорова к В. С. Соловьеву наступает некоторое охлаждение и разочарование: он постепенно утрачивает надежду на то, что Соловьев публично выступит с изложением идей «всеобщего дела», негативно воспринимает католические симпатии философа. Это охлаждение не мог не чувствовать Соловьев, и вряд ли в это время его отношение к критиковавшему его мыслителю было столь же теплым, как в первый год их общения.

Кроме того, собственно философская часть данного письма, а именно мысли о значении Церкви как пути к осуществлению Царствия Небесного, также позволяет отнести его к 1882 г. Содержание письма прямо перекликается со статьей В. С. Соловьева «О Церкви и расколе», напечатанной осенью 1882 г. в № 38 газеты «Русь», и в нем можно видеть зарождение идей, развитых сначала в этой статье, а затем и в других работах теократического периода творчества Соловьева (см. примеч. 5).

Далее возникает вопрос, когда, в каком месяце лета было написано письмо Соловьева и где и когда его получил Федоров.

Во-первых, письмо В. С. Соловьева, по всей видимости, адресовано в Керенск. Там Н. Ф. Федоров находился со второй половины апреля 1882 г. Свидетельство на проезд «в разные города Российской империи» было выдано ему сроком на два месяца, и следовательно, официально он должен был вернуться в Москву в середине июня. Однако 16 мая 1882 г. Федоров пишет А. Е. Викторову, сообщая, что никак не может приехать раньше начала июня, и спрашивает, нужно ли вообще возвращаться к этому времени (15 июня Музеи уже закрывались на лето). Следует предположить, что согласие на продление отпуска Н. Ф. Федорову было дано и июнь он провел в Керенске, а вернулся в Москву лишь в первой половине июля (16 июля в конторе Музеев на его имя было выписано обычное свидетельство для проезда «в разные города Российской империи» сроком по 15 августа // Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 43).

После получения свидетельства Н. Ф. Федоров, по всей видимости, вновь уже не поехал в Керенск. На это указывают несколько фактов. Во-первых, в письме Н. Ф. Федорову от 1 сентября 1882 г. Н. П. Петерсон сообщает об опубликовании его братом,

Г. П. Петерсоном, в «Пензенских губернских ведомостях» «Исторического очерка Керенского края». Начата была эта публикация 9 июля, окончена – 21 августа. Если бы Н. Ф. Федоров во второй половине июля – начале августа был в Керенске, он несомненно следил бы за этой публикацией и сообщать ему о ней не было бы необходимости. Во-вторых, 20 июля Н. П. Петерсон отправил Л. Н. Толстому свою статью, излагавшую ряд воззрений Н. Ф. Федорова на искусство (см. примеч. 9 к разделу «Приложения» «Вокруг Федорова»), а подобные шаги он обычно делал самостоятельно, в отсутствие мыслителя; о самой же статье сообщил Федорову какое-то время спустя, по всей видимости, уже в августе (в том же письме от 1 сентября он отвечает на вопрос Федорова относительно содержания этой статьи).

Вопрос о том, где провел Н. Ф. Федоров вторую половину июля – первую половину августа 1882 г., остается открытым. Возможно, он находился в Москве, а может быть, жил какое-то время у Д. П. Лебедева – в дер. Егольники Рязанской губернии.

Итак, Н. Ф. Федоров находился в Керенске с середины апреля по первую половину июля 1882 г. Скорее всего, именно в июне – начале июля в Керенске он и получил письмо Соловьева, с которым, как следует из данного письма, они договорились, что Владимир Сергеевич навестит его летом в Керенске, посетив кн. Д. Н. Цертелева (см. примеч. 3). Хотя в принципе не исключено, что письмо было послано Соловьевым и позднее начала июля, когда Н. Ф. Федоров уже вернулся в Москву, – в таком случае мыслителю мог его переслать Н. П. Петерсон. – *629*.

[3] В. С. Соловьев собирался навестить Н. Ф. Федорова в Керенске во время своей поездки к кн. Д. Н. Цертелеву в его имение в с. Липяги Тамбовской губ., находившееся всего в 30 км от Керенска. – *629*.

[4] Слова «это Ваша собственная мысль» отсутствуют в публикации данного письма в собрании «Писем» В. С. Соловьева. Поскольку в этом собрании письмо печаталось по его публикации в книге В. А. Кожевникова, следует предположить, что пропуск этих слов – ошибка при перепечатке или при наборе, оставшаяся незамеченной. Выпущены в издании Э. Л. Радлова и примечания Н. Ф. Федорова на тексте письма Соловьева. – *630*.

[5] Данный тезис находит целый ряд соответствий в работах В. С. Соловьева конца 1882–1887 гг. Представление о Церкви как о воспитательнице и водительнице человечества (не совершенного ни физически, ни духовно) к Царствию Божию, к полноте благобытия положено в основу главы «О Церкви» книги «Религиозные основы жизни» (1882–1884), оно же присутствует в работе «История и будущность теократии» (1885–1887). Ср. рассуждения В. С. Соловьева в данном письме с соответствующими местами работы «Великий спор и христианская политика»: «Божественное начало Церкви должно не только пребывать и сохраняться в мире, но и *править* миром. Церковь, будучи неподвижной и неизменной святыней, должна быть вместе с тем и деятельной *властью*. Эта духовная власть Церкви руководит человечеством и ведет мир к его цели, т. е. к соединению всех в одно богочеловеческое тело, в котором все силы творения деятельно воплощают в себе единое Божество. [...]

Пока эта цель не достигнута и Бог не есть все во всех, дотоле необходимы и особая святыня Церкви (особые священные формы и формулы, в которые облекается божественное начало), и особая духовная власть, направляющая мир к его цели. Пока все человечество не возродилось духовно и не достигло полноты возраста Христова, оно нуждается в постоянном руководстве и управлении. В данном состоянии мира для совершения дела Божия недостаточно одних свободных сил человечества, но нужна еще вдохновляемая свыше власть, объединяющая эти человеческие силы и направляющая их действие к общей цели» (*Соловьев. 4,* 46–47). – *630*.

[6] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 81.

Адольф Петрович *Бушера* (1832–1911) – сослуживец Н. Ф. Федорова. Как следует из его личного дела, хранящегося в Архиве РГБ (оп. 126, д. 9), А. П. Бушера был иностранного происхождения. По окончании 3-й Московской гимназии, в 1851 г. был принят в число студентов Московского университета; учился на отделении естественных наук физико-математического факультета, которое и окончил в 1855 г. С 1857 служил бухгалтером типографии Московского университета, а 26 декабря 1862 г. занял должность смотрителя Московского Публичного и Румянцевского музеев, параллельно заведуя канцелярией. В августе 1871 г. библиотекарь Музеев Е. Ф. Корш обратился к В. А. Дашкову с ходатайством о назначении А. П. Бушера помощником библиотекаря, указывая на то, что Адольф Петрович обладает всеми качествами, необходимыми для замещения этой долж-

ности: он великолепно образован, начитан, владеет основными иностранными языками (латинским, французским, итальянским, испанским, немецким и английским). Директор одобрил рекомендацию Е. Ф. Корша, и уже с 1 сентября 1871 г. А. П. Бушера работал в библиотеке Музеев, не оставляя при этом и прежней должности смотрителя. Он проделал колоссальный труд по отбору дублетных изданий, как русских, так и иноязычных, составил и издал их каталоги. Однако в конце 1881 г. вновь вернулся в канцелярию Музеев на должность секретаря (при этом должность смотрителя за ним сохранилась) и проработал в ней до своего ухода со службы в связи с болезнью (1 апреля 1911). В течение ряда лет А. П. Бушера исполнял также функции казначея Музеев.

В 1871 г. А. П. Бушера принял российское подданство, а в декабре 1886 г. перешел в православие (ранее он был в лоне католической церкви), – при этом ему было наречено имя «Иосиф»; так что в официальных документах и Отчетах Музеев начиная с 1886 г. он именуется «Иосиф Петрович Бушера» (ср. также его подпись под коллективным письмом Н. Ф. Федорову от сотрудников Румянцевского музея – Т. IV наст. изд., с. 644).

Публикуемое письмо А. П. Бушера отправил Н. Ф. Федорову в Керенск, где тот по обыкновению проводил летний отпуск, работая вместе с Н. П. Петерсоном над изложением своего учения. – *631.*

[7] Речь идет об Н. И. Боборыкине (см. примеч. 2 к письму 118). – *631.*

[8] См. примеч. 9. – *631.*

[9] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 90, лл. 1–2 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 12, л. 19).

Дмитрий Петрович *Лебедев* (1851–1891) – историк-архивист, друг и сослуживец Н. Ф. Федорова. Родом из Рязани, где закончил гимназию с золотой медалью. Окончив в 1874 г. историко-филологический факультет Московского университета, в течение трех лет служил учителем русского языка в Иваново-Вознесенском реальном училище. В 1878 г. поступил в Петербургский археологический институт, где получил второе гуманитарное образование. В 1880 г. началась его служба в Московском Публичном и Румянцевском музеях сначала в должности помощника хранителя отделения рукописей и славянских старопечатных книг, а затем, после кончины А. Е. Викторова, – хранителем отделения (с августа 1883 г.).

Во время своей работы в Музеях Д. П. Лебедев составлял ежегодные отчеты по рукописному отделению Музеев, составил опись «Собрания историко-юридических актов И. Д. Беляева», изданную в 1881 г. к 50-летнему юбилею Румянцевского музея; много сил и труда посвятил разбору материалов, оставшихся после А. Е. Викторова, подготовив к печати предпринятую ученым «Опись рукописных собраний в книгохранилищах северной России» (издана в 1890 г.).

Своим самоотверженным, не знающим отдыха служением в Музеях Д. П. Лебедев был под стать Федорову: «Мягкий, тихий, в высшей степени деликатный, скромный по натуре, всегда готовый к услугам другим, он приобрел любовь всех служащих в музее. [...] Дела рукописного отделения были ему не менее близки и дороги, чем дела его родной семьи. [...] Он занимался делами отделения рукописей и старопечатных книг со всею любовью, не ограничиваясь временем обязательных часов, с 11-ти до 3-х. Он весь, всею душою отдавался тому кропотливому делу, которое ни для кого не видно, которое не дает ни славы, ни богатства, а только облегчает другим их ученые исследования. "Никак не справиться со всеми делами в будни, да отчего не поработать и в праздник?" – говаривал он, когда бывало его станут убеждать не утомлять себя так работою. Музейским же делом занимался он и вечером, придя домой» (Е. С. Некрасова. Дмитрий Петрович Лебедев // Русская старина, 1892, № 7, с. 218).

По-видимому, после умершего А. Е. Викторова, Д. П. Лебедев стал для Федорова наиболее близким и дорогим человеком среди его сослуживцев. Мыслитель приезжал к Лебедеву в дер. Егольники Рязанской губернии, где тот с семьей проводил лето (в Егольниках у его жены М. С. Лебедевой был собственный дом). О «многолетней дружбе» Федорова с Д. П. Лебедевым пишет В. А. Кожевников; он же коротко указывает и на влияние, которое оказал Н. Ф. Федоров на своего младшего друга, ориентировав его на изучение истории Рязанского края (см.: *В. А. Кожевников,* с. 18). Вскоре после создания в июле 1884 г. Рязанской ученой архивной комиссии Д. П. Лебедев стал одним из активных ее членов (с 28 октября 1884 г.).

Напряженные занятия в отделении рукописей и славянских старопечатных книг («работал днем, работал ночью, в будни, в праздники, зимой и летом» // Русская старина, 1892, № 7, с. 223) подорвали здоровье Д. П. Лебедева. 9 августа 1889 г. он подает в канцелярию Музеев прошение об отпуске «по болезни», прилагая к нему заключение лечащего

врача. Спустя полгода, в апреле 1890, следует новое ходатайство, 4 сентября – новое (см.: Архив РГБ, оп. 126, д. 32, лл. 56–58, 60 (Личное дело Д. П. Лебедева)). Возвращаясь из этих вынужденных отпусков, Дмитрий Петрович продолжает работать, буквально из последних сил. Однако болезнь стремительно прогрессирует. 20 августа 1891 г. появляется последнее прошение об отпуске на шесть недель, ему сопутствует медицинская справка: Д. П. Лебедев «страдает расстройством нервной системы и не может вернуться в срок к исполнению своих обязанностей» (там же, лл. 61–62). Затем последовал диагноз: «прогрессивный паралич». Вернуться после осеннего отпуска в Музеи Лебедев уже не смог. 8 декабря 1891 г. он скончался.

В уже цитировавшейся выше статье-некрологе Е. С. Некрасова так описывала прощание с Д. П. Лебедевым на вокзале (гроб с его телом перевозили на родину, в Рязанскую губернию): «Его спокойное, бледное лицо в гробу, с неподвижно-скрещенными на груди руками, и молодая жена, коленопреклоненная со свечою в руках у изголовья гроба, и рядом с ней три крошечные детские ручонки с поднятыми вверх восковыми свечами ... являются олицетворением жизненной трагедии, которая трудно, да и едва ли когда забывается. [...]

За гробом не тянулся кортеж экипажей и не много было провожатых, только те, кто случайно узнал о похоронах. Не было ни публикаций в газетах, ни отдельных приглашений. Дмитрий Петрович и уходил в вечное жилище так же скромно и тихо, как жил и трудился. И слава ему, скромному и верному себе до конца труженику!» («Русская старина», 1892, № 7, с. 224).

Письмо Д. П. Лебедева Н. Ф. Федорову написано из дер. Егольники Пронского уезда Рязанской губ. – в середине июня, получив в канцелярии Музеев на себя, жену и малолетнего сына свидетельство для свободного проезда «во все города Российской империи» (Архив РГБ, оп. 126, д. 32, л. 34), он уехал туда на лето вместе с семьей. Н. Ф. Федоров ехал вместе с ним до Рязани, откуда через сутки отправился в Керенск к Н. П. Петерсону: именно в Керенск и адресовано данное письмо. – *631.*

[10] Неустановленное лицо. Возможна и другая расшифровка: Ванички. В этом случае речь, по всей видимости, идет об Иване Петровиче Лебедеве, брате Д. П. Лебедева, служившем и жившем в Рязани. Упомянутые выше письма Н. Ф. Федорова к Д. П. Лебедеву не разысканы. – *631.*

[11] *Дмитрий Лебедев-сын* – второй сын Д. П. Лебедева, родившийся 13 июля 1884 г. *Жена* – М. С. Лебедева (см. о ней примеч. 44). *Костя* – первенец Д. П. Лебедева, родился 14 сентября 1881 г. (Личное дело Д. П. Лебедева // Архив РГБ, оп. 126, д. 32, л. 41). *Аграфена Тихоновна Протопопова* – теща Д. П. Лебедева. Ниже Д. П. Лебедев упоминает своего брата И. П. Лебедева. – *631.*

[12] Речь идет о Ф. И. Буслаеве. С Ф. И. Буслаевым Д. П. Лебедев был знаком еще со времен своей учебы в Московском университете (Буслаев был его учителем). Ответное письмо Д. П. Лебедева Ф. И. Буслаеву см. в наст. томе. О взаимоотношениях Ф. И. Буслаева с Н. Ф. Федоровым см. примеч. 2 к письму 43. – *632.*

[13] В указанном Д. П. Лебедевым номере «Правительственного вестника» от 10(22) июня 1884 г. было напечатано сообщение о докладе, который Ф. И. Буслаев сделал 31 мая того же года в Императорском обществе любителей древней письменности. Доклад был посвящен состоявшемуся незадолго до этого торжественному поднесению последнего труда Ф. И. Буслаева «Свод изображений из Лицевых Апокалипсисов по русским рукописям с XVI-го в. по XIX» императору Николаю II и императрице Александре Федоровне. – *632.*

[14] Впервые письмо А. А. Фета к Н. Ф. Федорову было опубликовано В. А. Кожевниковым, поместившим его в приложении к своей книге «Николай Федорович Федоров» (с. 319–320). В подстрочном примечании к данному письму В. А. Кожевников указал: «Неизданное; передано в мое распоряжение Н. Ф. Федоровым; подлинник находится у меня» (там же, с. 319). Имевшийся у Кожевникова подлинник письма был утрачен вместе с его архивом.

В личном фонде А. А. Фета в ОР РГБ хранится копия данного письма, выполненная рукой Н. П. Петерсона (ОР РГБ, ф. 315, к. 4, ед. хр. 40, л. 2–2 об.).

В настоящем издании письмо А. А. Фета печатается по первой публикации с учетом рукописной копии.

С Н. Ф. Федоровым Афанасий Афанасьевич *Фет* (1820–1892) познакомился вскоре после своего переезда в 1881 г. в Москву. По всей вероятности, их знакомство произошло при непосредственном участии Л. Н. Толстого, который переселился в старую столицу осенью того же года и тогда же сошелся с Федоровым (в «Письме к издателю "Русского

Архива”. По поводу отзыва Ф. М. Достоевского о Н. Ф. Федорове» Н. П. Петерсон сообщает, что с Фетом Н. Ф. Федоров познакомился в доме Толстого (см.: «Русский архив», 1904, № 5–6, с. 301)).

Контакты философа и поэта были наиболее интенсивными в начале 1880-х годов, в пору наибольшего сближения Федорова с Толстым (в печатаемом письме Фет вспоминает «дружелюбные» беседы всех троих в московском доме Толстого в Хамовниках). Но и позднее, когда идейные взаимоотношения Федорова и Толстого резко обострились и Н. Ф. Федоров практически перестал бывать в доме Толстых, А. А. Фет общался с мыслителем в библиотеке Московского Публичного и Румянцевского музеев. В 1880-х годах он активно занимался переводами римских классиков и потому периодически там появлялся.

Одним из немногих источников к теме «Н. Ф. Федоров и А. А. Фет» являются воспоминания И. М. Ивакина. В 1887 г. Ивакин помогал Фету в редактировании ранее сделанного поэтом перевода «Элегий» Проперция и часто бывал в его доме. Фрагмент воспоминаний Ивакина, относящийся к этому сюжету, опубликован Т. Г. Никифоровой: «Октябрь», 1996, № 9, с. 148–157. Из него мы, в частности, узнаем о посещении Фетом библиотеки Румянцевского музея в январе 1888 г. В публикуемых в Т. IV наст. изд. фрагментах воспоминаний упоминается, что в том же году Н. Ф. Федоров, стремясь помочь Н. П. Петерсону, срочно нуждавшемуся в деньгах для уплаты задолженности за дом, просил И. М. Ивакина «побывать» у Фета и рассказать о беде Петерсона, в надежде, что поэт откликнется и поможет необходимой суммой.

Интересно сравнить приведенные И. М. Ивакиным высказывания А. А. Фета о Толстом с мнениями о нем Н. Ф. Федорова, которые подробно записывались мемуаристом. Из свидетельств Ивакина следует, что Фет, так же, как и Федоров, считая Толстого великим художником, критически оценивал его религиозное учение и не соглашался с толстовским толкованием христианства: «...он заговорил про Л<ьва> Н<иколаеви>ча: у него пропасть таланта, художественного ума, но теперешнее его дело – пустяк, потому что определенного-то нет ничего. – “Если бы он говорил, что есть слоны, что они живут на луне, да прибавил бы, что я так верю, и толковать бы не об чем. А то... определенного-то нет. Ему пишут из Америки, что если он хочет, чтобы составилась секта, исповедующая его учение, пусть пришлет суть своего учения, так чтобы все это не превышало трех столбцов, они напечатают в миллионе экземпляров и распространят – а он не может! Владимир Соловьев – это, я понимаю, христианин. Он говорит, что без веры в воплощение и искупление нет христианства. Это – определенно. А мораль христианская и вся-то пятачка не стоит! Кто-то наследит землю в заповедях блаженства – какую землю, где, не сказано, а толковать можно разно. Одни говорят, что землю это значит землю в Астраханской губернии, другие говорят – землю это значит никакой земли... Словом, это все слова, допускающие противоположные толкования. Да и в древности кто не знал всего этого? Буддисты, например, знали. А определенное в христианстве это – воплощение и искупление. Это я понимаю, а это-то все и отрицает Л<ев> Н<иколаеви>ч!”» («Октябрь», 1996, № 9, с. 149).

А. А. Фет принадлежал к числу тех лиц из окружения Н. Ф. Федорова, которые были знакомы с его идеями. В заметке «Небольшой эпизод в истории Москвы 1892 г. или колоссальный проект» Н. Ф. Федоров указывает на то, что А. А. Фет «принимал некоторое участие» (правда «непрямо») в учении о воскрешении, однако что именно имеется в виду – знакомство с учением или его распространение, установить трудно, не имея дополнительных данных.

Вопрос о том, насколько понимал и принимал Фет идеи Федорова, остается открытым. С одной стороны, в печатаемом письме он выражает свое восхищение «духовным капиталом» мыслителя. С другой стороны, по своему мировоззрению Фет был близок Шопенгауэру и именно с немецким мыслителем ощущал глубокое идейное и духовное родство.

В стихах позднего Фета есть интонации, роднящие его с Федоровым. Тема хрупкости человеческого существования, безжалостности уходящего времени, в котором исчезают лица, события, судьбы; образ смерти, неумолимо стоящей перед человеком – всем этим напоена фетовская поэзия 1881–1892 гг. Однако путь преодоления трагизма смертного бытия у Фета достаточно традиционен: смирение («Учись у них – у дуба, у березы...») или, напротив, стоицизм («Смерти» («Я в жизни обмирал и чувство это знаю...»)). Свобода от природной необходимости обретается в мечтах («Все, все мое, что есть и прежде было...») и в творчестве («Одним толчком согнать ладью живую...»), но это творчество лишь второй, совершенной реальности, не соприкасающейся с действительной жизнью, в которой так же, как и прежде, царствуют болезни, старость, смерть.

Примечательно, что в личном фонде А. А. Фета в ОР РГБ хранится черновик одной из трех проповедей Н. Ф. Федорова, написанных им в Воронеже в 1898 г. (через 6 лет после смерти поэта), а именно: «Беседа в храме кадетского корпуса по поводу циркуляра 12 августа о сокращении вооружений». Возможно, он оказался среди бумаг Фета через посредство Н. Н. Черногубова, занимавшегося наследием поэта и общавшегося с Федоровым в последние годы его жизни. – *632*.

[15] Расшифровка Н. П. Петерсона: «Хороший». – *632*.

[16] Екатерина Владимировна *Федорова* (в замужестве – Кудрявцева) – секретарь А. А. Фета в 1886–1892 гг. – *632*.

[17] Печатается по: ОР РГБ, ф. 315 (А. А. Фет), к. 4, ед. хр. 40, л. 1.

Письмо написано рукой неустановленного лица (предположительно – рукой Е. В. Федоровой), по всей видимости, под диктовку. Подпись и приписка на тексте письма принадлежат самому Фету. – *633*.

[18] Письмо написано за полтора месяца до кончины поэта, последовавшей 21 ноября 1892 г. По всей видимости, Н. Ф. Федоров выдал А. А. Фету книги на дом, что в Музее делалось лишь в самых редких, исключительных случаях (регулярно такой привилегией пользовался лишь Л. Н. Толстой). – *633*.

[19] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 79 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 12, л. 1).

О Ю. П. Бартеневе и его взаимоотношениях с Н. Ф. Федоровым см. примеч. 3 к письму 97.

Поводом к данному письму послужили следующие обстоятельства.

В сентябре 1892 г. Ю. П. Бартеневым была написана для журнала «Русский архив» статья «Святой Сергий Радонежский», приуроченная к 500-летнему юбилею кончины преподобного. Написать эту статью Юрий Петрович решил после того, как его отец, П. И. Бартенев, отклонил статью о преп. Сергии, представленную в журнал в августе Н. Ф. Федоровым. 21 августа 1892 г., находясь в своем имении в с. Звягино, Юрий Петрович писал отцу: «Неужели ничего не будет в 9 № по поводу юбилея Сергия? По-моему, это было бы непозволительно. Если нет ничего, то напиши заметку о житии Св. Сергия, составленном Екатериной II, а пройти молчанием это событие значило бы совсем оказаться несостоятельными» (РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 584, лл. 308 об. – 309). Приехав в Москву 11 сентября и получив на руки сентябрьский номер журнала, на следующий же день он делился впечатлениями с отцом: «О Сергии жидковато. Напрасно отказался поместить статью Николая Федоровича. Пусть ты и прав, но все же лучше бороться с ветряными мельницами, чем кланяться золотому тельцу» (там же, л. 345).

Составляя свою статью, Ю. П. Бартенев опирался на заметки Н. Ф. Федорова о преп. Сергии Радонежском, вкрапляя в свой текст как целые фразы, так и отдельные федоровские обороты и выражения. От Федорова шла и основная идея статьи: Ю. П. Бартенев утверждал значение преп. Сергия как сугубого почитателя Пресвятой Троицы, видевшего в Триедином Боге образец для человеческого общежития: для Сергия «и для народа, – заключал он, – догмат Троицы не является непостижимым, а потому не оказывающим воздействия на жизнь, но имеет практическое, живое значение в противоположность отвлеченному [Богу ислама], имеет значение *заповеди*, “зерцала”, которое необходимо иметь перед глазами для праведной жизни. Вот почему во главу своего дела, т. е. собирания и освобождения под руководством Москвы земли Русской, Сергий положил собственноручное сооружение храма Св. Троицы: ибо в Троице “нераздельной” осуждаются усобицы и требуется собирание, а в Троице “неслиянной” осуждается иго и требуется освобождение» («Русский архив», 1892, № 10, с. 233).

Стремясь представить тот исторический и духовный контекст, в котором формировалась личность подвижника, вызревало его исповедание Пресв. Троицы, Ю. П. Бартенев подробно останавливался как на внутренних усобицах Московского царства, так и на борьбе Руси с внешними врагами, с татаро-монголами. Указывал на неуклонное ослабление Византии, на усиление мусульманства. При этом борьбу магометанства с христианством он представлял, вслед за Федоровым, как столкновение двух противоположных идеалов миро- и жизнеустроения: идеала безусловного подчинения, господства, розни и идеала родственной любви, многоединства.

После выхода в свет 10 номера журнала «Русский архив», где была напечатана статья Ю. П. Бартенева, в газете «Московские ведомости» под рубрикой «Дневник печати» появилась заметка: «Сергий Преподобный и Троица» (24 октября 1892, № 295). Ее автор, соглашаясь с важностью темы статьи, указывал на натянутость некоторых рассуждений

Бартенева, особенно в той ее части, где речь шла о причинах «подчеркнутого почитания» Св. Троицы преп. Сергием (в качестве примера был приведен процитированный выше фрагмент, фактически представлявший собой несколько переиначенный текст самого Федорова). «Особенно ложно предположение автора, – подчеркивал далее рецензент, – будто бы "непостижимая" вера "не оказывает воздействия на жизнь". Из-за этой ошибки автор хочет *веру* Св. Сергия вогнать в *рассуждение*. Конечно, ничего подобного не было. Но важен и справедлив факт, – тут рецензент на стороне Бартенева, – что именно против "Аллаха" должен был с особенною ясностью выдвинуться догмат Св. Троицы. Не политические соображения вызывали это, а наоборот, чувство веры приводило к участию в судьбах *православной* страны».

По всей видимости, выход рецензии «Московских ведомостей» болезненно воздействовал на Федорова – тем более, что в натянутости обвинялись те рассуждения Бартенева, в которых он использовал его собственные тексты. Кстати, Ю. П. Бартенев, имея благое намерение предать публичности мысли Федорова о преп. Сергии и почитании им Троицы «как образца единодушия и согласия», действительно излагал их отрывочно, порой не очень внятно. По ходу статьи бегло, тезисно обозначались те или иные историософские построения Федорова, но содержание их никак не пояснялось – во многом поэтому и возникало ощущение умозрительности и «натянутости», смутившей рецензента «Московских ведомостей». Так, например, мысли Федорова о борьбе земледельческих народов с кочевыми, протекающей на арене мировой истории, и о возможном их примирении в деле регуляции, о России как «умиротворительнице Ислама», – пояснению которых в его сочинениях была посвящена не одна страница, – Бартеневым были сжаты до половины абзаца: «... борьба между христианством и магометанством необходима. Начатая с возникновения исламизма, она до сих пор еще не прекратилась. Мусульманство распространяется медленно, но верно до нашего времени. Оно охватило почти всю Африку, заняло половину Азии и теперь постоянно подвигается на Восток. Лишь в Русских владениях христианство, хотя понемногу, обращает мусульман. Только под Русским владетельством еще и можно надеяться на успехи в будущем. Изображая этот антагонизм в виде борьбы земледелия с кочевничеством (ибо исламизм есть религия по преимуществу кочевых народов), можно сказать, что лишь тогда будет окончательно низринуто могущество Аллаха и крест вознесется над полумесяцем, когда вся степь будет обращена в ниву» (там же, с. 225).

В том, что основная идея статьи Бартенева не была до конца понята и воспринята автором рецензии, Н. Ф. Федоров винил самого Юрия Петровича. Как можно предположить из печатаемого письма (обещание: «И ни одна строка не будет напечатана без Вашей цензуры»), Ю. П. Бартенев не показал мыслителю готовую статью перед отправкой в набор, в чем Федоров его тоже упрекал. – *633*.

[20] Речь идет о письме Н. Ф. Федорова, написанном по поводу речи архимандрита Антония Храповицкого «Нравственная идея догмата Пресв. Троицы» и переданном о. Антонию через Г. П. Георгиевского (подробнее см. примеч. 23 к I части «Записки» – Т. I наст. изд., с. 469–470 и письмо 71). – *633*.

[21] В ответе «Московским ведомостям» («По поводу заметки о Св. Сергии Радонежском» // Русский архив, 1892, № 11, с. 352) Ю. П. Бартенев писал: «Я вполне могу согласиться, что тема для меня была очень трудна. С глубоким чувством своей слабости и писал я эту статью; но молчание нашей печати побудило меня преодолеть самолюбивую нерешительность и сделать то, что́ было в моих силах. Твердо уверен я и хорошо знаю, что есть люди, которые могли бы с бо́льшею основательностью и последовательностью, с бо́льшим блеском развить мысль, положенную в основание моей статьи; но они безмолвствуют и, сколько я знаю, только отец ректор Московской Духовной Академии, архимандрит Антоний, в силу своей глубокой нравственной чуткости, нашел странным такое молчание и счел необходимым произнести в день чествования памяти Преподобного слово "о нравственном значении догмата Св. Троицы". Если бы такое авторитетное лицо коснулось взятой мною темы, то, конечно, она перестала бы быть скользкою. Однако несомненно явствует и из моей статьи, что: 1) Сергий создал первый храм Св. Троицы в Московском государстве; 2) что Св. Троице поклоняются все христиане, а мусульмане в ней видят оскорбление Аллаха, что 3) Св. Сергий более чем кто-либо другой способствовал объединению России. Неужели эти три явления не имеют между собою связи?

Позволю себе попенять рецензенту за то, что он сам в своей критике допускает натянутость. Совершенно напрасно приписывает он мне предположение, будто бы непостижимая вера не оказывает воздействия на жизнь. Это не мое утверждение, а обычный из-

битый довод узкого рационализма. Именно против такого узкого понимания, которое признает право на существование лишь за тем, что́ можно "свесить и смерить", и направлена моя статья. Я усердно старался показать, что вера Св. Сергия не могла быть плодом отвлеченного умствования». – *633*.

[22] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 90, лл. 1–2.

Это и следующее письмо И. А. Борисова (см. примеч. к письму 80 (преамбула)) к Н. Ф. Федорову связаны с обстоятельствами работы над их совместной статьей «К вопросу о памятнике В. Н. Каразину». В начале декабря Н. Ф. Федоров передал И. А. Борисову свою записку к IX Съезду естествоиспытателей, на основе которой последний и должен был составить статью для журнала «Наука и жизнь». – *634*.

[23] Речь, по всей видимости, идет о Ю. П. Бартеневе. – *634*.

[24] Вероятно, речь идет о Б. И. Срезневском, заведующем метеорологической лабораторией Московского университета, в 1893 г. возбудившем ходатайство о перенесении этой обсерватории на бельведер Пашкова дома: см. примеч. 289, 294 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 632–634. В указанном комментарии была высказана гипотеза о том, что данный проект был внушен Б. И. Срезневскому самим Федоровым. Одним из аргументов в пользу этой гипотезы служит документально установленный факт, что Б. И. Срезневский в 1893 г. посещал Библиотеку Московского Публичного и Румянцевского музеев. В «Книге собственноручной записи лиц, желающих заниматься в читальном зале. 1892–93» под датой «16 апреля 1893» значится его запись: «Борис Срезневский, приват-доцент Имп<ераторского> университета. У храма Спасителя, д. Кашина, кв. 24» (Архив РГБ, оп. 17, д. 16, л. 137). – *634*.

[25] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 80, лл. 3–4. Об обстоятельствах написания данного письма см. примеч. 22. Ответ Н. Ф. Федорова последовал между 22 и 25 декабря 1893 (№ 80). – *634*.

[26] Вероятно, описка, и должно быть «Recherches». Этот термин использовался в названиях целого ряда научных исследований (как многотомников, так и периодических изданий), выходивших на французском языке. – *634*.

[27] Как была подписана И. А. Борисовым рукопись статьи, неизвестно. В конечном итоге в журнале «Наука и жизнь» она появилась с подписью «И. Б.». – *634*.

[28] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 96 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, л. 311). Внизу второго листа письма, под подписью В. И. Срезневского рукой Н. Ф. Федорова сделано две приписки: «*получ<ено> 12 июня*» и «Сумцов Никол<ай> Федор<ович>». О В. И. Срезневском и обстоятельствах посылки данного письма см. примеч. к письму 85 (преамбула). – *635*.

[29] О В. М. Владиславлеве см. примеч. к письму 105 (преамбула). – *635*.

[30] См. примеч. 306 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 636. – *635*.

[31] Мысль об организации «учено-литературного общества имени Каразина» оказалась близка самому В. И. Срезневскому. В своей заметке «Харьков, 15 июня», напечатанной в разделе «Внутренние известия» газеты «Русские ведомости» от 21 июня 1894 г. (№ 169), где шла речь о мероприятиях по увековечению памяти В. Н. Каразина, он подробно остановился на этом проекте, упомянув и идею Н. Ф. Федорова о создании метеорологической обсерватории им. В. Н. Каразина на бельведере дома Пашкова, выраженную в статье «Вопрос о Каразинской метеорологической станции в Москве»: «Другой известный профессор Харьковского университета Н. Ф. Сумцов, в целях увековечения памяти основателя университета достойным его образом, составил проект учреждения при университете нового ученого Общества имени Каразина. Проект этот уже представлен на разрешение. Надо заметить, что Каразин имеет, несомненно, не местное только значение, и потому в органах печати, издающихся и вне Харькова, нередко встречаются указания на его заслуги, на необходимость почтить его память соответствующим научным учреждением; между прочим в виду значения Каразина в истории русской метеорологии не раз поднималась речь об основании метеорологической обсерватории его имени. Конечно, проектируемое ученое Общество еще полнее выразит значение Каразина. Нельзя сомневаться, что учреждение его вызовет сочувствие в очень широких кругах и привлечет достаточные средства». – *635*.

[32] Предложение Н. Ф. Сумцова о постановке небольшого бюста при входе в ботанический сад Харьковского университета В. И. Срезневский пересказал в своей корреспонденции для газеты «Русские ведомости» (см. примеч. 31), заметив, что это было бы наиболее целесообразным решением: тогда часть собранных денег могла бы быть употребле-

на и «на ученое Общество с научными при нем учреждениями, которые будут посвящены имени того же Каразина» («Русские ведомости», 21 июня 1894, № 169). – *635.*

[33] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 77 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 303).

Сергей Петрович *Бартенев* (1863–1930) – один из сыновей П. И. Бартенева. Окончил Московскую консерваторию по классу рояля, где учился в классе С. И. Танеева. В 1887–1896 гг. преподавал музыку в Николаевском сиротском институте и других институтах и пансионатах, ездил с концертами по России; в 1892 г. совершил большое путешествие по Кавказу и Средней Азии, давая концерты в Тифлисе, Самарканде, Ташкенте, Асхабаде (описание своей поездки дал в цикле «Письма пианиста» (1892)). В 1894 посетил Египет, Палестину, Сирию (цикл очерков «Поездка на восток» (1894)), дал концерты в Константинополе и Лондоне, в следующем году играл в Каире и в Афинах. В 1896–1899 гг. жил за границей, совершенствуя свое исполнительское мастерство и периодически давая концерты. Вернувшись в Россию, продолжал концертную деятельность, преподавал в Театральной школе и в музыкальной школе им. Гнесиных. С 1902 г. работал в Дворцовом управлении, исполняя должность хранителя Кремля; составил «Исторический указатель Большого Кремлевского дворца», выдержавший до 1917 г. 5 изданий; выпустил в свет два тома фундаментального исследования «Московский Кремль в старину и теперь» (Т. 1–2. М., 1912–1916), практически подготовил к печати третий том. После революции остался в России. В 1921–1922 гг. занимал кафедру по онтологии и истории музыки во Дворце искусств и в Высшем литературно-художественном институте, с 1923 г. читал курсы лекций в различных учебных заведениях, выступал с просветительными лекциями, сопровождая их исполнением музыкальных программ.

С Н. Ф. Федоровым С. П. Бартенев сблизился в конце 1894 г. Историю его знакомства с учением мыслителя можно восстановить по дневнику С. П. Бартенева (см. републикацию фрагмента дневника в наст. томе). Ее же Сергей Петрович описал в статье «Николай Федорович Федоров. Два разговора о воскрешении мертвых» («Русский архив», 1909, № 1, с. 119–122). В этой статье С. П. Бартенев представил дело так, как будто впервые о главной идее Н. Ф. Федорова – необходимости «воскресить всех умерших» – он услышал от И. М. Ивакина. Однако это вряд ли соответствует действительности: брат С. П. Бартенева Ю. П. Бартенев был учеником мыслителя и не мог не говорить с ним о воззрениях своего учителя. Кроме того, о федоровском учении знал П. И. Бартенев и имел по этому поводу свое суждение.

В дневнике С. П. Бартенева отмечены даты посещения каталожной библиотеки Музеев и сделаны записи его разговоров с Н. Ф. Федоровым (в ряде случаев это подробный рассказ, в других – одна-две фразы). Даты этих встреч: 7 декабря 1894 г., 10 сентября, 22 и 30 октября, 9 и 24 декабря. При сопоставлении содержания стихотворения С. П. Бартенева с указанными записями можно сделать вывод о том, что почву для него подготовили три разговора с мыслителем (7 декабря 1894, 10 сентября и 30 октября 1895), а последний разговор – 30 октября – дал непосредственный толчок к созданию стихотворения.

Более того, стихотворение С. П. Бартенева упоминается в письме 110, которое не могло быть написано ранее ноября 1895 г. (см. примеч. к письму 110 (преамбула)), а в дневниковой записи С. П. Бартенева от 24 декабря 1895 г. приводится ответ Н. Ф. Федорова на его стихотворное послание. Учитывая все вышеизложенное, можно уточнить датировку письма С. П. Бартенева, предложенную в Т. IV наст. изд. (при подготовке этого тома текст дневника С. П. Бартенева еще не был нам доступен), и отнести это письмо не к промежутку между 7 декабря 1894 и концом октября 1895 гг., а ко времени между 30 октября и началом декабря 1895 г.

Получив письмо С. П. Бартенева, Н. Ф. Федоров набросал собственный вариант стихотворения в прозе («Набат к светским и духовным, православным и инославным, военным и гражданским, к 3-ему Риму» – см. Т. IV наст. изд., с. 153–154), а также написал С. П. Бартеневу большое письмо с разбором его стихотворного послания (текст его см. в наст. томе). – *636.*

[34] Это же выражение, по воспоминаниям С. П. Бартенева, употребил и И. М. Ивакин в разговоре с ним об идеях Федорова: «Ник<олай> Фед<орович>, как пророк Духа Животворящего, призывает всех сплотиться и общими братскими усилиями всех вместе для всех совершить великое дело» (С. П. Бартенев. Два разговора о воскрешении мертвых // Русский архив, 1909, № 1, с. 120). – *636.*

[35] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 9 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 12, л. 7).

Об обстоятельствах написания этого письма см. примеч. к письму 107 (преамбула). – *637.*

[36] Н. И. Стороженко. – *637.*

[37] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 99, л. 1–1 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 12, л. 40).

Из документов, хранящихся в личном деле Сергея Петровича *Щурова* в Архиве РГБ (оп. 126, д. 59), следует, что он родился 6 октября 1866; был сыном личного почетного гражданина г. Москвы. В 1885 г. окончил Московское коммерческое училище с серебряной медалью, получив звание кандидата коммерции и личного почетного гражданина. С января 1886 г. началась его служба в Конторе Государственного Банка, продолжавшаяся до начала марта 1894 г.

С Н. Ф. Федоровым С. П. Щуров познакомился в библиотеке Московского Публичного и Румянцевского музеев. Он много занимался самообразованием. В начале 1890-х гг., еще будучи рядовым читателем библиотеки Музеев, бескорыстно помогал ее сотрудникам, занимаясь разбором и описанием дублетов, составив отдельный каталог дублетных изданий, которые предназначались для возможного обмена с другими библиотеками и частными лицами (см.: «Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1892–1894 гг.». М., 1895, с. 70). В 1894 г. был назначен состоять при читальном зале, а с 1 февраля 1896 г. занял должность старшего чиновника для письма («Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1895 г.». М., 1896). Тогда же составил «Путеводитель по библиотеке Московского Публичного и Румянцевского музеев» (М., 1896).

С 1897 г., параллельно со своими основными занятиями в Канцелярии Музеев, С. П. Щуров стал, опять-таки на добровольных началах, работать в Отделении изящных искусств и классических древностей, которым в то время заведовал И. В. Цветаев. Занимался каталогизацией и описанием гравюр, разбором собрания древнегреческих и византийских монет нумизматического кабинета, по которым составил отдельный каталог («Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1897 год». М., 1898, с. 50, 51). Летом того же 1897 и следующего 1898 гг. был командирован дирекцией Музеев за границу «с ученой целью» для знакомства с постановкой музейного и архивного дела в Западной Европе, изучения европейских коллекций и т. д.

С весны 1899 г. С. П. Щурова, по ходатайству И. В. Цветаева, переводят в Отделение изящных искусств, а с 1 апреля 1900 г. он уже назначен помощником хранителя отделения.

Научная карьера С. П. Щурова в Московском Публичном и Румянцевском музеях развивалась успешно: в 1900, 1901, 1908 гг. последовали новые командировки за границу; в июле 1907 г. он был назначен на должность хранителя отделения изящных искусств и классических древностей. Однако в 1909 г. разразилась катастрофа: из подведомственного Щурову отделения был похищен ряд гравюр и хранитель отделения распоряжением Министра народного просвещения был удален с занимаемой должности и предан суду за халатное отношение к служебным обязанностям. Ни почти двадцатилетняя служба в Музеях, ни научные заслуги С. П. Щурова не были приняты во внимание. К счастью, судебное разбирательство завершилось благополучно: в 1911 г. С. П. Щуров был полностью оправдан, однако в Музеи уже не вернулся.

В собрании Н. П. Петерсона сохранились два письма С. П. Щурова к Н. Ф. Федорову. Оба они написаны весной 1896 г., с промежутком в десять дней. Н. Ф. Федоров тогда находился в Воронеже и намеревался уйти в отставку: на имя нового директора М. А. Веневитинова было послано соответствующее прошение (см. письмо 116 и примеч. 11 к нему).

[38] *С. В. Горская и М. А. Носова* – вольнотрудящиеся. До 1917 г. женщины в Московском Публичном и Румянцевском музеях работали только в качестве вольнотрудящихся: они занимались преимущественно обработкой книг – описание, составление картотеки, размещение по разделам и т. д. (см.: В. С. Борисов. Уход Н. Ф. Федорова из Румянцевского музея // Начала, 1993, № 1, с. 152). В ряде случаев привлекались и для работы в читальном зале. Серафима Викторовна *Горская*, по мужу – Филиппова (1867–1959), окончила 1 Московскую гимназию, получила звание домашней учительницы; была домашней чтицей и компаньонкой гр. Е. И. Воронцовой-Дашковой. С 18 октября 1890 г. – в Московском Публичном и Румянцевском музеях. В 1895–1897 гг. параллельно закончила Педагогические курсы в Москве. В 1917 г. принята в штат библиотеки, в стенах которой проработала до 1933 г. О С. В. Горской см.: О. Попова. Три поколения одной семьи работали в Румянцевском музее // Библиотека, 1998, № 4, с. 25–27. Мария Александровна *Носова* – дочь надворного советника. Вольнотру-

дящейся в Музеях работала короткое время – предположительно в 1895–1896 или 1896–1897 гг., – поскольку вскоре вышла замуж за Н. И. Боборыкина (см. примеч. 2 к письму 118), к тому времени уже вдовца (сообщено *О. Б. Муратовой*). – *637*.

[39] Н. И. Боборыкин. – *637*.

[40] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 99, л. 3–4 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 12, лл. 40–41). – *638*.

[41] Данная фраза, указывающая на Щурова как на возможного преемника Федорова в каталожной, дает основание предположить, что именно С. П. Щурова имеет в виду Н. Ф. Федоров в своих письмах Н. П. Петерсону от 28 февраля и между 28 февраля и 7 апреля 1895 г., говоря, что его место «готов занять человек и молодой, и специально подготовленный к этому». Тем более, что в 1894–1895 г. С. П. Щуров «состоял» при читальном зале библиотеки (см. примеч. 37). – *638*.

[42] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 98 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 12, л. 37).

Сергей Дмитриевич *Чистяков* (1860 – после 1914) – генерал-майор, военный историк. В 1880-х гг. – поручик лейб-гвардии уланского полка, в 1890-х гг. служил в Генеральном штабе в чине подполковника, а затем полковника, в 1900-е – в Николаевской военной академии Генштаба в Санкт-Петербурге. Составитель ряда руководств по обучению военному делу. Автор работ по военной истории, истории войсковых частей (см. его работы: «Борисовцы в Могилеве на Днепре 1811–1812 г. Эпизод из отечественной войны». СПб., 1897; «Начало 1-го Финляндского стрелкового полка». Митава, 1911; «Либава в событиях Отечественной войны 1812 г.». Либава, 1912). С Н. Ф. Федоровым познакомился в библиотеке Московского Публичного и Румянцевского музеев. По всей видимости, это знакомство состоялось в последних числах октября – ноябре 1895 г. В «Книге собственноручных записей лиц, желающих заниматься в читальном зале» Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1895–1896 гг. С. Д. Чистяков числится под № 1382. Запись от 30 октября 1895: «Сергей Чистяков. Генерального штаба подполковник. Кокоревская гостиница № 32» (Архив РГБ, оп. 17, д. 19, л. 71 об.).

Н. Ф. Федоров заинтересовал С. Д. Чистякова идеей «переоружения» армии, обращения ее в естествоиспытательную силу. Вряд ли мыслитель раскрывал перед своим собеседником данную идею в полном объеме – в ее непосредственной связи с задачами регуляции, «обращения слепого, бессознательного хода природы в разумный». По всей видимости, он познакомил Чистякова с частными сторонами проблемы, обратив внимание военного историка на те факты армейской истории, которые он сам всегда приводил в подтверждение возможности переключения колоссального военного потенциала на деятельность жизнесозидательную: речь шла об использовании войск в мирное время, об их участии в предотвращении и ликвидации последствий стихийных бедствий и катастроф. Сочувственно откликаясь мыслям Федорова, С. Д. Чистяков пообещал написать по этому поводу отдельную статью (см. письмо 112), что им и было исполнено. «Заметка по поводу истории нашей армии. Русский солдат в дни народных бедствий», принадлежавшая С. Д. Чистякову, появилась в газете «Русский инвалид» 23 апреля 1896 (№ 91). Приведем некоторые фрагменты этой статьи:

«Блестящие военные подвиги наших войск всегда скоро находили и находят себе историков, в трудах которых навсегда сохраняются для потомства.

Но помимо этой бросающейся в глаза боевой деятельности армии для защиты Престола и Отечества, во славу родной земли, деятельности, повторяющейся только через десятки и более лет, в жизни войск и в мирное время найдется немало светлых страниц, подтверждающих постоянное существование в нашей армии той великой внутренней силы, которою живут войска и без которой они являются ничем не связанною толпою; сила эта – дисциплина, преданность долгу, присяга, стремление "положить душу свою за други своя".

Таковою представляется деятельность войск в мирное время при народных бедствиях, когда борьба ведется не силою оружия, а исключительно силою духа.

Нам лично не известно ни одного сочинения ни на русском, ни на наиболее употребительных иностранных языках, которое было бы посвящено группировке и оценке общегосударственного значения этой деятельности армии, деятельности, повторяем, весьма почтенной и нередко сопряженной для войск с величайшими испытаниями.

Случился ли пожар в городе, горят ли леса, разлилась ли река, появилась ли саранча, образовались ли на дорогах заносы, появились ли хищные звери, открылась ли эпидемия холеры, чумы, а в былые годы и моровой язвы, – во всех этих и им подобных случаях,

часто в минуты общего упадка духа, является войско и вступает в борьбу, могучее не своим оружием, а глубоким сознанием долга и дисциплиною.

А какова бывает эта борьба со стихиями, в каком величии является и в этой борьбе мирного времени наш русский солдат, можно видеть хотя бы, например, из описания деятельности войск во время оренбургских пожаров 1879 года [далее приводится описание подвига солдат Оренбургского резервного батальона и Башкирского конного полка, закрывших своими телами крышу порохового погреба].

Посвятивший себя изучению деятельности войск в дни народных бедствий найдет немало подобных примеров самоотвержения в приказах по военным округам, в городских архивах и воспоминаниях частных лиц, не только во время пожаров, но и при наводнениях, заносах и т. п. Не забудем, что и при эпидемиях чумы, в прошлом и в настоящем столетиях, кто, как не те же войска, бесстрашно оставались в зараженных местах, оказывая посильную помощь в уходе за больными, в доставке их в госпитали, в снабжении пищей тех, кои оставались в домах, не говоря уже о том, что и все полицейские обязанности в эти тяжелые дни отправлялись почти исключительно войсками: губернскими ротами (до 1811 г.), инвалидными командами, гарнизонными полками и батальонами, а иногда и полевыми частями. [...] Последняя холерная эпидемия, когда войска для борьбы с нею дали своих врачей и фельдшеров, из коих многие пожертвовали жизнью “за други своя”, еще свежа в памяти всей России.

Найдутся, конечно, еще многие и многие случаи разнородной мирной деятельности войск “для предохранения общего блага от опасности”. [...]

Изучение помянутого вопроса установит еще большее значение армии, как школы, подготовляющей людей, способных без колебания, во всякую трудную минуту государственной жизни, независимо от борьбы с врагами внешними и внутренними, по евангельскому выражению, “положить душу свою за други своя”.

Остается только пожелать, чтобы эта сторона деятельности нашей армии в мирное время нашла себе, возможно скорее, достойного историка».

Н. Ф. Федоров оценил выход статьи С. Д. Чистякова, хотя, как следует из данного письма, напечатана она была «после продолжительных мытарств» и «в сокращенном виде». Очевидно, по инициативе мыслителя статья была перепечатана в газете «Русское слово», где, как и в «Русских ведомостях», время от времени появлялись материалы как самого Федорова, так и лиц, близких к нему (см.: «Русское слово», 22 мая 1896 г.). Более того, в своих статьях Федоров неоднократно ссылался на статью С. Д. Чистякова, как и в случае с другими статьями и заметками (об обыденных храмах, о В. Н. Каразине, о международном книгообмене), написанными лицами из окружения мыслителя и имевшими своим источником его собственные мысли. Так, «Заметка по поводу истории нашей армии» упоминается в статьях «Разоружение», «Распределение задач всемирной регуляции природы» (Т. II наст. изд., с. 273, 301), в «Предисловии к изданию письма Ф. М. Достоевского», в «Беседе в храме кадетского корпуса по поводу циркуляра 12-го августа о сокращении вооружений» (Т. IV наст. изд., с. 8–9, 187). – *638*.

[43] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 78 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 12, л. 16). Письмо написано из-за границы, куда С. П. Бартенев уехал в начале 1896 г. Вначале он жил в Лейпциге, затем в Берлине, напряженно занимаясь музыкой, работая за роялем по 6–8 часов в день (подробнее см. в примеч. 49 к разделу «Вокруг Федорова»).

О реакции Н. Ф. Федорова на это письмо Ю. П. Бартенев сообщил С. П. Бартеневу в своем письме от 31 декабря 1896 г. (см. Т. IV наст. изд., с. 663). – *639*.

[44] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 90, лл. 3–4 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 12, л. 19). Мария Степановна *Лебедева* (в девичестве Протопопова) – жена Д. П. Лебедева, друга и сослуживца Н. Ф. Федорова (см. о нем примеч. 9). Она была дочерью помещицы Протопоповой, и Д. П. Лебедев одно время давал ей уроки (см.: Е. С. Некрасова. Дмитрий Петрович Лебедев // Русская старина, 1892, № 7, с. 222). В 1876 г. состоялась свадьба Д. П. Лебедева и М. С. Протопоповой. После поступления Лебедева на службу в Московский Публичный и Румянцевский музеи М. С. Лебедева переехала с ним в Москву (см. виды на жительство в Москве, выданные Д. П. Лебедеву и его супруге, в личном деле Лебедева: Архив РГБ, оп. 126, д. 32 (Личное дело Д. П. Лебедева), лл. 22, 24, 35 и др.). В 1881, 1884 и 1886 гг. родились трое сыновей Лебедевых: Константин, Дмитрий и Алексей. На лето семья уезжала на родину в Рязань и дер. Егольники Рязанской губ., куда к ним в гости приезжал и Н. Ф. Федоров.

После смерти Д. П. Лебедева, скончавшегося в возрасте 39 лет, М. С. Лебедева, оставшаяся одна с тремя малолетними детьми, по ходатайству директора Музеев В. А. Дашкова получала за мужа «усиленную пенсию в уважение болезни покойного мужа ее, причиненной усиленными занятиями по службе его в Музеях» (там же, л. 68). Поселилась она в Рязани. В 1894 г. ее адрес: «Владимирская улица, в дом священника Лебедева, в квартиру Ивана Петровича Лебедева» (там же, л. 82). Лето вместе с детьми М. С. Лебедева по-прежнему проводила в Егольниках, где у нее был собственный дом.

Существует некоторая неясность в отношении отчества Лебедевой. В некоторых официальных документах Архива РГБ она значится как «Мария Константиновна Лебедева». Так, в аттестате, выданном Д. П. Лебедеву «Иваново-Вознесенским реальным училищем» в 1879 г., читаем: «Женат на землевладелице Рязанской губернии, девице Марии Константиновне Протопоповой, православного вероисповедания» (Архив РГБ, оп. 126, д. 32, л. 2 об.). Сам Д. П. Лебедев, получив на руки аттестат, вошел с ходатайством об исправлении вкравшихся в него неточностей и представил документы о том, «что отчество жены его не Константиновна, а Степановна и что она никакой недвижимой собственности не имеет (дом в Егольниках, по всей видимости, принадлежал матери М. Лебедевой и достался ей по наследству уже позднее. – *Сост.*)» (там же, л. 20). Все официальные письма и прошения М. Лебедевой, хранящиеся в личном деле Д. П. Лебедева, подписаны «Мария Степановна Лебедева». Однако в некрологе Д. П. Лебедева, написанном Е. С. Некрасовой, с которой Дмитрия Петровича связывали тесные дружеские узы, его супруга названа «Марией Константиновной» («Русская старина», 1892, № 7, с. 222). Так же она названа и в письме сослуживца Д. П. Лебедева и его заместителя по отделению рукописей и славянских старопечатных книг С. О. Долгова к Е. С. Некрасовой (текст его см. в наст. томе). В силу невозможности без дополнительных разысканий разрешить вопрос об отчестве М. Лебедевой, мы пользуемся вариантом «Мария Степановна», представленным в ее собственноручных прошениях.

С М. С. Лебедевой и ее семьей Н. Ф. Федоров поддерживал теплые отношения и после смерти Д. П. Лебедева, навещая их в Рязани и Егольниках. В собрании Н. П. Петерсона сохранилось четыре письма М. С. Лебедевой Н. Ф. Федорову (все они относятся к 1897 г.). Письма Н. Ф. Федорова к М. С. Лебедевой не разысканы.

Судя по данному письму, Н. Ф. Федоров приезжал в Рязань в конце 1896 г. на Рождество. – *640.*

[45] Речь идет о Е. И. Соколове (см. примеч. 2 к письму 118). – *640.*

[46] Неустановленное лицо. – *640.*

[47] Средний сын М. С. Лебедевой Дмитрий Дмитриевич Лебедев (1884–?), гимназист. – *640.*

[48] Семен Осипович *Долгов* (1857–1925) – историк, филолог, палеограф. В Московском Публичном и Румянцевском музеях служил с 1883 г., сначала помощником хранителя отделения рукописей и славянских старопечатных книг, а затем, с 1 января 1892 г. – хранителем отделения. В 1903–1909 гг. – главный библиотекарь Музеев, затем – зав. отделением доисторических, христианских и русских древностей (до его ликвидации в 1921–1922 гг.), после чего вернулся в отделение рукописей на должность зав. отделом древних рукописей. В 1898, 1902, 1904, 1905, 1906 гг. временно замещал директора Музеев, неоднократно командировался по делам Музеев для изучения памятников старины в разные области России и за границу (см.: Личное дело С. О. Долгова // Архив РГБ, оп. 126, д. 223). Действительный член Императорского московского археологического общества, активный участник археологических съездов, автор ряда работ по истории древнерусской литературы.

В фонде Российской Государственной библиотеки хранится экземпляр «Отчета Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1889–1891 гг.» с дарственной надписью С. О. Долгова, составлявшего для этого издания отчет по отделению рукописей и славянских старопечатных книг, Н. Ф. Федорову: «Многоуважаемому Николаю Федоровичу Федорову на добрую память о зде сущих и отшедших уже братьях!» (экземпляр «Отчета...» обнаружен *В. С. Гречаниновой*). – *640.*

[49] Речь идет о корреспонденции «Картины Верещагина в Париже» («Русские ведомости», 9 января 1897, № 9), сообщавшей о персональной выставке художника в Вольнеевском клубе (Cercle Volney) в Париже. Корреспондент приводил отзывы французских газет о работах Верещагина, свидетельствовавшие об адекватном понимании его художественного замысла. Так, говоря о работах цикла «1812 год», газета «Echo de Paris» замечала: В. В. Верещагина «вдохновляла благородная и гуманная мысль потрясти зрителя тем инстинктивным содроганием, которое наверное внушит отвращение к войне», – «война, как

ее рисует Верещагин, это синоним разрушения, грабежа и кощунства». А «La Petite République», по словам корреспондента «Русских ведомостей», «упомянув о прежней картине Верещагина "Апофеоз войны", посвященной "великим завоевателям прошедшего, настоящего и будущего" и изображающей собою пирамиду из человеческих черепов и голов», писала так: «И еще больше, чем в этой символической пирамиде, великая бессмыслица войны выступает в его картине "Отступление из России". Как будто человеку недостаточно бороться против невидимой вражды стихий, защищаться против жестокой стужи и предательского снега; ему надо еще прибавить нечто к ужасам окружающей природы и прийти на помощь разрушению». – *640.*

[50] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 86, л. 1–1 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 7, л. 1). С историком, публицистом Г. А. Джаншиевым (см. примеч. 5 к письму 127) Н. Ф. Федоров был знаком по библиотеке Музеев. Будучи регулярным посетителем библиотеки и каталожной, Г. А. Джаншиев вместе с рядом других ученых безвозмездно помогал ее штатным сотрудникам в каталогизации книг, делая описи изданий на армянском языке, – к этой работе его привлек именно Н. Ф. Федоров.

В 1883–1900 гг. Г. А. Джаншиев был одним из редакторов-издателей «Русских ведомостей». Вероятно, при его содействии в этой газете в 1891–1892 гг. появились статьи, обсуждавшие выдвинутые Н. Ф. Федоровым проекты франко-русского книгообмена и выпуска книг с приложением к ним печатных карточек (см. примеч. 5, 8 к разделу «Библиотеки и музейно-библиотечное образование» – Т. III наст. изд., с. 664–666); в 1893 г. была введена рубрика «Труды русских писателей» (см. примеч. 11 к тому же разделу – там же, с. 668). В 1896 г. в газете, также не без содействия Джаншиева, появилась статья Федорова «Долг авторов по отношению к публичным библиотекам», в 1899 г. была напечатана составленная им вместе с В. А. Кожевниковым заметка памяти Я. Ф. Браве. Вообще в 1890-х гг., в редакторство Джаншиева, «Русские ведомости» уделяли Московскому Публичному и Румянцевскому музеям существенное внимание: здесь регулярно появлялись материалы о Музеях и их библиотеке (зачастую авторами этих статей были лица из окружения Федорова), указывалось на просветительное и культурное значение главного книгохранилища древней столицы. Газета стремилась привлечь внимание властей и общественности к нуждам Музеев и библиотеки: писала о скудных ассигнованиях, о тесноте помещений, о необходимости ремонта и т. д. В 1893–1894 гг. в «Русских ведомостях» оглашался проект устройства метеорологической станции им. В. Н. Каразина на бельведере Пашкова дома.

В собрании Н. П. Петерсона сохранились три письма Г. А. Джаншиева Н. Ф. Федорову (все они печатаются в данном разделе) и два черновика письма к нему самого философа (письмо 160).

Данное письмо Г. А. Джаншиева Н. Ф. Федорову написано на почтовой карточке («Открытое письмо»). Об обстоятельствах написания данного письма см. в примеч. 1 к «Статьям и заметкам разного содержания». – *640.*

[51] М. В. Никольский. Клинообразные надписи ванских царей, открытые в пределах России (Древности восточные. Труды восточной комиссии императорского московского археологического общества. Т. I, вып. III). М., 1893. – *640.*

[52] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 90, лл. 5–6 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 12, л. 20). О *М. С. Лебедевой* см. примеч. 44. – *641.*

[53] Е. И. Соколов. – *641.*

[54] См. примеч. 47. – *641.*

[55] В письме перечисляются сослуживцы Д. П. Лебедева, покойного мужа М. С. Лебедевой, – Е. И. Соколов, С. О. Долгов и Г. П. Георгиевский. Е. И. Соколов («Егор Иванович») и С. О. Долгов («Семен Осипович») упоминаются и в следующем письме М. С. Лебедевой Н. Ф. Федорову, от 23 апреля 1897. – *641.*

[56] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 90, лл. 7–8 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 12, л. 20–21). Ответ на письмо Н. Ф. Федорова, написанное между 15 и 21 апреля 1897 (не разыскано). – *641.*

[57] В 1897 г. скончался старший брат Н. Ф. Федорова Александр Федорович *Федоров* (1828–1897), служивший присяжным поверенным в Петербурге. Получив известие о его смерти, 24 февраля 1897 г. Н. Ф. Федоров подал в дирекцию Музеев прошение:

«Имею честь покорнейше просить распоряжения Вашего Превосходительства об увольнении меня в отпуск по домашним обстоятельствам в г. Санкт-Петербург с 24 по 27 сего февраля» (Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 83). Получив соответствующее свидетельство, он уехал в Санкт-Петербург на похороны.

Спустя месяц с небольшим, 5 апреля 1897 г. последовало новое прошение об увольнении в отпуск, также «по домашним обстоятельствам» «в разные города Российской империи сроком с 5 по 15 сего апреля» (там же, л. 86). А. Н. Акиньшин считает, что эти дни Н. Ф. Федоров провел в Воронеже («кроме Воронежа ему практически некуда было ехать» – А. Н. Акиньшин. Н. Ф. Федоров в Воронеже // *Философия бессмертия и воскрешения.* Вып. 2, с. 246). Однако можно предположить, что Н. Ф. Федоров вновь ездил в Санкт-Петербург, возможно, чтобы поддержать вдову брата Е. Я. Федорову и чем-то помочь ей (5 апреля – 40 дней со дня смерти А. Ф. Федорова). Данное письмо М. С. Лебедевой к Н. Ф. Федорову свидетельствует в пользу данного предположения (возможно, в письме к ней, в ответ на предложение приехать в Рязань на Пасху Н. Ф. Федоров сообщал о кончине брата и необходимости быть в Петербурге). Ср. воспоминания Г. П. Георгиевского: «Однажды на Пасхальные каникулы Николай Федорович уехал в Петербург, куда никогда не ездил и не предполагал ехать. Эта поездка очень заинтересовала всех его знакомых, и волею-неволею ему пришлось дать объяснение. По его словам, он ездил в Петербург потому, что там умер его родной брат, присяжный поверенный» (Г. П. Георгиевский. Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров. Из личных воспоминаний // Четвертые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1988, с. 48), – хотя, в принципе, существует вероятность того, что Г. П. Георгиевский смешивает апрельскую отлучку Н. Ф. Федорова из Москвы с февральской поездкой в Петербург. – *641.*

[58] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 90, лл. 9–10 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 12, л. 22–23). В письме упоминаются дети М. С. Лебедевой: Константин, Дмитрий и Алексей (*Алеша, Леля*). – *642.*

[59] Это письмо Н. Ф. Федорова, по всей видимости, было послано или в конце мая 1897 г. из Москвы, или в начале июня из Воронежа (само письмо не разыскано). – *642.*

[60] См. примеч. 1 к письму 127. – *642.*

[61] *Иван Петрович, Поликарп Алексеевич* – неустановленные лица. – *642.*

[62] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 97 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 12, лл. 25–26). Об *А. Ф. Филиппове* см. примеч. к письму 283 (преамбула). – *642.*

[63] См. письмо Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 21 августа 1897 (Т. IV наст. изд., с. 607) и примеч. 1 к письму 127. Возможно, резкое ухудшение здоровья Н. Ф. Федорова весной 1897 г. было связано с переживаниями по поводу смерти брата, скончавшегося в конце февраля (подробнее см. примеч. 57). – *643.*

[64] Т. е. в первый день работы Московского Публичного и Румянцевского музеев после двухмесячных летних каникул. – *643.*

[65] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 86, л. 2, 3 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 7, л. 1). Письмо адресовано Н. Ф. Федорову в Воронеж. – *643.*

[66] Н. Ф. Федоров послал Г. А. Джаншиеву для возможного напечатания в газете «Русские ведомости» свою статью, написанную в начале апреля в Воронеже: «Как назвать 1897 год, годом ли политических жестокостей на Востоке или же годом естественных бедствий, как наказания за них» (см. письмо 143). – *643.*

[67] Н. Ф. Федоров с 30 марта 1898 г. находился в Воронеже, уйдя во внеочередной отпуск. В библиотеку Музеев он возвращаться уже не собирался. 16 апреля мыслитель отправил директору Музеев М. А. Веневитинову письмо и прошение об отставке (см. письмо 144 и примеч. 1, 2 к нему). – *643.*

[68] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 100 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 12, л. 38). Ранее опубликовано *В. С. Борисовым*: «Начала», 1993, № 1, с. 148.

На копии данного письма Н. П. Петерсон, готовивший его к изданию в III томе «Философии общего дела», сделал следующее примечание: «*Необходимо заметить*, что, получив это письмо в Воронеже, ежедневно видясь со мною, иногда по нескольку раз в день, – Н<икола>й Ф<едорови>ч это<го> письма мне не показал, и я узнал о нем только теперь, как и о письмах Юрия и Сергея Петровичей Бартеневых, Линниченко, Филиппова и других подобных» (ОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр. 12, л. 38).

Инициатором коллективного письма к Н. Ф. Федорову с просьбой не уходить в отставку и вернуться в Москву был директор Московского Публичного и Румянцевского музеев М. А. Веневитинов. 16 апреля 1898 г. Н. Ф. Федоров послал ему из Воронежа, куда уехал во внеочередной отпуск 29 марта, прошение об отставке вместе с письмом, в котором просил дать ход этому прошению. Надеясь убедить Николая Федоровича не уходить из библиотеки, М. А. Веневитинов набросал черновик печатаемого коллективного письма (см. его в личном деле Н. Ф. Федорова – Архив РГБ, оп. 126, д. 53, лл. 92, 94).

Письмо было подписано практически всеми сотрудниками Московского Публичного и Румянцевского музеев, как штатными, так и вольнотрудящимися (см. примеч. 70).

История ухода Н. Ф. Федорова из библиотеки Музеев изложена в статье В. С. Борисова «Уход Н. Ф. Федорова из Румянцевской библиотеки» («Начала», 1993, № 1, с. 143–146). Ряд новых к ней данных содержится в переписке Н. Ф. Федорова, помещенной в Т. IV наст. изд. Дополнительные сведения о Н. Ф. Федорове-библиотекаре и отношении к нему сотрудников и посетителей Музеев можно найти как в некрологах (см. примеч. 170 к разделу «Приложения» «Письма Н. П. Петерсона В. А. Кожевникову») и воспоминаниях Г. П. Георгиевского (см. в наст. томе), так и в «Отчетах Московского Публичного и Румянцевского музеев». Начиная с первых лет службы мыслителя в «центральном просветительном учреждении» Москвы его заслуги перед библиотекой специально отмечались в отчетах. Характерно, что при этом фамилия Федорова не упоминалась, и понятно почему: сам он был решительным противником всяких публичных похвал.

Уже в первом отчете после поступления Н. Ф. Федорова на службу в Музеи отмечалась «ревность к делу и расторопность» дежурных при читальном зале» («Отчет... за 1873–1875 гг.». М., 1876, с. 82). Затем подробная характеристика работы Федорова при каталожной была дана в отчете за 1879–1882 гг. В разделе, посвященном библиотеке, после подробного описания новых поступлений, работы читального зала и сетований на нехватку сотрудников, следовал такой текст: «В Каталожной все многочисленные требования читального зала едва удовлетворяются ныне благодаря неутомимому труду одного из дежурных при читальном зале, делающего поистине так много, что нельзя не удивляться его сметливости, находчивости и быстроте, особенно если принять в соображение, что многие требования заявляются до крайности неясно, неопределенно, а иногда и совсем ошибочно. В подобных случаях, конечно, легко было бы отделываться простым отказом, но самоотверженная добросовестность упомянутого лица дозволяет ему прибегать к отказу только в виде неизбежного иногда исключения и по истощении уже всех средств удовлетворить насколько возможно несговорчивого подчас требователя, ожидающего найти в литературе совсем готовые ответы на всякий даже самый произвольно поставленный вопрос» («Отчет... за 1879–1882 гг.». М., 1884, с. 104).

В следующих двух отчетах находим новые упоминания о Федорове: «Что касается работ по Библиотеке, то, при известной всем скудости ее личного состава, они, конечно, должны были ограничиваться только самым необходимым – не сплошной, а лишь разборчивой каталогизацией и удовлетворением все возрастающих численно требований в читальном зале, которое по-прежнему лежит у нас почти исключительно на одном, хотя – положим – и единственном в своем роде, лице» («Отчет... за 1883–1885 гг.». М., 1886, с. 104). «Потребности Читального зала, открытого для всех с десяти часов утра до осьми вечера, удовлетворяются по-прежнему двумя дежурными: утренним и вечерним, при главном, конечно, содействии того же, состоящего при Каталоге, сведущего и опытного лица, на неутомимые труды которого мы постоянно указываем в своих Отчетах» («Отчет... за 1886–1888 гг.». М., 1889, с. 136).

В отчетах Музеев за 1889–1896 гг. похвал деятельности Федорова мы не встречаем. Можно предположить, что это было вызвано крайне негативным отношением к таким похвалам самого Федорова и нежеланием составителей «Отчетов» (их разделы обыкновенно писали заведующие отделениями Музеев) сердить своего сослуживца: в 1890-е гг. философ неоднократно пытался оставить службу в Музеях, а его коллеги, не мыслившие библиотеки Музеев без Федорова, всячески старались этому противодействовать.

Тем не менее еще одно упоминание Н. Ф. Федорова как «опытного библиографа» находим в «Отчете... за 1897 г.» – в связи с объяснениями с читателями по поводу отказов на книги (см. об этом примеч. 175 к «Статьям и заметкам разного содержания»). Фамилия библиографа здесь опять не прозвучала. Ее мы находим лишь в отчете за 1898 г.: «С 15 сентября уволен со службы в разряд вольнотрудящихся, а с 1 ноября вовсе оставил службу в Музеях дежурный при читальном зале коллежский асессор Н. Ф. Федоров» («Отчет... за 1898 г.». М., 1898, с. 63). Это цитата из раздела «Перемены в личном составе», где излагались только «голые факты». А вот что было написано во вступлении к «Отчету...»: «...наконец, мы должны отметить, как прискорбное для музея событие, оставление службы Н. Ф. Федоровым в октябре истекшего года. Известная всем, кто только его знает, скромность этого труженика препятствует нам дать на страницах отчета хотя бы общую характеристику значения, какое Н. Ф. Федоров имел в качестве заведующего библиотечным каталогом, благодаря своим обширным познаниям в библиографии» (там же,

с. 11). Теплые слова о Федорове прозвучали и в том разделе отчета, где речь непосредственно шла о библиотеке: «В заключение, не можем не выразить глубокого сожаления, что заведующий каталожной Н. Ф. Федоров, по слабости здоровья, принужден был оставить службу при нашей библиотеке. Сожаление это, без сомнения, разделяют с нами те многочисленные посетители библиотеки, для которых он был незаменимым советником и руководителем» (там же, с. 26–27).

Дать «общую характеристику» заслуг Н. Ф. Федорова перед библиотекой Музеев стало возможным лишь после смерти мыслителя, когда он своей волей уже не мог остановить потоки благодарных, восторженных слов. Небольшой некролог, автором которого, по всей видимости, был Г. П. Георгиевский (в нем есть переклички с некрологом того же автора, опубликованным в «Московских ведомостях» 16 декабря 1903 г.), появился в «Отчете... за 1903 г.» (М., 1904, с. 16):

«15 декабря 1903 г. скончался в Москве Николай Федорович Федоров, прослуживший в Музее в качестве заведующего каталогом Публичной Библиотеки с 27 ноября 1874 г. по 15 сентября 1898 г.

Хотя Н. Ф. Федоров уже пять лет назад, в 1898 г., покинул службу в Музеях, однако память, которую он оставил в учреждении, и значение, которое имел среди своих товарищей и среди читающей публики, побуждают помянуть здесь этого замечательного музейского деятеля. Николая Федоровича знала вся многочисленная семья русских писателей и ученых, за последние четверть века входившая в сношение с Румянцевским Музеем. Все они пользовались его беспримерными богатыми знаниями в различных областях науки, его исключительными библиографическими знаниями и беспримерною готовностью служить каждому всеми силами и средствами.

Энциклопедист в лучшем смысле этого слова, Николай Федорович был и замечательным философом и самостоятельным мыслителем. Глубокие и оригинальные воззрения его привлекали к себе и Достоевского, и Соловьева, и находили в них авторитетных ценителей и сторонников.

Пусть привлекательный образ этого замечательного человека долго сохраняется в сердцах всех знавших его и пользовавшихся его советами и научною помощью». – *644.*

[69] М. А. Веневитинов. – *644.*

[70] *Н. Стороженко* – см. примеч. 15 к «Дополнению к разделу “Библиотеки и музейно-библиотечное образование”».

С. Долгов – см. примеч. 48.

И. Бушера – см. примеч. 6.

Алексей Самойлович *Келлат* родился в с. Савельево Рузского уезда 26 сентября 1865 г. По окончании в 1878 г. Клинского уездного училища поступил в Комиссаровское техническое училище, учебу в котором завершил в 1884 г. В Московский Публичный и Румянцевский музеи принят 16 сентября 1891 г. исполняющим должность младшего чиновника канцелярии; спустя четыре месяца, по прошению зав. канцелярией И. П. Бушера, утвержден в должности. С 30 ноября 1895 г. был назначен «исправляющим должность смотрителя и казначея музеев», сменив на этом посту И. П. Бушера. В этом качестве проработал в Музеях до 1 декабря 1910 г., когда вынужден был уволиться в связи с расстроенным здоровьем (см. личное дело А. С. Келлата // Архив РГБ, оп. 126, д. 25).

Антон Иеронимович *Калишевский* родился в с. Туричан Владимирского уезда 16 августа 1863 г. в семье священника. По окончании Холмской классической гимназии, в 1882 г. был принят в число студентов Московского университета, который окончил в 1886 г. по историко-филологическому факультету со степенью кандидата. Затем последовала воинская служба в 4 гренадерском Несвижском полку, учеба в Московском пехотном юнкерском училище (1887–1888) и в том же 1888 г. увольнение в запас. 13 сентября 1891 г. А. И. Калишевский подал на имя директора Музеев прошение с просьбой принять его на службу дежурным чиновником при читальном зале. Согласие директора последовало 16 сентября, и А. И. Калишевский начал работать в Музеях исправляющим должность; в январе 1892 г., по ходатайству библиотекаря Е. Ф. Корша, в должности был утвержден. С 8 октября 1897 г. работал помощником библиотекаря, параллельно преподавая русский язык и литературу в Строгановском центральном училище технического рисования. С весны 1900 г. А. И. Калишевский – старший помощник библиотекаря, а 1 апреля 1908 переведен в Московский университет на должность библиотекаря (личное дело А. И. Калишевского // Архив РГБ, оп. 126, д. 24[а]).

С. Горская – см. примеч. 38.

Яков Герасимович *Квасков* (1864 – после 1940) – библиограф. Родился 16 марта 1864 г. в Москве. Окончил 4 класса Московской 1-й классической гимназии. 1 ноября 1885 г. начал служить по вольному найму сначала дежурным при читальном зале, а с 1901 г. – помощником заведующего читальным залом Московского Публичного и Румянцевского музеев (лишь в 1902 г. он был зачислен в штат). В 1906 г. Я. Г. Квасков был назначен младшим помощником библиотекаря, а спустя несколько лет – заведующим читальным залом библиотеки.

В сохранившейся в личном деле Я. Г. Кваскова автобиографии читаем: «Поступив в просветительское учреждение, прежде всего занялся самообразованием. В 1891 г. начал заниматься библиографией» (Архив РГБ, оп. 22, д. 335, л. 66). В этих занятиях самообразованием, а затем библиографией руководителем и наставником Я. Г. Кваскова был Н. Ф. Федоров. Он заинтересовал своего младшего коллегу выдвинутыми им библиотечными проектами, в частности идеей франко-русского книгообмена и введением печатных библиографических карточек (см. примеч. 8 к разделу «Библиотеки и музейно-библиотечное образование», а также примеч. 100 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 606, 666–667).

Я. Г. Квасков был составителем фундаментального систематического каталога по естественным наукам (часть каталога, касающаяся проблем ихтиологии, была опубликована), в течение многих лет составлял библиографию библиографий – вопрос о собранной им картотеке был поднят на первом съезде по библиотечному делу в Санкт-Петербурге (см.: «Труды первого всероссийского съезда по библиотечному делу». СПб., 1912, с. 102). В последующие годы указатель библиографий расширялся и пополнялся.

Служба Я. Г. Кваскова в Музеях продолжилась и после революции. Он становится членом Ученой коллегии «Московского и Румянцевского музея», в 1918 г. делегируется в качестве полномочного представителя музея в Петроград на совещание первой сессии центрального комитета государственных библиотек. В 1924 г. начинает составлять портретную картотеку общественных деятелей (было собрано 80 тысяч карточек и приблизительно 50–60 тысяч портретов). В ознаменование 35-летия научной и общественной деятельности библиографа его избирают Почетным членом «Государственного Румянцевского Музея». В ходатайстве директора Ленинской библиотеки от 9 января 1928 г. о присвоении Я. Г. Кваскову персональной пенсии читаем: «Я. Г. Кваскова помнят несколько поколений учащейся молодежи России. За долгую свою деятельность Я. Г. Квасков воспитал десятки поколений молодых людей своими советами, указаниями и знанием русской книги» (Архив РГБ, оп. 22, д. 335, л. 64).

Персональная пенсия Я. Г. Кваскову была присвоена. Однако 31 июля 1928 г. последовало решение об увольнении его из библиотеки. Старейшему специалисту-библиотековеду было направлено извещение, подписанное заместителем директора Ленинки: «В целях рационализации, проводимой по библиотеке, и в виду получения Вами пенсии, Вы освобождаетесь от должности заведующего читальным залом с 1 августа 1828 г.» (там же, л. 62). Не мысля себя вне стен библиотеки, 30 августа Яков Герасимович подает прошение о переводе на должность «помощника заведующего научным отделом по русской истории, для продолжения работы по составлению портретной картотеки общественных деятелей» (там же, л. 63). Однако его просьба не была удовлетворена.

После увольнения из библиотеки Я. Г. Квасков продолжал регулярно приходить туда, уже в качестве рядового читателя, занимаясь научной работой.

В 1940 г. с ним познакомились О. Н. Сетницкая и Е. А. Крашенинникова, молодые студентки-историки, последовательницы Н. Ф. Федорова. О своей встрече с бывшим сослуживцем Федорова они сообщили философу-федоровцу А. К. Горскому, автору серии очерков «Н. Ф. Федоров и современность» (Вып. 1–4, Харбин, 1928–1933), с которым состояли в постоянном общении и переписке. На это последовал следующий ответ:

«Что касается Кваскова, то было бы весьма невредно, если бы Вам удалось сойтись с ним поближе. Это весьма благородного вида старичок (похож на портрет Ап. Ник. Майкова). В свое время меня с ним познакомили, но из беседы с ним ничего не удалось извлечь для биографии Н. Ф. такого, что не было бы уже известно по печатным материалам. Может быть, я не сумел его как следует раскачать. Беседа шла в официальной обстановке в Каталожной библиотеки, где тогда висел Пастернаковский портрет, и Квасков о нем отзывался, что Н. Ф. "совершенно как живой", каковые слова я и вставил в свой очерк, но больше от него ничем не попользовался. В 1937-ом году мы с Лялей пошли по недрам библиотеки (в числе экскурсантов) – желая увидеть портрет Н. Ф. на прежнем месте, но там его не оказалось. Спросить было неловко. Вдруг я увидел стоящего в стороне Кваскова, – быстро подошедши, тихо спросил, – а где же тут был портрет? Он махнул рукой:

“Убрали”. – Куда? – “Это мне не известно”. Может быть и известно, но не считал себя вправе сообщить. Меня он, конечно, не узнал. В последующие года вплоть до нынешнего, заходя в библиотеку, я нередко вижу его сидящим за столом читального зала. Он, очевидно, уже не служит, вышел на пенсию, но не может расстаться с привычной атмосферой» (А. К. Горский. Письмо О. Н. Сетницкой и Е. А. Крашенинниковой от 10 апреля 1940. Собрание Е. Н. Берковской (Сетницкой)).

Августа Ивановна *Калайдович* (?–1920) – вольнотрудящаяся при библиотеке Музеев с 1 января 1897. (Сообщено *Л. М. Коваль.*) Согласно разысканиям *В. С. Борисова*, в библиотеку поступила по рекомендации Н. И. Стороженко. «Имела “диплом домашней учительницы, хорошо знающей французский язык, служившей около 15 лет заведующей библиотеки Общества воспитательниц и учительниц”» («Начала», 1993, № 1, с. 152).

Елизавета Павловна *Покровская* (?–1919, по другим сведениям – 1920) – вольнотрудящаяся при библиотеке Музеев с 1 ноября 1897 г. по 1919 г. (Сообщено *Л. М. Коваль.*)

Н. Янчук – см. примеч. 7 к письму 205.

С. Щуров – см. примеч. 37.

Мария Викторовна *Горская* (1871–1928) – сестра С. В. Горской. Окончила 1-ю Московскую женскую гимназию. Мечтая стать врачом и нуждаясь в заработке, с 1897 г. начала подрабатывать вольнотрудящейся в библиотеке Музеев; работала там по 1902 г. Затем поступила в Лионский университет, окончив который получила звание доктора медицины. Сдав экзамен в Московском университете, с 1908 по 1910 гг. работала врачом в Московском приюте для сирот; затем ряд лет была земским врачом. См. о ней: О. Попова. Три поколения одной семьи работали в Румянцевском музее // Библиотека, 1998, № 4, с. 25–27.

Сергей Ефимович *Черемин* родился 2 июля 1872 г. в Москве. С 27 ноября 1895 г. работал в Музеях по вольному найму сначала младшим, а затем старшим чиновником для письма. Параллельно С. Е. Черемин на безвозмездной основе исполнял функции помощника смотрителя здания Музеев, а с лета 1898 г., когда в Музеях начались строительные работы, стал помощником секретаря Музеев по делопроизводству на этих работах. В 1904 г. директор Музеев ходатайствовал перед министром народного просвещения о присвоении С. Е. Черемину за его заслуги перед Музеями звания личного почетного гражданина (присвоение этого звания «за отлично-усердную и полезную деятельность» состоялось 29 декабря 1905 г.). См.: Личное дело С. Е. Черемина // Архив РГБ, оп. 126, д. 57.

Александр Иванович *Кирпичников* (1846–1903) – литературовед, специалист по истории мировой литературы, член-корреспондент Академии наук. В 1873–1894 гг. преподавал в Харьковском, а затем – в Новороссийском университетах. Во второй половине 1890-х гг. был командирован в Санкт-Петербург и Москву для научной работы, читал лекции в Московском университете. В штат Московского Публичного и Румянцевского музеев на должность хранителя отделения доисторических, христианских и русских древностей принят 1 августа 1898 г. В 1902 г. назначен библиотекарем библиотеки Музеев, а 1 февраля 1903 г. – помощником ректора Московского университета. В последней должности А. И. Кирпичников проработал всего несколько месяцев – 30 апреля 1903 г. он скончался. Некролог А. И. Кирпичникова был помещен в «Отчете Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1903 г.» (М., 1904, с. 5–8) – в том же отчете говорилось и о другой утрате Музеев, кончине Н. Ф. Федорова.

Подпись А. И. Кирпичникова под письмом сотрудников Музеев можно объяснить двояко: либо А. И. Кирпичников в момент подписания письма сослуживцами Федорова находился в Музеях и поставил свою подпись на правах давнего читателя и почитателя (в рукописном отделении и библиотеке Музеев он занимался к тому времени уже более двадцати лет), либо, что также возможно, ученый в это время работал в Музеях на правах вольнотрудящегося. – *644.*

[71] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 86, лл. 4–5 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 7, л. 4). Датируется на основании ответного письма Н. Ф. Федорова от 25 октября 1898. Данное письмо было оставлено Г. А. Джаншиевым Н. Ф. Федорову в библиотеке Румянцевского музея вместе с отдельными оттисками статьи Н. Ф. Федорова «Ассирия и Урарту», помещенной во втором издании сборника «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам» (М., 1898). – *644.*

[72] Судя по этим указаниям, изъятое из статьи Н. Ф. Федорова «Ассирия и Урарту» примечание было обширным и содержало идею обращения армии в естествоиспытательную силу. *Quasi una fantasia* – вроде фантазии (*итал.*). – *644.*

[73] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 86, л. 6 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 7, л. 4). – *645.*

[74] Возможно, речь идет о статье Н. Ф. Федорова «Ассирия и Урарту», помещенной во втором издании сборника «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам» (сборник был издан редакцией газеты «Русские ведомости» при непосредственном участии Г. А. Джаншиева, одного из ее редакторов-издателей). В самих «Русских ведомостях» за период с сентября по конец октября 1898 гг. никакой статьи Н. Ф. Федорова не обнаружено. – *645.*

[75] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 74, лл. 3–4 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – там же, л. 5). Ранее опубликовано: «Начала», 1993, № 1, с. 147. Владимир Эдуардович *Ден* (1867–1933) – экономист, статистик. В 1890-х гг. – сотрудник газеты «Русские ведомости», позже – профессор Петербургского политехнического института (продолжил в нем работу и после революции), автор ряда лекционных курсов по статистике и экономической географии. Среди его работ: «К учению о ценности. Три очерка. 1. Адам Смит. 2. Давид Рикардо. 3. Карл Родбертус-Ягецов». СПб., 1895; «Лес и лесное хозяйство России». СПб., 1905. «Каменноугольная и железоделательная промышленность». СПб., 1907; «Очерки по экономической географии». Ч. 1, СПб., 1908; «Новая Европа», СПб., 1922 и др.

С Н. Ф. Федоровым В. Э. Ден познакомился через библиотеку Московского Публичного и Румянцевского музеев, которую регулярно посещал.

Из письма И. М. Ивакина Н. Н. Черногубову от 9 марта 1899 (Т. IV наст. изд., с. 669) следует, что существовало по крайней мере одно письмо Н. Ф. Федорова к В. Э. Дену. До настоящего времени оно не разыскано. – *645.*

[76] По предположению *В. С. Борисова* («Начала», 1993, № 1, с. 151), речь идет о Василии Николаевиче *Строеве*, историке, впоследствии – приват-доценте Московского университета. В 1890-х годах, будучи студентом Московского университета, он регулярно занимался в библиотеке Музеев. См. его запись от 21 сентября 1895 г. под № 242 в «Книге собственноручной записи лиц, желающих заниматься в читальном зале. 1895–1896 гг.»: «Василий Николаевич Строев, студент, б<ольшая> Молчановка, д. Грекова» (Архив РГБ, оп. 17, д. 19, л. 14). – *645.*

[77] Последний день работы Н. Ф. Федорова в библиотеке Музеев – 31 октября 1898 г. 11 ноября 1898 г. он выехал из Москвы в Воронеж. Таким образом, письмо В. Э. Дена написано еще во время пребывания Н. Ф. Федорова в Москве. – *645.*

[78] Владимир Николаевич *Ивановский* (1867–1939) – историк философии и психологии; в 1893–1900 – секретарь Московского психологического общества, с конца 1898 г. – приват-доцент Московского университета (позднее работал в Казанском, Санкт-Петербургском, Минском и Самарском университетах). В 1890-е гг. занимался проблемами средневековой философии (работы: «Мистика и схоластика XI–XII вв». М., 1897; «Народное образование и университеты в средние века». М., 1898). Среди других дореволюционных работ: «Очерк жизни и деятельности Н. Я. Грота». М., 1900; «Система логики силлогистической и индуктивной». М., 1900; «Введение в философию». Ч. 1. Казань, 1909 и т. д.

Как установил *В. С. Борисов*, В. Н. Ивановский некоторое время – в 1892–1893 гг. – был почти что соседом Н. Ф. Федорова: местожительство Ивановского в это время – «Пречистенка. Денежный пер., д. 12, кв. Озерова», Федорова – Молочный пер., дом Иванова (№ 9). «В связи с этим, – по мнению Борисова, – общение с Н. Ф. Ф. могло быть особенно интенсивным: из библиотеки часть пути они могли идти вместе» («Начала», 1993, № 1, с. 151). – *645.*

[79] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 82, лл. 1–2 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 12, лл. 9–11). – *646.*

[80] О Я. Ф. Браве и его книге «Одно из наших центральных просветительных учреждений (Очерки Румянцевского Музея)». М., 1898, см. примеч. 19 к разделу «Библиотеки и музейно-библиотечное образование» – Т. III наст. изд., с. 670. – *646.*

[81] Я. Ф. Браве передал экземпляры своей книги «Одно из наших центральных просветительных учреждений» писательнице и журналистке *Е. С. Некрасовой*, с которой Н. Ф. Федоров был знаком еще со времен Чертковской библиотеки (подробнее см. в наст. томе примеч. 4 к разделу «Дополнения» «Материалы Н. Ф. Федорова»), вдове Д. П. Лебедева *М. С. Лебедевой* и *С. О. Долгову*. – *646.*

[82] Библиотека филолога, этнографа, профессора Харьковского университета Петра Алексеевича *Бессонова* (1827–1898) представляла собой собрание книг по языкознанию, истории, этнографии (на русском и иностранных языках), в том числе изданий по русской и славян-

ской народной песне. В ней имелся «целый ряд старинных сборников песен, чрезвычайно редких» (У. Г. Иваск. Частные библиотеки в России. СПб., 1911, с. 67). *Николай Ильич* – Н. И. Стороженко. – *646.*

[83] Речь идет о директоре Музеев М. А. Веневитинове. – *646.*

[84] По всей вероятности, *С. А. Белокуров* (см. примеч. 4 к письму 76) интересовался рукописным и книжным собранием П. А. Бессонова на предмет приобретения его для Московского Главного архива Министерства иностранных дел. – *646.*

[85] Старая история (*нем.*). – *646.*

[86] Алексей Максимович *Миронов* (1866 – после 1918) – историк искусства. Окончил Харьковский университет, диссертацию на степень доктора истории и теории изящных искусств защитил по теме «Картины загробной жизни в греческой живописи на вазах» (М., 1895). С сентября 1900 по март 1906 г. служил в Московском Публичном и Румянцевском музеях заведующим читальным залом. В 1902–1903 гг. читал лекции по истории искусства на высших женских курсах в Москве. С весны 1906 г. – преподаватель Казанского университета. Автор печатных лекционных курсов «История христианского искусства» (Казань, 1908–1909), «История эстетических учений» (Казань, 1907) и др.

С Н. Ф. Федоровым познакомился в библиотеке Московского Публичного и Румянцевского музеев. Можно предположить, что именно Н. Ф. Федоров в 1898 г. вдохновил А. М. Миронова на написание очерка «Московский Публичный и Румянцевский Музей как художественно-просветительное учреждение» (см. примеч. 90), как незадолго до этого побудил Я. Ф. Браве к созданию книги «Одно из наших центральных просветительных учреждений (Очерки Румянцевского Музея)». – *646.*

[87] О Н. В. Шаховском и его взаимоотношениях с Н. Ф. Федоровым см. примеч. 112 к разделу «Приложения» «Письма Н. П. Петерсона В. А. Кожевникову». – *646.*

[88] Указ о назначении Н. В. Шаховского председателем Петербургского цензурного комитета последовал 21 декабря 1898 г. («Правительственный вестник», 29 декабря 1898 (10 января 1899), № 282). Получение от Я. Ф. Браве этого известия сыграло важную роль в решении Н. Ф. Федорова переехать из Воронежа в Сергиев Посад (см. письмо Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 23 января 1899). – *646.*

[89] О В. Э. Дене см. примеч. 75. – *646.*

[90] А. М. Миронов. Московский Публичный и Румянцевский Музей как художественно-просветительное учреждение // Вестник Воспитания, 1899, № 1, с. 34–55 и отд. оттиск. В своей статье публицист указывал на то значение, которое имело для Москвы перенесение в нее Румянцевского музея: до начала 60-х годов древняя столица «не обладала еще ни одним из таких художественно-воспитательных учреждений, доступных всем слоям общества», какими в Санкт-Петербурге были Эрмитаж и Академия художеств. А затем на протяжении почти тридцати лет «Румянцевский музей оставался в указанном роде единственным [...] рассадником и распространителем историко-художественных знаний, а вместе с ними и воспитателем эстетического вкуса и понимания среди разнохарактерной массы его посетителей» (указ. соч., с. 34–35). Подробно останавливаясь на описании каждого отдела Музеев, он подчеркнул, что коллекции музеев должны не только доставлять чисто эстетическое наслаждение, но и носить просветительский характер, «наглядно показывать посетителю историческое развитие искусства» (указ. соч., с. 35–36). – *647.*

[91] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 82, лл. 3–4 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 12, лл. 11–13). – *647.*

[92] Я. Ф. Браве имеет в виду свое письмо к Н. Ф. Федорову от 27 декабря 1898. – *647.*

[93] М. А. Веневитинов. – *647.*

[94] О С. П. Щурове см. примеч. 37. – *647.*

[95] Я. Г. Квасков (см. примеч. 70). – *647.*

[96] О своем намерении поехать в Воронеж Я. Ф. Браве сообщал Н. Ф. Федорову в письме от 27 декабря 1898. Однако, по всей видимости, это намерение не было осуществлено. В том же письме от 27 декабря Браве сообщает Федорову о своей болезни, связанной с сильным переутомлением от постоянной работы. Несколько ранее – в ночь с 22 на 23 декабря – он обращается к Н. Н. Черногубову с просьбой одолжить ему денег (ОР РГБ, ф. 328, к. 4, ед. хр. 20, лл. 1–2); и сразу же начинается напряженная работа над очередным сочинением, поскольку зарабатывал Браве научно-литературным трудом. Эта работа очень быстро вновь уложила его в постель. «Все хвораю, т. е. переутомлен писанием и писанием по целым ночам. C'est une maladie, c'est une fièvre scarlatinée (это болезнь, это лихорадка от скарлатины. – *Сост.*), какой-то нелепый и, вероятно, бесцельный запой», – жаловался он Черногубову,

прося отсрочки возврата долга: «...я еще не успел договориться с издателем каким-нибудь относительно издания разрешенной уже цензурою книги о попечительствах о народной трезвости. У меня совсем парализована воля» (там же, лл. 3–4). Наконец, 7 февраля было написано последнее письмо:

«Дорогой

Николай Николаевич!

Я окончательно свалился. Страшные невралгические боли в голове. Если можете и не противно Вам, – par [vo]lonté (если хотите. – *Сост.*) проведайте меня. Чем раньше это случится, тем лучше.

Ваш Я. Браве.

P. S. Письмо это только подписано мною, так как много водить пером я не в силах» (там же, л. 5).

В собрании Н. Н. Черногубова в ОР РГБ хранится письмо к нему В. Э. Дена, сообщающее о смерти Я. Ф. Браве:

«16/II 1899

Многоуважаемый Николай Николаевич.

Я. Ф. Браве скончался 15/II в 11 час. вечера после операции от воспаления мозга. Похороны 18-го в 9 час. утра из Голицынской Больницы (об этом будет объявление в Русских Ведомостях завтра 17-го). – Завтра 17-го в 7 час. вечера панихида в Голицынской Больнице. Влад. Ден» (ОР РГБ, ф. 328, к. 4, ед. хр. 45, л. 1 об.).

Н. Ф. Федоров присутствовал и на панихиде, и на похоронах Я. Ф. Браве (16 февраля 1899 г. он вернулся из Воронежа в Москву, направляясь в Сергиев Посад), вместе с В. А. Кожевниковым написал его некролог.

В «Отчете Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1898 г.» (М., 1899, с. 14) был также помещен краткий, но прочувствованный отклик на кончину Я. Ф. Браве:

«В самые последние дни 1898 г. Я. Ф. Браве (Е. Варб) издал книжку под заглавием “Одно из наших просветительных учреждений”, содержащую подробный, прекрасно составленный очерк истории и современного положения Румянцевского Музея, а также его значения в ряду ученых учреждений России и задач, лежащих на нем в будущем. К сожалению, работа эта была последним трудом автора. Изнуренный непосильными занятиями, Я. Ф. Браве скончался весною 1899 года. Настоящей краткой поминкой в отчете исчерпывается глубокая признательность Музеев к их добровольному историографу и уважение, которое они питают к его памяти, как одного из трудолюбивейших исследователей, долгие годы занимавшихся в их библиотеке». – *647.*

[97] В. М. Владиславлев, с которым у Н. Ф. Федорова произошла размолвка, написал Н. Ф. Федорову только 1 февраля 1899 (см. след. письмо). Обстоятельства этой размолвки точно выяснить не удалось. Известно, что в 1896 г. между Федоровым и Владиславлевым возникло несогласие в оценке проекта реконструкции Московского Кремля, принадлежавшего В. И. Баженову, и факта передачи баженовской модели Кремля в Румянцевский музей (см. заметку Н. Ф. Федорова «Ответ Владиславлеву» – Т. III наст. изд., с. 106–107), однако была ли эта размолвка последней, без дополнительных данных установить трудно. – *648.*

[98] См. примеч. 86. – *648.*

[99] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 85 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 12, лл. 15–17). О *В. М. Владиславлеве* и его размолвке с Федоровым см. примеч. к письму 105 (преамбула) и примеч. 97 к данному разделу. – *648.*

[100] К копии этого письма Н. П. Петерсон сделал следующее примечание:

«Едва ли Н<иколай> Ф<едорови>ч отвечал на это письмо, – на него мало действовали признания в любви к нему самому, в основе которой не было любви к делу, которому Н<иколай> Ф<едорови>ч отдал всю жизнь свою, к делу спасения людей от всякого рода бедствий, от голода, болезней и самой смерти. А Владиславлев, очевидно, был чужд этому делу; как видно из его письма, он не хотел печатно сказать о том, о чем просил его Н<иколай> Ф<едорови>ч, а Н<иколай> Ф<едорови>ч мог просить его только об одном – сказать что-либо о деле, которому он отдал всего себя и к которому хотел привлечь всякого, к нему приближавшегося. Владиславлев противился этому, следовательно, не видел в деле, которому служил Н<иколай> Ф<едорови>ч, того, что видел в нем Н<иколай> Ф<едорови>ч, был чужд ему, и вместо этого говорит о предстоящей ему работе в качестве податного инспектора, о подворно-статистическом исследовании Каневского уезда для вывода крестьянского бюджета в видах того, чтобы бить в набат, если окажется, что благосостояние крестьян систематически ухудшается. Н<иколай> Ф<едорови>ч, придавая

великое значение знанию, науке, весьма скептически относился к статистике и даже не к волостной только; он видел нечто противоестественное в том, когда предметом исследования делают живых людей вместо того, чтобы призвать их к самоисследованию, а статистика, или служители ее – статистики – так именно и поступают, они делают предметом своих исследований живых людей, которые, не понимая, для чего требуются собираемые сведения, не считают нужным давать сведения верные и часто заподозривают, что собираемые статистиками сведения нужны им для злых целей. Точно так же и бить в набат не в случае внезапности такого бедствия, как пожар, Н<иколай> Ф<едорови>ч не считал целесообразным. Словом, Владиславлев, – хотя по его словам и любил Н<иколая> Ф<едорови>ча, – совсем его не понимал, не понимал даже тогда, когда обещал издать свою работу с соблюдением карточной системы, т. е. с приложением к книге, которую собирался издать, библиотечной карточки, т. е. такой карточки, о которой говорится в статье – "*Что значит карточка, приложенная к книге*". Н<иколай> Ф<едорови>ч придавал серьезное значение таким карточкам в том лишь случае, если бы они прилагались к каждой выходящей книге, и притом по одной определенной форме, потому что в этом лишь случае составление библиотечных каталогов из дела трудного и весьма медленного стало бы легким и скорым; но для того, чтобы при каждой книге была такая карточка, нужно распоряжение власти; приложение же библиотечных карточек только к некоторым, к небольшому сравнительно числу книг никакого серьезного значения иметь не может» (ОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр. 12, лл. 17–18). – *649.*

[101] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 95 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 7, л. 5). О Н. И. Стороженко см. примеч. 15 к «Дополнению к разделу "Библиотеки и музейно-библиотечное образование"». Ответ Н. Ф. Федорова последовал 23 марта (письмо 182). – *649.*

[102] См. примеч. 2 к письму 182. – *649.*

[103] М. А. Веневитинову, директору Московского Публичного и Румянцевского музеев. – *649.*

[104] См. примеч. 96. – *650.*

[105] Речь идет о художнике В. В. Верещагине. О его контактах с Н. Ф. Федоровым см. примеч. к письму 77 (преамбула). – *650.*

[106] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, лл. 63–64 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, лл. 160–162).

Ответ на письмо Н. Ф. Федорова от 29 марта 1899.

О В. Я. Симонове см. примеч. к письму 184 (преамбула). – *650.*

[107] См. примеч. 7 к письму 184. – *650.*

[108] В газете «Новое время» за период с конца марта по июль 1899 г. новых статей В. Я. Симонова не обнаружено. Свою точку зрения на задачи армии в мирное время применительно к железнодорожным войскам В. Я. Симонов высказал в докладе, сделанном на первом частном собрании членов Общества ревнителей военных знаний 9 марта 1899 г. (т. е. практически параллельно с написанием статьи «Военные мысли о штатском деле»). Он подчеркнул, что железнодорожные батальоны должны быть сторожевою воинскою частью специального назначения и что и в мирное время их обучение и деятельность должны быть ориентированы прежде всего на те задачи, которые батальонам придется исполнять во время войны («О современной подготовке наших железнодорожных войск. Отчет о докладе военного инженера полковника В. Я. Симонова, сделанном им 9 марта 1899 г.». СПб., 1899, с. 15). – *650.*

[109] Речь идет о статье Н. Ф. Федорова «Задача конференции мира». Статья не была напечатана. – *651.*

[110] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 87 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 12, лл. 33–34). Об *И. М. Ивакине* и его взаимоотношениях с Федоровым см. преамбулу к разделу «Приложения» «И. М. Ивакин. Воспоминания (фрагменты)». – *651.*

[111] С Н. Н. Черногубовым (см. о нем примеч. к письму 280 (преамбула)) И. М. Ивакин, скорее всего, познакомился через Н. Ф. Федорова в библиотеке Румянцевского музея. Данное письмо свидетельствует, что И. М. Ивакин принимал посильное участие в судьбе Черногубова, который в 1899–1900 гг. испытывал значительные материальные трудности. Помогали Черногубову и другие лица из окружения Федорова: так, вопросами его трудоустройства занимался Ю. П. Бартенев – в сентябре 1900 г. он ходатайствовал о принятии Черногубова на службу в московскую прогимназию (см.: ф. 328, к. 4, ед. хр. 10, лл. 5–6). – *651.*

[112] Устроить Н. Н. Черногубова на службу по цензурному ведомству через Н. В. Шаховского (см. примеч. 112 к разделу «Письма Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову») не удалось. Было ли написано Н. Ф. Федоровым письмо к Н. В. Шаховскому с ходатайством о помощи Н. Н. Черногубову, составить которое просит ниже мыслителя И. М. Ивакин, неизвестно. – *651.*

[113] Желание Н. Н. Черногубова заняться «Дневником» А. В. Дружинина не осуществилось. Неоднократно предпринимавшиеся попытки опубликовать «Дневник» (он хранился вначале у Г. В. Дружинина, затем у его сына В. Г. Дружинина, потом у внука А. В. Дружинина, тезки знаменитого писателя, а после его смерти был передан в РГАЛИ) по разным причинам так и не увенчались успехом. «Дневник» вышел в свет лишь в наши дни – см.: А. В. Дружинин. Повести. Дневник. М., 1986. О судьбе «Дневника» см.: В. Г. Дружинин. А. В. Дружинин (1824–1864) и его Дневник // Указ. соч., с. 421–426. – *651.*

[114] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 83 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 12, л. 39). Данная телеграмма была отправлена директором Московского Публичного и Румянцевского музеев М. В. Веневитиновым в Асхабад, где Н. Ф. Федоров находился с конца августа 1899 г. Скорее всего, она послана 23–24 декабря, поскольку содержит поздравление одновременно с именинами Федорова (24 декабря по ст. стилю – празднование памяти преп. схимонаха Николая Славянина), праздником Рождества Христова и Новым годом. Однако не исключено, что она может быть датирована и 5–6 декабря (6 декабря по ст. стилю – память свт. Николая, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца). – *651.*

ВОКРУГ ФЕДОРОВА

Основу данного раздела составили письма лиц из окружения Н. Ф. Федорова. В большинстве из них содержатся упоминания о Федорове или излагаются те или иные сюжеты, к которым мыслитель имел прямое или косвенное отношение. К примеру, письмо И. М. Ивакина к Л. Н. Толстому содержит изложение идей Федорова об атмосферической регуляции и международном книгообмене, в письмах В. А. Кожевникова и А. В. Орлова-Давыдова к П. И. Бартеневу речь идет о статье В. А. Кожевникова «Стены Кремля», написанной по побуждению Федорова и т. д.

[1] Оригинал не сохранился. Ранее опубликовано: «Русский архив», 1915, № 11–12, с. 280–281; «Вселенское дело». Вып. 2. Рига, 1934, с. 160–161. Ответ на несохранившееся письмо *Н. А. Чаева* (см. примеч. 2 к письму 5), в котором писатель благодарил Н. П. Петерсона за присланный по его просьбе документ из архивного собрания Керенской публичной библиотеки (см. письмо 5 и примеч. 1 к нему). – *653.*

[2] Н. А. Чаев. Стенька Разин. Две картины из неоконченной пьесы («Апрель месяц. Черкасск», «Табор под Царицыным») // Сборник общества любителей российской словесности на 1891 г. М., 1891, с. 153–181. – *653.*

[3] Это хранилище было устроено Н. Ф. Федоровым во время его пребывания в Керенске, продолжавшегося с конца зимы по июль 1874 г. По всей видимости, оно было устроено при Керенской публичной библиотеке, заведование которой принял на себя Н. П. Петерсон. – *653.*

[4] В 1874 г. Н. Ф. Федоров исполнял должность архивариуса Керенского съезда мировых судей. – *653.*

[5] В конце ноября 1874 г. Н. Ф. Федоров был зачислен в штат Московского Публичного и Румянцевского музеев. Одной из побудительных причин к занятию должности в библиотеке Музеев было стремление собрать как можно более обширный материал по истории Керенского края (см. письмо 9). Кстати, среди бумаг Н. Ф. Федорова в фонде Н. П. Петерсона в ОР РГБ сохранились выписки Н. Ф. Федорова из различных изданий и статей, касающихся Пензенской губернии и в частности Керенского края, а также из архивных источников (см.: ОР РГБ, ф. 657, к. 8, ед. хр. 90, л. 1 об. – 6). – *653.*

[6] См. примеч. 6 к письму 7. – *654.*

[7] Печатается по автографу. Автограф (2 лл. почтового формата) хранится в отделе рукописных фондов Государственного музея Л. Н. Толстого (далее ГМТ). *Публикация Т. Г. Никифоровой. – 654.*

[8] В начале 1862 г. Н. П. Петерсон по приглашению Л. Н. Толстого, приехавшего тогда в Москву и побуждавшего молодежь учительствовать в организованных им народных школах, переехал в Ясную Поляну, преподавал в Головлинской, а затем Плехановской

народных школах, был секретарем журнала «Ясная Поляна». Как вспоминал он позднее, каждую субботу и перед праздниками учителя толстовских школ съезжались в Ясную Поляну, где писатель много и сердечно беседовал с ними, играл на рояле, стремился подвигнуть начинающих преподавателей описывать свой педагогический опыт (среди появившихся в 1862 г. в журнале «Ясная Поляна» статей молодых учителей есть и две статьи Петерсона «Г-ская школа» (№ 6) и «П-новская школа» (№ 10)). Воспоминания Н. П. Петерсона об этом периоде см. в его статье: «Из записок бывшего учителя» // О Толстом: Международный толстовский альманах, с. 257–268. – *654.*

[9] Возможно, Н. П. Петерсону через Н. Ф. Федорова стало известно о замысле Толстого выбрать из журнала «Revue des deux mondes» статьи, касающиеся философии и религии, перевести их и издать. «... Это будет удивительный сборник религиозного и философского движения мысли за двадцать лет», – писал Толстой жене 4 марта 1882 г. (*Толстой. 83*, 325). Замысел Толстого остался невыполненным. (*Сообщено Т. Г. Никифоровой.*)

Данное письмо Н. П. Петерсона проливает свет на историю статьи «Искусство, его смысл и значение», помещенной В. А. Кожевниковым и Н. П. Петерсоном во II томе «Философии общего дела» (текст ее см. в Т. II наст. изд., с. 216–228). Эта статья и была именно той статьей, которую Н. П. Петерсон отправил Л. Н. Толстому. Она представляет собой «перевод с присоединением собственных суждений» двух статей из «Revue des deux mondes»: «Le plaisir du beau et le plaisir du jeu, d'après l'école de l'évolution», par M. Guyau //15 août 1881 (М. Гюйо. Удовольствие от прекрасного и удовольствие от игры согласно школе современных эволюционистов) и «De l'idée de la mort chez les anciens Égyptiens et de la tombe égyptienne», par M. Georges Perrot, de l'Institut de France // 1-er février 1881 (Ж. Перро. Об идее смерти у древних египтян и об египетских захоронениях). Характерно при этом, что в тексте статьи «Искусство, его смысл и значение» не были показаны границы цитат (они восстановлены по указанным журнальным источникам лишь в наст. издании), перевод переходил в пересказ, перемежаясь авторским текстом.

Стилистический анализ тех фрагментов статьи, которые представляют собой авторский текст, позволяет атрибутировать их именно Н. П. Петерсону. Они являются его собственным изложением мыслей Н. Ф. Федорова об искусстве (последним обстоятельством и объясняется тот факт, что статья «Искусство, его смысл и назначение» была помещена во II томе «Философии общего дела» как статья Федорова). Причем, по признанию самого Петерсона, это изложение не могло охватить собой всего масштаба федоровской эстетики (см. его письмо к Н. Ф. Федорову от 1 сентября 1882 г. – Т. IV наст. изд., с. 582–583). – *654.*

[10] Как следует из письма Н. П. Петерсона к Н. Ф. Федорову от 30 декабря 1882 г., Л. Н. Толстой не содействовал напечатанию рукописи Н. П. Петерсона. В указанном письме Петерсон просил Федорова походатайствовать перед Толстым о возвращении статьи. – *654.*

[11] Намерение навестить Н. П. Петерсона в Керенске Толстой не осуществил. Летом 1882 г. он начал работу над большим религиозно-философским трактатом, впоследствии получившим название «В чем моя вера». Работа полностью захватила Толстого – к началу сентября первая редакция трактата была закончена. (*Сообщено Т. Г. Никифоровой.*) – *654.*

[12] Печатается по автографу, хранящемуся в ГМТ. *Публикация Т. Г. Никифоровой.*

Автограф – на двойных листах в линейку, предположительно рукой сестры И. М. Ивакина Павлы Михайловны Ивакиной. На тексте письма – поправки рукой И. М. Ивакина. Подпись его собственноручная.

В архиве Н. П. Петерсона в ОР РГБ хранится черновик данного письма рукой И. М. Ивакина с зачеркиваниями и поправками, датированный 17 октября 1891 г., а также позднейшая копия (ОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр. 11, лл. 9–18). Его В. А. Кожевников и Н. П. Петерсон планировали воспроизвести в III томе «Философии общего дела» в разделе «Материалы других лиц». Этот же черновик под заглавием «Письмо к Л. Н. Толстому о дождевании и книжном обмене» был опубликован в сборнике: «Вселенское дело» № 2. Рига, 1934, с. 156–159.

Судя по тому, что беловой текст письма, писанный рукой П. М. Ивакиной, имеет целый ряд отличий от черновика, можно предположить, что существовал второй черновик (до нас не дошедший), с которого и переписывался сестрой И. М. Ивакина окончательный текст.

Обращение И. М. Ивакина к Л. Н. Толстому было сделано по побуждению Н. Ф. Федорова, и письмо писалось напрямую по его мыслям, а возможно, отчасти и под диктовку. Содержание перекликается и во многих выражениях совпадает с письмами Н. Ф. Федорова Н. П. Петерсону от 6 и 16 октября 1891 г., излагавшими два его проекта – атмо-

сферической регуляции и франко-русского книгообмена. Ответ Л. Н. Толстого последовал 12 ноября (подробнее см. примеч. 56 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве»). – *655*.

[13] Речь, вероятно, идет о заметке в газете «Русские ведомости» от 12 октября 1891 (№ 281), в которой опровергалась информация, появившаяся двумя днями ранее в газете «Московские ведомости», о том, что Л. Н. Толстой уехал за границу в Париж, а затем в Биарриц. «Как уже было сообщено, – писали "Русские ведомости", – гр. Л. Н. Толстой занят в настоящее время, по слухам, заботою об оказании посильной помощи голодающим в одной из пострадавших от неурожая волостей». – *655*.

[14] Ивакин имеет в виду слова Иисуса, обвинявшего фарисеев в лицемерии: «И сказал им: хорошо ли, *что* вы отменяете заповедь Божию, чтобы соблюсти свое предание? Ибо Моисей сказал: "почитай отца своего и мать свою"; и "злословящий отца или мать смертью да умрет". А вы говорите: кто скажет отцу или матери "корван, то есть дар *Богу* то, чем ты от меня пользовался", тому вы уже попускаете ничего не делать для отца своего или матери своей» (Мк 7: 9–12). – *655*.

[15] О французской промышленно-художественной выставке в Москве см. примеч. 96 к «Статьям и заметкам разного содержания». Прибытие французской эскадры в Кронштадт, предварившее заключение франко-русского союза, состоялось 23 июля 1891 г. – *655*.

[16] Речь идет о записке В. Н. Каразина «О приложении электричества к потребностям человека» (1818), опубликованной в «Русской старине» (1873, № 2, с. 228–235). – *656*.

[17] Данный сюжет изложен в статье «Об управлении силами природы» – Т. II наст. изд., с. 260–264. – *656*.

[18] См. примеч. 4 к «Статьям о разоружении и умиротворении» – Т. II наст. изд., с. 479. – *656*.

[19] Речь идет об опытах вызывания дождя в Америке в 1891 г. и ассигнованиях на них (подробнее см. примеч. 58 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве»). – *656*.

[20] См. примеч. 4 к «Дополнению к разделу "Библиотеки и музейно-библиотечное образование"». – *657*.

[21] И. М. Ивакин приводит отрывок из письма к С. С. Слуцкому барона де Бай (см. примеч. 57 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве»). Перевод данного фрагмента: «Предложение организовать литературный обмен между Россией и Францией кажется великой и прекрасной идеей. Я прочел и перечел Ваше письмо, которое содержит в себе великолепное резюме проблемы. Что касается меня, то могу лишь выразить чувства преданности и симпатии к Вашей стране. Я обсуждал вопрос об обмене со многими из моих друзей, которые лучше меня могут выразить мнение на этот счет» (*франц.*). – *657*.

[22] Здесь И. М. Ивакин обозначает третий проект Н. Ф. Федорова, развивавшийся мыслителем в связи с голодом 1891 г., – проект всенаучного съезда по вопросу о предотвращении неурожаев и, в дальней перспективе, о регуляции природы. Этот постскриптум отсутствует в черновике письма, хранящемся в ОР РГБ. – *658*.

[23] Печатается по: РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 585, л. 376.

Данное письмо открывает подборку материалов, извлеченных из фонда П. И. Бартенева в РГАЛИ и касающихся, с одной стороны, истории публикации в «Русском архиве» статьи В. А. Кожевникова «Стены Кремля», а с другой – цензурной истории его работы «Бесцельный труд, "не-делание" или дело?»

Сотрудничество В. А. Кожевникова с журналом «Русский архив» началось в 1893 г. и в течение тринадцати лет проходило как бы под знаком Федорова. Все опубликованные им здесь с 1893 по 1901 гг. статьи были написаны в развитие идей мыслителя, преимущественно связанных с темой отечествоведения («Плач церквей московских» (1893, № 6), «Стены Кремля» (1893, № 11), «Международная благодарность» (1896, № 2)), или просто совместно с ним («Кончилась ли всемирная история?» (1900, № 10), «Чему научает древнейший христианский памятник в Китае?» (1901, № 3)). А в 1904–1906 гг. в «Русском архиве» печаталась книга В. А. Кожевникова о Федорове: «Николай Федорович Федоров. Опыт изложения его учения по изданным и неизданным произведениям, переписке и личным беседам» (Ч. 1. М., 1908) – письма В. А. Кожевникова к П. И. Бартеневу по этому поводу см.: РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 258, 596.

П. И. Бартенева и В. А. Кожевникова связывали отношения глубокого взаимного уважения. Кроме того, Владимир Александрович близко сошелся с Ю. П. Бартеневым, кото-

рый также высоко чтил своего старшего друга, преклонялся перед его образованностью, ценил его сотрудничество в журнале. «От Кожевникова жду прока для "Русского Архива". Это человек с огромными знаниями и необычайной скромностью», – писал он отцу из Германии, узнав о напечатании статьи «Стены Кремля» (4 ноября 1893 // РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 585, л. 442). И в следующем письме: «...статья Кожевникова хороша, жаль только, что будет мало замечена, газетами замолчана и таким образом не произведет действия. Рад я, что Кожевников приладился к Архиву, – писать он может хорошо, знает несказанно много и не сребролюбив» (14 ноября 1893 // там же, л. 445). В свою очередь П. И. Бартенев радовался сближению сына с Кожевниковым и был заинтересован в сотрудничестве с последним. «Был я вчера у Кожевниковых и сидел довольно с его мачихою. Мне радостно, что у них тебя очень любят. Ему писать Cannes Maritimes, poste restante (до востребования. – *Сост.*). Напиши и попроси, чтобы выслал статью для Архива» (П. И. Бартенев – Ю. П. Бартеневу. 20 октября 1896 // там же, ед. хр. 41, л. 9).

Сближал Ю. П. Бартенева и В. А. Кожевникова и интерес к идеям Н. Ф. Федорова. Ю. П. Бартенев, в 1890-е гг. помогавший отцу в издании «Русского архива», постепенно ставший его соредактором, не оставивший своей деятельности в журнале и после того, как начал служить по цензурному ведомству (в 1900 г.), – содействовал напечатанию статьи «Международная благодарность», написанной по внушению мыслителя, а также вышеназванных совместных статей Федорова и Кожевникова. – *658.*

[24] Об этой статье В. А. Кожевникова см. примеч. 212 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 621. В. А. Кожевников ни в этом письме, ни в последующих ни словом не упоминает о том, кто является автором идеи росписи стен Кремля. Помимо всегдашнего нежелания самого Николая Федоровича афишировать авторство выносимых им в печать проектов, это, по всей видимости, было связано с опасением встретить противодействие П. И. Бартенева, не причислявшего себя, в отличие от сына, к сторонникам учения «Московского Сократа». (Приведем в связи с этим цитату из письма Ю. П. Бартенева к П. И. Бартеневу от 14 мая 1904 г.: «Вот письмо Петерсона, которое он написал по поводу твоего примечания к письму Достоевского (о публикации письма Ф. М. Достоевского к Н. П. Петерсону от 24 марта 1878 г. в "Русском архиве" см. примеч. 108. – *Сост.*). Его можно, думается мне, напечатать. Он хочет писать воспоминания о Ник<олае> Феодоровиче, я ему отвечал, что ты чтишь его, но главная мысль покойника является для тебя, как и для многих, великим скандалом» (РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 596, л. 133)). – *658.*

[25] Печатается по: РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 585, л. 377–377 об. – *658.*

[26] Вероятно, это дополнение было внесено В. А. Кожевниковым по указанию Н. Ф. Федорова – см. фрагмент статьи последнего «Роспись центрального кладбища (Кремля Московского)...»: «В 1900 году исполнится шестьсот лет от построения известной по летописи Кремлевской стены, деревянной, воздвигнутой Даниилом, младшим сыном Невского» (Т. III наст. изд., с. 98). – *659.*

[27] Печатается по: РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 585, л. 382–382 об. – *659.*

[28] Статья «Несколько слов о новых способах стенной живописи» («Дневник артиста», 1893, № 10, с. 27–28) так описывала способ А. Кейма: «Изобретенная им грунтовая масса, смешиваемая с небольшим количеством гашеной извести, дает совершенно белый, несколько пористый грунт», по которому художник должен работать специально изготовленными Кеймом минеральными красками. «Пока грунт сырой, что достигается смачиванием его дистиллированной водой, живопись может быть легко изменяема и исправляема по желанию художника. Но когда картина готова, она пульверизируется особой фиксирующей жидкостью, которая, проникая в грунт, соединяет с ним химические краски живописи, предохраняя от атмосферических, климатических и световых влияний». Статья журнала «Дневник артиста» с обширными цитатами была пересказана в газете «Московские ведомости» (3 октября 1893, № 272, отдел «Смесь»). – *659.*

[29] П. И. Бартенев исполнил просьбу В. А. Кожевникова. Добавление, приложенное к письму, было помещено в постскриптуме статьи «Стены Кремля»: «Русский архив», 1893, № 11, с. 376–377. – *659.*

[30] Печатается по: РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 585, лл. 412–413. – *660.*

[31] В. А. Кожевников имеет в виду публикацию: «Новое стихотворение А. С. Пушкина» («Русский архив», 1893, № 10, с. 255), воспроизводившую черновой фрагмент к главе «Евгения Онегина». «Стихотворение это, – писал П. И. Бартенев в редакторском примечании, – [...] сохранилось в памяти одного из сотрудников "Русского архива" и было некогда прочитано им в своеручном подлиннике А. С. Пушкина. Для нас его подлинность

несомненна. Звуки и обороты пушкинские, столь заветные русскому сердцу, и мы поистине счастливы этою находкою». – *660.*

[32] Речь идет о публикации: «Письма А. С. Хомякова к И. С. Аксакову (1858)», подготовленной Д. А. Хомяковым («Русский архив», 1893, № 10, с. 197–202). – *660.*

[33] Согласно шестой статье «Устава о цензуре и печати», от предварительной цензуры были освобождены «все оригинальные сочинения объемом не менее 10 печатных листов», выходящие в Москве и Санкт-Петербурге («Свод законов Российской империи». Т. 14. СПб., 1890, с. 2 (2-я пагинация)). Поскольку работа В. А. Кожевникова была небольшого объема, то указанное положение на нее не распространялось.

О содержании работы «Бесцельный труд, “не-делание” или дело?», написанной В. А. Кожевниковым по побуждению Н. Ф. Федорова и содержавшей ряд его мыслей, см. примеч. 40 к статьям о Л. Н. Толстом – Т. II наст. изд., с. 491. – *660.*

[34] Печатается по: РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 585, лл. 416–417. – *661.*

[35] Источник цитаты не установлен. – *661.*

[36] П. И. Бартенев выслал В. А. Кожевникову отдельные оттиски его статьи «Стены Кремля», напечатанной в № 11 «Русского архива» за 1893 г. – *661.*

[37] Печатается по: РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 585, л. 433.

Данное письмо графа А. В. Орлова-Давыдова, бывшего управляющего дворцовой частью Московского Кремля, к П. И. Бартеневу вызвано статьей В. А. Кожевникова «Стены Кремля», к которой граф отнесся резко отрицательно. При этом письме А. В. Орлов-Давыдов выслал П. И. Бартеневу заметку, направленную против статьи Кожевникова. Об ответе на эту заметку, составленном Н. Ф. Федоровым и редактированном В. А. Кожевниковым, см. примеч. 212 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 621–622. Две редакции текста ответа под названием «Стены Кремля» см. там же, с. 91–92, 559–561. – *661.*

[38] Печатается по: РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 585, л. 464а–464а об. – *662.*

[39] В бумагах Московского цензурного комитета, хранящихся в ЦГИА, данных о прохождении брошюры Кожевникова обнаружить не удалось. – *662.*

[40] Печатается по: РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 585, л. 465–465 об. Судя по данному письму, заметка А. В. Орлова-Давыдова и ответ на нее Н. Ф. Федорова и В. А. Кожевникова не появились в «Русском архиве» прежде всего вследствие нежелания самого П. И. Бартенева давать на страницах своего издания место полемике по вопросу о росписи стен Кремля.

Первое письмо А. В. Орлова-Давыдова к П. И. Бартеневу датировано 23 ноября (следовательно, получено 24 ноября). Ответ П. И. Бартенева написан 25 ноября. В связи с этим можно выдвинуть две версии. Либо ответ Н. Ф. Федорова и В. А. Кожевникова был написан и передан П. И. Бартеневу в предельно короткий срок – меньше чем за сутки, – и Петр Иванович изложил его содержание в своем письме А. В. Орлову-Давыдову, либо, что всего вероятнее, П. И. Бартенев, узнав о желании В. А. Кожевникова (а значит, и Н. Ф. Федорова, хотя его имя, по всей видимости, в разговоре не упоминалось) отвечать на заметку графа, опередил события и указал оппоненту Кожевникова на нежелательность полемики, надеясь, что тот сам откажется от печатания своей заметки (что, в конечном итоге, и произошло). – *662.*

[41] Это письмо П. И. Бартенева А. В. Орлову-Давыдову нами не разыскано. – *662.*

[42] Говоря о необходимости «восстановления стен Кремля до значения» «национального памятника», В. А. Кожевников в статье «Стены Кремля» писал: «Недостаточно умыть грязные стены побелкою, расцветить их ничего не говорящею ни уму, ни чувству окраскою. [...] Чтобы стать тем, чем они должны быть, стены Кремля должны быть не побелены, не раскрашены, а расписаны, художественно расписаны историческою живописью, сверху донизу на всем громадном протяжении» («Русский архив», 1893, № 11, с. 369–370). – *662.*

[43] Печатается по: РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 585, л. 483–483 об. – *663.*

[44] Речь идет о содействии П. И. Бартенева в прохождении через цензуру работы В. А. Кожевникова «Бесцельный труд, “не-делание” или дело?» Цензурное разрешение на ее напечатание было дано 7 декабря 1893. – *663.*

[45] Первое издание брошюры В. А. Кожевникова вышло в конце декабря 1893 г. – *663.*

[46] Печатается по: РГАЛИ, ф. 743, оп. 1, ед. хр. 21, л. 5. – *663.*

[47] С. П. Бартенев в это время жил в Германии, в Берлине, усиленно занимаясь музыкой, совершенствуя свою фортепьянную технику и исполнительское мастерство (подробнее см. примеч. 33 к разделу «Приложения» «Письма Н. Ф. Федорову разных лиц»). – *663.*

[48] Жена Ю. П. Бартенева Надежда Степановна в это время ждала ребенка. – *663*.

[49] В конце октября 1896 г. Ю. П. Бартенев вернулся в Москву из-за границы, где находился с мая месяца, поправляя пошатнувшееся здоровье и усиленно готовясь к магистерскому экзамену по философии, который намеревался держать в ноябре 1896 г. (затем дата экзамена была перенесена на январь 1897 г.).

Намерение сдать магистерский экзамен и получить в университете место преподавателя философии во многом возникло у Ю. П. Бартенева в связи с материальными трудностями: необходимо было содержать семью, а работа в «Русском архиве» приносила слишком скудный доход; к тому же П. И. Бартенев, отчасти из-за финансового положения «Русского архива», отчасти и оттого, что в личных расходах был скуповат, часто задерживал выплаты сыну-редактору. Впрочем, дело было не только в нужде. Ю. П. Бартенев был еще достаточно молод и ему хотелось своей, самостоятельной деятельности, зависимость от отца, хоть и в любимом деле, все-таки его тяготила. А университетская кафедра – перспектива заманчивая. С сентября 1893 г. по конец марта 1894 г. он живет в Германии, занимаясь историей европейской философии. В 1895 г. напряженная работа в «Русском архиве» не дала возможности возобновить занятия, но в мае 1896 г. Ю. П. Бартенев все же выехал за границу, собираясь интенсивно готовиться к экзамену и писать диссертацию.

Однако полностью отдать себя занятиям ему не удалось, поскольку выехал он из России измотанным, а нервное его состояние приближалось к кризисному. «Юша все бросил, даже не простившись со мной, и уехал в богопротивное Галле. Серьезно, я боюсь, что оттуда придет известие об его сумасшествии», – писал П. И. Бартенев сыну Сергею 26 мая 1896 г. (РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 39, л. 3). Летом пришлось потратить какое-то время на отдых и лечение, впрочем, вперемежку с напряженной учебной работой: Бартенев занимался по 12 часов в сутки – с 6 утра до 6 вечера. «Работаю как вол. Кончаю Лейбница, остается один Фихте – и в Москву, держать экзамен», – сообщал он из Вены отцу (22 августа 1896 // РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 588, л. 307).

Душевное состояние Ю. П. Бартенева в период пребывания за границей продолжало оставаться мучительным и тяжелым. По мере подготовки к экзамену и работы над диссертацией он все яснее понимал, что преподавание философии – не его призвание, что работа по изданию «Русского архива» – именно то дело, к которому лежит душа. Угнетало и чувство вины перед отцом, на которого после отъезда сына обрушились все дела и заботы, связанные с журналом. «Сознание, что тебе приходится работать одному и что я, вместо помощи тебе, корплю над черт знает чем, с позволения сказать, сильно меня омрачает, даже больше, чем разлука с семьей. Действительно, не ирония ли судьбы, что я не могу заниматься любимым делом, потому что архивно-издательское дело мне мило и дорого, а должен потеть над тем, во что очень плохо верю и к чему имею малые способности. Но такова судьба. За желание вещать с кафедры – наказан. Я хотел бросить университет, но так и не удалось.

Потерпи же еще, голубчик, немного, я отваляю проклятый экзамен и руки для Архива будут свободны» (Ю. П. Бартенев – П. И. Бартеневу, 30 августа 1896 // там же, л. 318).

Подобные сокрушения и угрызения совести красной нитью проходят через письма Ю. П. Бартенева отцу, посланные из-за границы.

П. И. Бартенев, беспокоившийся за здоровье сына и к тому же с самого начала не одобрявший его намерения занять университетскую кафедру (в предшествующие годы Юрий Петрович вынужден был оправдываться: «...знаю, что тебе уже трудно нести бремя “Архива”, что я напрасно уклонился в философию» (7 января 1894 // РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 586, л. 7), «Ну вот видишь, не все философией я интересуюсь» (7 марта 1894 // там же, л. 105 об.)), в первое время, после внезапного отъезда Ю. П. Бартенева в «богопротивное Галле», увещевал его: «Ты не пишешь, двинулся ли в решимости кончить с нелепым экзаменом. Если ты совсем его бросишь, я готов заплатить те 600 р., которые тебе давало магистерство. Причислись куда-нибудь на службу, так как у нас иначе нельзя; но здоровьем нельзя так помыкать» (РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 41, лл. 1 об. – 2). Но эти уговоры только еще больше обостряли душевный разлад Юрия Петровича, который слишком много времени и сил потратил на «нелепый экзамен», чтобы вот так сразу все бросить. В конце октября он возвращается в Москву, начинает утрясать все необходимые подготовительные формальности, в полном сознании тщеты и суетности своих стремлений к университетской карьере. П. И. Бартенев, видя состояние сына и искренне желая помочь ему, писал: «Дорогой мой Юша. Не тревожься, не смущайся и не унывай, а про Русский Архив пока позабудь, чтобы не усиливать твоей теперешней заботы. Я твердо

верю, что экзамен сдашь ты преблагополучно, и разом пободреешь» (11 ноября 1896 // там же, л. 10). Ю. П. Бартенев благодарил отца: «...дорога монета в черный день», – и объяснял: «Но дух мой смущен не экзаменом, хотя возни, зубрения еще очень много, а тем, что время уходит сравнительно попусту. Конечно, быть хорошим профессором философии дело далеко не бесполезное, но совместить это с занятиями по Архиву *для меня* невозможно: о выборе не может быть и речи. Таким образом мне приходится тратить дорогое время (уже полжизни прожито) на то, что придется скоро бросить, так как для экзамена надо знать много ненужного хлама. Чувствую себя малосостоятельным должником и по отношению к университету, и к тебе, и даже к детям. Вот что смущает меня; особенно как подумаешь, что тебе приходится на склоне своих лет работать как молодому» (14 ноября 1896 // РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 588, л. 475).

Стремясь скорей сдать философию – в этом Ю. П. Бартеневу виделся конец изматывающего сиденья между двух стульев, – он, по приезде в Москву, даже не навестил Н. Ф. Федорова: «В Музее также еще не был: боюсь, что Великий старец насядет на меня со своими проектами и будет требовать моего содействия, а у меня один проект – поскорей избыть экзамена», – писал Юрий Петрович отцу 14 ноября 1896 г. (там же, л. 476). Впрочем, в конце концов в Румянцевский музей Ю. П. Бартенев все-таки попал (по крайней мере, точно заходил туда в конце декабря, чтобы передать Н. Ф. Федорову письмо С. П. Бартенева (см. примеч. 50)) и общение с Н. Ф. Федоровым вновь ободрило его, как всегда распахнуло перед ним совершенно иные горизонты, в свете которых личные переживания теряли остроту и как-то тускнели. Не случайно тон его письма брату от 31 декабря 1896 г., написанного «по следам» встречи с Федоровым, – совсем иной. Лишь в одной сдержанной фразе обозначен душевный кризис, длившийся несколько месяцев. А на первом плане – образ «Великого», преклонение перед его мыслями.

В январе 1897 г. Ю. П. Бартенев наконец сдал экзамен, который прошел не очень удачно и процедура которого его окончательно разочаровала («Опять обратиться к профессуре? – писал он впоследствии брату Сергею, – но экзамен показал мне, что это за Хитров рынок» // РГАЛИ, ф. 743, оп. 1, ед. хр. 21, л. 17 об.). Затем была короткая поездка в Германию, пребывание в с. Звягино, тяжелая болезнь сына Пети, когда каждую минуту они с женой боялись летального исхода, когда сам он не в силах был видеть страдания Надежды Степановны и детей: «Напиток жизни все более принимает оцетный отвкус, все более сознаешь свое бессилие и бессмыслие жизни, из которой смерть является логическим выводом» (письмо П. И. Бартеневу от 27 мая 1897 // РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 589, л. 230). Метания закончились в июне 1897 г. – Ю. П. Бартенев вернулся в Москву и вновь стал работать в редакции «Русского архива». Это был уже окончательный, совершеннолетний и сознательный выбор, и свою деятельность в журнале Юрий Петрович, разделявший воззрения Федорова на задачи отечествоведения, воспринимал как дело высокое и священное, как служение: тут Юрий Петрович во многом брал пример с самого мыслителя – «идеального библиотекаря», подвижника книжного дела.

Именно в силу серьезного, глубоко личного отношения к работе в «Русском архиве» Ю. П. Бартенев так тяжело переносил порой проявлявшиеся в процессе подготовки текущих номеров свои несогласия с отцом, оттого-то и впал в отчаяние, когда в конце 1897 г. произошла очередная размолвка, из-за которой он на время прекратил работу в журнале («Архив ушел от меня и *жизнь моя сломана*», – письмо С. П. Бартеневу от конца декабря 1897 // РГАЛИ, ф. 743, оп. 1, ед. хр. 21, л. 16). И объясняясь по этому поводу с П. И. Бартеневым, писал ему: «Архивное дело мне дорого и мило, это я доказал от дела – когда обнаружилось для меня, что с Архивом и с профессурой я не могу справиться зараз, я решил отказаться от последней» (РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 590, л. 12–12 об.).

Кстати, судьбы Ю. П. Бартенева и С. П. Бартенева – из всех детей П. И. Бартенева они были особенно близки друг с другом – в чем-то очень похожи, а в 1890-е гг. они просто шли параллельно. Сергей Петрович, не удовлетворяясь преподавательской деятельностью, в 1896 г. также уехал за границу «для усиленных занятий и совершенствования своей игры, чтобы добиться успеха и стать настоящим выдающимся музыкантом, способным к концертным выступлениям, что дало бы ему известность и деньги» (В. А. Бартенева. Семья Бартеневых. Воспоминания // РГАЛИ, ф. 46, оп. 9, ед. хр. 85, л. 137). Несколько лет прошли в напряженном труде. Образ жизни был предельно аскетичен и всецело подчинен главному – музыке: комната в пансионе, скудная еда и многочасовые фортепианные занятия. В первый год он даже старается не давать концертов и не приезжает в Россию повидаться с семьей, «чтобы не потерять привычку работать» (см. письмо П. И. Бартеневу от 25 декабря

1896 г. // РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 589, л. 406–406 об.). В 1897 г. начинает давать концерты и при этом столь же усиленно занимается. «Хоть и тяжело, но пока выдерживаю свою жизнь одиночества и работы», – пишет отцу 9 декабря 1897 г. (там же, л. 393 об.).

Заработки сведены к минимуму – лишь бы как-то прокормиться самому и прокормить жену с детьми в то время, когда они приезжают к нему из России. С. П. Бартенев отказывается даже от литературной работы в качестве музыкального критика. «В газету я не писал по той причине, что все надеюсь зарабатывать себе хлеб честным трудом по музыке, а если начать писать, то или придется вооружить против себя многих, или надо врать» (П. И. Бартеневу, 21 января 1897 // там же, л. 17–17 об.).

Проходит два года, а напор решимости не ослабевает. «Отдыхать я не намерен. Теперь или никогда! Я близок к цели, но довершить всегда самое трудное и хуже всего разрушить настроение к работе. [...] Мне нужен не пуф, а серьезное имя и заработок. [...] Верь, я добьюсь. [...] То, за что заплачено полжизни, – дорого!» (П. И. Бартеневу, 14 января 1898 // РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 590, лл. 17, 18–18 об.). «Я играл Никишу и Вольфу и оба сказали, что я – “ganz famose” (великолепен. – *Сост.*) и будет успех (разумеется настоящий успех)», а потому «надо работать сколько лишь хватит сил и делать все, чтоб силы было побольше» (П. И. Бартеневу, 6 февраля 1898 // там же, лл. 35 об. – 36).

На алтарь будущей славы принесено все. Жизнь, здоровье, семья, дети. Вне музыки – ничего. П. И. Бартенев не может этого понять: «Как не стыдно Сереже так эгоистически отдаваться музыке. Всему есть мера, разнообразие занятий необходимо», – пишет он жене С. П. Бартенева Софье Николаевне (РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 39, л. 5). Отец пытается найти сыну место в России (см. письмо С. П. Бартенева от 21 января 1897 // РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 589, л. 50), неоднократно убеждает его вернуться и поступить на службу, пусть и не связанную с музыкальной карьерой. Сын приезжает в Россию, но ненадолго, и вновь устремляется за границу. «Вернуться мне можно лишь в силе и славе, не иначе, – объясняет Сергей Петрович. – Или открыть табачную лавочку. А это жаль. Лучше поднатужиться» (2 января 1899 // РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 591, л. 2). Поднатужиться было, конечно, лучше, но где взять силы? Здоровье уже сдавало, заниматься часто приходилось, превозмогая себя, организм не выдерживал заданного темпоритма. Отказаться же от своей мечты после стольких лет напряженного труда было тяжело. «Я хочу иметь место, но пока его нет, не могу бросать того, на что убито 15 [?] лучших годов жизни» (П. И. Бартеневу – 12(24) января 1899 // там же, л. 16 об.).

И действительно, мастерство росло. Был наработан огромный репертуар. «Вся игра его была продумана, полна чувства, без дешевых виртуозных эффектов. Он был превосходным исполнителем русской и зарубежной классической музыки. Широко образованный и культурный человек, он тонко чувствовал и передавал замысел автора» (В. А. Бартенева. Семья Бартеневых. Воспоминания // РГАЛИ, ф. 46, оп. 9, ед. хр. 85, л. 142). В марте 1899 г. С. П. Бартенев писал П. В. Жуковскому: «Настал момент моей концертной деятельности» (цит. по: там же). Музыкант дает два сольных концерта в Берлине и один в Константинополе. Но несмотря на успешные выступления, триумфа не получилось. Мечта обеспечить себя с помощью одной лишь концертной деятельности тоже потерпела крах. «Ужели нет надежды достигнуть прочного положения и материального и общественного при помощи музыки», – горестно спрашивал его брат Юрий Петрович (письмо от 22 марта 1899 // РГАЛИ, ф. 743, оп. 1, ед. хр. 21, л. 10 об.). Через какое-то время С. П. Бартенев возвращается в Россию. Вновь начинается преподавательская работа. По мере сил, как и Ю. П. Бартенев, он помогает отцу в издании «Русского архива» («Русский архив», как земля Антею, дает ему энергию и уверенность в себе). А с 1902 г., по протекции П. В. Жуковского, начинает работать в Кремле, причем отдается делу изучения московской святыни с той же горячностью, с которой ранее служил «чистому искусству». Будучи хранителем Кремля, он обошел все его стены, исследовал и описал все башни, проверял планы, разрезы фасадов, дворцов и церквей, поднял массу источников: летописей, исторических документов, специальных исследований. И в своем беззаветном служении Кремлю не мог не находить сочувствия в Н. Ф. Федорове, который так много думал и писал о «священной крепости, сторожащей прах предков», призывал к восстановлению нравственного и образовательного значения Кремля. Самая «мечта об изучении Московского Кремля», которая была у него еще до зачисления в штат Дворцового Управления (см.: В. А. Бартенева. Семья Бартеневых. Воспоминания // РГАЛИ, ф. 46, оп. 9, ед. хр. 85, л. 154), формировалась, по всей видимости, не без участия Николая Федоровича.

Так два брата Бартеневых, вслед за отцом и за своим духовным учителем Н. Ф. Федоровым, на долгие годы (Ю. П. Бартенев – до самой кончины) посвятили себя отечествоведению, исполняя долг сохранения и преумножения памяти, делая то, что пока доступно и возможно человечеству на пути к восстановлению жизни. – *663*.

[50] Речь идет о письме С. П. Бартенева к Н. Ф. Федорову от 20 декабря 1896 г. (Т. IV наст. изд., с. 639).

С С. П. Бартеневым, преклонившимся, так же как и он сам, перед «великими мыслями» московского библиотекаря, Ю. П. Бартенев мог говорить о «Великом» – так звали между собой Николая Федоровича его ученики (это определение находим и в вышеприведенном письме Ю. П. Бартенева отцу, его же позднее повторял С. М. Северов в письмах Н. П. Петерсону 1908–1916 гг. (ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 43)) – доверительно, на равных, высказывать то, что с трудом воспринималось вне федоровского круга, о чем, например, так сложно было бы вести речь с П. И. Бартеневым, – в случае с ним Ю. П. Бартеневу всегда приходилось отстаивать свое серьезное отношение к идеям мыслителя.

Кстати, С. П. Бартенев в этом отношении был на стороне брата и порой должен был увещевать отца, «ревновавшего» Юрия к Николаю Федоровичу. «Юша, как ты вероятно знаешь, больше не работает по Р<усскому> Архиву, предпочитая возиться с Кожевниковым по вопросу об оскудении любви в сожжении трупов (речь идет о статье В. А. Кожевникова “Любовь погибает”. – *Сост.*) или с Николаем Федоровичем о воскрешении мертвых», – жаловался П. И. Бартенев в письме от 24 февраля 1898 г. (РГАЛИ, ф. 743, оп. 1, ед. хр. 14, л. 46 об.) в период упоминавшейся выше размолвки с сыном, умалчивая, впрочем, о том, что поводом к ней послужила очередная задержка жалованья. И Сергей Петрович отвечал: «О Юше я ничего не знал: мне ведь никто не пишет. Во всяком случае очень жаль и, если это так, то надо его опять привлечь к Рус<скому> Архиву. Не могу думать, чтобы у него не было повода, – он отлично понимает важность занятия Р<усским> Арх<ивом>. Ник<олай> же Фед<орович> делу не мешает, но подбодряет, хотя в практическом отношении очень наивен, думает – люди умные. А они: чуть не по плечу, или ругаться, или смеяться. С этим надо считаться» (РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 590, лл. 62 об. – 63). В последующих письмах он вновь возвращается к вопросу о важности участия «Юши» в Архиве, призывает отца и сына примириться на Пасху, пишет о Юрии Петровиче как о преемнике дела отца: «Будь здоров и да здравствует “Русский Архив”, славное начало и процветание кот<орому> ты положил и вывел, а продолжение должен Юша так же и еще более славно и успешно делать. Это его долг и он его выполнит, я уверен!» (5 апреля 1898 // там же, л. 84) – в свете этих слов особенно зловеща вечная гримаса судьбы: Ю. П. Бартенев скончался в 1908 г., а П. И. Бартенев пережил своего сына и духовного наследника на пять лет, так до самой смерти и не оправившись от этой потери.

После того как инцидент был исчерпан и Ю. П. Бартенев вернулся в «Русский архив», С. П. Бартенев, стремясь поддержать согласие между отцом и сыном, порой не пренебрегал и доброй шуткой: «Вот статью о Ольге Карловне Юша написал мастерски (речь идет о статье Ю. П. Бартенева “Памяти Ольги Карловны Рейтерн” // Русский архив, 1899, № 1, с. 200–203. – *Сост.*). Надо многое сказать, чтобы перечислить все ее (т. е. статьи) достоинства. Хорошо! Наконец он удержался от включения отрывков из доктрин (великих) Ник<олая> Федоровича. А ведь соблазн какой! Как не упомянуть о воскресении, когда речь о покойнике. Но удержался и статья – chef-d'oeuvre!» (РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 590, л. 11). – *663*.

[51] Возможно, речь идет о двоюродном брате Ю. П. и С. П. Бартеневых И. А. Борисове (см. примеч. к письму 80 (преамбула)). – *663*.

[52] мелкошумящие (*греч.*). Словообразование Ю. П. Бартенева – от греч.: «μικρός» – малый, мелкий и «βρομέω» – жужжать, шуметь. – *663*.

[53] Печатается по: ОР РГБ, ф. 217, ед. хр. 2, лл. 7–8 об.

Поводом для письма В. А. Кожевникова Г. П. Георгиевскому (см. примеч. 2 к письму 71) послужила рецензия на статью Кожевникова «Любовь погибает» (см. о ней примеч. 337 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 643–644) – «Опрос г. Кожевникова о том, как смотрит русский народ на сожигание трупов», – появившаяся в «Северном вестнике» (1898, № 2, с. 58–67, 2-я пагинация) в разделе «Журнальное обозрение». Заметка была выдержана в насмешливом тоне. Автор пересказывал статью «Любовь погибает», одновременно пародируя ее. Заканчивалась статья следующим пассажем: «Г. Кожевников должно быть и в самом деле человек с пламенной фантазией, если все это, и еще многое другое, столь же возвышенное, он усмотрел в беседах с извозчиками и Дуняшей! А может

быть, и бесед-то никаких не было, а только разыгралась фантазия автора, которому захотелось подчеркнуть "возвышенно-нравственное" миросозерцание народа. Народным языком г. Кожевников, действительно, владеет хорошо, – он и придумал этот "опрос", хотя, может быть, недостаточно искусно связал народное миросозерцание с вопросом о сожигании трупов. Ну, да это пустяки. Не всякое же лыко в строку, – тем более, что автор закончил свою статейку истинно величавым лирическим обращением: "Нет, нет! Не вся еще любовь погибла и вымерла! Не на дымном костре бессердечного себялюбия и неблагодарности, а на священном алтаре долга сыновнего и братского вспыхнет для человечества чистый пламень любви всеобщей и всеобъемлющей, живоносной и животворной, жизнь сохраняющей, жизнь воссоздающей!" Осуществление этого идеала, может быть, нам еще долго придется ждать, – в особенности если вспомнить то человеконенавистничество, которым питаются наши консервативные органы вообще и "Русский вестник" в частности, но тем не менее и мы можем присоединиться к "упованиям" г. Кожевникова» (с. 67). – *664.*

[54] Совет врага (*лат.*). – *664.*

[55] букв. «мудрому достаточно»; умный поймет (*лат.*). – *664.*

[56] Николай Николаевич *Златовратский* (1845–1911) – писатель-народник, публицист. В повести «Крестьяне-присяжные», романе «Устои», очерковых циклах «Деревенские будни», «Очерки деревенского настроения», «Очерки крестьянской общины» и др., изображая мир пореформенной деревни, стремился показать, что, несмотря на совершающиеся перемены, на усиление хищнической, кулацкой «правды», в народе крепки традиционные начала, все то «чистое, любовное, мирное, устойчивое, что только выработал народный романтизм» («Устои»). 30-летний юбилей литературной деятельности Н. Н. Златовратского отмечался 16 ноября 1897 г. (см.: В. И. Бородаевский. Юбилей народника-беллетриста // Исторический вестник, 1898, № 1, с. 277–291). – *664.*

[57] Печатается по автографу, хранящемуся в ГМТ. *Публикация и примечания Т. Г. Никифоровой.*

Автограф – 2 лл. почтового формата; л. 1 об., л. 2 об. не заполнены.

На конверте:

«В Москву

Его Сиятельству Льву Николаевичу

Графу Толстому

Хамовники, № 15-й».

На конверте помета карандашом рукой Толстого: «Б.О» – «Без ответа».

Конверт – обычный. Марка снята. – *665.*

[58] Н. П. Петерсон послал Л. Н. Толстому экземпляр статьи Н. Ф. Федорова «Каменные бабы как указание смысла, значения музеев» («Дон», 12 апреля 1898, № 38). В ГМТ эта статья не числится. – *665.*

[59] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 29 (ранее частично опубликовано: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение*, с. 214). *М. А. Веневитинов* (см. примеч. 15 к «Дополнению к разделу "Музейно-библиотечное образование"») был лично знаком с Н. П. Петерсоном, поскольку неоднократно бывал в Воронеже. Его имение Новоживотинное находилось в Воронежском уезде; в 1888–1895 гг. он являлся Воронежским губернским предводителем дворянства. – *665.*

[60] Н. П. Петерсон послал М. А. Веневитинову статьи Н. Ф. Федорова, опубликованные в газете «Дон» в 1898 г.: на момент написания письма это были: «Каменные бабы, как указание смысла, значения музеев», «Пожертвование В. А. Кожевникова Воронежскому музею», «Каменная баба Воронежского музея», «Юбилейная выставка». Кроме того, Петерсон мог послать и статью «Воронежский музей в 1998 году», вышедшую в свет 14 июня. – *665.*

[61] В 1890-х гг. администрация Московского Публичного и Румянцевского музеев неоднократно поднимала вопрос о необходимости реставрации зданий, в которых размещались коллекции и библиотека. На аварийное состояние многих помещений неоднократно указывалось в музейных отчетах, в московских газетах периодически появлялись статьи о материальных трудностях главного просветительного учреждения г. Москвы. Наконец, в 1898 г. Музеи получили крупную субсидию из Государственного казначейства на ремонт и реставрацию зданий. Сообщая об этом в очередном отчете в главе «Летопись музеев за 1898 г.», администрация Музеев выражала «надежду, что указанное ассигнование явится лишь 1-м шагом в ряду тех многосторонних и многосложных реформ, в которых так сильно нуждаются Московский Публичный и Румянцевский музеи, чтобы успешно пре-

следовать свои просветительные цели, завещанные им их основателем» («Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1898 год». М., 1899, с. 6). – *665.*

[62] Николай Васильевич *Русин* (1853 – после 1917) – чиновник; служил в Воронеже. – *665.*

[63] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 22, л. 1–1 об. О С. Е. Звереве и его деятельности как организатора и заведующего Воронежским губернским музеем см. в примеч. 325 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 640. См. также: В. В. Алленова. С. Е. Зверев – создатель Воронежского губернского музея // Из истории Воронежского края. Сб. статей. Вып. 7. Воронеж, 1998, с. 118–135. – *666.*

[64] В. А. Кожевников пожертвовал на нужды Воронежского губернского музея выручку от продажи своей книги «Философия чувства и веры» (М., 1897). – *666.*

[65] Протокол заседания Воронежского губернского статистического комитета, на котором В. А. Кожевников был избран почетным членом комитета, опубликован в газете «Воронежские губернские ведомости» 17 марта 1899, № 21 (см.: *Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение,* с. 225). – *666.*

[66] Вероятно, речь идет о брошюре В. А. Кожевникова «Бесцельный труд, "не-делание" или дело?», а также об отдельных оттисках очерков «Святая София» и «Цареградский музей». – *666.*

[67] Н. П. Петерсону. – *666.*

[68] Печатается по: ОР РГБ, ф. 217, к. 12, ед. хр. 2, л. 3–3 об. – *666.*

[69] Эту статью В. А. Кожевникова см. в Т. IV наст. изд., с. 562–566. – *666.*

[70] Так в оригинале. – *666.*

[71] Печатается по: ОР РГБ, ф. 217, к. 12, ед. хр. 2, л. 4–4 об. – *667.*

[72] Статья «К вопросу об умиротворении» не была напечатана в «Русском вестнике». – *667.*

[73] Эти сведения, приведенные в статье «К вопросу об умиротворении», В. А. Кожевников почерпнул из телеграммы из Константинополя, опубликованной в газете «Русские ведомости» 16 января 1899 г. (№ 16). – *667.*

[74] Имеется в виду германский император Вильгельм II. – *667.*

[75] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 89 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 12, л. 35). Григорий Александрович *Кожевников* – см. примеч. 5 к письму 177. Автор письма к Г. А. Кожевникову – Петр Кузьмич *Козлов* (1863–1935) – член Императорского русского географического общества, путешественник, ученик Н. М. Пржевальского, исследователь Центральной Азии (в 1928 г. получил звание академика АН УССР).

В 1893–1895 гг. П. К. Козлов участвовал в экспедиции по исследованию Тянь-Шаня, Нань-Шаня, Северного Тибета и Хамитской пустыни, организованной Русским географическим обществом и возглавлявшейся В. И. Роборовским; исполнял должность старшего помощника начальника экспедиции. Одной из главных задач экспедиции было устройство метеорологической станции в Люкчюнской котловине, открытой предыдущими экспедициями общества, и производство метеорологических наблюдений с целью сбора материала для дальнейшей разработки вопроса о климате Центральной Азии. Станция в Люкчюнской котловине была устроена и проработала с 1 ноября 1893 г. до 18 августа 1895 г. Экспедиция проводила метеорологические наблюдения и на протяжении всего своего маршрута, устраивая по пути следования временные метеорологические пункты, работавшие от 25 дней до 4 месяцев.

По возвращении из экспедиции В. И. Роборовский и П. К. Козлов представили Русскому географическому обществу предварительные отчеты. Отчеты были прочитаны на общих собраниях общества 2 апреля и 12 ноября 1897 г., а затем напечатаны: «Предварительный отчет о трехлетнем путешествии по Центральной Азии В. И. Роборовского и П. К. Козлова» // Известия Императорского русского географического общества. Т. XXXIII, вып. II. СПб., 1897, с. 121–163; «Предварительный отчет об экспедиции в Центральную Азию капитана В. И. Роборовского» // Там же. Т. XXXIV, вып. I, СПб., 1898, с. 1–59; см. также отдельные оттиски. В этих отчетах, дававших общий очерк путешествия и отмечавших главные его результаты, было указано и на организацию Люкчюнской станции 2-го разряда и проводившиеся там двухлетние наблюдения.

По всей видимости, Г. А. Кожевников обратился к П. К. Козлову за более развернутыми сведениями о станции, организованной в Люкчюнской котловине, имея в виду Н. Ф. Федорова, занимавшегося во второй половине 1898 г. проблемами разоружения и умиротворения и ставившего в связи с этим вопрос о метеорологических наблюдениях и атмосферической регуляции. Первые сведения о Люкчюнской метеорологической станции, скорее всего почерпнутые из отчетов Роборовского и Козлова, он сообщил Н. Ф. Фе-

дорову через В. А. Кожевникова в середине января 1899, а потом, по всей видимости, прислал и само письмо П. К. Козлова (оно сохранилось в собрании Н. П. Петерсона). Письмо Г. А. Кожевникова П. К. Козлову не разыскано. – *667.*

[76] См.: А. А. Тилло. Главнейшие результаты метеорологических наблюдений на станции, устроенной Императорским русским географическим обществом в Притяньшаньской центрально-азиатской впадине в г. Люкчуне // Труды экспедиции Императорского русского географического общества по Центральной Азии, совершенной в 1893–1895 гг. под начальством В. И. Роборовского. СПб., 1899, с. 10–19 (3-я пагинация). Алексей Андреевич *Тилло* (1839–1899), географ, картограф, геодезист, автор работ по метеорологии и земному магнетизму, инициатор устройства метеорологической станции в Люкчюне, в статье, обобщившей результаты двухгодичных наблюдений, пришел к выводу, что Люкчюнская котловина с ее резко выраженными колебаниями температуры и атмосферного давления «обладает наибольшей континентальностью на всем земном шаре». – *667.*

[77] Наблюдения на метеорологической станции в Люкчюне производил «старший урядник Семиреченского казачьего войска Николай Шестаков», которого В. И. Роборовский предварительно в течение трех с половиной месяцев «практиковал в различных наблюдениях и в обращении с инструментами» («Краткие сведения о Люкчунской котловине и метеорологической станции» // Там же, с. III). –

[78] Ср. в цитируемой статье: «Шестаков сблизился с жителями и собрал интересные этнографические сведения. Приобрел покупкою несколько ценных шкур зверей, украсивших нашу зоологическую коллекцию; собрал по возможности насекомых и пресмыкающихся котловины и прекрасную коллекцию культурных семян» (там же, с. III). Зоологическая и ботаническая коллекции, собранные в Люкчюне и в других местностях, были переданы в соответствующие научные учреждения: в Академию наук, в Зоологический музей, в ботанический сад. Кроме того, экспедиция привезла большую геологическую коллекцию, а также собрание монет, образцов старинной письменности, рисунков, гончарной работы, местных украшений и т. д. – *667.*

[79] Печатается по: ЦГИА, ф. 2254, оп. 1, ед. хр. 14, л. 2. На тексте письма рукой С. Е. Зверева: «Отв<етил> 4 марта 1899». О В. И. Срезневском см. примеч. к письму 85 (преамбула). – *668.*

[80] Михаил Федорович *Де-Пуле* (1822–1885) – писатель, публицист, воронежский краевед. Алексей Андреевич *Хованский* (1815–1899) – педагог, писатель, основатель и редактор-издатель воронежского журнала «Филологические записки». – *668.*

[81] Измаил Иванович *Срезневский* (1812–1880) – выдающийся филолог-славист, этнограф. В. И. Срезневскому, в течение многих лет занимавшемуся наследием отца, принадлежал ряд работ о нем: «Из первых лет научно-литературной деятельности И. И. Срезневского». СПб., 1898; «Измаил Иванович Срезневский. Биографический очерк». М., 1908; «Библиографические материалы, относящиеся к жизни и деятельности И. И. Срезневского». Пг., 1915. – *668.*

[82] Речь идет о свт. Митрофане, епископе Воронежском. *Ставленные грамоты* – свидетельства, которые выдавались местным епископом священникам в удостоверение правильности их рукоположения. – *668.*

[83] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 84 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 12, лл. 13–14). О Н. В. Веретенниковой и ее письме к Н. П. Петерсону см. примеч. 1 к письму 179. – *668.*

[84] См. письмо 179. – *668.*

[85] Печатается по: ОР РГБ, ф. 328, к. 4, ед. хр. 58, л. 1об.

И. М. Ивакин – см. преамбулу к разделу «Приложения» «И. М. Ивакин. Воспоминания (фрагменты)». *Н. Н. Черногубов* – см. примеч. к письму 280 (преамбула). – *669.*

[86] О *В. Э. Дене* см. примеч. 75 к разделу «Приложения» «Письма Н. Ф. Федорову разных лиц». – *669.*

[87] Это письмо Н. Ф. Федорова не разыскано. – *669.*

[88] Печатается по: ОР РГБ, ф. 328, к. 3, ед. хр. 20, л. 1. Ответ на письмо И. М. Ивакина от 9 марта 1899 (см. выше). – *669.*

[89] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 22, лл. 2–3. – *669.*

[90] См. примеч. 64. – *669.*

[91] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 30 (копия рукой В. А. Кожевникова с поправками Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 310–311). Ответ на письмо В. А. Кожевникова (текст его неизвестен), написанное по заметкам Н. Ф. Федорова, ка-

сающимся лекции Н. Я. Пясковского «Как мыслил Владимир Соловьев о воскресении и значение его философии для гигиены духа» (см. примеч. 290 к разделу «Статьи и заметки о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве»).

На оригинале письма Н. Я. Пясковского сохранились пометы и приписки Н. Ф. Федорова. Все приписки воспроизведены в подстрочных примечаниях. – *670.*

[92] Здесь и далее по тексту письма Н. Я. Пясковский приводит цитаты и выражения из письма В. А. Кожевникова. – *670.*

[93] В оригинале письма выражение «и т. д.» подчеркнуто Н. Ф. Федоровым. – *670.*

[94] В лекции «Как мыслил Владимир Соловьев о воскресении...» Н. Я. Пясковский приводил следующее рассуждение богослова Павла Яковлевича *Светлова*: факт Воскресения Христова «предполагается историей апостольской эпохи, историей первоначального христианства. Христианство без предположения Воскресения Христова было бы непонятно в самом уже своем начале, осталось бы необъяснимым самое его происхождение. Каким образом распятый, униженный Христос, потерпевший полное поражение, мог стать основателем христианской церкви, сделаться средоточием всемирной истории, собрать под знаменем Своего опозоренного имени общество последователей, сделаться предметом их любви, беспредельного благоговения, их жизнью, надеждою, их искуплением, наконец – Богом? Что объяснит нам резкую перемену в учениках Его, из робких, запуганных и даже оттолкнутых Его печальною кончиною людей в мужественных, восторженных, бесконечно преданных Христу проповедников Евангелия, продолжателей дела Его? Между позорною крестною смертью Иисуса Христа, таким образом, и этою проповедью апостольскою, покорившею мир Христу и создавшею церковь, *научная* история, не ограничивающаяся только описанием фактов, должна предположить факт, изгладивший впечатление позорной смерти в учениках, каким мог быть противоположный ему факт прославления и победы Христа (торжества Его) в воскресении». Главное историческое свидетельство о Христе, подчеркивал П. Я. Светлов, «в обществе Его последователей в церкви, в ее живом, ясном, непрерывном предании, заключенном в ее вероучении, богословии и святоотеческой литературе», связывающем настоящее с «первоначальными временами христианства»; это свидетельство «есть факт, с которым надо считаться» (цит. по: Н. Я. Пясковский. Указ. соч., с. 23–24). – *670.*

[95] Вероятно, В. А. Кожевников, посылая письмо с возражениями Н. Я. Пясковскому, просил позволения его напечатать. Письмо напечатано не было. – *671.*

[96] Печатается по: ОР РГБ, ф. 386, к. 89, ед. хр. 55, л. 1. Печатаемый текст представляет собой записку, набросанную на листке бумаги простым карандашом. В Т. IV наст. изд. записка была датирована нами осенью 1901 г., поскольку мы предположили, что речь в ней идет об одной из несохранившихся статей Н. Ф. Федорова, посвященной проблеме реформы средней школы (перечень этих статей (все они утрачены) приведен в главе «Воспитатель и учитель» книги В. А. Кожевникова «Николай Федорович Федоров» (с. 45–53)), которую В. А. Кожевников по согласованию с Н. Ф. Федоровым мог предлагать редакции «Русского архива», где в то время работал В. Я. Брюсов. Предположение было сделано нами на основании упоминания в тексте комментируемого письма В. Н. Каразина и отрицательного отзыва петербургского академика Н. Фусса о его идее практического использования атмосферного электричества: в одной из статей Федорова по поводу школьной реформы – «О национальной школе 100 лет тому назад», текст которой обсуждался в переписке Н. Ф. Федорова и В. А. Кожевникова лета 1901 г. и которую Н. Ф. Федоров упоминает в заметке «Все пять статей...», сетуя на то, что ее не удалось напечатать (см. Т. IV наст. изд., с. 162), речь непосредственно шла о В. Н. Каразине, и сама статья была составлена на основе статьи Н. Ф. Федорова и И. А. Борисова «К вопросу о памятнике В. Н. Каразину». Однако наше предположение оказалось ошибочным. В настоящее время установлено, что в письме В. А. Кожевникова В. Я. Брюсову идет речь о статье Н. Ф. Федорова «Астрономия и архитектура», посмертно опубликованной в журнале «Весы» (1902, № 2, с. 20–24; текст статьи см. в наст. томе), и само письмо написано по получении корректуры данной статьи. Соответственно, письмо должно быть датировано концом января – первой половиной февраля 1904 г. (цензурное разрешение на выпуск второго номера журнала было получено в Московском цензурном комитете 14 февраля).

Приведенное В. А. Кожевниковым выражение «один из искренних славянофилов» находится в журнале на с. 21 (в корректуре, как следует из письма В. А. Кожевникова В. Я. Брюсову, указана с. 22 – вероятно, в конечном итоге имела место переверстка). Пояснительная сноска о В. Н. Каразине в печатный текст вставлена на была.

В ОР РГБ сохранились и другие письма В. А. Кожевникова к В. Я. Брюсову. Среди них – письмо от 9 декабря 1908 г., в котором, откликаясь на желание В. Я. Брюсова получить I том «Философии общего дела» и книгу В. А. Кожевникова о Федорове и сообщая о том, что на следующий день вышлет просимое, Владимир Александрович замечает: «Зная (и ценя) ширину Вашего дарования, я никогда не сомневался в “искренности и серьезности” Вашего интереса к мыслям Н<иколая> Ф<едорови>ча» (ОР РГБ, ф. 657, к. 89, ед. хр. 55, л. 9). – *671.*

[97] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 89 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 12, лл. 35–36). Письмо начальника Закаспийской области генерала Деана Ивановича *Суботича* является ответом на посланное ему Н. П. Петерсоном 19 февраля 1902 г. письмо с приложением текста статьи «Разоружение» (содержание своего письма Н. П. Петерсон пересказывает в письме В. А. Кожевникову от 7 апреля 1902 г. (Т. IV наст. изд., с. 619–620)). – *672.*

[98] См. примеч. 143 к разделу «Приложения» «Письма Н. П. Петерсона В. А. Кожевникову». – *672.*

[99] См. примеч. 144 к тому же разделу. – *672.*

[100] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 33, л. 73 (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 4, ед. хр. 6, л. 222). Письмо Е. И. Соколова (см. примеч. 2 к письму 118), написанное в Новом Иерусалиме, где Егор Иванович навестил Н. Ф. Федорова 27 июля 1902 г., было прислано В. А. Кожевникову вместе с письмом Н. Ф. Федорова от 28 июля 1902 г. – *672.*

[101] Речь идет о статье В. А. Кожевникова «Непонятый храм» – см. примеч. к письму 269 (преамбула)). – *672.*

[102] Печатается по: ОР РГБ, ф. 328, к. 4, ед. хр. 21, л. 18. На конверте: «Е<го> В<ысоко>Б<лагородию> Николаю Николаевичу Черногубову, Девятинский переулок, дом № 9 Чугунова, кв. № 9». – *672.*

[103] Вероятно, здесь ошибка или описка В. Я. Брюсова, и должно было бы быть «Николая Федоровича», поскольку именно Н. Ф. Федоров в тот период служил вольнотрудящимся в Архиве Министерства Иностранных Дел и именно его В. Я. Брюсов «видел лишь однажды» (см. примеч. 256 к «Статьям философского и эстетического содержания» – Т. II наст. изд., с. 471–472). – *673.*

[104] В. Я. Брюсов работал над подготовкой книги «Письма Пушкина и к Пушкину. Новые материалы» (М., 1903). 31 июля 1902 г. он писал П. И. Бартеневу: «Я думаю отдать в печать собранные мною еще весною “письма Пушкина”, в число которых Вы сделали такие драгоценные подарки, что я до сих пор чувствую себя совсем смущенным» (РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 594, л. 343). А 7 августа добавлял: «Пушкина своего только отдал в набор. И придется пообождать с печатанием 1-го листа, ибо хочется списать одно его прошение, хранящееся в Архиве Министерства Иностранных Дел. Думаю, что мне это дозволят там» (там же, л. 364). «Прошения и расписки Пушкина из Московского главного Архива Министерства иностранных дел (1817–1824)» составили первый отдел подготовленного издания. Судя по тому, что в письме Н. Н. Черногубову В. Я. Брюсов говорит об «уже напечатанных прошениях», а в письме П. И. Бартеневу речь идет уже об одном прошении, скорее всего он собирался переписать (а точнее, сверить с опубликованным текстом) прошение А. С. Пушкина от 13 января 1823 г., адресованное графу К. В. Нессельроде: в примечании к публикации указано, что это прошение впервые было напечатано Л. Поливановым в его статье «А. С. Пушкин» («Русская Старина», 1887, № 1); что же касается других прошений, помещенных в книге, они либо ранее не публиковались, либо были лишь упомянуты и описаны в статье Л. Поливанова. Вторым текстом, который собирался переписать Брюсов, скорее всего была подписка Пушкина, данная им в 1824 г. и также опубликованная у Поливанова. – *673.*

[105] Речь идет о Ю. П. Бартеневе. – *673.*

[106] Неизвестно, удалось ли В. Я. Брюсову воспользоваться помощью Н. Ф. Федорова. Лето 1902 г. мыслитель провел в Воскресенске и лишь после 5 августа перебрался в Москву. В другом письме – от 13 августа 1902 г. – В. Я. Брюсов сообщает Н. Н. Черногубову: «А Архив-то я намерен посещать! Откроется ли он в пятницу?» (ОР РГБ, ф. 328, к. 4, ед. хр. 21, л. 19 об.). Но судя по следующему письму, от 2 сентября 1902 г., встретиться В. Я. Брюсову и Н. Н. Черногубову за весь август так и не удалось: Черногубов никак не мог застать Валерия Яковлевича дома (там же, л. 22 об.). – *673.*

[107] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 28. О передаче «неизвестным лицом» письма Ф. М. Достоевского Н. П. Петерсону от 24 марта 1878 г. в отделение рукописей Московского

Публичного и Румянцевского музеев Н. П. Петерсон узнал от В. А. Кожевникова (см. письмо Н. П. Петерсона к В. А. Кожевникову от 26 декабря 1903 г. – Т. IV наст. изд., с. 622) и выразил согласие, «чтобы оно там навсегда и осталось» (там же). Печатаемое письмо Н. П. Петерсона Г. П. Георгиевскому, который являлся хранителем отдела рукописей, было официальным подтверждением передачи реликвии Музеям. В настоящее время письмо Ф. М. Достоевского Н. П. Петерсону хранится в личном фонде Ф. М. Достоевского (ОР РГБ, ф. 93 (I), папка 6, ед. хр. 38).

По всей видимости, данное письмо Н. П. Петерсона к Г. П. Георгиевскому единственное и больше эпистолярных контактов между ними не было. В 1907 г. Н. П. Петерсон надписывает Г. П. Георгиевскому экземпляр первого тома «Философии общего дела»: «Григорию Петровичу Георгиевскому по поручению Владимира Александровича Кожевникова. 3 июня 1907 г. Г. Верный. Н. Петерсон». 15 июня 1999 г. этот дарственный экземпляр был передан поэтом В. Лазаревым в Российскую Государственную библиотеку (сообщено *В. С. Гречаниновой* и *Л. М. Коваль*). – *673.*

[108] В. А. Кожевников собирался опубликовать письмо Ф. М. Достоевского к Н. П. Петерсону в «Русском архиве». По этому поводу была достигнута договоренность с П. И. Бартеневым. Причем печатание письма пришлось ускорить – 1 февраля 1904 г. В. А. Кожевников сообщил П. И. Бартеневу: «Со стороны Черногубова есть попытка напечатать письмо Достоевского (по копии), которое мы думали опубликовать. Я скажу Юрию Петровичу (Бартеневу. – *Сост.*) отклонить от этого (через Брюсова); если же это не удастся, тогда, быть может, придется напечатать это письмо в "Архиве" раньше, чем предполагали, то есть уже в мартовской книжке» (РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 596, л. 31–31 об.). 10 февраля В. А. Кожевников выслал П. И. Бартеневу копию письма и указал, какими именно сведениями следует снабдить публикацию (там же, лл. 42–42 об.). В мартовском номере «Русского архива» письмо Ф. М. Достоевского было напечатано с примечаниями П. И. Бартенева. В июньском – появилось письмо Н. П. Петерсона редактору журнала, содержавшее дополнительные сведения к истории письма Ф. М. Достоевского и работы Н. Ф. Федорова над ответом писателю (см.: «Русский архив», 1904, № 6, с. 300–301). Письмо это было напечатано с подачи Ю. П. Бартенева (фрагмент его письма отцу от 14 мая 1904 г. см. в примеч. 24). – *673.*

ДОПОЛНЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ Н. Ф. ФЕДОРОВА

В настоящем разделе помещены неучтенные в предыдущих томах «Собрания сочинений» и новонайденные тексты Н. Ф. Федорова.

[1] Печатается по: «Весы», 1904, № 2, с. 20–24. Оригинал не сохранился.

Статья стала первой посмертной публикацией Н. Ф. Федорова. В журнале «Весы» она продолжила подборку памятных материалов о мыслителе, открытую его некрологом («Весы», 1904, № 1). Перед статьей был помещен карандашный портрет Н. Ф. Федорова, сделанный Л. О. Пастернаком, – первое изображение «Московского Сократа», появившееся в печати, а на авантитуле этого номера журнала – рисунок посмертной маски Н. Ф. Федорова, также принадлежащий перу Пастернака. (Затем в № 6 журнала за 1904 г. вышел небольшой фрагмент I части «Записки», озаглавленный «О письменах», – он сопровождался рисунком М. И. Шестеркина «Н. Ф. Федоров на балконе Московского Румянцевского музея».)

Регулярное появление в «Весах», начиная с первого – программного – номера, материалов о Федорове было далеко не случайным. Основные лица, причастные к журналу, в той или иной степени соприкасались с Н. Ф. Федоровым и сочувствовали его идеям. Официальный редактор-издатель С. А. Поляков двумя годами ранее был готов выпустить в издательстве «Скорпион» том федоровских работ и финансировал перепечатку рукописей для этого проекта. В. Я. Брюсов, фактически возглавлявший журнал и определявший его направление, также интересовался идеями Федорова. Возможно, какую-то роль в том, что первое полугодие нового журнала прошло как бы «под знаком Федорова», сыграл и Н. Н. Черногубов, близко стоявший к издательству «Скорпион», хотя его взаимоотношения с С. А. Поляковым были непростыми, а В. А. Кожевников, к которому после смерти мыслителя перешли его рукописи, относился к Черногубову с явным недоверием и стремился не допускать его до федоровского наследства.

Статья «Астрономия и архитектура» была отдана в «Весы» В. А. Кожевниковым по непосредственной договоренности с В. Я. Брюсовым (см. письмо В. А. Кожевникова В. Я. Брюсову, сопровождавшее отсылку корректуры статьи, в Т. IV наст. изд., с. 671). – *5*.

[2] Подобная же трактовка загадки сфинкса о человеке («Кто утром ходит на четырех ногах, днем – на двух и вечером – на трех») дана Н. Ф. Федоровым во фрагменте «По голове – человек, по туловищу – скот и зверь» – Т. III наст. изд., с. 310. – *5*.

[3] Федоров имеет в виду эпизод с отклонением Петербургской академией наук записки В. Н. Каразина «О приложении электричества к потребностям человека», составленной в 1818 г. (отрицательный отзыв о ней был дан академиком Н. Фуссом). – *5*.

[4] Екатерина Степановна *Некрасова* (1847–1905) – писательница, журналистка, историк литературы. Сотрудничала в журналах «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русская старина», «Исторический вестник», с 1883 г. регулярно писала для газеты «Русские ведомости». Была автором статей и публикаций, связанных с именами А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя; в 1882–1883 гг. вела рубрику «О новых книгах» в журнале «Русская мысль», особо отмечая произведения В. М. Гаршина, В. Крестовского (псевд. Н. Д. Хвощинской), М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. И. Успенского. Автор серии очерков о женщинах-писательницах (Е. П. Ростопчиной, Е. А. Ган, Е. Б. Кульман, А. Я. Марченко, Н. А. Дуровой), ряда книг для народа (сочувственные отклики в печати вызвала быль «Больше чем родная». СПб., 1889).

Одна из центральных тем историко-литературной деятельности Е. С. Некрасовой – эпоха 1840-х гг., и прежде всего наследие А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Будучи лично знакома с потомками Герцена и рядом лиц из его окружения, она предпринимает усилия по собиранию рукописей писателя, материалов о его жизни и творчестве, готовит статьи и публикации. В конце 1890-х гг. по инициативе Е. С. Некрасовой в Московском Публичном и Румянцевском музеях была создана Комната людей 1840-х гг., в которую писательница передала свою коллекцию и ежегодно пополняла ее новыми документами и экспонатами.

Создание Комнаты людей 1840-х гг. именно при Румянцевском музее было далеко не случайным. С Музеями Е. С. Некрасова была связана более 30 лет – всей своей научной деятельностью. В некрологе, появившемся в «Отчете Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1904 г.» (М., 1905), она названа «старинным другом Музеев» (с. 58).

Писательница регулярно занималась в отделении рукописей и славянских старопечатных книг, готовя публикации по найденным материалам, являлась постоянной читательницей библиотеки. Узы тесного творческого общения, а в ряде случаев и дружбы связывали ее с ведущими сотрудниками отделения рукописей и библиотеки: А. Е. Викторовым, Д. П. Лебедевым, С. О. Долговым, Н. И. Стороженко и др. Все они относились к Екатерине Степановне внимательно и сердечно, чем могли помогали в ее научных занятиях (в случае необходимости, по просьбе исследовательницы, книги даже выдавались ей на дом, что в Музеях делалось лишь в очень редких, исключительных случаях).

Перу Е. С. Некрасовой принадлежат памятные биографические очерки о А. Е. Викторове («Русская старина», 1884, № 8) и Д. П. Лебедеве («Русская старина», 1892, № 7). Она же была автором некролога Н. Ф. Федорова («Русские ведомости», 24 декабря 1903, № 353). Эти поминальные статьи-некрологи, составившие своего рода серию о замечательных «музейцах», занимают особое место в ее наследии. В них воссоздана духовная атмосфера Музеев, атмосфера самоотверженного, самозабвенного служения книжному и музейному делу, которую как раз и создавали люди типа Викторова, Лебедева, Федорова. Всех троих Е. С. Некрасова называет «идеалистами 40-х годов» – на ее внутренней, духовно-нравственной шкале ценностей это высшая из возможных оценок: с указанным понятием для Некрасовой связаны беззаветность общественного служения, высокое чувство долга, альтруизм, щедрость и широта сердца.

Н. Ф. Федоров был в числе тех музейцев, с которыми у Е. С. Некрасовой установились теплые и дружественные отношения. Они были отдаленно знакомы еще до поступления Николая Федоровича на службу в библиотеку Музеев, причем познакомились через П. И. Бартенева. Первую встречу с мыслителем Е. С. Некрасова в некрологе датирует 1872 г. Н. Ф. Федоров, по просьбе П. И. Бартенева, занес ей экземпляр «Русского архива» с ее публикацией (тогда же случился и небольшой курьез: скромное одеяние Н. Ф. Федорова ввело в заблуждение молодую писательницу и она, «приняв его по костюму за лакея», «выслала ему двугривенный» («Русские ведомости», 24 декабря 1903, № 353). В архиве Е. С. Некрасовой сохранилась сопроводительная записка П. И. Бартенева: «С благодарностью препровождаются к Е. С. Некрасовой № 10 “Русского Архива” 1872 и причитающиеся в размере 25 р. с листа 26 рублей. Петр Бартенев. 1872. Октября 16-го» (ОР РГБ, ф. 196, к. 10, ед. хр. 24, л. 1). Она-то и дает возможность установить дату первой встречи Федорова и Некрасовой: 16 октября 1872 г.

После поступления Н. Ф. Федорова в 1874 г. на службу в Московский Публичный и Румянцевский музеи они регулярно виделись в его стенах. Е. С. Некрасова занималась в рукописном отделении под руководством А. Е. Викторова, работала и в читальном зале. Некоторое время, «в конце 70-х годов» Федоров и Некрасова были соседями по Набилковскому переулку: семья писательницы постоянно проживала там в собственном доме, а Николай Федорович снимал комнату. В некрологе Екатерина Степановна, описывая ежедневный уклад жизни мыслителя, опирается как раз на воспоминания этого времени.

По всей видимости, Н. Ф. Федоров, как и другие «музейцы» – А. Е. Викторов, Д. П. Лебедев, Н. И. Стороженко, – бывал в доме сестер Некрасовых. Заходила и она в каморку мыслителя – ее описание также есть в некрологе.

Как можно заключить из письма Н. Ф. Федорова Е. С. Некрасовой от 6 апреля 1880 г., был период, когда мыслитель испытывал к ней сильные, возвышенные чувства. Вряд ли Е. С. Некрасова ответила ему взаимностью. Она глубоко уважала Николая Федоровича, ценила его ум и разностороннюю образованность, но не более того. В начале 1880-х гг. сердце молодой женщины было занято Г. И. Успенским: он восхищал ее и как писатель, и как мыслитель, и как человек. В течение ряда лет их связывала нежная дружба, однако чувства Е. С. Некрасовой были гораздо более серьезными. Екатерина Степановна тяжело переживала свою безответную любовь, а в 1885 г., после ее попытки все-таки перейти рамки дружбы, отношения между ней и Успенским были прерваны «без всякой пощады и надежды...» (ОР РГБ, ф. 196, к. 8, ед. хр. 10, л. 1 об.).

В феврале 1885 г. Е. С. Некрасова записывает в своем «Дневнике»: «Нашла минута грусти, сознание надвигающихся годов, из которых все дальше и дальше уходит возможность молодого счастья... праздники личной жизни становятся все реже... И жаль прошлого... и хочется еще... раз, хоть только один раз “счастья”. И вот воспоминание о всех, кто давал его, кто мог бы дать, кто был бы готов дать» (там же, л. 5). Назвала ли она мысленно среди тех, «кто был бы готов дать» ей личное счастье, и Н. Ф. Федорова, Бог весть. Ее отношения с мыслителем оставались теплыми и сердечными и в 1880-е и в 1890-е гг., хо-

тя, по собственному ее признанию, в 1890-х годах она «редко видала Николая Федоровича». Федоров продолжал оказывать содействие научным изысканиям Некрасовой, в ответ на ее библиографические запросы подбирал книги, наводил необходимые справки. И уже будучи совсем больным, меньше чем за две недели до кончины, откликаясь на просьбу писательницы, вел поиск необходимых материалов для статьи о Герцене, над которой она в то время работала.

На первый взгляд Н. Ф. Федорова и Е. С. Некрасову мало что связывало. У них были совершенно разные общественно-политические взгляды: Е. С. Некрасова – демократка, ее кумиры – М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. И. Успенский, она печатается в либеральных журналах, активно участвует в женском движении. Федоров – убежденный монархист, мыслитель религиозный, выступающий против секулярных тенденций в общественной и государственной жизни, в культуре в целом. И тем не менее, вероятно, было что-то в личности Е. С. Некрасовой, что привлекло мыслителя, заставило его питать к ней «беспредельную, исключительную привязанность».

Дневники Е. С. Некрасовой отчасти раскрывают нам натуру этой безусловно неординарной женщины. Личность сильная и целеустремленная, умеющая целиком отдавать себя тому делу, в котором видела она смысл и цель жизни, Екатерина Степановна была при этом и глубоко чувствующим человеком, много страдавшим и умеющим сострадать. Она в полном смысле этого слова была «ранена смертью». Главное потрясение ее молодости – кончина любимой сестры Варвары, одной из первых русских женщин-врачей, в 1877 г. погибшей от тифа на русско-турецкой войне. Образ умершей сестры постоянно сопровождает Е. С. Некрасову. О ней она пишет книгу «Жизнь студентки» (М., 1903), о ней часто вспоминает в дневниках, эмоциональный лейтмотив которых – ощущение хрупкости и неумолимой конечности жизни, скорбь и тоска по ушедшим, страх перед новыми потерями... «Мое пожелание: чтобы смерть никого из моих кровных и духовных родных не брала [...]. Только бы смертей не было. Ничего нет ужаснее смерти, – разумеется, – не своей, а чужой», – записывает она в ночь с 31 декабря 1882 на 1 января 1883 года (ОР РГБ, ф. 196, к. 7, ед. хр. 5, л. 5 об.–6). «И чтобы все были живы!!! – вот мои пожелания на 1885 год» (ОР РГБ, ф. 196, к. 8, ед. хр. 10, л. 4), – читаем в другой тетради.

После разрыва с Успенским Е. С. Некрасова окончательно отказывается от надежд на личное счастье. Отныне ее жизнь целиком отдана литературе, общественной, просветительной деятельности. «Екатерина Степановна была типом семидесятницы по идеям и по складу; народническое настроение в ней было углублено, расширено знанием предшествующих эпох русской и иностранной литературы», – писала Н. А. Макшеева в статье «Памяти Е. С. Некрасовой» («Русская мысль», 1905, № 2, с. 189–191). Будучи убеждена в важности образования народа, считая, что только через приобщение миллионов простых людей к достижениям мировой культуры станет наконец возможно преодоление разрыва между интеллигенцией и низшим сословием, она деятельно пропагандировала эти идеи в своих статьях, сама писала для народа, а также «на протяжении многих лет [...] составляла на свои средства библиотечки научно-практической, справочной, медицинской и доступной народному пониманию художественной литературы (предпочитая неадаптированные произведения лучших русских писателей) и пересылала их в провинцию» (М. М. Казбек. Е. С. Некрасова // Русские писатели. Биографический словарь. Т. 4. М., 1999, с. 281).

Вряд ли Е. С. Некрасова была знакома с учением Н. Ф. Федорова. Она знала и представляла его прежде всего как замечательного библиотекаря и библиографа-энциклопедиста, с одной стороны, и как человека подвижнической, аскетической жизни, с другой. Такое восприятие Федорова нашло отражение в некрологе мыслителя, написанном ею для «Русских ведомостей» (текст некролога см. в примеч. 170 к разделу «Приложения» «Письма Н. П. Петерсона В. А. Кожевникову»). Но если в беседах с Некрасовой Федоров и не касался собственно воскресительных идей, то уж проблему сохранения и увековечения памяти об «отцах», отношения к наследию прошлых эпох оба вряд ли обходили молчанием.

Идеи Н. Ф. Федорова о важности всякого архивного, собирательского труда, коль скоро он помогает сохранить для потомков судьбы людей давно ушедших, не могли не затронуть Е. С. Некрасову. Примечательно, что как раз такой труд занимает большое место в ее деятельности во второй половине 1880-х – начале 1900-х гг. В ОР РГБ сохранились тетради со вклеенными в них автографами писателей, профессоров, ученых, деятелей культуры, с которыми она в разные годы переписывалась и с которыми в большей или меньшей степени ее сводила судьба. К каждому автографу писательницей сделано предисловие: в одних случаях в нем даны биографические сведения о лице (особенно это ценно,

когда речь идет о фигурах второго или третьего ряда, не учтенных большой историей и не удостоившихся энциклопедической статьи); в других – краткая характеристика личности, примечательные черты к портрету; в третьих речь идет о том, как именно был связан тот или иной корреспондент с самой Некрасовой, а порой содержатся все эти сведения вместе, причем в ряде случаев к автографу приложен еще и фотопортрет (см. ОР РГБ, ф. 196, к. 23, ед. хр. 47–51, к. 24, ед. хр. 5). Точно такая же работа была проведена Е. С. Некрасовой и в отношении женщин-писательниц и женщин-врачей (там же, к. 24, ед. хр. 1–4, 6, 7). Вряд ли Екатериной Степановной в ее собирательской деятельности двигало самолюбие, желание представить, сколь широким был спектр ее общения и сколь многие деятели науки и культуры охватывались этим спектром. Сейчас, по прошествии ста лет, когда все, кого отметила Некрасова в своем собрании автографов, уже умерли, ее тетради с письмами, биографическими справками и портретами воспринимаются как своего рода синодик, воскрешая для потомков образы давно ушедших. И читая их, нельзя мысленно не вспомнить Федорова.

Так же как и другие лица, близко стоявшие к Музеям, регулярные посетители каталожной, Е. С. Некрасова постоянно оказывала помощь Музеям: «не только дарила много книг и рукописей Музеям, но нередко безвозмездно предлагала свой труд для описания музейских коллекций. Так ею вместе с сестрой Анной Степановной была разобрана и описана коллекция народных картинок, долго лежавшая неразобранной» («Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1904 г.», с. 56–57). Эта традиция безвозмездного, бескорыстного труда сложилась в Музеях во многом благодаря Федорову, и здесь Екатерина Степановна оказалась под его несомненным влиянием.

Особенно много времени и сил Е. С. Некрасова уделяла Музеям после создания там Комнаты людей 1840-х годов. Она взялась за дело организации этой комнаты с энергией и энтузиазмом, привлекала к сотрудничеству родственников Герцена и Огарева, историков литературы и общественной мысли, коллекционеров – подобно тому как Федоров приобщал лиц из своего окружения к добровольному библиотечному труду, – неустанно заботилась о расширении коллекции. При этом «все пожертвования, проходившие чрез ее руки, она приводила в порядок, рукописи переплетала, заказывала рамки для портретов и т. п. Каждая рукопись, каждый портрет снабжались ею объяснениями и описью и даже занумеровывались, причем всему пожертвованному ею велся подробный инвентарь» (там же, с. 57–58). Можно предположить, что Н. Ф. Федоров сочувственно относился к этой стороне деятельности Е. С. Некрасовой, так же как и к ее работе по собиранию архива А. И. Герцена – ведь все это был труд, восстановляющий память об отцах.

Е. С. Некрасова пережила Н. Ф. Федорова всего на год. Она скончалась 13 января 1905 г. Весь архив, все собранные за многие годы историко-литературные материалы были завещаны ею Музеям.

Публикуемые четыре письма Н. Ф. Федорова обнаружены в архиве Е. С. Некрасовой: ОР РГБ, ф. 196, к. 22, ед. хр. 7. – *7.*

[5] К сожалению, ни в бумагах Н. Ф. Федорова, ни в бумагах Е. С. Некрасовой не удалось найти никаких материалов, которые проливали бы свет на историю написания данного письма. Не сохранились и те черновые письма, которые философ «не решился» послать Некрасовой. Ничего не знаем мы и о том, отвечала ли Е. С. Некрасова Н. Ф. Федорову письмом или объяснилась с ним устно, при личной встрече.

Можно только предположить, что прошение об отставке, поданное Н. Ф. Федоровым в Канцелярию Музеев 31 марта 1880 г. («По домашним обстоятельствам не могу продолжать службы во вверенном Вам учреждении, посему покорнейше прошу, Ваше превосходительство, уволить меня от службы и сделать распоряжение о выдаче мне аттестата» // Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 32), как-то было связано с событиями, отголоском которых является данное письмо. Впрочем, из Музеев Николай Федорович тогда не ушел: от имени директора ему была принесена просьба «не оставлять своей полезной службы при Музеях» (там же) и вслед за прошением об отставке 12 апреля мыслитель подал лишь прошение о двухмесячном отпуске, также «по домашним обстоятельствам» (там же, л. 33), которое и было удовлетворено: 12 апреля Николай Федорович получил свидетельство для свободного проезда «в разные города Российской империи» сроком на два месяца (там же, л. 34), 12 июня, по окончании срока действия этого документа, было выдано новое свидетельство – на срок до 15 августа (там же, л. 35), и, таким образом, в Музеях Федоров появился только в начале нового рабочего года, после четырехмесячной отлучки (бóльшую часть этого времени он, по всей видимости, провел в Керенске). Между двумя

прошениями – от 31 марта и 12 апреля – находится письмо Н. Ф. Федорова Е. С. Некрасовой от 6 апреля, из которого можно заключить о какой-то размолвке между ними, произошедшей в стенах библиотеки Музеев и, возможно, повлиявшей на решение мыслителя оставить службу; точно так же намерение Федорова уйти в двухмесячный отпуск (и соответственно уехать из Москвы) вполне могло быть связано с исходом его объяснений с Е. С. Некрасовой. – *7.*

[6] Письмо написано в ответ на просьбу Е. С. Некрасовой достать в библиотеке Московского главного архива Министерства иностранных дел, где в последние годы жизни работал Н. Ф. Федоров, воспоминания писательницы А. Я. Панаевой (Головачевой) – см. «Исторический вестник», 1889, №№ 1–10 и отд. изд.: А. Я. Головачева-Панаева. Русские писатели и артисты. СПб., 1890. Воспоминания А. Я. Панаевой были нужны Е. С. Некрасовой, по всей видимости, для работы над очередной статьей о Герцене (см. примеч. 9): в них было описано знакомство мемуаристки с писателем, состоявшееся в Москве летом 1845 г. (см. гл. 8: «Вторичная поездка в Москву. Вечера у Грановского и Герцена»). – *7.*

[7] Текст своего письма Н. Ф. Федоров написал на листе письма библиотекаря Императорского Российского исторического музея Алексея Ивановича *Станкевича* (1856–1922), адресованного неустановленному лицу: «Многоуважаемый Сергей Константинович. Книга, о которой Вы спрашиваете, *есть в библиотеке Музея*, да, вероятно, и в магазинах ее можно найти. Это – воспоминания А. Я. Головачевой-Панаевой, сперва напечатанные в “Историческом Вестнике”, а затем вышедшие отдельной книгой, под заглавием, которое Вы приводите. Готовый к услугам А. Станкевич» (ОР РГБ, ф. 196, к. 22, ед. хр. 7, л. 3). – *7.*

[8] Анна Степановна *Некрасова* (не позднее 1846–1904) – старшая сестра Е. С. Некрасовой. Сестры жили в одном доме и были очень близки. После кончины А. С. Некрасовой Е. С. Некрасова писала в дневнике: «С 7-го на 8-е апреля, в 4 часа утра (с середы на четверг) не стало на свете моей радости, моего счастья, “моего предохранительного клапана”, – моей матери, моей сестры, моего единственного товарища, помощника, защитника, друга, “хранителя”, – моей Анечки! Не стало, и теперь я *опять* одна, совсем, совсем одна» (запись от 25 апреля 1904 г. // ОР РГБ, ф. 196, к. 8, ед. хр. 4).

Сотрудники Московского Публичного и Румянцевского музеев, с которыми общалась Е. С. Некрасова, хорошо знали ее сестру и тепло относились к ней. – *7.*

[9] Это и следующее письмо Н. Ф. Федорова являются ответом на библиографический запрос Е. С. Некрасовой, работавшей над статьей «А. И. Герцен, его хлопоты о заграничном паспорте и последняя поездка в Петербург» (напечатана в №№ 9–10 «Русской мысли» за 1904 г.). В некрологе «Памяти Н. Ф. Федорова» Е. С. Некрасова упоминает об этих письмах мыслителя, написанных меньше чем за две недели до кончины, и в том внимании, с которым уже тяжело больной библиограф отнесся к ее запросу, видит еще одно свидетельство его беспредельной самоотверженности, постоянной заботы о нуждах других. – *7.*

[10] Речь идет о цикле из четырех писем А. И. Герцена, опубликованных в журнале «Современник» (1847, № 9–10) под заглавием «Письма из Avenue Marigny» и составивших впоследствии первые главы книги «Письма из Франции и Италии» (1847–1852). В начале первого письма А. И. Герцен описывал свой отъезд из Москвы в Париж. В точности цитата, приводимая Н. Ф. Федоровым, выглядит так: «Кажется, четыре месяца не Бог знает что, а сколько верст, миль и льё проехал я с тех пор, как мы расстались с вами на белом снегу в Черной грязи...» («Современник», 1848, № 9–10, с. 155; Собр. соч. в 30 тт., Т. 5. М., 1955, с. 15). На упомянутой Герценом станции «Черная грязь», находившейся на Петербургском тракте, друзья провожали его в день отъезда – 19 января 1847 г. – *7.*

[11] Ошибка памяти. О своей поездке в Петербург осенью 1846 г. и хлопотах по поводу получения заграничного паспорта А. И. Герцен рассказал в четвертой части «Былого и дум» (глава XXXIII). – *8.*

[12] Речь идет об издании: «Свод законов Российской империи, повелением Государя императора Николая Павловича составленный». Т. 1–15. СПб., 1842–1848. – *8.*

[13] Речь идет об издании: «Полное собрание законов Российской империи». Т. 1–55. СПб., 1830–1884. – *8.*

[14] Речь идет об издании: «Указатель материалов по истории почт в России». Сост. В. Д. Левинский, И. Ф. Токмаков. М., 1881. – *8.*

[15] Речь идет об издании: «Министерство внутренних дел. Исторический очерк. 1802–1902». СПб., 1901. Приложение 2-е. Почта и телеграф в XIX столетии. В статье «А. И. Герцен, его хлопоты о заграничном паспорте и последняя поездка в Петербург»

Е. С. Некрасова широко опирается на издание, указанное ей Федоровым (см. «Русская мысль», 1904, № 9, с. 155–156). – *8.*

[16] Печатаемый текст является ответом на письмо С. П. Бартенева, представлявшее собой стихотворение в прозе на тему учения «всеобщего дела» (см. Т. IV наст. изд., с. 636 и примеч. 33 к разделу «Приложения» «Письма Н. Ф. Федорову разных лиц»). По содержанию он перекликается с наброском Н. Ф. Федорова «Набат к светским и духовным...» (Т. IV, с. 153–154).

С. П. Бартенев привел текст ответа мыслителя в своем дневнике в записи от 24 декабря 1895 г. Автограф же самого Федорова, по всей видимости, утрачен.

Впервые текст письма Федорова Бартеневу был опубликован Т. Д. Закидальским: «Новый журнал», № 129, 1977, с. 179–182. Поскольку Т. Д. Закидальский не располагал оригиналом «Дневника» (см. «К разделу "Вокруг Федорова"», примеч. 90), в публикации оказались некоторые явные опечатки. Не располагая, в свою очередь, ни автографом дневника С. П. Бартенева, ни его машинописной копией, мы вынуждены были положить в основу републикации текст, напечатанный в «Новом журнале», исправив в нем некоторые явные опечатки (внося эти исправления, мы руководствовались текстом наброска «Набат к светским и духовным...»). – *8.*

[17] Речь идет о главном сочинении Н. Ф. Федорова: «Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного состояния мира и о средствах к восстановлению родства». – *9.*

[18] Федоров имеет в виду мнение, высказанное В. С. Соловьевым в статье «Смысл войны» – см. примеч. 222–223 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве». – *9.*

[19] О полемике Н. Ф. Федорова с толстовским учением «о непротивлении» см. примеч. 73 к тому же разделу. – *9.*

[20] Речь идет о стихотворении В. А. Кожевникова «Призыв». Сравнение этого стихотворения со стихотворением в прозе С. П. Бартенева см. в письме 110 (Т. IV наст. изд., с. 296–297). – *9.*

[21] Н. Ф. Федоров, подобно ряду отцов церкви, в частности, блаж. Августину, не считал, что зло обладает субстанциальной природой, полагая в нем лишь следствие несовершенства мира и человека, «недостаток добра». – *10.*

[22] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 6, ед. хр. 68, лл. 81–82 об.

Поводом к данному, по всей видимости так и не отправленному, письму послужила присылка Н. П. Петерсоном трех статей П. Я. Циркунова (см. примеч. 137 к разделу «Приложения» «Письма Н. П. Петерсона В. А. Кожевникову»), появившихся в рамках первого этапа асхабадской полемики (после публикации в газете «Асхабад» статей «Разоружение» и «Самодержавие»). Первая статья публициста («Асхабад», 19 июня 1901, № 170) была посвящена анализу статьи «Разоружение» и брошюры Н. Ф. Федорова «К делу умиротворения, возбуждаемому нотою 12-го августа 1898 года», вторая и часть третьей («Асхабад», 18, 25 июля 1901, №№ 199, 206) – разбору статьи «Самодержавие» и предисловия Н. П. Петерсона к публикации статей своего учителя («К пересмотру системы нашего образования» – см. примеч. 177 к «Статьям и заметкам разного содержания»).

П. Я. Циркунов был наиболее доброжелательным и серьезным из всех оппонентов Федорова и Петерсона в рамках газетной полемики. Статьи неизвестного автора с самого начала глубоко затронули и взволновали его – в своих выступлениях на страницах газеты на протяжении почти года он не раз отмечал важность поднятых Федоровым религиозных тем, и прежде всего темы благодатного преображения мира и человека, единения человечества по образу и подобию Св. Троицы. Более того, в ходе печатной полемики под влиянием доводов Н. П. Петерсона (в том числе и при личных беседах), а затем – на втором этапе – и самого Федорова, П. Я. Циркунов в целом начал склоняться в сторону приятия идеала активного христианства. Но на первых порах публицист, еще только начинавший вникать в «грандиозную задачу», выдвинутую «неизвестным мыслителем», излагал прежде всего свои вопросы и сомнения. Эти сомнения касались возможности достигнуть полноты христианского братства в рамках истории, и аргументируя их, Циркунов ссылался на наличное состояние человечества, на слишком явный разрыв между действительностью и идеалом: «Везде царствует рознь: и в принципах, и в философских умозрениях, и в повседневной практической жизни. Отцы не понимают своих детей, а дети сторонятся от родителей; супружество обратилось в пустое физическое сожительство, часто нарушаемое самовольным разрывом семейных отношений, религия стала формальным выполне-

нием обрядностей; между нациями возникла ненависть, а между государствами зависть и соперничество; ведутся кровопролитные войны из низкой корысти и подавления человеческой свободы. При таком положении хода цивилизации, можно ли ожидать братского единения, не говоря уже о единении с Творцом мира» («Асхабад», 19 июня 1901, № 170).

Много вопросов при первом знакомстве с воззрениями Федорова вызвала у П. Я. Циркунова и идея соучастия человечества в воскрешении умерших. «В символе православной, да, вероятно, и всех христианских церквей – воскресение людей констатировано как чаяние или ожидание будущего воскресения, но нигде в Св. писании не упомянуто, чтобы воскресение предков было предоставлено сынам предков, хотя бы эти сыны были и чистые сердцем» («Асхабад», 18 июля 1901, № 199). Говоря, что мечта о «возрождении, духовном единении и воскресении мертвых» хотя и «весьма животворна», но ей никогда не перестать быть мечтой, публицист снова и снова упирался в проблему человеческого несовершенства, взаимного нестроения, фатальной розни. Приведем его рассуждение: «...весьма желательно бы знать, какой же мы должны выполнить *долг воскрешения праотцев* и в чем этот долг должен состоять? Если мы не ошибаемся, то по мнению автора, для этого нужно, чтобы все человечество сделалось чистым сердцем и имело бы между собою полное единение, и тогда этими добродетелями, не в отдельности, а в совокупности, оно достигнет единения с Творцом мира, а по достижении этого единства с Богом сделается само как бы божеством и воспримет силу воскрешения предков». Но «какими мерами достигнуть чистоты сердечной? В чистом сердце не должно быть никаких пороков, оно должно быть абсолютно правдиво, любвеобильно, милосердно, смиренно, терпеливо, одним словом, все добродетели, какие только возможны для человека, должны заключаться в чистом сердце; и наоборот: в нем должно быть полное отсутствие страстей, желаний и всяких эгоистических вожделений. Но много ли найдется таких людей на свете? А если их мало, то каким образом остальному большинству достигнуть чистоты сердечной? Легко сказать: старайся, трудись, заботься о чистоте; но исполнить весьма трудно, а при некоторых обстоятельствах и совсем невозможно. Это все равно, что сказать пьянице: не пей вина! Он и сам знает, что вино для него вредно, но не может удержаться, чтобы его не пить. Так и все мы, отягощенные разными страстями, не можем превратиться в безгрешных ангелов.

Во-вторых, возможно ли между людьми полное братское и сыновнее, во имя Св. Троицы, единение, когда оно было нарушено в семье первого человека, состоявшей только из четырех душ? Возможно ли единение православного народа, когда в *православной* семье дети не могут ужиться с родителями, брат с братом, муж с женою и т. д.? Какая сила, какой фактор, какое побуждение могут людей объединить, если не в материальном, то в духовном отношении, когда люди одного образования, сословия, состояния – воспринимают различные мировоззрения и делаются идейными противниками между собою на всю жизнь? Давно сознано людьми, что homo homini lupus и нет той на земле всемогущей силы, чтобы она превратила человека из lupus'a в agnus'a» (там же).

Кстати, выдвигая против идеи воскрешения сынами отцов представление об изначальной и неискоренимой порочности природы человека, П. Я. Циркунов, незаметно для себя, при видимом стремлении остаться на ортодоксальной почве (декларация традиционного видения «последних сроков» и «страшного суда»), впадал в ересь, отрицая возможность всецелого обожения человечества даже и в конце времен: «Автор относительно единения людей исходит из того положения, что, по словам Спасителя, Он с Отцом – едино и люди должны быть со св. Троицею едино. Но человек, созданный хотя по образу и подобию Божию, всегда останется тварью, какого бы он ни достиг совершенства, и никогда не сделается "яко бози". Сын Божий, рожденный, а не сотворенный, действительно есть истинный Сын Божий; по вере в него и мы можем духовно именоваться сынами Божиими, но по существу мы навсегда останемся сынами человеческими, даже когда воскреснем в загробном мире, иначе, если полагать, что наше единение с Богом будет полное, то во вселенной явится столько богов, сколько воскреснет людей чистых сердцем» (там же; подробнее об указанных статьях П. Я. Циркунова см. Т. II наст. изд., с. 439–441, 478–479).

В письме Н. П. Петерсону Н. Ф. Федоров коротко отвечает на вопросы и недоумения П. Я. Циркунова относительно идеала активного христианства. – *10.*

[23] В своей первой статье, разбирая брошюру «К делу умиротворения, возбуждаемому нотою 12-го августа 1898 года», П. Я. Циркунов коснулся и картины Л. Г. Соловьева «Первосвященническая молитва» (см. о ней примеч. 385 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 654–655, набросок картины см. в наст. томе), которой была посвящена вторая

глава брошюры: «Картина “действительно изумительна по своей нравственной глубине”, говорит автор, но, по нашему скромному разумению, эта картина не более как наглядный символ единства Св. Троицы. Такой символ Троицы – неслиянной и нераздельной – мы можем отчасти разуметь и из элементов космического мира: воздух состоит из кислорода и азота в соединении нераздельном и неслиянном, но соединяющихся только при действии третьего элемента – электричества. Но все эти земные символы не дают человеку точного понятия о божественной сущности» («Асхабад», 19 июня 1901, № 170). – *10.*

[24] *Титулярники* – рукописные справочные книги, содержащие перечни титулов, в том числе и царских; составлялись на Руси с XV в. Федоров имеет в виду «Царский Титулярник», изготовленный в 1672 г. и носивший название «Большая государева книга или корень российских государей». Помимо списка титулов книга содержала сведения по истории России, портреты русских князей и царей от Рюрика до Алексея Михайловича, патриархов восточных и российских и т. д., а также изображения гербов и печатей. В 1903 г. эти изображения появились в издании: «Портреты, гербы и печати Большой государственной книги». СПб., 1903. – *11.*

[25] По всей видимости, речь идет об археологе, искусствоведе Александре Ивановиче *Успенском* (1873–1938), авторе ряде работ по истории русской иконописи («История стенописи Успенского собора в Москве». М., 1902; «Царские иконописцы в XVII в». Вып. I. СПб., 1906 и др.). – *11.*

[26] Фердинанд *Грегоровиус* (1821–1891) – немецкий историк. – *11.*

[27] Федоров имеет в виду: 1) статьи, ставшие затем в доработанном виде частями работы «Супраморализм»: изложение всеобщего дела в виде двенадцати вопросов, а также главки «Супраморализм, или объединение для воскрешения, *как совершенная противоположность имморализму Макса Штирнера и Ницше*» и «*Супраморализм, или объединение для воскрешения, в противоположность имморализму Толстого...»* (при жизни Федорова напечатаны не были); 2) статью «Новая картина – “Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне...”», вошедшую в брошюру «К делу умиротворения...» – *11.*

К РАЗДЕЛУ «ПИСЬМА Н. Ф. ФЕДОРОВУ РАЗНЫХ ЛИЦ»

Печатается по: ОР РГБ, ф. 178 (Музейное собрание), карт. 8566, ед. хр. 43.

Установить автора данного письма нам не удалось. В картотеке ОР РГБ и описи ф. 178 стоит «Н. Ко...» и указана возможная расшифровка подписи: «Н. Коган [?]».

[1] Речь идет о Д. П. Лебедеве (см. примеч. 9 к разделу «Приложения» «Письма Н. Ф. Федорову разных лиц»). – *12.*

[2] Отчеты Императорской публичной библиотеки в Санкт-Петербурге издавались с 1813 по 1917 гг. (всего вышло 67 томов). – *12.*

[3] Речь идет о многотомном библиографическом справочнике, составленном французским библиографом Жаком Шарлем *Брюне* (1780–1867): «Manuel du libraire et de l'amateur de livres» («Учебник книгопродавца и книголюба»). Первое его издание вышло в свет в Париже в 1810 г. и затем постоянно пополнялось новыми данными. Четвертое издание в 5-ти тт. появилось в 1842–1844, пятое – в 1860–1865.

На оригинале печатаемого письма название справочника Брюне и ссылки на 4 и 5 издания зачеркнуты простым карандашом рукой Н. Ф. Федорова (по всей видимости, в собрании Д. П. Лебедева они отсутствовали). – *12.*

[4] Речь идет об издании: «Опыт российской библиографии». Т. 1–5. СПб., 1813–1821, материалы для которого были подготовлены и обработаны библиографом, сотрудником Императорской Публичной библиотеки Василием Степановичем *Сопиковым* (1765–1818). На оригинале письма рукой Н. Ф. Федорова под словами «Сопиков. *Со страницей* о Радищеве» простым карандашом проставлены выходные данные указанного издания. – *12.*

[5] В оригинале письма здесь и далее стоит «Уляницкий», однако должно быть «Ульянинский». Дмитрий Васильевич *Ульянинский* (1861–1918) – библиофил и библиограф, собравший одну из богатейших в дореволюционной России частных книжных коллекций (см.: «Библиотека Д. В. Ульянинского. Библиографическое описание». В 3-х тт. М., 1912–1915). – *12.*

[6] Николай Васильевич *Губерти* (1818–1896) – библиограф, составитель «Материалов русской библиографии» (XVIII в.) в 3-х тт. (1878, 1881, 1891). Его библиотека включала в себя преимущественно редкие книжные издания XVIII в. После смерти Н. В. Губерти часть коллекции (библиографические издания, книги по мистике, собрание указов и ма-

нифестов XVIII столетия) была приобретена Д. В. Ульянинским. Впоследствии книги по мистике перешли к Г. В. Юдину, собрание манифестов и указов было продано Ульянинским в разные руки и в его распоряжении остался лишь библиографический отдел библиотеки Н. Губерти, существенно расширивший соответствующий раздел его собственного книжного собрания (см.: У. Г. Иваск. Частные библиотеки в России // Русский библиофил, 1911, № 6, с. 81–82). – *12.*

[7] Обменивать и продавать лишние экземпляры библиотека Музеев начала с 1875 г. (к этому году помощником библиотекаря А. П. Бушера были отобраны дублеты и составлен их каталог, тогда же выпущенный в свет). Эта деятельность давала возможность библиотеке приобретать новые издания, а также книги, отсутствующие в ее собрании. Однако во второй половине 1880-х гг., после того как была запрещена продажа и ужесточены правила обмена дублетов библиотеками, торговля дублетами в библиотеке Музеев фактически была прекращена. В 1890-е гг. библиотека Музеев, сотрудниками которой регулярно велся отбор дублетных изданий (см. «Отчеты» за 1892–1894, 1895, 1897, 1899 гг.), в основном обменивалась дублетными изданиями с другими библиотеками и частными лицами, а также оказывала существенную благотворительную помощь из дублетного фонда различным обществам и учреждениям, обращавшимся к ней за содействием: так, Александровской публичной библиотеке в Самаре было передано около 1000 изданий, Радищевскому музею и городской публичной библиотеке г. Саратова – 2000 изданий («Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1892–1894 гг.», М., 1895, с. 69). – *12.*

[8] Ниже простым карандашом рукой предположительно С. О. Долгова приписано: «Акты Арх<еографической> Ком<иссии> 4 т., Востоков, Хлудов, Геннади – Словарь» (ОР РГБ, ф. 178, карт. 8566, ед. хр. 43, л. 2 об.) – по всей видимости, это перечень изданий, имевшихся в собрании Д. П. Лебедева. – *12.*

К РАЗДЕЛУ «ВОКРУГ ФЕДОРОВА»

Основу данного раздела составили материалы личных архивов лиц из окружения Н. Ф. Федорова: Е. С. Некрасовой, А. Е. Викторова, Ф. И. Буслаева (хранятся в ОР РГБ). Практически все эти материалы связаны с периодом службы Н. Ф. Федорова в библиотеке Московского Публичного и Румянцевского музеев. Они содержат некоторые новые данные к биографии мыслителя, вносят свои штрихи в коллективный портрет «музейцев», дополняют наши представления об общении Н. Ф. Федорова с его сослуживцами и лицами, близко стоявшими к Музеям, дают ряд важных фактов к будущей «Летописи» жизни и творчества философа. Кроме того, в разделе помещен фрагмент «Дневника» С. П. Бартенева, содержащий записи его бесед с Н. Ф. Федоровым, и воспоминания Г. П. Георгиевского.

[1] Печатается по: ОР РГБ, ф. 51, оп. 18, ед. хр. 77, л. 6. Письмо является важным документом, проливающим свет на историю поступления Н. Ф. Федорова на службу в библиотеку Музеев. Во-первых, из него явствует, что библиотекарю Музеев Е. Ф. Коршу Николай Федорович был рекомендован хранителем отделения рукописей и славянских старопечатных книг А. Е. Викторовым, что автоматически указывает на знакомство последнего с Н. Ф. Федоровым во времена еще «домузейские». Во-вторых, письмо фиксирует заинтересованное и доброжелательное отношение к будущему сотруднику Е. Ф. Корша, его желание во что бы то ни стало «притянуть» Николая Федоровича к библиотеке. В-третьих, из письма следует, что Н. Ф. Федорову еще до официального зачисления в штат Музеев (27 ноября 1874 г.) было предложено работать вольнотрудящимся. – *13.*

[2] В Архиве РГБ хранится дело «об определении действительного студента Московского Университета И. С. Воробьева на должность дежурного чиновника при читальне Музеев» (ф. 126, д. 14 а). Оно состоит из докладной записки Е. Ф. Корша директору Музеев о принятии на службу нового сотрудника, датированной 26 сентября 1874 г. (т. е. за день до письма Е. Ф. Корша А. Е. Викторову), отношения директора в Московскую судебную палату (И. С. Воробьев, окончивший юридический факультет, являлся при ней «кандидатом на судебные должности») с запросом, нет ли со стороны палаты «каких-либо препятствий» к назначению г. Воробьева дежурным чиновником, и ответа старшего председателя Московской судебной палаты: «Воробьев в поданном на мое имя рапорте заявил, что переходить на службу в Музей он в настоящее время не желает» (Архив РГБ, оп. 126, д. 14а, лл. 1–3).

Ответ из Московской судебной палаты, датированный 26 ноября 1874 г., зарегистрирован в Канцелярии Музеев 27 ноября 1874 г. (там же, л. 3) – с этого момента и открылась вакансия. Тем же числом датировано прошение Н. Ф. Федорова о приеме его «на открывшуюся [...] вакансию дежурного чиновника при читальном зале» (Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 5). Примечательно это совпадение дат. Написать прошение в тот же день, как стало известно об отказе И. С. Воробьева от должности, Федоров мог лишь находясь в этот день в стенах Музеев. По всей видимости, Е. Ф. Корш, желавший «притянуть» мыслителя к библиотеке, узнав о том, что место дежурного освободилось, тотчас же направил его в Канцелярию писать соответствующее прошение.

В связи с вышеизложенным возникает вопрос: кем в момент написания прошения являлся Федоров – рядовым читателем библиотеки или уже вольнотрудящимся? Пока у нас нет окончательного ответа. В письме Н. П. Петерсону от 17 ноября 1874, сообщая о своих занятиях библиотекой Ф. В. Чижова, мыслитель указывает на наличие у него и «других работ», «тоже временных» (Т. IV наст. изд., с. 200). Поскольку в это время он уже не связан с журналом «Русский архив» (в том же письме фраза – «Бартенева я оставил...»), можно было бы предположить, что под «другими работами» имеется в виду в том числе и Румянцевский музей, однако следующая ниже фраза: «Отдаленность квартиры [...] препятствовала мне посещать публичную библиотеку; к тому же она была закрыта до последних чисел октября» (там же), – свидетельствует, что, по крайней мере, в октябре (возможно, и в начале ноября) Федоров в библиотеке Музеев еще не работал. Не исключено, что он начал работать вольнотрудящимся незадолго до 27 ноября – во второй половине или в конце месяца. Но не исключено и простое совпадение: 27 ноября Н. Ф. Федоров мог находиться в библиотеке Музеев в качестве рядового читателя, собирая материалы по истории Керенского края – ведь именно это было одной из целей его тогдашнего пребывания в Москве, растянувшегося затем «на всю оставшуюся жизнь». – *13.*

[3] Речь идет о годовом заработке вольнотрудящегося (месячный оклад составлял соответственно 25 рублей). – *13.*

[4] Печатается по: ОР РГБ, ф. 51, к. 19, ед. хр. 3, л. 15–15 об. В настоящем разделе помещены несколько писем Д. П. Лебедева (см. примеч. 9 к разделу «Приложения» «Письма Н. Ф. Федорову разных лиц») А. Е. Викторову (см. преамбулу к письму 36). На службу в Московский Публичный и Румянцевский музеи на должность помощника хранителя отделения рукописей и славянских старопечатных книг Д. П. Лебедев был принят по рекомендации А. Е. Викторова, заведующего отделением, и с самого начала стал настоящей его опорой. Отличаясь «необычайной любовью к древнерусским рукописям и старопечатным книгам, любовью бескорыстной, беззаветной», «Дмитрий Петрович представлял для музея редчайшего человека, а для Викторова – идеального помощника», – писала Е. С. Некрасова («Русская старина», 1892, № 7, с. 217). Сотрудников рукописного отделения связывали и совместные научные занятия, и сердечная дружба. Оба рассматривали архивное дело как дело важнейшее и святое, отдавали ему все свои силы, вкладывали в него всю душу. И это особенно роднило их с Федоровым. Вот, к примеру, фрагмент воспоминаний Е. С. Некрасовой о А. Е. Викторове: «Невысокий ростом, ни худой, ни толстый, с лицом, кругло обрамленным баками, с бедною седоватою растительностью на голове, несмотря на свои за 50 лет, он быстро отрывался от дела, шел навстречу посетителя. “Сделайте Вашу милость”, – говорил он на стереотипную фразу извинить, что ему помешали. Мигом сгонял с лица сосредоточенное выражение и скоро входил в круг интереса читателя. Брал живое участие в предпринимаемой ученой работе и, вскоре сам заинтересованный, не скупился на советы и такие библиографические указания, которые были известны, может быть, только ему, да еще двум-трем специалистам... Быстрой деловой походкой шел исполнять требования и приносил не только то, что спрашивал читатель, но все, что сам находил нужным для предполагаемой работы... Если же посетитель был юный, неопытный, робко-мечтающий о возможности работать, А. Е. делал его предметом своих особых попечений, старался ободрить, поднять юношу в его собственных глазах, – одним словом, ухаживал за ним, как ухаживает садовник за молодым растением. Он – случалось – не ограничивался советами в музее, приходил к неопытному новичку на дом с своею всегдашнею готовностью помочь, указать и направить... И, наверное, не я одна, – а многие из посещавших музей вспомнят с глубокою благодарностью эту неоцененную сторону в А. Е. – его живое участливое отношение к читателю» («Русская старина», 1884, № 8, с. 427). Достаточно сравнить эту характеристику А. Е. Викторова с воспоминаниями сослуживцев и друзей Н. Ф. Федорова о его библиотечной деятельности, и сходство будет

налицо. Подобную же самоотверженность служения музейно-архивному делу являл и Д. П. Лебедев, о чем, кстати, также писала Е. С. Некрасова (см.: «Русская старина», 1892, № 7, с. 218–221).

Большинство писем Д. П. Лебедева А. Е. Викторову написаны тогда, когда последний отлучался из Москвы и Дмитрий Петрович его заменял; другие относятся ко времени летних вакансий. – *13.*

[5] 18 мая 1881 г. Д. П. Лебедев обратился к В. А. Дашкову с прошением об отпуске по состоянию здоровья, ссылаясь на «сильное расстройство нервной системы и постоянные невралгические боли» (Архив РГБ, оп. 126, д. 32, л. 14). Разрешение на отпуск «с 21 мая на все вакантное время» (т. е. до 15 августа) было получено (там же, лл. 14, 15), и Д. П. Лебедев уехал с семьей в дер. Егольники Пронского уезда Рязанской губернии. – *13.*

[6] Это письмо Н. Ф. Федорова к М. П. Лебедеву, брату Д. П. Лебедева, неизвестно. Неизвестно и письмо М. П. Лебедева к Н. Ф. Федорову, написанное от лица Д. П. Лебедева, о котором последний говорит ниже. – *13.*

[7] М. С. Лебедева и А. Т. Протопопова. – *13.*

[8] Печатается по: ОР РГБ, ф. 196, к. 19, ед. хр. 60, л. 20–20 об. С А. Е. Викторовым Е. С. Некрасова была знакома еще с юности. В 1868 г. А. Е. Викторов и сестры Е. С. и В. С. Некрасовы явились инициаторами открытия в Москве первых женских курсов (участие Алексея Егоровича в этом проекте Е. С. Некрасова описала в своем очерке: «Русская старина», 1884, № 8, с. 435–439). В 1870 – начале 1880-х гг. писательница регулярно занималась в рукописном отделении Музеев и ее научные и дружеские контакты с А. Е. Викторовым были постоянны. Столь же постоянной была и переписка: в фонде А. Е. Викторова в ОР РГБ ныне хранятся его письма к Е. С. Некрасовой за 1867–1883 гг., переданные в рукописное отделение Музеев самой писательницей (ф. 51, к. 15, ед. хр. 1–6), а также ее письма Викторову за 1869–1883 гг. (ф. 51, к. 19, ед. хр. 54–61). – *14.*

[9] В начале 1870 г. врач, начальник Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, проф. Николай Илларионович *Козлов* (1814–1889) внес на рассмотрение медицинского совета докладную записку «Об образовании женщин по врачебной части», в которой говорил о необходимости расширения прав женщин на получение медицинского образования (прежде всего в области акушерства) и выдвигал проект создания трехгодичных акушерских женских курсов. 9 мая 1870 г. в № 19 «Медицинского вестника» появилось сообщение о заседании медицинского совета, состоявшемся 3 марта 1870 г., на котором проект Н. И. Козлова был одобрен. И спустя два года, после настойчивых ходатайств профессора, был издан высочайший приказ об открытии в Петербурге «курсов ученых акушерок», которые и начали работать при медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге с 1 ноября 1872 г.

Е. С. Некрасова, в начале 1880-х гг. занимавшаяся историей женского образования в России, написала отдельный очерк о «Врачебных курсах в Петербурге», вошедший в ее книгу «Из прошлого женских курсов» (М., 1886). – *14.*

[10] «С 1879-го года Читальный зал переведен из прежнего полутемного и сырого подвального этажа во вновь отделанную часть того крыла собственно Румянцевского Музея, где помещались до сих пор обреченные на неизбежный застой и не имеющие никакой будущности зачатки минералогического собрания. Новый читальный зал отличается против прежнего поместительностью, удобствами света и тепла, да сверх того и красивым наружным видом, что при постоянном разросте Библиотеки в свою очередь содействует притоку многочисленных читателей обоих полов» («Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1879–1882 гг.» М., 1882, с. 103). – *14.*

[11] Е. С. Некрасова имеет в виду Императорскую Публичную библиотеку в Санкт-Петербурге (нынешняя Российская Национальная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). – *14.*

[12] Печатается по: ОР РГБ, ф. 51, к. 19, ед. хр. 3, л. 32–32 об. Это и два следующих письма Д. П. Лебедева А. Е. Викторову написаны во время командировки последнего в Санкт-Петербург для работы с коллекцией старопечатных книг Императорской Публичной библиотеки: командировка была первоначально дана с 18 декабря на 28 дней, а затем продлена по 5 февраля (Архив РГБ, оп. 126, д. 12, лл. 100–106). Все это время Д. П. Лебедев замещал своего начальника и коллегу. – *14.*

[13] *А. И. Кирпичников* (см. примеч. 70 к разделу «Приложения» «Письма Н. Ф. Федорову разных лиц»), в 1879–1884 гг. экстраординарный профессор Харьковского университета по

кафедре истории всеобщей литературы, во время своих приездов в Москву (или проездов через Москву) регулярно занимался в рукописном отделении и библиотеке Музеев. – *14.*

[14] По всей видимости, речь идет о Николае Никифоровиче *Мурзакевиче* (1806–1883), историке и археологе, директоре Ришельевского лицея в Одессе, секретаре и вице-президенте Одесского общества истории и древностей Российских. – *14.*

[15] Печатается по: ОР РГБ, ф. 51, к. 19, ед. хр. 3, л. 34–34 об. Ответ на несохранившееся письмо А. Е. Викторова из Санкт-Петербурга. – *15.*

[16] Николай Васильевич *Калачев* (1819–1885) – историк, правовед, основатель и директор Санкт-Петербургского археологического института, издатель «Архива историко-юридических сведений о России», «Сборника археологического института». В рукописном отделении Музеев он, в частности, работал с собранием документов и архивных материалов по истории России и русского права археографа, правоведа Ивана Дмитриевича *Беляева* (1829–1873). – *15.*

[17] См. примеч. 13. – *15.*

[18] Речь идет о Ф. И. Буслаеве (см. примеч. 2 к письму 43). – *15.*

[19] Вторая жена Ф. И. Буслаева (в девичестве Тронова). – *15.*

[20] Ф. И. Буслаев в это время работал над исследованием «Русский лицевой апокалипсис. Свод изображений из лицевых апокалипсисов по русским рукописям с XVI в. по XIX» (М., 1884). – *15.*

[21] Речь идет о Ю. Д. (Г. Д.) Филимонове – см. примеч. 5 к письму 70. – *15.*

[22] О каком из братьев Д. П. Лебедева – Михаиле Петровиче или Иване Петровиче – идет речь, установить не удалось. – *15.*

[23] Печатается по: ОР РГБ, ф. 51, к. 19, ед. хр. 3, л. 43–43 об. – *16.*

[24] Это обещание содержится в письме Д. П. Лебедева А. Е. Викторову от 19 января 1883 (там же, л. 40). – *16.*

[25] О каком «радостном событии» в семействе Ю. Д. (Г. Д.) Филимонова идет речь, установить не удалось. – *16.*

[26] Ю. Д. (Г. Д.) Филимонов как помощник директора Оружейной палаты занимал казенную квартиру в Московском Кремле. В начале 1883 г., в связи с предстоявшими в Кремле торжествами по случаю коронации Александра III (состоялась 15 мая), он должен был временно найти другое пристанище. – *16.*

[27] Федор Андреевич *Бюлер* (1821–1896) – историк, дипломат, директор Московского главного архива Министерства иностранных дел. – *16.*

[28] Печатается по: ОР РГБ, ф. 196, к. 14, ед. хр. 62. С Д. П. Лебедевым Е. С. Некрасова познакомилась после его принятия в 1880 г. на службу в рукописное отделение Музеев. Как и большинство музейцев, Д. П. Лебедев относился к Екатерине Степановне внимательно и сердечно. Особенно теплыми их отношения стали после кончины А. Е. Викторова, когда Д. П. Лебедев заступил на его место хранителя отделения рукописей. В архиве Е. С. Некрасовой сохранились письма к ней Д. П. Лебедева за 1881–1889 гг. В настоящем разделе помещено несколько писем. – *16.*

[29] Алексей Егорович Викторов скончался 20 июля 1883 г. в Пятигорске, куда он в очередной раз приехал во время летнего отпуска. В жаркий, солнечный день, после горной прогулки, он выпил несколько стаканов ледяной воды, результатом чего стал тиф и быстрая смерть. Сослуживцы и друзья А. Е. Викторова (в том числе и Е. С. Некрасова) очень тяжело переживали его кончину. «Заупокойная литургия и панихида» по А. Е. Викторову, о которой пишет Д. П. Лебедев, была совершена в церкви свт. Николая, что на Старом Ваганькове, домовой церкви Музеев, 23 января 1884 г. Накануне – 22 января (2 февраля по новому стилю) – был день рождения А. Е. Викторова, однако поскольку этот день приходился на воскресенье, когда Музей был закрыт, панихида была совершена днем позже, т. е. в понедельник. Можно почти с полной уверенностью утверждать, что Н. Ф. Федоров, глубоко чтивший и любивший А. Е. Викторова, присутствовал на этой панихиде. – *16.*

[30] См. примеч. 8 к разделу «Дополнения» «Материалы Н. Ф. Федорова». – *16.*

[31] Речь идет о Ф. И. Буслаеве. – *16.*

[32] По всей видимости, речь идет о статье Е. С. Некрасовой «Н. В. Гоголь и А. А. Иванов. Их взаимные отношения» («Вестник Европы», 1883, № 12, с. 611–648; в приложении к статье было помещено три письма Н. В. Гоголя к А. А. Иванову, обнаруженные Е. С. Некрасовой в отделении рукописей Московского Публичного и Румянцевского музеев – там же, с. 648–654). – *16.*

[33] Печатается по: ОР РГБ, ф. 42, к. 12, ед. хр. 12, л. 3–3 об.

В конце 1883 – начале 1884 г. друзья, почитатели и сослуживцы А. Е. Викторова возбудили ходатайство о перевозке в Москву тела ученого, скоропостижно скончавшегося летом 1883 г. в Пятигорске (см. примеч. 29) и там же похороненного, и начали сбор средств на эту акцию. Д. П. Лебедев принимал активное участие как в возбуждении этого ходатайства, так и в организации транспортировки гроба А. Е. Викторова и его захоронения. – *17.*

[34] 23 февраля 1884 г., за день до отправки письма Ф. И. Буслаеву, Д. П. Лебедев писал Е. С. Некрасовой: «Разрешение министра получено, гроб заказан, – и я только жду ответа от П. Ив. Викторова на мою телеграмму с изъявлением его согласия отправиться на Кавказ и содействовать Алексею Егоровичу по дороге в Москву» (ОР РГБ, ф. 196, к. 14, ед. хр. 62, л. 5–5 об.). В архиве Ф. И. Буслаева вместе с печатаемым письмом Д. П. Лебедева хранится и письмо племянника А. Е. Викторова Петра Ивановича *Викторова*, о котором здесь упоминает Лебедев:

«Многоуважаемый Дмитрий Петрович!

Очень рад, что могу с своей стороны содействовать к перевезению тела дяди из Пятигорска, куда я и готов выехать немедленно по получении от Вас подробных распоряжений.

С истинным уважением и преданностию
Имею честь быть
Всегда готовый к услугам Вашим
П. И. Викторов» (ОР РГБ, ф. 42, к. 12, ед. хр. 12, л. 5). – *17.*

[35] Судя по этой реплике, не все сотрудники Музеев и друзья А. Е. Викторова одобряли предложение о перезахоронении его тела: против были, в частности, библиотекарь *Е. Ф. Корш* и секретарь Музеев *А. П. Бушера*. Из постскриптума к данному письму следует, что Ф. И. Буслаев и Н. Ф. Федоров, напротив, всецело поддерживали усилия Д. П. Лебедева и других сторонников перезахоронения, считавших, что выдающийся ученый должен найти последнее упокоение на родине, в Москве, с которой была связана вся его жизнь. – *17.*

[36] Л. Я. Буслаева (см. примеч. 19) и ее сестра Ф. Я. Тронова. – *17.*

[37] Печатается по: ОР РГБ, ф. 196, к. 14, ед. хр. 62, лл. 8–9. – *17.*

[38] См. примеч. 33, 34. – *17.*

[39] Печатается по: ОР РГБ, ф. 196, к. 14, ед. хр. 62, л. 10. – *18.*

[40] На погребении тела А. Е. Викторова, состоявшемся 29 апреля 1884 г. на кладбище Симонова монастыря в Москве, по всей видимости, присутствовал и Н. Ф. Федоров. – *18.*

[41] Печатается по: ОР РГБ, ф. 42, к. 12, ед. хр. 12, л. 1–2 об.

Ответ на письмо Ф. И. Буслаева (о получении этого письма Д. П. Лебедев сообщал Н. Ф. Федорову 27 июля 1884 – см. Т. IV наст. изд., с. 632). – *18.*

[42] См. примеч. 13 к разделу «Приложения» «Письма Н. Ф. Федорову разных лиц». – *18.*

[43] К. Д. Лебедев, старший сын Д. П. Лебедева. В то время ему еще не исполнилось трех лет. – *18.*

[44] См. письмо Д. П. Лебедева Н. Ф. Федорову от 27 июля 1884. – *18.*

[45] См. примеч. 29. *Последнее пребывание в Москве* Д. П. Лебедева должно быть датировано временем с 7 по 15 июня 1884 г.: с 14 мая по 7 июня 1884 гг. он брал отпуск «по семейным обстоятельствам» (возможно, в связи с беременностью жены) и, судя по полученному свидетельству на проезд «во все города Российской империи», уезжал из Москвы (Архив РГБ, оп. 126, д. 32, лл. 32–33). Соответственно временем с 7 по 15 июня 1884 гг. должна быть датирована и болезнь Н. Ф. Федорова. Чем именно тогда был болен мыслитель, установить не удалось. – *18.*

[46] Первая возможная дата отъезда Н. Ф. Федорова и Д. П. Лебедева из Москвы – 15 июня 1884 г. (отпускные свидетельства на проезд «во все города Российской империи» с 15 июня по 15 августа были получены ими в конторе Музеев 14 июня (Архив РГБ, оп. 126, д. 32, л. 34; д. 53, л. 43)). – *18.*

[47] Это письмо Н. Ф. Федорова к Д. П. Лебедеву не разыскано. – *18.*

[48] См. примеч. 19. – *19.*

[49] Речь идет о Ф. Я. Троновой. – *19.*

[50] Второй сын Д. П. Лебедева Дмитрий родился 13 июля 1884 г. – *19.*

[51] Печатается по: ОР РГБ, ф. 196, к. 14, ед. хр. 62, лл. 12–13. – *19.*

[52] Речь идет об отдельном оттиске статьи Е. С. Некрасовой «Алексей Егорович Викторов. Очерк по письмам и личным воспоминаниям», написанной к первой годовщине смерти ученого и опубликованной в «Русской старине» (1884, № 8). – *19.*

[53] Это старая история (*нем.*). – *19.*

[54] Д. П. Лебедев имеет в виду описанную Е. С. Некрасовой сцену расставания А. Е. Викторова с его экономкой, «старушкой Анной Семеновной», «из старых крепостных нянюшек», уходившей «на покой». Доминантой этой сцены был момент «описи имущества», во время которой А. Е. Викторов дарил старушке то ложечки, то чайник, то варенье, то старый диван, посмеиваясь: «Ведь надо же нам приданое делить!» («Русская старина», 1884, № 8, с. 445). – *19.*

[55] Речь идет о Ф. И. Буслаеве. – *20.*

[56] Печатается по: ОР РГБ, ф. 196, к. 14, ед. хр. 62, л. 16–16 об. – *20.*

[57] Е. С. Некрасова прислала Д. П. Лебедеву, Н. Ф. Федорову и С. О. Долгову пригласительные билеты на заседание Общества любителей российской словесности, которое должно было состояться 25 ноября 1884 г. и на котором она должна была выступать с докладом о жизни и творчестве писательницы Е. П. Ростопчиной (краткое сообщение об этом заседании Общества см.: «Русские ведомости», 27 ноября 1884, № 329, раздел «Московские вести»). Очерк Е. С. Некрасовой о Е. П. Ростопчиной впоследствии был опубликован в журнале «Вестник Европы» (1885, № 3).

Сама Е. С. Некрасова так характеризовала в дневнике свое выступление: «25 ноября 1884 г. читала в Обществе Любителей Российской Словесности – дело обошлось без скандала, которого я так боялась, – я думала, что не хватит воздуха в груди и придется закричать председателю: Николай Ильич ! (Стороженко) – идите, читайте за меня: я не могу! – Но скандала не было, и потому я довольна» (ОР РГБ, ф. 196, к. 8, ед. хр. 10, л. 1). – *20.*

[58] Печатается по: ОР РГБ, ф. 196, к. 13, ед. хр. 3, л. 3. В архиве Е. С. Некрасовой сохранились 5 писем С. О. Долгова (см. примеч. 48 к разделу «Письма Н. Ф. Федорову разных лиц»), три из которых печатаются в наст. томе.

Первое из печатаемых писем относится к весне 1892 г. В этом году С. О. Долгов активно помогал Е. С. Некрасовой, работавшей над очерком памяти Д. П. Лебедева, скончавшегося осенью 1891 г. (Е. С. Некрасова. Дмитрий Петрович Лебедев. 1851–1891 // Русская старина, 1892, № 7, с. 217–224). 7 января 1892 г. новый заведующий отделением рукописей отправил ей пространное письмо, содержащее биографические сведения о покойном, а также краткую характеристику его личности (этим письмом Е. С. Некрасова широко воспользовалась при составлении своего очерка). А затем передал писательнице небольшие воспоминания о Д. П. Лебедеве В. И. Шенрока (см. ОР РГБ, ф. 196, к. 13, ед. хр. 3, лл. 1–2 об., 9–10 об.).

Печатаемое письмо С. О. Долгова Е. С. Некрасовой также связано с темой увековечения памяти Д. П. Лебедева. – *20.*

[59] По всей видимости, С. О. Долгов планировал собрать в отделении рукописей переписку Д. П. Лебедева, а также другие материалы к его биографии, как это несколько ранее было сделано с бумагами А. Е. Викторова, в связи с чем Е. С. Некрасова прислала С. О. Долгову адресованные ей письма Д. П. Лебедева (в настоящее время хранятся в личном фонде Е. С. и В С. Некрасовых – ОР РГБ, ф. 657, к. 14, ед. хр. 62). – *20.*

[60] Речь идет о жене Д. П. Лебедева М. К. (по другим сведениям – М. С.) Лебедевой (см. примеч. 44 к разделу «Приложения» «Письма Н. Ф. Федорову разных лиц»). – *20.*

[61] Можно предположить, что речь идет о статье Е. С. Некрасовой памяти Д. П. Лебедева (см. примеч. 58). Вероятно, в момент написания письма она еще не была напечатана. – *20.*

[62] Печатается по: ОР РГБ, ф. 196, к. 23, ед. хр. 49, л. 57. Письмо Г. П. Георгиевского (см. примеч. 2 к письму 71) сохранилось в составленной Е. С. Некрасовой подборке автографов и фотопортретов писателей.

К этому письму Е. С. Некрасова сделала следующее примечание: «Григорий Георгиевский – помощник хранителя Рукописей в Румянцевском музее, – постоянный сотрудник “Русского Обозрения” (я его видела в Музее не больше двух раз. Между нами, конечно, нет ничего общего)» (там же). Характерна здесь последняя фраза: Г. П. Георгиевский был человеком достаточно консервативных взглядов, что находило отражение и в его деятельности как историка и публициста, потому-то Е. С. Некрасова, принадлежавшая к либерально-демократическому лагерю русской журналистики, и подчеркивает, что ее кон-

такты с Георгиевским были эпизодическими и не выходили за рамки подбора книг для присылки на дом. – *21*.

[63] С. О. Долгов. – *21*.

[64] Речь идет об издании: И. Цветаев. Путешествие по Италии в 1875–1880 гг. М., 1883. Иван Владимирович *Цветаев* (1847–1913) – филолог, искусствовед, в 1877–1889 гг. – профессор Московского университета, с 1882 – сотрудник Московского Публичного и Румянцевского музеев (заведовал гравюрным отделением, отделением изящных искусств и классических древностей), в 1900–1910 гг. – директор Музеев. – *21*.

[65] Печатается по: ОР РГБ, ф. 196, к. 23, ед. хр. 49, л. 9. Данное письмо С. О. Долгова, так же как и предыдущее письмо Г. П. Георгиевского, сохранилось в одной из тетрадей с автографами и фотопортретами писателей, подобранными Е. С. Некрасовой.

К письму Е. С. Некрасова сделала следующее примечание: «*Семен Осипович Долгов* – хранитель рукописного отделения в Румянцевском Публичном Музее; занял место после Д. П. Лебедева, который наследовал очень большой величине – Алексею Егоровичу Викторову. Двоим последним хранителям я обязана за массу любезностей, за то, что они всегда любезно мне давали музейские книги на дом. Алексей же Егорович Викторов, который меня очень любил, никогда не давал мне ни одной книги на дом. Помню, я хотела писать рецензию на Пушкинский альбом, изданный Обществом Любителей Российской Словесности, и просила дать мне эту книгу, – ни за что. У него был принцип: "Не давать!" и он никому не делал исключения. "Если уж Вам так неудобно работать в Музее, так милости прошу в мою квартиру – туда я могу Вам принести „Альбом", так как моя квартира помещается в Музейском доме".

Раз мне понадобились "Былое и Думы", – книга оказалась в Музее. Вы думаете, Викторов дал мне ее на дом – ни, ни! Он пронес мне ее в "рукописное отделение", положил ее предо мною на стол, сделав вокруг или вернее с трех сторон изгородь из книг, чтобы никто не смог увидать, что передо мной лежат "Былое и Думы". Вот как держался принципа, несмотря ни на что, прежний замечательный человек и хранитель!» (там же). – *21*.

[66] Об интересе Н. Ф. Федорова к картине Н. С. Матвеева «Король Прусский Фридрих Вильгельм III с сыновьями благодарит Москву за спасение его государства» см. примеч. 251 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 627–628. – *21*.

[67] Возможно, речь идет об издании: С. М. Бриллиант. Рафаэль. Его жизнь и художественная деятельность. Биографический очерк. СПб., 1891. Какую именно работу историка и археолога Ивана Егоровича *Забелина* (1820–1908) просила прислать на дом Е. С. Некрасова, неизвестно. – *21*.

[68] Иван Степанович *Некрасов* (1836–1895), брат Е. С. Некрасовой, историк литературы, профессор, затем декан и ректор Новороссийского университета. – *21*.

[69] Печатается по: ОР РГБ, ф. 484, к. 2, ед. хр. 49, л. 1.

Письмо представляет собой книжный запрос Е. С. Некрасовой в библиотеку Московского Публичного и Румянцевского музеев. На автографе письма первые два пункта запроса зачеркнуты по горизонтали черными чернилами, пункт третий перечеркнут по вертикали – по всей видимости, эти пометы сделаны С. О. Долговым. – *21*.

[70] Речь идет о следующих трудах по истории Великой французской революции: E. Quinet. La révolution. Vol. 1–2, Paris. 1865–1867; J. Michelet. Histoire de la révolution française. Vol. 1–6. Paris, 1869–1876 (то же: vol. 1–2. Paris, 1880). – *21*.

[71] В 1896–1897 гг. Е. С. Некрасова, придававшая большое значение образованию народа, вкладывавшая много сил и средств в дело составления и издания народной книги, работала над очерком «"Друг бедных и несчастных" доктор Федор Петрович Гааз» (черновой автограф см.: ф. 196, к. 3, ед. хр. 2), посвященным знаменитому общественному деятелю и филантропу первой половины XIX в. Этот очерк она планировала издать отдельной брошюрой для народа. В связи с этим она обратилась к Анатолию Федоровичу *Кони* (1844–1927), известному юристу и литератору, которому и принадлежала заслуга воскрешения памяти о Гаазе: его очерк «Доктор Ф. П. Гааз», впервые прочитанный в Санкт-Петербургском юридическом обществе в январе 1890 г., а зимой 1891–1892 г. – в пользу пострадавших от неурожая, был опубликован в журнале «Вестник Европы» в 1897 году (№ 1, с. 8–62; № 2, с. 461–520); в том же году вышла книга Кони «Ф. П. Гааз. Биографический очерк» (СПб., 1897), выдержавшая пять изданий. А. Ф. Кони сочувственно отозвался о намерении Е. С. Некрасовой «поведать о "святом докторе"» народу и пообещал ей свое содействие (см. письмо А. Ф. Кони Е. С. Некрасовой от 14 января 1897 г. // ОР РГБ, ф. 196, к. 23, ед. хр. 49).

Упомянутая Е. С. Некрасовой статья писательницы Евгении *Тур* (настоящее имя – Елизавета Васильевна Салиас-де-Турнемир) (1815–1892) нами не разыскана. Сведения о ней можно почерпнуть из указанного очерка А. Ф. Кони. Говоря о забвении, которому подверглось имя Ф. П. Гааза вскоре после его смерти, А. Ф. Кони замечал: «Только Евгения Тур через девять лет после его смерти в нескольких прочувствованных словах помянула “Божия человека, который ждет своего биографа”» («Вестник Европы», 1897, № 2, с. 515). – *21.*

[72] А. С. Некрасова. – *21.*

[73] Печатается по: ОР РГБ, ф. 196, к. 13, ед. хр. 3, л. 5–5 об. Письмо послано в ответ на очередной книжный запрос Е. С. Некрасовой. В подборе книг по этому запросу, по обыкновению, принимал самое прямое участие Н. Ф. Федоров, заведовавший библиотечным каталогом. – *22.*

[74] Речь идет об итальянском журнале «Nuova antologia. Rivista di littere, scienze et arti» («Новая антология. Литературный, научный и художественный журнал»), выходившем в Риме два раза в месяц с 1891 г. – *22.*

[75] Речь идет об издании: «Полное собрание стихотворений Я. П. Полонского в 5-ти тт». СПб., 1896. – *22.*

[76] Речь идет об издании: Ф. Д. Гверацци. Беатриче Ченчи. Исторический роман XV столетия. Пер. с итал. Н. А. Попова. СПб., 1890. – *22.*

[77] Речь идет о романе А. Дюма «Дама с камелиями» (на рус. языке: «Разбитая жизнь Маргариты Готье». СПб., 1897). – *22.*

[78] Печатается по: ОР РГБ, ф. 484, к. 2, ед. хр. 60. Письмо послано из Московского главного архива Министерства иностранных дел, в котором служил С. С. Слуцкий (см. примеч. 2 к письму 60) и в то время работал вольнотрудящимся Н. Ф. Федоров. – *22.*

[79] Речь идет о следующем сочинении церковного писателя, археолога, богослова, проф. Киевской духовной академии Алексея Афанасьевича *Дмитриевского*: «Православное русское паломничество на Запад (в Бар-град и Рим) и его насущные нужды». Киев, 1897. – *22.*

[80] Речь идет о Г. П. Георгиевском. – *22.*

[81] Прасковья Сергеевна *Уварова* (1840–1924) – графиня, супруга А. С. Уварова, археолог, организатор Всероссийских археологических съездов, с 1884 г. – председатель Московского археологического общества, об экстренном заседании которого и сообщает С. О. Долгову С. С. Слуцкий. – *22.*

[82] Печатается по: ОР РГБ, ф. 196, к. 10, ед. хр. 35. Письмо написано на почтовой карточке («Открытое письмо»). На лицевой стороне:

«Екатерине Степановне Некрасовой.

Малая Никитская. Дом госпожи Хрущовой» (там же, л. 1 об.).

Письмо С. А. *Белокурова* (см. примеч. 4 к письму 76), по всей видимости, было ответом на обращение к нему Е. С. Некрасовой (ее письмо не разыскано, в фонде С. А. Белокурова в ОР РГБ оно отсутствует).

Печатаемое письмо дает важные уточняющие сведения относительно погребения Н. Ф. Федорова. Так, выясняется, что в организации похорон мыслителя принял активное участие Московский главный архив Министерства иностранных дел, в котором покойный служил вольнотрудящимся в последние годы жизни, что именно Архив оплатил место на кладбище Скорбященского монастыря, которое стоило недешево, и, наконец, что средства на погребение Федорова были собраны вскладчину (ранее высказывалась гипотеза, что Н. Ф. Федоров был погребен на деньги В. А. Кожевникова, – см.: Е. В. Прошечкин. Поиски могилы Н. Ф. Федорова // Общее дело. Сборник докладов, представленных на I Всесоюзные Федоровские чтения, с. 235). – *22.*

[83] Это намерение не было осуществлено. До 1923 г. на могиле Н. Ф. Федорова стоял простой деревянный крест (см. примеч. 176 к разделу «Приложения» «Письма Н. П. Петерсона В. А. Кожевникову»). – *22.*

[84] Речь идет о церковно-приходской школе в с. Мордовский Качим Городищенского уезда Пензенской губернии (см. примеч. 56 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 596–597). – *23.*

[85] Печатается по: ОР РГБ, ф. 196, к. 14, ед. хр. 15. – *23.*

[86] В 1904 г. журнал «Русский архив», начиная с № 2, последовательно печатал книгу В. А. Кожевникова «Николай Федорович Федоров», над которой Владимир Александрович начал работать с января. В № 2 была опубликована первая глава книги – «Библиограф и библиотекарь», в № 3 (*2-я статья*) – глава «Музейский деятель». – *23.*

[87] Речь идет о статье-некрологе «Памяти Н. Ф. Федорова», написанной Е. С. Некрасовой для «Русских ведомостей» (текст см. в примеч. 170 к разделу «Приложения» «Письма Н. П. Петерсона В. А. Кожевникову»). – *23*.

[88] Книга В. А. Кожевникова «Николай Федорович Федоров. Опыт изложения его учения по изданным и неизданным произведениям, переписке и личным беседам» (Ч. 1. М., 1908) была издана с грифом «не для продажи». Под тем же грифом были изданы в 1906–1913 гг. и сочинения Н. Ф. Федорова. – *23*.

[89] Речь идет о письме Ф. М. Достоевского к Н. П. Петерсону от 24 марта 1878 г., помещенном в третьем номере «Русского архива» за 1904 г. сразу же вслед за главой «Музейский деятель» (подробнее см. примеч. 108 к разделу «Приложения» «Вокруг Федорова»). – *23*.

[90] Впервые фрагмент дневника С. П. Бартенева с записями его бесед с Н. Ф. Федоровым был опубликован Т. Д. Закидальским: «Из дневника С. П. Бартенева: разговоры с Н. Ф. Федоровым, о Н. Ф. Федорове и письмо от Н. Ф. Федорова» // Новый журнал, № 129, 1977, с. 172–182. Как сообщал публикатор, при подготовке текста он опирался на машинописную копию фрагмента «Дневника», состоящую из 8 страниц и хранящуюся в Литературном архиве Народного музея в Праге в составе фонда Fedoroviana Pragensia (там же, с. 173). Эта копия была выслана Н. А. Сетницким К. А. Чхеидзе в июне 1933 г. в числе других материалов, предназначенных для второго выпуска сборника «Вселенское дело», посвященного памяти Н. Ф. Федорова. Однако в конечном итоге в сборник она не вошла и была передана К. А. Чхеидзе в фонд Fedoroviana Pragensia. Местонахождение оригинала «Дневника» С. П. Бартенева не известно.

Поскольку фонд Fedoroviana Pragensia в силу объективных обстоятельств не был нам доступен, републикация осуществляется по тексту, появившемуся в «Новом журнале». По сравнению с первой публикацией в нем сделаны некоторые сокращения: выпущены те места «Дневника», в которых рассказывается о беседах С. П. Бартенева и Д. А. Хомякова; кроме того, в наст. томе отдельно печатается письмо Н. Ф. Федорова к С. П. Бартеневу, приведенное в «Дневнике». В тексте исправлены некоторые смысловые опечатки.

В записях С. П. Бартенева о его беседах с «Московским Сократом» мы имеем непосредственную фиксацию речи Федорова, примеры устного развертывания его мысли. Печатаемые фрагменты как нельзя лучше иллюстрируют свидетельства мемуаристов о яркой диалогической манере Федорова, о взволнованности и страстности его речи, о силе убеждения, пронизывавшей каждое его слово.

С. П. Бартенев был одним из немногих, писавших о Федорове, кто воспринял учение «всеобщего дела» только в устном изложении – сначала через своего брата Ю. П. Бартенева, затем через И. М. Ивакина (см.: «Русский архив», 1909, № 1, с. 119–120) и наконец, беседуя с самим Федоровым; в письменном же виде, по крайней мере в 1890-е гг., к которым относятся и печатаемые фрагменты «Дневника», и два его письма к философу (Т. IV наст. изд., с. 636, 639), он это учение не знал. Другие лица из окружения Н. Ф. Федорова, оставившие некрологи или воспоминания о нем, содержащие высказывания мыслителя, – И. М. Ивакин, Ю. П. Бартенев, Н. Н. Черногубов, Е. В. Барсов, Г. П. Георгиевский, – в большей или меньшей степени были знакомы также и с работами Федорова, что облегчало задачу адекватной передачи его мысли. В отличие от них С. П. Бартенев опирался лишь на устное слово Федорова. И тем не менее в своих записях он достаточно точно воспроизводит и содержание идей «всеобщего дела», и саму логику рассуждений философа, стремится к передаче характерных «федоровских» оборотов. Многое из того, о чем пишет С. П. Бартенев, находит переклички в сочинениях Н. Ф. Федорова, а некоторые высказывания мыслителя, запечатленные его слушателем, являются ценным дополнением к письменным текстам.

Впоследствии, в конце 1908 г., по просьбе своего отца П. И. Бартенева С. П. Бартенев подготовил на основе записей «Дневника» небольшие воспоминания о Н. Ф. Федорове: «Николай Федорович Федоров. Два разговора о воскрешении мертвых» («Русский архив», 1909, № 1, с. 119–122). При этом мемуарист использовал две записи – от 7 декабря 1894 г. и от 10 сентября 1895 г., слив их воедино и представив как один разговор, состоявшийся 7 декабря 1894 (в качестве другого разговора была приведена беседа С. П. Бартенева с И. М. Ивакиным, в которой последний излагал идеи федоровского учения). Текст записей был несколько подредактирован С. П. Бартеневым, причем изменению в основном подверглись реплики его самого (в ряде случаев они были дополнены и расширены). – *24*.

[91] В статье «Николай Федорович Федоров. Два разговора о воскрешении мертвых» С. П. Бартенев, прежде чем привести эту дневниковую запись, описал свой разговор с

И. М. Ивакиным, состоявшийся за некоторое время до первой личной беседы мемуариста с Н. Ф. Федоровым:

«Однажды с братом Юрием († 31 окт<ября> 1908) я отправился к Николаю Федоровичу в Каталожную Румянцевского музея в надежде услышать что-нибудь интересное, так как к нему собирались туда лучшие люди мысли [...], глубоко его почитавшие и признававшие учителем. В Каталожную допускались не все, а только знакомые, особенно усердно занимающиеся. Беседы велись после 3 часов, когда кончалось время службы. До того времени Ник<олай> Фед<орович> беспрерывно рылся в каталогах, приискивая требуемые из читальной залы книги и бегал сам их отыскивать, чтобы помочь в работе служителям и ускорить дело, так как он по памяти знал местонахождение многих книг. Придя в Каталожную, надо было взять книгу и заняться чтением, чтобы оправдать там свое присутствие. Мне пришлось приютиться у углового столика, рядом с неким И. М. Ив<акиным>, с которым я понемногу разговорился, сообщив о своем желании послушать мудрых речей Николая Федоровича.

Ив<акин> предупредил меня, что Ник<олай> Фед<орович> избегает разговаривать о главном. Для того, чтобы он начал об этом говорить, надо приобрести его доверие. В чем же главное? – спросил я. – Он хочет воскресить всех умерших – был ответ. Сначала я ушам не поверил. Да как же? Да что же это такое? Чепуха, сумасшествие! – Это не такое сумасшествие, как кажется с первого раза, – отвечал Ив<акин>. Я: Но как же это сделать? Ив.: Надо изучить все тайны природы, постигнуть их все, без остатка и в полнейшей мере, овладеть всеми ее силами, и тогда человек победит смерть. – Я: Мысль о достижении человеком земного бессмертия не новость. Искание средневековыми алхимиками жизненного эликсира – ничто иное, но это еще бесконечно далеко от воскресения умершего, уже исчезнувшего с лица земли человека, о котором и памяти не сохранилось. – Ив.: В мире все так неразрывно связано одно с другим, что постепенно можно восстановить все звенья. – Я: Конечно, все неразрывно, но тем не менее нельзя и представить себе приблизительно, каким же способом приступить к воскрешению. – Ив.: Очень недавно было немыслимо себе представить, как можно овладеть молнией или определить химический состав солнца и звезд. Согласитесь, что подобную попытку сочли бы безумием. Однако теперь электричество – покорный слуга человека, а спектральный анализ безошибочен. Если это так, то нельзя отрицать, что в будущем откроются для людей такие *возможности*, которые превзойдут наши самые смелые мечты, которых и вообразить мы теперь не в состоянии. – Я: Если это и не сумасшествие, то так неопределенно, что мысль отказывается принимать столь странное учение. – Ив.: Что же тут странного?! Ник<олай> Фед<орович> утверждает, что и теперь люди стремятся к этому, именно к этому. Мы принимаем пищу, чтобы восстановить потерянные частицы организма и тем поддержать жизнь; мы родим детей, чтобы в них продолжить жизнь, так как пока не можем еще продлить личное существование бесконечно, то есть победить и смерть, и, по физической необходимости опуская в землю умершего отца, по нравственной – стремимся воссоздать его образ и тем хотя бы отчасти воскресить его. Все это мы делаем без- или полусознательно. Но вследствие своего невежества восстановляем силы не полно, боремся с болезнью и разрушением несовершенно и потому умираем, живя без знания, дрянно, можно сказать, разрозненно и столь варварски-слепо-эгоистично, что вместо того, чтобы всем сплотиться против общего врага – слепой разрушающей силы природы, боремся друг с другом из-за средств к жизни. Ник<олай> Фед<орович>, как пророк Духа Животворящего, призывает всех сплотиться и общими братскими усилиями всех вместе для всех совершить великое дело. – Я: Но ведь это ужасная гордость. Мы, христиане, верим в воскресение и безумием его не считаем; но мы верим, что его совершит Бог. – Ив.: То есть, что люди будут сидеть сложа руки и за свою веру получат даровую премию в виде воскресения и жизни вечной. Нет, это безнравственно. Ник<олай> Фед<орович> слышать об этом не может; люди должны собственными усилиями выполнить волю Бога Живого, смерти не создавшего. Это их долг. Бог вложил в человека разум и волю и с человеком внес в мироздание разумность, сознание. Так для чего-нибудь он это сделал! Задача человека населить мир и управить его разумом, победив слепую силу природы; когда это будет сделано и человек достигнет бессмертия, он по нравственной необходимости начнет великое дело, великий долг воскрешения отцов, тех, кому он обязан жизнью. Без этого нет смысла в вечной жизни. К чему мне она, если мой любимый отец не пользуется ее благом и коснеет в оковах смерти, небытия. Радость совершенная возможна лишь тогда,

когда никто не исключен из участия в питии из чаши жизни вечной» («Русский архив», 1909, № 1, с. 119–121).

По всей видимости, разговор С. П. Бартенева с И. М. Ивакиным также был в свое время отражен в его «Дневнике». На эту мысль наводит, в частности, оформление реплик участников, идентичное тому, которое присутствует в известном нам фрагменте «Дневника». – *24*.

[92] С. П. Бартенев готовился к отъезду в Египет: в начале 1895 г. он должен был дать два концерта в Каире (РГАЛИ, ф. 46, оп. 10, ед. хр. 3, л. 2). – *24*.

[93] Ю. П. Бартенев. – *24*.

[94] См. примеч. 2 к I части «Записки» – Т. I наст. изд., с. 468. –

[95] Слова змия-искусителя: «но знает Бог, что в день, когда вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло» (Быт 3:5). – *24*.

[96] Мф 5:48. – *25*.

[97] В. А. Кожевников. – *26*.

[98] Слова молитвы «Отче наш» (Мф 6:10). – *26*.

[99] Евр 11:1. – *26*.

[100] В «Дневнике» под датой «7 декабря 1894 г.» после записи первого разговора с Федоровым следует описание посещения С. П. Бартеневым Дмитрия Алексеевича *Хомякова* (1841–1919), церковно-общественного деятеля, сына А. С. Хомякова. В это посещение, по словам С. П. Бартенева, он передал своему собеседнику содержание разговора с Федоровым, состоявшегося несколькими часами ранее. Реакция Д. А. Хомякова была негативной: «Тот вспыхнул, как будто обиделся. Стал расспрашивать о Н. Ф. , называл его Федотовым и узнавши, что он так много читает, сказал: "Пофилософствуй, ум вскружится". Оборвал и стал говорить о Грибоедове.

После, в кабинете заметил, что люди не убиваемы, а умирают, ибо грешны, и лишь Искупитель может воскресить, а идеи Н. Ф. – ересь» («Новый журнал», № 129, 1977, с. 175–176). – *26*.

[101] Далее в «Дневнике» следует фраза: «*Ответ Н. Ф. на мое послание*» и приводится текст письма Н. Ф. Федорова к С. П. Бартеневу, представляющий собой отклик на его стихотворение в прозе (см. в наст. томе). – *26*.

[102] Воспоминания о Н. Ф. Федорове его сослуживца по библиотеке Музеев, историка Г. П. Георгиевского (см. о нем примеч. 2 к письму 71), появились в газете «Московские ведомости» 23–26 января 1904 г. (№№ 23–26, псевд.: П. Я. Покровский). Н. Ф. Федоров скончался 15 декабря 1903 г. по старому стилю – таким образом, 23 января были его сороковины.

Еще в кратком некрологе, написанном Г. П. Георгиевским в самый день смерти мыслителя, выражалось пожелание, чтобы лица, близко знавшие покойного, увековечили его память «хотя бы воспоминаниями», говорилось и о собственном намерении Георгиевского рассказать о «незабвенном Николае Федоровиче» подробно («Московские ведомости», 16 декабря 1903, № 341). Опубликованные «к 40 дню кончины» воспоминания как раз и стали реализацией этого намерения.

Воспоминания Г. П. Георгиевского – первые воспоминания о Н. Ф. Федорове, появившиеся в печати после декабрьских некрологов. И в них мемуарист стремился, насколько ему позволяло ограниченное пространство газетной статьи, пусть и растянутой на четыре номера, как можно полнее и многограннее представить жизненный и духовный облик мыслителя, коснуться и его образа жизни, и служения в Музеях, показать значение Федорова как выдающегося библиотекаря и библиографа и в то же время донести до читателя его заветные идеи.

При составлении поминальной статьи Г. П. Георгиевский опирался не только на собственные воспоминания, но и на рассказы сослуживцев Н. Ф. Федорова по Музеям, а также на свои беседы с мыслителем. Биографические данные о мыслителе были им получены из «Личного дела» Федорова, хранившегося в Канцелярии Музеев. С философскими идеями Федорова он был знаком как в устном изложении, так и по некоторым рукописным статьям. Кроме того, в момент написания воспоминаний в распоряжении Георгиевского имелась составленная Федоровым программа статьи, фрагменты которой были им воспроизведены.

Статья «Из воспоминаний о Николае Федоровиче» впоследствии была использована Г. П. Георгиевским для составления очерка «Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров. Из личных воспоминаний», над которым он работал в 1911–1912 гг. В процессе работы над очерком Г. П. Георгиевский расширил круг источников: он включил в их число и книгу В. А. Кожевникова о Федорове, и I том «Философии общего дела», подаренный ему Н. П. Петер-

соном. Уточнил мемуарист и ряд биографических данных, прежде всего относительно происхождения Н. Ф. Федорова.

Следует также отметить, что, рисуя историю взаимоотношений Н. Ф. Федорова с Л. Н. Толстым, как в статье «Из воспоминаний о Николае Федоровиче», так и в очерке «Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров», Г. П. Георгиевский опирался не только на личные воспоминания, но и на сообщения других лиц. Ведь общение Г. П. Георгиевского с Н. Ф. Федоровым реально началось с осени 1890 г., когда Григорий Петрович поступил на службу в Музеи, и он не мог быть непосредственным свидетелем контактов Федорова и Толстого в 1880-е гг. Те эпизоды взаимоотношений писателя и мыслителя, которые имели место ранее 1890 г., он явно воспроизводил с чужих слов. Можно предположить, что одним из источников информации стали беседы мемуариста с самим Федоровым. Так, еще в декабре 1890 г. в одном из писем О. А. Новиковой Г. П. Георгиевский сообщал: «Мой ближайший сослуживец Николай Федорович, тот старичок, которого Вы видели в Музее, к сожалению заболел, и я езжу навещать его. Он мне много рассказывает про Толстого, с которым был когда-то дружен» (цит. по: «Четвертые тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения», с. 30–31).

В настоящем издании текст статьи «Из воспоминаний о Николае Федоровиче» печатается по публикации в «Московских ведомостях». – *27.*

[103] Василий Львович *Величко* (1860–1903) – поэт, в творчестве которого большое место занимали темы и мотивы восточной поэзии (сб. «Восточные мотивы», СПб., 1890, «Из кавказских напевов», СПб., 1895), переводчик, публицист. В 1896–1899 – редактор-издатель тифлисской газеты «Кавказ». *Черномор (Черноморец)* – В. Н. Семенкович (см. примеч. 8 к письму 72). Под псевдонимом *Черноморец* В. Н. Семенкович в 1890–1900-х гг. печатался в газете «Московские ведомости»; в 1894 г. под этим же псевдонимом в журнале «Русское обозрение» вышла серия его очерков «Север России в военно-морском и коммерческом отношениях. (Морские письма)». – *29.*

[104] Все мое ношу с собой (*лат.*). – *30.*

[105] В очерке «Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров» Г. П. Георгиевский уточнял, что этот эпизод относится к 1896–1897 гг. – *31.*

[106] В «Личном деле» Н. Ф. Федорова хранится запрос Керенского полицейского управления от 10 мая 1882 г. (Н. Ф. Федоров, получивший в середине апреля внеочередной отпуск, находился в это время в Керенске у Н. П. Петерсона): «...было ли выдаваемо свидетельство от 17-го Апреля сего года за № 154 Коллежскому Асессору Николаю Федоровичу Федорову, если было, то на какой срок», и соответствующее подтверждение Канцелярии Музеев (Архив РГБ, оп. 126, д. 53, лл. 41–42). – *32.*

[107] В 1901–1903 гг. Н. Ф. Федоров служил вольнотрудящимся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел. – *32.*

[108] Г. П. Георгиевский «прибавил» мыслителю почти 10 лет (Н. Ф. Федорову было 74 года, когда он скончался). Объяснение такой ошибки находим в воспоминаниях «Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров»: «Мне, совсем зеленому юноше, еще не сошедшему со школьной скамьи, его возраст, или вернее, его старость, казались более глубокими. [...] Впрочем, и возраст Николая Федоровича точно не был известен никому. Те люди, которые раньше меня и давно уже знали его, говорили, что они все время знают его вот таким, каким он был в данный момент, что другим, более молодым человеком, они не помнят, и что годы, прошедшие со дня первого знакомства с ним, не произвели в нем заметной перемены» («Четвертые тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения», с. 46–47). Здесь же Георгиевский пишет о «несоответствии между казавшимся на первый взгляд преклонным возрастом Николая Федоровича и ключом бившею в нем жизнью» (там же, с. 47). – *32.*

[109] Речь идет о Н. И. Боборыкине (см. примеч. 2 к письму 118 и примеч. 2 к письму 71). – *33.*

[110] Повод к войне (*лат.*). – *33.*

[111] Речь идет о первом прошении об отставке, поданном Н. Ф. Федоровым 31 марта 1880 г. (см. Личное дело Н. Ф. Федорова // Архив РГБ, оп. 126, д. 53, л. 32). – *33.*

[112] Цитируемая Г. П. Георгиевским резолюция В. А. Дашкова сделана 12 апреля 1880 г. на прошении Н. Ф. Федорова о двухмесячном отпуске «по домашним обстоятельствам» (там же, л. 33). – *33.*

[113] Этот эпизод в более развернутом виде Г. П. Георгиевский привел в очерке «Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров» (цитату и комментарий см. в примеч. 138 к «Статьям и заметкам о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве»). – *33.*

[114] Г. П. Георгиевский имеет в виду статью «Разоружение» и другие связанные с ней статьи и заметки (см. раздел «Статьи о разоружении и умиротворении» в Т. II наст. изд.). – *34.*

[115] Г. П. Георгиевский опирается здесь на письмо Ф. М. Достоевского Н. П. Петерсону от 24 марта 1878 г. (летом 1903 г. оно было передано в рукописное отделение Музеев, которым заведовал Григорий Петрович), однако допускает некоторые неточности: Ф. М. Достоевский не читал «писаний Николая Федоровича», он познакомился лишь с изложением его идей, присланных в декабре 1877 г. Н. П. Петерсоном. – *34.*

[116] Речь идет о циркуляре от 12 августа 1898 г. о сокращении вооружений (см. преамбулу к разделу «Статьи о разоружении и умиротворении» – Т. II наст. изд., с. 476–477). – *34.*

[117] Н. Ф. Федоров предлагал поместить портрет Николая II в так называемом Румянцевском зале Музеев, где находились портреты основателя Румянцевского музея канцлера Н. П. Румянцева, его деда А. И. Румянцева, статуя «Мир» работы А. Кановы, а также скульптурный портрет отца Н. П. Румянцева фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского. Портреты Н. П. и А. И. Румянцевых располагались на одной стене зала, у противоположной стены находилась статуя Н. П. Румянцева, а статуя «Мир» помещалась на гранитном пьедестале в центре зала. – *35.*

[118] Программа статьи, из которой Г. П. Георгиевский приводит следующие ниже выдержки, в настоящее время неизвестна, однако сами выдержки имеют ряд совпадений и перекличек с текстом статьи Н. Ф. Федорова «Без заглавия» (Т. III наст. изд., с. 120–121). Возможно, написать особую статью на основе упомянутой программы Н. Ф. Федоров склонял самого Георгиевского, в то же время использовав мысли, в ней изложенные, для составления собственной статьи – *35.*

[119] не только оружием (*лат.*) – девиз рода Румянцевых. – *35.*

[120] Т. е. Константинополем. – *35.*

[121] Н. Ф. Федоров ссылается на статью Е. Ф. Корша «Опыт нравственной характеристики Румянцева», в которой, в частности, шла речь о деятельности Н. П. Румянцева на посту канцлера и его усилиях к решению Восточного вопроса. Е. Ф. Корш подчеркивал, что для Н. П. Румянцева «направление восточной нашей политики, сверх государственного его значения, было еще, можно сказать, кровным, личным, задушевным делом» («Сборник материалов для истории Румянцевского музея». Вып. 1. М., 1882, с. 32), имея в виду, прежде всего, военные заслуги его отца, героя русско-турецкой войны 1768–1774 г., фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского (см. примеч. 286 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 632). – *35.*

[122] На реках *Ларге* и *Кагуле* во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в июле 1770 г. 1-я русская армия под командованием П. А. Румянцева-Задунайского разбила войска в первом случае – крымского хана Каплан-Гирея, во втором – великого визиря Хамиль-Паши. – *35.*

[123] См. примеч. 209 к «Статьям и заметкам разного содержания». – *35.*

[124] См. примеч. 285 к «Отечествоведению» – Т. III наст. изд., с. 631–632. – *35.*

[125] Подобное же сравнение Н. Ф. Федорова с Мелхиседеком, праведным древнееврейским царем Салима (будущего Иерусалима) и одновременно первосвященником «не по закону» (не принадлежал к священнической касте потомков Аарона, сокрытым было и его происхождение), а по благодати, привел впоследствии и А. Л. Волынский в статье «Воскрешение мертвых»: «Так учил и умер новый Мелхиседек на арене русской истории. Он проповедовал вечность, не будучи помазан никакой церковью. Не в церквах, а на улицах пел он свой пасхальный канон трудового воскрешенья» (РГАЛИ, ф. 95, оп. 1, ед. хр. 49, л. 7). – *35.*

[126] Эти данные Г. П. Георгиевский почерпнул из Личного дела Н. Ф. Федорова, в котором хранились Аттестат, выданный Подольским уездным училищем в апреле 1868 г., несколько формулярных списков по службе в Музеях и копия Аттестата, выданного канцелярией Музеев 17 сентября 1898 года (Архив РГБ, оп. 126, д. 53, лл. 6–7, 99–102 об., 124–134, 145–157). – *35.*

[127] Неверно. В Чертковскую библиотеку Н. Ф. Федоров поступил в мае 1869 г. Место помощника библиотекаря было передано мыслителю Н. П. Петерсоном, занимавшим его с конца лета 1867 г. – *35.*

[128] С XVII в. представители княжеского рода Гагариных обосновались в Москве (в XIX в. Староконюшенная улица, на которой проживали Гагарины и на которой находился дом И. А. Гагарина, деда Н. Ф. Федорова, была переименована в Гагаринский переулок). – *36.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН[1]

[1] В указатель вошли имена и псевдонимы исторических лиц, упоминаемых как в основном тексте, так и в комментариях. Мифологические имена в указатель не включались. Страницы основного текста даются обычным шрифтом, комментария – курсивом, нумерация томов – римскими цифрами, страниц – арабскими, том «Дополнения. Комментарии к IV тому» обозначен буквой Д.

Фамилии лиц с неустановленными инициалами и имена и отчества лиц с неустановленными фамилиями обычно сопровождаются краткими пояснениями. Пояснения даются и в некоторых других случаях, например: Александр III, папа Римский.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ[1]

[1] В алфавитный указатель включены статьи и заметки Н. Ф. Федорова, а также статьи, помещенные в разделе «Приложение». Статьи и заметки, не имеющие названий, даются по первым словам. Заметки, входящие в тематические блоки (например, «Заметки о преп. Сергии Радонежском», «Заметки личного характера» и др.), по отдельности не перечисляются. Не перечисляются также письма Н. Ф. Федорова и письма лиц из его окружения (в указатель включены только названия соответствующих разделов).

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ, ИСПРАВЛЕНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ

Т. I

страница, строка	напечатано	следует читать
Фронтиспис	С рисунка Л. О. Пастернака 90-х годов XIX века	С портрета Н. Ф. Федорова работы Л. О. Пастернака
стр. 5, строка 7 снизу	М., 1908. с. 320.	Ч. 1. М., 1908, с. 320.
стр. 11, строка 11 снизу	13(28) декабря	15(28) декабря
стр. 98, строка 12 сверху	Сим <вола>	Сим<вола>
стр. 111, строка 5 сверху	если человек свободен то свободен как птица в клетке	если человек свободен, то свободен как птица в клетке
стр. 131, строки 22–23 снизу	заботиться лишь о живущих, забывая умерших, и приводить к распадению.	заботится лишь о живущих, забывая умерших, и приводит к распадению.
стр. 156, строка 4 сверху	наоплатоников	неоплатоников
стр. 171, строка 7 снизу	вечерней любви	вечерей любви
стр. 173, строка 5 сверху	Грек	грек
стр. 179, строка 3 сверху	могущество	могуществом
стр. 242, строка 2 снизу	Кебуш Чандер Сен	Кешуб-Чандер-Сен
стр. 377, строка 5 сверху		установление в XVIII веке *единоверия* *Комм.*: Единоверие – особая часть греко-российской церкви, образованная по подобию католической унии и действующая на основании «Правил единоверия», высочайше утвержденных 27 октября 1800 г. по представлению митрополита Московского Платона (Левшина). В единоверческих приходах, устраивавшихся в отбиравшихся у старообрядцев храмах и монастырях, было разрешено оставлять дониконовские церковные чины, вести службы по старым книгам, сохранять старообрядческие обычаи при обязательном условии юридического подчинения господствующей церковной иерархии. Введение «единоверия» не привело в действительности ни к слиянию, ни к примирению между представителями старой и новой веры, не способствовало преодолению раскола русской церкви, что и дало Н. Ф. Федорову повод к упрекам в фальши и безжизненности этого «мнимого дела». (Примечание подготовлено *А. В. Знатновым.*)
стр. 421, строка 14 сверху	Бога-отцов	Бога отцов
стр. 432, строка 9 сверху	Ныне же не увидим ему всяческая покорена	Ныне же не видим ему всяческая покорена
стр. 434, строка 15 снизу	Станаевич	Станоевич
стр. 440, строка 3 снизу	момент издания в 1901 году пасхального манифеста	момент издания в 1900 году пасхального манифеста

стр. 442, строка 11 снизу		Наша местная, всероссийская мануфактурно-художественная выставка 1882 года *Комм.*: Речь идет о Всероссийской промышленно-художественной выставке, проходившей в Москве в 1882 г. (располагалась на Ходынском поле). Н. Ф. Федоров посетил эту выставку вместе с Л. Н. Толстым.
стр. 448, строка 19 снизу		Что могут произвести 7-й и 8-й отделы французской выставки в Москве *Комм.*: Ниже Н. Ф. Федоров комментирует отделы французской промышленно-художественной выставки, проходившей в Москве с 29 апреля по 6 октября 1891 г. (подробнее см. примеч. 96 к разделу «Статьи и заметки разного содержания» – Д, с. 201).
стр. 465, строки 9–11 сверху	Впервые с полным упоминанием имени Федорова и репродукцией его портрета небольшой отрывок из его сочинений под заглавием «Астрономия и архитектура» был помещен В. Я. Брюсовым в 1904 г. в журнале «Весы». Через два года там же был напечатан еще один фрагмент Федорова «Письмена»	Впервые с полным упоминанием имени Федорова и репродукцией его портрета небольшой отрывок из его сочинений под заглавием «Астрономия и архитектура» был помещен В. Я. Брюсовым в 1904 г. в первом номере журнала «Весы». В шестом номере того же журнала за 1904 г. был напечатан еще один фрагмент Федорова «Письмена»
стр. 465, строка 25 снизу	и второй – в 1928 г.	в 1928 г., второй – в 1929 г.,
стр. 465, строка 16 снизу	несколько писем Федорова о Туркестане.	несколько писем Федорова о Туркестане. Пять писем Н. Ф. Федорова В. А. Кожевникову появились в 1929 г. в газете «Евразия» (4 мая, № 24).
стр. 466, строка 12 снизу	части.	части. О работе Н. Ф. Федорова над текстом «Записки» см. также примеч. 1 к письму 25 – Д, с. 248–249.
стр. 468, строки 20–22	Это явилось непосредственным толчком для разработки федоровского проекта превращения орудий истребления в орудия спасения, а самого войска – в естествоиспытательную силу.	Это явилось непосредственным толчком для актуализации федоровского проекта превращения орудий истребления в орудия спасения, а самого войска – в естествоиспытательную силу, разрабатывавшегося им уже ряд лет.
стр. 479, строка 13 снизу	Памрепиос	Пампрепиос
стр. 487, строка 18 снизу	утратой их влияния на другие страны.	утратой их влияния на другие страны. В период «авиньонского пленения» пороки католического духовенства достигли небывалых размеров, что дало повод Франческо Петрарке назвать развратный двор папы Климента VI (Пьера Роже) – «Вавилоном», а само авиньонское пленение – «вавилонским». (Указано *А. В. Знатновым.*)
стр. 507, строка 25 снизу	Антония	Амвросия
стр. 507, строка 11 снизу	в 1853 г.	в 1653 г.
стр. 507, строка 7 снизу	в 1854 г.	в 1654 г.
стр. 508, строка 29 снизу	По воспоминаниям В. А. Кожевникова,	По воспоминаниям Н. П. Петерсона,

стр. 508, строка 24 снизу	В письме от 24 декабря 1897 г. к Кожевникову Николай Федорович	В письме от 24 декабря 1897 г. к Кожевникову Н. П. Петерсон
стр. 511, строки 33–34 сверху	на письмо Н. П. Петерсона с изложением основных положений учения Федорова.	на присланное ему Н. П. Петерсоном изложение основных положений учения Федорова.
стр. 512, строка 12 сверху	Подробнее о взаимоотношениях Соловьева и Федорова см.:	Подробнее о взаимоотношениях Соловьева и Федорова см. примеч. 175 к разделу «Статьи и заметки о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве» (Д, с. 79–139);
стр. 512, строки 15–17	[35] К уже упомянутому письму ∞ образования и школы	[35] Н. П. Петерсон изложил идеи Н. Ф. Федорова в статье «Чем должна быть народная школа» (текст ее см. в Т. IV наст. изд., с. 506–513). Именно эта статья была послана им Ф. М. Достоевскому.
стр. 513, строка 18 сверху	статья Федорова	совместная статья Н. Ф. Федорова и И. А. Борисова
стр. 513, строки 29–30 сверху	(подписано именем его друга и последователя С. Белокурова)	(печаталось «под наблюдением» его друга и последователя С. Белокурова)
стр. 514, строка 13 сверху	дополнялась до начала 90-х годов.	дополнялась до начала 90-х годов: часть текста статьи представляет собой разбор французской выставки 1891 г. в Москве.
стр. 514, строка 19 сверху	(там же, л. 86).	(там же, л. 86). Новый виток работы над статьей пришелся на осень 1899 г., поводом к чему послужило предстоящее открытие Всемирной выставки 1900 г. в Париже. Находясь в Асхабаде, Н. Ф. Федоров пишет введение и заключение к статье, текст которой ранее был оставлен им у В. А. Кожевникова, и обсуждает с учеником возможность опубликования этой статьи с новыми добавлениями (см. письма 204, 207, 208, 210 и примеч. к ним – Т. IV наст. изд., с. 403, 405–407, 408–410; Д, с. 364–367). В. А. Кожевников на основе имевшихся у него и вновь присланных Федоровым материалов подготовил статью «О всемирной выставке», однако попытка опубликовать ее в журнале «Вера и разум» не увенчалась успехом (см. письмо 214 – Т. IV наст. изд., с. 413–414).
стр. 515, строка 27 сверху	(см. т. 3 наст. изд.)	(см. т. 3 наст. изд.). Можно и иначе интерпретировать 1-ое и 2-ое предисловия, исходя из указания Федорова, что первое предисловие «есть призыв ученых [...] русских и нерусских к переходу от мысли к делу», а второе – призыв «ученых духовного сана»: 1-м предисловием тогда можно считать начало второй части «Записки...», носящей подзаголовок: «записка от неученых к ученым русским, ученым светским...», а 2-м предисловием – те фрагменты 1-ой части «Записки», которые выросли из писем Н. Ф. Федорова к Амвросию (Ключареву) и Антонию (Храповицкому), на что указывает и письмо 71 (Т. IV наст. изд., с. 253).

стр. 3, строки 21–25 сверху	Армянская область – Урарту-Ассирийских летописей, – которая, по новейшим открытиям, русскими учеными совершенным, играла очень важную роль в древнейшей истории Востока и в судьбах народа Божия, отвлекая силы ассириан на север, – она (Урарту-Армения) замедляла падение царства Израильского	Армянская область, Урарту Ассирийских летописей, которая, по новейшим открытиям, русскими учеными совершенным, играла очень важную роль в древнейшей истории Востока и в судьбах народа Божия: отвлекая силы ассириан на север, она (Урарту-Армения) замедляла падение царства Израильского
стр. 3, строка 26 сверху	царства Божия, царства мира, царства Христова	Царства Божия, Царства мира, Царства Христова
стр. 11, строка 23 сверху	школы музеи	школы-музеи
стр. 25, строка 16 сверху	Федоровчиа	Федоровича
стр. 135, строка 18 снизу	СВЕРХЧЕЛОВЕЧЕСТ ВО, КАК ПОРОК И КАК ДОБРОДЕТЕЛЬ	СВЕРХЧЕЛОВЕЧЕСТВО КАК ПОРОК И КАК ДОБРОДЕТЕЛЬ
стр. 136, строка 16 сверху	БЕССМЕРТИЕ, КАК ПРИВИЛЕГИЯ СВЕРХЧЕЛОВЕКОВ	БЕССМЕРТИЕ КАК ПРИВИЛЕГИЯ СВЕРХЧЕЛОВЕКОВ
стр. 139, строки 17–18 сверху	есть ... смертный ..., то	есть [...] смертный [...], то
стр. 210, строки 22–23 сверху		ЧТО ТАКОЕ РУССКО-ВСЕМИРНАЯ И ВСЕМИРНО-РУССКАЯ ИСТОРИЯ? *Комм.*: Эта и следующая за ней заметка («Русская история – международная история») написаны летом 1901 г. и являются одним из откликов Н. Ф. Федорова на проект реформы средней школы (подробнее см. примеч. 1 к письму 240 (Д, с. 384–386).
стр. 211, строки 14–15 снизу		Приводя в порядок* или, вернее сказать, складывая в одну кучу писанное в разное время об истории... *Комм.*: Федоров имеет в виду собственные сочинения: фрагменты «Записки», значительную часть которой занимал «Исторический очерк», излагавший историософские взгляды мыслителя, и ряд других статей и заметок (ср. заметку: «При разборе бумаг нашел я очень старую программу Истории» – Т. III наст. изд., с. 366).
стр. 211, строка 6 снизу	* В качестве библиотекаря.	* В качестве библиотекаря. (*Примеч. В. А. Кожевникова.*) *Комм.*: Пояснение В. А. Кожевникова неверно. Речь идет о разборе бумаг самого Федорова.
стр. 214, строка 3 снизу	в «Русск. Архиве”	в «Русск. Архиве»
стр. 216, строки 14–26		Поправку см. после таблиц
стр. 303, строка 19 снизу	сын Его	сын его
стр. 312, строка 2 снизу	Кадетстком	Кадетском
стр. 316, строка 1 сверху	глупости	глупость
стр. 434, строка 3 сверху	останется без приложения,	останется без приложения (Примеч. 31),

стр. 434, строка 15 сверху	искусства.	искусства (Примеч. 32).
стр. 435, строка 9 снизу	требование реального и идеального.	требование реального и идеального (Примеч. 33).
стр. 441, строка 22 сверху	(см. Т. III наст. изд.).	(см. Т. IV наст. изд.).
стр. 441, строки 22–23 сверху	[1] Речь идет о заметке Ю. П. Бартенева, ученика Н. Ф. Федорова «Об историческом значении царского титула»	[1] Речь идет о заметке Ю. П. Бартенева, ученика Н. Ф. Федорова, «Царский титул и коронование»
стр. 442, строка 8 сверху	[8] В заметке «Об историческом значении царского титула»	[8] В заметке «Царский титул и коронование»
стр. 442, строка 28 сверху	эволюлции	эволюции
стр. 442, строка 31 сверху	[12] Этот абзац в тексте, помещенном в журнале «Русский архив», отсутствует, но есть в публикации в «Асхабаде».	[12] В части тиража журнала «Русский архив» этот абзац статьи отсутствует, другая же часть тиража его содержит. Интересно, что во втором случае ради вставки абзаца полностью переверстан весь федоровский текст и тут же (сразу после «сокращенного» варианта) вшит в выпуск основного блока журнала. Таким образом, в части тиража «Русского архива» статья напечатана дважды. Последний абзац, по всей видимости, был выпущен по вине типографии, и Федоров, обнаруживший уже в гранках отсутствие фрагмента своей статьи, мог настоять на переверстке. Но так как часть тиража «Русского архива» уже была отпечатана, сброшюрована и разослана подписчикам, то до нас дошли два «варианта» одного журнального выпуска: один обычный, другой – с дважды напечатанной статьей. (Примечание подготовлено *А. В. Знатновым*.)
стр. 444, строки 25–26 сверху	Под *туранцами* Федоров разумеет русских	Под *туранцами* здесь Федоров разумеет русских
стр. 445, строка 1 снизу, стр. 446, строки 1–4 сверху	[62] Мысль о строительстве ∞ на Дальнем Востоке.	[62] В 1890-е – начале 1900-х гг. в России активно разворачивалось строительство Сибирской железной дороги, которая должна была связать Европейскую Россию с Дальним Востоком (дорога шла от Санкт-Петербурга через Челябинск, Омск, Красноярск, Иркутск). В 1898 г. в рамках этого проекта была начата постройка Китайско-восточной железной дороги, продлившей Сибирскую магистраль до портов Владивосток, Порт-Артур и Дальний. В 1902 г. было начато строительство Северной железной дороги Санкт-Петербург–Вологда–Вятка, связывавшей Великий Сибирский путь с русским Севером. Н. Ф. Федоров, писавший данный фрагмент статьи «Самодержавие» в 1901 г., за год до начала строительства Северной дороги, когда этот проект еще только обсуждался в печати, крайним северным пунктом железной дороги называет порт Александровск на Кольском полуострове, основанный в 1899 г.
стр. 446, строка 22 сверху	[68] Речь идет о статьях самого Федорова.	[68] Первая из названных статей принадлежит самому Федорову, вторая – И. А. Борисову, третья – написана Н. Ф. Федоровым совместно с И. А. Борисовым.

стр. 450, строка 16 сверху	на развитие Ренана.	на развитие Ренана. О фрагменте книги Э. Ренана «Жизнь Иисуса», в котором выражена надежда на воскрешение, и его письме к П. Бертло см. примеч. 251 к разделу «Статьи и заметки о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве» (Д, с. 153–154).
стр. 457, строка 14 сверху	Рохолл	Рохолль
стр. 470, строка 24 сверху	(франц.).	(*франц.*). Подробнее о книге Ш. Стоффеля см. примеч. 247 к разделу «Статьи и заметки о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве» (Д, с. 151–153).
стр. 472–473	[275] Эти две статьи ∞ творчества самой жизни.	[275] Об атрибуции и истории создания статьи «Искусство, его смысл и значение» см. примеч. 9 к разделу «Вокруг Федорова» (Д, с. 544).
стр. 475, строка 21 снизу	а возможно и совместно с ним.	а возможно, и совместно с ним. Содержательные и текстуальные совпадения статей объясняются тем обстоятельством, что статья «Об управлении силами природы» была составлена Н. П. Петерсоном именно на основе статьи Ю. П. Бартенева (см. примеч. 17 к разделу «Статьи и заметки о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве» – Д, с. 43).
стр. 479, строка 5 сверху	была напечатана Федоровым	была напечатана Петерсоном
стр. 482, строка 19 сверху	*– 191.*	*– 291.*
стр. 483, строка 4 сверху	Философия общего дела. Верный, 1906	Философия общего дела. Т. I. Верный, 1906
стр. 486, строка 25 сверху	«глубже»	“глубже”
стр. 489, строки 4–5 сверху	Однако цензурный комитет отклонил рукопись.	Однако цензурный комитет отклонил рукопись. Подробнее о цензурной истории работы «В защиту дела и знания» см. преамбулу комментария к письму 98 (Д, с. 298–299).
стр. 489, строка 21 сверху	Первая из этих статей, как указывалось в примеч. 7, принадлежит Федорову, вторая – Ю.П. Бартеневу (см. примеч. 22 к «Статьям» о разоружении и умиротворении).	Первая из этих статей написана Н. Ф. Федоровым совместно с И. А. Борисовым, автором второй является Ю. П. Бартенев (см. примеч. 22 к «Статьям о регуляции природы»).
стр. 492, строки 11–14	Работа печатается ∞ Л. 182–187 об.).	Работа «Музей, его смысл и назначение» вошла во II т. «Философии общего дела» («Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова». Т. II. М., 1913, с. 398–473). В фонде Н. П. Петерсона в ОР РГБ сохранилась ее беловая копия, писанная рукой Н. П. Петерсона (ОР РГБ, ф. 657, к. 5, ед. хр. 22). Во втором томе работа была напечатана не полностью. Заключительная часть ее не попала в издание, вероятно из-за недосмотра Н. П. Петерсона. Сам Н. П. Петерсон выяснил это лишь в 1918 г., обратившись к переписанному им самим тексту работы (см. цитату из его письма к М. Н. Петерсону от 17(30) июля 1918 – Т. III наст. изд., с. 568). Текст выпущенного фрагмента был заново переписан Петерсоном и под названием «Музей, его смысл и назначение (Окончание статьи, напечатанной

		во 2-м томе)» предполагался ко включению в третий том (сохранилась копия работы рукой Н. П. Петерсона: ОР РГБ, ф. 3, ед. хр. 3, лл. 172–181). В наст. изд. статья «Музей» печатается по ее публикации во II томе «Философии общего дела» с присоединением «Дополнения», подготовленного Н. П. Петерсоном.
стр. 495, строка 3 сверху	Сверхчеловечество, как порок и как добродетель	Сверхчеловечество как порок и как добродетель
стр. 495, строка 2 снизу	Бессмертие, как привилегия сверхчеловеков	Бессмертие как привилегия сверхчеловеков

Т. III

оборот титула	Составление, подготовка текста и комментарии А.Г. Гачевой при участии С.Г. Семеновой	Составление, подготовка текста и комментарии А.Г. Гачевой при участии С.Г. Семеновой Публикация материалов из РО ИРЛИ – И.А. Савкина
стр. 26, строка 4 снизу	любителей страны	любителей старины
стр. 27, строка 3 сверху	на Керженце, на Иргизах, на Вятке	на Керженце, на Иргизах, на Ветке *Комм.*: *Керженец, Иргиз, Ветка* – названия духовных центров старообрядчества, своеобразных старообрядческих кремлей. *Керженец* – местность вокруг течения одноименной реки в Семеновском районе Нижегородской области. К началу XVIII в. здесь существовало до ста мужских и женских старообрядческих скитов и обителей, разоренных затем при Петре I. *Ветка* – остров на р. Сож, а также слобода, основанная старообрядцами неподалеку от г. Гомеля. К началу XVIII в. здесь проживало до 40000 жителей, бежавших из разоряемого Керженца и других российских мест; они организовались в многочисленные большие слободы, построили несколько монастырей. Ветка трижды разорялась царскими властями, но несмотря на это вновь обживалась староверами. *Иргиз* – левый приток Волги в юго-восточной части Саратовской и Самарской областей, где по манифесту императрицы Екатерины II от 4 декабря 1762 г. было разрешено свободное поселение возвращавшихся из Польши (с Ветки) старообрядцев. Колонизируя этот необжитый и дикий край, поселенцы-староверы превратили его в житницу России, построили многочисленные слободы, вокруг которых возникло несколько монастырей-скитов. По данным 1828 г., число иноков и инокинь в иргизских монастырях составило около 3000 человек. Иргиз был полностью уничтожен в царствование Николая I. (Примечание подготовлено *А. В. Знатновым*.)

стр. 29, строки 13–14 снизу		в построении храма в с. Каширском Московской вол<ости>, Воронежского уезда и губернии *Комм.:* Речь идет о церкви Покрова Пресвятой Богородицы, строившейся в с. Каширском – ныне пос. городского типа – в конце 1880-х – начале 1890-х гг. (к 1892 г. была уже возведена). Проект церкви был разработан С. Л. Мысловским. Церковь сохранилась до наших дней (см.: «Материалы Свода памятников истории и культуры Российской Федерации. Воронежская область, Каменский, Каширский, Ольховатский, Острогожский, Подгоренский районы». Вып. 2. Ч. 2. М., 1993, с. 14–15). (Сообщено *А. Н. Акиньшиным.*)
стр. 30, строки 11–12 сверху		Примеру каширян последовали кр<естья>не пос. Бирюченского. *Комм.:* Церковь Покрова Пресвятой Богородицы в с. Бирючье строилась с 1892 по 1901 гг. (см. «Материалы Свода памятников истории и культуры Российской Федерации. Воронежская область, Каменский, Каширский, Ольховатский, Острогожский, Подгоренский районы». Вып. 2. Ч. 2, с. 16–17). (Сообщено *А. Н. Акиньшиным.*)
стр. 191, строка 6 снизу	пргресса	прогресса
стр. 378, строка 4 снизу	К. С. Аксакова	И. С. Аксакова
стр. 380, строки 16–20 сверху		Последним ударом, смертельным ∞ до Черного моря. *Комм.:* Речь идет о строительстве Северной железной дороги и проекте железнодорожной линии Санкт-Петербург–Киев–Одесса (см. примеч. 7 к письму 264 (Д, с. 403)).
стр. 380, строки 23–24 сверху		Теперь, когда Германия объявила войну славянам, внутри, в пределах Германии живущим... *Комм.:* См. примеч. 6 к письму 264 (Д, с. 402–403).
стр. 380, строки 16–17 сверху		Истощенный центр ∞ хронические голодовки в Поволжье... *Комм.:* См. примеч. 8 к письму 264 (Д, с. 403).
стр. 382, строки 3–6 сверху		необыкновенное усиление Северо-Американских Штатов ∞ пораженной в самом центре истощением *Комм.:* См. примеч. 5, 8 к письму 264 (Д, с. 402, 403).
стр. 399, строка 1 сверху		КАК НУЖНО ЧИТАТЬ ЕВАНГЕЛИЕ? *Комм.:* По всей видимости, поводом к заметке послужила небольшая статья Л. Н. Толстого «Как читать Евангелие и в чем его сущность?», написанная летом 1896 г. и опубликованная в издании В. Г. Черткова в Лондоне в 1897 г. В статье Л. Н. Толстой делился своим опытом чтения и понимания Евангелия. Отрицая богодухновенность Вечной книги («евангелие никак не есть непогрешимое выражение божеской истины, а произведение бесчисленных рук и умов человеческих, исполненное погрешностей» (*Толстой*, *39*, 115), Толстой утверждал, что при чтении ее следует вычленять простые и

		ясные смыслы, опуская сложные места, поскольку сущность учения Христа состоит именно в том, что окажется вполне открыто и понятно всем людям.
стр. 447, строка 16 снизу	(см. речь Солсбери)	(см. речь Солсбери в Гильдголе)
стр. 479, строка 10 сверху	Великий Могол-Акбар	Великий Могол – Акбар
стр. 528, строка 9 сверху		Туран, Иран и Пушкин или Белинский и Добролюбов. ∞ Новая секулярная Русь не может понять величия Ирана и Турана. *Комм.*: Данный фрагмент может быть датирован второй половиной сентября 1899 г. (аналогичные рассуждения см. в письме Н. Ф. Федорова В. А. Кожевникову от 19–22 сентября 1899 г. (Д, с. 396)).
стр. 541, строки 1–2 снизу	По-видимому, только молиться	По-видимому, [осталось] только молиться
стр. 565, строка 21 сверху	издания.	издания. Ряд материалов был передан ему В. А. Кожевниковым весной 1913 г. через М. Н. Петерсона (ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 28, л. 56).
стр. 566, строка 6 сверху	«Буддизм»	"Буддизм"
стр. 568, строка 16 сверху	объясняет он сыну	объясняет он сыну, М. Н. Петерсону
стр. 569, строка 5 сверху	Евразия, 1829, 4 мая	Евразия, 1929. 4 мая
стр. 569, строки 16–17 сверху	в Пражский Национальный музей	в Чешско-словенский Национальный музей в Праге
стр. 569, строка 18 сверху	В Литературном архиве этого музея	В Литературном архиве этого музея (ныне – Народный музей в Праге)
стр. 569, строка 21 снизу	отчетливо различим почерк М.Н. Петерсона.	отчетливо различим почерк М.Н. Петерсона и И.М. Ивакина.
стр. 569, строка 4 снизу	тисне-ние	тиснение
стр. 570, строка 9 снизу	(см. Т. IV настоящего издания, примечания к разделу «Письма»).	(см. примечания к разделу «Письма» – Д, с. 225–229).
стр. 571, строка 15 сверху	(1828, № 10)	(1928, № 10)
стр. 573, строки 24–25 сверху	(с 1869 по 1873)	(1869–1972)
стр. 573, строки 8–9 снизу	В 1873 г., после закрытия Чертковской библиотеки, некоторое время даже живет в Керенске	В 1874 г. некоторое время даже живет в Керенске
стр. 574, строки 13–14	были напечатаны «Исторические очерки Керенского края»	был напечатан «Исторический очерк Керенского края»
стр. 574, строка 17 сверху	Самаре, Воронеже, Ашхабаде.	Воронеже, Ашхабаде.
стр. 574, строки 17–19 сверху	Кстати, уже после смерти мыслителя в «Русском архиве» были опубликованы два найденных и записанных им документа: историческая грамота XIV века и легенда «Бытие крестного сына» («Русский архив», 1915, № 11–12, с. 282–303).	Кстати, уже после смерти мыслителя в «Русском архиве» была опубликована найденная им «Грамота царей Иоанна и Петра Алексеевичей Керенскому Воеводе Стольнику Ивану Савиновичу Чюбарову» («Русский архив», 1915, № 11–12, с. 282–295). В том же номере журнала была помещена легенда «Бытие крестного сына», запись которой также атрибутировалась публикаторами Н. Ф. Федорову (см. там же, с. 296–305). Однако, как удалось установить, легенда была записана не Н. Ф. Федоровым, а его однофамильцем. Среди писем П. И. Бартеневу

		в РГАЛИ хранится письмо автора записи легенды от 10 февраля 1892 г. из Самары, подписанное «Н. Федоров», однако почерк на письме другой, по стилю письмо также не федоровское, а обращение «Г. редактор» не оставляет никакого сомнения, что перед нами однофамилец философа: Федоров, хорошо знавший П. И. Бартенева, не мог обратиться к нему подобным образом (текст письма см.: РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 584, л. 81).
стр. 576, строка 14 снизу	1892 г.	1892 г. (в 1893 г. переведена на русский язык).
стр. 580, строка 15 снизу	осмысленно	осмыслено
стр. 583, строки 14–16 сверху	В 1877 г., отправив Ф.М. Достоевскому письмо с собственным изложением идей Федорова, Петерсон приложил к нему тетрадку под заглавием «Чем должна быть народная школа?»	В 1877 г. Н. П. Петерсон отправил Ф. М. Достоевскому статью «Чем должна быть народная школа?», в которой дал собственное изложение идей Федорова.
стр. 586, строка 13 снизу	изложил на обратном пути снова в Ташкенте	изложил спустя три недели в Ташкенте
стр. 589, строка 28 сверху	(1899, № 1)	(1900, № 1)
стр. 593, строка 23 снизу	М., 1937.	М., 1837.
стр. 602, строки 4–6 сверху	Она была написана Федоровым в 1895 г. (см. письмо к Н. П. Петерсону от 1 октября 1895 г.), доделывалась летом 1896 г. и дополнялась весной 1897 г.;	Она была задумана Федоровым в 1895 г. (см. письмо к Н. П. Петерсону от 1 октября 1895 г.), писалась летом 1896 г. и дополнялась весной 1897 г.;
стр. 612, строка 22 снизу	*В.И.* – неустановленное лицо.	*Вячеслав Иванович* (*В.И.*) – неустановленное лицо.
стр. 616, строка 25 снизу	[166] Оригинал не разыскан. Печатается по копии, сделанной Н.П. Петерсоном: ОР РГБ, ф. 657, к. 3, ед. хр. 3, лл. 330–332, 335.	[166] Оригинал статьи рукой Н. П. Петерсона с поправками Н. Ф. Федорова сохранился лишь частично (ОР РГБ, ф. 657, к. 3, ед. хр. 3, лл. 330–330 об., 333–334 об.). Копия рукой Н. П. Петерсона – там же, лл. 331–332, 335.
стр. 619, строки 17–18 снизу	(Копия рукой Н.П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, лл. 324–326).	(Копия рукой Н.П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, лл. 324–326; копия рукой неустановленного лица – там же, лл. 336–343).
стр. 624, строка 12 снизу	[228] Оригинал не разыскан. Печатается по копии, сделанной Н.П. Петерсоном: ОР РГБ, ф. 657, к. 3, ед. хр. 3, лл. 346–347.	[228] Оригинал – рукой И. М. Ивакина (ОР РГБ, ф. 657, к. 3, ед. хр. 3, лл. 161–163). Копия рукой Н. П. Петерсона – там же, лл. 346–347.
стр. 626, строка 17 снизу	[244] Оригинал не разыскан. Печатается по копии рукой Н.П. Петерсона: ф. 657, к. 3, ед. хр. 3, лл. 344–347.	[244] Оригинал – рукой И. М. Ивакина с поправками и приписками Н. Ф. Федорова, сделанными простым карандашом (ОР РГБ, ф. 657, к. 3, ед. хр. 3, лл. 157–160). Копия рукой Н. П. Петерсона – там же, лл. 344–347.
стр. 628, строки 10–11 снизу	Черновик статьи, написанной Федоровым в Воронеже между концом августа – серединой сентября 1898 г. и посланной в редакцию	Черновик статьи, написанной Федоровым в Воронеже в начале августа 1898 г. и переданной в редакцию «Московских ведомостей» по приезде в Москву.

	«Московских ведомостей».	
стр. 629, строки 21–22 сверху	[264] В момент написания черновика статьи у Федорова еще не было в руках изображения памятника Александру II.	[264] В момент написания статьи Федоров, находившийся в Воронеже, воочию еще не видел готового памятника Александру II. Тем не менее общее представление о нем он имел: во все время строительства на площадке рядом с возводимым монументом стоял его макет, по размеру точно соответствовавший будущему памятнику. Кроме того, в периодике регулярно появлялись статьи, посвященные проекту памятника и ходу строительных работ.
стр. 629, строка 18 снизу	М.В. Веневитинова	М.А. Веневитинова
стр. 630, строки 10–12 сверху	[272] Заметка написана осенью 1898 г. ∞ и затерялся там.	[272] Заметка написана в сентябре 1898 г. (см. примеч. 5 к письму 158 (Д, 335–336)).
стр. 632, строки 9–10 сверху	Топографически музей и архив (с 1876 г. помещавшийся на Воздвиженке) также были близки	Топографически музей и архив (с 1876 г. помещавшийся на Воздвиженке – на его месте ныне находится здание РГБ) также были близки
стр. 632, строка 1 сверху	Ивану Алексеевичу Борисову	Ивану Александровичу Борисову
стр. 641, строка 10 сверху	Бухонов Константин Иванович	Бухонов Константин Иванович (1858 – после 1917) (Указано *А. Н. Акиньшиным.*)
стр. 641, строки 23–24 сверху	Выставка, посвященная св. *Тихону Задонскому*, была устроена к 50-летию со дня его канонизации	Выставка, посвященная св. *Тихону Задонскому*, была устроена воронежским Церковным историко-археологическим комитетом к 50-летию со дня его канонизации. (Указано *А. Н. Акиньшиным.*)
стр. 641, строка 16 снизу	журнала «Богословский вестник» за 1896 г.	журнала «Богословский вестник» за 1898 г.
стр. 645, строка 15 снизу	Речь идет о Лжедмитрии I (?–1610)	Речь идет о Лжедмитрии I (?–1606)
стр. 646, строка 24 снизу	Игнатии Брянчанинове, Н.И. Костомарове, А.В. Кольцове,	Н. И. Костомарове, А. В. Кольцове,
стр. 647, строка 10	А.Б. Солнцеву.	А. Б. Солнцеву (речь идет о губернаторе Александре Борисовиче Сонцове (1740-е гг. – 1811. – *Сост.*). (Указано *А. Н. Акиньшиным.*)
стр. 647, строка 28 сверху	позднее – ректор Воронежской духовной семинарии.	позднее – префект Воронежской духовной семинарии. (Указано *А. Н. Акиньшиным.*)
стр. 647, строки 30–31 сверху	С 1799 – в Петербурге	С 1800 – в Петербурге (Указано *А. Н. Акиньшиным.*)
стр. 648, строка 1 снизу – стр. 649, строки 1–2 сверху	С 1891 г. возглавлял губернский статистический комитет. Был одним из организаторов Воронежского губернского музея, кружка любителей рисования и бесплатной рисовальной школы.	В 1900–1903 гг. возглавлял Воронежскую ученую архивную комиссию. Был одним из организаторов кружка любителей рисования и бесплатной рисовальной школы. (Указано *А. Н. Акиньшиным.*)
стр. 650, строка 13 сверху	«Новое время»	«Новое дело»
стр. 653, строка 11 снизу	писавшейся весной 1899 г.	писавшейся зимой–весной 1899 г.

стр. 655, строки 5–6 сверху	(воспроизведены в Т. IV наст. изд.).	(воспроизведены в томе «Дополнения. Комментарии к Т. IV»).
стр. 656, строка 24 сверху	Статья была написана Н. Ф. Федоровым сразу же по возвращении в Асхабад из путешествия на Памир (см. преамбулу).	Статья была написана Н. Ф. Федоровым в Асхабаде в сентябре 1899 г.
стр. 661, строки 15–16	«не было видно ни личной жизни, ни службы в обычном смысле»	«не было видно ни личной жизни [...], ни службы [...] в обычном смысле»
стр. 663, строка 19 снизу	как бы принадлежит общественности.	как бы принадлежит общественности. Возможна и другая гипотеза: Н. Ф. Федоров привлек внимание А. Ф. Филиппова к статье «Долг авторов по отношению к публичным библиотекам» и отклику на нее в газете «Московские ведомости», не сообщив о своем авторстве.
стр. 666, строка 24 сверху	«Дон», 1898, 22 октября	«Дон», 1896, 22 октября
стр. 667, строка 28 сверху	А. Хитров	М. Хитров
стр. 667, строка 30 сверху	«от Н.Ф. Ф»	«от Н. Ф. Ф.»
стр. 668, строка 18 сверху	с.62–65.	с. 62–65.
стр. 668, строки 7–8 снизу	«Замерзшая библиотека»	«“Замерзшая” библиотека»
стр. 669, строки 4–5 сверху	«Замерзшая библиотека»	«“Замерзшая” библиотека»
стр. 671, строка 10 сверху	Екатериной II	Елизаветой Петровной
стр. 681, строка 12 сверху	к Т. IV наст. изд.).	к Т. IV наст. изд.). Вторая часть заметки опубликована в Т. IV наст. изд., с. 165).
стр. 682, строки 1–2 сверху	«Библиотеки и музейно-библиотечное образование».	«Библиотеки и музейно-библиотечное образование», а также преамбулу комментария к письму 283 (Д, с. 432–433).
стр. 682, строка 14 сверху	хр. 5;	хр. 5, лл. 3–4 об.
стр. 687, строка 11 сверху	«*Исторический очерк*» – III часть «Записки».	«*Исторический очерк*» – см. примеч. 2 к письму 48 – Т. IV наст. изд., с. 263–264.
стр. 690, строка 29 сверху	М.И .Хитров	М.И. Хитров
стр. 692, строка 20 снизу	лл. 37–38).	лл. 37–38). Заметка написана в конце мая 1902 г.
стр. 693, строки 8–9 сверху	Ахал-Техинского	Ахал-Текинского
стр. 693, строка 27 сверху	принимал участие Н.П. Петерсон.	принимал участие Н. П. Петерсон. Позднее, ознакомившись с этой заметкой в период подготовки к печати I тома «Философии общего дела», Н. П. Петерсон предлагал В. А. Кожевникову вычеркнуть из статьи «Самодержавие» фразу «а не сень, не подобие, прообраз, не метафора, не внутреннее лишь и таинственное действие», замечая при этом: «Н<ико>лай Ф<едорови>ч приписывает вставку этих слов мне; не смея спорить против такого обвинения, я не могу не удивиться, что мог решиться на такую прибавку. Бывало, что я вставлял свои слова в написанное под его диктовку и переписывавшееся в мое отсутствие и отправлявшееся к нему в Москву, но обыкновенно вставки ограничивались тем, что я вставлял в предложение сказуемое или что-либо подобное, забытое при писании под диктовку; часто бывало, что мысль ясна, а предложения нет, тут я позволял себе

		некоторые, весьма незначительные прибавки и изменения; но все так мною написанное отправлялось к Н<икола>ю Ф<едорови>чу, который, если находил что-либо неверным, изменял и сообщал мне. Приходилось иногда делать перестановки, всегда почти одобряемые Н<иколае>м Ф<едорови>чем. Такой же большой прибавки и притом сделанной без нужды я не помню, чтобы я делал; но во всяком случае слова эти нужно выкинуть» (письмо В. А. Кожевникову от 8 ноября 1904 // ОР РГБ, ф. 657, к. 10, ед. хр. 24, лл. 78 об. – 79). В том же письме Кожевникову Петерсон высказывался и по поводу двух других замечаний Федорова, выраженных в заметке «Что русское православие есть дело, осуществление...»: «...если тут и есть некоторая неточность в приведенных Н<иколае>м Ф<едорови>чем словах, то она сейчас же исправляется последующим, и если сделать исправления согласно указаниям Н<икола>я Ф<едорови>ча, то трудно бы избежать тождесловия. Что же касается до смешения двух актов – объединения, или братотворения, и воскрешения, – то перечитав все самодержавие, я не усмотрел такого смешения» (там же, л. 79 об.).
стр. 699, строки 11–13 снизу.	[62] В архиве Н.П. Петерсона сохранилась ∞ с учетом оригинала.	[62] Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 3, ед. хр. 3, лл. 78–79 об. (копия рукой Н. П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 3, лл. 80–84).
стр. 706, строки 23–24 снизу	что к статье С.С. Слуцкого, содержавшей предложение	что к статье, содержавшей предложение
стр. 711, строка 19 снизу	Томазо де Челано	Томмазо да Челано
стр. 711, строка15 снизу – стр. 712, строка 11 сверху	Статья «Власть звука. Мысли о воспитательно-образовательных задачах музыки» писалась ∞ Новый вариант статьи так и не был написан.	Уточненный комментарий см. в примеч. 2 к письму 123 (Д, с. 314).
стр. 714, строка 7 сверху	См. фотографии в Т. IV наст. изд.	См. фотографии в томе «Дополнения. Комментарии к Т. IV».
стр. 717, строка 15 сверху	[57] в виде голубя.	в виде голубя. В копии статьи слова «но без Сына» зачеркнуты красным карандашом. В выражении «Бог без отцов» слова «без отцов» также зачеркнуты красным (см.: ОР РГБ, ф. 657, к. 3, ед. хр. 3, л. 302).
стр. 717, строка 25 сверху	6 октября. № 106	6 октября, № 112
стр. 717, строка 17 снизу	10 октября, № 112	10 октября, № 114
стр. 725, строка 2 сверху	в 1990 г.	в 1900 г.
стр. 726, строка 28 сверху	Замысел статьи о Пушкине возник у Н.Ф. Федорова весной 1899 г.	Замысел статьи о Пушкине возник у Н. Ф. Федорова весной 1899 г. Но первые наброски по поводу Пушкинского юбилея были сделаны еще зимой. 28 января (9 февраля) 1899 г. в газете «Новое время», которую Н. Ф. Федоров регулярно читал, появилась статья «К чествованию Пушкина», в которой излагалась программа пушкинских торжеств, разработанная Императорской Академией наук. В рамках этой

		программы предполагалось торжественное публичное заседание Академии «с произнесением речей и исполнением особо написанной по этому случаю кантаты», организация в академии Пушкинской выставки, театральные представления из произведений поэта (они должны были пройти в апреле, на Святой неделе), причем представления в Александринском и Большом театрах должен был завершать апофеоз: «А. С. Пушкин и его муза, окруженные группами из произведений поэта». А перед бюстом А. С. Пушкина артисты, хор и оркестр Императорских театров должны были исполнить «Славу». Чествование памяти Пушкина предполагало также устройство вечеров в учебных заведений, проведение художественных празднеств, организацию народных чтений «с туманными картинами» из произведений Пушкина. В самый же день 26 мая было положено «просить подлежащие духовные власти» отслужить «заупокойную литургию и панихиду по почившем поэте» в Москве, Санкт-Петербурге и Святогорском монастыре и выражалась надежда на то, что российское духовенство откликнется на призыв помолиться за упокой души поэта и отслужит поминальные службы и «в других храмах обеих столиц и прочих городов, а равно в церквах при учебных заведениях» («Новое время», 28 января (9 февраля) 1899 г., № 8233). В течение всей зимы и весны 1899 г. практически в каждом номере газеты появлялись сведения о поступающих пожертвованиях на памятник Пушкину, сообщалось о новых предложениях по увековечению памяти поэта (создать народный дом имени Пушкина («Новое время», 30 января (11 февраля) 1899, № 8235), основать Пантеон («Новое время», 9(21) февраля 1899, № 8245) и др.). Отголоски указанных публикаций отчетливо ощутимы в тексте статьи «К Пушкинскому юбилею». По всей видимости, Н. Ф. Федоров делал некоторые наброски по следам свежих впечатлений. И все больше склонялся к необходимости писать отдельную статью по поводу юбилейных торжеств.
стр. 728, строки 1–2 сверху	[148] *Миллер* Всеволод Федорович (1848–1913) – русский фольклорист, языковед, этнограф, археолог. – *525*.	[148] 9(21) февраля 1899 г. в № 8245 «Нового времени» в рубрике «Маленькая хроника» появилась заметка, посвященная предложению бывшего воспитанника Александринского лицея *П. И. Миллера* «основать для русских великих людей Пантеон». По мысли Миллера, основание Пантеона станет «поучительным, возвышающим народным торжеством», ибо «великий народ не может и не должен забывать своих гениев, героев; этого требует его величие, в этом залог сознательного отношения его к своей истории». Открытие коллективной усыпальницы великих русских людей, наподобие Вестминстерского аббатства в Англии, Ка-

		питолия в Вашингтоне, парижского Пантеона, – усыпальницы, которая не обязательно будет носить греческое название «пантеон», но непременно будет иметь на своем фронтоне слова «вечная память», П. И. Миллер и предлагал приурочить к пушкинским торжествам. Комментируемый фрагмент статьи «К Пушкинскому юбилею» написан непосредственно на материале заметки «Нового времени»: в ней упоминался также «проект нового музея в Москве (Чертог славы)», который Федоров называет ниже. *Памятник Суворову* – в 1898–1899 гг., в связи с предстоявшим 100-летием со дня смерти А. В. Суворова, которое должно было праздноваться 6 мая 1900 г., собирались пожертвования на возведение памятника-музея имени знаменитого полководца (см.: «Памятник Суворову» // «Новое время», 23 января (4 февраля) 1899, № 8228). – 525.
стр. 731, строка 23 сверху	(Текст стихотворения вместе с письмом хранятся в: ОР РГБ, к. 9, ед. хр. 88.)	(Текст стихотворения вместе с письмом хранятся в: ОР РГБ, к. 9, ед. хр. 88; стихотворение опубликовано: «Русский вестник», 1897, № 11.)

Т. IV

стр. 243, строка 18 сверху	Борисов	Барсов
стр. 245, строка 10 снизу	Борисову	Барсову
стр. 248, строка 16 сверху	Деятельность Илии начинается возвещением бездождия, разве по его слову.	Деятельность Илии начинается возвещением бездождия разве по его слову?
стр. 296, строка 8 снизу	После 27 октября 1895	Ноябрь – начало декабря 1895
стр. 331, строка 18 сверху	1 части	1 части статьи
стр. 400, строка14 снизу	Вторая половина сентября 1899	Вторая половина сентября – начало октября 1899
стр. 458, строка 5 снизу	между 10 и 17 марта	Между 10 и 17 марта
стр. 467, строки 18–19 снизу	словесные выражения	словесные возражения
стр. 478, строка 3 сверху	После 13 сентября 1902. Москва	После 13 сентября 1902. Москва *Черновое*
стр. 567, строка 2 сверху	ЖИТЬ ИЛИ НЕ ЖИТЬ	ЖИТЬ ИЛИ НЕ ЖИТЬ?
стр. 590, строка 16 снизу	«возьми камень и коси»	«возьми камень и носи»
стр. 618, строка 1 сверху	из крестьян Острожского уезда	из крестьян Острогожского уезда
стр. 629, строка 5 снизу	Июль – начало августа 1882	Июнь–июль 1882
стр. 636, строка 6 сверху	Между 7 декабря 1894 и концом октября 1895	Между 30 октября и началом декабря 1895
стр. 655, строка 23 сверху	карван	корван
стр. 671, строка 12 снизу	Сентябрь–декабрь 1901.	Конец января – первая половина февраля 1904.
стр. 680, строка 9 сверху	После 27 октября 1895	Ноябрь – начало декабря 1895
стр. 685, строка 1 сверху	Жить или не жить	Жить или не жить?
стр. 686, строки 15–16 снизу	Между 7 декабря 1894 и концом октября 1895	Между 30 октября и началом декабря 1895
стр. 687, строка 5 снизу	Сентябрь–декабрь 1901.	Конец января – первая половина февраля 1904.

стр. 44, строки 27–28 сверху	В «Русском обозрении» в 1897 г. были напечатаны стихотворение В. А. Кожевникова «Да приидет Царствие Твое!» и поэма «Лука Элладский».	В «Русском обозрении» в 1897 г. была напечатана поэма В. А. Кожевникова «Лука Элладский».
стр. 254, строка 13 сверху	Уйда	Уйд
стр. 386, строки 16–17 сверху	все они в настоящее время неизвестны.	все они в настоящее время неизвестны. Лишь две статьи, вошедшие во второй том «Философии общего дела», – «Что такое русско-всемирная и всемирно-русская история?», «Русская история – международная история», – содержат в себе отклики на школьную реформу. Мыслитель набрасывает в них своего рода краткий конспект, воображаемую «программу русско-всемирной и всемирно-русской истории», призванной служить воспитанию умов и сердец в духе учения всеобщего дела (Т. II, с. 210)
стр. 479, строка 7 сверху	*ПИСЬМА Н. П. ПЕТЕРСОНА К Н. Ф. ФЕДОРОВУ*	*ПИСЬМА Н. П. ПЕТЕРСОНА Н. Ф. ФЕДОРОВУ*

В Т. II на с. 216 со слов «Первым знаком самого христианства...» следует читать:

Первым знаком самого христианства была монограмма Христа, составленная из двух первых букв Его имени, то переходящих в крест, то соединяемых с крестом: Здесь мы имеем обратное превращение фонетического письма в идеографическое. — это знамение Христа распятого. Следующая монограмма — Христа торжествующего

Слияние двух или немногих букв в одну и составляет монограмматическое письмо, к которому присоединились и другие знаки. Крест, пронзающий дракона или монограмма, соединенная с Т, который вонзается в свернувшегося кольцом змея, означает победу христианства над языческою мудростью, так как змей у богини мудрости изображен на шлеме; змей же обвивает треножник бога искусств, поэзии, в форме коей давались прорицания; змей и на жезле Эскулапа... Православие в борьбе с арианами присоединило к монограмме Христа буквы Д и Ѳ для обозначения божественного естества Христова...

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Ф. Федоров

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

Дополнения. Комментарии к Т. IV

Художественный редактор *В. А. Пузанков*
Верстка и оригинал-макет *О. И. Севрюгиной*

Президент Фонда *Е. Д. Горжевская*
Зав. производством *Н. П. Романова*

Лицензия ЛР № 030624 от 01. 12. 94.

Подписано в печать 14.11.00. Формат 70x100 1/16.
Гарнитура таймс. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 51,6 + 2 п.л. илл. Уч.-изд. л. 65,8
Заказ № 183

Фонд «Традиция»
Москва, Калашный пер., д. 10, стр. 2.

ОАО "Астра семь"
121019, Москва, Филипповский пер., 13.

ISBN 5-89493-017-0

9785894930176